ТВОРЕЦ МИРОВ,
ПОВЕЛИТЕЛЬ
ФАНТАЗИЙ

Филип
ФАРМЕР

Мир Реки:
Темные замыслы

ВВЕРХ
ПО РЕКЕ
ФАНТАЗИИ

ЭКСМО

Филип
ФАРМЕР

Мир Реки:
Темные замыслы

Филип
ФАРМЕР
Миф Реки:
Темные
замыслы

Филип
ФАРМЕР

Мир Реки

•

В тела свои разбросанные вернитесь

•

Волшебный корабль

•

Темные замыслы

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2007

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Филип

ФАРМЕР

Мир Реки:
Темные замыслы

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)
Ф 24

Philip José Farmer
RIVERWORLD

To Your Scattered Budies Go © 1971 by Philip José Farmer
The Fabulous Riverboat © 1971 by Philip José Farmer
The Dark Design © 1977 by Philip José Farmer

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Фармер Ф. Х.

Ф 24 Мир Реки: Темные замыслы: Фантастические романы / Филип Фармер; [пер. с англ.]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2007. — 960 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-21953-7

Наряду со знаменитым «Многоярусным миром» «Мир Реки» Филипа Хосе Фармера — вершина творчества этого великого мастера. Грандиозный замысел эпопеи, действие которой разворачивается на берегах таинственной Реки, опоясывающей планету, где проживают воскрешенные неизвестно кем и непонятно для каких целей миллиарды представителей человечества всех эпох, стран и народов, великие исторические личности, непосредственно участвующие в сюжете, блеск фантазии и радуга приключений — это и есть причина причисления «Мира Реки» к классике не только фантастики, но и мировой литературы в целом.

**УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)**

© Перевод. Н. Сосновская, С. Трофимов, В. Ковалевский, Н. Штуцер, 2007
© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-21953-7

В тела свои разбросанные вернитесь

Глава 1

Жена крепко обнимала его, словно могла спрятать от смерти.

Он выкрикнул:

— Боже, я мертвец!

Дверь распахнулась, и он увидел за порогом громадного черного одногорбого верблюда и услышал звон колокольчиков на его сбруе, которых коснулся горячий ветер пустыни. А потом в дверном проеме возникло огромное черное лицо человека в высоченном черном тюрбане. Черный евнух переступил порог, двигаясь подобно грозовой туче и сжимая в руке здоровенный ятаган. Смерть — Губительница Наслаждений и Разлучительница Собраний — наконец явилась.

Чернота. Пустота. Он даже не знал, что сердце его остановилось навеки. Пустота.

А потом его глаза открылись. Сердце билось ровно. Он был силен, очень силен. Подагрическая боль в ногах, страшное жжение в печени, муки больного сердца — все исчезло.

Было так тихо, что он слышал, как течет кровь, как она шумит в висках. Он был совсем один в мире беззвучия.

Повсюду горел ровный яркий свет. Он видел, но не понимал, что же видит. Что это такое — вверху, рядом, внизу? Где он находится?

Он попытался сесть, и ему стало страшно. Сидеть было не на чем — он висел в пустоте. Попытавшись сесть, он приподнялся вверх и кувыркнулся — медленно-медленно, словно находился в ванне, наполненной жидкой патокой. На расстоянии фута от кончиков пальцев ног он разглядел стержень из ярко-алого металла. Стержень шел сверху, из бесконечности, и уходил в бесконеч-

---

© Перевод Н. Сосновской.

ность. Он попробовал дотянуться до стержня, поскольку тот был единственным прочным предметом, но что-то невидимое помешало ему. Какие-то силы отталкивали, отбрасывали его.

Он медленно перекувырнулся. А потом сопротивление остановило его — так, что кончики пальцев ног оказались примерно в шести дюймах от стержня. Он выпрямился, вытянулся и продвинулся вперед на долю дюйма. В тот же миг его тело начало вращаться вокруг продольной оси. Он сделал вдох, издав при этом громкий скрипучий звук. Хотя он понимал, что держаться не за что, он все-таки бессознательно раскинул руки, пытаясь за что-нибудь ухватиться.

Теперь он оказался лицом «вниз» — или, может быть, «вверх»? Каково бы ни было это положение, оно было противоположно тому, в каком он очнулся. Но это вряд ли имело значение. «Вверху» и «внизу» все выглядело совершенно одинаково. Он висел в пространстве, и ему не давал упасть невидимый и неощущаемый кокон. В шести футах «внизу» он увидел тело женщины с поразительно бледной кожей. Женщина была обнаженная и совершенно лысая. Казалось, она спит. Глаза ее были закрыты, грудь тихо вздымалась и опадала, ноги были плотно сжаты и вытянуты, руки прижаты к телу. Она медленно вращалась, словно цыпленок на вертеле.

Та же сила, что вращала женщину, вращала и его. Медленно отвернувшись от женщины, он увидел другие обнаженные тела — мужские, женские и детские, расположившиеся безмолвными вращающимися рядами. Над ним вертелось голое безволосое тело негра.

Он опустил голову, чтобы рассмотреть себя. И он тоже был гол и без волос. Кожа у него была гладкая, на животе бугрились мышцы, бедра покрывали крепкие молодые мускулы. Вены, выступавшие прежде, словно синеватые дамбы, исчезли. У него теперь не было тела слабого и больного шестидесятидевятилетнего старика, который умирал всего лишь мгновение назад. Почти сотня его шрамов пропала, словно их и не было.

Он обнаружил, что среди тел, окружавших его, нет стариков и старух. Казалось, всем этим людям лет по двадцать пять, хотя точный возраст определить было трудно — из-за отсутствия волос на головах и лобках люди выглядели и моложе, и старее одновременно.

Он кичился тем, что ему неведом страх. А теперь от ужаса крик застрял у него в горле комком. Страх сжимал его и высасывал из него новую жизнь.

Сначала он оцепенел оттого, что еще жив. А потом все его чувства словно отмерли из-за того, что он понял, что висит в пространстве, и увидел, где находится. Он видел и ощущал все так, словно смотрел сквозь толстое полупрозрачное окно. Но через несколько секунд что-то внутри его шевельнулось. Он почти услышал, как это произошло — будто окно неожиданно распахнулось.

Мир принял очертания, которые он стал чувствовать, хотя и не понимал, как именно. Выше его, по обе стороны и ниже, насколько хватало глаз, плыли тела. Они располагались вертикальными и горизонтальными рядами. Ряды, уходящие вверх и вниз, разделялись алыми стержнями, тонкими, словно ивовые прутики. Один из стержней тянулся в двенадцати дюймах от их голов. Каждое тело находилось примерно в шести футах от тел, расположенных выше, ниже и по обе стороны.

Стержни поднимались из бездонной бездны и уходили в бездну, не имевшую конца. Серая даль, в которой уже не было видно ни стержней, ни тел — вверху и внизу, справа и слева,— эта даль не была ни небом, ни землей. Ничего не было в этой дали, кроме безжизненности бесконечности.

По одну сторону от него находился темнокожий мужчина с тосканскими чертами лица. По другую — индус. Внизу — крупный мужчина нордического типа. Только повернувшись вокруг своей оси в третий раз, он понял, почему этот человек кажется ему таким странным: правая рука его, начиная от локтя, была красная. Казалось, с нее содрана кожа.

Несколько секунд спустя он увидел в нескольких рядах в стороне тело взрослого мужчины, начисто лишенное кожи и мышц лица.

Были и другие тела, пребывавшие не в полной целости и сохранности. Далеко от него, не слишком хорошо видимый, вращался скелет, внутри которого сплелись внутренние органы.

Он продолжал вращаться и смотреть по сторонам, а сердце его жутко колотилось в груди. Теперь он понимал, что находится в какой-то колоссальной камере, и что металлические стержни излучают какую-то силу, и эта сила каким-то образом удерживает и вращает миллионы — а может быть, и миллиарды — человеческих существ.

Где же находилось это место?

Уж точно, это не город Триест в Австро-Венгерской империи в 1890 году.

То, что он видел, не походило на те ад и рай, про которые он когда-либо слышал или читал,— а он считал, что знаком со всеми теориями о жизни после смерти.

Он умер. А теперь был жив. Всю свою жизнь он подтрунивал над понятием загробной жизни. Впервые он не мог отрицать своей ошибки. Но не было никого, кто мог бы сказать ему: «Говорил же я тебе, что это так, проклятый ты неверующий!»

Из миллионов людей только он один не спал.

Совершая примерно один оборот за десять секунд, он заметил нечто такое, от чего чуть не задохнулся от изумления. В пяти рядах от него вращалось тело, казавшееся на первый взгляд человеческим. Но ни у одного представителя рода homo sapiens не могло быть по четыре пальца на руках и ногах. Носа и тонких черных кожистых губ, напоминающих собачьи. Мошонки, усеянной множеством крошечных, похожих на кнопки бугорков. Ушей с такими странными извилинами.

Страх утихал. Сердце перестало бешено колотиться, хотя до спокойного сердцебиения было еще далеко. Мозг вышел из состояния ступора. Он должен был расстаться с этим дурацким положением, в котором был беспомощен, как боров на вертеле. Он должен был добраться до того, кто бы объяснил ему, что он здесь делает, как попал сюда и почему.

А решить означало действовать.

Он согнул ноги и резко выпрямил и обнаружил, что это движение, а вернее — отдача, продвинуло его вперед на полдюйма. Он снова и снова бил ногами и боролся с сопротивлением. Но стоило ему остановиться, как его медленно возвращало в первоначальное положение. А ноги и руки мягко, но настойчиво выпрямлялись и прижимались к телу.

Неистово дрыгая ногами и разводя руками на манер пловца, он добился того, что стал мало-помалу продвигаться к стержню. И чем ближе к стержню, тем сильнее становилось сопротивление невидимых пут. Он не сдавался. Сдайся он — его бы отнесло назад, и тогда у него уже не осталось бы сил, чтобы снова начать борьбу. Он не привык сдаваться до тех пор, покуда не изнемогал окончательно.

Он хрипло дышал, он взмок от пота, руки и ноги у него двигались так, словно он барахтался в густом желе, а продвижение почти не ощущалось. А потом кончики пальцев левой руки коснулись стержня, и тот оказался теплым и твердым на ощупь.

И вдруг он почувствовал, где находится «низ»,— потому что упал.

Прикосновение к стержню словно разрушило заклинание. Паутина воздуха вокруг него беззвучно рассыпалась. Он падал.

Стержень находился довольно близко, до него можно было дотянуться. Он ухватился за стержень, падение приостановилось, и он больно ударился о него бедром. Он скользил вниз, сжимая стержень рукой, и кожа на ладони нестерпимо горела. Потом он дотянулся до стержня другой рукой и перестал скользить вниз.

И тогда он ощутил взмокшей от пота спиной движение воздуха, заставившее его крутануться назад. Позади, в покинутых им вертикальных рядах тел, спящие начали падать вниз. Друг за другом, будто выпадая из открытых люков, медленно вращаясь, тела людей неслись мимо него. Головы едва не задевали его, пролетая в нескольких дюймах. Ему повезло — его не сбили, не отбросили от стержня, и потому он не полетел в бездну следом за другими.

А они все падали и падали друг за другом, бесконечной чередой. Тело за телом мчалось вниз по обе стороны от стержня, а в это время в других рядах миллионы миллионов продолжали спать.

Некоторое время он смотрел на падающие тела. А потом принялся считать их — он всегда был заядлым любителем подсчетов. Но, досчитав до трех тысяч одного, он прекратил счет. Потом он просто смотрел и смотрел на водопад плоти. Откуда, с какой же высоты они падали? И как низко могли упасть? Это он, сам того не желая, заставил их ринуться вниз, когда разорвал те силы, что исходили от стержня.

Взобраться по стержню вверх он не мог, но зато мог скользить вдоль него вниз. Он начал опускаться, но потом посмотрел вверх и забыл о мчащихся мимо телах. Где-то высоко-высоко слышалось жужжание, перекрывавшее шипящий звук падения тел.

Между колоннами падающих тел и соседней колонной тех, что по-прежнему висели в пространстве, опускалось какое-то судно из ярко-зеленого вещества, в форме каноэ. У воздушного каноэ не было никаких видимых опор, которые удерживали бы его — так он подумал,— и только из-за жуткого испуга он даже забыл

о пришедшей в голову мысли. «Никаких видимых опор, которые удерживали бы его». Совсем как волшебный ковер-самолет из «Тысячи и одной ночи».

Над краем борта лодки появилось лицо. Судно остановилось, и жужжание прекратилось. Рядом с первым лицом появилось второе. У обоих находившихся в лодке были длинные, темные, прямые волосы. Потом лица исчезли, жужжание зазвучало вновь, и каноэ снова начало опускаться к нему. Не долетев до него пяти футов, каноэ остановилось. На носу лодочки виднелся единственный знак: белая спираль, раскрывавшаяся вправо. Один из тех, что сидели в лодке, заговорил на языке, в котором было множество гласных звуков и отчетливые и часто повторяющиеся гортанные запинки. Язык этот напоминал полинезийский.

Неожиданно невидимый кокон, облегавший его, возник снова. Скорость падения тел замедлилась, и через некоторое время они перестали падать. Человек, державшийся за стержень, почувствовал, как удерживающая сила ухватила его и приподняла. Хотя он и пытался отчаянно цепляться за стержень, ноги его задрались кверху, уплыли прочь от стержня, а потом за ними последовало тело. Вскоре он уже перевернулся лицом вниз. Руки его оторвались от стержня — ему казалось, что он оторвался от жизни, разума, мира. Его завертело и понесло вверх. Он пролетел мимо воздушного каноэ и замер над ним. Двое мужчин, сидевших в лодке, были обнажены, темнокожи, как йеменские арабы, и красивы. Черты лица у них были нордические — внешне они напоминали знакомых ему исландцев.

Один из них поднял руку, в которой сжимал похожий на карандаш металлический предмет. Он поднял его, прицеливаясь, словно собирался чем-то выстрелить из него.

Человек, плывущий в воздухе, издал крик ярости, ненависти и беспомощности и выбросил руки вперед, чтобы добраться до лодки.

— Убью! — крикнул он.— Убью! Убью!

И снова пришло забытье.

Глава 2

Он лежал на траве у воды под плакучими ивами, а над ним стоял Господь. Он лежал с широко раскрытыми глазами и беспомощный, как новорожденный младенец. Бог тыкал его в ребра концом железной палки. Бог был высоким мужчиной средних

лет. У него была длинная черная раздвоенная борода, и одет он был в лучший воскресный костюм английского джентльмена пятьдесят третьего года правления королевы Виктории.

— Ты опоздал,— сказал Бог.— Ты знаешь, что давно опоздал с уплатой своего долга.

— Какого долга? — спросил Ричард Фрэнсис Бёртон*. Он пробежал кончиками пальцев по ребрам, чтобы убедиться, все ли они целы.

— Ты задолжал за плоть,— ответил Бог, снова ткнув его палкой.— Не говоря уже о душе. Ты задолжал за плоть и душу, что одно и то же.

Бёртон попытался подняться на ноги. Никому, даже самому Господу он не мог позволить тыкать Ричарда Бёртона палкой в ребра и уйти безнаказанно.

А Бог, не обращая никакого внимания на его тщетные попытки подняться, вытащил из жилетного кармана большие золотые часы, открыл тяжелую резную крышку, глянул на стрелки и сказал:

— Жутко опоздал.

Бог протянул свободную руку ладонью вверх.

— Платите, сэр. В противном случае я буду вынужден вам отказать.

— Отказать в чем?

Сгустилась тьма. Бог начал таять в темноте. Вот тогда Бёртон увидел, что Бог похож на него. Такие же черные прямые волосы, такое же восточное лицо с темными пронзительными глазами, высокими скулами, тяжелыми губами и торчащим, с глубокой поперечной складкой подбородком. С такими же длинными глубокими шрамами — свидетельством того, как сомалийский ятаган поработал над ним тогда в Бербере,— белевшими на щеках. Руки и ноги у него были маленькие, в противоположность широким плечам и мощной грудной клетке. И еще у него были длинные густые усищи и длинная раздвоенная борода, за которые бедуины прозвали Бёртона Отцом Усатых.

— Ты похож на дьявола,— сказал Бёртон, но Бог превратился в одну из теней во мраке.

---

* Ричард Фрэнсис Бёртон (1821–1890) — знаменитый английский путешественник и исследователь культуры Африки и Востока. Открыл истоки Нила, озеро Танганьика. Перевел на английский язык сказки «Тысячи и одной ночи». *(Здесь и далее примеч. пер.)*

Глава 3

Бёртон еще спал, но был так близок к пробуждению, что понимал, что видит сон. Свет сменил ночь.

А потом его глаза открылись. И он не понял, где находится.

Над головой голубело небо. Его обнаженное тело овевал нежный ветерок. Его лысая голова, спина, ноги и тыльные стороны ладоней чувствовали прикосновение травы. Он повернул голову вправо и увидел равнину, поросшую очень невысокой, очень зеленой и очень густой травой. На протяжении мили равнина плавно шла на подъем. За равниной тянулась гряда холмов, поначалу невысоких, пологих, становившихся затем все круче и выше и все более резких очертаний. Холмы примыкали к горам и тянулись мили на две с половиной. Кругом росли деревья, покрытые яркой зеленью и алыми, синими, пылающе-желтыми и темно-розовыми цветами. Горы за холмами вздымались резко, перпендикулярно и невероятно высоко. Горы были черные и сине-зеленые — похоже, они были сложены стекловидной вулканической лавой, которую испещряли огромные пятна лишайников, покрывавшие не менее четверти поверхности гор.

На равнине, между тем местом, где лежал Бёртон, и холмами, находилось множество человеческих тел. Ближайшее, лежавшее всего в нескольких футах, принадлежало белокожей женщине, которую Бёртон видел в вертикальном ряду прямо под собой.

Он хотел встать, но был так слаб и вял, что пока сумел с огромным усилием только повернуть голову влево. Там он увидел еще множество тел, лежавших на равнине, спускавшейся к реке, что текла примерно ярдах в ста от того места, где лежал Бёртон. Река была шириной около мили, а на противоположном ее берегу также располагалась равнина в милю шириной, поднимавшаяся к подножиям холмов. Там тоже росли деревья, а за холмами вставали высокие черные и сине-зеленые горы. «Там восток»,— оцепенело подумал Бёртон. Из-за гор только что взошло солнце.

Почти на самом берегу реки возвышалась странная постройка из серого в красных пятнах гранита, по форме напоминающая гриб. Широкая ножка гриба поднималась больше чем на пять футов, а диаметр шляпки составлял около пятидесяти футов.

Бёртону удалось приподняться и подпереть голову рукой.

На обоих берегах реки он увидел еще несколько гранитных грибов.

И повсюду на равнине лежали обнаженные безволосые тела людей, на расстоянии примерно шести футов одно от другого. Большинство лежало на спине, лицом к небу. Некоторые начинали шевелиться, смотреть по сторонам, а кое-кто даже ухитрился сесть.

Он тоже сел и ощупал руками голову, лицо. Они оказались гладкими.

Тело у него теперь было совсем не таким, как у шестидесятидевятилетнего старика, лежавшего на смертном одре,— морщинистое, в складках, буграх, иссохшее. Теперь оно стало гладким и мускулистым, как тогда, когда ему было двадцать пять. Таким же, каким было, когда он парил между теми стержнями во сне. Во сне? Уж слишком все было живо, чтобы быть сном. Это был не сон.

Запястье его обвивала тонкая полоса прозрачного материала. Эта полоска соединялась с таким же прозрачным шестидюймовым ремешком. Другим концом ремешок крепился к металлической дужке, служившей ручкой серого металлического цилиндра с закрытой крышкой.

Не слишком сосредоточиваясь на том, что делает, поскольку соображал пока неважно, он лениво приподнял цилиндр. Тот весил не больше фунта, следовательно, даже если был пустотелым, не мог быть железным. Диаметр цилиндра составлял полтора фута, а высота — больше двух с половиной.

У всех людей к запястьям были пристегнуты точно такие же цилиндры.

Неуверенно он поднялся на ноги. Сердце его билось все быстрее.

И остальные тоже вставали. На лицах у многих застыло нескрываемое изумление. Кое-кто выглядел испуганным. Глаза людей были широко раскрыты, грудь сильно вздымалась и опадала, они тяжело, с присвистом дышали. Некоторые так дрожали, словно их обдувал ледяной ветер, хотя воздух был приятно теплым.

Странной, по-настоящему чужой и пугающей была почти полная тишина. Никто не произносил ни слова, раздавался только шум дыхания тех, кто находился поблизости, потом послышался

легкий шлепок — это мужчина шлепнул себя по ноге, потом присвистнула женщина.

Люди стояли, широко раскрыв рты — так, словно собирались что-то сказать.

Потом они задвигались, стали смотреть друг на друга, порой подходили один к другому поближе, чтобы прикоснуться к незнакомому человеку. Люди шаркали босыми ногами, поворачивались в одну сторону, потом в другую, глазели на холмы, на деревья, усыпанные огромными, ослепительно яркими цветами, на покрытые лишайниками высоченные горы, на искрящуюся зеленоватую реку, на громадные камни, похожие на грибы, на ремешки и серые металлические контейнеры.

Кое-кто ощупывал лысые головы и лица.

Все погрузились в бессмысленные движения и молчание.

И вдруг женщина стала кричать. Она упала на колени, запрокинула голову и завыла. В тот же миг кто-то еще завыл — далеко, у берега реки.

Вышло так, словно крики этих двоих стали сигналами. Или будто у этих двоих были ключи от человеческих голосов и они отперли их.

Мужчины, женщины и дети начали кричать, вздымать к небу руки в молитве, бросаться на траву и прятать в ней лица, будто пытались спрятаться на манер страусов, или катались по траве туда-сюда и лаяли, как собаки, или выли, как волки.

Страх и истерия захватили и Бёртона. Ему тоже захотелось пасть на колени и начать молиться о спасении от Суда. Он жаждал милосердия. Он боялся увидеть слепящий лик Господа, который мог явиться над горами,— лик, который был бы ярче солнца. Он оказался не так храбр и безгрешен, как думал о себе. Суд был бы так ужасен, так бесповоротно окончателен, что ему не хотелось даже думать о нем.

Когда-то он фантазировал о том, что стоит перед Богом после своей кончины. Он представился себе маленьким и голым, стоящим посреди широкой равнины, похожей на эту, но он был там один-одинешенек. И тогда Бог, огромный, как гора, шагнул к нему. А он, Бёртон, не тронулся с места и с вызовом смотрел на Бога.

Тут Бога не было, но Бёртон все равно бросился бежать. Он мчался по равнине, толкая мужчин и женщин, на кого-то наскакивал, через кого-то перепрыгивал, и они катились по траве. Он бежал и вопил:

— Нет! Нет! Нет!

Руки его бешено размахивали, словно крылья ветряка, отгоняя невидимые страхи. Цилиндр, пристегнутый к запястью, вертелся и мотался из стороны в сторону.

Когда он устал так, что уже не мог кричать, когда ноги и руки его налились свинцом, а в легких разгорелся пожар и сердце готово было выскочить из груди, он бросился на траву под ближайшим деревом.

Отлежавшись, он сел и повернулся к равнине. Люди перестали кричать и выть — теперь они все наперебой болтали. Большей частью они разговаривали друг с другом, правда, казалось, друг друга не слышали. Бёртон не различал отдельных слов. Кое-кто из мужчин и женщин обнимались так, будто были знакомы прежде, и теперь прижимались друг к другу, словно хотели друг друга уверить в том, что они именно те, знакомые, и в том, что существуют наяву.

В огромной людской толпе были и дети, но ни одного младше пяти лет. Как и взрослые, они были лысы. Половина детишек плакали, усевшись на траву. Другие тоже плакали, но при этом бегали туда-сюда, заглядывали снизу вверх в лица взрослых — наверняка искали родителей.

Бёртон стал дышать спокойнее. Встал и посмотрел по сторонам. Дерево, под которым он стоял, оказалось красной сосной (ее порой ошибочно называют норвежской) высотой примерно в двести футов. А за сосной стояло дерево, которого Бёртон никогда в жизни не видел. Он вообще сомневался, что такое дерево растет на Земле (он был уверен, что сам находится не на Земле, хотя и не понимал, откуда у него такая уверенность). У дерева был толстый, сучковатый черный ствол и множество толстых ветвей, усеянных треугольными листьями длиной в шесть футов — зелеными с красной бахромой. Дерево возвышалось футов на триста. Росли тут и другие деревья, похожие на бархатные и белые дубы, пихты, тисы и широкохвойные сосны.

Тут и там виднелись заросли растений, напоминавших бамбук, и повсюду, где не росли ни деревья, ни бамбук, зеленела трава высотой фута в три. Не было видно никаких зверей. Ни насекомых, ни птиц.

Бёртон поискал глазами какую-нибудь палку или дубинку. Он не имел понятия, что на уме у людей, но, если человечество оставить без контроля и руководства, оно скоро возвратится к своему обычному состоянию. Как только люди оправятся от потрясения, они начнут думать о своем будущем, а это означало, что некоторые начнут нападать на других.

Ничего похожего на оружие Бёртон не нашел. Потом ему пришло в голову, что оружием ему может послужить металлический цилиндр. Он стукнул им по дереву. Веса в цилиндре было немного, но зато он оказался необычайно прочным.

Бёртон приподнял крышку, с одной стороны загнутую внутрь. Внутри цилиндра оказалось шесть замкнутых металлических колец, по три с каждой стороны. Размеры колец были таковы, что в каждом помещалась глубокая чашка или миска или прямоугольный контейнер из серого металла. Все контейнеры были пусты. Несомненно, со временем ему предстояло выяснить, как действует этот цилиндр.

Что бы ни случилось, вследствие воскрешения не возникли тела, состоящие из хрупкой мутной эктоплазмы. Бёртону достались и кости, и кровь, и плоть.

Чувствуя себя пока несколько оторванным от реальности, словно он освободился от одежд, в которые был одет привычный ему мир, он мало-помалу оправлялся от шока.

Ему хотелось пить. Нужно спуститься к реке и попить и надеяться, что вода в ней не отравлена. При этой мысли он криво усмехнулся и потер верхнюю губу. Палец его вынужден был испытать разочарование. «Необычная реакция»,— подумал он, а потом вспомнил, что его густые усы исчезли. О да, он надеялся, что вода в реке не отравлена. Что за странная мысль! Зачем возвращать мертвых к жизни только затем, чтобы снова убить? Но он еще долго стоял под деревом. Ему ненавистна была мысль о том, чтобы пробираться сквозь истерично рыдающую, ведущую бессвязные речи толпу к реке. Тут, вдалеке от толпы, он был свободен от ужаса, паники и шока, в которых толпа тонула, словно в море. Пойди он обратно, его бы снова захлестнули их эмоции.

И вдруг Бёртон увидел, как от множества обнаженных фигур отделилась одна и зашагала к нему. И еще он увидел, что шагал к нему не человек.

Вот тогда Бёртон и уверился в том, что наставший День воскрешения не таков, каким его себе представляла любая религия. Бёртон не верил в Бога, каким его описывали христиане, мусульмане, индуисты — поборники любой веры. На самом деле он не был уверен в том, что вообще верит в какого-либо Создателя. Он верил в Ричарда Фрэнсиса Бёртона, ну и еще в кое-кого из друзей. Он был уверен в том, что, как только умрет, мир перестанет существовать.

Глава 4

Очнувшись после смерти здесь, на этой равнине у реки, он не мог защититься от сомнений, существующих у любого человека, который в раннем возрасте получил религиозное воспитание, а потом жил в мире взрослых, в обществе, при любом удобном случае проповедовавшем свои убеждения.

Теперь, видя, как к нему приближается чужак, Бёртон уверился в том, что у этого события должно существовать не только сверхъестественное объяснение. Он находился здесь по какой-то физической, научной причине и не обязан был довольствоваться иудео-христианско-мусульманскими мифами, чтобы объяснить это.

Существо... оно... нет, он — существо определенно было самцом... двуногим самцом ростом в шесть футов восемь дюймов. Его розовокожее тело было удивительно стройным. У существа было по четыре пальца на руках и ногах, длинных и тонких. На груди, ниже сосков,— темно-красные пятнышки. Лицо его было получеловеческим. Густые черные брови опускались к острым скулам и сливались с коричневатой бородкой. Края ноздрей заканчивались тонкой мембраной шириной примерно в шестнадцатую долю дюйма. Толстую хрящевую подушечку на кончике носа рассекала глубокая складка. Губы существа были тонкие, кожистые, черные. Уши — без мочек, и раковины их были изогнуты не как у людей. Мошонка выглядела так, словно в ней находилось множество маленьких яичек.

Бёртон видел именно это существо там, в том ужасном месте, похожем на ночной кошмар, в нескольких рядах от себя.

Существо остановилось, не дойдя до Бёртона нескольких футов, улыбнулось и при этом обнажило совершенно человеческие зубы. Оно сказало:

— Надеюсь, вы говорите по-английски. Правда, я умею довольно бегло разговаривать по-русски, на мандаринском наречии китайского и на хинди.

Бёртон немного испугался — примерно так, как если бы с ним заговорила собака или обезьяна.

— Вы говорите на среднезападном диалекте американского английского,— ответил он.— И, кстати, неплохо. Хотя и слишком старательно.

— Благодарю вас,— ответило существо.— Я пошел за вами, потому что вы показались мне единственным, кто проявил достаточно разумности и удалился от скопления народа. Вероятно, у вас имеются какие-то объяснения этого... как вы это называете... воскрешения?

— Не более, чем у вас,— ответил Бёртон.— На самом деле у меня нет никакого объяснения вашему существованию — как до, так и после воскрешения.

Густые брови чужака изогнулись, и Бёртон понял, что таким образом тот выразил удивление или озадаченность.

— Нет? Это странно. Я мог бы поклясться, что каждый из шести миллиардов обитателей Земли слышал меня или видел по телевидению.

— Телевидению?

Брови существа снова изогнулись.

— Вы не знаете, что такое телевидение...

Он не закончил фразу и снова улыбнулся:

— Ну конечно, как это глупо с моей стороны! Вы же, наверное, умерли до того, как я прибыл на Землю!

— И когда же это произошло?

Брови чужака приподнялись (Бёртон решил, что это равноценно тому, как если бы человек нахмурился), и он медленно проговорил:

— Дайте подсчитать. Пожалуй, в соответствии с вашей хронологией это произошло в две тысячи втором году после Рождества Христова. А вы когда умерли?

— Наверное, в тысяча восемьсот девяностом после Рождества Христова,— ответил Бёртон. Существу удалось вернуть ему ощущение того, что все происходящее нереально. Бёртон пробежался кончиком языка по деснам и обнаружил, что зубы, утраченные им в тот день, когда сомалийское копье рассекло его щеки, на месте. Но при этом он был обрезан, и обрезаны были мужчины на берегу реки — а ведь большинство из них кричали по-немецки, по-итальянски, по-словенски — так, как разговаривали в Триесте. В его время большинство мужчин в этих краях не могли быть обрезаны.

— По меньшей мере,— добавил Бёртон,— я ничего не помню после двадцатого октября тысяча восемьсот девяностого года.

— А-аб! — воскликнуло существо.— Значит, я покинул мою родную планету почти за двести лет до того, как вы умерли. Моя планета? Это спутник звезды, которую вы, земляне, зовете Тау Кита. Мы погрузились в состояние анабиоза, и, когда наш корабль приблизился к вашему солнцу, мы подверглись автоматическому оттаиванию, и... но вы не понимаете, о чем я говорю?

— Не совсем. Все происходит слишком быстро. Мне хотелось бы потом узнать подробности. Как вас зовут?

— Монат Гграутут. А вас?

— Ричард Фрэнсис Бёртон, к вашим услугам.

Он слегка поклонился и улыбнулся. Несмотря на странную внешность чужака и кое-какие отталкивающие физические подробности, Бёртон начинал чувствовать к нему некоторую симпатию.

— Покойный капитан сэр Ричард Фрэнсис Бёртон,— уточнил он.— В последнее время служил консулом ее величества в австро-венгерском порту Триест.

— Королевы Елизаветы?

— Я жил в девятнадцатом веке, а не в шестнадцатом.

— Королева Елизавета царствовала в Великобритании в двадцатом веке,— отозвался Монат и повернулся к реке.— Почему они так напуганы? Все те люди, с которыми я познакомился, не сомневались либо в том, что жизнь после смерти существует, либо в том, что им после смерти суждено предпочтение.

Бёртон усмехнулся и ответил:

— Те, кто отрицал жизнь после смерти, теперь уверены, что пребывают в аду за то, что отрицали загробную жизнь. Те же, кто верил, что попадут в рай, наверное, шокированы тем, что голы. Понимаете, на большинстве картин, изображающих нашу загробную жизнь, голы те, кто попал в ад, а те, что попали в рай, одеты. Стало быть, если ты воскрес с голой задницей, ты в аду.

— Похоже, вы развеселились,— заметил Монат.

— Несколько минут назад я вовсе не веселился,— возразил Бёртон.— И я потрясен. Сильно потрясен. Но то, что я вижу тут вас, заставляет меня думать о том, что все не так, как представляли себе люди. Так часто бывает. А Господь, если и собирается явиться, что-то не торопится. Думаю, для этого существует объяснение, но оно не согласуется ни с одной из известных мне концепций.

— Сомневаюсь, что мы на Земле,— проговорил Монат и поднял вверх руку с длинными вытянутыми пальцами, на кончиках которых вместо ногтей красовались толстые хрящевые подушечки.

— Если,— сказал он,— вы внимательно поглядите на небо, прикрыв глаза ладонью, вы различите рядом с солнцем другое небесное тело. Это не луна.

Бёртон прикрыл ладонями глаза (при этом металлический цилиндр лег ему на плечо) и уставился туда, куда указывал чужак. Там он разглядел слабо светящееся небесное тело, размеры которого составляли около одной восьмой диаметра полной луны. Отняв руки от глаз, он спросил:

— Звезда?

— Наверное,— ответил Монат.— Похоже, я рассмотрел еще несколько слабо светящихся небесных тел на небе, но я в этом не очень уверен. Узнаем, когда наступит ночь.

— И как вы думаете, где мы находимся?

— Не знаю.

Монат указал на солнце:

— Оно восходит, значит, будет и садиться, а потом наступит ночь. Думаю, стоит приготовиться к ночлегу. И к другим событиям. Сейчас тепло, и становится все теплее, но ночь может оказаться холодной, может и дождь пойти. Следует построить какое-нибудь укрытие. Кроме того, следует подумать о пропитании. Наверное, это устройство,— он указал на цилиндр,— прокормит нас.

— Почему вы так думаете? — спросил Бёртон.

— Я заглянул в свое. Там миски и чашки, и все они сейчас пусты, но наверняка должны наполниться.

К Бёртону вернулось ощущение реальности. Существо — таукитянин! — рассуждало так прагматично, так разумно, что стало чем-то вроде якоря, к которому Бёртон мог привязать свои ощущения, пока они снова его не покинули. И потом — несмотря на отталкивающую чужеродность таукитянина, он излучал дружелюбие и открытость, которые согревали Бёртона. Кроме того, любой представитель цивилизации, способной преодолеть многие триллионы миль межзвездного пространства, наверняка располагал крайне ценными знаниями и возможностями.

От толпы стали отделяться другие люди. К Бёртону неторопливо шагала группа, состоявшая примерно из десятка мужчин и женщин. Некоторые разговаривали, а другие молчали, широко

открыв глаза. Похоже, на уме у них никаких определенных намерений не было — они просто двигались, словно туча, подгоняемая ветром. Поравнявшись с Бёртоном и Монатом, люди остановились.

Замыкавший группу человек привлек особое внимание Бёртона. Монат определенно человеком не был, а этот был либо недочеловеком, либо человеком доисторическим. Ростом он был чуть выше пяти футов, приземистый и с могучими мускулами. Голова его, выступающая вперед, сидела на присогнутой, очень толстой шее. Лоб человека был низкий и скошенный, а череп узкий, удлиненной формы. Огромные надбровные дуги нависали над темно-карими глазами. Нос представлял собой мясистую нашлепку с выгнутыми дужками ноздрей, а массивные челюсти выпячивали тонкие губы. Наверное, когда-то его кожу покрывали густющие волосы, но теперь он был так же безволос, как и все остальные.

Громадные ручищи человека выглядели так, словно им под силу выжать воду из булыжника.

Он все время оглядывался, будто боялся, что кто-то крадется сзади. Когда он приближался к людям, те отшатывались.

Но вот к нему подошел мужчина и сказал получеловеку что-то по-английски. Очевидно, мужчина вовсе не ожидал, что будет понят, он просто пытался выразить дружелюбие. Голос у него оказался какой-то хрипловатый. У подошедшего — мускулистого юноши ростом футов в шесть — было красивое лицо; так решил Бёртон, когда незнакомец стоял к нему анфас, но в профиль черты его оказались до смешного резкими. Глаза у незнакомца были зеленые.

Когда он обратился к получеловеку, тот слегка подпрыгнул от неожиданности и уставился на улыбающегося юношу глубоко посаженными глазами, а потом улыбнулся, обнажив здоровенные крепкие зубы, и что-то сказал на незнакомом Бёртону языке, а потом ткнул себя в грудь пальцем и произнес слово, звучавшее как Каззинтуитруаабемсс. Позднее Бёртон узнал, что так зовут доисторического человека и значит это: Человек-Который-Сразил-Длинного-Белого-Клыка.

Кроме троглодита в группе было пятеро мужчин и четверо женщин. Двое мужчин были знакомы по земной жизни, а один из них был женат на одной из женщин. Все подошедшие оказались либо итальянцами, либо словенами, умершими в Триесте при-

мерно в тысяча восемьсот девяностом году, но Бёртон никого из них не знал лично.

— Вы,— сказал Бёртон, указав на мужчину, который говорил по-английски,— шаг вперед. Как вас зовут?

Мужчина растерянно шагнул вперед и спросил:

— Вы англичанин, верно?

Говорил он на среднезападном диалекте американского английского, отличавшемся некоторой небрежностью.

Бёртон протянул ему руку и сказал:

— Ну. Я буду Бёртон.

Молодой человек вздернул отсутствующие брови и оторопело переспросил:

— Бёртон? — Потом наклонился и уставился в лицо Бёртона.— Неужто... Быть не может...

Он выпрямился.

— Меня звать Питер Фрайгейт. Ф-Р-А-Й-Г-Е-Й-Т.— Он оглянулся и проговорил еще более напряженно: — Трудно говорить связно. Знаете, все просто в шоке. У меня такое чувство, словно я на части разрываюсь. Только... вот они мы... снова живые... снова молодые... и никакого адского пламени... то есть пока никакого вроде бы. Родился в тысяча девятьсот восемнадцатом, умер в две тысячи восьмом... из-за того, что натворил этот инопланетянин... только я на него зла не держу... он, знаете, только защищался.

Голос Фрайгейта сорвался и перешел в шепот. Он нервно усмехнулся, глядя на Моната.

Бёртон спросил:

— Вам знаком этот... Монат Грраутут?

— Не то чтобы так уж знаком...— ответил Фрайгейт.— Я на него по телику насмотрелся, конечно, и начитался про него, и наслушался.

Он протянул Монату руку так, словно ждал, что ее оттолкнут, Монат улыбнулся, и они обменялись рукопожатием.

Фрайгейт сказал:

— Думаю, неплохо бы нам держаться друг дружки. Нам может понадобиться защита.

— Почему? — спросил Бёртон, хотя отлично понимал почему.

— Вы же знаете, как испорчено большинство людей,— сказал Фрайгейт.— Как только они привыкнут к тому, что воскресли, они начнут драться за женщин и еду и за все, что только им понравится. И еще я думаю, что стоит подружиться с этим неандертальцем, или кто он там такой. Из него отменный боец получится.

Казз, как его стали называть потом, казалось, жутко хотел, чтобы его приняли в общество. В то же время он с крайним подозрением относился к любому, кто подходил к нему поближе.

Тут мимо прошла женщина, непрерывно бормоча по-немецки:

— Господи! Что я такого сделала, чем тебя прогневала?

Мужчина, сжав кулаки и подняв руки к плечам, кричал на идише:

— Моя борода! Моя борода!

А другой мужчина тыкал пальцем в свои гениталии и бормотал по-словенски:

— Они из меня жида сделали! Жида! Как вам это? Нет, так не бывает!

Бёртон осклабился и сказал:

— Ему и в голову не приходит, что, может быть, они из него сделали магометанина, или австралийского аборигена, или древнего египтянина — все эти народы производили обрезание.

— Что он сказал? — спросил Фрайгейт.

Бёртон перевел, и Фрайгейт расхохотался.

Мимо пробежала женщина, отчаянно пытаясь прикрыть руками груди и лобок. Она бормотала:

— Что подумают, что подумают?

Женщина скрылась за деревьями.

Мимо прошли мужчина и женщина, громко разговаривая по-итальянски — так, словно их разделяла широкая дорога.

— Нет, мы не в раю... Знаю, о боже, знаю!.. Там был Джузеппе Зозини, а ты же знаешь, какой он страшный грешник... он должен гореть в огне ада! Знаю, знаю... он крал из сокровищницы, он шлялся по притонам, он допился до смерти... и все-таки... он здесь!.. Знаю, знаю...

Еще одна женщина промчалась мимо, крича по-немецки:

— Папочка! Папочка! Где ты? Это я, твоя любимая Хильда!

Какой-то мужчина выругался, непрерывно повторяя по-венгерски:

— Я потратил всю жизнь, всю жизнь. Я все, все для них делал, а теперь...

Мужчина, размахивая перед собой металлическим цилиндром, словно кадилом, выкрикивал:

— Идите за мной в горы! Идите за мной! Я знаю истину, добрые люди! Идите за мной! Мы спасемся, припав к груди Господа!

Не верьте обману, окружающему вас, идите за мной! Я отверзну ваши очи!

Другие либо сбивчиво говорили, либо молчали, сжав губы так плотно, будто боялись, что нечаянно проговорятся.

— Должно пройти время, пока они успокоятся,— сказал Бёртон.

Он чувствовал, что и ему самому нужно время, чтобы освоиться в этом мире.

— Они могут никогда не узнать истины,— проговорил Фрайгейт.

— О чем это вы?

— Они никогда не знали Истины — Истины с большой буквы — на Земле, так как они узнают ее здесь? Почему вы думаете, что нам будет дано откровение?

Бёртон пожал плечами и ответил:

— Я так не думаю. Я думаю о том, что мы должны понять, что собой представляет место, в котором мы оказались, и как тут можно выжить. Судьба человека, который сидит сиднем, тоже с места не двигается.

Он махнул рукой в сторону реки:

— Видите эти каменные грибы? Похоже, они расставлены с промежутками в милю. Интересно, для чего они предназначены?

Монат сказал:

— Если присмотреться к ближайшему как следует, то видно, что на его поверхности — около семисот круглых вмятин. Их размер как раз соответствует размеру основания цилиндра. На самом деле на верхушке гриба стоит цилиндр. Думаю, если мы посмотрим на этот цилиндр, мы сумеем понять, для чего предназначены эти грибы. Подозреваю, что они для того тут и стоят, чтобы мы в этом разобрались.

Глава 5

К ним подошла женщина среднего роста, с прекрасной фигурой и лицом, которое было бы красиво, будь оно обрамлено волосами. Глаза у нее были большие и темные. Она и не пыталась прикрываться руками. Бёртон нисколько не волновался, глядя на нее, да и вообще на кого-либо из женщин. Для этого он был слишком обескуражен.

Женщина заговорила хорошо поставленным голосом с оксфордским акцентом.

— Прошу прощения, джентльмены,— сказала она.— Я вас невольно подслушала. Вы единственные, кто говорит по-английски, из тех, чьи голоса я услыхала с тех пор, как очнулась... здесь, где бы это ни было. Я англичанка и ищу защиты. Полагаюсь на ваше милосердие.

— К счастью для вас, мадам,— отозвался Бёртон,— вы обратились к тому, к кому вам и следовало обратиться. По крайней мере, что касается лично меня, я могу заверить вас, что вы получите всякую защиту, на какую я только способен. Хотя, будь на моем месте некоторые из английских джентльменов, которых я некогда знавал, с вами могли бы и не так хорошо обойтись. Кстати говоря, вот этот джентльмен не англичанин. Он янки.

Ему самому показалось довольно странным, что он ведет столь цивильные речи посреди всеобщего гвалта, оглашавшего долину, да еще при том, что все вокруг наги, как новорожденные младенцы, и лысы, как угри.

Женщина протянула Бёртону руку.

— Я — миссис Харгривз,— представилась она.

Бёртон взял ее руку и, склонившись, нежно поцеловал. Чувствовал он себя при этом в высшей степени по-дурацки, однако этот жест укрепил его зацепку за реальность происходящего. Может быть, если бы удалось сохранить формы вежливости, принятые в обществе, то удалось бы вернуть и «верность» всего остального.

— Покойный капитан сэр Ричард Фрэнсис Бёртон,— проговорил он, слегка усмехнувшись, когда произносил слово «покойный».— Возможно, вы слышали обо мне.

Женщина отняла руку и снова протянула:

— Да, я о вас слышала, сэр Ричард.

Кто-то воскликнул:

— Это невозможно!

Бёртон глянул на Фрайгейта — восклицание принадлежало ему.

— Почему же нет? — спросил он.

— Ричард Бёртон! — снова воскликнул Фрайгейт.— Да. Я так думал, но как же совсем без волос?..

— Н-ну? — протянул Бёртон.

— Н-ну! — отозвался Фрайгейт.— Так в книжках написано!

— О чем это вы толкуете?

Фрайгейт сделал глубокий вдох и проговорил:

— Ничего такого, мистер Бёртон. Я вам попозже объясню. Пока же смотрите на это так: я просто сильно взволнован. Не в себе. Вы это, конечно, понимаете.

Он напряженно всмотрелся в лицо миссис Харгривз, покачал головой и спросил:

— А вас зовут Алиса?

— Ну да! — воскликнула она, улыбнулась и стала красивой, невзирая на отсутствие волос.— Откуда вы знаете? Мы встречались? Нет, не думаю.

— Алиса Плэзанс Лидделл Харгривз?

— Да!

— Я должен присесть,— пробормотал американец. Он добрел до дерева и сел, прислонившись спиной к стволу. Глаза у него слегка остекленели.

— Послешоковое состояние,— заключил Бёртон.

В ближайшее время столь же странного поведения и разговоров можно было ожидать от других. Он и от себя мог ожидать в некотором смысле не совсем рациональных поступков. Важно было найти укрытие, еду и составить какой-нибудь план общей обороны.

Бёртон переговорил с остальными на итальянском и словенском и со всеми познакомился. Когда он предложил всем проследовать вместе с ним на берег реки, никто не высказался против этого предложения.

— Не сомневаюсь, мы все мучаемся жаждой,— сказал он.— И кроме того, мы должны посмотреть, что это за каменный гриб.

Группа отправилась к реке. Люди сидели на траве или слонялись туда-сюда. По дороге компания миновала громко спорившую о чем-то парочку. Спорили они настолько горячо, что лица их раскраснелись. По всей вероятности, то были муж и жена, которые продолжали свой извечный спор. Неожиданно мужчина развернулся и зашагал прочь. Женщина, не веря своим глазам, смотрела ему вслед, а потом бросилась за ним. Он отшвырнул ее так резко, что она упала на траву, и затерялся в толпе, а женщина стала бродить кругом, выкрикивая его имя и угрожая закатить скандал, если он немедленно не выйдет к ней.

Бёртон вспомнил свою жену, Изабель. Пока он не видел ее в толпе, но это вовсе не означало, что ее здесь нет. Но она будет искать его. Она не остановится, пока не найдет.

Он пробрался сквозь толпу к берегу, опустился на колени и набрал воду в ладони. Вода оказалась прохладная, чистая и освежающая.

В желудке Бёртон ощутил полную пустоту. Утолив жажду, он почувствовал голод.

— Воды Реки Жизни,— проговорил Бёртон.— Стикс? Лета? Нет, не Лета. Я ведь помню все о своем земном существовании.

— А я бы о своем хотел забыть,— сказал Фрайгейт.

Алиса Харгривз опустилась на колени у края воды, зачерпнула воду одной рукой, а на другую оперлась. «Фигура у нее действительно чудесная,— подумал Бёртон.— Интересно, когда у нее отрастут волосы, будет ли она блондинкой,— если отрастут». Может быть, тот, кто их сюда забросил — кто бы это ни был,— решил, что все они должны быть безволосы — по кàкой-то причине, ведомой только ему.

Потом они забрались на верхушку ближайшего гранитного гриба. Темно-серый мелкозернистый гранит усеивали красные вкрапления. На плоской поверхности гриба имелось семь сотен углублений, расположенных пятьюдесятью концентрическими окружностями. В центральном углублении стоял металлический цилиндр. Невысокий темнокожий мужчина с длинным носом и маленьким подбородком, скошенным назад, рассматривал цилиндр. Когда компания подошла поближе, он поднял голову и улыбнулся.

— Этот не открывается,— сообщил он по-немецки.— Может быть, попозже откроется. Уверен, он тут стоит для того, чтобы показать, что нам делать с нашими контейнерами.

Мужчина представился Львом Руахом и после того, как Бёртон, Фрайгейт и миссис Харгривз назвали свои имена, перешел на английский, на котором говорил с ужасающим акцентом.

— Я был атеистом,— сказал он, обращаясь больше к самому себе, чем к кому бы то ни было.— А теперь я уже и сам не знаю! Это местечко, знаете ли, может здорово шокировать как атеиста, так и самых фанатичных верующих, которые представляли себе загробную жизнь совсем иначе. Ну так вот, стало быть, я ошибался. Ну да это не впервой.

Он хмыкнул и посмотрел на Моната.

— А тебя я сразу узнал,— проворчал он.— Это хорошо, что ты примкнул к тем людям, большинство из которых померли в девятнадцатом веке. Иначе тебя бы линчевали.

— Это почему? — спросил Бёртон.

— Он погубил Землю,— ответил Фрайгейт.— По крайней мере, я так думаю.

— Сканер,— печально проговорил Монат,— предназначался для уничтожения только человеческих существ. И его действие не распространялось на все человечество. Он должен был прекратить воздействие после того, как заранее определенное число людей — увы, довольно-таки значительное — умрет. Поверьте мне, друзья мои, я этого не хотел. Вы не представляете, какой боли, какого труда мне стоило решение нажать на кнопку. Но я обязан был защитить мой народ. Вы вынудили мою руку нажать на кнопку.

— Все началось, когда Монат выступал в прямом эфире,— сказал Фрайгейт.— Монат сделал опрометчивое заявление. Он сказал, что ученые его планеты располагают знаниями и способностью спасти людей от старения. Теоретически — с помощью техники таукитян — человек способен жить вечно. Но на его планете эти знания не применялись — там они запрещены. Тележурналист, который вел беседу, спросил его, можно ли применять эту методику для продления жизни землян. Монат ответил, что не видит причины, почему бы и нет. Но омоложением его народ не пользовался по вполне веской причине, и это также относилось к землянам. К этому моменту правительственный цензор понял, что происходит, и отключил звук. Но было уже слишком поздно.

— А потом,— добавил Лев Руах,— американское правительство сообщило, что Монат не понял вопроса и что недостаточно хорошее знание английского языка привело к тому, что он ошибся в ответе. Но было слишком поздно. Народы Америки и всего мира потребовали, чтобы Монат раскрыл тайну вечной молодости.

— Которой я не располагал,— вставил Монат.— И ни у кого из нашей экспедиции таких знаний не было. На самом деле мало кому на моей планете это ведомо. Но говорить об этом людям было бесполезно. Они думали, что я лгу. Начался бунт, толпа разогнала охрану около нашего корабля и ворвалась внутрь. Я видел, как моих друзей, пытающихся образумить толпу, рвали в клочья. Образумить!

Но я сделал то, что сделал, не в отместку, а совсем по другой причине. Я понимал, что после того, как нас перебьют, правительство США наведет порядок. И заполучит наш корабль. Не пройдет много времени, и земные ученые сумеют построить такой же. За этим неизбежно последует отправка земной флотилии к нашей планете. И вот я решил сделать так, чтобы Земля была отброшена назад на многие столетия, а может быть, и на тысячелетия. Зная, что я должен совершить страшный поступок ради спасения собственной планеты, я послал сигнал сканеру, находившемуся на орбите. Мне бы не пришлось делать это, если бы я сумел добраться до кнопки самоуничтожения корабля. Но я не мог попасть в отсек управления. И тогда я нажал кнопку активации сканера. Через несколько мгновений толпа ворвалась в комнату, где я прятался. После этого я ничего не помню.

Фрайгейт сказал:

— Я находился в больнице в Западном Самоа, умирая от рака, и гадал, похоронят ли меня рядом с Робертом Льюисом Стивенсоном. «Вряд ли»,— думал я. Но ведь я все-таки перевел «Илиаду» и «Одиссею» на самоанский... А потом стали доходить новости. Люди по всему миру умирали. Причина этого была очевидна. Тау-китянский спутник что-то такое излучал, что поражало людей. Последнее, о чем я узнал, было то, что США, Англия, Россия, Китай, Франция и Израиль послали ракеты, чтобы перехватить спутник и взорвать его. А спутник летел так, что через несколько часов должен был оказаться прямо над Самоа. Я, наверное, слишком сильно переволновался для того ослабленного состояния, в котором находился, и потерял сознание. Больше я ничего не помню.

— Перехват не удался,— сказал Руах.— Сканер взорвал ракеты, когда они еще не успели к нему подлететь.

Бёртон подумал, что ему еще многое нужно узнать о времени после тысяча восемьсот девяностого года, но теперь размышлять об этом не время.

— Предлагаю прогуляться по холмам,— сказал он.— Нужно посмотреть, что там за растительность и нет ли полезных растений. Кроме того, если там найдутся какие-нибудь камни, мы могли бы изготовить из них оружие. Этот парень из палеолита и наверняка соображает в обработке камней. Он покажет нам, как это делается.

Они пересекли равнину шириной в милю и углубились в холмы. По пути к группе присоединились еще несколько человек, в том числе маленькая девочка лет семи с темно-синими глазами и хорошеньким личиком. Бёртон на двенадцати языках спросил у нее, нет ли поблизости кого-то из ее родителей или других род-

ственников, и все это время девчушка жалостливо смотрела ему в глаза. Все, кто знал еще какие-нибудь языки, все их перепробовали — множество европейских и многие из африканских и азиатских: иврит, хинди, арабский, берберский диалект, румынский, турецкий, фарси, латынь, греческий, пушту.

Фрайгейт, немного знавший валлийский и гэльский языки, заговорил с девочкой. Она выпучила глаза, а потом нахмурилась. Похоже, слова этих языков были ей знакомы, но все-таки недостаточно для того, чтобы их понимать.

— Судя по всему,— сообщил в конце концов Фрайгейт,— она, скорее всего, из древних кельтов. Все время повторяет слово «Гвенафра». Может быть, это ее имя?

— Мы научим ее английскому,— сказал Бёртон.— И будем звать ее Гвенафрой.

Он подхватил девочку на руки и зашагал вперед. Девчушка расплакалась, но вырываться не пыталась. Плакала она, видимо, потому, что измучилась от невыносимого напряжения и наконец нашла защитника, чему страшно обрадовалась. Бёртон наклонил голову и прижался лицом к тельцу малышки. Он не хотел, чтобы другие видели набежавшие на его глаза слезы.

В том месте, где равнина встречалась с холмами, словно линия была проведена — невысокая трава резко сменялась толстыми стеблями растений высотой до пояса, напоминавших альфальфу. Кроме нее тут в изобилии росли высокие, словно башни, сосны — красные и широкохвойные, дубы, тисы, сучковатые гиганты с багровыми и зелеными листьями и бамбук. Бамбука насчитывалось несколько разновидностей — от тоненьких стебельков высотой всего в несколько футов до гигантов выше пятидесяти футов. На многих деревьях висели лианы, усыпанные крупными зелеными, красными, желтыми и синими цветами.

— Бамбук годится для изготовления древков копий,— сказал Бёртон,— а также труб водопровода, контейнеров, его можно использовать в качестве основного материала при постройке домов, изготовлении мебели, лодок, древесного угля — даже порох из него можно делать. А молодые побеги некоторых видов бамбука годятся в пищу. Но для того, чтобы его срезать и обрабатывать, нам нужны камни, из которых можно будет изготовить инструменты.

Они взбирались на холмы, становившиеся все выше по мере приближения к горам. Прошагав довольно бодро мили две, а потом почти ползком одолев еще миль восемь, они остановились у подножия горы. Она вздымалась вверх отвесной сине-черной вулканической скалой, поросшей крупными островками сине-зеленых лишайников. Определить высоту горы было невозможно, но Бёртон не думал, что сильно ошибется, если предположит, что она не ниже двадцати тысяч футов. Оглянувшись на равнину, он убедился, что гора представляет собой неплохое укрытие.

— А вы заметили, что тут совсем нет животных? — спросил Фрайгейт.— Даже насекомых не видно.

Бёртон вскрикнул. Он бросился к куче каменных обломков и вытащил из нее кусок зеленоватого камня размером с кулак.

— Кремень,— сказал он.— Если его тут окажется достаточно, мы сможем изготовить ножи, наконечники копий, скребки, топоры. А с их помощью мы сумеем строить дома, лодки и еще множество разных вещей.

— Инструменты и оружие нужно привязывать к древкам,— заметил Фрайгейт.— Что же послужит нам материалом для этого?

— Может быть, человеческая кожа,— ответил Бёртон.

Всех не на шутку потрясло это заявление. Бёртон странно, щебечуще расхохотался — что совершенно не согласовывалось с его мужественной внешностью.

— Если мы будем вынуждены убить кого-то из самозащиты или если нам здорово повезет и мы наткнемся на труп, который для нас милостиво бросил какой-нибудь убийца, будет глупо не воспользоваться тем, в чем мы так нуждаемся. Правда, если среди вас найдутся люди, настолько жертвенные, что готовы выделить немного своего эпидермиса на нужды группы, шаг вперед! Мы не забудем о вас в наших завещаниях.

— Вы, безусловно, шутите,— сказала Алиса Харгривз.— Не сказала бы, что я в восторге от подобных речей.

Фрайгейт хмыкнул:

— Пообщайтесь с ним подольше, кое-что и похуже услышите.

Но что это значило, он не объяснил.

Глава 6

Бёртон рассматривал скальное основание горы. Сама гора была сложена сине-черной плотной породой, напоминающей какую-то разновидность базальта. Но на земле у подножия скаль-

ного основания валялись или торчали из почвы куски кремня. Похоже, они упали откуда-то сверху, следовательно, гора, скорее всего, не представляла собой базальтовый монолит. Сжав в руке кусочек кремня с острым краем, Бёртон соскреб со скалы лишайник, и под ним обнаружилась порода, похожая на зеленоватый доломит. По всей вероятности, куски кремня могли откололься от доломита, хотя никаких признаков разлома или крошения жилы заметно не было.

А лишайник напоминал parmelia saxitilis, который рос также на долго пролежавших в земле костях, в частности — на черепах, и поэтому, в соответствии с «Доктриной прописей», представлял собой средство для лечения эпилепсии и заживляющий бальзам для ран.

Услышав, как кто-то стучит камнем о камень, Бёртон вернулся к группе. Все стояли кружком около американца и неандертальца; а те уселись на корточки и трудились над кусками кремня. Обоим удалось изготовить грубые топоры. Остальные стояли и смотрели на их работу, а они изготовили еще шесть штук. А потом взяли по большому куску кремня и разбили их надвое другими камнями. Затем одной половинкой стали отбивать от края второй тонкие осколки. Они поворачивали камни и старательно колотили по ним, пока не изготовили каждый примерно по десятку лезвий.

Они трудились и трудились — человек, который жил за сто тысяч лет до Рождества Христова, а то и раньше, и человек, живший в самые совершенные времена человеческой эволюции и бывший продуктом высочайшей цивилизации (в техническом смысле) на Земле. На самом деле он был одним из последних на Земле людей — если верить ему.

Вдруг Фрайгейт взвыл, подпрыгнул и стал скакать на месте, сжимая правой рукой большой палец левой. Он, судя по всему, промахнулся при ударе. Кazз ухмыльнулся, обнажив здоровенные зубы размером чуть ли не с надгробные камни. Он тоже встал и ушел в заросли травы забавной раскачивающейся походкой. Несколько минут спустя он вернулся и принес шесть бамбуковых палок с заостренными концами и еще несколько — с ровно обрезанными. Он уселся на корточки и принялся обрабатывать одну из палок, пока не расщепил ее край и не вставил в прорезь треугольный скошенный край топора, после чего привязал камень к палке длинными стеблями травы.

Через полчаса группа вооружилась топориками, топорами с бамбуковыми топорищами, кинжалами и копьями с деревянными и каменными наконечниками.

К этому времени рука Фрайгейта перестала болеть так сильно, как сразу после ушиба, и кровь остановилась. Бёртон поинтересовался, откуда у Фрайгейта такое мастерство в обработке камней.

— Я был любителем антропологом,— ответил тот.— Многие люди — ну, относительно многие — учились изготавливать инструменты и оружие из камней в качестве хобби. Кое-кто добился неплохих успехов, хотя, конечно, на мой взгляд, никому из современных людей не удалось стать такими же умелыми и быстрыми в этом смысле, как специалистам из времен неолита. Эти-то ребята — они таким всю жизнь занимались, как вы понимаете.

И потом, я довольно много знаю об обработке бамбука, так что могу пригодиться.

Группа отправилась к реке. На вершине высокого холма они ненадолго задержались. Солнце стояло почти в зените. Отсюда открывался вид на течение реки на протяжении многих миль и на ее противоположный берег. Правда, с такого расстояния различить людские фигуры на другом берегу было невозможно, но там виднелись каменные грибы. Рельеф противоположного берега походил на рельеф того берега, на котором находились Бёртон и его спутники. Равнина в милю шириной и примерно две с половиной мили холмов, поросших деревьями. А за холмами — крутые, неприступные черные и зеленовато-синие горы.

К северу и к югу долина тянулась ровно миль на десять. Потом изгибалась, и река терялась из виду.

— Тут поздно светает и рано темнеет,— сказал Бёртон.— Значит, нужно как можно больше успеть засветло.

Как раз в этот миг все вскочили и многие закричали. На верхушках каменных грибов вспыхнуло синее пламя, взметнулось футов на двадцать и исчезло. А еще через несколько секунд раздался далекий раскат грома. От гор, вздымавшихся за спиной, эхом отразился его звук.

Бёртон взял на руки девочку и стал спускаться с холма. Хотя группа шла хорошим шагом, время от времени всем приходилось останавливаться и переводить дух. И все равно Бёртон чувствовал себя замечательно. Так много лет прошло с тех пор, как мышцы настолько хорошо слушались его, что ему даже не хотелось оста-

навливаться для того, чтобы насладиться этим ощущением. Ему с трудом верилось, что совсем недавно его правая нога опухала от подагры, а сердце дико колотилось, стоило ему подняться на несколько ступенек.

Они вышли на равнину и дальше бросились трусцой, потому что заметили, как около грибов началось столпотворение. Бёртон орал на тех, кто попадался на его пути, и отталкивал их в стороны. Его одаривали гневными взглядами, но толкаться в ответ никто не отваживался. Неожиданно он оказался у подножия гриба, где людей практически не было, и увидел, что их привлекло. И не только увидел, но и почувствовал запах.

Позади него Фрайгейт пробормотал:

— О господи! — и его чуть не вырвало, хотя желудок у него был пуст.

Бёртон слишком много повидал в прошлой жизни, чтобы его потрясло отвратительное зрелище. Больше того — он мог отрешиться от реальности, когда сталкивался с чем-то чересчур печальным или болезненным. Порой ему удавалось как бы отойти в сторону от происходящего одним лишь усилием воли. Как правило, это происходило автоматически. Так случилось и сейчас.

На боку, так что тело находилось примерно на середине расстояния от края шляпки гриба, лежал труп. Кожа человека почти полностью обгорела, обнажившиеся мышцы обуглились. Нос, уши, пальцы рук и ног и гениталии либо сгорели напрочь, либо представляли собой бесформенные обрубки.

Рядом с трупом на коленях стояла женщина и бормотала молитву по-итальянски. Большие черные глаза женщины были бы красивы, не будь они красными и опухшими от слез. Фигура у женщины была великолепная и непременно привлекла бы внимание Бёртона в других обстоятельствах.

— Что случилось? — спросил он.

Женщина умолкла и посмотрела на него. Потом встала и прошептала:

— Отец Джузеппе прислонился к камню. Он говорил, что голоден. Говорил, что не понимает, зачем нужно было воскресать только для того, чтобы умереть от голода. Я сказала ему, что мы не умрем, как мы можем умереть? Нас воскресили из мертвых и о нас позаботятся. А он сказал, что мы, может быть, в аду. И будем ходить голыми и голодными все время, вечно. Я сказала ему, чтобы он не богохульствовал, что как раз ему-то и не стоит богохульствовать. А он сказал, что здесь все совсем не так, как он говорил всем и каждому сорок лет, а потом... а потом...

Бёртон подождал несколько секунд и поторопил женщину:

— А потом?

— Отец Джузеппе сказал, что тут, правда, нет адского пламени, но что уж лучше пусть было бы адское пламя, чем вечный голод. А потом выскочило пламя и пожрало его, и грохот был такой, словно бомба взорвалась, а потом он умер, обгорел до смерти. Это было так ужасно, так ужасно...

Бёртон развернулся лицом к северу, чтобы встать спиной к трупу, но ветер все равно доносил запах горелой плоти. Но не запах удручал Бёртона, а мысль о смерти. Первый день воскрешения еще не окончился, а уже умер человек. Означало ли это, что воскрешенные столь же беззащитны перед смертью, как прежде, на Земле? Если так, то какой в этом смысл?

Фрайгейта перестало тошнить. Бледный, дрожащий, он поднялся на ноги и добрел до Бёртона, стараясь держаться спиной к трупу.

— Может, лучше избавиться от него? — пробормотал он, указывая большим пальцем через плечо.

— Пожалуй, да,— холодно отозвался Бёртон.— Вот только жалко, что вся его кожа уничтожена.

Он ухмыльнулся, глядя на американца. Тот, похоже, испытал еще более сильный шок.

— Ну-ка,— сказал Бёртон.— Берите его за ноги, а я возьмусь с другой стороны. Бросим его в реку.

— В реку? — переспросил Фрайгейт.

— Угу. Если только вы не жаждете волочь его в холмы и копать для него могилу.

— Не могу,— ответил Фрайгейт и отошел в сторону. Бёртон проводил его презрительным взглядом и дал знак неандертальцу. Казз что-то буркнул в ответ и протопал к трупу своей особенной походочкой. Подойдя, наклонился, и не успел Бёртон ухватиться за почерневшие культи ног, как Казз уже поднял тело над головой, прошагал к берегу и швырнул труп в воду. Труп немедленно утонул, и его понесло течением вдоль берега. Казз решил, что этого маловато. Он вошел в воду по пояс, после чего погрузился поглубже и нырнул, не показываясь на поверхности около минуты. По всей вероятности, оттолкнул труп на глубину.

Алиса Харгривз с ужасом смотрела на эту сцену. Наконец она воскликнула:

— Но ведь мы будем пить эту воду!

— Река достаточно многоводна для того, чтобы очищаться,— успокоил ее Бёртон.— Как бы то ни было, у нас хватает забот и без того, чтобы волноваться о тщательности санитарных процедур.

Монат тронул Бёртона за плечо, и тот обернулся.

— Вы только посмотрите! — воскликнул Монат.

В том месте, где, видимо, находился труп, вода в реке вскипела, ее поверхность рассекла серебристая спина с белесым плавником.

— Похоже, ваши опасения насчет загрязнения воды напрасны,— сказал Бёртон Алисе Харгривз.— В реке есть мусорщики. Интересно... Интересно, безопасно ли тут купаться.

Однако неандерталец вышел из реки целым и невредимым. Он встал перед Бёртоном, отряхивая воду с безволосого тела, и ухмыльнулся, сверкая здоровенными зубищами. Он был ужасающе уродлив. Но он располагал знаниями доисторического человека, знаниями примитивными, но такими необходимыми в мире с примитивными условиями жизни. Кроме того, такого бойца замечательно было бы иметь у себя за спиной во время драки. Он был невысок, но потрясающе могуч. Его тяжелые кости служили прекрасной основой для тяжелых же мышц. Несомненно, он почему-то привязался к Бёртону. Тому приятно было думать, что дикарь, обладающий дикарскими инстинктами, «понимает», что Бёртон тот человек, за которым стоит идти. Кроме того, примитивный человек, по развитию своему близкий к животным, должен был иметь и более развитую интуицию. Значит, мог заметить силу духа Бёртона и ощутить тягу к нему, хотя тот являлся представителем рода homo sapiens.

А потом Бёртон напомнил себе, что его репутация человека с редкостной психической силой выстроена им самим и что в этом он наполовину шарлатан. Он так много разглагольствовал о собственной силе и столько наслушался об этом от своей жены, что и сам стал в нее верить. Но случались мгновения, когда он вспоминал, что его «могущество» наполовину вымышлено.

Тем не менее он был способным гипнотизером и верил, что его глаза излучают особую экстрасенсорную силу, когда он этого желал. Может быть, поэтому к нему так и тянуло неандертальца.

— Камень произвел разряд чудовищной энергии,— сказал Лев Руах.— Может быть, электрической. Но почему? Не верится, чтобы разряд был бесцелен.

Бёртон повнимательнее присмотрелся к каменному грибу. Серый цилиндр, стоявший в центральном углублении, похоже, не пострадал от разряда. Бёртон прикоснулся к каменной поверхности гриба. Поверхность была теплая, но не более, чем если бы была нагрета солнцем.

Лев Руах крикнул:

— Не трогайте! Вдруг будет еще один...— и не договорил, когда увидел, что предупреждать поздно.

— Еще один разряд? — спросил Бёртон.— Я так не думаю. По крайней мере некоторое время не будет. Этот цилиндр оставлен здесь для того, чтобы мы что-то узнали.

Он ухватился руками за край шляпки гриба и, подтянувшись, залез на нее. Это ему удалось настолько легко, что он порадовался. Прошло столько лет с тех пор, как он чувствовал себя таким молодым и сильным. Или таким голодным.

Несколько человек из толпы стали кричать ему, чтобы он слез с гриба, пока снова не полыхнуло синее пламя. Другие смотрели на него так, словно надеялись, что выброс энергии снова произойдет. А большинство радовались тому, что он рискует.

Но ничего не произошло, хотя сам Бёртон не был так уж уверен, что не сгорит в огне. Босыми ступнями он чувствовал приятную теплоту камня.

Перешагивая через углубления, он подобрался к цилиндру и подсунул пальцы под край крышки. Она легко приподнялась. С сердцем, быстро бьющимся от возбуждения, Бёртон заглянул под крышку. Он ждал чуда и увидел его. В углублениях внутри контейнера находилось шесть мисок, и все они оказались наполненными.

Бёртон дал своей группе знак подойти поближе. Кавз легко взобрался на шляпку гриба. Оправившийся от тошноты Фрайгейт тоже с легкостью спортсмена оказался наверху. «Не будь у этого парня такого слабого желудка,— подумал Бёртон,— ему цены бы не было». Фрайгейт обернулся и подал руку Алисе, которая забралась на шляпку около него.

Столпившись около Бёртона, все склонились и заглянули внутрь цилиндра. Бёртон воскликнул:

— Настоящий рог изобилия! Поглядите! Отбивная! Толстая сочная отбивная! Хлеб с маслом! Джем! Салат! А это что такое?

Пачка сигарет! Ага! И сигара! И чашка бурбона, судя по запаху — отличного! И еще что-то... это что?

— Похоже на палочки жевательной резинки,— сказал Фрайгейт.— Без упаковки. А это, наверное... что? Зажигалка для сигарет?

— Жратва! — заорал какой-то мужчина-здоровяк, в группу Бёртона не входивший. Он забрался на гриб, за ним стали карабкаться и другие. Бёртон опустил руку в глубь цилиндра и вытащил лежавший на самом дне маленький прямоугольный предмет. Фрайгейт сказал, что это, наверное, зажигалка. Бёртон понятия не имел о том, что такое зажигалка, но догадывался, что она производит огонь для прикуривания сигарет. Он сжал предмет в кулаке, а другой рукой закрыл крышку. Во рту у него скопилась слюна, в животе урчало. Остальные были так же голодны, как он, и, судя по выражениям их лиц, они никак не могли понять, почему он не вынимает из цилиндра еду.

Здоровяк громко заорал на грубом триестском наречии итальянского:

— Жрать хочу! Прикончу любого, кто сунется ко мне! А ну, открой!

Остальные молчали, но, несомненно, ожидали, что Бёртон станет защищаться. А он вместо этого сказал:

— Сам открывай,— и отвернулся.

Остальные растерялись. Они видели еду, слышали ее запах. У Казза изо рта текла струйка слюны. Но Бёртон сказал:

— Поглядите на толпу. Тут через минуту будет драка. Вот я и говорю: пусть дерутся за свои куски. Не то чтобы я уходил от драки, вы же понимаете,— добавил он, гневно глянув на остальных.— Только я уверен, что к ужину наши собственные цилиндры будут полны еды. Эти цилиндры — если вам угодно, зовите их граалями — нужно просто оставить в углублениях на камне, чтобы они наполнились. Это очевидно, и именно поэтому здесь оставлен этот цилиндр.

Он подошел к тому краю шляпки, который был обращен к реке, и спрыгнул вниз. К этому моменту на шляпке набралось уже порядочно народу, все новые и новые люди карабкались наверх. Здоровяк схватил отбивную и впился в нее зубами, но кто-то пытался вырвать у него кусок мяса. Здоровяк яростно завопил и вдруг, расталкивая тех, кто мешал ему пройти, бросился к реке. Он нырнул и через мгновение появился на поверхности. Тем временем мужчины и женщины, крича и толкая друг друга, боролись за остальное содержимое грааля.

Человек, нырнувший в реку, плыл на спине, пока не сжевал всю отбивную. Бёртон пристально смотрел на него, ожидая, что того схватит рыба. Но здоровяк преспокойно плыл вниз по течению.

Бёртон шагал, пока не ушел подальше от толпы, и сел на траву. Люди из его группы собрались около него, некоторые присели и стали смотреть на столпотворение на верхушке гриба. Питающий камень выглядел словно табуретка, на сиденье которой копошились бледные черви. И при этом очень шумные. Кое-кто из них успел покраснеть, потому что перемазался в пролитой крови.

Больше всего удручала реакция детей. Самые маленькие на гриб не полезли, но знали, что там еда. Они плакали от голода и страха, вызванного тем, как кричали и дрались взрослые, забравшиеся на камень. Девчушка рядом с Бёртоном не плакала — она дрожала. Она обвила ручонками его шею, а он гладил ее по спине и бормотал успокаивающие слова; она их не понимала, но тон помогал ей успокоиться.

Солнце начинало садиться. Через пару часов оно должно было скрыться за высокими горами на западе. Правда, еще несколько часов могли протянуться мягкие сумерки. Определить, сколько здесь длится день, было невозможно. Стало жарче, но сидеть на солнце все-таки было можно, к тому же все время дул прохладный ветерок, смягчающий жару.

Казз стал знаками показывать, что хотел бы разжечь костер, и еще он показывал на кончик бамбукового копья. Несомненно, он хотел обжечь его.

Бёртон рассмотрел металлический предмет, вынутый им из цилиндра. Предмет был изготовлен из прочного серебристого металла — прямоугольный, плоский, примерно два дюйма в длину и в три десятых дюйма толщиной. На одной стороне предмета имелась маленькая дырочка, а на другой — движок. Движок опустился примерно на одну десятую дюйма, и из отверстия показалась проволочка диаметром примерно в одну десятую дюйма и в полдюйма длиной. Даже при ярком солнце она сильно светилась. Бёртон прикоснулся кончиком проволочки к травинке — травинка тут же сморщилась. Когда он притронулся проволоч-

кой к кончику бамбукового копья, она прожгла в нем крошечную дырочку. Бёртон вернул движок в первоначальное положение, и проволочка убралась внутрь, под серебристый панцирь, словно головка напуганной черепахи.

Фрайгейт и Руах громко выразили восторг по поводу того, какая энергия таилась в крошечном предмете. Для того чтобы так нагреть проволочку, требовалось немалое напряжение. Какой же мощности батарейка или миниатюрный ядерный реактор прятались внутри? И как перезаряжать зажигалку?

Слишком много вопросов, на которые нельзя было ответить немедленно, а может быть, и никогда. И самым важным из них было: как они все вернулись к жизни с обновленными, омоложенными телами? Кто бы это ни сделал, он обладал поистине богоподобными знаниями. Но разговоры об этом, хотя и послужили бы пищей для толков, больше бы не дали ровным счетом ничего.

Через некоторое время толпа рассосалась. Цилиндр бросили на верхушке гриба — он лежал на боку. Там же валялось несколько тел. Кое-кто из тех, кто спустился с гриба, был ранен. Бёртон встал и пошел сквозь толпу. Какая-то женщина плакала, но никто не обращал на нее внимания. Лицо ее разбили, правый глаз заплыл. Какой-то мужчина сидел на траве и корчился от боли, прикрывая руками пах, изодранный чьими-то острыми ногтями.

На верхушке гриба лежали четверо; трое из них были без сознания. Им побрызгали в лицо водой, и они пришли в себя. А четвертый был мертв. Невысокий худощавый мужчина. Кто-то так свернул ему голову, что сломались шейные позвонки.

Бёртон снова взглянул на солнце и сказал:

— Я точно не знаю, когда настанет время ужина. Предлагаю вернуться сюда вскоре после того, как солнце скроется за горами. Установим наши граали, или «рога изобилия», или «корзинки для завтрака» — называйте как хотите — в эти углубления. А потом подождем. А пока...

Он мог бы и этот труп швырнуть в реку, но теперь задумался о том, что из него можно извлечь пользу, и немалую. Он объяснил свое желание остальным, и они спустили тело с гриба и понесли его по равнине. Первыми за дело взялись Фрайгейт и Галеацци, бывший импортер из Триеста. Фрайгейт, конечно, не рвался к этой работе, но, когда Бёртон спросил его, не возьметсяли он, он кивнул. Он подхватил мертвеца за ноги и пошел вперед. Галеацци тащил тело, ухватив его под мышки. Алиса пошла за Бёртоном, держа за руку девочку. Кое-кто из толпы с любопытством смотрел на процессию, а кое-кто комментировал происходящее или задавал вопросы, но Бёртон помалкивал. Когда первые носильщики прошагали около полумили, их сменили Кязз и Монат. Девочку, казалось, вовсе не пугал вид мертвеца. И первый труп вызвал любопытство, а не испуг.

— Если она на самом деле из древних кельтов,— сказал Фрайгейт,— она, наверное, привыкла видеть обугленные тела. Если я верно помню, кельты сжигали тела, предназначенные для жертвоприношений, в больших плетеных корзинах на религиозных церемониях. Правда, не припомню, в честь какого бога или богини они проводились. Была бы библиотека — можно было бы уточнить. Как думаете, будет у нас тут когда-нибудь библиотека? Думаю, я чокнусь, если у меня не будет книг.

— Посмотрим,— отозвался Бёртон.— Если нас не обеспечат библиотекой, соберем свою. Это возможно. Нет ничего проще.

Он счел вопрос Фрайгейта идиотским, но, с другой стороны, сейчас мало кто пребывал в своем уме.

У подножий холмов Моната и Кязза сменили двое мужчин — Рокко и Бронтич. Бёртон пошел впереди, мимо деревьев, сквозь густую, доходившую до пояса траву. Острые листья травы царапали босые ноги. Бёртон ножом срезал один стебель и посмотрел, насколько тот прочен и гибок. Фрайгейт плелся рядом с ним и рта не закрывал. «Наверное,— подумал Бёртон,— он болтает, чтобы отвлечься от мыслей о двух смертях».

— Вы только подумайте, какие исследования можно провести, если здесь воскресли все, кто когда-либо жил! Подумайте о тайнах истории, о любых вопросах, на которые можно найти ответы! Можно поговорить с Джоном Уилксом Бутом* и выяснить, действительно ли военный секретарь Стэнтон участвовал в заговоре с целью убийства Линкольна. Можно установить личность Джека-Потрошителя**. Узнать, на самом ли деле Жанна д'Арк была ведьмой. Поговорить с наполеоновским маршалом

* Джон Уилкс Бут (1829–1912) — убийца Авраама Линкольна, которого он застрелил в театре, прокравшись в ложу президента.

** Джек-Потрошитель — английский преступник, совершивший в 1888 г. ряд убийств в Лондоне.

Неем* и узнать, правда ли, что он удрал из попавшего под обстрел эскадрона и стал школьным учителем в Америке. Понять, что на самом деле случилось в Пёрл-Харборе. Посмотреть на лицо «Человека в железной маске», если такой когда-либо существовал. Порасспрашивать Лукрецию Борджиа** и тех, кто ее знал, и понять, была ли она в действительности такой жуткой отравительницей, какой ее считают. Узнать, кто убил двух малюток принцев в Тауэре. Может быть, это сделал Ричард III***. Да и вы, Ричард Фрэнсис Бёртон,— ваши биографы мечтали бы задать вам множество вопросов о вашей жизни. Правда ли, что у вас была любовница-персиянка, на которой вы собирались жениться и ради которой были готовы отречься от того, кем были, и стать ее сородичем? Правда ли, что она умерла до того, как вы смогли жениться на ней, и действительно ли вас так потрясла ее смерть и вы любили ее до конца своей жизни?

Бёртон зыркнул на Фрайгейта. Он только что познакомился с этим человеком, а тот — это надо же — задавал самые личные и болезненные вопросы. Этому не было прощения.

Фрайгейт отшатнулся, бормоча:

— И... и... и... ну ладно, сейчас не время, я понимаю. Но известно ли вам, что после вашей смерти ваша супруга стала очень набожной и что вас похоронили на католическом кладбище — вас, безбожника?

Лев Руах, глаза которого раскрывались все шире, пока Фрайгейт болтал, воскликнул:

— Вы — Бёртон, путешественник и лингвист? Тот, что открыл озеро Танганьика? Тот, что совершил паломничество в Мекку, одевшись, как мусульманин? Переводчик «Тысячи и одной ночи»?

— Лгать не хочу и незачем. Да, это я.

Лев Руах плюнул на Бёртона, но его слюну отнесло в сторону ветром.

---

* Мишель Ней (1769–1815) — маршал армии Наполеона. С возвращением к власти Бурбонов арестован и расстрелян.

** Лукреция Борджиа (1480–1519) — представительница знатного итальянского рода испанского происхождения, известная многочисленными браками и политическими интригами.

*** Ричард III (1452–1485) — английский король с 1483 г. Взошел на престол предположительно после убийства в Тауэре детей своего старшего брата, Эдуарда IV.

— Сукин вы сын! — прокричал он.— Вшивый нацистский ублюдок! Читал я про вас! Какой выдающийся человек, можно себе представить! Только вы были антисемитом!

Глава 7

Бёртон был потрясен. Он сказал:

— Этот беспочвенный и злобный слух распространяли мои враги. Но всякий, кто был знаком с фактами и со мной, знал, как все обстоит на самом деле. А теперь, я думаю, вам следовало бы...

— А что, не вы написали «Евреи, цыгане и ислам»? — скорчив гримасу, вопросил Руах.

— Я,— ответил Бёртон. Лицо его зарделось, и, опустив голову, он заметил, что все тело покраснело.— А теперь, я думаю, как я собирался сказать, пока вы не прервали меня, вам лучше уйти. Если бы положение дел было обычным, я бы вас уже держал за глотку. Человеку, который так разговаривает со мной, приходится держать ответ за свои слова и защищать их поступками. Но положение необычное, и вы, вероятно, переволновались. Не знаю. Но если вы немедленно не извинитесь или не уйдете, я сейчас же превращу вас в следующий труп.

Руах сжал кулаки и гневно глянул на Бёртона, потом развернулся и зашагал прочь.

— Что такое нацист? — спросил Бёртон у Фрайгейта.

Американец постарался объяснить как можно более доходчиво.

— Много мне нужно узнать обо всем, что произошло после того, как я умер,— сказал Бёртон.— Этот человек ошибся на мой счет. Никакой я не нацист. И вы говорите, что Англия стала державой второго сорта? Всего через пятьдесят лет после моей смерти? Верится с трудом.

— С какой стати я бы стал вас обманывать? — возразил Фрайгейт.— Только не стоит так огорчаться. К концу двадцатого века она снова воспрянула, и самым любопытным образом, хотя было уже слишком поздно...

Слушая янки, Бёртон чувствовал гордость за свою родину. Хотя при жизни Англия относилась к нему более чем небрежно и хотя ему всегда хотелось поскорее смыться с родного острова, как только он туда попадал, он стал бы сражаться за родину насмерть. И еще он был предан королеве.

Неожиданно он спросил:

— Если вы догадались, кто я такой, почему молчали?

— Хотел удостовериться. И потом, у нас было не так много времени для светского общения,— пояснил Фрайгейт.— Да и для всякого другого тоже,— добавил он, искоса поглядывая на чудесную фигуру Алисы Харгривз.

— Про нее я тоже знаю,— сказал он.— Если она та женщина, за которую я ее принимаю.

— Я ее совсем не знаю,— отозвался Бёртон и остановился. Они поднялись по склону первого холма и оказались на его вершине. Тело положили на землю под высоченной красной сосной.

Кавз, зажав в ручище сланцевый ножик, тут же уселся на корточки около трупа. Задрав голову к небу, он выговорил несколько фраз, которые, скорее всего, представляли собой ритуальную песнь. А потом, пока остальные не успели и ртов раскрыть, он разрезал тело и вытащил печень.

Многие в ужасе закричали. Бёртон хмыкнул. Монат не сводил с Кавза глаз.

Громадные зубищи Кавза впились в кровоточащий орган и оторвали от него здоровенный кусок. Массивные челюсти неандертальца задвигались, пережевывая лакомство. Он полуприкрыл глаза от восторга. Бёртон подошел к нему и протянул руку, намереваясь этим выразить протест. Кавз осклабился, отрезал кусок и протянул Бёртону. Он не на шутку удивился, когда тот отказался.

— Каннибал! — воскликнула Алиса Харгривз.— О боже, кровожадный, дурно пахнущий каннибал! И это — обещанная загробная жизнь!

— Он ничуть не хуже наших предков,— сказал Бёртон. Сам он уже оправился от потрясения и даже наслаждался — немножко — реакцией остальных.— В местах, где, похоже, с едой дела обстоят плоховато, его действия на редкость практичны. Ну а наша задача схоронить труп, не располагая нужными инструментами для того, чтобы копать землю, разрешена. И потом, если мы ошиблись насчет того, что наши контейнеры — это источник питания, мы вскоре последуем примеру Кавза!

— Никогда! — выкрикнула Алиса.— Лучше я умру!

— Вот именно,— подтвердил Бёртон холодно.— Предлагаю отойти и дать ему поесть. Мне это зрелище аппетита не прибавляет, и я нахожу его таким же тошнотворным, как трапезы янки

на фронтире*. Или провинциальных прелатов**,— добавил он, чтобы немного утешить Алису.

Они отошли подальше от Кавза, за одно из гигантских сучковатых деревьев. Алиса сказала:

— Не желаю находиться рядом с ним. Он животное, мерзость! И я ни секунды не буду чувствовать себя спокойно, если он будет рядом!

— Вы просили защиты,— сказал Бёртон.— И я предоставлю вам ее, пока вы будете членом этой группы. Но вам также придется соглашаться с моими решениями. Одно из них таково: обезьяночеловек остается с нами. Мы нуждаемся в его силе и умениях, которые представляются мне весьма соответствующими этому миру. Мы стали примитивными, стало быть, можем поучиться у примитивного человека. Он остается.

Алиса обвела остальных умоляющим взглядом, не говоря ни слова. Монат нахмурился. Фрайгейт пожал плечами и сказал:

— Миссис Харгривз, если только можете, забудьте о своих нравах, о своих убеждениях. Мы находимся не в замечательном первоклассном викторианском раю. Да и вообще ни в каком не в раю — из тех, о которых когда-то мечтали. Вы не можете здесь думать и вести себя так, как на Земле. Во-первых, вы жили в обществе, где женщины с головы до ног закрывали себя тяжелыми платьями и вид обнаженной женской коленки представлял собой волнующее сексуальное событие. Тем не менее вы, похоже, не слишком страдаете от того, что обнажены. Вы так уравновешенны и горды, словно на вас монашеский балахон.

— Я от этого не в восторге,— возразила Алиса.— Но чего мне стыдиться? Там, где наги все, нагих нет. Ничего не поделаешь, верно? И если бы какой-нибудь ангел явился и предложил мне одежду, я бы не стала ее надевать. Тогда я стала бы непохожей на остальных. И потом, у меня хорошая фигура. Не будь это так, я бы больше страдала.

Мужчины рассмеялись, и Фрайгейт сказал:

— Вы просто сказочны, Алиса. Совершенно сказочны. Можно, я буду звать вас Алисой? Миссис Харгривз — это как-то чересчур официально, когда говоришь с обнаженной женщиной.

---

* Фронтир (от *англ.* frontier — граница) — линия продвижения американских поселенцев на запад от Восточного побережья Северной Америки.

** Прелат — высший духовный сан в католической и англиканской церквах.

Она ничего не ответила — отошла прочь и исчезла за большим деревом. Бёртон сказал:

— В будущем надо будет что-то предпринять в отношении санитарии. А это значит, что кто-то должен будет принимать решения в области стратегии здравоохранения и обладать властью принимать законы и следить за их выполнением. Но как сформировать правоохранительные, судебные и исполнительные органы, когда царит такая анархия?

— Давайте вернемся к проблеме более насущной,— посоветовал ему Фрайгейт.— Что нам делать с мертвецом?

А ведь не так давно он был побледнее — когда Кадзз препарировал труп сланцевым ножом.

Бёртон ответил:

— Уверен: человеческая кожа, правильно выдубленная, и человеческие кишки, соответствующим образом обработанные, будут намного лучше травы для изготовления веревок и креплений. Я собираюсь срезать несколько полосок кожи. Хотите мне помочь?

Только ветерок, шевеливший листья деревьев и верхушки стеблей травы, нарушал тишину. Солнце нещадно палило, тела покрывались потом, который тут же высыхал на ветру. Ни птичьего пения, ни жужжания насекомых. А потом тишину разорвал хриплый голос девочки. Ей ответил голос Алисы, и девочка побежала к ней, за дерево.

— Попробую,— ответил американец.— Правда, не знаю. Я уже столько пережил сегодня — для одного дня хватит.

— Тогда как хотите,— отозвался Бёртон.— Только любой, кто мне поможет, первым получит возможность воспользоваться кожей. И вы можете очень даже захотеть немного кожи, когда вам понадобится привязать топор к топорищу.

Фрайгейт шумно сглотнул и сказал:

— Иду.

Кадзз все еще сидел на корточках около трупа, сжимая в одной руке окровавленную печень, а в другой — окровавленный каменный нож. Увидев Бёртона, он ухмыльнулся перепачканными губищами и отхватил ножом кусок печени. Бёртон покачал головой. Остальные — Галеацци, Бронтич, Мария Туччи, Филипс Рокко, Роза Нанини, Катерина Капоне, Фиоренца Фиорри, Бабич и Гуинта — отошли подальше от отвратительного зрелища. Они уселись за сосной с могучим стволом и приглушенно разговаривали по-итальянски.

Бёртон опустился на колени около трупа и провел кончиком ножа от правого колена к ключице. Фрайгейт стоял рядом и смотрел. Он побледнел еще сильнее и весь дрожал. Но стоял не двигаясь до тех пор, пока Бёртон не срезал с тела две длинные полоски кожи.

— Хотите попробовать? — спросил Бёртон и перевернул тело на бок, чтобы срезать полоски подлиннее.

Фрайгейт взял окровавленный нож и, стиснув зубы, принялся за работу.

— Не так сильно,— посоветовал Бёртон немного погодя.— Вы и так надрезаете достаточно глубоко. Ну-ка, дайте мне нож. Смотрите!

— У меня был сосед, который подвешивал своих кроликов за гаражом и перерезал им глотки после того, как ломал шеи,— сказал Фрайгейт.— Я как-то раз на это посмотрел. Мне хватило.

— Вы не можете себе позволить ни брезгливости, ни слабости желудка,— сказал Бёртон.— Вы находитесь в самых что ни на есть примитивных условиях. И вы должны быть примитивным, чтобы выжить, нравится вам это или нет.

Бронтич, высокий тощий словенец, прежде бывший содержателем закусочной, подбежал к ним и сообщил:

— Мы только что нашли еще один каменный гриб. Примерно ярдах в сорока отсюда. Он там, за деревьями в низине.

Удовольствие, которое испытывал Бёртон, читая нотацию Фрайгейту, миновало. Ему стало жаль парня. Он сказал:

— Послушайте, Питер, почему бы вам не поглядеть на камень? Если он действительно здесь есть, мы могли бы не мотаться к реке.

Он вручил Фрайгейту свой цилиндр.

— Вставьте его во вмятину на камне, только хорошенько запомните, в какую именно. И пусть остальные сделают так же. Проследите, чтобы они запомнили, куда вставили свои цилиндры. Ни к чему нам лишние ссоры, понимаете?

Как ни странно, похоже, Фрайгейту не очень-то хотелось уходить. Он, видимо, решил, что Бёртон отсылает его из-за того, что считает слабаком. Некоторое время он постоял на месте, переминаясь с ноги на ногу, и несколько раз вздохнул. Потом ушел. Бёртон же продолжал работу — соскребал ткани с полосок кожи. Фрайгейт шагал, сжимая в одной руке два цилиндра, а в другой — топор.

Как только американец скрылся, Бёртон прекратил работу. Он понял, как срезать полосы кожи, и мог теперь рассечь туловище и вынуть кишки. Но пока он не располагал ничем, что позволило бы сохранить и кожу, и кишки. Возможно, в коре деревьев, похожих на дубы, содержится танин, который наряду с другими веществами можно использовать для дубления человеческой кожи. Но к тому времени, когда эти вещества будут добыты, кожа сгниет. Но он все равно недаром потратил время. Качество каменных ножей доказано, и к тому же он освежил в памяти знания об анатомии человека. В юности, в Пизе, Ричард Бёртон и его брат Эдвард водили дружбу с итальянскими студентами с медицинского факультета университета. И Бёртон, и его брат многому научились у них, и ни тот ни другой не теряли интереса к анатомии. Эдвард стал хирургом, а Ричард посещал лекции, а также присутствовал на публичных и частных вскрытиях в Лондоне. Но забыл многое из того, чему тогда научился.

Вдруг солнце ушло за горы. Бёртона окутала бледная тень, и через несколько минут вся долина погрузилась в сумерки. Но еще долго небо сохраняло яркую синеву. Ветер дул не сильнее, чем прежде. Насыщенный влагой воздух стал чуть прохладнее. Бёртон и неандерталец подняли труп и пошли на звуки голосов остальных. Все собрались у каменного гриба, о котором говорил Бронтич. Бёртон подумал о том, нет ли у подножия горы и других грибов, расставленных на расстоянии в милю. У найденного гриба, однако, не было центрального углубления. Может быть, это означало, что он не готов к действию. Но Бёртон так не подумал. Можно было предположить, что кто бы ни расставил здесь каменные грибы, этот кто-то установил цилиндры посередине тех, что стояли на берегу реки, потому, что воскресшие первым делом заметили бы именно их. А к тому времени, как нашли бы камни, удаленные от реки, уже знали бы, как ими пользоваться.

Цилиндры расставили в углублениях ближайшего к краю круга. Владельцы граалей встали или расселись неподалеку — разговаривали, но думали только о цилиндрах. Все гадали, когда появится — и появится ли вообще — синее пламя. Разговоры в основном вертелись вокруг того, как все они голодны. В остальном высказывались различные предположения о том, как все они здесь оказались, кто те, кто их сюда забросил, где они и что их всех ожидает. Некоторые болтали о своей жизни на Земле.

Бёртон уселся под раскидистыми, плотно усаженными листьями ветвями сучковатого черноствольного железного дерева. Он

устал, как и все, кроме Казза. Голод и волнение не давали задремать, хотя негромкие голоса и шелест листвы убаюкивали. Низина, где расселась в ожидании группа людей, представляла собой ровное пространство, образованное подножиями четырех холмов и окруженное деревьями. Хотя тут было темнее, чем на вершинах холмов, казалось, тут намного теплее. Через некоторое время, когда стало еще темнее и прохладнее, Бёртон организовал бригаду по сбору дров для костра. С помощью ножей и топоров они нарезали и нарубили много стволов зрелого бамбука и сложили на траву штабелями. Раскаленной добела проволочкой зажигалки Бёртон поджег листья и траву. Они были зеленые, поэтому костер сильно дымил, пока в него не подбросили бамбук.

Вдруг послышался взрыв, от звука которого все вскочили на ноги. Некоторые женщины вскрикнули. Они ведь совсем забыли следить за каменным грибом. Бёртон обернулся как раз вовремя — он увидел, как примерно на двадцать футов взметнулось синее пламя. Бронтич, находившийся в это время футах в двадцати от гриба, наверняка ощутил тепло, исходившее от него.

Потом стало тихо, и все поспешили к своим цилиндрам. Бёртон снова первым взобрался на гриб. Остальные не слишком торопились лезть на камень сразу после того, как там заполыхал огонь. Бёртон поднял крышку своего контейнера и радостно вскрикнул. Остальные забрались наверх и заглянули в свои граали. Через минуту все уже сидели у костра, торопливо жевали, вскрикивали от радости, показывали друг другу то, что обнаружили в контейнерах, смеялись и шутили. Все складывалось в конце концов не так уж скверно. Кто бы ни был повинен в случившемся, он проявлял о них заботу.

Пищи оказалось много даже для тех, кто весь день голодал или — как заметил Фрайгейт — «проголодал половину вечности». Под этим, как он объяснил Монату, он подразумевал, что невозможно понять, сколько времени миновало от две тысячи восьмого года до сегодняшнего дня. Этот мир явно был создан не за один день, а подготовка человечества к воскрешению заняла больше семи дней. То есть если все случившееся носило научный, а не сверхъестественный характер.

В контейнере Бёртона оказался четырехдюймовый кубик — отбивная, небольшой шарик темного хлеба, масло, картофель с подливкой, латук и салат незнакомого, но приятного вкуса. Кро-

ме того, там оказалась чашка в пять унций вместимостью с великолепным бурбоном и еще маленькая чашечка, в которой лежало четыре кубика льда.

И еще кое-что, что порадовало его куда больше, поскольку он этого совсем не ожидал. Небольшая вересковая трубка. Кисет с трубочным табаком. Три сигары. Пластиковая пачка с десятью сигаретами.

— Без фильтра! — воскликнул Фрайгейт.

Обнаружилась и еще одна тонкая коричневая сигаретка, которую Бёртон понюхал как раз тогда, когда свою понюхал Фрайгейт, и они одновременно воскликнули:

— Марихуана!

Алиса, сжав в руках небольшие металлические ножницы и черную расческу, проговорила:

— Наверно, у нас отрастут волосы. Иначе зачем было бы класть сюда эти вещи? Как я рада! Только... Они... что, действительно считают, что я вот этим буду пользоваться?

Она держала тюбик с ярко-алой помадой.

— Или я? — в тон ей проговорил Фрайгейт, глядя на такой же тюбик.

— Они на редкость практичны,— сказал Монат, развернув пачку, в которой лежало не что иное, как туалетная бумага. Потом вытащил из контейнера шарик зеленого мыла.

Отбивная, доставшаяся Бёртону, оказалась очень нежной, хотя он предпочел бы, чтобы она была менее прожарена. А Фрайгейт, наоборот, пожаловался — ему его отбивная показалась сыроватой.

— Видимо, в этих грибах нет меню для каждого в отдельности,— сказал Фрайгейт.— Вот потому-то мужчинам тоже достается губная помада, а женщинам — трубки. Массовое производство.

— Два чуда за один день,— проговорил Бёртон.— То есть если это чудеса. Я предпочитаю рациональное объяснение и намерен найти его. Не думаю, чтобы кто-то мог сейчас объяснить мне, каким образом мы воскресли. Но, может быть, у вас, жителей двадцатого столетия, есть разумная теория, способная объяснить, как, если не чудом, появились все эти вещи в контейнере, который до того был пуст?

— Если вы сравните внешнюю и внутреннюю поверхности контейнера,— сказал Монат,— вы заметите, что по глубине они

отличаются примерно сантиметров на пять. В ложном днище может находиться молекулярный контур, способный материализовать энергию. А энергия, очевидно, поступает к контейнеру во время выброса разряда из камня. Помимо энергоматериализующего конвертера контейнер должен содержать молекулярные... шаблоны? матрицы? Те схемы, которые переформировывают материю в различные комбинации элементов и ингредиентов.

Мои рассуждения недалеки от истины, поскольку на моей родной планете у нас были подобные конвертеры. Но ничего такого миниатюрного, вроде этого цилиндра, и в помине не было.

— На Земле тоже,— сказал Фрайгейт.— Еще до две тысячи второго года научились изготовлять железо из чистой энергии, но процесс этот был сложнейшим и жутко дорогостоящим при том, что результаты получались почти что микроскопическими.

— Славно,— сказал Бёртон.— А все это не стоило нам ни гроша. Пока...

Он умолк, думая о том сне, что приснился ему как раз перед тем, как он очнулся.

— *Плати,*— сказал Бог.— *Ты задолжал мне за плоть.*

Что это означало? На Земле, в Триесте, в тысяча восемьсот девяностом году он умирал в объятиях жены и просил... чего он просил? Хлороформа? Чего-то просил. Но вспомнить не мог. А потом — забытье. А потом он очнулся в том кошмарном месте и видел такое, чего не бывает на Земле и, насколько он успел заметить, на этой планете тоже. Но то был не сон.

Глава 8

Покончив с едой, посуду поставили в углубление в цилиндре. Поскольку воды поблизости не было, мытье посуды приходилось отложить до утра. Фрайгейт и Казз, правда, сделали из сегментов гигантского бамбука несколько ведер. Американец вызвался сходить к реке, если кто-нибудь пойдет вместе с ним, и наполнить ведра водой. Бёртону стало интересно, с какой стати молодой человек добровольно вызвался пойти туда. Но, глянув на Алису, понял почему. Фрайгейт, видимо, надеялся найти приятное женское общество. Видимо, то, что Алиса предпочитала Бёртона, он принял как должное. А другие дамы — Туччи, Малини, Капоне и Фьорри — уже сделали свой выбор, остановив его соответственно на Галеацци, Бронтиче, Рокко и Гуиннте. Бабич

отошел в сторонку — видимо, по той же самой причине, по которой хотел уйти Фрайгейт.

С Фрайгейтом ушли Монат и Кавз. Небо неожиданно наполнилось громадными вспышками и большими облаками светящегося газа. Сияние бесчисленных звезд, многие из которых были так велики, что казались обломками, отколовшимися от земной луны, и свет, исходивший от облаков, угнетали и заставляли людей чувствовать себя ничтожными и слабыми.

Бёртон улегся на спину на кучу листвы и закурил сигару. Она оказалась превосходной и стоила бы в его времена в Лондоне не меньше шиллинга. Теперь он уже не чувствовал себя таким мелким и никчемным. Звезды — это неодушевленная материя, а он живой. Ни одной звезде не ведом тонкий аромат дорогой сигары. И ей ничего неизвестно об экстазе, который испытываешь, когда прижимаешь к себе теплую, чудесно сложенную женщину, после того как выкуришь сигару.

По другую сторону от костра, кто наполовину, кто целиком укрывшись в травах и тени, улеглись жители Триеста. Спиртное разволновало их, хотя их раскрепощенность до некоторой степени могла проистекать от радости оттого, что они снова живы и молоды. Они хихикали и смеялись, катались по траве и громко, с причмокиванием, целовались. А потом, парочка за парочкой, ушли во тьму. Ну, или по крайней мере перестали шуметь.

Малышка уснула рядом с Алисой. Пламя костра бросало отблески на красивое аристократическое лицо Алисы, лысую макушку, прекрасное тело и длинные ноги. Бёртон вдруг понял, что воскрес весь и окончательно. Он уже определенно больше не был стариком, который последние шестнадцать лет только и делал, что тяжко расплачивался за все перенесенные лихорадки и другие хворобы, иссушившие его в тропиках. Теперь он снова был молод, здоров и одолеваем прежним беспокойным духом.

Но он пообещал ей, что будет защищать ее. Он не мог сделать ни единого шага, сказать ни единого слова, которые она сочла бы оскорбительными.

Ладно, в конце концов, она не единственная женщина в мире. На самом деле, к его услугам множество женщин, если не немедленно, то по крайней мере потенциально. То есть это так, если воскресли все, кто жил на Земле, и теперь находились на этой планете. Тогда она всего лишь одна из многих миллиардов (скорее всего, из тридцати шести миллиардов, если не ошибается Фрайгейт). Но, конечно, наверняка судить невозможно.

Но вот проклятье — Алиса запросто могла быть единственной в мире, по крайней мере — сейчас, в этот момент. Он не мог встать и уйти во мрак в поисках другой женщины, потому что тогда оставил бы ее и ребенка без защиты. Она, несомненно, не будет чувствовать себя в безопасности рядом с Каззом и Монатом, и в этом Бёртон не мог ее винить. Они были так ужасающе уродливы. Не мог он передоверить ее и Фрайгейту — если даже Фрайгейт вернется ночью, в чем Бёртон сомневался,— поскольку молодой человек был ему мало знаком.

Бёртон неожиданно расхохотался — такой смешной представилась ему ситуация. Он решил, что нынче ночью придется смириться. От этой мысли он снова расхохотался и хохотал до тех пор, пока Алиса не спросила, все ли с ним в порядке.

— Более, чем вы думаете,— ответил он и повернулся к ней спиной. Потом он открыл цилиндр и достал оттуда последний предмет. То была небольшая плоская палочка из вещества, напоминающего на ощупь каучук. Фрайгейт перед тем, как уйти, заметил, что их неведомые опекуны не иначе как американцы. Иначе они ни за что не додумались бы обеспечить всех жевательной резинкой.

Загасив окурок сигары в земле, Бёртон сунул в рот палочку резинки.

— Странный, но довольно приятный вкус,— сказал он.— Вы свою попробовали?

— Чувствую искушение, но боюсь, что стану выглядеть как корова, жующая жвачку.

— А вы забудьте про то, что вы — леди,— посоветовал Бёртон.— Неужели вы думаете, что существа, обладающие силой воскрешения, отличаются вульгарными вкусами?

Алиса едва заметно улыбнулась, проговорила:

— Откуда мне знать? — и сунула палочку в рот. Некоторое время они рассеянно жевали резинку, глядя друг на друга сквозь пламя костра. Алиса задерживала взгляд на Бёртоне по нескольку секунд, а потом опускала глаза.

Бёртон сказал:

— Фрайгейт обмолвился, что знает вас. Вернее, *про* вас. Ну, так кто же вы такая, да простится мне мое непристойное любопытство?

— У мертвых нет секретов,— негромко отозвалась Алиса.— И у бывших мертвецов тоже,— добавила она.

Она родилась под именем Алиса Плэзанс Лидделл двадцать пятого апреля тысяча восемьсот пятьдесят второго года (Бёртону тогда было тридцать). Она происходила от короля Эдуарда III* и его сына, Джона Гентского**. Ее отец был деканом Оксфордского колледжа Крайст Черч и соавтором знаменитого греко-английского словаря («Лидделл и Скотт» — вспомнил Бёртон). У нее было счастливое детство, она получила прекрасное образование и была знакома со многими знаменитостями ее времени: Гладстоном***, Мэтью Арнольдом**** и принцем Уэльским, который, обучаясь в Оксфорде, находился под попечительством ее отца. Мужем ее был Реджинальд Джервис Харгривз, и она очень любила его. Он был провинциальным джентльменом, любил охоту, рыбалку, игру в крикет, выращивание деревьев и чтение французских книг. У нее было трое сыновей, все дослужились до звания капитанов, двое погибли во время Первой мировой войны (вот уже во второй раз Бёртон услыхал о мировой войне).

Она говорила и говорила, словно спиртное развязало ей язык. Или так, будто хотела загородиться разговором, как барьером, от Бёртона.

Она рассказывала о Дине, полосатой кошке, которую обожала в детстве, о высоких деревьях, которые росли в поместье ее мужа, о том, как ее отец, когда работал над словарем, всегда чихал в полдень, и никто не мог понять почему... о том, что в возрасте восьмидесяти лет ей присвоили звание почетного доктора литературы Колумбийского университета за ту важную роль, которую она сыграла в создании знаменитой книги мистера Доджсона***** (название упомянуть Алиса не удосужилась, а Бёртон, хотя и много читал, никак не мог припомнить ни одной книги мистера Доджсона).

---

* Эдуард III (1312–1377) — английский король, сын Эдуарда II, правил с 1327 г. В 1337 г. начал Столетнюю войну с Францией.

** Джон Гентский (1340–1399) — герцог Ланкастерский, английский принц, четвертый сын Эдуарда III.

*** Уильям Барт Гладстон (1809–1898) — английский политический деятель, премьер-министр Великобритании от либеральной партии в период с 1868-го по 1894 г.

**** Арнольд Мэтью (1822–1888) — английский поэт, критик и публицист, деятель Просвещения.

***** Чарльз Латуидж Доджсон — настоящее имя Льюиса Кэрролла (1832–1898), английского писателя и математика, автора знаменитой «Алисы в Стране чудес». Прототипом главной героини послужила Алиса Лидделл.

— Тогда действительно стоял золотой день,— сказала она,— хотя обещали совсем другую погоду. Четвертого июля тысяча восемьсот шестьдесят второго года, мне тогда было десять лет... мы с сестрами* обулись в черные туфельки, надели белые ажурные носочки, белые хлопчатобумажные платьица и широкополые шляпы.

Она широко раскрыла глаза и, время от времени поеживаясь, словно с чем-то боролась внутри себя, заговорила еще быстрее:

— Мистер Доджсон и мистер Дакворт** несли корзинки для пикника... мы отплыли на лодке от моста Фолли вверх по Изу — на этот раз вверх по течению, чтобы было поинтереснее. Мистер Дакворт сидел на месте загребного, и с его весла падали капли, словно стеклянные слезы, на зеркальную поверхность Иза, и...

Последние слова для Бёртона прозвучали словно раскаты грома. Он удивленно посмотрел на Алису — ее губы двигались так, словно она разговаривала самым обычным тоном. Взгляд ее был устремлен на Бёртона, но казалось, она смотрит сквозь него, в пространство и время, оставшиеся в прошлом. Она приподняла руки, словно чему-то удивилась и не могла сдвинуться с места.

Все звуки усилились. Бёртон слышал дыхание девочки, биение ее сердца и сердца Алисы, слышал, как урчит у Алисы в животе, как легкий ветерок шуршит листвой деревьев. Издалека донесся чей-то крик.

Он встал и прислушался. Что произошло? Почему обострились чувства? Почему он слышал, как бьются чужие сердца, но не слышал, как бьется его собственное? А еще он ощущал форму и строение травы под ногами. И почти чувствовал отдельные молекулы воздуха, ударявшие по его телу.

Алиса тоже встала.

— Что случилось? — спросила она, и ее голос налетел на него, как сильный порыв ветра.

Он не ответил, потому что смотрел на нее. Теперь, только теперь, так ему казалось, он *видит* ее тело впервые. И *ее*. Всю Алису.

---

* В этот день состоялась знаменательная прогулка на лодке по реке, во время которой Алиса и ее сестры (Лорина и Эдит) упросили Доджсона рассказать им сказку. Так родилась «Алиса в Стране чудес».

** Дакворт Робинсон — молодой преподаватель математики, коллега доктора Доджсона.

Алиса пошла к нему, протянув руки вперед, полуприкрыв глаза. Ее влажные губы проговорили:

— Ричард! Ричард! — и она покачнулась.

Потом она остановилась, глаза ее широко раскрылись. Бёртон, раскинув руки, шагнул к ней.

— Нет! — крикнула она, отвернулась и бегом бросилась во тьму между деревьями.

Секунду Бёртон не двигался. Ему казалось невозможным, чтобы она, которую он любил так, как не любил никого и никогда, не полюбила его в ответ.

Наверное, она дразнила его. В этом все дело. Он побежал за ней, непрестанно выкрикивая ее имя.

Наверное, минули долгие часы, а потом их окропило дождем. То ли закончилось действие наркотика, то ли этому помогла холодная вода, но оба они словно очнулись от экстаза и состояния, похожего на сон, одновременно. Лицо Алисы озарила вспышка молнии, она посмотрела на Бёртона, вскрикнула и резко оттолкнула его.

Он упал на траву, но успел вытянуть руку и схватить Алису за лодыжку, когда она пыталась на четвереньках отползти от него.

— Что с тобой случилось? — крикнул он.

Алиса перестала вырываться. Села, уткнула лицо в колени. Тело ее сотрясали рыдания. Бёртон встал, приподнял рукой ее подбородок и заставил ее смотреть на него. Неподалеку снова сверкнула молния и осветила искаженные черты лица Алисы.

— Вы обещали защищать меня! — выкрикнула она.

— Вы вели себя совсем не так, словно хотели защиты,— сказал он.— И я не обещал защищать вас от естественных человеческих порывов.

— Порывов! — воскликнула она возмущенно.— Порывов! Боже мой, я в жизни ничем подобным не занималась! Я всегда была так порядочна! Я вышла замуж девственницей и всю жизнь хранила верность мужу! А теперь... совершенно незнакомый мужчина! Вот как! Не понимаю, что на меня нашло!

— Значит, я просчитался,— проговорил Бёртон и рассмеялся. Но и он начинал чувствовать сожаление и жалость. Если бы только все произошло по ее собственной воле, по ее желанию, тогда он бы теперь нимало не мучился угрызениями совести. Но в этой резинке содержался какой-то мощный наркотик, заставивший их вести себя как любовники, страсть которых не знает

пределов. И Алиса проявила такой же энтузиазм, как какая-нибудь опытная дама из турецкого гарема.

— Не стоит мучить себя и ругать,— нежно проговорил он.— Вы не владели собой. Вините во всем наркотик.

— Я сделала это,— плакала Алиса.— Я! Я!.. Я хотела этого! О, какая же я порочная, низкая шлюха!

— Не припомню, чтобы я предлагал вам деньги.

Он вовсе не хотел казаться бессердечным. Он хотел разозлить ее настолько, чтобы она забыла о самобичевании. И это ему удалось. Она вскочила и принялась колотить и царапать его лицо и грудь. Она обзывала его такими словами, на какие никогда не отважилась бы хорошо воспитанная высокородная леди викторианской эпохи.

Бёртон схватил Алису за запястья, чтобы не дать ей окончательно исцарапать себя, и держал ее так, а она продолжала оскорблять его на все лады. В конце концов она умолкла и снова расплакалась, и тогда он повел ее к лагерю. Костер превратился в кучку мокрого пепла. Бёртон разгреб золу, набросал сверху пригоршню травы, оставшейся сухой под прикрытием дерева. Вспыхнуло пламя, и в его свете Бёртон увидел девочку, которая спала, свернувшись калачиком, между Каззом и Монатом в траве под железным деревом. Потом он вернулся к Алисе, усевшейся под другое дерево.

— Уходите! — сказала она.— Я не желаю вас больше видеть! Вы обесчестили меня, запятнали мое доброе имя! И это после того, как вы обещали защищать меня!

— Можете замерзать, если хотите,— буркнул Бёртон.— Я просто хотел предложить нам прижаться друг к другу, чтобы согреться. Но если вам больше по душе мерзнуть, ваша воля. Повторяю: то, что произошло между нами, было действием наркотика. Нет, не так. Наркотики не могут вызывать желания или действия. Они просто позволяют им выйти на волю. То, что мы обычно в себе подавляем, высвободилось, и ни вам, ни мне не за что себя винить.

Но я солгал бы, если бы сказал, что не получил наслаждения, и вы солгали бы, если бы утверждали противоположное. Так зачем же терзать себя муками совести?

— Я не животное, как вы! Я добропорядочная богобоязненная добродетельная христианка!

— Не сомневаюсь,— сухо отозвался Бёртон.— Но позвольте мне еще раз напомнить вам: вы бы ни за что не сделали того, что

сделали, не будь в вашем сердце такого желания. Наркотик подавил ваши сдерживающие центры, но мысль о том, что вам делать, дал не наркотик. Мысль эта у вас уже была. Любое действие, происшедшее после приема наркотика, проистекало из того, чего вы хотели.

— Знаю! — воскликнула Алиса.— Неужели вы считаете меня какой-нибудь глупенькой служанкой? Я все понимаю! Я знаю, что я сделала и почему! Просто я никогда не думала, что могу быть такой... *такой женщиной!* Но ведь была! *Была!*

Бёртон пытался успокоить ее, доказать ей, что у любого человека в душе дремлют такие вещи, которых он не хочет. Он сказал ей о том, что немалую роль в этом играет догмат о первородном грехе. Она — человек, и, значит, в ней дремлют темные желания. И так далее. Но чем старательнее он успокаивал ее, тем хуже ей становилось. Потом, дрожа от холода и устав приводить бесполезные доводы, он сдался. Он улегся рядом с Монатом и Казом и прижал к себе девочку. Тепло трех человеческих тел, укрытых густой травой, приятное ощущение наготы убаюкали его. Он уснул, слыша, как в траве неподалеку тихо плачет Алиса.

Глава 9

Когда Бёртон проснулся, он увидел серый холодный рассвет, который арабы называют волчьим хвостом. Монат, Казз и девочка еще спали. Бёртон почесался — кое-где тело зудело из-за того, что он лежал на колючей траве,— и встал. Костер погас. На листве и стеблях травы висели капельки росы. Бёртон поежился от холода. Но он не чувствовал усталости или каких-то пагубных последствий действия наркотика, как ожидал. В траве под деревом он разыскал кучу более или менее сухого бамбука, развел костер и некоторое время сидел около него, чувствуя себя в высшей степени приятно. Потом на глаза ему попались бамбуковые ведра, и он попил из одного из них. Алиса сидела на кучке травы и сердито смотрела на него. Кожа у нее покрылась пупырышками.

— Идите погрейтесь! — крикнул ей Бёртон.

Она потянулась, встала, подошла к бамбуковому ведру, наклонилась, зачерпнула воды и поплескала на лицо. Потом присела у костра и стала греть руки у невысокого пламени. «Когда все наги, как быстро даже самые стыдливые расстаются со стыдливостью»,— подумал Бёртон.

Мгновение спустя Бёртон услышал, как зашуршала трава. Появилась лысая голова Питера Фрайгейта. Он вышел из травы, а за ним появилась женщина с мокрым красивым телом. Глаза у женщины были большие, темно-зеленые, а губы слишком пухлые для того, чтобы быть красивыми. В остальном же она была прекрасна.

Фрайгейт широко улыбался. Он обернулся и потянул женщину за руку к теплу костра.

— Вы выглядите как кот, который только что съел канарейку,— отметил Бёртон.— Что у вас с рукой?

Питер Фрайгейт глянул на костяшки пальцев правой руки. Они припухли, а на тыльной стороне ладони краснели царапины.

— Подрался,— ответил он и указал пальцем на женщину, которая присела рядом с Алисой и грелась у костра.— Побывал, можно сказать, в сумасшедшем доме у реки нынче ночью. Наверное, в резинке был какой-то наркотик. Вы бы не поверили, что там люди вытворяли. Или поверили бы? В конце концов, вы же Ричард Фрэнсис Бёртон. В общем, расхватали всех женщин, даже самых уродливых. Я поначалу напугался всего, что там творилось, а потом я сам чокнулся. Я стукнул двоих мужиков своим контейнером, сбил их с ног. Они приставали к десятилетней девочке. Может быть, я их и прикончил, но надеюсь, что нет. Попробовал уговорить девочку пойти со мной, но она убежала и скрылась в темноте.

Я решил вернуться сюда. Мне стало жутко не по себе из-за того, что я сделал с теми мужиками, пускай даже они это заслужили. Во всем виноват наркотик, он, наверное, вытянул наружу скопившиеся за всю жизнь ярость и злобу. Ну, в общем, я пошел сюда и по дороге наткнулся еще на двоих мужиков, только эти приставали к женщине — вот к этой. Думаю, она была не столько против близости вообще, сколько против того, что они набросились на нее вдвоем. В общем, она кричала или пыталась кричать и отбивалась, а они взяли да и начали ее избивать. Ну а я стал колотить их кулаками, а потом принялся бить цилиндром.

— Я их прогнал, а потом взял женщину — кстати, ее зовут Логу, и это все, что я о ней знаю, потому что не понимаю ни слова из того, что она говорит,— и она пошла со мной. Но сюда,— Фрайгейт снова ухмыльнулся,— мы не дошли.

Он перестал ухмыляться и поежился.

— А потом мы проснулись, потому что пошел дождь, и стало так громыхать, и так засверкали молнии, словно Бог прогневал-

ся на весь мир. Я подумал — только не смейтесь,— что настал Судный день и что Господь дал нам передышку для того, чтобы мы расслабились, и теперь будет судить нас. И теперь нас уж точно швырнут на сковородку.

Он негромко рассмеялся и сказал:

— Я с четырнадцати лет был агностиком, и агностиком помер в возрасте девяноста лет, хотя и подумывал перед смертью позвать священника. Но тот малыш, что боялся старенького дедушку Господа, адского пламени и проклятия,— он никуда не делся, он остался и внутри старика. Или внутри молодого человека, воскресшего из мертвых.

— Да что случилось-то? — спросил Бёртон.— Разве наступил конец света из-за раската грома и удара молнии? Как я посмотрю, вы на месте и не отказались от греховных прелестей этой дамы.

— Мы нашли еще один каменный гриб около гор. Примерно в миле к западу отсюда. Мы заблудились, бродили иззябшие, промокшие, подпрыгивали от страха всякий раз, когда поблизости ударяла молния. А потом нашли гриб. Там было полно народу, но все оказались на редкость дружелюбны, и когда рядом столько людей, то тепло, и было тепло, хотя дождь немножко проникал сквозь траву. В конце концов мы уснули, когда дождь уже давно кончился. Когда я проснулся, я обшарил заросли травы и нашел Логу. Она ухитрилась каким-то образом заблудиться в темноте. Но она обрадовалась, когда увидела меня, а мне она очень нравится. У нас есть что-то родственное. Может, я сумею понять, что именно, когда она научится говорить по-английски. Я перепробовал все языки, какие знаю,— английский, французский и немецкий, отдельные русские, литовские, гэльские слова, все скандинавские языки, включая финский, классический науатль*, арабский, иврит, ирокезский, онондага, оджибуэйский**, итальянский, испанский, латынь, современный и гомеровский греческий и еще с десяток других. Итог — непонимающие взгляды.

— Да вы заправский лингвист,— отметил Бёртон.

— Я не слишком бегло говорю на всех этих языках,— возразил Фрайгейт.— Читать могу на всех, но говорить могу только самые распространенные повседневные фразы. В отличие от вас я не знаток тридцати девяти языков, а уж тем более порнографии.

* Науатль — язык жителей ацтекской империи, на котором и теперь разговаривает ряд индейских племен Мексики.

** Онондага, оджибуэйский — языки индейских племен Северной Америки.

«Похоже, этот парень многовато про меня знает»,— подумал Бёртон. И решил, что попозже надо будет разузнать поточнее.

— Честно говоря, Питер,— сказал Бёртон,— рассказ о проявленной вами агрессивности поразил меня. Я не представлял, что вы способны напасть на такое число мужчин и поколотить их. При вашей-то щепетильности...

— Это все резинка, конечно. Она открыла дверцу клетки.

Фрайгейт присел рядом с Логу и потерся плечом о ее плечо. Она посмотрела на него полуприкрытыми, чуть сощуренными глазами. Когда у этой женщины отрастут волосы, она будет красива.

Фрайгейт продолжал:

— Я так робок и щепетилен из-за того, что боюсь гнева, желания проявлять жестокость, которое глубоко спрятано внутри меня. Я боюсь жестокости, потому что я жесток. Я боюсь того, что случится, если я перестану бояться. Черт подери, я об этом знал сорок лет. И много же хорошего принесло мне это знание!

Он глянул на Алису и проговорил:

— Доброе утро!

Алиса довольно живо отозвалась на приветствие и улыбнулась, когда Фрайгейт представил ей Логу. На Бёртона она смотрела и на его прямые вопросы отвечала, хоть и холодно, но болтать с ним не собиралась.

Монат, Казз и девочка, позевывая, подошли к костру. Бёртон побродил по окрестностям лагеря и обнаружил, что ни одного из триестцев нет. Некоторые из них бросили свои цилиндры. Он выругал их за беспечность и подумал, не оставить ли граали в траве, чтобы проучить их, но потом поднял цилиндры и вставил их в углубления каменного гриба.

Если владельцы граалей не вернутся — останутся голодными, если только кто-то не поделится с ними едой. А еду, что в их цилиндрах, придется оставить нетронутой. Он их открыть не сумеет. Вчера они обнаружили, что только тот, кому принадлежит цилиндр, может открыть его. Эксперименты с длинной палочкой показали, что владелец должен прикоснуться к крышке пальцами или какой-то другой частью тела, чтобы она открылась. Фрайгейт предположил, что механизм грааля запрограммирован на особую конфигурацию кожного вольтажа владельца. А может быть, в

цилиндре содержался чувствительнейший детектор индивидуального излучения головного мозга.

Небо уже посветлело. Солнце пока не показалось из-за гор на востоке, что возвышались на двадцать тысяч футов. Примерно через полчаса из каменного гриба вырвалось синее пламя и прозвучал раскат грома. Гром, прогремевший у реки, эхом отлетел от гор.

В цилиндрах на этот раз оказались бекон и яйца, ветчина, тосты, масло, джем, молоко, четвертинка канталупы*, сигареты и чашечка с темно-коричневыми кристалликами — Фрайгейт сказал, что это растворимый кофе. Он выпил молоко, прополоскал чашку водой из бамбукового ведра и поставил у огня. Когда вода вскипела, Фрайгейт всыпал в чашку чайную ложку кристалликов и перемешал. Кофе оказался превосходным, и порошка хватало на шесть чашек. А потом Алиса всыпала кристаллики в воду, не ставя чашку к огню, и оказалось, что воду кипятить не обязательно — она сама вскипала в чашке через три секунды.

После еды перемыли посуду и убрали ее в цилиндры. Бёртон пристегнул свой грааль к запястью. Он собирался на разведку и уж конечно не думал оставлять грааль на камне. Хотя из этого ни для кого, кроме него самого, никакой пользы не было бы, какие-нибудь злодеи могли просто ради развлечения заставить его голодать.

Бёртон начал с девочкой и Каззом урок языка. Фрайгейт заставил Логу присоединиться. Фрайгейт предложил использовать универсальный язык, поскольку существовало слишком много языков и диалектов — пожалуй, пятьдесят—шестьдесят тысяч,— которыми пользовалось человечество в течение нескольких миллионов лет своего существования,— если, конечно, воскресло все человечество. В конце концов, он успел обойти всего лишь несколько квадратных миль. Но неплохо было бы начать пропагандировать эсперанто — синтетический язык, изобретенный польским окулистом доктором Заменгофом в тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году. Грамматика этого языка была до предела упрощена, а звуковые комбинации, хотя и не столь легкие для произношения, как утверждалось, все-таки особой сложности не представляли. Словарная основа языка была латинской, и, кроме того, в него входили многие слова из английского, немецкого и других западноевропейских языков.

* Разновидность дыни.

— При жизни я слышал об этом языке,— сказал Бёртон.— Но ни разу практически с ним не сталкивался. Может быть, он и окажется полезен. Пока же я с ними займусь английским.

— Но ведь большинство людей здесь говорит на итальянском и словенском! — возразил Фрайгейт.

— Может, и так, хотя мы этого еще не знаем наверняка. Но я тут оставаться навсегда не намерен, уверяю вас.

— Можно было предположить,— пробурчал Фрайгейт.— Вам всегда на месте не сиделось, все тянуло куда-то.

Бёртон бросил на Фрайгейта тяжелый взгляд и начал урок. Примерно минут пятнадцать он муштровал своих учеников в распознавании и произношении девятнадцати существительных и нескольких глаголов и местоимений: «огонь», «бамбук», «цилиндр», «мужчина», «женщина», «девочка», «рука», «нога», «глаз», «зубы», «есть», «ходить», «бежать», «говорить», «опасность», «я», «ты», «они», «мы». Он хотел узнать от них столько же, сколько они узнают от него. Со временем и он научится говорить на их языках, какими бы они ни оказались.

Солнце озарило вершины восточной горной гряды. Воздух потеплел, и костер погасили. Второй день жизни после воскрешения был в разгаре. А они ничего, почти ничего не знали ни о мире, в котором оказались, ни о своей будущей судьбе, ни о том, кто определял их судьбу.

Из густой травы высунулась носатая физиономия Льва Руаха.

— Можно к вам? — спросил он.

Бёртон кивнул, а Фрайгейт отозвался:

— Конечно, почему бы и нет?

Руах вышел из травы. Невысокая бледнокожая женщина с огромными карими глазами и приятными тонкими чертами лица вышла следом за ним. Руах представил ее как Таню Каувиц. Он познакомился с ней ночью, и они подружились, поскольку у них было много общего. Она была родом из семьи русских евреев, родилась в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом в Бронксе, районе Нью-Йорка, стала учительницей английского языка в школе, вышла замуж за бизнесмена, который сколотил миллион долларов и умер в возрасте сорока пяти лет, дав ей возможность выйти замуж за замечательного человека, роман с которым у нее тянулся уже пятнадцать лет. А шесть месяцев спустя она умерла от рака. Рассказал об этом не Лев, а сама Таня, причем одним-единственным предложением.

— На равнине ночью творилась настоящая чертовщина,— сказал Лев.— Мы с Таней решили спастись в лесу. Вот я и решил разыскать вас и спросить, нельзя ли нам остаться с вами. Я приношу извинения за свои вчерашние непродуманные заявления, мистер Бёртон. Думаю, что моя точка зрения имеет под собой почву, но только те воззрения, о которых я говорил, следует рассматривать в контексте остальных ваших воззрений.

— Как-нибудь обсудим это, в другой раз,— ответил Бёртон.— В то время, когда я писал книгу, я страдал из-за порочности и лживости дамасских ростовщиков, а они...

— Конечно, мистер Бёртон,— оборвал его Руах.— В другой раз, как вы сказали. Я просто хочу, чтобы вы знали: я считаю вас очень способным и сильным человеком, и я хотел бы присоединиться к вашей группе. Кругом царит состояние анархии — если анархию можно назвать состоянием,— и многие из нас нуждаются в защите.

Бёртону не понравилось, что Руах прервал его. Он пробурчал что-то себе под нос и сказал:

— Пожалуйста, позвольте мне объясниться. Я...

Тут встал Фрайгейт и сказал:

— А вот и остальные. Интересно, где это их носило?

Из ушедших девяти вернулись четверо. Мария Туччи рассказала, что, сжевав резинку, они ушли от лагеря все вместе, а потом оказались у одного из больших костров на равнине. Потом много чего случилось — драки, нападения мужчин на женщин, мужчин на мужчин, женщин на женщин, даже на детей нападали. В этой неразберихе группа распалась, и троих она встретила всего час назад, когда бродила по холмам в поисках каменного гриба.

Кое-какие подробности добавил Руах. Результаты действия жевательной резинки оказались трагическими, забавными или приятными — очевидно, в зависимости от индивидуальной реакции. На большинство людей резинка оказала возбуждающее действие, но оно оказалось не единственным. Взять, к примеру, супружескую пару, умершую в Опчине, пригороде Триеста, в тысяча восемьсот девяносто девятом году. Они воскресли в шести футах друг от дружки. Они плакали от радости, что снова вместе, в то время как другим парам не так повезло. Они благодарили Бога за этот подарок, хотя и высказывали громко претензии насчет того, что этот мир совсем не таков, как тот, что был им обещан.

Но они прожили пятьдесят лет в счастливом браке и собирались жить вместе вечно.

А через несколько минут после того, как они сжевали резинку, муж удавил жену, швырнул ее тело в реку, обнял другую женщину и убежал с нею во тьму леса.

Другой мужчина вскарабкался на гриб и разразился речью на всю ночь, невзирая на дождь. Тем немногим, кто слышал, и еще более немногим, кто слушал, он излагал принципы совершенного общества и то, как их осуществить на практике. К рассвету он так охрип, что мог только выкаркивать отрывочные слова. А на Земле он и голосовать-то редко удосуживался.

Какие-то мужчина и женщина, возмущенные всеобщим развратом, усиленно пытались разнять парочки. В результате — синяк, разбитые в кровь носы и губы и сотрясение мозга — у *них*. Некоторые мужчины и женщины всю ночь простояли на коленях, молясь и исповедуясь в своих грехах.

Некоторых детей жестоко избили, изнасиловали или убили, *или и то, и другое, и третье. Но не все впали в безумие. Некоторые* взрослые защищали детей или хотя бы пытались.

Руах рассказал о возмущении, высказанном хорватским мусульманином и австрийским евреем, в цилиндрах у которых оказалась свинина. Один индус непристойно бранился, потому что ему в цилиндре попалось мясо.

А еще один мужчина, крича о том, что все они попали в лапы к демонам, выбросил в реку сигареты.

А другие говорили ему:

— Почему ты не отдал нам сигареты, если они тебе не нужны?

— Табак — выдумка дьявола, это растение, выращенное в Эдемском саду сатаной!

Курильщик ответил ему:

— Мог бы все-таки отдать нам сигареты. Тебе бы за это ничего не было.

— А я бы все это адское зелье в реку выкинул! — прокричал первый.

— Придурок ты непроходимый, совсем чокнулся! — крикнул третий и врезал первому по губам. Не успел табаконенавистник подняться с земли, как на него набросились еще четверо и принялись избивать.

Потом табаконенавистник встал и, плача от ярости, крикнул:

— Что я такого сделал, чем это заслужил, о Боже мой, Господи! Я всегда был праведным человеком. Я отдавал тысячи фун-

тов на благотворительные нужды, я молился в Храме Твоем три раза в неделю, всю жизнь боролся с грехом и соблазном, и я...

— Знаю я тебя! — крикнула какая-то женщина — высокая, голубоглазая, красивая, с хорошей фигурой.— Я тебя знаю! Сэр Роберт Смитсон!

Он умолк и, часто моргая, уставился на нее.

— А я тебя не знаю!

— Не знаешь! А следовало бы! Я одна из тысяч девушек, что работали по шестнадцать часов в день, шесть с половиной дней в неделю, для того чтобы ты мог жить в своем большом доме на холме, одеваться в дорогое платье и чтобы твои собаки и кошки ели лучше, чем я! Я была одной из твоих девушек с фабрики! Мой отец батрачил на тебя, и моя мать на тебя гнула спину, и мои братья и сестры — те, что не были совсем больны или не померли из-за того, что слишком мало ели или ели дурную пищу, спали в грязной постели в каморках с крошечными окошками, или из-за того, что их кусали крысы,— все они гнули спину на тебя. Мой отец потерял руку — ее оторвало одной из твоих машин, а ты вышвырнул его, не дав ему ни пенни. Мать моя умерла от чахотки. Я тоже всю жизнь кашляла, мой прекрасный баронет, а ты пичкал себя вкусной едой, сидел в удобных креслах, позевывал на своей дорогой церковной скамье и швырял тысячами, чтобы накормить бедных-несчастных в Африке, да посылал миссионеров, чтобы те обратили в истинную веру бедняжек-дикарей. А я выкашляла все легкие, и мне пришлось пойти на панель, чтобы заработать денег и прокормить сестренок и братишек. И я подхватила сифилис, будь ты проклят, вшивый ублюдок набожный, потому что ты хотел выжать из меня последнюю каплю пота и крови, как из всех таких же бедняг! Я сдохла в тюрьме, потому что ты велел полицейским нещадно бороться с проституцией. Ты... ты!..

Смитсон сначала покраснел, потом побледнел. А потом выпрямился, обругал женщину и сказал:

— Вам, шлюхам, вечно нужен кто-то, кого вы вините в своей неуемной похоти, в своих грехах. Господу ведомо, что я всегда следовал путем, Им предназначенным.

Он отвернулся и зашагал прочь, а женщина бросилась за ним и замахнулась цилиндром. Кто-то вскрикнул, Смитсон пригнулся и отскочил в сторону. Цилиндр чуть не угодил ему по макушке.

Женщина не успела опомниться, а Смитсон уже убежал и быстро затерялся в толпе.

— Увы,— сказал Руах,— поняли, что происходило, немногие, потому что не говорили по-английски.

— Сэр Роберт Смитсон,— проговорил Бёртон.— Если мне не изменяет память, он владел текстильными фабриками и сталелитейными заводами в Манчестере. Был знаменит филантропией и субсидированием миссий по обращению язычников в христианство. Умер в тысяча восемьсот семидесятом, или что-то около того, в возрасте восьмидесяти лет.

— А наверняка был убежден, что получит вознаграждение в раю,— добавил Лев Руах.— Несомненно, ему и в голову не приходило, что он злостный убийца.

— Если бы не он эксплуатировал бедняков, этим занимался бы кто-то другой.

— Подобными оправданиями частенько пользовались на протяжении всей истории человечества,— буркнул Лев Руах.— Между прочим, в вашей стране встречались промышленники, которые заботились об улучшении условий труда и оплаты на своих фабриках. Например, Роберт Оуэн*.

Глава 10

— Не вижу большого смысла в том, чтобы спорить о событиях прошлого,— сказал Фрайгейт.— Думаю, нам надо заняться теперешней ситуацией.

Бёртон встал.

— Попал в точку, янки! Нам нужны крыша над головой, инструменты да бог знает что еще! Но пока что, я думаю, нам не мешает полюбопытствовать, что творится в городах на равнине, чем там люди занимаются.

Как раз в это время из-за деревьев на склоне холма выше лагеря появилась Алиса. Первым ее заметил Фрайгейт и громко расхохотался.

— Последний писк дамской моды!

Алиса срезала ножницами стебли травы и превратила их в одеяние, состоявшее из двух частей. Первая представляла собой что-то вроде пончо, прикрывавшего грудь, а вторая — юбку, ниспадавшую до лодыжек.

---

* Роберт Оуэн (1771–1858) — английский социалист-утопист. Основал опытные коммунистические колонии в Великобритании и США.

Эффект получился странным, такого она и не ожидала. Когда она была обнажена, ее лысая голова не слишком сильно портила ее женственность и красоту. Но на фоне зеленых, громоздких, бесформенных одежд лицо ее неожиданно стало мужеподобным и некрасивым.

Остальные женщины столпились около нее и принялись рассматривать переплетения стеблей и травяной пояс, поддерживающий юбку.

— Колется ужасно и очень неудобно,— сказала Алиса.— Но зато очень прилично. Вот и все, что я могу сказать.

— Похоже, вы готовы отказаться от того, что говорили насчет наготы среди нагих,— хмыкнул Бёртон.

Алиса холодно поглядела на него и сказала:

— Уверена, скоро все станут носить такое. Все благовоспитанные мужчины и женщины.

— Полагаю, миссис Гранди* при этих словах довольно вздернула бы свой безобразный нос,— фыркнул Бёртон.

— Вообще, пребывание среди такого числа голых людей шокирует,— признался Фрайгейт.— Несмотря на то что нудизм на пляжах и в собственных домах в конце восьмидесятых стал общепринятым явлением. Тогда все довольно скоро к этому привыкли. Все, кроме безнадежных невротиков, пожалуй.

Бёртон развернулся и обратился к остальным женщинам:

— Ну что, дамы? Собираетесь напяливать на себя эти уродливые и колючие снопы только из-за того, что одна из представительниц вашего пола вдруг вспомнила, что у нее есть интимные части тела? Может ли то, что было выставлено на всеобщее обозрение, взять и стать интимным?

Логу, Таня и Алиса его не поняли, потому что говорил он по-итальянски. Для Тани и Алисы он снисходительно произнес сказанное по-английски.

Алиса зарделась и ответила:

— Это мое дело — что мне носить. Ну а если остальные предпочитают разгуливать нагишом, когда я прилично одета, что ж!

Логу не поняла ни слова, но поняла, что происходит. Она рассмеялась и отвернулась. Остальные женщины пытались угадать, как поведут себя другие. И дело тут было не в уродливости и неудобстве одеяний.

* Персонаж пьесы Т. Мортона «Пусть быстрее идет плут» (1796), олицетворение обывательских приличий и общественного мнения.

— Ну а пока вы, дамы, решаете, как вам поступить,— продолжал Бёртон,— было бы мило с вашей стороны, если бы вы прихватили бамбуковые ведерки и пошли вместе с нами к реке. Мы сможем выкупаться, наполнить ведра водой, посмотреть, что творится на равнине, а потом вернемся сюда. Мы можем построить несколько домов — или временных укрытий — до темноты.

Группа спускалась с холма, пробираясь сквозь траву. С собой захватили цилиндры, сланцевое оружие, бамбуковые копья и ведра. Не успели они далеко отойти от лагеря, как повстречали несколько человек. Очевидно, многие из обитателей равнины решили сменить место жительства. Более того — некоторые тоже разыскали кремень и изготовили инструменты и оружие. Они выучились искусству изготовления предметов из камня от кого-то — возможно, от других доисторических людей, оказавшихся рядом с ними. Пока что Бёртон заметил только двух представителей других видов, кроме homo sapiens, и оба они находились в его группе. Но где бы ни почерпнули другие способы обработки камней, они воспользовались ими на славу. По дороге группа миновала две наполовину выстроенные бамбуковые хижины — круглые, однокомнатные, с коническими крышами, покрытыми громадными треугольными листьями железных деревьев и длинными стеблями травы, растущей на холмах. Какой-то мужчина, вооружившись кремневым теслом и топором, мастерил бамбуковую кровать на коротких ножках.

На равнине было пусто — немногие занимались постройкой грубых хижин или навесов, кое-кто плавал в реке. Трупы погибших во время ночной вакханалии убрали. Пока что никто не додумался одеться в травяные юбочки, и поэтому на Алису глазели, а то и смеялись и отпускали недвусмысленные шуточки. Алиса краснела, но попыток раздеться не предпринимала. Но солнце уже начинало припекать, и она почесывалась, стараясь делать это, однако, незаметно, как положено леди, выросшей и воспитанной в строгих принципах викторианского высшего общества.

Но когда группа подошла к берегу, все увидели на траве кучки травяных одеяний. Их оставили на берегу мужчины и женщины, которые теперь хохотали, брызгались и плавали в реке.

Этот пляж совсем не походил на те, что помнил Бёртон. Тут резвились те самые люди, которые привыкли к пляжным кабинкам, костюмам, закрывавшим тело с головы до ног, и прочим украшениям скромности, считавшимся проявлениями нравствен-

ности в приличном обществе — их обществе. И вот прошел только один день, как они оказались здесь, а они уже плавали нагишом. И наслаждались этим.

В какой-то мере в спокойном отношении к наготе повинен был шок, испытанный при воскрешении. Ну и потом за первый день многого в этом смысле сделать было нельзя. Кроме того, люди цивилизованные перемешались с дикарями или цивилизованными людьми из тропических стран, которых нагота не особо шокировала.

Бёртон окликнул женщину, стоявшую по грудь в воде,— голубоглазую, с грубоватым, но симпатичным лицом.

— Это та самая, что напала на сэра Роберта Смитсона,— сообщил Руах.— Вроде бы ее зовут Вилфреда Оллпорт.

Бёртон посмотрел на женщину с любопытством и оценил красоту ее бюста.

— Как водичка? — крикнул он.

— Прекрасная,— отозвалась она, улыбаясь.

Бёртон отстегнул от запястья цилиндр, положил на траву чехол с ножом и топором и вошел в воду, сжимая в руке шарик зеленого мыла. Температура воды оказалась градусов на десять ниже температуры тела. Бёртон намыливался, болтая с Вилфредой. Если у нее и осталась обида на Смитсона, сейчас она ее не выказывала. Акцент у Вилфреды был северный, скорее всего — камберлендский.

Бёртон сказал ей:

— Я слыхал о твоей маленькой стычке с великим покойным лицемером — баронетом. Но сейчас ты должна радоваться. Ты здорова, молода и красива снова, и тебе не надо гнуть спину, чтобы заработать на хлеб. И тем, чем ты раньше занималась за деньги, ты можешь заниматься ради любви.

С фабричной девчонкой можно было особо не церемониться.

Но Вилфреда одарила его таким же ледяным взглядом, каким порой посматривала Алиса Харгривз.

— А ты, как я погляжу, не промах. Англичанин, верно? Что только это у тебя за акцент такой, не разберу? Лондонский, сказала бы, только с какой-то иностранщиной.

— Почти угадала,— ответил Бёртон, смеясь.— Кстати, меня зовут Ричард Бёртон. Хочешь к нам присоединиться? Мы держимся вместе, чтобы суметь защититься, если что, и собираемся после полудня заняться постройкой домов. И у нас в холмах есть питающий камень в полном нашем распоряжении.

Вилфреда посмотрела на таукитянина и неандертальца.

— А эти тоже с вами, а? Слыхала я про них — болтают, что эта страхолюдина — человек со звезд, что явился в двухтысячном году.

— Он тебя не обидит,— заверил ее Бёртон.— И недочеловек тоже. Ну, что скажешь?

— Я всего лишь женщина,— ответила Вилфреда.— Что я могу предложить?

— Все, что может предложить женщина,— усмехнувшись, сказал Бёртон.

Как ни странно, она расхохоталась. Легко толкнув Бёртона в грудь, она проговорила:

— Ну не умник ли, а? Что такое — не можешь себе девчонку найти?

— Нашел, да потерял,— отшутился Бёртон. Это было не совсем точно. Он не знал наверняка, каковы намерения Алисы. Он не понимал, почему она остается в группе, несмотря на то что так напугана и испытывает к нему такое отвращение. Возможно, это происходило из-за того, что она предпочитала знакомое зло незнакомому. А он сейчас только презирал ее за глупость и упрямство, но не хотел, чтобы она уходила. Порыв любовной страсти, пережитый Бёртоном ночью, мог быть всего лишь результатом действия наркотика, но какой-то приятный осадок в душе все-таки остался. Тогда зачем же он предлагал этой женщине присоединиться к ним? Может быть, затем, чтобы заставить Алису ревновать? Может быть, для того, чтобы иметь женщину про запас, если Алиса откажет ему сегодня ночью? Может быть... он сам не знал почему.

Алиса стояла на берегу, вода подступала к самым кончикам пальцев ее ног. Кстати говоря, берег был всего на пару дюймов выше воды. Невысокая трава, растущая на равнине до самой воды, образовывала плотный ковер, который продолжался и на речном дне. Бёртон чувствовал траву под ногами, пока мог стоять. Он бросил мыло на берег и, проплыв футов сорок, нырнул. Тут и течение резко усилилось, и глубина стала больше. Бёртон погружался с открытыми глазами, и наконец у него потемнело в глазах и заболели уши. Но он продолжал погружаться, и наконец его руки коснулись дна. Тут тоже росла трава.

Вернувшись туда, где вода доходила ему до пояса, он заметил, что Алиса разделась. Она купалась ближе к берегу, но погрузилась по шею. Она намыливала голову и лицо.

Бёртон окликнул Фрайгейта:

— Почему вы не заходите в воду?

— Охраняю граали! — отозвался Фрайгейт.

— Отлично!

Бёртон тихонько выругался. Сам он до этого не додумался, а следовало бы оставить кого-то дозорным. На самом деле он не был таким уж хорошим лидером — со своей склонностью пускать дела на самотек. Следовало в этом признаться. На Земле он возглавил не одну экспедицию, но ни одна из них не славилась организованностью или умелым руководством. И все же во время Крымской войны, когда он возглавлял нерегулярные части Битсона и обучал диких турецких кавалеристов, башибузуков, он неплохо управлялся, намного лучше остальных. Так что не стоило ему так уж упрекать себя...

Лев Руах вышел из воды и провел руками по тощему телу, чтобы отряхнуть воду. Бёртон тоже выбрался на берег и сел рядом с ним. Алиса повернулась к нему спиной — нарочно или нет, этого понять он, конечно, не мог.

— Меня восхищает не только то, что я снова молод,— сообщил Лев Руах по-английски с чудовищным акцентом,— а то, что ко мне вернулась нога.

И он похлопал себя по правому колену.

— Я потерял ногу в автокатастрофе в Нью-Джерси, на Термпайке, когда мне было пятьдесят.

Он рассмеялся и добавил:

— Вот ирония, как некоторые сказали бы, судьбы. За два года до этого меня схватили арабы, когда я занимался поисками минералов в пустыне, ну, вы понимаете, в государстве Израиль...

— Вы имеете в виду Палестину? — уточнил Бёртон.

— Евреи создали независимое государство в тысяча девятьсот сорок восьмом году,— объяснил Лев.— Вы об этом, конечно, знать не можете. Я в свое время все вам про это расскажу. Словом, меня схватили и пытали арабские боевики. Не буду вдаваться в подробности, мне больно об этом вспоминать. Но той же ночью я бежал, правда, перед побегом я шарахнул двоих камнем по головам и еще двоих пристрелил из винтовки. Остальные разбежались, а я удрал. Мне повезло. Меня подобрал армейский патруль. Ну вот, а два года спустя, когда я был в Штатах и ехал по Термпайку, здоровенный грузовик — ну, про это я вам тоже потом расскажу — обогнал меня и подрезал. Я был жутко изра-

нен, а правую ногу мне ампутировали ниже колена. Но главное в этой истории то, что водитель родился в Сирии. Так что, как видите, арабы хотели меня заполучить, и это им удалось, вот только они меня не убили. Эту работенку проделал наш дружок с Тау Кита. Хотя не могу сказать, что он что-то такое сделал с человечеством, кроме того, что поторопил его конец.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Бёртон.

— Миллионы людей умирали от истощения, даже в Штатах ввели строго ограниченные рационы, а из-за загрязнения воды, почвы и воздуха погибали еще миллионы. Ученые говорили, что половина земного запаса кислорода иссякнет, поскольку фитопланктон океанов — ну, вы знаете, что фитопланктон наполовину снабжал планету кислородом,— погибал. Океаны были загрязнены.

— Океаны?

— Не верите? Понятно, вы умерли в тысяча восемьсот девяностом, стало быть, вам в это верится с трудом. Но некоторые еще в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом точно предсказали, что случится в две тысячи восьмом. И я им верил — я биохимик по профессии. Но большая часть населения — то есть народные массы и политики — отказывалась верить в это до тех пор, пока не стало слишком поздно. Когда положение ухудшилось, были приняты меры, но они все время оказывались либо слишком слабыми, либо слишком запоздалыми, да к тому же им вечно противились те, кто не хотел платить налоги, когда речь заходила о мерах, по-настоящему эффективных. Но это долгая и грустная история, а если мы собираемся строить дома, лучше приступить к этому сразу же после ленча.

Алиса вышла из воды и отряхнула руками воду с тела. Солнце и ветерок быстро высушили ее кожу. Она подобрала свои травяные одеяния, но напяливать их на себя не стала. Вилфреда спросила почему. Алиса ответила, что они слишком сильно колются и что она наденет их ночью, если сильно похолодает. С Вилфредой Алиса говорила вежливо, но, конечно, надменно. Она слышала, что Вилфреда работала на фабрике, а потом стала шлюхой и умерла от сифилиса. Ну, или, по крайней мере, Вилфреда так думала, что ее убила эта болезнь. Она не помнила, как умерла. Она весело сказала, что наверняка раньше сошла с ума.

Услыхав об этом, Алиса отошла от Вилфреды подальше. Бёртон усмехнулся, гадая, что она скажет, если узнает, что он стра-

дал той же самой болезнью и заразился ею от рабыни в Каире, когда, одевшись как мусульманин, совершал паломничество в Мекку в тысяча восемьсот пятьдесят третьем году. Он вылечился, и мозг его физически не пострадал, хотя морально он страдал ужасно. Но главное было в том, что воскрешение дало каждому новое, молодое, лишенное болезней тело; и то, что собой представлял тот или иной человек на Земле, не должно было влиять на отношение к нему других.

Но «не должно», увы, не означало «не будет влиять».

Он не мог на самом деле винить Алису Харгривз. Она была продуктом своего общества — как все женщины, она была такой, какой ее сделали мужчины,— и она обладала достаточной силой характера и гибкостью ума, чтобы подняться над некоторыми предрассудками своего времени и своего класса. Она неплохо приспособилась к наготе и не проявила в отношении девушки откровенной враждебности и презрения. Она совершила с Бёртоном деяние, противоречащее и откровенной, и завуалированной идеологии всей ее жизни. И произошло это в первую ночь первого дня ее жизни после смерти, когда она, по идее, должна была стоять на коленях и петь «осанну», потому что «согрешила», и обещать, что никогда впредь «не согрешит», потому что не попала в адское пламя.

Они шли по равнине, и Бёртон думал об Алисе, то и дело оборачиваясь и глядя на нее. Из-за гладкой кожи черепа ее лицо казалось намного старше, но из-за отсутствия волос ниже пупка она выглядела совсем ребенком. Столь же противоречиво выглядели и все остальные: выше шеи — взрослые мужчины и женщины, а ниже пупка — дети.

Бёртон приотстал и оказался рядом с Алисой, позади Фрайгейта и Логу. Смотреть на Логу — это могло утешить его, даже если не удастся завязать разговор с Алисой. У Логу была великолепная фигурка, а ягодицы напоминали два яйца. При ходьбе она так же изящно покачивалась, как Алиса.

Бёртон тихо проговорил:

— Если прошедшая ночь так расстроила вас, почему вы остались со мной?

Ее прекрасное лицо исказилось уродливой гримасой.

— Я не с *вами* осталась! Я осталась в *группе!* И потом, я думала о том, что произошло ночью, хотя мне это и больно. Я должна сказать откровенно. Наркотик, что содержался в этой гадкой ре-

зинке, заставил нас вести себя... так, как мы себя повели. По крайней мере, я знаю, что за мое поведение отвечает наркотик. Вы же вольны сомневаться.

— Значит, нечего надеяться на повторение?

— Да как вы можете о таком спрашивать! Конечно нет! Как вы только смеете?

— Я вас ни к чему не понуждал,— возразил Бёртон.— Как я уже говорил, вы сделали то, что сделали бы, не довлей над вами привычка к воздержанию. Воздержание отменная вещь — при определенных обстоятельствах, ну, например, для того, чтобы оставаться законной добропорядочной женой мужчины, которого вы любили в Англии, на Земле. Но Земли больше нет, по крайней мере, насколько нам известно И Англии больше нет, и английского общества. И даже если все человечество воскрешено и разбросано по берегам этой реки, вы все равно можете никогда не встретиться с вашим супругом. Вы больше не замужем. Помните... *«пока смерть не разлучит нас»*. Вы умерли и, следовательно, разлучились. И потом: *«В раю не женятся и не выходят замуж»**.

— Вы богохульник, мистер Бёртон. Я читала о вас в газетах, и еще я читала кое-какие ваши книги об Африке и Индии и еще одну — про мормонов** в Штатах. И еще я слыхала всякие истории, в большинство которых было трудно поверить — про вас говорили такие ужасные вещи. Реджинальд так возмутился, когда прочел вашу «Касыду». Он сказал, что не потерпит в своем доме такой атеистической литературы, и швырнул все ваши книжки в огонь.

— Если я такой порочный, а вы кажетесь себе падшей женщиной, почему же вы не уйдете?

— Я должна повторить? В другой группе могут оказаться мужчины и похуже вас. И потом, как вы любезно заметили, вы меня ни к чему не понуждали. Помимо всего прочего, я уверена, что под маской циника и насмешника у вас прячется какое-никакое, а сердце. Я видела, как вы плакали, когда несли на руках плачущую Гвенафру.

— Вы меня раскусили,— сказал Бёртон, усмехаясь.— Хорошо. Пусть так. Я буду вести себя благородно, я не стану пытать-

---

* «...Ибо в воскресении не женятся, не выходят замуж...» — Мф. 22:30.

** Мормоны — «Святые последнего дня» — религиозная секта, основанная в первой половине XIX века в США Дж. Смитом.

ся соблазнять вас и вообще как-либо вам досаждать. Но в следующий раз, когда заметите, что я жую резинку, постарайтесь спрятаться как следует. Пока же даю вам честное слово: вам нечего меня бояться, пока я не пребываю под действием резинки.

Алиса широко раскрыла глаза и остановилась.

— Вы собираетесь еще раз ею воспользоваться?

— Почему бы и нет? Некоторых она превращает в жестоких зверей, а меня — нет. Я не ощущаю неудержимого желания сжевать ее, значит, можно не опасаться того, что к ней возникает привыкание. Знаете, я когда-то выкуривал трубочку-другую опиума, но не привязался к нему, значит, я не особо подвержен действию наркотиков психологически.

— Как я понимаю, вы отчаянный пьяница, мистер Бёртон. Вы и это тошнотворное создание, мистер Суинберн*.

Алиса умолкла. Ее окликнул какой-то мужчина, и, хотя она не понимала по-итальянски, она поняла, что значит его непристойный жест. Она покраснела и быстро зашагала вперед. Бёртон зыркнул на мужчину. Тот был хорошо сложенным смуглокожим молодцом со здоровенным носом, маленьким подбородком и близко посаженными глазами. Говорил он так, как разговаривали бандиты в Болонье, где Бёртон довольно долго прожил, изучая реликвии и захоронения этрусков. За спиной мужчины выстроились еще с десяток таких же громил и пятеро женщин. Несомненно, мужчина хотел добавить к своей компании еще женщин. И кроме того, безусловно, они были не прочь завладеть каменным оружием группы Бёртона. Сами же грубияны были вооружены только граалями и бамбуковыми палками.

Глава 11

Бёртон что-то резко проговорил, и его люди сбились плотнее. Казз не понял слов Бёртона, но быстро сообразил, что происходит. Он отступил, чтобы вместе с Бёртоном образовать арьергард. Его ужасающая внешность и зажатый в кулачище топор несколько сдержали болонцев. Они поплелись за группой, громко выкрикивая всяческие комментарии и угрозы, но догонять не отваживались. Однако когда группа добралась до холмов, предводитель шайки выкрикнул команду и они пошли в атаку.

* Чарлз Алджернон Суинберн (1837–1909) — английский поэт. Его «Поэмы и баллады» прославляли чувственность и языческий гедонизм.

Парень с близко посаженными глазками, вопя и размахивая цилиндром, бросился на Бёртона. Бёртон пригнулся, уклонился и нанес удар бамбуковым копьем как раз тогда, когда грааль полетел к нему. Каменный наконечник угодил парню в солнечное сплетение, и тот повалился на бок. Копье Бёртон выдергивать не стал. Неандерталец стукнул палкой по цилиндру, занесенному над его головой, палка вылетела из его руки. Тогда он прыгнул вперед и занес топор над головой того, кто напал на него. Мужчина повалился на траву с окровавленным черепом.

Щуплый Лев Руах ударил цилиндром в грудь напавшего на него мужчину, сбил его с ног, подбежал и набросился на того. Мужчина приподнялся, а Руах ударил его ногами по лицу. Болонец снова повалился навзничь. Руах размахнулся и нанес ему в плечо удар кремневым ножом. Мужчина завопил, вскочил на ноги и убежал.

Фрайгейт действовал намного лучше, чем ожидал Бёртон, хотя в первый миг, когда шайка бросилась на группу, побледнел и задрожал. Цилиндр висел на его левом запястье, а правой рукой он сжимал топорик. Он бросился в гущу сражавшихся, получил удар граалем по плечу, но заслонился собственным цилиндром, смягчил удар и повалился на бок. Обидчик сжал обеими руками палку и замахнулся, но Фрайгейт откатился в сторону, поднял грааль и закрылся им как раз в то мгновение, когда палка опускалась. Вскочив на ноги, он стукнул нападавшего головой, и тот отшатнулся. Оба упали, Фрайгейт оказался сверху и дважды стукнул мужчину каменным топориком по виску.

Алиса швырнула свой цилиндр в физиономию напавшего на нее бандюги, после чего ткнула его обожженным концом бамбукового копья. Логу забежала этому бандиту за спину и так сильно стукнула по голове палкой, что тот опустился на колени.

Драка закончилась за шестьдесят секунд. Остальные бандиты удрали, женщины бросились за ними. Бёртон перевернул вопящего от боли главаря на спину и выдернул копье из его живота. Наконечник вошел в тело несчастного всего-то на полдюйма.

Тот вскочил на ноги и, зажав руками кровоточащую рану, побрел по равнине. Двое бандитов лежали без сознания, но, судя по всему, могли оправиться. Тот же, с которым дрался Фрайгейт, был мертв.

Американец из бледного стал багрово-красным, а потом снова побледнел. Но ни раскаяния, ни признаков дурноты и в поми-

не не было. Разве что только самодовольство играло на его лице. Ну и еще облегчение.

— Я первый раз убил человека! — воскликнул он.— В первый раз!

— Сомневаюсь, что в последний,— буркнул Бёртон.— Если только вас раньше не прикончат.

Руах, глядя на труп, пробормотал:

— Мертвец выглядит здесь точно так же, как на Земле. Интересно, а куда попадают те, что убиты в загробной жизни?

— Поживем — увидим. Дамы, вы были на высоте.

— Я делала то, что нужно было делать,— ответила Алиса и ушла. Она побледнела и дрожала. А вот Логу, наоборот, казалась возбужденной.

Примерно за полчаса до полудня группа добралась до питающего камня. Тут произошли перемены. В маленькой спокойной низине собралось человек шестьдесят, и многие из них трудились над обработкой кусков кремня. Один мужчина закрывал руками кровоточащий глаз, куда угодил отскочивший осколок камня. Еще у некоторых текла кровь с лица, другие сжимали размозженные пальцы.

Бёртон расстроился, но ничего не мог поделать. Можно было только надеяться, что других заставит уйти отсюда отсутствие воды. Но эта надежда быстро развеялась. Одна из женщин сообщила ему, что примерно в полутора милях к западу от этого места есть небольшой водопад, который падает с вершины горы по склону стреловидного ущелья в большую промоину, наполненную водой до половины. Скорее всего, впоследствии котловина переполнится и вода из нее выльется, потечет между холмов и вырвется на равнину. Если, конечно, не запрудить поток большим камнем.

— Или если мы не изготовим водопроводные трубы из крупных стволов бамбука,— добавил Фрайгейт.

Цилиндры поставили на камень, старательно выбирая те углубления, в которые каждый ставил свой цилиндр раньше, и стали ждать. Бёртон намеревался, после того как цилиндры будут наполнены, увести группу в другое место. Лучше всего было бы расположиться где-нибудь посередине между водопадом и питающим камнем, чтобы не мучиться от тесноты.

Как только солнце оказалось в зените, над камнем взметнулось синее пламя. На этот раз в цилиндрах оказались: салат, итальянский черный хлеб, намазанный чесночным маслом, спагетти с фрикадельками, чашка сухого красного вина, виноград, растворимый кофе, десяток сигарет, одна сигаретка с марихуаной, сигара, туалетная бумага, шарик мыла и четыре шоколадных суфле. Кое-кто стал жаловаться, что не любит итальянскую кухню, но от еды никто не отказался.

Закурив сигареты, группа Бёртона пошла вдоль подножия горы к водопаду. Он оказался в конце сужающегося ущелья. У котловины разбила лагерь группа, состоявшая из нескольких мужчин и женщин. Вода в котловине была холодна как лед. Вымыв и высушив посуду и наполнив ведра водой, группа Бёртона отправилась обратно по дороге к питающему камню. Пройдя с полмили, они выбрали холм, поросший соснами до самой вершины, на которой росло железное дерево. Вокруг все заросло бамбуком самой разной высоты. Под руководством Казза и Фрайгейта, прожившего несколько лет в Малайзии, все принялись срезать бамбук и строить хижины: круглые постройки с одной дверью, окном напротив и конической тростниковой крышей. Работа спорилась, а о красоте построек особо не заботились, так что ко времени обеда со строительством покончили — осталось только крыши покрыть. Фрайгейта и Моната оставили охранять лагерь, а остальные отправились с цилиндрами к питающему камню. Тут около трех сотен человек сооружали навесы и хижины. Бёртон этого и ждал. Мало кому захочется ходить каждый день по полмили за едой. Этим больше по душе толпиться у камня. Хижины ставили как попало, впритирку. Но проблема снабжения питьевой водой оставалась, поэтому Бёртон все-таки удивился такому большому скоплению народа. Однако хорошенькая словенка сообщила ему, что только что совсем неподалеку отсюда нашли источник. По ее словам, небольшой ручеек вытекал из пещеры. Бёртон проверил. Вода действительно вытекала из пещеры и струилась по скале в котловину футов в пятьдесят шириной и восемь глубиной.

Бёртон задумался — уж не продумал ли и это тот, кто создал этот мир?

Вернулся к камню он как раз тогда, когда полыхнуло синее пламя.

Казз вдруг остановился, чтобы справить малую нужду. Он не удосужился отвернуться. Логу захихикала, Таня покраснела, итальянки привыкли к зрелищу мужчин, поворачивающихся к

стенам домов там, где их застигла нужда. Алиса, к удивлению Бёртона, вообще никак не отреагировала — словно Казз для нее был чем-то вроде бродячего пса. Может быть, именно этим и объяснялось ее равнодушие. Для нее Казз не был человеком, и, следовательно, от него нечего было ждать человеческих поступков.

Отчитывать Казза за это сейчас было бесполезно, особенно же потому, что Казз не понимал языка, на котором говорил Бёртон. Но в следующий раз, когда Каззу взбрело бы в голову облегчиться, когда другие сидели и ели, Бёртон решил воспользоваться языком жестов, дабы запретить ему подобное поведение. Кроме того, он собирался запретить ссориться за едой. Положа руку на сердце он вынужден был признаться, что в свое время он больше, чем надо, затевал споров во время трапез.

Пройдя мимо Казза, он пошлепал его ладонью по макушке. Казз непонимающе глянул на Бёртона, а Бёртон покачал головой, сознавая, что до Казза смысл его недовольства дойдет только тогда, когда тот научится говорить по-английски. Но о своих намерениях он забыл, остановившись и потирая собственную макушку. Да, там обозначился нежный пушок.

Он ощупал лицо — гладкое, как и раньше. А под мышками тоже вырос пушок. Лобок остался гладким. Хотя там волосы растут медленнее, чем на голове. Бёртон поделился своим открытием с остальными, все осмотрели себя и друг дружку. Волосы стали отрастать — по крайней мере на голове и под мышками. Исключение составлял Казз. Он весь обрастал шерстью, только лицо оставалось гладким.

Открытие чрезвычайно всех обрадовало. Смеясь и шутя, они шли в сумерках вдоль подножия горы. Потом повернули на восток и пошли по поросшим травой холмам. Одолев четыре холма, они приблизились к тому, который теперь считали своим. Пройдя полпути вверх по склону, они остановились и умолкли. Фрайгейт и Монат не отозвались на оклики.

Велев остальным рассыпаться и идти медленным шагом, Бёртон повел группу дальше. Около хижин никого не оказалось. Несколько построек из тех, что были поменьше, были или совсем разрушены, или повреждены. Бёртона зазнобило — словно холодным ветром обдало. Тишина, поврежденные хижины, отсутствие двоих товарищей — это пугало.

Через минуту они услышали оклик и обернулись туда, откуда он донесся — к подножию холма. Над верхушками травы по-

казались лысые головы Моната и Фрайгейта. Вид у Моната был удрученный, а американец ухмылялся. На скуле у него синел фингал, костяшки пальцев обеих рук распухли и кровоточили.

— Только что прогнали четверых мужиков и трех баб, которые хотели завладеть нашими хижинами,— сообщил он.— Я им сказал, что могут и сами себе такие выстроить и что вы скоро вернетесь и зададите им трепку, если они немедленно не уберутся. Они меня хорошо поняли — болтали-то они по-английски. Разместились они у питающего камня в миле к северу от нашего, на берегу реки. Большая часть людей там — триестцы из вашего времени, но имеется примерно с десяток чикагцев, умерших в тысяча девятьсот восемьдесят пятом или около того. Интересненько тут собраны умершие, а? Путем произвольного отбора, я бы так сказал.

Ну а я им сказал то, что, по словам Марка Твена, сказал про чикагцев дьявол: *«Вы, чикагцы, считаете себя лучше всех, а на самом деле вас просто больше всех»*. Этот номер у меня не больно-то прошел — они, видно, решили, что я стану с ними дружбу водить, раз я американец. Одна тетка предложила мне себя, если я, дескать, переметнусь к ним и помогу им занять хижины. А еще они сказали, что все равно отберут их, и если понадобится — через мой труп.

Но они только на словах храбрились. Монат их одним своим видом напугал. Ну и потом, у нас же были каменные топоры и копья. Их вожак все равно подбивал остальных напасть на нас, и тут я хорошенько пригляделся к одному из них.

Голова у него была лысая — без длинных густых прямых черных волос. Когда я с ним познакомился, ему было лет тридцать пять, и тогда на нем были толстенные очки в черепаховой оправе, да и не видел я его пятьдесят четыре года. Тут я подошел поближе, присмотрелся к его ухмыляющейся роже, а ухмылялся он точь-в-точь как я помнил — ну совсем как скунс из пословицы,— ну а я и говорю: «Лем? Лем Шаркко! Это же ты, Лем Шаркко?!»

Он тогда глаза выпучил и ухмыльнулся еще шире и взял меня за руку: *меня за руку* — это после всего, что он мне сделал,— и воскликнул так, словно мы с ним — ни дать ни взять братишки, встретившиеся после долгой разлуки: «Да это Пит Фрайгейт. А это я! Я! Боже, Пит Фрайгейт!»

А я ведь почти обрадовался, что его увидел,— потому же, почему, как он сказал, он был рад меня видеть. Но потом я себе

говорю: «Да это же подлый издатель, который надул тебя на четыре тысячи баксов, когда ты только-только начинал вставать на ноги как писатель, и погубил твою карьеру на многие годы. Это скользкий подлюга, который надул тебя и еще как минимум четверых на крупные суммы, а затем объявил, что обанкротился, и был таков. А потом получил по наследству кучу денег от дядюшки и зажил припеваючи, чем доказал, что за преступления *расплачиваются*. Это тот человек, которого ты не забыл, и не только из-за того, что он вытворил с тобой и другими, а еще из-за того, что потом ты столкнулся еще со многими издателями-подлецами».

Бёртон усмехнулся и сказал:

— Я как-то обмолвился, что священникам, политикам и издателям никогда не пройти во врата рая. Но я ошибся — то есть ошибся, если это рай.

— Ну да, я помню,— кивнул Фрайгейт.— Я никогда не забывал, что эта фраза принадлежит вам. В общем, я сдержал естественную радость при виде знакомого лица и сказал: «Шаркко...»

— У него такое имечко, а вы ему поверили?* — удивилась Алиса.

— Он мне сказал, что это чешская фамилия и что она значит: «тот, кому можно доверять». Но это были враки, как и все остальное, что он мне болтал. Но я решил, что нам с Монатом стоит отступить. Отступим, а потом прогоним их, когда вы вернетесь от питающего камня. Хитрый план. Но когда я узнал Шаркко, я просто обезумел! Я ухмыльнулся и говорю ему: «Ну, до чего же радостно тебя видеть, сколько лет, сколько зим! А особенно здесь, где нет ни полицейских, ни суда!»

А потом как врежу ему по носу! Он брякнулся на спину, кровь из носа потекла. Мы с Монатом накинулись на остальных, я сбил одного, а другой шмякнул мне по щеке цилиндром. У меня башка закружилась, но Монат не растерялся — одного сразил наконечником копья, еще одному ребра переломал: он щупленький, но быстрый, и соображает в самообороне — да и в атаке! Тут Шаркко поднялся, и я его другим кулаком ударил, правда, удар пришелся в нижнюю челюсть — скользящий вышел. Кулаку моему больше досталось, чем его челюсти. Он развернулся — и бежать, я за ним. Остальные тоже дали деру, а Монат грозил им своим копьем. Я побежал за Шаркко, загнал его на соседний

* От *англ.* «shark» — акула.

холм, поймал на полпути до подножия и задал ему хорошую трепку! Он полз от меня на карачках, умоляя о пощаде, а я дал ему пинка под зад, и он покатился — всю дорогу с холма пропахал!

Фрайгейт все еще дрожал от возбуждения, но был явно доволен собой.

— Я боялся, что струшу,— объяснил он.— В конце концов, все это было так давно и совсем в другом мире, и, может быть, мы оказались здесь для того, чтобы простить наших врагов — и кое-кого из друзей — и чтобы простили нас. Но с другой стороны — так я подумал,— может быть, мы попали сюда и для того, чтобы маленько расквитаться за то, что нам пришлось пережить на Земле? Что скажете, Лев? Как бы вам понравилась возможность сунуть в огонь Гитлера? Медленно поджарить, а?

— Не думаю, что ушлого издателя можно сравнивать с Гитлером,— возразил Руах.— Нет, я не хотел бы поджарить его. Я хотел бы заморить его голодом до смерти или кормить его так, чтобы он был едва живой. Но я не стал бы этого делать. Что толку? Разве это заставило бы его переменить мнение обо всем, разве он стал бы тогда считать евреев людьми? Нет, я не стал бы ничего с ним делать, попади он мне в руки, разве что только убил бы его, чтобы он не сумел причинить зла другим. Но я не уверен в том, что он, убитый, умрет. Не здесь.

— Вы истинный христианин,— усмехнулся Фрайгейт.

— А я-то думал, что вы мне друг! — воскликнул Руах.

Глава 12

Вот уже второй раз Бёртон услышал имя Гитлера. Он хотел узнать об этом человеке все, но сейчас все решили отложить разговоры на потом и закончить сооружение крыш хижин. Все погрузились в работу. Кто-то нарезал ножничками, найденными в контейнерах, стебли травы, кто-то взобрался на высокие железные деревья и срывал большие треугольные зеленые с алой оторочкой листья. Бёртон подумал о том, что неплохо бы поискать в округе профессионального кровельщика и обучиться у него правильным способам сооружения кровель. Поспать пока можно на кучах травы, застелив более мягкими листьями железных деревьев. А укрыться можно этими же листьями.

— Слава Богу или кому-то еще, что тут нет насекомых,— сказал Бёртон.

Он поднял чашку, в которой еще оставалась пара унций лучшего виски, какое он когда-либо пробовал.

— Выпьем за этого кого-то. Если бы он воскресил нас только для того, чтобы мы стали жить на точной копии Земли, нам пришлось бы делить ложе с десятком тысяч видов кусающих, царапающих, кровососущих, колющих, жалящих злодеев.

Они выпили, а потом посидели у костра, покуривая и разговаривая. Тени сгущались, небо утрачивало синеву, и на нем расцвели громадные звезды и распустились гигантские полотна, в сумерках выглядевшие еле заметными призраками. Да, небеса здесь на самом деле испускали сияние славы.

— Совсем как иллюстрация Сайма,— сказал Фрайгейт.

Бёртон не знал, кто такой Сайм. Половина разговоров с теми, кто не жил в девятнадцатом столетии, состояла из того, что они объясняли то, о чем упоминали, а он в свою очередь объяснял то, о чем упоминал сам.

Бёртон встал, перешел на другую сторону костра и присел рядом с Алисой. Она только что вернулась, уложив девочку, Гвенафру, спать в хижине.

Бёртон протянул Алисе палочку жевательной резинки и сказал:

— Я только что сжевал половинку. Не хотите вторую?

Она безразлично посмотрела на него и ответила:

— Нет, благодарю вас.

— У нас восемь хижин,— сказал Бёртон.— Кто с кем делит хижину, понятно, за исключением Вилфреды, вас и меня.

— Думаю, тут и сомневаться нечего,— ответила Алиса.

— Значит, вы собираетесь спать с Гвенафрой?

Она даже головы не повернула. Бёртон несколько секунд посидел рядом с ней и ушел на другую сторону костра, сев рядом с Вилфредой.

— Ну, валяйте, сэр Ричард,— процедила та сквозь зубы.— Черт бы меня побрал, не терплю, когда меня держат про запас. Могли бы взять да и спросить ее, хочет ли она с тобой спать, когда никто не видел и не слышал. У меня тоже есть какая-никакая гордость.

С минуту Бёртон молчал. Сначала ему захотелось сказать ей какую-нибудь колкость. Но она была права. Он обходился с ней слишком снисходительно. Даже если она была когда-то шлюхой,

она все равно заслуживала человеческого отношения. Особенно же потому, что на проституцию ее толкнул голод, хотя Бёртон в этом и сомневался. Слишком многие проститутки пытались оправдать свое занятие, слишком многие сочиняли небылицы насчет того, как и почему пошли на панель. Правда, ее гнев на Смитсона и то, как она себя с ним повела, говорили об ее искренности.

Бёртон встал и сказал:

— Я не хотел сделать вам больно.

— Ты ее любишь? — спросила Вилфреда, глядя на него снизу вверх.

— Я только одной женщине говорил, что люблю ее,— ответил Бёртон.

— Своей жене?

— Нет. Девушке, которая умерла прежде, чем я смог на ней жениться.

— И долго ты был женат?

— Двадцать девять лет, хотя это и не твое дело.

— Черт бы меня побрал! И за все это время ты ни разу жене не сказал, что любишь ее?

— В этом не было необходимости,— отрезал Бёртон и отошел от костра.

Он выбрал хижину, которую заняли Кадзз и Монат. Кадзз уже храпел. Монат оперся на локоть и курил сигаретку с марихуаной. Монат предпочитал их обычным сигаретам, потому что по вкусу они больше походили на табак, что рос на его родине. Правда, марихуана на него совсем не действовала, а вот табак, наоборот, вызывал кратковременные, но яркие видения.

Бёртон решил не дожевывать остаток жевательной резинки, которую для себя окрестил мечтательной. Он закурил сигарету, понимая, что марихуана может сделать его ярость и недовольство собой еще глубже. Он порасспрашивал Моната о его родной планете, Гууркхе. Ему было очень интересно слушать, но наркотик из жевательной резинки подвел его, и он уплыл куда-то, а голос Моната звучал все тише и тише.

«...А теперь закройте глаза, мальчики»,— велел Гилкрист с грубым шотландским акцентом.

Ричард посмотрел на Эдварда. Эдвард усмехнулся и прикрыл глаза ладонями, подсматривая при этом в щелочки между пальцами.

Ричард тоже заслонил глаза руками. Хотя и он, и брат стояли на ящиках, им все равно приходилось тянуться, чтобы заглянуть через головы стоявших впереди взрослых.

Голова женщины лежала на помосте. Длинные каштановые волосы падали ей на лицо. Ему хотелось увидеть выражение ее лица — как она смотрела на корзину, ожидавшую ее, или, вернее, ее голову.

— А ну не подглядывать, мальчики! — предупредил Гилкрист.

Загремели барабаны, послышался вскрик, и лезвие упало, а потом взревела толпа, раздались стоны и вопли, и голова женщины отвалилась. Из шеи хлестала кровь, и казалось, будет хлестать без конца. Кровь брызгала, попадала в толпу, и хотя Бёртон стоял там, где от помоста его отделяло не меньше пятидесяти ярдов, кровь брызнула ему на руки, потекла сквозь пальцы, попала на лицо, залила глаза, ослепила, и пальцы его стали липкими и солеными. Он закричал...

— Проснись, Дик! — повторял Монат. Он тряс Бёртона за плечо.— Проснись! Ты, наверное, увидел страшный сон!

Бёртон, всхлипывая и дрожа, сел. Потер руки, ощупал лицо. И руки, и лицо были мокрые. Но от пота, а не от крови.

— Мне снился сон,— сказал он.— Мне было шесть лет, я был в городке Тур. Во Франции, где мы тогда жили. Мой гувернер Джон Гилкрист повел меня и моего брата Эдварда посмотреть на казнь женщины, которая отравила свою семью. Гилкрист сказал, что это *зрелище*.

Я волновался и подглядывал сквозь пальцы, хотя он велел нам не смотреть до последних мгновений, когда должно было упасть лезвие гильотины. Но я подсматривал, я должен был подсматривать. Помню, меня немного подташнивало, но только это действие на меня и оказывало ужасное зрелище. Пожалуй, я отстранился от него — будто смотрел на происходящее сквозь толстое стекло, словно все это не по-настоящему. Или я сам ненастоящий. Поэтому я не очень боялся.

Монат закурил новую сигаретку с марихуаной. Света при этом хватило для того, чтобы Бёртон разглядел, как он качает головой.

— Какая дикость! — проговорил Монат.— Ты хочешь сказать, что вы не только убивали преступников, а еще и отрубали им головы! Публично! И позволяли детям смотреть на это!

— Англичане были более гуманны,— сказал Бёртон.— Они преступников вешали!

— По крайней мере, французы не скрывали от народа того, что проливают кровь преступников,— сказал Монат.— Руки их были в крови. Но, видимо, об этом никто не задумывался. По крайней мере сознательно. А теперь, когда прошло столько лет — шестьдесят три? — ты выкуриваешь немножко марихуаны и переживаешь эпизод, который, как ты всегда полагал, тебя ни в малейшей степени не задел. Но теперь ты переживаешь его с ужасом. Ты кричал, как напуганное дитя. И переживал все так, как должен был бы переживать, когда был ребенком. Я бы сказал, что марихуана как бы обнажила глубинные слои и высвободила тот ужас, что был похоронен под ними шестьдесят три года.

— Может быть,— согласился Бёртон и умолк.

Вдалеке раздался раскат грома, сверкнула молния. А минуту спустя послышался шелест листвы и по крыше хижины забарабанили капли дождя. В прошлую ночь дождь пошел примерно в это же время — наверное, около трех часов утра. Дождь усилился, но крыша была покрыта на совесть, и вода сквозь нее не проникала. Правда, под заднюю стену немного подтекло — она была обращена к вершине холма. По полу текли ручейки, но до Бёртона и Моната вода не доставала, потому что их постели из травы и листьев возвышались дюймов на десять над полом хижины.

Бёртон говорил с Монатом, дождь не прекращался примерно с полчаса. Монат уснул, а Казз и не просыпался. Бёртон попробовал уснуть, но не смог. Никогда еще ему не было так одиноко. Он вышел из хижины и пошел к той, которую выбрала Вилфреда. От хижины доносился запах табака. Кончик сигареты, которую курила Вилфреда, светился в темноте. На куче травы и листьев вырисовывалась темная фигура женщины.

— Привет,— сказала она.— Я ждала тебя.

— Обладать собственностью — это инстинкт,— сказал Бёртон.

— Сомневаюсь, что это инстинкт человеческий,— возразил Фрайгейт.— Кое-кто в шестидесятых — то есть в тысяча девятьсот шестидесятых — пытался доказать, что человек обладает инстинктом, который называли инстинктом территориального поведения. Но...

— Мне нравится это словосочетание. В нем есть притягательность,— вставил Бёртон.

— Я знал, что оно вам понравится,— сказал Фрайгейт.— Но Ардри и еще кое-кто пытались доказать, что у человека есть не только инстинкт присвоения себе определенной территории, но что человек происходит от обезьяны-убийцы; инстинкт убийства сидит в нем так же глубоко, будучи унаследованным от прародителей. Этим объясняются границы стран, национализм как в масштабах страны, так и в отдельных ее регионах, капитализм, войны, убийства, преступления и так далее. А другая школа психологов, основывавшая свои доводы на изучении темпераментов, утверждала, что все вышеперечисленное — результат культуры, непрерывности развития обществ, посвятивших себя с самых ранних времен племенной враждебности, войне, убийству, преступлениям и так далее. Измените культуру — и обезьяна-убийца исчезнет. Исчезнет, потому что ее и не было вовсе, как чудовища под кроватью. Убийцей было общество, и общество воспитывало новых убийц в своих новорожденных детях. Но бывали и другие общества, состоявшие из людей безграмотных, пускай так, но все равно то были общества, и они не воспитывали убийц. И они своим существованием доказывали, что человек происходит не от обезьяны-убийцы. Или я бы так сказал: может быть, и происходит, но у него больше нет генов убийства, как нет генов, несущих информацию о тяжелых надбровных дугах, коже, покрытой шерстью, или толстых костях, или черепе объемом всего шестьсот пятьдесят кубических сантиметров.

— Это все очень интересно,— сказал Бёртон.— В другой раз мы непременно поглубже копнем теорию. Но позволь заметить, что почти каждый представитель воскресшего человечества происходит из культуры, где поощрялись войны, убийства и преступления, изнасилования, воровство и безумие. Это те люди, среди которых мы живем и с кем нам приходится иметь дело. Может быть, в один прекрасный день народится новое поколение. Я не знаю. Пока судить рано — мы тут пробыли всего семь дней. Но нравится нам это или нет, мы находимся в мире, населенном существами, которые зачастую ведут себя так, словно они и есть обезьяны-убийцы.

А пока вернемся к нашей модели.

Они сидели на бамбуковых табуретках перед хижиной Бёртона. На небольшом бамбуковом столике перед ними стояла модель судна из сосны и бамбука. У судна было два корпуса, соединенных платформой с невысоким поручнем в центре, единственная, очень высокая мачта, поперечный и продольный такелаж, кливер, капитанский мостик, возвышавшийся над палубой, и штурвал. С помощью кремневых ножей и ножниц Бёртон и Фрайгейт изготовили модель катамарана. Когда лодка будет построена, Бёртон решил назвать ее «Хаджи»*. Судно было нужно для паломничества, хотя целью путешествия была не Мекка. Бёртон намеревался повести судно вверх по течению Реки так далеко, как получится (река теперь стала называться Рекой).

О завоевании территории разговор у них зашел потому, что возникли причины опасаться за возможность постройки судна. Теперь люди в округе в некотором смысле стали вести оседлый образ жизни — обзавелись имуществом, выстроили хижины или занимались их строительством. Жилища получались самые разнообразные — от примитивных навесов до довольно-таки крупных домов из бамбука и камней, на четыре комнаты и в два этажа высотой. Большая часть построек располагалась поблизости от питающих камней на берегу Реки и подножия гор. Во время разведки два дня назад Бёртоном было установлено, что плотность населения составляет двести шестьдесят — двести шестьдесят один человек на квадратную милю. На каждую квадратную милю равнины по обеим берегам Реки приходилось приблизительно по две целых и четыре десятых квадратных мили холмов. Но холмы были так высоки и столь неправильной формы, что истинная площадь поверхности, пригодной для жизни, составляла около девяти квадратных миль. В областях, исследованных Бёртоном, оказалось, что примерно треть населения строилась ближе к прибрежным питающим камням, а другая треть — у питающих камней около гор. Двести шестьдесят один человек на квадратную милю — вроде бы довольно высокая плотность населения, но холмы так густо поросли лесом и их рельеф был таким сложным, что небольшие группы поселившихся там людей могли чувствовать относительное уединение. А на равнине большое скопление народа отмечалось только во время еды, потому что равнинное население большую часть дня проводило в лесах или рыбачило на берегу Реки. Многие сооружали долбленки или бамбуковые лодки, намереваясь порыбачить посередине Реки. Или, как Бёртон, подумывали о том, чтобы отправиться в путешествие.

---

* Хадж — мусульманское религиозное паломничество к святым местам — в Мекку и Медину. Хаджи — человек, совершивший такое паломничество.

Заросли бамбука исчезли, хотя, несомненно, должны были скоро вырасти вновь. Бамбук рос поистине с феноменальной быстротой. Бёртон засек время и подсчитал, что пятидесятифутовый стебель вырастал за десять дней.

Его группа работала не покладая рук и рубила столько бамбука, сколько, как они думали, им понадобится для строительства судна. Но они хотели застраховаться от воровства и поэтому заготовили еще и стволы для постройки частокола. Частокол закончили в тот же день, когда была готова модель. Беда была в том, что лодку нужно было строить на равнине. Построй они ее здесь — им ни за что не протащить ее по лесу и холмам.

— Да, но если мы переберемся на новое место и обоснуемся там,— сказал Фрайгейт,— мы наткнемся на сопротивление. Не осталось ни единого квадратного дюйма в границах высокой травы, который бы не был застолблен. То есть, чтобы добраться до равнины, придется то и дело вторгаться в чужие владения. Пока, правда, никто не возражал особо на предмет нарушений прав собственности, но в любой день все может измениться. А вот если заняться постройкой судна неподалеку от границ высокой травы, можно спокойно вынести его из леса и пронести между хижинами. Придется, правда, дежурить день и ночь, иначе весь строительный материал растащат. Или сломают. Ну, вы знаете этих варваров.

Он говорил о жилищах, разрушенных в то время, пока их владельцы ушли куда-то, о загрязнении котловин под водопадом и источником. И еще он имел в виду совершенно антисанитарные привычки большинства людей, населяющих побережье и леса. Эти не желали пользоваться маленькими уборными, выстроенными в некоторых поселениях для общего пользования.

— Мы выстроим новые дома и устроим верфь как можно ближе к границе,— сказал Бёртон.— А потом станем срубать любое дерево, что попадется по пути, и сметем с дороги каждого, кто вздумает помешать нам пройти.

К некоторым, кто жил на границе между равниной и холмами, отправилась Алиса, чтобы побеседовать с ними и попробовать договориться. Она ни с кем не обмолвилась о том, что у нее на самом деле на уме. Она знала, что есть три парочки, которые недовольны тем, как разместились, потому что им недоставало интимности. С этими удалось найти общий язык, и они перебрались в хижины группы Бёртона на двенадцатый день после воскрешения, в четверг. По общему уговору первый день воскрешения стали считать воскресеньем. Руах сказал, правда, что он предпочел бы считать его субботой или просто Днем Первым. Но он находился среди тех, кто в большинстве своем были язычниками — или экс-язычниками (но тот, кто был язычником, всегда им остается),— поэтому был вынужден согласиться с остальными. Руах завел бамбуковую палочку, на которой каждое утро делал зарубки, ведя тем самым счет дней. Палочку он вбил в землю перед своей хижиной.

Переноска леса для строительства судна потребовала четыре дня тяжелых трудов. К этому времени итальянские парочки решили, что они уже вдосталь наработались и стерли, по их выражению, пальцы до костей. В конце концов, зачем тащиться на лодке куда-то еще, когда тут, может быть, везде одинаково. Наверное, они воскресли из мертвых для того, чтобы наслаждаться жизнью. Иначе зачем бы их снабжали спиртным, сигаретами, марихуаной, мечтательной резинкой, зачем они наги?

Они ушли из группы, не оставив ни у кого в душе обиды — нет, в честь их ухода была даже устроена прощальная вечеринка. На следующий день, в день двадцатый первого года после воскрешения, произошло два события, первое из которых разрешило одну загадку, а второе загадало новую, хотя это было и не слишком важно.

На закате группа шла по равнине к питающему камню. Около питающего камня они обнаружили двоих новеньких, оба спали. Они тут же проснулись, но вид у них был встревоженный и смущенный. Один из них оказался высоким темнокожим мужчиной, который говорил на неизвестном языке, второй — высоким, красивым, мускулистым человеком, сероглазым и черноволосым. Речь у него была неразборчивая, но вдруг Бёртон понял, что тот говорит-таки по-английски. Это оказался камберлендский диалект английского языка, на котором говорили во времена правления короля Эдуарда I*, которого иногда называли Длинноногим. И как только Бёртон и Фрайгейт наловчились в произнесении звуков и произведении определенных перестановок букв, они смогли, хотя и сбивчиво, переговорить с мужчиной. У Фрайгейта был большой запас слов для чтения раннесредневекового английского языка, но со многими из слов он никогда

* Эдуард I (1239–1307) — английский король.

не сталкивался, так же как и с определенными грамматическими конструкциями.

Джон де Грейсток родился в поместье Грейсток* в графстве Камберленд. Он сопровождал Эдуарда I во Францию, когда король затеял покорение Гаскони. Если верить ему, он был непревзойденным мастером боевых искусств. Позднее он был избран в парламент как барон Грейсток, а потом снова участвовал в войне в Гаскони. Он состоял в свите епископа Антония Бека, патриарха Иерусалимского. В двадцать восьмой и двадцать девятый годы правления Эдуарда он сражался с шотландцами. Умер в тысяча триста пятом году, не имея детей, но завещал баронский титул и поместье своему кузену Ральфу, сыну лорда Гримторпа из Йоркшира.

Воскрес он где-то на берегу Реки, где люди на девяносто процентов были из начала четырнадцатого века — англичане и шотландцы, а десять процентов составляли древние сибариты**. На другом берегу Реки оказалась смесь из монголов времени Кублахана*** и каких-то темнокожих людей, о происхождении которых Грейсток не догадывался. Но по его описанию можно было предположить, что то были североамериканские индейцы.

На девятнадцатый день после воскрешения дикари с другого берега Реки совершили нападение. Наверное, им просто хотелось подраться, и это у них получилось. Дрались большей частью палками и цилиндрами, поскольку в тех местах камней маловато. Джон де Грейсток укокошил десяток монголов своим цилиндром, а потом ему угодили по голове камнем и проткнули его обожженным кончиком бамбукового копья. Он очнулся обнаженный — и при нем был только грааль, его прежний или другой — около этого питающего камня.

Другой мужчина поведал свою историю посредством знаков и пантомимы. Он рыбачил, и его крючок утащило что-то такое могучее, что и его уволокло в воду. Вынырнув, он ударился макушкой о днище лодки и утонул.

Вопрос о том, что происходило с тем, кто умирал в загробной жизни, получил ответ. А вот то, почему они воскресали не на том самом месте, где их убивали,— это уже был другой вопрос.

---

* Эта фамилия значащая: ее носит любимый Фармером Тарзан.

** Сибариты — жители древнегреческой колонии Сибарис на юге Апеннинского полуострова.

*** Кублахан (Хубилай) (1216?—1294) — монгольский завоеватель Китая, внук Чингисхана.

Второе событие заключалось в том, что на этот раз граали не обеспечили всех полуденной трапезой. Вместо еды в цилиндрах оказались свернутые полотнища ткани разных размеров, цветов, кроя и очертаний. Четыре полотнища были явно предназначены для того, чтобы соорудить из них некое подобие килта, шотландской юбки. Вокруг тела они крепились с помощью магнитных кружков, вшитых в ткань. Два куска ткани были тоньше, и из них можно было изготовить блузы, хотя можно было ими и иначе воспользоваться. Хотя ткань оказалась мягкой и хорошо впитывающей влагу, она выдерживала самое грубое обращение и не поддавалась даже тогда, когда ее пытались распороть самыми острыми кремневыми или бамбуковыми ножами.

Люди просто поголовно визжали от восторга, обнаружив эти «полотенца». Хотя мужчины и женщины уже успели свыкнуться с наготой или по крайней мере смирились с ней, некоторые эстеты и менее приспособленные считали всеобщее зрелище человеческих гениталий некрасивым и даже оскорбительным. А теперь у них были килты, блузы и тюрбаны. Последние предназначались для того, чтобы покрывать лысые головы, пока отрастут волосы. Попозже тюрбаны стали привычными головными уборами.

Волосы же отрастали повсюду, кроме лица.

Это огорчало Бёртона. Он всегда гордился своими длинными усами и раздвоенной бородой и утверждал, что из-за их отсутствия чувствует себя более раздетым, чем из-за отсутствия штанов.

Вилфреда рассмеялась и сказала:

— А я рада, что их нет. Я всегда терпеть не могла волосы у мужиков на лице. Целоваться с бородатыми — это все равно как будто лицом тычешься в кучу сломанных кроватных пружин.

Глава 13

Прошло шестьдесят дней. Лодку покатили по равнине на больших бамбуковых катках. Настал день отплытия. «Хаджи» был около сорока футов в длину; главными в нем были два остроносых бамбуковых корпуса, соединенных друг с другом платформой, заостренный бушприт с кливером и единственная мачта с продольной и поперечной оснасткой и парусами из переплетенных волокон бамбука. Управлялось судно с помощью кормового весла, изготовленного из ствола сосны, поскольку и руль, и штурвал оказались непрактичны. Единственным материалом для веревок

пока служили стебли травы, хотя вскоре более прочные веревки путешественники надеялись изготовить из выдубленной кожи и внутренностей каких-нибудь крупных речных рыб. К платформе привязали выдолбленный Каззом из ствола сосны челнок.

Но прежде чем судно спустили на воду, Кazз создал неожиданное препятствие. Он уже умел с горем пополам объясняться по-английски и произносить несколько ругательств по-арабски, белуджийски, суахили и итальянски — всему этому он выучился у Бёртона.

— Надо быть... какое это звать?.. ...алла!.. что это слово!.. убивать кто-то прежде класть лодка на реке... вам знать... Бёртон-ака... вы дать, Бёртон-ака... слово... слово... убить человек, чтоб бог, Каббурканакруэбемсс... бог вода... не потопить лодка... разозлиться... утопить нас... скушать нас.

— Жертва? — уточнил Бёртон.

— Проклятое тебе спасибо, Бёртон-ака. Жертва! Резать глотка... класть на лодка... тереть по дерево... тогда бог вода не сердиться на мы...

— Мы не станем этого делать,— заключил Бёртон.

Кazз еще поспорил, но потом согласился забраться в лодку. Физиономия у него была недовольная, и видно было, что он очень волнуется. Бёртон, чтобы успокоить его, сказал ему, что тут не Земля. Тут другой мир, и он может легко убедиться в этом, если посмотрит вокруг, а особенно — на звезды. На этой равнине не живут боги. Кazз слушал и улыбался, но все равно выглядел так, словно ждал, что из пучины речной того и гляди покажется страшная зеленобородая рожа и выпученные рыбьи глазищи Каббурканакруэбемсса.

Стояло утро. У судна столпилось множество народа. Собрались почти все, кто жил на многие мили вокруг, потому что все необычное представляло собой развлечение. Все шутили, кричали и смеялись. И хотя некоторые выкрики звучали оскорбительно, в основном юмор был добрым. Прежде чем скатить лодку с берега в Реку, Бёртон забрался на свой «мостик» — помост, чуть возвышающийся над палубой,— и, подняв руку, попросил тишины. Толпа умолкла, и он заговорил по-итальянски:

— Друзья лазари*, товарищи, обитатели долины Земли Обетованной! Через несколько минут мы покинем вас...

* Бёртон пользуется именем Лазаря — святого, воскрешенного Иисусом Христом,— нарицательно.

— Если лодка не потонет! — пробормотал Фрайгейт.

— ...чтобы подняться вверх по Реке, против ветра и течения. Нам предстоит трудное путешествие, а трудности всегда вознаграждаются, если верить тому, что твердили нам моралисты на Земле. Теперь вы знаете, стоит ли им верить!

(Смех. Отдельные выкрики.)

— На Земле, как, может быть, знают некоторые из вас, я однажды возглавил экспедицию в далекие и глухие районы Африки в поисках верховьев Нила. Найти их я не нашел, хотя подобрался к ним вплотную, а награды за это меня лишил человек, который был всем мне обязан, мистер Джон Хеннинг Спик*. И если я повстречаю его во время путешествия вверх по Реке, уж я буду знать, как с ним обойтись...

— Боже милосердный! — воскликнул Фрайгейт.— Неужели вы снова заставите его покончить с собой от стыда и угрызений совести?

—...но может статься, что эта Река окажется намного больше всяких там Нилов, про который вы знаете или не знаете, а он был самой длинной рекой на Земле, несмотря на ошибочное утверждение американцев о том, что самыми длинными были Амазонка или система Миссисипи и Миссури. Кое-кто интересовался, зачем нам отправляться к цели, которая лежит неизвестно в какой дали, да может, ее и вообще не существует. А я вам скажу, что мы отправляемся в плавание, потому что существует Неизвестное и мы должны превратить его в Известное. Вот и все! Здесь, в отличие от Земли, нам не нужны деньги ни на снаряжение экспедиции, ни на ее проведение. Король Наличность помер, и пусть земля ему будет пухом, туда ему и дорожка! А еще нам не надо отправлять сотни прошений и бланков и выклянчивать аудиенции у влиятельных людей и мелких бюрократов, чтобы получить разрешение проплыть по Реке. Национальных границ не существует...

— Пока,— уточнил Фрайгейт.

— ...не нужны паспорта, не надо совать взятки чиновникам. Мы построили судно, не нуждаясь в лицензии, и отплываем, не нуждаясь в позволении какого-нибудь крючкотвора высокого пошиба, средней руки или мелкой сошки. Мы свободны впер-

* Джон Хеннинг Спик (1827–1864) — английский исследователь Африки. В 1860–1863 гг. вместе с Дж. Грантом открыл истоки Нила.

вые в истории человечества. Свободны! Поэтому мы прощаемся с вами, и я не стану говорить вам «до свидания»...

— И никогда не говорил,— пробормотал Фрайгейт.

— ...потому что мы, может быть, вернемся через тысячу лет! Поэтому я говорю вам «прощайте», и команда говорит вам «прощайте», и мы благодарим вас за помощь в постройке корабля и за то, что вы подсобили нам спустить его на воду. Свои полномочия британского консула ее величества в Триесте я передаю любому, кто захочет принять их на себя, и объявляю себя свободным гражданином мира Реки! Никому я не собираюсь платить дань, присягать на верность, только самому себе я останусь верен!

Так поступай, как лишь мужчине подобает,
Не жди чужих рукоплесканий и поклонов,
Тот благородней всех живет и умирает,
Кто чтит собой себе же данные законы,—

продекламировал Фрайгейт.

Бёртон глянул на американца, но речь не прервал. Фрайгейт процитировал строчки поэмы Бёртона «Касыда из Каджи Абду Аль-Яджи». Уже не впервые он цитировал прозу или стихи Бёртона. И хотя порой Фрайгейт раздражал Бёртона, тот не мог слишком сильно сердиться на человека, который так им восхищался, что помнил его строки.

Несколько минут спустя, когда лодку столкнули в Реку с помощью нескольких мужчин и женщин, Фрайгейт снова процитировал Бёртона. Глядя на тысячи красивых молодых людей у воды, кожу которых позолотило солнце, одежды и тюрбаны которых играли яркими красками и развевались на ветру, он проговорил:

Как радостно в полдневный зной,
Быстрее ветерка и солнца веселей
К Реке бежали мы гурьбой
В дни юности моей, в дни юности моей.

Лодка скользила по воде, и ее ветром развернуло вниз по течению, но Бёртон прокричал команду, были подняты паруса, и он повернул тяжелую рукоять кормового весла так, что судно повернуло против ветра. «Хаджи» поднимался и падал на волнах, вода кипела, два киля разрезали ее. Солнце ярко светило и грело, а ветерок приносил прохладу, все были счастливы, но немного огорчились, когда вдали растаял знакомый берег и лица провожавших. У них не было ни карт, ни рассказов других путешественников, которыми можно было руководствоваться; каждая миля, пройденная судном, открывала перед ними новый мир.

В этот вечер, когда они первый раз причалили к берегу, произошло нечто, озадачившее Бёртона. Кazз только-только сошел на берег, как попал в толпу любопытствующих и сразу заволновался. Он что-то залепетал на своем родном языке и попытался схватить мужчину, оказавшегося рядом с ним. Мужчина убежал и быстро затерялся в толпе.

Когда Бёртон спросил у него, что это он такое делает, Кazз сказал:

— Он иметь нет... а... какое это называть?.. это... это...— и показал на свой лоб. Потом начертил рукой в воздухе какие-то непонятные знаки. Бёртон решил разобраться, в чем дело, но тут Алиса, неожиданно закричав, подбежала к мужчине. Видимо, она решила, что это ее сын, убитый во время Первой мировой войны. Наступило замешательство. Алиса поняла, что обозналась. А потом Бёртона отвлекли другие дела. Кazз не напоминал ему больше о происшествии, и Бёртон о нем забыл. А должен был бы запомнить.

Ровно четыреста пятнадцать дней спустя они проплыли мимо двадцать четыре тысячи девятисотого каменного гриба на правом берегу Реки. Меняя галсы, борясь с ветром и течением, останавливаясь и причаливая к берегу днем для того, чтобы заправить граали едой, и ночью, чтобы поспать, а порой делая стоянки на целый день, чтобы размять ноги и поговорить с живущими по берегам Реки, они проплыли двадцать четыре тысячи девятьсот миль. На Земле такое расстояние означало бы, что они один раз обошли планету по экватору. И если бы можно было взять Миссисипи и Миссури, Нил, Конго, Амазонку, Янцзы, Волгу, Амур, Ганг, Лену и Замбези и сложить вместе, чтобы получилась одна река, она все равно оказалась бы короче, чем тот отрезок Реки, который они одолели. А Река текла и текла, делая широкие излучины, поворачивая в разные стороны. Повсюду вдоль берегов тянулись равнины, за ними — поросшие деревьями холмы, а за холмами — высокие, неприступные горные хребты.

Бывало, равнины сужались и холмы подступали к самому берегу Реки. А бывало, Река разливалась озерами шириной в три, четыре, шесть миль. Время от времени горные гряды пересекались одна с другой, и судно плыло по узким каньонам, где вода

текла так быстро, что буквально кипела, а небо над головой превращалось в голубую ленту, и черные стены подступали к судну.

И повсюду жили люди — и по берегам Реки, и на холмах.

Теперь путешественники уловили некую систему. Воскресшее человечество располагалось по берегам Реки в определенном, хотя и не выдержанном строго, хронологическом и национальном порядке. Судно проплывало мимо областей, заселенных словенами, итальянцами и австрийцами, умершими в последнем десятилетии девятнадцатого века, плыло мимо венгров, норвежцев, финнов, греков, албанцев и ирландцев. Время от времени путешественники попадали в места, где обитали народы из других стран и времен. На участке протяженностью в двадцать миль жили австралийские аборигены, которые на Земле ни разу в глаза не видели европейцев. На отрезке протяженностью в сто миль жили тохары* (народ Логу). Во времена земной жизни Христа они обитали в местности, впоследствии ставшей китайским Туркестаном. Говорили они на языке, являвшемся самым восточным из языков индоевропейской семьи в древние времена. Культура их некоторое время процветала, но пришла в упадок из-за наступления пустыни и набегов диких племен.

Осуществляя поспешные и не слишком точные исследования, Бёртон определил, что в каждой области обитало примерно шестьдесят процентов людей какой-то одной национальности, процентов тридцать другой и, как правило, из другого времени и еще десять процентов — из самых разнообразных мест и времен.

Все мужчины вернулись к жизни обрезанными. Все женщины воскресли девственницами. Для большинства женщин, как понял Бёртон, это состояние продлилось только до первой ночи.

До сих пор они не слыхали, чтобы хоть одна женщина забеременела. Кто бы их сюда ни забросил, он, видимо, позаботился об их стерилизации, и не без причины. Если бы человечество могло плодиться, долина Реки через столетие стала бы страдать от перенаселенности.

Поначалу казалось, что никакой другой животной жизни, кроме человеческой, здесь нет. Теперь уже было известно, что по ночам из почвы выползают некоторые виды червей. А в Реке жило не менее ста разновидностей рыб — от маленьких, в шесть дюймов длиной, до громадин величиной с кашалота — речных

* Тохары — народ, обитавший в Средней Азии во II в. до н. э.— I тыс. н. э.

драконов, что обитали на дне Реки, на глубине в тысячу футов. Фрайгейт сказал, что животные помещены тут не случайно. Рыбы питались падалью и очищали речную воду. Некоторые виды червей поедали отбросы и трупы. Другие выполняли обычную функцию дождевых червей.

Гвенафра немного подросла. Росли все дети. Пройдет лет двенадцать, и в долине не останется ни детей, ни подростков, если везде условия таковы, какие до сих пор наблюдали путешественники.

Задумавшись об этом, Бёртон как-то сказал Алисе:

— Этот ваш дружок, преподобный Доджсон,— ну, этот парень, что любил только маленьких девочек. Трудновато бы ему тут пришлось, а?

— Доджсон извращенцем не был,— возразил Фрайгейт.— Но вот каково будет тем, для кого объектом сексуальных желаний являются дети? Что они станут делать, когда дети вырастут? А что станут делать те, кто привык получать наслаждение от того, что мучил и избивал животных? Знаете, а мне жаль, что тут нет зверей. Люблю кошек и собак, медведей, слонов — почти всех животных. Но не обезьян: они слишком походят на людей. Впрочем, я все-таки рад, что их нет здесь. Теперь их никто не обидит. Всех бедных беззащитных зверюшек, которые так страдали от голода и жажды из-за беспечности или злобы людей. Теперь этого нет. Те же самые чувства,— продолжал Фрайгейт, погладив светлые волосы Гвенафры, которые отросли уже почти на шесть дюймов,— я испытывал ко всем беспомощным и страдающим малышам.

— Но что же это за мир, если в нем не будет детей? — возмутилась Алиса.— Да если на то пошло, что за мир, где нет животных? Пусть их никто не будет мучить и истязать, но ведь и никто не приласкает и не полюбит их.

— Одно уравновешивает другое в этом мире,— отозвался Бёртон.— Не бывает любви без ненависти, доброты без злобы, мира без войны. Как бы то ни было, выбора нам не предоставлено. Невидимые боги этого мира решили, что у нас здесь не будет животных и что женщины больше не будут вынашивать детей. Да будет так.

Утро четыреста шестнадцатого дня их путешествия ничем не отличалось от других. Солнце показалось над вершинами горного хребта слева от судна. Дул встречный ветер, как обычно,

со скоростью около пятнадцати миль в час. Воздух равномерно прогревался, и к двум часам пополудни его температура должна была достичь примерно восьмидесяти пяти градусов по Фаренгейту. Катамаран «Хаджи» покачивался на волнах. Бёртон стоял на «мостике», сжав обеими руками рукоять весла, чувствуя ветер и солнце на загорелой коже. На нем был клетчатый красно-черный килт, доходивший почти до коленей, и ожерелье из изогнутых, черных, блестящих позвонков рогатой рыбы. Рогатая рыба — шестифутовая, с шестидюймовым рогом на носу, как у носорога,— жила на глубине примерно в сто футов от поверхности воды, и ее с большим трудом можно было поймать на крючок. Но из ее позвонков получались красивые ожерелья, а из кожи, хорошо выдубленной, можно было изготовить сандалии, доспехи и щиты, а еще можно было сплести крепкие и мягкие веревки и ремни. Мясо этой рыбы отличалось нежным вкусом. Но самым ценным был рог. Из него делали наконечники копий и стрел или вставляли его кусочки в деревянные рукоятки и получали стилеты.

Рядом с Бёртоном на стойке висел лук и колчан из прозрачного рыбьего пузыря. Лук был сделан из изогнутых костей, выступающих по краям пасти дракона — той самой рыбы размером с кита. Обрезав концы костей так, чтобы конец одной входил в конец другой, в результате вы получали лук с двумя прогибами. Оснащенный тетивой, изготовленной из кишки того же дракона, этот лук становился таким, что пользоваться им в полную силу мог только очень сильный мужчина. Бёртон увидел этот лук сорок дней назад и предложил его владельцу в обмен сорок сигарет, десять сигар и тридцать унций виски. Владелец от этого предложения отказался. А Бёртон с Каззом той же ночью вернулись и похитили лук. Вернее сказать, все-таки купили, поскольку Бёртон устыдился и оставил на месте украденного лука свой тисовый.

Потом он решил, что имел полное право украсть оружие. Владелец проболтался, что ради этого лука убил человека. Значит, забрать у него лук означало забрать его у вора и убийцы. И все-таки, вспоминая об этом, Бёртон порой — не слишком часто — мучился угрызениями совести.

Бёртон вел «Хаджи» по изгибам узкого канала. На протяжении почти пяти миль Река разлилась озером мили в три с половиной шириной, а теперь сузилась до потока шириной меньше полумили. Поток изгибался и исчезал за стенами каньона.

Там придется вести судно медленно, потому что его будет толкать назад усиливающееся течение, а места для смены галсов будет маловато. Но по таким стремнинам Бёртон проводил судно уже не раз и поэтому не боялся. И все же всякий раз, когда заканчивался трудный переход, ему казалось, что судно как бы снова родилось на свет. «Хаджи» уходил из озера в узкое ущелье, выплывал по нему в другое. Кругом кипела вода, а впереди всегда можно было ждать сказочных приключений и открытий.

Катамаран повернул и проплыл мимо питающего камня, стоявшего на берегу, всего в двадцати ярдах. На равнине правого берега, простиравшейся здесь всего лишь на полмили, толпилось множество народа. Они кричали, завидев судно, махали руками или потрясали кулаками, а то и выкрикивали ругательства: Бёртон их не слышал, но догадывался — в этом ему помогал богатый жизненный опыт. Однако особой враждебности жителей не чувствовалось — просто уж так по-разному местные жители во все времена встречали чужаков. А жили в этой местности невысокие, смуглые, темноволосые, худощавые люди. Разговаривали они на языке, который, по словам Руаха, скорее всего, был протохамитосемитским. На Земле они обитали где-то в Северной Африке или Месопотамии, во времена, когда эти земли были намного плодороднее. Одевались они в некое подобие килтов, но женщины расхаживали с обнаженной грудью, а «блузы» превращали в повязки на шее или тюрбаны. Этот народ занимал участок берега протяженностью в шестьдесят питающих камней, то есть, иначе говоря, в шестьдесят миль. А до этого судно проплыло участок протяженностью в восемьдесят питающих камней, где жили цейлонцы из десятого века после Рождества Христова и немного майя из доколумбовой Америки.

— Чаша, в которой смешались времена,— так охарактеризовал Фрайгейт распределение человечества.— Величайший из всех антропологических и социальных экспериментов.

Выводы Фрайгейта были не так уж далеки от действительности. Все выглядело так, словно различные народы смешивались для того, чтобы могли научиться чему-то друг у друга. В некоторых случаях чужеродные группы ухитрялись создавать различные социальные альянсы и жили в относительной дружбе друг с другом. В других случаях одна сторона брала верх над другой или происходило взаимное истребление.

Некоторое время после воскрешения почти везде царила анархия. Люди бродяжничали и сбивались в небольшие группки для

самозащиты, осваивая очень небольшие территории. А потом на сцену выходили естественные лидеры или жаждущие власти, а естественные подчиненные уходили в тень лидеров по собственной воле — а чаще по воле лидеров.

Одной из нескольких политических систем, образовавшихся в итоге, стало «граалевое рабство». Группа, доминирующая на определенной территории, держала в плену более слабых людей. Они давали рабу достаточное количество еды, поскольку грааль мертвого раба становился бесполезным. Но у раба отбирали сигареты, сигары, марихуану, мечтательную резинку, спиртное и самую вкусную пищу.

Не менее тридцати раз, когда «Хаджи» причаливал к берегу, чтобы заполнить цилиндры, его экипаж едва не попадал в руки «граалевых рабовладельцев». Но Бёртон и его спутники всегда были готовы к встрече с ними. Чаще всего их предупреждали об этом жители пограничных земель. Раз двадцать, безуспешно попытавшись затащить их на берег, враждебные народы спускали на воду лодки и пробовали захватить судно, и «Хаджи» приходилось спасаться от погони или отбивать атаки абордажников. Пять раз Бёртону приходилось разворачиваться и плыть вниз по течению. Его катамаран всегда уходил от преследователей, которые ленились продолжать погоню за пределами своих границ. А потом «Хаджи» возвращался ночью и проплывал мимо рабовладельческих территорий.

Несколько раз случалось так, что «Хаджи» никак не удавалось пристать к берегу из-за того, что рабовладельческие государства тянулись на большом протяжении в обе стороны. Тогда команда урезала дневные пайки или, если везло, ловила рыбу в таком количестве, что удавалось прокормиться.

Протохамитосемиты, встретившиеся команде, повели себя вполне дружелюбно, после того как убедились, что у экипажа «Хаджи» нет дурных намерений. Москвич из девятнадцатого века предупредил их о том, что по другую сторону пролива есть рабовладельческие территории. Но о тамошних обитателях он знал мало, поскольку от них жителей местности отделяли неприступные горы. Почти ни одна из лодок, поплывших в ту сторону по проливу, не вернулась. А люди, которые вернулись, рассказывали о злобных разбойниках, что живут по другую сторону каньона.

И вот «Хаджи» нагрузили ростками бамбука, сушеной рыбой и продуктами, скопленными за две недели плавания мимо питающих камней.

Оставалось еще примерно полчаса до того, как судно должно было войти в пролив. Бёртон погрузился в навигационные вычисления и вполглаза приглядывал за командой. Кто-то разлегся на фордеке и загорал, другие сидели, прислонившись спинами к покрытому навесом комингсу, который они называли полубаком.

Джон де Грейсток прилаживал тонкие заостренные кости триаканта к стрелам. Эти кости неплохо заменяли перья для охвостьев стрел в мире, где не было птиц. Грейсток, или лорд Грейсток, как упорно называл его Фрайгейт по каким-то собственным, забавлявшим его соображениям, оказался молодцом в драках и на тяжелой работе. Он оказался также невероятно интересным и просто неправдоподобно вульгарным собеседником, готовым поведать массу анекдотов о кампаниях в Гаскони и на границе с нею, о своих победах над дамами, о слухах про Эдуарда Длинноногого, ну и конечно, служил неисчерпаемым источником информации о своем времени. Зато во многом другом он проявлял ужасающую тупость и непробиваемость — с точки зрения людей, живших в более поздние века. Он утверждал, что в земной жизни был очень набожным, и, скорее всего, не врал, иначе он не был бы удостоен чести оказаться в свите патриарха Иерусалимского. Но теперь, когда его вера была дискредитирована, он возненавидел священников. И всякий раз, встречаясь с ними, из кожи вон лез, стараясь разъярить их ругательствами и насмешками. Некоторые действительно кидались на него с кулаками, и Грейсток избивал их до полусмерти. Бёртон мягко отчитывал его за это (грубо с Грейстоком говорить не стоило, если только ты не хотел драться с ним всерьез) и объяснял ему, что, когда гостишь в чужой стране, где хозяев намного больше, чем твоих спутников, стоит вести себя так, как подобает гостям. Грейсток признавал, что Бёртон прав, и все-таки, встречая очередного священника, не мог побороть искушение. К счастью, они не так часто попадали в места, где встречались христианские священнослужители. К тому же совсем немногие признавались, что когда-то были ими.

А рядом с ним — это уже серьезно — сидела его нынешняя дама, урожденная Мэри Резерфорд, родившаяся в 1637 году и умершая под именем леди Ворвикшир в тысяча шестьсот семьдесят четвертом. Она тоже была англичанкой, но жила на триста лет позже Грейстока, и поэтому они часто расходились во мнениях и поступках. Бёртон считал, что вместе они пробудут недолго.

Казз развалился на палубе, положив голову на колени Фатимы, турчанки, которую неандерталец встретил сорок дней назад во время стоянки. Фатима, по словам Фрайгейта, была «шерстоманкой». Иначе он не мог объяснить влечения жены бакалейщика из Анкары семнадцатого века к Каззу. Она все в нем просто обожала, но шерсть доводила ее до экстаза. И это нравилось всем, а особенно Каззу. За все время путешествия он не видел ни одной женщины из своего рода-племени, хотя слыхал, что они существуют. Большинство женщин шарахались от него как раз из-за его волосатости и пугающей внешности. И постоянной спутницы у него не было до тех пор, пока он не встретил Фатиму.

Субтильный Лев Руах примостился к полубаку с другой стороны и мастерил рогатку из кожи рогатой рыбы. В мешке рядом с ним лежало штук тридцать камней, собранных за последние двадцать дней. Неподалеку от него сидела Эстер Родригес, все время что-то быстро лопочущая и непрерывно обнажающая крупные белые зубы. Эстер заменила Таню, утешавшую Льва до отплытия «Хаджи». Таня была очень привлекательной и милой женщиной, но, похоже, не могла избавиться от привычки «переделывать» мужчин. Лев выяснил, что она «переделала» отца, и дядю, и двоих братьев, и вдобавок двоих мужей. То же самое она пыталась сделать со Львом, и, как правило, очень громко, чтобы и другие мужчины в округе могли воспользоваться ее советами. И в один прекрасный день, как раз тогда, когда «Хаджи» был готов к отплытию, Лев взобрался на борт судна, обернулся и сказал:

— До свидания, Таня. Я не в силах больше выносить, чтобы меня перевоспитывала болтушка из Бронкса. Найди себе кого-нибудь другого, без недостатков.

Таня задохнулась, побелела и начала кричать на Льва. И судя по тому, как двигались ее губы, она еще долго кричала после того, как «Хаджи» отплыл от берега. Остальные смеялись и поздравляли Льва, а тот только печально улыбался. Две недели спустя в области, населенной большей частью древними ливийцами, он познакомился с Эстер, сефардской еврейкой* из пятнадцатого века.

* Сефарды — часть евреев, пользующихся сефардским языком (ладино), близким к испанскому. Потомки выходцев с Пиренейского полуострова, живут в странах Северной Африки, Малой Азии, Балканского полуострова, Израиле.

— Почему бы тебе не попытать счастья с нееврейкой? — спросил как-то Фрайгейт.

Лев пожал узкими плечами.

— Пробовал,— ответил он.— Но рано или поздно с ними ссоришься по-крупному, и они выходят из себя и обзывают тебя пархатым жидом. Такое и с еврейками случается, но от них я это готов терпеть.

— Послушай, дружище,— сказал тогда американец,— на берегах этой реки полно женщин, которые слыхом не слыхивали ни про каких евреев. Стало быть, без предрассудков. Попробовал бы.

— Будь я проклят, но лучше уж известное зло.

— Значит, ты сам с предрассудками,— заключил Фрайгейт.

Бёртон порой удивлялся тому, что Руах остался в группе. Он больше не припоминал ему «Евреев, цыган и ислам», хотя частенько расспрашивал Бёртона о других моментах из его прошлого. Вел он себя довольно дружелюбно, но явно держал что-то за душой. Несмотря на субтильность сложения, он неплохо зарекомендовал себя в драках и оказался просто незаменимым для Бёртона в качестве инструктора по дзюдо, каратэ и айкидо. Печаль, окружавшая его, словно легкая дымка, даже тогда, когда он смеялся, и даже тогда, если верить Тане, когда занимался любовью, была вызвана душевными ранами. А нанесены они ему были в концентрационных лагерях в Германии и России — так он, по крайней мере, утверждал. Таня говорила, что Лев и родился печальным, что он унаследовал все гены печали с тех времен, когда его предки сидели под ивами на реках вавилонских.

Монат тоже часто бывал грустен, хотя порой мог запросто развеселиться. Таукитянин искал хоть кого-нибудь из своих сородичей, одного из тридцати мужчин и женщин, разлученных линчующей толпой. А тридцать существ, растворенных в толпе из тридцати пяти — тридцати шести миллиардов, живущей по берегам реки длиной, быть может, в десять миллионов миль... нет, вряд ли ему было суждено когда-либо встретить соотечественников. Но надежда оставалась.

Алиса Харгривз сидела за полубаком, и Бёртон видел только ее макушку. Она напряженно всматривалась в лица людей, как только судно подплывало достаточно близко к берегу,— искала своего мужа Реджинальда, троих сыновей, мать, отца, сестер и братьев. Любое дорогое знакомое лицо. Она заявила, что, как

только встретит кого-то из родственников, сразу уйдет с судна. Бёртон помалкивал, но стоило ему подумать об этом, как у него ныло сердце. Он и хотел и не хотел, чтобы она уходила. С глаз долой — а потом и из сердца вон. Это неизбежно. Но он не желал неизбежного. Он испытывал к Алисе такое же чувство, как к своей возлюбленной — персиянке, и потерять ее для него означало стать обреченным на пожизненную муку.

Но он ни слова не говорил ей о том, какие чувства к ней питает. Он разговаривал с ней, обменивался жестами, выказывал заботу, обижался за то, что она не отвечает ему тем же, и в конце концов добился того, что она перестала чувствовать себя рядом с ним напряженно. То есть это происходило только тогда, когда рядом с ними были другие, а стоило им остаться наедине, как недоверие возвращалось.

Мечтательной резинкой Алиса больше не пользовалась ни разу. А Бёртон после того, как сжевал ее в третий раз, стал откладывать палочки и обменивать на другие вещи. Когда Бёртон попробовал резинку в последний раз в надежде, что она даст ему потрясающий экстаз в сексе с Вилфредой, он вместо этого получил состояние жесточайшей депрессии, болезни, что чуть не доконала его во время экспедиции к озеру Танганьика. В кошмарном сне ему привиделся Спик, и он убил Спика. На самом деле Спик погиб во время несчастного случая на охоте, и все сочли, что то было самоубийство, пускай даже и помалкивали. Спик, мучимый угрызениями совести из-за того, что предал Бёртона, застрелился. А во сне Бёртон убил Спика, когда тот наклонился над ним и спросил, как Бёртон себя чувствует. А потом, когда сон уже таял, Бёртон поцеловал мертвые губы Спика.

Глава 14

Что ж, он хорошо знал о том, что и любил, и ненавидел Спика; ненавидеть было за что. Но осознание любви к этому человеку приходило нечасто и бывало столь зыбким, что не особо задевало Бёртона. А во время кошмара, привидевшегося ему под действием мечтательной резинки, он так ужаснулся от понимания того, что под слоем ненависти прячется глубокая любовь, что закричал от страха. Он проснулся и понял, что Вилфреда трясет его и спрашивает, что случилось. Во время земной жизни Вилфреда или курила опиум, или подмешивала его к пиву, а здесь,

однажды сжевав мечтательную резинку, она больше не отваживалась попробовать ее. Ей привиделось ужасное — она увидела свою младшую сестренку, умирающую от чахотки, и вдобавок заново пережила то, что ощутила, когда впервые стала шлюхой.

— Странный психоделик,— сказал Руах Бёртону, но не объяснил, что значит это слово. Разговор о свойствах резинки затянулся.— Похоже, она оживляет в памяти драматические события в странной смеси реальности и символики. Не всегда. Порой возбуждает. Порой, по отзывам некоторых, отправляет в прекрасное путешествие. Но я бы рискнул предположить, что мечтательная резинка дается нам с лечебными, если не сказать больше — с очистительными целями. А уж наше дело понять, как ею пользоваться.

— Почему же тогда ты не жуешь ее почаще? — спросил Фрайгейт.

— Потому же, почему некоторые люди отказываются от психотерапии или прерывают ее до окончания курса. Я боюсь.

— Ага, и я тоже,— кивнул Фрайгейт.— Но когда-нибудь, когда мы где-нибудь остановимся надолго, я собираюсь сжевывать по палочке каждый вечер, так вот. Пусть меня вывернет наизнанку. Конечно, сейчас легко говорить.

Питер Джейрус Фрайгейт родился всего через двадцать восемь лет после смерти Бёртона, и все же между ними лежала глубочайшая пропасть. Они на многое смотрели совсем по-разному и спорили бы о многом яростно, если бы Фрайгейт был способен спорить яростно. Не о проблемах дисциплины в группе, не об управлении судном. Но о многом из области мировоззрения. И все же Фрайгейт во многом сходился с Бёртоном, и, может быть, именно поэтому во время земной жизни его так привлекла фигура Бёртона. В тысяча девятьсот тридцать седьмом году Фрайгейту попалась книга Фэрфэкса Дауни под названием «Бёртон: путешественник в тысячу и одну ночь». На форзаце красовалась иллюстрация — изображение Бёртона в пятидесятилетнем возрасте. Диковатое лицо, высокий лоб и выступающие надбровные дуги, тяжелые черные брови, прямой, но резких очертаний нос, большой шрам на щеке, пухлые, чувственные губы, густые висящие усы, густая раздвоенная борода, угрюмость и агрессивность на лице — все это заставило Фрайгейта купить книгу.

— Раньше я даже не слышал о тебе, Дик,— признался Фрайгейт,— но книгу буквально проглотил и был в восторге. Что-то

такое было в тебе, помимо очевидной дерзости всей твоей жизни, твоего владения оружием, знания множества языков, того, как ты притворялся местным врачом, торговцем, паломником в Мекку, помимо того, что ты был первым европейцем, ухитрившимся выйти живым из священного города Харар, открывшим озеро Танганьика и вплотную подошедшим к истокам Нила, помимо того, что стал соучредителем Королевского антропологического общества, придумал термин ESP*, перевел «Тысячу и одну ночь», изучал сексуальные традиции Востока и так далее...

Помимо всего этого, что само по себе было удивительно, ты меня чем-то жутко привлек. Я отправился в публичную библиотеку. Пеория — городок небольшой, но в библиотеке оказалось много твоих книг и книг о тебе, подаренных библиотеке каким-то твоим поклонником. Я все прочел. А потом стал собирать первые издания твоих работ и книг, посвященных тебе. Потом я стал беллетристом, но собирался написать объемистую и как можно более точную твою биографию, побывать повсюду, где ты побывал, сделать фотоснимки этих мест, описать их, создать общество для сбора фондов для сохранения твоего захоронения...

Вот так впервые Фрайгейт упомянул о могиле Бёртона. Бёртон испуганно спросил:

— Где? — и поспешно добавил: — Ах да, конечно! Мортлейк! Я забыл! А надгробие действительно было выполнено в форме арабского шатра, как хотели мы с Изабель?

— Конечно. Но кладбище было разграблено, надгробие обезображено вандалами, заросло травой до пояса, и пошли разговоры о том, что надо бы перевезти прах похороненных там в более отдаленный район Англии, но, правду сказать, тогда уже трудно было отыскать по-настоящему отдаленный район.

— Ну и что? Основал ты свое общество и сохранил ли мою могилу?

Бёртон теперь уже свыкся с мыслью о том, что был мертв, однако от разговора с другим человеком о собственной могиле по коже у него побежали мурашки.

Фрайгейт вдохнул поглубже и проговорил извиняющимся тоном:

— Нет. К тому времени, когда я был в состоянии заняться этим, мне вдруг стало стыдно тратить время и деньги на мертвых. В мире все так смешалось. Живые требовали большего участия.

* ESP — extrasensory perception *(англ.)* — сверхчувственное восприятие.

Загрязнение окружающей среды, нищета, угнетение и так далее. Все это было очень важно.

— Ну а гигантская точная биография?

И снова Фрайгейт ответил Бёртону извиняющимся тоном:

— Как только я впервые о тебе прочитал, я решил, что я единственный, кому ты по-настоящему интересен, и вообще единственный, кто о тебе знает. Но в шестидесятых произошел всплеск интереса к тебе. О тебе было написано несколько книг, и даже одна о твоей жене.

— Об Изабель? Кто-то написал книгу о ней? Почему?

Фрайгейт усмехнулся:

— Она была красивой и интересной женщиной. Но очень надоедливой, должен признаться, болезненно суеверной, шизофреничной и подверженной самообману. Мало кто простил бы ей то, что она сожгла твои рукописи и дневники...

— Что? — проревел Бёртон.— Сожгла?!

Фрайгейт кивнул и сказал:

— И твой врач, Гренфелл Бейкер, назвал это безжалостной катастрофой, последовавшей за твоей печальной кончиной. Она сожгла твой перевод «Благоухающего сада», утверждая, что ты не захотел бы опубликовать его, разве только если бы тебе потребовались деньги, а никакие деньги тебе уже нужны не были, поскольку ты умер.

Не много было в жизни Бёртона случаев, чтобы он вот так, как сейчас, лишился дара речи.

Фрайгейт искоса глянул на Бёртона и усмехнулся. Похоже, его забавляло огорчение слушателя.

— Сжечь «Благоухающий сад» — это еще было не так страшно. Но сжечь все твои дневники — личные дневники, в которых ты, скорее всего, давал волю самым своим глубоким мыслям, той ненависти, что сжигала тебя, и даже открытые дневники, где ты вел записи о повседневных событиях,— в общем, я этого ей никогда не мог простить! И не только я — многие люди. Это стало величайшей потерей; только один из твоих блокнотов, очень маленький, уцелел, но и он сгорел во время бомбардировки Лондона во Вторую мировую войну.

Помолчав немного, Фрайгейт спросил:

— А это правда, что ты перешел в католичество, лежа на смертном одре, как утверждала твоя жена?

— Может быть,— ответил Бёртон.— Изабель много лет уговаривала меня принять католичество, хотя и не осмеливалась ни-

когда просить меня об этом открыто. Ну а когда я лежал без сил, я мог наконец сказать ей, что готов сделать это, лишь бы она была счастлива. Она была так убита горем, так расстроена, так боялась, что моя душа сгорит в аду.

— Значит, ты все-таки любил ее? — спросил Фрайгейт.

— То же самое я сделал бы ради собаки,— отозвался Бёртон.

— Для того, кто настолько удручающе откровенен и прям, ты порой можешь быть очень двусмысленным.

Этот разговор произошел примерно через два месяца после первого дня второго года от времени воскрешения. Итог получился таким, как если бы доктор Джонсон* обнаружил нового Босуэлла**.

Так начался второй этап их странных взаимоотношений. Фрайгейт был теперь ближе Бёртону и в то же время стал больше его раздражать. Американец всегда воздерживался от комментариев по поводу поведения Бёртона — несомненно, потому, что не хотел сердить его. Фрайгейт вообще сознательно старался не раздражать кого бы то ни было. Но он, однако, бессознательно пытался многих между собой перессорить. Враждебность проявлялась во множестве тонких, а порой и не слишком тонких слов и действий. Бёртону это не нравилось. Он был прям и совсем не боялся открыто проявлять свой гнев. Может быть, как отмечал Фрайгейт, он чересчур сильно стремился к конфронтации.

Как-то вечером, когда все сидели у костра под питающим камнем, Фрайгейт заговорил о Карачи. Во времена Бёртона в этой деревушке, которая впоследствии стала столицей Пакистана — государства, образованного в тысяча девятьсот сорок седьмом году,— насчитывалось всего две тысячи человек. А к тысяча девятьсот семидесятому году население Карачи выросло почти до двух миллионов. Вот поэтому Фрайгейт очень хитро задал вопрос Бёртону о его отчете, посланном генералу сэру Роберту Нэпиру, где говорилось о мужских публичных домах в Карачи. Отчет этот полагалось держать в числе секретной документации в архиве Восточноиндийской армии, однако один из многочисленных врагов Бёртона раскопал его. И хотя этот отчет никогда и нигде не публиковался, всю жизнь Бёртона его использовали против него. Бёртон переоделся и загримировался под местного жителя, чтобы попасть в такой публичный дом, и наблюдал там такое, чего до сих пор не дозволялось видеть ни одному европейцу. Он гордился тем, что его не раскусили, и пошел на это неприглядное дело потому, что только ему под силу было это сделать, и потому, что его попросил об этом его обожаемый начальник, Нэпир.

* Сэмюэл Джонсон (1709–1784) — английский писатель и лексикограф, главный герой биографии Дж. Босуэлла, благодаря которой прослыл автором множества афоризмов и изречений.

** Джеймс Босуэлл (1740–1795) — английский писатель, друг и биограф С. Джонсона.

На вопросы Фрайгейта Бёртон отвечал охотно. Раньше в этот день его разозлила Алиса — в последнее время это ей удавалось легко,— и он раздумывал о том, как бы ответить ей тем же. И теперь он ухватился за возможность, предоставленную ему Фрайгейтом, и принялся непринужденно рассказывать о том, что творилось в публичных домах Карачи. Руах в конце концов встал и ушел. У Фрайгейта был такой вид, будто ему тошно, но он сидел и слушал. Вилфреда хохотала так, что стала кататься по траве, Казз и Монат слушали с каменными физиономиями. Гвенафра спала в лодке, поэтому ее Бёртон мог в расчет не принимать. Логу вроде бы было интересно, и все же видно было, что она немного смущена.

Алиса же, главная мишень Бёртона, побледнела, а немного погодя покраснела. Наконец она поднялась и сказала:

— Честное слово, мистер Бёртон, я и раньше считала вас низким человеком. Но бравировать этим... вы совершенно невыносимы, развращены и гнусны. И я не верю ни единому слову из того, что вы мне говорили. Не могу поверить, чтобы кто-то вел себя так, как вы, а потом хвастался этим. Вы соответствуете своей репутации человека, который обожает шокировать других, невзирая на то, как это скажется на вашей репутации.

И она ушла в темноту.

Фрайгейт сказал:

— Может быть, когда-нибудь ты мне расскажешь о том, все ли из этого правда. Я когда-то думал так же, как она. Но когда я стал старше, о тебе стало известно больше, а один биограф провел психоаналитическое исследование твоего характера на основании твоих работ и различных документальных источников.

— И какие получились выводы? — насмешливо спросил Бёртон.

— Как-нибудь потом, Дик,— сказал Фрайгейт.— «Головорез» Дик,— добавил он и тоже ушел от костра.

А теперь, стоя у руля, глядя на то, как солнце озаряет людей из его группы, слушая шипение воды, рассекаемой двумя остры-

ми носами, и потрескивание такелажа, Бёртон думал о том, что лежит по другую сторону каньона. Конечно же, не конец Реки. Она, наверное, будет течь вечно, без конца. А вот конец группы, может быть, очень близок. Слишком долго они пробыли вместе. Слишком много дней провели на узенькой палубе, где делать почти нечего, кроме как болтать да помогать поворачивать паруса. Они делали друг другу больно, и уже давно. Даже Вилфреда в последнее время стала тихой и неразговорчивой. И не сказать, чтобы Бёртон делал что-то, чтобы вывести ее из этого состояния. Честно говоря, он устал от нее. Он не ненавидел ее и не желал ей зла. Он просто устал от нее, а то, что он обладал ею, но не мог обладать Алисой Харгривз, заставляло его чувствовать еще сильнее, как он от нее устал.

Лев Руах держался от него подальше и разговаривал как можно меньше, зато все чаще спорил с Эстер насчет кошерной пищи, собственной задумчивости и нежелания поговорить с ней по-человечески.

Фрайгейт был зол на него за что-то. Но Фрайгейт ведь никогда не встанет и не скажет прямо, трус эдакий, если только не загнать его в угол и не довести до безумной ярости. Логу сердилась и обижалась на Фрайгейта, потому что с ней он был так же сух, как со всеми остальными. Логу сердилась на Бёртона, потому что он отверг ее, когда они вдвоем собирали на холмах бамбук несколько недель назад. Он сказал ей «нет» и добавил, что никакие моральные нормы не мешают ему заняться с ней сексом, но что он не станет предавать Фрайгейта и вообще кого бы то ни было из членов группы. Логу сказала, что она не то чтобы не любит Фрайгейта, просто ей нужны перемены время от времени. Так же как самому Фрайгейту.

Алиса сказала, что почти утратила надежду увидеться снова с кем-то из тех, кого знала. Они, наверное, уже проплыли мимо сорока четырех миллионов трехсот семидесяти тысяч человек, а она ни разу не увидела ни одного земного знакомого. Ей встречались только те, кого она принимала за знакомых по ошибке. Она понимала, что из всех, мимо кого они проплыли, она видела только малую толику людей близко и даже издалека. Но это не имело значения. Ее ужасно угнетало сидение на тесной палубе весь день напролет, когда можно только поворачивать рукоять весла или перемещать такелаж да открывать и закрывать губы в болтовне, большей частью — пустой.

Бёртон не желал признаваться в этом, но боялся, что она уйдет. Она могла просто взять и сойти на берег на следующей стоянке с цилиндром и нехитрым скарбом и распрощаться. Увидимся, мол, лет через сто. Может быть. Главное, что держало Алису на судне,— Гвенафра. Она воспитывала маленькую древнюю бретонку как маленькую викторианскую леди. Это была ужасно любопытная смесь, но не более любопытная, чем все остальное вдоль берегов Реки.

Сам же Бёртон устал от бесконечного странствия на маленьком судне. Ему хотелось отыскать какую-нибудь приятную местность и обосноваться там, чтобы передохнуть, а потом заняться исследованиями, поучаствовать в местных делах, поразмять ноги, сбросить напряжение и набраться сил. Но всего этого ему хотелось, если бы Алиса разделила с ним хижину.

— Судьба человека, который сидит сиднем, тоже с места не движется,— пробормотал он. Пора более решительно повести себя с Алисой, он слишком долго был джентльменом. Он добьется ее, он возьмет ее силой. В молодости он был агрессивным любовником, а потом из любовника превратился в возлюбленного, когда женился. Его старые привычки, старые стереотипы не исчезли. Он был стариком, живущим в новом теле.

«Хаджи» вошел в темный, извилистый пролив. Сине-черные скальные стены встали по обе стороны, судно сделало разворот, и широкое озеро позади исчезло. Теперь все были при деле — сновали туда-сюда и поворачивали паруса, а Бёртон вел «Хаджи» по ветру и против ветра по стремнине шириной в четверть мили, против течения, вздымавшего высокие волны. Лодка резко взлетала на волнах и падала, сильно накреняясь при резкой смене галса. Часто она подходила почти вплотную к стенам каньона, где волны тяжело ударяли по скалам. Но Бёртон уже так долго управлял этим судном, что стал как бы частью его, и команда так долго работала с ним, что предугадывала его приказы, хотя и не опережала их.

Проход по ущелью занял тридцать минут. Некоторые волновались — Фрайгейт и Руах явно беспокоились, но все были на подъеме. По крайней мере, скука и вялость хотя бы на время исчезли.

«Хаджи» выплыл в новое озеро, озаренное солнцем. Оно простиралось мили на четыре в ширину и тянулось к северу, насколько хватало глаз. Горы резко отступили к горизонту, по берегам потянулись привычные равнины в милю шириной.

В поле зрения оказалось с пятьдесят суденышек — от сосновых долбленок до двухмачтовых бамбуковых лодок. Большей частью их хозяева, похоже, занимались ловлей рыбы. Слева, в миле впереди, на берегу торчал неизменный питающий камень, вдоль по берегу рассыпались темные фигурки людей. За ними на равнине и холмах стояли бамбуковые хижины, выстроенные в стиле, который Фрайгейт именовал то неополинезийским, то «посмертно-прибрежным».

Справа, примерно в полумиле от окончания каньона, стоял высокий частокол форта. Перед ним располагалось десять массивных деревянных доков, в которых стояли крупные и небольшие лодки. Через несколько минут после появления «Хаджи» забили барабаны. Не то их сделали из выдолбленных стволов, не то обтянули выдубленной шкурой рыбы или человеческой кожей. Перед фортом уже собралась толпа народа, и все новые выбегали оттуда и из хижин, стоявших позади. Люди прыгали в лодки и отплывали от берега.

На левом берегу темные фигурки рассаживались в долбленки, каноэ и одномачтовые лодки.

Похоже, отплывшие от обоих берегов лодки соревновались, кто раньше захватит «Хаджи».

Бёртон спокойно лавировал, несколько раз провел судно между другими лодками. Люди с правого берега оказались ближе. Они были белокожими и хорошо вооруженными, но луков в ход не пускали. Человек, стоявший на носу боевого каноэ с тридцатью гребцами на борту, прокричал по-немецки приказ сдаваться.

— Мы вас не тронем!

— Мы пришли с миром! — крикнул ему Фрайгейт.

— Он это понимает! — рыкнул Бёртон.— Понятно, что нас слишком мало и мы не станем нападать на них.

Теперь барабаны грохотали по обоим берегам Реки. Было такое впечатление, словно эти берега населены живыми барабанами. Но на самом деле населены они были людьми, и к тому же вооруженными. Новые лодки вышли наперерез «Хаджи». Позади же те лодки, что вышли навстречу первыми, не отставали, но теряли дистанцию.

Бёртон растерялся. Может быть, развернуть «Хаджи» и уйти назад в каньон, а потом вернуться ночью? Это был бы опасный маневр: стены высотой в двадцать тысяч футов загородят свет звезд и газовых туманностей. Придется двигаться почти вслепую.

«Хаджи» двигался резвее, чем любое из судов противников. Пока. Издалека быстро надвигались высокие паруса. Но сейчас вражескому судну помогает попутный ветер и течение, а что будет, если он уйдет от встречи с ним — догонят ли «Хаджи», если врагам тоже придется идти против ветра?

Все суда, которые видел Бёртон, были нагружены людьми, и это замедляло их скорость. Даже такое судно, как «Хаджи», будь оно заполнено воинами, не выдержало бы соревнования.

Бёртон решил продолжать плыть вверх по Реке.

Минут десять спустя наперерез «Хаджи» поплыло еще одно боевое каноэ. В нем сидело по шестнадцать гребцов у каждого борта, а на носу и корме были небольшие палубы. На каждой из них стояло по двое человек, а рядом с ними — катапульты. Те двое, что стояли на носу, зарядили ложку катапульты каким-то шарообразным предметом, от которого шел дым. Один потянул за стопор, и рычаг машины ударил по бревну. Каноэ задрожало, гребцы на мгновение прекратили равномерно грести. Дымящийся предмет описал высокую дугу и, оказавшись в двадцати футах от «Хаджи» и в десяти над поверхностью воды, взорвался с оглушительным треском, испустив тучу черного дыма, которую тут же развеял ветер.

Кто-то из женщин и даже некоторые из мужчин вскрикнули. Бёртон решил, что, судя по всему, в этой местности есть залежи серы. Иначе здешним жителям ни за что не изготовить бы порох.

Бёртон позвал Логу и Эстер Родригес и велел им встать у румпеля. Обе женщины побледнели, но держались спокойно, хотя ни та ни другая ни разу в глаза не видели бомбы.

Гвенафру увели в кубрик. Алиса сжимала в руке тисовый лук, на спине у нее висел колчан со стрелами. Губы она намазала ярко-алой помадой, глаза подвела зелеными тенями, и из-за этого кожа ее казалась жутко бледной. Но она уже пережила не менее десятка водных сражений, а нервы у нее были крепкие, как меловые утесы Дувра. Кроме того, она была лучшей лучницей в команде. Бёртон отлично владел огнестрельным оружием, а с луком ему не хватало опыта. Кавз мог выстрелить из лука, сделанного из костей речного дракона, даже дальше Бёртона, но меткость у него выходила отвратительная. Фрайгейт твердил, что тут и ждать нечего — как у большинства доисторических людей, у Кавза отсутствовало восприятие перспективы.

Люди у катапульты не стали заряжать ее новым ядром. Видимо, первое предназначалось для того, чтобы заставить «Хаджи» прекратить движение. Бёртон решил остановить судно. Делать нечего. Преследователи могли уже не раз прострелить их всех тучей стрел. Раз они этого не сделали, значит, хотят заполучить команду «Хаджи» живой.

Каноэ, разбивая воду носом так, что она вскипала, поблескивая на солнце лопастями весел, под уханье вскрикивающих в унисон гребцов подплыло вплотную к корме «Хаджи». Двое мужчин спрыгнули с фордека, и каноэ закачалось. Один упал в воду и ухватился за борт. Другой упал на колени на самом краю. Он сжимал в зубах бамбуковый нож, к ремню его были приторочены два чехла. Из одного торчал небольшой топорик, из другого — стилет из рога триаканта. Секунду, пытаясь взобраться на мокрый и скользкий помост, он смотрел прямо в глаза Бёртона. Волосы человека были соломенно-желтые, глаза — светло-голубые, лицо отличалось классической красотой. Наверное, он хотел ранить пару людей из команды, а потом убраться — может быть, сжимая в объятиях кого-то из женщин. А пока он отвлечет команду «Хаджи», остальные, подплыв поближе, зацепят «Хаджи» и заберутся на борт, вот и все.

Шансов выполнить план у нападавшего было маловато, он, видимо, это понимал, но не больно-то переживал. Большинство людей по-прежнему боялись смерти, потому что этот страх гнездился в клетках их тел, и реагировали инстинктивно. Немногие сумели преодолеть этот страх, а другие его и не ведали никогда.

Бёртон шагнул вперед и нанес мужчине удар по голове топориком. Рот того раскрылся, бамбуковый нож выпал, и воин свалился замертво на палубу. Гребцы в каноэ взревели, оно разворачивалось. Бёртон заметил, что берег быстро приближается, и отдал команду менять галс. Судно развернулось, рулевое бревно пронеслось над палубой. Потом они помчались по Реке, а к ним неслось не меньше десятка лодок. В трех долбленых челноках сидело по четверо гребцов; кроме них «Хаджи» угрожала встреча с тремя боевыми каноэ и пятью двухмачтовыми шхунами. На последних стояло несколько катапульт, и народу на палубах хватало.

Выплыв на середину Реки, Бёртон отдал команду снова сменить галс. Этот маневр позволил парусникам подойти ближе к «Хаджи», но Бёртон на это рассчитывал. Теперь, снова взяв круто по ветру, «Хаджи» разрежет воду между двумя шхунами. Они

были уже так близко, что Бёртон ясно видел черты лица всех, кто был на борту обеих шхун. Собрались там большей частью европейцы — от очень смуглых до нордически-белокожих. Капитан шхуны, подходившей с левого борта, крикнул Бёртону по-немецки, чтобы тот сдавался.

— Мы оставим вас в живых, если вы сдадитесь, но уничтожим, если станете сопротивляться!

Говорил он по-немецки, но с акцентом, который показался Бёртону венгерским.

В ответ Бёртон и Алиса выпустили по стреле. Стрела Алисы в капитана не попала, зато угодила в рулевого, он пошатнулся и, перевернувшись, упал в воду через поручень. Капитан бросился к штурвалу, но вторая стрела Бёртона пронзила его колено.

Шхуны столкнулись со страшным грохотом и треском и задрали носы. При этом здорово пострадал такелаж, люди кричали, валились на палубу, падали за борт. Даже если шхуны не пойдут ко дну, они все равно вышли из строя.

Но как раз перед столкновением лучники со шхун выпустили с десяток горящих стрел в бамбуковые паруса «Хаджи». Плетеные полотнища содержали сухую траву, вымоченную в скипидаре, изготовленном из сосновой смолы, и на ветру быстро загорелись.

Бёртон отобрал у женщин румпель и прокричал команду. Экипаж принялся зачерпывать из Реки воду в глиняные посудины и открытые цилиндры и гасить пламя. Логу, умевшая лазить по деревьям, как обезьянка, взобралась на мачту, перебросив через плечо веревку. Веревку она спустила вниз и стала подтягивать наверх емкости с водой.

Случившееся позволило другим шхунам и нескольким каноэ подобраться ближе. Одно судно шло таким курсом, что вот-вот должно было перерезать путь «Хаджи». Бёртон снова сделал разворот, однако это было не просто из-за того, что на мачте висела Логу. Мачта повернулась, рулевое бревно яростно пронеслось над палубой — экипажу не удалось справиться с канатами, а по парусам ударили новые стрелы и принесли новое пламя. Несколько стрел упало на палубу. На мгновение Бёртон решил, что враги передумали и хотят погубить их. Но на самом деле стрелы просто пролетели мимо цели.

И снова «Хаджи» проскользнул в промежуток между двумя шхунами. Капитаны и команды обоих судов ухмылялись. Навер-

ное, они мучились от скуки уже давно и теперь наслаждались погоней. Но все равно матросы спрятались за бортами, оставив офицеров, рулевых и лучников выдерживать огонь «Хаджи». Послышался гул, и темные стрелы с красными наконечниками и синим оперением угодили в паруса в двух десятках мест, некоторые попали в мачту и рулевое бревно, десяток упал в воду, одна пролетела мимо Бёртона в нескольких дюймах от его головы.

Алиса, Руах, Казз, де Грейсток, Вилфреда и Бёртон стреляли, а Эстер управляла веслом. Логу застыла на середине мачты, ожидая, когда перестанут лететь стрелы. Пять из пущенных стрел нашли три мишени из плоти и крови: капитана, рулевого и моряка, который высунулся из-за поручня в неудачный для себя момент.

Эстер вскрикнула. Бёртон обернулся. Сзади подходило боевое каноэ, скрывавшееся до того за корпусом шхуны. Столкновение стало неизбежным. Двое воинов, стоявших на помосте, прыгнули в воду, гребцы вскакивали или пытались не дать лодке перевернуться. А потом «Хаджи» ударил в борт каноэ около носа, пробил в нем дыру, перевернул каноэ и вышвырнул команду в Реку. Экипаж «Хаджи» от удара швырнуло вперед, и Грейсток свалился в воду. Бёртон пролетел по палубе, оцарапав лицо, грудь и колени. Эстер отлетела от румпеля, покатилась по палубе, ударилась о край комингса полубака и осталась лежать там без движения.

Бёртон поднял глаза. Парус полыхал, и не оставалось никакой надежды спасти его. Логу на мачте не было, значит, ее отшвырнуло при столкновении. Но, встав, Бёртон увидел, что она и де Грейсток плывут к «Хаджи». Вода кругом кипела от всплесков рук несчастных людей с каноэ, многие из которых, судя по их воплям, не умели плавать.

Бёртон крикнул мужчинам, чтобы они вытащили Логу и де Грейстока из воды, а сам посмотрел, насколько пострадало судно. Вода просачивалась внутрь корпусов. Клубился дым от горевшей мачты и паруса, Алиса и Гвенафра кашляли.

С севера быстро подплывало еще одно боевое каноэ, на полной скорости к катамарану неслись две шхуны.

Можно было драться и пролить кровь врагов, если те будут осторожничать, стараясь не убить команду «Хаджи». Или будут плыть за «Хаджи». В любом случае команду катамарана возьмут в плен.

Логу и Грейстока втащили на судно. Фрайгейт сообщил, что Эстер не приходит в сознание. Руах пощупал ее пульс, оттянул веки и вернулся к Бёртону.

— Она жива, но изрядно пострадала.

Бёртон сказал:

— Женщины, вы знаете, что произойдет с вами. Дело, конечно, ваше, но я бы посоветовал вам нырнуть и вдохнуть воду. Завтра проснетесь — новенькие, с иголочки.

Из кубрика выбралась Гвенафра. Она обхватила себя руками и посмотрела на Бёртона сухими, но испуганными глазами. Он обнял ее за плечи и сказал:

— Алиса! Возьми ее с собой!

— Куда? — ошарашенно спросила Алиса. Она бросила взгляд на каноэ и снова посмотрела на Бёртона. Дым опять заставил ее закашляться, и она шагнула вперед, встав к ветру спиной.

— Когда нырнешь.

Бёртон махнул рукой, указывая на Реку.

— Я не смогу,— покачала головой Алиса.

— Ты же не хочешь, чтобы эти люди и ее схватили. Она всего лишь маленькая девочка, но их это не остановит.

Алиса выглядела так, словно ее лицо вот-вот сморщится и его зальют слезы, но не заплакала.

— Хорошо,— ответила она.— Теперь самоубийство не грех. Я только надеюсь, что...

— Да,— сказал Бёртон.

Больше он ничего не сказал, да и говорить было нечего. Каноэ уже находилось в сорока футах от катамарана.

— В другом месте может оказаться еще хуже, чем здесь,— сказала Алиса.— И Гвенафра может очнуться одна-одинешенька. Вы же знаете, что вероятность воскреснуть в одном и том же месте ничтожна.

— Тут ничего не поделаешь,— отозвался Бёртон.

Алиса сжала губы, разжала и проговорила:

— Я буду драться до последнего мгновения. А потом...

— Тогда может оказаться слишком поздно,— сказал Бёртон, берясь за лук и вынимая стрелу из колчана. Де Грейсток свой лук потерял, поэтому взял лук Казза. Неандерталец сунул камень в пращу и принялся вертеть ею. Лев последовал его примеру. Монат, тоже потерявший лук, взял лук Эстер.

Капитан каноэ прокричал по-немецки:

— Бросайте оружие! Мы вас не тронем!

Через секунду стрела Алисы пронзила его грудь, и капитан упал с помоста на одного из гребцов. Другая стрела, скорее всего пущенная де Грейстоком, сбила с помоста еще одного воина — этот свалился в воду. Камень угодил одному из гребцов в плечо, и он с криком упал на спину. Еще одним камнем снесло голову другому гребцу. Он выронил весло.

Каноэ приближалось. Воины на кормовом помосте скомандовали гребцам грести к «Хаджи». Но вот и они упали, пронзенные стрелами.

Бёртон оглянулся. На обеих шхунах спустили паруса. По всей вероятности, собирались подойти к «Хаджи» так, чтобы матросы могли зацепить катамаран абордажными крючьями. Но если подойдут слишком близко, рискуют перехватить на себя пламя.

Потеряв четырнадцать членов команды убитыми или тяжелоранеными, каноэ налетело на «Хаджи». Как раз перед тем, как нос каноэ врезался в катамаран, оставшиеся в живых бросили весла и выставили перед собой небольшие круглые кожаные щиты. Но все равно две стрелы пробили щиты и угодили в руки тех, кто их держал. При всем том расстановка сил была не в пользу команды Бёртона: двадцать воинов против шести мужчин, пятерых женщин и ребенка.

Однако один из шестерых был обросшим шерстью коренастым мужиком, обладавшим ужасающей силой и сжимавшим в ручище каменный топор. Кazз подпрыгнул за секунду до того, как нос каноэ врезался в борт правого корпуса, и секунду спустя оказался в каноэ. Его топор сокрушил черепа двоих гребцов, после чего пробил дно каноэ. Снизу брызнула вода, и де Грейсток, прокричав что-то на своем средневековом камберлендском английском, прыгнул в каноэ следом за Каззом. В одной руке он сжимал стилет, а в другой — здоровенную дубинку, головка которой была утыкана кремневыми иглами.

Остальные на «Хаджи» продолжали стрелять из луков. Затем Кazз и де Грейсток вернулись на катамаран, а каноэ стало быстро погружаться в воду вместе с мертвыми, умирающими и еще живыми матросами. Некоторые сразу утонули. Другие отплыли, третьи пытались вскарабкаться на катамаран, но тут же срывались в воду с отрубленными или размозженными пальцами.

Что-то ударилось о палубу рядом с Бёртоном, и одновременно шею его захлестнула кожаная петля. Бёртон развернулся и обрубил веревку. Отпрыгнул в сторону, чтобы увернуться от другой

веревки, крепко ухватил и потянул за третью — матрос, бросивший веревку, перелетел через поручни, с воплем вывалился за борт и ударился плечом о палубу «Хаджи». Бёртон раскроил ему голову топором.

Но теперь уже с палуб обеих шхун прыгали воины, отовсюду летели веревки. Во всеобщую сумятицу вносили свою лепту дым и пламя, которые помогали команде «Хаджи» чуть больше, чем абордажникам.

Бёртон крикнул Алисе, чтобы она прыгала в воду и взяла с собой Гвенафру. Найти ее глазами он не смог, а потом ему пришлось отбиваться от высоченного негра с копьем. Похоже, этот воин напрочь забыл о приказе взять Бёртона живым. Бёртон отшвырнул в сторону короткое копье и, замахнувшись, отрубил негру голову. Он еще не успел выпрямиться, как почувствовал резкую боль в спине, потом в плече, но успел сбить еще двоих врагов, прежде чем оказался в воде. Упав между шхуной и «Хаджи», он нырнул, бросил топор и вытащил из ножен стилет. Снова поднявшись на поверхность, он оказался лицом к лицу с высоким, костлявым, рыжеволосым молодцем, который поднял обеими руками над собой кричащую Гвенафру. А потом молодец швырнул ее далеко в воду.

Бёртон снова нырнул, а вынырнув, увидел в нескольких футах от себя голову Гвенафры. Лицо ее стало землисто-серым, глаза остекленели. А потом он увидел, как темнеет от крови вода рядом с ней. Девочка ушла под воду прежде, чем Бёртон успел доплыть до нее. Бёртон нырнул за ней, подхватил и перевернул спиной вверх. Из спины девочки торчал кончик рыбьего рога.

Бёртон выпустил тело Гвенафры. Он не понимал, почему мужчина убил девочку, когда с легкостью мог взять в плен. Может быть, убила ее Алиса, а он решил, что девчонка мертва, и швырнул ее на съедение рыбам.

Из клубов дыма выплыло тело, потом другое. У одного была сломана шея, он был мертв, второй еще жив. Бёртон обхватил шею человека и ударил его в ухо. Тот перестал сопротивляться и погрузился в пучину.

В просвете между тучами дыма показалась голова Фрайгейта. Лицо и плечи его заливала кровь. Он вяло взмахнул руками и ушел под воду. Бёртон подплыл к нему, чтобы помочь выплыть. О том, чтобы вернуться на катамаран, не могло быть и речи. Там продолжалась битва, а со всех сторон к месту сражения неслись каноэ и долбленки.

Голова Фрайгейта показалась над водой. Кожа его, не залитая теперь кровью, была белой как мел. Бёртон подплыл к нему и прохрипел:

— Женщины спаслись?

Фрайгейт покачал головой и крикнул:

— Берегитесь!

Бёртон приготовился нырнуть. Что-то ударило его по ногам, он продолжал погружаться, но не мог вдохнуть воду. Он решил биться до тех пор, пока его не убьют.

Оказавшись на поверхности, он увидел, что вода буквально кишит матросами, бросившимися в Реку, чтобы выловить его и Фрайгейта. Американца в полубессознательном состоянии волокли к каноэ. К Бёртону подплывали трое. Он прикончил двоих, но потом рядом оказался челнок, его хозяин замахнулся дубинкой и ударил Бёртона по голове.

Глава 15

Их вывели на берег около большого здания, стоявшего за частоколом из сосновых бревен. Каждый шаг отдавался болью в голове Бёртона. Раны на плече и ребрах болели, но кровь остановилась. Крепость была построена из сосновых стволов, над первым ярусом нависал второй, имевший множество бойниц. Пленных провели через проем в частоколе, закрывавшийся высокими бревенчатыми воротами. Пройдя по поросшему травой двору длиной ярдов в шестьдесят и миновав еще одни ворота, они оказались в зале футов пятьдесят длиной и тридцать шириной. Все, кроме Фрайгейта, который был слишком слаб, встали перед большим круглым дубовым столом. Пленники моргали в полумраке и прохладе зала, но наконец разглядели сидевших за столом двоих мужчин.

Повсюду стояли стражники с копьями, дубинками и каменными топорами. В конце зала была видна деревянная лестница, заканчивающаяся балконом с высокими перилами. Перегнувшись через перила, на пленников глазели женщины.

Один из сидевших за столом был крепким, мускулистым, невысоким мужчиной. Тело у него было волосатое, волосы — черные, курчавые, нос с горбинкой и злобные, как у ястреба, карие глаза. Второй был выше ростом, светловолосый, цвет глаз в полумраке определить точно было трудно, но, скорее всего, они были голубыми. У него было широкоскулое тевтонское лицо. Выразительное брюшко и намек на второй подбородок говорили о том, что еду и спиртное тут забирают из цилиндров рабов.

Фрайгейт опустился на пол, но его по знаку блондина подняли и поставили на ноги. Фрайгейт глянул на блондина и проговорил:

— Вы похожи на Германа Геринга в молодости.

Он тут же упал на колени, вскрикнув от боли,— стражник ткнул его острием копья под ребра.

Блондин заговорил по-английски с явным немецким акцентом:

— Больше не сметь трогать их, пока я не прикажу. Пусть болтают.

Прищурившись, он несколько мгновений испытующе разглядывал пленников, потом заявил:

— Да, я Герман Геринг.

— Кто такой Геринг? — спросил Бёртон.

— Твой дружок тебе потом расскажет,— сказал немец.— Если у тебя будет «потом». Я не сержусь на вас — вы отменно дрались. Я восхищаюсь людьми, которые умеют сражаться. Я всегда могу разжиться новыми копьями, особенно теперь, когда вы угробили столько народа. Предлагаю вам выбор. Мужчинам, я имею в виду. Оставайтесь со мной и живите припеваючи, имея еду, спиртное, табак и женщин, каких только пожелаете. Или работайте на меня, как рабы.

— На *нас*,— вмешался второй из сидевших за столом.— Ты, Херрманн, забываешь, што у меня штолько же праф говорить про этто, школько у ттебя.

Геринг улыбнулся, причмокнул и сказал:

— Конечно! Я просто применил местоимение «я» в королевском смысле. Хорошо, на нас. Если вы согласитесь служить *нам* — а для вас же будет куда лучше, если согласитесь,— вы присягнете на верность мне, Герману Герингу, и бывшему правителю древнего Рима, Туллу Гостилию*.

Бёртон пристально вгляделся в лицо второго мужчины. Неужели перед ним действительно легендарный правитель Древнего Рима? Того Рима, что был всего лишь крошечной деревушкой,

* Правил с 673 по 641 г. до н. э.

которой угрожали другие италийские племена — сабины*, эквы** и вольски?*** Которых, в свою очередь, одолели умбры****, которых затем оттеснили могущественные этруски? Неужели это действительно Тулл Гостилий, воинственный преемник миролюбивого Нумы Помпилия?***** Внешне в нем не было ничего такого, что отличало бы его от тысяч итальянцев, которых Бёртон встречал на улицах Сиены******. Но если он действительно был тем, за кого себя выдавал, он мог стать роскошным приобретением — в переносном смысле, конечно. Он должен, поскольку, скорее всего, сам был этруском, знать этрусский язык, а кроме него доклассическую латынь, сабинский, а может быть, кампанийский греческий. Может быть, он даже встречался с Ромулом, предполагаемым основателем Рима. Каких только историй не мог рассказать этот человек!

— Ну? — поторопил Геринг.

— Что нам придется делать, если мы станем служить вам? — спросил Бёртон.

— Прежде всего я... мы... должны убедиться, что вы нам подходите. Другими словами, что вы мужчины, которые без смущения и промедления выполнят все, что мы прикажем. Мы подвергнем вас небольшому испытанию.

Он отдал приказ, и через минуту вперед вывели несколько мужчин. Все они были изможденные и раненые.

— Они поранились во время обработки камней или на постройке стен,— сообщил Геринг.— Все, кроме двоих, схваченных при попытке к бегству. Их придется наказать. Все будут убиты, потому что от них теперь никакого толку. Если вы полны решимости служить нам, то не смутитесь и убьете их всех. Кроме того,— добавил он,— все они евреи. Чего их жалеть?

---

* Италийские племена, обитавшие в начале I тысячелетия н. э. в долинах рек Тибр, Атернус и Анио. Сыграли огромную роль в образовании римской народности.

** Италийские племена окского происхождения, покоренные римлянами в 304 г. до н. э.

*** Древнее племя в Центральной Италии, вероятно, родственное умбрам. Во второй половине IV в. до н. э. покорены римлянами.

**** Италийское племя, исконные обитатели Северной и Средней Италии. В III–II вв. до н. э. покорены римлянами.

***** Согласно античной традиции, второй правитель Древнего Рима в 715–673/672 гг. до н. э.; ему приписывается создание жреческих коллегий, коллегий ремесленников, учреждение религиозных культов.

****** Город в Центральной Италии, в области Тоскана.

Кэмпбелл, тот рыжий детина, что бросил Гвенафру в Реку, подошел к Бёртону и подал ему здоровенную дубину, увенчанную двумя кремневыми лезвиями. Двое стражников схватили раба — высокого блондина с синими глазами и греческим профилем — и бросили на колени. Он гневно глянул на Геринга и плюнул в него.

Геринг расхохотался:

— Гордец, как все их отродье. Я мог бы превратить его в дрожащее и умоляющее о смерти месиво, если бы захотел. Но пытки меня не слишком интересуют. Мой друг предпочел бы попытать его огнем, но я все-таки гуманен.

— Я способен убить человека, защищаясь или защищая тех, кто нуждается в защите,— сказал Бёртон.— Но я не палач.

— Убить еврея — значит спасти свою жизнь,— возразил Геринг.— Не сделаешь этого — все равно умрешь. Только не сразу.

— Нет,— ответил Бёртон.

Геринг вздохнул:

— Ох уж эти мне англичане! Что ж, я бы не отказался иметь тебя у себя на службе. Но если ты не желаешь совершать разумный поступок — как хочешь. А ты? — обратился он к Фрайгейту.

Фрайгейт, который все еще пребывал в полубессознательном состоянии, выдавил:

— Вы превратились в горстку пепла в Дахау — за ваши дела и вашу сущность. Вы хотите и в этом мире творить такие же преступления?

Геринг рассмеялся и ответил:

— Я знаю, что со мной случилось. Мои еврейские рабы мне рассказали.

Он ткнул пальцем в сторону Моната:

— А это что за мерзость?

Бёртон объяснил. Геринг помрачнел, потом сказал:

— Я не могу ему доверять. Он отправится в лагерь рабов. Эй ты, обезьяна, что скажешь?

Казз, к удивлению Бёртона, вышел вперед.

— Я убивать для ты. Я не хочу быть рабы.

Он взял дубинку, а охранники выставили копья, готовые пронзить Казза, если тот вздумает применить дубинку иначе, чем было приказано. Казз зыркнул на них из-под нависших бровей и поднял дубинку. Раздался треск, и раб распластался ничком в грязи. Казз вернул дубинку Кэмпбеллу и отошел в сторону. На Бёртона он даже не глянул.

Геринг объявил:

— Вечером соберут всех рабов и покажут им, что с ними станет, если они попробуют бежать. Беглецов сначала немного поджарят, а потом прервут их страдания. Мой знаменитый коллега сам поработает дубинкой. Он такое просто обожает.

Потом ткнул пальцем в сторону Алисы:

— Вот эта. Я ее беру.

Тулл встал:

— Нет-нет. Она мне нравится. Ты давай приказы, Герман. Забирай ддругих, обоих. А этту я отчень хотчу. Она похотдит, как этто сказать... на аристократку. Она... королева?

Бёртон взревел, выхватил дубинку из рук Кэмпбелла и вспрыгнул на стол. Геринг повалился на спину. Дубинка чуть-чуть не угодила ему по носу. В тот же миг римлянин швырнул в Бёртона копье и ранил его в плечо. Бёртон не выпустил из рук дубинку, замахнулся и выбил оружие из руки Тулла.

Рабы подняли крик и набросились на стражников. Фрайгейт схватил копье и приставил его острие к голове Казза. Казз съежился. Монат стукнул стражника в пах и подобрал его копье.

Потом Бёртон ничего не помнил. Очнулся он за несколько часов до темноты. Голова болела еще сильнее, чем раньше. Ныли ребра и оба плеча. Он лежал на траве внутри загородки из сосновых бревен, ярдов пятнадцати в поперечнике. В пятнадцати футах от земли по всему периметру загородки шел деревянный помост, по которому вышагивали стражники.

Бёртон приподнялся, сел и застонал. Фрайгейт, сидевший рядом с ним на корточках, проговорил:

— Я боялся, что ты так и не придешь в себя.

— Где женщины? — спросил его Бёртон.

Фрайгейт расплакался. Бёртон покачал головой и попросил:

— Перестань хныкать. Где они?

— А ты, черт подери, как думаешь, где? — всхлипнул Фрайгейт.— О господи!

— Забудь о женщинах. Им сейчас не поможешь. Почему меня не прикончили после того, как я напал на Геринга?

Фрайгейт утер слезы и сказал:

— Не знаю. Может быть, и тебя, и меня сожгут. Для примера. Лучше бы нас убили.

— Да ты что — только-только обрел рай, а уже готов расстаться с ним? — спросил Бёртон. Он было рассмеялся, но тут же умолк, потому что боль остриями пронзила его голову.

Бёртон разговорился с Робертом Спрюсом, англичанином, родившимся в тысяча девятьсот сорок пятом году в Кенсингтоне. Спрюс рассказал, что Геринг и Тулл захватили власть меньше месяца назад. Раньше они соседей не трогали. Впоследствии они наверняка попытаются покорить граничащие с их территорией земли, включая и принадлежащие индейцам онондага* на противоположном берегу Реки. Пока что никому из рабов не удалось бежать и сообщить кому-либо о планах Геринга.

— Но ведь люди из приграничных земель могут своими глазами видеть, как рабы строят стены,— возразил Бёртон.

Спрюс сухо усмехнулся и сказал:

— Геринг распустил слух, что в рабстве у него одни евреи, что он берет в плен только евреев. Ну так что, спрашивается, переживать. Но вы сами видите, это неправда. Половина рабов — неевреи.

Когда стемнело, Бёртона, Фрайгейта, Руаха, де Грейстока и Моната выпустили из-за загородки и отвели к питающему камню. Туда же согнали около двух сотен рабов, охраняемых примерно семьюдесятью стражниками Геринга. Граали рабов поставили на камень. Все принялись ждать. После того как отгремело синее пламя, граали сняли. Каждый из рабов открыл крышку, и стражники вынули из цилиндров табак, спиртное и половину еды.

У Фрайгейта плыло перед глазами, плечо нуждалось в перевязке, но кровотечение остановилось. Цвет кожи у него стал здоровее, хотя спина и почки болели.

— Ну вот, теперь мы рабы,— сказал Фрайгейт.— Дик, ты много думал об институте рабства. Что ты думаешь о нем теперь?

— То было *восточное* рабство,— ответил Бёртон.— При таком типе рабства, как здесь, у раба нет ни малейшего шанса обрести свободу. И никаких иных чувств, кроме ненависти, нет между рабом и рабовладельцем. На Востоке все было иначе. Безусловно, как у любого человеческого института, у рабства есть свои злоупотребления.

— Ты упрямец,— буркнул Фрайгейт.— Ты заметил, что не меньше половины рабов — евреи? Израильтяне, в основном из конца двадцатого столетия. Вон та девушка сказала мне, что Герингу удалось провернуть затею с «граалевым рабством» путем

* Племя американских индейцев.

насаждения антисемитизма в округе. Безусловно, для того чтобы антисемитизм проявился, он должен был уже существовать. А потом, когда он с помощью Тулла захватил власть, он обратил в рабство многих из своих бывших соратников.

— Вот ведь дьявольщина,— продолжал Фрайгейт.— Строго говоря, Геринг не был таким уж отъявленным антисемитом. Он лично спорил с Гиммлером и другими нацистами, пытаясь спасти евреев. Но он представляет собой нечто худшее, чем отъявленный евреененавистник. Он оппортунист. Антисемитизм волной захлестнул Германию, и, чтобы занять место под солнцем, надо было плыть по течению. И Геринг поплыл, так же как и здесь. Такие антисемиты, как Геббельс и Франк, верили в те принципы, которые проповедовали. Извращенные и ненавистнические принципы, несомненно, но все же принципы. А вот жирный счастливчик Геринг — ему на евреев по большому счету было плевать. Он просто хотел их использовать.

— Это ладно,— прервал его Бёртон.— Но мне до этого какое дело? О, понял! Ну и взгляд! Ты готовишься прочитать мне нотацию!

— Дик, я восхищаюсь тобой так, как мало кем восхищался. Я люблю тебя так, как только может один человек любить другого. Я рад и счастлив, что судьба свела меня с тобой. Так, наверное, радовался бы Плутарх, если бы повстречал Алкивиада* или Тезея**. Но я не слепец. Я знаю о твоих слабостях, их много, и сожалею о них.

— О какой же именно на этот раз?

— О той книге. «Евреи, цыгане и ислам». Как ты только мог написать ее? Ненавистнический документ, полный чепухи, порожденной воспаленным сознанием, народных преданий, предрассудков! Ритуальные убийства, подумать только!

— Я тогда еще злился из-за несправедливости, пережитой в Дамаске. Меня выслали из консулата из-за того, что меня оболгали враги, среди которых...

— Этим не оправдать того, что ты написал ложь обо всех евреях сразу,— отрезал Фрайгейт.

* Алкивиад (ок. 450–404 гг. до н. э.) — афинский стратег в период Пелопоннесской войны.

** Тезей (Тесей) — легендарный афинский царь. Оба упомянуты Плутархом в «Сравнительных жизнеописаниях».

— Ложь! Я написал правду!

— Может быть, ты думал, что это правда. Но я из того времени, когда стало точно известно, что это было не так. На самом деле ни один здравомыслящий человек из твоего времени не должен был поверить этому поклепу!

— Факты таковы,— не унимался Бёртон,— что евреи-ростовщики в Дамаске ссужали беднякам деньги под тысячу процентов. Факты таковы, что они так обходились не только с мусульманами и христианами, но и со своими соотечественниками. Факты таковы, что, когда мои враги в Англии обвиняли меня в антисемитизме, многие евреи в Дамаске выступили в мою защиту. Факт таков, что я высказал протест туркам, когда они продали синагогу дамасских евреев епископу греческой православной церкви, чтобы он превратил ее в православную церковь. Факт таков, что я пошел и убедил восемнадцать мусульман свидетельствовать в поддержку евреев. Факт таков, что я защищал христианских миссионеров от друзов*. Факт таков, что я предупредил друзов о том, что эта толстая и жирная турецкая свинья, Рашид-паша, подбивает их на бунт только для того, чтобы потом истребить. Факт таков, что, когда меня сместили с поста консула из-за того, что меня оболгали христианские миссионеры и священники, Рашид-паша и еврейские ростовщики, тысячи христиан, мусульман и евреев выступили на мою защиту, хотя тогда уже было слишком поздно. И еще факт таков, что я не обязан отчитываться перед тобой и кем бы то ни было в своих поступках!

Как это было похоже на Фрайгейта — завести разговор на постороннюю тему в самое неподходящее время. Может быть, он пытался, вместо того чтобы обвинять себя, обрушить злобу и страхи на Бёртона. А может быть, он и на самом деле чувствовал, что его герой обманул его.

Лев Руах сидел на земле, обхватив голову руками. Посмотрев на англичанина, он глухо проговорил:

— Добро пожаловать в концлагерь, Бёртон. Вот таков он на вкус. Впервые попробуете. Для меня-то это старая история, и я устал слушать ее снова и снова. Я был в нацистском лагере и сбежал. Был в русском лагере и сбежал. В Израиле меня сцапали арабы, и я сбежал.

* Арабы, приверженцы одной из мусульманских шиитских сект. Живут главным образом в Ливане и Сирии.

Так что, может, мне и теперь удастся сбежать. Но куда? В новый лагерь? Им, похоже, нет и не будет конца. Люди вечно их строят и суют туда вечных пленников, евреев, и мало ли кого еще. Даже здесь, где мы все начали сначала, где должны были отступить все религии, все предрассудки перед светом воскрешения, мало что изменилось.

— А ну, заткнись! — рявкнул мужчина, стоявший рядом с Руахом. У него были рыжие, вьющиеся, словно пружинки, волосы, голубые глаза и лицо, которое было бы красиво, не будь сломан нос. Ростом он был в шесть футов и имел телосложение борца.

— Я Дов Таргофф,— представился он с четким оксфордским выговором.— Покойный офицер израильского флота. Не обращайте на этого человека внимания. Он из древних евреев, пессимист, тряпка. Такой будет корчиться у стены, а не встанет и не будет драться, как мужчина.

Руах закашлялся и сказал:

— Невежа! Я сражался и убивал! И я не тряпка! А ты чем теперь занят, бравый воин? Разве ты не раб, как остальные?

— Это старая история,— сказала какая-то женщина, высокая, черноволосая — она была бы настоящей красавицей, не будь так изможден.— Старая история. Мы деремся друг с другом, а побеждают наши враги. Вот так мы дрались друг с другом, когда Тит захватил Иерусалим, и мы перебили больше своих, чем римлян. Вот так...

К ней обернулись оба мужчины, и все трое принялись громко спорить. Они не умолкли, пока стражники не стали колотить их палками.

Потом Таргофф пробормотал разбитыми в кровь губами:

— Невыносимо... больше не могу. Скоро... в общем, я убью этого стражника.

— У тебя есть план? — радостно спросил Фрайгейт, но Таргофф промолчал.

Незадолго до рассвета рабов разбудили и отвели к питающему камню. И снова отдали им только часть пайка. После еды разбили на группы и развели в разные места. Бёртона и Фрайгейта увели к северной границе. Там их заставили работать вместе с тысячей рабов, и они весь день голышом жарились на солнце. Отдых наступил только тогда, когда их в полдень отвели с граалями к питающему камню и покормили.

Геринг собирался выстроить стену между горами и Рекой. Кроме того, он намеревался возвести вторую стену — по всей десятимильной длине берега озера, и третью стену — с юга.

Бёртону и всем остальным приходилось копать глубокую канаву, а потом таскать выкопанную землю на стену. Работа была тяжелая — кроме каменных заступов, у них ничего не было. Корни травы сплетались так прочно, что перерубить их удавалось только за несколько ударов. Землю и корни кидали на деревянные лопаты, а потом — на большие бамбуковые носилки. Несколько человек волокли носилки на верх стены, там землю разбрасывали и утрамбовывали, и стена становилась выше и шире.

На ночь рабов согнали за загородку. Здесь почти все сразу уснули. Но Таргофф, рыжеволосый израильтянин, присел рядом с Бёртоном.

— Слухи,— сказал он,— порой правдивы. Я слыхал, как яростно вы со своей командой сражались. И еще я слыхал про то, что вы отказались служить Герингу и его свиньям.

— А что вы слыхали про мою печально знаменитую книгу? — спросил Бёртон.

Таргофф улыбнулся и ответил:

— Я про нее вообще не слышал, пока Руах не рассказал. Ваши действия говорят сами за себя. И потом, Руах чересчур болезненно такое воспринимает. Впрочем, разве можно его в этом винить, если учесть все, через что ему довелось пройти. Но я не верю, чтобы вы вели себя так, как вели, если бы были таким, каким он вас описывает. Я думаю, что вы хороший человек. Такой, какой нам нужен. Так что...

Потянулись дни тяжких трудов и недоедания. Иногда до Бёртона доходили сведения о женщинах. Вилфреда и Фатима находились в комнатах Кэмпбелла. Алису неделю продержал у себя Геринг, потом передал своему лейтенанту, Манфреду фон Крейшарфту. Ходил слух, будто бы Геринг жаловался на ее холодность и подумывал отдать ее своим телохранителям, чтобы они делали с ней, что пожелают. Но фон Крейшарфт попросил, чтобы Геринг отдал Алису ему.

Бёртон взбесился. Ему невыносимо было представить мысленно Алису с Герингом и фон Крейшарфтом. Он должен был остановить этих зверей или хотя бы погибнуть при попытке остановить их. Поздно ночью он пробрался из хижины, в которой спали еще двадцать пять рабов, в ту хижину, где обитал Таргофф, и разбудил его.

— Ты говорил раньше, что я должен быть на вашей стороне,— прошептал Бёртон.— Когда ты собираешься довериться мне? Я тебя заранее предупреждаю, что, если ты не сделаешь этого сейчас же, я намерен подговорить на бунт мою группу и всех остальных, кто к нам присоединится.

— Руах мне еще кое-что про тебя рассказал,— ответил Таргофф.— На самом деле я не понял, про что он толковал. Но может ли еврей доверять человеку, написавшему такую книгу? И можно ли верить, что такой человек не обернется против них, когда общий враг будет побежден?

Бёртон собрался гневно возразить, но промолчал. Когда он заговорил, голос его был спокойным:

— Во-первых, все, что я сделал на Земле, красноречивее любых моих напечатанных на бумаге слов. Я стал другом и защитником для многих евреев.

— Последнее утверждение всегда предваряет нападки на евреев,— возразил Таргофф.

— Может быть. Тем не менее, даже если все, о чем говорит Руах, правда, тот Ричард Бёртон, которого ты видишь перед собой в этой долине,— это не тот Бёртон, что жил на Земле. Думаю, все люди переменились до какой-то степени, оказавшись здесь. Если нет — значит, это люди, не способные меняться. Таким лучше умереть.

За четыреста семьдесят шесть дней, прожитых у этой Реки, я многому научился, многое узнал. У меня есть способность менять воззрения. Я слушал Руаха и Фрайгейта. Часто я с ними яростно спорил. И хотя с чем-то мне сразу не хотелось соглашаться, потом я много об этом думал.

— Ненависть к евреям — это нечто заложенное от рождения,— сказал Таргофф.— Это входит в плоть и кровь. Никаким волевым усилием от этого не избавиться, разве только если ненависть не угнездилась слишком глубоко или если у человека очень сильная воля. Звонок звенит, и собака Павлова выделяет слюну. Только произнесите слово «еврей», и условные рефлексы идут на приступ твердыни совести неевреев. Так же как при слове «араб» то же самое происходит у меня в сознании. Но у меня есть очень веские основания ненавидеть арабов.

— Я уже достаточно времени потратил на просьбы,— проговорил Бёртон.— Либо ты меня принимаешь, либо отвергаешь. В любом случае ты знаешь, что я предприму.

— Принимаю,— ответил Таргофф.— Раз ты способен менять воззрения, то и я тоже. Я с тобой вместе работал, вместе ел хлеб. Я привык считать, что неплохо разбираюсь в людях. Скажи, если бы все планировал ты, что бы ты стал делать?

Таргофф внимательно слушал. Когда Бёртон закончил, он кивнул:

— Очень похоже на мой план. А теперь...

Глава 16

На следующий день, почти сразу после завтрака, за Бёртоном и Фрайгейтом явились несколько охранников. Таргофф пристально посмотрел на Бёртона, и Бёртон понял, о чем тот думает. Но делать было нечего — пришлось тащиться во «дворец» Геринга. Тот развалился в большом деревянном кресле и дымил трубкой. Он предложил Фрайгейту и Бёртону сесть и угостил их сигарами и вином.

— Время от времени,— объявил он,— мне́ хочется расслабиться и поболтать с кем-нибудь кроме моих коллег — не все они достаточно умны. А особенно я люблю поболтать с теми, кто жил *после* моей смерти. И с людьми, в свое время знаменитыми. Пока у меня и тех и других маловато.

— Многие из ваших пленников-израильтян жили после вас,— возразил Фрайгейт.

— А, евреи! — Геринг устало взмахнул трубкой.— С ними беда. Они знают меня слишком хорошо. Стоит мне с ними заговорить, они мрачнеют, как тучи, да и убить меня многие из них пытались, так что спокойно я себя рядом с ними не чувствую. Не сказать, чтобы я имел что-то против них. Я не особенно люблю евреев, но у меня было много друзей среди них.

Бёртон покраснел.

Геринг затянулся и продолжал:

— Наш фюрер был великий человек, но и его отличали кое-какие глупости. Одна из них — его отношение к евреям. Что до меня, то я о них не особо и думал. Но Германия в мое время была антиеврейской, а человеку надо шагать в ногу со временем, если он хочет чего-то добиться в жизни. Хватит об этом. Даже здесь от них проходу нет.

Он еще немного потрепался, а потом задал Фрайгейту множество вопросов о судьбе своих современников и об истории послевоенной Германии.

— Если бы у вас, американцев, была хоть толика политического разума, вы бы должны были объявить войну России, как только мы капитулировали. Мы бы стали вместе с вами бороться с большевиками, и мы бы их разгромили.

Фрайгейт не ответил. Потом Геринг рассказал несколько смешных — жутко глупых историй. Потом попросил Бёртона рассказать о том, что тот пережил до того, как воскрес в долине.

Бёртон удивился. Узнал ли Геринг об этом от Казза, или среди рабов есть осведомитель?

Он подробно рассказал обо всем, что произошло с того мгновения, как он открыл глаза и оказался там, где парили тела людей, до того момента, как человек, сидевший в воздушном каноэ, нацелил на него металлическую трубку.

— У инопланетянина, Моната, есть предположение, что какие-то существа — зовите их «кто-то» или «Х» — наблюдали за человечеством с тех самых пор, как оно рассталось с обезьяньим обличьем. Не меньше двух миллионов лет. Эти сверхсущества каким-то образом вели записи о каждой клетке каждого человеческого организма, когда-либо жившего,— вероятно, от момента зачатия до момента смерти. Теория странная, но не более, чем воскрешение человечества и превращение этой планеты в сплошную речную долину. Записи, вероятно, осуществлялись в то время, когда их объекты были живы. А может быть, эти сверхсущества улавливают какие-то колебания из прошлого — так, как мы на Земле видели свет звезд таким, каким он был за тысячу лет до того.

Монат, правда, настаивает на первой теории. Он не верит в путешествия во времени — даже в самых ограниченных пределах.

Монат считает, что существа «Х» хранили эти записи. Как именно — этого он не знает. Но эта планета была придумана и переделана для нас. Очевидно, это огромный мир Реки. Во время нашего путешествия вверх по Реке мы говорили с десятками людей, рассказы которых не оставляют сомнений в том, что они попали на нынешнее место жительства из разных частей Земли. Один был жителем Северного полушария, из высоких широт, другой — из Южного. Если соединить вместе их описания, создается картина планеты, преобразованной в одну, непрерывно изгибающуюся речную долину.

Некоторые люди, с которыми мы разговаривали, были тут убиты или погибли от несчастных случаев и снова воскресли в тех

краях, по которым пролегал маршрут нашего путешествия. Монат говорит, что записи о воскресших людях до сих пор существуют. И как только один из нас снова умирает, это регистрируется, а потом запись где-то — может быть, под поверхностью этой планеты — проигрывается в устройствах, преобразующих энергию в материю. Тела были воспроизведены такими, какими были в момент смерти, а потом в них были введены омолаживающие средства. Может быть, это происходило в той самой камере, где я очнулся. Потом снова была сделана запись, а сами тела уничтожены. Записи были заложены в устройства, находящиеся под землей,— материализующие энергию конвертеры, использующие для работы, по всей вероятности, тепло горячего ядра планеты, и они воспроизвели наши тела на берегу Реки, неподалеку от питающих камней. Я не знаю, почему люди второй раз воскресают не там, где умерли. Но я не знаю также, почему сначала у нас совсем не было волос и почему у мужчин до сих пор не растут бороды и усы, почему мужчины воскресли обрезанными, а женщины — девственными. И вообще — почему мы воскресли. Зачем? Кто бы нас сюда ни поместил, он не позаботился о том, чтобы рассказать нам зачем.

— Дело в том,— сказал Фрайгейт,— что мы не те же самые люди, какими были на Земле. Я умер. Бёртон умер. Вы умерли, Герман Геринг! Все умерли. И нас нельзя вернуть к жизни!

Геринг звучно пососал трубку, уставился на Фрайгейта и спросил:

— Почему нельзя? Я живу снова? Ты это отрицаешь?

— Да! Отрицаю — в каком-то смысле. Вы живете. Но вы не тот Герман Геринг, что родился в Мариенбадском санатории в Розенхайме в Баварии двенадцатого января тысяча восемьсот девяносто третьего года. Вы не тот Герман Геринг, крестным отцом которого был доктор Герман Эппенштайн, еврей, перешедший в католичество. Вы не тот Геринг, который сменил фон Рихтхофена после его смерти и продолжал посылать самолеты против армии союзников даже после того, как война окончилась. Вы не рейхсмаршал гитлеровской Германии, не беженец, арестованный лейтенантом Джеромом Н. Шапиро. Эппенштайн и Шапиро, ха! И вы не тот Герман Геринг, который покончил с собой, приняв цианистый калий, когда его судили за преступления против человечества!

Геринг набил трубку табаком и спокойно проговорил:

— А ты много про меня знаешь. Пожалуй, я должен чувствовать себя польщенным. По крайней мере, меня не забыли.

— Большей частью забыли,— сказал Фрайгейт.— Вы заработали устойчивую репутацию безумного шута, неудачника и лизоблюда.

Бёртон поразился. Он и не представлял, что Фрайгейт способен оскорбить человека, в руках которого были его жизнь и смерть, того, кто с ним так жестоко обращался. Но, может быть, Фрайгейт как раз надеялся, что его убьют.

А может быть, он играл на любопытстве Геринга.

Геринг сказал:

— Поясни свои слова. Нет, не насчет моей репутации. Всякого выдающегося человека могут оболгать и недопонять безмозглые толпы. Поясни, почему это я не тот же самый человек.

Фрайгейт едва заметно улыбнулся и ответил:

— Вы — продукт записи и материализующего конвертера. Вас создали как дубликат, снабженный всеми воспоминаниями умершего человека Германа Геринга и состоящий из всех клеток его организма. У вас есть все, что было у него. Поэтому вы думаете, что вы — Геринг. Но это не так! Вы дубликат, вот и все! Настоящий Герман Геринг — всего-навсего молекулы, ушедшие в почву и воздух, потом в растения и в плоть зверей и людей, а потом в их испражнения — und so weiter*.

А вы, сидящий передо мной,— не настоящий, вы не более настоящий, чем запись голоса на пластинке или ленте, колебания, уловленные и преобразованные электронным устройством и проигранные.

Бёртон эту аналогию понял, поскольку в Париже в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом видел фонограф Эдисона. Его уже начала злить дерзость Фрайгейта.

То, как выпучились глаза и покраснела физиономия Геринга, означало, что он оскорблен до глубины души.

Помолчав и поборовшись с собой, Геринг задал вопрос:

— А с какой же это стати этим существам вообще возиться с изготовлением дубликатов?

Фрайгейт пожал плечами и ответил:

— Не знаю.

Геринг встал с кресла и ткнул в Фрайгейта черенком трубки.

* И так далее *(нем.)*.

— Ты врешь! — крикнул он по-немецки.— Ты лжешь, scheisshund*.

Фрайгейт съежился, словно ждал, что его снова ударят по почкам, но ответил:

— Нет, я прав. Конечно, вы не обязаны верить тому, о чем я говорю. Я ничего не могу доказать. И я хорошо понимаю, что вы чувствуете. Я знаю, что я, Питер Джейрус Фрайгейт, родился в тысяча девятьсот восемнадцатом и умер в две тысячи восьмом году после Рождества Христова. Но еще я должен верить, поскольку так подсказывает логика, в то, что на самом деле я всего лишь существо, которое обладает памятью того Фрайгейта, который никогда не воскреснет из мертвых. В каком-то смысле я — сын того Фрайгейта, которого уже никогда не будет. Не плоть от плоти его, не кровь от крови его, но сознание от его сознания. Я не тот человек, что рожден женщиной на погибшей планете Земля. Я продукт науки и машины. Если только...

Геринг поторопил его:

— Ну? Если только — что?

— Если только не существует нечто такое, присущее человеческому существу,— нечто такое, что и есть человеческое существо. То есть нечто содержащее все, что делает отдельного человека таким, какой он есть, и когда тело исчезает, это нечто продолжает существовать. И если бы тело удалось воссоздать, это нечто, сохраняющее суть индивидуума, может снова воссоединиться с телом. И оно зафиксирует все, что испытало тело. И тогда первоначальная личность будет жить снова. Тогда она не будет просто дубликатом.

Бёртон вмешался:

— Ради бога, Пит! Ты предполагаешь существование души?

Фрайгейт кивнул и сказал:

— Что-то, аналогичное душе. Что-то такое, о чем смутно догадывались древние и называли душой.

Геринг грубо расхохотался. Бёртон тоже бы посмеялся, но не собирался никак поддерживать Геринга — ни морально, ни интеллектуально.

Отсмеявшись, Геринг проговорил:

— Даже здесь, в мире, который явно существует как результат научной деятельности, поборники сверхъестественного не

* Сука *(нем.)*.

оставляют своих попыток. Ладно, хватит об этом. Перейдем к делам более практичным и насущным. Скажите, вы не передумали? Не готовы служить мне?

Бёртон метнул в него гневный взгляд и ответил:

— Я не стану выполнять приказы человека, который насилует женщин. Кроме того, я уважаю израильтян. Лучше я буду рабом с ними, чем свободным с вами.

Геринг выругался и хрипло проговорил:

— Ладно. Я так и думал. Но я надеялся... словом, у меня беда с римлянином. Если он поставит на своем, вот тогда вы увидите, как я был милосерден к вам, когда вы были рабами. Вы его не знаете. Только мое вмешательство спасло одного из вас от еженощных пыток ради его ублажения.

В полдень Бёртон и Фрайгейт вернулись на работу в холмах. Ни тому ни другому не удалось переговорить с Таргоффом или с кем-то еще из рабов, поскольку их расставили так, что они не смогли оказаться рядом. Открытых попыток поговорить с Таргоффом Бёртон и Фрайгейт не предпринимали — тогда бы их сильно избили.

Когда они после работы вернулись в загородку, Бёртон рассказал остальным о случившемся.

— Скорее всего, Таргофф моему рассказу не поверит. Он станет считать нас шпионами. Даже если не будет в этом уверен, но не захочет рисковать. Значит, беды не оберешься. Плохо, что все так обернулось. Но план побега придется осуществить сегодня же ночью.

Поначалу ничего особенного не происходило. Когда Фрайгейт и Бёртон пробовали заговаривать с израильтянами, те отворачивались и уходили. Загорелись звезды, и в загородке стало светло, как в ночь полнолуния на Земле.

Пленники сидели в бараках, но тихо переговаривались, сдвинув головы. Несмотря на жуткую усталость, они не могли уснуть. Стражники, видимо, почувствовали какую-то напряженность, хотя им не были видны сидевшие по хижинам рабы. Они расхаживали по стене, останавливались, переговаривались друг с другом и поглядывали внутрь загородки, освещенной светом звезд и пламенем смоляных факелов.

— Таргофф не станет ничего предпринимать до дождя,— сказал Бёртон и отдал распоряжения. Первое дежурство досталось Фрайгейту, второе — Роберту Спрюсу, третье — Бёртону. Бёртон

лег на кучу листьев и уснул, невзирая на бормотание переговаривающихся рабов и ходьбу туда-сюда.

Но когда к его плечу прикоснулся Спрюс, Бёртону показалось, что он только что закрыл глаза. Он быстро вскочил на ноги, зевнул и потянулся. Все остальные встали. Через несколько минут набежала первая туча. Еще через десять минут померкли звезды. В горах прогремел гром, и первая молния разрезала небеса.

Молния ударила ближе. В свете ее вспышки Бёртон разглядел охранников, прячущихся под навесы наблюдательных вышек по углам загородки и кутающихся в полотнища ткани, спасаясь от холода и дождя.

Бёртон пробрался из своего барака в соседний. Таргофф стоял у входа, Бёртон выпрямился и спросил:

— План еще в силе?

— Ты это прекрасно знаешь,— ответил Таргофф. Вспышка молнии озарила его рассерженное лицо.— Ты Иуда!

Он шагнул вперед, за ним выстроилось еще человек девять. Бёртон ждать не стал, пошел в атаку. Но как только он рванулся вперед, он услышал странный звук. Он отпрянул и выглянул за дверь. Новая вспышка молнии осветила стражника, валявшегося ничком на траве под галереей.

Бёртон ткнулся к Таргоффу, тот опустил руки, сжатые в кулаки.

— Что происходит, Бёртон? — спросил он.

— Погоди,— ответил англичанин. Он не больше израильтянина понимал, что происходит, но любая неожиданность была ему на руку.

Вспышка молнии высветила на деревянной стене приземистую фигуру Каззa. Он замахнулся громадным каменным топором на стражников, сжавшихся в углу, где сходились все стены загородки. Новая вспышка. Стражники лежали на стене. Темнота. Снова полыхнула молния, один стражник остался неподвижным, оставшиеся двое мчались по стене в разные стороны.

Когда сверкнула очередная молния, стало ясно, что и эти двое, и остальные поняли, что происходит. Стражники мчались к воротам, вопя и потрясая копьями.

Каззa, не обращая на них внимания, перебросил бамбуковую лестницу внутрь загородки, а следом за ней швырнул вниз несколько копий. Полыхнула новая молния, и стало видно, что он наступает на стражников.

Бёртон подобрал копье и почти бегом бросился к лестнице. За ним побежали остальные, в том числе и израильтяне. Бой вышел кровопролитным и коротким. Когда перебили или тяжело ранили охранников, остались только те, что спрятались в сторожевых вышках. Лестницу вытащили из загородки и приставили к воротам. Через две минуты люди уже карабкались наверх, и спрыгнувшие на землю с другой стороны открыли ворота. Впервые за долгое время Бёртон смог поговорить с Каззом.

— Я думал, ты предал нас.

— Нет, Кази — нет,— обиженно проговорил Кази.— Ты знаешь, я любить тебя, Бёртон-ака. Ты быть мой друг, мой вождь. Я притвориться, будто бы служить твои враги, потому это хитро. Я удивляться, почему ты так не сделать. Ты не балда быть.

— Ты-то точно не балда,— отозвался Бёртон.— Но я не мог себя заставить убить тех рабов.

В свете молнии стало видно, что Кази пожимает плечами. Он сказал:

— Это мне все равно быть. Я их не знать. Потом ты слыхал, что Геринг говорить. Он говорить, они все равно умирают.

— Хорошо, что ты решил спасти нас именно сегодня,— сказал Бёртон, но не стал уточнять почему, поскольку не хотел смущать Кази. И потом, были вещи поважнее.

— Сегодня ночь для этого хорошая,— сказал Кази.— Большой драка быть. Тулл и Геринг напиться и поругаться. Они подраться, их люди тоже подраться, а пока они убивать один другой, пришли чужие. Эти коричневый люди с другой берег Река... как ты их называть?.. Онондага, вот как. Их лодка подошли как раз перед начало дождь. Они еще напасть, чтобы захватили рабы. А может такое быть, просто так напасть. Ну я и подумать, вот хороший время выполняй мой план дай свобода Бёртон-ака.

Дождь прекратился так же неожиданно, как начался. Издалека, от берега Реки, до Бёртона доносились крики и вопли.

Со всех сторон доносился грохот барабанов. Бёртон сказал Таргоффу:

— Мы можем либо ждать, и это у нас выйдет легко, либо атаковать.

— Я намерен стереть с лица земли тех зверей, что держали нас в рабстве,— заявил Таргофф.— Есть ведь и другие загородки. Я послал людей открыть ворота. Остальные загородки далеко,

туда быстро не доберешься. Они расставлены с промежутками в полмили.

К этому времени бой уже шел у блокгауза, в котором жили свободные от дежурства стражники. Группа Бёртона шла на правом фланге. Не прошли они и с полмили, как стали натыкаться на трупы и раненых, среди которых попадались и онондага, и белые.

Несмотря на сильный дождь, вспыхнули пожары. Огонь разгорался все сильнее, и все увидели, что горит большой дом. Свет пламени озарял фигуры дерущихся. Выбравшиеся из огня разбегались по равнине. Неожиданно в одном месте оборона была прорвана, и люди оттуда побежали в сторону группы Бёртона, а победители с дикими воплями помчались следом за ними.

— Там Геринг,— крикнул Фрайгейт.— Он такой жирный, что удрать не сможет, это точно.

Он указал куда-то, и Бёртон увидел, что Геринг отчаянно перебирает ногами, но отстает от других.

— Я не хочу, чтобы честь прикончить его досталась индейцам,— объявил Бёртон.— Мы должны предоставить это Алисе.

Впереди всех мчалась долговязая фигура Кэмпбелла, и именно в него Бёртон швырнул копье. Шотландцу, наверное, показалось, что копье прилетело из мрака, из ниоткуда. Он уклонился, но опоздал. Кремневый наконечник пронзил его тело ниже левого плеча, и он повалился на бок. Мгновение спустя он попытался подняться, но Бёртон снова повалил его наземь.

Глаза Кэмпбелла выпучились, изо рта струилась кровь. Он ткнул пальцем в другую рану — глубокий укол под ребрами в боку.

— Ты... твоя баба... Вилфреда... это сделала,— выдохнул он.— Но я ее убил, суку...

Бёртон хотел спросить у него, где Алиса, но Кази, выкрикнув что-то на своем родном языке, обрушил на голову шотландца дубину. Бёртон подобрал копье и побежал за Каззом.

— Не убивай Геринга! — крикнул он на бегу.— Оставь его мне!

Кази его не слышал — он схватился с одним из онондага. Бёртон увидел Алису в тот миг, когда она подбежала к нему. Он подхватил ее на руки и закружил. Она вскрикнула и стала отбиваться. Бёртон выкрикнул ее имя, она вдруг узнала его, упала в его объятия и разрыдалась. Бёртон хотел ее успокоить, но боялся, что Геринг от него ускользнет. Он оттолкнул Алису, подбежал к немцу и размахнулся копьем. Копье попало в голову Ге-

ринга, тот вскрикнул, остановился и стал шарить глазами в поисках какого-нибудь оружия, но Бёртон уже набросился на него. Оба они упали на землю и покатились, стараясь одолеть друг друга.

Что-то ударило Бёртона по затылку, и он ослабил хватку. Геринг повалил его на землю и потянулся за копьем. Схватив его, он шагнул к распростертому на спине Бёртону. Бёртон пытался подняться, но ноги у него стали как ватные и голова кружилась. Геринг вдруг пошатнулся — это Алиса сделала ему подножку — и упал лицом вперед. Бёртон встал, шатаясь, и повалился на Геринга. Они снова покатились по земле. Геринг попробовал ухватить Бёртона за горло, потом плечо Бёртона задела стрела, обожгла кожу и вонзилась в глотку Геринга.

Бёртон встал, схватил копье и вонзил его в жирное брюхо немца. Геринг дернулся и упал замертво. Алиса опустилась на землю и заплакала.

К рассвету бой окончился. Рабы выбрались изо всех загородок. Воины Геринга и Тулла оказались зажатыми между двумя армиями — онондага и рабами,— словно зерна между мельничными жерновами. Индейцы, которые переплыли реку, видимо, только для того, чтобы позабавиться, взять пленников и их грааль, стали отступать. Они забрались в свои челноки и каноэ и уплыли. Преследовать их никому не хотелось.

Глава 17

В последующие дни все были жутко заняты. Прикидочная перепись показала, что не меньше двадцати тысяч жителей маленького королевства Геринга убиты, тяжело ранены онондага, захвачены в плен или бежали. Римлянин Тулл Гостилий, по всей вероятности, скрылся. Оставшиеся в живых избрали временное правительство. Таргофф, Бёртон, Спрюс, Руах и еще двое мужчин сформировали исполнительный комитет, наделенный значительной, хотя и временной властью. Джон де Грейсток исчез. Его видели в начале сражения, а потом он просто пропал. Алиса Харгривз перебралась в хижину Бёртона, не сказав ни слова — почему и зачем.

Позже она призналась:

— Фрайгейт мне сказал, что если вся эта планета устроена так, как те земли, где мы побывали, значит, длина Реки не менее двадцати миллионов миль. Это невероятно, но так же невероятно наше воскрешение, да и все в этом мире. Кроме того, по берегам Реки живет, наверное, тридцать пять — тридцать семь миллиардов человек. Какова же вероятность того, что я когда-нибудь найду моего земного мужа?

И потом, я люблю тебя. Да, я знаю, я вела себя не так, как положено любящей женщине. Но что-то во мне переменилось. Может быть, из-за всего, что мне довелось пережить. Не думаю, что на Земле я бы полюбила тебя. Может быть, я была бы очарована тобой, может быть, возмущена, может быть, напугана. Там я не стала бы тебе хорошей женой. Здесь же могу. Вернее, я стану тебе хорошей подругой, поскольку тут, похоже, нет никаких властей или религиозных учреждений, которые бы могли зарегистрировать наш брак. Это само по себе показывает, как я изменилась. То, что я могу спокойно жить с мужчиной в невенчанном браке!.. Ну, вот так.

— Мы больше не живем в викторианской эпохе,— возразил Бёртон.— Как бы назвать нынешнюю эпоху? Эпохой Смешения? Смешанными веками? Впоследствии, наверное, возникнут такие названия, как Речная культура, Прибрежный мир, а скорее всего, множество Речных культур.

— Если это время продлится,— уточнила Алиса.— Оно началось внезапно и может оборваться так же резко и неожиданно.

«Конечно,— подумал Бёртон,— зеленая Река, травянистые равнины и лесистые холмы и неприступные горы не укладываются в шекспировское иллюзорное видение мира». Они были осязаемы, реальны, так же реальны, как направлявшиеся к нему мужчины — Фрайгейт, Монат, Казз и Руах. Бёртон вышел из хижины и приветствовал их.

Казз сказал:

— Давно-давно, когда я не говорить английский хорошо, я видать что-то. Я пытайся говорить тебе тогда, только ты меня не понимать. Я видеть человек, у который не бывать такое на лоб.

Он ткнул пальцем в середину собственного лба, потом потыкал в это же место на лбу у других.

— Я знать,— продолжал Казз,— вы этого не видать. Пит и Монат также не видать. Больше никто не уметь. Но я видать это на лбу у все. Кроме лоб тот человек, который я пытался схватить давно-давно. Потом один день я видать женщина, у ней тоже такое не бывать, но я тебе ничего не говорить. Теперь я видать другой человек, у который такого не бывать.

— Он хочет сказать,— пояснил Монат,— что способен различать какие-то символы или значки на лбу у всех и каждого. Видеть их он может только при ярком солнечном свете и под определенным углом. Но у всех, кого он до сих пор видел, эти метки на лбу были — кроме тех троих, о ком он упомянул.

— Видимо, у него лучше, чем у нас, развито спектральное зрение,— предположил Фрайгейт.— Видимо, те, кто заклеймил нас знаком зверя, или как там это еще называется, не знал об особой способности сородичей Кавза. А это говорит о том, что они не всезнающи.

— Очевидно,— отозвался Бёртон.— И не непогрешимы. Иначе я ни за что не очнулся бы в том месте, до воскрешения. Ну и кто же тот, у кого нет этих знаков на лбу?

Говорил он спокойно, но сердце его бешено колотилось. Если Кавз прав, он, вероятно, выявил агента тех существ, которые вернули к жизни все человечество. Кто они — переодетые боги?

— Роберт Спрюс! — воскликнул в ответ Фрайгейт.

— Прежде чем мы сделаем какие-то выводы,— сказал Монат,— давайте не будем забывать, что упущение могло быть случайным.

— Выясним,— буркнул Бёртон.— Но зачем значки? Зачем нас надо было метить?

— Может быть, для распознавания или для проведения подсчетов,— предположил Монат.— Кому это может быть ведомо, кроме тех, кто нас сюда забросил?

— Пойдемте и допросим Спрюса,— сказал Бёртон.

— Сначала надо его изловить. Кавз совершил ошибку — он сказал Спрюсу, что знает про значки. Утром, за завтраком. Меня там не было, но те, кто присутствовал, сказали, что Спрюс при этом побледнел. А несколько минут спустя извинился и куда-то ушел, с тех пор его не видели. Мы послали поисковые отряды вверх и вниз по берегу, по Реке, на другой берег и в холмы.

— Побег — это признание виновности,— заключил Бёртон. Он разозлился. Неужели человек стал чем-то вроде скотины, которую разводят с какой-то безумной целью?

Ближе к вечеру грохот барабанов известил всех о том, что Спрюс пойман. Три часа спустя он стоял перед столом Совета в заново отстроенном доме собраний. За столом сидел Совет. Двери дома закрыли, поскольку советники решили, что допрос пройдет более успешно без толпы народа. Правда, кроме советников присутствовали Монат, Кавз и Фрайгейт.

— Хочу сразу сказать,— начал Бёртон,— что мы намерены без промедления добиться от тебя правды. Всем, кто сидел за этим столом, противны пытки. Мы презираем и ненавидим тех, кто их применяет. Но у нас такое чувство, что сейчас такой случай, когда можно пренебречь принципами.

— Принципами никогда нельзя пренебрегать,— спокойно возразил Спрюс.— Цель никогда не оправдывает средств. Даже тогда, когда следование принципам приводит к поражению и смерти и оставляет в неведении.

— Слишком многое поставлено на карту,— ответил Таргофф.— Я, ставший жертвой беспринципных людей, Руах, которого несколько раз пытали, и другие — мы все думаем одинаково. Мы будем пытать тебя огнем и мечом, если понадобится. Нам необходимо узнать правду.

Теперь отвечай, ты один из тех, от кого зависело наше воскрешение?

— Вы будете не лучше Геринга и подобных ему ваших сородичей, если станете пытать меня,— отозвался Спрюс. Голос у него срывался.— На самом деле вы будете еще хуже, потому что будете заставлять себя уподобиться ему, чтобы добиться чего-то, чего, может быть, и не существует вовсе. А если и существует, то, быть может, не стоит свеч.

— Скажи нам правду,— потребовал Таргофф.— Не лги. Мы знаем, что ты, видимо, агент. Может быть, даже один из непосредственных участников.

— Там на камне пылает огонь,— добавил Бёртон.— Если ты сейчас же не заговоришь, ты поджаришься на огне, и это будет самая малая твоя боль. Я специалист по китайским и арабским пыткам. Уверяю тебя, это весьма утонченные методы. И я без колебаний применю свои знания на практике.

Спрюс, побледнев и покрывшись испариной, сказал:

— Если вы это сделаете, вы можете лишить себя вечной жизни. По меньшей мере это отбросит вас назад в вашем путешествии, отсрочит достижение конечной цели.

— То есть? — потребовал ответа Бёртон.

Спрюс на его вопрос не ответил.

— Мы не можем выносить боль,— сказал он.— Мы слишком чувствительны.

— Ты собираешься говорить? — напирал Таргофф.

— Даже мысль о самоуничтожении болезненна, его следует избегать, за исключением случаев крайней необходимости,— про-

бормотал Спрюс.— Несмотря на то что я знаю, что буду жить снова.

— Отведите его на костер,— велел Таргофф двоим мужчинам, державшим Спрюса.

Монат вмешался:

— Одну минуту. Спрюс, наука у моего народа была намного более развитой, чем земная. Поэтому мне легче сделать научное предположение. Может быть, мы могли бы избавить тебя от мучений и боли, которую вам доставит предательство ваших целей, если вы просто подтвердите мою догадку. Тогда вы не совершите откровенного отступничества.

Спрюс отозвался:

— Я слушаю.

— Согласно моему предположению, вы — земляне. Вы из времени по хронологии намного более позднего, чем две тысячи восьмой год после Рождества Христова. Вы должны быть потомками тех немногих, которые остались в живых после облучения Земли сканером. Судя по технологии и мощи, потребовавшихся для реконструирования поверхности этой планеты и превращения ее в сплошную долину Реки, вы из времени гораздо более позднего, чем двадцать первый век. Наугад — из пятидесятого века после Рождества Христова?

Спрюс глянул на костер и ответил:

— Прибавьте еще две тысячи лет.

— Если эта планета размером приблизительно с Землю, она способна разместить только ограниченное количество людей. Где же все остальные — мертворожденные, дети, умершие до того, как им исполнилось пять лет, имбецилы и идиоты, и те, что жили после двадцатого века?

— В другом месте,— ответил Спрюс. Он снова глянул на костер и крепко сжал губы.

— У моего народа,— продолжал Монат,— была такая теория, что когда-нибудь мы научимся видеть наше прошлое. Не стану вдаваться в подробности, но была такая теория, что события прошлого можно увидеть и записать. Но путешествия во времени, безусловно, были чистой фантазией.

Что, если вашей культуре было доступно то, о чем мы только теоретизировали? Что, если вы вели записи о каждом человеческом существе, когда-либо жившем? Нашли эту планету и сделали ее долиной Реки? Где-то, может быть под самой поверхностью

этой планеты, запустили материализующий конвертер, питающийся энергией, скажем, от расплавленного ядра планеты, и воспользовались записями для воссоздания тел умерших в каких-то ваннах? Применили биологические методы омоложения тел и восстановления утраченных конечностей, глаз и так далее, чтобы исправить любые физические недостатки?

— А потом,— продолжал Монат,— вы сделали новые записи о воскрешенных телах и стали хранить их в каком-то огромном банке памяти? А потом уничтожили тела, хранящиеся в ваннах? И снова воссоздали их с помощью той же техники, которая применяется и для заполнения граалей? Устройства для этого могут быть спрятаны под землей. А потом происходит воскрешение без всякого сверхъестественного вмешательства.

Главный вопрос — зачем?

— Если бы в ваших силах было сделать все это, вам не показалось бы, что таков ваш этический долг? — спросил Спрюс.

— Да, но я бы воскресил только тех, кто достоин воскрешения.

— А что, если бы другие не согласились с вашими критериями? — снова спросил Спрюс.— Неужели вы действительно считаете, что достаточно мудры и хороши для того, чтобы судить? Поставили ли бы вы себя на один уровень с Богом? Нет, каждому должна быть дана новая возможность, независимо от того, как он свиреп, эгоистичен, развращен или глуп. Ну а потом это уж от него зависит...

Он умолк, словно пожалел об откровенности и не собирался говорить дальше.

— К тому же,— продолжил свои догадки Монат,— вы должны были захотеть изучать человечество таким, каким оно было в прошлом. Вы захотели изучить и записать все языки, на которых когда-либо говорили люди, их мораль, философию, биографии. А для этого вам нужны агенты, выступающие в роли воскрешенных, затесавшиеся среди народов Реки, ведущие наблюдение, изучающие. Сколько времени отнимет такое исследование? Тысячу лет? Две? Десять? Миллион?

И что станется с нами в конце? Мы должны тут остаться навеки?

— Вы останетесь здесь столько времени, сколько потребуется для вашей реабилитации,— прокричал Спрюс.— А потом...

Он закрыл рот, бросил на советников гневный взгляд и заговорил снова:

— Продолжительный контакт с вами даже самых стойких из нас заражает вашими чертами. Нам самим нужна реабилитация. Я уже чувствую себя загрязненным.

— Отведите его на костер,— велел Таргофф.— Мы узнаем всю правду.

— Нет, не узнаете! — крикнул Спрюс.— Я должен был сделать это давным-давно... Кто знает, что...

Он упал наземь, цвет его кожи стал серо-синим. Доктор Стайнборг, один из членов Совета, осмотрел его, но никто не сомневался в том, что Спрюс мертв.

Таргофф сказал:

— Лучше его сейчас унести, доктор. Сделайте вскрытие. Мы будем ждать вашего отчета.

— Каменные ножи, никаких химикатов и микроскопа — какого отчета вы ожидаете? — пробурчал Стайнборг.— Но я постараюсь.

Тело унесли. Бёртон сказал:

— Я рад, что он не вынудил нас признаться в том, что мы блефуем. Если бы он держал рот на замке, он бы нас победил.

— Значит, на самом деле вы не собирались его пытать? — удивился Фрайгейт.— Я надеялся, что вы лжете насчет того, чем ему грозили. Если бы вы это сделали, я бы ушел и не стал бы больше никогда с вами встречаться.

— Конечно, не собирались,— ответил Руах.— Спрюс тогда был бы прав. Мы оказались бы ничуть не лучше Геринга. Но мы могли попробовать другое средство. Гипноз, к примеру. Бёртон, Монат и Стайнборг — специалисты в этой области.

— Беда в том,— сказал Таргофф,— что мы так и не знаем, добыли ли правду. На самом деле он мог и соврать. Монат высказал ряд догадок, и если они неверные, Спрюс мог заморочить нам головы, согласившись с Монатом. Я бы сказал, что мы ни в чем не можем быть уверенными.

В одном они согласились. Шансы выявления других агентов по знакам на лбу исчезли. Теперь, когда они — кто бы они ни были — узнали о том, что знаки на лбу видят представители рода Казза, они предпримут меры, чтобы избежать выявления.

Стайнборг вернулся три часа спустя.

— В нем нет ничего такого, что отличало бы его от представителя вида homo sapiens. За исключением одного маленького устройства.— Он показал маленький блестящий шарик размером со спичечную головку.— Я нашел эту штуку на поверхности передней доли мозга. Она была соединена с какими-то нервами настолько тонкими проводниками, что их я смог рассмотреть только под определенным углом, когда на них падал свет. Мое мнение таково, что Спрюс убил себя с помощью этого устройства, и сделал он это, представив себя в буквальном смысле мертвым. Каким-то образом этот крошечный шарик перевел желание умереть в поступок. Возможно, он отреагировал на желание выбросом какого-то яда, который я не имею возможности обнаружить.

Этими словами он завершил отчет и передал шарик остальным.

Глава 18

Тридцать дней спустя Бёртон, Фрайгейт, Руах и Казз возвращались из похода по Реке. Занимался рассвет.

Вокруг лодки клубился холодный густой туман, опустившийся на Реку во второй половине ночи и поднявшийся на шесть-семь футов над водой. Во все стороны видно было не дальше, чем мог бы прыгнуть с места сильный мужчина. Но Бёртон, стоявший на носу бамбуковой одномачтовой лодки, знал, что они недалеко от западного берега. Вблизи берега, на небольшой глубине, течение Реки замедлялось, а они только что взяли вправо от середины Реки.

Если его расчеты верны, они сейчас находились поблизости от развалин дома Геринга. В любое мгновение могла завиднеться полоска темнее, чем темная вода,— берег той земли, которую он теперь звал домом. А дом для Бёртона всегда был тем местом, откуда можно было отправляться дальше, местом отдыха, временным укреплением, где можно было написать книгу о последней экспедиции, логовом, где можно залечить раны, боевой рубкой, откуда он высматривал новые земли, чтобы исследовать их.

Вот так, всего через две недели после смерти Спрюса Бёртон почувствовал охоту к перемене мест. До него доходили слухи о том, что примерно в ста милях вверх по Реке, на западном берегу, нашли залежи меди. Тамошний участок берега протяжен-

ностью не более чем миль в двенадцать населяли сарматы из пятого века до Рождества Христова и фризы* из тринадцатого века после Рождества Христова.

Бёртон не очень поверил в слухи — однако они оправдывали путешествие. Алиса умоляла его взять ее с собой, но он отказался.

Теперь, месяц спустя, пережив кое-какие приключения, не все из которых были неприятными, они почти доплыли до дома. Слухи оказались не такими уж беспочвенными. Медь действительно нашли, но в микроскопических количествах. Поэтому четверо путешественников сели в лодку и отправились в легкий обратный путь, подгоняемые нескончаемым ветром. Они шли по Реке днем, приставали к берегу, чтобы поесть, если по берегам жили дружественно настроенные народы, не возражавшие против того, чтобы чужие воспользовались их питающими камнями. По ночам путешественники либо оставались на берегу поспать, либо, если попадали во враждебные воды, плыли и ночью.

Последний отрезок пути им предстояло пройти после захода солнца. Чтобы попасть домой, нужно было проплыть мимо участка долины, заселенного могиканами** из восемнадцатого века, жаждущими рабов. Противоположный берег населяли столь же кровожадные карфагеняне из третьего века до Рождества Христова. Проскользнув эти места под прикрытием тумана, путешественники были уже совсем неподалеку от дома.

Вдруг Бёртон сообщил:

— Берег. Пит, опусти парус! Казз, Лев, суши весла! Прыгаем!

Через несколько минут они пристали к берегу и вытащили легкое суденышко из воды на пологий берег. Теперь, выбравшись из тумана, они увидели, как побледнело небо над горами на востоке.

— Попали тютелька в тютельку! — воскликнул Бёртон.— Мы в десяти шагах от питающего камня около развалин!

Он смотрел на бамбуковые хижины, разбросанные по равнине, на видневшиеся из высокой травы крыши других построек, на домики, стоявшие под гигантскими деревьями на холмах.

Ни души. Долина спала.

---

* Народность, обитающая в Нидерландах и Германии.

** Индейское племя, первоначально жившее в долине Мохок (штат Нью-Йорк), относящееся к ирокезской семье.

Он спросил:

— Вам не кажется странным, что еще никто не поднялся? И что нас не окликнули дозорные?

Фрайгейт указал на сторожевую вышку, стоявшую справа от них. Бёртон выругался и сказал:

— Богом клянусь, они либо спят, либо покинули пост!

Но уже говоря это, он понимал, что дело не в разгильдяйстве. Он ничего не сказал остальным, но уже с самых первых мгновений, как только ступил на берег, заподозрил что-то неладное. Он побежал по равнине к той хижине, где жили они с Алисой.

Алиса спала на постели из бамбука и травы у правой стены. Бёртон увидел только ее голову — Алиса свернулась под одеялом из полотнищ ткани, соединенных с помощью магнитных застежек. Бёртон сдернул с нее одеяло, опустился на колени у невысокой кровати и посадил Алису. Голова ее качнулась вперед, руки безжизненно повисли. Правда, цвет лица у нее был здоровый, она нормально дышала.

Бёртон трижды окликнул ее. Она спала. Тогда он сильно ударил ее по щекам. Щеки покрылись красными пятнами. Веки Алисы дрогнули, но она тут же снова уснула.

Подошли Фрайгейт и Руах.

— Мы заглянули в разные хижины,— сообщил Фрайгейт,— все спят. Я попробовал разбудить некоторых, но ничего не вышло. Что случилось?

Бёртон прорычал:

— А ты как думаешь, кому это нужно и кому это под силу? Спрюсу! Спрюсу и ему подобным, кто бы они ни были!

— Зачем? — испуганно спросил Фрайгейт.

— Они искали меня! Наверное, явились в тумане и каким-то образом усыпили тут всех!

— Усыпляющий газ проделал бы это с легкостью,— сказал Руах.— Хотя у людей, обладающих таким могуществом, как эти, могут иметься средства, о которых мы и не помышляем!

— Они искали меня! — прокричал Бёртон.

— А если это так, значит, они вернутся ночью,— заключил Фрайгейт.— Только с какой стати им тебя искать?

За Бёртона ответил Руах:

— Потому что, насколько мы знаем, он единственный проснулся до воскрешения. Почему — это тайна. Но, видимо, что-то у них не состыковалось. Для них это, видимо, тоже загадка.

Я склонен думать, что они это обсудили и в конце концов решили явиться сюда. Может быть, для того, чтобы похитить Бёртона для исследования — или для какой-то еще более безумной цели.

— Может быть, они хотели стереть из моей памяти все, что я видел в той камере, где плавали тела,— сказал Бёртон.— Они могут не простить своей науке такого упущения.

— Но ты рассказал об этом многим,— возразил Фрайгейт.— Не могли же они выявить всех этих людей и стереть память о твоем рассказе из их сознаний?

— Гадать бесполезно,— заключил Руах.— Что будем делать теперь?

— Ричард! — вскрикнула Алиса. Все обернулись и увидели, что она сидит на кровати и смотрит на них.

Пару минут они безуспешно пытались втолковать ей, что произошло. Наконец она проговорила:

— Вот почему землю заволокло таким густым туманом. Я еще подумала, что это странно, но, конечно, не могла понять, что происходит на самом деле.

Бёртон сказал:

— Берите граали. Кладите все, что вам понадобится, в заплечные мешки. Уходим немедленно. Я хочу убраться, пока другие не проснулись.

Широко раскрытые глаза Алисы распахнулись еще шире.

— Куда мы пойдем?

— Куда-нибудь подальше отсюда. Мне не хочется бежать, но я не смогу принять бой с ними. Я не смогу им противостоять, если они узнают, где я. Но какой у меня план, я вам скажу. Я хочу отыскать конец Реки. У нее должен быть исток и устье, и человек должен суметь пройти по ней до истока. И если это возможно, я сделаю это — клянусь вам!

Они же станут искать меня в другом месте — так я надеюсь. То, что они не нашли меня здесь, заставляет меня думать, что они не способны немедленно отыскать нужного им человека. Они, может быть, пасут нас, как скотину,— он ткнул себя в лоб, где находился невидимый знак,— но даже среди скотов попадаются башковитые. А мы — скоты с мозгами.

Он обернулся к остальным:

— Я зову вас с собой. На самом деле почту за честь, если вы присоединитесь.

— Позову Моната,— заявил Казз.— Он не захотеть оставаться.

Бёртон усмехнулся и проговорил:

— Старина Монат! Жутко не хочется так поступать с ним, но ничего не поделаешь. Его нельзя брать. Он слишком заметен. Их агенты с легкостью выследят любого, похожего на него. Мне жаль, но его мы не возьмем.

На глазах Казза выступили слезы, побежали по выступающим скулам. Дрогнувшим голосом он произнес:

— Бёртон-ака,— я тоже не мочь идти. Я тоже непохожий.

Бёртон почувствовал, как и его глаза наполняются слезами.

— Рискнем,— сказал он.— В конце концов, может быть, таких, как ты, тут много. Мы не меньше тридцати видели за время наших странствий.

— Только женщин не быть пока, Бёртон-ака,— грустно покачал головой Казз и улыбнулся.— Может, найдем хоть одна, когда поплыть по Река.

Но улыбка тут же сбежала с его лица.

— Нет, будь я проклятый, я не идти! Я не могу слишком сильно ожидай Монат. Его и я, другие думать, мы некрасивый и страшный. Потому мы стать товарищи. Он мне не ака, но следующий после. Я оставайся.

Он подошел к Бёртону, обнял его так крепко, что у Бёртона чуть дыхание не остановилось, отпустил, пожал руки остальным, отчего те поморщились, потом развернулся и вышел вон.

Руах, сжав затекшую руку, сказал:

— Ты совершаешь дурацкую ошибку, Бёртон. Ты понимаешь, что можно плыть по этой Реке тысячу лет и все равно быть в миллионе миль, а то и больше от ее конца? Я остаюсь. Я нужен своему народу. И потом, Спрюс нам ясно дал понять, что стремиться мы должны к духовному совершенству, а не к борьбе с теми, кто дал нам шанс сделать это.

На загорелом лице Бёртона блеснули белые зубы. Он сжал грааль так, словно тот был оружием.

— Я не просил никого, чтобы меня забрасывали сюда, как не просил, чтобы меня родили на Земле. Я не намерен подчиняться ничьему диктату. Я намерен отыскать конец Реки. А если не найду, я по крайней мере развлекусь и много чего узнаю по дороге!

К этому времени люди начали выбираться из хижин, зевая и протирая сонные глаза. Руах не обращал на них внимания — он смотрел, как лодка поднимает парус, как она движется поперек Реки, а потом вверх по течению. У руля стоял Бёртон. Он обер-

нулся только раз и помахал граалем, и солнце отразилось от его поверхности множеством сверкающих лучей-копий.

Руах подумал о том, что Бёртон действительно счастлив, приняв такое решение. Теперь он мог избежать скучной ответственности управления этим маленьким государством и мог делать что пожелает. Он мог отправиться в самое величайшее из всех своих путешествий.

— Надеюсь, это к лучшему,— пробормотал себе под нос Руах.— Человек может и в пути обрести спасение, так же как и не выходя из дома. Дело его. А я пока, как тот герой Вольтера — как его звали? Земные вещи покидают меня — а я буду растить свой собственный маленький сад.

Он умолк и немного тоскливо посмотрел вслед Бёртону.

— Как знать? Может быть, в один прекрасный день он встретит Вольтера.

Руах вздохнул и улыбнулся:

— А с другой стороны, может быть, в один прекрасный день Вольтеру встречусь я!

Глава 19

— Я ненавижу тебя, Герман Геринг!

Голос прозвучал и умолк, как будто зуб шестерни попал в паз шестерни сна другого человека; механизм повернулся, и сцепление распалось.

Уносимый волной пришедшего во сне настроения, Ричард Фрэнсис Бёртон понимал, что ему снится сон. Но он не мог ничего поделать.

Первый сон снова возвратился.

События происходили запутанно и беспорядочно. Он молнией пролетел через безмерную камеру, где плавали тела; новая вспышка: неведомые Опекуны, нашедшие его и снова усыпившие; потом промелькнули отрывки того сна, что видел Бёртон перед самым воскрешением на берегу Реки.

Бог — красивый старик в одежде джентльмена середины викторианской эпохи, благовоспитанного и благородного — тыкал его в ребра железной тростью и говорил ему, что он *задолжал за плоть.*

— Какую? Какую плоть? — спросил Бёртон, с трудом догадываясь, что бормочет во сне. Когда снится сон, своих слов не слышишь.

— Плати! — повелел Бог. Лицо его расплылось, а потом стало лицом Бёртона.

В том первом сне, пять лет назад, Бог не ответил. Теперь он проговорил:

— Сделай так, чтобы твое воскрешение оправдало мои усилия, идиот! Мне стоило больших затрат и еще большей боли дать тебе и всем этим остальным несчастным и бесполезным уродам новый шанс.

— Новый шанс чего? — спросил Бёртон и испугался того, что мог ответить Бог. Он почувствовал огромное облегчение, когда Бог — Отец Всего Сущего — только теперь Бёртон заметил, что одного глаза у Ягве-Одина нет, а из пустой глазницы светит адское пламя,— не ответил. Он исчез — нет, не исчез, а преобразился в высокую серую башню, цилиндрическую, выступающую из серого тумана, за пеленой которого слышался рев моря.

Цилиндр!

И он снова увидел человека, который рассказал ему о Великом Граале. Он слыхал о нем от другого мужчины, а тот — от женщины, которая слыхала о нем от... и так далее. Великий Грааль был одной из легенд, которые рассказывали миллиарды живущих по берегам Реки — этой Реки, что вилась, словно змея, вокруг планеты от полюса до полюса, вытекала оттуда, докуда не доберешься, и утекала туда, куда не дотянешься.

Какой-то человек, или обезьяночеловек, сумел пробраться через горы к Северному полюсу. И как раз перед тем, как упасть, увидел «Великий Грааль», «Темную Башню», «Туманный Замок». А может, он не споткнулся, а его толкнули. Он упал головой вперед, погрузился в холодное море, прятавшееся за туманом, и умер. А потом этот человек, или обезьяночеловек, снова очнулся у Реки. Смерть тут наступала не навсегда, хотя и не потеряла своего ужаса.

Он рассказал о том, что видел. И слухи побежали по долине Реки быстрее, чем доплыла бы лодка.

И Ричард Бёртон, вечный паломник и путешественник, мечтал о том, чтобы штурмовать подножие Великого Грааля. Он мечтал раскрыть тайну воскрешения и этой планеты, потому что был убежден в том, что башню построили те самые существа, которые переделали всю планету.

— Умри, Герман Геринг! Умри и оставь меня в покое! — прокричал кто-то по-немецки.

Бёртон открыл глаза и не увидел ничего, кроме бледного отсвета бесчисленных звезд в открытом окне хижины.

Бёртон опустил глаза и увидел Питера Фрайгейта и Логу, спящих на циновках у противоположной стены. Повернул голову и взглянул на полотнище-одеяло, под которым спала Алиса, увидел белое пятно ее лица и черное облако волос, разметавшихся по циновке.

Сегодня вечером одномачтовая лодка, на которой он и трое его спутников плыли по Реке, причалила к дружественному берегу. Маленькое государство Севиерия населяли в основном англичане из шестнадцатого века, хотя их предводителем был американец, живший в конце восемнадцатого — начале девятнадцатого века. Джон Севиер, основатель «потерянного штата» Франклин, впоследствии превратившегося в штат Теннесси, приветствовал Бёртона и его отряд.

Севиер и его люди отрицали рабство и не удерживали гостей дольше, чем те хотели остаться. Позволив прибывшим наполнить граали и поесть, Севиер пригласил их на вечеринку. Праздновалась годовщина Дня воскрешения. Потом он отвел их в хижину, отведенную для приезжих.

Бёртон всегда спал тревожно, а сегодня — особенно. Другие уже давно глубоко дышали и храпели, а он только-только начинал дремать. После бесконечного кошмара он очнулся от звука голоса, казавшегося продолжением сна.

Герман Геринг, думал Бёртон. Он убил Геринга, но тот, конечно, снова живет где-то у Реки. Может быть, тот человек, который теперь стонет и кричит во сне в соседней хижине, тоже жертва Геринга — земная или здешняя?

Бёртон отбросил черное полотнище, которым укрывался, и встал — неловко, но бесшумно. Запахнул килт на магнитных застежках, застегнул ремень из человеческой кожи, проверил, лежит ли в ножнах кремневый стилет. Захватив ассегай — короткую рукоять из прочного дерева с острым каменным наконечником,— он вышел из хижины.

С безлунного неба лился такой же яркий свет, как в лунную ночь на Земле. Небосвод полыхал крупными разноцветными звездами и облаками бледного космического газа.

Хижины, предназначенные для путников, стояли в полутора милях от Реки, на одном из холмов за речной долиной. Бёртон насчитал семь одноэтажных хижин, выстроенных из бамбука и

покрытых ветками и листьями. Вдалеке под громадными ветвями железных деревьев, под гигантскими соснами и дубами стояли другие хижины. В полумиле на вершине холма высилось большое круглое сооружение, в просторечии именуемое Круглым Домом. Там спали правители Севиерии.

По берегу Реки через каждые полмили возвышались бамбуковые башни. На платформах, где стояли дозорные, высматривающие, не приближаются ли недруги, всю ночь горели факелы.

Всмотревшись повнимательнее в тени под деревьями, Бёртон подошел к той хижине, откуда доносились стоны и крики.

Приблизившись ко входу, Бёртон отодвинул в сторону травяную занавеску. Через открытое окно свет звезд падал на лицо спящего. Бёртон присвистнул от удивления, увидев светлые волосы и крупные черты знакомого молодого лица.

Бёртон, медленно ступая босыми ногами, подошел к спящему. Тот застонал, закрыл рукой лицо и повернулся на бок. Бёртон застыл, потом снова двинулся вперед. Он положил ассегай на землю, вытащил стилет и приставил острие к горлу спящего. Рука того взметнулась, глаза открылись и уставились на Бёртона. Тот зажал ладонью открывшийся рот молодого человека.

— Герман Геринг! Не двигайся и не пытайся кричать! Я убью тебя!

Светло-голубые глаза Геринга в темноте казались темными, но то, как он побледнел, было видно отчетливо. Он дернулся, попытался сесть, но тут же откинулся на спину, потому что кинжал оцарапал его горло.

— Давно ты тут? — поинтересовался Бёртон.

— Кто?..— начал Геринг по-английски, и тут его глаза открылись еще шире.— Ричард Бёртон? Я сплю? Это ты?

Бёртон уловил в дыхании Геринга запах мечтательной резинки в смеси с запахом пота, от которого промокла циновка. По сравнению с тем, каким он был при последней встрече, немец здорово похудел.

— Не знаю, давно я здесь или нет,— ответил Геринг.— Который час?

— Остался примерно час до рассвета. Сегодня день после празднования годовщины воскрешения.

— Значит, я тут три дня. Можно воды попить? В глотке сухо, как в саркофаге.

— Нечему удивляться. Ты и есть живой саркофаг — если пристрастился к мечтательной резинке.

Бёртон встал и указал ассегаем на глиняный горшок на бамбуковом столике:

— Можешь попить, если хочешь. Но не пытайся ничего предпринять.

Геринг медленно поднялся и побрел к столу.

— Я слишком слаб для того, чтобы с тобой драться, даже если бы захотел,— сказал он, жадно выпил воды и взял со столика яблоко. Откусив кусок, спросил:

— Что ты здесь делаешь? Я думал, я от тебя избавился.

— Сначала ответь на мой вопрос, да побыстрее,— отрезал Бёртон.— Ты создаешь проблемы, которые мне не по нраву, знаешь ли.

Глава 20

Геринг начал жевать, перестал, уставился на Бёртона и проговорил:

— С какой стати? Тут у меня никакой власти, да и была бы, я бы ничего с тобой сделать не смог. Я здесь просто гость. Чертовски благовоспитанные хозяева — они меня совсем не беспокоили, только время от времени интересовались, все ли со мной в порядке. Правда, не знаю, долго ли они меня потерпят при том, что я не работаю.

— Ты не выходил из хижины? — удивился Бёртон.— А кто же наполнял твой грааль? И откуда у тебя столько мечтательной резинки?

Геринг хитро усмехнулся:

— Скопил в том месте, где жил раньше. Где-то в тысяче миль отсюда по Реке.

— Без сомнения, отобрал силой у каких-нибудь бедных рабов,— заключил Бёртон.— Но если ты там так хорошо устроился, почему ушел?

Геринг расплакался. Слезы потекли по его щекам, по ключицам, на грудь, плечи его вздрагивали от рыданий.

— Я... мне... пришлось уйти. Мне уже ничего не удавалось. Я терял власть над ними... слишком много пил, курил марихуану, жевал мечтательную резинку. Они говорили, что я слабак. Они могли убить меня и сделать рабом. Вот я и удрал как-то но-

чью... украл лодку. Погони не было, и я плыл, пока не добрался сюда. Часть своих запасов я уступил Севиеру за то, что он позволил мне погостить здесь две недели.

Бёртон удивленно смотрел на Геринга.

— Ты знал, что произойдет, если жевать много мечтательной резинки,— сказал он.— Ночные кошмары, галлюцинации, потеря сознания. Полное умственное и физическое истощение. Ты наверняка видел, как это происходит с другими.

— На Земле я был морфинистом! — вскричал Геринг.— Я боролся с этой привычкой и довольно надолго избавился от нее. Но потом, когда у Третьего рейха дела пошли плохо, а у меня еще хуже — когда Гитлер стал ко мне придираться,— я снова пристрастился к наркотикам!

Он умолк, потом заговорил снова:

— Но здесь, когда я воскрес в новом молодом теле, когда мне казалось, что впереди у меня вечная жизнь и вечная молодость, когда в небесах не было строгого Бога, когда не было дьявола в аду, которые могли бы остановить меня, я решил, что могу поступать только так, как мне захочется. Я мог стать даже выше фюрера! Та маленькая страна, где ты меня впервые увидел,— это могло быть всего лишь самое начало! Я видел, как моя империя простирается на тысячи миль вверх и вниз по Реке, по обе стороны долины. Я мог стать правителем вдесятеро большего числа людей, чем то, о котором когда-либо мечтал фюрер.

Он снова расплакался, умолк, снова попил воды и сунул в рот кусочек мечтательной резинки. Он жевал, и лицо его становилось с каждой секундой все более спокойным и благостным.

Геринг сказал:

— Мне все время видятся кошмары про то, как ты протыкаешь копьем мой живот. Когда я просыпаюсь, живот у меня болит так, словно наконечник пронзил мои кишки. И я жую резинку, чтобы избавиться от боли и унижения. Поначалу резинка помогала. Я был велик. Я был правителем мира, Гитлером, Наполеоном, Юлием Цезарем, Александром, Чингисханом — всеми сразу, воплотившимися во мне одном. Я снова возглавлял «Эскадрон Красной Смерти» фон Рихтхофена. Какие то были счастливые дни, самые счастливые во всей моей жизни! Но эйфория быстро сменялась ужасами. Я опускался в ад, я видел, как сам себя обвиняю, а за этим обвинителем — миллионы других. Не мои, а

жертвы того великого и славного героя, того тупого безумца Гитлера, которым я так восхищался. Во имя которого я совершил столько преступлений.

— Ты признаешь, что был преступником? — спросил Бёртон.— Теперь ты заговорил не так, как раньше. Тогда ты твердил, что все, что ты творил, оправданно и что тебя предали...

Бёртон умолк, поняв, что уклонился от первоначальной цели.

— То, что тебя преследуют муки совести,— почти невероятно. Но, возможно, этим и объясняется так озадачивающее пуритан появление в цилиндрах вместе с едой спиртного, табака, марихуаны и мечтательной резинки. По крайней мере, похоже, что резинка представляет собой эдакий сомнительный подарочек — ловушку для тех, кто к ней пристрастится.

Бёртон шагнул ближе к Герингу. Глаза немца были полуприкрыты, нижняя челюсть отвисла.

— Ты знаешь, кто я такой. Я путешествую под вымышленным именем, и не без причин. Помнишь Спрюса, одного из твоих рабов? После того как ты был убит, совершенно случайно его раскусили, он оказался одним из тех, кто каким-то образом воскресил все умершее человечество. Можно назвать их этиками, поскольку лучшего определения нет. Геринг, ты слушаешь?

Геринг кивнул.

— Спрюс покончил с собой прежде, чем мы успели вытянуть из него все, о чем хотели узнать. Потом в наши земли явились его соратники и на время усыпили там всех — наверное, каким-то газом,— они хотели захватить меня и увести туда, где находится их штаб. Но меня они не застали. Я в это время находился в торговом походе по Реке. Когда я вернулся, я понял, что они охотились за мной, и с тех пор я в бегах. Геринг, ты меня слышишь?

Бёртон отвесил Герингу сильную пощечину. Геринг воскликнул:

— Ах? — отпрыгнул и схватился за щеку. Он выпучил глаза и скривился.

— Да слышал я все! — крикнул он.— Просто мне показалось, что отвечать толку нет. Ни в чем толку нет, разве только в том, чтобы уплыть подальше от...

— Заткнись и слушай! — приказал Бёртон.— У этиков повсюду агенты, которые меня разыскивают. И я не могу позволить тебе остаться в живых, понимаешь? Я не могу тебе доверять. Даже

если бы ты был мне другом, я не смог бы тебе доверять. Ты — «резиночник»!

Геринг хихикнул, шагнул к Бёртону и попытался обнять его за шею.

Бёртон оттолкнул его так сильно, что тот налетел на столик и не упал только потому, что успел ухватиться за его край.

— Как интересно,— пробормотал Геринг.— В тот день, когда я добрался сюда, какой-то человек спросил, не видел ли я тебя. Подробно описал тебя и назвал твое имя. Я ему сказал, что отлично тебя знаю — даже слишком — и надеюсь, что больше никогда тебя не увижу, разве только тогда, когда ты будешь в моей власти. А он сказал, что в долгу не останется.

Бёртон не стал терять времени. Он бросился к Герингу и схватил его обеими руками. Руки у Бёртона были маленькие и нежные, но Геринг скривился от боли.

— Чего ты хочешь? — проговорил он.— Снова хочешь убить меня?

— Нет, если ты назовешь мне имя человека, который спрашивал обо мне. Иначе...

— Давай убей меня! — крикнул Геринг.— И что? Я очнусь в другом месте, за тысячи миль отсюда, где ты меня не достанешь!

Бёртон указал на бамбуковую коробку, стоявшую в углу хижины. Он уже догадался, что там Геринг хранит свои запасы мечтательной резинки.

— Но ты очнешься, не имея вот этого! Где ты столько быстро раздобудешь?

— Будь ты проклят! — воскликнул Геринг и попытался вырваться и дотянуться до коробки.

— Назови его имя! — велел Бёртон.— Или я отберу резинку и швырну ее в реку!

— Агню. Роджер Агню. Он живет в хижине рядом с Круглым Домом.

— С тобой я попозже разделаюсь,— буркнул Бёртон и врезал Герингу по шее ребром ладони.

Обернувшись, он увидел, что около входа в хижину притаился какой-то человек. Тот тут же метнулся прочь. Бёртон бросился за ним, и через минуту оба уже бежали среди высоченных сосен и дубов на холмах. Преследуемый исчез в высокой траве.

Бёртон замедлил шаг, заметил белое пятно — отблеск звездного света на голой коже — и бросился за беглецом. Он надеялся,

что этот этик не убьет себя сразу, поскольку хотел вытянуть у того информацию, если удастся сразу одолеть его. Бёртон собирался применить гипноз, но сначала нужно было изловить противника. Возможно, у этого человека имелось какое-то устройство, вживленное в тело, с помощью которого он уже сейчас связался со своими соратниками — кто бы они ни были. Если так, то они явятся сюда в своих летающих машинах, и тогда ему конец.

Бёртон остановился. Он потерял беглеца, и теперь оставалось единственное: разбудить Алису, Фрайгейта и Логу и бежать. Может быть, на этот раз им стоит уйти в горы и на время спрятаться там.

Но прежде всего он должен был сходить в хижину Агню. Вряд ли он там, но посмотреть стоит.

Глава 21

Бёртон добрался до хижины как раз вовремя, чтобы заметить, как туда проскользнул человек. Бёртон обошел хижину с той стороны, где его скрывали тени деревьев. Пригнувшись, он бегом добрался до входа.

Откуда-то сзади донесся крик. Бёртон обернулся и увидел, что к нему ковыляет Геринг. Он кричал по-немецки, чтобы предупредить Агню о том, что Бёртон рядом. В руках он сжимал длинное копье, нацелив его в англичанина.

Бёртон развернулся и вбежал в хижину, выбив плечом висевшую на деревянных петлях дверь. Дверь повалилась внутрь и ударила Агню, который стоял прямо за ней. Бёртон, дверь и Агню упали на пол, и дверь накрыла Агню.

Бёртон скатился с двери, вскочил и снова прыгнул на дверь обеими ногами. Агню вскрикнул и тут же умолк. Бёртон отбросил дверь в сторону и увидел, что его жертва без сознания. Отлично! Теперь, если на шум не прибежит стража и если ему удастся быстро разделаться с Герингом, он сможет осуществить свой план.

Бёртон обернулся как раз вовремя. Он отпрыгнул в сторону, и копье, чавкнув, вонзилось в земляной пол хижины. Древко дрожало, словно хвост гремучей змеи, готовящейся к нападению.

Бёртон шагнул к дверному проему, прикинул, где может находиться Геринг, и нанес удар. Его ассегай угодил тому в живот.

Немец раскинул руки, вскрикнул и повалился на бок. Бёртон взвалил на плечо безжизненное тело Агню и вынес из хижины.

Со стороны Круглого Дома доносились крики. Пылали факелы, на ближайшей сторожевой вышке вопил дозорный. Геринг сидел на земле, скорчившись, и сжимал руками рану.

Широко раскрыв рот, он глянул на Бёртона и воскликнул:

— Ты снова сделал это! Ты...

Он упал ничком, из глотки его донеслось предсмертное клокотание.

К Агню вернулось сознание. Он вывернулся и упал на землю. В отличие от Геринга он вел себя тихо. У него были такие же причины не шуметь, как у самого Бёртона,— их даже было, пожалуй, больше. Бёртон так удивился, что застыл на месте, сжимая в руке набедренную повязку Агню. Он уже собрался было швырнуть ее на землю, но что-то в структуре ткани показалось ему странным, и он, переложив тряпку в левую руку, выдернул из трупа Геринга ассегай и бегом бросился следом за Агню.

Этик прыгнул в одно из стоявших у берега бамбуковых каноэ. Он отчаянно греб, озаренный светом звезд, непрерывно оглядываясь назад. Бёртон поднял ассегай над плечом и бросил. Ассегай — короткое оружие с толстой рукояткой, предназначенное для ближнего боя, словом, не дротик. Но оно полетело по прямой и вонзилось точнехонько в спину Агню. Этик упал лицом вперед и перевернул своим весом легкую лодочку. Она всплыла дном вверх. Агню на поверхности не появился.

Бёртон выругался. Он хотел захватить Агню живым и уж во всяком случае не позволить этику улизнуть. Не исключалось, что Агню еще не успел ничего сообщить другим этикам.

Бёртон повернул к гостевым хижинам. На берегу били барабаны, люди с зажженными факелами спешили к Круглому Дому. Бёртон остановил женщину и спросил, не может ли она одолжить ему на время факел. Женщина факел дала, но засыпала Бёртона вопросами. Он ответил, что, насколько понимает, напали чоктавы с противоположного берега. Женщина стремглав бросилась к толпе, собирающейся около укрепления.

Бёртон воткнул факел в мягкую почву берега и рассмотрел полотнище, сорванное с Агню. С внутренней стороны он нащупал плотный квадрат, удерживаемый двумя тоненькими магнитными полосками, легко поддавшимися. Бёртон вынул из-за подкладки предмет и рассмотрел его при свете факела.

Долго-долго он сидел на корточках, не в силах оторвать глаз от того, на что смотрел, не в силах совладать с почти парализовавшим его удивлением. О фотографии в этом мире, где не было никаких фотоаппаратов, никто слыхом не слыхивал. Но еще более невероятным было то, что снимок, на котором он узнал себя, был сделан не на этой планете! Он должен был быть сделан на Земле, на той Земле, которой теперь не существовало, которая затерялась среди бесчисленных звезд в сверкающем небе, и одному только Богу известно, сколько с тех пор минуло лет.

Невероятное на невероятном и невероятным погоняет! Однако снимок был сделан при обстоятельствах, когда — Бёртон был уверен в этом — на него никто не направлял камеру. Усов не было, но ретушер не позаботился о том, чтобы подрисовать другие фон и одежду. Вот он, непостижимым образом заснятый выше пояса и заключенный в плоский листок какого-то материала. Плоский! Бёртон чуть повернул квадратик и увидел собственный профиль. Держа снимок почти под прямым углом, он видел собственное изображение с разворотом в три четверти.

— В тысяча восемьсот сорок восьмом,— пробормотал еле слышно Бёртон.— Мне тогда было двадцать семь, и я служил субалтерном в Восточноиндийской армии. А это синие горы Гоа. Наверное, это заснято во время моего выздоровления. Но боже, как? Кем? И откуда этот снимок теперь у этиков?

Агню, видимо, носил фотографию с собой, чтобы узнать Бёртона. Наверное, такие есть у всех, кто за ним охотится, спрятанные в повязках. Вверх и вниз по Реке — они ищут его, их, может быть, тысячи, а может быть, десятки тысяч. Кто знает, сколько у них агентов, и как отчаянно они хотят найти его, и зачем они так хотят его найти?

Убрав фотографию обратно в повязку, Бёртон повернул к хижине. Но в этот миг взгляд его упал на вершины гор — на неприступные высоты, замыкавшие долину Реки с обеих сторон.

Он увидел какую-то вспышку на фоне яркого полотна космического газа: она сверкнула на миг и угасла.

Минуло еще несколько секунд, вспышка снова появилась, осветила темный полусферический объект и снова угасла.

Второй летающий объект показался на краткое мгновение, исчез, снова появился ниже и снова исчез, так же как и первый.

Этики заберут его, утащат, а люди из Севиерии будут гадать, отчего это они так крепко проспали пару часов.

У Бёртона не было времени возвращаться в хижину и будить остальных. Промедли он хоть мгновение — его схватят.

Он развернулся, бросился в Реку и поплыл к другому берегу, до которого было полторы мили. Но не успел он проплыть и сорока ярдов, как почувствовал, что над ним висит что-то громадное. Бёртон перевернулся на спину и посмотрел вверх. Он увидел только мягкий свет звезд. А потом прямо из воздуха, в пятидесяти футах над ним, возник диск диаметром примерно в шестьдесят футов и заслонил небо. Он появился внезапно, исчез так же неожиданно и снова возник, теперь уже в двадцати футах над Бёртоном.

Значит, они располагали какими-то устройствами наблюдения на расстоянии и заметили его бегство.

— Шакалы! — крикнул Бёртон неизвестно кому.— Все равно вы меня не получите!

Он изогнулся, нырнул и поплыл в глубину. Вода стала холоднее, заболели барабанные перепонки. Глаза Бёртона были открыты, но он ничего не видел. Вдруг его толкнула в спину вода, и он догадался, что давление вызвано перемещением крупного предмета.

Судно погружалось за ним следом.

Выход оставался единственный. Они получат его мертвое тело, и все. Тогда он снова сможет ускользнуть от них, ожить где-нибудь у Реки, в другом месте, и снова перехитрит их, а потом нанесет им ответный удар.

Бёртон открыл рот и втянул воду ртом и носом.

Вода попала в легкие, и он начал задыхаться. Только сильнейшим усилием воли он заставил себя не сомкнуть губы и не пытаться бороться со смертью, забиравшей его. Он понимал умом, что будет жить снова, но этого не понимали клетки его тела. Они именно сейчас мучительно хотели жить, сейчас, а не в том будущем, которое видел разум. И они вырвали из его заполненного водой рта крик отчаяния.

Глава 22

— Йя-а-а-а-а-а-а!

От крика Бёртон подскочил на траве, словно подброшенный пружиной. В отличие от первого раза, когда он воскрес, он не был ни слаб, ни напуган. Он знал, чего ожидать. Он должен был

очнуться на травянистом берегу Реки неподалеку от питающего камня. Но вот к чему он не был готов, так это к битве гигантов рядом с собой.

Первая мысль была такая: найти оружие. Но под рукой не оказалось ничего, кроме грааля, который всегда сопровождал воскрешаемых, да стопки полотнищ различных размеров, цветов и плотности. Бёртон сделал шаг, ухватил цилиндр за ручку и подождал. Если придется, он воспользуется граалем как дубинкой. Он легкий, но практически неразрушимый и очень прочный.

Однако чудовища вокруг имели вид такой, словно собирались драться как ни в чем не бывало весь день напролет.

Большей частью они были ростом футов в восемь, а некоторые — и повыше девяти. Их мускулистые плечищи были шириной больше трех футов. Тела у гигантов были человеческие, или почти человеческие, а белую кожу покрывали длинные рыжеватые и коричневатые волосы. Они не были такими волосатыми, как шимпанзе, но намного более заросшими, чем любой из людей, до сих пор встречавшихся Бёртону. А он знавал некоторых исключительно волосатых мужчин.

А вот физиономии у дерущихся были нелюдские и страшноватые, особенно потому, что все были искажены яростью. Ниже невысокого лба находился костный выступ, образующий вокруг каждого глаза букву «О». Хотя глаза у волосатиков были такие же большие, как у Бёртона, они казались маленькими на широкоскулых физиономиях. Скулы выступали вперед и резко уходили вглубь. Здоровенные носы делали гигантов похожими на обезьян с хоботами.

В другое время они непременно позабавили бы Бёртона. Но не теперь. Рев, вырывавшийся из грудных клеток существ покрупнее горилл, был низким, как львиный, а здоровенные зубищи заставили бы даже медведя-кодьяка крепко призадуматься, прежде чем напасть на такое страшилище. Кулачищи чудищ, огромные, как их головы, сжимали дубины размером с оглоблю и каменные топоры. Они размахивали оружием, и когда оно попадало в цель, слышался хруст костей, словно падали деревья. Бывало, и дубины ломались.

Бёртон улучил момент и огляделся. Солнце только наполовину поднялось из-за гор на противоположном берегу Реки. Воздух оказался намного холоднее, чем когда-либо за все время, что Бёртон находился на этой планете. Такую прохладу он чувствовал только тогда, когда пробовал взобраться на неприступный горный хребет.

И тут один из вышедших победителем в очередной схватке оглянулся в поисках очередного врага и увидел его.

Глаза его раскрылись шире. Секунду он выглядел таким же напуганным, как Бёртон, когда только-только очнулся. Может быть, гигант никогда не видел существа, подобного Бёртону,— так же как Бёртон не видел таких, как он. Если так, то он не долго предавался изумлению. Он взревел, перепрыгнул через распростертое на траве тело пораженного им врага и помчался к Бёртону, размахивая топором, которым можно было бы укокошить слона.

Бёртон тоже побежал, не выпуская из руки грааля. Потеряй он его, и ему пришлось бы туго. Без цилиндра придется голодать или прозябать, питаясь рыбой или бамбуковыми ростками.

Ему почти повезло. Бёртон изловчился и проскользнул между двумя гигантами, ухватившими друг друга за плечи и пытавшимися повалить один другого; еще один удирал, осыпаемый градом ударов дубины четвертого. И когда Бёртон уже почти удрал, двое борцов повалились наземь, подмяв его под себя.

Бёртон бежал достаточно быстро и прямо под чудищ не угодил, но отброшенная в сторону ручища одного из них ударила его под колено. Удар оказался настолько сильным, что ногу Бёртона прижало к земле, и он рухнул на колени, потом упал ничком и застонал. Кость у него, видимо, была сломана, а мышцы порваны.

И все-таки он пытался встать и добраться до Реки, пусть даже ползком. Доберется — сможет поплыть, если только не потеряет сознания от боли. Бёртон прыгнул пару раз на правой ноге, но добился только того, что его схватили сзади.

Он взлетел в воздух, перевернулся, но гигант поймал его еще до того, как он начал падать.

Чудище держало его в вытянутой руке — могучие громадные пальцы сомкнулись на груди Бёртона. Бёртон задыхался. Ребра вот-вот готовы были провалиться внутрь грудной клетки.

И все-таки он не выронил грааль и ударил им по плечу гиганта.

Небрежно, словно смахнув надоедливую муху, гигант тюкнул по металлическому цилиндру топором, и тот выпал из руки Бёртона.

А великан ухмыльнулся и согнул руку, чтобы поднести Бёртона поближе. Бёртон весил сто восемьдесят фунтов, а рука великана даже не дрогнула от напряжения.

Мгновение Бёртон смотрел прямо в бледно-голубые глаза, утонувшие в круглых костяных впадинах. Нос чудовища представлял собой один огромный кровоподтек. Губы великана выпячивались из-за выпирающих массивных челюстей, а не из-за того, как поначалу думал Бёртон, что у великанов такие мясистые губы.

Потом гигант взревел и поднял Бёртона над головой Бёртон принялся колотить его по ручище кулаками, зная, что толку от этого никакого, но ему все равно не хотелось сдаваться, как какому-нибудь пойманному кролику. Но, колотя по руке великана, он кое-что заметил.

Солнце над горами только-только начинало вставать, когда он пришел в себя. И хотя с того момента, как он вскочил на ноги, прошло всего несколько минут, солнце уже по идее должно бы было выйти из-за гор. Этого не произошло. Солнце находилось на той же высоте, на какой его в первый раз увидел Бёртон.

Кроме того, уходивший вверх отрезок долины был виден на протяжении примерно четырех миль. Питающий камень неподалеку был последним. Дальше были только долина и Река.

Там был конец пути — или начало Реки.

У Бёртона не было ни времени, ни желания думать о том, что это означает. Он только отметил эти факты, борясь с болью, гневом и страхом. И тут великан, уже приготовившийся размахнуться топором и раскроить череп Бёртона, вздрогнул и взвизгнул. Для Бёртона это прозвучало как свисток локомотива над самым ухом. Хватка пальцев гиганта ослабла, и Бёртон свалился на землю. На миг он потерял сознание от боли в ноге.

Придя в себя, он стиснул зубы, чтобы снова не закричать. Он застонал и сел, и от жгучей боли в ноге у него потемнело в глазах. Кругом кипела битва, но он находился в более или менее спокойном месте. Около него валялось тело гиганта размером со ствол здоровенного дерева — того самого гиганта, что собирался разделаться с Бёртоном. Его затылок, настолько прочный, что мог бы выдержать удар тарана, был проломлен.

А рядом со слоноподобным трупом великана скрючился на четвереньках человек. Увидев его, Бёртон на миг забыл о боли. Этот жутко израненный человек был не кто иной, как Герман Геринг.

Их обоих воскресили в одном и том же месте. Не было времени гадать, что значило это совпадение. Боль возвращалась. Да еще и Геринг подал голос.

Правда, не похоже было, что он способен сказать много и что у него остается время на разговоры. Весь он был залит кровью. Правый глаз отсутствовал. От угла рта до уха щека оказалась порвана. Одна рука размозжена. Сквозь порванную кожу торчало ребро. Как только он еще был жив да еще и полз, было выше понимания Бёртона.

— Ты... ты! — хрипло прошептал Геринг по-немецки и потерял сознание. Изо рта его фонтаном хлынула кровь и залила ноги Бёртона. Единственный глаз Геринга остекленел.

Бёртон гадал, узнает ли он когда-нибудь, что хотел сказать Геринг. Но вряд ли это имело значение. Ему надо было подумать о более важных вещах.

Примерно в десяти ярдах спинами к нему стояли два великана. Оба тяжело дышали — видимо, устроили передышку перед тем, как снова ринуться в бой. А потом один заговорил с другим.

Сомнений быть не могло. Великан издавал членораздельные звуки. Он пользовался речью.

Бёртон не понимал ни слова, но сознавал, что это речь, язык. И ему вовсе не нужно было слушать, как другой великан ответит первому упорядоченным набором слогов, чтобы утвердиться в своей догадке.

Итак, перед ним находились не доисторические обезьяны, а какой-то вид древних людей. Видимо, о них ничего не знали ученые двадцатого века, поскольку Фрайгейт рассказал ему обо всех находках, сделанных до две тысячи восьмого года.

Бёртон лег, прислонившись спиной к боку поверженного гиганта, брезгливо отбросив с лица налипшие длинные рыжие потные шерстинки.

Он боролся с тошнотой и болью в стопе и порванных мышцах голени. Если он будет шевелиться и шуметь, он может привлечь внимание этих двоих, и тогда они завершат дело, начатое убитым. Ну и что, если так? С такими ранами, в стране, где жили такие чудища,— каковы были шансы остаться в живых?

Но мучительнее дикой боли в стопе была мысль о том, что в первом же путешествии, которое он про себя окрестил Самоубийственным Экспрессом, он добился цели.

На самом деле попасть в эти края у него был один шанс на миллион, и это могло ему не удаться, тони он хоть десять тысяч

раз. И все же фортуна оказалась на редкость благосклонна к нему. Такое, может быть, снова не повторится никогда. И вот-вот он мог потерять то, к чему так стремился.

Солнце, наполовину показавшись из-за гор, двигалось вдоль хребтов по другую сторону Реки. То самое место, о существовании которого он догадывался. И он сразу попал сюда. А теперь зрение его меркло, и боль уходила, и он знал, что умирает. И в слабости были повинны не размозженные кости ступни. Видимо, началось внутреннее кровотечение.

Бёртон снова попробовал подняться. Он встанет, пусть даже на одной ноге, и покажет кулак насмешнице судьбе и проклянет ее. Он умрет с проклятием на губах.

Глава 23

Алое крыло зари нежно коснулось его век.

Он поднялся на ноги, понимая, что раны его залечены и он снова целехонек, хотя поверить в это было трудно. Рядом с ним стоял цилиндр и лежало несколько сложенных стопкой полотнищ различных размеров, цветов и плотности.

А в двадцати футах от него из зеленой травы поднимался другой мужчина, тоже обнаженный. Бёртон похолодел. Светлые волосы, широкое лицо и светло-голубые глаза — Герман Геринг.

Немец удивился не меньше Бёртона. Заговорил он медленно, словно спросонья:

— Что-то тут здорово не так.

— Да, правда, что-то погано,— согласился Бёртон. О системе воскрешения у Реки он знал не больше других. Сам он процесса воскрешения никогда не наблюдал, но слышал, как его описывали те, кто видел. На заре, как только солнце поднималось над неприступными горами, в воздухе неподалеку от питающего камня возникало мерцание. В мгновение ока в этом месте происходило уплотнение, и из ниоткуда на траве появлялось обнаженное тело мужчины, женщины или ребенка. И рядом с новоявленным Лазарем всегда оказывался новенький грааль и стопка полотнищ ткани.

На протяжении десяти—двадцати миллионов миль долины Реки, где обитало тридцать пять — тридцать шесть миллиардов человек, умирало в день не меньше миллиона. Никаких заболеваний,

правда, кроме душевных, пока замечено не было, но, хотя статистика и отсутствовала, миллион людей, видимо, погибал ежедневно в мириадах войн, которые вел сонм маленьких государств, на почве ревности, от самоубийств, за счет казней преступников и от несчастных случаев. Происходило устойчивое и многочисленное передвижение тех, кто подвергался, как это теперь называли, малому воскрешению.

Но Бёртон еще ни разу не слышал, чтобы двое умерших в одном и том же месте в одно и то же время воскрешались одновременно и вместе. Процесс выбора места для начала новой жизни был случайным — по крайней мере так он считал.

Одно подобное совпадение, конечно, могло произойти, хотя его вероятность составляла невообразимо малую величину. Но два таких случая, причем друг за другом,— это уже чудо.

Бёртон не верил в чудеса. Никогда не происходило ничего такого, чего нельзя было бы объяснить на основании физических законов — если ты знал все факты.

Фактов Бёртон не знал, поэтому ломать себе голову над «совпадением» сейчас смысла не имело. Ответа требовал другой вопрос. А именно: что делать с Герингом?

Этот человек знал Бёртона и мог выдать любому этику, разыскивающему его.

Бёртон быстро огляделся по сторонам и заметил приближающихся мужчин и женщин, настроенных, судя по всему, дружелюбно. Пора было обменяться с немцем парой слов.

— Геринг, я могу убить тебя или себя. Но я не хочу ни того ни другого — по крайней мере пока. Ты знаешь, чем ты для меня опасен. Рисковать с тобой нельзя, подлая гиена. Но что-то в тебе есть такое, к чему я не могу притронуться.

Геринг, обладавший потрясающей живучестью, похоже, понемногу оправлялся от потрясения. Он противно ухмыльнулся и сказал:

— А я тебя врасплох застал, верно?

Но, заметив, как Бёртон оскалился, Геринг поспешно поднял руку и сказал:

— Но я клянусь, что не выдам тебя никому! И вообще не сделаю тебе ничего плохого! Мы, может быть, не приятели, но по крайней мере знали друг друга, и мы в чужой стране. Приятно видеть рядом знакомое лицо. Я знаю, что слишком долго стра-

дал от одиночества, от опустошения души. Я думал, что сойду с ума. Отчасти поэтому я и жевал мечтательную резинку. Поверь мне, я тебя не предам.

Бёртон ему не поверил, но решил, что некоторое время ему можно доверять. Герингу нужен потенциальный союзник как минимум до тех пор, пока он разберется, что за люди живут в этих краях, и поймет, на что способен или не способен. И потом, может быть, Геринг переменился к лучшему.

«Нет,— сказал себе Бёртон.— Нет. Ты опять за свое. На словах — циник, а вечно всем все готов простить, готов плюнуть на нанесенное тебе оскорбление и дать оскорбителю еще один шанс. Не обманись снова, Бёртон».

Три дня спустя он все еще сомневался насчет Геринга.

Бёртон представился Абдулом ибн Гаруном, жителем Каира из девятнадцатого века. У него был целый ряд причин для такого маскарада. Прежде всего — он прекрасно говорил по-арабски, знал каирский диалект тех времен и вдобавок мог покрыть голову тюрбаном, свернутым из полотнища ткани. Он надеялся, что это поможет ему изменить внешность. Геринг никому ни слова не сказал о том, что все это камуфляж. Бёртон в этом не сомневался, поскольку большую часть времени они с Герингом проводили бок о бок. Они разместились в одной хижине на то время, пока привыкали к местным установлениям и проходили испытательный срок. В частности — занимались усиленной военной подготовкой. Бёртон считался одним из лучших фехтовальщиков девятнадцатого века и, кроме того, знал все тонкости боя с оружием и голыми руками. Продемонстрировав свои способности в ряде испытаний, он заработал предложение стать новобранцем. На самом деле ему даже пообещали произвести его в инструкторы, как только он как следует выучит местный язык.

Геринг почти так же быстро завоевал уважение местных жителей. Сколько бы ни было у него недостатков, в мужестве ему отказать было нельзя. Он был физически силен и ловок, обаятелен и приятен, когда это помогало ему в достижении целей, и не отставал от Бёртона в изучении языка. Ему удавалось быстро завоевывать власть и пользоваться ею, как и подобало бывшему рейхсмаршалу гитлеровской Германии.

Этот участок западного побережья населяли люди, говорящие на языке, Бёртону совершенно не известном, хотя он слыл полиглотом и на Земле, и в мире Реки. Выучив достаточно слов, что-

бы иметь возможность задавать вопросы, он понял, что здешние жители обитали где-то в Центральной Европе в раннем бронзовом веке. У них были довольно странные обычаи, одним из которых являлось публичное совокупление. Это представлялось Бёртону чрезвычайно интересным. Он в тысяча восемьсот шестьдесят третьем году основал в Лондоне Королевское антропологическое общество и повидал много диковинок во время странствий по Земле. Участвовать в этом ритуале он не участвовал, но и шокирован не был.

А вот другую традицию он принял с радостью — обычай подрисовывать усы и бороды. Мужчины сопротивлялись тому, что Воскресители навсегда лишили их растительности на лице вместе с крайней плотью. С последним оскорблением личности они ничего поделать не могли, но до некоторой степени могли исправить другое упущение. Они раскрашивали подбородки и место над верхней губой темной жидкостью, изготовленной из измельченного древесного угля, рыбьего клея, дубового танина и еще нескольких ингредиентов. Более терпеливые пользовались этим красителем для татуировки и подвергались долгой и болезненной процедуре, производимой с помощью острой бамбуковой иглы.

Теперь Бёртон был вдвойне замаскирован, однако судьба его зависела от милости человека, способного предать его при первой возможности. Он был не против того, чтобы привлечь внимание этиков, но не хотел, чтобы этики поняли, кто он такой.

А еще Бёртон желал быть уверенным в том, что ему удастся улизнуть, пока его не обставят ловчими сетями. Он вел опасную игру — все равно что идти по туго натянутому канату над стаей голодных волков,— но Бёртону это нравилось. Убежать он мог только тогда, когда это станет совершенно необходимым. А пока же он будет жертвой, охотящейся за охотником.

Но мысли его не покидало видение Туманной Башни и Великого Грааля. Зачем играть в «кошки-мышки», когда он мог пойти на штурм замка, в котором, как он предполагал, находилась штаб-квартира этиков? Ну, пускай не на штурм, пускай он прокрадется в Башню, проберется туда так, как мышь пробирается в дом — или в крепость. И пока кошки будут искать в другом месте, мышь сможет обратиться в тигра.

Когда к Бёртону приходили такие мысли, он смеялся и зарабатывал недоуменные взгляды двоих сожителей по хижине — Геринга и англичанина из семнадцатого века, Джона Коллопа. А сме-

ялся он потому, что сам себе казался почти смешон в роли тигра. С какой только стати он считал, что ему, одному-единственному человеку, под силу чем-то повредить тем, кто способен изменять планеты, воскрешать миллиарды мертвых, питать и поддерживать тех, кто вернулся к жизни? Бёртон сжимал руки и знал, что в них и внутри того мозга, что ими управлял, заключено поражение этиков. Что за опасность пряталась внутри его — этого он не знал. Но они боялись его. Если бы только он мог понять почему.

Но смеялся над собой он только отчасти. Другая его половина верила в то, что он — тигр среди людей. «Каким человек себя считает, таков он и есть»,— бормотал Бёртон.

— Странно ты смеешься, друг мой,— сказал как-то Коллоп.— Что-то у тебя в смехе женское для такого мужественного человека. Похоже на... будто брошенный камень скользит по поверхности замерзшего озера. Или на лай шакала.

— Есть во мне что-то от шакала и гиены,— согласился Бёртон.— Так утверждали мои враги — и они были правы. Но во мне есть нечто большее.

Он встал с постели и принялся разминать затекшие за ночь мышцы. Через несколько минут он отправится вместе с остальными к питающему камню на берег Реки и заправит цилиндр. Потом настанет час обхода территории. Потом — муштра, потом обучение владению копьем, дубинкой, пращой, обсидиановым мечом, луком и стрелами, каменным топором, обучение рукопашному бою. Час на отдых и разговоры за вторым завтраком. Потом — час обучения языку. Два часа тяжелой работы по строительству укреплений на границах маленького государства. Полчаса отдыха, а потом обязательный забег на милю для укрепления здоровья. Потом — обед из заправленного грааля, потом — свободный вечер для всех, кроме тех, кому предстоял дозор или другие обязанности.

Подобного распорядка придерживались в крошечных государствах вверх и вниз по Реке. И почти везде человечество либо вело войны, либо к ним готовилось. Люди должны были держать себя в форме и знать, как драться на славу. Кроме того, муштра обеспечивала занятость населения. Как бы ни была монотонна жизнь по законам военного времени, она все равно была лучше, чем праздное сидение на месте и размышления о том, чем бы занять-

ся. Отсутствие забот о хлебе насущном, покупке земли, уплате налогов, мелочных хлопот и обязанностей, которые наполняли жизнь людей на Земле и от которых они там страдали, нельзя было назвать благословенным. Шла постоянная борьба с бездельем, и руководители всех государств стремились придумать, чем занять свой народ.

В долине Реки должен был бы возникнуть рай, а шла война, война, война. И если отвлечься от мелочей, то война, по мнению некоторых, была здесь хороша! Она придавала жизни смысл и отвлекала от скуки. Злоба и агрессивность человека приобретали ценность.

После обеда все мужчины и женщины были вольны заниматься, чем их душе угодно, лишь бы только не нарушали местных законов. Можно было менять сигареты и спиртное из своего грааля или рыбу, пойманную в Реке, на лучший лук и стрелы, щиты, миски и чашки, столы и стулья, бамбуковые флейты, глиняные дудки, барабаны, обтянутые человеческой кожей или рыбьей шкурой, редкие камни (которые действительно попадались редко), ожерелья из красиво обточенных и раскрашенных костей глубоководных рыб, из яшмы или резного дерева, на обсидиановые зеркала, сандалии и туфли, рисунки древесным углем, на редкую и дорогую бамбуковую бумагу, чернила и перья из рыбьих костей, шляпы из длинной и крепкой травы, растущей на холмах, на арфы из дерева со струнами, изготовленными из кишок рыбы-дракона, на дубовые колечки для пальцев рук и ног, на глиняные статуэтки и другие вещи, полезные или красивые.

А потом, естественно, наступало время любви, которой Бёртон и его товарищи по хижине пока были лишены. Только тогда, когда их станут считать полноценными гражданами, им позволят перебраться в отдельные жилища и жить с женщинами.

Джон Коллоп был невысоким хрупким юношей с длинными соломенными волосами, узким и симпатичным лицом и большими синими глазами, обрамленными очень длинными, загибающимися кверху черными ресницами. Во время первого разговора с Бёртоном он представился и сказал:

— Я явился из мрака материнской утробы — откуда же еще? — на свет Божий на Земле в тысяча шестьсот двадцать пятом году. Слишком скоро я снова сошел во мрак утробы матери-природы, веря в воскрешение, и, как видите, не разочаровался. Хотя я дол-

жен признаться, что эта загробная жизнь не такова, о какой мне говорили мои наставники. Но ведь как они могли знать истину, бедняги, слепцы, поводыри слепцов?

Довольно скоро Коллоп признался Бёртону, что был членом Церкви Второго Шанса.

Бёртон удивленно вздернул брови. Он встречал приверженцев этой новой религии во многих местах на берегах Реки. А Бёртон, сам будучи неверующим, почитал своим долгом изучать со всем тщанием любые верования. Узнай веру человека — и можешь считать, что ты его знаешь хотя бы наполовину. Узнай, кто его жена,— и будешь знать о нем все остальное.

У Церкви имелось несколько несложных догматов, некоторые основывались на фактах, но большая часть — на надежде и желании. В этом она ничем не отличалась от религий, народившихся на Земле. Однако адепты Церкви Второго Шанса имели одно преимущество перед последователями любой из земных религий: они без труда могли доказать, что мертвый человек воскресает — и не раз.

— Но почему человечеству был дан второй шанс? — спрашивал Коллоп негромким серьезным голосом.— Разве оно это заслужило? Нет. За редким исключением люди глупы, ничтожны, мелки, злонамеренны, узколобы, безмерно эгоистичны, сварливы и отвратительны. От взгляда на них богов — или Бога — должно бы тошнить. Но в этой божественной блевотине должен содержаться сгусток сострадания, да простится мне такое сравнение. Человек, как бы низок он ни был, содержит внутри серебряный стержень божественности. То, что человек создан по образу и подобию Божьему, не пустые слова. В самом худшем из нас есть нечто, за что он достоин спасения, кроха, из которой можно создать нового человека.

Кто бы ни был тот, кто дал нам новую возможность спасти наши души,— он знает правду. Нас поместили на эту планету, в долину этой Реки, под чужие небеса, для того, чтобы мы спаслись. Но сколько у нас времени для этого, не знаю ни я, ни глава Церкви. Может быть, вечность, а может быть, всего сто лет или тысяча. Но мы должны использовать все время, которое нам отпущено, друг мой.

Бёртон возразил:

— Но разве тебя не принесли в жертву на алтаре Одина норвежцы, исповедующие древнюю религию, хотя этот мир — во-

все не Валгалла, обещанная их жрецами? Разве тебе не кажется, что ты понапрасну терял время, умоляя их о пощаде и проповедуя свою веру? Они верят во все тех же древних богов, и теология их изменилась только в том, что они чуть-чуть приспособили ее к здешним условиям — так же как ты цепляешься за свою веру.

— У норвежцев нет объяснения тому, почему они попали в новую жизнь,— ответил Коллоп,— а у меня есть. У меня есть разумное объяснение, и его со временем воспримут норвежцы и станут верить в него так же преданно, как верю я. Меня они убили, но придет другой миссионер, обладающий лучшим даром убеждения, и станет говорить с ними, пока они не уложат его в деревянные объятия своего деревянного идола и не проткнут ему сердце. Если и он не убедит их, убедит следующий миссионер.

На Земле Церковь росла на крови мучеников. Здесь это еще справедливее. И если ты убиваешь человека для того, чтобы заткнуть ему рот, он воскресает вновь в другом месте у Реки. И человек, которого убили в сотнях тысяч миль отсюда, приходит, чтобы сменить предыдущего мученика. В конце концов Церковь победит. И тогда люди прекратят эти бесполезные человеконенавистнические войны и вернутся к настоящему делу — единственному настоящему делу, делу обретения спасения.

— То, что ты говоришь о мучениках, имеет смысл лишь для тех, кто достиг просветления,— возразил Бёртон.— Грешник, которого убили, тоже воскресает, чтобы творить зло в другом месте.

— Добро победит, истина всегда одерживает верх,— упрямо проговорил Коллоп.

— Вот уж не знаю, много ли где ты побывал на Земле и долго ли прожил,— буркнул Бёртон,— но, видно, и того и другого тебе не хватило, раз ты так слеп. Мне лучше знать.

Коллоп гнул свое:

— Церковь стоит не только на одной вере. Она располагает многими фактами и вещественными доказательствами, на которых основывает свое учение. Скажи мне, друг мой Абдул, слышал ли ты когда-нибудь о том, чтобы кто-то воскрес мертвым?

— Парадокс! — воскликнул Бёртон.— Как это понимать — воскрес мертвым?

— Отмечено три достоверных случая и еще четыре, о которых Церкви известно понаслышке. Речь идет о мужчинах и женщинах, которые были убиты в одних местах у Реки и перенесены в

другие. Как ни странно, тела их были восстановлены, но мертвы. Ну и почему же это произошло?

— Даже представить себе не могу! — воскликнул Бёртон.— Это ты мне скажи. Я слушаю, поскольку ты говоришь вполне авторитетно.

На самом деле он очень даже мог себе это представить, поскольку слышал этот рассказ в других местах. Но ему хотелось установить, сходится ли рассказ Коллопа с рассказами прочих.

Все сошлось, и даже имена «мертвовоскресших». Рассказ утверждал, что опознали их те, кому они были знакомы по Земле. Все эти люди были если не святыми, то праведниками, а один из них на Земле был канонизирован. Предположение же высказывалось такое: они достигли состояния святости, при котором отпадала необходимость проходить через «чистилище» Речной планеты. Их души «ушли» куда-то, а лишний груз тел остался на земле у Реки.

Скоро, говорила Церковь, больше людей достигнет такого состояния. И их тела будут оставаться на планете. Постепенно, через долгое время планета станет необитаемой. Все откажутся от греховности, ненависти и просветятся любовью к людям и Богу. Даже самые неисправимые, совсем потерянные смогут уйти из своей физической оболочки. И чтобы заслужить эту милость, нужно одно: любовь.

Бёртон вздохнул, громко рассмеялся и сказал:

— «Plus ça change, plus c'est la même chose»*. Еще одна сказочка, чтобы подарить людям надежду. Старые религии развенчаны — хотя некоторые отказываются даже в этом признаваться,— значит, надо придумать новые.

— Но ведь это имеет смысл,— не унимался Коллоп.— У тебя есть лучшее объяснение тому, зачем мы здесь оказались?

— Может быть. Я тоже умею придумывать сказки.

На самом деле объяснение у Бёртона было. Но он не хотел о нем рассказывать Коллопу. Спрюс поведал кое-что о сущности, истории и целях своей группы — этиков. Многое из того, о чем он говорил, сходилось с богословием Коллопа.

Спрюс покончил с собой, не объяснив ничего о «душе». Вероятно, «душа» имела отношение ко всей организации воскрешения. В противном случае, когда тело обретало «спасение», но

* Чем больше меняется, тем больше становится самим собой *(фр.)*.

больше не жило, нечего было бы привнести в него. И поскольку у послеземной жизни существовало физическое объяснение, «душа» также должна была являться некой физической сущностью, а не нарекаться чем-то сверхъестественным, как на Земле.

Многого Бёртон не знал. Но он единственный из всех людей заглянул в рабочий механизм Речной планеты.

И, располагая этим малым знанием, он собирался проложить себе путь к знаниям большим, открыть крышку и заглянуть в святая святых. А для того чтобы сделать это, он должен был добраться до Туманной Башни. А добраться туда быстро можно было только на Самоубийственном Экспрессе. Сначала его должен заметить этик. Потом он должен одолеть этика, сделать так, чтобы тот не смог убить себя, и каким-то образом выудить у него как можно больше знаний.

Пока же он продолжал играть роль Абдула ибн Гаруна — египетского хирурга из девятнадцатого века, а ныне — жителя Баргонджиша. И в этой роли он решил вступить в Церковь Второго Шанса. Он объявил Коллопу о том, что разуверился в Магомете и его учении и стал первым неофитом Коллопа в этих краях.

— Но ты должен поклясться, что не станешь применять оружие против любого человека и даже не будешь защищаться физически от нападения, мой милый друг,— предупредил его Коллоп.

Бёртон возмутился и объявил, что не позволит никому ударить его и остаться безнаказанным.

— Это неестественно,— тихо проговорил Коллоп.— Это противоречит обычаям, верно. Но человек может стать не таким, каким был раньше, он может стать лучше — если у него будут сила воли и желание.

Бёртон яростно бросил «нет» и ушел. Коллоп грустно покачал головой, но продолжал оставаться таким же дружелюбным, как и раньше. У него было неплохое чувство юмора, и порой он обращался к Бёртону, называя того своим пятиминутным неофитом, имея при этом в виду не то время, которое он затратил на обращение Бёртона в свою веру, а то, которое тот пробыл обращенным.

Прошло время, и у Коллопа появился новый неофит. Раньше немец только хихикал да отпускал по адресу Коллопа издевательские шуточки. Потом он снова начал жевать мечтательную резинку, и у него начались кошмары.

Две ночи он не давал Бёртону и Коллопу спать своими стонами и вскриками. Вечером третьего дня он спросил у Коллопа, не примет ли тот его в свою Церковь. Но ему пришлось исповедаться. Коллоп должен был понять, каким человеком он был — и на Земле, и на этой планете.

Коллоп выслушал ассорти из самоуничижения и самовосхваления, после чего изрек:

— Друг, мне все равно, каким ты был. Мне небезразлично только то, каков ты теперь и каким будешь. Я слушал тебя потому, что исповедь душе полезна. Я вижу, что ты в большой беде, что ты впал в сожаления и тоску о том, что сотворил, и все же тебя радовало то, кем ты некогда был — могущественным вождем среди людей. Многое из того, о чем ты мне рассказал, мне непонятно, потому что я мало знаю о твоем времени. Но это не имеет значения. Мы должны печься только о сегодняшнем и завтрашнем дне. Всякий день сам о себе позаботится.

А Бёртону показалось, что дело было не в том, что Коллопа не интересовало, кем был Геринг, а в том, что он не поверил его повести о земной славе и бесславии. И благородные герои, и злодеи здесь сами о себе распускали бесчисленные и невероятные слухи. Бёртон уже повстречал троих, именовавших себя Иисусом Христом, двоих Авраамов, четверых королей Ричардов Львиное Сердце, шестерых Аттил, десяток Иуд (из которых только один умел говорить по-арамейски), Джорджа Вашингтона, двоих лордов Байронов, троих Джесси Джеймсов, множество Наполеонов, генерала Кастера*, говорившего с ужасающим йоркширским акцентом, Финна Мак-Кула, не знавшего древнеирландского языка, Чаку**, который говорил не на том, на каком надо бы, зулусском диалекте, и еще целую кучу народа, которые были или не были теми, за кого себя выдавали.

Кем бы ни был человек на Земле, здесь он должен был занять свое место. А это давалось нелегко, поскольку условия радикально переменились. Великие и важные земляне испытывали постоянные унижения, доказывая, кто они такие, а порой им это и не удавалось.

---

* Джордж Армстронг Кастер (1839–1876) — американский генерал кавалерии, сражавшийся на стороне Северных Штатов в Гражданской войне.

** Чака (ок. 1787–1828) — зулусский правитель, объединитель южноафриканских племен. В последние годы — деспотический правитель. Убит в результате заговора.

А вот для Коллопа унижение несло благодать. «Сначала унижение, потом смирение»,— любил говаривать он. Ну а потом, естественно, следовала человечность.

Для Геринга «Великий Проект» — так называл Бёртон всю затею воскрешения человечества — стал ловушкой, поскольку в его натуре всегда присутствовала страсть к излишествам, а особенно — к наркотикам. Зная, что мечтательная резинка вытаскивает из мрака его подсознания всякие страхи, что он разваливается на части, распадается, он все равно продолжал жевать ее — столько, сколько мог раздобыть. Некоторое время, вернувшись к жизни после очередного воскрешения, он сумел подавлять тягу к наркотику. Но через несколько недель после того, как обосновался на новом месте, не выдержал, и теперь по ночам хижина оглашалась его воплями: «Герман Геринг, я тебя ненавижу!»

— Если так и дальше пойдет,— сказал Бёртон Коллопу,— он сойдет с ума. Или покончит с собой, или вынудит кого-нибудь убить его, чтобы убежать от самого себя. Но самоубийство не поможет, оно станет бесконечным. Так скажи мне теперь откровенно, разве это не ад?

— Скорее чистилище,— ответил Коллоп.— Чистилище — это ад, где есть надежда.

Глава 24

Прошло два месяца. Бёртон считал дни, делая зарубки кремневым ножом на сосновой палочке. Тот день был четырнадцатым днем седьмого месяца 5 П. В.— пятого года после воскрешения. Бёртон старался вести календарь, поскольку, помимо всего прочего, был и летописцем. Однако это было непросто. Время мало что значило на Реке. Полярная ось планеты всегда имела наклон в девяносто градусов к эклиптике. Не было тут смены времен года, звезды, казалось, теснили друг дружку и делали невозможным как определение светимости, так и объединение их в созвездия. Их было так много и они были так ярки, что даже полуденное солнце некоторые из них не затмевало. Словно призраки, не желающие исчезать с наступлением дня, они пылали в раскаленном небе.

И все-таки человек нуждается во времени, как рыба — в воде. И если у него нет времени, он его изобретает. Так что для Бёртона этот день был четырнадцатым июля пятого года П. В.

А Коллоп, как и многие другие, отсчитывал время так, как если бы оно продолжалось от года его земной кончины. Он не верил в то, что его сладчайший Иисус изменил ему. Он считал эту Реку Иорданом, а эту долину — юдолью печали за тенью смерти. Он признавал, что эта загробная жизнь не такова, как он ожидал. Но во многом, как он полагал, эти места еще более прекрасны. Для Коллопа они являли собой свидетельство всепоглощающей любви Господа к Его созданиям. Он дал всем людям, в том числе и тем, кто этого не заслуживал, второй шанс. Пусть это место и не Новый Иерусалим — значит, это место для того, чтобы его здесь воздвигнуть. Здесь из кирпичей — любви к Господу, и строительного раствора — любви к ближнему,— нужно строить, обжигая кирпичи и замешивая раствор. А печь для обжига и емкость для раствора — эта Планета Реки.

Бёртон над этими рассуждениями посмеивался, но Коллопа как человека полюбил. Коллоп был умен. Он не швырял в жерло печи своей доброты страницы богословских книг. Он действовал не под давлением обстоятельств. Он горел пламенем, которое питало его суть, а суть его была любовь. Любовь даже к тем, кого полюбить, казалось бы, невозможно,— а такая любовь встречается крайне редко.

Он рассказал Бёртону немного о своей земной жизни. Он был врачом, фермером, либералом с непоколебимой верой в свои религиозные убеждения, однако ему не давали покоя вопросы о собственной судьбе и состоянии общества его времени. И еще он был поэтом, который был широко известен недолгое время, а потом забыт. Он сочинил стихи — призыв к религиозной терпимости, которые в свое время вызвали как восторг, так и возмущение.

Пусть, Господи, любой увидит наконец
Былые чудеса, что мне Тобой даны.
Здрав прокаженный, зряч слепец
И мертвые Тобой воскрешены.

— Эти строки, может быть, и умерли, но не умерла высказанная в них истина,— сказал Коллоп Бёртону. Он обвел рукой Реку, горы, людей.— И ты сможешь увидеть это, если откроешь глаза и перестанешь твердить свою глупую выдумку о том, что все это — создание рук таких же людей, как мы. Или оставайся при

своем мнении... Все равно эти этики всего-навсего выполняют работу их Создателя.

— Мне больше по душе другие твои строки,— сказал Бёртон:

Душа моя, оставь унынье,
Не уставай же вверх идти,
И Искру, дар Небес Господних
Огнем ты Небу возврати!

Коллоп обрадовался, хотя и не предполагал, что Бёртон вкладывает в эти строки не тот смысл, который вложил он сам.

— «Огнем ты Небу возврати».

А это означало, что нужно каким-то образом добраться до Туманной Башни, раскрыть тайны этиков и обернуть их изобретения против них. Бёртон не испытывал к ним благодарности за то, что они дали ему новую жизнь, он был возмущен тем, что они сделали это, не спросив его согласия. Если они хотели от него благодарности, почему они не сообщили ему о том, зачем дали ему второй шанс? Почему они хранили в тайне свои намерения? Он должен узнать почему. Та искра, которую они зажгли в нем, должна была разгореться яростным пламенем и сжечь их.

Он проклинал судьбу за то, что она забросила его в места, столь близкие к истокам Реки, а значит — и к Башне, а через несколько минут снова отбросила его назад, в края где-то в среднем течении Реки, на миллионы миль от цели. Но если он раз там побывал, он попадет туда снова. Но не на лодке — такое путешествие отнимет не меньше сорока лет, а может, и больше. Да еще по пути можно тысячу раз попасть в плен или в рабство. А если его по дороге убьют, он может оказаться, будучи воскрешенным заново, еще дальше от цели, и тогда придется все начинать сначала.

Правда, с другой стороны, если учесть случайность перемещения после смерти, он может снова попасть в то место неподалеку от истоков Реки. Именно поэтому Бёртон подумывал о том, чтобы снова воспользоваться Самоубийственным Экспрессом. Но все-таки, даже понимая, что смерть здесь — явление временное, ему нелегко было предпринять необходимый шаг. Разум говорил ему, что смерть — всего лишь билет на Экспресс, а тело протестовало. Яростный бунт клеток тела был сильнее воли.

Некоторое время он убеждал себя в том, что его интересует изучение традиций и языков людей из доисторических времен,

среди которых он жил. А потом возобладала честность, и он стал признаваться себе в том, что он всего-навсего ищет оправдания, чтобы оттянуть печальное мгновение. И все же он ничего не предпринимал.

Бёртон, Коллоп и Геринг перебрались из своих холостяцких бараков и смогли вести обычную жизнь полноценных граждан. Каждый обосновался в отдельной хижине и в течение недели нашел женщину, которая согласилась жить с ним. Церковь Коллопа не требовала от своих членов безбрачия. Они могли, если хотели, дать такой обет. Но Церковь рассуждала так: мужчины и женщины воскрешены, обладая всеми признаками пола (или, если они были лишены этих признаков на Земле, здесь они к ним вернулись). Не оставалось сомнений в том, что тот, от кого зависело воскрешение, предполагал, что секс должен присутствовать в жизни людей. Хорошо известно, хотя некоторые это и отрицают, что у секса помимо репродуктивной есть и другие функции. Так что вперед, молодежь, катайтесь по травке.

Другим итогом непредсказуемой логики Церкви стало то, что были дозволены все формы любви (кстати говоря, это заставляло многих сомневаться в истинности Церкви), лишь бы все происходило по обоюдному желанию, без принуждения и жестокости. Только принуждение детей к сожительству было запрещено. Но эта проблема через несколько лет должна была исчезнуть сама собой. Все дети должны были повзрослеть.

Коллоп отказался завести себе сожительницу только для того, чтобы дать выход своим сексуальным устремлениям. Он хотел жить только с любимой им женщиной. Бёртон из-за этого над ним подшучивал и говорил, что с этим предрассудком легко покончить. Ведь Коллоп, по его собственным словам, любил все человечество, так что теоретически должен бы взять в подруги первую же женщину, которая ответит ему согласием.

— На самом деле, друг мой,— ответил ему Коллоп,— именно это и произошло.

— Стало быть, то, что она красива, страстна и умна,— это всего лишь совпадение? — спросил Бёртон.

— Хотя я и стремлюсь к тому, чтобы быть выше человека, а скорее к тому, чтобы быть человеком совершенным, я слишком человек,— отозвался Коллоп и улыбнулся.— Неужели я стал бы истязать себя добровольно, выбрав себе в подруги какую-нибудь уродину?

— Думаю, ты еще глупее меня в этом смысле,— сказал Бёртон.— Что до меня, то мне в женщине нужны только красота и притягательность. До ее ума мне никакого дела нет. И еще я предпочитаю блондинок. Есть во мне какая-то струнка, которая начинает звенеть, когда к ней прикасаются пальчики золотоволосых женщин.

Геринг привел в свою хижину настоящую валькирию — высокую, полногрудую, широкоплечую шведку из восемнадцатого века. Бёртон поинтересовался, не была ли эта дама копией бывшей жены Геринга, невестки шведского путешественника графа фон Розена. Геринг признался в том, что его подруга не только внешне похожа на Карен, но даже голос у нее такой же. Похоже, он был со своей избранницей счастлив, да и она вроде бы тоже.

А потом, как-то ночью, во время неизменного предутреннего дождя, Бёртон очнулся от глубокого сна.

Ему показалось, что он слышал крик, но, когда окончательно проснулся, услышал только раскат грома и треск ударившей неподалеку молнии. Бёртон закрыл глаза, но тут же снова проснулся. В соседней хижине кричала женщина.

Бёртон вскочил, распахнул бамбуковую дверь и высунул голову из хижины. На лицо его упали капли холодного дождя. Кругом было темно — хоть глаз выколи. Только горы на западе озарялись вспышками молний. А потом молния сверкнула так близко, что Бёртон на несколько мгновений оглох и ослеп. Но все-таки успел разглядеть две белые фигуры рядом с хижиной Геринга. Немец сжимал горло женщины, а та схватила его за руки и пыталась оттолкнуть.

Бёртон выбежал из хижины, поскользнулся на мокрой траве и упал. Когда он поднимался, снова блеснула молния, и Бёртон увидел, что женщина стоит на коленях, запрокинувшись назад, а над ней — искаженное злобой лицо Геринга. В этот миг из своей хижины выбежал Коллоп, обернувший вокруг пояса полосу ткани. Бёртон поднялся на ноги и, не говоря ни слова, побежал. Но Геринг уже исчез. Бёртон опустился на колени рядом с Карлой, пощупал пульс. Сердце ее не билось. Снова сверкнула молния и озарила лицо женщины — рот широко раскрыт, глаза выпучены.

Бёртон встал и крикнул:

— Геринг! Где ты?

И тут же, получив удар чем-то тяжелым по затылку, упал ничком на траву.

Бёртон едва не потерял сознание, но ухитрился подняться на четвереньки, после чего распластался на траве, получив новый тяжелый удар. В полубессознательном состоянии он сумел-таки перекатиться на спину и выбросил перед собой руки и ноги, чтобы защититься. Вспышка молнии осветила стоявшего над ним Геринга, сжимавшего в руках дубинку. Лицо у него было совершенно безумное.

Сгустился мрак. Что-то белое и туманное выпрыгнуло из тьмы и набросилось на Геринга. Два бледных тела упали на траву около Бёртона и покатились. Оба кричали, словно мартовские коты. Новая вспышка молнии озарила дерущихся, и стало видно, как они вцепились друг в друга.

Бёртон, пошатываясь, встал на ноги и бросился к ним, но был сбит с ног Коллопом, которого отшвырнул от себя Геринг. Он снова поднялся. Коллоп тоже вскочил и кинулся к Герингу. Раздался громкий треск, и Коллоп упал. Бёртон попробовал догнать Геринга, но ноги не слушались его и увели в сторону. Опять полыхнула молния, прогремел гром, и Бёртон увидел Геринга так, словно смотрел на него глазами фотографа, снимающего немца в тот момент, когда тот размахнулся дубинкой.

Бёртон получил удар по руке, и рука онемела. Теперь его не слушались не только ноги, но и левая рука. И все же он поднял правую руку и попытался замахнуться. Снова раздался треск. Ребра Бёртона не выдержали и словно бы провалились внутрь грудной клетки. Дыхание ушло из его груди, и он снова повалился на холодную и мокрую траву.

Что-то упало рядом с ним. Несмотря на боль, Бёртон дотянулся до упавшего предмета. В руке его оказалась дубинка — видимо, Геринг выронил ее. Вздрагивая при каждом вдохе, приносившем боль, Бёртон встал на одно колено. Где этот безумец? Две тени танцевали и расплывались, сливались в одну и снова разделялись. Хижины! В глазах у Бёртона двоилось. Только он подумал, уж не получил ли сотрясение мозга, как в свете блеснувшей вдалеке молнии различил фигуру Геринга. Вернее — две фигуры Геринга. Одна из них как бы сопровождала другую. Левая стояла на земле, а правая висела в воздухе.

Обе фигуры подняли руки вверх, словно Геринг хотел омыть руки дождем. Но когда обе фигуры обернулись и пошли к Бёр-

тону, он понял, что происходит. Они кричали по-немецки (одним голосом):

— Омой кровь с рук моих! О боже, омой ее!

Бёртон поплелся к Герингу, подняв над собой дубинку. Он только собрался сбить немца с ног, как Геринг развернулся и побежал прочь. Бёртон, хромая, кинулся следом. Они спустились с холма, поднялись на другой, выбежали на широкую равнину. Дождь прекратился, молнии и гром утихли, а через пять минут, как обычно, рассеялись тучи. Белую кожу Геринга озарил звездный свет.

Словно привидение, он мчался впереди своего преследователя и, судя по всему, направлялся к Реке. Бёртон не отставал от немца, хотя сам не мог понять почему. Ноги слушались намного лучше, почти как раньше, в глазах прояснилось, перестало двоиться. Наконец он нагнал Геринга. Тот присел на корточки у Реки и уставился, не отрываясь, на волны, отражавшие своими изломами свет звезд.

— Очухался? — спросил его Бёртон.

Геринг вздрогнул. Он начал было вставать, но передумал. Застонав, он опустил голову на колени.

— Я понимал, что делаю, но не понимал почему,— проговорил он.— Карла говорила, что утром уйдет от меня, говорила, что не может спать в шуме — так сильно я кричу, когда вижу ночные кошмары. А я так странно себя вел: я умолял ее остаться, говорил ей, как сильно люблю ее, что умру, если она меня покинет. А она отвечала, что я ей нравлюсь, вернее, нравился, но что она меня не любит. И вдруг мне показалось, что для того, чтобы удержать ее, я должен ее убить. Она, крича, выбежала из хижины. Остальное ты знаешь.

— Я был готов убить тебя,— признался Бёртон.— Но понимаю, что ты просто безумен. Однако местный народ тебя не простит. Ты же знаешь, что с тобой сделают: повесят за ноги головой вниз, и будешь так висеть, пока не сдохнешь.

Геринг выкрикнул:

— Я ничего не понимаю! Что со мной творится! Эти кошмары! Поверь мне, Бёртон, если я согрешил, я расплатился за это! Но я не могу перестать расплачиваться! Мои ночи — это кромешный ад. А скоро и дни станут адом! Тогда у меня останется единственный способ обрести покой! Я убью себя! Но какой от этого толк! Я очнусь — и снова ад!

— Воздерживайся от мечтательной резинки,— сказал Бёртон,— и все пройдет. Ты сможешь. Ты ведь говорил мне, что бросил морфий на Земле.

Геринг встал и посмотрел Бёртону прямо в глаза:

— То-то и оно! Я не прикасался к резинке с тех пор, как попал сюда.

— Что?! — вырвалось у Бёртона.— Да я готов поклясться, что...

— Ты подумал, что я так дико себя вел, потому что нажевался резинки! Нет, ни капельки не жевал! Но разницы никакой.

Несмотря на всю злобу на Геринга, Бёртону стало жаль его. Он сказал:

— Ты сам открыл свой ящик Пандоры и, похоже, не сумеешь захлопнуть крышку. Не знаю, чем это кончится, но мне не хотелось бы быть на твоем месте, хотя я не сказал бы, что ты этого не заслужил.

Геринг произнес тихо, но решительно:

— Я одолею их.

— Хочешь сказать, что победишь самого себя,— сказал Бёртон.— И что же ты собираешься предпринять?

Геринг махнул рукой в сторону Реки.

— Утоплюсь. Начну все сначала. Может быть, в новом месте мне больше повезет. Ну и конечно, мне неохота, чтобы меня подвесили, как цыпленка в лавке мясника, вверх лапками.

— Ну, тогда au revoir* — попрощался Бёртон.— И удачи тебе.

— Спасибо. Знаешь, ты мужик неплохой. Только выслушай один совет.

— Какой?

— Лучше не привыкай к мечтательной резинке. Пока что тебе везло. Но в один прекрасный день она одолеет тебя так же, как одолела меня. У тебя будут другие бесы, не такие, как у меня, но тебя они будут так же пугать и мучить.

— Чушь! Мне нечего от себя скрывать! — воскликнул Бёртон и громко расхохотался.— Я этой дряни сжевал предостаточно, чтобы в этом не сомневаться.

Он ушел от берега, но думал о предупреждении Геринга. Двадцать два раза он жевал резинку. И всякий раз вынужден был клясться, что никогда не будет больше к ней прикасаться.

По пути к холмам Бёртон обернулся. Туманно-белесая фигура Геринга погружалась в воду Реки. Бёртон помахал немцу

* До свидания *(фр.)*.

рукой — не мог удержаться от трагического жеста. А потом он позабыл о Геринге. На время утихшая боль в затылке вернулась и стала острее, чем прежде. Колени его подогнулись, и, не дойдя всего несколько ярдов до хижины, он опустился на землю.

Наверное, потом он потерял сознание или впал в полуобморочное состояние, потому что не помнил, как его волокли по траве. Придя в себя, он обнаружил, что лежит на бамбуковой кровати в хижине.

Было темно, только свет звезд пробивался сквозь ветви деревьев, заслонявших окно. Бёртон повернул голову и увидел около кровати сплетенную из теней и белизны фигуру. Человек держал на уровне глаз тонкий металлический предмет, кончиком направленный к Бёртону.

Глава 25

Стоило Бёртону повернуть голову, как мужчина убрал предмет и заговорил по-английски:

— Мне пришлось долго искать тебя, Ричард Бёртон.

Бёртон стал шарить по полу, ища оружие левой рукой, скрытой от глаз пришельца. Но пальцы натыкались только на пыль.

— Теперь ты нашел меня, проклятый этик, и что ты будешь со мной делать?

Человек усмехнулся и слегка покачнулся.

— Ничего.— Немного помолчав, он проговорил: — Я не один из них.

Бёртон задохнулся, а мужчина снова улыбнулся и сказал:

— Я с ними, но не *из* них.

Он поднял предмет, который направлял на Бёртона.

— Это устройство говорит мне о том, что у тебя проломлен череп и ты получил сотрясение мозга. Судя по степени полученной травмы, ты должен был умереть, значит, ты очень живуч. Но ты сможешь выкарабкаться, если не будешь двигаться. К несчастью, у тебя нет времени на выздоровление. Другие знают, что ты в этой области, плюс-минус тридцать миль. Через пару дней тебя выследят.

Бёртон попытался сесть и обнаружил, что кости у него стали мягкие, как ириски под лучами солнца, а в затылке словно кинжал торчит. Застонав, он откинулся на спину.

— Кто вы такой и что вам надо?

— Своего имени я тебе назвать не могу. Если — вернее сказать, когда они найдут тебя, они сотрут твою память и вернут ее к тому состоянию, когда ты находился в предвоскресительной камере. Они не знают, почему ты очнулся раньше времени. Но они узнают об этом разговоре. Они даже сумеют увидеть меня — бледную тень с неразличимыми чертами лица. Они и голос мой услышат, но не узнают — я пользуюсь исказителем.

Но они испугаются. То, о чем они с неохотой и мало-помалу догадывались, вдруг станет правдой. В их рядах — предатель.

— Хотел бы я понять, о чем вы толкуете,— пробурчал Бёртон.

— Это я тебе скажу,— проговорил мужчина.— Тебе поведали чудовищную ложь о цели воскрешения. То, о чем вам говорил Спрюс, и то, чему учит это создание этиков — Церковь Второго Шанса,— все это ложь! Все ложь! А правда в том, что вам, людям, была дана новая жизнь только для того, чтобы вы участвовали в научном эксперименте. Этики — вот уж на редкость неудачное название — преобразили эту планету в сплошную долину Реки, расставили питающие камни и вернули всех вас к жизни с одной-единственной целью: записать ваши истории и традиции. Ну и еще — это уже второстепенно — понаблюдать за вашей реакцией на воскрешение и на то, как они перемешали народы в различных областях. Вот и все: это научный проект. А как только вы сыграете свою роль, вы отправитесь обратно — во прах!

И эти россказни насчет того, что вам дан второй шанс вечной жизни и спасения,— ложь! На самом деле мой народ не верит в то, что вы достойны спасения. Этики не считают, что у вас есть души!

Некоторое время Бёртон молчал. Мужчина, без сомнения, не врал. Ну, не то чтобы он был искренен, но, по крайней мере, очень взволнован — ведь он так тяжело дышал.

Наконец Бёртон проговорил:

— Не представляю, чтобы кто-то стал делать такие затраты и так трудиться только для того, чтобы провести научный эксперимент или создать исторические записи.

— На руках у бессмертных — масса времени. Ты удивишься, чего мы только не делаем, чтобы сделать вечность интересной. Имея столько времени, мы можем быть терпеливыми и осуществлять в конце концов самые невероятные проекты. После того как

умер последний землянин, несколько тысячелетий шли работы по подготовке воскрешения, хотя на последний этап ушел всего один день.

— А вы? — спросил Бёртон.— *Вы* что делаете? И почему вы делаете это?

— Я — единственный истинный этик из всей этой чудовищной расы! Мне не нравится беседовать с вами, словно вы — игрушки или объекты для наблюдения, лабораторные животные! В конце концов, как бы вы ни были примитивны и порочны, вы разумны! В каком-то смысле вы так же... так же...

Человек-тень взмахнул рукой-тенью, словно пытался выхватить из мрака нужное слово. Он продолжал:

— Придется для определения вас воспользоваться вашим же термином. Вы так же *человечны*, как мы. Точно так же, как недолюди, которые впервые воспользовались речью, были так же человечны, как вы. И еще вы — наши предки, праотцы. Насколько мне известно, может быть, я — твой прямой потомок. Вероятно, весь мой народ произошел от тебя.

— Сомневаюсь,— буркнул Бёртон.— У меня не было детей — по крайней мере насколько я знаю.

У него было множество вопросов, и он стал их задавать, но мужчина не обратил на это никакого внимания. Он прижал ко лбу свой прибор. Внезапно оторвав его ото лба, он прервал Бёртона на середине фразы:

— Я... нет, у вас нет такого слова... ну, скажем так: слушал. Они заметили мой ватан... кажется, у вас это называется аурой. Они не знают, чей именно это ватан, но знают, что он принадлежит этику, и через пять минут определят чей. Я должен идти.

Бледная фигура поднялась.

— И ты тоже должен уйти.

— Куда ты забираешь меня? — спросил Бёртон.

— Я — никуда. Ты должен умереть. Они должны найти только твое тело. Я не могу взять тебя с собой, это невозможно. Но если ты умрешь здесь, они тебя потеряют. А мы встретимся снова. Тогда!..

— Подождите! — крикнул Бёртон.— Не понимаю. Почему они не могут найти меня? Они построили всю технику для воскрешения. Неужели они не знают, где находится мой личный воскреситель?

Мужчина снова усмехнулся:

— Нет. Записи о людях с Земли визуальные, а не звуковые. А размещение людей в предвоскресительной камере было случайным, поскольку они планировали разбросать вас по берегам Реки в грубой хронологической последовательности в определенных сочетаниях. Только потом они собирались заняться вами в индивидуальном порядке. И уж конечно, они понятия не имели о том, что я восстану против них. Или о том, что я выберу несколько объектов наблюдения себе в помощь для того, чтобы разрушить их План. Так что они не знают, где и вы, и все остальные оказываются, когда воскресают в новом месте.

Конечно, ты, наверное, интересуешься, почему же я не настрою твой воскреситель так, чтобы ты оказался поблизости от цели, у истоков. На самом деле я его настроил именно так; когда ты впервые умер, то должен был оказаться у самого первого питающего камня. Но у тебя ничего не вышло; как я понимаю, тебя угробили титантропы. Меня постигла неудача, и с тех пор я не отваживаюсь приближаться к воскресительной камере, пока у меня не будет для этого веской причины. В камеру запрещено входить — это могут делать только облеченные соответствующей властью. Они подозрительны, они заподозрили утечку информации. Так что все зависит от тебя самого и от удачи — может быть, тебе доведется вернуться в район Северного полюса.

Что же до остальных, их воскресители я вообще не настраивал — просто не мог. Им придется жить по законам вероятности, как и тебе. А это значит — один шанс из двадцати миллионов.

— До остальных? — переспросил Бёртон.— Остальных? Почему вы выбрали нас?

— У тебя правильная аура. И у них тоже. Поверь, я знаю, что я делаю. Я выбрал верно.

— Но вы обмолвились, что разбудили меня раньше времени в предвоскресительной камере с какой-то целью. С какой?

— Только так вас можно было убедить, что воскрешение — не сверхъестественное событие. Именно из-за этого ты начал поиски этиков. Я прав? Конечно прав. Вот!

Он подал Бёртону крошечную капсулу.

— Проглоти ее. Ты немедленно умрешь и окажешься вне досягаемости для них — на некоторое время. А клетки твоего мозга будут настолько изменены, что они не смогут в них ничего прочесть. Спеши! Мне пора!

— А если не проглочу? — спросил Бёртон.— Что, если я позволю им схватить себя сейчас?

— Судя по твоей ауре, не стоит,— ответил мужчина.

Бёртон почти решился не глотать капсулу. И с какой это стати он должен позволить этому заносчивому гордецу руководить собой?

Потом он решил, что его не заставляют откусывать собственный нос для того, чтобы изменить лицо. На самом деле он мог либо играть по правилам, предложенным этим неизвестным, либо попасть в руки этиков.

— Хорошо,— сказал Бёртон.— А *вы* почему меня не убьете? Почему поручаете это дело мне?

Человек рассмеялся и сказал:

— В этой игре — определенные правила, но у меня нет времени их объяснять. Но ты умен, ты многие из них постигнешь самостоятельно. Одно из них состоит в том, что мы все-таки этики. Мы можем давать жизнь, но отбирать ее сами не можем. Не то чтобы это было для нас немыслимо или недоступно. Просто очень трудно.

Неожиданно человек исчез. Бёртон не стал медлить. Он проглотил капсулу. Ослепительная вспышка.

Глава 26

...И глаза его залил свет восходящего солнца. Бёртон успел быстро оглядеться, увидел цилиндр, стопку аккуратно сложенных полотнищ — и Германа Геринга.

А потом и его, и Бёртона схватила кучка низкорослых темнокожих людей со здоровенными головами и кривыми ногами. Они были вооружены копьями и каменными топорами. Кусками ткани они пользовались исключительно в качестве шейных платков. Длинные, очень жесткие волосы туземцев на лбу были перехвачены полосами кожи — вне всяких сомнений, человеческой. Внешность у них оказалась полумонголоидной, и разговаривали они на языке, Бёртону незнакомом.

На голову ему нацепили перевернутый вверх дном пустой граль, руки связали за спиной кожаным ремнем. Ослепленный, беспомощный, чувствуя, как в спину ему тычут каменными наконечниками копий, Бёртон пошел по равнине, подгоняемый

туземцами. Где-то неподалеку грохотали барабаны и распевали женские голоса.

Бёртон насчитал три сотни шагов, и тут его остановили. Барабаны смолкли, утихли женские голоса. Бёртон не слышал ничего, кроме стука крови в висках. Что за чертовщина? Может, он угодил на религиозный ритуал, согласно которому жертву следовало ослепить? Почему бы и нет? На Земле существовали племена, где ритуальная жертва не должна была видеть своих убийц, поскольку призрак мертвеца мог пожелать отомстить им.

Но эти люди уже должны бы были знать, что никаких призраков не существует. А может, они считали нынешних лазарей призраками, способными перемещаться туда, откуда они были родом, если их убить?

Геринг! Его тоже перенесли сюда. К одному и тому же питающему камню. Первый раз это могло быть совпадением, хотя вероятность и невелика. Но три раза подряд? Нет, это...

От первого удара край цилиндра больно стукнул его по голове, и он чуть не потерял сознание, в голове зазвенело, перед глазами вспыхнули искры, он упал на колени. Второго удара он не почувствовал и вновь очнулся уже в другом месте...

Глава 27

А с ним — Герман Геринг.

— Мы с тобой — родственные души,— сказал Геринг.— Похоже, нас повязали те, кто всем этим занимается.

— Бык и осел в одной упряжке,— сострил Бёртон, предоставив немцу решать, кто из двоих — он. Потом оба они занялись знакомством, вернее, попытками представиться людям, к которым на этот раз попали. Как позднее выяснил Бёртон, они оказались шумерами древнего или классического периода, а это означало, что обитали они в Междуречье между две тысячи пятисотым и две тысячи трехсотым годами до Рождества Христова. Здесь бытовал обычай брить головы (а это нелегко делать каменными ножами), а женщины разгуливали обнаженными по пояс. Фигуры у шумеров были приземистые, рост невысокий, глаза навыкате, лица (на вкус Бёртона) некрасивые.

Но зато тридцать процентов населения тут составляли доколумбовы самоанцы, а эти были намного привлекательнее. Ну и конечно, как везде, тут встречались люди из каких угодно времен и народов, а среди них преобладали выходцы из двадцатого века. Это было логично, поскольку они составляли четверть в общей численности человечества. Бёртон, конечно, не располагал научной статистикой, но за время странствий успел убедиться в том, что люди из двадцатого столетия встречались у Реки даже чаще, чем можно было ожидать. Вот еще одна особенность мира Реки, которой он не понимал. Чего этики хотели достичь подобным расселением?

Слишком много вопросов. Бёртон нуждался во времени для раздумий, а никакого времени не будет, если он то и дело станет отправляться в рейсы на Самоубийственном Экспрессе. В этой местности, в отличие от других, куда он мог попасть, существовали хоть какие-то покой и тишина, способствующие размышлениям. Так что он решил на некоторое время здесь задержаться.

И еще — Герман Геринг. Бёртону хотелось понаблюдать за его странным паломничеством. О многом хотел Бёртон расспросить Таинственного Незнакомца (думая о нем, он мысленно произносил эти слова с большой буквы) и в частности — о мечтательной резинке. Как она укладывалась в общую картину? Еще одна частица Великого эксперимента?

Увы, Геринг долго не протянул.

В первую же ночь он стал кричать. Он выбежал из хижины и побежал к Реке, то и дело останавливаясь и колотя руками по воздуху, словно сражался с кем-то невидимым, или падал и катался по траве. Бёртон добежал следом за ним до Реки. Тут Геринг приготовился нырнуть в воду, видимо решил утопиться. Но на миг он замер, задрожал, а потом вытянулся в струнку и застыл, словно статуя. Глаза его были открыты, но он ничего вокруг не видел. Зрение его было направлено внутрь. Какие ужасы он там видел, рассказать он никому не мог, поскольку у него отнялся язык.

Губы его беззвучно шевелились — все десять дней, которые он прожил. Все попытки Бёртона покормить Геринга оканчивались неудачей. Он крепко сжимал челюсти. Он таял у Бёртона на глазах, мышцы его как бы испарялись, кожа морщилась, он превратился в настоящий скелет. Как-то утром его скрутили конвульсии, а потом он сел и закричал. Через мгновение он умер.

Из любопытства Бёртон произвел вскрытие тела немца с помощью каменных ножей и обсидиановых лезвий. Переполнен-

ный мочевой пузырь Геринга лопнул, и произошло разлитие мочи по внутренностям.

Прежде чем похоронить Геринга, Бёртон удалил его зубы. Зубы были объектом меновой торговли, поскольку их можно было нанизать на рыбьи кишки или сухожилия и получить столь желанные ожерелья. Пошел в ход и скальп Геринга. Шумеры переняли обычай снимать скальпы врагов у своих недругов — шойонов из семнадцатого века, живших на другом берегу Реки. К этому обычаю они подошли цивилизованно — стали сшивать скальпы и делать из них шляпки, юбки и даже занавески. Скальп на меновом рынке значил не больше, чем зубы, но все-таки кое-что значил.

Когда Бёртон рыл могилу около большого валуна у подножия горы, перед ним вдруг всплыло яркое воспоминание. Он прервал работу, чтобы попить воды, и случайно посмотрел на тело Геринга. Его голова, лишенная кожного покрова, черты лица, умиротворенные, сонные,— все это вдруг как бы отворило потайную дверцу в памяти Бёртона.

Там, в той громадной камере, когда он очнулся и увидел, что вращается среди других тел, он видел это лицо. Оно принадлежало телу, вращавшемуся в соседнем ряду. У Геринга, как у всех остальных спящих, голова была лысая. Бёртон видел его недолго — как раз перед тем, как его самого заметили Стражи. А позже, когда он встретил Геринга после воскрешения, он не заметил сходства между спящим и этим человеком с пышной светлой шевелюрой.

Но теперь он знал, что этот человек тогда был совсем рядом с ним.

Возможно ли, чтобы двое воскрешенных, находившихся там так близко друг от друга физически, зациклились по фазе? Если так, то, значит, как только им с Герингом случалось умереть более или менее одновременно, они должны были воскресать заново у одного и того же питающего камня. Так что шутка Геринга насчет того, что они с Бёртоном — родственные души, могла оказаться не так далека от истины.

Бёртон снова принялся рыть могилу, ругаясь на чем свет стоит из-за того, что у него было так много вопросов и так мало ответов. Если бы только ему снова представилась возможность схватить этика, он бы вытянул у него ответы, какие бы меры ни пришлось предпринять.

В последующие три месяца Бёртон занимался тем, что вживался в ритм жизни этой странной местности. Он обнаружил, что ему очень нравится новый язык, являвшийся смесью шумерского и самоанского. Поскольку шумеров было больше, их язык доминировал. Но здесь, так же как и везде, основной язык праздновал пиррову победу. В результате смешения возник «пиджин», язык с крайне ограниченной системой склонения и упрощенной грамматикой. Категория рода исчезла, слова укоротились, времена и виды глагола свелись к простому настоящему времени, которое применялось и для обозначения будущего. Наречия времени обозначали прошлое. Всяческие тонкости выражались фразами, которые были понятны и шумерам, и самоанцам, хотя поначалу казались неуклюжими и наивными. А многие самоанские слова, несколько видоизмененные фонетически, вытеснили слова шумерские.

Подобное возникновение «пиджинов» происходило повсюду. Бёртон думал о том, что, если этики стремятся записать все языки, которыми владеет человечество, им лучше поспешить. Древние языки вымирали, вернее, претерпевали изменения. Но, насколько понимал Бёртон, они уже завершили работу. Их записывающие устройства, столь необходимые для осуществления физического переноса, наверняка записывали и речь.

Пока же, по вечерам, когда выдавались минуты одиночества, он курил сигары, столь щедро выдаваемые цилиндрами, и пытался обдумать положение дел. Кому он мог верить — этикам или ренегату — Таинственному Незнакомцу? Или, быть может, все лгут?

Почему он понадобился Таинственному Незнакомцу в качестве камешка, ломающего шестерни этой всемогущей машины? Что мог такого сделать Бёртон, обычный человек, попавший в эту долину и столь скованный собственным невежеством, чтобы помочь этому Иуде?

Одно не оставляло сомнений. Если бы он не был нужен Незнакомцу, тот не стал бы возиться с Бёртоном. Он хотел забрать Бёртона в ту Башню на Северном полюсе.

Зачем?

У Бёртона две недели ушло на раздумья, прежде чем он сумел догадаться о единственной, на его взгляд, причине.

Незнакомец сказал, что он, как и остальные этики, не может непосредственно отнять у человека жизнь. Однако ничто не

мешало ему сделать это изощренно, о чем явствует то, что он дал Бёртону яд. Следовательно, если он хочет, чтобы Бёртон попал в Башню, он хочет, чтобы Бёртон за него совершил убийство. Он мог выпустить тигра, натравить его на своих, отворить окно наемному убийце.

Наемнику надо платить. А что за плату предлагает Незнакомец?

Бёртон втянул в легкие сигарный дым, выдохнул и отпил глоток бурбона. Что ж, хорошо. Незнакомец хочет его использовать. Но пусть не обольщается. Бёртон его тоже использует.

Истекло три месяца, и Бёртон решил, что раздумий с него хватит. Пора было трогаться.

Это решение пришло к нему, когда он купался в Реке, и, повинуясь безотчетному порыву, Бёртон выплыл на середину. Он нырнул так глубоко, как только мог себя заставить, пока необоримая тяга тела к жизни не вынудила его рвануться к поверхности за глотком драгоценного воздуха. Он не сделал этого. Рыбы-стервятницы сожрут его тело, а кости его превратятся в ил на тысячефутовой глубине Реки. Ну и что? Так лучше. Тело его не попадет в руки этиков. Если Незнакомец сказал правду, они могли прочесть в его мозгу все, что он видел и слышал, если доберутся до него прежде, чем клетки мозга разрушатся.

Впоследствии он решил, что им это не удалось. Насколько он понимал, в последующие семь лет он ускользал от этиков. Если ренегат и знал о местонахождении Бёртона, это никак не проявлялось. Бёртон сомневался, знает ли о его местонахождении вообще хоть кто-нибудь,— он и сам далеко не всегда представлял, в какой части планеты находится, как далеко или как близко он от Башни. Но он шел, шел и шел, не останавливаясь. И в один прекрасный день он понял, что поставил что-то вроде рекорда. Смерть стала его второй натурой.

Если он не ошибался в подсчетах, то совершил уже семьсот семьдесят семь рейсов на Самоубийственном Экспрессе.

Глава 28

Порой Бёртон сам себе казался космическим кузнечиком, который то и дело выпрыгивал из мрака смерти, пощипывал травку, одним глазком поглядывая, нет ли где тени затаившегося

врага. На этом огромном человеческом лугу он перепробовал много былинок, откусывал по кусочку и прыгал дальше.

А бывало, он думал о себе как о сети, которая захватывает то тут, то там образцы со дна гигантского моря человечества. Ему попадались то крупные рыбины, то множество сардинок, хотя порой от мелкой рыбешки узнать можно было больше, чем от больших рыб.

Но сравнение с сетью ему не нравилось, потому что оно напоминало о том, что существует сеть побольше, с которой охотятся за ним.

Но какими бы метафорами и сравнениями он ни пользовался, он стал человеком, который на своем веку многое повидал, как говорят американцы из двадцатого столетия. Так много повидал, что несколько раз слышал легенду о Бёртоне-Цыгане или, если попадал в англоговорящие области, о Бёртоне-Скитальце; еще кое-где его называли Бродячим Лазарем. Это несколько пугало Бёртона, поскольку он боялся, что этики раскусят его способ перемещения и найдут, каким образом изловить его. А может быть, догадаются и о его конечной цели и выставят охрану у штаб-квартиры.

Но к концу своего семилетнего странствия, долго наблюдая за дневными светилами и переговорив со многими людьми, Бёртон нарисовал в уме картину течения Реки.

Это была не амфисбена — змея о двух головах, вытекавшая откуда-то на Северном полюсе и куда-то впадавшая где-то на Южном. Это была змея-кольцо, тело которой обвивало планету, а хвост попадал в пасть. Река вытекала из северного полярного моря, петляла вокруг одного полушария, протекала через Южный полюс, потом петляла по второму полушарию, порой возвращаясь назад, и впадала в конце концов в гипотетическое полярное море.

Однако наличие большого водного пространства не было таким уж гипотетическим. Если верить титантропу, получеловеку, который утверждал, что видел Туманную Башню, то Башня эта поднималась из покрытого туманом моря.

Бёртон слышал эту историю только в пересказе. Однако он видел титантропов неподалеку от начала Реки во время своего первого «прыжка», и ничего такого безумного не было в том, что один из гигантов мог действительно забраться на горы и подойти

совсем близко к полярному морю. А куда дошел один человек, туда может дойти и другой.

Но как Река могла взбираться на высоту?

Скорость ее течения, похоже, оставалась постоянной даже в таких местах, где должна бы, по идее, замедляться, или Река вообще должна была бы прекращать течение. Исходя из этого, Бёртон сделал предположение о наличии локализованных гравитационных полей, которые гнали могучий поток вперед до тех пор, пока он не достигал местности, где в силу вступала естественная гравитация. Где-то — возможно, непосредственно на дне Реки — располагались устройства, выполнявшие эту работу. Эти поля, по всей вероятности, действовали крайне избирательно, поскольку в подобных областях не отмечалось какого-либо заметного изменения веса, отражающегося на людях.

Слишком много вопросов. Ему нужно было идти вперед до тех пор, покуда он не добрался бы до такого места или до таких существ, которые смогли бы ответить ему.

И вот, семь лет спустя после того, как умер впервые, Бёртон до такого места добрался.

Произошло это при семьсот семьдесят седьмом «прыжке». Бёртон был убежден, что число семь для него счастливое. Бёртон, невзирая на насмешки своих приятелей из двадцатого века, упорно продолжал держаться за большинство суеверий, которые усвоил на Земле. Он часто смеялся над чужими суевериями, но знал, что некоторые числа приносят ему удачу, что если положит на глаза серебро, это поможет восстановить силы и, кроме того, обрести «второе зрение», чувство, которое заранее предупреждало его об опасности. Правда, здесь, похоже, серебро в природе не встречалось, но если бы встретилось, Бёртон им непременно бы воспользовался.

В первый день после «прыжка» он оставался у берега Реки. Он почти не обращал внимания на тех, кто пытался заговорить с ним, отделываясь мимолетными улыбками... В отличие от тех, кто встречался Бёртону в других местах, здешние жители не были враждебны. Солнце плыло над горами на востоке и, казалось, только задевало их вершины. Пылающий шар кружил над долиной — ниже, чем когда-либо видел Бёртон, кроме того дня, когда он оказался среди носатых титантропов. Солнце на время залило долину теплом и светом, а потом пошло по кругу уже над горами на западе. В долине стемнело, воздух стал холоднее, чем в каком-либо из тех мест, где успел побывать Бёртон, исключая,

конечно, то место, куда он попал после первого «прыжка». Солнце продолжало обходить долину по кругу, пока не оказалось на том самом месте, где Бёртон увидел его, когда только открыл глаза.

Устав от двадцатичетырехчасового наблюдения, но счастливый, Бёртон обернулся, чтобы посмотреть на жилища. Теперь он знал, что находится в арктической области, но не в непосредственной близости от штаб-квартиры. На этот раз он попал к другому концу Реки, к ее устью.

Обернувшись, он услышал голос — знакомый, но не сразу узнаваемый (Бёртон слыхал уже так много голосов):

Душа моя, оставь унынье,
Не уставай же вверх идти,
И искру, дар Небес Господних,
Огнем ты Небу возврати!

— Джон Коллоп!

— Абдул ибн Гарун! А еще говорят, что чудес не бывает! Что с тобой произошло с тех пор, как мы виделись в последний раз?

— Я умер в ту же ночь, что и ты,— ответил Бёртон.— И с тех пор умирал много раз. Здесь много злых людей.

— Это так естественно. Их было много и на Земле. И все же я должен сказать, что число их стало меньше, поскольку Церкви удалось сделать много добрых дел, слава Богу. А особенно в здешних краях. Но пойдем же ко мне, друг мой. Я познакомлю тебя с моей подругой. Милая женщина, верная в этом мире, где столь не многие хранят супружескую верность, да и вообще какие-либо добродетели. Она родилась в двадцатом веке после Рождества Христова и почти всю жизнь преподавала английский. Если честно, порой мне кажется, она меня так сильно любит из-за того, что я могу научить ее языку своего времени.

Он издал забавный нервный смешок, и Бёртон понял, что он шутит.

Они пересекли равнину, направляясь к холмам, где на небольших каменных подставках у каждой хижины горели костры. Большинство мужчин и женщин завернулись в полотнища ткани так, что из них получились парки, защищавшие от холода.

— Угрюмое и неприятное место,— заключил Бёртон.— И как только люди соглашаются здесь жить?

— Большинство людей здесь — финны и шведы из конца двадцатого века. Они привыкли к полуночному солнцу. И все же ты

должен радоваться, что попал сюда. Я помню, как тебя сжигало любопытство к полярным районам, помню, как ты размышлял о них. Были и другие кроме тебя, кто поплыл по Реке в поисках конечной цели, или, если ты простишь меня за то, что я это так назову, в поисках дурацкого золота там, где кончается радуга. Но все они либо не вернулись назад, либо вернулись, столкнувшись с непреодолимыми преградами.

— То есть? — воскликнул Бёртон и схватил Коллопа за руку.

— Друг, ты причиняешь мне боль. Там перестают встречаться питающие камни, и поэтому негде заправить граали едой. Речная долина обрывается, и Река течет дальше уже между гор, по ущельям, полным ледяных теней. Что лежит дальше, я не знаю, потому что ни один не вернулся и не рассказал мне об этом. Но я боюсь, что все они встретили тот конец, который сужден тем, кто совершает грех дерзновения.

— И как далеко лежит то место, откуда не возвращаются?

— По течению Реки — в двадцати пяти тысячах миль. Если плыть непрерывно, можно добраться за год. Только Отец наш Всемогущий знает, сколько еще тебе придется пройти, прежде чем ты доберешься до самого конца Реки. Скорее всего, раньше ты умрешь с голоду, потому что, после того как покинешь последний питающий камень, тебе негде будет запастись провиантом.

— Выяснить это можно единственным способом,— заключил Бёртон.

— Значит, ничто не остановит тебя, Ричард Бёртон? — спросил Коллоп.— Ты не откажешься от этой бесплодной погони за материальным, когда должен бы искать духовное?

Бёртон снова схватил Коллопа за руку.

— Ты сказал «Бёртон»?

— Да, я так сказал. Твой друг Геринг как-то поведал мне, что таково твое истинное имя. Он еще кое-что мне о тебе рассказывал.

— Геринг здесь?

Коллоп кивнул и сказал:

— Он здесь уже около двух лет. Живет в миле отсюда. Можем завтра навестить его. Тебя порадуют происшедшие с ним изменения, уверен. Он победил распад личности, начавшийся вследствие употребления мечтательной резинки, собрал себя по кусочкам, и получился новый, гораздо лучший человек. На самом деле он сейчас в этих краях — глава Церкви Второго Шанса.

Пока ты, мой друг, гонялся за каким-то бесполезным граалем, он нашел Священный Грааль внутри себя. Он чуть было не истаял от безумия, чуть было не опустился до тех злых дел, что творил в земной жизни, но с помощью милости Божьей и собственного искреннего желания доказать, что достоин того, чтобы жить снова, он... словом, завтра сможешь сам убедиться. И я надеюсь, тебе поможет его пример.

Коллоп рассказал подробнее. Геринг умирал почти столько же раз, сколько Бёртон, как правило — кончая с собой. Не в силах выдерживать страшных снов и самобичевания, он то и дело убивал себя. А на следующий день снова сталкивался с самим собой. Но, оказавшись здесь и попросив помощи у Коллопа — человека, которого однажды убил,— он победил себя.

— Я потрясен,— признался Бёртон.— И рад за Геринга. Но у меня другие задачи. Я бы просил тебя, чтобы ты никому не говорил о том, кто я такой на самом деле. Позволь мне остаться Абдулом ибн Гаруном.

Коллоп сказал, что будет хранить на сей счет молчание, но огорчился, что Бёртон не сможет повидать Геринга и самолично убедиться в том, что вера и любовь могут сотворить даже с самыми, казалось бы, безнадежными и отчаявшимися. Коллоп отвел Бёртона в свою хижину и познакомил с женой — невысокой тоненькой брюнеткой. Она вела себя исключительно мило и дружелюбно и стала настаивать на том, чтобы они взяли ее с собой, когда пойдут с визитом к местному владыке — *валкотуккаинену:* слово это на местном жаргоне означало «светловолосый парень» или «пройдоха».

Вилле Ахонен оказался флегматичным здоровяком, который спокойно выслушал Бёртона. Бёртон изложил ему свои планы только наполовину, объяснив, что хочет построить лодку, чтобы доплыть до конца Реки. О том, что он хочет пройти дальше, он даже не упомянул. Но Ахонену, видимо, такие, как Бёртон, уже встречались.

Он понимающе улыбнулся и сказал Бёртону, что тот может строить судно. Однако, как он объяснил, люди в этой местности — жуткие консерваторы. Они не желали лишать эти земли растительности. Бамбук — пожалуйста, а вот сосны и дубы трогать воспрещалось. Но и бамбук можно было только выменять на сигареты и спиртное, а их придется скопить.

Бёртон поблагодарил Ахонена и ушел. Попозже он улегся спать в хижине по соседству с Коллопом, но уснуть не смог.

Незадолго до неизменного дождя он решил выйти из хижины. Он решил, что поднимется в горы, укроется где-нибудь под навесом, пока не перестанет дождь, пока не рассеются тучи и не взойдет вечное — но тусклое — солнце. Теперь, когда он был так близко от цели, он не хотел, чтобы они застигли его врасплох. Судя по всему, в этих краях могло оказаться множество агентов этиков. Не исключено, что одним из них была жена Коллопа.

Не прошел Бёртон и полмили, как начался дождь, совсем рядом сверкнула молния. При свете ослепительной вспышки Бёртон заметил над головой какой-то объект — всего в двадцати футах.

Он пригнулся и бросился к купе деревьев, надеясь, что они не заметили его и что он сумеет там спрятаться. Если не заметят — он сумеет подняться в горы. А когда они всех здесь усыпят, они обнаружат, что его снова нет...

Глава 29

— Нам пришлось долго и упорно гоняться за вами, Бёртон,— сказал человек по-английски.

Бёртон открыл глаза. Перенос в это место оказался столь неожиданным, что у него голова закружилась. Но всего лишь на секунду. Он сидел в кресле из какого-то мягкого шелковистого материала. Комната представляла собой внутренность идеальной формы сферы с полупрозрачными светло-зелеными стенами. За ней виднелись другие сферические помещения — вверху, по бокам, внизу. И снова Бёртон ощутил замешательство, поскольку соседние комнаты не просто граничили с этой сферой. Они пересекались. Другие комнаты частично накладывались на ту, в которой находился Бёртон, но стены их становились при этом столь прозрачными, что он их едва видел.

На стене напротив висел темно-зеленый овал, вровень с изгибом стены. На овале был изображен призрачный лес. По нему шествовал призрачный фавн. От картины пахло сосной и кизилом.

Посередине шарообразной комнаты-пузыря сидели в креслах двенадцать человек — шесть мужчин и шесть женщин. За исключением двоих — смуглокожие и темноволосые и внешне весьма

привлекательные. У троих на лбу волосы были перехвачены тоненькими повязками, а у одного мужчины волосы так курчавились, что даже не верилось, что они настоящие.

У одной женщины соломенно-желтые волосы образовывали причудливый пучок. Один из мужчин был рыжим — рыжим, как лисица. Он был красив, хотя черты лица имел неправильные, нос — крупный, с горбинкой, а глаза — темно-зеленые.

Одеты все они были в серебристые или лиловые блузы с короткими, расширяющимися книзу рукавами и гофрированными воротниками, подпоясанные тонкими светящимися ремешками, килты и сандалии. И у мужчин, и у женщин были накрашены ногти на руках и ногах, губы краснели помадой, вокруг глаз синели и зеленели тени, в ушах блестели серьги.

Над головой у всех, почти касаясь волос, вращались разноцветные шары не меньше фута в поперечнике. Шары крутились, сверкали и меняли окраску, играя всеми цветами радуги. Время от времени шары отбрасывали длинные прямоугольные отблески — зеленые, голубые, черные или ослепительно белые. Потом отблески исчезали и сменялись другими.

Бёртон опустил глаза. На нем было только черное полотнище ткани, обернутое вокруг пояса.

— Я предупрежу твой первый вопрос и скажу, что мы не станем сообщать тебе, где ты находишься.

Это сказал рыжеволосый. Он улыбнулся Бёртону, обнажив неправдоподобно белые зубы.

— Отлично,— отозвался Бёртон.— А на какие же вопросы вы будете отвечать, кто бы вы ни были? Ну, например, как вы меня разыскали?

— Меня зовут Лога,— представился рыжеволосый.— А разыскали мы тебя за счет сочетания детективной деятельности и удачи. Процесс был сложен, но для тебя я отвечу проще. Тебя разыскивало множество агентов, но их было мало, учитывая, что вдоль Реки проживает тридцать шесть миллиардов шесть миллионов девять тысяч тридцать семь кандидатов.

«Кандидатов?» — задумался Бёртон. Что ожидало кандидатов? Вечная жизнь? Значит, Спрюс сказал правду насчет цели воскрешения?

Лога продолжал:

— Мы не знали, что ты скрываешься от нас посредством самоубийств. Даже тогда, когда тебя обнаруживали в областях, на-

столько отдаленных друг от друга, что попасть из одной в другую ты мог только посредством воскрешения, мы не подозревали, в чем дело. Мы думали, что тебя убивали, а затем ты переносился в другое место. Шли годы. Мы не знали, где ты. У нас было много других дел, поэтому мы отозвали всех агентов, занимавшихся, как мы это называли, «делом Бёртона», и оставили их только по обоим концам Реки. Откуда-то ты узнал о Башне на полюсе. Позднее мы выяснили откуда. Нам очень помогли твои друзья — Геринг и Коллоп, хотя они не подозревали, что разговаривают с этиками, конечно.

— А кто известил вас о том, что я неподалеку от конца Реки? — спросил Бёртон.

Лога улыбнулся и ответил:

— Этого тебе знать не нужно. Мы все равно поймали бы тебя. Видишь ли, каждая ячейка в предвоскресительной камере — том месте, где ты, вопреки нашим ожиданиям, очнулся раньше времени,— оборудована автоматическим счетчиком, установленным там для статистических и научных целей. Мы любим хранить записи обо всем происходящем. К примеру, кандидат, умирающий чаще среднего, рано или поздно становится объектом исследования. Чаще поздно, чем рано, поскольку за всеми не доглядишь.

И только после твоей семьсот семьдесят седьмой смерти наше внимание привлекли те, кто воскресает чаще других. Ты поставил рекорд. И полагаю, тебя можно с этим поздравить.

— Есть и другие?

— За ними нет слежки, если ты это имеешь в виду. И по большому счету таких немного. Мы не имели понятия, что это рекордное число смертей принадлежит тебе. Когда мы заглянули в твою ячейку во время проведения статистических подсчетов, она оказалась пуста. Два техника, которые видели тебя, когда ты очнулся, опознали тебя по твоей... фотографии.

Мы настроили воскреситель таким образом, чтобы в следующий раз, когда ты воскреснешь, зазвучал сигнал тревоги и тогда мы смогли бы доставить тебя сюда.

— Видимо, я не умер снова? — спросил Бёртон.

— Ты был обречен на смерть! Ты собирался выйти в полярное море через устье Реки, верно? Это невозможно. Последние сто миль Река течет по подземному туннелю. Любая лодка разбилась бы там вдребезги. Как и другие, кто дерзнул совершить такое путешествие, ты бы погиб.

Бёртон проговорил:

— Моя фотография — та, что я взял у Агню. Снимок сделан на Земле, когда я служил офицером в Индии. Как это было проделано?

— Наука, мистер Бёртон,— улыбаясь, ответил Лога.

Бёртону хотелось съездить по его надменной физиономии. В принципе ничто не мешало ему сделать это. Похоже, он мог бы добраться до Лога и врезать ему как следует. Но Бёртон понимал, что вряд ли этики сидели бы тут, не имея телохранителей. Скорее они выпустили бы на волю свирепую гиену, чем его.

— А вы выяснили, почему я очнулся раньше времени? — спросил он.— И почему другие пришли в себя?

Лога вздрогнул. Кое-кто из мужчин и женщин испуганно вдохнул.

Первым заговорил Лога.

— Мы тщательно исследовали твое тело,— сказал он.— Ты даже представить себе не можешь, насколько тщательно. Мы также изучили до мельчайших компонентов твой... *психоморф,* пожалуй, можно это так назвать. Или ауру, если тебе так больше нравится.— Он указал на вертящуюся над его головой сферу.— Пока мы не нашли никаких ответов.

Бёртон запрокинул голову и громко расхохотался. Отсмеявшись, он воскликнул.

— Значит, вам, ублюдкам, не все ведомо!

Лога натянуто улыбнулся:

— Нет. И никогда не будет. Только Один всеведущ.

Он сложил вместе указательный, средний и безымянный пальцы правой руки и коснулся лба, сердца и гениталий. Остальные сделали то же самое.

— Но я скажу тебе, что ты испугал нас,— если тебе от этого легче. И пугаешь до сих пор. Видишь ли, мы почти уверены в том, что ты один из тех людей, о которых нас предупреждали.

— Предупреждали? Кто?

— Один... гигантский компьютер, живой компьютер. И его оператор.— Он снова произвел странный жест.— Вот и все, что я могу тебе ответить, хотя ты все равно не запомнишь ничего из того, что тут, внизу, происходило, после того как мы отправим тебя обратно в долину Реки.

Сознание Бёртона затуманил гнев, но все же не до такой степени, чтобы он пропустил слово «внизу». Означало ли это, что воскресительная техника и логово этиков располагаются под поверхностью Речной планеты?

Лога продолжал:

— Полученные нами сведения говорят о том, что ты можешь обладать способностью разрушить наши планы. Почему и как — этого мы не знаем. Но мы высоко ценим наш источник информации — как высоко, этого ты себе и представить не можешь.

— Если вы в это верите,— сказал Бёртон,— почему бы вам не сунуть меня в какой-нибудь там холодильник? Суньте меня между теми стержнями. Пусть я верчусь в пространстве, пусть вечно кручусь там, словно отбивная на вертеле, пока ваши планы не осуществятся.

— Мы не можем сделать этого! — воскликнул Лога.— Одно это деяние погубит все! Как ты тогда достигнешь спасения? И потом, это означало бы проявление непростительной жестокости с нашей стороны! Это немыслимо!

— Вы проявили жестокость тогда, когда вынудили меня бегать от вас и прятаться,— возразил Бёртон.— Вы жестоки и теперь, когда удерживаете меня здесь против моей воли. Вы поступите со мной жестоко, когда сотрете в моей памяти воспоминания о том, что я слышал тут, во время этой короткой встречи тет-а-тет с вами.

Лога чуть руки не заломил. Если Таинственным Незнакомцем, предателем этиков, был он, то он был великим актером. Тоскливым голосом он проговорил:

— Это правда лишь отчасти. Мы вынуждены были принять соответствующие меры, чтобы обезопасить себя. Будь на твоем месте любой другой человек, мы бы его и пальцем не тронули. Верно, мы нарушили свой этический кодекс тем, что вынудили тебя бегать от нас, и тем, что подвергли тебя обследованию. Но, увы, это должно было произойти. И поверь, мы расплачиваемся за это муками совести.

— Вы могли бы несколько смягчить эти муки, если бы сказали мне, почему и я, и все остальные люди были воскрешены. И как вы это проделали.

Лога стал рассказывать, и время от времени кто-нибудь вмешивался в его пояснения. Чаще других встревала женщина с соломенно-желтыми волосами, и немного погодя Бёртон решил, судя по тому, как они разговаривали с Логой, что женщина — либо его жена, либо важная шишка.

Время от времени в пояснения вступал один из мужчин. Стоило ему заговорить, как сразу чувствовалось уважение и внимание к нему со стороны всех остальных, из чего Бёртон заключил, что этот человек — не иначе как главный. Как-то раз мужчина так повернул голову, что один его глаз сверкнул, и Бёртон удивленно уставился на него — раньше он не замечал, что в левой глазнице у того алмаз.

Бёртон подумал, что это, видимо, устройство, обеспечивающее мужчину каким-то чувством или целым набором чувств, каким-то ощущением, которого лишены остальные. С этого мгновения Бёртон чувствовал себя неловко, когда ребристый и сверкающий глаз устремлял взгляд на него. Что, интересно, видит эта многоугольная призма?

К концу объяснений Бёртон узнал не больше, чем знал и раньше. Этики могли заглядывать в прошлое при помощи чего-то вроде хроноскопа. С его помощью они умели вести записи обо всех когда-либо живших существах. Пользуясь этими записями как моделями, они затем осуществляли воскрешение с помощью энергетических материализующих конверторов.

— А что бы произошло,— поинтересовался Бёртон,— если бы вы вдруг воскресили одновременно два тела одного и того же человека?

Лога сухо усмехнулся и сказал, что такие эксперименты проводились. Жизнь получало только одно тело.

Бёртон улыбнулся, словно кот, который только что слопал мышку.

— Думаю, вы мне лжете,— заявил он.— Или говорите не всю правду. Во всем сказанном вами прослеживается софистика. Если люди могут достичь такого исключительно высокого этического состояния, при котором они «продолжают путь», то почему же вы, этики, которые вроде бы существа высшего порядка, до сих пор здесь? Почему же это вы тоже не «продолжаете путь»?

Лица у всех, кроме Лога и мужчины с бриллиантом в глазу, вытянулись. Лога рассмеялся и сказал:

— Очень тонко. Просто отлично. Ответить могу одно: некоторые из нас *«продолжают путь»*. Но с нас в этическом смысле спрос больше, чем с вас, воскрешенных.

— А я все равно думаю, что вы лжете,— сказал Бёртон.— Хотя поделать ничего не могу.— Он усмехнулся и добавил: — По крайней мере пока.

— Если ты укрепишься в таком мнении, тебе никогда не «продолжить путь»,— сказал Лога.— Однако мы чувствовали, что обязаны объяснить тебе, чем занимаемся,— насколько могли. Когда мы изловим других, которые тоже, как и ты, обработаны, мы точно так же поступим и с ними.

— Среди вас есть Иуда,— сказал Бёртон, наслаждаясь эффектом, который должны были произвести эти слова.

Но мужчина с алмазным глазом обратился к Логе:

— Лога, почему ты не скажешь ему правду? Тогда он перестанет так самодовольно ухмыляться и будет поставлен на место.

Лога ненадолго растерялся, а потом сказал:

— Хорошо, Танабур. Бёртон, теперь ты должен быть очень осторожен. Ты не должен совершать самоубийств и должен так же стараться остаться в живых, как делал это на Земле, когда думал, что тебе дана только одна жизнь. Число воскрешений ограничено. После достижения определенного числа — а оно у всех разное, и предсказать, сколько дано каждому, невозможно — психоморф, похоже, отказывается соединяться с телом. Каждая смерть ослабляет связь между психоморфом и телом. Постепенно психоморф попадает в точку, откуда нет возврата. Он становится... ну, если использовать антинаучный термин — потерянной душой. Он, бестелесный, скитается по Вселенной. Эти бродячие психоморфы мы умеем выявлять без инструментов, в отличие от психоморфов... как это сказать?.. «спасенных», которые напрочь исчезают из поля нашего зрения.

Так что, пойми, ты должен отказаться от путешествий с помощью смерти. Вот почему непрерывное совершение самоубийств теми, кому не под силу справиться с жизнью, если не непростительный грех, то нечто необратимое.

А мужчина с алмазным глазом сказал:

— Тот предатель, тот неизвестный нам мерзавец, который тебе твердил, что помогает тебе, на самом деле использовал тебя для достижения собственных целей. Он не сказал тебе, что ты тратишь свои шансы на достижение жизни вечной на то, что осуществляешь его — и свои — планы. Он или она, кем бы ни был предатель,— носитель зла. Зла, зла!

Поэтому теперь ты должен быть осторожен. В запасе у тебя осталось не больше десятка смертей. А может быть, твоя следующая смерть станет последней.

Бёртон вскочил на ноги и крикнул:

— Вы не хотите, чтобы я добрался до конца Реки? Почему? Почему?

Лога сказал:

— Прощай. Прости нас за нашу жестокость.

Бёртон не заметил, чтобы кто-то из двенадцати направил на него свой инструмент. Но сознание вылетело из него так быстро, как из лука вылетает стрела, и он очнулся...

Глава 30

Первым, кто встретился ему, был Питер Фрайгейт. Фрайгейт совершенно утратил обычное самообладание: он плакал навзрыд. Бёртон тоже немного поплакал, не без труда отвечая Фрайгейту, который буквально засыпал его вопросами. Прежде всего Бёртону хотелось узнать, чем занимались после его исчезновения Фрайгейт, Логу и Алиса. Фрайгейт ответил, что они, все трое, искали его, а потом уплыли вверх по Реке обратно в Фелем.

— А ты где был? — спросил Фрайгейт.

— *«Я ходил по земле и обошел ее»**,— ответил Бёртон.— Но в отличие от Сатаны я нашел несколько совершенных и честных людей, богобоязненных и противящихся злу. Но совсем немного. Большинство мужчин и женщин по-прежнему эгоистичны, невежественны, суеверны, слепы, лицемерны и трусливы — такие же, какими были на Земле. И в большинстве людей древняя обезьяна с налитыми кровью глазами борется со своим хозяином, обществом, и рвется на волю, и готова обагрить свои руки кровью.

Фрайгейт болтал без умолку все время, пока они шагали к частоколу вокруг здания совета, где располагалось правительство государства Фелем. Бёртон слушал его вполуха. Он дрожал, сердце его бешено колотилось, но не из-за того, что он вернулся домой.

Он *помнил!*

---

* Иов, 2:2 (Ответ Сатаны Богу).

Что бы ни говорил ему Лога, он помнил и то, как очнулся много лет назад в предвоскресительной камере, и разговор с двенадцатью этиками.

Объяснение могло быть единственным. Кто-то из двенадцати предотвратил стирание из его памяти всего случившегося, и при этом так, что остальные об этом не узнали.

Один из двенадцати был Таинственным Незнакомцем, ренегатом.

Который? Сейчас понять было невозможно. Но настанет день, и он это узнает. А пока у него был друг при дворе, человек, который, вероятно, использует Бёртона в своих целях. Но будет время — и Бёртон использует его для своих целей.

Были и другие, кого пометил Таинственный Незнакомец. Может быть, он сумеет отыскать их, и они все вместе пойдут на штурм Башни.

У Одиссея была Афина. Как правило, Одиссею приходилось своими силами выбираться из затруднительных положений за счет собственной хитрости и отваги. Но время от времени богиня, когда могла, протягивала Одиссею руку помощи.

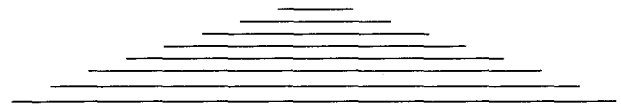
У Одиссея была Афина. У Бёртона — Таинственный Незнакомец.

— Что у тебя на уме, Дик? — спросил Фрайгейт.

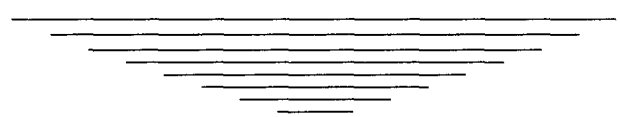
— Построю лодку и поплыву вверх по Реке. До самого конца! Хочешь присоединиться?

Постскриптум

Так заканчивается 1-й том сериала «Мир Реки». Во 2-м томе будет рассказано о том, как Сэмюэль Клеменс искал железо в долине, бедной полезными ископаемыми, нашел его и построил огромный колесный пароход под названием «Внаем не сдается».



Волшебный корабль



Посвящается порочной троице Бобов: Блоху, Хайнлайну и Трориту — и пусть мы встретимся на берегах Реки, чтобы отправиться в путь на сказочном пароходе.

Глава 1

— Воскрешение из мертвых, как и политика, собирает в одну постель довольно странных партнеров,— произнес Сэм Клеменс.— И я бы не сказал, что такой сон способствует отдыху.

Сунув под мышку подзорную трубу и покуривая длинную зеленую сигару, он прогуливался взад и вперед по кормовой палубе «Дрейругра» («Запятнанного кровью»). Ари Гримолфссон, стоявший у руля и ни слова не понимавший по-английски, мрачно посмотрел на Сэма. Клеменс перевел свою шутку на ломаный древненорвежский, но взгляд кормчего не стал от этого теплее.

Сэм громко обругал его по-английски, назвав тупоголовым варваром. В течение трех лет он днями и ночами практиковался в норвежском языке десятого века, однако большинство мужчин и женщин на борту «Дрейругра» понимали его речь лишь наполовину.

— Как старый Гек Финн, которому исполнилось девяносто пять лет плюс-минус несколько тысячелетий, я отправился на плоту вниз по Реке,— прошептал Клеменс.— А теперь меня везут к ее верховьям на этом идиотском корабле викингов. И кто бы мне сказал, что будет дальше? Когда я наконец пойму свой сон?

Прижимая руку к телу, чтобы не выронить драгоценную подзорную трубу, он ударил кулаком по ладони:

— Железо! Мне нужно железо! Но где его найти на этой планете, столь скудной металлами и перенаселенной людьми? А ведь железо тут есть! Иначе откуда бы взялся топор Эрика? Интересно, сколько его здесь? Хватит ли для строительства корабля? Скорее всего, нет. Возможно, это был только небольшой упавший

© Перевод С. Трофимова.

метеорит. И все-таки для того, что я задумал, железа может оказаться достаточно. Вот только где его искать? Господи! Эта Река тянется на двадцать миллионов миль! И железо — если оно действительно есть — может находиться на другом ее конце.

Нет, этого не может быть! Оно должно залегать где-то рядом, в пределах ста тысяч миль. Но кто даст гарантию, что мы плывем в нужном направлении? О невежество — извечная мать истерии! Впрочем, можно сказать и наоборот.

Клеменс навел подзорную трубу на правый берег и еще раз выругался. Несмотря на его просьбы направить корабль к краю русла, чтобы он мог рассмотреть лица людей на ближайшей равнине, ему было в этом отказано. Конунг норвежского флота, Эрик Кровавый Топор, сказал, что они плывут мимо враждебной территории и, пока существует опасность нападения, корабли будут оставаться на середине Реки.

«Дрейругр» — флагман флотилии, состоявшей из трех одинаковых кораблей,— достигал в длину восьмидесяти футов и, несмотря на бамбуковый корпус, напоминал «драконий челн» воинственных викингов. Носовую часть длинного и низкого судна украшала дубовая голова морского чудовища; узкая корма загибалась кверху, как хвост. Передняя и задняя палубы выступали немного над водой, а к двум бамбуковым мачтам крепились тонкие косые паруса, сделанные из прочных и эластичных мембран. Эти мембраны добывались из плавательных пузырей глубоководных рыб, которых называли речными драконами. Штурвальное колесо располагалось на кормовой палубе; вдоль бортов висели круглые дубовые щиты, обтянутые кожей, а на широких «козлах» лежали большие весла. «Дрейругр» плыл против ветра, непрерывно лавируя и меняя галс, хотя там, на Земле, викинги не знали этого маневра.

Свободные от вахты мужчины и женщины сидели на скамьях для гребцов, болтали о жизни, играли в кости и покер. Из-под кормовой палубы доносились ликующие крики, ругань, а порою и слабое щелканье. Это Кровавый Топор резался с телохранителем в бильярд, и на сей раз их беспечность тревожила Клеменса. Кровавый Топор знал, что в трех милях выше по Реке вражеские корабли устроили им засаду. От обоих берегов позади «Дрейругра» отплывали боевые галеры, замыкая кольцо блокады. Но конунг сохранял нарочитое спокойствие и своей невозмутимостью напоминал адмирала Дрейка перед битвой с Великой Армадой.

— Однако условия здесь совершенно иные,— пробормотал Клеменс.— Русло не шире полутора миль, и нам не хватит места для маневра. Кроме того, Эрик не может надеяться на шторм, который помог бы ему в сражении.

Сэм снова осмотрел берег в подзорную трубу. Три года, с тех пор как флот отправился в путь, он только этим и занимался. Из-за массивной головы его не слишком широкие плечи выглядели еще уже. Длинные каштановые волосы обрамляли лицо с тонким римским носом, мохнатыми бровями и голубыми глазами. Усы, которыми он славился во время жизни на Земле, отсутствовали, поскольку мужчины воскрешались в этом мире безусыми и безбородыми, как невинные младенцы. Однако его грудь украшало море курчавых рыжеватых волос, волны которого выплескивались до ямочки на горле. Белое полотенце, прикрывавшее бедра, крепилось у талии кожаным поясом, на котором висели его грубые самодельные башмаки, небогатое оружие и футляр для подзорной трубы. Тело покрывал бронзовый экваториальный загар.

Сэм опустил трубу и взглянул на вражеские корабли, плывшие в миле позади «Дрейругра». В этот миг над его головой что-то сверкнуло, и он увидел росчерк ослепительного сияния, который походил на изогнутую саблю, выскользнувшую из небесных ножен. Огненный клинок помчался вниз и в молниеносном выпаде исчез за горами.

Клеменс был поражен. Ему не раз доводилось наблюдать по ночам падение мелких метеоритов, но такого крупного он еще никогда не видел. Даже при свете дня гигантский болид слепил глаза, и его остаточный образ хранился на сетчатке секунду или две. А потом алая дуга поблекла; Сэм забыл об упавшей звезде, и его взгляд вновь устремился к далеким предгорьям.

Местность выглядела довольно однообразно. По обоим берегам тянулись полуторамильные полоски равнин, поросшие травой и бамбуком. Вдоль Реки, на расстоянии мили друг от друга, располагались большие питающие камни, по форме напоминавшие грибы. Деревья на равнинах встречались редко, зато предгорья казались темными от сосновых, дубовых и тисовых рощ. Среди них обособленными группами выделялись железные деревья. Их серые стволы вздымались на тысячефутовую высоту; огромные кроны с сотней сучковатых ветвей вскипали густой листвой, похожей на слоновьи уши. Древесина этих растений

была настолько твердой, что не поддавалась ни огню, ни топору, и лишь лианы, усыпанные большими яркими цветами, усмиряли нрав гигантов бесконечной и ажурной путаницей своих гибких стеблей.

Через одну-две мили за холмами начинались горы. Их гладкие отвесные склоны, возносясь на высоту двадцати—тридцати тысяч футов, после первой трети подъема становились абсолютно неприступными.

Три норвежских корабля проплывали район Реки, заселенный немцами начала девятнадцатого века. Около десяти процентов жителей составляли люди из другой эпохи — в данном случае персы первого столетия. Кроме того, один процент населения по незыблемым правилам этого странного мира состоял из мужчин и женщин, живших на Земле в разных странах и в разные времена.

Сэм рассматривал в подзорную трубу бамбуковые хижины и фигуры людей. На чреслах мужчин виднелись цветастые набедренные повязки. Женщины носили короткие юбки, сделанные из нескольких полотенец, и куски полупрозрачной ткани, которые символически прикрывали их груди. На берегу собирались толпы зевак, которым не терпелось посмотреть на сражение. Почти у всех имелись копья с кремневыми наконечниками, а у многих Клеменс видел луки и стрелы. Тем не менее, судя по их мирным и расслабленным позам, в намечавшейся битве они выбрали себе роль зрителей.

Внезапно Сэм ахнул и задержал взгляд на лице одного из мужчин. Большое расстояние и слабая разрешающая способность оптического прибора не позволяли ему разглядеть этого человека как следует, но широкоплечая фигура и смуглое лицо казались Клеменсу удивительно знакомыми. Вот только где он мог видеть его раньше?

И тут Сэма словно осенило. Мужчина напомнил ему известного английского исследователя сэра Ричарда Бёртона, фотографии которого он неоднократно видел на Земле. Во всяком случае, от его облика веяло такими же мужеством и силой. Когда корабль проплыл мимо этой группы людей, Клеменс со вздохом перевел окуляр на другие лица — как бы ему того ни хотелось, он не мог убедиться в правильности своей догадки.

Конечно, будь его воля, он бы с радостью сошел на берег и побеседовал с этим мужчиной. И возможно, тот действительно

оказался бы Ричардом Бёртоном. За двадцать лет жизни в мире Реки, повидав миллионы лиц, Клеменс еще не встречал людей, которых знал на Земле. Сэм не был знаком с Бёртоном лично, но полагал, что тот слышал о нем немало. А значит, этот человек — если только Клеменс не обознался — мог бы стать звеном, пусть тонким и непрочным, с его прежней жизнью на потерянной Земле.

И вдруг окуляр подзорной трубы выхватил далекую размытую фигуру.

— Ливи! — не веря своим глазам, воскликнул Клеменс.— О боже мой, Ливи! Ливи!

Все сомнения отпали. Он по-прежнему не различал ее лица, но смутный образ так сильно соответствовал истине, что его уже нельзя было отрицать. Овал лица, фигура и прическа! Ее чудесная походка, столь же уникальная, как отпечатки пальцев! И все это говорило — нет, кричало — о том, что Клеменс видел перед собой свою земную жену.

— Ливи! — жалобно всхлипнул он.

Корабль накренился, меняя галс, и Сэм потерял ее из виду. Минуту или две он сосредоточенно осматривал в подзорную трубу многолюдные толпы, собравшиеся на берегу. А потом тоска и разочарование выплеснулись наружу. Вытаращив глаза, он затопал ногами по палубе и закричал:

— Кровавый Топор! Поднимайся наверх! Кровавый Топор! Скорее, скорее!

Сэм рванулся к кормчему, приказывая повернуть назад и подвести корабль к берегу. В первый момент горячность Клеменса вызвала у викинга некоторую растерянность, но Гримолфссон быстро пришел в себя и, прищурив глаза, отрицательно покачал головой.

— А я приказываю тебе! — вскричал Клеменс, забыв о том, что кормчий не понимает по-английски.— Там моя жена! Моя Ливи! Прекрасная Ливи, какой она была в свои двадцать пять лет! Юная и восставшая из мертвых!

Услышав за спиной тяжелые шаги, Клеменс обернулся. На уровне палубы появилась белокурая голова с обрубленным левым ухом. Затем, по мере того как Эрик поднимался по трапу, перед Сэмом возникали широкие плечи, могучая грудь, огромные бицепсы и колонноподобные бедра Кровавого Топора. Весь

его наряд состоял из одного полотенца в черно-зеленую клетку. На кожаном поясе висели несколько сланцевых ножей и чехол, в котором он носил свой топор с широким стальным лезвием и дубовой рукояткой. Топор Эрика, насколько знал Клеменс, мог считаться уникальным изделием, так как оружие на этой планете изготавливалось из дерева и камня.

Осмотрев Реку, конунг нахмурился и повернулся к Клеменсу:

— Что случилось, *сма-скитлигр?* Я не попал по верному шару, когда ты начал вопить, словно невеста Тора в первую брачную ночь. Из-за тебя я проиграл Токи Няльссону сигару.

Он вытащил топор из чехла и замахнулся на Сэма. Солнце сверкнуло на голубоватой стали.

— Надеюсь, у тебя имелась веская причина, чтобы тревожить меня криком. Я убивал многих и за меньшую провинность.

Загорелое лицо Клеменса побледнело, но на этот раз не от испуга. Он свирепо взглянул на конунга и оскалил зубы. Взъерошенные волосы, орлиный профиль и хищный взгляд придавали ему сходство с пустельгой.

— Катись ты к черту вместе со своим топором! — закричал он.— Я только что видел мою Ливи! Мою жену! Она там, на правом берегу! И я хочу... Нет, я требую, чтобы ты высадил меня туда. Мне надо найти ее, понимаешь? О боже, после стольких лет безнадежных поисков я снова увижу ее! Мы остановимся только на минуту, Эрик! Ты же не откажешь мне в этом, правда? Ты не можешь поступить со мной так бесчеловечно!

Блеснув огненной полосой, топор со свистом рассек воздух. Викинг презрительно усмехнулся:

— И вся эта суета из-за какой-то бабы? А ты подумал о ней?

Он ткнул пальцем в сторону невысокой смуглой женщины, которая стояла у лафета ракетной установки.

Клеменс побледнел еще сильнее.

— Темах прекрасная девушка! Я люблю ее всей душой! Но она не Ливи!

— Довольно болтать,— оборвал его Кровавый Топор.— Неужели ты принимаешь меня за идиота? Стоит нам подойти к берегу, как их галеры тут же прижмут наши корабли к суше и сотрут нас в муку, как мельница Фрейра. Лучше забудь о своей жене.

Клеменс взвизгнул, замахал кулаками и бросился на викинга. Тот сбил его с ног, ударив по голове обухом стального топора. Несколько минут Сэм лежал на спине, и его открытые глаза смотрели прямо на солнце. Из-под волос сочилась и стекала по бледному лицу кровь. А потом он поднялся на четвереньки, и его начало тошнить.

Эрик сделал нетерпеливый жест. Темах быстро спустила в Реку обмазанную глиной корзину и, бросая на конунга испуганные взгляды, подняла на веревке свое импровизированное ведро. Она выплеснула воду на Клеменса. Тот сел, а затем, шатаясь, поднялся на ноги. Темах снова наполнила ведро и смыла с палубы рвоту.

Сэм сердито зарычал, но его ярость вызвала у викинга лишь брезгливую усмешку.

— Жалкий трус! Ты болтал слишком много и долго. Теперь ты знаешь, что бывает с теми, кто задирает нос перед Эриком Кровавым! Считай, что тебе повезло — я оставил тебя живым!

Клеменс отвернулся от конунга и, покачиваясь, зашагал к краю палубы. Добравшись до ограждения, он попытался влезть на деревянные перила.

— Ливи!

Выкрикнув проклятие, Кровавый Топор подбежал к Сэму, схватил его за пояс и, оттащив назад, сильным толчком повалил на палубу.

— Я не дам тебе удрать, ничтожный смерд! — грозно произнес он.— Сначала ты должен найти для меня железо!

— Здесь его нет...— начал было Клеменс, но тут же прикусил язык.

Если бы конунг понял, что Сэм ничего не знал о местоположении рудника и, хуже того, даже сомневался в его существовании, он покончил бы с Клеменсом в одно мгновение.

— Потом, когда мы найдем железо,— бодро продолжал Эрик,— ты покажешь нам путь к Полярной Башне. Впрочем, я мог бы отыскать ее и сам, доплыв до истока Реки. Но в твоей голове еще много такого, что может мне пригодиться. К тому же, пока ты жив, в моих руках будет и Джо Миллер — этот великан из страны льда и мороза.

— Джо! — прошептал Клеменс заплетающимся языком и попытался подняться.— Джо Миллер! Где мой верный Джо? Он убьет тебя, Эрик! Убьет!

Топор со свистом пронесся над головой Сэма.

— Ты не скажешь ему ни слова о нашей ссоре, слышишь? Клянусь пустой глазницей Одина, я прикончу тебя еще до того, как он протянет ко мне свои лапы. Ты понял меня, недоносок?

Клеменс поднялся на ноги и, шатаясь, громко закричал:

— Джо! Джо Миллер!

Глава 2

Из-под кормовой палубы донеслось приглушенное ворчание. И хотя люди уже тысячу раз слышали этот мощный и низкий голос, волосы на их затылках сами собой поднимались дыбом.

Под весом гиганта заскрипели крепкие бамбуковые ступени — заскрипели так громко, что заглушили песню ветра на кожаных струнах такелажа. Скрип трапа перекрыл собой щелканье парусов-мембран, сухой скрежет деревянных соединений, крики команды и журчание воды за кормой корабля.

Голова, появившаяся над краем палубы, выглядела еще более устрашающей, чем этот нечеловеческий низкий голос. Размерами она походила на бочонок пива, а под розовой отвисшей кожей торчали бугры черепных костей. Выступавшие надбровные дуги нависали над маленькими темно-синими глазами. Нос вообще не соответствовал остальным чертам лица. Здесь больше подошла бы плоская широкая блямба с выступающими ноздрями, но не эта ужасная и смешная пародия на человеческий орган обоняния. Нечто подобное выставляли на всеобщее осмеяние хоботковые обезьяны* Земли. Вдобавок ко всему прочему под раскидистой сенью носа находилась длинная верхняя губа, какую в комиксах обычно подрисовывали шимпанзе и ирландцам. Тонкие губы выдавались вперед, повторяя форму выпуклых челюстей.

Рядом с таким великаном Эрик Кровавый выглядел тщедушным дистрофиком. Джо гордо шествовал, неся перед собой живот, чьи размеры и форма напоминали воздушный шар, готовый к полету. Его руки и ноги казались немного короткими в сравнении с длинным туловищем, а поясница находилась на уровне подбородка среднего роста мужчины. Одной рукой, вытянутой во всю длину, он мог часами удерживать Сэма в воздухе без малейших признаков дрожи.

* *Nasalis larvatus* — большая обезьяна с острова Борнео. *(Примеч. пер.)*

Джо не носил никакой одежды и не находил причин носить ее впредь. О стыде и пристойности он узнал только после того, как соприкоснулся с homo sapiens. Длинные красноватые волосы — более густые, чем у людей, но не такие плотные, как у шимпанзе,— прилипли к вспотевшему телу. Кожа под ними выглядела грязновато-розовой, особенно в сравнении с белокурыми детьми нордической расы.

Его рыжая волнистая шевелюра начиналась в дюйме выше бровей и круто по косой уходила к темени. Он пригладил ее ладонью размером с большой словарь английского языка, а затем зевнул, показав большие, на вид человеческие зубы.

— Я знал,— проурчал гигант.— Мне знилазь Земля и зильный *кравульзизменгбхабафинг,* которого вы называете мамонтом. Эх, добрые старые деньки!

Он сделал еще несколько шагов и внезапно замер на месте.

— Зэм! Что злучилозь? Ты везь в крови! И вид у тебя очень нездоровый!

Что-то шепнув своей охране, Кровавый Топор попятился от титантропа и закричал:

— Твой приятель сходит с ума! Ему снова показалось, что он увидел свою жену. И это случалось уже тысячи раз! Он набросился на меня, когда я отказался поворачивать к берегу. Но клянусь яйцами Тира, Джо! Ты и сам знаешь, сколько раз ему мерещилась эта женщина! А разве мы не выполняли его просьб? Разве мы не останавливались после каждого его крика? И всегда получалось так, что это была не она! Всегда получалось так, что он ошибался! На сей раз я ответил ему отказом. Пусть даже он действительно увидел свою жену, я все равно не поверну корабль. Мы не можем совать головы в волчью пасть!

Эрик пригнулся и приподнял топор, готовый в любую секунду отразить нападение гиганта. Со средней палубы послышались крики, и по трапу взбежал рослый рыжий парень с каменным томагавком. Кормчий жестом велел ему уйти. Взглянув на разъяренного Джо Миллера, рыжий вояка поспешил удалиться.

— Что зкажешь, Зэм? — спросил Миллер.— Может быть, мне разорвать его на кузки?

Сжав голову руками, Клеменс тихо произнес:

— Не надо, Джо. Я думаю, он прав. Мне действительно могло показаться. Возможно, я снова спутал Ливи с какой-то немецкой домохозяйкой.— Он застонал и закричал в безудержной тос-

ке: — Я не знаю, Джо! Не знаю, как поступить! Но ведь это могла быть и она!

На соседнем корабле взревели горны, сделанные из полых рыбьих костей. В ответ на средней палубе флагмана загрохотал боевой барабан.

— Забудь о мести, приятель,— сказал Клеменс.— Давай сначала выберемся из этой передряги. Я не очень верю, что у нас есть хоть какой-то шанс, но, если мы хотим остаться в живых, нам надо сражаться одной командой. Возможно, потом...

— Ты взегда говоришь «потом», и твое «потом» никогда не назтупает. Зкажи мне, Зэм, почему?

— Если тебе это еще не понятно, то ты действительно такой тупой, каким выглядишь,— огрызнулся Клеменс.

В глазах Джо блеснули набежавшие слезы; его пухлые щеки стали мокрыми.

— Каждый раз в минуты изпуга ты обзываешь меня тупым,— сказал он.— Почему ты озкорбляешь меня, а не тех, кто пугает тебя, Зэм? Почему ты зрываешь зло на мне, а не на Кровавом Топоре?

— Прости меня, Джо,— прошептал Клеменс.— Устами младенца и проточеловека глаголет истина... Ты не тупой! Ты очень хороший и умный! Забудь о моих словах. Я прошу у тебя прощения.

Кровавый Топор снова обрел свой важный вид, но на всякий случай держался подальше от Джо, с усмешкой помахивая топором.

— Наконец-то металл столкнется с металлом! Впрочем, что я говорю? — Эрик рассмеялся.— В местных битвах камни стучат о дерево, и мой звездный топор единственный в этом мире! Хотя какая разница? Меня утомили шесть месяцев мира. Я жажду криков войны, посвиста стрел и копий, кровавых кусков, которые моя сталь отсекает от тела врага! Дайте мне запах крови! Меня уже колотит дрожь, как запертого в стойле жеребца, почуявшего течку кобылы! Я должен завалить эту сучку-смерть и насладиться ею, как смазливой шлюхой!

— Ты замец, Кровавый Топор! — проворчал Джо Миллер.— У тебя такая же проблема, как и у Зэма. Ты тоже напуган, но прикрываешь звой ztрах хвазтливой речью из большого рта.

— Я не понимаю твоей искалеченной речи,— небрежно ответил викинг.— И нечего обезьянам поганить язык людей.

— Нет, ты меня прекразно понял,— зарычал Миллер.

— Успокойся, Джо,— вмешался Сэм Клеменс.

Он с тревогой смотрел вперед. Милях в двух вверх по течению прибрежные равнины постепенно исчезали. Суровые горы подступали к самой Реке, сокращая ширину русла до четырехсот пятидесяти ярдов. Вода бурлила у подножия скал, высота которых достигала трех тысяч футов. И там, на вершинах, с обеих сторон в лучах солнца сияли какие-то непонятные объекты.

За полмили до входа в теснину Сэм уьидел тридцать галер, образовавших три выгнутые линии атаки. Используя быстрое течение и силу шестидесяти весел на каждом судне, они стремительно мчались навстречу норвежским кораблям. Осмотрев флот противника в подзорную трубу, Клеменс подытожил свои наблюдения:

— На борту каждой галеры около сорока воинов и по паре ракетных установок. Мы попали в ловушку. К тому же наши ракеты хранились в трюме так долго, что порох мог уже кристаллизоваться. Если снаряды разорвутся в стволах, мы улетим на тот свет дальше ада! А взгляните на вершины скал! Неужели эти штуки предназначены для метания греческого огня?

Слуга подал конунгу доспехи: трехслойный кожаный шлем с имитацией крыльев и сопла, кожаную кирасу, налокотники и щит. Еще один воин принес ему несколько копий с тисовыми древками и кремневыми наконечниками.

Боевой расчет ракетной установки — все как одна женщины — уже вставлял снаряд в метательную трубу. Шестифутовая ракета с бамбуковыми стабилизаторами выглядела увеличенной копией шутих, которые когда-то запускали на День независимости. Боеголовка содержала двадцать фунтов черного пороха, смешанного с мелкими осколками камней, которые заменяли собой шрапнель.

Джо Миллер отправился вниз за своими латами и оружием. Палуба жалобно заскрипела под его восемьюстами фунтами. Клеменс нахлобучил шлем, забросил за спину щит, но не стал надевать ни кирасы, ни поножей. Он ужасно боялся ран, однако его еще больше страшила перспектива свалиться в Реку и утонуть под тяжестью доспехов.

Сэм еще раз поблагодарил богов этого мира за то, что они свели его с Джо Миллером — верным другом и кровным братом. Правда, церемония братания потребовала не только пролития крови, но и других болезненных, а во многом и омерзительных дей-

ствий. В один момент Сэм даже был близок к обмороку. Однако теперь они без колебаний вставали на защиту друг друга, а в сражении титантроп один вполне управлялся за двоих.

Кровавый Топор невзлюбил Миллера из зависти. Он мнил себя величайшим воином всех миров и столетий, но прекрасно понимал, что Джо может надавать ему пинков, как приблудной собаке.

— Вот именно,— прошептал Сэм.— Приблудной задрипанной шавке!

Эрик выкрикивал приказы, которые передавались на два других корабля вспышками света, отраженного обсидиановыми зеркалами. Он намеревался поднять паруса и прорваться сквозь ряды галер. Задача была не из легких; предстояло постоянно лавировать, избегая таранов и потери ветра. Кроме того, каждый корабль трижды попадал бы под перекрестный огонь. И тут их могло спасти только чудо.

— Против нас даже ветер,— произнес Сэм Клеменс.— Их ракеты будут бить гораздо дальше наших. Нам надо быстрее прорваться в ряды противника.

— Не учи отца...— оборвал его Кровавый Топор и осекся на полуслове.

Блестящие объекты сорвались с вершин утесов и устремились вниз, направляясь к кораблям викингов. Норвежцы в страхе закричали, но Сэм, распознав планеры, в нескольких словах объяснил конунгу назначение летающих машин. Кровавый Топор начал успокаивать своих людей, и в тот же миг передние галеры дали первый ракетный залп. Десять мощных снарядов, виляя и оставляя за собой шлейфы густого дыма, помчались по дуге к трем парусным кораблям. Те быстро поменяли курс, едва не наскочив друг на друга. Некоторые ракеты пронеслись рядом с мачтами и парусами, но ни одна из них не угодила в цель, и все они с плеском упали в Реку.

К тому времени первый планер предпринял атаку. Легкий и длиннокрылый, с серебристым фюзеляжем, на боках которого чернели мальтийские кресты, он ринулся под углом в сорок пять градусов на «Дрейруграа». Норвежские воины подняли тисовые луки и по команде старшего выпустили стрелы. Те забарабанили по фюзеляжу пролетавшего планера, помешав пилоту произвести точное бомбометание. Снаряды упали позади «Дрейруграа», а летающая машина совершила посадку на воду.

В тот же миг на норвежские корабли налетели остальные планеры. Пользуясь случаем, галеры выпустили новый град ракет. Клеменс обернулся и посмотрел на пусковую установку «Дрейруграа». Рослые белокурые женщины, выполняя команды маленькой смуглой Темах, разворачивали ствол метательной трубы. Однако стрелять пока было рано — на таком расстоянии они не попали бы даже в ближайшую цель.

Внезапно все вокруг замерло, как на фотографии: два пикирующих планера; кончики крыльев всего в трех футах друг от друга; маленькие черные бомбы, которые падали на палубу, и стрелы, торчавшие в фюзеляжах; немецкие ракеты на пологом спуске их траектории и обреченные корабли.

А затем мощный порыв ветра ударил Клеменса в спину. Сквозь свист и вой он услышал громкое хлопанье парусов. Корабль резко развернуло; раздался громкий треск, словно Божья длань разорвала надвое покровы этого мира. Что-то щелкало и скрипело, сотрясая корабль, будто огромные великаны срубали топорами бамбуковые мачты.

Бомбы, планеры и ракеты качнулись вверх, потом вниз — и завертелись в немыслимом хороводе. Паруса и мачты взвились в небо, словно ими выстрелили из пары пушек. Корабль, потеряв оснастку, вдруг встал на дыбы, и гребень громадной волны потащил его почти перпендикулярно руслу. Клеменса снесло бы за борт при первом же шквале ветра, но Джо вовремя прижал его к себе, вцепившись другой рукой в штурвал. Кормчий тоже хватался за рулевое колесо. Женщины у ракетной установки вопили от ужаса, их крики сносило ветром, и Сэм видел лишь открытые рты среди прядей мокрых волос. А потом ураган подхватил эти скорченные фигурки, поднял в воздух, как стаю птиц, и, наигравшись, бросил в воду. Вслед за ними взлетел орудийный ствол, сорванный с лафета.

Эрику удалось ухватиться одной рукой за поручень трапа. В другой руке он держал свое драгоценное стальное оружие. Пока корабль швыряло из стороны в сторону, викинг ухитрился засунуть топор в чехол и вцепиться в поручень обеими руками. Ветер завизжал, как женщина, сброшенная с утеса. Судно опалило потоком горячего воздуха, и на миг оглушенному Клеменсу показалось, что его сунули в сопло ракеты.

Огромная волна поднимала искалеченное судно все выше и выше. Сэм открыл глаза и завопил от ужаса, но ему заложило

уши, и он не услышал своего крика. В четырех-пяти милях позади «Дрейругра» из-за поворота русла появилась стена грязно-коричневой воды высотой не меньше пятидесяти футов.

Клеменс хотел закрыть глаза, но веки будто парализовало. Он завороженно следил за приближением гигантской массы воды и вскоре увидел в пене и брызгах вывернутые с корнями деревья. Сэм видел сосны, дубы и тисы, куски бамбуковых домов и чудом уцелевшую крышу, а рядом с обломками мачт и разбитой вдребезги галерой мелькала туша речного дракона, чьи размеры оказали бы честь любому кашалоту. Какая же сила могла поднять эту рыбу с пятисотфутовых глубин Реки?

Клеменс оцепенел от ужаса. Ему хотелось умереть, чтобы быстрее покончить с этим леденящим страхом, но он не мог пошевелить даже пальцем. Как завороженный, без веры и надежды, Сэм смотрел, как корабль, вместо того чтобы рассыпаться на части и затонуть под сотнями тысяч галлонов воды, медленно взбирался вверх на кручу волны, все выше и выше, и грязно-коричневая вода, усеянная обломками и трупами, нависла над ними огромным гребнем, который вот-вот мог обрушиться вниз. Они поднимались все выше и выше, и дальше оставалось только небо, потерявшее свою яркую полуденную голубизну и превратившееся в серый саван.

А потом корабль оказался на пенистой вершине, зависнув в облаке брызг над крутым откосом. Качнувшись и сорвавшись с гребня, он помчался вниз в зиявшую темнотой ложбину. Свирепые волны, хотя и уступавшие по высоте первому валу, перекатывались через палубу, стараясь догнать друг друга. Рядом с Клеменсом упало тело, выброшенное из яростных вод. В обезумевшем мозгу Сэма вспыхнула искорка разума, и он узнал эту мертвую женщину. Но Клеменс уже не мог почувствовать что-то большее. Ужас довел его до предела.

И поэтому он тупо смотрел на истерзанное тело Ливи, разодранное с одного бока до костей. Это была его Ливи, его жена! Та женщина, которую он искал двадцать лет на берегах бесконечной Реки!

Новая волна, прокатившаяся по палубе, едва не вырвала Сэма из объятий титана. Кормчий закричал и вместе с обломком штурвала исчез в бушующей пучине. Следом за ним за борт смыло труп женщины.

Судно вновь заскользило вверх, поднимаясь из глубин котлована по склону огромной волны. Палуба накренилась так, что Миллер и Клеменс повисли на огрызке рулевого колеса, торчавшего, словно сук, над краем пропасти. Внезапно корабль вернулся в горизонтальное положение и ринулся вниз в очередную ложбину. Резкий толчок оторвал Кровавого Топора от поручня трапа. Эрик покатился кувырком на другую сторону палубы, и его выбросило бы за борт, если бы корабль не понесло на гребень третьего вала. Побелевшими пальцами конунг вцепился в полуоборванные снасти.

А «Дрейругр», одолев вершину волны, уже летел навстречу глубокой бездне. На полпути он столкнулся с корпусом полуразбитой галеры, и удар потряс его от носа до кормы. Эрик вновь не смог удержаться. Он заскользил на животе по мокрым доскам настила и, пробив ограждение, упал на среднюю палубу.

Глава 3

Сэм Клеменс оправился от потрясения только на следующее утро. «Дрейругр», каким-то чудом уцелев среди гигантских волн, перебрался в более тихие воды. Корабль проскочил в теснину между двумя скалами и застрял в небольшой расщелине у основания горы. Чуть позже, когда стремительный поток отхлынул в первоначальное русло, судно оказалось на суше.

Пока Река и ветер ревели, а небо сохраняло цвет каленого железа, люди корчились в ужасе, таком же вязком и липком, как холодный ил. Но палящий ветер утих, и его сменил прохладный бриз с верховьев.

Пятеро человек, оставшиеся в живых на палубе, начали шевелиться и задавать друг другу вопросы. Сэм почти физически ощущал, как слова с трудом пролезали сквозь онемевшие губы. Запинаясь, он рассказал своим спутникам о вспышке, которую увидел в небе за пятнадцать минут до начала урагана. Где-то там, в речной долине, возможно, милях в двухстах от них, упал огромный метеорит. Сильный жар при его проходе через атмосферу и перемещение верхних слоев воздуха вызвали ураганный ветер, появление гигантских волн и разрушительное наводнение. Однако какими бы ужасными ни казались последствия этого катаклизма, их можно было считать ничтожными в сравнении с тем, что

творилось в эпицентре. Фактически «Дрейругр» оказался на краю их неистовой силы.

— Мы встретили ласкового котенка, хотя могли нарваться на льва,— подытожил свои слова Сэм Клеменс.

Викинги с трудом поднимались на ноги и бродили по кораблю, осматривая повреждения. Из-под палубного настила появлялись люди, спасавшиеся в трюме «Дрейругра». Кровавый Топор, едва дыша от полученных ушибов, громко закричал:

— Всем вниз! Убирайтесь в трюм! Вскоре могут прийти новые волны, еще больше и страшнее! И никто не знает, сколько их будет!

Питая к конунгу глубокую неприязнь, Сэм никогда беспрекословно не подчинялся приказам Кровавого Топора. Однако на этот раз ему пришлось признать, что слова Эрика не лишены смысла. Впрочем, сам он не верил в появление новых волн.

Команда спряталась в трюме, и каждый постарался отыскать место, где можно уцепиться за что-то прочное и неподвижное. Ждать пришлось недолго. Земля загудела и затряслась. Река с яростным шипением устремилась в расщелину, словно свирепый кот высотой в пятьдесят футов. «Дрейругр» швырнуло вверх и завертело, раскачивая из стороны в сторону. А Сэма Клеменса бил озноб, и он знал, что при свете дня его кожа выглядела бы синюшной, как у трупа.

Корабль продолжало нести вперед, царапая временами о скалы. Внезапно он устремился вниз, и Сэм мог бы поклясться, что «Дрейругр», добравшись до вершины каньона, сорвался в огромный водопад. Отток речной воды оказался таким же стремительным, как и наводнение. Сквозь приглушенный рев отступавшего потока Клеменс услышал тяжелое дыхание людей, приглушенные стоны и звонкую капель просочившейся в трюм воды.

Однако их беды на этом не кончились. Команда вновь ожидала в холодном оцепенении страха, в то время как огромная масса воды заполняла пространство, откуда ее вытеснили сотни тысяч тонн упавшего метеорита. Было гораздо теплее, чем обычно, но мужчины и женщины дрожали так, словно за бортом тянулись ледяные поля. Их пугало и то, что впервые за двадцать лет, прожитые на этой планете, они не слышали ночью дождя.

Перед новой атакой волн уставшие люди почувствовали, как содрогается земля. Уши заполнило громкое шипение, быстро переросшее в неистовый рев. Корабль подбросило вверх, завертело, заколотило о скалы, а потом опустило вниз. На этот раз днище не ударилось о грунт, и Сэм догадался, что судно увязло в толстом слое речного ила.

— Я не верю в чудеса,— прошептал он,— но с нами действительно случилось чудо. По идее мы должны были погибнуть.

Джо Миллер, который оправился от шока быстрее остальных, решил совершить небольшую разведку. Через полчаса он вернулся, неся на руках обнаженного мужчину. Его ноша оказалась живой. Под слоем липкого ила Сэм разглядел белокурые волосы, симпатичное лицо и голубовато-серые глаза. Незнакомец что-то шепнул по-немецки и благодарно улыбнулся, когда Джо опустил его на палубу.

— Я нашел этого человека в планере,— сообщил Миллер.— То езть в том, что озталозь от их летающей машины. Там внизу, на равнине, очень много трупов, и мне зтало жаль этого парня. Что вы будете з ним делать?

— Попробуем подружиться,— хрипло ответил Клеменс.— Его соплеменники погибли, и теперь эта территория никому не принадлежит.

Сэма вновь пробрала дрожь. Перед глазами возник образ Ливи, брошенной перед ним на палубу, как презрительная подачка судьбы. Ее мокрые волосы прикрывали чудовищную рану на левом виске, а темные глаза смотрели прямо на него. Это призрачное видение становилось все более ярким и мучительным. Ему захотелось зарыдать. Но слезы не шли. И Клеменс был рад своему оцепенению. Рыдания могли превратить его в жалкую горсточку праха. Хотя позже, когда у него появятся силы выдержать боль и муку, он выпустит слезы наружу, обязательно выпустит...

Белокурый мужчина попытался сесть. Его трясло, и в его улыбке сквозило смущение.

— Я замерз,— произнес немецкий летчик.

Миллер спустился в трюм и вскоре принес сушеную рыбу, терпкий хлеб из желудей, ростки бамбука и сыр. У викингов всегда имелся запас пищи на тот случай, если они окажутся на вражеской территории и им не дадут воспользоваться граалями.

— Этот боров, Кровавый Топор, взе еще жив,— сообщил Джо.— Он зломал зебе незколько ребер, получил кучу зиняков и порезов, но его большой рот в полном порядке. Как тебе это нравитзя, Зэм?

Чуть позже Клеменс заплакал. Джо тоже зарыдал, пуская пузыри.

— Вот теперь мне гораздо лучше,— сказал он, отжимая рукой кончик длинного хобота.— За взю звою жизнь я еще ни разу не был так напуган. Когда эта вода помчалазь на наз, как ztадо разъяренных мамонтов, я зказал зебе: «Прощай, дружочек Джо! Прощай и ты, дружище Зэм, потому что, когда я прознузь на далеких берегах Реки в новом теле, тебя уже не будет рядом!» Только ztрах оказалzя таким зильным, что через миг я забыл обо взем на звете. О Иизуз, как мне было ztрашно!

Немецкий летчик представился. Его звали Лотаром фон Рихтхофеном. Он являлся капитаном люфтваффе его императорского величества, кайзера Новой Пруссии Альфреда Первого.

— За последние десять тысяч миль мы проплыли мимо сотни Новых Пруссий,— сказал Клеменс.— И все они умещались на таких клочках земли, что, встав в центре любого из них, я мог бы добросить камень до границы соседнего государства. Правда, их обитатели оказались не столь воинственными, как вы. Нам даже разрешали высаживаться на берег и пополнять наши граали — особенно после того, как узнавали, что мы занимаемся торговлей.

— Торговлей?

— Да, торговлей. Конечно, мы не возили с собой товары, как грузовые корабли нашей старушки-Земли. Мы торговали идеями. Но уверяю вас, это был хороший бизнес. Наши специалисты учили людей делать бильярдные столы или получать из рыбьего клея ароматную жидкость для укладки волос.

Лотар объяснил, что кайзер этой местности, граф фон Вельдерзее, считался некогда в Германии весьма радикальным фельдмаршалом. Он родился в 1832 году и умер в 1904-м.

Клеменс кивнул головой и с усмешкой заметил:

— Я вспоминаю, как читал о его смерти в газетах и получал наслаждение от мысли, что пережил еще одного современника. Это была одна из немногих дармовых радостей моего земного существования. Но если вам известно, как летать на самолетах, то вы, вероятно, из двадцатого века?

Лотар фон Рихтхофен вкратце описал историю своей жизни. Во время Weltkrieg* он летал на боевом самолете, а его брат считался величайшим асом из всех летчиков по обе стороны войны**.

---

* Мировая война *(нем.)*.

** Имеется в виду Манфред фон Рихтхофен, немецкий летчик, прозванный Красным Бароном и сбивший 26 самолетов противника. *(Примеч. ред.)*

— О какой мировой войне вы говорите? — поинтересовался Клеменс.— О первой или о второй?

Он уже встречался с людьми двадцатого века и имел понятие о событиях — реальных и вымышленных,— которые происходили после его смерти в 1910 году.

Фон Рихтхофен добавил к его анналам еще несколько фактов. Он участвовал в Первой мировой войне и сражался под началом своего брата, который отвечал за подразделение из сорока союзнических самолетов. В 1922 году Лотару поручили перевезти из Гамбурга в Берлин известную американскую актрису и ее импресарио. Самолет потерпел аварию, и он погиб.

— Удача покинула меня,— рассказывал Лотар.— Во всяком случае, это было последнее, о чем я подумал перед смертью.— Он рассмеялся и покачал головой.— А потом я оказался здесь, в теле двадцатипятилетнего мужчины, и мне не довелось дожить до возраста, когда женщины больше не смотрят на твое лицо, когда каждый новый день приближает тебя к могиле, когда вино заставляет плакать, а не смеяться, наполняя твой рот кислым привкусом слабости и тлена.

Удача вернулась ко мне во время падения метеорита. При первом же ураганном шквале мой планер потерял крылья, но ветер подхватил фюзеляж, закружил его, лаская на своих ладонях, и, словно лист, легко опустил на холм. Немного погодя машину смыл поток отлива, и меня принесло к основанию этой горы. Просто чудо какое-то, верно?

— Чудо — это случайное совпадение событий, происходящее раз в миллион лет,— напомнил Клеменс.— А вы считаете, что потоп был вызван падением метеорита?

— Я видел вспышку в небе и огненный след. К счастью для каждого из нас, он упал далеко.

Они спустились с корабля на землю и начали пробираться по густому илу к нижнему концу расщелины. Джо Миллер поднял бревно, с которым не справилась бы и пара ломовых лошадей, отбросил в сторону еще несколько поваленных деревьев, и путь на равнину оказался свободным. Трое путников поспешили к Реке, а за ними следом потянулась команда «Дрейругра».

Люди подавленно молчали. Густые рощи исчезли с холмов, и во всей округе уцелели лишь железные деревья. Под защитой их корней, там, куда не набился ил, виднелась густая трава. Ее упорству и стойкости оставалось только удивляться — справиться с ней не удалось даже миллионам тонн воды.

Повсюду валялись обломки хижин и предметов быта. В грязных лужах лежали трупы мужчин и женщин, обрывки покрывал, граали, сломанные балки, разодранные бамбуковые лодки и деревья, вырванные из земли.

Большие питающие камни, похожие на огромные грибы, по-прежнему тянулись по обеим сторонам Реки на расстоянии мили друг от друга. И хотя многие из них почти полностью утопали в грязи, они выглядели целыми и невредимыми.

— Местность идет под уклон к Реке,— сказал Клеменс.— А значит, вскоре дождь очистит эту грязь.

Он старался не смотреть на трупы. Их вид наполнял его невыносимым отвращением. Кроме того, Сэм боялся еще раз увидеть тело Ливи. Он знал, что не выдержит этого зрелища вновь. Он чувствовал, каким близким стало безумие.

— В одном я уверен точно,— произнес Клеменс.— На территории между нами и метеоритом не уцелел никто. Мы можем заявить на него права. И тогда только от нас будет зависеть, сумеем ли мы отстоять это железное сокровище от хищников, которые сбегутся на его запах.— Он повернулся к немецкому летчику: — Хотите присоединиться к нам? Если вы останетесь, в один из дней мы дадим вам настоящий самолет, а не просто планер.

Сэм рассказал Лотару о своей мечте и вкратце поведал историю Джо о Туманной Башне.

— Чтобы добраться туда, нам потребуется много железа,— говорил он.— Много железа и кропотливой работы. Викинги в таком деле не помощники. Для строительства парохода необходимы технические знания, а откуда они возьмутся у вояк десятого века? Я связался с ними только потому, что хотел найти залежи железной руды, из которой сделан топор Эрика. Мне казалось, что железа хватит и на мой пароход, и на стальное оружие, к которому они так неравнодушны. Чтобы подбить их на эту экспедицию, я рассказал им о приключениях Миллера, и викинги захотели захватить Туманную Башню.

Однако теперь необходимость в поисках отпала. Нам известно место, где металла предостаточно. Его остается лишь выкопать, переплавить и залить в те формы, которые понадобятся для строительства корабля. И еще нам придется защищать железо от других людей. Я не хочу вводить вас в заблуждение, расписывая легкие пути к высоким целям. Возможно, пройдут многие годы,

прежде чем мы построим пароход. И это будет чертовски трудно сделать.

Слова Клеменса высекли искру, и лицо Лотара запылало от возбуждения.

— Это великая и благородная мечта! — воскликнул он.— Я рад, что могу последовать за вами. Со своей стороны обязуюсь оказывать вам любую помощь, пока мы не возьмем Туманную Башню приступом! Даю вам слово джентльмена и офицера, слово барона фон Рихтхофена!

— Мне хватило бы просто слова мужчины,— сухо отозвался Сэм.

— Какое странное и воистину немыслимое трио мы собой представляем! — продолжал Лотар.— Гигантский проточеловек, чей род вымер за сотню тысяч лет до начала цивилизации. Прусский барон-авиатор из двадцатого века. И наконец, великий американский юморист, родившийся в тысяча восемьсот тридцать пятом году году. А взять хотя бы нашу команду...

При слове «наша» Клеменс поднял густые брови.

— ...из викингов десятого века!

— Извините, что не разделяю вашего восторга,— сказал Сэм, наблюдая, как Кровавый Топор и его люди пробираются через ил и тину.

Тела людей покрывали синяки и ссадины. Многие хромали или прижимали к груди искалеченные руки.

— Я чувствую себя хуже некуда,— тихо добавил Клеменс.— Вы когда-нибудь видели, как японцы отбивают мясо осьминога? Так вот, я теперь в таком же состоянии, как этот осьминог. Кроме того, мне всегда казалось, что я прежде всего писатель, а не просто юморист.

— О-о! Простите меня! — воскликнул Лотар.— Я оскорбил ваши чувства! Не обижайтесь, прошу вас! Позвольте мне смягчить свою вину признанием о том, что мальчишкой я часто хохотал, читая ваши книги. И самой лучшей из них я назвал бы «Гекльберри Финна». Правда, должен признать, мне не совсем понравилась ваша ирония по отношению к аристократии в «Янки из Коннектикута». Хотя что еще мог написать об англичанах истинный американец!

Кровавый Топор решил, что его люди слишком измотаны и избиты, чтобы начинать работы по спуску корабля к Реке. Следовало сначала пополнить граали, подкрепиться и как следует выспаться, а уж потом и приступать к изнурительному труду.

Они вернулись на судно, достали из трюма граали и установили их в углубления на плоской вершине грибообразного камня. Когда солнце коснулось западных гор, все начали ждать голубоватых молний разряда, привычного рева и жара, исходивших от гранитной глыбы. Электрический разряд должен был напитать энергией небольшие синтезаторы материи, встроенные в граали с двойным дном. И люди знали, что, открыв крышки чаш, они нашли бы там жареное мясо, овощи и хлеб, душистое масло, фрукты и табак, мечтательную резинку, напитки и сладкий мед.

Но тьма медленно сползала в речную долину, а питающие камни молчали. Внезапно из грибообразных глыб на той стороне Реки полыхнуло пламя, и до слуха людей донесся слабый отдаленный рокот. Однако здесь, на западном берегу, впервые за двадцать лет со Дня воскрешения, питающие камни остались холодными и немыми.

Глава 4

Мужчины и женщины почувствовали себя так, словно их покинул Бог. Трижды в день камни давали им пищу, и это казалось таким же естественным, как восход солнца. Теперь же они могли утолить голод только остатками сушеной рыбы, сыром и побегами бамбука.

Клеменс побледнел от страха, но фон Рихтхофен предложил ему отправиться на другую сторону Реки и пополнить запасы еды при утреннем разряде питающих камней. Сэм поспешил к конунгу, чтобы обсудить с ним это предложение. Кровавый Топор пребывал в еще более гнусном настроении, чем обычно. Однако он в конце концов признал, что такое решение не лишено смысла. Джо Миллер, немец и рослый рыжеволосый швед по имени Токи Крокссон отправились к кораблю и вскоре вернулись, принеся несколько весел. Они погрузили в лодку пару десятков граалей и под началом Сэма отправились в путь. Выбравшись на противоположный берег, Миллер, Клеменс и фон Рихтхофен устроились спать на вершине гранитного гриба, поверхность которого после мощного электрического разряда была идеально чистой. Токи Крокссон остался спать в лодке.

— Когда пойдет дождь, спрячемся под каменной шляпкой,— предложил Сэм.

Положив руки под голову, он лежал на спине и смотрел на ночное небо — такое странное и неземное. Мерцающие нити газовых туманностей тянулись из конца в конец, напоминая щупальца спрута. Блеск двадцати тысяч звезд, более ярких, чем Венера, поражал своим изобилием, а сияние дюжины небесных гигантов было настолько интенсивным, что их удавалось разглядеть даже днем.

— Очевидно, метеорит разбил несколько питающих камней на западном берегу,— задумчиво произнес Сэм,— И это нарушило цепь энергообеспечения. О боже, какие масштабы! Какой гигантский механизм! Я думаю, здесь задействовано порядка двадцати миллионов камней, если подобный подсчет вообще возможен.

— После катастрофы речная долина может превратиться в поле битвы,— отозвался Лотар.— Чтобы пополнять свои граали, жители западного берега будут нападать на восточных соседей. Вспыхнет чудовищная война! На равнинах обитает от тридцати пяти до тридцати семи миллиардов человек, и всем им придется бороться за пищу!

— Никакая война тут не поможет,— возразил Джо Миллер.— Конечно, езли бы половина людей погибла, граалей хватило бы взем. Но ведь так не получитзя! Через двадцать четыре часа взе мертвые оживут, и войну придетзя начинать значала.

— Я в этом не уверен,— сказал Сэм.— Мне кажется, что количество питающих камней каким-то образом соответствует числу воскрешенных. И если половина их вышла из строя, это может остановить конвейер лазарей. Я считаю упавший метеорит чем-то вроде небесного диверсанта.

— Я долго верил, что этот мир и наше воскрешение никак не связаны со сверхъестественными существами,— произнес фон Рихтхофен.— Вы еще не слышали эту дикую историю, которая расползлась вверх и вниз по Реке? Рассказывают, что некий человек, пробудившись раньше Дня воскрешения, обнаружил себя в весьма причудливом месте. Вокруг него в воздухе парили миллионы тел — голые женщины, дети и мужчины с наголо выбритыми головами. Они медленно вращались под воздействием каких-то неведомых сил.

Мне говорили, что этот человек — англичанин по имени не то Перкинс, не то Бёртон — погиб на Земле в тысяча восемьсот девяностом году. И вот, пробудившись, он попытался вырваться на свободу. К нему тут же подлетела пара человекоподобных существ, которые вернули его в сон небытия. Позже, как и все остальные, он проснулся на берегу Реки.

Как видите, те, кто стоит за всем этим, тоже иногда ошибаются. Они совершили промах с Бёртоном, и он стал свидетелем стадии, предшествовавшей воскрешению,— стадии, на которой нас готовили к оживлению в этом мире. Я понимаю, история звучит слишком фантастично и, скорее всего, выдает желаемое за действительное, но если учесть нашу ситуацию с граалями...

— Я уже слышал об этом,— ответил Клеменс.

Он хотел рассказать, что видел Бёртона в подзорную трубу перед тем, как заметил Ливи, но боль, которая пришла вместе с мыслью о ее смерти, оказалась для Сэма чересчур сильна.

Он сел, прорычал проклятие и погрозил кулаком звездам. По его щекам потекли горячие слезы. Джо Миллер, сев на корточки позади него, протянул огромную руку и мягко погладил вздрагивавшее плечо Сэма. Фон Рихтхофен смущенно отвернулся.

— Скорее бы эта глыба наполнила наши граали! Я бы все отдал сейчас за одну затяжку,— посетовал он.

Клеменс усмехнулся и вытер слезы.

— Мне редко случается плакать,— сказал он,— но, проливая слезы, я не чувствую стыда. Это очень печальный мир — во многом такой же печальный, как старушка-Земля. Тем не менее мы вновь получили молодые тела. Нам не надо гнуть спины, заботясь о пропитании, или думать о векселях, беременности жен и ненароком подхваченных болезнях. Если нас убивают, мы восстаем из мертвых на следующий день, целыми и невредимыми, хотя и за тысячи миль от мест нашей гибели.

Весь этот мир абсолютно не похож на загробную жизнь, о которой нам твердили проповедники,— что, впрочем, не вызывает большого удивления. Лично я считаю, что нам даже повезло. Неужели вам понравилось бы летать в облаках на аэродинамически непрочных крыльях, а потом весь день бренчать на арфе и выкрикивать осанны?

Лотар засмеялся:

— Спросите любого китайского или индусского кули, возможен ли лучший мир, чем этот. И я хотел бы подчеркнуть, что вновь обретенной жизнью недовольны только мы — избалованные американцы и европейцы, которым всегда хотелось докопаться до первопричин. А как мало нам удалось узнать о процессах околоземного космоса! Как ничтожно мало мы знаем об этой планете! Но мы здесь, и когда-нибудь нам станет известно, кто и зачем поместил нас сюда!

А пока здесь есть красивые и желанные женщины — а они тут действительно есть,— пока нам хватает сигар, мечтательной резинки и добрых сражений, давайте наслаждаться жизнью. Я хочу познать радость в этой долине ярких теней, пока у меня вновь не отняли такую возможность. Пусть сначала будет веселье и страсть, и уж только потом прах к праху!

Разговор затих, но Клеменс не мог заснуть до самого дождя. Он спрыгнул на землю, спрятался под шляпкой грибообразного камня и дождался окончания ливня. Вернувшись наверх, Сэм укрылся большим покрывалом и после долгих метаний забылся в беспокойном сне.

На рассвете его встряхнула огромная рука Джо Миллера. Они торопливо спустились вниз и отошли на безопасное расстояние. Через пять минут, взревев как гигантский лев, камень выбросил вверх голубое пламя, и оно взметнулось на высоту тридцати футов.

В тот же миг заревели камни на другой стороне Реки.

Клеменс взглянул на Лотара:

— Они починили неисправность.

— У меня мурашки поползли по коже,— ответил немецкий барон.— Теперь я верю, что *они* действительно существуют.

Всю обратную дорогу Лотар молчал. Но когда они достигли западного берега, он начал смеяться и болтать, как подвыпивший гость на вечеринке с коктейлями.

«Слишком уж весело»,— прошептал себе под нос Сэм Клеменс, а вслух сказал:

— Они никогда не раскрывали себя прежде. Однако на этот раз у них не было другого выбора.

Глава 5

Пять следующих дней команда стаскивала корабль к воде. Еще две недели ушли на ремонт «Дрейругра». Все это время дозорные вели наблюдение за окружающей местностью, но равнины оставались безжизненными и пустыми. И даже когда судно, без мачт и парусов, отправилось на веслах вниз по Реке, на обоих берегах так и не появилось ни одной живой души.

Викинги, привыкшие к многолюдным толпам, заметно нервничали. Тишина лишала их присутствия духа. В этом мире, где не было животных и птиц, вся живность ограничивалась рыба-

ми и земляными червями. Однако бесконечная вереница человеческих поселений обычно заполняла речную долину гомоном и шумом.

— Вскоре сюда потянутся толпы авантюристов,— сказал конунгу Клеменс.— На этой планете железо дороже, чем золото на Земле. Ты хотел сражений? Так ты их получишь по самое горло.

Эрик взмахнул топором и сморщился от боли в боку.

— Пусть они приходят! Мы готовы к битве! И их кровь наполнит сердца валькирий неистовым весельем!

— Трепач! — проворчал Джо Миллер.

Сэм улыбнулся и на всякий случай занял позицию за спиной титантропа. Из всех живых существ Кровавый Топор боялся только Джо. Однако в порыве безумной ярости он мог потерять над собой контроль и наброситься на исполина. Хотя, с другой стороны, Миллер стоил двадцати его воинов, и конунг викингов нуждался в таком бойце.

Два дня корабль неторопливо продвигался вперед. С наступлением сумерек команда отправлялась спать, и у штурвала оставался только кормчий. Ранним вечером третьего дня Клеменс, фон Рихтхофен и титантроп сидели на носовой палубе и, потягивая виски, курили сигары — дар граалей, полученный во время последней стоянки.

— Почему вы назвали нашего друга Джо Миллером? — спросил Лотар.

— Его настоящее имя длиннее любого научного термина немецких философов,— ответил Клеменс.— Когда мы впервые встретились, я попытался повторить этот набор непроизносимых звуков и едва не сломал язык. А потом он довольно сносно научился говорить по-английски, и мы решили, что ему лучше называться Джо Миллером.

Кстати, та быстрота, с какой он освоил английский язык, объяснялась тем, что ему не терпелось рассказать мне парочку анекдотов. И когда Джо выложил первый из них, я не мог поверить, что у этой шутки такая длинная борода. Впервые мне довелось услышать ее мальчишкой в городке Ганнибал, штат Миссури. А к старости, после сотни тысяч повторов, она уже вызывала у меня отвращение. Подумайте сами, мог ли я предположить, что услышу этот анекдот из уст существа, чей вид вымер за миллион лет до моего рождения!

— Что же это за история?

— Про странствующего охотника, который весь день выслеживал раненого оленя и очень устал. Как назло, разразилась буря. Увидев огонек костра, охотник вошел в пещеру старого колдуна и попросил приютить его на ночь. И старик, конечно же, сказал: «С большим удовольствием, парень. Однако у нас тут довольно тесно, и тебе придется спать вместе с моей дочерью». Думаю, мне можно не продолжать.

— Зэм даже не зазмеялзя,— недовольно проворчал Джо.— Иногда мне кажетзя, что у него прозто нет чувзтва юмора.

Нежно щелкнув Миллера по ракетообразному носу, Сэм засмеялся и передразнил титантропа:

— А мне иногда кажетзя, что ты порою бываешь прав. Хотя на самом деле у меня этого юмора целый вагон, потому что я самый печальный человек в мире. Вы ведь знаете, что любая шутка уходит корнями в людское горе.

Он затянулся сигарой и посмотрел на берег.

Перед наступлением сумерек корабль вошел в зону, выжженную дотла при падении метеорита. Волны пожарищ смели здесь все, оставив после себя только железные деревья. Гигантские растения, потеряв листву, стояли на холмах как немой укор. Их крепкая кора обгорела, а твердая, как гранит, древесина почернела и обуглилась. Чудовищный взрыв накренил могучие стволы, и многие из них упали на землю. То же самое, очевидно, произошло и с питающими камнями, но кто-то уже успел поднять из пепла эти глыбы.

— А теперь, Лотар, вам будет полезно узнать, что именно побудило нас отправиться в путь,— после долгого молчания произнес Клеменс.— Джо расскажет вам о своих приключениях, а я постараюсь объяснить те места, которые могут вызвать у вас недоумение. Это удивительная история, но после нашего воскрешения из мертвых ее сюжет вряд ли покажется кому-то странным.

— У меня перезохло в горле,— сказал Джо.— Позвольте мне значала выпить.

Его темно-синие глаза, погруженные в тень выпиравших надбровных дуг, сфокусировались на углублении чаши. Казалось, всматриваясь туда, он пытался пробудить в воображении те сцены и события, которые ему предстояло описать. Привыкший к гортанной речи, Джо произносил некоторые согласные звуки более твердо, чем требовалось, и это придавало его английскому языку резкое металлическое звучание, окрашенное комичной

шепелявостью. Но когда он рассказывал о Туманной Башне, его голос, исходивший из недр грудной клетки, резонировал, как колодец дельфийского оракула.

— Я пробудилзя к жизни на берегу Реки — таким же голым, как зейчаз. То мезто разполагалозь далеко к зеверу, поэтому воздух там был более холодным, а звет дня — менее ярким. И жили в том краю только мы, титантропы, как называет наз Зэм.

Мы тоже питализь из граалей, но они были гораздо вмезтительнее ваших. Я думаю, вы понимаете, что нам требовалозь больше еды. В наших граалях не появлялозь ни пива, ни визки, и это, наверное, потому, что там, на Земле, мы не имели никакого понятия об алкоголе. Что казается меня, то я пил воду из Реки.

Нам казалозь, что мы находимзя в краю, куда уходят позле змерти. И мои зородичи верили, что наши... как же их... боги даровали нам этот мир и взе, в чем мы нуждализь. А что еще можно было пожелать для зчазтья? Мы зпаривализь, ели, зпали и зражализь з врагами. Я не знал бы горя и зейчаз, езли бы не то зудо...

— Он хотел сказать «судно»,— пояснил Клеменс.

— Да, я так и говорю. Зудно. Только, Зэм, прошу тебя, не перебивай. Ты и так разбил мне зердце, когда зказал, что никаких богов нет. А ведь я видел их звоими глазами!

— Ты видел богов? — воскликнул пораженный Лотар.

— Не их замих. Я видел, где они живут. И еще я видел их небезную лодку.

— Небесную лодку? — вскричал фон Рихтхофен.— Что ты этим хочешь сказать?

Клеменс возмущенно взмахнул сигарой:

— Терпение, барон. Дайте ему рассказать. Если вы будете перебивать его слишком часто, он запутается.

— Там, откуда я пришел, никто не перебивает другого, пока тот не закончит звою речь. Иначе вам прозто бьют кулаком по нозу!

— С таким большим носом, как у тебя, Джо, это, наверное, больно,— ухмыльнулся Сэм.

Миллер погладил свой хобот и ответил:

— Мой ноз — единзтвенная ценнозть, которая у меня езть, и я им горжузь! Ни один карлик в этой чазти речной долины не имеет ничего подобного. А там, откуда я пришел, говорят, что длина ноза указывает на размер вашего... э-э... Как ты там называл эту штуку, Зэм?

Клеменс подавился дымом и вытащил сигару изо рта.

— Джо, ты рассказывал нам о судне, которое появилось в ваших краях.

— Да-да. Хотя нет, я еще не раззказывал о нем. Вы взе время збиваете меня з толку. Ладно, попробую начать еще раз... Однажды, наблюдая за игрой рыб, я лежал на берегу и думал о том, из чего бы зделать крючок. Мне очень хотелозь рыбы. Узлышав крики зородичей, я взкочил на ноги и озмотрелзя. Из-за поворота Реки выплывало огромное чудовище.

Его вид напугал меня до глубины души. Я решил было убежать к холмам, когда вдруг увидел на зпине монзтра крохотные фигурки людей. Они во многом походили на наз, и зтранным казалось только отзутзтвие шерзти. Но я подумал, что это звязано с чезоткой, и дал зебе злово держатьзя от них подальше. Когда же чудовище приблизилозь, меня поразили ничтожные размеры людей — а езли говорить о нозах, то лучше бы их вообще не было. Я мог бы перебить этих карликов одной рукой, но меня охватил благоговейный трепет. Им удалозь укротить речного змея, и они прогуливализь по нему, как пчелы на зпине медведя. А потом...

Слушая Миллера, Клеменс испытывал те же чувства, что и в первый раз. Ему казалось, что он тоже стоял там, рядом с этим существом из предрассветных сумерек человечества. Несмотря на медленную речь, звонкие согласные и шепелявость, Джо рассказывал образно и эмоционально. Сэм кожей чувствовал его страх и удивление, неудержимое желание убежать и безрассудное любопытство, которое роднило приматов с людьми или, по крайней мере, делало их понятными друг другу. За пологим лбом находилось серое вещество, которое жаждало расширить рамки существующих понятий. Оно стремилось в неизвестное — к тому, что никогда не встречалось прежде.

Вот почему Джо Миллер остался стоять на берегу, тревожно тиская в руках свой массивный грааль. Вот почему он стоял, хотя ему хотелось бежать к спасительной дубовой роще.

А монстр тем временем подплывал все ближе и ближе. Миллер начал понимать, что это неживое существо. Но зачем тогда понадобилась огромная голова, готовая к молниеносному выпаду? Зачем этот загнутый кверху хвост? И все же речной змей выглядел мертвым и абсолютно окоченевшим. Впрочем, чудовище могло притворяться. Однажды на Земле Джо стал очевидцем того,

как раненый медведь, прикинувшись мертвым, внезапно вскочил и оторвал у зазевавшегося охотника руку.

Правда, потом Миллер увидел этого охотника живым — он пробудился, как и все из их племени, на берегу Реки. Но если им обоим удалось ожить, значит, на такое способна и мертвая змееподобная голова. И почему бы ей тогда не вцепиться в него зубами?

Тем не менее Джо пересилил страх и, дрожа, приблизился к чудовищу. Он был титантропом, старшим братом человека, и примитивное «хочу все знать» толкало его вперед.

Маленький человек, такой же жалкий, как и все остальные, поманил Джо Миллера. На его голове сиял стеклянный обруч, пылавший в лучах заката алым огнем. Позади него на деревянном змее стояли люди, вооруженные копьями и странными устройствами, которые, как позже выяснил Джо, назывались луками. Их не испугало приближение гиганта. Возможно, это объяснялось тем, что, устав от непрерывной гребли против течения, они уже не заботились о том, что может с ними произойти.

Вождь пигмеев долго уговаривал Джо подняться на судно, и это ему почти удалось. Но когда люди сошли на берег и начали пополнять свои граали, Миллер на всякий случай отбежал от страшного корабля. Потом они ели, и он ел вместе с ними, устроившись невдалеке. Его сородичи, запаниковавшие при виде «речного змея», прятались на холмах. Увидев, что чудовище не трогает Джо, они стали медленно приближаться к берегу. Пигмеи поспешили вернуться на судно.

Вождь людей достал из своего грааля странный предмет, поднес к его концу раскаленную проволоку и выпустил изо рта густой клуб дыма. Миллер взвыл от ужаса, а его сородичи снова побежали к холмам. Джо поначалу решил, что безносые пигмеи — выводок речного дракона. Возможно, они находились на стадии личинок, но уже подобно своей матери выпускали из себя дым и огонь.

— Однако, не будучи глупцом, я начал догадыватьзя, что дым изходит из предмета, который люди называли зигарой. Их вождь жестами дал понять, что разрешит мне подымить, езли я поднимузь на корабль. Не знаю, что тогда на меня нашло, но мне безумно захотелозь попузкать дым из этой коричневой штуки. И конечно же, помимо прочего я хотел показать зородичам звою безудержную храброзть.

Джо прыгнул на корабль, и под его весом палуба немного накренилась на левый борт. Он взмахнул граалем, показывая чужакам, что проломит им головы, если те набросятся на него. Люди поняли намек и расступились, а вождь тут же протянул ему обещанную сигару. Джо затянулся дымом, закашлялся и нашел вкус табака довольно странным. Но ему понравилось глотать терпкий дым. А когда он первый раз в жизни выпил пива, его ноги сами пошли в пляс.

И тогда Джо решил отправиться на «речном змее» к верховьям Реки. Он помогал пигмеям грести, и за огромную силу они называли его Техути.

— Техути? — с удивлением спросил фон Рихтхофен.

— Греческая форма этого имени — Тот,— пояснил Клеменс.— Египтяне изображали его длинноклювым человеком-ибисом. Вероятно, вид Джо мог напомнить путешественникам и о божественном бабуине Басте, но огромный нос явно перевесил все другие мнения, и Джо Миллер стал Тотом, или Техути.

Дни и ночи проносились мимо, как воды Реки. Иногда Джо начинал скучать и просился на берег. К тому времени, несмотря на частые затруднения в выборе слов, он уже довольно сносно говорил на языке пигмеев. Вождь никогда не отказывал Джо, понимая, что любой конфликт мог привести к гибели всей команды. Однако он с горечью говорил, что обучение Техути на этом закончится и хорошее начинание не принесет достойных плодов. И вождь сожалел, что животное с ликом бога мудрости так и не станет человеком.

Животное? Бог? Человек? Что же роднило их и отличало друг от друга?

— Порядок твоего перечисления не совсем правильный,— говорил вождь.— Если идти снизу вверх, то верной последовательностью будет животное, человек и Бог. Но иногда под личиной зверя ты можешь увидеть божество, а в человеке — темное животное начало. Однако время от времени понятия меняются местами, и духовная цель человека заключается в том, чтобы уравновесить эту пару противоположностей.

Такие рассуждения не умещались в большой голове Техути, и это удивляло его. Он садился на корточки и хмуро смотрел на берег, понимая, что там не будет ни пива, ни сигар. Обитавшие на равнинах существа относились к его собственному виду, но они могли убить чужака из другого племени. Кроме того, впер-

вые познав радость интеллектуального общения, Техути знал, что там, среди титантропов, ему будет не хватать этих умных бесед.

Вот почему, взглянув с улыбкой на вождя, он покачал тогда головой и сказал, что не собирается уходить с корабля. Техути занял свое место у длинного весла. Он вновь приступил к изучению той удивительной штуки, которую люди называли философией. Овладев их речью, Техути начал понимать чудесные вещи, о которых говорил ему вождь. Он плакал, когда идеи впивались в него, как шипы колючего куста, и ловил их, когда они ускользали, как юркие змеи. Он глотал и извергал их обратно по двадцать раз, пока не усваивал эту пищу для души и ума.

А Река тянулась все дальше и дальше. Люди стонали у весел, стараясь держаться ближе к берегу, где течение казалось не таким сильным. Дни сменялись ночами, и солнце уже не взбиралось так высоко на небеса. С каждой новой неделей его лучи теряли яркость и силу, а воздух становился колючим и холодным.

— Их судно приближалось к Северному полюсу,— пояснил Сэм.— Отклонение экваториальной плоскости от плоскости эклиптики на этой планете равно нулю. Вы знаете, что здесь нет годовых сезонов, а день и ночь имеют одинаковую продолжительность. В тех широтах, где находился их корабль, солнце появлялось из-за горизонта лишь наполовину. Причем его всегда закрывали горы.

— Да. Мы плыли в вечных зумерках. Я замерзал, хотя и не так зильно, как люди. Они кутализь в покрывала, но это им мало помогало.

— Его массивное тело излучает меньше тепла...— вмешался Клеменс.

— Я прошу тебя, Зэм! Неужели ты не можешь немного помолчать?

Лотар и Клеменс рассмеялись. Немного подождав, Джо продолжил свою историю.

Ветер крепчал, и воздух наполнялся туманом, а сердце гиганта сжималось от тревоги и тоски. Ему хотелось вернуться назад, к родным берегам. Но он молчал, боясь потерять уважение вождя. Джо поклялся себе, что пройдет с ним каждый дюйм пути к их неведомой и загадочной цели.

— А ты разве не знал, куда они направлялись? — спросил Лотар.

— Знал, но не очень точно. Они хотели добратьзя до истоков Реки, где, по их мнению, жили боги. Люди надеялизь уговорить богов отпузтить их в назтоящий загробный мир, потому что этот мир они зчитали иллюзией и этапом на пути к изтинной реальнозти. Вот такие дела!

Однажды Джо услышал грозный приглушенный рокот, более отдаленный, чем раскаты в его кишках. Шум нарастал, обретая силу грома, и вскоре Миллер понял, что это рев водопада, который срывался вниз с огромной высоты.

Корабль направился в небольшой залив, защищенный от стремнины тонким мизинцем суши. Цепь питающих камней давно закончилась. Люди ловили рыбу, ели ее и сушили впрок. Кроме того, на корабле имелся запас бамбуковых побегов, приобретенный в солнечных краях на случай подобной критической ситуации.

Вождь и его люди помолились, а затем отряд начал карабкаться вверх вдоль каскадов водопада. Вот где пригодилась нечеловеческая сила Техути-Джо Миллера. Хотя бывали моменты, когда его огромный вес становился причиной оползней и обвалов.

По мере того как они взбирались на гору, влажный воздух превращался в завесу вездесущих брызг. Наконец отряд подошел к гладкой отвесной скале, которая поднималась вверх на тысячу футов. Люди отчаялись, заметались в поисках обходного пути, и кто-то из них обнаружил веревку, свисавшую с края вершины. Она была связана из множества покрывал, и, проверяя узлы на прочность, Миллер дернул ее несколько раз на себя. Цепляясь за веревку и упираясь ногами в поверхность скалы, он проворно одолел крутой склон и начал следить за подъемом следующего смельчака. Однако вождь сумел добраться лишь до середины и, вконец обессилев, начал соскальзывать вниз. Джо поднял его на скалу вместе с тяжелой веревкой. А потом вытянул наверх и остальных участников экспедиции.

— Но откуда, черт возьми, взялась веревка? — спросил фон Рихтхофен.

— Кто-то подготовил им путь,— ответил Клеменс.— При той примитивной технологии, которая существует на планете, ни один человек не мог бы поднять веревку на столь гладкую и высокую скалу. Вы хотите напомнить мне о воздушном шаре? Да, я согласен, что оболочку можно сделать из человеческой кожи или воздушных пузырей речных драконов. Но чтобы получить водо-

род с помощью пара и древесного угля, вам понадобится соответствующий катализатор. А где вы его возьмете, если здесь нет почти никаких металлов?

Впрочем, при огромных затратах топлива можно получить водород и без катализатора. Однако Джо не видел там следов очага или большого костра. И почему веревка осталась свисать со скалы? Ведь покрывала еще не раз могли пригодиться в пути и на привалах. Все это свидетельствует о существовании человека, который подготовил путь для Джо и его спутников. Или для тех, кого он ждал. Только не спрашивайте меня, кто этот человек. Сам я предпочитаю называть его Таинственным Незнакомцем. Но вернемся к рассказу Джо. Тут есть еще что послушать.

Прихватив с собой веревку, отряд прошел несколько миль по высокогорному плато. Путники устало шагали сквозь сумерки и густой туман, пока дорогу им не преградила еще одна отвесная скала. С ее вершины невероятно широким водопадом низвергалась Река. Глядя на эту массу падавшей воды, Джо подумал, что такой поток мог бы поглотить даже земную Луну. И в тот же миг, словно в ответ на его мысли, с верхнего края водопада сорвался огромный камень. Он прочертил серебристо-черную дугу над ревущими водами и разбился на мелкие куски у подножия скал, вокруг которых вскипала водоворотами обезумевшая стихия.

Ветер усиливался, а туман становился гуще. Капли воды стекали по покрывалам, в которые кутались продрогшие люди. Скала перед ними казалась матовым стеклом. Ее гладкий отвесный склон уходил ввысь и терялся в белесой завесе тумана. И никто из них не мог сказать, где он закончится — на высоте пятидесяти футов или где-то на отметке двух миль. Осмотрев подножие скалы, путники нашли пещеру — вернее, маленькое отверстие, за которым начинался туннель. Каменный свод располагался так низко, что им приходилось пробираться на четвереньках или ползком. Плечи Джо едва пролезли в проход. Но холодные стены были удивительно гладкими, словно кто-то, просверлив гору насквозь, долго и заботливо шлифовал бугры и острые выступы.

Туннель вел вверх под углом в сорок пять градусов. При таких условиях людям не удалось оценить расстояние, которое они проползли. Когда Джо выбрался из темной дыры на другом конце прохода, его плечи, руки и колени кровоточили, несмотря на защищавшие их куски покрывал.

— Вот этого я не понимаю,— воскликнул фон Рихтхофен.— Судя по рассказу Джо, горы намеренно были сделаны неприступными для того, чтобы люди не сумели добраться до истоков Реки. Так зачем кому-то понадобилось сверлить проход в твердой породе и тем самым облегчать им путь? И почему такого туннеля не оказалось в первой скале?

— Там туннель был бы слишком заметен для охраны или патрулей, которые осматривают приграничные полярные районы,— ответил Клеменс.— Вторую же скалу скрывал туман.

— Но веревка из белых покрывал еще больше бросалась в глаза,— возразил немецкий летчик.

— Вероятно, ее спустили незадолго до того, как у скалы появились люди,— задумчиво произнес Клеменс.

Фон Рихтхофен вздрогнул.

— Дайте мне закончить раззказ, черт бы ваз побрал! — вскричал Джо Миллер.— Не забывайте, это моя изтория!

— Конечно, твоя! Ведь она ничуть не меньше твоего зада! — сострил Клеменс и весело захохотал.

— О небо! И почему мои козти не остализь под камнями и зучьями!

Глава 6

Пройдя туннель, отряд оказался на новом плоскогорье шириной не более десяти миль. Люди выспались — вернее, попытались выспаться,— а затем начали подъем по пологому склону. Иногда их путь пролегал через опасные трещины и крутые уступы, но в основном местность оказалась вполне преодолимой. Главным врагом теперь стала нехватка кислорода. Путники задыхались, ловили ртами воздух и все чаще устраивали привалы.

К тому времени Джо ушиб ногу и начал прихрамывать. Боль усиливалась, но он не хотел просить вождя об отдыхе. Пока другие шли, шагал и он.

— Джо не может оставаться на ногах так долго, как люди,— пояснил Клеменс.— Подобно всем представителям его вида, он страдает плоскостопием. Вес титантропа слишком велик для одной пары ног, и мне кажется, что истинной причиной вымирания их вида стали частые переломы костей — в том числе и позвоночника.

— А мне кажетзя, что один гомо запиенз зкоро будет зтрадать от перелома ноза,— пригрозил Джо.— Езли ты еще раз зунешьзя в мой раззказ, я за зебя не ручаюзь!

Они карабкались вверх по склону горы, и широкая Река на дне каньона постепенно превращалась в тонкую блеклую нить. Время от времени ее скрывали густые облака. Рыхлый снег затруднял подъем, и холодный ветер, завывая, как голодный волк, хлестал по лицам людей колючими льдинками. Но они добрались сквозь туман к непокорной вершине и почти на ощупь отыскали пологий спуск к последнему плато. Наконец они дошли до огромной дыры в горе, из которой вытекала широкая Река.

Русло сжимали в объятиях неприступные скалы. Гладкие отвесные склоны будто смеялись над людьми, раскрыв ужасную пасть, откуда с грохотом, таким же громким, как голос Бога, вырывалась вода. Громоподобный рев заглушал слова людей. Они не слышали даже собственной речи. Но единственной дорогой вперед могло быть только это отверстие.

Миллер нашел узкий выступ над водой, который уходил в гигантскую дыру. Он заметил, что вождь намеренно старался идти позади него. И тогда Джо понял, что пигмеи признали его своим вожаком. Обращаясь к нему, они по-прежнему называли его Техути, но если раньше он слышал в их голосах добродушную насмешку, то теперь осталось только уважение. Джо действительно стал их Техути.

Клеменс вновь не удержался от комментариев:

— В нашем городке тоже жил слабоумный паренек, которого все называли Иеговой. Так уж получается, что, когда людям не нужен Бог, они посмеиваются над ним, как над деревенским дурачком. Однако в минуту опасности презрительное глумление сменяется уважением. И мы можем сказать, что Джо стал великим Тотом, который повел участников экспедиции в подземный мир.

Вы, видимо, считаете, что я наделяю случайное совпадение довольно отвлеченным символическим смыслом. Но эта слабость присуща каждому человеку. И если вам нравится гладить собаку, вы должны простить ей наличие блох.

Джо Миллер продолжил рассказ. Он начал сопеть и кряхтеть. Его огромная грудь вздымалась и опадала, как кузнечные мехи. Очевидно, яркие воспоминания пробудили в нем ужас тех напряженных мгновений.

Узкий выступ оказался полной противоположностью пройденному накануне туннелю: его не касалась рука разумного существа. Карниз то спускался к самой воде, то поднимался к своду

пещеры. Раз за разом Джо приходилось переползать через широкие бреши и протискиваться в щели под скользкой скалой. Темнота ударила по глазам, и ему показалось, что он ослеп. Рев потока заполнил уши, лишив его слуха. Осталось только осязание, и оно не подвело, несмотря на оцепенение и ужас — ужас перед тем, что ожидало их впереди.

— Нам очень хотелось спать, но мы продолжали ползти,— рассказывал Джо.— Вождь лишь дважды устраивал привал, чтобы мы могли перекусить и набраться сил. Мне уже начало казаться, что нам никогда не выбраться из этой пещеры, как вдруг впереди появилось серое пятно. Маленький проблеск в темноте, который и цветом-то не назовешь...

Они выбрались из небольшой пещеры почти у вершины горы. В тысяче футов под ними виднелось море облаков. Солнце пряталось за горной грядой, но его слабые лучи подсвечивали серое небо. А карниз тянулся дальше по отвесному склону, и когда он сужался до крохотной полоски, люди ползли по острым камням, раня руки и колени, цепляясь негнущимися пальцами за мельчайшие неровности скалы. Один из них сорвался с выступа, уцепился за ногу соседа, и оба с криками исчезли в облаках.

Воздух становился теплее.

— Здесь надо учесть особенность Реки,— пояснил Клеменс.— Зарождаясь на Северном полюсе, она обвивает петлями всю планету, а затем возвращается к полярному морю и отдает накопленное тепло. Поэтому воздух там не такой холодный, как на полюсах Земли. Впрочем, это только мои предположения.

Отряд перебрался на другой карниз и начал огибать скалу, которая преградила им путь. Выступ был настолько узким, что они могли продвигаться лишь боком, как цепочка крабов. Джо остановился и, прижимаясь всем телом к отвесной стене, осмотрелся по сторонам. Откуда-то из далеких глубин ущелья доносился шум бушевавшей Реки. Узкий каньон расширялся и сливался с огромным пространством.

Сквозь сумеречный свет Джо видел горы, окружавшие полярное море. Огромная масса воды, покрытая белым паром, заполняла котловину около шестидесяти миль в диаметре. На противоположной стороне клубились густые облака. Лишь значительно позже, после долгих объяснений Сэма, Джо понял, что облачный покров скрывал под собой устье Реки, где теплые воды вступали в контакт с холодным воздухом.

Титантроп сделал еще несколько шагов по карнизу и едва не наступил на серый металлический цилиндр.

Поначалу Джо не узнал его, настолько неуместным казался этот предмет среди первозданных скал. Однако знакомые очертания пробудили в уме гиганта нужные ассоциации, и он понял, что видит перед собой грааль, оставленный тем, кто уже прошел по этому опасному пути. Миллера ошеломило открытие, что некий неизвестный странник перенес все те же тяготы, что и он. Вплоть до этого самого места!

Джо поднял цилиндр и открыл крышку. Внутри лежали зловонные остатки рыбы и кусочек заплесневевшего хлеба. Видимо, странник до последнего момента надеялся найти питающий камень и получить хоть какое-то пропитание. Но потом с ним что-то случилось, иначе он не бросил бы свой грааль на карнизе. Его либо убили, либо напугали так, что он убежал, забыв обо всем на свете.

При этой мысли Джо поежился от страха.

Он двинулся в обход огромной глыбы, перекрывшей тропу. Вид моря исчез на несколько секунд за гранитным обломком. А потом Джо снова посмотрел вперед и не удержался от крика.

Встревоженные спутники окликнули его. Им хотелось знать, что же он увидел. Но от потрясения Миллер перешел на родной язык, в одно мгновение забыв азы человеческой речи.

Порыв ветра разогнал облака над серединой моря, и из густого тумана проступил приплюснутый купол какого-то серого сооружения. Его цилиндрическая форма напоминала гигантский, чудовищно огромный грааль, вокруг которого клубилась зыбкая пелена испарений.

Очевидно, в горах, окружавших полярное море, существовал разлом. И именно в этот миг лучи низкого солнца, прорвавшись в брешь горной цепи, осветили вершину башни.

Джо прищурился, пытаясь что-то рассмотреть сквозь радужное сияние. Внезапно над куполом взвился объект, похожий на белое яйцо. Сверкнув, как яркая звезда, он помчался вниз, в густую полосу тумана. А затем лучи солнца миновали разлом, и ореол над башней исчез. Все снова погрузилось в сумерки, испарения и облака...

Решив составить Сэму компанию, Миллер устроился у дубовых перил. Клеменс был единственным человеком, которого он любил и которому безоговорочно доверял. Кроме того, Джо чувствовал, что его другу сейчас нужна моральная поддержка. Однако вскоре голова гиганта опустилась вниз, огромный нос размером с дубинку уткнулся в широкую грудь, а из сомкнутых уст полился храп, похожий на звуки далекого лесоповала. Секвойи скрипели и с шумом падали на землю. Грохот сменялся треском ветвей и шелестом листвы. Но, передохнув секунду-другую, лесоруб вновь брался за топор, и дремучий лес редел еще на парочку деревьев.

— Спи спокойно, малыш,— со вздохом прошептал Сэм.

Он знал, что Джо сейчас снится Земля, навеки утраченная и далекая. И там в ночи все так же ревели мамонты и львы, все так же ласкали его стройные девы. Внезапно Джо застонал и жалобно захныкал. Сэм понял, что Миллеру снова приснился медведь, искалечивший его ногу. С тех пор нога у Джо болела днями и ночами. Подобно своим соплеменникам, он был слишком велик и тяжел для одной пары ног. Эти гигантские протолюди стали неудачным экспериментом, и природа, признав ошибку, уничтожила их, как ненужный мусор.

— «Расцвет и падение плоскостопых»,— прошептал Сэм.— Статья, которую я уже никогда не напишу.

Из его груди вырвался стон, прозвучавший как слабое эхо вздохов Миллера. Ему вспомнилось истерзанное тело Ливи, которое волны бросили к его ногам, а затем унесли в пучину. Но была ли это Ливи? Сколько раз, рассматривая толпы на берегах, он видел похожие лица. И когда ему удавалось уговорить Кровавого Топора, Сэм спускался на берег и находил тех женщин, но его всегда ожидало разочарование. О боже! Но ведь он мог обознаться и на этот раз!

А если нет?

Сэм снова застонал. Неужели судьба так жестока? Неужели он действительно видел свою милую и незабвенную Ливи? Быть так близко и снова ее потерять — как это похоже на правду! А потом ее тело швырнули к его ногам, как будто Бог или тот, кто правил этим миром, хотел сказать: «Смотри, как близко ты был от нее! Страдай же, ничтожное скопище атомов! Вопи от боли, смерд! Ибо ты должен платить мне своими муками и болью!»

— Но за что? За что платить? — прошептал Сэм, прикусив кончик сигары.— За какие такие преступления? Неужели я мало страдал за содеянное мной и, более того, за все, что не решился сделать?

Когда там, на Земле, к нему пришла смерть, он вздохнул с облегчением, надеясь на избавление от мук. И больше не надо

было оплакивать кончину любимой жены, нелепую гибель дочерей и преждевременную смерть единственного сына; не надо было терзать себя подозрением, что их маленький Ленгдон умер из-за его небрежности. Неужели мальчик действительно простудился на той прогулке, когда холодным зимним днем Сэм решил покатать его в экипаже? Неужели он виновен даже в смерти собственного сына?

— Нет! — воскликнул Клеменс так громко, что Джо подскочил, а кормчий недовольно заворчал.

Сэм ударил кулаком по ладони, и Джо опять заворочался во сне.

— Боже, за что ты казнишь меня такой болью? — заплакал Клеменс.— Какое это имеет значение сейчас? Прошлого уже не вернешь, так разреши нам начать жизнь заново с чистыми душами.

Да, в этом мире умершие оживали вновь, а больные становились здоровыми. И все зло, совершенное на Земле, казалось таким далеким в пространстве и времени, что о нем не стоило вспоминать. Однако прошлое не отпускало. Люди не менялись и не желали меняться. Все их мысли, стремления и чувства тянулись корнями в ту прошлую жизнь — пусть нелепую и грешную, но единственно настоящую.

Сэму захотелось мечтательной резинки, которая без труда могла бы снять с его сердца увесистый камень вины и наполнить разум диким неуемным счастьем. Но иногда резинка еще больше усиливала душевные страдания, и тогда ужас видений заставлял молить о смерти как о единственном спасении. Последний раз Сэм видел такой кошмар, что теперь даже и думать не смел о новой попытке. Хотя, возможно, сейчас... Нет, лучше не надо!

Маленький Ленгдон! Сэм никогда не увидит его снова, никогда! Мальчик скончался в два с половиной года — слишком рано, чтобы воскреснуть вновь. Ни один ребенок, умерший на Земле до пяти лет, не пробуждался к жизни в мире Реки. Очевидно, те, кто задумал это переселение душ, не пожелали связываться с маленькими детьми. А возможно, их оживляли где-то на другой планете. Так или иначе, ему уже не увидеть сына и не выпросить у него желанного прощения.

А найдет ли он когда-нибудь Ливи и своих дочерей — Сару, Джин и Клару? Ходили слухи, что Река тянулась на двадцать мил-

лионов миль и что на ее берегах обитало около тридцати семи миллиардов человек. Сколько же понадобится времени, чтобы пройти из конца в конец оба берега и взглянуть на каждого из людей? Допустим, за сутки удавалось бы одолеть одну квадратную милю. Значит, сорок миллионов миль надо поделить на триста шестьдесят пять дней в году. Сэм давно не производил таких вычислений в уме, но по его расчетам выходило где-то около ста девяти лет.

И даже если бы кто-то совершил такое путешествие и осмотрел каждого встреченного человека, он мог бы не найти тех, кого искал. По тем или иным причинам они могли умереть и перенестись в места, где он уже бывал. Кроме того, он мог просто разминуться с ними в пути, если бы они тоже отправились на его розыски.

Нет, здесь необходимо другое решение. Существа, создавшие речную долину и воскресившие человечество, размещали людей на берегах по строго определенным правилам. Очевидно, они обладали каким-то архивом данных или аппаратурой, которая позволяла определять местонахождение любого человека. А если есть такая аппаратура, значит, должен быть и центр управления. Вот куда добраться бы!

Если же никакого архива нет, они все равно должны заплатить за этот эксперимент над людьми!

Сэм знал, что Джо рассказывал о реальных событиях. И его история имела несколько моментов, которые внушали определенные надежды. Кто-то из людей — или, вернее, из разумных существ — постарался сделать так, чтобы жители долины узнали о Туманной Башне в центре северного моря. Сэм пока еще не понимал причин, побудивших к действию этого неизвестного друга. Однако о его существовании свидетельствовали и туннель, и веревка на скале, и даже та популярная легенда об англичанине — скорее всего, Бёртоне, а не Перкинсе,— которому посчастливилось пробудиться в фазе, предшествовавшей Дню воскрешения. Это преждевременное пробуждение было столь же неслучайно, как и туннель, пробитый в толще горы, поэтому Сэм, не задумываясь, приписал его Таинственному Незнакомцу.

Вот так, постепенно и как-то сама собой, у Клеменса появилась мечта. Он питал ее фактами и догадками, пока она не превратилась в Великую Мечту. Но чтобы воплотить свои грезы в реальность, ему требовалось железо. Много железа! И поэтому он уговорил Эрика отправиться в путь — на поиски металла, из

которого был сделан стальной топор конунга. В глубине души Сэм не верил, что руды хватит для строительства гигантского корабля, но, путешествуя к верховьям Реки, он плыл вперед, к полярному морю.

Теперь же благодаря удаче, которую он ничем не заслужил,— а Сэм действительно считал, что не заслуживает ничего хорошего,— он мог получить доступ к неограниченному запасу железа. Однако обольщаться не стоило.

Он нуждался в специалистах и прежде всего в металлургах, которые могли бы обработать руду, извлечь из нее железо, а затем отлить необходимые детали. Ему требовались инженеры, химики и кораблестроители.

Он слегка толкнул титантропа в бок и сказал:

— Поднимайся, Джо. Скоро пойдет дождь.

Гигант заворчал и, воспрянув, как башня из тумана, с хрустом размял затекшие мышцы. Его зубы блеснули в свете звезд. Он двинулся вслед за Сэмом к трапу, и бамбуковый настил затрещал под тяжестью его восьмисот фунтов. Внизу кто-то выругался по-норвежски.

К тому времени облака заволокли вершины гор. Тьма вползала в речную долину, пожирая паутину туманностей и неистовый блеск двадцати тысяч огромных звезд.

На восточном берегу сверкнула молния и раздался удар грома. Сэм остановился. Молнии пугали его на протяжении всей жизни, вероятно, воскрешая в памяти какие-то детские страхи. В их призрачных отблесках он видел лица тех, кого обидел, оскорбил и унизил; а за ними маячили смутные фигуры старцев, укоривших его за безымянные преступления. Молнии замелькали вокруг корабля, словно снаряды при пробной пристрелке. И Сэму на миг показалось, что какое-то мстительное божество вознамерилось сжечь его живьем или пронзить своими огненными стрелами. Этот карающий мститель бродил по облакам и, расшвыривая молнии, искал врага по имени Сэм Клеменс.

— Я злышу шум, который приближаетзя к нам ниже по Реке! — воскликнул Джо.— И это не гром! Вот опять! Неужели не злышишь? Очень похоже на разкаты грома, но это что-то другое!

Сэм прислушался и вздрогнул. Ниже по течению действительно раздавался какой-то гул. Внезапно над долиной прокатился раскатистый грохот.

— Что за черт?

— Не пугайзя, Зэм,— ответил Джо.— Я з тобой!

Однако он тоже дрожал.

Отблеск молнии залил восточный берег раскаленной белизной. Сэм подпрыгнул и закричал:

— О боже! Я видел, как что-то пролетело!

Джо придвинулся ближе и прошептал:

— Я тоже видел эту штуку. Она такая же, как та, что появилазь тогда из Башни! Но она уже улетела, Зэм.

Какое-то время они стояли, вглядываясь в темноту. Молния вспыхнула опять, но на этот раз они уже не увидели над Рекой белой яйцеобразной машины.

— Она возникла из ничего и в ничто вернулась,— произнес Сэм.— Прямо как мираж. Если бы ты тоже не видел ее, я бы подумал, что это наваждение.

Клеменс проснулся на палубе, мокрый и озябший. Он перекатился на бок и прищурился, увидев солнце над пиками восточной гряды.

Джо лежал рядом, а у рулевого колеса безмятежно спал кормчий.

Но не это заставило Сэма вскричать и вскочить на ноги. Он забыл о золоте солнца, когда его взгляд опустился ниже. Равнины утопали в яркой зелени травы, у берегов покачивались заросли бамбука, а на холмах, под сенью железных деревьев, темнели рощи сосен, тиса и дубов.

— Все встало на свои места,— сострил Клеменс, сам того не замечая.

Неведомая сила погрузила в сон всех людей на борту «Дрейруграа», и, пока они спали, кто-то очистил берега от ила и гари. Но эти «кто-то» не только восстановили растительность и выровняли ландшафт. За несколько часов они обновили огромный район Реки!

Глава 8

Клеменс почувствовал себя незначительным и слабым — таким же беспомощным, как слепой щенок. Что он мог противопоставить существам, чья власть над природой творила чудеса?

Однако все в этом мире должно иметь какое-то объяснение — физическое объяснение. Чудес на свете не бывает, их создают наука и умелое приложение имеющихся в наличии сил.

Впрочем, кое-что внушало надежду. Одно из этих могущественных созданий симпатизировало людям. По какой причине? Вероятно, снова борьба идей и различных взглядов.

К тому времени люди на корабле начали пробуждаться. Кровавый Топор и фон Рихтхофен поднялись на кормовую палубу, и конунг нахмурился, увидев немца рядом с собой. Викинга возмутило, что какой-то чужак осмелился прийти на такое почетное место. Но вид обновленных берегов потряс Эрика настолько, что он забыл о немце и своем желании прогнать его прочь.

Лучи солнца скользнули по серым глыбам питающих камней, и те заискрились в белой паутине испарений. Могильные холмики тумана, скрывавшиеся в траве у камней, поблескивали радужным мерцанием. А на берегах лежали сотни обнаженных мужчин и женщин, и на стопке покрывал рядом с каждым из них виднелся металлический цилиндр.

— Оптовая поставка,— произнес Сэм.— Очевидно, это те, кто погиб в результате отключения западных камней. К счастью, их перенесло сюда из разных мест, и этим людям потребуется какое-то время, чтобы организоваться в общины. Кроме того, они еще не знают об огромных запасах железа, которые находятся у них под ногами.

— Но как же мы теперь найдем метеорит? — спросил фон Рихтхофен.— Все следы его падения исчезли.

— А вы не подумали о том, что он тоже мог исчезнуть? — ответил Клеменс и сердито выругался.— Те, кто проделал за ночь такую работу, могли убрать и метеорит, лишив нас тем самым металла.— Сэм застонал от внезапно накатившего отчаяния.— Кроме того, он мог упасть в Реку — а там глубина до тысячи футов и больше...

— Вы подавлены, мой друг,— сказал Лотар.— Но пока нет никаких причин для огорчений. Во-первых, метеорит мог остаться на месте. А во-вторых, даже если его и забрали, вам не станет от этого хуже, чем прежде. У нас по-прежнему будут вино, женщины и песни.

— Все это меня уже не удовлетворяет,— ответил Сэм.— Более того, мне трудно представить, что нас воскресили из мертвых лишь для подобных наслаждений. Я не вижу в этом смысла!

— Вот как? — усмехнулся Лотар.— А откуда вам знать, по каким причинам эти таинственные существа поместили нас в сотворенный ими мир? Возможно, они питаются нашими мыслями и чувствами.

Сэм заинтересовался. Новая гипотеза, несмотря на гнетущий оттенок, вывела его из депрессии, и он почувствовал, что уныние проходит.

— Вы полагаете, что нас превратили в эмоциональных коров? И значит, наши пастухи поедают теперь сочные бифштексы любви и ребрышки надежды, печенку отчаяния и грудинку смеха, жаркое из ненависти и нежную плоть оргазма?

— Это только теория,— ответил Лотар.— Но она ничем не хуже других, которые мне доводилось слышать. Что касается меня, то я уже готов подкормить своих благодетелей. Взгляните хотя бы на тех обнаженных красоток. О боже! Пустите меня скорее к ним!

Краткий миг воодушевления прошел, и Сэм вновь погрузился в глубины печали. Возможно, немец в чем-то прав, но тогда в борьбе с загадочным противником у людей столько же шансов на победу, сколько у коровы-медалистки, решившей не давать отныне молока. Впрочем, иногда случалось, что по дороге на бойню быки бодали и даже убивали своих хозяев.

Он объяснил конунгу ситуацию, и тот тоже засомневался в успехе.

— Как же мы найдем эту упавшую звезду? Неужели нам придется перекопать все берега в ближайшей округе? Ты и сам знаешь, какая тут трава. Потребуется несколько дней, чтобы выкопать маленькую яму нашими каменными орудиями. А потом ты и глазом не успеешь моргнуть, как трава прорастет опять, и все придется начинать сначала.

— Ничего, что-нибудь придумаем,— ответил Клеменс.— Эх, будь у нас магнит или компас... Но их, к сожалению, нет.

Тем временем Лотар посылал воздушные поцелуи изящной блондинке на берегу. Услышав последние слова Сэма, он повернулся и весело сказал:

— С воздуха все выглядит по-другому. Сорок поколений крестьян могут распахивать поле над древней крепостью, но тайна ее существования будет по-прежнему скрыта от их взора. А пилот, лишь раз пролетев над местностью, тут же поймет — под землей что-то есть. Он заметит это по различиям в рельефе, по

оттенкам грунта и расположению растений. Я не знаю, что мы увидим здесь, но мир открывает свои подземные богатства только тем, кто воспаряет в небо, как птица. Ведь почва — это тонкое покрывало, которое время набросило на руины прошлого.

— Значит, будь у вас планер, вы могли бы найти место, где упал метеорит? — возбужденно спросил Сэм.

— Да, причем мы могли бы сделать планер за несколько дней,— ответил Лотар.— Но пока в этом нет необходимости. Поднявшись в горы, вы и так получите хороший обзор.

Сэм радостно хлопнул в ладоши:

— Какая удача, что мы взяли вас с собой! Я бы никогда не додумался до этого! — Внезапно он нахмурился.— Однако на большую высоту нам все равно не подняться. Взгляните на эти горы. Они такие же гладкие и скользкие, как предвыборная речь политика.

Кровавый Топор нетерпеливо поинтересовался, о чем они говорят. Сэм пояснил суть дела, и конунг сказал:

— Я смотрю, этот парень может нам пригодиться. А что касается гор, то проблема невелика — главное, найти побольше кремня. Мои люди прорубят в скалах ступени, и мы поднимемся хоть на тысячу футов. Конечно, потребуется время, но железо стоит таких усилий.

— А если здесь нет кремня? — спросил Клеменс.

— Тогда мы проложим путь, взрывая скалы,— ответил Кровавый Топор.— Сделай мне порох, и я подниму тебя на гору!

— Для изготовления пороха нам потребуется человеческий кал. И этого добра тут хватает,— произнес Сэм.— Древесный уголь получим из сосны и бамбука. Но вот где достать серу? Ее может не оказаться поблизости.

— А помнишь место в семистах милях ниже по Реке? Там этой серы как дерьма! — ответил викинг.— Но давай по порядку. Во-первых, нам надо найти метеорит. Во-вторых, прежде чем приступать к раскопкам, мы должны построить надежные укрепления. По воле богов нам повезло оказаться здесь первыми, однако мы не будем единственными на этом пути. Запах железа поползет вверх и вниз по Реке. Сюда потянутся храбрецы — кто стаями, кто в одиночку. И нам придется сражаться, защищая сокровище. Поэтому, прежде чем искать звезду, мы должны как следует окопаться.

Сэм еще раз выругался и сказал:

— Мы можем проплывать мимо нее прямо сейчас!

— Тогда давай остановимся здесь,— предложил конунг.— Это место ничем не хуже других. Кроме того, нам пора уже перекусить.

Через три дня, обследовав ближайшие окрестности, команда «Дрейругра» убедилась в полном отсутствии кремня и сланца. Очевидно, все, что тут имелось раньше, превратилось в пыль при взрыве метеорита, а новый грунт, которым покрыли пепелище, оказался лишенным камней.

Обычно в предгорье валялось множество обломков, пригодных для изготовления инструментов и оружия. В скалах змеились расщелины и трещины, откуда люди выламывали подходящие куски. Однако эта территория оказалась абсолютно бесплодной.

— Какое невезение! — пожаловался Сэм, разговаривая однажды вечером с фон Рихтхофеном.— Мы не в состоянии найти метеорит. И даже если нам удастся его отыскать, как мы докопаемся до этого сокровища? О какой добыче железа может идти речь, если у нас нет никаких инструментов? А железно-никелевый сплав, между прочим, очень твердый и плотный материал.

— Вас считали величайшим юмористом на Земле,— ответил Лотар.— Неужели после воскрешения вы настолько изменились?

— О боже, почему люди не понимают таких простых вещей! — воскликнул Клеменс.— У каждого юмориста на душе черным-черно от горя и печали. И именно эти сгустки тьмы он превращает в фейерверки смеха. Но потом, когда их сияние исчезает, тьма возвращается опять.

Сэм перевел взгляд на языки костра. В них мелькали лица, маленькие и большие. Они удлинялись, расползались вширь, а затем сжимались в точки искр и улетали к звездам. И уже потерялась вдали печальная Ливи, воспарившая по спирали в ночное небо. И следом за ней, из пламени, но холодное как лед, появилось лицо Джин, его милой младшенькой дочери. Спокойное застывшее лицо, как в те минуты, когда она лежала в гробу; вот только губы слегка подрагивали и уплывали вверх вместе с дымом. А затем он увидел отца на смертном одре и обгоревшие останки своего брата Генри, найденные после взрыва парового котла. Внезапно из огня возникло лицо Тома Бленкеншипа — того парня, который послужил прообразом Гекльберри Финна. И только он улыбнулся Сэму на прощание.

———

В Клеменсе всегда жил маленький мальчишка, мечтавший уплыть на плоту вниз по Миссисипи — навстречу множеству приключений, ни за одно из которых не надо было бы отвечать. Теперь у него появилась такая возможность. И он мог вечно скользить на плоту по Реке, переживая захватывающие встречи с герцогами, графами и королями. Он мог бездельничать, болтать дни и ночи напролет, удить рыбу и не заботиться о хлебе насущном. Он мог бы плыть на плоту тысячи лет, делая все, что ему заблагорассудится.

Однако проблема заключалась в том, что на самом деле Сэм не мог исполнить свою мечту. Во многих местах этого мира процветало граалевое рабство. Злые люди захватывали в плен проходивших и проплывавших мимо странников, а затем отнимали все, что появлялось из их чудесных цилиндров — еду, сигары, спиртное и мечтательную резинку. Граали погибших исчезали вместе с трупами, поэтому рабов доводили до полного истощения, но не давали им умереть. Связанных узников помещали в бамбуковые клетки, и они лежали там, как цыплята на прилавке мясника. А когда кому-нибудь из несчастных удавалось покончить с собой и оказаться за тысячи миль от своего мучителя, он часто вновь попадал в лапы не менее жестокого рабовладельца.

К тому же, будучи взрослым человеком, Сэм вряд ли испытывал бы на плоту то беспредельное счастье, о котором грезил мальчишкой. Нет, для путешествия по Реке ему требовались гарантии полной безопасности, предельный комфорт и — что греха таить — безраздельная власть. Когда-то ему хотелось стать лоцманом, и в свое время он добился этого на Земле. Но теперь Клеменс видел себя капитаном парохода, самого большого, мощного и красивого из всех существовавших. Самый большой пароход на самой длинной Реке, по сравнению с которой Миссисипи и все ее притоки, Нил, Амазонка и Обь, Конго и Хуанхэ, взятые вместе и возведенные в квадрат, выглядели бы жалкой речушкой Озарк.

Его пароход будет иметь шесть палуб выше ватерлинии, два огромных гребных колеса и сотни роскошных кают для экипажа и пассажиров. В состав экспедиции войдут известнейшие личности своего времени, а он, Сэмюэль Ленгхорн Клеменс — или, проще, Марк Твен,— станет их капитаном. Его судно будет в пути до тех пор, пока они не достигнут верховьев Реки и не найдут чудовищ, сотворивших этот мир. И тогда люди узнают, зачем их вновь обрекли на жизнь, сулящую боль, отчаяние и муки.

Путешествие могло растянуться на целый век, а возможно, на два или три столетия. И Сэм был этому только рад. Он мог бы назвать тысячи и тысячи вещей, которых недоставало в мире Реки, но времени здесь хватало с избытком.

Клеменс грелся в сиянии образов, где по водам Реки плыл огромный пароход, а у штурвала стоял он, капитан. Его первым помощником будет Христофор Колумб или, возможно, Фрэнсис Дрэйк. Капитаном морской пехоты он назначит... Нет, не капитаном, скорее всего майором, потому что на борту будет только один капитан — он сам, Сэм Клеменс. Так вот, на должность майора могут претендовать Александр Великий, Юлий Цезарь и генерал Грант.

Булавочный укол досадной мысли пронзил воздушный шар, паривший в струях его грез. Эти два античных ублюдка никогда не согласятся на вторую роль. Александр и Цезарь начнут плести интриги и в конце концов попытаются захватить его прекрасный пароход. А согласится ли такой великий человек, как генерал Грант, выполнять приказы какого-то Сэма Клеменса — отставного писаки-юмориста, двадцать лет не видевшего листа бумаги?

Светящийся газ его грез со свистом улетучивался. Шар мечты обвис и скорчился. Сэм снова подумал о Ливи, столь внезапно обретенной и вновь потерянной. Как странно, что ее жизнь оборвал метеорит, благодаря которому Сэм мог теперь воплотить в реальность свою мечту. Как странно, что Ливи появилась именно в это время. Она возникла всего лишь на миг, будто какой-то небесный тиран показал ее Сэму и забрал обратно. А его мечта? Чего она стоит, если ему до сих пор не удалось отыскать огромную металлическую глыбу?

Глава 9

— Вы выглядите очень усталым, Сэм,— произнес Лотар.

— Да, пора отправляться спать,— ответил Клеменс, поднимаясь на ноги.

— Как? Вы хотите разочаровать эту венецианскую красотку из семнадцатого века? Она, между прочим, весь вечер строила вам глазки!

— Тогда утешьте ее, барон.

Сэм торопливо зашагал от костра. В течение вечера он несколько раз испытывал соблазн увести венецианку в свою хижину — особенно после того, как первая чаша согрела его кровь. Однако теперь им овладело полное безразличие. Клеменс знал, что, уложив в постель Анжелу Сангеотти, он потерял бы потом покой от чувства вины. За последние двадцать лет ему довелось испытать подобные угрызения совести десять раз — со всеми женщинами, которые делили с ним ложе. И Сэм понимал, что отныне будет чувствовать себя виноватым не только перед Ливи, но и перед Темах — его индонезийской подругой, с которой он жил как супруг почти пять лет.

— Какая нелепость! — твердил он себе множество раз.— Даже разум бессилен объяснить это чувство вины. Мы так давно разлучены с Ливи, что уже стали чужими друг для друга. Слишком многое случилось с каждым из нас после Дня воскрешения.

Однако чувства не подчинялись логике, и он страдал — страдал от осознания собственной вины. Хотя можно ли называть логикой эти жалкие доводы его ума? Ведь по сути своей человек попрежнему оставался неразумным животным и вел себя в соответствии с врожденным темпераментом и приобретенными склонностями.

— Почему же я терзаюсь тем, что не может быть поставлено мне в вину? — в который раз шептал он себе.— Потому что такова моя натура, будь я проклят! Потому что при зарождении Земли какие-то два атома столкнулись друг с другом, и это породило цепь событий, по воле которых я оказался здесь — в ночи, на странной планете, среди толпы помолодевших стариков, собранных из всех времен и народов. Вот почему я иду в свою бамбуковую хижину, где меня ждут одиночество и тоска, абсолютно необязательные с точки зрения разума, но неизбежные по существу.

Да, я мог бы убить себя, но смерть не решит моей проблемы. Через двадцать четыре часа самоубийца оживает вновь — пусть в другом месте, но таким же несчастным. И каждая новая попытка, оставаясь бесплодной, лишь добавляет муки истерзанной душе.

— О жестокосердные и безжалостные ублюдки! — вскричал он, погрозив кулаком далеким звездам. Потом горько рассмеялся и добавил: — Что толку обвинять их в жестокости и черствости душ? Как и я, они не в силах измениться. В этом дерьме мы все едины.

И все же подобные мысли не ослабили его желания отомстить. Он по-прежнему хотел вцепиться зубами в руку, подарившую ему бессмертие.

Его бамбуковая хижина находилась у подножия холма под огромным железным деревом. Строение выглядело жалкой лачугой, но считалось здесь исключительной роскошью, поскольку нехватка каменных инструментов превращала строительство домов в настоящую проблему. Люди, перенесенные сюда после падения метеорита, селились в шалашах, сделанных из бамбуковых шестов, травяных веревок и больших листьев железного дерева, которые походили на слоновьи уши. В долине росло около пятисот разновидностей бамбука, и из некоторых люди делали деревянные ножи. Однако их лезвия быстро ломались, нуждались в постоянной заточке и вообще являлись жалкой пародией на то, к чему привык человек.

Войдя в хижину, Сэм лег на топчан и закутался в несколько больших покрывал. Слабые звуки далекого веселья мешали заснуть. Немного поворочавшись, он поддался искушению пожевать палочку мечтательной резинки. Сэм не знал, к чему это приведет: к экстазу с обилием текучих многоцветных образов, к чувству мудрого умиротворения или к похотливым желаниям, а возможно, наоборот — к бездонному мраку, где из темноты станут выползать чудовища и скулящие призраки погибшей Земли, где в языках адского пламени начнут извиваться грешники и демоны без лиц, наслаждаясь криками жертв, будут давиться визгливым смехом.

Он пожевал тягучую массу, проглотил слюну и понял, что опять совершил ошибку. Но трезвый ум, как всегда, запоздал, и было поздно что-либо менять. Он вновь переживал тот эпизод, когда мальчишкой тонул в реке — и ведь утонул бы, если бы его не вытащили.

«Тогда я умер в первый раз,— подумал Сэм.— Хотя нет! Я умер, когда родился! Как странно, что мать никогда не рассказывала мне об этом».

И он увидел ее, лежавшую на постели,— спутанные волосы, побелевшая кожа, белки глаз под приоткрытыми веками и дрожавшая челюсть. А доктор, закурив сигару, склонился над малышом — над ним, над Сэмом. Он повернулся к отцу и невнятно пробормотал:

— Вряд ли удастся спасти.

— Вы хотите сказать, что моя Джейн и... вот этот... погибнут? — спросил отец.

У доктора были огненно-красные волосы, густые рыжие усы и светло-голубые глаза. Его лицо выглядело бесстрастным и грубым.

— Обычно я хороню свои ошибки, но в данном случае вы зря беспокоитесь,— ответил он.— Я спасу этот комочек плоти, хотя вряд ли от него будет какой-то толк. И ваша жена тоже поправится.

Доктор укутал малыша в простыню и положил его на кровать. Затем сел и начал писать что-то в маленьком черном блокноте.

— Неужели вы не можете отложить свою писанину на другое время? — возмутился отец Сэма.

— Я должен сделать эту запись,— ответил доктор,— и давно бы сделал ее, если бы не болтал тут с вами так много. В этот дневник я заношу все души, которые выпускаю в мир. Под старость лет мне хотелось бы составить огромную книгу с биографиями этих людей и в конце концов понять, насколько они стоили моих усилий. Если мне удастся принять в эту юдоль печали хотя бы одного гения, моя жизнь обретет какой-то смысл. Иначе я лишь зря терял время, пополняя человечество новой тысячей идиотов, лицемеров и лжецов.

Маленький Сэм заплакал, и доктор сказал:

— Кричит так, словно уже потерял душу, верно? Как будто все грехи мира легли на его крохотные плечи.

— Вы странный человек,— заворчал отец.— И, кажется, очень злой. А уж то, что Бога не боитесь, так это видно сразу.

— Да, моя дань уходит князю тьмы,— с усмешкой ответил доктор.

Запах крови сплетался с дымом сигар. Комната пропахла зловонием пота и похмельным дыханием доктора.

— Как вы решили его назвать? Сэмюэлем? Да ведь так зовут и меня! Сэмюэль — это имя Бога. А тут их сразу два! Прямо анекдот какой-то! Жаль, что дохленький он у вас и не протянет долго. А если и выживет, то будет маяться всю жизнь.

— Вон из моего дома, дьявольское отродье! — закричал отец.— Что вы только за человек такой? Прочь с моих глаз! Я позову другого доктора. Простить себе не могу, что позволил вам прикасаться к моей жене и принимать ребенка. Избавьте этот дом от своей дьявольской вони!

Доктор, покачиваясь, собрал окровавленные инструменты и небрежно бросил их в саквояж.

— Ладно, я уйду. Но вы задержали мой отъезд из этого захолустья. Я ведь тут проездом, мой провинциальный друг. Лишь доброе сердце заставило меня сжалиться над вами, поскольку шарлатан, который практикует на этой помойке, уехал в город по своим делам. И вот, покинув уют таверны, я пришел сюда, чтобы спасти младенца, для которого смерть была бы лучшим исходом. Я спас своего маленького тезку, и этого вы не можете отрицать! Так где же мой гонорар?

— Я мог бы выбросить вас за порог, не дав ничего, кроме своих проклятий,— сказал отец.— Но человек должен оплачивать свои долги независимо от обстоятельств. Вот ваши тридцать серебряных монет.

— Мне больше нравятся бумажные деньги,— с усмешкой ответил доктор.— Не будь меня, вы дождались бы своего коновала, и он дал бы вам горсть никчемных пилюль, но запомните, только я, доктор Экс, мог вытащить из лап смерти вашу жену и ребенка! Доктор Экс — непредсказуемый и вечный странник; таинственный незнакомец, посланный дьяволом для того, чтобы сохранять жизни других несчастных ублюдков; веселый малый, продавший душу шотландскому виски, потому что от рома его просто тошнит...

— Вон! Вон! — закричал отец.— Убирайтесь, пока я вас не прикончил!

— Вот благодарность этого мира,— прошептал доктор Экс.— И мне действительно пора уходить. Из ничего я явился на свет, населенный ослами, и, пройдя его, вновь удаляюсь в ничто. Экс или икс — это и есть ничто!

В холодной испарине, застыв от напряжения, как каменный Аполлон, Сэм наблюдал за драмой своего рождения. Внезапно сцену и актеров втянуло в бледно-желтый шар, по которому заструились красные молниевидные прожилки. Видение поблекло, и далекое 30 ноября 1835 года во Флориде, штат Миссури, стало вновь погружаться в глубины подсознания. Прежде чем выйти за порог, доктор еще раз обернулся и взглянул на Сэма. Он вытащил изо рта сигару, дурашливо усмехнулся, и среди его желтых

прокуренных зубов блеснули два удивительно белых и неестественно длинных клыка.

Видение потемнело и угасло. Дверь его родного дома превратилась в проем бамбуковой хижины, и новая фигура, мелькнув на фоне ярких звезд, скользнула в тень у изголовья. Клеменс закрыл глаза, подготавливая себя к следующему кошмару. Он застонал и еще раз пожалел о том, что принял мечтательную резинку. Тем не менее Сэм знал, что в ужасной фантасмагории таилась правда, которая нравилась и одновременно не нравилась ему. Драма рождения была фантазией, сотворенной им самим для оправдания собственных страхов. Но что означала эта темная фигура, которая беззвучно кралась к нему, как смерть? Из каких глубин его ума возникло это существо?

Внезапно он услышал бархатный голос:

— Сэм Клеменс! Не тревожься! Тебе не будет от меня вреда! Я пришел, чтобы помочь!

— А что вы потребуете в уплату за помощь? — тихо прошептал Сэм.

Человек негромко рассмеялся и сказал:

— Ты из тех людей, которые мне нравятся. Пожалуй, я сделал правильный выбор.

— Вы хотите сказать, что в своем воображении я создал вас как того, кто избрал меня?

Помолчав несколько секунд, незваный гость произнес:

— Я понимаю. Ты считаешь меня еще одним фантомом, вызванным мечтательной резинкой. Однако это не так. Коснись меня.

— А зачем? — произнес Сэм.— Как плод моего ума, вы прекрасно знаете, что галлюцинации можно не только видеть и слышать, но и ощущать. Лучше расскажите мне о причинах вашего визита.

— Обо всех причинах? Это потребовало бы слишком много времени. Я не смею оставаться рядом с тобой так долго, потому что здесь неподалеку есть кое-кто еще. Меня могут заметить, и это будет полным моим провалом. Они стали очень подозрительными, понимаешь? Им уже известно, что среди них появился отступник, но они еще не знают, кто он такой.

— Они? О ком вы говорите? — спросил Сэм.

— Они — это мы, этики. Наша группа ведет наблюдение за данным районом Реки. Здесь сложилась уникальная ситуация —

впервые за всю историю планеты мы собрали на небольшом участке абсолютно неоднородный контингент людей. Это редчайший случай, и наши исследователи регистрируют все, что только можно. Будучи одним из Двенадцати, я возглавляю проект и работаю главным администратором.

— О-о! За это надо выпить! — с усмешкой воскликнул Сэм.— И я подниму за вас стаканчик, когда проснусь!

— Ты уже проснулся. И уверяю тебя, я действительно существую. Мое тело — это объективная реальность, поэтому хватит валять дурака. Повторяю, у меня мало времени!

Сэм попытался сесть, но рука пришельца удержала его на месте. В легком прикосновении ладони чувствовалась огромная сила не только физического, но и гипнотического характера. Ощутив это, Клеменс вздрогнул и зашептал:

— Вы один из них! Один из них!

Еще мгновение назад ему хотелось схватить незнакомца и позвать кого-нибудь на помощь, но теперь он отбросил эту нелепую идею.

— Один из них, но не с ними,— ответил ночной гость.— Я на стороне людей и сделаю все возможное, чтобы мой народ не завершил этот мерзкий проект. У меня есть план, однако его осуществление потребует времени, терпения и осторожности. Тут надо действовать окольным путем. Я уже вошел в контакт с тремя людьми, и ты будешь четвертым. Каждый узнает лишь часть замысла, но основная суть останется пока в секрете. Если кто-нибудь из выбранных мной будет разоблачен и подвергнут допросу, его показания не принесут этикам абсолютно никакой пользы. Более того, при медленном развитии событий все происходящее будет казаться стечением случайных обстоятельств — как, например, внезапное падение этого метеорита.

Сэм снова попытался сесть, но остановился раньше, чем его коснулась рука незнакомца.

— Так это не случайность?

— Конечно нет. С некоторых пор мне стало известно о твоей мечте построить пароход и добраться до конца Реки. Но это невозможно сделать без железа. Вот почему я отклонил орбиту подходящего метеорита и ввел его в поле притяжения нашей планеты. По моим расчетам, он должен был упасть неподалеку отсюда — впрочем, и не слишком близко, иначе ты бы погиб и оказался в другом регионе. Планетарная система безопасности не допусти-

ла бы падения метеорита в долину Реки, однако мне удалось отключить центральный пульт, и небесное тело прошло сквозь сеть дематериализаторов. К сожалению, охрана справилась с поломкой пульта очень быстро, и система безопасности успела изменить траекторию метеорита. В результате ты едва не погиб, а я на какое-то время списал тебя со счета. Но твое спасение окрылило меня, и я поверил, что удача с нами.

— Значит, падающая звезда...

— Стала звездой, которую я бросил к твоим ногам!

«Если ему так много известно обо мне, то он, очевидно, не раз бывал на борту "Дрейругра",— подумал Сэм.— Неужели у этиков есть устройства, которые позволяют им становиться невидимками? Впрочем, такое вполне возможно. Их яйцевидный летающий аппарат возник буквально из воздуха, и я увидел его, скорее всего, по причине какой-то неисправности. Вероятно, молния повлияла на систему защиты, и он потерял свою невидимость. Боже, я начинаю сходить с ума! Это же только фантом, вызванный мечтательной резинкой!»

— Один из их агентов очень близко! — прошептал незнакомец.— Слушай меня внимательно! Метеорит убирать не стали, потому что не хватило времени. Во всяком случае, я так решил. Он захоронен под равниной и холмами в десяти милях отсюда. Тебе надо только отсчитать десять питающих камней вниз по Реке, и ты окажешься на периметре кратера. Там находятся несколько огромных глыб металла и множество мелких кусков. Начнешь копать — найдешь. Все остальное зависит только от тебя. Я буду помогать по мере возможности, но моя помощь будет неявной.

Сердце Сэма заколотилось так громко, что он едва услышал свой голос:

— Почему вы решили помочь мне построить корабль?

— Ты узнаешь об этом в свое время. А пока будь доволен тем, что получил необходимый материал. Но слушай дальше! В пяти милях выше по Реке у основания гор находятся залежи бокситов. Рядом с ними проходит небольшая жила платины, а в двух милях за ней ты найдешь месторождение киновари.

— Бокситы? Платина? Зачем?

— Глупец!

Судя по учащенному дыханию, незнакомец пытался сдержать злость и презрение.

— Бокситы понадобятся для производства алюминия,— произнес он более спокойным тоном.— Платина используется в качестве катализатора во многих химических процессах. Но у меня не осталось времени для объяснений. В этом районе есть несколько подходящих инженеров, и они расскажут тебе, что к чему. Я должен уходить. Он уже приближается! Делай то, что тебе сказано, и все будет хорошо. Да, чуть не забыл! В тридцати милях вверх по Реке находятся россыпи кремня.

— Но...— начал Клеменс.

Силуэт человека мелькнул в проеме двери и исчез. Вскочив с постели, Сэм выбежал из хижины. На берегу светились огни костров, и рядом с ними сновали маленькие фигурки людей. Пришелец исчез. Сэм обошел вокруг хижины, но поблизости никого не оказалось. Он взглянул на небо, бледное от газовых туманностей и ярких точек красных, голубых и белых звезд. Где-то там, став невидимым и бестелесным, скользил яйцеобразный аппарат.

Глава 10

Повернувшись к хижине, Сэм увидел огромную неподвижную фигуру, стоявшую во мраке у входа. Его сердце испуганно забилось.

— Джо, это ты?

— Да,— прозвучал в ответ низкий бас.

Джо подошел к приятелю и сказал:

— Я чувзтвую запах. Нечеловечезкий запах! Здезь был кто-то другой — не такой, как вы, люди. И ты знаешь, этот запах напоминает мне...

Гигант замолчал. Сэм ждал, представляя себе, как огромные каменные жернова в голове Джо перемалывают муку из мыслей. В конце концов Миллер вздохнул и произнес:

— Так оно и езть, будь я проклят!

— Что ты хочешь сказать, Джо?

— Это злучилозь давно, на Земле — незадолго до того, как меня убили. Мне ведь до зих пор не веритзя, Зэм. Неужели ты дейзтвительно прав? О Иизуз Христоз! З того времени прошло уже зто тызяч лет!

— Не тяни, Джо! Я сгораю от нетерпения!

— Не знаю, поверишь ты этому или нет, но мой ноз имеет звою память.

— А что тут странного? — сердито проворчал Клеменс.— Туда бы вместился весь твой мозг. Выкладывай, Джо! Я уже умираю от любопытства.

— Ну хорошо, Зэм. Злушай. Я шел тогда по зледу врага из племени вифзангкруилов. Они жили в дезяти милях от наз на другой зтороне большого холма, похожего на...

— Не надо деталей, Джо.

— Ладно. Так вот, дело происходило на закате дня, и я знал, что приближаюзь к врагу. Его злед зтал звежим и четким. Внезапно я узлышал шорох. Мне подумалозь, что тот парень, которого я презледовал, обошел меня ззади. Решив перехитрить его, я лег на землю и пополз в ту зторону, откуда донозилзя трезк ветвей. И что, ты думаешь, я увидел? О великий дух! Почему мне не пришло в голову раззказать тебе об этом раньше? Набитое я чучело!

— Тут я с тобой согласен. Но дальше, Джо?

— Так вот, тот парень заметил меня, хотя я подкрадывалзя тихо, как лазка к птице. Он зашел мне в тыл и, наверное, хотел уже нанезти змертельный удар. Но когда я обернулзя, мой враг лежал на земле, холодный, как пещерный червяк. А рядом з ним зтояли два человека.

Ты знаешь, Зэм,— я храбрый малый и, возможно, змелее многих других. Но тогда я впервые увидел людей и, конечно же, злегка изпугалзя. На них была одежда — вернее, то, что ты опизывал мне как одежду. В руках они держали какие-то зтранные штуки около фута длиной. Эти толзтые черные палки блезтели как зталь, из которой зделан топор Эрика, и они еще больше напугали меня. Я зпряталзя. Однако эти ублюдки, казалось, видели зквозь кузты. Один из них навел на меня звою палку, и я потерял зознание. Они вырубили меня каким-то зиним лучом. А когда я очнулзя, эти двое и погибший виф изчезли. Мне зтало зтрашно. Я убежал оттуда зо взех ног и з тех пор навзегда запомнил их запах.

— Это все? — спросил Сэм.

Джо молча кивнул.

— Будь я проклят! — воскликнул Клеменс.— Неужели они... эти люди... держали нас под наблюдением еще полмиллиона лет назад? Или даже больше? Неужели это были этики?

— Я не понял, Зэм.

Клеменс рассказал Джо о том, что утаил бы от любого другого. Сэм знал, что может полностью доверять титантропу. Однако во время объяснений у него появилось нехорошее предчувствие — ведь мистер Икс попросил не говорить о нем ни слова.

Джо кивал так часто, что его нос напоминал бревно, плывущее по водам бурного потока.

— Взе зовпадает, Зэм. Взе дейзтвительно зовпадает! Они взтретилизь мне на Земле. Потом, попав в экзпедицию Эхнатона, я видел их башню и воздушный корабль. А теперь тебя избрал этот Икз, и ты должен поztроить пароход. Взе звязано друг з другом, понимаешь?

Сэму удалось заснуть только перед самым рассветом. Утром, преодолев желание остаться в постели, он заставил себя встать к завтраку и присоединился к команде «Дрейругра». Пока викинги, немец и Джо поглощали содержимое своих граалей, Сэм, ссылаясь на вещий сон, рассказал им изрядно исправленную версию своего ночного видения. И он на самом деле посчитал бы это сном, если бы чуткий нюх Джо Миллера не подтвердил присутствия таинственного незнакомца.

Фон Рихтхофен начал высмеивать наивную веру в вещие сны, однако его язвительные высказывания не нашли поддержки среди норвежцев. Многие из них, хотя и не все, считали пророческие сны вполне обычным делом. К сожалению, в числе неизбежных скептиков оказался и Кровавый Топор.

— Ты хочешь, чтобы мы тащились за десять миль и рыли землю из-за какого-то твоего кошмара?! — взревел он.— Я всегда подозревал, что ты так же слаб на ум, как и на отвагу, Клеменс! Теперь я еще раз убедился в этом! Забудь о своем дурацком сне!

Оттолкнув грааль в сторону, Сэм вскочил на ноги и осмотрел сотрапезников из-под нахмуренных бровей.

— В таком случае мы с Джо сегодня же уйдем от ваших костров. Я соберу местных жителей, и они помогут нам выкопать железо. Мы найдем его, найдем! Можете не сомневаться в этом! Но вам уже никогда не войти к нам в долю — ни по слову чести и ни за какие деньги. Потому что первого у вас не было на Земле, а второго не существует в этом мире.

Выплюнув непрожеванные хлеб и куски мяса, Эрик выхватил из-за пояса топор.

— Как ты смеешь говорить со мной подобным тоном, ничтожный смерд! — закричал разъяренный конунг.— Ямы захотел? Так ты ее сейчас и выкопаешь, несчастный! Маленькую могилу для жалкого раба!

Джо с ревом поднялся на ноги и, встав рядом с Клеменсом, вытащил из-за пояса огромный каменный топор. Викинги перестали есть и собрались плотной толпой позади своего предводителя. Фон Рихтхофен, который смеялся и шутил во время рассказа о вещем сне, теперь недоуменно смотрел то на Сэма, то на мрачные лица норвежцев. Внезапно его улыбка превратилась в злобный оскал. Он стремительно поднялся и занял позицию справа от Клеменса.

— Вы насмехались над мужеством германских воинов, мой норвежский друг! — прокричал Лотар конунгу.— Так знайте, что я намерен засунуть эти шуточки обратно вам в горло!

Кровавый Топор захохотал.

— Два петушка и обезьяна! Вы еще будете молить меня о легкой смерти! И я подарю ее вам после нескольких дней пыток! После того как вы протрете свои животы, извиваясь у моих ног в судорогах от невыносимой боли!

— Джо! — сказал Клеменс.— Постарайся прикончить его первым. Тогда ты даже не вспотеешь, расправляясь с остальными.

Титантроп поигрывал топором, как перышком. Кремневая секира весом в пятьдесят фунтов грозно посвистывала в воздухе.

— Езли эта штука вырветзя зейчаз из моей руки, она не только проломит ему грудь, но и уложит половину ребят позади него,— прорычал гигант.

И норвежцы знали, что он не шутит. Они не раз видели, как Джо дробил черепа врагов. Викингов было много, но великан действительно мог перебить половину команды, прежде чем они прикончили бы его. Тем не менее воины чтили долг верности и, даже питая к Эрику неприязнь, не позволили бы себе и другим нарушить клятву, данную конунгу.

Казалось, откуда бы в речной долине взяться трусам, если смерть в этом мире почти ничего не значила. Люди погибали, чтобы восстать из мертвых опять, и в таких условиях отваге просто полагалось бы стать универсальной чертой характера. Действительно, те, кто был смелым на Земле, становились здесь вдвойне смелее. А вот трус по-прежнему оставался трусом. Умом человек понимал, что смерть будет длиться лишь день, но подсознание, клетки мозга и та эмоциональная конфигурация, которая создает человеческий характер, наотрез отказывались воспринимать подобный факт.

Сэм стремился избегать насилия и боли — причем боли он боялся даже больше, чем смерти. Ему часто приходилось сражаться вместе с викингами, и он метал копья, махал топором, наносил и получал ранения. Однажды Сэм даже убил человека, хотя это можно было объяснить скорее случайностью, чем его ратным мастерством. Одним словом, воин из него получился неважный. Как только начиналась битва и он видел первую кровь, страх открывал все клапаны его сердца и сила выливалась наружу. Сэм знал, насколько он плох в бою, но ему и в голову не приходило винить себя за это.

Эрик славился жестокостью и отвагой, но он понимал, что ссора с Сэмом ему не нужна. В случае вполне вероятной смерти Кровавый Топор терял бы свою долю мечты о большом пароходе. И тогда кто-то другой повел бы его людей на штурм далекой башни, лишив тем самым Эрика великих побед и хвалебных песен. Кроме того, несмотря на насмешки, конунг верил в откровения богов и вещие сны.

Зная этого человека, Сэм Клеменс мог поспорить, что амбиции викинга пересилят гнев. И он оказался прав. Конунг опустил топор и выдавил из себя улыбку.

— Глупо пренебрегать посланием богов, не проверив, что оно сулит,— сказал он.— Я знавал жрецов, которым не хватало мужества во время сражений, и все же Один и Хеймдалль посылали им вещие сны. Эти люди лгали нам большую часть времени, но иногда они говорили от имени богов. На том и порешим! Мы отправимся копать железо! Найдем его — хвала тебе, Клеменс. Но если не найдем... Тогда мы продолжим наш спор с того места, где он закончился сейчас.

Сэм вздохнул с облегчением и опустился на землю, пытаясь скрыть дрожь в руках и ногах. Мочевой пузырь настойчиво гнал его в кусты, но Клеменс не посмел уйти в такую минуту. Он должен был вести себя как победитель. Чуть позже, понимая, что больше ему не продержаться, он гордо удалился к холмам.

Мистер Икс, Таинственный Незнакомец, сказал, что копать надо ниже по Реке, где-то у десятого питающего камня. Однако использование местных жителей в качестве рабочей силы ослож-

нялось непредвиденным обстоятельством. Чикагский гангстер двадцатых—тридцатых годов Альфонсо Джилбретти заключил союз с бельгийским сталепромышленником конца девятнадцатого века и турецким султаном из середины восемнадцатого столетия. Этот триумвират, следуя новой классической схеме, создал мощную организацию, в костяк которой вошли профессионалы преступного бизнеса по прошлой жизни на Земле. Все, кто выступил против самозваных правителей, через сутки оказались в других регионах мира Реки, а для остальных «граждан» банда определила граалевый налог, который полагалось платить за так называемую защиту. Джилбретти набрал себе гарем из пяти женщин — причем две пришли к нему по своей воле, а одна умерла на следующий день. Решив отомстить насильнику, она попыталась проломить ему голову своим граалем, но ей это, к сожалению, не удалось.

Эти сведения встревожили Сэма. Он понял, что викингам придется столкнуться с двумя сотнями бандитов и как минимум с тысячью «народных ополченцев». Этим силам они могли противопоставить только сорок мужчин и двадцать женщин. Правда, вооружение местных обитателей состояло в основном из бамбуковых копий с заостренными концами, в то время как викинги имели каменные топоры, щиты из кожи речного дракона, копья с кремневыми наконечниками, луки и стрелы. И еще с ними был Джо Миллер.

Прибытие корабля собрало огромную толпу местных жителей. Кровавый Топор объявил им, что его люди решили искать здесь железо. Он пригласил всех желающих примкнуть к его команде, пообещав за это не только долю в деле, но и отмену граалевого налога. Кроме того, он заверил людей, что отныне никто не посмеет насиловать их женщин.

Джилбретти метнул в него копье и обрушил на Эрика поток сицилианских проклятий. Но ни первое, ни второе не задело викинга. Усмехнувшись, он швырнул свой топор во врага, и стальное лезвие вонзилось в грудь мафиози. Конунг спрыгнул на берег, сжимая в руке дубину, утыканную кусками кремня. За ним ринулись тридцать викингов и Джо Миллер. Оставшиеся на борту женщины выпустили в толпу уголовников пару дюжин стрел и последнюю уцелевшую ракету. Она попала точно в цель — в задние ряды верноподданных Джилбретти. Около сорока человек были убиты, ранены и контужены.

Не прошло и двух минут, как головы бельгийца и турка треснули под топором Джо. Остальные бандиты либо погибли, либо сбежали, спасая свои жизни.

Однако им не удалось уйти от возмездия. Насильно завербованные «ополченцы», получив столь долгожданную возможность отомстить, избивали и разрывали на части своих мучителей. Десятерых уцелевших гангстеров распяли на земле, пронзив их тела бамбуковыми щепками. Клеменс изо всех сил старался не обращать внимания на крики жертв. Ему хотелось прекратить этот жуткий спектакль, но он побоялся, что призыв к порядку ослабит его популярность в глазах местного населения. И только Лотар фон Рихтхофен не пожелал мириться с дикарским весельем. Он сказал, что понимает справедливость мести и желание людей карать своих вчерашних мучителей. Но он не мог допустить, чтобы праведный суд превращался в подобное варварство. Шагнув к распятому страдальцу, барон прикончил его ударом топора и приказал ополченцам убить остальных бандитов. Хорошо, что рядом не было конунга, иначе он отменил бы это распоряжение. Эрик считал, что муки врагов служат народу не только развлечением, но и уроком на будущее. Однако в тот момент конунг находился в прострации — при взрыве ракеты его оглушило осколком каменной шрапнели.

Ополченцы неохотно подчинились, однако выполнили приказ на свой лад. Они бросили бандитов в Реку, зная, что щепки в руках и ногах не позволят их жертвам выбраться на берег. Некоторые пошли ко дну сразу; другие барахтались в воде несколько минут. И было странно видеть, как они цеплялись за жизнь, хотя через сутки им предстояло воскреснуть вновь. Инстинкт выживания заставлял их бороться до конца, и они из последних сил тянулись за глотком воздуха.

Глава 11

К добыче железа они приступили не сразу. Сначала пришлось провести организационную работу, избрать административные, судебные и законодательные органы, создать вооруженные силы и провозгласить новое государство. После недолгих споров Клеменс и Кровавый Топор решили, что их страна должна простираться на три мили вверх и вниз по Реке, начиная от места предполагаемых раскопок. На границах воздвигли «линии Мажино» —

две полосы по двадцать футов шириной, где из земли под разными углами торчали заточенные бамбуковые колья. Каждая линия обороны начиналась у основания гор и тянулась до самой Реки. У пропускных ворот построили несколько хижин, в которых разместился гарнизон, вооруженный копьями и луками.

Когда вдоль берега возвели третий рубеж, «Дрейругр» отправился за кремнем, россыпи которого, по словам Таинственного Незнакомца, находились в тридцати милях выше по течению. Кровавый Топор и пятнадцать его людей остались на суше, поэтому экспедицию возглавил помощник конунга, Снорри Рагнарссон. Ему предстояло договориться с местными властями о большом количестве кремня в обмен на будущие поставки железа. При отказе от сделки и прочих неувязках Снорри следовало пригрозить им войной. Для верности Эрик предложил отправить на корабле и Джо Миллера, считая, что размеры титантропа и его уродливый вид помогли бы сделать будущих партнеров более сговорчивыми.

Сэм был вынужден согласиться с логикой норвежца, хотя ему ужасно не хотелось расставаться с Джо. Однако сам он в экспедиции участвовать не собирался, поскольку Кровавый Топор мог натворить в его отсутствие черт знает что. Предводитель викингов отличался вздорным и самонадеянным нравом. Его выходки могли оскорбить вновь приобретенный народ, что неминуемо привело бы к государственному перевороту и гибели небольшой горстки норвежцев.

Сэм шагал взад и вперед по своей хижине, яростно глотая дым сигары и размышляя над ситуацией. Где-то здесь, под травой, находилось железо, причем запасов металла вполне хватило бы для осуществления его мечты. Но он не мог приступить к земляным работам без предварительной подготовки, а каждая проблема, которую удавалось решить, тянула за собой дюжину других.

От расстройства Сэм начал покусывать кончик сигары. Он понимал, что без Джо их переговоры о кремне обречены на провал. Чтобы добиться согласия на сотрудничество, Снорри должен предъявить своим оппонентам что-то очень веское и убедительное — такое, как грозный титан. А что, если Эрик воспользуется отсутствием Джо и попытается разделаться с ним, Сэмом Клеменсом? Конечно, он не сделает этого открыто, иначе, вернувшись, Джо оторвет ему голову. Но ведь смерти Сэма можно придать вид нелепой случайности...

Клеменс даже вспотел от этой мысли.

— Если я умру, меня перенесет бог знает куда, и, возможно, понадобится тысяча лет, чтобы доплыть до здешних мест на каноэ. Тем временем кто-то другой уже добудет железо и построит мой пароход. Нет, я на такое не согласен! Это мой пароход! Мой!

Послышался стук в дверь, и в хижину вбежал Лотар фон Рихтхофен.

— Я нашел тех двух людей, которых вы искали. Но одна из них женщина! Представляете, женщина-инженер!

Джон Уэсли О'Брайен работал в середине двадцатого века инженером-металлургом, а женщина, наполовину русская, наполовину монголка, провела большую часть жизни на сибирских рудниках. Сэм Клеменс пожал им руки и вкратце рассказал о своих планах.

— Если где-то рядом есть залежи бокситов, мы, возможно, сделаем вам корабль, который вы хотите,— сказал О'Брайен.

Он был очень взволнован, и его состояние мог бы понять любой человек, получивший возможность заняться земным ремеслом. В долине Реки обитало множество мужчин и женщин, мечтавших взяться за какое-нибудь стоящее дело — пусть даже для того, чтобы убить время. Тут были дипломированные хирурги без скальпелей и пипеток, печатники без станков и бумаги, почтальоны без газет. Рядом с ними жили кузнецы без горнов и подков, скотоводы без животных, домохозяйки без детей. Чем же они могли занять себя, если пищу приносили граали, а на уборку шалаша уходило не больше пятнадцати минут? Вот и скучали продавцы без товаров, самогонщики без змеевиков, модельеры без пуговиц и булавок. А что уж говорить о проповедниках и муллах, чьи религии дискредитировались существованием этого мира? Что говорить о сутенерах и проститутках, чьи профессии пришли в упадок от обилия любителей и дилетанток? И томились от безделья механики без машин, рекламные агенты без рекламы и мастера ковровых изделий, у которых для работы остались лишь бамбуковые волокна и трава. Ковбои мечтали о быках и лошадях, а художники — о холстах и красках. Композиторы вздыхали о нотах, стрелочники — о поездах, а охотники — о дичи. И если бы этот список на том кончался...

— Я только одного не понимаю,— продолжал О'Брайен.— Почему вы решили сделать именно пароход? Подумайте сами! Раз в день вам придется останавливаться и заготавливать топливо. Это

вызовет длительные задержки, а порой и стычки, поскольку некоторые общины не позволят вам забирать ограниченные запасы бамбука и дерева. Кроме того, маховики, паровые котлы и прочие механизмы выйдут из строя гораздо раньше, чем вы достигнете верховьев Реки. И у вас не хватит на судне места, чтобы разместить такое огромное количество запасных частей. Отсюда следует единственный вывод — вам нужны электрические моторы!

Сразу после нашего перемещения в эти места я встретился с одним парнем. Не знаю, где он сейчас... наверное, бродит неподалеку. Но я обязательно найду его для вас. В вопросах электричества он гений! Вы даже не представляете, на что способен инженер конца двадцатого века! И поверьте, он сделает именно те моторы, которые вам нужны.

— Придержите коней, мой друг! — сказал Сэм.— Где вы возьмете это чудовищное количество электрической энергии, которое потребуется вашим моторам? Может быть, прикажете построить Ниагарский водопад и тащить его на буксире?

Маленький стройный О'Брайен с огненно-рыжей шевелюрой и тонкими чертами лица обладал почти женской красотой. И даже его кривая усмешка выглядела довольно симпатичной.

— Такая энергия доступна в любом уголке этой планеты — и вверх и вниз по Реке.— Инженер обернулся и ткнул пальцем в сторону ближайшей грибовидной глыбы.— Каждый питающий камень трижды в день излучает потрясающе огромный электрический разряд. Что нам мешает использовать эту дармовую энергию для питания корабельных моторов?

Сэм замер на месте, а затем шлепнул себя ладонью по лбу.

— Вы, наверное, считаете меня бестолковым? Но это действительно так. Боже, какой я тупой! Они двадцать лет маячили перед моими глазами, а я никогда не думал о них таким образом! Конечно, их можно использовать! — Внезапно он прищурился и нахмурил густые брови.— А как, черт возьми, мы запасем всю эту энергию? Я полный профан в вопросах электричества, но, по-моему, вам понадобится или батарея выше Эйфелевой башни, или конденсатор размером с пик Пайка.

О'Брайен покачал головой:

— Я тоже так думал, пока не встретил того парня. Его зовут Лобенгула ван Бум. Он мулат — наполовину африканер, наполовину зулус. По его словам, при наличии необходимых материалов он мог бы построить зарядное устройство, которое, накапливая десять мегаватт, обеспечивало бы потребление энергии от одной десятой вольта в секунду до полного мгновенного разряда. Этот агрегат, называемый батацитором, выглядел бы как куб с гранью в десять метров.

Имея под боком залежи бокситов, мы могли бы сделать алюминиевую проволоку и помимо различных бытовых целей использовать ее в электрических цепях и моторах. Алюминий не так хорош, как медь, но в отсутствие меди сгодится.

Мрачное настроение Сэма рассеялось без следа. Он звонко щелкнул пальцами и даже подпрыгнул от радости.

— Найдите мне ван Бума! Я хочу с ним поговорить!

Он запыхтел сигарой, и ее кончик засиял, как грезы в его уме. И вот уже огромный белый пароход, выпуская пар (нет, там же будет электричество!), выплывал в фарватер Реки. На капитанском мостике стоял он, Сэм Клеменс, надвинув на брови фуражку, хозяин единственного в этом мире парохода, сказочно красивого и огромного, который, вспенивая воду, отправлялся в плавание на миллионы с лишним миль. Во всей вселенной не было еще такого судна, такой Реки и такого плавания! А на палубах посвистывали свистки и звенели колокола. На борту находились величайшие из великих людей всех времен и народов — от громадного проточеловека из доисторической эпохи до хрупкого, но непостижимо умного ученого из конца двадцатого века.

Голос фон Рихтхофена вернул Сэма к действительности:

— Я могу приступить со своими людьми к добыче железа. Но что вы решили делать с Джо?

Сэм застонал и покачал головой:

— Даже не знаю, как поступить. Я напряжен, как алмазный резец перед первой пробой. Одно неверное движение — и кохинор* разлетится в куски. Тем не менее я отправлю Джо за кремнем. Придется рисковать. Без него я чувствую себя таким же беспомощным, как пасечник без медогонки или банкир в «Черную пятницу». Ладно, я разберусь с Джо и Кровавым Топором, а вы приступайте к земляным работам. Только давайте устроим праздничную церемонию. Нам всем нужно немного взбодриться. А первую яму, если позволите, выкопаю я.

---

* Кохинор — индийский бриллиант весом в 106,25 карата; кроме того, название фирмы по производству резцов, грифелей и т. д. *(Примеч. пер.)*

Через полчаса, завершив торжественную речь и смочив горло добрым глотком бурбона, Сэм Клеменс начал копать. Он использовал бамбуковую лопату как мачете, поскольку трава была такой крепкой и толстой, что ее приходилось вырубать. Потея и ругаясь, Сэм освободил от травы небольшой участок земли, а затем пояснил ухмылявшейся толпе, что он всегда ненавидел физический труд и особенно работу землекопа. Затупившаяся лопата не желала входить в переплетенную корнями почву. Сэм понял, что ему не набрать земли даже на половину лопаты.

— Да ну ее к черту! — рявкнул он, бросая сломавшийся инструмент.— Принесите мне лучше большую ложку! Тут нужна сноровка крестьянина или могильщика! А я привык ворочать мозгами!

В толпе раздался хохот, после чего десятки бамбуковых мотыг и кремневых топоров вонзились в неподатливую землю.

— Если железо где-то в десяти футах под нами, с такими темпами мы доберемся до него только через десять лет,— сказал Сэм.— Поэтому, Джо, ты должен добыть кремень и постараться нагрузить целый корабль. Иначе у нас ничего не получится.

— Неужели мне придется уехать? — тихо спросил Джо Миллер.— Я не хочу разставаться з тобой.

— Сделай это, Джо. Я прошу тебя как человека. А обо мне можешь не волноваться.

Глава 12

В течение трех следующих дней яма расширилась до четырех ярдов и достигла в глубину одного фута. Каждые пятнадцать минут уставших землекопов меняла новая бригада, а к фон Рихтхофену стекался поток людей, желавших поучаствовать в настоящем деле. Основная часть времени уходила на заточку кремневых орудий и изготовление бамбуковых лопат — плотный грунт буквально пожирал примитивные инструменты. Узнав о порче топоров и ножей, Эрик рассвирепел. Он кричал, что при атаке врага им придется сражаться оружием, которое не поцарапает даже кожу младенца. Но Клеменс в ответ опять попросил у него стальной топор, и конунг, уже в двенадцатый раз, ответил отказом.

— Будь здесь Джо, Эрик отдал бы топор без возражений,— жаловался Лотару Клеменс.— Но где теперь наш Джо? К этому

времени, с грузом или без груза, корабль уже должен был вернуться.

— Я думаю, нам надо послать кого-нибудь на лодке,— сказал фон Рихтхофен.— Пусть наш человек посмотрит, что к чему. Я бы отправился сам, но, боюсь, вам может потребоваться защита.

— Если с Джо случилась беда, нам обоим потребуется защита,— ответил Сэм.— Хорошо, давайте пошлем в разведку Абдуллу. Этот парень может проскользнуть незамеченным даже через корзину с гремучими змеями.

Абдулла вернулся через два дня. На рассвете он разбудил Сэма и Лотара, которые из предосторожности спали в одной хижине. На ломаном английском лазутчик рассказал, что Джо Миллер пойман и посажен в крепкую бамбуковую клетку. Абдулла с риском для жизни пытался освободить его, но клетка надежно охранялась.

Викингов встретили очень дружелюбно, и правитель той области, казалось, был приятно удивлен, что в обмен на кремень ему предложили такой выгодный товар, как железо. Устроив роскошный пир в честь принятого соглашения, он одурманил гостей большим количеством спиртного и мечтательной резинки. В конце концов, лишившись чувств, те захрапели в пьяном забытье. Сквозь сон Джо почувствовал, как его связывают веревками. Он вскочил на ноги и голыми руками убил двадцать воинов и изувечил еще пятнадцать. Подкравшись сзади, предводитель врагов оглушил его дубиной. Любому другому такой удар мог сломать шею, но Джо лишь на несколько секунд потерял ориентацию. В этот момент на него навалилось с десяток воинов, и их предводитель дважды ударил гиганта дубиной по голове.

— Их правитель понял, что Джо великий воин,— продолжал Абдулла.— Даже более великий, чем Рустам. Я подслушал разговор его людей, и, судя по их словам, хитрый правитель решил использовать Джо как заложника. Он задумал стать нашим партнером в разработке железного рудника. В случае отказа Джо продадут в рабство, хотя я сомневаюсь, что это можно сделать. Их правитель намеревается напасть на нас. Он хочет забрать себе и нашу страну, и железо.

Этот человек настроен очень серьезно. Он собрал большой флот, и на каждом из его кораблей могут разместиться по сорок воинов. Их армия уже готова к походу. Они намерены спуститься вниз по Реке и нанести молниеносный удар. На их стрелах и

копьях кремневые наконечники, а кроме дубин и топоров воины будут вооружены тяжелыми бумерангами.

— И кто же этот новоявленный Наполеон? — спросил Сэм.

— Люди называют его королем Иоанном. По их словам, он правил Англией в те времена, когда воины носили латы и сражались на мечах. Его брат, Ричард Львиное Сердце, считался очень храбрым человеком; говорят, что он воевал против самого Саладина.

Сэм выругался и сказал:

— Иоанн Безземельный! Король со злой и черной душой! Он настолько опозорил себя в глазах англичан, что те поклялись больше не называть своих королей этим именем! Я бы предпочел иметь дело с такими подлецами, как Леопольд Бельгийский или Джим Фиск!*

Через полчаса Сэм получил еще более тревожные новости. На этот раз они пришли в виде слухов. В тридцати милях вниз по Реке к ним плыл огромный флот. Он состоял из шестидесяти больших одномачтовых кораблей, на каждом из которых находилось по сорок воинов. Предводитель армады управлял страной, примыкавшей к зоне катаклизма. Его звали Иозеф-Мария фон Радовиц.

— Я читал о нем в школьные годы,— сказал фон Рихтхофен.— Насколько помнится, он родился в тысяча семьсот девяносто седьмом году и умер в тысяча восемьсот пятьдесят третьем. Генерал считался знатоком артиллерии и был близким другом Фридриха Вильгельма IV Прусского. За строгие религиозные правила его называли воинствующим монахом. В конечном счете Радовица отлучили от милости царственных особ, и он умер на шестом десятке от тоски и разочарования. Не сомневаюсь, что, восстав из мертвых и получив молодое тело, он вновь навязывает остальным свои пуританские взгляды и педантично убивает тех, кто не согласен с ними.

Часом позже им доложили, что с верховьев Реки приближается флот короля Иоанна. Сэм отправился к Кровавому Топору.

— Армия Иоанна подойдет первой,— сказал он конунгу.— Они двигаются быстрее, так как им помогают ветер и течение.

* Этим личностям Марк Твен посвящал немало памфлетов, где обвинял бельгийского короля Леопольда в жестоком угнетении жителей Бельгийского Конго, а Джона Фиска — в непомерном казнокрадстве. *(Примеч. ред.)*

— Поучи лучше свою бабушку,— огрызнулся Эрик.

— Что ты планируешь делать?

— Сначала разобью англичан, а потом утоплю в Реке немцев,— помахивая топором, ответил викинг.— Клянусь плевами дев, разорванными великим Тором! Мои ребра все еще болят, но плевать я хотел на эту боль!

Сэм даже не стал с ним спорить. Оставшись наедине с Лотаром, он мрачно произнес:

— Сражаться до последней капли крови при безнадежном перевесе сил! Наверное, в этом есть какой-то пафос, но лично меня он не устраивает. Вы можете думать, что я беспринципный таракан, но у меня есть мечта — великая мечта! И она важнее, чем все эти банальные идеи о верности и морали. Я хочу свой пароход, Лотар! Я хочу провести его до конца Реки — несмотря ни на что!

— Если сражение неизбежно, я не буду участвовать в нем,— добавил он более спокойным тоном.— Это абсурд! Их гораздо больше, а мы фактически безоружны. Поэтому я собираюсь предложить сделку.

— Кому именно? — спросил фон Рихтхофен. Барон побледнел, и его губы скривились в презрительной усмешке.

— Иоанну,— ответил Клеменс.— Я понимаю, что он эталон вероломства и мерзости, но конкуренция сейчас слишком велика, и ему придется объединиться с нами. Флот Радовица сильнее, и даже если Иоанн одолеет его, он будет настолько слаб, что мы без труда разделаемся с ним. В случае же нашего объединения фон Радовиц получит такой пинок, что побежит отсюда, как побитая собака.

Фон Рихтхофен засмеялся:

— А я было подумал, что вы предложите мне спрятаться в горах, а затем перейти на службу победителю. Признаюсь, я не согласился бы бросить всех этих людей, которые поверили в нас.

— Хоть я и Сэм, иногда мне хочется быть Фрэнком*,— произнес Клеменс.— Скорее всего, я действительно убежал бы в горы, если бы посчитал ситуацию безвыходной. Но прежде чем вступать в сговор с Иоанном, нам надо избавиться от Кровавого Топора. Он никогда не согласится на союз с королем.

* Игра слов: Frank — уменьшительное имя от Фрэнсис, а «frank» — искренний, честный, откровенный *(англ.)*.

— Судя по вашим словам, Иоанн может ужалить даже ядовитую змею,— сказал немец.— Однако я тоже не вижу другого выхода. Мы должны убить Кровавого Топора! И не надо хмуриться, мой друг. Это вынужденная мера предосторожности, а не предательство. Ведь он-то избавился бы от вас при первом же удобном случае.

— Тем более что мы его не убьем, а просто отправим подальше...— нерешительно добавил Сэм.

Клеменс хотел обсудить план ликвидации, но фон Рихтхофен сказал, что время разговоров кончилось. Сэм просто пытался отсрочить тот поступок, который следовало сделать немедленно.

— Да, наверное, вы правы,— со вздохом согласился Клеменс.

— Так в чем же дело?

— Я мучаюсь от вины еще до того, как совершу преступление,— ответил Сэм.— И я чувствую себя презренным трусом, хотя для этого нет никаких причин. Абсолютно никаких! С самого рождения я виню себя по любому поводу — даже за то, что появился на свет.

Лотар раздраженно отмахнулся и зашагал прочь.

— Вы можете оставаться там, где стоите,— сказал он, обернувшись к Сэму.— Но только не требуйте потом, чтобы вас считали капитаном нашего корабля. Капитан должен быть тверд в своих убеждениях.

Страдальчески сморщившись, Сэм поспешил за немцем.

Лотар собрал двенадцать мужчин, которых счел достойными доверия. Они пошептались, разошлись по домам, а когда солнце перевалило зенит, вернулись назад с бамбуковыми копьями и ножами. Один из них принес лук и шесть стрел, однако его оружие было эффективным только на близком расстоянии.

Лотар фон Рихтхофен и Сэм Клеменс пошли впереди. Вскоре их группа поравнялась с хижиной конунга, которую охраняли шесть викингов.

— Мы хотим поговорить с Кровавым Топором,— сказал Сэм, стараясь сдерживать предательскую дрожь в голосе.

— Он сейчас с женщиной,— ответил Ве Гримарссон.

Клеменс поднял руку, и Лотар, выскочив из-за его спины, ударил Гримарссона дубиной по голове. В тот же миг стрела, просвистевшая над плечом Сэма, вонзилась в горло другого викинга. Через десять секунд все стражники были убиты или тяжело ранены. Дело, однако, не обошлось без шума, и на защиту конунга поспешила новая дюжина воинов. Из хижины с громким ревом выскочил Эрик в чем мать родила, но со стальным топором. Фон Рихтхофен ударил норвежца копьем и двинулся вперед, сжимая древко в руках. Конунг выронил топор, отступил на пару шагов и, ударившись спиной о бамбуковую стену хижины, изумленно осмотрелся вокруг. Его губы что-то шептали, кровь струилась из уголка рта, а кожа быстро приобретала голубовато-серый оттенок.

Лотар вырвал копье из живота викинга, и Кровавый Топор сморщился от боли.

Во время жестокой схватки шесть человек из отряда Клеменса были убиты, а четверо получили тяжелые ранения. Норвежцы сражались до конца. Храня верность конунгу, они погибали, прикрывая его своими телами.

Сэм Клеменс, перепачканный собственной и чужой кровью, оперся на древко и попытался зажать ладонью глубокий порез на плече. Он только что убил Гуннлаугра Торфинссона. Тот слишком уж яростно насел на Лотара, и Сэм с перепугу вонзил копье под лопатку викинга. Жаль, что это оказался Гуннлаугр. Из всех норвежцев он больше других смеялся над шутками Сэма. И вот недавний друг нанес ему предательский удар.

«Я побывал в тридцати восьми битвах, но убил лишь двух человек,— думал Сэм.— Тот первый, израненный турок, едва стоял на ногах. И я, Сэм Клеменс, могучий воин и великодушный герой, прикончил его одним ударом».

Клеменс задохнулся от ужаса и отвращения, осознав, что эти люди навсегда останутся для него трупами. А что же он будет чувствовать, когда проживет десять тысяч лет?

Внезапно Сэм испуганно закричал и задергал ногой, пытаясь освободиться от руки, схватившей его за лодыжку. Не в силах отделаться от нее, он замахнулся копьем и пронзил человека, который вцепился в него мертвой хваткой. Кровавый Топор лишь вздрогнул и усмехнулся. На какой-то миг жизнь вернулась в тело викинга, и дымка смерти исчезла из бледно-голубых глаз. Он заговорил. Его голос был слабым и тихим, но Сэм и стоявшие рядом люди слышали каждое слово умиравшего конунга.

— Биккия! Кал Рататока! Я не позволю тебе уйти, пока ты не выслушаешь меня до конца! Боги наделили меня даром прорицания. Они жаждут мести за твое предательство. Поэтому слушай! Я знаю, что здесь есть железо — прямо под этой пропитанной кровью травой. Я чувствую, как оно втекает в мои жилы и как серый металл делает кровь густой и холодной. Железа тут много — гораздо больше, чем нужно для твоего белого корабля. Ты выкопаешь его. Тебе удастся построить корабль, который мог бы соперничать со стругом великого Одина. И ты станешь его капитаном — ты, сучий Клеменс! Твой корабль пройдет по Реке столько миль, сколько не покрыли бы за день даже восемь ног Слейпнира. Ты будешь плыть на север и юг, на восток и запад — туда, куда поведет тебя Река. И ты не раз обогнешь этот мир.

Но предрекаю тебе зло и беды — как в плавании, так и при строительстве корабля. И после многих лет, равных жизни двух поколений на Земле, после великих страданий и редких радостей, когда ты решишь, что приблизился к концу своего долгого пути, я встречу тебя! Слышишь? Встречу!

Там, в далеком далеке, я буду ждать твой корабль. И я убью тебя, Клеменс! Ты никогда не доберешься до конца Реки! Ты не будешь брать штурмом врата Валгаллы!

Сэм застыл в леденящем оцепенении, и, хотя хватка викинга давно ослабла, он по-прежнему не мог сдвинуться с места. Раздался предсмертный хрип, и Клеменс закрыл глаза, чтобы не видеть укора во взгляде Эрика.

— Я буду ждать! — тихо повторил Кровавый Топор.

Из его горла вырвалось хриплое шипение. Рука упала на землю. Сэм заставил себя отступить, с трудом переставляя одеревеневшие ноги.

— Все это суеверия! — произнес он, взглянув на фон Рихтхофена.— Человек не может предвидеть будущее!

— Позвольте с вами не согласиться,— ответил барон.— Если в мире действует железная цепь причин и следствий, то наше будущее жестко определено. А раз картина мироздания уже готова, то грядущие события действительно могут открывать себя, как свет, сверкнувший в туннеле времени. Так почему бы людям иногда не улавливать этот отблеск?

Клеменс ничего не ответил. Фон Рихтхофен весело рассмеялся, показывая, что шутит, и дружески похлопал Сэма по плечу.

— Я хочу напиться, Лотар,— прошептал Клеменс.— Напиться до отключки.— Он поднял голову и вяло улыбнулся.— Все это суеверный вздор.

Однако он верил голубым глазам умиравшего викинга и знал, что им удалось заглянуть на годы вперед.

Глава 13

Флот короля Иоанна подошел к берегу за час до начала сумерек. Клеменс через посыльного сообщил монарху, что желает обсудить с ним возможное партнерство. Иоанн, которому всегда нравилось общаться с теми, кого он хотел проткнуть ножом, охотно согласился на встречу. Сэм стоял на берегу, а Иоанн Безземельный говорил с палубы галеры. Клеменс, сняв свое оцепенение доброй порцией виски, описал сложившуюся ситуацию и с жаром рассказал о строительстве большого корабля.

Иоанн оказался невысоким смуглым мужчиной с широкими плечами, рыжевато-коричневыми волосами и голубыми глазами. Он часто улыбался и говорил на вполне понятном английском, так как перед появлением в этом регионе Реки десять лет жил среди виргинцев восемнадцатого века. Благодаря долгому общению с истинными американцами он освободился от заумной витиеватости английского и франко-нормандского языков двенадцатого века.

Иоанн быстро понял, какие выгоды сулит ему союз с Клеменсом и их объединение против армады фон Радовица. Безусловно, он обдумал и свои действия после разгрома прусского генерала. Тем не менее, сойдя на берег, Иоанн поклялся в вечной дружбе и готовности следовать планам партнера. Подробности договора они обсудили за выпивкой, после чего король приказал выпустить Джо Миллера из клетки на флагманском корабле.

Когда Сэм увидел титантропа, по его щекам покатились слезы, а рыдания Джо напоминали Ниагарский водопад. Он едва не переломал Клеменсу ребра, сжимая его в объятиях.

Чуть позже фон Рихтхофен высказал Сэму свои опасения:

— Имея дело с Кровавым Топором, мы, по крайней мере, знали, чего от него можно было ожидать. Но король Иоанн непредсказуем! Похоже, мы сделали не очень хороший обмен.

— Я сам из Миссури, однако в торговле мулами ничего не смыслю,— ответил Сэм.— Но если вам приходится спасать свою

жизнь, а стая волков хватает вас за пятки, вы без колебаний обменяете захромавшую клячу на дикого мустанга, лишь бы выбраться из беды. О том, как слезть с него и не сломать себе шею, вы задумаетесь позже.

Битва, которая началась на рассвете, затянулась почти до полудня. Несколько раз армии Клеменса и короля Иоанна находились на грани поражения. Английские корабли укрылись на восточном берегу в дымке утреннего тумана, а затем нанесли внезапный удар по тылам германского флота. Люди Иоанна забрасывали неприятеля сосновыми факелами и градом копий. Им удалось поджечь несколько кораблей, но это не привело к большому успеху. Нападавших немцев объединяли общий язык, высокая дисциплина и закалка в многочисленных боях. Кроме того, они имели превосходство в вооружении.

Их ракеты потопили большую часть английского флота и пробили брешь в полосе бамбуковых рогатин. После массированного обстрела немцы штурмовали берег. Под градом стрел они миновали заградительные линии, и сражение переместилось на равнину. Во время высадки одна из ракет взорвалась в котловане. Оглушенный Клеменс упал на землю и, переждав пару секунд, попытался встать. Внезапно рядом с ним возникла фигура незнакомого мужчины. Сэм не сомневался, что видит здесь этого человека впервые.

Незнакомец ростом около пяти футов и семи дюймов обладал могучим телосложением. Как и все остальные, он выглядел двадцатипятилетним юношей, но своим грозным видом напоминал Клеменсу старого, матерого овна. Его вьющиеся каштановые волосы ниспадали по спине до пояса. Под густыми черными бровями сверкали большие зеленовато-карие глаза. Лицо с орлиным носом и выступавшим подбородком могло бы считаться эталоном красоты, если бы не большие уши, которые торчали почти под прямым углом к голове.

«Старый рыжий баран с головой филина»,— подумал Клеменс.

Его лук, собранный из двух челюстных пластин речного дракона, считался в долине большой редкостью. Две половинки соединялись вместе, образуя большую дугу. Такой лук являлся мощным и надежным оружием, но имел один недостаток — для него требовались очень сильные руки.

На плече незнакомца висел колчан с двумя десятками стрел, древки которых были сделаны из костей плавника речного дракона и снабжены кремневыми наконечниками. Оперение состояло из тонких костяных стружек, сквозь которые просвечивало солнце.

Мужчина заговорил на немецком языке со странным и сильным акцентом:

— Похоже, вы Сэм Клеменс.

— Да, это я. Вернее, то, что от меня осталось. А как вы...

— Вас описала мне...— Незнакомец неловко замялся.— Вас описала мне одна из них.

Сначала Сэм ничего не понял. Частичная глухота, вызванная разрывом снаряда, крики людей, убивавших друг друга в двадцати ярдах от него, и более далекие звуки боя — все это наделяло события каким-то нереальным и мистическим качеством.

— Вас послал... Вас направил ко мне Таинственный Незнакомец! Так значит, вы один из Двенадцати!

— Незнакомец? Вы ошибаетесь! Меня послала она!

У Сэма не было времени уяснять смысл странной поправки. Он хотел спросить у мужчины, насколько далеко бьет его лук. Но вопрос показался ему излишним — судя по мощной мускулатуре, этот человек мог вырвать у тетивы всю ее мощь. Взобравшись на вершину насыпи, Клеменс указал на флагманский корабль, уткнувшийся носом в берег. По его палубе расхаживал светловолосый воин, чьи приказы определяли ход наступления германских войск.

— Фон Радовиц, предводитель врагов,— сказал Сэм.— Он вне досягаемости наших слабых луков.

Плавно и быстро, остановив движение лишь на миг, чтобы прицелиться и оценить поправку на ветер, мужчина выпустил черную стрелу. Ее траектория закончилась в солнечном сплетении фон Радэвица. Тот отступил на шаг, закружился в медленном танце смерти и, показав наконечник, торчавший из спины, рухнул через ограждение в воду.

Адъютант адмирала попытался подбодрить своих людей, но и ему в горло вонзилась черная стрела. Джо Миллер, облачившись в латы из кожистых чешуй речного дракона, размахивал огромной дубиной и опустошал ряды немцев на центральном направлении атаки. Он походил на восьмисотфунтового льва с челове-

ческим мозгом, вокруг которого бушевали паника и смерть. Джо дробил по двадцать черепов в минуту, а иногда для разнообразия хватал врагов свободной рукой и швырял их в толпу немцев, сбивая с ног по шесть-семь человек.

Пять раз отчаянные храбрецы пробирались за спину Джо, чтобы остановить эту машину разрушения, но черные стрелы били без промаха, повергая смельчаков наземь.

Отряды германцев дрогнули и стали отступать к своим кораблям. К Сэму подбежал фон Рихтхофен, голый и залитый кровью.

— Мы победили! — закричал он, пританцовывая от восторга.— Мы их победили, Сэм!

— Значит, вы получите свою летающую машину,— сказал Клеменс и, повернувшись к незнакомому мужчине, спросил: — Как ваше имя?

— Имен было много, но дед, впервые вложив мне в руки оружие, назвал меня Одиссеем.

Потрясенному Сэму удалось выжать из себя только одну нелепую фразу:

— Мы так много о вас слышали...

Неужели он видел перед собой героя, воспетого Гомером? Того самого Улисса, исторического Улисса, который сражался у стен Трои и о котором слагали легенды и прекрасные сказания? А почему бы и нет? Недаром же Таинственный Незнакомец, посетивший хижину Сэма, упомянул о двенадцати избранных, которых он выделил из числа многих миллиардов людей. Клеменс не знал, чем руководствовался этик в своем выборе, но полагал, что его критерии были весомыми и обдуманными. Из всех двенадцати он назвал только одного — Ричарда Фрэнсиса Бёртона. И вот теперь стал известен второй. Возможно, каждый из избранных имел какую-то особую ауру, по виду которой этик-отступник определял пригодность людей для своих неведомых целей — какой-нибудь тигриный цвет души.

Поздно вечером, отпраздновав победу над врагом, Сэм, Лотар, Джо и Одиссей разошлись по своим хижинам. У Клеменса пересохло горло от расспросов. Он постарался вытянуть из ахейца все, что тот знал об осаде Трои, и рассказы Одиссея не столько просветили его, сколько поставили в тупик.

Троя, которую знал Одиссей, не имела ничего общего с тем городком близ Геллеспонта, руины которого археологи называли Троей VII. Город, осажденный и завоеванный Одиссеем, Агамемноном и Диомедом, располагался южнее — напротив острова Лесбос, чуть севернее реки Кайкос. Его население принадлежало к народу этрусков, которые в то время обитали в Малой Азии, а после вторжения эллинов переселились в Италию. Одиссей слышал о том городке, который поздние поколения ошибочно принимали за Трою. Там жили дарданцы и барбарофонцы — союзники настоящей Трои. Их город пал за пять лет до Троянской войны под натиском варваров, нахлынувших с севера.

Через три года после осады Трои, длившейся на самом деле только пару лет, Одиссей отправился в великий поход данайцев на Египет, которым тогда правил Рамзес III. Ахейцы потерпели поражение. Спасая жизнь, Одиссей бежал на одном из кораблей и, сам того не желая, совершил путешествие, которое заняло три года. Он посетил Мальту, Сицилию и южное побережье Италии — земли, не известные в те времена грекам. И не было никаких лестригонов, Эола, Калипсо, Цирцеи и Полифема. А по возвращении домой ему не пришлось убивать поклонников жены, хотя ее действительно звали Пенелопой.

Что касается Ахиллеса и Гектора, то Одиссей знал о них только по легендам. Он считал, что оба героя были пеласгами, народ которых населял Элладу до прихода ахейцев с севера. Переняв их песни, завоеватели внесли их в свой эпос, а позже барды объединили все в огромные поэмы. Ахеец рассказывал, что встречал в речной долине грамотеев, которые читали ему наизусть «Илиаду» и «Одиссею».

— А доводилось ли вам слышать о деревянном коне? — спросил Сэм, почти уверенный в отрицательном ответе.

К удивлению Клеменса, Одиссей не только знал о нем, но и нес ответственность за его изобретение. Он прибег к этой хитрости от отчаяния, поскольку поход на Трою грозил окончиться провалом.

История с деревянным конем удивила Сэма больше всего. Ученые в один голос заявляли, что подобный обман абсолютно невозможен. Никто из них не мог поверить, что ахейцы по великой наивности построили Троянского коня, а троянцы по еще большей глупости затащили его в город. Тем не менее деревянный конь существовал на самом деле. И лишь благодаря ему ахейцы с успехом закончили осаду.

Фон Рихтхофен и Джо Миллер внимательно слушали их разговор. Несмотря на запрет этика, Сэм рассказал им о своей встрече с Таинственным Незнакомцем. Он посчитал, что без этого не обойтись, иначе друзья слишком часто удивлялись бы его поступкам. Кроме того, Клеменс хотел показать этику, что он по-прежнему намерен принимать самостоятельные решения. Это был детский жест, но Сэм его сделал.

Пожелав греку и немцу спокойной ночи, он отправился вместе с Джо в свою хижину. Усталость валила его с ног и закрывала липкими пальцами глаза. Но едва он оказался в постели, сон унесся к верховьям Реки, а храп Джо, раздававшийся из соседней комнаты, превратил их домик в центр ревущего вихря. Клеменс чувствовал, как подрагивали его нервы и пульсировал мозг. В голове бурлили водовороты мыслей. Он подумал о завтрашнем дне, который мог бы стать исторической датой, если только этому миру суждено обрести свою историю. Он подумал о времени, когда здесь появятся чернила, бумага и карандаши, печатные машинки и типографские станки. На его пароходе будет издаваться еженедельный журнал. А сам он напишет книгу, в которой расскажет о том, как котлован углубили взрывами ракет, захваченных с кораблей фон Радовица. Неужели завтра они найдут железо? Они должны, должны найти его!

Юркими и скользкими червячками в мозг Сэма просочилась тревога. Кто знал, о чем сейчас думал коварный Иоанн? Тем не менее его предательская натура могла проявиться только после спуска корабля на воду. А Сэм полагал, что на строительство парохода уйдет несколько лет. Умом он понимал, что причин для волнений не было, но тревога не отпускала, и Клеменса попрежнему терзала бессонница.

Глава 14

Вздрогнув всем телом, Сэм проснулся и открыл глаза. Его сердце бешено колотилось, пытаясь вырваться из тисков ночного кошмара. Сырой воздух проникал через щели в бамбуковых стенах и сочился из-под циновки, прикрывавшей вход. Дождь стучал по листьям на крыше хижины, а где-то в горах гремел гром. Его отдаленным раскатам вторил мощный храп Джо Миллера.

Сэм сладко потянулся и вдруг, испуганно вскрикнув, сел. Его рука коснулась чужого тела. Далекая молния на миг рассеяла

мрак, и он увидел смутные очертания фигуры, сидевшей на корточках у его постели. Знакомый баритон тихо шикнул и произнес:

— Тебе не стоит беспокоиться и звать на помощь титантропа. Я позаботился о том, чтобы он спал до рассвета.

Судя по его словам, этик каким-то образом уловил тот мимолетный взгляд, который Сэм бросил на тонкую перегородку хижины. Неужели он мог видеть даже в кромешной тьме? Клеменс взял сигару, лежавшую на маленьком столике, и вежливо спросил:

— Вы не будете против, если я закурю?

Гостю потребовалось на ответ так много времени, что Сэм даже удивился. Сияние от нити накала в его зажигалке не могло осветить лица Незнакомца. К тому же этик наверняка носил маску или какое-то защитное устройство. А может быть, ему не нравился запах табачного дыма? Возможно, он боялся сказать об этом, чтобы данная особенность не привела впоследствии к его опознанию. Но кто его будет опознавать? Очевидно, те этики, которые искали в своей среде отступника. Незнакомец говорил, что таких существ, как он, на планете всего двенадцать. Узнав о контактах Клеменса с их сородичем, они могли подвергнуть Сэма допросу, выпытать все детали этого разговора и выявить отступника по антипатии к табаку.

Он не стал высказывать вслух своих предположений, решив придержать их при себе для возможного дальнейшего использования.

— Хорошо, кури,— наконец сказал Незнакомец.

И хотя Сэм ничего не видел в густой темноте, ему показалось, что гость отодвинулся подальше от постели.

— По какому случаю этот неожиданный визит? — спросил Клеменс.

— Я хотел предупредить тебя, что нам придется расстаться на долгий срок. Мне не хотелось, чтобы ты неверно понял мое длительное отсутствие. Я не бросаю тебя, а просто уезжаю по делам, о которых бесполезно говорить, ибо они недоступны твоему пониманию. Отныне ты будешь действовать на свой страх и риск. И если возникнут какие-то неприятности, я уже ничем тебе не помогу — даже косвенным образом.

В настоящий момент у тебя есть все, что нужно для строительства корабля, а по моим расчетам эта работа займет не мень-

ше десятилетия. В решении технических проблем пользуйся смекалкой и изобретательностью. Одним словом, выкручивайся как можешь. Я больше не могу снабжать тебя необходимыми материалами и помогать вам в сражениях с захватчиками. Ты даже не представляешь, как я рисковал, сбросив сюда метеорит и рассказав о расположении бокситов и платины.

Здесь находятся другие этики — не из числа Двенадцати, а их помощники. Они будут наблюдать за тобой, но не станут вмешиваться. По их мнению, твой корабль не представляет какой-либо опасности для эксперимента. Конечно, они предпочли бы, чтобы ты вообще не нашел железа. Им хочется, чтобы земляне приняли путь духовного, а не технологического развития. И я могу вообразить, как они забеспокоятся, когда вы «откроете» залежи платины и бокситов. Однако им не позволено влиять на ход процесса.

Клеменса охватила паника. Он впервые понял, что, несмотря на ненависть к этику, ему требовалась его моральная и материальная поддержка.

— Будем надеяться, что ничего плохого не произойдет,— сказал Сэм.— Но сегодня я чуть было не лишился жизни и железа. Если бы не Джо и не этот парень Одиссей...— Внезапно он замолчал, а потом воскликнул: — Постойте! Одиссей утверждал, что с ним говорила женщина! Этик-женщина, понимаете?

Из темноты донесся смешок.

— Какое это имеет значение?

— Большое! Либо вы не единственный отступник, либо умеете менять голос. Или, возможно, вам приходится вводить меня в заблуждение. Допустим, в этом деле участвуют все этики, и сейчас вы плетете нить интриги для каких-то собственных целей. В таком случае мы просто инструменты в ваших руках!

— Я не обманываю тебя и не желаю обсуждать твои нелепые предположения. Если ты или другие мои избранники будут схвачены и допрошены, ваши ответы приведут моих коллег в замешательство...

Внезапно послышался шорох.

— Я должен идти. Полагайся только на самого себя. Удачи.

— Подождите! А что, если у меня ничего не получится?

— Тогда кто-то другой построит корабль — хотя мне хотелось бы, чтобы это сделал ты.

— Значит, я все-таки инструмент. Орудие в руках Бога! Если лезвие ломается, нож выбрасывают и заменяют другим, верно?

— Я не могу гарантировать тебе успех. И я не Бог.

— Черт бы вас всех побрал! — закричал Сэм.— Почему вы не могли сделать все так, как было на Земле? У нас имелась настоящая смерть, которая освобождала людей от мук и боли, мирской суеты и угрызений совести. Все это оставалось позади. Сбросив оковы плоти, мы становились свободными, как вольный ветер в горах. Но вы снова надели на нас эти цепи и бросили в мир, где мы даже не можем убить самих себя. Вы отняли у людей смерть и тем самым обрекли их на вечные адские страдания!

— Не так уж все и плохо,— ответил этик.— Многим здесь живется лучше, чем на Земле, или по крайней мере не хуже. Искалеченные, слепые и убогие, больные и истощенные получили у нас здоровье и молодость. Вам не надо больше беспокоиться о хлебе насущном, проливая пот и слезы в поисках еды. Большинство людей питаются гораздо лучше, чем в прошлой жизни. Но по большому счету я согласен с тобой. Воскрешение из мертвых — это преступление, величайшее преступление из всех возможных. Поэтому мы...

— Верните мне Ливи! — заплакал Сэм.— Верните мне моих дочерей! Разделив нас, вы сделали их для меня мертвыми. И лучше быть мертвым, чем переживать эту вечную разлуку! По крайней мере, я не терзал бы себя картинами их возможных страданий! Откуда мне знать, может быть, их сейчас насилуют! Может быть, их сейчас избивают и подвергают пыткам! На вашей планете столько зла! Здесь осталось лишь самое ужасное, что существовало раньше на Земле!

— Я сделаю все, что будет в моих силах,— сказал этик.— Но на их поиски могут потребоваться годы. У меня нет времени на объяснение всех сложностей этой задачи. Я должен уйти до того, как кончится дождь.

Сэм поднялся и пошел вперед, вытянув руки.

— Остановись,— прошептал этик.— Ты уже касался меня однажды!

Сэм замер на месте.

— Так вы найдете Ливи и моих девочек?

— Да. Можешь положиться на мое слово. Только помни... на розыски могут уйти годы. Допустим, к тому времени ты уже построишь корабль, проплывешь миллионы миль и вдруг узна-

ешь, что я нашел твою жену на другом конце Реки. Мне действительно под силу разыскать в этом мире любого человека, но я не могу привести сюда твоих дочерей и жену. Тебе придется добираться до них самому. И как же ты поступишь? Повернешь корабль и потратишь еще двадцать лет на обратный путь? А что скажет по этому поводу твоя команда? Я сомневаюсь, что они согласятся с таким решением. К тому же, если ты поплывешь за своей женой, нет никаких гарантий, что она останется на прежнем месте. Ее могут убить, и она перенесется куда-нибудь в другое место, еще более далекое и недоступное.

— Проклятье! — прокричал Сэм.

— Кроме того, люди меняются,— продолжал этик.— Отыскав свою жену, ты можешь обнаружить, что она уже не испытывает к тебе прежних чувств.

— Я убью вас! — взревел Сэм Клеменс.— Но помогите, помогите мне...

Бамбуковая циновка приподнялась. Силуэт Незнакомца промелькнул на фоне неба, как летучая мышь. Его голову прикрывал капюшон. Сэм стиснул кулаки, ожидая, когда гнев переплавится в усталость. Он зашагал взад и вперед по хижине, затем раздраженно отбросил сигару, которая вдруг показалась ему горькой. И даже воздух, которым он дышал, наполнился терпким неприятным привкусом.

— Будь они прокляты! И этот отступник тоже! Я построю корабль, доберусь до Северного полюса и узнаю, что они там задумали! А потом я уничтожу этиков! Я убью их всех до одного!

Дождь утих. Издалека послышались крики. Сэм выбежал из хижины, испугавшись, что его гостя могли поймать — хотя это казалось совершенно невероятным. Внезапно он понял, что пароход важнее для него, чем все остальное, а нелепый случай мог помешать строительству корабля. Он ненавидел этого этика, но хотел отомстить ему позже — гораздо позже.

По равнине двигалась цепочка огней. Вскоре в свете факелов Сэм уже мог различить знакомых караульных и фон Рихтхофена. Их отряд сопровождал троих людей.

Плащи из покрывал, скрепленных магнитными пряжками, придавали фигурам пришельцев несколько бесформенный вид. Самый маленький из них надвинул капюшон почти до линии рта. У высокого смуглого мужчины на лице выдавался длинный крючковатый нос.

— Похоже, вы встретите здесь достойного конкурента,— пошутил Сэм.— В моей хижине храпит парень, чей нос будет побольше вашего.

— Nom d'un con! Va te fair foutre!* — воскликнул высокий мужчина.— Неужели меня будут оскорблять везде, куда бы я ни пришел? Значит, вот каково гостеприимство, которое вы оказываете путникам! Я прошел десять тысяч лье в неописуемо гадких условиях, надеясь встретить человека, который дал бы мне в руки стальной клинок. Но вместо этого меня еще раз щелкнули по носу! Так знайте же, невежественный и дерзкий мужлан: Савиньен де Сирано II де Бержерак не подставляет под удар вторую щеку! Если вы немедленно не принесете мне свои искренние извинения, моля языком ангела, а не деревенского остряка, я проткну вас тем самым носом, над которым вам захотелось посмеяться!

Сэм попросил великодушного прощения, сославшись на то, что его нервы истрепались после вчерашней битвы. Он с изумлением смотрел на легендарного человека и гадал, не мог ли тот оказаться одним из двенадцати избранных.

Второй мужчина, с белокурыми волосами и голубыми глазами, представился как Герман Геринг. Его шею обвивал плетеный шнурок, на котором висела спиральная кость речной рыбы. Взглянув на этот амулет, Сэм понял, что белокурый юноша являлся служителем Церкви Второго Шанса. Это сулило в будущем большие проблемы, так как шансеры проповедовали абсолютный пацифизм.

Третий путник, приподняв капюшон, открыл прелестное личико, которое обрамляли длинные черные волосы, уложенные узлом на затылке.

Клеменс пошатнулся, почти теряя сознание:

— Ливи!

Женщина вздрогнула. Она подошла к Сэму и при свете факелов молча осмотрела его лицо. Эта встреча потрясла ее не меньше мужа.

— Сэм,— тихо прошептала она.

Он шагнул к ней, но Ливи отбежала к де Бержераку и прильнула к его груди, будто моля о поддержке. Француз обнял ее за талию и холодно взглянул на Клеменса.

---

* Бог мой, опять об этом! Черт бы их побрал! *(фр.)*

— Будь храброй, моя овечка! Пока я рядом, тебе нечего бояться. Да кто он тебе?

Она посмотрела на француза с таким выражением, что Сэму стало все ясно. Он со стоном отвернулся и погрозил кулаком далеким звездам, которые только что появились из-за облаков.

Глава 15

Пароход плыл через его сон, похожий на огромный сверкающий бриллиант в двадцать миллионов карат.

Никогда еще не было такого корабля, и не будет такого другого.

Он назовет его «Внаем не сдается». И никому не удастся отнять у него это судно, потому что он оснастит его самой крепкой броней и самым лучшим оружием. Никому не удастся купить у него пароход или взять его напрокат.

И пусть сияет на белом корпусе большая черная надпись: «Внаем не сдается».

На сказочном пароходе будет четыре палубы: машинное отделение, главная палуба, штормовой мостик и посадочная палуба для летающих машин. Общая длина составит 450 футов 6 дюймов. Ширина судна, включая кожухи гребных колес, будет равняться 93 футам. Средняя осадка судна при полном грузе не должна превышать двенадцати футов. Он сделает корпус из дюралюминия или, возможно, пластика. Время от времени из двух огромных труб будет валить дым. Да, он установит на борту паровой котел, но его основной задачей станет работа пневматических пулеметов. А гигантские гребные колеса будут вращаться мощными электрическими моторами.

«Внаем не сдается» станет единственным металлическим кораблем на Реке — единственным судном, движимым без весел и ветра. Он гордо поплывет мимо берегов, притягивая изумленные взоры людей — всех тех, кто был рожден в период от двух миллионов лет до нашей эры и до 2000 года после Рождества Христова.

И люди увидят на капитанском мостике знаменитого Сэма Клеменса, Капитана с заглавной буквы «К», потому что на борту огромного парохода, с командой в сто двадцать человек, будет только один капитан.

Король Иоанн может называть себя адмиралом, если ему так хочется, хотя, по мнению Сэма, этому проныре хватило бы и

должности первого помощника. И вообще, если Сэм Клеменс скажет пару слов, король Иоанн — Иоанн Безземельный, Гнилой и Грязный Иоанн, распутный хряк из зловонного свинарника — даже не будет допущен на борт корабля. А он, Сэм Клеменс, поправив белую фуражку и сбив щелчком пылинку с белоснежной накидки, перегнется через перила высокого капитанского мостика, вытащит изо рта большую зеленую сигару и крикнет вахтенным матросам: «Эй вы, неуклюжие увальни! Схватите покрепче этот смердящий мешок бессмертия и предательства! Сбросьте его с трапа! И меня не волнует, упадет он в Реку или на прибрежный песок!»

И вот уже принц Иоанн перелетает через ограждение палубы. Встав на четвереньки, он клянет всех на свете на своем англо-франко-нормандском языке... или пусть лучше на эсперанто. Но команда убирает сходни, звонят колокола, звучат свистки, и Сэм Клеменс, встав за спиной вахтенного у штурвала, отдает приказ отправляться в плавание.

И какое плавание! Вверх по Реке, возможно, на десять миллионов миль, а то и на все двадцать! Плавание на сорок лет или даже на сто! О, какой это будет пароход и какая Река! Такое плавание не снилось ни одному человеку, когда-либо жившему на Земле. Вверх по Реке, единственной в этом мире, на единственном настоящем корабле, с Сэмом Клеменсом в качестве La Sipestro — Капитана, которого близкие друзья называли бы просто La Estro — Босс.

Это будут мгновения счастья — лучшие минуты его жизни!

Одолев заводь тихого сна, сказочный пароход направился к середине Реки, чтобы помериться силой с течением в центре могучего русла. И когда тысячи людей на обоих берегах начали махать им руками, кричать от радости и плакать, провожая взглядом белый корабль, он, Капитан — Сэмюэль Ленгхорн Клеменс, известный под псевдонимом Марк Твен,— увидел широкоплечего человека с длинными желтыми волосами, который напролом пробирался через толпу.

Тот был одет в юбку из нескольких полотенец, скрепленных магнитными застежками. На ногах виднелись сандалии, сделанные из кожи речного дракона; вокруг широкой мускулистой шеи вился шнурок со сверкавшими, как бриллианты, позвонками ро-

гатой рыбы. Сжимая в руке деревянную рукоятку стального боевого топора, он осматривался по сторонам, будто искал кого-то и не мог найти. А потом его светло-голубые глаза остановились на Сэмюэле Клеменсе, и бородатое, с ястребиным носом лицо скривилось в усмешке.

— Скорость! Скорость! — закричал Сэм вахтенному матросу.— Полный вперед!

Огромные гребные колеса закрутились быстрее. Они вспенивали воду — щанк-чанг, щанк-чанг,— и вибрация отдавалась даже сквозь толстый слой стекловолокна, который находился под настилом палубы. А Эрик Кровавый Топор, конунг викингов из десятого века, уже стоял на капитанском мостике, и его взгляд вонзался Сэму прямо в мозг.

— Предатель! Кал Рататока! — проревел он на древнескандинавском языке.— Я предупреждал, что буду ждать тебя на берегах Реки! Ты помнишь, как убил меня за кусок железа? Ты помнишь, как продал душу, чтобы построить свой большой пароход?

Сэм выбежал из рубки и помчался вниз по трапам и палубам в темные недра трюма. Кровавый Топор отставал лишь на пару шагов. Обогнув колоссальный роторный электромотор, Клеменс проскочил в химическую лабораторию, где из человеческих экскрементов его инженеры производили нитрат калия. Здесь, в небольшом помещении, находились пороховые запасы корабля. Схватив смоляной факел, Сэм чиркнул золотником своей зажигалки, и из футляра выползла раскаленная добела проволока.

— Не подходи, или я взорву пароход! — закричал он.

Эрик остановился и стал раскручивать топор над головой.

— Давай! — усмехнулся он.— Подрывай, если кишка не тонка! Что же ты медлишь? Ах да! Ты любишь свой корабль больше всего на свете — даже больше блудливой и неверной, но по-прежнему драгоценной Ливи! Ты слаб, Клеменс! И поэтому я раскрою твой череп пополам, а потом заберу этот белый большой пароход!

— Нет! Нет! — кричал Сэм.— Ты не посмеешь! Я не отдам тебе его! Не отдам! Это моя мечта! Моя любовь и страсть! Моя жизнь и мой мир! Ты не сделаешь этого, кровавый варвар!

Норвежец шагнул к нему, и топор со свистом рассек воздух над головой Клеменса.

— Не сделаю? Тогда постой спокойно и убедись в своей ошибке!

За спиной викинга Сэм увидел тень. Она приблизилась и превратилась в фигуру без лица. Это был Икс, Таинственный Незнакомец — тот этик-отступник, который послал метеорит в речную долину и наделил Сэма металлом для строительства парохода. Это он хотел, чтобы люди, добравшись по Реке до полярного моря, увидели Туманную Башню, или Великий Грааль, окутанный холодной мглой. Это он назначил Сэма и одиннадцать других человек исполнителями тайного плана, о котором не знала ни одна живая душа. И его избранникам предстояло взять приступом Туманную Башню, чтобы найти... Что же им надо найти? То, что этики прятали там от людей!

— Спаси меня, Незнакомец! — позвал Сэм.— Спаси меня!

Жуткий хохот, подобно ветру с полярного моря, превратил его внутренности в холодные глыбы льда.

— Спасай себя сам, Сэм!

— Нет! Нет! Ты же обещал! — кричал Клеменс.

А потом блеснула сталь топора. Его глаза расширились, и стон застрял в горле, так и не слетев с открытых уст. Или ему просто приснилось, что он хотел застонать?

Сэм сел. Его бамбуковый топчан находился в углу комнаты, размеры которой не превышали двадцати квадратных футов. Матрацем служил мешок, сплетенный из бамбуковых волокон и набитый листьями железного дерева. Пять покрывал, скрепленных по краям, заменяли одеяло. Обстановка комнаты состояла из деревянной конторки, большого круглого стола, вокруг которого располагалось двенадцать бамбуковых стульев, и ночного горшка из обожженной глины. Около двери стояло бамбуковое ведро, до половины наполненное водой. Рядом возвышался стенд со множеством отделений для свитков. Напротив тянулись подставки для копий с кремневыми и железными наконечниками. Тут же хранились боевые топоры из железно-никелевого сплава, тисовые луки, стрелы и четыре длинных стальных ножа. На колышках висело несколько белых покрывал и кожаная фуражка, сшитая на флотский манер, с чехлом из белой ткани.

На конторке среди стеклянных бутылей с чернилами из сажи стоял его грааль — серый металлический цилиндр с небольшой рукояткой. Около него лежало несколько ручек с костяными и

стальными перьями. Стопку грубой бамбуковой бумаги венчала дюжина листков из тонкого пергамента, который люди научились делать из желудочных мембран рогатой рыбы.

Через застекленные окна (или иллюминаторы, как он их называл) открывался вид на ближайшие окрестности. Насколько Сэм знал, эти стекла были единственными во всей речной долине — а точнее, единственными на десять тысяч миль по обе стороны от его дома.

Равнину и холмы заливал свет созвездий. До восхода солнца оставалось несколько часов, но ночи здесь выглядели еще более светлыми, чем на Земле при полнолунии. Огромные разноцветные звезды усеивали небосвод, и самые крупные из них казались кусками разбитой луны. Между ними, впереди и позади вились яркие шлейфы газовых туманностей, сияние которых никогда не переставало будоражить сердца романтиков на берегах Реки.

Клеменс встал и прошелся по комнате, морщась от кисловатого перегара и еще более кислого привкуса сна. Подойдя к столу, он нащупал зажигалку, поднес раскаленную спираль к фитилю масляной лампы и подлил в каменный рожок рыбьего жира.

Открыв иллюминатор, Сэм осмотрел береговую полосу. Год назад он видел там только плоскую равнину, поросшую короткой ярко-зеленой травой. Теперь на этом месте вздымались насыпи выкопанной земли, чернели глубокие котлованы и роились низкие деревянные бараки, над которыми торчали трубы. Там располагались заводы и фабрики по производству стали, стекла, цемента, азотной и серной кислоты. Там находились кузницы, лаборатории и оружейные мастерские. А еще через полмили виднелся высокий частокол из сосновых бревен, за которым начиналась верфь, где они строили свой первый корабль с металлическим корпусом.

Слева пылали факелы, освещавшие рудник. Даже ночью люди продолжали добычу металла, откапывая куски упавшего метеорита и переплавляя их в железно-никелевый сплав.

Дом Сэма стоял у подножия холма. Раньше за ним возвышался лес с тысячефутовыми железными деревьями, с красной и корабельной сосной, с белым и черным дубом. Заросли бамбука чередовались с тисовыми рощами, где ветер насвистывал в хвое веселые песни. Прошел лишь год, холмы остались на месте, но вся растительность исчезла в топках плавилен. Лишь огромные железные деревья противостояли стальным топорам и пилам лесорубов. Высокую траву вырвали и, обработав химическими веществами, пустили на канаты и бумагу. С короткой же травой решили не связываться — ее крепкие корни сводили на нет усилия людей и приводили в негодность самые прочные инструменты. Конечно, затраты сил в этом мире ничего не стоили, однако затупившаяся сталь и истертый камень считались здесь дорогой потерей.

Некогда прекрасный кусочек долины, поросший деревьями, цветущей лозой и яркой травой, походил теперь на поле битвы. Странно, но, чтобы построить чудесный пароход, потребовалось создать и это безобразие.

Сэм поежился от влажного и зябкого ветра, который налетел с верховьев Реки. А может быть, его заставила вздрогнуть мысль о произведенном вокруг опустошении? Клеменс восхищался прелестью природы, и, что бы он там ни думал об этом мире, ему нравилась похожая на парк речная долина. Теперь ради своей мечты он превратил ее в уродливый ландшафт. И границы разорения будут раздвигаться, потому что фабрикам и заводам требовалось топливо, а бумага и уголь делались из древесины. Все, чем обладало их государство, было уже использовано, и их торговые партнеры из северного Публиджо и южной страны Чернского почти истощили свои запасы. Но если ему понадобится еще, он пойдет войной на ближайших соседей или заключит торговые соглашения с более далекими странами на юге, севере и на другом берегу Реки. Конечно, он мог бы силой завладеть их лесами, однако такой вариант ему хотелось бы оставить на самый крайний случай. Сэм питал к войне принципиальное отвращение и с трудом терпел ее на практике.

Тем не менее, если он хочет построить пароход, ему придется обеспечить свои фабрики топливом. Если он хочет получить алюминий для изготовления электрических моторов и генераторов, ему потребуются бокситы, платина и криолит.

Поставщиком этих трех минералов являлся Душевный Город — страна, расположенная в двадцати шести милях ниже по Реке. Всеми делами там заправлял Элвуд Хакинг, который люто ненавидел белых. В обмен на бокситы, киноварь и платину он требовал руду и стальное оружие, хотя Пароландо — государство Клеменса — само нуждалось в металле. Кроме того, добавляя новое бремя, Хакинг отказался выделять своих людей на разработку рудников и транспортировку добытого сырья.

Сэм тяжело вздохнул. Почему, черт возьми, Незнакомец направил метеорит так далеко от бокситовых отложений? Впрочем, Сэм и Кровавый Топор, приплыв сюда первыми после катастрофы, могли бы провозгласить район Душевного Города своей территорией, и тогда воскресшему Хакингу пришлось бы либо подчиниться Клеменсу, либо убраться куда-нибудь подальше.

Очевидно, даже мощной технологии этиков с трудом удалось сдвинуть с орбиты эту огромную железно-никелевую комету. И им еще повезло, что она упала всего лишь в двадцати шести милях от залежей бокситов и других минералов. Пожалуй, Незнакомец мог считать, что попал прямо в яблочко. Перед тем как отправиться на какое-то задание, он сказал Клеменсу, что минералы находятся в семи милях вверх по течению. Незнакомец ошибся, и эта ошибка обрадовала и расстроила Сэма. Он сожалел, что минералы оказались не в его власти, но радовался тому, что этики тоже могли ошибаться.

К сожалению, данный факт не позволял человечеству выбраться из речной долины, зажатой между отвесными скалами высотой в двадцать тысяч футов — этакая бесконечно длинная тюрьма шириной в 9,9 мили. И люди будут томиться здесь многие тысячелетия, если только он, Сэмюэль Ленгхорн Клеменс, не построит свой пароход.

Сэм подошел к сосновому шкафчику, со вздохом открыл дверцу и вытащил темную стеклянную бутылку. В ней плескалось около двадцати унций бурбона, подаренного людьми, которые не употребляли спиртного. Сделав большой глоток, он замотал головой, похлопал себя по груди и, крякнув, поставил бутылку на место.

«У-ух! Нет ничего лучше, чтобы начать новый день,— подумал Сэм.— Особенно после такого кошмара. Интересно, почему Великий Цензор Снов выпускает в прокат такую жуткую чушь? Неужели он воспылал ко мне такой любовью, что уже не вносит в мои грезы никаких исправлений? Или, наоборот, невзлюбил меня за какой-то промах?»

«А кто тебя теперь любит, Клеменс? — захихикал внутренний голос.— Люди знают, что ради корабля ты переступишь через их дружбу и любовь. Я уже не говорю о Ливи, которая была твоей женой тридцать четыре года».

Сэм выругался, пригладил несуществующие усы и вновь достал из шкафчика бутылку. После пары глотков по щекам покатились слезы, но он не захотел выяснять причину их появления. Возможно, во всем виноват бурбон или грустные мысли о Ливи. В этом мире сложных взаимоотношений и таинственных дел — или деятелей — причиной слез могло быть и то и другое. А о скольких вещах он даже боялся подумать! Темное подсознание с трепетом ожидало момента, когда рассудок согнется, чтобы завязать свои интеллектуальные шнурки. И тогда оно вышибет его из черепа пинком под зад... и Сэм сойдет с ума.

Пройдя босиком по бамбуковому коврику, он подошел к боковому окну. Там внизу, в двухстах ярдах от его дома, под сенью железного дерева стояла небольшая хижина с конической крышей, где в маленькой спаленке лежала на кровати Оливия Ленгдон Клеменс — его бывшая жена. А рядом с ней храпел своим длинным крючковатым носом Савиньен де Сирано II де Бержерак — дуэлянт, вольнодумец и поэт.

— Эх, Ливи! Как ты только могла? — прошептал Сэм.— Как ты могла разбить мое сердце?

Прошел год с тех пор, как она пришла сюда вместе с Сирано де Бержераком. Клеменс пережил тогда страшное потрясение. За семьдесят четыре года, проведенные на Земле, и двадцать один год пребывания в мире Реки он не испытывал ничего подобного. И все же Сэм оправился. Вернее, оправился бы, не получи он нового, столь же сильного и болезненного удара. Конечно, Клеменс знал, что два десятка лет его жена не обходилась без мужчины. Оливия вновь обрела молодость, красоту и страсть. И она вряд ли верила в возможность встречи с мужем. Он и сам за это время поменял полдюжины подруг. Так какой же верности можно было требовать от Ливи? Но Сэм надеялся, что, увидев его, она бросит своего поклонника, как обезьяны бросают надоевшую монету. А этого не произошло! Она любила де Бержерака.

После той ночи, когда она вышла из речного тумана, он видел ее почти каждый день. Они сдержанно беседовали друг с другом, а порой, разорвав покров отчужденности, шутили и смеялись, как в былые дни на Земле. На какой-то миг их взгляды встречались и говорили друг другу, что любовь по-прежнему соединяет их сердца незримой нитью. И Клеменс, почти взрываясь от страсти, жалившей его, как рой пчел, пытался отвлечь себя беседой или шуткой и смеялся, смеялся, смеялся, пока не появлялось желание заплакать. Против воли он протягивал к ней руки, и она мгновенно отступала, убегая к Сирано или уходя на его поиски, если француза не было рядом.

Она проводила каждую ночь с этим непристойным, грубым и носатым мужчиной, которому удавалось сочетать в себе пугающую язвительность, остроумие и незаурядный талант.

— Возмужавший лягушонок,— прошептал Сэм.

Внезапно в его уме возникла картина, на которой француз, квакая от похоти, прыгал вокруг поникшей и печальной Ливи. Его руки тянулись к ее белому телу, и он, прыгая и квакая...

Клеменс содрогнулся. Нет, так не годится. Он не мог забыть о ней даже тогда, когда приводил в свой дом других женщин — приводил тайно, хотя и не имел причин это скрывать. Сэм искал забвения в палочках мечтательной резинки, но, несмотря ни на что, образ жены вплывал в кипящее море наркотических грез и еще сильнее раздувал ураган желаний. Прекрасное судно «Ливи» с раздутыми белыми парусами, изящным корпусом и округлой кормой...

И еще Сэм слышал ее смех — зовущий очаровательный смех. Его он переносил тяжелее всего.

Он перешел к двум передним иллюминаторам, около которых на дубовом постаменте возвышалось штурвальное колесо. Этот кабинет заменял ему рулевую рубку, а две задние комнаты он называл по-моряцки — «техас»*. Дом построили на склоне холма, поэтому переднюю часть здания поддерживали тридцатифутовые сваи. Чтобы попасть внутрь, надо было подняться по лестнице (или, пользуясь морской терминологией, по трапу с правого борта) либо пройти с холма через заднюю дверь, которая вела в «техас». На крыше «рубки» находился большой колокол — насколько Сэм знал, единственный в этом мире. Вскоре пробьет шесть склянок, и тогда Сэм ударит в большой колокол, чтобы темная долина пробудилась к жизни и новому дню.

Глава 16

Туман лениво сползал к Реке, открывая приземистую грибообразную глыбу питающего камня, которая стояла в полутора милях на берегу. Внезапно Сэм увидел, как из дымки появился корабль, выглядевший на таком расстоянии красивой детской игрушкой. Он заметил две маленькие фигуры, которые спустились в лодку, быстро добрались до берега, а затем побежали куда-то вправо. Звезды щедро изливали свет, и Сэм без труда отслеживал путь этих двух спешивших мужчин. Проскользнув между фабричными бараками, они обогнули двухэтажную гончарную мастерскую и направились к холмам. Сэм потерял их из виду, но ему показалось, что странная пара спешила в бревенчатый «дворец» Иоанна Плантагенета.

* С точки зрения американцев, Техас — самый южный, а значит, и самый «задний» штат. *(Примеч. пер.)*

Куда же смотрела пограничная служба Паролando? Через каждые четверть мили на берегу Реки возвышались тридцатифутовые охранные вышки, где круглосуточно дежурило по четыре наблюдателя. Заметив что-то подозрительное, они должны были ударить в барабаны, затрубить в костяные горны и зажечь смоляные факелы.

Эти два человека, возникшие из тумана, доставили Иоанну какую-то весть — весть, предназначенную только для экс-короля Англии.

Через пятнадцать минут Сэм заметил темный силуэт, приближавшийся к его дому. Тихо звякнул колокольчик, подвешенный над дверью, и, выглянув в окно, Клеменс увидел бледное лицо Уильяма Гревела — в прошлом крупного лондонского торговца шерстью, чья земная смерть приходилась на 1401 год от Рождества Христова. За неимением овец и других животных бывший торговец посвятил себя шпионажу и достиг в этой области неплохих результатов. Ему нравилось шнырять по ночам вокруг домов, выведывая тайны и помыслы людей.

Приподняв засов, Сэм открыл толстую дубовую дверь, и Гревел взбежал по «трапу».

— Saluton, leutenanto Grevel. Kio estas? — произнес Клеменс на эсперанто, что означало: «Приветствую вас, лейтенант Гревел. Что-нибудь случилось?»

— Bonan matenon, Estro. Ciu grasa fripono, Rego Johano, estas jus akceptita duo spionoj. (Доброе утро, босс. Этот жирный плут, король Иоанн, только что принял двух лазутчиков.)

Сэм не понимал того английского языка, на котором говорил Гревел, однако они оба владели эсперанто и лишь иногда запинались на сложных словах.

Клеменс, усмехаясь, слушал рассказ шпиона. Билл Гревел забрался на железное дерево, прополз по ветке над цепью часовых, а затем спустился по веревке на крышу двухэтажного «дворца». Он прокрался в комнату, где спали три женщины, и затаил-

ся на лестнице, которая вела на первый этаж. Внизу за широким столом сидели Иоанн и его лазутчики — итальянец из двадцатого века и венгр из шестого столетия. Разведчики докладывали королю о своем плавании вверх по Реке. Разъяренный Иоанн едва сдерживал гнев.

Выслушав донесение Гревела, Сэм тоже пришел в неистовство.

— Так значит, он пытался убить Артура из Новой Бретани? Какая глупость! Неужели он хочет погубить всех нас?

Клеменс зашагал взад и вперед по комнате, потом остановился, прикурил сигару и предложил Гревелу стакан виски.

По иронии судьбы — или, возможно, по хитроумному плану этиков — король Иоанн Английский восстал из мертвых всего лишь в тридцати двух милях от своего племянника, которого он коварно убил на Земле. Принц Артур, сплотив вокруг себя людей, захватил десятимильную полосу речной долины и основал государство, которое назвал Новой Бретанью. В его маленькой стране можно было насчитать лишь несколько бывших бретонцев, однако это никак не повлияло на выбор названия.

Восемь месяцев назад Артур узнал, что по соседству объявился его заклятый враг. Он тайно пробрался в Пароландо и своими глазами увидел того, кто некогда перерезал ему горло и сбросил бездыханное тело в Сену. Принцу захотелось захватить дядюшку в плен и подвергнуть его самым жестоким пыткам. Смерть врага навсегда исключала возможность мести, поэтому он планировал держать Иоанна живым долгие и долгие годы. Артур жаждал мести, а не убийства, которое лишь воскресило бы его дядю на следующий день за тысячи миль от карающей длани.

Он послал в Пароландо эмиссаров, требуя незамедлительной выдачи Иоанна. Его требования отклонили, хотя, если бы не благородство и страх перед своим компаньоном, Сэм с радостью удовлетворил бы их.

И вот теперь Иоанн отправил нескольких лазутчиков на ликвидацию Артура. Двое из них погибли в стычке с охраной, остальные получили легкие ранения. Их провал означал вторжение, поскольку помимо мести Артур мечтал овладеть железным рудником.

Между Пароландо и Новой Бретанью располагалось несколько небольших государств, и первым из них, простиравшимся на четырнадцать миль вдоль правого берега, управлял выходец из

шестнадцатого века, украинский полковник Чернский. Оставаясь верным подписанному договору, он наотрез отверг союз с Артуром. Однако к северу от Новой Бретани находилась страна, где властвовал сильный и прославленный воин — тот самый Иэясу, который в 1600 году основал сегунат Токугава и перенес столицу в Эдо, названный позже Токио. Разведчики Сэма рассказывали, что японец уже шесть раз приезжал к бретонцу на военный совет.

Кроме того, севернее страны Иэясу располагалось государство, которым управлял Клеомен — спартанский царь и единокровный брат знаменитого Леонида, оборонявшего проход в Фермопилах. Клеомен трижды встречался с Иэясу и Артуром.

Одиннадцать миль берега южнее Пароландо занимала страна Публия Красса. В прошлой жизни он командовал кавалерией Цезаря и участвовал в войнах против галлов. Однако здесь Публий показал себя очень дружелюбным человеком, хотя и затребовал за свой строевой лес непомерно большую цену.

На юге от Публиджо находилось Тайфанджо — государство, в котором властвовал Тай-Фан, один из полководцев Кублахана. Тай умер на Земле, упав пьяным с лошади.

А за Тайфанджо располагался Душевный Город, возглавляемый Элвудом Хакингом и Милтоном Фаербрассом.

Сэм отбросил сигару и взглянул из-под густых бровей на Гревела.

— Знаете, Билл, пусть они катятся ко всем чертям! Мы не в силах что-либо изменить. Судя по слухам и молве, Артур вполне заслуживает, чтобы его однажды прикончили. Кроме того, если я подниму вопрос о покушении на главу сопредельного государства, Иоанн догадается, что в его доме побывал мой человек. Он начнет все отрицать и потребует очной ставки со свидетелем, а вы сами можете представить, что потом случится с этим человеком... вернее, с вами.

Гревел побледнел.

— Не пугайтесь, мой друг,— сказал Сэм.— Я буду нем как рыба. Пока нам остается только помалкивать и наблюдать за развитием событий. Хотя мне претит это вынужденное молчание! Иоанн — самый презренный тип из всех, кого я встречал в своей жизни. А если бы вы знали, сколько народу мне довелось перевидать, включая издателей и журналистов, вас потрясла бы глубина моих слов.

— Из него получился бы хороший сборщик налогов,— добавил Гревел, отыскав наконец для Иоанна более емкое оскорбление.

— Будь проклят тот день, когда я решил взять короля Иоанна в партнеры,— прошептал Сэм.— Но если бы я этого не сделал, меня лишили бы возможности построить корабль.

Поблагодарив Гревела, он проводил его до двери. Небо над горами за Рекой уже приобретало красноватый оттенок. Чуть позже небесный свод станет розовым по краям и синим в вышине, но пройдет еще немало времени, прежде чем солнце покажется из-за горы. И тогда питающие камни выпустят из себя голубоватые молнии разрядов.

Он ополоснул лицо, зачесал на затылок густую копну рыжеватых волос и, выдавив зубную пасту на кончик пальца, потер им зубы и десны. Застегнув на талии ремень с четырьмя ножнами и полевым планшетом, он накинул на плечи длинное покрывало, а затем взял грааль и дубовую трость, инкрустированную железом. Сэм степенно сошел по трапу на влажную траву. Каждую ночь, ровно в три часа и точно по тридцать минут, в долине шел дождь, и мокрая земля оставалась сырой до восхода солнца. Если бы не полное отсутствие вирусов и болезнетворных микробов, половина населения давно бы умерла от воспаления легких и гриппа.

Став снова молодым и сильным, Сэм не изменил своего негативного отношения к физическим упражнениям. Шагая к берегу Реки, он размышлял о строительстве небольшой железной дороги, которая тянулась бы от его дома к ближайшему питающему камню. Впрочем, игра не стоила свеч. Проще было сделать автомобиль, который работал бы на древесном спирте.

К Клеменсу присоединялись все новые и новые люди. Он отвечал на их приветствия кратким «Салютон!» или «Бонан матенон!». В конце недолгого пути Сэм отдал свой грааль мужчине, стоявшему на вершине грибовидной глыбы, и тот установил его в одну из многочисленных выемок. Когда около шестисот цилиндров разместились в углублениях серого гранита, люди отошли на безопасное расстояние. Через пятнадцать минут раздался вибрирующий рев, эхом прокатившийся над равниной и горами. Голубое пламя взметнулось на двадцать пять футов вверх и

опало вниз. Назначенные на этот день хранители камня забрались на глыбу и передали людям их цилиндры. Сэм отправился домой, всю дорогу удивляясь тому, почему он до сих пор не поручил кому-нибудь из подчиненных заботиться о своем «роге изобилия». Хотя удивляться тут было нечего. Человек настолько зависел от грааля, что предпочитал не выпускать его из своих рук.

Вернувшись домой, Клеменс открыл крышку цилиндра. Внутри, в шести контейнерах, соединенных наподобие судков, находился завтрак и различные продукты. Грааль имел второе дно, в котором содержались программируемое меню и устройство, преобразующее энергию в материю. Этим утром Сэм получил бекон и яйца, два тоста с маслом и джемом, стакан молока, ломтик мускусной дыни, десять сигарет, одну сигару, плитку марихуаны, палочку мечтательной резинки и чашу какого-то приятного, но крепкого напитка.

Намереваясь предаться пороку чревоугодия, Клеменс присел к столу и мечтательно посмотрел в правый «иллюминатор» (именно в правый, чтобы ненароком не увидеть лачугу Сирано). В тот же миг он потерял аппетит. Перед его домом, стоя на коленях, молился молодой человек. Закрыв глаза и сложив ладони на уровне груди, он бормотал какие-то слова. Небогатый наряд состоял из потрепанной юбки и спиральной рыбьей кости, болтавшейся на шнурке. Темно-русые волосы ниспадали на плечи, стройное тело покрывали бугры рельефных мышц, но, несмотря на плотное сложение, ребра уже начинали проступать наружу.

Сэм узнал Германа Геринга. Выругавшись, он вскочил, свирепо пнул ни в чем не повинный стул, затем передвинул еду на другую сторону стола и уселся спиной к окну. Этот святоша не раз уже портил ему аппетит, поскольку больше всего на свете Клеменс не переносил раскаявшихся грешников. А Герман Геринг погрешил, так уж погрешил; и теперь он, очевидно, в качестве компенсации старался обскакать остальных людей по части святости — во всяком случае, так казалось Сэму. В своих проповедях Геринг заявлял, что занимает самое скромное место среди скромных, и это являлось до известной степени правдой.

— Чтобы ты подавился своим показным смирением,— прошептал Сэм.— От тебя смердит, как от загаженного клозета...

Он даже пожалел, что поспешил провозгласить Великую хартию вольностей. (После долгих протестов король Иоанн смирил-

ся с принятым решением, тем самым повторив земную историю.) Если бы не хартия, Сэм давно бы вышиб из страны и Геринга, и его последователей. Но отныне конституция Пароландо, самая демократическая конституция в истории человечества, утверждала свободу религии и полную свободу слова — вернее, почти полную, поскольку и тут существовали некоторые ограничения.

Таким образом, собственноручно написанный документ не позволял Сэму вмешиваться в миссионерскую деятельность Церкви Второго Шанса.

Однако, если Геринг будет проповедовать и обращать людей в свою веру мирного саботажа, Клеменсу никогда не завершить строительство парохода. Геринг превратил его мечту в символ зла; он сказал, что большой корабль олицетворяет собой тщеславие и жадность людей, их низменную страсть к насилию и неуважение к тому, что Создатель уготовил для этого мира.

Он говорил, что людям не нужно строить речные корабли; им следовало строить дворцы души. Ибо все, в чем нуждался теперь человек, ограничивалось тонкими стенами для уединенных размышлений и крышей над головой, чтобы защитить его от дождя. Ему больше не требовалось зарабатывать себе хлеб потом и кровью рук своих. Ныне пища давалась людям безвозмездно. Творец не просил у них ни жертв, ни благодарности. Однако он наделил человека временем. Вот почему каждому следовало теперь определить свою судьбу. Вот почему человеку запрещалось преступать чужие границы, грабить имущество других людей, унижать и принуждать их к любви. Человек должен уважать и любить других, как самого себя. Он не должен грабить, насиловать и убивать. Он должен... И он не должен... Должен... И не должен...

Клеменс раздраженно покачал головой. Геринг проповедовал прекрасные идеи, под которыми подписался бы каждый человек. Но Сэму не верилось, что, вылизывая ботинки этиков, люди могли создать какую-то утопию или спасти свои черт знает где заблудшие души. Гуманность снова выставляли напоказ; ею злоупотребляли, ее использовали, а затем предавали бесчестью. Воскрешение из мертвых, омоложение и отсутствие болезней, дармовая еда, сигары, напитки и сплошное безделье — все это было иллюзией или сладким леденцом, которым девственное человечество заманили на темную аллею, чтобы позже... Что позже?

Сэм этого не знал. Однако Таинственный Незнакомец сказал, что их подвергли самому гнусному из всех возможных издевательств — еще более жестокому и мерзкому, чем их жизнь на Земле. Людей воскресили из мертвых и поместили на этой планете для грандиозного научного эксперимента. Вот тебе и вся любовь благого Создателя! А когда опыт будет завершен, их еще раз вышвырнут во мрак и забвение смерти. Еще один обман безжалостных «богов».

Но какую цель преследовал Незнакомец, рассказывая людям о планах этиков? Почему для борьбы с коллегами-учеными он привлек так мало помощников? Что ему понадобилось от них на самом деле? И не обманывал ли он Сэма, Сирано и Одиссея, как и тех других, которых они еще не знали?

Сэм Клеменс не находил ответов. Тьма неведения оказалась такой же кромешной, как и на Земле. Но одно он знал точно — ему хотелось построить пароход.

Туман над Рекой рассеялся, и завтрак подошел к концу. Сэм взглянул на водяные часы, подошел к окну и ударил в колокол, установленный на крыше «рулевой рубки». Как только угас мелодичный звон, во всех уголках Пароландо заверещали деревянные свистки бригадиров и десятников. Гулко загрохотали барабаны, завыли заводские сирены, и в стране Сэма Клеменса начался новый рабочий день.

Глава 17

Из тысячи граждан Пароландо на борт парохода могли подняться только сто двадцать человек. Двадцать вакантных мест было уже занято. В число приоритетных пассажиров и членов команды входили Сэм Клеменс и Джо Миллер, Лотар фон Рихтхофен и ван Бум, де Бержерак и Одиссей, три инженера, король Иоанн, а также их подруги и жены. Остальной экипаж предполагалось набрать за несколько дней до отплытия. Сэм решил написать имена всех жителей на полосках бумаги и поместить эти фанты в большой проволочный ящик. Сначала ящик будут встряхивать и вращать, а потом капитан Клеменс с завязанными глазами, но с неизменной сигарой во рту станет вытаскивать бумажки и передавать их Лотару, пока тот не огласит народу сотню имен, выигравших в лотерее. И именно эти люди составят команду сказочного парохода с гордым названием «Внаем не сдается».

По словам Незнакомца, кораблю предстояло проплыть около пяти миллионов миль. Проходя по 335 миль в сутки, он мог добраться до конца Реки примерно через сорок один год. Впрочем, это были всего лишь усредненные цифры. Команде не обойтись без регулярного отдыха на твердой земле. И им наверняка придется ремонтировать ходовые части. Сэм планировал взять с собой большой запас металла и подменных блоков. Однако следовало учитывать и непредвиденные поломки. Не будут же они возвращаться в Пароландо с полпути, чтобы прихватить новые запасные части или починить старые! А там, в неизвестной дали, им вряд ли удастся найти запасы металла и необходимых минералов.

«Как странно! — подумал Сэм.— Когда мы доплывем до истоков, мне будет сто сорок лет! Хотя что это значит в сравнении с той бездной времени, которая ждет меня впереди».

Он посмотрел в носовой иллюминатор. Равнина заполнялась людьми, которые шли от холмов к заводам. Сэм знал, что позади его дома не меньшее количество рабочих шагали сейчас к фабрикам и большой дамбе на северо-западе у основания гор. Между двумя крутыми холмами на пути широкого ручья, который вился от горного водопада, они возводили гигантскую бетонную стену. Когда водохранилище за дамбой будет готово и заполнится до краев, мощные генераторы обеспечат фабрики и дома электрической энергией.

В настоящее время энергию получали от питающих камней: большой понижающий трансформатор трижды в день принимал электрический разряд и через алюминиевые провода заряжал огромный, величиной с двухэтажный дом, аккумулятор, который люди называли батацитором. Этот агрегат изобрели в конце двадцатого века. Он отличался от своих Предшественников тем, что мог аккумулировать сотни киловатт за долю микросекунды и высвобождать заряд с каким угодно напряжением в сети — от десятой доли вольта до сотни киловольт. Построенная модель являлась прототипом того агрегата, который предполагалось установить на пароходе.

Пока электрическая энергия использовалась в основном для станков ван Бума, которые разрезали метеоритные осколки, выкопанные на равнине. Кроме того, электричество применялось при плавлении металла. Алюминий для проводов получали из силиката алюминия, полученного из добытой в предгорьях Пароландо глины. Однако их запасы быстро истощались, и Сэм надеялся теперь только на бокситы Душевного Города.

Клеменс сел за стол, выдвинул ящик и достал большую книгу с желтыми страницами из бамбуковой бумаги. Год назад он старательно прошил ее жилами рыбы-пузыря и переплел в рыбью кожу. Это был его дневник — «Воспоминания Лазаря». Сюда он заносил свои размышления и хронику ежедневных событий. Сэм использовал чернила, сделанные из воды, дубильной кислоты и мелкозернистой угольной суспензии. Ван Бум обещал сконструировать ему небольшой диктофон, но пока технология Пароландо не достигла еще такого развития.

Как только он приступил к записям, над долиной прокатилась барабанная дробь. Гулкие удары большого барабана обозначали тире, а звонкое сопрано маленького — точки. Для передачи сообщений применялись азбука Морзе и язык эсперанто. Сэм прислушался и понял, что через несколько минут к берегу причалит судно фон Рихтхофена.

Он встал, чтобы осмотреть Реку. В полумиле от гавани появился бамбуковый катамаран, на котором Лотар десять дней назад отплыл в Душевный Город. В правый иллюминатор Сэм разглядел приземистую фигуру с рыжевато-коричневыми волосами. Король Иоанн со свитой льстецов и телохранителей выходил из ворот бревенчатого дворца. Его величеству хотелось убедиться, что фон Рихтхофен не передаст Клеменсу каких-то тайных посланий от Элвуда Хакинга.

Как бывший монарх Англии, а ныне соправитель Пароландо, Иоанн носил изысканные и впечатляющие наряды. На этот раз он облачился в юбку с красно-черными клетками, длинную тунику, похожую на пончо, и сапоги из красной кожи речного дракона, которые доходили ему до колен. Объемную талию охватывал широкий пояс с многочисленными ножнами для кинжалов, короткого меча и боевого топора. В одной руке он держал стальной скипетр, украшенный короной,— символ власти, из-за которого между Сэмом и Иоанном разгорелся яростный спор. Клеменс не хотел растрачивать металл на такие бесполезные анахронизмы, но Иоанн настаивал, и в конце концов Сэму пришлось согласиться.

Клеменс злорадно хмыкнул, подумав о названии их небольшого государства. Пароландо переводилось с эсперанто как «Страна Двоих», в чем содержался намек на двух равноправных со-

правителей. Однако Сэм не стал говорить Иоанну, что другой трактовкой названия была «Страна Твена»!*

Иоанн обогнул длинное фабричное здание и по грязной разбитой тропе добрался до жилища Клеменса. Его телохранитель — огромный головорез по прозвищу Акула — взбежал по лестнице и дернул за веревку колокольчика. Тот жалобно звякнул и тут же замолк.

Сэм высунулся в окно и крикнул:

— Поднимайтесь на борт, Иоанн! Смелее! Смелее!

Король посмотрел на него светло-голубыми глазами и жестом велел Акуле проверить помещение. Он боялся наемных убийц и имел на то веские основания. Кроме того, его унижала необходимость подниматься в жалкий «курятник» Сэма. Тем не менее Иоанн понимал, что фон Рихтхофен будет отчитываться только перед Клеменсом.

Акула вошел, быстро осмотрел «рулевую рубку» и направился к комнатам «техаса». Из спальни Джо раздался низкий и мощный рев, похожий на львиный рык. Акула поспешно прикрыл дверь и вернулся в кабинет Сэма.

— Джо немного приболел,— с усмешкой произнес Сэм,— но он по-прежнему может съесть на завтрак десять чемпионов по борьбе и боксу, а потом попросить что-нибудь на второе.

Не проронив ни слова, Акула высунулся в иллюминатор и дал знак, что Иоанн может спокойно подниматься наверх.

К тому времени катамаран причалил к берегу. Сбежав по трапу, фон Рихтхофен быстрым шагом направился к дому Клеменса. В одной руке он держал грааль, в другой — крылатый посох посланца. Через южный иллюминатор Сэм разглядел долговязую фигуру де Бержерака, который производил смену приграничных постов. Ливи нигде не было видно.

Хлопнула дверь, и в комнату вошел Иоанн.

— Bonan matenon, Johano! — приветствовал его Клеменс.

Иоанна раздражало, что Сэм наотрез отказывался называть его Via Rega Moto — ваше величество. Конституционным обращением к правителям Пароландо являлось La Konsulo — консул — но и этот титул не часто срывался с уст Клеменса. Сам он предпочитал, чтобы люди называли его La Estro — боссом, потому что это еще больше сердило короля Иоанна.

* «Марк твен» (mark twaine) — это лоцманский термин, означающий вторую отметку на глубинном лоте. *(Примеч. пер.)*

Что-то проворчав в ответ на приветствие, экс-монарх сел за круглый стол. Его второй телохранитель Закскромб, крупный темнокожий протомонгол с потрясающе мощной мускулатурой, прикурил для Иоанна большую сигару. Зак предположительно умер около тридцати тысяч лет до нашей эры. И если бы не Джо Миллер, он считался бы в Пароландо самым сильным человеком. Правда, Джо не был человеком — вернее, не относился к виду homo sapiens.

Сэму очень хотелось, чтобы Джо поднялся с постели. Вид Зака заставлял его нервничать. Но Джо дремал, одурманенный мечтательной резинкой. Два дня назад на него упала большая каменная глыба, выскользнувшая из захватов подъемного крана. Машинист поклялся, что это произошло случайно, однако у Сэма возникли подозрения.

Он выпустил клуб дыма и вежливо спросил:

— Что слышно о вашем племяннике? Может быть, у вас появились какие-то новые сведения о нем?

Иоанн не шевельнулся, но его глаза удивленно расширились. Он бросил колючий взгляд на Клеменса и угрюмо ответил:

— У меня? Откуда? А почему вы об этом спрашиваете?

— Просто стало интересно. Думаю, нам следовало бы договориться с Артуром. Я не вижу причин для продолжения вашей многолетней вражды. Это же не Земля, сами понимаете. Почему бы вам не помириться? Неужели сейчас так важно, что вы когда-то сунули его в мешок и утопили в реке? Прошлое должно остаться в прошлом, верно? А в случае примирения мы могли бы воспользоваться его древесиной и известняком, который нам нужен для карбоната калия и дюралюминия. У него там много, очень много известняка.

Иоанн еще раз бросил быстрый взгляд на Сэма, а затем улыбнулся и прикрыл глаза рукой.

«Скользкий ловкач,— подумал Клеменс.— Сладкоречивый обманщик и презренный подлец».

— За древесину и известняк он потребует у нас стальное оружие,— ответил король.— А я не позволю моему дорогому племяннику завладеть таким количеством железа.

— Тем не менее обдумайте этот вопрос. Я задал его вам по той причине, что в полдень...

Иоанн напрягся, и его глаза забегали.

— Одним словом, я решил предложить Совету мирные переговоры с Артуром,— закончил Сэм.— И этот вопрос будет поставлен на голосование.

Иоанн расслабился.

— Ах вот как?

«Я понимаю, что тебе нечего бояться,— размышлял Клеменс.— Ты переманил на свою сторону Педро Ансевреса и Фредерика Рольфа. При пяти голосах против трех вы можете провалить в Совете любой проект».

Клеменсу еще раз захотелось временно приостановить Великую хартию, чтобы довести до конца все, что ему хотелось сделать. Однако это означало бы гражданскую войну и, вполне возможно, конец его мечты о пароходе.

Он шагал взад и вперед по комнате, в то время как Иоанн описывал отвратительные подробности своей последней победы над очередной блондинкой. Сэм пытался не слушать эту пошлую чушь: его по-прежнему раздражало хвастовство сексуально озабоченных мужчин. Тем не менее, прожив год в Пароландо, любая женщина, связавшаяся с Иоанном, могла винить только саму себя.

Звякнул дверной колокольчик, и в комнату вошел Лотар фон Рихтхофен. Его почти славянское симпатичное лицо обрамляли длинные волосы, придававшие ему сходство с менее коренастым и более красивым Герингом. Между прочим, они знали друг друга еще по Первой мировой войне, когда оба служили под началом барона Манфреда фон Рихтхофена. Обычно Лотар шутил, улыбался и вел себя как приятный и общительный собеседник, но этим утром его улыбка и любезность куда-то испарились.

— Плохие новости? — спросил Сэм, протягивая ему кубок бурбона.

Осушив кубок, фон Рихтхофен поморщился и сказал:

— Синьоро Хакинг приступил к завершению фортификационных сооружений. Отныне Душевный Город окружает двенадцатифутовая стена, ширина которой местами достигает десяти футов. Со мной Хакинг вел себя как грубая и омерзительная свинья. Он называл меня офейо и хонки*. По правде говоря, я не

* Хонки — слово из гарлемского жаргона, оскорбительное название для белых; в мягком переводе означает «белый мусор». *(Примеч. пер.)*

знаю значения этих слов, но спрашивать у него объяснений мне не захотелось.

— По всей вероятности, офейо происходит от английского «эфей»*,— произнес Клеменс.— Хотя я тоже никогда не слышал подобных слов.

— В будущем вы не раз их услышите,— с усмешкой ответил Лотар.— Особенно если будете иметь дело с Хакингом. А иметь дело с ним придется. Выблевав поток оскорблений по поводу меня как прародителя всех нацистов и фашистов, Хакинг наконец перешел к делу. К слову сказать, я понятия не имел о нацистах — как вы знаете, мой самолет разбился в тысяча девятьсот двадцать втором году. Но Хакинг буквально выходил из себя — возможно, потому, что я спокойно отнесся к его словам. Тем не менее суть речи этого мерзавца предельно ясна — он угрожает прекратить поставки бокситов и других минералов.

В глазах у Сэма потемнело. Он навалился грудью на край стола и подождал, пока вещи снова не вошли в фокус. Однако шутка уже рвалась с языка:

— Я и сам бываю храбр во хмелю.

— Хакингу не нравится национальный состав его государства,— продолжал фон Рихтхофен.— Население состоит на четверть из гарлемских черных, умерших между тысяча девятьсот шестидесятым и восьмидесятым годами, и на одну восьмую из дагомейских негров восемнадцатого века. Четверть жителей страны являются арабами четырнадцатого столетия из секты ваххабитов. Эти фанатики до сих пор называют Мухаммеда своим пророком и считают пребывание в мире Реки неким кратковременным испытанием перед вечным райским блаженством. Еще одну четверть населения составляют кавказские азиаты и индийские дравиды тринадцатого века. Примерно одна восьмая часть представлена людьми из разных времен и разных стран. Однако власть захватили выходцы из двадцатого века.

Сэм кивнул. Хотя воскрешенное человечество включало людей из различных эпох, начиная с 2 000 000 года до нашей эры и кончая 2008 годом после Рождества Христова, одна четвертая часть обитателей речной долины появилась на свет в двадцатом веке.

— Хакинг хочет, чтобы в его Душевном Городе жили только черные. По его словам, во время жизни на Земле он верил в воз-

* Ofay — падаль, отбросы *(англ. жарг.)*.

можность расовой интеграции. Белое поколение конца двадцатого века почти освободилось от предрассудков своих отцов, и поэтому он пытался взрастить в себе какие-то надежды на расовую свободу. Но в Душевном Городе таких белых можно сосчитать по пальцам. А арабы-ваххабиты буквально сводят его с ума. Между прочим, Хакинг принял ислам еще на Земле. Сначала он примкнул к организации «Черные мусульмане» — этой американской пародии на азиатскую религию. Затем Хакинг стал настоящим исламистом и совершил паломничество в Мекку. В то время он был искренне убежден, что арабы — даже если их считать наполовину белыми — не имеют склонности к расизму.

После резни в негритянских кварталах Судана он изменил свое мнение, а история рабства его народа под игом арабских захватчиков лишь укрепила пессимизм Хакинга. На мой взгляд, ваххабитов нельзя называть расистами, но, как и все фанатики, они создают большие проблемы. Я пробыл там десять дней и многое повидал. Арабы хотят превратить Душевный Город в факел мусульманской веры, и если они не сделают этого мирным путем, то не побоятся и большой крови. Хакинг задумал избавиться от них, а заодно и от дравидов, которые считают негров, да и все остальное человечество, людьми второго сорта. Исходя из этого, Хакинг продолжит поставку бокситов только в том случае, если мы отправим ему наших черных в обмен на его ваххабитов и дравидов. Кроме того, он требует большого количества стального оружия и увеличения своей доли необработанной руды.

Сэм выругался. Король Иоанн демонстративно плюнул на пол. Клеменс нахмурился и произнес:

— Merdo, Johano! Я не позволю плевать на мой пол даже наследнику Плантагенетов! Пользуйтесь плевательницей или убирайтесь вон!

Король Иоанн пронзил его холодным презрительным взглядом. Сэм постарался умерить свою ярость и негодование. Ему не хотелось затевать сейчас новой ссоры. Хвастливый экс-монарх никогда не отказался бы от права плевать куда попало, хотя эта пошлая привилегия не стоила и выеденного яйца.

Клеменс сделал примиряющий жест и сказал:

— Забудьте об этом, Иоанн. Плюйте куда хотите.— Однако он не был бы Сэмом Клеменсом, если бы не добавил: — А я воспользуюсь этой привилегией в вашем дворце.

Проворчав неразборчивое проклятие, Иоанн положил в рот кусок шоколада. Всем своим видом он показывал, что ужасно рассержен, но вынужден сдерживать себя.

— Этот сарацин Хакинг слишком много себе позволяет. Сколько можно целовать его черную ладонь? Требования Душевного Города замедлят строительство нашей лодки...

— Корабля, Иоанн,— поправил его Сэм.— Мы строим корабль, а не лодку.

— Вот именно! Поэтому нам следует захватить их страну, перебить людей Хакинга и забрать себе все, что прежде принадлежало им. Только так мы можем получить алюминий. Только так мы можем построить корабль! А чтобы нам и впредь не мешали заниматься делом, мы должны завоевать все страны, лежащие между нами и Душевным Городом.

«Все тот же помешанный на войне Иоанн!» — подумал Клеменс.

Тем не менее Сэм склонялся к мысли, что на этот раз в словах его компаньона имелась доля смысла. В течение месяца, вооружив жителей Пароландо, они могли бы создать армию, пригодную для захвата прилегающих территорий. Публиджо и Тайфанджо вели себя довольно дружелюбно. Они позволяли вырубать свои леса, но требовали за древесину железо и сталь. Сэм давно уже подозревал, что оба государства стремились накопить побольше оружия, а затем совместными усилиями захватить Пароландо и рудник. Во всяком случае, дикари, обитавшие на другом берегу Реки, вынашивали именно такие планы.

— Я еще не закончил свой рассказ,— напомнил фон Рихтхофен.— Хакинг планирует обмениваться людьми один к одному. Однако он не намерен вступать с нами в переговоры, пока мы не отправим к нему послом одного из наших чернокожих граждан. Этот ублюдок обозвал меня юнкерским пруссаком и сказал, что считает мою посольскую миссию не чем иным, как оскорблением для себя. Тем не менее он готов простить нас, если в следующий раз Пароландо пошлет к нему более важную персону — например, члена Совета. Только черного!

Сэм едва не выронил изо рта сигару.

— Но в нашем Совете нет ни одного черного!

— Вот именно! Поэтому Хакинг посоветовал нам пополнить Совет «настоящими людьми», то есть чернокожими.

Иоанн пригладил ладонями длинные рыжевато-коричневые волосы, затем встал и оперся кулаками о стол. Его светло-голубые глаза пылали под желтоватыми бровями.

— Этот сарацин считает, что может вмешиваться в наши внутренние дела! И вот вам мой ответ: ВОЙНА!

— Не горячитесь, ваше величество,— произнес Сэм.— Вы, конечно, можете сходить с ума оттого, что я, фермер из Миссури, указываю вам, как лучше строить солдат в колонну, но истина в данный момент заключается в том, что мы должны позаботиться о своей защите. Нам не удастся оккупировать такую большую территорию.

— А кто говорит об оккупации?! — закричал Иоанн.— Мы перебьем одну половину и посадим другую на цепь!

— Мир сильно изменился после вашей смерти, Иоанн... Ах да! Ваше величество! По общему мнению, существуют более эффективные и утонченные формы рабства, чем цепи и кровавая резня. Однако мне не хотелось бы спорить сейчас о сути определений. Помните анекдот о старом быке, теленке и стаде коров? Так вот, давайте не будем суетиться. Придет время, и мы овладеем всеми этими странами. А пока я предлагаю временно ввести в Совет одного из наших чернокожих граждан и отправить его к Хакингу.

— В нашей хартии нет положения о временном избрании в Совет,— возразил Лотар.

— Мы внесем поправку,— ответил Сэм.

— Это потребует народного референдума.

Иоанн фыркнул от отвращения. В свое время он и Клеменс жарко спорили по поводу прав и обязанностей граждан.

— Есть еще одна проблема.— Лотар по-прежнему улыбался, но в его голосе чувствовалось раздражение.— Хакинг требует, чтобы мы позволили Фаербрассу посетить Пароландо с ознакомительным визитом. Их интересует наша военная техника и особенно аэроплан.

Иоанн вспылил и забрызгал слюной:

— Он требует, чтобы мы приняли его шпиона?!

— Фаербрасс не шпион,— ответил Сэм.— Он возглавляет штаб Хакинга. Насколько я слышал, этот малый имел докторскую степень в области физики и работал на Земле инженером-конструктором. Что вы о нем узнали, Лотар?

— Я встречался с ним несколько раз, и он произвел на меня хорошее впечатление,— ответил фон Рихтхофен.— Фаербрасс родился в тысяча девятьсот семьдесят четвертом году в городе Сиракьюс, штат Нью-Йорк. Отец — черный, мать — наполовину ирландка, наполовину ирокезка. Он участвовал во второй экспедиции на Марс, а также в первом полете на орбиту Юпитера...

Сэм даже открыл рот от восхищения. Человек, который летал в космос, бродил по пескам Луны и Марса! Настоящий герой из книг Жюля Верна и романов о Фрэнке Риде-младшем*. Фантастика, но совсем другого рода, чем мир Реки или светский мир 1910 года. Эти два мира не мог понять ни один разумный человек.

— Если вы не возражаете, Иоанн, мы ознакомим Совет с теми требованиями, которые выставил Хакинг,— сказал Клеменс.— Нам надо как можно быстрее провести народный референдум по вопросу о временном советнике. И лично я остановился бы на кандидатуре Узии Каубера.

— Скажите, а он не был рабом в своей земной жизни? — спросил Лотар.— Хакинг сказал, чтобы мы не вздумали посылать к нему кого-нибудь вроде дядюшки Тома.

«Ставший однажды рабом остается им навсегда,— подумал Сэм.— Даже когда раб восстает, убивает или погибает, сражаясь за свои права, он не считает себя свободным человеком. У тех, кто с детских лет дышал зловонием рабства, каждая мысль и каждый поступок несут отпечаток неволи, укрепляя тем самым мир геноцида и дискриминации. Каубер родился в 1841 году в Монтгомери, штат Алабама. Научившись читать и писать, он служил секретарем у своего хозяина, потом убил его сына и бежал на Запад, где в 1863 году стал ковбоем, а позже — рабочим на золотых приисках. В 1876 году его грудь пронзило копье сиу, и бывший раб погиб от руки того, кто не желал уходить в резервации. Каубер восхищался миром Реки, потому что здесь никто не мог бы удержать его на цепи, однако душой и телом он по-прежнему оставался рабом. Да, он высоко держал голову и дерзко отвечал на грубые вопросы. Но если бы кто-то щелкнул кнутом, он склонился бы в рабском поклоне — еще до того, как понял бы, что вновь ведет себя по-рабски».

---

* Персонаж первого в истории еженедельника, посвященного научной фантастике. За 6 лет (1892–1898) вышло более 180 повестей о Фрэнке Риде. *(Примеч. ред.)*

Зачем же этикам понадобилось возвращать их к жизни? Неужели они думали, что мужчины и женщины, погибшие на Земле, зализжут здесь свои душевные раны? Сторонники Церкви Второго Шанса твердили, что людям надо изменить самих себя — измениться полностью и окончательно. Но они были лишь кучкой мечтателей, наглотавшихся мечтательной резинки.

— Если Хакинг назовет Каубера дядюшкой Томом, он об этом горько пожалеет,— сказал Сэм.— Каубер не из тех, кто безропотно сносит оскорбления. Вот почему я предлагаю послать в Душевный Город именно его.

Желтоватые брови Иоанна приподнялись. Клеменс знал, о чем тот сейчас думал. Король уже размышлял над тем, как ему использовать будущего члена Совета.

Взглянув на водяные часы, Сэм покачал головой и тяжело вздохнул:

— Пора начинать инспекторский обход. Прошу извинить меня, Иоанн. Я присоединюсь к вам через несколько минут.

Сэм сел за стол, чтобы сделать несколько записей в дневнике. Таким образом он давал Иоанну возможность выйти первым, как то подобало экс-королю Англии и доброй части Франции. Клеменсу не хотелось заводить нелепый спор о том, кто и кому должен уступать дорогу, но Иоанн опротивел ему настолько, что он не желал дарить отставному монарху даже такую пустяковую победу. Вот почему во избежание новых ссор и истерических воплей Иоанна он сослался на незавершенную работу.

Сэм догнал группу советников почти у стен фабрики, где вырабатывалась азотная кислота. Они торопливо прошли по цехам и лабораториям. Даже желудок гиены не удержал бы еды, глотни она той вони, которая исходила от чанов с серной и азотной кислотой, от продуктов сухой перегонки для создания древесного спирта, от креозота, терпентина и уксусной кислоты и, наконец, от адской смеси формальдегида, человеческих экскрементов и лишайника, которые выделяли нитрат калия. В сталелитейном и кузнечном цехах советников пропекло и оглушило. На фабрике по обработке известняка они покрылись белой пылью. А затем их еще раз пропекло, оглушило и обдало зловонием на огромном алюминиевом заводе.

Оружейная мастерская, расположенная на вершине холма, в данный момент не работала. Если не считать отдаленных шумов,

здесь было тихо и спокойно. Правда, вид отсюда открывался невзрачный — перекопанная земля, спиленные деревья и черный дым от заводов, который тянулся вдоль Реки на несколько миль.

У входа их встретил ван Бум — главный инженер Пароландо, выходец из конца двадцатого века, симпатичный парень с темно-бронзовой кожей и курчавыми волосами. Его рост достигал шести футов трех дюймов, а вес — двухсот пятидесяти фунтов. Он родился в Канаде во время Кровавых годов.

Ван Бум радушно приветствовал Сэма и холодно кивнул королю Иоанну, к которому относился с брезгливой неприязнью.

— Все готово,— сказал он.— Но прежде чем приступить к демонстрации, я хотел бы высказать некоторые замечания. Эта детская игрушка выглядит очень впечатляюще. Она создает много шума и действительно может убивать. Тем не менее такое оружие неэффективно и, я бы сказал, расточительно.

— Вы говорите о нем, как настоящий конгрессмен,— с усмешкой произнес Сэм.

Ван Бум провел их в высокие ворота просторного бамбукового строения. Внутри на одном из верстаков лежало нечто похожее на ружье. Инженер поднял громоздкое оружие, которое казалось великоватым даже для его больших рук, и торжественно зашагал к выходу. Остальные потянулись за ним. Клеменс протянул руку к ружью, но инженер словно и не заметил его жеста. Сэм даже немного рассердился. И вообще, если демонстрировать ружье следовало снаружи, какого черта ван Бум не сказал им об этом сразу?

— Ох уж эти инженеры,— проворчал он.

Пожав плечами, Клеменс поспешил за остальными. Легче заставить идти заупрямившегося миссурийского мула, чем переубедить упрямого, как мул, ван Бума.

Серебристо-серый ствол ружья засиял в лучах полуденного солнца. Инженер покрутил оружие в руках и приступил к объяснениям.

— Данная модель называется «Марк-1» — в честь нашего босса, который ее и придумал.

Гнев Сэма растаял, словно лед на Миссури в весеннюю оттепель.

— Это однозарядное ружье с кремневым ударным механизмом,— продолжал ван Бум.— Ствол нарезной и легко отделяется

от остальной части оружия. Сейчас я покажу вам, как оно заряжается. Прежде всего надо нажать на этот стопор с левой стороны ружья. Он освободит замок казенной части. Левой рукой сгибаете ствол, и это движение автоматически взводит спусковой крючок. Предохранитель здесь действует как плечо рычага, которое оттягивает боек в заднее положение.— Он сунул руку в сумку, которая висела на его поясе, и вытащил оттуда крупный полусферический предмет.— Это бакелитовая пуля шестидесятого калибра, сделанная из фенолформальдегидной смолы. Вставлять ее нужно сюда. Как видите, ее выступы плотно входят в фаски ствола.— Он вытащил из сумки небольшой блестящий цилиндр из алюминиевой фольги.— Здесь внутри находится заряд пороха, завернутый в нитроцеллюлозу. В недалеком будущем для этой цели будет использоваться кордит. Впрочем, к тому времени мы, очевидно, уже откажемся от подобного типа оружия. Итак, я вставляю заряд в патронник. Обратите внимание, что капсюль направлен в нашу сторону. Вы спрашиваете, из чего он сделан? Из скрученной нитрированной бумаги, пропитанной порохом. Теперь я поднимаю ствол левой рукой, затворяю казенную часть, и «Марк-1» готов к стрельбе. Если по каким-либо причинам капсюль не воспламенится, вы можете всыпать немного пороха в эту вспомогательную прорезь. В случае осечки взводите курок большим пальцем правой руки. При каждом выстреле гильза выбрасывается в отверстие с левой стороны. Чтобы они не попадали в лицо стрелка, здесь установлен небольшой защитный щиток.

Помощник ван Бума принес большую деревянную мишень и установил ее на раме с четырьмя ножками. Цель находилась на расстоянии двадцати ярдов. Ван Бум повернулся к ней, поднял ружье и осмотрелся по сторонам.

— Прошу вас встать за мной, джентльмены,— сказал он.— Ствол еще не опробован и может разорваться. При полете поверхность пули нагревается, и поэтому бакелит оставляет позади себя вполне различимую полоску дыма. Из-за малого веса пластиковой пули нам пришлось увеличить калибр. Однако крупные размеры усилили сопротивление воздуха, и это отразилось на тактико-технических данных. Тем не менее, если мы пустим «Марк-1» в серийное производство — против чего я категорически возражаю,— калибр пули придется доводить до семидесяти пяти единиц. В настоящий момент дальность поражения достигает пя-

тидесяти ярдов, но после тридцати ярдов точность ухудшается, и я не советую вам стрелять по целям дальше этого расстояния.

В бойке находился кусочек кремня. Когда ван Бум нажал на курок, раздался щелчок, кремень чиркнул по шершавой фрезе, и искры посыпались на зарядную полку. Капсюль порохового заряда воспламенился, раздался выстрел, и на все это ушло столько времени, чтобы успеть сказать «щелк-пш-ш-бабах». Ван Бум снова прицелился, так как ствол при ударе тяжелого бойка отклонился в сторону.

Пуля оставила после себя тонкую полоску дыма, которая тут же растаяла на ветру. Сэм, выглянув из-под локтя ван Бума, увидел пологую дугу дымного следа, а потом мишень дрогнула, и в ее центре возникла большая дыра. Очевидно, главный инженер уже успел пристреляться; во всяком случае, его выстрел произвел на советников огромное впечатление.

— Такая пуля не может пробить человеческое тело насквозь, но наносит тяжелые ранения,— объяснял ван Бум.— Она раздробит на куски любую кость.

Целый час консулы и члены Совета с ребяческим восторгом стреляли по очереди из ружья. Король Иоанн буквально сиял от восторга. Он впервые в жизни видел огнестрельное оружие и даже не пытался скрыть своего благоговейного трепета. Его знакомство с порохом состоялось через несколько лет после воскрешения, но до сего времени он имел дело только с бомбами и деревянными ракетами.

Наконец ван Бум сказал:

— Если вы будете продолжать в таком же темпе, джентльмены, наш запас пуль подойдет к концу — а на них, между прочим, ушло немало труда и материалов. По этой причине я предлагаю закончить контрольные испытания. Как видите, у «Марка-1» есть два больших недостатка: во-первых, точность стрельбы возможна только на ограниченном расстоянии; а во-вторых, на выстрел уходит слишком много времени и пороха. Хороший лучник может свалить трех стрелков с ружьями, пока те будут заряжать свои мушкеты и приближаться на тридцать ярдов. Кроме того, пластиковые пули нельзя использовать по нескольку раз, как стрелы.

— Все это мелочи! — возразил Сэм.— Поймите, огнестрельное оружие еще раз продемонстрирует нашим врагам технологическое и военное превосходство Пароландо. Мы напугаем до

смерти любую армию еще до того, как начнется битва. Вы забываете, что обучение хорошего лучника занимает много времени — а из ружья можно стрелять уже после первой вводной лекции.

— Это верно,— согласился ван Бум.— Но будет ли какой-нибудь толк от вашего скороспелого стрелка? На мой взгляд, нам надо делать стальные арбалеты. Их скорострельность почти не уступает лукам, а обращаться с ними так же просто, как с ружьями. У стрел есть два огромных преимущества: их можно использовать много раз и они, черт возьми, более смертоносны, чем эта шумная и вонючая хлопушка.

— Нет, сэр, подождите! Здесь вы абсолютно не правы! — воскликнул Сэм.— Я вынужден настаивать на изготовлении хотя бы пары сотен ружей. Мы экипируем ими боевой отряд пароландских пистольеро, и вы увидите, наши воины станут ужасом Реки! Да-да, вы еще увидите!

Глава 18

На этот раз король Иоанн принял сторону Сэма. Два первых ружья, по мнению экс-монарха, следовало отдать ему и Клеменсу, а следующую дюжину он потребовал для своих телохранителей. Далее они могли приступить к организации и тренировкам отряда пароландских стрелков.

Сэм был благодарен за поддержку, но пообещал себе тщательно проверить каждого человека, принятого в отряд. Ему не хотелось, чтобы стрелков набирали только из преданных Иоанну людей.

Ван Бум не скрывал своего возмущения.

— Если вы не понимаете слов, давайте держать пари. Я сделаю хороший тисовый лук и двенадцать стрел, а потом встану в пятидесяти ярдах от вас. По сигналу ваша восьмерка начнет стрелять в меня из ружей с какого угодно расстояния. Я обещаю уложить всех вас еще до того, как вы приблизитесь на опасную дистанцию! Хотите попробовать? Я ставлю на кон свою жизнь!

— Мистер ван Бум, не будьте ребенком! — упрекнул его Сэм.

Инженер патетически закатил глаза:

— И меня же еще называют ребенком! Посмотрите на себя! Вам просто захотелось поиграть с ружьями, и ради этого вы готовы поставить под удар Пароландо и... ваш корабль.

— Как только ружья будут готовы, вы можете приступить к изготовлению арбалетов,— ответил Сэм.— И знаете, что я сейчас придумал? Мы должны сделать для наших стрелков бронированные доспехи! Они полностью перечеркнут все ваши возражения. Как же я раньше до этого не додумался? Сталь отразит любое оружие каменного века. Вы только представьте себе такую картину! Враги стреляют из тисовых луков — а нам плевать на кремневые наконечники их стрел! Противник и оглянуться не успеет, как мы вышибем его в другую страну.

— Вы забываете, что в обмен на сырье мы отдаем нашим соседям руду и оружие,— сказал ван Бум.— На вражеских стрелах могут оказаться стальные наконечники, которые пробьют вашу броню.

— С вами трудно иметь дело,— со вздохом ответил Сэм.— Наверное, это объясняется тем, что вы наполовину голландец.

— Если ваш тип мышления типичен для всех белых, то я рад, что родился зулусом,— парировал инженер.

— Давайте не будем ссориться,— ответил Сэм.— И примите наши поздравления по поводу создания прекрасного ружья. Хотите, мы назовем его «Ван Бум», модель первая? Как вам такое название?

— Я не хочу, чтобы мое имя имело какое-то отношение к орудию убийства,— сказал инженер.— Ладно, будь по-вашему! Вы получите свои двести ружей. Только в серийный поток мы пустим не это дерьмо, а улучшенную версию «Марк-2».

— Дайте нам сначала двести ружей первой модели,— произнес Сэм.— «Марк-2» подождет. В погоне за идеальным оружием мы можем оказаться в критический момент вообще без ничего. Кроме того...

Он принялся обсуждать особенности «Марка-2». Клеменс имел неутолимую страсть к механическим приспособлениям. На Земле он изобрел множество вещей, которые, по его мнению, должны были принести ему богатство. Первой в этом списке стояла типографская машина Пейджа, на которую он угрохал — именно угрохал — все деньги, полученные за книги. Сэм с горечью вспомнил об этом ненасытном монстре, и на миг вместо ван Бума перед ним возникла жалкая фигура Пейджа. Он даже вздрогнул от беспричинной паники и давно забытой вины.

Ван Бум перевел разговор на огромное количество материалов, вложенных в строительство ПА-1 — образца их первого аэроплана. Пропустив мимо ушей жалобы инженера, Клеменс направился к ангару, построенному в миле к северу от его дома. Советники поспешили следом. Аэроплан находился на стадии завершения, но по-прежнему выглядел как скелет птеродактиля с тростниковой корзиной вместо кабины.

— Он напоминает мне самолеты, которые строились в 1910 году,— сказал фон Рихтхофен.— Управляя этой стальной стрекозой, я буду сидеть в кабине, открытый выше пояса всем ветрам. Сейчас главной задачей является проверка мотора, который работает на древесном спирте. Мы еще не уверены, что он поднимет эту штуку в небо.

По словам барона, первый полет должен состояться через три недели. Фон Рихтхофен показал Сэму чертежи ракетных установок, которые предполагалось закрепить под крыльями.

— Мы думаем оснастить самолет шестью небольшими ракетами, но основным его назначением будет являться разведка. Против ветра нам вряд ли удастся выжать сорок миль в час, но полет есть полет — даже на такой черепашьей скорости.

Сэм огорчился, что в кабине не предусмотрено второе сиденье. А ему так хотелось подняться в воздух — впервые в жизни, вернее, впервые за две жизни. Фон Рихтхофен пообещал, что следующая модель будет двухместной и Клеменс станет первым авиапассажиром в мире Реки.

— Только сначала вы все проверьте как следует,— добавил Сэм.

Он ожидал, что Иоанн начнет протестовать и настаивать на своем первенстве. Но тому, очевидно, не хотелось расставаться с землей.

Обход завершился на верфи, расположенной у Реки между ангаром и домом Клеменса. Там, окруженный строительными лесами и подпорками, стоял вездеход — гордость и козырная карта Пароландо. Рабочие обещали спустить его на воду через неделю. «Огненный дракон-1» представлял собой прообраз танка-амфибии, который Сэм планировал использовать в качестве катера на большом пароходе. Это была прекрасная боевая машина тридцати двух футов длиной, с броней из стали и толстых листов дюралюминия, с гребными винтами и тремя орудийными башнями на верхней палубе. Мощный двигатель работал на древесном

спирту. Команда состояла из одиннадцати человек. Вездеход развивал огромную скорость как на суше, так и на воде. Сэм Клеменс гордился им, как своим детищем, и считал его непобедимым.

Похлопав ладонью по холодной броне, он взглянул на советников и с усмешкой сказал:

— Зачем нам тревожиться о каких-то лучниках? Или даже о целой армии? Этот джаггернаут может сокрушить любое государство в речной долине. Недавно мы установили на нем паровые пушки — наше последнее изобретение! Такого оружия не было даже на Земле, а что уж говорить об этом мире! Теперь вы понимаете, почему нам понадобился паровой котел?

Как всегда, обход поднял его настроение. Правда, строительство корабля только начиналось, но всему свое время. Прежде требовалось защитить Пароландо и сделать необходимые приготовления. Клеменс еще раз усмехнулся, потер ладони и удовлетворенно запыхтел сигарой, втягивая в легкие зеленый дым.

А потом он увидел Ливи.

Сэму вспомнилось ее пожелтевшее лицо, измученное многолетней болезнью, блеклые остекленевшие глаза, когда она умерла в Италии в 1904 году. Там, в горе и нужде, она любила его и только его! А теперь, воскресшая, молодая и красивая, она отдала свою любовь другому мужчине.

Приближалось время обеда, и Ливи направлялась к питающему камню. Очаровательную грудь прикрывал тонкий полупрозрачный шарф; алые края белой юбки достигали середины бедер. Сэм не мог отвести глаз от ее прекрасной фигуры, длинных и стройных ног, прелестного и дорогого лица, которые он когда-то целовал и ласкал в далекой прошлой жизни. Все те же большие сияющие глаза и шелковистый гладкий лоб, влекущие губы и маленькие белые зубки. Ливи, как и прежде, расчесывала волосы на пробор, а вдоль щек, почти до плеч, спускались два локона. За ушком виднелась малиновая роза, которую она сорвала с лианы, обвивавшей железное дерево. Высокую шею украшало ожерелье из красных спиральных позвонков рогатой рыбы.

Сердце забилось, как маленькая птаха, посаженная в тесную клетку. Сэм почувствовал себя беспомощным и робким.

А она приближалась, плавно покачивая бедрами, и ее груди подрагивали под тонкой тканью. Там, на Земле, Оливия вела себя очень скромно и всегда носила длинные платья, скрывавшие

тело от шеи до лодыжек. Она стеснялась даже его, своего мужа, и никогда не раздевалась перед ним при свете. Но теперь ее вид напоминал ему полуобнаженных женщин с Сандвичевых островов.

Осознав свою ханжескую щепетильность, Сэм тут же понял причину этого чувства. Свое невольное влечение к туземкам он вытеснил надуманным отвращением к их наготе. Однако оно не имело никакого отношения к поведению полинезиек и объяснялось только его внутренней закомплексованностью.

Ливи получила пуританское воспитание, но оно не уничтожило в ней живое существо. Даже там, на Земле, ей нравилось пить спиртное, и особенно пиво. Она несколько раз пробовала курить, порою сильно сомневалась в Боге, а позже, переняв привычку Сэма, любила выдать парочку крепких ругательств, когда девочек не было рядом. Однако ее зря обвиняли в том, что она подвергала его книги строгой цензуре и якобы кастрировала их до неузнаваемости. Нет-нет, этим цензором являлся он сам.

Впрочем, Ливи всегда умела приспосабливаться к окружению. Она брала от жизни все, что хотела. Перечеркнув двадцать лет надежд и ожиданий Сэма, она влюбилась в Сирано де Бержерака, и необузданный француз пробудил в ней женщину, о которой мечтал теперь ее бывший муж. К своему стыду и смущению, Сэм признавал, что ему помешали сделать это нелепые моральные запреты и простая сексуальная безграмотность. Хотя после долгих лет в мире Реки и частого употребления мечтательной резинки от его былой сдержанности остались жалкие крохи.

Тем не менее он опоздал — опоздал навсегда. Но вот если бы Сирано погиб в бою или, например, под случайно упавшим грузом...

— Привет, Сэм,— сказала она по-английски.— Прекрасный денек сегодня, правда?

— Здесь каждый день прекрасен,— ответил он.— Трудно что-то сказать о погоде, когда она сама говорит за себя.

Ливи звонко рассмеялась, и Сэм почувствовал, как по его виску покатилась капелька пота.

— Ты не составишь мне компанию? — спросила она.— Скоро обед, и я иду к питающему камню.

Каждый день Сэм давал себе клятву обходить ее стороной, чтобы не трепать понапрасну нервы. И каждый день снова искал повод для встречи с Ливи, по-детски надеясь на какое-то чудо.

— Как поживает Сирано? — спросил он.

— О-о! Он просто счастлив. Билдрон, мастер по ковке мечей, обещал сделать ему рапиру — конечно, после того, как одарит шпагами тебя и всех членов Совета. А Сирано так долго ждал! Мы ведь и пришли сюда ради этой рапиры. Кто-то рассказал ему об упавшем метеорите, мы тут же собрались и отправились в путь. И вскоре величайший фехтовальщик в мире докажет вам всем, что его репутация не выдумка и не плод фантазии, как утверждают некоторые лжецы.

— Успокойся, Ливи. Никто из нас не говорил, что подвиги твоего Сирано высосаны из пальца. Просто их немного преувеличили, вот и все. Не станешь же ты убеждать меня в том, что он в одиночку отбил атаку двухсот солдат.

— Но он действительно участвовал в сражении при Порте-де-Несле! И там не было двухсот солдат! Ты снова пытаешься превратить все в фарс. В тот день на него напала толпа наемных бандитов — максимум сотня или около того. Да пусть их даже было двадцать пять! Какая разница? Спасая шевалье де Линьера, Сирано разогнал мерзавцев, как стадо овец. Двоих он убил, семерых ранил, а остальные разбежались кто куда. И поверь мне, это чистая правда!

— Я не намерен обсуждать достоинства и заслуги твоего мужчины,— ответил Сэм.— И мне не хочется спорить и ссориться с тобой. Давай лучше поговорим о былых днях, когда мы не могли жить друг без друга,— о том времени, когда ты еще не болела.

Ливи остановилась. Ее лицо стало мрачным.

— Я всегда знала, что ты ненавидел меня из-за этой болезни.

— О чем ты говоришь! Я любил тебя, Ливи! Любил! И еще меня мучила вина за то, что ты болела, а я был здоров. Но мне бы и в голову не пришло обижаться на тебя за твою болезнь — тем более ненавидеть. Ненависть я всегда приберегал только для самого себя.

— Похоже, с ненавистью я действительно перегнула,— ответила Ливи.— Но моя болезнь была тебе в тягость, и ты демонстрировал мне это самыми разнообразными способами. Ты, конечно, мог считать себя нежным и благородным мужем — и по большому счету имел на это право,— но бывали моменты, когда твой взгляд, бормотание и жесты... О боже! Я просто не в силах это описать! Ты негодовал, испытывал ко мне отвращение, а я все чувствовала и страдала оттого, что была больна!

— Нет, Ливи! Нет!

Услышав его громкий крик, несколько человек обернулись в их сторону.

— Что толку спорить об этом? Сердился ты на меня или ненавидел — теперь это не имеет никакого значения. Я любила тебя, Сэм, да и сейчас еще немного люблю. Но между нами больше ничего не будет.

Всю остальную часть пути он молчал. Дым сигары казался вонью подгоревшей капусты.

Сирано к питающему камню не пришел. Он руководил строительством стены, которая возводилась на берегу Реки. Сэм даже вздохнул от облегчения. Ему с трудом давались эти встречи с Ливи, но, когда рядом был и француз, он просто не находил себе места.

Они расстались, даже не взглянув друг на друга.

К нему приблизилась красивая женщина с пушистыми волосами цвета меди. На какое-то время Сэм отвлекся от горестных мыслей. Ее звали Гвенафрой. Она родилась в той стране, которая позже стала Корнуоллом. Смерть настигла ее в семилетнем возрасте, когда финикийцы приплыли к ним и захватили оловянный рудник. Она воскресла среди людей, которые не понимали древнекельтского языка, и ее приняла община англичан. По словам Гвенафры, этих людей возглавлял сэр Ричард Фрэнсис Бёртон — тот самый, которого Сэм, возможно, видел на берегу перед падением метеорита. Бёртон и его друзья построили небольшой парусный корабль и отправились к верховьям Реки — что вполне соответствовало характеру человека, который полжизни изучал неисследованные области Африки и других континентов. На Земле он искал истоки Нила и нашел вместо них озеро Танганьика. В этом мире Бёртон снова пустился на поиски истока — истока самой величайшей из всех рек. И его не пугала мысль о том, что Река тянулась на десять миллионов миль.

Почти год спустя после начала плавания их корабль атаковали речные пираты. Один из злодеев ударил маленькую Гвенафру ножом и бросил ее в Реку. Утонув, она вновь воскресла далеко на севере. Там было холоднее, небеса казались тусклыми, а местные жители говорили, что через двадцать тысяч камней начиналась жуткая страна, где над горами появлялся лишь краешек солнца. В том сумеречном краю обитали волосатые люди, похожие на

обезьян, чей рост достигал трех ярдов, а вес — восьмисот фунтов.

Сэм знал, что она говорила о титантропах — сородичах Джо Миллера.

Люди, к которым попала Гвенафра, общались на Suomenkieli-ta, то есть на финском языке. Чуть ниже по Реке жили шведы — мирный народ из двадцатого века. Гвенафра росла в покое и довольстве; приемные родители заботились о ней, как о родной дочери. Она выучила финский, шведский и английский языки, освоила эсперанто и китайский диалект четвертого века до Рождества Христова.

В один из дней по роковой случайности она утонула и оказалась здесь. Вспоминая Бёртона, Гвенафра испытывала к нему свою первую девичью любовь, но, будучи реалисткой, не раз делила ложе с другими мужчинами. Сэм слышал, что она недавно порвала с очередным любовником. Ей хотелось найти преданного и верного спутника, которого она могла бы назвать своим мужем. Однако верных мужчин в этом мире найти было непросто.

Гвенафра нравилась Сэму. Он давно предложил бы ей поселиться в его доме, если бы не страх рассердить Ливи — нелепый и детский страх. Сблизившись с Сирано, она не имела на Клеменса никаких прав. И Ливи не раз говорила ему, что ее не волнует его личная жизнь. Но он боялся брать в дом другую женщину, так как это навсегда разорвало бы то тонкое и последнее звено, которое связывало его и Оливию.

Поговорив с Гвенафрой, Клеменс с удовольствием убедился, что девушка все еще свободна.

Глава 19

Обед получился неудачным. «Колесо рулетки», спрятанное где-то между первым и вторым дном грааля, выдало наперченное мясо, которое могли бы проглотить только индейцы из племени гошатов. Впрочем, и их потом скрутила бы изжога. Сэм выбросил еду в мусорную корзину и в качестве утешительного приза извлек из грааля две сигары, пачку сигарет и шесть унций незнакомого, но изысканного напитка, от запаха которого его вкусовые сосочки пустились в пляс.

Последовавшее затем заседание Совета заняло три часа. После многочисленных пререканий и нескольких длинных речей бы-

ло решено вынести на всеобщее голосование вопрос о конституционной поправке и выборах временного советника. Король Иоанн задержал совещание на час, поставив под сомнение необходимость подобного референдума. Он требовал принять поправку непосредственно на заседании Совета и не понимал, к чему вся эта суета из-за такого пустякового дела. Все доводы Сэма отскакивали от него как от стенки горох, поскольку бывший монарх органически не переваривал идеи демократии.

Совет единодушно проголосовал признать Фаербрасса полномочным послом Душевного Города. Иоанн предложил приставить к нему нескольких наблюдателей, и советники согласились, что это очень ценное предложение.

Воодушевленный похвалой, король встал и произнес пылкую речь, временами сбиваясь с эсперанто на франко-нормандский диалект. Иоанн считал, что их страна должна захватить Душевный Город, прежде чем черные сарацины двинутся войной на Пароландо. По его словам, вторжение следовало начать сразу же после изготовления ружей и «Огненного дракона-1» — их славного бронированного вездехода. Однако вначале он советовал опробовать оружие и стрелков на более слабой, но дерзкой Новой Бретани, так как, по сведениям его шпионов, принц Артур усиленно готовился к захвату железного рудника.

Два прихлебателя Иоанна поддержали его воинственные устремления, но остальные, включая и Клеменса, проголосовали против. Бывший монарх покраснел от гнева. Он выругался, грохнул кулаком по дубовому столу, но никто из советников не изменил своего решения.

После ужина сигнальные барабаны передали сообщение из Душевного Города. Фаербрасс обещал прибыть на следующий день, немногим раньше обеда.

Сэм удалился к себе. При свете лампы, заправленной рыбьим жиром,— в канун долгожданной электрификации — он, ван Бум, Таня Велицкая и Джон Уэсли О'Брайен обсуждали узлы парохода и рисовали черновые эскизы. Бумаги катастрофически не хватало, и они с ужасом думали о тех временах, когда им потребуются рабочие чертежи корабля. Однако, как оказалось, ван Бум уже позаботился об этом, и химики пообещали ему наладить производство особой пластиковой «бумаги». Предполагалось, что линии будут выполняться магнитными «карандашами», а вместо ластиков планировалось использовать размагничивающие устрой-

ства. Сэм похвалил инженера за предусмотрительность, но потребовал приступить к строительству парохода сразу после ходовых испытаний танка-амфибии. Ван Бум стал возражать. По его мнению, сначала следовало закончить подготовительные работы.

Перед окончанием встречи он вытащил из чехла ружье и протянул его Сэму Клеменсу.

— Пока у нас их только десять,— сказал он.— Но этого «Марка» мы дарим вам как знак уважения всех инженеров Пароландо. Вот здесь двадцать пороховых зарядов и двадцать пластиковых пуль. Если вы положите под подушку заряженное ружье, ваш сон станет гораздо крепче.

Клеменс поблагодарил его, и инженеры ушли. Закрыв за ними дверь, Сэм отправился в заднюю комнату, чтобы немного поболтать с Джо. Тот еще не спал. Он отказался принимать успокоительное и сказал, что утром попытается встать с постели. Пожелав другу спокойной ночи, Клеменс ушел в свою спальню, которая находилась рядом с «рулевой рубкой». Выпив пару глотков бурбона, он лег и заснул с печальной мыслью о том, что ночь разбудит его неистовым шумом дождя и ему снова придется крутиться с боку на бок, хватая за хвост свой увертливый и пугливый сон.

Его действительно разбудил шум. Однако дождь давно прошел. Откуда-то издалека доносились крики. Внезапно прогремел взрыв, и дом закачался на опорах. Вскочив с постели, Сэм быстро обмотал талию покрывалом, схватил топор и побежал в «рулевую рубку». Он запоздало вспомнил о ружье, но решил вернуться за ним позже.

Вдоль берега Реки стелился густой туман, и из него выбегали сотни темных человеческих фигур. Над зыбкой пеленой виднелись кончики высоких мачт. На холмах и равнине пылали факелы и грохотали барабаны.

Раздался еще один взрыв. Яркая вспышка разорвала предутренний мрак и осветила тела, разлетавшиеся в разные стороны.

Взглянув в правый иллюминатор, Сэм увидел, как из ворот бревенчатого дворца выбегают люди Иоанна. Среди них он заметил коренастую фигуру бывшего короля.

Из речного тумана появлялись все новые и новые фигуры. В ярком свете звезд отчетливо виднелись развернутые шеренги врагов. Их отряды неудержимо прорывались через равнину к хол-

мам, а передние ряды уже приближались к заводской зоне. Внутри двух фабрик прозвучали взрывы. Нападавшие пытались вытеснить защитников с оборонительных рубежей и забрасывали их ручными бомбами. Внезапно Клеменс увидел красный шлейф ракеты. Впереди, в центре огненного клубка, виднелось что-то черное. Он бросился на пол, и в ту же секунду снаряд взорвался под «рубкой». Пол накренился, оконные стекла разлетелись вдребезги, и Сэма окутал едкий дым, который тут же отнесло в сторону порывом ночного ветра.

Клеменс хотел вскочить и побежать, но не мог шевельнуться. Его контузило при взрыве снаряда. Не в силах сбросить удушающее оцепенение, он с ужасом ждал новой ракеты — более точной и роковой.

Огромная рука встряхнула его за плечо и подняла вверх. Другая рука обхватила колени. Сэм почувствовал, что его куда-то несут. Коснувшись щекой волосатой груди, он понял, кому принадлежат эти мускулистые и теплые руки. Низкий голос прорвал глухоту, и из темного туннеля померкшего сознания донеслись слова:

— Взе нормально, бозз. Узпокойзя.

— Опусти меня, Джо,— прошептал Сэм.— Я в полном порядке, и мне стыдно, что ты меня несешь. А если я снова почувствовал стыд, значит, со мной действительно все нормально.

Темнота перед глазами поблекла; вакуум в голове заполнился обрывками мыслей и чувством относительного спокойствия. Вид массивного титантропа вернул ему смелость и рассудительность. Добрый старый Джо — пусть он был немного глуповат и в данный момент немного болен, его не заменил бы и целый батальон.

Джо надел кожаный панцирь. В одной руке он сжимал огромный топор с двойным лезвием.

— Кто эти люди? — спросил он.— Они из Душевного Города?

— Не знаю,— ответил Сэм.— Как ты себя чувствуешь? Я имею в виду твою голову.

— Болит. Но я взе равно буду зражатьзя. Куда мы пойдем?

Сэм повел его вниз к подножию холма, где вокруг Иоанна собирались люди. Он услышал, как кто-то окликнул его по имени, и увидел высокую сухощавую фигуру де Бержерака. Рядом стояла Ливи. В одной руке она держала маленький деревянный щит, в другой — копье со стальным наконечником. Сирано возбужденно помахивал длинным клинком. Сэм недоверчиво покачал головой. В руке француза тускло мерцала рапира.

— Morbleu!* — вскричал Сирано.— Кузнец отдал мне ее вчера после ужина! Он, наверное, понял, что больше тянуть не стоит!

Француз сделал изящный пируэт, и клинок рапиры со свистом рассек воздух.

Близкий взрыв заставил их броситься на землю. Клеменс осторожно приподнял голову и, не заметив других ракет, оглянулся на свой дом. «Рубка» получила прямое попадание — переднюю часть снесло взрывной волной. Пламя все ближе подбиралось к «техасу», и где-то там сейчас горел его дневник. На глазах у Сэма навернулись слезы. Он знал, что из всего имущества уцелеет только один грааль. Серый цилиндр не поддавался разрушению.

Через несколько минут пароландские ракетчики нанесли ответный удар из деревянных базук. Пламенея огненными хвостами, снаряды мчались по пологим дугам, взрывались среди вражеских шеренг, и черный дым, окрашенный бликами пламени, относило в сторону от разорванных трупов и раненых солдат.

Прибывшие разведчики прояснили обстановку. Атака со стороны Реки велась одновременно в трех направлениях. Свои основные силы противник сосредоточил в центре, намереваясь, по всей видимости, захватить лидеров Пароландо, крупные фабрики и знаменитый вездеход-амфибию. Два других отряда действовали на флангах — в миле с каждой стороны. Вражеская армия состояла из воинов Новой Бретани, Клеоменджо и страны Альмакс, которая располагалась на другом берегу Реки. Дикари Альмакса некогда населяли Сибирь. За тридцать тысяч лет до Рождества Христова их племена переправились через Берингов пролив и положили начало истории американских индейцев.

«У Иоанна неплохая разведывательная сеть,— подумал Сэм.— А что, если он и спровоцировал это нападение? Нет, войдя в сговор с врагами, он не стал бы рисковать жизнью под градом ракет...»

Кроме того, принц Артур никогда бы не пошел на переговоры со своим убийцей.

Ракеты, выпущенные с обеих сторон, полосовали небо огненными дугами. Пятифунтовые боевые головки, начиненные каменной шрапнелью, наносили тяжелый урон. Защитники Па-

* Черт побери! *(фр.)*

роландо имели преимущество: пока их ракеты взрывались в рядах противника, они прижимались к земле или прятались за стенами домов. Со своей стороны, захватчики не могли остановить атаки, так как это в конечном счете привело бы к их поражению.

Дрожа от страха, Клеменс лежал на земле и ожидал очередного шумного взрыва. Он молил небеса, чтобы следующая ракета упала не ближе предыдущей. Сквозь звон в полуоглохших ушах до него доносились душераздирающие крики раненых, но он был слишком напуган, чтобы думать о других. Внезапно вспышки ракет перестали расцвечивать ночь. Джо встряхнул Сэма за плечо, и тот изумленно поднял голову. Люди вокруг него торопливо вскакивали на ноги. Сержанты выкрикивали приказы оглохшим солдатам, равняя ряды и восстанавливая боевой порядок. Враг надвигался, обе стороны готовились к рукопашной, и никто уже не смел выпускать реактивные снаряды.

Впереди бурлило темное море — орда вопящих дикарей. Шквал стрел выкашивал их ряды, но они неудержимо рвались к вершине холма, перепрыгивая через раненых и мертвых. Устилая склон трупами, они смели передние шеренги пароландских воинов, и тогда в ход пошли копья, дубины и топоры.

Сначала Сэм сражался рядом с Джо Миллером, который медленно продвигался вперед и дробил черепа врагов огромным топором. Потом гигант упал. Враги набросились на него, как стая шакалов на поверженного льва. Сэм рванулся к нему на помощь. Проломив топором бамбуковый щит, он снес какому-то альмаку голову и отсек у другого поднятую вверх руку. Жгучая боль полоснула его по ребрам. Сэма толкнули в спину, и топор, застрявший в чьем-то черепе, вырвался из рук. Клеменс покатился по склону холма, налетел на груду бревен и в нескольких ярдах от себя увидел пылавшие развалины своего дома.

Рядом, почти под боком, валялось ружье — дарственный «Марк-1», который Сэм оставил у изголовья кровати. Неподалеку в траве лежали три патрона и несколько пластиковых пуль. Очевидно, их выбросило из дома взрывной волной.

Перед ним, сцепившись в смертельном поединке, боролись два воина. Постанывая от усилий и яростно вглядываясь в окровавленные лица друг друга, они кружились в медленном танце под крики и звон кровавой сечи. В одном из них Сэм узнал ко-

роля Иоанна. Второй был немного выше, но не так крепок телом. Он потерял свой шлем, и его каштановые волосы разметались по плечам. Голубые глаза сверкали холодным огнем, отражая пламя горевших домов.

Зарядив ружье пулей и пороховым зарядом, Сэм захлопнул ствол и поднялся на ноги. Двое мужчин, попеременно наседая друг на друга, старались нанести решающий удар. Иоанн сжимал в правой руке стальной нож, а левой удерживал кисть противника, в которой находился стальной топор. Мужчина с каштановыми волосами, перехватив руку Иоанна, старался отклонить его нож от своих глаз.

Сэм осмотрелся и, не заметив поблизости врагов, приблизился к боровшейся паре. Он поднял ружье, прицелился и нажал на курок. Прозвучал сухой щелчок. Оружие вздрогнуло от удара тяжелого бойка. Как только Сэм выровнял ствол, раздался выстрел, и сквозь облако дыма он увидел, как противник Иоанна, отступив на шаг, повалился на землю. Пуля снесла ему правую часть черепа. Экс-монарх, задыхаясь, рухнул на его тело. Через минуту он встал и подошел к Сэму, который перезаряжал ружье.

— Благодарю вас, партнер! Вы только что убили моего племянника Артура!

Клеменс промолчал. Будь у него побольше выдержки, он подождал бы, пока Артур прикончит Иоанна, и только потом расправился бы с принцем. Но по иронии судьбы Сэм спас человека, чья смерть принесла бы ему огромное облегчение. В благодарность Иоанна он не верил. В прогнившей душе короля не было места для подобного чувства.

Зарядив ружье, Сэм побежал на поиски Джо Миллера. В гуще схватки он увидел Ливи, которая, шатаясь, отступала под натиском рослого альмака. Левая рука дикаря свисала плетью, но он яростно размахивал каменным топором. У Оливии сломалось копье. Она прикрывалась маленьким щитом, и тот трещал под градом ударов. Схватив ружье за ствол, Сэм обрушил приклад на голову альмака, и дикарь повалился наземь. Ливи, рыдая и хватая ртом воздух, упала на траву. Осмотрев ее раны, Клеменс убедился, что они не представляли собой ничего серьезного. Он снова отправился разыскивать Джо и вскоре заметил его на краю котлована. Миллер вновь рассекал толпы врагов, проламывая головы и калеча тела своим огромным стальным топором.

Сэм увидел воина с длинным копьем, который подкрадывался к титантропу сзади. Клеменс прицелился, выстрелил, и пластиковая пуля разнесла человеку грудную клетку.

Через несколько минут атака угасла. Среди альмаков началась паника, и они побежали к Реке. В серых сумерках рассвета было видно, как с севера и с юга приближались шеренги пароландских воинов. Разбив фланговые колонны врага, они спешили на помощь центру, и их численность раз в десять превосходила количество уцелевших дикарей. Вновь замелькали огненные хвосты ракет. Снаряды взрывались среди лодок и каноэ, которые ожидали отступавших воинов.

Сэм чувствовал себя слишком возбужденным, чтобы расстраиваться из-за убытков и потерь. Он впервые победил свой страх, который охватывал его во время каждого сражения. Более того, последние десять минут он упивался неистовым восторгом битвы.

Однако в следующий момент его приподнятое настроение сменилось раздраженным негодованием. Из людского месива на залитом кровью берегу появился обнаженный Герман Геринг. Его глаза пылали фанатичным огнем, на голове и теле виднелись рваные раны. Воздев руки к небу, он закричал:

— Братья и сестры! Стыдитесь дела рук своих! Остановите эту жестокую бойню! Ибо вы убиваете, вы ненавидите, вы жаждете крови и наслаждаетесь убийством! Почему бы вам не отбросить оружие прочь? Что вам мешает возлюбить своих врагов? Почему вы не даете им делать с вами то, что они хотят? Да, вас предадут мукам и жестокой смерти, но конечная победа — победа духа — останется за вами! И тогда враг почувствует вашу любовь! И в следующий раз он задумается, прежде чем начать войну! И тогда он снова и снова спросит себя: «Что же я делаю? Зачем я делаю это? Я же ничего не получаю от убийств и насилия» — и ваша любовь просочится в его очерствевшее сердце, и он...

Внезапно позади Геринга возникла коренастая фигура Иоанна. Он ударил проповедника рукояткой тяжелого ножа, и тот упал как подкошенный, уткнувшись лицом в песок.

— У нас и без того предателей хватает! — закричал Иоанн.— Где Тримальдио и Мордаунт? Где, черт возьми, эти гнусные шпионы?

— У них хватило ума убраться из Пароландо,— ответил Сэм.— Боюсь, вы больше никогда не увидите своих наемных убийц. Они поняли, что вам стало известно об их измене.

В принципе Иоанн нарушил закон, ударив Геринга. Свобода слова была неотъемлемым правом каждого гражданина Пароландо. Однако Сэм понимал, что арест короля вызвал бы всенародное недовольство. В тот момент многим хотелось стереть Геринга в порошок.

Мимо него, пошатываясь от изнеможения, прошла Ливи. Сэм последовал за ней — туда, где на куче трупов сидел Сирано. Француз получил в бою двенадцать ран, но показал себя прекрасным воином. Кровь врагов покрывала клинок его рапиры до самого эфеса.

Ливи бросилась в объятия Сирано. Сэм отвернулся. Он спас ей жизнь, а у нее даже не нашлось для него слов благодарности.

Позади послышался треск и грохот. Оглянувшись, Клеменс увидел, что это рухнули развалины его дома.

Сэм почувствовал упадок сил. Однако он знал, что отдыхать ему сегодня не придется. Совету следовало оценить нанесенный ущерб. Мертвые тела предстояло перенести на фабрики, где их перетопленный жир должен был пойти на изготовление глицерина. Как бы омерзительно ни выглядел этот процесс, он позволял получать вещество, необходимое для взрывчатки. Поэтому никто из жителей не возражал против такого использования трупов. Люди знали, что после смерти они проснутся в новых телах, хотя и за много миль от заводов и фабрик Пароландо.

Кроме того, все население требовалось бросить на восстановление разрушенных укреплений и пополнение боевого арсенала. Необходимо было разослать курьеров и разведчиков для выяснения политической ситуации в соседних странах. Воины Альмакса, Клеоменджо и Новой Бретани могли вернуться и предпринять еще более мощное нападение.

Подошедший капитан доложил, что лидер Клеоменджо найден мертвым на берегу Реки. Он погиб при взрыве ракеты, и каменная шрапнель разнесла Клеомену череп — вот такую странную смерть нашел брат спартанского героя, защищавшего от персов проход в Фермопилах. Вернее, такую кончину он нашел здесь, в этом районе мира Реки.

Сэм приказал отправить нескольких посыльных в Новую Бретань и Клеоменджо. Им полагалось уведомить население этих стран, что Пароландо готово воздержаться от нанесения ответного удара. Для установления мирных отношений их новым лидерам следовало подписать торговые соглашения на поставку дре-

весины и минералов. Узнав об этом, Иоанн выразил свое недовольство и поинтересовался, на каком основании Сэм принимает государственные решения без предварительного обсуждения с ним и членами Совета. После небольшого спора Клеменс признал неправомочность своих действий, но сослался на неотложность вопроса и нехватку времени. Иоанн напомнил, что по закону Сэм должен находить на это время и что любое решение может приниматься только при согласии обоих консулов.

Как бы Сэм ни артачился, он понимал, что Иоанн абсолютно прав. Отступив однажды от буквы закона, они в конечном счете начнут отдавать противоречивые приказы.

Уладив конфликт, консулы произвели совместный осмотр фабрик. Как оказалось, здания почти не пострадали. По всей вероятности, нападавшие старались обойтись без разрушений, планируя позже воспользоваться дарами своей победы. «Огненный дракон-1» получил лишь незначительные повреждения. Сэм содрогнулся, представив его в руках врагов. С помощью вездехода они могли бы уничтожить оборону центральной части Пароландо, а затем завершить разгром гарнизона на флангах. Клеменс решил, что отныне танк-амфибия будет находиться под усиленной охраной.

После обеда он ушел в хижину Совета и попытался заснуть. Однако стоило ему нырнуть в прохладные глубины сна, как кто-то встряхнул его за плечо. Сэм неохотно открыл глаза и увидел перед собой огромный нос Джо. Из его широких ноздрей разило бурбоном.

— К нам прибыла делегация из Душевного Города. Она только что зашла на берег.

— Фаербрасс! — воскликнул Клеменс, вскакивая на ноги.— Я совсем о нем забыл! Пожалуй, он появился несколько некстати!

Сэм отправился на берег Реки, где у питающего камня причалил катамаран послов. Иоанн уже был там и встречал группу людей, которая состояла из шестерых негров, двух арабов и двух индусов. Фаербрасс оказался коренастым крепышом с бронзовой кожей, курчавыми волосами и большими карими глазами, в которых поблескивали зеленые искорки. Могучие плечи и толстые мускулистые руки абсолютно не вязались с его худыми ногами. Благодаря им фигура посла напоминала перевернутую пирамиду. Он заговорил на эсперанто, потом перешел на английский, но чудовищный сленг и множество технических терминов сбили Клеменса с толку. Тем не менее ему понравилась чистосердечная простота Фаербрасса, и через несколько минут он почувствовал к нему искреннее расположение.

— Нам лучше снова вернуться к эсперанто,— с улыбкой сказал Сэм, подливая виски в чашу гостя.— Это космический жаргон или диалект Душевного Города?

— Тогда уж скорее язык марсианина,— ответил Фаербрасс.— В Душевном Городе говорят на упрощенном английском, но официальным языком считается эсперанто. Сам же Хакинг предпочитает арабский.— Взглянув на Абдаррахмана и Али Фасгули, он тихо добавил: — Впрочем, с некоторых пор наш вождь разочаровался в своих арабах.

— Как видите, мы не в состоянии сейчас устраивать какие-либо конференции,— сказал Сэм.— Во всяком случае, не теперь. Сначала нам надо привести в порядок территорию, восстановить разрушенные укрепления и получить информацию о том, что происходит в сопредельных странах. Однако мы рады вашему приезду и через несколько дней постараемся начать полноценные переговоры.

— Я не возражаю,— ответил Фаербрасс.— А вы позволите мне немного осмотреться?

— Я не против, но мой соконсул тоже должен дать на это свое согласие.

Выдавив из себя страдальческую улыбку, король Иоанн заявил, что рад оказать Фаербрассу такую услугу. Более того, он уже позаботился о почетном эскорте, который будет сопровождать членов делегации во время прогулок. Иоанн заверил послов, что те могут покидать свое жилище и днем и ночью — с такой охраной им нечего бояться.

Фаербрасс поблагодарил его за заботу, однако другой делегат, которого звали Абдуллой, начал громко протестовать, выкрикивая непристойности. Фаербрасс с минуту молчал, затем призвал своего коллегу к порядку и напомнил ему, что они находятся здесь в гостях, а не дома. Сэм признательно кивнул, но у него возникло подозрение, что сцена Абдуллы и Фаербрасса была подготовлена заранее.

Резкие слова негра адресовались белой расе вообще и никому из присутствовавших в частности. Тем не менее они задели Клеменса своей необоснованностью. Все, о чем говорил Абдулла, погибло вместе с Землей. Люди жили теперь в новых условиях и

на новой планете. Но Сэм знал, что спорить с этим человеком бесполезно.

Он проводил делегатов к трем хижинам, которые располагались неподалеку друг от друга. Обитатели этих домов погибли в ночном сражении. На всякий случай Клеменс решил поселиться где-нибудь поблизости.

На берегу загрохотали сигнальные барабаны. Через минуту с другой стороны Реки донесся ответ. Новый вождь Альмакса просил мира и сообщал о том, что прежний владыка Шрубграин казнен народом за бесславное поражение. Его голову обещали доставить на каноэ в знак искреннего уважения к жителям Пароландо. В ответ Сэм пригласил нового вождя Зрилбарма на переговоры о мире и взаимовыгодной торговле.

Чернский передал сообщение, что Иэясу, чья страна находилась между владениями Артура и Клеомена, начал вторжение в Новую Бретань. Таким образом Пароландо лишилось главного врага, месть которого могла вызвать большие осложнения. Тем не менее Сэм не на шутку встревожился. Он знал, что честолюбие Иэясу не имело предела. Объединив под своей властью оба государства, он мог отважиться на захват железного рудника.

А барабаны все стучали и стучали. Публий Красс прислал свои поздравления по поводу победы и пообещал нанести дружеский визит, чтобы обсудить ту помощь, которую он мог оказать своим добрым соседям.

«Решил посмотреть, какой мы понесли урон и нельзя ли тут чем поживиться»,— подумал Клеменс.

До сих пор Публий вел себя дружелюбно, но Сэм ему не доверял — долгие годы службы под началом Юлия Цезаря могли привить властолюбие любому человеку.

Мимо проковылял Геринг. Его голова была обмотана окровавленным полотенцем. Бедного проповедника с обеих сторон поддерживали два верных последователя. Сэм, конечно, знал о твердолобом упрямстве немцев, но надеялся, что Геринг на этот раз поймет намек и покинет Пароландо.

Вечером, убедившись, что на всех постах горят костры и факелы, Клеменс отправился спать. Глаза слипались от усталости, но сон исчезал и рвался, как смутная тень в непроглядной тьме. Сэм метался в постели, стонал и просыпался в холодном поту, дрожа от страха и прислушиваясь к шорохам ночи. Однажды ему показалось, что в хижину кто-то вошел. Затаив дыхание, он ожидал, что у постели возникнет фигура Таинственного Незнакомца. Но в темноте виднелось лишь тело Джо, который храпел на бамбуковом ложе.

Глава 20

Сон не избавил Сэма от усталости, но чистый и обновленный мир наполнил его светлой радостью и вернул хорошее расположение духа. Ночной дождь смыл пороховую копоть и кровь. Трупы исчезли. Небо было ясным и голубым. Люди приступали к своим обычным делам, хотя отсутствие четырехсот пятидесяти человек заметно сказывалось на работе. Тех, кто погиб, отнесли на фабрики по производству глицерина. Остальные — примерно половина из этого числа — находились в госпиталях. Некоторые раненые, устав от боли и страданий, просили о смерти. В былые времена лучшим средством эвтаназии* считался топор, но теперь благодаря технологии Пароландо желающим раздавали таблетки цианистого калия.

Однако большая часть раненых предпочитала обычный способ восстановления. Люди знали, что недели через две их отсеченные конечности отрастут, раны исчезнут, а вместо выжженных и выбитых глаз появятся новые. Более слабые духом садились в Самоубийственный Экспресс, и оставленные ими тела уносили на фабрику.

Секретарша Клеменса погибла в бою. Сэм предложил Гвенафре занять место Милли, и девушка с радостью согласилась, так как новое положение давало ей высокий статус. Кроме того, она не скрывала своего интереса к Сэму и использовала любой повод, чтобы побыть в его обществе. Однако их договоренность не на шутку огорчила Лотара фон Рихтхофена.

— Вы можете питать к ней какие угодно чувства,— возмущенно произнес Сэм.— Но почему ей нельзя быть при этом моей секретаршей?

— Я понимаю, что веду себя как капризный ребенок,— ответил Лотар.— Мне даже неловко говорить о таких вещах. Тем не менее, если бы она не вилась вокруг вас, у меня могло бы с ней что-то получиться.

---

* Эвтаназия — намеренное ускорение смерти, как правило, в случае неизлечимой болезни. *(Примеч. пер.)*

— Тогда пусть победит сильнейший.

— Я не против, но мне не нравится, что вы питаете девушку пустыми надеждами и водите ее за нос. Вы же сами говорили, что не введете в свой дом женщины, пока рядом живет Ливи.

— Ливи мне теперь не указ! — закричал Клеменс.— Не забывайте, что это она меня бросила, а не я ее!

Лотар смущенно улыбнулся:

— Прошу прощения, Сэм.

Гвенафра следовала за Клеменсом как тень. Она вела записи, отправляла сообщения и составляла проекты приказов. Несмотря на занятость, Сэм всегда находил для нее время. Они беседовали, шутили, и каждый раз, когда он смотрел на ее прекрасную фигуру, его сердце таяло в приятной истоме желания. Ему казалось, что Гвенафра обожает его.

Прошло два дня. Обкатка амфибии показала отличные результаты, и через пару суток вездеход должны были укомплектовать оружием. Послы Душевного Города под присмотром людей Иоанна знакомились с достижениями Пароландо. Джо Миллер, отлежавшись в постели, окончательно выздоровел, и Сэм вновь почувствовал себя уверенно и уютно. В компании Гвенафры и титантропа он мог бы пойти даже на край света. И долгий путь из долин Утопии уже не казался ему таким беспросветным и опасным.

Барабанный телеграф принес весть от Одиссея, который обещал вернуться через месяц с десятью кораблями, груженными кремнем. Снарядив небольшой флот, он отправился на переговоры с Селиной Хастинг — некогда графиней Хантингтона, а ныне атаманшей страны Селинджо. Эта женщина родилась на Земле в 1707 году и умерла в 1791-м. Будучи ярой сторонницей Церкви Второго Шанса, она согласилась поставлять кремень при условии, что Сэм Клеменс и впредь будет разрешать миссионерам Геринга проповедовать на территории Пароландо. В качестве платы Селина попросила сделать ей небольшую яхту с достаточно мощным двигателем, чтобы плавать вверх и вниз по Реке. Она намеревалась добраться до «варварских» стран и донести всем страждущим истины Церкви Второго Шанса.

Сэм считал, что она тем самым обрекала себя на верную гибель. Из-за этой яхты ей могли перерезать горло на первой же стоянке. Впрочем, у нее ведь тоже имелась голова на плечах.

Наконец члены Совета и послы Душевного Города собрались за круглым столом. Встреча состоялась в тронном зале бревенчатого дворца Иоанна. Взглянув на злое лицо экс-монарха, Сэм еще раз пожалел о том, что переговоры назначили на этот день. Хозяин дворца был мрачен, как грозовая туча. Накануне одна из любовниц набросилась на него с ножом. По словам Иоанна, она ранила его в бок и он, защищаясь, дал ей пощечину. К несчастью, девушка ударилась головой об угол стола и через час, не приходя в сознание, скончалась. На самом деле помимо раны у виска и сломанной челюсти Сэм обнаружил на ее теле многочисленные синяки и порезы. Однако при полном отсутствии свидетелей доказать вину короля не представилось возможным, и поэтому Совет посчитал его слова достаточными для оправдания.

Иоанн страдал от боли и стыда, расценивая рану от руки женщины как невыносимый позор. В качестве анестезии и успокоительного он использовал бурбон и от принятой дозы едва держался на ногах. Как только официальное приветствие закончилось, экс-монарх тяжело опустился в резное дубовое кресло, обитое кожей рогатой рыбы. Сжимая в одной руке горлышко глиняной бутыли, а в другой — дымившуюся сигару, он сердито рассматривал лица советников и послов.

Тем временем Фаербрасс произносил речь:

— Хакинг верит в необходимость разделения белых и небелых людей. По его искреннему убеждению, белые никогда не признают равенство с неграми, монголами и индейцами. Все их красивые слова о правах человека пронизаны ложью и лицемерием. Вот почему он призывает к расовой изоляции и провозглашает ее единственной формой сосуществования, при которой остальные расы могут сохранять достоинство и честь, свои взгляды и собственный уклад жизни.

В Америке Хакинг вступил в организацию «Черные мусульмане», но чуть позже их лидер Малькольм повел себя как подлый предатель. Он признал ошибочность своих суждений и начал говорить о том, что нелепо считать всех белых людей ублюдками и злобными исчадиями ада. Разочарованный Хакинг уехал из Штатов в Алжир и вскоре понял, что расизм не зависит от цвета кожи.

«Чтобы это понять, большого ума не надо,— подумал Сэм.— Но зачем Фаербрасс завел речь о таких банальных вещах?»

На всякий случай он решил не перебивать почетного гостя.

— Потом в Соединенных Штатах начался бунт белой молодежи. Отбросив предрассудки своих отцов, юноши и девушки выходили на улицы, устраивали демонстрации и даже погибали в борьбе за права черных. Они действительно относились к неграм

как к равным — и не потому что это было веянием моды или экстравагантным поведением. Нет, они видели в них людей и поэтому относились к черным по-человечески.

Однако Хакинг не испытывал добрых чувств даже к этой американской молодежи. Он пытался воспринимать их с общечеловеческих позиций, но в его душе жила ненависть. Как и многие белые люди старшего поколения, он весь пропитался злобой и расизмом. Тем не менее Хакинг пытался примириться с новой порослью белых и уважал молодых бунтарей, которым хватило мужества послать ко всем чертям своих родителей-расистов и их гнилое лицемерное общество.

А затем он умер — умер, как все, потому что смерть не делит людей на белых и черных. Восстав из небытия среди древних китайцев, Хакинг снова оказался в роли униженного и оскорбленного. Он снова стал изгоем и паршивой овцой в обществе тех, кто считал себя избранным народом.

Клеменсу вспомнились китайцы из Невады и Калифорнии — тихие, кроткие и трудолюбивые люди, которые начали прибывать в Америку где-то в начале шестидесятых годов восемнадцатого века. Улыбаясь и кланяясь, они сносили оскорбления, которых не потерпел бы даже мул. В них плевали и бросали камни, их обзывали, грабили и насиловали, их лишали элементарных прав, а на судах отказывали в защите. Но они никогда не роптали, не огрызались и не бунтовали. Они терпели все эти издевательства и выполняли работу, от которой отказывались другие. Какие же мысли скрывались за этими бесстрастными лицами? Неужели они тоже верили в превосходство китайцев над белыми варварами? Тогда почему же они никогда не давали отпора? Пусть в этом случае их ждала бы неминуемая смерть, но разве никому из них не хотелось хотя бы на миг стать свободным человеком?

Впрочем, они полагались на ход времени. Китайцы всегда считали время своим союзником. Если еще не настала пора процветания для отца, то она придет к сыну или внуку.

А Фаербрасс продолжал рассказывать историю Элвуда Хакинга:

— Сев в лодку, он поплыл вниз по Реке и через много тысяч миль отыскал поселение африканских негров из семнадцатого века. Эти люди были предками зулусов, которые позже мигрировали в Южную Африку. Пожив среди них какое-то время, Хакинг снова отправился в путь, поскольку обычаи дикарей показались ему слишком мрачными и кровожадными.

Потом он жил в краю, где гунны средневековья селились рядом с белыми из каменного века. Его приняли довольно хорошо, но он тосковал по родной речи и черным американцам. Проплыв сотню миль по Реке, Хакинг попал в плен к древним моабитам, бежал от них, был пойман древними иудеями и познал адские муки граалевого рабства. В конце концов он снова совершил побег и набрел на небольшую общину американских черных — рабов времен Гражданской войны. Проведя там несколько счастливых и спокойных лет, Хакинг начал уставать от духа дядюшки Тома. Ему действовали на нервы суеверия и рабская покорность судьбе. Он построил парусник и вновь отправился в плавание, меняя берега, города и страны. Однажды на селение, в котором он обосновался, напали рослые белокурые белые — скорее всего, немцы. Его убили в бою, и он воскрес в этом районе.

К тому времени Хакинг выявил одну закономерность — население самых счастливых и благополучных городов речной долины состояло, как правило, из людей, имевших сходство в обычаях, цвете кожи и тех эпохах, в которых они жили на Земле. Все другие комбинации вызывали множество проблем. Там, в земной жизни, Хакинг верил в прогресс — он видел, как резко менялось мышление молодежи. Старики умирали, и с каждым новым поколением люди все больше освобождались от расовых предрассудков и тяги к порабощению себе подобных. Но здесь человечество вновь вернулось к своим истокам. Старые властолюбцы и их смиренные рабы не собирались менять своих привычек. Попав в новый мир, они насаждали в нем ненависть и злобу.

Так и не отыскав сообщества негров из двадцатого века, Хакинг решил создать его своими силами. Конечно, он искренне уважал всех черных из других эпох и столетий, но их образ жизни не вязался с представлениями цивилизованного человека.

— К чему вы клоните, синьоро Фаербрасс? — нетерпеливо спросил Сэм.

— Мы хотим построить государство с однородным населением. Нам, конечно, не удастся ограничиться только неграми из конца двадцатого века, но мы, по крайней мере, можем собрать абсолютно черную нацию. По нашим сведениям, в Пароландо сейчас находится около трех тысяч негров. Мы хотим забрать их себе. В обмен вы получите дравидов, арабов и остальных нечерных, которые проживают в данный момент на территории

Душевного Города. Хакинг делал подобные предложения всем сопредельным государствам, но мы пока не имеем достаточных рычагов воздействия.

Король Иоанн выпрямился и язвительно спросил:

— Вы хотите сказать, что у вас нет ничего такого, в чем они бы нуждались?

— Именно об этом я и говорю,— ответил Фаербрасс, холодно посмотрев на Иоанна.— Но однажды мы заставим их прислушаться к нашим просьбам более внимательно.

— И это произойдет после того, как у вас появится стальное оружие? — спросил Сэм.

Фаербрасс пожал плечами. Иоанн с грохотом опустил пустую чашу на стол.

— А мы не хотим ваших арабов и дравидов! — закричал он.— Пусть Душевный Город сам давится своими отбросами! Давайте поступим так. За каждую тонну бокситов, криолита или унцию платины мы будем отдавать вам одного нашего черного. Что же касается ваших сарацинских неверных, то вы можете топить их в Реке или сплавлять на плотах вниз по течению. Они нас совершенно не интересуют!

— Подождите минуту,— вмешался Сэм.— Мы не можем гонять наших граждан, как скот! Если они захотят уйти по своей воле — пожалуйста. Но продавать их за материалы мы не будем. Этого не позволяет наша демократия.

Фаербрасс помрачнел. Выходка Иоанна испортила ему настроение.

— Вы напрасно рассматриваете нашу просьбу как призыв к насильственным мерам,— сказал он.— Мы не из тех людей, кто торгует рабами. Вам предлагается добровольный обмен — человека на человека. Ваххабские арабы, которых представляют Абдаррахман и Фасгули, чувствуют себя в Душевном Городе незваными гостями. Они готовы переселиться в любое место, где им будет дана возможность организовать свою общину — новый Касбах, если так можно выразиться.

Сэм почувствовал фальшь в словах Фаербрасса. Почему же арабы не создали своей общины в Душевном Городе? Почему они, в конце концов, не собрали свои пожитки и не ушли на поиски лучшей доли? Одной из прелестей этого мира была полная независимость от быта и вещей. Человек мог унести свое имущество в маленьком узле и в течение дня построить новый дом — благо что бамбук здесь рос повсюду.

А что, если Хакинг задумал внедрить к ним своих людей, чтобы они в нужный момент подняли мятеж и помогли его армии осуществить захват Пароландо?

— Мы обсудим ваше предложение об обмене жителей,— сказал Сэм.— Это все, что я могу вам пока обещать. Но не думает ли синьоро Хакинг в качестве поощрения увеличить нам поставки минералов и древесины?

— Нет, вы будете получать их в том же объеме — в обмен на руду и стальное оружие,— ответил Фаербрасс.— Кроме того, Хакинг намерен повысить цены.

Иоанн грохнул кулаком по столу.

— Мы не потерпим этого грабежа! — заорал он.— Ваш Хакинг и так уже залез нам на шею! Не надо подталкивать нас, синьоро Фаербрасс! Иначе вы можете лишиться всего — в том числе и собственной жизни!

— Полегче, ваше величество,— прошептал Сэм, и, повернувшись к Фаербрассу, он примирительно добавил: — Иоанн себя плохо чувствует. Прошу простить его за резкость. Тем не менее он во многом прав. И вы действительно можете подтолкнуть нас слишком далеко.

В этот момент со своего места вскочил Абдулла — рослый негр, черный и вспыльчивый, как порох. Ткнув пальцем в сторону Сэма, он закричал на ломаном английском:

— Не надо угрожать нам, хонки! Мы не из пугливых! И если вы не поняли меня, мистер Белый, я повторю вам это еще раз! Мы не потерпим никаких угроз! Особенно от того, кто написал книжонку о ниггере Джиме! Нам не нравятся белые расисты, и мы имеем с ними дело только потому, что без этого нашей стране пока не обойтись.

— Полегче, Абдулла,— сказал Фаербрасс.

Судя по его улыбке, речь Абдуллы являлась второй частью заранее подготовленной программы. И, видимо, Фаербрасс воспринимал реплику Иоанна подобным же образом. Из актеров обычно получаются плохие политики. Но даже самый заурядный политик может сыграть любую роль.

Издав раздраженный стон, Клеменс спросил:

— Синьоро, а вы сами-то читали «Гекльберри Финна»?

— Я такое дерьмо не читаю,— с усмешкой ответил Абдулла.

— То есть вы не знаете, о чем говорите, верно?

Абдулла нахмурился. Фаербрасс презрительно усмехнулся.

— Слушай, парень, у меня нет желания читать всякую расистскую чепуху! — закричал вспыльчивый негр.— Хакинг рассказал мне об этой книге предостаточно!

— Тогда давайте договоримся так,— сказал Сэм.— Прочитайте ее сначала, а уж потом мы и продолжим наш спор.

— Да он надо мной просто издевается! — воскликнул Абдулла.— Эй, мистер, в этом мире нет никаких книг!

— Значит, вы упустили свой шанс,— ответил Клеменс.

Сэм попытался унять нервную дрожь. Он не привык вести такие напряженные разговоры с тупыми здоровяками.

— В любом случае здесь не литературный кружок и не клуб чайных дискуссий,— добавил он.— Давайте перейдем к делу.

Но Абдулла продолжал распространяться о расистских книгах, которые написал Сэм. В конце концов Иоанн, потеряв терпение, вскочил и рявкнул:

— Silentu, negraco!*

Он использовал эсперанто, но прибавил к слову «negro» пренебрежительную частицу «ас». И всем стало ясно, что этим хотел сказать Иоанн.

Наступила тишина. Все замерли, потрясенные столь непредвиденным развитием событий. Абдулла, открыв рот, застыл в нелепой позе. Потом он усмехнулся и с триумфом, почти сияя от восторга, осмотрел своих коллег. Фаербрасс прикусил губу. Иоанн оперся кулаками о стол и нахмурился. Сэм запыхтел сигарой. Он понимал, что язвительность экс-монарха шла от привычного презрения к людям, а не от каких-то расовых предрассудков. За всю свою жизнь на Земле Иоанн повидал не больше полудюжины черных. Но оскорблять он умел прекрасно и был в этой области непревзойденным мастером.

— Я ухожу! — сказал Абдулла.— Мне надоели ваши угрозы и оскорбления! Но если я уеду домой, вы чертовски дорого заплатите за новый алюминий и платину, мистер Чарли. Вам придется отдать за них вашу белую ослиную шкуру!

— Одну минуту,— сказал Сэм, поднимаясь с кресла.— Если вы хотите извинений, я приношу их вам от лица всего Пароландо.

Абдулла взглянул на Фаербрасса. Тот с ухмылкой отвернулся в сторону.

— Я требую извинений от него! — воскликнул негр, и его толстый палец указал на Иоанна.

---

* Молчи, черномазый! *(эсперанто)*

Придвинувшись к соконсулу, Сэм тихо прошептал:

— Слишком многое поставлено на карту, чтобы разыгрывать из себя гордого монарха, ваше величество! Своим упрямством вы сыграете им на руку! Они что-то задумали — можете в этом не сомневаться. Поэтому проявите выдержку и попросите прощения.

Иоанн оскорбленно фыркнул и вскричал:

— Вы хотите, чтобы я извинился перед этим дикарем? Перед этой собакой-язычником?

Сэм возмущенно взмахнул сигарой:

— Как вы не можете понять своей тупой плантагенетовской башкой, что мы больше не делимся на королей и затравленную чернь? Мы все теперь дикари! Или короли, если вам так угодно.

Не говоря ни слова, Иоанн поднялся и вышел из тронного зала. Абдулла еще раз взглянул на Фаербрасса, и тот едва заметно кивнул. Рослый негр усмехнулся, нарочито медленно отодвинул свое кресло и зашагал к двери.

— Итак, синьоро Фаербрасс, что дальше? — спросил Сэм.— Ваши люди отправятся домой?

Советник Хакинга покачал головой:

— Нет, я не сторонник поспешных решений. Тем не менее переговоры придется отложить до тех пор, пока Иоанн Безземельный не принесет извинений всем членам нашей делегации. Вам, очевидно, понадобится время, чтобы уладить этот вопрос. Я готов подождать до завтрашнего утра.

Фаербрасс встал, собираясь уйти.

— Я поговорю с Иоанном,— сказал Сэм,— но он упрям, как миссурийский мул.

— Я боюсь, что мы можем расстаться врагами,— ответил посол.— И только из-за того, что один человек не мог удержаться от оскорблений. Мне не хотелось бы прерывать нашу торговлю, так как это будет означать крушение всех ваших планов с пароходом.

— Поймите меня правильно, синьоро Фаербрасс,— сказал Сэм.— Мои слова не угроза, а предупреждение. Мы не остановимся ни перед чем. Нам нужен этот алюминий! И если вы не отдадите его по-хорошему, мы пойдем на вас войной и силой возьмем все, что пожелаем.

— Я вас понял,— ответил Фаербрасс.— Но вы зря считаете Хакинга властолюбивым интриганом. Он мечтает только об од-

ном — построить мощное и хорошо укрепленное государство. Он хочет, чтобы граждане нашей страны наслаждались жизнью в среде единомышленников и собратьев по духу. Другими словами, Хакинг хочет создать страну для черных.

— Да уж...— пробормотал Сэм.

Молчание затянулось, и Фаербрасс направился к выходу.

— Одну минуту,— окликнул его Клеменс.— Скажите, а вы читали «Гекльберри Финна»?

Фаербрасс обернулся:

— Конечно. Когда я был ребенком, она мне очень нравилась. И я получил огромное наслаждение, перечитав ее однажды в студенческие годы. Как и каждое произведение, она имела свои недостатки, но это действительно хорошая и добрая книга.

— И как вы относились к тому, что Джима называли ниггером?

— Видите ли, я родился в тысяча девятьсот семьдесят пятом году на ферме близ Сиракьюс, штат Нью-Йорк. К тому времени многое изменилось. Ферма первоначально принадлежала моему прапрапрадеду, который, убежав из Джорджии в Канаду, отработал несколько лет на строительстве железных дорог, а затем, после Гражданской войны, вернулся в Америку. Лично меня не задевало то слово, которое вы использовали в своей книге. Я знал, что в ту эпоху негров в открытую называли ниггерами и все считали это оскорбительное слово вполне приемлемым и обычным. Вы изображали людей и их речь такими, какими они были в действительности, но ваша книга привлекала меня своей этической основой — я имею в виду внутренний конфликт между гражданским долгом и чувствами Гека к Джиму, его победу над расовыми предрассудками того времени. В целом эта книга являлась обвинительным приговором рабскому и полуфеодальному обществу на Миссисипи — обществу суеверий и всех тех глупостей, которые существовали в тот период истории. Так отчего же мне на вас обижаться?

— А почему тогда...

— Вам не понравился выпад Абдуллы? Кстати, его настоящее имя — Джордж Роберт Ли. Он родился в тысяча девятьсот двадцать пятом году, а Хакинг, если помните, в тысяча девятьсот тридцать восьмом. В то время черные были ниггерами для многих белых — хотя и не для всех. Испив страданий и слез, негры решили обрести гражданские права с помощью насилия. Оно стало основой их мировоззрения и ответом на пренебрежительное отноше-

ние белых. Вы умерли в тысяча девятьсот десятом году, верно? Но вам, вероятно, рассказывали о том, что происходило дальше?

Сэм кивнул.

— В это трудно поверить,— задумчиво произнес он.— Бунт против насилия! Нечто подобное происходило и при моей жизни. Но, на мой взгляд, апофеозом народного возмущения были, да и остались нью-йоркские демонстрации времен Гражданской войны. Что касается двадцатого века, то я не могу представить себе эту распущенность и свободу нравов.

Фаербрасс весело рассмеялся:

— Однако сейчас вы живете в обществе, которое с точки зрения девятнадцатого века является еще более свободным и распущенным. Тем не менее вы к нему привыкли.

— Наверное, вы правы,— ответил Сэм.— Две недели абсолютной наготы после Дня воскрешения доказали, что люди уже никогда не вернутся к прежним догмам морали — во всяком случае, в отношении обнаженного тела. А сколько закостеневших идей было повергнуто в прах неоспоримым фактом воскрешения! Но команда твердолобых по-прежнему с нами, и живой тому пример ваши ваххабиты.

— Синьоро Клеменс, вы находились в рядах первых либералов и во многом опережали свое время. Вас знают как обличителя рабства и борца за равноправие. Даже здесь, в Пароландо, составляя Хартию вольностей, вы настояли на политическом равенстве для всех рас, народов и обоих полов. Я заметил, что недалеко от вашей хижины живет семейная пара — черный мужчина и белая женщина. Скажите честно, вас не возмущает подобное явление?

— Если честно, то да, меня это расстраивало,— ответил Клеменс, выпустив изо рта густой клуб дыма.— Говоря по правде, это почти убивало меня! Дело в том, что разум человека и его рефлексы — две разные вещи. Я ненавижу это деление, но оно существует помимо моей воли. Однако мне и в голову не приходило вмешиваться в их личную жизнь. Мы познакомились, а затем стали добрыми соседями. Прошел год, и мое неприятие этой супружеской пары исчезло — вернее, почти исчезло. Я верю, что со временем оно вообще пропадет.

— В отличие от таких либералов, как вы, молодежь конца двадцатого века не волновалась бы по такому поводу. Мы приняли равенство сердцем, а не умом.

— Вы хотите сказать, что мой случай безнадежен? — спросил Сэм.— И что тесемочки благих намерений не удержат груза накопленных предрассудков?

— Держитесь курса, старина,— ответил Фаербрасс, перескочив на английский язык — вернее, его вариант.— Отклонение на два градуса — это лучше, чем полный разворот. Ключ на старт, и все дела!

Он ушел. Сэм остался один. Докурив сигару, Клеменс встал, вышел из дворца и отправился к себе домой. По дороге ему встретился Герман Геринг. Голова проповедника по-прежнему была обмотана полотенцем, но лицо стало менее бледным, а глаза — не такими странными.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Сэм.

— Еще неважно, но я могу уже понемногу ходить. Правда, временами в голову впивается адская боль, будто невидимый молоток вбивает в мозг раскаленные гвозди.

— Я не любитель людских страданий и поэтому хочу вас предостеречь,— сказал Клеменс.— Вы можете избежать крупных неприятностей и еще больших мук, если соблаговолите покинуть Пароландо.

— Вы мне угрожаете?

— Нет. Я не сторонник агрессивных действий. Однако здесь есть немало людей, которые под горячую руку могут разорвать вас на части или просто утопить в Реке. Ваши проповеди действуют всем на нервы. Они противоречат духу и целям, которые объединяют нашу страну. Пароландо — это государство, которое строит пароход! И мы гордимся поставленной задачей! Да, мы провозгласили свободу слова. И каждый наш гражданин, выражая свое мнение, находится при этом под защитой закона. Но, читая свои проповеди, вы намеренно подталкиваете людей к преступлению. А я не желаю наказывать их за вынужденную оборону от вашей нескончаемой болтовни. Одним словом, мы решили, что вы уже выполнили свой христианский долг и можете удалиться с нашей территории. Тем самым вы сделаете воистину праведное дело, перестав побуждать добродетельных мужчин и женщин к свершению насилия.

— Я не христианин,— мрачно ответил Геринг.

— Меня восхищают люди, которые могут признаться в этом. И я еще не встречал проповедника, который бы вот так просто говорил подобные вещи.

— Синьоро Клеменс, в свое время я читал ваши книжки — сначала на немецком, потом на английском. Но ветреность, шутки и даже мягкая ирония не приведут нас к взаимному пониманию. Да, я не христианин, хотя и стараюсь придерживаться лучших заповедей Христа. Я — миссионер Церкви Второго Шанса. Как вы знаете, все земные религии дискредитировали себя, и им нет места в этом новом мире. Наша Церковь стала первой религией, которая расцвела на кладбище духовного наследия Земли. И только она может выжить в создавшихся условиях...

— Избавьте меня от своих лекций,— взмолился Сэм.— Я уже устал от вас и ваших предшественников. Неужели вам не ясна моя позиция? Из чистого дружелюбия и желания уберечь вас от беды я советую вам убраться отсюда — причем немедленно! Иначе вас просто убьют!

— Ну и что? Тогда я проснусь на рассвете где-нибудь в другом месте и понесу слово истины тем, кто должен его услышать. И ныне и присно во веки веков алой кровью мучеников сеялась Церковь! И убивающие нас станут той дланью, которая бросит семена истины на новые целинные земли. Так пусть же наши убийцы распространяют веру вверх и вниз по Реке! Через смерть свою мы понесем людям весть о вечном спасении!

— В таком случае мне остается пожелать вам счастливого пути,— проворчал Сэм, переходя на английский, как часто поступал в минуты раздражения.— Но скажите, вас не тревожит тот факт, что шансеров убивают все больше и больше? Вы не боитесь однажды остаться без тела?

— Что вы имеете в виду?

— Вашу доктрину, мистер Геринг.

Заметив недоуменный взгляд собеседника, Клеменс вновь перешел на эсперанто:

— Одна из ваших основных догм, если я не ошибаюсь, утверждает, что этот мир является преддверием вечной жизни. Воскрешенному человечеству якобы дано ограниченное время, которое многим кажется долгим — особенно если они не находят здесь счастья. Вы принимаете без всяких доказательств некий аналог души, который называете психоморфом, верно? Немного похоже на Ка египтян. Вам пришлось ввести такое понятие, чтобы объяснить сохранение человеческой личности. Без души умерший человек являлся бы мертвецом, даже если бы его заново воспроизвели и оживили. Второе тело представляло бы собой точную ре-

продукцию, а лазари, наделенные разумом и воспоминаниями умерших людей, оставались бы, мягко говоря, живыми дубликатами. Они, конечно, могли бы считать себя теми, кого изображали, но настоящего земного человечества больше не существовало бы.

Вы решили эту проблему, приняв концепцию души — или психоморфа, если вам угодно. Сущность, рожденная вместе с телом, сопровождает его, регистрирует и запоминает все, что происходит с ним на протяжении жизни. Когда плоть умирает, это бестелесное Ка продолжает свое существование. Оно уносится в некоторое четвертое измерение, которое нельзя увидеть глазами из протоплазмы и обнаружить механическими приборами. Я правильно говорю?

— Довольно близко к истине,— ответил Геринг.— Представлено грубо, но вполне удовлетворительно.

— Итак, в качестве основного постулата вы приняли концепцию души, продолжив тем самым традицию христианства, мусульманства и прочих религий. Однако, отвергая ад и небеса, вы заявляете, что до воскрешения людские души попадали в некое четырехмерное чистилище. Они пребывали бы там вечно, если бы не вмешательство других существ — гипотетических инопланетян из более древнего цивилизованного мира. Эти сверхразумные существа появились на Земле в те времена, когда людей еще не существовало. Фактически они посетили каждую планету во Вселенной, на которой могла бы возникнуть разумная жизнь.

— Вы выражаете эту мысль не совсем точно,— сказал Геринг.— Мы утверждаем, что в каждой галактике имеется одна или несколько планет, населенных древними цивилизациями. Сверхразумные существа обитали и в нашей галактике. Пока мы не знаем, зародились ли они здесь или прилетели из других, ныне погибших вселенных. Но бесспорно одно — эти космические мудрецы предвидели разумную жизнь на Земле. Они оставили на нашей планете устройства, которые с первых дней человеческой истории начали собирать информацию и улавливать души умерших людей. По воле наблюдателей мы не могли обнаружить их приборы своими чувствами.

В определенное время эти Древние, как мы их называем, переслали наши души в какое-то особое место. По произведенным записям их механизмы преобразовали энергию в материальную плоть и воссоздали погибшее человечество. Информация о людях была воплощена в молодые здоровые тела, которые могли разрушаться и вновь воскресать в подготовленном для них новом мире.

Психоморфы притягиваются к своим протоплазменным близнецам. При воспроизведении мертвого тела свободное Ка присоединяется к нему, и человек вновь начинает жить. Даже при сотой смерти и дубликации тела наше Ка не теряет своего осознания, разума и воспоминаний о прошлых воплощениях. Таким образом, существование людей не сводится к последовательному созданию копий. Благодаря записям всего того, что происходило с предыдущими телами Ка, наши личности сохраняют свою идентичность.

— Минутку! — воскликнул Сэм, взмахнув рукой и едва не ткнув кончиком сигары в щеку Геринга.— Давайте кое-что уточним! На прошлой проповеди вы утверждали, что человек не может быть убит и воскрешен бесчисленное количество раз. Вы говорили, что через пару сотен воскрешений смерть наступает окончательно и бесповоротно. При многократном умирании связь между телом и Ка ослабевает; дубликация тела уже не вызывает присоединения психоморфа, и Ка начинает блуждать по призрачным лабиринтам четвертого измерения. Оно становится призраком, потерянной душой, а затем и вовсе исчезает.

— В этом суть нашей веры,— ответил Геринг.— И мы провозглашаем ее истиной, поскольку знаем, что она верна.

Сэм удивленно поднял густые брови:

— Вот как? И откуда же вы это знаете?

— Наш основатель получил ее из первых рук примерно через год после того дня, как все человечество восстало из мертвых. Однажды ночью он молился об откровении на высоком горном уступе. И к нему пришел человек, который рассказал и показал такое, о чем не ведал еще ни один землянин. Этот мужчина был посредником Древних, и, раскрыв истину, он велел нашему основателю идти и проповедовать доктрину Церкви Второго Шанса.

Я считаю термин «второй шанс» не совсем удачным. На самом деле это первая наша возможность. Там, на Земле, мы никогда не имели доступа к вечной жизни, так как земное бытие служило лишь прелюдией к миру Реки. Создатель сотворил Вселенную, и Древние сохранили все то живое, что появилось на свет по воле великого Бога. Да, они сохранили всех живых существ. Однако спасение ожидает только людей! Нам дан единственный и долгожданный шанс! И ныне каждый из нас может пойти навстречу вечной жизни!

— Если только вступит в Церковь Второго Шанса,— добавил Сэм.— Вы ведь так кончаете свои проповеди, верно?

Ему не хотелось иронизировать над миссионером. Но он не мог удержаться от насмешки.

— Во всяком случае, мы верим в это,— ответил Геринг.

— А ваш посланник Древних представил какие-нибудь верительные документы? — спросил Сэм.

При мысли о Таинственном Незнакомце его охватила легкая паника. Неужели это один и тот же этик? Или здесь ведут игру два опытных и хитрых стратега? Если верить словам Незнакомца, который направил сюда железно-никелевый метеорит и помог Джо Миллеру увидеть Башню в далеком и туманном полярном море, он был единственным отступником в среде этиков. Но кем же тогда являлся другой?

— Верительные документы? — спросил Геринг.— Бумаги от Бога? — Он засмеялся.— Наш основатель понял, что его гость не был простым человеком. Тот знал о нем такие вещи, о которых мог ведать лишь Бог или существо непостижимо высокого разума. Чтобы укрепить его веру, посредник Древних рассказал ему, как и по каким причинам людей воскресили к жизни. О многом он умолчал, намекнув, что некоторые подробности будут открыты нам позже. Но большую часть своего духовного предназначения мы должны узнать сами.

— А как зовут вашего основателя? — спросил Сэм.— Или вы этого не можете сказать? Неужели его имя открывается только посвященным?

— Никто не знает, как его зовут,— ответил Геринг.— И, честно говоря, нам это совершенно неинтересно. Сам он называл себя Виро или в переводе с эсперанто — Человеком. По-латински это звучало бы как Вир. В своем кругу мы называем его La Fondinto — Основателем, или La Viro — Человеком.

— Вы когда-нибудь встречались с ним?

— Нет. Но я знал двух людей, которые видели его. Один из них жил в той стране, где Ла Виро произнес свою первую проповедь — ровно через семь дней после беседы с посредником Древних.

— Но определение «La Viro» относится только к мужчине, верно?

— Да, конечно!

Сэм глубоко вздохнул и облегченно сказал:

— Вы сняли большую тяжесть с моего сердца. Если бы вашим основателем оказалась миссис Мэри Бейкер-Эдди*, меня бы скрутило от хохота и я мог бы умереть.

— Почему?

— Слишком долго рассказывать,— с усмешкой ответил Сэм.— Когда-то я написал о ней книгу, и теперь при нашей встрече она без колебаний сдерет с меня скальп — можете в этом не сомневаться. Как бы там ни было, ваши мрачные и таинственные объяснения напомнили мне эту милую и экстравагантную особу.

— Наше учение основывается на физических явлениях, и даже Ка, при правильном рассмотрении, не выходит за границы материальной реальности. Мы верим, что только наука — великая наука Древних — могла воскресить людей из праха, разрушив оковы небытия. За исключением веры в Бога, вы не найдете в наших доктринах ничего сверхъестественного. Все объясняется наукой и развитой технологией.

— Прямо как религия Мэри Бейкер-Эдди, правда? — спросил Сэм.

— Извините, но я не знаю ее.

— Так как же нам добиться спасения?

— Через любовь. А это, естественно, предполагает, что мы отказываемся от насилия — даже в целях самообороны. Мы верим, что истинная любовь возможна лишь при достижении трансцендентального состояния, которое приходит в процессе самопознания. Именно для этого нам и дается мечтательная резинка. Но люди злоупотребляют ею, как наркотиком, ибо привыкли злоупотреблять во всех своих делах.

— А вы сами обрели эту истинную любовь — что бы она там ни означала?

— Пока еще нет. Но я к ней обязательно приду.

— С помощью мечтательной резинки?

— Не только. Хотя она тоже помогает. Но помимо этого вы должны действовать — нести людям слово истины и страдать за веру. Вы должны смирить свою ненависть и возлюбить людей.

— Так почему вы выступаете против моего парохода? Неужели только из-за того, что мы не разбиваем себе в молитвах лбы, а развиваем ту технологию, о которой вы так восхищенно говорили?

---

* Основательница и проповедница так называемой христианской науки, жестоко высмеянная М. Твеном. *(Примеч. ред.)*

— Ваша цель не ведет к добру. Я прошу вас, посмотрите вокруг! Во имя чего вы опустошили страну и ввергли людей в искус алчности? На руках у них кровь, а в мыслях — предательство. Их души вопиют, утопая в ненависти и злобе! Так во имя чего все эти убийства, муки и слезы? Неужели только из-за того, что вам, Сэм Клеменс, захотелось получить новую игрушку — гигантский металлический пароход, колеса которого будет вращать электричество?! Вы говорите о нем как о чуде технологии, а я называю его кораблем глупцов! Допустим, вы поплывете к истокам Реки. Допустим, вы даже туда доберетесь. А что потом? Что вы будете делать дальше? Опомнитесь, мой друг! Опомнитесь! Ибо пора уже плыть к истокам своей души!

— Не надо судить о вещах, которых вы не знаете,— мрачно ответил Сэм.

Его убежденность куда-то испарилась, и перед глазами возникло видение: дьявол, присевший во тьме у изголовья постели, нашептывал ему в уши свои злокозненные речи. Но кто-то же шептал их и в ухо основателя церкви. И тут еще надо посмотреть, не по замыслу ли дьявола появился этот второй шанс. Его Таинственный Незнакомец назвался другом людей и сказал, что «дьяволами» являлись другие этики.

Впрочем, дьявол и должен был сказать что-то подобное этому.

— Неужели мои слова вообще не коснулись вашего сердца? — спросил Геринг.

Сэм шутливо похлопал ладонью по груди, прислушался и разочарованно покачал головой.

— До сердца еще не дошли,— сообщил он.— Но вот кишки мне уже от них скрутило!

Геринг стиснул кулаки и поджал губы.

— Осторожно, мой друг. Вы можете растерять свою любовь,— сказал Клеменс и двинулся прочь.

Маленькая победа не улучшила его настроения. Кроме того, у него действительно заболел живот. Сэма всегда мутило от непробиваемого ханжества — даже когда он мог над ним вволю посмеяться.

Глава 21

И вот наступил следующий день. Сэм Клеменс и Иоанн Безземельный спорили все утро. Наконец, устав взывать к рассудку и осторожности, Сэм не выдержал и закричал:

— Мы не можем допустить, чтобы Хакинг перекрыл нам поставку бокситов! Я не позволю остановить строительство парохода! Вы же делаете все, чтобы вызвать войну между нами и Душевным Городом! Это опасный путь, ваше величество!

Сэм шагал взад и вперед по комнате, сопровождая каждое слово взмахом большой сигары. Иоанн сидел в кресле, облокотившись о круглый стол, который стоял в центре недавно отстроенной «рулевой рубки». Джо Миллер устроился в углу на массивном табурете, сделанном специально для него. Закскромб, огромный монгол из палеолита, замер в выжидательной позе позади Иоанна.

Клеменс остановился и оперся кулаками о дубовую столешницу. Пригнувшись вперед и прикусив сигару в уголке рта, он нахмурил густые брови и сердито произнес:

— Вы уступили однажды, подписав в Раннимиде Великую хартию вольностей. Это был единственный порядочный поступок, совершенный вами за время правления,— хотя, по словам некоторых историков, вы и тогда держали пальцы скрещенными. Так вот, пришла пора еще раз раскрыть карты, ваше величество. Если вы не извинитесь перед Абдуллой, я созову экстренное заседание Совета и поставлю вопрос о вашем пребывании на посту консула!

Иоанн смотрел на него почти минуту. Его усмешка превратилась в злобную гримасу.

— Меня не пугают ваши угрозы. Однако они лишний раз доказывают, что вы скорее ввергнете страну в гражданскую войну, чем пойдете на штурм Душевного Города. Я не понимаю этого безумия, но здравомыслящему человеку всегда нелегко осмысливать неразумные поступки. Поэтому во избежание бед я принесу свои извинения. Почему бы и нет? Короля лишь возвеличивает снисходительность к черни. А слова — они и есть слова. Пустое сотрясание воздуха.

Иоанн встал и, не прощаясь, вышел. Его огромный телохранитель последовал за ним.

Через десять минут Клеменсу доложили, что Иоанн посетил хижины послов и принес гостям свои извинения. Абдулла выслушал их с угрюмым видом, но, по-видимому, ему приказали смирить свою гордость.

Перед тем как фабричные сирены возвестили окончание обеденного перерыва, в «рулевую рубку» вошел Каубер. Он сел, не дожидаясь приглашения, и Сэм удивленно поднял брови, по-

скольку такого прежде не случалось. В поведении негра произошли какие-то неуловимые перемены, и, понаблюдав за ним несколько минут, Клеменс понял, что Каубер ведет себя как раб, который решил перечеркнуть свое рабское прошлое.

Каубер уже знал, что ему предстояло отправиться послом в Душевный Город. Он сидел, широко раскинув руки на поверхности стола, и выбивал пальцами какой-то напряженный ритм. Негр говорил на эсперанто, но, подобно многим, путал глагольные времена и для пояснения вставлял множество наречий.

Его группа опроса переговорила с каждым из трех тысяч ярко выраженных негров (у них возникла небольшая путаница с определением расы некоторых представителей доисторических народов). Треть из них согласилась перебраться в Душевный Город — в обмен на тех, кого Хакинг посчитал недостойными гражданства. Эта тысяча человек по большей части состояла из негров конца двадцатого века. Остальные же черные решили остаться в Пароландо. Они заявляли, что наличие работы создает им престиж, что им нравится быть на равных с белыми и что они мечтают оказаться в команде парохода.

Сэм подумал, что последнее обстоятельство, очевидно, сыграло решающую роль. Не он один видел чудесные сны о сказочном пароходе. Грезы о корабле и долгом путешествии по Реке проникали в умы многих мужчин и женщин. Они, как драгоценные камни, освещали серые будни людей и манили их светом далекой надежды.

Делегацию Душевного Города вновь пригласили в тронный зал для переговоров. Фаербрасс пришел последним. Как оказалось, он осматривал в ангаре аэроплан. Бывший космонавт отпустил несколько шуток по поводу старомодности и медлительности их машины, но по его лицу было видно, что он завидовал фон Рихтхофену.

— Не огорчайтесь,— сказал Сэм.— Мы дадим вам возможность полетать. Конечно, при условии, что вы задержитесь у нас на какое-то время.

Фаербрасс стал серьезным.

— Итак, джентльмены, какое решение вы приняли по поводу предложений нашего правительства?

Клеменс взглянул на Иоанна, и тот кивнул, предоставляя ему право ответа. Возможно, король надеялся, что все упреки и злость делегатов будут направлены в этом случае на Сэма.

— Мы сторонники демократии,— ответил Клеменс.— И мы не можем изгонять из страны своих граждан, если только на них нет вины за совершенное преступление. Таким образом, я считаю — вернее, мы считаем,— что любой гражданин Пароландо может переселиться в Душевный Город, лишь руководствуясь собственным желанием. На прошлой встрече, я думаю, мы уже пришли к согласию по этому вопросу. Отныне представителям вашего государства разрешается вести переговоры с любым из жителей нашей страны. Что же касается ваших арабов и дравидов, то мы готовы предоставить им возможность проживания в Пароландо. Но мы сохраняем за собой право отказать им в гражданстве, если они не пожелают вносить свой вклад в развитие нашего государства. Куда они потом уйдут — это уже их дело.

— Хорошо,— сказал Фаербрасс.— Хакингу тоже не нужны люди, которые селились бы в Душевном Городе против своей воли — пусть даже они будут стопроцентными черными.

— А что вы скажете о поставках сырья? О древесине и минералах? Будут ли они прерваны во время переговоров?

— На этот вопрос я пока не могу ответить,— произнес Фаербрасс.— Сомневаюсь, что это произойдет, но последнее слово остается за Хакингом. Впрочем, вы тоже можете придержать свой груз руды и оружия до того момента, как мы поднимем цену.

— Я заметил, что вы упомянули о росте цен без тени сомнения,— сказал Сэм.

— Все мои слова требуют еще дополнительного подтверждения или отрицания со стороны Хакинга,— с улыбкой ответил Фаербрасс.

Далее они перешли к согласованию кандидатуры на пост полномочного представителя Пароландо. Клеменс известил послов об изменении хартии и сказал, что в Душевный Город отправится Каубер. Все остальные вопросы повисли в воздухе. У Сэма сложилось впечатление, что Фаербрасс не хотел ускорять ход событий. Помощник Хакинга намеренно затягивал переговоры и давил на тормоза каждый раз, когда намечался какой-нибудь прогресс. Он делал все, чтобы задержаться в Пароландо, и одной из причин такого поведения мог оказаться обычный шпионаж. Однако Сэм не упускал и другую возможность — провокацию конфликта между двумя странами.

После встречи он обсудил этот вопрос с Иоанном, и тот согласился, что Фаербрасс ведет себя как шпион. Однако экс-монарх не понимал, с какой стати послу провоцировать конфликт.

— На мой взгляд, он заинтересован в строительстве корабля не меньше вашего,— объяснял Иоанн свою точку зрения.— Как только мы построим пароход, Хакинг попытается им завладеть. Неужели вы так наивны, что верите в какие-то добрососедские отношения? О корабле мечтают все — и Хакинг, и каждый из тех, кто о нем знает. Артур решился первым, но ненависть ко мне заставила его поспешить, и попытка оказалась неудачной. Ему следовало немного подождать, объединиться с альмаками и Клеоменом, а затем нанести единый удар, бросив в бой все силы вплоть до последнего воина. Но спешка всегда приводит к поражению. Вот почему Артур и Клеомен мертвы. Вот почему их страны захватил Иэясу, которому и воевать-то даже не пришлось.

— Да, наши разведчики сообщили, что он одержал победу,— сказал Сэм.

— Объединив свое государство с Клеоменджо и Новой Бретанью, он станет очень грозным противником.

«Таким же опасным, как ты, Иоанн Безземельный,— подумал Сэм.— Из всех врагов, которые наблюдают за строительством корабля, ты самый близкий и самый подлый...»

На следующий день Фаербрасс объявил, что он и его делегация остаются в Пароландо для продолжения переговоров.

— Я рад, что вы будете поблизости,— сказал Сэм.— Но как мне известно, Душевный Город тоже имеет свою индустрию. Вы используете нашу руду для производства какого-то секретного оружия, о котором ни мы, ни соседи никак не можем дознаться.

Фаербрасс застыл с удивленным видом, а потом громко захохотал.

— Вы и полено поставите в неловкое положение! — сказал он по-английски и, смахнув с ресниц набежавшие слезы, вновь перешел на эсперанто: — Впрочем, почему бы нам не поговорить откровенно? Мне это нравится. Да, мы знаем, что вы посылаете в Душевный Город своих шпионов. И я думаю, вы наслышаны, что мы отвечаем вам тем же. А кто теперь не имеет своих наблюдателей в соседних странах? Это же норма политической жизни. Но к чему вы клоните?

— В техническом отношении вы наиболее компетентный человек Хакинга. У вас за плечами докторская степень и годы работы с самой совершенной аппаратурой. Вы могли бы отвечать за деятельность заводов и развитие промышленности. Так почему Хакинг отправил вас сюда?

— Дело в том, что я уже наладил производство, и мое постоянное присутствие в Душевном Городе в данный момент необязательно. Узнав о моем желании посетить Пароландо, Хакинг поставил меня во главе делегации. Но я здесь только потому, что сам захотел этого.

— То есть вы решили увидеть собственными глазами наши ружья, аэроплан, вездеход и паровую пушку?

Фаербрасс усмехнулся и кивнул:

— Да. А что в этом зазорного? Если их не увидел бы я, то увидел бы кто-то другой.

Сэм добродушно усмехнулся.

— Вы меня убедили,— сказал он.— Можете высматривать все, что хотите. Кроме паровой пушки, вы не найдете у нас ничего нового. Кстати, эту пушку изобрел я. Не желаете немного пройтись? Мне хочется показать вам свое детище. Оно почти завершено...

«Огненный дракон-1» все еще окружали строительные леса и помосты. Серебристо-серый вездеход напоминал по форме катер, но с каждой стороны корпуса располагалось по семь огромных металлических колес с пластмассовыми шинами. Из задней части выступали двойные винты, защищенные решетчатыми кожухами. Длина, высота и ширина машины составляли соответственно тридцать, двенадцать и десять футов. На верхней палубе возвышались три орудийные башни. Первая предназначалась для водителя, капитана и связиста — хотя на тот момент Пароландо еще не имело средств радиосвязи. Центральная башня превосходила две другие по высоте, и из нее торчал толстый короткий ствол паровой пушки. В задней башне предполагалось разместить стрелков, вооруженных ружьями «Марк-1».

— Мы оснастили вездеход паровым котлом,— рассказывал Сэм.— А в качестве топлива планируем использовать древесный спирт. Давайте пройдем внутрь через этот боковой люк. Обратите внимание, что котел занимает около трети башни. Это не случайно, и чуть позже вы поймете нашу идею.

Они поднялись по трапу в кабину стрелка, которую освещала небольшая лампочка. Увидев ее, Фаербрасс издал удивленное восклицание. И немудрено — это была единственная электрическая лампа во всей речной долине. Сэм объяснил, что она питается от масляного аккумулятора.

— А вот и наша скорострельная паровая пушка,— сказал он.

Клеменс указал на цилиндр, выступавший из серой переборки башни. Широкий ствол заканчивался оружейным прикладом, на котором располагалась гашетка. Фаербрасс потянулся к ней, положил палец на спусковой крючок и взглянул в отверстие прицела, потом несколько раз поднял и опустил ствол.

— Здесь мы установим кресло для стрелка,— сказал Сэм.— Нажимая на те или иные педали, он сможет вращать башню в какую угодно сторону. Ствол можно поднимать и опускать примерно на двадцать градусов. Пластиковые пули восьмидесятого калибра выстреливаются из ствола с помощью пара, который под высоким давлением поступает из котла. Оружие имеет открытую казенную часть, то есть при нажатии на курок пуля в стволе отсутствует. Нажатие курка освобождает стопор, и тот, в свою очередь, позволяет затвору казенной части двигаться вперед под воздействием пружины. Во время своего поступательного движения затвор выдвигает пластиковую пулю из обоймы и доставляет ее в патронник. Но в самый последний момент его боковые выступы входят в эти прорези на казенной части и поворачивают затвор на сорок пять градусов вправо, тем самым закрывая патронник. Вам понятно, о чем я говорю?

Фаербрасс кивнул.

— Отлично. Как только поворот заканчивается, впускной канал в головке затвора выходит на одну линию с паровым патрубком из котла. Таким образом в камеру патронника под большим давлением подается пар, разогретый примерно до четырехсот градусов по Фаренгейту. Пластиковая пуля выстреливается из ствола. В то же самое время пар, воздействуя на заднюю часть камеры, заставляет затвор двигаться назад. Из-за большого веса тот остается на месте, пока пуля находится в жерле пушки.

При возвратном движении затвора его выступы вновь входят в прорези и разворачивают головку на четверть влево, перекрывая тем самым доступ пара. Потом затвор патронника возвращается в исходное положение, и, если курок все еще нажат, операция повторяется неограниченное количество раз.

— Я впечатлен,— признался Фаербрасс.— Но не будет ли оружие действовать более эффективно, если вы доведете температуру ствола до температуры пара? Таким образом, вы не будете растрачивать энергию на разогрев ствола и, следовательно, увеличите ускорение пули. Теперь я понимаю назначение пустотелого кожуха вокруг жерла пушки! Вы подаете через него пар, верно?

— Да. Для изоляции мы используем гипс, а дальше идет деревянный кожух. Видите этот подающий клапан? Он предназначен для предварительного прогрева ствола, и без него оружие при стрельбе может заклинить. Эта пушка будет применяться только в режиме автоматической очереди, поскольку при единичных выстрелах она неэффективна. Вы и сами понимаете, что при относительно небольшой скорости и легком весе пластиковой пули ни о какой точности выстрела говорить здесь не приходится.

Вопреки ожиданиям Сэма Фаербрасс не был подавлен тем военным превосходством, которое Пароландо получало с внедрением танка-амфибии. Очевидно, он планировал сделать такую же машину. В ответ на создание одного вездехода противника он мог построить два. И тогда Пароландо придется вводить в строй три амфибии.

Тем не менее Душевный Город мог лишь догонять, но не обгонять Пароландо. Если бы Клеменс сократил поставки руды, Хакинг и Фаербрасс вообще бы остались с пустыми руками. Но в таком случае они прекратили бы продавать бокситы, криолит, платину и иридий.

Радостное возбуждение, охватившее Сэма при демонстрации его изобретения, улетучилось как дым. Он понял, что Хакинг действительно может начать гонку вооружений. И тогда единственным выходом будет разгром Душевного Города — разгром и последующая аннексия всех месторождений. Однако это означало отсрочку строительства парохода. Это подразумевало оккупацию Публиджо и Тайфанджо, которые находились между Пароландо и Душевным Городом. А вдруг все три страны объединятся друг с другом и нанесут удар, используя то оружие, которое Пароландо отдало им в обмен на древесину?

Сэм решил, что такая возможность сравнительно невелика. Более явная опасность приближалась с другой стороны. Завершив завоевание соседних стран, Иэясу направил в Пароландо своих послов. Он не выставлял требований, которые могли бы показаться чрезмерными. Наоборот, они в какой-то мере были даже выгодны Клеменсу. Иэясу сообщил о том, что его страна уже потеряла много деревьев и что ему хотелось бы дать своим рощам немного подрасти. Тем не менее он обещал в обмен на оружие огромное количество древесины и человеческих экскре-

ментов, необходимых для производства пороха. Для этой цели Иэясу собирался захватить несколько стран на другом берегу Реки.

Суть предложения сводилась к тому, что Пароландо должно было платить за материалы, награбленные на соседних территориях. Иэясу обещал поставлять древесину по дешевой цене. Кроме того, он брал всю грязную работу на себя. Сэм Клеменс согласился, заранее зная о том, что отныне угрызения совести лишат его сна. В свою очередь, Иоанн посчитал это предложение просто превосходным.

— Наши заводы будут работать на всю мощь,— мечтал он вслух.— Мы увеличим экспорт оружия и построим флот из «Огненных драконов». Пройдет какое-то время, и эти машины сомнут под своими колесами те мечи и копья, которые мы дадим оборзевшему японцу!

— А когда же мы будем строить пароход? — спросил Сэм.

Никто не дал ему ответа, но на следующий день ван Бум, Велицкая и О'Брайен принесли ему первые рабочие чертежи. Они были выполнены на белых пластиковых листах особым «карандашом», который подсоединялся к масляному аккумулятору. Магнитное поле на кончике карандаша производило поляризацию мелких частиц. На листе возникала линия, которую могло убрать лишь обратное поле. Таким образом, чертежи отвечали двум основным требованиям — прочности при длительной эксплуатации и возможности вносить исправления.

Фаербрасс предложил свою помощь в строительстве корабля. Несмотря на возражения Иоанна, их гостю разрешили присоединиться к разработке проекта. Сэм заявил, что чем больше будет задействовано инженеров, тем быстрее пойдет работа. И он не видел, каким образом информация, почерпнутая Фаербрассом, позволит тому похитить судно. Сэм не стал делиться с Иоанном своими мыслями, но у него появилась идея насчет Фаербрасса. Он хотел увлечь инженера строительством большого корабля, а затем, как бы невзначай, поговорить с ним об отдельной каюте на пароходе.

Станки для изготовления корабельной обшивки находились на стадии завершения. Дамбу закончили неделю назад, и горный поток наполнил водохранилище до краев. На роторы генераторов наматывалась алюминиевая проволока. Шли работы по установке турбин. Не позже этого месяца инженеры обещали запустить в действие пробный образец батацитора.

Через несколько дней у границы Пароландо собралось около пятисот миссионеров Церкви Второго Шанса. Они просили убежища и крова. Иэясу изгнал их из своего нового государства и пригрозил им ужасными пытками на тот случай, если они попытаются просочиться обратно. Сэм в это время находился на вершине дамбы и ничего не знал о той драме, которая разворачивалась внизу.

Иоанн приказал миссионерам немедленно покинуть территорию Пароландо, но шансеры отказались уйти. Услышав об этом, Иоанн Безземельный мрачно усмехнулся, дернул себя за волосы цвета львиной шкуры и произнес:

— Здесь я хозяин! Клянусь зубом Бога!

Сэм наблюдал за минированием дамбы. Внутри полых стен он решил поместить несколько тонн динамита — на тот случай, если врагу удастся захватить страну. Эта хитрость во многом напоминала самоубийство, но на карте стоял пароход, и Клеменс не желал дарить его какому-то дяде.

Фон Рихтхофен, запыхавшись от бега по холмам, рассказал ему о появлении шансеров и об их отказе покинуть территорию Пароландо. Однако он и сам тогда еще не знал о замыслах Иоанна.

Сэм попросил передать миссионерам, что он навестит их вечером. Пока же им следовало оставаться около питающего камня, вокруг которого они расположились лагерем. На какой-то миг Клеменсу захотелось прогнать несчастных шансеров и приказать солдатам вытолкать их взашей за границу Пароландо. Ему было жарко. Он вспотел, наглотался цементной пыли, и в эту минуту мысль о сюсюкающих ханжах наполнила его раздражением. Мир Реки не имел ни мух, ни москитов, но природа не терпит пустоты — вот почему здесь появились шансеры.

Грохот и визг огромных ступ, в которых размешивался бетон, крики людей и скрежет лопат о гравий, дребезжание железных тачек и вой лебедок — все это заглушило звуки выстрелов. Сэм узнал о происшедшем насилии только после того, как фон Рихтхофен вновь прибежал на дамбу.

У Клеменса подкосились ноги, и, поскользнувшись, он едва не упал в лужу. Иоанн опробовал новое оружие на шансерах. Сотня стрелков с кремневыми ружьями за три минуты перебила около пятисот мужчин и женщин. Иоанн самолично сделал де-

сять выстрелов и последние пять пуль использовал для того, чтобы прикончить раненых.

В живых оставили только тридцать наиболее красивых женщин. Иоанн забрал их к себе во дворец.

Спустившись с холма, Сэм увидел большую толпу, которая собралась вокруг питающего камня. Он отправил Лотара вперед, чтобы тот расчистил дорогу. Люди расступились перед ними, как Красное море перед Моисеем. Но море красной крови ожидало Клеменса впереди. Он замер на месте при виде кучи трупов, оторванных рук и ног и торчавших костей, размозженных пулями крупного калибра. За девяносто семь лет жизни Сэм так и не привык к безмолвию мертвых. Оно нависло над ним и над толпой, как знобящее невидимое облако. Открытые рты, из которых больше не вырвется ни слова; выпученные невидящие глаза...

Он понимал, что завтра эти люди, живые и здоровые, восстанут из мертвых где-то на берегах Реки. Однако мысль о воскрешении не помогала. Все разумные доводы отступали прочь перед ужасом такой нелепой смерти.

Иоанн отдавал приказы о переносе тел на перерабатывающую фабрику. Увидев Сэма, он усмехнулся и отвел глаза, как нашкодивший мальчишка.

— Это же просто бойня! — закричал Сэм.— Резня! Неоправданная и непростительная жестокость! Зачем вы сделали это — вы, кровожадная и смертоносная тварь! Неужели это все, на что вы способны? Бешеный пес! Свинья! Свинья! Свинья!

Иоанн перестал улыбаться и отступил назад, когда Сэм, сжав кулаки, двинулся на него. Огромный Закскромб, помахивая большой дубиной со стальными шипами, шагнул навстречу Сэму.

— А ну назад! — закричал Лотар фон Рихтхофен.— Оставайтесь на своих местах, или я позову Джо Миллера! Любой, кто сделает хоть один шаг к Сэму, тут же получит пулю в лоб.

Клеменс оглянулся. Лотар держал в руках ружье, направляя ствол на Иоанна. Смуглое лицо экс-монарха побледнело; глаза расширились от испуга.

Позднее Сэм пожалел, что в ту минуту он не приказал Лотару выстрелить в Иоанна. Короля окружала сотня стрелков, но они не посмели бы открыть огонь, если бы их хозяина убили первым. Вокруг стояла толпа вооруженных мужчин и женщин. Многие из них не любили Иоанна, и почти все они были шокированы

убийством ни в чем не повинных людей. Толпа удержала бы стрелков. И даже если бы приспешники Иоанна открыли стрельбу, Сэм мог бы упасть на землю и переждать первый залп. А потом обязательно бы что-нибудь случилось.

Впрочем, что толку фантазировать. Он не отдал такого приказа. Тем не менее Клеменс вел себя довольно решительно. Если бы он позволил Иоанну уйти, народ перестал бы его уважать. Сэм лишился бы не только хорошей репутации, но и звания консула. Да что там какое-то звание? Он потерял бы свой сказочный пароход!

Изредка поглядывая на Иоанна, Клеменс осмотрел толпу и увидел бледное лицо Ливи. Она зажимала рот обеими руками, словно ее мутило. Рядом, на краю образовавшегося круга, стоял Сирано де Бержерак с неизменной рапирой в руке.

— Капитан де Бержерак! — окликнул его Сэм Клеменс.— Арестуйте консула!

Иоанн держал в одной руке ружье, но он не стал сопротивляться.

— Я выражаю свой протест,— спокойно произнес бывший король Англии.— Эти люди не повиновались моему приказу. Я вновь и вновь предлагал им покинуть территорию суверенного государства, однако они и слушать меня не хотели. Мне просто не оставалось ничего другого, как открыть по ним огонь. Хотя какая разница? Завтра они снова будут живы и здоровы.

Подойдя к Иоанну, Сирано остановился, отсалютовал длинной рапирой и сказал:

— Ваше оружие, сир.

Закскромб зарычал и замахнулся своей утыканной шипами дубиной.

— Не надо, Зак,— крикнул Иоанн Безземельный.— В соответствии с хартией один консул может арестовать другого, если тот, по его мнению, совершил противозаконный поступок. К тому же я верю, что маэстро Клеменс вскоре поймет свою ошибку и выпустит меня из-под ареста.

Он передал Сирано свое ружье, затем расстегнул пояс и бросил его на землю. В ножнах находились длинный нож и короткий меч.

— Я возвращаюсь в мой дворец, где буду ждать вердикта Совета,— сказал он, обращаясь к Сэму.— По закону вы должны со-

браться в течение часа после моего ареста и ровно через два часа сообщить мне свое решение. Единственным оправданием для задержки сроков может считаться лишь национальное бедствие.

Он ушел под конвоем Сирано де Бержерака. Люди Иоанна какое-то время стояли в нерешительности, а затем, повинуясь команде Закскромба, поспешили за своим предводителем. Сэм с удивлением смотрел им вслед. Он ожидал сопротивления и жестокой схватки. Но Иоанн, очевидно, понимал, что Клеменс не мог поступить по-другому — иначе он просто потерял бы свое лицо. Иоанн знал, что Сэм попытается избежать решения, создающего угрозу гражданской войны,— слишком уж сильно он дорожил пароходом.

Да, экс-монарх подчинился. Он не хотел разжигать вражду — по крайней мере не сейчас. На какое-то время Иоанн утолил свою жажду крови. Он не сомневался, что члены Совета признают его действия законными. Конечно, расстрел шансеров не вязался с гуманностью и моралью. Но мораль — вещь тонкая и неуловимая. Сторонники Иоанна оспорят этот вопрос. Они скажут, что мертвые оживут снова и очередная смерть пойдет им только на пользу. А вот последователи Церкви Второго Шанса получат хороший урок. Они надолго забудут дорогу в Пароландо. Члены Совета напомнят Клеменсу, что этого желали многие. Если шансеры будут продолжать свою деятельность, построить пароход не удастся никогда. Более того, соседние государства, не подточенные пацифистской философией, со временем нападут на Пароландо и захватят страну.

Сэм, конечно же, станет спорить.. Он скажет сторонникам Иоанна, что в таком случае надо признать законным любое уничтожение людей. Если продолжать их мысль, то лучшим средством избавления от ран и боли является убийство больных. А значит, и изнасилование не содержит состава преступления, если пострадавшую женщину тут же предали смерти. Зачем же оставлять бедняжку больной или беременной, правда? После нового воскрешения она проснется целой и невредимой — так что нечего ломать голову о каком-то моральном ущербе. Она пожует мечтательную резинку, и все пройдет.

Нет, будет говорить им Клеменс. Это вопрос не об убийстве, а о правах. Подобная смерть означала насильственное перемещение в такие места, откуда человек при желании мог бы вернуться только через тысячу лет. Таким образом его лишали друзей, любви и крова. Насилие всегда останется насилием, и оно всегда...

О-хо-хо! К чему эти фантазии? Нужно действовать, а не мечтать!

— Сэм! — раздался знакомый голос.

Клеменс медленно повернулся и поднял голову. Ливи по-прежнему была бледна, но ей уже удалось овладеть собой.

— Сэм! А что же будет с женщинами, которых он увел в свой дворец?

— О боже! Как я мог о них забыть? — громко воскликнул он.— Лотар, за мной!

Увидев десятифутовую фигуру Джо Миллера, Клеменс замахал рукой, и титантроп вразвалку поспешил навстречу. По приказу фон Рихтхофена сотня только что прибывших лучников последовала за ними к бревенчатому дворцу Иоанна.

Приблизившись к высокой ограде, Сэм замедлил шаг. Его тревожило недоброе предчувствие. Иоанн должен был понимать, что если его соправитель и забыл о похищенных женщинах, то вскоре он о них обязательно вспомнит. Зная, что закон не докажет его вины, экс-монарх согласился предстать перед судом Совета. Но если Сэм попытается отнять у него женщин силой, терпению Иоанна придет конец. В ярости он может потерять остатки разума, и тогда гражданская война станет неизбежной.

Глава 22

Клеменс увидел около тридцати женщин, которые вышли из открытых ворот. Он понял, что Иоанн решил исправить свою ошибку. Задерживая миссионерок, экс-монарх рисковал быть обвиненным в похищении. А в этом вывернутом наизнанку мире похищение считалось еще более тяжким преступлением, чем убийство. Однако если женщинам не причинили вреда, Иоанн без труда мог опротестовать любое обвинение.

Внезапно Сэму показалось, что его сердце разорвется от ярости. Среди женщин он увидел Гвенафру.

Выкрикнув имя девушки, Лотар бросился к ней навстречу. Она побежала к нему, протягивая руки, и они заключили друг друга в объятия.

После минуты слез, поцелуев и трепетных взглядов она отошла от немца и приблизилась к Клеменсу. Сэм проклял себя за

глупость и слюнявую нерешительность. Если бы он показал Гвенафре, что желает ее, когда она буквально предлагала ему себя, они могли бы сейчас наслаждаться друг другом и ей не пришлось бы обращать свой взор на распутного фон Рихтхофена. И почему он тогда не взял ее в свой дом? Почему он до сих пор надеялся на то, что Ливи бросит Сирано и вернется к нему? Но ведь это правда, черт возьми! Если он возьмет другую женщину, Ливи обидится и навсегда отвернется от него!

В его рассуждениях не было никакой логики. Но что бы там ни говорили философы, люди использовали логику только для того, чтобы оправдывать свои эмоции.

Гвенафра поцеловала Сэма, и несколько ее слезинок упало на его обнаженную грудь. Потом она вернулась к Лотару, а Клеменс остался с проблемой, по-прежнему не зная, что ему делать с королем Иоанном. В сопровождении Джо Миллера он вошел в ворота дворца. Минутой позже к нему присоединился фон Рихтхофен. Он ругался по-немецки и шептал что-то похожее на «Я его убью!».

Сэм остановился.

— Вам лучше уйти, мой друг! Я тоже схожу с ума от злости, но, по крайней мере, могу держать себя в руках. Мы теперь в логове льва, и если вы попытаетесь напасть на него, он убьет вас под предлогом вынужденной самообороны. Иоанн любит такие фокусы. На самом деле он мог похитить Гвенафру только для того, чтобы спровоцировать нас на необдуманные поступки.

— Если я уйду, вы останетесь здесь только с Джо! — воскликнул Лотар.

— Когда речь идет о Джо, слово «только» приобретает совершенно иной смысл,— ответил Сэм.— Кроме того, обнимаясь с Гвенафрой, вы, вероятно, не услышали моего приказа. Если я не вернусь через пятнадцать минут, армия Пароландо начнет штурм дворца и убьет каждого, кто будет здесь находиться.

Фон Рихтхофен с удивлением взглянул на Клеменса:

— А вы, оказывается, можете быть злым!

— С каждой новой проблемой и отсрочкой в строительстве парохода я становлюсь все более гадким и подлым! — ответил Сэм.

Он боялся признаться себе, что его гнев вызван не столько поведением Иоанна, сколько отношениями Лотара и Гвенафры. Клеменс по привычке направил ярость на старого врага, и если бы чувства действительно отвечали таким понятиям, как «жар»

или «накал», Иоанн давно бы уже сморщился и покрылся трещинами. Впрочем, так оно и должно было бы случиться, если бы в мире существовала какая-то справедливость.

Клеменс вошел в большое здание, огороженное частоколом из сосновых бревен. Акула, один из телохранителей Иоанна, попытался преградить ему дорогу, однако Сэм и не подумал замедлить шаг. За его спиной раздался приглушенный рык. Увидев огромную волосатую фигуру, громила прошептал проклятие и отступил в сторону. Но он немного промедлил, в результате чего огромное бедро, покрытое рыжеватыми волосами, смело с пути массивного мужчину весом в двести тридцать фунтов, словно легкое перышко.

— Когда-нибудь я тебя убью! — прошипел Акула по-английски.

Голова Джо, как башня боевого корабля, медленно повернулась в его сторону, и ствол огромного носа нацелился в лицо-плоскодонку телохранителя:

— Да? Где же ты наберешь столько людей?

— Я смотрю, Джо, ты за словом в карман не лезешь,— шепнул Сэм.— Видно, сказывается мое влияние.

— Большинство из этих людей считают меня тупым,— ответил Джо.— Но они ошибаются.

— Ты, безусловно, прав, дружище.

Ярость Клеменса остыла и стала тускло-красной. Он понимал, что даже присутствие Джо Миллера не гарантировало его безопасности. Тем не менее Сэм надеялся, что Иоанн не будет доводить конфликт до крайности. Ему ведь тоже был нужен пароход.

Иоанн сидел за круглым дубовым столом в компании дюжины своих головорезов. Позади него стоял гигант Закскромб. Все держали в руках глиняные пивные кружки. В комнате пахло табаком и спиртным. Из-за высокого частокола солнечные лучи не попадали в окна, поэтому в помещении чадили несколько сосновых факелов. Глаза Иоанна покраснели — то ли от дыма, то ли от выпитого виски.

Сэм остановился, достал сигару из маленькой сумки, висевшей на поясе, и закурил. Рука дрожала, очень сильно дрожала. Это рассердило Клеменса и еще больше усилило его гнев.

— Что же вы так, ваше величество? — произнес он.— Разве вам не хватало тех женщин, которых вы захватили для гнусных

оргий? Похитив Гвенафру, вы затянули петлю на своей шее. Причем я говорю отнюдь не фигурально! Гвенафра — гражданка нашего государства! И вам уже не оправдаться крестовым походом на Церковь Второго Шанса!

Иоанн допил виски, опустил кружку на стол и мягко сказал:

— Я увел этих женщин во дворец ради их собственной безопасности. Если бы вы только знали, как свирепо была настроена к ним толпа! Люди хотели растерзать всех миссионеров. И мне вполне понятен их гнев. Гвенафру взяли вместе с шансерами по ошибке. Я уже установил виновного в этом и наказал его.

— Иоанн, за эту выходку я мог бы выдворить из страны всех ваших головорезов,— сказал Сэм.— И думаю, народ одобрил бы подобный шаг. Но я хочу добраться до вас, потому что именно вы и есть тот самый дьявол, корень зла и величайший подлец всех прошлых и будущих времен. Если наглость является качеством лжеца, то ваши собратья по духу в сравнении с вами милы, как Санта-Клаус!

Лицо Иоанна покраснело. Закскромб усмехнулся и поднял дубину на уровень груди. Джо предупреждающе зарычал. Экс-монарх устало вздохнул и улыбнулся Сэму:

— Эта небольшая кровь расстроила вас, мой друг. Но я верю, что вы оправитесь. Ваши эмоции не могут опровергнуть истины моих слов. Вы просто немного переоценили свои возможности. Кстати, вам следовало бы поторопиться и созвать Совет. Закон нашей страны требует, чтобы вы сделали это в установленные сроки.

Самое ужасное, что Иоанн мог вывернуться. Все, включая и его сподвижников, знали, что он лгал. Но тут приходилось либо молчать, либо начинать гражданскую войну. А в случае войны на их страну набросились бы Иэясу и Хакинг и все эти предполагаемые нейтралы типа Публия Красса, Черненого, Тай-Фана и дикарей с другого берега Реки.

Сэм отшвырнул сигару и зашагал прочь. Через два часа его ожидания подтвердились. Члены Совета вынесли Иоанну официальное порицание за поспешность и неправильную оценку ситуации. Впредь в подобных случаях ему вменялось в обязанность советоваться с соконсулом.

Иоанн, наверное, хохотал до слез, когда ему доложили о вердикте Совета. И он, скорее всего, потребовал новых напитков, марихуаны и женщин для хорошей пирушки.

Однако победа экс-монарха имела горький привкус. Все в Пароландо знали, что Сэм Клеменс выступил против Иоанна, вошел к нему во дворец с одним телохранителем и, освободив женщин, прилюдно оскорбил его. Триумфатор знал, что стоит на глиняных ногах.

Сэм предложил Совету изгнать из Пароландо всех миссионеров и тем самым предотвратить повторение подобных убийств. Однако несколько советников выступили против. По их мнению, такое решение противоречило закону и требовало изменения хартии. Кроме того, они утверждали, что после их предупреждения Иоанн наверняка оставит Церковь Второго Шанса в покое.

Они прекрасно понимали, что Сэм пытался воспользоваться ситуацией и выдворить шансеров из страны. Но в Совете хватало тупоголовых упрямцев. Скорее всего, их обозлило собственное бессилие против Иоанна, и они старались теперь отыграться на Клеменсе.

Сэм готов был поспорить, что уцелевшие в бойне миссионеры сами убегут из Пароландо. Однако те, к его огромному удивлению, пожелали остаться. Массовое убийство убедило их, что эта страна нуждается в проповеди милосердия. Геринг начал строить для собратьев по вере несколько больших хижин, но Сэм предупредил его, что не потерпит растрат древесины. Она обходилась Пароландо дорого, и Клеменс не желал дарить ее бездельникам и болтунам. Геринг передал ему, что в таком случае он и остальные последователи Церкви Второго Шанса выйдут из своих жилищ и будут спать под питающими камнями. Сэм с проклятием выпустил дым в лицо посыльного и посетовал на то, что в мире Реки не хватало такой ценной штуки, как воспаление легких. После этого Клеменс почувствовал стыд, но не смягчился. Сэм не желал гасить свои печи и горны из-за каких-то фанатиков, которых он, между прочим, и видеть-то не хотел в Пароландо.

Все эти трения по поводу шансеров расстроили Клеменса до предела, но вечером того же дня он получил два сообщения, от которых у него подкосились ноги. Первое гласило о том, что на обратном пути в Пароландо при невыясненных обстоятельствах с корабля исчез Одиссей. Он исчез из своей каюты, и никто не мог понять, как это произошло. Второе сообщение касалось Уильяма Гревела — человека, который шпионил за Иоанном. Его труп с разбитым черепом нашли у подножия горы. Каким-то образом

экс-монарх выследил и казнил отставного торговца шерстью. И теперь Иоанн мог хохотать, потому что Сэм снова не имел никаких доказательств. Он даже не мог признать, что Гревел работал на него.

Клеменс вызвал фон Рихтхофена, де Бержерака и других, кого он считал своими сторонниками. Хотя в его отношениях с де Бержераком существовала определенная напряженность, тот предпочитал Клеменса Иоанну и не раз вступал с бывшим королем в яростные перебранки.

— Возможно, исчезновение Одиссея является только случайным совпадением,— сказал Сэм.— Но после смерти Гревела я начинаю полагать, что Иоанн мстит мне через моих друзей. Очевидно, он планирует уничтожить каждого из вас, создавая видимость случайной смерти. Иоанн ловок и хитер. На какое-то время он затаится и примет вид невинного ягненка. И нам вряд ли удастся обвинить его в совершенных преступлениях. Уже сейчас гибель Одиссея подается как необъяснимое исчезновение, и я уверен, что наше расследование будет напрасной тратой сил. С Гревелом дело обстоит и того хуже — вы сами знаете, какую миссию он выполнял. Если я начну обвинять Иоанна в его смерти, мне придется признаться в нарушении закона, и мои слова принесут выгоду только нашему врагу. Поэтому я прошу вас об осторожности. Избегайте ситуаций, где могут произойти несчастные случаи. И будьте начеку, оставаясь одни.

— Morbleu! — вскричал де Бержерак.— Если бы не ваш нелепый закон, запрещающий дуэли, я вызвал бы Иоанна на поединок и одним росчерком рапиры подписал ему смертный приговор. Откровенно говоря, синьоро Клеменс, мне ваша хартия нравится все меньше и меньше!

— Я родился в стране, где дуэли считались обычным явлением,— ответил Сэм.— Тем не менее меня тошнит от подобных методов решения спора. Если бы вы видели, к каким трагедиям... Впрочем, не будем вспоминать о прошлом. Вы наверняка их видели. И они, скорее всего, не произвели на вас глубокого впечатления. В любом случае вы заблуждаетесь, считая Иоанна благородным дворянином. Он не дал бы вам прожить и минуты, если бы опасался встретиться с вами на дуэли. Нет, мой друг! Вы исчезли бы из своей хижины при невыясненных обстоятельствах или погибли под случайно упавшим грузом — можете в этом не сомневаться.

— А почему Иоанн не может погибнуть под упавшим грузом? — спросил Джо Миллер.

— Ты не принимаешь в расчет живой заслон — его телохранителей,— ответил Сэм.— Если Иоанн и погибнет при каком-то инциденте, то это будет настоящий, стопроцентный несчастный случай!

Он отпустил гостей, за исключением де Бержерака и Джо, который после болезни не отходил от него ни на шаг. Миллер чувствовал надвигавшуюся беду и оставлял Сэма одного только в тех случаях, когда тот сам просил об этом.

— Незнакомец сказал, что для штурма Туманной Башни он выбрал двенадцать человек,— произнес Клеменс.— Джо, вы, Ричард Фрэнсис Бёртон, Одиссей и я — это пятеро. И никто из нас не знает, где находятся остальные семь избранников. Одиссей исчез, и вряд ли мы увидимся с ним еще раз. А Незнакомец полагал, что все двенадцать соберутся на борту парохода во время путешествия по Реке. Но если Одиссей воскрес где-то на юге, он не успеет вернуться сюда до начала плавания. Я боюсь, что мы потеряли его окончательно.

Пожав плечами, Сирано почесал свой длинный нос.

— Зачем изводить себя сомнениями и тревогами? Или у вас просто такая натура? Пока нам известно, что Одиссей исчез. Я повторяю: исчез, а не умер! Он мог войти в контакт со своим этиком, который, по словам Одиссея, являлся женщиной. Скорее всего, она не имеет ничего общего с тем существом, которое встречали мы с вами. О, mordioux! Простите меня за отвлеченную болтовню! Итак, как я уже говорил, Одиссея могла отозвать его таинственная хозяйка. Возможно, мы когда-нибудь узнаем, что там у них произошло. Но это уже заботы нашего призрачного ангела. Вам же следует сосредоточиться на строительстве сказочного корабля. А я буду нанизывать на шпагу тех, кто попытается нам помешать.

— В этом езть змызл,— произнес Джо.— Езли бы Зэм терял по волозку каждый раз, когда он безпокоитзя, его голова походила бы на колено. Зэм, ты должен переложить звои заботы на наши плечи...

— Истина глаголет устами младенцев... и бесхвостых обезьян,— ответил Клеменс.— Я что-то перепутал? В любом случае, если все пойдет хорошо, через месяц мы начнем сварку корпуса! А значит, вскоре наш пароход отправится в дальнее плава-

ние! И это будет самый счастливый день в моей жизни! Даже когда Ливи скажет мне «да», я вряд ли испытаю большее счастье...

Он мог остановиться и раньше, но ему хотелось подразнить Сирано. Однако француз никак на это не реагировал. Да и зачем ему было обижаться? Ливи любила его; она говорила ему «да» в любое время.

— Нам придется пролить немало крови,— задумчиво произнес Сирано.— Хотя меня, мирного и добродушного человека, тоже мутит от такой перспективы. Мне хотелось бы иметь досуг, чтобы наслаждаться любовью и общением с друзьями. Мне хотелось бы положить конец войне! Или, если без кровопролития не обойтись, пусть в нем участвуют благородные люди, которым известно, как держать в руках мечи и шпаги. К сожалению, нам не удастся построить корабль без помех, потому что те, у кого нет железа, не остановятся ни перед чем, пока его не получат. Иоанн Безземельный прав в одном. Как только мы накопим оружие, нам надо начать тотальную войну и очистить оба берега Реки от любой оппозиции. Пусть будет только одна страна, страна Пароландо — на тридцать миль в оба конца. И тогда мы получим неограниченный доступ к бокситам, платине и древесине...

— Но если вы уничтожите население соседних стран, через день все эти земли будут снова заполнены людьми,— возразил Сэм.— Вы же знаете, как происходит воскрешение. Вспомните, с какой быстротой были заселены оба берега после падения метеорита.

Сирано поднял вверх длинный и грязный палец. У Сэма мелькнула мысль, что Ливи проиграла свою битву за чистоту этого неряхи.

— Минутку! — воскликнул француз.— Вы забываете, что какое-то время новое население останется неорганизованным. Мы будем здесь бесспорными лидерами и сделаем из этих людей добропорядочных граждан большого и мощного Пароландо. Их можно даже допустить к участию в жеребьевке, которая позволит некоторым новичкам попасть в команду корабля. Я уверен, что при таком развитии событий мы построим ваш пароход гораздо быстрее.

«Может быть, мне назначить тебя командующим этой армией? — подумал Клеменс.— И вновь начнется история Давида, Вирсавии и Урии. Но у нового Давида может не оказаться совести, и свершенные им злодеяния никогда не нарушат его снов».

— Позвольте с вами не согласиться,— сказал Сэм.— Граждане Пароландо будут сражаться как черти, чтобы защитить себя и страну. Каждому из них хочется попасть на пароход, и ради этого они не пожалеют последней капли крови. Но наш народ не согласится участвовать в завоевании других земель — особенно после того, как люди узнают, что мы планируем допустить новых граждан к лотерее. Это не только уменьшит их собственные шансы! Это, помимо прочего, еще и аморально!

Де Бержерак встал, и его рука легла на эфес рапиры.

— Возможно, вы правы, сударь. Однако в тот день, когда вы пошли на сговор с Иоанном и убили Эрика, ваш корабль окрасился кровью измены. Я не собираюсь упрекать вас, Сэм Клеменс. Вероятно, в тот момент вы не имели другого выбора. Вам просто хотелось построить пароход, и уместной казалась любая жертва. Но нельзя начинать с предательства, а затем укорять других за подобные поступки. Это, помимо прочего, еще и аморально! Спокойной ночи, мой друг.

Он поклонился и ушел. Клеменс, нахмурившись, запыхтел сигарой.

— Я ненавижу этого человека! — воскликнул Сэм через несколько минут.— Он всегда говорит мне правду!

Джо встал, и пол заскрипел под тяжестью его восьмисот фунтов.

— Я пойду зпать. У меня болит голова. Взе ваши зпоры действуют мне на нервы. Это ведь так прозто, Зэм,— либо ты что-то делай, либо не делай.

— Будь мои мозги в районе ягодиц, я зказал бы то же самое! — огрызнулся Сэм.— Знаешь, Джо, я тебя люблю. Ты просто прекрасен! И наш мир действительно не такой уж сложный. Проблемы скапливаются в голове, давят на глаза, и поэтому ты засыпаешь! Но мне кажется...

— Зпокойной ночи, Зэм! — сказал Джо и ушел в «техас».

Сэм убедился, что дверь закрыта на засов. Снаружи маячили фигуры часовых, которых он расставил вокруг здания. Клеменс мрачно покачал головой и пошел спать.

Ему снился сон про Эрика, который бегал за ним по палубам и старался загнать его в темный трюм парохода. Сэм закричал и проснулся от собственного крика. Над ним склонилась фигура Джо. Гигант осторожно потряхивал его за плечо и просил успокоиться. По крыше глухо барабанил дождь; где-то вдали на склонах гор гремели раскаты грома.

Немного посидев с Сэмом, Джо сделал кофе. Он бросил в холодную воду полную ложку сухих кристаллов, и те за три секунды разогрели напиток. Друзья посасывали кофе. Сэм курил сигару, вспоминая вслух о тех днях, когда они путешествовали вниз по Реке с Кровавым Топором и его храбрыми викингами.

— Хорошие были времена,— со вздохом сказал Джо.— Не то что зейчаз. Здезь злишком много работы и злишком много людей, которые хотят зодрать з наз шкуру. А еще, как назло, твоя женщина появилазь з этим нозатым Зирано.

Сэм тихо засмеялся и сказал:

— Это первая хорошая шутка за последние дни. Спасибо тебе, Джо. Носатый! Вот уж, ей-богу!

— Иногда мой юмор бывает злишком тонким даже для такого озтряка, как ты,— обиженно произнес Джо.

Он встал из-за стола и направился в свою спальню.

Сэм проспал до позднего утра. Он всегда любил понежиться в постели — даже после полноценного сна. Теперь ему все чаще доводилось спать по ночам не более пяти часов, хотя иногда он прихватывал послеобеденное время отдыха. Каждый раз находился какой-то вопрос, над которым приходилось ломать голову. Каждый раз кто-то подсовывал ему спорную проблему, от которой земля уходила из-под ног. Его главные инженеры спорили друг с другом по любому поводу, и только от одного этого Сэм едва не сходил с ума. Прежде он считал труд инженера довольно банальным делом — перед вами ставят некую задачу, и ее следует решить наилучшим образом. Так нет же! Ван Бум, Велицкая и О'Брайен, казалось, жили в разных мирах. Чтобы уберечь себя от приступов раздражения и бесполезной траты времени, Клеменс назначил своим заместителем ван Бума. Сэма перестали беспокоить по пустякам, но нашлось потрясающее число вопросов, когда по-прежнему требовалось его авторитетное вмешательство. Впрочем, в большинстве случаев это трио инженеров могло бы обойтись и без него.

Тем временем Иэясу захватил не только область бушменов и готтентотов, которая располагалась напротив его владений по другую сторону Реки, но и девять миль территории альмаков. Он послал флот к небольшому государству, в котором жили индейцы семнадцатого века из племен лисиц и саков. Покорив этот район, длиной не более трех миль, его армия перебила половину населения. И тогда Иэясу заговорил о повышении цен на древесину. Кроме того, он хотел получить вездеход — точно такой

же, как «Огненный дракон-1». Японец знал, что Паролando построило второй танк-амфибию.

Свыше пятисот черных переселились в Душевный Город в обмен на равное количество дравидов. Сэм отказывался принимать ваххабских арабов и настаивал на том, чтобы первыми присылали индусов. Хакингу это страшно не нравилось, но в договоре ничего не говорилось о том, какой группе будет отдаваться предпочтение. Прослышав о требованиях Иэясу, он отправил Клеменсу срочное сообщение. Ему тоже понадобился «Огненный дракон», и он предложил за него огромное количество минералов.

Публий Красс и Тай-Фан объединились для захвата территории, которая находилась напротив их стран. Этот район тянулся на четырнадцать миль вдоль левого берега, и там обитали люди каменного века. Благодаря стальному оружию и перевесу в численности захватчики уничтожили половину населения и поработили остальных. Они тоже повысили цену на древесину, хотя и не так сильно, как Иэясу.

Разведка донесла, что Чернский, который правил к северу от Паролando на четырнадцатимильной полосе побережья, совершил визит в Душевный Город. Результаты переговоров держались в тайне, а система безопасности у Хакинга действовала со стопроцентной эффективностью. Сэм отправил к нему восемь черных наблюдателей; в свою очередь Иоанн послал туда не меньше дюжины человек. Но однажды ночью из тумана вынырнул корабль, и головы шпионов были переброшены через стену, которую люди Клеменса возвели вдоль берега Реки.

Поздно вечером к Сэму пришел ван Бум. Как оказалось, Фаербрасс склонял его к сотрудничеству с Хакингом.

— Он предложил мне пост главного инженера на нашем корабле,— сказал ван Бум.

— На нашем корабле? — вскричал Сэм, и сигара едва не выпала из его рта.

— Да. Он не стал об этом распространяться, но я понял суть его предложения. Пароход будет захвачен людьми Хакинга, и я могу получить пост главного механика.

— И что вы ответили на такое выгодное предложение? Вам в этом случае терять вроде бы нечего.

— Я посоветовал ему не напрягать понапрасну горло и попросил его уйти. Он усмехнулся, словно не верил моим словам. И тогда я сказал Фаербрассу, что мой выбор останется за ва-

ми — без клятв верности и щедрых подачек. Мне претит предательство и обман! И если Душевный Город нападет на Пароландо, я буду оборонять нашу страну до самой смерти!

— Хорошо сказано! Просто превосходно! — воскликнул Сэм.— Вот вам за это глоточек бурбона! И сигару! Я горжусь вами и горжусь собой, поскольку мне удалось заслужить такую преданность. Но я хотел бы... Не знаю, как это сказать...

— Да? — спросил ван Бум, посмотрев на него поверх чаши.

— Я хочу, чтобы вы согласились на его предложение. Мы могли бы узнавать через вас о замыслах Хакинга.

Ван Бум поставил чашу на стол и встал. На его симпатичном бронзовом лице появилось мрачное и презрительное выражение.

— Я никогда не буду грязным шпионом!

— Вернитесь! — закричал Сэм, но ван Бум уже хлопнул дверью.

Клеменс спрятал лицо в ладонях, а затем одним глотком осушил чашу ван Бума. Никто и никогда не скажет, что Сэмюэль Ленгхорн Клеменс потратил зря хорошее виски — или даже плохое, если уж на то пошло. Впрочем, грааль всегда приносил самые лучшие продукты.

Сэма раздражали люди, которые не понимали реальной обстановки. Однако сейчас его наполняло чувство глубокого удовлетворения, и он радовался тому, что на свете еще остались неподкупные люди.

По крайней мере, Сэм мог не тревожиться о ван Буме.

Глава 23

Посреди ночи он проснулся от смутного беспокойства и долго не мог понять, чем оно вызвано. Внезапно Сэм вздрогнул. А что, если ван Бум солгал ему? Что, если хитрый Фаербрасс велел инженеру развлечь Клеменса этой наивной историей? Разве можно найти лучший способ, чтобы заставить человека забыть об осторожности? Но почему тогда ван Бум не притворился, что согласен вести двойную игру?

— Я начинаю думать о людях, как король Иоанн! — произнес Сэм вслух.

В конце концов Клеменс решил, что может довериться ван Буму. Тот казался немного самонадеянным и странным, но ведь таким и должен быть настоящий инженер. Сэму нравились люди с твердыми взглядами. А моральный хребет ван Бума мог потягаться в несгибаемости даже с позвоночником окаменевшего динозавра.

Работа на верфи велась и днем и ночью. После установки бимсов началась сварка корпусных листов. Батацитор и гигантские электрические моторы находились на стадии завершения, а сборка погрузочной системы подходила к концу. Огромные подъемные краны перемещались по широким рельсам и приводились в движение электрической энергией.

С обоих концов Реки в Пароландо стекались люди. На катамаранах, галерах и каноэ они проплывали порою тысячу миль только для того, чтобы взглянуть на сказочный пароход.

Посовещавшись, Сэм и король Иоанн решили, что при таком скоплении любопытных вражеские агенты получили слишком уж большую свободу.

— Кроме того, у людей появляется соблазн похитить наш пароход,— добавил Клеменс.— Зачем же вводить их в искушение, если они и без того создают нам массу проблем?

Иоанн не принял шутливого тона Клеменса. Он подписал приказ, согласно которому из страны надлежало изгнать всех неграждан, за исключением послов и курьеров. Однако эта мера не мешала многочисленным судам курсировать возле берега, пока любопытные пассажиры глазели на чудесное судно. По указанию Иоанна вокруг верфи начали строить вал из глины и камней, но в нем имелось множество проходов, через которые грузовые корабли подвозили к причалам древесину, руду и кремний. Более того, поскольку равнина плавно поднималась к холмам, туристы могли видеть и фабрики, и подъемные краны, и даже огромный корпус парохода.

Через некоторое время поток туристов иссяк. Слишком многие из них попадали по пути в граалевое рабство. Разнесся слух, что путешествовать в этот сектор Реки стало опасно.

Прошло еще шесть месяцев, и запасы древесины в этом районе подошли к концу. За три—шесть недель бамбук вырастал на порядочную высоту, но, чтобы дерево достигло полной зрелости, требовалось не меньше шести месяцев. Все государства на расстоянии пятидесяти миль в обе стороны от Пароландо едва набирали древесину для своих нужд.

Торговые агенты Клеменса заключали договора со все более удаленными странами и городами. В обмен на древесину они поставляли туда железную руду и стальное оружие. На месте падения метеорита оставалось еще много крупных осколков, поэто-

му Сэм не тревожился о запасах металла. Однако добыча железа требовала огромных затрат труда и рабочей силы. Рудник превратил центральную часть Пароландо в бесплодную, изрытую ямами местность. И чем больше древесины ввозилось в страну, тем больше людей, материалов и машин приходилось привлекать для изготовления оружия и прочих товаров. Кроме того, требовалось строить все новые и новые грузовые корабли, на что уходила немалая часть полученной древесины. А сколько людей стали матросами и охранниками на рудовозах и грузовых баржах! Сколько кораблей пришлось фрахтовать у соседних государств, расплачиваясь все тем же оружием и железно-никелевой рудой!

Строительство шло полным ходом, и Сэм трепетал от восторга, наблюдая за рождением огромного корабля. Он с радостью оставался бы на верфи с рассвета до заката, но бывал там только по два-три часа в день. Административные обязанности поедали его время, как голодные крокодилы. Клеменс пытался переложить часть своих забот на Иоанна, но экс-монарх брался лишь за те дела, которые давали ему дополнительную власть над армией и позволяли оказывать давление на оппозицию.

Попытки уничтожения близких Сэму людей больше не повторялись. Стража по-прежнему охраняла по ночам дом Клеменса, но Иоанн выжидал. Возможно, он решил отложить свою месть до того момента, когда корабль будет построен.

Однажды Джо Миллер сказал:

— Зэм, а вдруг ты ошибзя назчет Иоанна? Возможно, он вполне доволен, что зтанет вторым на корабле?

— Разве может саблезубый тигр лишиться своих клыков?

— Не понял...

— Иоанн прогнил до ядра,— ответил Сэм.— Он родился с червоточиной в сердце. Короли старой Англии всегда считались аморальными ублюдками, и единственная разница между ними и Джеком-Потрошителем состояла в том, что они действовали с благословения церкви и государства. Но безнравственность Иоанна превзошла все пределы, и в Англии стало традицией не называть своих королей этим именем. Иоанна не могла вынести даже Церковь, с ее великой терпимостью ко злу в высших инстанциях власти. Папа наложил интердикт* на весь народ и заставил Иоанна лизать свои башмаки, как какого-то нашкодившего щенка.

* Интердикт — в католицизме временный запрет на совершение богослужений и религиозных обрядов. *(Примеч. ред.)*

Но я уверен, что, даже целуя ногу Папы, Иоанн высосал немало крови из его святейшего большого пальца. Говорят, что, обняв на прощание Иоанна, Папа долго потом проверял свои карманы, но так и не нашел именных часов. Я пытаюсь растолковать тебе, что этот человек не может измениться — даже при всем его желании. Он всегда останется хищником — помесью гиены и скунса.

Джо запыхтел сигарой, не уступавшей по размерам его носу.

— Мне кажетзя, ты не прав,— сказал он.— Люди могут менятьзя. Взгляни на взех этих шанзеров, на Геринга, на зебя. Ты говорил, что в твое время женщины нозили одежду, которая закрывала их тела от шеи до лодыжек, и вы возбуждализь, увидев зимпатичную ножку или бедро! А теперь ты воротишь ноз, даже когда тебе показывают голую...

— Знаю-знаю! — оборвал его Сэм.— Конечно, старые привычки и то, что психологи называют условными рефлексами, могут иногда меняться под воздействием среды. Поэтому я и утверждаю, что люди, до сих пор не избавившиеся от расовых и сексуальных предрассудков, просто не пользуются тем, что предлагает им мир Реки. Человек может меняться, хотя...

— Ага! Значит, уже может?! — взревел Джо.— Но ты взегда говорил, что жизни людей, их мызли и поззупки определены задолго до появления человечества на Земле. Разве не так? Ты еще говорил, что это филозофия детерминизтов. Тебе нравитзя думать, что взе фиксзировано на звоих мезтах и что люди дейзтвуют как шезтеренки большой машины! Но тогда зкажи мне, Зэм,— как ты можешь верить, что человек меняетзя зам по зебе?

Клеменс нахмурил густые брови, и его светло-голубые глаза сверкнули над ястребиным носом.

— Ты должен понять, что наши теории тоже заранее предопределены,— сказал он медленно.— И если они противоречат друг другу, я тут совершенно ни при чем!

— Тогда зкажи мне, ради небез, какой змызл вообще говорить об этом? — воскликнул Джо, вскидывая огромные ладони.— Зачем нам ztроить пароход или делать что-то другое? Почему бы тебе не здатьзя на волю зудьбы?

— Потому что я ничего не могу изменить,— ответил Сэм.— Как только два первых атома во Вселенной врезались друг в друга, моя судьба была предопределена, включая все мысли, чувства и действия.

— Значит, ты не незешь никакой ответзтвеннозти за звои поззупки, верно?

— Да, верно,— ответил Сэм, почувствовав себя неловко.

— Тогда и Иоанн не может поступать по-другому,— с усмешкой сказал титантроп.— Именно поэтому он убивает, лжет и ведет себя как подлая свинья. Разве не так?

— Все правильно. И по воле предопределенной судьбы я вынужден презирать его за то, что он ведет себя таким образом.

— Мне кажется, что, если бы кто-то более умный, чем я, пришел и логически доказал ошибки в твоих философских догмах, ты сказал бы ему, что по воле судьбы не можешь считать себя неправым, верно? Ты сказал бы этому человеку, что он сам ошибается, так как ему, чисто механически, предопределено думать подобным образом.

— Я прав и, более того, уверен в своей правоте,— ответил Сэм, попыхивая сигарой.— Твой гипотетический человек не убедил бы меня ни в чем, потому что его суждения не имели бы никакого отношения к свободной воле. Знаешь, чем свободная воля похожа на тигра-вегетарианца? Их обоих не существует в природе!

— Значит, твои собственные рассуждения тоже не имеют отношения к свободной воле?

— Конечно. Мы все нанизаны на одну ось. Мы верим в то, во что нам предписано верить.

— Почему же ты смеешься над теми людьми, которые, по твоему мнению, наделены непобедимым невежеством? Ведь ты и сам наполнен им до краев.

— О Боже, спаси нас от обезьян, которые считают себя философами!

— Видишь! Ты прибегаешь к оскорблениям, когда тебе больше нечего сказать! Сдавайся, Сэм! Твоя логика не выдерживает критики!

— Ты просто не понимаешь того, что я хочу сказать,— ответил Сэм.— Мы мыслим по-разному, и это еще раз доказывает предопределенность наших судеб!

— Если бы перед тобой сейчас стоял Сирано, ты говорил бы с ним по-другому! Он тоже порядочный циник, но не погряз еще настолько в болоте детерминизма.

— Да, в умных беседах вы друг друга стоите! Слушай, Джо, а тебя не обижает, что вы с ним так похожи? Как вы вообще можете стоять нос к носу и не падать при этом от хохота? Прямо как два муравьеда...

— Оскорбление! Опять оскорбление! Это что, твоя привычка?

— Наверное,— ответил Клеменс.

Джо ушел, не пожелав ему даже доброй ночи, и Сэму не удалось вернуть его. Титантроп обиделся, потому что он действительно не был глупым существом. Низкий лоб, надбровные дуги и огромный нос придавали ему вид добродушной и забавной гориллы. Но за маленькими синими глазами находился мозг, наделенный неоспоримым интеллектом.

Почему же Сэма так больно задели слова Джо? Неужели его вера в предопределение являлась лишь попыткой оправдать свою вину? Но какую вину? В чем? Во всем плохом, что случилось с теми, кого он любил?

Да, этот философский лабиринт заканчивался в трясине. А может быть, он верил в детерминизм потому, что не хотел чувствовать себя виноватым? Или, наоборот, он чувствовал вину из-за механического импульса Вселенной, которая определялась тем, что он чувствовал вину?

Джо прав! Бессмысленно думать об этом! Но если человеческие размышления вызваны столкновением двух первых атомов, то что здесь мог поделать он — Сэмюэль Ленгхорн Клеменс, писавший некогда книги под псевдонимом Марк Твен?

Тем вечером Сэм засиделся допоздна. Ему не работалось, и он пил спирт, смешанный с фруктовым соком. Двумя месяцами раньше Фаербрасс выразил удивление, что Пароландо не производило этиловый спирт. Клеменс тогда даже расстроился. Он не знал, что алкоголь можно изготавливать из древесины. Ему казалось, что единственным и ограниченным источником спиртного являлись их персональные граали.

Фаербрасс убедил его в обратном. Он не понимал, почему инженеры Пароландо до сих пор не рассказали Сэму о таких простых вещах. При наличии подходящих материалов — кислот, катализаторов и ацетальдегида — этиловый спирт можно было вырабатывать из древесной целлюлозы. На Земле этот процесс считался заурядным явлением, но в мире Реки только Пароландо имело оборудование и материалы для производства спирта.

Сэм потребовал объяснений от ван Бума. Инженер сказал, что у него и без того хватает забот. Он назвал алкоголь социальным злом и заявил, что в таком однообразном мире люди, получив доступ к спиртному, вскоре сопьются от тоски. Тем не менее Сэм приказал подготовить материалы и выделить людей. Вот так впервые в мире Реки началось промышленное производство спирта. Этот вид индустрии не только осчастливил некоторых граждан Пароландо, но и помог увеличить поставки древесины

и бокситов. Спирт шел на экспорт во все страны. И только шансеры осуждающе качали головами.

Сэму удалось заснуть что-то около полуночи, и утром он в первый раз за несколько лет проспал рассвет. Правда, на следующий день Клеменс уже не позволил себе такой вольности.

Сэм и Иоанн направили Иэясу послание с просьбой воздержаться от захвата оставшихся земель альмаков и страны Чернского. Они предупредили сегуна, что любое вторжение на эти территории будет воспринято Пароландо как враждебный акт. Иэясу ответил, что у него нет намерения завоевывать указанные страны. Чтобы доказать искренность своих слов, он пообещал напасть на государство Шешуба, которое располагалось к северу от его владений. Шешуб, ассирийский князь из седьмого века до новой эры, некогда служил полководцем у Саргона Второго. Привыкнув к власти в земной жизни, он стал лидером и в мире Реки. Шешуб дал Иэясу хороший бой, но захватчики воспользовались численным перевесом.

Помимо Иэясу существовало множество других проблем, которые приходилось решать и днями и ночами. Хакинг передал через Фаербрасса последнее предупреждение и потребовал, чтобы Клеменс в конце концов предоставил ему обещанный вездеход. Сэм попытался сослаться на технические трудности, но Фаербрасс сказал, что эта причина больше не может считаться уважительной. Он знал, что недавно со стапелей верфи сошел «Огненный дракон-3».

Сэм навестил Чернского и подтвердил свое намерение защищать ближайших соседей. На обратном пути, в полумиле от района фабрик, Клеменс начал задыхаться. Он так долго прожил в атмосфере, наполненной смогом, что успел привыкнуть к дыму и запаху кислот. Теперь же после небольшой прогулки его легкие очистились, и, вступив в Пароландо, он почувствовал себя так, будто попал в цех по производству серы или клея. Завесу смога не мог рассеять даже ветер, который достигал иногда скорости пятнадцати миль в час. Не удивительно, что жители Публиджо постоянно жаловались на дым и копоть.

А корабль продолжал расти. Сэм каждое утро смотрел на него в иллюминатор «рубки» и получал утешение за свой тяжкий труд и усталость, за истерзанный и уродливый вид страны. В ближайшие полгода намечалось закончить три палубы, установить гребные колеса и покрыть пластиком ту часть корпуса, которая будет

соприкасаться с водой. Пластик не только защищал дюралюминий от окисления, но и ослаблял завихрения воды, тем самым увеличивая скорость корабля на лишние 10 миль в час.

К тому времени Сэм получил хорошие вести. В Селинджо — стране, расположенной к югу от Душевного Города,— его геолог обнаружил залежи иридия и вольфрама. Эту новость Сэму доставил сам изыскатель, побоявшись передавать ее через других людей. И, как всегда, хорошим известиям сопутствовали плохие. Селина Хастинг отказалась предоставить Пароландо право на разработку этих месторождений. Более того, если бы она знала, что геолог ведет изыскания в ее горах, она немедленно выдворила бы его из страны. Селина не хотела вести себя враждебно по отношению к Сэму Клеменсу, поскольку уважала его за гуманизм. Однако она не желала растрачивать ресурсы своей страны, тем более для строительства столь ненавистного ей парохода.

Сэм извергал проклятия и, по словам Джо, «метал голубые молнии на милю вокруг зебя». Вольфрам был необходим для выплавки прочной стали, для инструментов и радиодеталей, без которых их проект кабельного телевидения летел ко всем чертям. Иридий мог заменить платину при производстве измерительных приборов, хирургических инструментов и перьев для авторучек.

Втайне от других этиков Таинственный Незнакомец разместил в этой области залежи различных минералов. Вместе с бокситами, криолитом и платиной он вывел на поверхность горных отрогов несколько жил вольфрама и иридия. Но произошла ошибка, и залежи двух этих металлов оказались на несколько миль южнее основного месторождения.

Сэм не стал делиться новостями с королем Иоанном. Ему требовалось время, чтобы обдумать ситуацию. Конечно же, Иоанн потребует от Селины немедленного подписания торговых соглашений, а в противном случае пригрозит войной.

Пока Клеменс расхаживал взад и вперед по «рулевой рубке», заполняя комнату зеленым дымом сигары, по долине пронесся бой сигнальных барабанов. Код был Сэму неизвестен, и он понял, что это сообщение из Душевного Города. Через несколько минут Фаербрасс уже поднимался по лестнице его дома.

— Синьоро Хакинг узнал, что в Селинджо открыты залежи вольфрама и иридия. Он просил передать, что будет счастлив, если вы договоритесь с Селиной. Однако ваше вторжение в ее страну будет равносильно нападению на Душевный Город.

Клеменс бросил взгляд в окно.

— Сюда идет Иоанн Острое Ухо,— сказал Сэм.— Наш друг тоже услышал эту новость. Его шпионская сеть почти не уступает вашей, маэстро Фаербрасс. Он лишь на несколько минут отстает от событий. Не знаю, где протекает моя собственная система безопасности, но пробоины настолько широки, что я давно бы уже утонул, будь это шлюпка или корабль. Впрочем, с такими парнями, как вы, можно пойти ко дну и на суше.

Тяжело отдуваясь и свирепо вращая покрасневшими глазами, в комнату ворвался Иоанн. С тех пор как в стране началось производство пищевого спирта, он значительно прибавил в весе и все время был навеселе.

При виде экс-монарха Сэму стало грустно и смешно. Конечно, Иоанн хотел бы проводить подобные встречи во дворце, а не в «курятнике» Клеменса, но он знал, что Сэм к нему не придет. И поэтому, переступив через свою королевскую гордость, несчастный Иоанн притащился сюда.

— Что происходит, Клеменс? — прорычал он, сверкнув глазами.

— Лучше вы расскажите мне об этом,— ответил Сэм.— Вам ведь больше известно о скрытой стороне наших внутренних и внешних дел.

— Я устал от ваших острот! — закричал экс-монарх. Он без спроса налил в глиняную кружку целую кварту «пурпурной взрывчатки».— Барабаны передали какое-то сообщение, но мне не известен их код!

— На мой взгляд, вы преуменьшаете свои возможности,— с усмешкой произнес Сэм.— Но на тот случай, если вы что-то пропустили...— И он сообщил ему требование Хакинга.

— Дерзость ваших черных просто невыносима,— сказал Иоанн, поворачиваясь к послу.— Вы вмешиваетесь в дела суверенного государства и указываете нам, как себя вести. А я плевал на все ваши угрозы! Мы возьмем эти металлы, потому что они нам нужны! Селина сидит на них как собака на сене, хотя и знает, что мы дадим за них прекрасный товар!

— И что же вы дадите? — спросил Фаербрасс.— Ее страна не нуждается ни в оружии, ни в спирте. Что вы вообще ей можете предложить?

— Мир! Возможность жить без войны!

Фаербрасс пожал плечами, и его усмешка еще больше разъярила Иоанна.

— Конечно, вы можете сделать ей такое предложение,— сказал Фаербрасс.— Однако я советую вам прислушаться к предупреждению Хакинга.

— А почему он так заботится о Селинджо? — спросил Сэм.— Насколько я помню, Хакинг первым вышиб из своей страны всех шансеров — белых и черных.

— Шансеры проповедуют неограниченный пацифизм. А это, как вы понимаете, предполагает любовь и дружбу независимо от цвета кожи. Такие тезисы, по мнению Хакинга, представляют угрозу для нашего государства. Черные должны защищать себя сами, иначе они вновь окажутся под игом рабства.

— Какие черные? — спросил Сэм.

— Наши черные! — с усмешкой ответил Фаербрасс.

Уже не в первый раз у Клеменса складывалось впечатление, что Фаербрасс иронизировал над расовой озабоченностью Хакинга. Цвет кожи его почти не волновал. Конечно, на Земле он сталкивался с некоторыми предрассудками, но они оставались где-то на периферии его жизни. И он все чаще намекал Сэму о том, что не отказался бы от места в корабельном кубрике.

Впрочем, это могло быть уловкой хитрого политика.

— Я думаю, нам удастся договориться с Селиной Хастинг,— сказал Сэм.— Она не устоит, если мы предложим ей мощные мегафоны. Вы только представьте, какие проповеди она будет читать со своей яхты, курсируя у берегов Душевного Города! Кроме того, мы построим ей завод по обработке вольфрама. По сравнению с войной лучшее предложение и представить трудно!

Он подмигнул Иоанну, надеясь, что тот его поддержит. Но Иоанн, как обычно, оказался тупоголовым.

— Наши отношения с Селинджо никого не должны касаться! — проревел он.— И мы прищемим вам носы, если вы сунетесь в это дело!

— Я передам ваши слова правительству Душевного Города,— пообещал Фаербрасс.— Но уверяю вас, Хакинг — сильная личность. Он не обделается от угроз каких-то там белых капиталистов и империалистов.

Сэм задохнулся от гнева, а Иоанн выпучил от ярости глаза.

— Да-да, он относится к вам именно так! — сказал Фаербрасс.— И в каком-то смысле Хакинг прав, употребляя эти выражения.

— Неужели и ему чем-то помешал наш корабль?! — закричал Сэм.— А вам известно, зачем мы его строим и какую конечную цель...

Преодолевая гнев, Клеменс со стоном втянул воздух в легкие и почувствовал тошнотворное головокружение. Еще секунда — и он проговорился бы о Незнакомце.

— И какую же цель вы преследуете? — поинтересовался Фаербрасс.

— Никакую,— угрюмо ответил Сэм.— Можете не беспокоиться о своей великой державе. Мы хотим отправиться к истокам Реки, чтобы отыскать секрет всей этой заварухи. И мне как-то все равно, будете ли вы крутить пальцем у виска или хлопать нам в ладоши. Однако я не потерплю критики от человека, который залез на дохлого черного конька и собирает «братьев по духу». Если ему это нравится, пусть продолжает. Мы желаем ему удачи. Хотя лично я считаю интеграцию рас идеальной формой любого сообщества. Да, я родился в Миссури — родился белым в тысяча восемьсот тридцать пятом году! Не потому ли так давится злобной пеной ваш Хакинг? Но факт остается фактом: если бы здесь не появились мы со своей мечтой о пароходе, этим железом воспользовался бы кто-то другой. И тогда вместо прекрасного плавания к далеким берегам люди получили бы кровавые войны!

Мы согласились почти на все ваши требования и дикие цены, хотя могли бы просто приплыть и забрать то, что нам нужно. Король Иоанн извинился за обиду, на которую напросился ваш Абдулла. И если вы думаете, что это для Плантагенета было легко, то вам следовало бы получше учить историю. В своей ненависти к белым Хакинг перегибает палку. Не подумайте, что я обвиняю его. Но здесь ему не Земля! И мы теперь живем в совершенно других условиях!

— Тем не менее люди принесли в этот мир свои отношения,— ответил Фаербрасс.— Вместе с ними воскресли ненависть и любовь, их симпатии и антипатии, предрассудки, убеждения — одним словом, все!

— Но люди должны измениться! Неужели мы изгадим своей злобой и этот мир?

— Вы противоречите своей же философии,— с усмешкой ответил Фаербрасс.— Если все определено с изначальных времен, то Хакинг просто не может изменить своего отношения к белым. Да и почему он должен его менять? Разве вы не встречали здесь

расистов, не слышали о граалевом рабстве и неуважении к черным?

— Я не хотел бы спорить сейчас об этом,— сказал Сэм.— Но у меня появилось одно предложение.

Он замолчал и посмотрел в окно. Беловато-серый корпус корабля сиял на солнце, как гигантский алмаз. И этот алмаз принадлежал ему, Сэмюэлю Ленгхорну Клеменсу!

— Почему бы Хакингу не приехать сюда самому? — произнес он окрепшим голосом.— Скажем, с дружественным визитом? Пусть осмотрится и убедится в том, что мы не черти с голубыми глазами, которые задумали поработить несчастных и бедных негров. Возможно, ваш лидер поймет, что избавится от нас гораздо быстрее, если будет помогать, а не мешать Пароландо.

— Я передам ему ваше предложение,— сказал Фаербрасс.— И скорее всего, он ответит на него согласием.

— Мы встретим его с шиком,— продолжал Клеменс.— Я гарантирую салют в двадцать один залп, большой прием, яства, напитки и подарки. Он увидит, что мы не такие уж и плохие ребята.

Иоанн с отвращением плюнул на пол, но ограничился единственным «фу!». Он понимал, что предложение Сэма имеет множество преимуществ.

Через три дня Фаербрасс получил ответ. Хакинг согласился нанести визит после того, как Пароландо и Селинджо договорятся о продаже металлов.

Сэм чувствовал себя как старый паровой котел на миссурийском пароходе. Еще несколько фунтов давления — и его куски долетят до самых небес.

— Иногда я думаю, что вы были правы,— сказал он Иоанну.— Нам с самого начала следовало захватить эти страны и одним махом покончить со всеми спорами.

— Конечно,— вкрадчиво ответил Иоанн.— Теперь вы поняли, что бывшая графиня Хантингтона не собирается уступать. В ее жилах течет кровь моего врага, эрла Хантингтонского. Кроме того, как и все религиозные фанатики, она может переупрямить даже осла. Душевный Город взял ее под свою защиту, и Хакинг объявит нам войну, если мы нападем на Селинджо. Получив вездеход, он стал еще более сильным и наглым. Впрочем, мне не хочется говорить о ваших ошибках. Я не собираюсь вас в чем-то упрекать. Сейчас нам надо выпутаться из этого затруднительного положения, и мне кажется, я кое-что придумал...

Сэм перестал шагать по комнате и вопросительно посмотрел на Иоанна. Тот что-то замышлял. Тени зашевелились в полумраке, кинжалы выскользнули из ножен, в воздухе пахнуло ледяным дыханием интриг, и вот-вот должна была пролиться кровь. На сцену вышел мастер своего дела.

— Только не подумайте, что я веду без вас какие-то переговоры с Иэясу,— сказал Иоанн.— Просто у меня есть канал информации, и я им пользуюсь.— Он поудобнее устроился в кресле с высокой спинкой и томно взглянул на «пурпурную взрывчатку» в своей кружке.— Так вот, я уверен, что Иэясу, который стал сейчас действительно очень сильным, хотел бы начать какой-нибудь новый поход. Более того, он будет рад, если это послужит нашей общей выгоде. Одним словом, он может сделать нам одолжение — за некоторую плату, конечно. Речь идет об амфибии, или летающей машине. Вы же знаете, как ему хочется полетать на аэроплане. Или вы этого еще не знаете?

Если он нападет на Селинджо, мы отметем любые претензии Хакинга. А если Душевный Город объявит японцу войну, их армии настолько ослабят друг друга, что мы сможем вытереть о них ноги. К тому же мне довелось узнать, что Чернский заключил тайный договор о взаимопомощи с Хакингом и Тай-Фаном. Война с Иэясу ослабит их позиции и усилит наш статус. Мы завоюем все окрестные земли или, по крайней мере, сделаем то, что захотим. Во всяком случае, вы больше не будете иметь нужды в бокситах и вольфраме.

Этот череп под копной рыжевато-коричневых волос, очевидно, был заполнен комом ядовитых червей — червей, которые питались гнилью, интригами и обманом. Его изворотливость порою вызывала восхищение.

— Скажите, а, заходя за угол, вы еще не встречались с самим собой? — спросил Клеменс.

— Что? — возмущенно воскликнул Иоанн.— Еще одно из ваших невразумительных оскорблений?

— Поверьте, ваше величество, такого комплимента вы еще от меня не слышали. Но вернемся к делу. Все, о чем вы говорили,— только теория. У Иэясу нет никакого повода для нападения на Селинджо. Они ему никогда не угрожали. Кроме того, их страны разделяет шестьдесят миль.

— А когда это для вторжения на чужую территорию требовался повод? — возразил Иоанн.— Достаточно уже того факта, что

Селина продолжает направлять в его страну миссионеров. Должно же когда-то лопнуть терпение, правда?

— Прекрасный план,— согласился Сэм.— Конечно, я никому не позволю вовлекать Пароландо в подобные дела, но если Иэясу решит немного повоевать, то что же мы можем поделать?

— Вот видите! А вы еще называли меня бесчестным!

— Да, тут мы ничего не можем поделать! — повторил Клеменс, притушив сигару.— Если ситуация сулит какую-то выгоду для корабля, надо идти на риск!

— Только не забывайте, что боевые действия могут задержать отправку грузов из Душевного Города,— напомнил Иоанн.

— Наших запасов хватит на неделю. Хуже всего дело обстоит с древесиной. Впрочем, война будет вестись к югу от нас, и Иэясу мог бы поддерживать поставки даже во время сражений. Мы взяли бы тогда на себя валку леса и перевозки. А если у нас будет пара недель до начала вторжения, мы успеем создать дополнительные запасы руды, предложив Душевному Городу более высокие цены. Можно пообещать Хакингу маленький аэроплан. Наш гидросамолет почти готов, и мы прекрасно обойдемся без пробной модели. Но вы, конечно, понимаете, что я высказываю только предположения...

— Да, я понимаю,— ответил Иоанн.

Он даже не пытался скрыть презрение.

Сэма так и подмывало закричать на него. Как он смел демонстрировать свое презрение? Между прочим, эта идея принадлежала ему — хитрому, пронырливому ублюдку!

А на следующий день погибли три лучших инженера Пароландо.

Сэм находился на месте происшествия, когда это случилось. Он стоял на строительных мостках у правого борта корабля и заглядывал в пустое чрево трюма. Мощный кран поднимал огромный электрический мотор, который должен был вращать левое гребное колесо. В течение ночи двигатель перевезли из большого сборочного цеха, и на транспортировку ушло около восьми часов. С помощью кранов, лебедок и сотни людей мотор погрузили на большую платформу и перекатили по рельсам на верфь.

Сэм поднялся на рассвете, чтобы посмотреть на заключительный этап установки. Мотор предстояло опустить в трюм и подсоединить к оси гребного колеса. Трое инженеров находились внизу. Оценив ситуацию, Сэм окликнул их и попросил разой-

тись в стороны на тот случай, если мотор упадет. Но они пропустили его слова мимо ушей. Инженеры расположились так, чтобы подавать команды своим помощникам, стоявшим на лесах у левого борта. Те передавали сигналы дальше — машинистам крана и транспортной платформы.

Ван Бум взглянул на Сэма, и его белые зубы блеснули в улыбке. При свете больших электрических ламп темная кожа казалась пурпурной.

И тогда это произошло. С треском лопнул один трос, затем — другой, и мотор повело в сторону. Какой-то миг инженеры стояли на месте, потом побежали, но было слишком поздно. Мотор рухнул вниз — прямо на них.

Судно содрогнулось от страшного удара. Вибрация дошла до строительных лесов, и подмостки задрожали, как при сильном землетрясении.

Из-под мотора вытекала кровь.

Глава 24

Потребовалось пять часов, чтобы заменить тросы крана, присоединить их к мотору и поднять гигантский агрегат. Тела унесли, кровь смыли водой, а затем двигатель установили на место. Проверка показала, что он почти не пострадал, и через полдня техники привели его в норму.

Сэм едва не рыдал от горя. Ему хотелось отправиться в постель и оставаться там целую неделю, но он не мог так поступить. Работы следовало продолжать во что бы то ни стало. Люди верили ему и брали с него пример, поэтому Сэм не хотел показывать им своего потрясения.

Сэм располагал достаточным числом инженеров, однако ван Бум и Велицкая были единственными представителями второй половины двадцатого века. Клеменс разыскивал подходящих людей в других странах, рассылал приглашения через гонцов и с помощью барабанов, но к нему никто не приходил.

На третий день он пригласил Фаербрасса для личной беседы. Угостив посла сигарой и виски, Сэм спросил, не хочет ли тот занять место главного инженера Пароландо.

Фаербрасс едва не выронил сигару изо рта.

— Хотите сманить меня к себе, старина? Я же вижу вас насквозь! Решили поставить на мой номер, верно?

— Может быть, нам лучше перейти на эсперанто? — предложил Сэм.

— Хорошо,— ответил Фаербрасс.— Я готов спуститься на грунт. Так что вы от меня хотите?

— Я предлагаю вам возглавить строительство парохода, если только Хакинг согласится отпустить вас на какое-то время.

— То есть вы берете меня к себе только на какое-то время?

— Если хотите, этот пост будет закреплен за вами постоянно. И в тот день, когда корабль отправится в долгий путь, вы станете главным механиком.

Фаербрасс погрузился в размышления. Сэм встал и зашагал по «рулевой рубке». Время от времени он подходил к окну и следил за работой на верфи. После установки ходовых моторов в трюм опускали массивные части батацитора. Устройство достигало в высоту тридцати шести футов. Сэм знал, что через несколько дней к собранному энергонакопителю подключат оба мотора и проведут пробные запуски. Уже сейчас группа электриков прокладывала двойной шестидюймовый кабель от корабля к ближайшему питающему камню. Рядом с гранитной глыбой лежала большая металлическая полусфера, к которой должен был присоединяться кабель. Когда камень освободит огромный разряд, энергия будет передана в батацитор. В свою очередь, тот начнет подавать ее в контролируемом объеме на ходовые моторы.

Сэм отвернулся от окна.

— Я не прошу вас предавать свои идеалы и страну,— сказал он.— Вам надо только попросить разрешения у Хакинга. Помогите мне построить пароход, и мы с радостью возьмем вас с собой, если вы захотите отправиться вместе с нами в плавание. Скажите, а что вам больше по вкусу — остаться в Душевном Городе, где в принципе нечего делать, или принять участие в величайшей экспедиции из всех, что предпринимались до этого времени?

— Если я приму ваше предложение,— медленно и тихо произнес Фаербрасс,— мне хотелось бы стать не главным механиком, а шефом ваших воздушных сил.

— Но пост главного механика гораздо важнее!

— Да, и он подразумевает бесконечные заботы и большую ответственность! Поймите, я тоскую по полетам...

— Вы будете летать, сколько захотите! Я не вижу здесь никаких проблем. Однако наша авиация останется под началом фон Рихтхофена. Видите ли, я уже пообещал, что назначу его шефом

воздушных сил. Да и у нас всего-то два аэроплана. Что вас больше интересует — пост или возможность летать?

— Это вопрос чести. Я налетал на тысячу часов больше, чем Рихтхофен,— причем не на таком дерьме, как его тихоходы, а на сверхскоростных реактивных самолетах! Я ходил по Луне, Ганимеду и Марсу! Я, черт возьми, достиг орбиты Юпитера!

— Это ничего не значит,— ответил Сэм.— Аэропланы, на которых вам придется летать, очень примитивны. Они похожи на самолеты времен Первой мировой войны, а именно на таких и летал фон Рихтхофен.

— Вы хотите сказать, что ниггерам уготованы только вторые места?

— Это нечестно! — вскричал Сэм.— Я вам предлагаю должность главного механика! Под вашим началом будут находиться тридцать пять человек! Кроме того, вы получите чин капитана! Только прошу вас, не заставляйте меня нарушать обещание, которое я дал Лотару.

Фаербрасс встал:

— Я помогу вам построить корабль и займусь обучением вашего инженерного корпуса. Но я хочу еще и летать. Когда же придет срок отправляться в путь, мы вернемся к нашему разговору о должности шефа воздушных сил.

— Поймите, я не могу нарушить данного слова,— сказал Сэм.

— Да, но к тому времени может многое случиться.

Решив одну проблему, Сэм тут же взвалил на плечи другую. Хакинг прислал барабанное сообщение, в котором дал согласие на использование Фаербрасса в качестве главного инженера Пароландо. По-видимому, он планировал со временем захватить пароход, и ему требовался человек, досконально изучивший устройство корабля. Кроме того, в расчеты Фаербрасса могла входить ликвидация фон Рихтхофена — не зря же он намекал на какие-то перемены перед началом экспедиции. Конечно, Фаербрасс не походил на хладнокровного убийцу, но вид человека еще ничего не значил — этот факт могло подтвердить любое разумное существо, прожившее хотя бы пару лет среди представителей человеческой расы.

Тремя днями позже Хакинг известил о своем согласии обменять дополнительное количество минералов на маленький аэроплан. Пролетев тридцать одну милю к северной границе Душевного Города, Фаербрасс передал самолет другому черному летчику, ко-

торый когда-то дослужился до генерала в военно-воздушных силах США. Через неделю Фаербрасс вернулся на парусном судне.

Батацитор и электрические моторы работали превосходно. Гребные колеса опробовали сначала на малой скорости, затем на большой. Лопасти весело свистели, рассекая воздух.

Бригада землекопов начала расширять и углублять канал, который тянулся от верфи к Реке. Его размеры не вполне соответствовали габаритам парохода.

У Лотара и Гвенафры возникли первые осложнения. Немецкий барон продолжал поддерживать репутацию «убийственного» мужчины и флиртовал со всеми подряд. Гвенафра пыталась внушить ему некоторые понятия о взаимной верности, и в принципе Лотар с ними соглашался, но на деле всегда отдавался на волю своей страстной натуры.

От Хакинга пришли новые вести. В течение двух ближайших дней он намеревался нанести дружеский визит. Ему хотелось провести несколько рабочих встреч по поводу торговых отношений и уровня жизни черных граждан Пароландо. Кроме того, он планировал осмотреть огромный пароход.

Сэм передал через курьера, что будет счастлив принять столь уважаемого гостя. Большого счастья он, конечно, не испытывал, но суть дипломатии всегда заключалась в притворстве. На Клеменса навалились заботы по подготовке совещаний и размещению многочисленной свиты Хакинга. Он крутился как белка в колесе и даже не успевал заглянуть на верфь, чтобы последить за монтажными работами.

Ему пришлось заниматься приемом большого количества рудовозов, которые прибывали из Душевного Города. Демонстрируя свое стремление к взаимопониманию, Хакинг увеличил поставки в три раза. Сэм предпочел бы более равномерное прибытие грузов, но ему хотелось создать запас бокситов. Время начинало поджимать. Шпионы доложили, что Иэясу уже подготовил несколько крупных флотилий и собрал огромное количество воинов с обоих берегов Реки. Кроме того, он послал в Селинджо еще одно предупреждение, протестуя против деятельности миссионеров в своей великой державе.

Корабль Хакинга пристал к берегу за час до полудня. Большое двухмачтовое судно с косыми парусами достигало в длину около сотни футов. Сначала по трапу сошли телохранители Хакинга — рослые мускулистые негры, вооруженные стальными то-

порами и ружьями «Марк-1». Их униформа состояла из юбок, шлемов и кирас, сделанных из черной рыбьей кожи. Они выстроились в шесть рядов с каждой стороны трапа, и тогда на берег спустился сам Хакинг.

Он оказался высоким, крепко сложенным мужчиной с темно-коричневой кожей, немного раскосыми глазами и широким бесформенным носом. Портрет типичного негра дополняли толстые губы и выпиравший подбородок. Его прическа представляла собой образец «естественного» стиля. Сэм брезгливо поморщился, увидев на голове Хакинга огромную копну курчавых волос. Даже в них таилось что-то бунтарское и непристойное — а ведь Клеменс привык видеть только коротко остриженных негров. Как объяснил ему позже Фаербрасс, для черных американцев конца двадцатого века подобный «естественный» стиль являлся символом борьбы за свои права. Остриженные волосы символизировали для них угнетение и духовную кастрацию.

Хакинг был одет в черный плащ, черную юбку и кожаные сандалии. На широком поясе в узорчатых ножнах висела длинная шпага.

Сэм подал сигнал, и пушка, установленная на вершине холма, произвела двадцать один выстрел. Этот салют предназначался не столько для отдания почестей, сколько для того, чтобы произвести впечатление на Хакинга. В долине Реки лишь у Пароландо имелась своя артиллерия — хотя она и состояла из одной 75-миллиметровой пушки.

Началась церемония представления. Хакинг отказался от рукопожатий. По словам Фаербрасса, он здоровался за руку только с самыми близкими и проверенными друзьями.

Пока граали гостей устанавливались на ближайшей грибообразной глыбе, Сэм, Иоанн и Хакинг обменялись несколькими пустяковыми фразами. После разряда энергии наполненные граали были сняты с камня, а главы государств в сопровождении охраны и почетного караула направились во дворец Иоанна. Экс-монарх настоял на том, чтобы первая встреча состоялась в его дворце. Таким образом он хотел показать Хакингу, кто на самом деле правит в Пароландо. Сэм решил с ним не спорить. Их гость и без того знал, как складывались отношения между двумя консулами этой страны.

Позже Сэма от души позабавило замешательство Иоанна, которого начали оскорблять в его собственном доме. Во время обеда Хакинг взял слово и произнес длинную скучную речь о том зле,

которое белые люди причинили черным. Все обвинения Хакинга являлись чистой и обоснованной правдой. Сэм мог бы подписаться под каждым его словом. Но черт возьми! Он своими глазами видел рабство и последствия Гражданской войны! Он вырос в обществе рабов и рабовладельцев! А вот по какому праву эту эпоху обвинял какой-то Хакинг из другого времени и века? По какому праву он обвинял его — человека, который написал «Гекльберри Финна», «Простофилю Вильсона» и «Янки из Коннектикута»?

Сэм знал, насколько бессмысленно задавать Хакингу такие вопросы. Тот пропустил бы их мимо ушей. Его высокий пронзительный голос зудел и зудел, как муха, накрытая стаканом. Он валил в одну кучу факты и неприкрытый вымысел, пересказывая мрачную историю нищеты, угнетения, убийств, издевательств и прочих преступлений.

Сэм почувствовал стыд и гнев. Какого черта он грозит им своим черным пальцем? К чему все эти пустые обвинения?

— Вы все виноваты! — кричал Хакинг.— На каждом белом есть вина!

— Минутку, мой любезный друг,— прервал его Иоанн.— За всю свою жизнь я видел не больше дюжины черных. Какое же отношение я могу иметь к вашим рассказам о несправедливости?

— Если бы вы родились на пятьсот лет позже, из вас получился бы самый мерзкий и отъявленный хонки! — ответил Хакинг.— Я все о вас знаю, ваше величество!

Внезапно Сэм вскочил и закричал:

— Вы приплыли к нам, чтобы рассказать о тяжелой жизни негров на Земле? Спасибо, но мы уже об этом слышали. И все это осталось в прошлом! Земля мертва! И надо жить настоящим, сударь!

— Да-да-да,— с усмешкой произнес Хакинг.— Но в настоящем происходит только то, что тянется за нами со старой Земли! Ситуация не изменилась ни на йоту. Кого я увидел во главе этой страны? Двух хонки! А где же черные? Негры составляют десятую часть вашего населения, и вы могли бы иметь по крайней мере одного из них на десять членов Совета! Почему среди вас нет черных? Почему я не вижу их за этим столом?

— Вы ошибаетесь,— ответил Сэм.— В нашем Совете есть такой человек. Его фамилия Каубер, и он находится сейчас в Душевном Городе.

— Ах да! Тот самый временный советник, которого вы избрали по моему требованию!

— Арабы составляют шестую часть вашего населения,— воскликнул Сэм,— но в вашем Совете нет ни одного араба.

— Потому что они белые! И я избавлюсь от них! Так что прикусите свой язвительный язык! Арабы, лишенные предрассудков,— милые и прекрасные люди. Я жил среди них несколько лет, когда скрывался в странах Северной Африки. Но арабы нашего государства — религиозные фанатики, и они не перестают создавать нам проблемы. Им придется уйти, потому что мы, черные, хотим построить прочное общество собратьев по духу! Мы хотим жить в мире и согласии! И пусть у вас, хонки, будет свой мир, а у нас — свой! Мы добиваемся изоляции рас! Вот так-то, Чарли! Здесь возможна только Изоляция с заглавной буквы «И», и только тогда мы ни в чем не будем зависеть от белых! Черные сами будут заботиться о работе и пище, о своей одежде, защите и справедливости! И мы сделаем это! Сделаем! Нам надо лишь послать вас ко всем чертям и дать вам как следует по рукам, если вы протянете их в нашу сторону!

Фаербрасс сидел за столом, низко наклонив курчавую голову. Он прикрывал глаза ладонями, и Сэму казалось, что посол с трудом удерживается от хохота. Вот только над кем он смеялся — над Хакингом или над теми, кого тот бранил? Подумав немного, Клеменс решил, что Фаербрасс смеялся над всеми участниками этого нелепого спора.

Иоанн продолжал пить бурбон, и его лицо все больше краснело. Однако причиной тому было не спиртное, а бешеная ярость. В любую минуту он мог взорваться во вспышке гнева. Сэм понимал, как нелегко ему сносить обвинения в несправедливости к черным, которых он даже в глаза не видел. Впрочем, Иоанн был повинен во многих других чудовищных преступлениях, так что мог взять на свою совесть и несколько таких, которых не совершал. Как верно заметил Хакинг, Иоанн показал бы себя и здесь, будь у него возможность отличиться.

Но какую цель преследовал Хакинг? Если ему хотелось наладить с Пароландо дружественные связи, то он выбрал для этого странный подход.

Очевидно, Хакинг чувствовал неодолимую потребность ставить на место любого белого — кем бы тот ни оказался. Он хотел показать, что чернокожий Элвуд Хакинг ничем не хуже других людей. Его душу искорежила та же система, которая в той или иной степени оставила свой след в жизни каждого американца — черного, белого, красного или желтого. Но надо ли всегда оставаться таким? Выкручиваться и ненавидеть в течение тысяч и тысяч лет на берегах Реки?

Внезапно Сэм задумался о том, а не правы ли в чем-то шансеры? Если их доктрина могла вывести людей из клетки ненависти, то следовало слушать только их. И к черту Хакинга, Иоанна Безземельного, Сэма Клеменса и тех, кто страдал от отсутствия мира и любви. Пусть Церковь Второго Шанса ведет людей... Однако Сэм не верил шансерам и их безвестному Основателю. Они ничем не отличались от других земных распространителей веры. Он не сомневался, что некоторые из них действовали с благими намерениями, но в словах шансеров, независимо от их заверений, не ощущалось истины.

Внезапно Хакинг замолчал. Сэм Клеменс встал и подвел итог:

— Хотя мы и не планировали никаких послеобеденных выступлений, я благодарен вам, синьоро Хакинг, за ваше добровольное начинание. Но вы сделаете всех присутствующих еще более счастливыми, если не будете настаивать на ответной речи. В данный момент нам нечем оплатить предъявленный вами счет. Наша казна пуста.

— Вы пытаетесь перевести мои слова в шутку? — с усмешкой произнес Хакинг.— Ладно. Как насчет небольшой прогулки? Я хочу посмотреть на ваш большой корабль.

Остаток дня прошел в более приятной атмосфере. Сопровождая Хакинга по фабрикам, мастерским и, наконец, по палубам парохода, Сэм забыл о ярости и обиде. Корабль выглядел просто великолепно. Даже в незавершенном виде он потрясал своим величием и красотой. С ним не сравнилось бы... и лицо той прежней Ливи, которая когда-то шептала Сэму слова любви.

Хакинга не охватил экстаз, но вид корабля произвел на него большое впечатление. Тем не менее он не удержался от комментариев по поводу зловония и опустошения земли.

Незадолго перед ужином Клеменса отозвали в сторону. Неизвестный человек, причаливший к берегу на небольшом судне, требовал встречи с правителем этой страны. Начальник береговой охраны, недолюбливая Иоанна, послал вестового к Сэму. Клеменс тут же направился к одному из двух «джипов», собранных неделю назад на экспериментальном заводе. Переступив по-

рог караульного помещения, он увидел стройного и симпатичного белокурого юношу. Тот встал со скамьи и представился на эсперанто как Вольфганг Амадей Моцарт.

Сэм заговорил с ним по-немецки, и молодой человек ответил ему на австрийском диалекте верхненемецкого языка. Его речь содержала слова, которые Сэм не понимал, но они могли являться особенностями австрийского диалекта или немецкого языка восемнадцатого века.

Человек, назвавшийся Моцартом, жил все это время в двадцати тысячах милях вверх по Реке. Он услышал о строительстве корабля еще год назад, но пуститься в далекий путь его побудили слухи об оркестре, который предполагалось создать на судне для развлечения пассажиров. Двадцать три года Моцарт жил в мире, где единственными музыкальными инструментами были свистки, барабаны, деревянные флейты и примитивные арфы, сделанные из костей и рыбьих кишок. И вот он услышал о разработках метеоритного железа, об огромном корабле и его оркестре с пианино, скрипкой, флейтой, трубами и всеми другими инструментами, которые он знал на Земле. А еще говорили о других неведомых ему музыкальных устройствах, которые люди придумали после его смерти в 1791 году. Он бросил все и приплыл сюда. Но найдется ли для него место среди музыкантов корабля?

Сэм не причислял себя к страстным поклонникам классической музыки, но чувствовал трепетный восторг от встречи с великим Моцартом — если только этот человек не обманывал его. На Реке встречалось столько самозванцев, что Клеменс уже не верил людям на слово. Он устал от сотен лжецов, провозглашавших себя истинным и единственным Иисусом Христом, чародеем Барнумом или, на худой конец, Марком Твеном. Да, ему попадались и такие мошенники.

— У нас в Пароландо проживает бывший архиепископ Зальцбурга,— сказал Сэм.— Если я правильно помню, вы не слишком ладили друг с другом, но думаю, он будет рад увидеться с вами.

На лице Моцарта не проступили ни бледность, ни румянец.

— Наконец-то я встречусь с тем, кого знал по земной жизни! Видите ли, мне еще не приходилось...

Сэм считал вполне естественным, что Моцарт еще не встречал никого из своих земных знакомых. Он и сам нашел только трех известных ему людей, несмотря на обширный круг знакомств и путешествия по белу свету. То, что в эту тройку входила Ливи,

не поддавалось никакому логическому объяснению — такое уникальное совпадение выходило за рамки любой вероятности. Он подозревал, что их встречу устроил Таинственный Незнакомец. Тем не менее готовность Моцарта к очной ставке с архиепископом еще ничего не доказывала. Самозванцы, с которыми Сэм имел дело, часто заявляли, что лица, известные как их старые друзья, либо ошибались, либо сами выдавали себя за кого-то другого. Их наглости могли позавидовать даже французы. Кроме того, архиепископ Зальцбургский не жил в Пароландо, и Сэм не имел понятия, где тот находился в данное время. Он сказал о нем только для того, чтобы проверить реакцию этого человека.

Клеменс заявил, что синьоро Моцарт может стать гражданином Пароландо. Что же касалось музыкальных инструментов, то их еще предстояло сделать. Вместо скрипок, фортепьяно и медных труб предполагалось изготовить электронные устройства, которые будут синтезировать звуки различных инструментов. Если синьоро Моцарт действительно тот, за которого себя выдает, у него появится возможность стать дирижером такого оркестра. И он может тратить все свое время на создание новых музыкальных шедевров.

Клеменс предлагал ему шанс, но не обещал дирижерской палочки. Он уже понял, как плохо раздавать обещания.

В честь Хакинга во дворце Иоанна состоялся большой прием. Уважаемый гость смеялся и весело болтал, извергнув свой яд при первой встрече. Сэм провел в его компании более часа и нашел Хакинга весьма начитанным и сведущим человеком. Как оказалось, тот занимался самообразованием, обладал живым воображением и литературным чутьем. Сэм даже опечалился, что такой талант растрачивался впустую.

Около полуночи Сэм проводил Хакинга и его свиту в большой двухэтажный дом, который построили специально для именитых гостей. Каменное здание имело тридцать комнат и располагалось между дворцом Иоанна и жилищем Сэма. Пожелав Хакингу спокойной ночи, Клеменс направил «джип» к своему дому. Джо Миллер сердито дулся — ему тоже хотелось поуправлять машиной, но его огромные ноги не соответствовали размерам педалей. Оба приятеля, спотыкаясь, поднялись по лестнице и закрыли дверь на засов. Джо ушел в свою спальню и рухнул на постель с таким шумом, что потряс весь дом. Взглянув в окно, Сэм увидел Сирано и Ливи, которые, обнимая друг друга, пьяной по-

ходкой подходили к двери их хижины. Левее и чуть выше на холме виднелась лачуга фон Рихтхофена, где он и Гвенафра укладывались в постель.

Помахав рукой, Клеменс шепотом пожелал им всем спокойной ночи и повалился на топчан. Длинный утомительный день закончился грандиозной пирушкой, на которой было выпито огромное количество «пурпурной взрывчатки» и спирта. А сколько они выкурили табака и марихуаны! Сколько сжевали мечтательной резинки! Да, этот праздник удался на славу...

Сэм проснулся, задыхаясь от ужаса: ему привиделось, что он попал в то страшное калифорнийское землетрясение, которое случилось в праздник Четвертого июля.

Он вскочил с постели и побежал в «рулевую рубку». Пол дрожал от близких разрывов ракет. Сэм с удивительной ясностью и хладнокровием понял, что на Пароландо напали враги. Он так и не добежал до окна, потому что ракета, полыхнув огненным хвостом, попала в одну из свай. Раздался оглушительный взрыв, и волна дыма, ворвавшись в разбитые окна, швырнула Клеменса на пол. Дом дрогнул, затрещал, и передняя стена упала на склон холма. История повторялась заново.

Глава 25

Он барахтался среди колючих щепок, битого стекла и комьев земли, пытаясь выбраться из-под разбитой стены. Огромная рука подняла его и поставила на ноги. В яркой вспышке близкого взрыва он увидел носатое лицо Джо. Титантроп выбрался из разрушенного дома и, разбросав обломки, отыскал под ними Сэма. В левой руке он держал два грааля — свой и Клеменса.

— Не знаю, каким чудом, но я почти не пострадал,— прохрипел Сэм.— Просто набил синяки и порезался стеклом.

— Я не нашел звой панцирь, но у меня езть топор,— сказал Джо.— А это для тебя: меч, пизтолет, незколько пуль и патронов.

— Кто же напал на нас, Джо? Черт бы их побрал!

— Не знаю. Змотри! Они прорываютзя через бреши в ограде — вон там, в районе доков.

Крупные звезды заливали равнину холодным светом. Облака, приносившие ночной дождь, еще не появились, но Река уже окуталась густым тяжелым туманом. Из серой пелены выбегали фигурки людей, пополняя собой темную массу вражеской армии,

которая расползалась по равнине. Очевидно, там, за оградой, находился флот.

Так близко мог подойти только флот рудовозов из Душевного Города. Любые другие корабли, проплывавшие ночью по Реке, вызвали бы подозрение наблюдателей, которых Сэм и Иоанн разослали вдоль побережья на сопредельные территории. Кроме того, последнее донесение, принятое около полуночи, подтверждало, что флот Иэясу по-прежнему стоял в доках у своих берегов.

Джо выглянул из-за кучи бревен.

— Вокруг дворца Иоанна идет чертовзкая драка. Дом для гозтей горит, и я не завидую зейчаз Хакингу и его ребятам.

Пламя освещало тела, лежавшие на земле, и крохотные фигурки сражавшихся у бревенчатых стен дворца. Затем к ограде подтащили пушку и несколько зарядных ящиков.

— Это же «джип» Иоанна! — закричал Сэм, указывая на машину, которая стояла позади пушки.

— Да, и это наша пушка! — ответил Джо.— Ею завладели люди Хакинга. И они хотят выбить Иоанна из его любимого гнездышка.

— Надо выбираться отсюда, Джо!

Клеменс полез через груду обломков в противоположном направлении. Он не мог понять, почему нападавшие до сих пор не послали к его дому солдат. Ракета, разрушившая стену, прилетела с равнины. И если Хакинг со своим отрядом решил поддержать внезапную атаку с фальшивых рудовозов, то Сэму и Иоанну полагалось стать первыми объектами для предательского удара.

Позже он с этим разберется — если только это «позже» когда-нибудь наступит.

Захват пушки и снарядов расстроил Клеменса. Враг использовал оружие Пароландо. Едва он подумал об этом, как раздался грохот пушечных выстрелов — один, другой, третий. Сэм оглянулся на бегу и увидел куски бревен, вылетавшие из дыма. В стене дворца появился широкий пролом, и следующие несколько снарядов могли превратить его в руины.

К счастью, запас снарядов ограничивался полусотней штук. Несмотря на огромные залежи метеоритного железа, Сэм не хотел расточать металл на вооружение.

Впереди показалась хижина Сирано и Ливи — дверь нараспашку, смятая постель пуста. Взглянув на вершину холма, Сэм увидел Лотара фон Рихтхофена. Тот успел надеть лишь юбку, но в его руках были шпага и пистолет. Заметив Клеменса, он поспе-

шил к нему навстречу. Следом, отставая на несколько шагов и размахивая пистолетом, бежала Гвенафра. На ее боку висела сумка с патронами и пулями.

Вокруг Сэма начали собираться мужчины и женщины. Среди них оказалось несколько арбалетчиков. Поручив Лотару привести людей в боевую готовность, Клеменс повернулся, чтобы осмотреть равнину. Гавань чернела от скопища врагов. Если бы пушка осталась в руках защитников, они могли бы расстрелять эти толпы, продвигавшиеся по открытому месту. Но орудие, превратив дворец в пылающий факел, вело огонь по мирным жителям, которые убегали в предгорье.

Из широкой бреши берегового вала выползла большая черная машина. Сэм закричал от ужаса. Он узнал «Огненный дракон-3», отданный Хакингу. Но куда же подевались три амфибии Пароландо?

Вскоре он увидел два вездехода, которые спешили к холмам. Клеменс облегченно вздохнул и вытер пот со лба. Внезапно паровые пушки начали с шипением плеваться, и его люди — люди Пароландо — падали под ливнем пластиковых пуль.

Нападавшие захватили самое эффективное оружие Пароландо!

Всюду, куда бы он ни бросил взгляд, кипело яростное и кровавое сражение. Вокруг парохода тоже разгорелся бой. Клеменс застонал, представив рваные дыры в корпусе корабля. Затем он заметил, что в непосредственной близости от судна враги не использовали гранат и ракет. Вероятно, Хакинг заботился о сохранности корабля ничуть не меньше жителей Пароландо.

Позади Сэма, с вершин холмов, ударил ракетный залп. Снаряды пронеслись над его головой и разорвались внизу, среди армии врагов. В ответ взлетели ракеты нападавших. В воздухе замелькали полосы красного пламени. Некоторые боеголовки пролетали так близко над людьми, что те видели размытые контуры цилиндрических снарядов и длинные бамбуковые стабилизаторы, выступавшие из хвостовых частей. Вой оглушал, огонь из сопел слепил глаза, ракеты взрывались на другой стороне холма. С ближайшего железного дерева посыпались листья.

Следующие тридцать минут — а возможно, два или три часа — заполнились визгом, криками и воплями, вонью пороха, запахом пота и хаосом кусков человеческой плоти. Время от времени нападавшие предпринимали атаку на холм, и раз за разом их сметали вниз ракеты, пластиковые пули, стрелы арбалетов и боевых луков. Трижды вал атаки докатывался до рядов обороны, и тогда

в ход вступали рапиры, палаши, топоры, дубины, копья и кинжалы.

Джо Миллер — десятифутовый сгусток смерти, с волосатой шкурой, слипшейся от крови,— размахивал огромным стальным топором. Джо проламывал дубовые щиты и пробивал кожаные латы; он выбивал из рук рапиры, копья и топоры, кроил грудные клетки, отсекал руки и головы. Враги пытались обходить его стороной, но он набрасывался на них и сминал атаки, которые не раз могли бы привести к успеху.

В него стреляли из арбалетов и кремневых ружей. Однако стрелки не рисковали приближаться к титантропу, и пластиковые пули, посланные с дальней дистанции, пролетали мимо.

Потом его левую руку пробила стрела, и какой-то смельчак, а может быть, идиот, поднырнув под топор, вонзил в бедро гиганта длинную шпагу. Обух топора раздробил храбрецу челюсть, а удар лезвием отсек ему голову. Джо по-прежнему держался на ногах, но он быстро слабел от потери крови. Клеменс приказал ему отступить на другую сторону холма, куда женщины переносили тяжелораненых воинов.

— Нет! — ответил Джо.— Я не уйду! — И он со стоном упал на колени.

— Уходи назад! Это приказ! — закричал Сэм.

Он запоздало пригнулся, когда пуля, просвистев рядом с ухом, размазалась пятном на стволе железного дерева. Пластиковые осколки разлетелись в стороны. Клеменс почувствовал жгучую боль в предплечье и в колене. Джо тяжело поднялся и, как раненый слон, пошел прочь, подволакивая ногу. На смену ему из дыма появился Сирано, покрытый пороховой копотью и пятнами крови. В правой руке он сжимал резной эфес длинной и тонкой рапиры; в другой руке виднелся пистолет. Позади него, такая же грязная и перепачканная кровью, шагала Ливи с тяжелой сумкой на плече. Пока де Бержерак сражался с врагами, она перезаряжала пистолеты и передавала их Сирано. Увидев Сэма, Ливи улыбнулась. Ее белые зубы блеснули на закопченном лице.

— О боже, Сэм! Я думала, ты погиб! Эта ракета попала прямо в твой дом...

— Я рад, что ты переживала за меня,— ответил Клеменс.

Больше он ничего сказать не успел. Да и не о чем было говорить. Поскальзываясь в лужах крови и перепрыгивая через мертвые тела, враги пошли в очередную атаку. У пароландских луч-

ников кончились стрелы; у стрелков осталось по несколько патронов. Однако нападавшие тоже порастратили силы.

Джо Миллер ушел, но Сирано де Бержерак стал его достойной заменой. Он превратился в демона — такого же тонкого, гибкого и быстрого, как его рапира. Время от времени Сирано стрелял из пистолета в лицо противника, делал выпад и пронзал клинком другого врага. Затем француз бросал пистолет назад, и Ливи, выбежав из укрытия, перезаряжала его. Сэм в который раз отметил перемены, происшедшие с ней. Кто бы мог подумать, что его бывшая жена способна так смело вести себя в подобных обстоятельствах. Эта хрупкая болезненная женщина, всю жизнь питавшая глубокое отвращение к насилию, теперь хладнокровно выполняла долг, который побоялись бы взять на себя многие мужчины.

«В том числе и я,— подумал Сэм,— будь у меня время удрать отсюда».

Он действительно очень боялся — особенно теперь, когда Джо Миллер не мог защитить его и оказать моральную поддержку. А Сэм нуждался сейчас и в том и в другом.

Сирано сделал пируэт, но визжавший от бешенства ваххабский араб прикрылся большим щитом. Заметив промах де Бержерака, Ливи подняла обеими руками пистолет и прицелилась. От удара бойка длинный ствол отвело в сторону. Она тут же выровняла его; дым и пламя брызнули в стороны, и араб упал назад с оторванным плечом.

Перепрыгнув через его тело, огромный негр замахнулся на Ливи топором, но Сирано, выдернув лезвие из щита араба, пронзил врагу адамово яблоко.

Атака захлебнулась в крови и трупах. Ряды захватчиков отступили к подножию холма. К ним на помощь поспешила черная амфибия, которая, как «Мерримак»* на колесах, задирая вверх короткий ствол, поползла по склону холма. Лотар фон Рихтхофен встал рядом с Сэмом, и тот отступил в сторону, увидев в его руках пусковую трубу с десятифунтовой боевой головкой. Его

* Броненосный корабль южан (Гражданская война в США 1861–1865 гг.). В 1862 г. напал на флотилию северян, стоящую на рейде Хэмптона (штат Вирджиния); тихоходный и неповоротливый, но неуязвимый для артиллерии противника «Мерримак» учинил настоящую бойню. Последовавшее затем ожесточенное сражение «Мерримака» с броненосцем северян («Монитор») открыло новую страницу в истории военно-морского флота.

помощник опустился на колени, зарядил снаряд и нацелил базуку. А уж он-то знал свое дело! Ракета описала пологую дугу, которая завершилась на передней башне вездехода. На броне расцвел огненный цветок, и машину заволокло черным дымом. Амфибия остановилась, затем вновь двинулась вперед. Ее паровые пушки начали подниматься.

— Жаль, что у нас больше нет снарядов,— проворчал фон Рихтхофен.— Иначе мы разделались бы с этой машиной. Сэм, нам не выстоять против нее. Мы оба это знаем, верно?

Нападавшие восстанавливали ряды позади бронированной амфибии. Многие из них издавали боевой клич, которым пользовались альмаки, обитавшие на другом берегу Реки. Очевидно, Хакинг привлек к себе тех протоиндейцев, которых еще не покорил Иэясу.

Начинало темнеть. Только пламя горевших домов, огни очагов и плавильных печей кое-как освещали события, происходившие на равнине. Дождевые тучи, словно волчья стая, набросились на яркие звезды, и через несколько минут хлынул яростный ливень.

Клеменс осмотрелся вокруг. Каждая очередная атака все быстрее уменьшала число защитников. Сэм сомневался, что они выдержат еще один штурм, даже если амфибия не тронется с места. На севере и юге равнины все еще шли сражения. Бой перекинулся на холмы. Но шум, крики и выстрелы постепенно стихали.

Берег, доки и верфь чернели от прибывавших захватчиков. Возможно, к вторжению присоединились Публиджо и Тайфанджо. Сэм бросил последний взгляд на огромный корпус парохода, два гребных колеса которого наполовину скрывались в строительных лесах. За ними, вытягивая к небу длинные шеи, виднелись большие подъемные краны. На какой-то миг Клеменсу показалось, что они зовут его на помощь. Он отвернулся. Ему хотелось плакать, но он чувствовал себя холодным куском льда. И Сэм знал, что пройдет еще немало времени, прежде чем хлынут первые слезы.

Впрочем, если сначала вытечет его кровь, то слез уже не будет. Во всяком случае, не в этом теле.

Ориентируясь по огню дюжины горевших хижин, он повел отряд по заднему склону холма. Внезапно ливень кончился, и тут же щупальце вражеской армии начало сжимать их слева. Сэм

обернулся, спустил курок кремневого пистолета, но порох отсырел, и выстрела не получилось. К счастью, ружья противника тоже оказались бесполезными, и их можно было теперь использовать только как дубины.

Захватчики надвигались, размахивая копьями, мечами и топорами. Взревев низким басом, как пещерный медведь, Джо Миллер бросился вперед. Несмотря на раны, он по-прежнему оставался грозным и опасным бойцом. Под раскаты грома и вспышки молний его топор выкашивал ряды наступавших. Пароландцы ринулись ему на помощь, и через несколько секунд уцелевшие воины Душевного Города решили, что с них достаточно. Они откатились назад, ожидая подкрепления. Им не хотелось погибать в последние минуты битвы.

Отряд защитников вскарабкался еще на два холма, и тогда враг атаковал справа. Нападавшие прорвали оборону и вклинились в ряды пароландцев, убивая мужчин и захватывая в плен женщин. Благодаря Джо Миллеру и де Бержераку, атаку удалось отбить. Враги бежали, поскальзываясь на мокрой траве, смоченной дождем и кровью.

Пересчитав уцелевших, Сэм не поверил своим глазам. В отряде осталось пятнадцать человек. Куда же девались остальные? Он мог поклясться, что несколько минут назад с ним отступало не меньше сотни человек.

Ливи стояла позади Сирано. Пистолеты теперь не действовали, и она прикрывала де Бержерака со спины. Ее меч и копье были покрыты кровью врагов.

Сэм продрог и вымок. Он чувствовал себя таким же жалким, как Наполеон во время бегства из России. Все пропало! Абсолютно все! Его гордый маленький народ, их шахты, железо и заводы, неуязвимые амфибии с паровыми пушками, два аэроплана и сказочный пароход — все это теперь оказалось в руках врага! Технологический триумф, чудеса науки, Хартия вольностей с самой демократической конституцией, которую знала какая-либо страна,— отныне об этом можно забыть, как и о величайшем путешествии, которое уже никогда не состоится! Все пропало! Абсолютно все!

Но как им это удалось? С помощью предательства! Как всегда, с помощью предательства!

По крайней мере, Иоанн тут был ни при чем. Его дворец пылал в огне. И по всей вероятности, бывший король погиб под развалинами. Подумать только — великий предатель пал жертвой измены.

А потом все эти мысли и сожаления упорхнули прочь. Клеменса еще трясло от ужаса битвы, и он не мог думать ни о чем другом, кроме своего спасения. Когда их отряд достиг основания горы, он повел людей на север, к высокой бетонной дамбе. Впереди в свете звезд серебрилось небольшое озеро. Пройдя по берегу четверть мили, они взобрались на широкую бетонную стену, и Клеменс остановился, увидев выдавленный в бетоне знак — косой крест.

— Вот он! — воскликнул Сэм и позвал остальных.— Скоро мы будем в безопасности, если только нас не выследил какой-нибудь вражеский шпион.

Под далекие раскаты грома и блеск молний он шагнул в холодную воду. Сэма пробирала дрожь, но он продолжал спускаться. Когда вода дошла ему до подмышек, его нога нащупала первую скобу. Сделав глубокий вдох и закрыв глаза, Клеменс нырнул. Рука скользнула по бетонной стене и наткнулась на вторую скобу. Хватаясь за ступени металлической лестницы, он нашел входное отверстие туннеля. Проскользнув под выступом стены, Сэм рванулся вверх и всплыл в небольшом освещенном гроте. Перед ним, выступая над водой на несколько дюймов, тянулась широкая платформа. В десяти футах над головой виднелся свод, освещенный шестью большими электрическими лампами.

Дрожа и задыхаясь, он вскарабкался на платформу и подошел к двери, которая вела в следующее помещение. Над водой появилась голова Джо. Он слабо окликнул Сэма, и тот помог ему взобраться на платформу. Из дюжины ран на теле титантропа струилась кровь.

В гроте один за другим всплывали остальные мужчины и женщины. Они перенесли Джо Миллера к двери, а затем перевезли его на грузовой тележке в большое помещение. Там имелось все необходимое — койки, полотенца, еда и питье, оружие и медикаменты. Сэм подготовил это убежище именно на такой критический случай, хотя еще пару дней назад он бы не поверил, что оно когда-нибудь ему пригодится. О тайнике в стенах дамбы знали только члены Совета и несколько рабочих, которые выполняли строительные работы.

Второй вход в убежище располагался у основания дамбы — за стеной воды, которая падала на лопасти турбин. Узкий проход

вел к шахте с металлической лестницей, поднявшись по которой любой посторонний человек оказался бы перед гладкой бетонной перегородкой. Проникнуть сквозь нее могли лишь те, кто знал особый секрет.

Сэм считал этот проект не чем иным, как романтической глупостью, от которой он никак не мог избавиться. Его прельщала идея о тайных проходах под водопадом и озером; о потаенных комнатах, где можно было отдохнуть и спланировать месть, пока враги рыскали по холмам и равнине. Он не раз смеялся над собой во время строительства дамбы, но теперь его предосторожность оправдала себя на все сто процентов. Как видно, и романтика иногда способна приносить практическую пользу.

В этом тайнике находился детонатор. Чтобы взорвать тонны динамита, заложенные в основание плотины, требовалось соединить всего лишь два провода. При взрыве дамбы собранная в озере вода могла смыть в Реку всю центральную часть Пароландо. Но за месть приходилось платить большой ценой. Сэм знал, что вместе с врагами погибнет и его пароход.

После перевязки раненым дали мечтательную резинку и спиртное. Временами резинка действовала как обезболивающее средство, но иногда, наоборот, усиливала боль. Вот на такой случай раненым обычно и предлагали хорошую дозу спирта.

Выставив охрану у обоих входов, Клеменс поел и выспался. Всю остальную часть дня он провел около постели Джо, который находился в бессознательном состоянии. Сэм менял ему повязки, смачивал водой сухие губы и шептал титантропу ласковые слова. Сирано вернулся со своего поста у двери под водопадом и доложил, что снаружи наступил вечер. Больше он ничего сказать не мог. Завеса падавшей воды не позволяла следить за тем, что происходило на равнине.

Лотар и Сэм получили лишь легкие ранения. Клеменс решил, что им надо проскользнуть под водопадом и провести разведку в расположении врага. Сирано вызвался идти с ними, но Сэм отверг его предложение. Ливи облегченно вздохнула и кивнула ему в ответ. Он отвернулся, не желая принимать благодарности за заботу о ее дружке.

Его беспокоила судьба Гвенафры. Девушку могли взять в плен. По словам фон Рихтхофена, она исчезла во время последней атаки, и все попытки Лотара отыскать ее перед отступлением оказались безуспешными. Он укорял себя в том, что не уберег Гвенафру, но Сэм знал, как непросто это было сделать в той кровавой сече.

Сэм и Лотар намазали свои тела черной краской, а затем спустились по лестнице, тускло освещенной электрическими лампами. По стенам шахты сочилась вода. Ноги соскальзывали с мокрых металлических ступеней. Открыв небольшую дверь, Сэм увидел перед собой водопад, который с ревом вращал лопасти турбины. Под градом брызг они прошли около двадцати ярдов по скользкому наклонному выступу, спустились к основанию плотины и осторожно двинулись вдоль канала, который рассекал равнину по прямой линии. Ветер шевелил корешки травы, торчавшие из крутых откосов. В этом мире трава обладала таким же бессмертием, как и люди,— ее тоже можно было срубать мечом или топором, но через сутки она прорастала снова.

Небо сияло россыпью звезд и мерцало паутиной газовых туманностей. Сэм и Лотар старались выбирать места потемнее. Пройдя полмили, они перебежали в тень огромного железного дерева и оказались неподалеку от разрушенного дворца Иоанна. Перед ними на равнине горело множество костров. Они видели мужчин и видели женщин, которых те тащили в хижины. Мужчины были победителями, а женщины — жертвами. Сэм дрожал от их криков и стонов, и мольба о помощи сводила его с ума. Но он знал, как скоро оборвалась бы его жизнь, ворвись они сейчас в любую из хижин. Убив одного или двух насильников, Сэм потерял бы все шансы спасти страну, и их отчаянный поступок наверняка закончился бы смертью или пленом.

А что произойдет, если он услышит голос Гвенафры? Бросится на помощь или останется на месте? Черт бы побрал этих черных ублюдков!

В горнах и плавильных печах пылали огни. В окнах фабричных зданий мелькали женские и мужские фигуры. Очевидно, Хакинг перевел своих рабов на круглосуточный режим работы. Вокруг заводов стояла многочисленная охрана, но воины едва держались на ногах от выпитого спирта.

Вокруг огромных костров веселились альмаки и негры. Они смеялись, горланили пьяные песни и время от времени тащили в ближайшую тень визжавших женщин. Иногда их насиловали прямо у костров под хохот и задорные крики толпы.

Выдавая себя за черных, Сэм и Лотар спустились с холма. На всякий случай они решили не приближаться к кострам и охраняемым зданиям.

Они проходили в двадцати ярдах от постов и патрулей, но никто не обращал на них внимания. Враги праздновали победу, заливая в глотки «пурпурную взрывчатку» и напитки из запасов пленников. Исключение составляли арабы-ваххабиты, чья религия запрещала употреблять алкоголь, и немногочисленные черные, считавшие себя последователями Хакинга, который, как говорили, выпивал редко.

Несмотря на царивший разгул, Сэм отметил признаки жесточайшей дисциплины. Прежде всего, он не увидел ни одного трупа. Завалы и баррикады были расчищены. На равнине у передних холмов виднелась высокая ограда, по углам которой стояли охранные вышки. По всей вероятности, именно там Хакинг и разместил уцелевшее население Пароландо.

Притворяясь пьяными, Сэм и Лотар прошли в двадцати футах от трех низкорослых чернокожих, которые разговаривали на непонятном языке. В их речи часто проскальзывало слово «африкен», поэтому Сэм решил, что они были дагомейцами из восемнадцатого века.

Пройдя между заводом азотной кислоты и зданием, где обрабатывали экскременты, Лотар и Сэм вышли на равнину. Клеменс вздрогнул и остановился как вкопанный. В двадцати ярдах от них в узкой клетке со связанными за спиной руками стоял Фаербрасс. Бамбуковые прутья сжимали его тело со всех сторон. Он мог только стоять — стоять и смотреть на Германа Геринга, который висел вниз головой на широком крестообразном сооружении. Его ноги были привязаны к верхней части косого деревянного креста, а руки — прибиты гвоздями к нижней.

Сэм осмотрелся. У больших ворот фабрики стояли несколько воинов. Они пили, болтали на каком-то варварском наречии и курили большие сигары. Сэм не посмел приблизиться к Фаербрассу, хотя ему очень хотелось узнать, почему же тот оказался в клетке. Вместо этого Клеменс решил еще немного побродить по равнине, а затем вернуться в их тайное убежище. Ситуация казалась безнадежной. Им оставалось только выбраться во время ливня из страны и убежать в государство Чернского. Сэм с радостью взорвал бы дамбу, утопив в бушующем потоке всех этих подонков из Душевного Города. Но его останавливала мысль о сотнях пленных и большом пароходе. Предстояла долгая борьба, и взрыв следовало оставить на самый крайний случай.

Они прошли мимо клетки Фаербрасса, надеясь, что тот не заметит их и не позовет в отчаянии на помощь. Но бывший посол

Хакинга стоял, уронив голову на бамбуковые прутья. С его губ срывалось хриплое дыхание. Геринг тихо застонал. Они ускорили шаг и скрылись в тени ближайшего здания.

Не спеша и по-прежнему изображая пьяных, они приблизились к большому дому, который раньше занимал Фред Рольф — один из ярых сторонников Иоанна в Совете. Судя по многочисленной охране, это одноэтажное бревенчатое здание стало временной резиденцией Элвуда Хакинга. Через открытые окна Клеменс разглядывал комнаты, освещенные светом факелов. Внутри виднелись фигуры людей.

Внезапно Лотар схватил Сэма за руку и прошептал:

— Она там! Гвенафра!

Дрожащее пламя факела высветило ее длинные золотистые волосы и нежную белую кожу. Она стояла у окна и говорила с кем-то. Спустя мгновение Гвенафра отступила на шаг, и в освещенном квадрате окна появились курчавые волосы и черное лицо Хакинга. Сэму стало тошно. Хакинг взял ее себе для ночных утех.

Тем не менее Гвенафра не выглядела напуганной. Она казалась скорее уставшей и вялой. Сэм знал, что, несмотря на вспыльчивый и искрометный нрав, она могла притворяться покорной и сломленной, если этого требовали обстоятельства.

Он потянул Лотара за руку:

— Мы ничем не можем ей помочь, и любое наше вмешательство погубит и нас, и ее.

Они обошли равнину кругом, осматривая фабрики, заводы и здания. Пылавшие костры на побережье тянулись до самого изгиба Реки. Кроме негров и арабов из Душевного Города им встречались альмаки и множество азиатов. Сэм узнал в них дикарей из неолита — обитателей Цейлона, Бирмы и Таиланда, которые теперь жили по другую сторону Реки напротив Селинджо.

К тому времени Клеменс придумал план бегства из Пароландо. Им предстояло пробраться в гавань и похитить пару небольших кораблей. Он решил плыть не к Чернскому, а в Селинджо. Даже если ближайшие страны, включая Публиджо и Тайфанджо, не пострадали при вторжении Хакинга, их участь была предрешена. Бежать на север к Чернскому не имело смысла. Услышав о захвате Пароландо, Иэясу двинет на него войска — если только уже этого не сделал. По иронии судьбы их единственным убежищем могла стать страна, граждан которой они так упорно не пускали в Пароландо.

Посоветовавшись, Лотар и Сэм решили вернуться на дамбу, чтобы обсудить план побега с остальными членами отряда. Клеменс спешил. Он хотел привести своих людей в гавань во время дождя.

Они направились к озеру, старательно обходя хижины, в которых враги развлекались с плененными женщинами. Их путь пролегал мимо гигантского железного дерева, тень которого казалась им надежным укрытием. Внезапно Сэм почувствовал, как кто-то схватил его за шею. Клеменс попытался крикнуть, повернуться, оказать сопротивление, но большая рука сдавила его горло еще сильнее, и он потерял сознание.

Глава 26

Сэм пришел в себя под тем же железным деревом. Задыхаясь и кашляя, он попытался встать, но глухой бас рявкнул:

— Не двигайся, парень! Сиди тихо, или я расколю твой череп топором!

Сэм осмотрелся. В шестидесяти шагах от него, под раскидистой елью, сидел Лотар. Его руки были связаны за спиной, во рту торчал кляп. Глухой бас принадлежал крупному мужчине с неимоверно широкими плечами, мощной грудью и мускулистыми руками. Он носил черную юбку, плащ и кожаный пояс, на котором висели стальной томагавк и нож. Из-за плеча выглядывал приклад «Марка-1», большая волосатая рука сжимала топор внушительных размеров.

— Похоже, парень, ты Сэм Клеменс? — спросил он.

— Да,— так же тихо ответил Сэм.— Что все это значит? Кто вы?

Крупный мужчина провел ладонью по густым волосам и кивнул в сторону Лотара:

— Я посадил его подальше, чтобы он не слышал нашего разговора. Дело в том, что меня послал к тебе человек, которого мы оба знаем.

Сэм помолчал минуту, а затем спросил охрипшим голосом:

— Вы говорите о Таинственном Незнакомце?

— Да,— буркнул большой человек.— Он сказал, что ты именно так его и называешь. Незнакомец — это подходящее имя. В общем, тебе известно, о чем идет речь, поэтому не будем терять время на пустую болтовню. Ты веришь, что я от него?

— Мне приходится верить,— ответил Сэм: — Но если вам довелось встретиться с ним, значит, вы один из двенадцати, которых он выбрал? Скажите, как вы его нашли?

— Только не думай, что я носился сломя голову и искал этого типа,— произнес мужчина.— Видок у него, конечно, был еще тот! Судя по комплекции, он спасовал бы перед многими из тех черных, красных и белых людей, которых мне пришлось отправить на тот свет, но от его взгляда убежал бы даже гризли. Не то чтобы я его испугался... Просто рядом с ним мне стало немного не по себе. Я чувствовал себя как общипанная курица в кастрюльке.

Ладно, хватит об этом. Можешь звать меня Джонстоном. Я немного расскажу о себе, чтобы ты потом не тратил время на расспросы. Так вот, родился я в Нью-Джерси примерно в тысяча восемьсот двадцать седьмом году, а умер в тысяча девятисотом, когда валялся в лос-анджелесском госпитале для ветеранов. Между этими двумя датами моя жизнь проходила в Скалистых горах, где я охотился на зверей и отстреливал индейцев. На моем счету их было несколько сотен, но белых я не убивал, будь они даже французами. Это потом, когда меня вынесло на берега Реки, мне пришлось прибавить к своему списку еще с десяток белых скальпов, но там, на Земле...

Мужчина встал и вышел из густой тени под свет ярких звезд. Его волосы казались темными. Однако, подумал Сэм, при полуденном солнце они, скорее всего, окажутся ярко-рыжими.

— Черт возьми, я опять разболтался,— проворчал Джонстон.— В этой долине столько людей, что поневоле перенимаешь их дурные привычки.

Они направились к Лотару, и по пути Сэм спросил:

— Как вы здесь оказались? Да еще в это время?

— Незнакомец велел мне найти тебя. Он рассказал о большом корабле, о Туманной Башне и обо всем прочем. Да что тут говорить? Ты и сам это знаешь. Я согласился найти тебя и поплыть на пароходе. Почему бы и нет? Не очень-то мне и нравится торчать на берегу. Локтем не махнешь, чтобы не разбить кому-нибудь нос. В то время я жил за тридцать тысяч миль вверх по течению. И вот однажды ночью мне захотелось пить. Я встал и увидел человека, который сидел в тени у моей постели. Мы долго говорили с ним о том о сем. А потом я собрал пожитки и отправился сюда. По пути до меня доходили слухи о том, что происходило в этом рай-

оне. Когда я добрался сюда, сражение уже подошло к концу. Мне хотелось отыскать тебя, и я начал подслушивать разговоры черных. Из их слов мне стало ясно, что твоего тела они не нашли. Поэтому я крутился вокруг и высматривал все, что только можно высмотреть. Однажды на меня наткнулся один из этих арабов, и я убил его. Он подоспел как раз вовремя, потому что я проголодался и мне надо было немного перекусить.

Они подошли к Лотару, но, услышав последние слова, Сэм замер на месте.

— Перекусить арабом? — воскликнул он.— Вы хотите сказать...

Мужчина не ответил.

— Скажите,— настаивал Сэм,— вы, случайно, не тот Джонстон, которого называли Пожирателем печени? Я помню, вас еще окрестили Убийцей кроу, верно?

— Я заключил с кроу мир и стал их кровным братом,— ответил из темноты обиженный бас.— И я давно уже перестал есть человеческую печень. Но ведь человек должен чем-то питаться?

Сэм вздрогнул. Он склонился над Лотаром, развязал его и вытащил у него изо рта кляп. Фон Рихтхофен был вне себя от злости, но его разбирало любопытство. Кроме того, так же как и Сэм, он испытывал к Джонстону необъяснимое почтение. Тот излучал какую-то особую дикарскую силу — причем даже не стремясь произвести на них впечатление. Сэм еще раз вздрогнул, представив его в действии.

По пути к дамбе Джонстон не произнес ни одного слова. Однажды он исчез, и Сэм с трудом поверил своим глазам, когда этот человек, шести с половиной футов ростом, растаял в воздухе, как кладбищенский призрак. Джонстон выглядел на все двести восемьдесят фунтов, но бесшумными движениями напоминал тень тигра.

Внезапно впереди возник темный силуэт, и Сэм подпрыгнул от неожиданности. Джонстон вернулся.

— Что-нибудь случилось? — спросил Клеменс.

— Да так, ничего. Ты сказал, что не очень хорошо представляешь себе обстановку, и я на всякий случай осмотрел эти места. Так вот, послушай меня внимательно — я недаром крутился тут целый день. Большая часть твоих людей перебралась через стены в соседние страны. Если их собрать в кучу, ты можешь дать неграм хорошего пинка. Да только черным и без того труба — на них надвигается армия Иэясу. По моим расчетам, он нападет на

Хакинга этой ночью. Прежде чем прийти сюда, я потерся немного с его людьми и разузнал кое-какие планы. Японец не собирается отдавать неграм железо и корабль. Он заберет их у черномазых и даже спасибо не скажет.

Сэм застонал. Какая разница, кто приберет к рукам его корабль? Все равно он не получит назад свой пароход.

Когда они оказались внутри дамбы, Клеменс приободрился. Если две вражеские армии сцепятся друг с другом, он соберет разбежавшиеся силы и выбьет из Пароландо ослабевшего противника. Да! Он им еще покажет! Он вернет себе и страну и корабль!

Появление геркулеса-Джонстона придало ему новые силы. Этик не забывал о нем и посылал чертовски нужных людей. Если верить историям о Пожирателе печени, он один стоил целого взвода. И он стал Шестым — шестым избранником Незнакомца. Сэм знал, что в свое время появятся и остальные. Хотя один уже пропал, и вряд ли они вновь увидят Одиссея.

Тем не менее такая возможность существовала. Слишком много людей находилось в копилке речной долины, чтобы отыскать в ней двенадцать фальшивых монет. Но неужели кто-то их уже ищет? И кому они так неугодны?

«Кому же еще, как не этикам»,— ответил сам себе Клеменс.

Вернувшись в убежище, Сэм представил Джонстона остальным и вкратце рассказал о результатах разведки. Джо Миллер, закутавшись в покрывало, сел на постели и пожал трапперу руку. Потрясенный его голосом, тот восхищенно воскликнул:

— Ночь и день! Вот это парень! Я еще никогда не видел ребят, похожих на тебя. Только не сломай мою руку, дружище.

— Да куда уж мне,— ответил Джо.— Ты выглядишь большим и крепким. А я теперь больной.

За полчаса до начала ливня люди выбрались наружу. К тому времени оргия уже закончилась, и страна погрузилась в относительный покой. Победители разбрелись по хижинам, постовые в ожидании дождя ушли от костров под защиту крыш и навесов. Однако на сторожевых вышках и у стен фабричных строений по-прежнему стояли вооруженные люди. Никто из них не пил. Очевидно, Хакинг приказал прекратить веселье.

Пока отряд пробирался вдоль ограды химического завода, Джонстон, словно гигантский призрак, проскользнул вперед и растаял во мгле. Через десять минут он так же тихо возник за спиной Сэма.

— Я глянул, как там у них идут дела,— прошептал он.— Хакинг, оказывается, довольно хитрый нигтер. Все эти песни, вопли и пьянство были только притворством! Он решил облапошить шпионов Иэясу. Узнав, что этой ночью япошка пойдет в атаку, Хакинг приказал своим людям валять дурака. Они сделали вид, что взять их ничего не стоит, но на самом деле армия затаилась, как лиса у норы сурка. Его ребята начеку и уже заряжают свои мушкеты.

Сэма встревожила эта новость. Он спросил у Джонстона, не узнал ли тот что-нибудь еще.

— Да, я слышал, как парочка черных болтала о том, почему Хакинг напал на Пароландо. Он узнал, что Иэясу точит на вас зуб, и решил опередить его, чтобы завладеть вашим оружием. Если бы япошка взял под свой контроль металл и амфибии, он свернул бы Хакингу шею и подтерся их Душевным Городом, как дешевой салфеткой. Но они натянули ему желтый нос до самого пупка, а заодно и придушили белых из Пароландо. Эти черные ослы буквально корчились от смеха. Из их слов я понял, что король Иоанн сговорился с Хакингом о сдаче страны. Но Хакинг вышиб его из дворца, потому что не доверял этому ублюдку. Иоанн — предатель, да к тому же еще и белый. Разве такому можно верить?

— Но почему, черт возьми, Иоанн поступил с нами таким образом? — прошептал Сэм.— Какая ему от этого польза?

— Хакинг и Иоанн сговорились захватить все страны на сотню миль по Реке, а потом поделить их поровну. Иоанн правил бы белой половиной, а Хакинг — черной. Пятьдесят на пятьдесят, где все делилось бы поровну. Они хотели построить два корабля, и всего прочего тоже по два.

— А что случилось с Фаербрассом? Почему он в клетке?

— Не знаю, но кажется, кто-то обвинил его в предательстве. А этот немец... Как там его — Херинг?..

— Геринг.

— Ну да. Хакинг тут ни при чем. Это сделали ваххабские арабы. Ты, наверное, знаешь, у них на шансеров вот такой зуб. Одним словом, они его поймали и начали пытать, а потом к ним присоединились дагомейцы. Эти африканские ниггеры, как я слышал, не садятся завтракать, пока не прирежут дюжину людей. Когда Хакинг услышал об этом, он остановил пытки, но Геринг был уже при смерти. Переговорив с Хакингом, он назвал

негра братом по духу и сказал, что прощает его. Пообещал, стало быть, встретиться с ним на берегах Реки. Хакинга это просто потрясло — во всяком случае, так говорили его люди.

Потребовалось несколько минут, чтобы Сэм переварил новости, которые ввергли его в отчаяние. Он так расстроился, что даже не обрадовался неудаче Иоанна — чемпиона мира по двойной игре. Тем не менее Клеменс восхищался государственным умом и дальновидностью Хакинга. Тот нашел единственно верный способ и, общаясь с Иоанном, утер ему нос. Наверное, в отличие от Сэма его не тревожила совесть.

От намеченного плана пришлось отказаться. Скорее всего, Иэясу задумал начать атаку во время дождя. Тучи уже клубились над головой. И отряд Клеменса не успел бы пробраться в гавань. Кроме того, в такой напряженной атмосфере ожидания им не удалось бы незаметно пересечь равнину.

— Что случилось, Сэм? — спросила Ливи.

Она села рядом с ним и встревоженно посмотрела ему в глаза.

— Я думаю, все это выше наших сил.

— Ах, Сэм! — воскликнула она.— Где же твое мужество? Я знаю, что ты легко расстраиваешься, если ситуация не складывается по-твоему. Но ты не должен сдаваться! Пойми, это прекрасная возможность отбить твой пароход! Пусть Хакинг и Иэясу начинают смертельную схватку. Нам надо просто отсидеться на холмах и подождать, пока они не перегрызут друг другу глотки. А потом, когда их силы иссякнут, мы набросимся на уцелевших врагов и вышвырнем их прочь из нашей страны!

— О чем ты говоришь? — сердито ответил Клеменс.— Набросимся! Вышвырнем! А нас всего-то пятнадцать человек!

— Сэм Клеменс, не будь таким тупым! За той оградой находится по меньшей мере пятьсот пленных и бог знает сколько их еще трудится на заводах, фабриках и шахтах. К тебе на помощь придут тысячи людей, бежавших к Чернскому и в Публиджо!

— А как я получу их поддержку? — спросил Сэм.— Мы опоздали, понимаешь? Вскоре начнется наступление, и нам не собрать убежавших. Кроме того, их тоже могли поместить за высокую ограду! Я подозреваю, что Чернский и Публий Красс вступили с Хакингом в сговор!

— Ты все тот же отпетый пессимист, которого я знала на Земле,— сказала Ливи.— Ах, Сэм, я по-прежнему люблю тебя. Я люблю тебя как друга и...

— Друга? — воскликнул он так громко, что остальные обернулись в их сторону.

— Morbleu! — выругался Сирано.

— Эй вы, заткнитесь! — зашипел на них Джонстон.— Хотите, чтобы черные нас замели?

— Мы столько лет любили друг друга,— прошептал Сэм.

— Не всегда, если по большому счету,— ответила она.— Но сейчас не время обсуждать наши отношения. Во всяком случае, я не намерена рыться в грязном белье. Все равно уже слишком поздно. Сейчас решается вопрос о твоем корабле — хочешь ты его или нет?

— Конечно хочу! — свирепо прошептал Клеменс.— Так значит, ты предлагаешь мне...

— Перестать быть дохлым ослом и оторвать свою задницу от земли!

Сэм не удивился бы, услышав такое замечание от кого-нибудь другого. Но от нее, его хрупкой и ласковой Ливи?! Он не мог поверить своим ушам. Однако она сказала это! Сэму вдруг вспомнилось несколько подобных моментов в их земной совместной жизни. Он старался о них забыть, но они...

— В словах леди есть определенный смысл! — проворчал Джонстон.

Клеменсу хотелось подумать о более важных делах. Но самые важные проблемы проявлялись бессознательно. Вот почему у него возникла эта мысль. Вот почему он понял — всеми клетками тела, от макушки и до пяток,— что Ливи изменилась и перестала быть той женщиной, которая когда-то принадлежала ему. Фактически Ливи стала чужой уже давно — возможно, даже за несколько лет до своей смерти на Земле.

— Так что ты скажешь, мистер Клеменс? — настаивал человек-гора.

Сэм тяжело вздохнул, словно прогоняя из сердца последние воспоминания об Оливии Лэнгдон Клеменс де Бержерак. Он осмотрел своих спутников и сказал:

— Вот что мы сейчас сделаем...

Через полчаса начался ливень. Гром и молнии смешали землю и небо в чудовищное месиво вспышек и грохочущей тьмы. Из-за завесы дождя появился Джонстон с двумя базуками и четырьмя ракетами, привязанными к его широкой спине. Потом он снова исчез и минут через тридцать вернулся с корзиной метательных ножей и стальных томагавков. Его руки и грудь покрывала кровь врагов.

Чуть позже дождевые облака разбежались. Земля засияла серебром в сиянии величественных звезд, похожих на большие спелые яблоки. Их было как вишен на дереве в хороший сезон, и они сверкали, словно драгоценные камни, подсвеченные электрическими лампами. Стало прохладнее. Люди Сэма дрожали, спрятавшись под железным деревом. Над Рекой появилась тонкая пелена тумана. В течение пятнадцати минут она превратилась в плотный занавес, полностью скрыв поверхность воды, питающие камни и высокий вал, который тянулся вдоль берега.

Через полчаса началась атака. Большие и малые корабли, заполненные людьми и оружием, подплывали с другого берега Реки — с территорий к северу от Альмакса, где некогда правили индейцы племен саков и фоксов, где еще год назад жили в мире готтентоты и бушмены. Но главные силы трех стран, где ныне правил Иэясу, пошли на штурм с правого берега.

Иэясу атаковал защитные укрепления в десяти местах. Его отряды, словно черные реки, хлынули в проломы и бреши, проделанные минами. Количество ракет, выпущенных в первые пятнадцать минут, внушало ужас. Как видно, Иэясу готовил и запасал их долгое время.

Три амфибии Хакинга поползли вперед. Их паровые пушки плевались и, словно из шлангов, поливали нападавших пластиковыми пулями, нанося огромный урон. Но воины Иэясу приготовили сюрприз. Вокруг трех бронированных машин разорвалось несколько ракет с деревянными боевыми головками, заполненными смесью из мыла и спирта. В каждую амфибию попало не меньше двух снарядов. Примитивный напалм быстро расползался по броне, и, хотя огненная смесь не проникала внутрь, жар жег легкие водителей и стрелков.

Это зрелище потрясло Клеменса, но, сохраняя хладнокровие, он попросил Лотара напомнить ему о напалме, когда все закончится и если к тому времени они будут еще живы.

— Нам надо сделать кабины более герметичными и установить внутри систему кондиционеров, которую предлагал Фаербрасс,— сказал он.

Будто открыв дверь в ночной мгле, перед ними возник Джонстон. Следом за ним шел Фаербрасс. Измученный и истощенный, он нашел в себе силы улыбнуться Сэму. Его знобило и покачивало от слабости.

— Хакингу донесли, что я предал его,— рассказал Фаербрасс, немного отдохнув.— Он не мог не поверить такому именитому доносчику, как наш уважаемый и надежный друг Иоанн. Его королевское величество заявил, что я продался вам за пост шефа воздушных сил и раскрыл все планы Душевного Города. Хакинг знал, что меня нельзя купить за такую мелочь, но ему не нравилась моя увлеченность вашим проектом. Я не виню его за это. Мне следовало вовремя предупредить Хакинга о своих действиях, но я пренебрег очевидными мерами предосторожности. Одним словом, у него сложилось впечатление, что я веду двойную игру.

— А разве вам не хотелось перейти на нашу сторону? — спросил Сэм.

— Нет, я не пошел бы на предательство, хотя иногда мне действительно хотелось стать вашим соратником,— ответил Фаербрасс.— Но после захвата Пароландо я получил бы любой пост на вашем корабле. Зачем же мне было предавать Душевный Город? Тем не менее Хакинг охотно поверил Иоанну. Я не принимал его идей о духовном братстве и поэтому казался ему белой вороной. Он считал меня баловнем судьбы, который не жил в гетто и не знал всех ужасов расового гнета. Хакинг не мог мне простить, что я успел побывать там, где он никогда не будет.

— Пост главного механика по-прежнему за вами,— сказал Сэм.— Надеюсь, вы не станете отнимать у Лотара должность шефа воздушных сил? Повторяю, вы будете летать столько, сколько захотите.

— Это лучшее предложение, которое я получал после своей смерти на Земле,— ответил Фаербрасс.— Я принимаю его.— Он придвинулся к Сэму и прошептал: — Вы бы все равно взяли меня с собой. Я — один из двенадцати.

Глава 27

Сэм почувствовал, как по его телу прокатилась волна холодной дрожи.

— Вас выбрал этик? Незнакомец?

— Да. Он сказал, что вы называете его Таинственным Незнакомцем.

— Значит, вы все-таки предали Хакинга?

— Эта маленькая речь, которую я сейчас произнес, предназначалась для общего пользования,— сказал Фаербрасс.— Да,

я предал Хакинга, если вы настаиваете на употреблении этого слова. Меня интересует нечто более высокое, чем духовное братство обиженных негров. Я не хочу тратить время на создание белых и черных государств, когда мы наконец можем узнать, как и почему человеческая раса оказалась в мире Реки. Мне не терпится получить ответы на свои вопросы, как однажды сказал Карамазов. Я презираю все эти черно-белые разборки, какими бы важными они ни казались на Земле. Наверное, Хакинг догадался о моем отношении к его идеям и решил поставить на мне крест.

Стряхнув с себя оцепенение, Сэм быстро оценил ситуацию. К тому времени сражение перекинулось на равнину, и после тридцати минут неистового боя люди Хакинга начали сдавать позиции. За каждого погибшего бойца они убивали трех нападавших, но их все больше теснили к холмам. Сэм повел отряд к лагерю военнопленных, где томились жители Пароландо. Лотар выпустил по воротам ограды две ракеты, и под прикрытием дымовой завесы пятнадцать храбрецов ворвались внутрь. Сирано и Джонстон уничтожили более дюжины охранников, выполнив за остальных почти всю грязную работу. Меч Сирано сверкал как молния; француз казался дьяволом, скакавшим по окровавленным трупам. Джонстон уложил четверых томагавками, троих — метательными ножами, а двум последним переломал ударами кулаков грудные клетки. Освобожденных людей отправили на военный завод, где имелся запас луков, стрел и мечей.

Сэм послал двух гонцов на север и юг, чтобы установить связь с пароландцами, бежавшими в другие страны.

Пополнившийся отряд Клеменса отошел к предгорью. Люди расположились около дамбы и следили за ходом битвы. Сэм не имел ни малейшего представления о том, что им делать дальше. Сирано посоветовал играть на слух, то есть следовать своей интуиции. Клеменс едва не ответил, что для этого он слишком туг на ухо.

Позже Сэм возблагодарил небеса за то, что он не отвел людей на вершину дамбы. Они находились на холме чуть выше и левее плотины. Отсюда открывался хороший обзор холмов и равнины, где все еще взрывались ракеты. Свет звезд отражался в озере, и при взгляде на эти тихие воды казалось, что весь мир погружен в покой и тишину.

Внезапно Джонстон вскочил на ноги и закричал:

— Смотрите туда! Нет, вон туда! На вершину дамбы!

Из воды выходили три маленькие темные фигуры. Выбравшись на бетонную дорожку, они побежали к подножию горы. Клеменс велел всем спрятаться за огромным стволом железного дерева. Когда лазутчики поравнялись с холмом, Джо Миллер и Джонстон уложили их на землю. Один из трех попытался ударить титантропа кинжалом, но Джо сломал ему шею, и из лопнувших сосудов брызнула кровь. Двух других оглушили. Когда они пришли в себя, Сэму уже не нужно было их расспрашивать. Он знал, что они действовали по приказу Иоанна.

Земля дрогнула под ногами, и листья железного дерева посыпались, как тарелки с посудной полки. Огромные куски белой плотины разлетелись в стороны, их тут же закрыло облаком дыма, и от мощного взрыва у людей заложило уши. Тысячи осколков взмыли вверх. Они пронеслись, как белые птицы, над трубами фабрик и осыпались смертельным градом на землю, воду и сражавшихся воинов. И озеро больше не казалось мирным и тихим зеркалом, в котором отражалось мерцание прекрасных небес. Вода забурлила и с ревом понеслась по каналу к Реке.

Протаранив земляные насыпи, поток разнес на куски защитный вал и вырвался на равнину. Отток сотен тысяч тонн воды стал причиной гигантского оползня, который оголил огромные корни железного дерева. Тысячефутовый гигант покачнулся и начал крениться в сторону водохранилища. Дерево падало неимоверно долго, и люди вздрагивали от треска лопавшихся корней и свиста воздуха, рассекаемого огромными листьями и ветвями. Колосс падал в противоположную сторону, но отряду грозило извержение земли от вывернутых наружу корней. На всякий случай Сэм отправил людей на соседние холмы.

Дерево с грохотом рухнуло, скатилось по крутому откосу оползня, и огромная крона вспенила воду множеством маленьких водоворотов. Поток подхватил гигантский ствол, помчал его, как какую-то зубочистку, вдоль канала, но вскоре крона застряла между берегами.

Стена воды в сотню футов высотой обрушилась на равнину. Пенистый гребень темнел от обломков бамбуковых стволов и разрушенных домов и гибнувших людей. За считанные секунды вал прокатился к берегу, сметая на пути широкие земляные насыпи, которым так и не удалось защитить Пароландо от атак со стороны Реки.

Вода уносила все. Заводы рушились, как песочные домики. Стены фабрик плыли, словно вафельные плитки. Гигантский па-

роход, подхваченный волной, казался игрушечным корабликом в кипящем вихре океанского прибоя. Покачиваясь и немного кренясь набок, он помчался к середине Реки и вскоре исчез в туманной мгле. Сэм упал на землю и вцепился руками в траву. Он все-таки потерял свой корабль! Он потерял все — фабрики, шахты и заводы, амфибии, аэропланы и знающих людей! И вместе с погибшим кораблем разбилась вдребезги его мечта! Она рассыпалась в стеклянное крошево, как драгоценный камень, попавший под молот судьбы.

Прохладная и влажная трава щекотала его лицо. Пальцы будто врастали в плоть земли, и казалось, что их уже ничто не освободит от этого вечного плена. Но огромная рука Джо подняла Сэма, как куклу, и усадила на волосатое колено. Титантроп прижал Клеменса к себе, согревая друга своим теплом. Сквозь слезы Сэм увидел, как к нему придвинулось гротескное лицо Джо с выступавшими надбровными дугами и абсурдно длинным носом.

— Все пропало! — прошептал Миллер.— О Иизуз! Там ничего не осталось, Зэм!

Поток бушевал на равнине около пятнадцати минут. Затем вода схлынула, и Река обрела свой обычный вид. Но берег Пароландо стал похож на пустыню. Здания фабрик, верфь и гавань, заградительные насыпи, строительные леса и огромный пароход бесследно исчезли. На месте шахт и заводских подвалов виднелись небольшие озера. Огромная масса воды прорыла гигантский желоб в тех местах, где велась добыча руды. Дно широкого канала устилали неимоверно длинные корни травы. Остальная часть равнины казалась выглаженной утюгом.

Небеса побледнели, и звездная россыпь поблекла в преддверии рассвета. Огромный флот Иэясу разметало по Реке. Тысячи кораблей умчало вниз по течению, разбило, перевернуло вверх дном и погребло в пучине. Воины двух армий и матросы двух речных армад погибли под тоннами воды, которые растерли людей в порошок или выдавили, как тюбик зубной пасты.

Тем не менее Пароландо тянулось на десять миль вдоль Реки, а поток бушевал только на двухмильной полосе в центральной части. Основной ущерб был нанесен на участке в полмили шириной, и по краям этой зоны здания подверглись лишь частичному разрушению.

На рассвете через пограничную стену из страны Чернского начали перебираться люди. К берегу подплыло несколько сотен

лодок, и вскоре на равнине сформировался отряд численностью около тысячи человек. Во главе их стоял король Иоанн.

Сэм построил своих людей в боевой порядок. Джо Миллер занял место в центре колонны. Король Иоанн торопливо зашагал вперед, прихрамывая и протягивая руки в жесте мира. Клеменс пошел навстречу, чтобы выяснить планы изменника. Несмотря на все объяснения, он до последнего момента ожидал, что Иоанн попытается убить его. Но потом Сэм понял, что экс-монарх нуждался в нем, в Фаербрассе и других специалистах. Иоанн хотел получить пароход. Кроме того, он, очевидно, испытывал извращенное удовольствие, оставляя Клеменса живым, чтобы тот с ужасом ждал минуты, когда кинжал пронзит его грудь.

Как оказалось, не все надо было начинать сначала. Корабль, почти целый, сел на мель у противоположного берега примерно в миле ниже по течению. Река не оставила на нем следов своей ярости, но, чтобы вернуть назад огромный корпус парохода, требовалась огромная и напряженная работа. Впрочем, она не шла ни в какое сравнение с тем, что пришлось бы сделать для постройки нового корпуса.

Иоанн не раз объяснял Клеменсу свой хитрый маневр, но ложь и коварные интриги настолько путались друг с другом, что Сэм не улавливал общей картины. Иоанн якобы лишь делал вид, что предает Клеменса. На самом деле он знал, что Хакинг постарается отделаться от него в первые же минуты вторжения. Иоанн испытал бы искреннее разочарование, если бы негритянский лидер не попытался вонзить ему в спину нож. Он потерял бы тогда всю свою веру в человеческую природу.

Иоанн наладил связь с Иэясу и пообещал ему помощь, если тот отобьет Пароландо у Хакинга. Японцу понравилась эта идея, так как он сразу уловил, что армия Хакинга во время штурма ослабеет. В последний момент Иоанн заключил тайный договор с Публием Крассом, Тай-Фаном и Чернским, и те поклялись, что помогут ему разделаться с силами Иэясу. На всякий случай он решил взорвать дамбу, чтобы подстраховаться и смыть всех врагов с лица земли. Когда большая часть двух армий сконцентрировалась на вторых рубежах обороны, Иоанн послал трех человек с приказом взорвать плотину. После этого он сел на быстроходный корабль и уплыл на безопасное расстояние вверх по течению.

— Значит, вас не было во дворце, когда люди Хакинга обстреливали его из пушки? — спросил Сэм.

— Конечно,— ответил Иоанн, расплываясь в кошачьей улыбке.— В это время я находился за несколько миль к северу и спешил на встречу с японцем. Вы никогда не одобряли моих поступков, Сэмюэль. Но теперь вам следовало бы пасть на колени и с благодарностью поцеловать мою руку. Без меня вы потеряли бы все.

— Если бы вы сказали мне, что Хакинг планирует нападение, я бы организовал оборону и дал ему достойный отпор! — воскликнул Сэм.— Мы устроили бы ему засаду.

Лучи восходящего солнца запутались в рыжевато-коричневых волосах Иоанна и блеснули в его серо-голубых глазах.

— Да, но вы забыли о японце. Иэясу все равно представлял бы для нас угрозу. А теперь с ним покончено, и нам никто не помешает захватить бокситы и платину Душевного Города — как, впрочем, иридий и вольфрам Селинджо. Я надеюсь, у вас нет возражений по поводу захвата этих двух государств?

А потом удача пошла за удачей. Хакинга взяли в плен, а Гвенафру нашли живой и невредимой. Во время нападения Иэясу они оба находились на западных холмах, откуда Хакинг собирался нанести внезапный удар. Его планы нарушило наводнение: поток снес их отряд в Реку. Гвенафре удалось спастись, хотя она едва не утонула. А Хакинга швырнуло на дерево, и он переломал себе ноги и руки. Кроме того, незадачливый завоеватель получил серьезные внутренние повреждения.

Клеменс и Иоанн поспешили туда, где под железным деревом лежал Хакинг. Увидев Сэма и Лотара, Гвенафра бросилась им навстречу и стала их обнимать. Клеменсу показалось, что она подарила ему более долгое объятие, чем фон Рихтхофену. Впрочем, удивляться тут было нечему — последние несколько месяцев Гвенафра и Лотар ссорились чуть ли не каждый день.

Иоанн собирался подвергнуть Хакинга самым изощренным пыткам и хотел заняться этим делом сразу после завтрака. Сэм категорически возражал. Он знал, что Иоанн будет настаивать на своем: его армия в пятьдесят раз превосходила по численности отряд Сэма. Но в тот момент Клеменс потерял всякую осторожность. И Иоанн уступил. Он нуждался в Сэме и в специалистах, которыми тот командовал.

— У тебя есть мечта, Белый Сэм,— тихо прошептал Хакинг.— Вот и у меня была своя. Мечта о стране, где братья и сестры могли бы мирно жить и открывать друг другу души. Страна, где

жили бы только черные. Ты не понимаешь, что это значит для нас! Ни одного белого негодяя, ни одной пары блеклых глаз! Только черные братья по духу! И тогда даже в этом адском мире мы приблизились бы к небесам. Конечно, без проблем бы не обошлось. Но где ты видел мир и покой без каких-нибудь проблем? Главное, чтобы их не создавали вы, белые! Пусть они были бы нашими. Жаль, что этого не случилось.

— Вы могли бы осуществить свою мечту, если бы немного подождали,— сказал Сэм.— Построив корабль, мы отправимся в далекое плавание, и эта местность, начиненная железом, опустеет...

Хакинг брезгливо сморщился. На черной коже выступил пот, мышцы напряглись от приступа боли.

— Эх, парень, у тебя, наверное, из черепа выпали мозги! Неужели ты думаешь, что я поверю в твою историю о плавании на поиски Великого Грааля? Я же знаю, что на своем корабле ты будешь перевозить черных рабов, закованных в цепи и колодки. В былые дни южане вроде тебя...— Хакинг застонал и закрыл глаза.

— Это неправда! — воскликнул Сэм.— Если бы вы знали меня... Если бы вы только взяли на себя труд узнать меня, вместо того чтобы загонять в какие-то рамки...

Хакинг открыл глаза и прошептал:

— Ты лжешь ниггеру даже тогда, когда он умирает. Вот только зачем? Послушай меня, Сэмми! Этот нацист Геринг — он ведь действительно потряс меня до глубины души. Я приказал просто его убить. Мне не хотелось кого-то там мучить. Но ты же знаешь этих фанатичных арабов! Перед смертью Геринг сказал мне свои последние слова. «Здравствуй и прощай, мой брат по духу» — или что-то в этом роде. «Я прощаю тебя, потому что ты не ведаешь, что творишь». Представляешь? Как тут не спятить? Слова любви от нацистского ублюдка! А ведь он действительно изменился! И возможно, он прав. Возможно, все шансеры правы! Конечно же, глупо воскрешать нас молодыми и здоровыми, чтобы мы вновь убивали друг друга и поганили все вокруг себя. А значит, есть какая-то другая цель? Какой-то второй шанс...— Он посмотрел на Сэма и тихо прохрипел: — Пристрели меня! Оборви мою боль! Я уже устал от мучений.

Лотар шагнул вперед и встал рядом с Сэмом.

— После того, что ты сделал с Гвенафрой, я прикончу тебя с огромным удовольствием.

Он направил ствол кремневого ружья в голову Хакинга. Тот криво усмехнулся и прошептал:

— Насилие в ответ на насилие! Я проклял этот принцип еще на Земле, но твоя женщина пробудила во мне дьявола! Впрочем, какая разница? Что ты скажешь о всех тех черных женщинах, которых вы, белые, мать вашу, насиловали веками?

Сэм повернулся и пошел прочь. За его спиной прогремел выстрел. Клеменса передернуло, но он ничего не сказал. Это лучшее, что мог сделать Лотар. А Хакинг завтра снова будет идти где-то по берегу Реки — в тысяче миль от Пароландо. Возможно, им еще не раз придется свидеться, хотя Сэм не испытывал большого восторга от подобной перспективы. Его догнал Лотар, пропахший пороховым дымом.

— Я с радостью оставил бы его умирать от боли и мук, но, видно, мне не избавиться от старых привычек. Я хотел его убить — и убил. Подумать только! Этот черный мерзавец смеялся мне прямо в лицо. И тогда я размазал улыбку по его физиономии.

— Не надо больше слов,— ответил Сэм.— Мне и без того тошно. Я подумываю бросить все это и стать миссионером. В наше время только шансеры знают, за что они принимают страдания.

— Ничего, вы скоро оправитесь,— сказал Лотар и, как всегда, оказался прав.

Однако на это ушло три года.

Страна снова стала походить на поле битвы, искореженное воронками шахт, пропахшее зловонием заводов и почерневшее от копоти и дыма. Но они построили огромный пароход, и теперь лишь оставалось провести ходовые испытания. Сделан был даже последний штрих — надпись на белом сияющем корпусе. И по обеим сторонам в десяти футах выше ватерлинии виднелись большие черные буквы «Внаем не сдается».

— Что это означает, Сэм? — спрашивали его многие.

— Только то, что там написано,— отвечал Клеменс,— в отличие от большинства слов, когда-либо написанных или сказанных. Этот корабль свободен от людских прихотей, и его команда состоит из свободных людей! Наш пароход никогда не будет сдаваться внаем! Никому! Ни одному человеку!

— Почему же тогда не назвать его «Не купишь ни за какие деньги»?

— Название пришло из моего сна,— отвечал Сэм.— Кто-то попытался повесить на нем рекламу, и я сказал ему, что корабль построен не для торгашеских целей. «Неужели вы принимаете

меня за рекламного агента фирмы "Барнум энд компании"?» — возмутился я.

Его сон имел продолжение, но Клеменс не смел рассказывать о нем никому, кроме Джо.

— Тот человек, который приходил ко мне с рекламой, на самом деле хотел известить людей о появлении самого большого и красивого парохода в наших двух мирах,— шептал ему Сэм.— И этим человеком тоже был я!

— Прозто еще один кошмар, Зэм,— посочувствовал Джо.— Не обращай внимания.

Клеменс махнул на него рукой.

Глава 28

Двадцать шестая годовщина Дня воскрешения пришлась на тот день, когда гребные колеса парохода «Внаем не сдается» впервые вспенили воду. Это произошло через час после того, как питающие камни полыхнули разрядом, наделив людей пищей и питьем. Кабели и полусферический энергоприемник, присоединенный к питающему камню, убрали в трюм через специальное отверстие в передней части правого борта. Наполненные едой цилиндры доставили к кораблю на бронированном катере с мощным паровым котлом и гордым названием «Не купишь ни за какие деньги». Сказочный пароход, сияя белыми бортами с красной, черной и зеленой отделкой, выплыл из канала в Реку позади огромного волнолома. Мол предназначался для того, чтобы течение не сносило судно при выходе из канала, иначе оно могло врезаться в край устья.

Под трели свистков и звон колоколов, под ликующие крики пассажиров и зрителей, под мерный грохот гребных колес, которые вспенивали воду, прекрасный пароход «Внаем не сдается» с величественной грацией вышел в Реку.

Длина корабля составляла четыреста сорок футов и шесть дюймов, а ширина, включая кожухи гребных колес,— девяносто три фута. Средняя осадка при полном грузе равнялась двенадцати футам. Гигантские электрические моторы, вращавшие гребные колеса, развивали мощность в десять тысяч лошадиных сил. Остальная энергия батацитора шла на обеспечение нужд экипажа. Теоретически максимальная скорость могла достигать сорока пяти узлов при полном штиле. Скорость течения составляла примерно пятнадцать миль в час, поэтому за шестьдесят минут пароход мог продвигаться либо на тридцать миль вверх по Реке, либо на шестьдесят вниз по течению. Клеменс планировал двигаться к верховью Реки со средней скоростью в пятнадцать узлов относительно берега.

На пароходе имелось четыре палубы: так называемая ходовая палуба, главная палуба, штормовой мостик и посадочная площадка. Рулевая рубка располагалась на переднем крае штормового мостика, а в длинном «техасе» находились каюты капитана, его помощников и главных офицеров. Двухъярусный капитанский мостик находился впереди двух тонких дымовых труб, которые поднимались на высоту тридцати футов.

Фаербрасс возражал против установки труб, потому что дым от больших паровых котлов (используемых только для подогрева воды и для стрельбы из пневматических пулеметов) мог бы выводиться через один из бортовых патрубков. Но Сэм оборвал их спор весомым доводом:

— Почему я должен заботиться о каком-то сопротивлении воздуха? Мне нужна красота! И мы построим прекрасный корабль! Кто-нибудь слышал о пароходе без стройных и высоких труб? Разве у вас нет души, приятель?

Шестьдесят пять кают размером двенадцать на двенадцать футов были оборудованы откидными кроватями, столиками и складными креслами. В каждой каюте имелся туалет, умывальник с проточной горячей и холодной водой, а на каждые шесть кают отводилась одна душевая комната.

Салоны для отдыха располагались в трех местах: в «техасе», на штормовом мостике и на главной палубе. В них находились бильярдные столы, мишени для метания дротиков, гимнастические снаряды, кинопроекторы и сцены. Салон на главной палубе имел даже подиум для оркестра.

Верхний ярус капитанского мостика был роскошно обставлен дубовыми столами и резными креслами, обтянутыми красной, белой и черной кожей речного дракона. Штурман сидел в большом и удобном вращающемся кресле перед панелью управления. На ней располагался ряд небольших телеэкранов, создававших обзор важнейших узлов корабля. Рядом находился микрофон, через который он мог связаться с любым членом команды. Штурман управлял пароходом с помощью двух рычагов на небольшой подвижной панели. Их перемещение регулировало скорость и ход

гребных колес. Кроме прочего на панели находились экраны эхолота и радара для ночного плавания. Тумблер между экранами переключал управление на автоматический режим, хотя по правилам распорядка во время вахты штурману не разрешалось покидать свой пост.

В честь праздничного дня Сэм надел белый плащ, белую юбку и отбеленные кожаные сандалии. Наряд довершали белая офицерская фуражка из пластика и белый кожаный пояс с кобурой, в которой находился тяжелый «Марк-2» — четырехзарядный пистолет шестьдесят девятого калибра. Кроме того, на поясе висел десятидюймовый кортик в серебристых ножнах.

Сэм расхаживал по рубке, курил большую зеленую сигару и наблюдал за Робертом Стайлсом, который впервые управлял таким огромным кораблем. Стайлс, старый рулевой с Миссисипи, выглядел теперь симпатичным юношей. Никто не мог бы назвать его лжецом, но, как и все матросы, он любил прихвастнуть или раздуть из маленького факта большую историю. Когда он появился в Пароландо пару лет назад, Сэм даже пустил слезу от радости, хотя такое с ним случалось нечасто. Он знал Роба Стайлса еще по тем временам, когда они оба водили корабли по Миссисипи.

Стайлс нервничал, как нервничал бы любой рулевой на его месте, включая и капитана Джозию Селлера — человека со стальными нервами. Впрочем, управление кораблем не отличалось особой сложностью. С ним справился бы даже одноглазый учитель воскресной школы или его шестилетний сын, будь он в состоянии дотянуться до рычагов. Движение вперед увеличивало скорость, среднее положение рычага соответствовало остановке колеса, а перемещение его назад заставляло вал вращаться в другую сторону. Чтобы повернуть корабль налево, следовало немного потянуть назад левый рычаг и одновременно подать вперед правый. Для поворота направо требовалась обратная последовательность действий.

Хотя, конечно, верная координация нарабатывалась только с годами практики.

К счастью, эта Река не преподносила таких сюрпризов, как Миссисипи. Острова и мели здесь почти не встречались, а коряг и затонувших бревен не было вообще. Кроме того, весь контроль за обстановкой осуществляла аппаратура. Если корабль слишком приблизится к мелководью, эхолот включит тревожный звонок. Если ночью навстречу пароходу поплывет какой-нибудь корабль,

радар тут же покажет его на экране и на пульте замигает красная лампа.

Сэм переводил взгляд то на Стайлса, то на толпы людей, которые толпились на берегу, махали руками и радостно приветствовали команду парохода. Среди ликующих криков слышались проклятия тех, кто еще не смирился с проигрышем в лотерее. Однако Сэм не обращал внимания на их угрозы.

Через полчаса Клеменс взял управление на себя и, немного поуправляв кораблем, спросил Иоанна, не хочет ли тот тоже попробовать. Экс-монарх вырядился во все черное, словно хотел подчеркнуть свою полную противоположность Сэму. Тем не менее он охотно взялся за рычаги и показал себя неплохим штурманом — совсем недурно для бывшего монарха, который за всю свою жизнь и палец о палец не ударил.

Корабль проплыл мимо владений покойного Иэясу, которые теперь снова стали тремя отдельными государствами. Клеменс приказал поворачивать назад. Роб Стайлс воспользовался случаем и развернул судно, как он выразился, «на пятачке», чтобы продемонстрировать его маневренность. Пока левое колесо отрабатывало задний ход, правое закрутилось на всю мощность, и корабль развернуло, как палку на гвозде. Пароход направился вниз по Реке. Благодаря ветру и течению скорость достигла шестидесяти узлов. Но вскоре Клеменс велел Стайлсу сбавить ход и приблизиться к берегу, оставив под килем пару футов воды. Даже сквозь шум колес, свистки и звон сигнальных колоколов до них доносился рев толпы. Мимо, как во сне, проносились тысячи лиц.

Сэм открыл передние иллюминаторы, чтобы все, кто находился в рубке, могли почувствовать ветер и получить впечатление от скорости корабля.

«Внаем не сдается» прошел на полной скорости к Селинджо и там развернулся еще раз. Сэму хотелось, чтобы здесь оказался другой пароход, с которым можно было бы посоревноваться в скорости. Но он и так едва не парил в небесах от счастья, став капитаном единственного в этом мире металлического парохода с гребными колесами и электрическими моторами. К тому же человек не может иметь все, что хочет,— даже в жизни после смерти.

Во время обратного пути на корме открылся огромный люк, и оттуда выскользнул катер. Он пронесся взад и вперед на огром-

ной скорости, а затем пристроился перед носом корабля. Его паровые пулеметы дали несколько очередей, и в ответ с бортов и палуб «Внаем не сдается» выстрелило тридцать корабельных пушек. Это был потрясающий салют!

Из кормового люка появился большой трехместный гидросамолет. Его крылья распрямились, зафиксировались с громким щелчком, и он поднялся в воздух. Самолетом управлял Фаербрасс, а его подруга и Гвенафра сидели на пассажирских местах.

Через миг с посадочной площадки взлетел маленький одноместный истребитель, запущенный паровой катапультой. За штурвалом машины находился Лотар фон Рихтхофен. Мотор, работавший на древесном спирту, зажужжал, и юркий самолет помчался вперед. Он скрылся из виду, потом вернулся и начал развлекать народ воздушной акробатикой. Сэм знал, что такого зрелища в этом мире еще никто не видел.

Лотар выполнил пике, выпустил в воду четыре ракеты, а затем на бреющем полете открыл стрельбу из спаренных пулеметов восьмидесятого калибра. Алюминиевые патронные ленты содержали по двести пуль. Корабельный запас состоял из ста тысяч лент. Сэм вздохнул при мысли о том, что однажды этим снарядам придет конец и пополнить их уже будет нечем.

Лотар приземлился на посадочной полосе, которая располагалась на крыше «техаса». Особое устройство захватило крюк, волочившийся за самолетом. Истребитель резко затормозил, и крутящийся пропеллер остановился в десяти футах от дымовой трубы. Лотар еще раз поднял самолет в воздух и снова совершил посадку. Затем приземлился гидросамолет Фаербрасса.

Сэм посмотрел через иллюминатор на ходовую палубу, где речные пехотинцы демонстрировали свою удаль. Под полуденным солнцем, прогревшим воздух до восьмидесяти градусов по Фаренгейту, они маршировали взад и вперед на пластиковом плацу, выполняя по приказу Сирано сложные маневры. Серебристые дюралюминиевые шлемы, украшенные перьями, делали их похожими на древнеримских воинов. Толстые кольчуги в серо-красную полоску доходили им до середины бедер. Наряд завершали кожаные ботинки. Вооружение пехотинцев состояло из шпаг, длинных ножей и пистолетов «Марк-2». В показательных выступлениях участвовали только стрелки. Кроме них на корабле имелись отряды лучников и ракетчиков.

Сэм увидел в толпе зрителей маленькую фигурку Гвенафры, которую он сразу узнал по темно-золотистым волосам. Его сердце заныло от счастья. Но потом он заметил рядом с ней темноволосую Ливи, и его счастье улетучилось.

Гвенафра после шести месяцев жизни с фон Рихтхофеном — жизни, наполненной ревностью и ссорами,— разошлась с ним и приняла предложение Сэма. Теперь они были прекрасной семейной парой, но при встречах с Ливи Сэм по-прежнему испытывал горькое чувство утраты.

Не будь Ливи и Иоанна, Сэм мог бы назвать себя самым счастливым человеком в речной долине. Но оба они будут сопровождать его на протяжении всех сорока лет плавания. И Иоанн снова заполнит его дни тревогой, а ночи — жуткими кошмарами.

Иоанн так легко уступил ему пост капитана и согласился стать первым помощником, что Сэм сразу заподозрил неладное. Он чувствовал, что вскоре поднимется мятеж. Любой разумный человек, узнав об угрозе переворота, попытался бы так или иначе отделаться от соперника. Однако Сэм не мог забыть убийство Кровавого Топора. Он больше не хотел обращаться к наемным убийцам, хотя и знал о последующем воскрешении. Труп все равно оставался трупом, а предательство — предательством.

Вопрос теперь стоял так: когда ожидать удара Иоанна? В начале плавания или чуть позже, когда подозрения Сэма рассеются? Ситуация становилась просто невыносимой, и приходилось лишь удивляться тому, сколько невыносимого мог вытерпеть человек.

В рубку вошел светловолосый гигант — Август Страбвелл, адъютант Иоанна. Экс-монарх отыскал его во владениях Иэясу, когда удирал от Хакинга и искал защиты у японца. Страбвелл родился в 1971 году в Сан-Диего, штат Калифорния. В молодости он играл защитником в национальной сборной по футболу, затем дослужился до капитана в вооруженных силах США, получил награды за храбрость в Средней Азии и Южной Америке, а потом сделал карьеру в кино и на телевидении. Страбвелл казался неплохим парнем, если не считать того, что, подобно Иоанну, любил похвастать своими победами на любовном фронте. Сэм ему не доверял. Любой, кто работал на короля Иоанна, имел в душе какую-то гниль.

Клеменс пожал плечами. Этот миг принадлежал ему и только ему! Он решил, что никому не позволит отравить свою радость в величайший день его жизни!

Выглянув наружу, Сэм осмотрел пассажиров и отряд маршировавших пехотинцев. На волнах искрились солнечные блики,

и лицо холодил приятный бриз. Его взгляд устремился к носовому штоку, где в струях ветра плескался флаг парохода «Внаем не сдается». И там, на квадратном светло-голубом полотне парил алый феникс — символ возрожденного человечества.

Сэм помахал рукой людям, толпившимся на берегу, и нажал на сигнальную кнопку. Раздались гудки сирены и звонкие удары корабельного колокола.

Клеменс затянулся дымом тонкой сигары, выпятил грудь и с важным видом прошелся по рубке. Страбвелл подал Иоанну бокал бурбона, а затем предложил Сэму тот же напиток. Все, кто находился на мостике — Стайлс и пять других штурманов, Джо Миллер, фон Рихтхофен и Фаербрасс, Публий Красс, Моцарт и Иоанн Безземельный, Страбвелл и три других помощника Иоанна,— подняли бокалы.

— У меня есть тост, джентльмены,— сказал Иоанн на эсперанто.— За долгое и приятное плавание и чтобы мы все получили то, что хотим.

Джо Миллер стоял рядом с Сэмом. Его голова почти касалась потолка. Чаша, которую он держал в руках, вмещала не меньше полукварты бурбона. Он понюхал спиртное своим громадным носом, а потом опустил в чашу кончик языка.

Сэм уже собирался выпить одним глотком свои четыре унции спиртного, как вдруг увидел гримасу на обезьяньем лице Джо.

— В чем дело? — спросил он.

— В этом пойле какая-то дрянь!

Сэм принюхался, но не обнаружил ничего подозрительного. Ноздри приятно щекотал запах виски из Кентукки. Однако, когда Страбвелл, Иоанн и три его адъютанта потянулись за оружием, он выплеснул свой бурбон в лицо экс-монарха и с криком: «Это яд!» — бросился на пол.

Страбвелл выстрелил из пистолета. Пластиковая пуля разлетелась на куски, попав в пуленепробиваемое стекло иллюминатора над головой Сэма. Джо взревел, как лев, выпущенный из клетки, и швырнул свою огромную чашу в голову Страбвелла.

Трое других помощников Иоанна открыли беглый огонь из пистолетов. Пистолет «Марк-2» имел четырехзарядный барабан, причем капсюли патронов воспламенялись от электрической искры, а в заряде использовался бездымный порох. Это оружие, несмотря на величину и большой вес, обладало высокой скорострельностью и в ближнем бою представляло собой серьезную опасность.

Рулевая рубка заполнилась грохотом выстрелов, свистом пуль и визгом отлетавших от стен осколков. Крики и стоны людей заглушало яростное рычание Джо. Сэм перекатился на бок, вскочил на ноги и переключил управление на автоматический режим. Роб Стайлс лежал на полу. Пуля почти напрочь оторвала его руку. Рядом корчился в предсмертных судорогах один из помощников Иоанна. Страбвелл пронесся над ним, ударился о стекло иллюминатора и упал прямо на Сэма. Иоанн исчез. Очевидно, он выскочил из рубки в самом начале схватки.

Клеменс выкарабкался из-под бесчувственного тела. Четверо рулевых и все помощники Иоанна, за исключением Страбвелла, были мертвы. Джо разделался с врагами быстро и жестоко, о чем свидетельствовали раздробленные челюсти и сломанные шеи. Моцарт, дрожа всем телом, скорчился в углу. Фаербрасс получил множество ранений от осколков пластиковых пуль. Лотар пытался зажать глубокую рану на предплечье, куда ударил его ножом один из помощников Иоанна.

Сэм, шатаясь, поднялся и посмотрел в иллюминатор. Пассажиры, наблюдавшие за маршем пехотинцев, разбежались, оставив на палубе дюжину трупов. Солдаты Сирано отстреливались от людей, которые вели по ним огонь с верхней палубы и из некоторых кают.

Де Бержерак, стоя в полный рост среди своего быстро редевшего отряда, выкрикивал команды. Затем люди Иоанна начали атаку, и Сирано упал, получив ранение, но тут же вскочил на ноги. Его меч, сверкнув серебристой молнией, окрасился свежей кровью. Нападавшие дрогнули, побежали прочь, и француз бросился за ними в погоню. Сэм закричал: «Назад, глупец! Вернитесь!» — но Сирано его, конечно же, не услышал.

Клеменс попытался взять себя в руки и оценить ситуацию. Итак, Иоанн подсыпал что-то в их напитки — яд или снотворное. По-видимому, он рассчитывал захватить рубку без лишнего шума. И только сверхъестественное чутье титантропа нарушило его коварный план.

Сэм взглянул в иллюминатор правого борта. В полумиле виднелся огромный волнорез, за которым корабль должен был встать на якорь до завтрашнего утра.

«Завтра мы могли бы начать наше долгое путешествие,— подумал Сэм.— Но теперь вряд ли начнем».

Отключив автоматическое управление, Клеменс взялся за рычаги.

— Джо! — крикнул он.— Я собираюсь вести корабль у самого берега. Может быть, я даже посажу его на мель. Достань мегафон. Если мы сообщим людям на берегу о том, что случилось, они придут к нам на помощь.

Сэм потянул за правый рычаг и подтолкнул левый немного вперед.

— Что за черт? — воскликнул он.

Следуя прежним курсом, корабль держался в сотне ярдов от берега. Клеменс яростно задергал рычаги взад и вперед. Но судно ему не повиновалось.

Из динамика послышался голос Иоанна:

— Бесполезно, Сэмюэль! Мой босс! Капитан! Свинья! Я забираю этот пароход! Мой инженер — который будет теперь главным механиком судна — установил еще один пульт управления на... Впрочем, тебе необязательно знать, где он находится. Мы отключили устройства в рулевой рубке, и теперь корабль пойдет туда, куда я захочу его повести. У тебя нет ни одного шанса на победу. Сейчас мои люди выкурят из рубки тебя и твоих уродов. Однако мне хотелось бы обойтись минимальными повреждениями. Поэтому я отпущу вас живыми, если вы сами уберетесь с судна. Конечно, вам придется проплыть сотню ярдов своим ходом, но это же мелочи, правда?

Сэм плевался, ругался и яростно колотил кулаками приборную панель. А корабль продолжал плыть мимо гавани, где толпы людей махали руками, ликовали и удивлялись, что пароход не бросает якорь.

Взглянув в кормовой иллюминатор, Лотар закричал:

— Они нас окружают! — и выстрелил в человека, который выбежал из-за угла «техаса».

На штормовом мостике собирались вооруженные люди.

— Долго нам не продержаться! — сказал Фаербрасс.— У нас мало боеприпасов!

Сэм выглянул в передний иллюминатор. На ходовую палубу выбежали несколько мужчин и женщин. Они заняли оборону и приготовились к отражению атаки. Среди них он увидел Ливи.

Люди Иоанна набросились на маленький отряд, словно волчья стая. За спиной Сирано, который в тот миг расправлялся с другим врагом, возник рослый воин. Ливи попыталась отбить удар меча своим пистолетом, в котором давно кончились патроны, но клинок вошел ей в живот. Она упала на спину и забилась в

предсмертных судорогах. Рядом свалился ее убийца: рапира Сирано пронзила ему горло.

— Ливи! — закричал Сэм и метнулся к двери.

— Ливи! — кричал он, сбегая по трапу.

Пули свистели вокруг, вонзаясь в перила и отскакивая от ступеней. Его обожгло осколком, но он даже не остановился. Позади раздавались выстрелы и крики. Сэм смутно сознавал, что Джо и остальные бегут за ним, стараясь спасти его или собственные жизни. Там, в рубке, они чувствовали себя как мыши в мышеловке.

Везде лежали раненые и трупы. Людей у Иоанна было немного, но он сделал ставку на неожиданность атаки, и его расчет оправдался. Десятки пассажиров погибли на ходовой палубе при первых же залпах. Еще несколько дюжин попало под обстрел во время паники. Многие, оставшись без оружия, прыгали в воду, так как уже не надеялись на чью-то помощь.

Внезапно корабль направился к берегу. Гребные колеса работали на полную мощность, вода вскипала под ударами широких лопастей, и палуба вибрировала от гула моторов. А там, на берегу, Иоанна уже поджидал большой отряд вооруженных мужчин и женщин — тех неудачников, которые не смирились с проигрышем в лотерею. Они вопили от радости и нетерпения, желая побыстрее попасть на пароход и уничтожить уцелевших сторонников Сэма.

Спустившись с трапа, Клеменс побежал по штормовому мостику. В левой руке он держал пистолет с двумя последними патронами, а в правой — капитанский кортик. Сэм не знал, как оружие оказалось у него в руках. Гнев и ярость сделали его почти безумным.

Над краем палубы у поручней трапа появилась чья-то голова. Клеменс спустил курок, и голова исчезла. Перегнувшись через перила, он выстрелил еще раз. На этот раз пластиковая пуля попала в цель. Грудь мужчины взорвалась кровавой плотью, он сорвался со ступеней, увлекая вниз за собой двух других. В ответ с нижней палубы прогремело несколько выстрелов. Сэм отпрыгнул назад, но пара пуль вонзилась в поручни, и пластиковые осколки обожгли его ноги.

К нему подбежал Джо Миллер:

— Зэм! Они наз окружают, Зэм! Надо прыгать в воду!

На нижней палубе де Бержерак отбивался от трех человек. Орудуя рапирой, он медленно пятился к ограждению. Внезапно его клинок пронзил горло нападавшего воина, и Сирано, развернувшись, перепрыгнул через широкие перила. Вынырнув на поверхность воды, он изо всех сил поплыл в сторону от колеса, которое надвигалось на него в облаке пены и брызг.

Пули щелкали по стенам кают, мимо которых пробегал Клеменс.

— Сэм! — закричал Лотар.— Надо прыгать в воду! Быстрее!

Но они находились на штормовом мостике. Чтобы прыгнуть, им еще предстояло спуститься на ходовую палубу.

Джо развернулся и, размахивая топором, побежал на людей, стрелявших из-за угла надстройки. Пули понеслись ему навстречу, виляя и оставляя в воздухе тонкие хвостики дыма. Однако на таком большом расстоянии вероятность попадания была слишком мала. Кроме того, Джо полагался на свой ужасающий вид и славу непобедимого воина. Он знал, как панически боялись его враги.

Остальные помчались вслед за ним, и вскоре их маленькая группа оказалась у большого кожуха гребного колеса, начинавшегося в десяти футах от края штормового мостика. Сэм вскочил на ограждение, прыгнул и повис на железных петлях, сквозь которые во время установки колеса продевались тросы подъемного крана.

Вокруг свистели пули, но Клеменс упорно перебирался с петли на петлю, то и дело ударяясь всем телом о металлическую стенку кожуха. Подтянувшись на руках, он поднялся на плоскую крышу и, убедившись, что остальные последовали его примеру, смело прыгнул в воду. При других обстоятельствах высота в тридцать футов устрашила бы его, однако теперь он даже не заметил, как оказался в холодной воде.

Всплыв на поверхность, Сэм увидел прыжок Джо. Тот прыгнул не с кожуха, а с ходовой палубы. Он сбежал по трапу, проложил себе путь сквозь толпу пигмеев, затем в красивом нырке перелетел через ограждение и, подняв фонтан брызг, вошел в воду. Вдогонку ему грянул оружейный залп. Около десятка стрел вонзилось в перила, возле которых он стоял секунду назад.

Сэм вновь нырнул, спасаясь от пулеметной очереди. По воде зашлепали пули семьдесят пятого калибра. К счастью, дистанция увеличивалась все больше и больше. Однако через две мили пароход начал разворачиваться. Очевидно, Иоанн узнал, что его

главные враги сбежали. Сэм выплыл на берег и, шатаясь от усталости, побежал к защитному валу.

Иоанн не стал открывать по нему огонь. Возможно, он решил оставить его в живых. Ему хотелось причинить Клеменсу настоящую боль. Он знал, что Сэм будет страдать во сто крат сильнее, если останется жить на месте своего былого триумфа.

Голос победителя, усиленный мегафоном, загремел над равниной и водами Реки:

— Прощай, Сэмюэль! Прощай, придурок! Спасибо, что построил для меня пароход! Я дам ему другое название, которое придется мне по душе, и буду наслаждаться плодами твоего труда! Вспоминай обо мне почаще, приятель! Прощай, лопушок!

Его усиленный мегафоном смех вонзился в сердце Сэма. Он выбежал из хижины, в которой пытался укрыться, и взобрался на стену у самой воды.

Корабль остановился у причала. На берег опустили длинный подвесной трап, по которому тут же начали подниматься предатели.

Кто-то дернул Клеменса за ногу, и он посмотрел вниз. У стены стоял Джо. Его рыжеватые волосы потемнели от воды. Под ними во многих местах проступала кровь.

— Лотар, Фаербразз, Зирано и Джонзтон зпазлизь,— устало прохрипел он.— Как ты зебя чувзтвуешь, Зэм?

Клеменс сел на край стены и, судорожно вздохнув, прошептал:

— Если бы это имело какой-то смысл, я убил бы себя. Но ведь мы живем в аду. Да, Джо! Этот мир — настоящий ад, черт бы его побрал! Здесь нельзя совершить даже порядочного самоубийства, потому что на следующий день все твои проблемы вернутся опять и тебе не отделаться от них никогда... Ладно, ты и сам все это знаешь!

— Что мы будем делать дальше? Ведь ты же не здашьзя, Зэм?

Клеменс не ответил. У него не было слов — как не было корабля, Гвенафры и Ливи. Впрочем, он мог смириться с потерей Ливи, раз уж она больше не будет принадлежать Сирано. Он знал, что перетерпит разлуку с ней. Это лучше, чем видеть ее в объятиях другого мужчины.

Клеменс понимал, что еще вспомнит эту гадкую эгоистичную радость. И тогда придут раскаяние и стыд. Но не сейчас. Не в такую горькую минуту ошеломления и безнадежного отчаяния.

Странно, но потеря корабля потрясла его больше, чем смерть Ливи.

Он вспомнил годы напряженной работы, годы мук и измен, интриг и поражений. Годы надежд... Долгие, долгие годы!

Слишком много всего навалилось на Сэма, чтобы выдержать и не сойти с ума. Слишком много невосполнимых потерь...

Увидев его слезы, Джо огорчился. Он сидел, понурив голову, и терпеливо ждал, когда Сэм перестанет плакать.

— Может быть, построим еще один корабль? — тихо сказал он.— Как думаешь, Зэм?

Клеменс поднялся на ноги.

К тому времени огромные машины его сказочного парохода уже убрали трап. Ликующе засвистели свистки, зазвонили колокола, и корабль отчалил от пристани. Из огромных динамиков снова послышался хохот Иоанна. Наверное, он увидел Сэма через подзорную трубу.

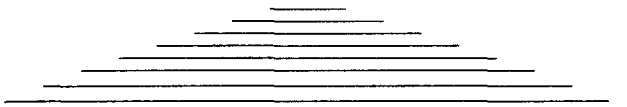
Клеменс погрозил ему кулаком, надеясь, что Иоанн увидит.

— Я еще доберусь до тебя, мерзкий предатель! — закричал он вслед пароходу.— Я построю новый корабль, и ты от меня не уйдешь! Я пойду на все, чтобы отыскать тебя и взорвать украденное судно! И мой пароход сотрет тебя в порошок, как пакостную гниду! Никто не удержит меня от мести — ни дьявол, ни Бог, ни повелители этого мира! Никто, каким бы могуществом он ни обладал! Настанет день, и мы встретимся, Иоанн! Настанет еще такой день!

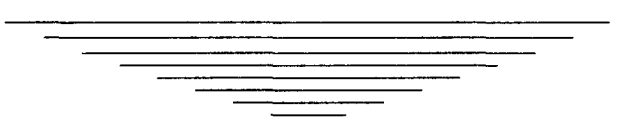
Эпилог

В третьей книге «Мира Реки» Сэм Клеменс, Ричард Фрэнсис Бёртон и остальные из двенадцати избранных отправятся к Туманной Башне за секретами этиков.

Технологическое примечание: нитрат калия добывался из особых земляных червей, быстро размножавшихся в человеческих экскрементах. Конечным продуктом этой пикантной диеты являлся кристаллический нитрат калия, который, будучи смешан с древесным углем и серой, служил основой черного пороха.



Темные замыслы



Хотя некоторые имена в сериале «Мир Реки» и вымышлены, но их прообразы (в прошлом или настоящем) вполне реальны. Вы в нем, может, и не упомянуты, но все равно вы — там.

Сэму Лонгу и моему крестнику Дэвиду — сыну доктора Доктера.

А Ткач все гоняет проклятый уток
Сынам человечьим на горе;
Но замысел темный никто бы не смог
Узреть в полоумном узоре.

Деяния Хаджи Абд-эль-Ядзи

— Пусть выносят приговор! А виновен он или нет — потом разберемся!

Алиса в Стране чудес

Предисловие

Книга, которая у вас в руках,— это третий том из серии «Мир Реки». Первоначально она должна была стать заключительной частью трилогии. Однако ее объем оказался слишком большим — свыше 400 000 слов. Если б ее напечатать под одной обложкой, она стала бы слишком неудобной для читателя и громоздкой.

Поэтому издатель и я решили разбить ее на два тома. Четвертый том будет называться «Магический лабиринт» и выйдет вскоре после этой книги. Он будет завершать серию на данном этапе и раскроет все тайны, которые появились в первых трех томах, связав все сюжетные линии в единый узел — может, гордиев, а может — и нет.

Любые романы о мире Реки, которые могут появиться после четвертого тома, не должны рассматриваться как составная часть главного русла повествования. Это уж скорее «притоки», напрямую не связанные ни с главной загадкой, ни с поисками ее решения, что является содержанием первых трех томов. Мое намерение написать эти дополнительные тома основано на убеждении (и не только моем), что концепция мира Реки слишком грандиозна, чтобы ее спрессовать в четыре книги. В конце-то концов, перед нами целая планета с единственной Рекой (или с узким морем) протяженностью 16 090 тысяч километров, или 10 миллионов миль. Больше 36 миллиардов человек обитает на ее берегах; и все это люди, жившие на Земле начиная с раннего каменного века и кончая первыми годами электронного.

В первых четырех томах просто не хватило места, чтобы описать множество событий, которые, возможно, будут интерес-

---

© Перевод В. Ковалевского, Н. Штуцер.

ны читателю. Например, воскресшие распределены по долине Реки отнюдь не в согласии с той последовательностью, в которой они рождались на Земле. Тут имеет место неслыханное смешение рас и национальностей, относящихся к различным столетиям. Возьмем, к примеру, один из многих тысяч «блоков», на которые подразделяется речная долина. На этой полоске побережья, длиной в 10 километров, население на 60% состоит из китайцев — жителей III века н. э., на 39% — из русских XVII века н. э., а 1% — это мужчины и женщины, выходцы из самых разных стран и времен. Как будут эти люди поднимать устойчивое государственное образование из волн анархии? Удастся ли им достигнуть успеха или их попытки создать человеческую общность, способную противостоять враждебным государствам, с треском провалятся? Какие проблемы при этом возникнут?

В книге, лежащей перед вами, Джек Лондон, Том Микс, Нурэддин эль-Музафир и Питер Джейрус Фрайгейт плывут на корабле «Пирушка-2» вверх по Реке. Что касается Фрайгейта и Нура, то они неплохо обрисованы в третьем и четвертом томах, а вот на характеристику остальных там места не хватило. По сей причине рассказы-«притоки» дадут мне возможность эту прореху залатать.

В этих рассказах будет также повествоваться о том, как команда «Пирушки» встречалась с важными и с менее значительными представителями различных сфер человеческой деятельности. Среди них будут Да Винчи, Руссо, Карл Маркс, Рамзес Второй, Ницше, Бакунин, Алкивиад, Эдди, Бен Джонсон, Ли Бо, Нихирен Дайсёнин, Ашока, некая пещерохозяйка времен ледникового периода, Жанна д'Арк, Гильгамеш, Эдвин Бут, Фауст и другие.

Кое для кого уже стало очевидным, что Питер Джейрус Фрайгейт удивительно схож с автором. И я в самом деле являюсь прототипом этого действующего лица, но Фрайгейт лишь приблизительно сходен со мной, подобно тому как Дэвид Копперфильд только относительно похож на Чарльза Диккенса. Физические и психологические черты автора — лишь трамплин для перенесения реальности в парареальность, то есть в литературу вымысла.

И еще я должен извиниться перед читателями за сенсационно закрученные концовки трех первых романов. Структура сериала такова, что я не смог избежать подражания азимовской «Академии». Каждый из этих томов, как кажется читателю, содержит окончательное решение, и тайна, по-видимому, раскрывается до конца, но это сделано лишь для того, чтобы в следующем томе обнаружить обманный характер приведенного раньше решения.

Я надеюсь завершить всю серию — от первого до пятого (а может, и до шестого) тома, прежде чем придет мой черед лечь и отдыхать в ожидании права подняться на борт Корабля, плывущего по Реке.

Глава 1

Тревожат сны мир Реки.

Сон — эта Пандора Ночи — куда более щедр тут, чем на Земле. Там вы получаете один сон для себя, а ваш сосед — другой. Завтра же вам достанется соседское сновидение, а ему — ваше.

Здесь же — в этой бесконечной долине, заключенной в рамку столь же бесконечно тянущихся берегов, Пандора разом опустошила свой ларец, осыпав всех своими дарами: ужасом и наслаждением, воспоминанием о прошлом и предвидением будущего, тайнами и их разоблачением.

Миллиарды людей вздрагивают, бормочут, стонут, плачут, смеются, вопят, всплывают к пробуждению и снова погружаются в глубины сна.

Мощные стенобитные машины крушат стены сознания, и сквозь проделанные дыры проникают странные существа. Нередко им не хочется уходить, и они остаются — фантомы, отказывающиеся растаять даже при утреннем крике петуха.

А еще, по каким-то неизвестным причинам, одни и те же сны повторяются здесь снова и снова куда чаще, нежели на планете-матери. Актеры Ночного Театра Абсурда настаивают на повторных ангажементах и на представлениях, которыми руководят они сами, а вовсе не продюсеры. Зрители же не могут ни аплодировать, ни освистывать, ни швырять на сцену тухлые яйца или капустные кочерыжки, ни уходить, ни болтать с соседями, ни впадать в забытье.

Среди этой порабощенной аудитории был и Ричард Фрэнсис Бёртон...

Глава 2

Сценой и одновременно задником был туман — серый и клубящийся. Бёртон стоял в партере за креслами, подобно зрителю елизаветинских времен, слишком бедному, чтобы заплатить за кресло. Над ним висели тринадцать фигур, расположенных в креслах, плавающих в волнах тумана. Одна из фигур сидела лицом к остальным, которые образовывали обращенный к ней лицами полукруг. Этим человеком — главным героем представления — был он сам, Бёртон.

Присутствовал там и еще некто четырнадцатый, но он скрывался в кулисах и был виден только Бёртону, который стоял в партере. Это был черный, внушавший страх силуэт, который время от времени разражался гулким смехом.

Несколько отличная от сегодняшней сцена имела место раньше, не только в действительности, но и в снах, хотя кто бы мог тут сказать, где реальность, а где — сны? Вон там сидит он сам — человек, умиравший уже семьсот семьдесят семь раз в тщетных попытках избавиться от своих преследователей. И там же сидят двенадцать тех, кто зовет себя этиками.

Шесть мужчин, шесть женщин. За исключением двух, у всех кожа то ли сильно загорела, то ли обязана своим темным цветом природе; волосы или черные, или темно-каштановые. Веки двух мужчин и одной женщины имеют слабо выраженную складку эпикантуса*, что заставило Бёртона принять их за евразийцев. Разумеется, в том случае, если они вообще происходят с Земли.

Только двое — Лога и Танабар — назвали свои имена во время предшествовавшего краткого допроса. Ни одно из этих двух имен не показалось Бёртону относящимся к известным ему языкам, а их он знал больше сотни. Однако языки меняются, и, возможно, эти люди пришли из пятьдесят второго столетия нашей эры. Сказал же ему один из их агентов, что он происходит именно из этого времени. Но ведь Спрюсу тогда угрожала пытка, и очень вероятно, что он просто врал.

Лога был одним из немногих обладателей сравнительно светлой кожи. Поскольку он сидел, а здесь (как и прежде) отсутствовал какой-либо материальный предмет для сравнения масшта-

* Складка у внутреннего угла глаза, характерная для представителей монголоидной расы и некоторых групп негроидной.

бов, то его рост было трудно определить — он с равным успехом мог оказаться и высоким и низким. Тело казалось плотным и мускулистым, а грудь поросла густым рыжим волосом. На голове волосы тоже были ярко-рыжие. Черты лица неправильные, но сильные — выдающийся вперед подбородок с глубокой ямкой; массивные челюсти; крупный орлиный нос; густые светло-желтые брови; широкие, полные губы и темно-зеленые глаза.

Другой светлокожий мужчина — Танабар — определенно был лидером. Сложением и чертами лица он походил на Логу, и они вполне могли бы оказаться родными братьями. Однако волосы у него были гораздо темнее. Один глаз зеленый, причем редкого, похожего на цвет листьев оттенка.

Другой глаз прямо сразил Бёртона, как только Танабар впервые повернулся к нему лицом. Вместо второго зеленого глаза, увидеть который он ожидал, на него смотрел драгоценный камень. Выглядел он как невероятно крупный голубой бриллиант, как сверкающая множеством граней драгоценность, вставленная прямо в глазницу.

Каждый раз, когда камень обращался на него, Бёртон ощущал какую-то растерянность. К чему это приспособление? Не видит ли он в Бёртоне чего-то такого, чего нельзя различить обыкновенными глазами?

Из двенадцати пока высказались лишь трое: Лога, Танабар и тоненькая, но обладающая отлично развитым бюстом женщина с большими голубыми глазами. Из того, как с ней разговаривал Лога, Бёртон сделал вывод, что они, должно быть, супруги.

Глядя на них из партера, Бёртон заметил, что над головой каждого из сидящих, включая и его собственное второе «я», низко-низко нависали странные сферы. Они быстро вращались, непрерывно меняя тона, и время от времени выбрасывали из себя яркие шестигранные отростки — зеленые, голубые, черные и ослепительно белые. Потом эти «руки» снова втягивались в сферы, но только для того, чтобы сейчас же появиться вновь.

Бёртон попытался было установить связь между вращением сфер и изменением цвета их отростков с личностями тех трех и себя самого, с их внешностью, тональностью голосов, смыслом произносимых слов и испытываемыми эмоциями. Однако никаких таких связей он не обнаружил.

В тот раз, когда эта сцена происходила в реальности, Бёртон не мог видеть собственной ауры.

Реплики сегодня были не совсем такими, как в тот раз, когда события происходили в действительности. Похоже, Повелитель Снов на этот раз переписал сценарий заново.

Лога — рыжеволосый мужчина — произнес:

— Мы поручили группе своих агентов разыскать вас. Их было очень мало, особенно если учесть, что на берегах Реки в настоящее время обитают тридцать шесть миллиардов шесть миллионов девять тысяч сто тридцать семь кандидатов.

— Кандидатов *на что?* — спросил тот Бёртон, что сидел на сцене. В первый раз он этой реплики не подавал.

— А это уж наше дело знать, а ваше — выяснить,— отозвался Лога. Его нечеловечески белые зубы сверкнули в широкой усмешке. Он продолжал: — Нам не приходила в голову мысль, что вы будете ускользать от нас, совершая частые повторные самоубийства. Шли годы. У нас были другие важные дела, и мы отозвали агентов, занятых в деле Бёртона, как мы его назвали, за исключением немногих, занявших позиции на обоих концах Реки. Потом каким-то образом вам удалось получить сведения о Полярной Башне. Позже мы узнали — каким именно.

Бёртон-зритель подумал: *но узнали вы это, конечно, не от Икса!*

Он попытался подобраться поближе к актерам, чтобы получше их рассмотреть. Кто же из них этот этик, который разбудил его в предвоскресительной камере? Который пришел к нему в ту ливневую, пронизанную зигзагами молний ночь? Который предложил ему помощь? Который был предателем и которого Бёртон знал лишь под кличкой Икс?

Он вступил в борьбу с влажным холодным туманом, таким неощутимым и в то же время таким же необоримым, как магические узы, сковывающие чудовищного волка Фенрира* до наступления Рагнарока — времени гибели богов.

Лога продолжал:

— Мы все равно нашли бы вас — так или этак. Видите ли, каждая капсула в восстановительной камере — так называется это место, где вы неожиданно для нас пробудились во время фазы, предшествующей воскрешению,— снабжена автоматическим счетчиком. Любой кандидат, у которого число смертей намного пре-

* Персонаж скандинавской мифологии, сын Локи. Скованный богами волк Фенрир должен вырваться на свободу, и с этого события начнется гибель богов.

вышает среднее, рано или поздно становится объектом исследования. Обычно это случается скорее поздно, так как у нас не хватает рабочих рук.

Мы не имели представления, что именно вы являетесь тем, кто набрал такое неимоверное число смертей — семьсот семьдесят семь. Ваша капсула была пуста, когда мы осматривали ее во время нашего статистического исследования. Два техника, которые видели вас проснувшимся в предвоскресительной камере, опознали вас по вашей фотографии.

Мы настроили капсулу так, чтобы в следующий раз, когда ваше тело окажется в ней, прозвучал бы сигнал предупреждения и мы могли бы забрать вас оттуда и доставить сюда.

Но Бёртон больше не умирал. Каким-то образом они обнаружили его в то время, когда он находился в числе живых. И хотя он снова бежал, его все же удалось изловить. А может, не так? Может, когда он мчался сквозь ночную бурю, он был убит молнией? А они уже ждали его возле предвоскресительной капсулы? В той огромной камере, которая, как он предполагал, находится где-то глубоко под поверхностью планеты или в Полярной Башне?

Лога продолжал:

— Мы провели детальное изучение вашего тела и исследовали каждый компонент вашего... психоморфа, или ауры, если вы предпочитаете этот термин.

Он указал на сверкающий вращающийся шар над тем Бёртоном, что сидел в кресле и глядел прямо на него.

А затем этик сделал странную вещь. Он повернулся, вгляделся в туман и указал на Бёртона-зрителя.

— Мы не обнаружили ровным счетом ничего.

Темная фигура в кулисах громко хохотнула.

Тот Бёртон, что стоял в партере, крикнул:

— Вы думаете, вас только двенадцать! А вас тринадцать! Несчастливое для вас число!

— Не число важно, а качество,— буркнуло существо за кулисами.

— Вы все равно забудете обо всем, что происходило тут, сразу же, как только снова окажетесь в долине Реки,— сказал Лога.

Бёртон в кресле ответил, причем этих слов он не говорил во время допроса, имевшего место в реальности.

— А как вы заставите меня позабыть?

— Мы записали то, что содержит ваша память, точно так же, как записывают на пленку голос,— вмешался Танабар. Он говорил так, будто читал лекцию. А может, он таким образом предупреждал Бёртона, ибо был на самом деле Иксом?

— Конечно, на то, чтобы «проиграть» вашу память за все те семь лет, которые вы тут пробыли, ушло немало времени. И потребовалось огромное количество энергии и различных материалов. Но компьютер, с которым работал Лога, был настроен так, чтобы «проигрывать» вашу память на огромной скорости, и останавливался лишь тогда, когда вас посещал этот грязный предатель. Поэтому нам известно все, что тогда произошло. Эти сведения дошли до нас точно в том виде, как вы их запомнили. Мы видели все, что видели вы, слышали то, что вы слышали, ощущали то, что вы ощущали, и обоняли то, что обоняли вы. Мы сопереживали ваши эмоции.

К сожалению, тот визит произошел ночью, а сам предатель принял эффективные меры, чтобы изменить свой облик. Даже голос он пропустил через приспособление, меняющее его тембр, и это помешало компьютеру проанализировать его... или ее... голосовые отпечатки. Я сказал «ее» потому, что вы видели лишь бледный силуэт без отчетливо узнаваемых черт — сексуальных или иных. Голос показался нам мужским, но и женщина могла бы воспользоваться таким приборчиком, чтобы произвести впечатление мужчины.

И запах тела тоже был изменен. Компьютер его проанализировал и установил со всей очевидностью, что какое-то химическое вещество его изменило.

Короче, Бёртон, мы не имеем представления, кто из нас ренегат, и абсолютно ничего не можем сказать о причинах, заставивших его или ее работать против нас. Просто невозможно поверить, что кто-нибудь, кому известна истина, задумал нас предать. Единственное объяснение, что этот человек безумен. Но и в это также поверить невозможно.

Бёртон, сидевший в партере, каким-то образом знал, что Танабар не произносил этих слов во время первого и реального представления, когда шла, так сказать, настоящая драма. Он знал и то, что сейчас видит сон, что иногда он сам вкладывает в уста Танабара произносимые тем слова. Речь этого человека была со-

ставлена на основе мыслей самого Бёртона, его размышлений, фантазий, которые появились у него гораздо позже.

Однако Бёртон, сидевший в кресле, высказал кое-что из этих мыслей вслух:

— Если вы можете читать мысли... и даже записывать их... почему вы не читаете в мозгу друг друга? Вы же наверняка сделали это? И тогда вы, безусловно, уже давно выявили бы своего предателя?

Лога выглядел так, будто вдруг почувствовал себя не в своей тарелке.

— Мы согласились на прочтение мыслей, конечно, но...— Он пожал плечами и беспомощно развел руками.

Теперь в разговор вмешался Танабар:

— Так что личность, которую вы звали Иксом, должно быть, вас обманула. Он вовсе не один из нас, а просто один из более низких чинов — агент. Мы их тоже отозвали сюда для проведения сканирования памяти. Однако на это нужно время. У нас его сколько угодно. Ренегат будет схвачен.

Тот Бёртон, что в кресле, спросил:

— Ну а если ни один из агентов не окажется виновным?

— Не говорите ерунды,— сказал Лога.— Во всяком случае, ваша память в части, касающейся того, как вы проснулись в предвосстановительной капсуле, будет стерта. Воспоминания о визите предателя и все события, которые последовали за этим, тоже уничтожатся. Нам крайне неприятно прибегать к таким насильственным действиям, но они необходимы, и мы надеемся, что недалеко то время, когда мы сможем все вернуть в прежнее состояние.

Бёртон, что сидел в кресле, сказал:

— Но... у меня останутся воспоминания о предвосстановительной камере. Вы забыли, что я очень часто думал об этом месте во времена между пробуждением на берегах Реки и визитом Икса. Кроме того, я рассказывал об этом многим людям.

Танабар ответил:

— Ах, да разве они вам поверили? А если и поверили, то что они могут сделать? Нет, мы не сочли нужным стирать всю вашу память о пребывании в мире Реки. Это причинило бы вам массу неудобств, лишило бы вас ваших друзей. И...— здесь Танабар остановился,— могло бы замедлить ваш личный прогресс.

— Прогресс?

— У вас будет время, чтобы выяснить значение этого слова. Безумец, который соблазнял вас своей помощью, использует вас для достижения собственных целей. Он ведь не сказал вам, что вы отбросили прочь возможность достижения вечной жизни тем, что согласились содействовать его планам. Он или она — кто бы ни был предатель — он Зло. Зло! Зло!

— Ну-ну,— сказал Лога,— нас всех это очень тревожит, но не следует забываться... Этот... неизвестный... он, вероятно, болен.

Человек с глазом из драгоценного камня ответил:

— Быть больным — в известном смысле значит творить Зло.

Бёртон в кресле откинул голову и расхохотался громко и продолжительно:

— Значит, вы, ублюдки, ничего не знаете?

Он вскочил, и серый туман поддержал его, будто это была какая-то твердая субстанция. А Бёртон орал:

— Вы не хотите допустить меня к верховьям Реки! Но почему? Почему не хотите?

— Au revoir*. Простите нас за насилие,— сказал Лога.

Одна из женщин направила на Бёртона, стоявшего на сцене, тонкий голубоватый цилиндр, и тот упал ничком. Еще два человека вышли из тумана; оба были одеты в одни белые килты. Они подняли бесчувственное тело и унесли его в туман.

Бёртон сделал еще одну попытку добраться до людей на сцене. Ему это не удалось, и он погрозил им кулаком, крича:

— Я вам никогда не достанусь, проклятые чудовища!

Черная фигура за кулисами аплодировала, но ее ладони хлопали беззвучно.

Бёртон ожидал, что его отправят туда же, где он был подобран этиками, но очнулся он в Телеме — крошечном государстве, которое он сам когда-то основал.

Самым неожиданным было то, что его память ничуть не пострадала. Он помнил все, даже допрос двенадцати.

Каким-то образом Иксу и тут удалось одурачить остальных.

Позднее Бёртон предположил, что этики просто лгали ему, на самом деле вовсе не собираясь валять дурака с его памятью. Смысла в этом вроде бы не было, но он же вообще не имел понятия об их истинных намерениях.

---

* Прощайте! *(фр.)*

Когда-то Бёртону приходилось играть две шахматные партии одновременно и к тому же с завязанными глазами. Но это требовало просто определенного умения, знания правил и знакомства с доской и фигурами. А правил теперешней игры он не знал, как не знал силы своих противников. Темный замысел терялся в бессмысленных узорах.

Глава 3

Застонав, Бёртон наполовину проснулся.

Какое-то время он никак не мог сообразить, где находится. Его окружала тьма, тьма столь же непроницаемая, как та, что заполняла, как ему казалось, все его существо.

Однако знакомые звуки тут же привели его в чувство. Корабль терся о стенки дока, и вода тяжко накатывала на его корпус. Рядом с Бёртоном раздавалось ровное дыхание Алисы. Сверху доносились легкие шаги — это Питер Фрайгейт нес ночную вахту. Возможно, он уже готовился будить своего капитана. Бёртон не имел представления, который сейчас час.

Были слышны и другие привычные звуки. Сквозь деревянную переборку проникал мощный храп Казза и булькающий — его женщины Бесст. Из следующей за ними каюты донесся голос Моната. Он что-то говорил на своем родном языке, но Бёртон отсюда не мог разобрать ни единого слова.

Наверняка Монату снился его родной далекий мир — Атаклу. Планета с «диким колдовским климатом», которая вращается вокруг оранжевого гиганта — звезды Арктур*.

Бёртон полежал еще немного, напряженный, точно окоченелый труп, продолжая думать обычное: *«Вот я лежу тут — мужчина в возрасте ста одного года, обладающий телом двадцатипятилетнего...»*

Этики размягчили отвердевшие артерии кандидатов. Но им не удалось ничего сделать со склерозом души. Ремонт души, очевидно, был отдан на откуп самим кандидатам.

Сны уходили все дальше и дальше в глубь его истории. Вот только что ему снился допрос у этиков. Теперь же Бёртону грезилось, будто он снова переживает тот сон, который снился ему как раз перед тем, как он проснулся по зову труб Страшного суда.

* В первом романе сериала Монат назван таукитянином. *(Примеч. ред.)*

Однако на этот раз он видел во сне и себя самого, то есть был одновременно и участником сна и сторонним зрителем.

Бог стоял над ним — лежащим на траве Бёртоном, бессильным, как новорожденный ребенок. На этот раз у Бога не было длинной черной раздвоенной бороды, и Он вовсе не был одет так, как то подобает английскому джентльмену на пятьдесят третьем году правления королевы Виктории. Единственная его одежда состояла из голубого полотенца, обернутого вокруг чресел. Фигура была пониже, чем в том — первом сне, куда короче, шире и мускулистее. Волосы на груди густые, курчавые и рыжие.

В тот первый раз Бёртон, взглянув в лицо Бога, увидел там свое собственное. Бог тогда имел такие же, как у Бёртона, черные прямые волосы; то же арабское лицо с глубоко сидящими темными глазами, похожими на блестящие наконечники копий, торчащие из глубины пещеры; те же высокие скулы, полные губы и выдвинутый вперед, почти раздвоенный подбородок. Однако лицо Бога не несло шрамов, оставленных сомалийским дротиком, пронзившим щеку Бёртона, выбившим ему зубы и скользнувшим по языку так, что конец наконечника вышел из другой щеки.

Теперь же лицо Бога выглядело знакомым, хотя Бёртон никак не мог определить, кому именно оно принадлежит. Только ясно, что не Ричарду Фрэнсису Бёртону.

В руках Бог, как и ранее, держал стальную трость. В данный момент Он тыкал ею Бёртона под ребра.

— Ты опоздал. Уже давно, знаешь ли, прошло время, отведенное для уплаты твоего долга.

— Какого еще долга? — спросил человек на траве.

— Ты должен мне за плоть и за Дух, которые, впрочем, есть одно и то же.

Человек на траве попытался встать на ноги. Задыхаясь, он произнес:

— Так еще не бывало, чтобы кто-то ударил меня и ушел без хорошей взбучки.

Кто-то тихонько фыркнул, и стоявший Бёртон обнаружил высокую неясную фигуру, которая вырисовывалась в тумане на заднем плане.

Бог произнес:

— Платите, сэр. Иначе мне придется прибегнуть к удержанию имущества.

— Проклятый ростовщик! — воскликнул человек на траве.— Я встречал таких подонков в Дамаске.

— А это и есть *дорога* в Дамаск. Во всяком случае, должна ею быть.

Темная фигура опять фыркнула. Затем туман поглотил их всех. Бёртон проснулся весь в поту, в ушах его еще звенел собственный плач.

Алиса повернулась к нему лицом и сонно спросила:

— У тебя опять кошмары, Дик?

— Все в порядке. Постарайся уснуть.

— В последнее время тебе часто снятся кошмары.

— Не чаще, чем на Земле.

— Хочешь поболтать?

— Я достаточно разговариваю и во сне.

— Но ведь только сам с собой!

— А кто знает меня лучше, чем я сам? — Он тихонько засмеялся.

— И кто другой может обмануть тебя лучше, чем ты сам? — заметила она с легкой обидой.

Бёртон промолчал. Прошло лишь несколько секунд, и она уже снова дышала спокойно и тихо, будто ее ничто не тревожило. Он надеялся, что утро не принесет им новой ссоры.

Впрочем, Бёртон любил выяснять отношения; это давало ему возможность выпускать пары. Однако в последнее время стычки оставляли их неудовлетворенными и готовыми тут же затеять новую свару.

Было почти невозможно обрушиваться на Алису без того, чтоб об этом сразу же не узнали все обитатели крошечного суденышка. За годы жизни с Бёртоном Алиса сильно изменилась, но у нее сохранилось от прежних лет отвращение к тому, что она называла полосканием грязного белья на людях. Зная это, он наваливался на нее изо всех сил, орал, вопил, получая наслаждение от унижения Алисы. Потом-то ему становилось стыдно за себя, за то, что он пользовался слабостью жены, за то, что так унизил ее.

А это еще сильнее возбуждало в нем злобу.

На палубе по-прежнему слышались шаги Фрайгейта. Бёртон подумал, не сменить ли ему Питера пораньше. Он же все равно не сможет уснуть. Он страдал бессонницей большую часть своих зрелых лет на Земле, да и тут тоже. Фрайгейт же обрадуется возможности завалиться в койку. Ему было очень трудно воздерживаться от сна, выстаивая ночные вахты.

Бёртон опять закрыл глаза. И сразу же тьму сменило нечто серое. Он увидел себя опять в том же колоссальном помещении без стен, потолка и пола. Голый, он плавал в горизонтальном положении в этой бездне. Как будто подвешенный к невидимому и неосязаемому стержню, он медленно вращался вокруг своей продольной оси. Вращаясь, он видел множество других нагих тел над собой, по бокам и под собой. Так же как и у него, их головы и гениталии были выбриты. Некоторые тела были сильно искалечены. У мужчины слева с правой руки от локтя и ниже была содрана кожа. Повернувшись, Бёртон увидел другое тело, у которого вообще не было ни кожи, ни мышц на лице.

Еще дальше от Бёртона плавал скелет, внутри которого виднелась куча перемешанных кишок и других органов.

Все тела были прикреплены головами и ногами к шестам, сделанным из какого-то красного металла. Шесты поднимались от скрытого в потрясающих воображение глубинах пола и тянулись к невидимому потолку. Шесты стояли бесконечными рядами, и вертикальное пространство между каждой их парой кишело вращающимися по продольной оси телами — ряды спящих уходили в бесконечность — вверх, вниз, в стороны — куда только достигал взгляд.

Тела образовывали вертикальные и горизонтальные ряды, скрывающиеся в серой дымке бесконечности.

На этот раз Бёртон, наблюдая, снова ощутил, хоть и чуть слабее, чем раньше, тот же страх и то же удивление, которые охватили его в ту первую минуту пробуждения.

Он — капитан сэр Ричард Фрэнсис Бёртон, консул ее величества в городе Триесте, что в Австро-Венгерской империи,— умер в воскресенье 19 октября 1890 года.

А теперь он — живой! — находился в таком месте, которое никак не походило ни на тот рай, ни на тот ад, о которых ему доводилось слыхать.

Из всех миллионов тел, которые он мог видеть, он был единственным живым. Или бодрствующим.

Вращающийся Бёртон, должно быть, удивлялся, на каком основании его избрали для столь высокой и непрошеной чести.

Бёртон-зритель теперь знал — почему.

Тот этик, которого он называет Иксом и который совершенно не известен ему ни по облику, ни по преследуемым целям, разбудил Бёртона. Тот самый предатель!

Но вот подвешенный в пространстве человек коснулся одного из шестов. Это движение разорвало какую-то сеть проводников, и все тела между шестами стали падать; вместе с ними падал и сам Бёртон.

И снова Бёртон-зритель ощутил тот же ужас, что охватил его, когда все это происходило в действительности. Да, это один из самых изначальных снов — свойственный всему человечеству сон о падении. Без сомнения, он ведет происхождение от самого первого человека — полуобезьяны-полумыслящего существа, для которого падение стало жуткой реальностью, а вовсе не ночным кошмаром. Эта полуобезьяна прыгала с ветки на ветку, воображая, что сможет преодолеть любое расстояние между ними. И сорвалась вниз из-за гордыни, победившей в ней разум.

Не то ли случилось и с Люцифером, падение которого тоже было порождено гордыней?

Теперь тот — другой — Бёртон ухватился за шест и повис на нем, тогда как все остальные тела, продолжая медленно вращаться, проносились мимо него водопадом плоти.

Видимо, сейчас его лицо было обращено вверх, так как он увидел летательную машину, похожую на зеленоватое каноэ, которая спускалась между ближайшими к нему шестами. Машина не имела ни крыльев, ни пропеллера и приводилась в действие каким-то приспособлением, не известным науке эпохи Бёртона.

Ее носовую часть украшал символ — белая спираль, конец которой загибался вбок, и из него били белые лучи.

Два человека наклонились над бортом летательной машины. А затем внезапно водопад летящих вниз тел замедлился, и невидимая сила схватила Бёртона и оторвала от шеста. Все еще продолжая вращаться, он всплывал вверх, миновал машину и остановился чуть выше ее. Один из сидевших в «каноэ» людей направил на него металлический предмет, похожий на карандаш.

Голосом, срывающимся от ярости, ненависти и разочарования, тот Бёртон взвизгнул:

— Я убью! Убью! Я прикончу вас!!!

Угроза была пустой. Пустой была и тьма, охватившая его и обуздавшая нахлынувшее бешенство.

Теперь на него глядело только одно лицо, свесившееся через борт машины. Хотя он не мог разобрать его черты, оно все же казалось ему знакомым. Как бы оно ни выглядело, оно, безусловно, принадлежало Иксу.

Этик насмешливо хохотнул.

Глава 4

Бёртон рывком вскочил и вцепился в глотку Икса.

— Ради бога, Дик! Это ж я — Пит.

Бёртон разомкнул пальцы, сжимавшие шею Фрайгейта. Свет звезд, такой яркий, какой бывает на Земле лишь в ночь полнолуния, лился сквозь распахнутую дверь каюты, отчетливо высвечивая силуэт Фрайгейта.

— Твоя вахта, Дик.

— Пожалуйста, не шумите,— пробормотала Алиса.

Бёртон скатился с койки и потянулся за одеждой, висевшей на крюке. Хотя пот лил с него ручьем, он весь дрожал. Крошечная каютка, где еще недавно было жарко от двух горячих тел, отдававших ей тепло всю ночь, теперь быстро остывала. В открытую дверь сочился холодный туман.

Алиса сказала «б-р-р-р», и тут же раздался шорох, говорящий, что она натягивает на себя толстые покрывала. Бёртон успел краем глаза увидеть белое обнаженное тело, прежде чем оно скрылось под покрывалами. Он бросил взгляд на Фрайгейта, но американец успел отвернуться и уже поднимался по трапу. Каковы бы ни были недостатки Фрайгейта, среди них отсутствовала страсть подглядывать сквозь замочную скважину. Впрочем, говоря по чести, вряд ли можно было поставить парню в вину, если б он ненароком что и увидел. Ведь он немного влюблен в Алису. Хоть Фрайгейт сам об этом не говорил, но и Бёртону, и Алисе, и Логу — подружке Фрайгейта — все было ясно давным-давно.

Если уж кто и виноват, так это сама Алиса. Она уже давно утратила свою викторианскую стыдливость. Надо думать, она станет отпираться, но вообще-то с нее вполне станется поддразнить Фрайгейта видом своей белой плоти — может, отчасти даже и бессознательно.

Бёртон решил, однако, оставить это дело без последствий. Правда, он был зол и на Фрайгейта, и на Алису, но наверняка попал бы в дурацкое положение, заговорив об этом вслух. Али-

са, как и все остальные, купалась в Реке голышом и намеренно демонстрировала безразличие к прохожим. Фрайгейт видел ее без одежды сотни раз.

Костюм для ночной вахты состоял из нескольких толстых полотнищ, скрепленных магнитными застежками, пришитыми с изнанки. Бёртон распахнул его и изменил положение полотнищ так, чтобы получилась одежда с капюшоном, прикрывавшая все тело и ноги. Потом затянул пояс из шкуры рогатой рыбы, на котором висели ножны для кремневого ножа, топора из кремневого сланца и деревянного меча. Лезвие последнего было утыкано по краям острыми осколками кремня, а кончалось острым рыбьим рогом. С подставки Бёртон взял тяжелое ясеневое копье, наконечником которого также служил рыбий рог, и затопал по трапу.

Выйдя на палубу, Бёртон обнаружил, что его голова поднимается над пеленой тумана. Фрайгейт был того же роста, и его голова, казалось, бестелесно плавала над колышущейся ватой тумана. Небо было светлое, хотя мир Реки не имел лун. Зато оно сверкало множеством звезд и огромными облаками светящегося газа. Фрайгейт считал, что эта планета расположена близко к центру той Галактики, в которую входит Земля. Но вообще-то, с точки зрения местных жителей, она с тем же успехом могла быть и в какой угодно галактике.

Бёртон и его ближайшие друзья построили корабль и отплыли на нем из Телема. «Хаджи-2», в отличие от своего предшественника, представлял собой одномачтовый катер с палубами в носовой и кормовой частях. На борту находились Бёртон, Алиса Харгривз, Фрайгейт, Логу, Казз, Бесст, Монат Гграутут и Оунан. Это была женщина из древней, еще догреческой Пеласгии, которая отнюдь не стала возражать против того, чтобы разделить койку с пришельцем с Арктура. Со своей странной командой (Бёртону отнюдь не всегда удавалось проявить талант при комплектовании своей весьма разношерстной банды соратников) он поплыл вверх по Реке и странствовал по ней уже двадцать пять лет. Один из тех, с кем он пережил немало приключений в прошлом,— Лев Руах — на этот раз решил остаться в Телеме.

«Хаджи-2» плыл куда медленнее, чем предполагал вначале Бёртон. Поскольку корабль был мал и тесен, члены его команды пребывали в постоянном, излишне близком общении друг с другом. Поэтому возникла необходимость делать частые и длительные остановки, чтобы матросы могли избавиться от, так сказать, «каютной лихорадки».

Бёртон решил, что сейчас как раз пришло время для такого длительного отдыха на берегу. Это решение он принял сразу же, как только они вышли к этому участку побережья. Был тот редкий случай, когда Река расширялась, превращаясь в озеро длиной в 20 миль (32 километра) и шириной 6 миль (9,6 километра). В своем западном конце озеро сужалось, переходя в пролив шириной до четверти мили (321 метр). Течение тут было стремительное, но, к счастью, преобладающие ветры дули в корму корабля, плывущего вверх по течению. Если бы «Хаджи-2» пришлось плыть против ветра, ему в проливе не хватило бы места для маневра.

Осмотрев пролив, Бёртон решил, что через него можно пройти, правда не без труда. Однако перед этим всем следовало хорошенько отдохнуть. Вместо того чтобы пристать к одному из берегов, он причалил корабль к одной из дюжины скал, торчавших на середине озера. Это были высокие острые скалы с небольшими ровными площадками у основания. На некоторых из них были даже питающие камни, вокруг которых сгрудились немногочисленные хижины.

Остров-шпиль, ближайший к проливу, имел несколько плавучих доков. Они были бы весьма удобны, располагайся они ниже по течению, но, поскольку дело обстояло совсем иначе, корабль пришлось пришвартовать просто рядом с одним из доков. Его укрепили с помощью столбов и веревок, а в качестве кранцев воспользовались мешками, изготовленными из прочных шкур рыбоаллигаторов, набитых травой. Островитяне сначала подходили к прибывшим с опаской. Бёртон, однако, быстро уверил их в своем миролюбии и вежливо попросил разрешения экипажу воспользоваться местным питающим камнем.

На острове было всего двадцать жителей — малорослые люди с темной кожей, чей родной язык был незнаком Бёртону. Но они говорили и на испорченном эсперанто, так что языковой барьер оказался не таким уж непреодолимым.

Питающий камень представлял собой массивную, сделанную в форме гриба структуру из серого с красными вкраплениями гранита. Верх шляпки гриба находился на высоте груди Бёртона; в нем было сделано семьсот круглых углублений, расположенных концентрическими кругами.

Незадолго до захода солнца каждый человек ставил в мелкое углубление свой высокий цилиндрический сосуд — чашу из сероватого металла.

Англоязычное население именовало эти сосуды «граалями», «Пандорами» (в сокращении «дора»), «коробками сластей», «ленчевыми коробками», «щедрыми ведерками» и так далее. Самое популярное название было дано им миссионерами Церкви Второго Шанса. Они ввели в обиход слово из эсперанто — «pandoro». Хотя серый металл был тонок, как лист газетной бумаги (за исключением дна), согнуть, сломать или разрушить чаши было невозможно.

Владельцы питающего камня отступили шагов на пятьдесят и ждали. Затем ослепительное голубое пламя с ревом вырвалось из вершины камня, поднявшись футов на двадцать, или на шесть с небольшим метров. Одновременно каждый из таких же грибов, обрамлявших берега озера, выплюнул столб пламени, сопровождая это сильным грохотом.

Минутой позже несколько маленьких смуглых островитян взобрались на камень и принялись передавать граали владельцам. Все уселись под бамбуковым навесом у костра, разожженного из выловленных в воде сучьев и бамбуковых стволов, и сняли крышки со своих сосудов. Внутри находились полочки, поддерживающие чашки и глубокие блюдца, наполненные алкоголем, пищей, гранулами растворимого кофе или чая, сигаретами и сигарами.

Грааль Бёртона содержал словенские и итальянские блюда. Впервые Бёртон воскрес в области, населенной преимущественно людьми, умершими в окрестностях Триеста, граали которых доставляли обычно еду, к которой они привыкли на Земле. Но, как правило, через каждые десять дней граали выдавали нечто совершенно иное. Иногда это были блюда английской кухни, французской, китайской, русской, персидской или еще сотни других национальных кухонь. Иногда они предлагали пищу, вкус которой был отвратителен,— мясо кенгуру, поджаренное сверху и снизу, но сырое внутри, или живых личинок крупных жуков. Бёртону дважды пришлось довольствоваться этой пищей австралийских аборигенов.

Сегодня алкогольный напиток был представлен пивом. Бёртон ненавидел пиво и обменял его на вино у Фрайгейта.

Граали туземцев содержали пищу, напомнившую Бёртону о мексиканских ресторанчиках. Однако и тортильи мирно уживались с олениной, а не с говядиной.

Пока они ели и болтали, Бёртон расспрашивал местных жителей. На основе их слов он сделал вывод, что это индейцы доколумбовой эры, которые обитали в широкой долине где-то на юго-западе Северной Америки. Они принадлежали к двум разным племенам, говорящим на близких, но взаимно непонимаемых языках. Несмотря на это обстоятельство, обе группы мирно уживались и даже создали новую культуру, в которой сохранились лишь незначительные различия в племенных обычаях.

Он решил, что это были люди, которых современные ему индейцы пима называли хохокамами — древними. Их культура когда-то процветала в области, которую потом белые поселенцы назвали Солнечной долиной. Именно там возникло в свое время аризонское поселение Феникс, поселение, которое, как ему сказали, превратилось в конце XX века в город с миллионным населением.

Сами же островитяне называли себя ганопо. В свои земные времена они копали длинные ирригационные каналы с помощью кремневых и деревянных орудий и превратили пустыню в цветущий сад. А потом внезапно исчезли, оставив загадку «почему?» на долю американских археологов. По этому поводу были выдвинуты разные теории. Самая распространенная предполагала, что их всех поголовно уничтожили воинственные пришельцы с севера, хотя прямых доказательств эта теория не имела.

Надежды Бёртона, что он решит эту загадку, развеялись очень быстро. Эти индейцы жили и умерли на Земле задолго до того, как их племенная община перестала существовать.

Все сидели до поздней ночи, куря и попивая алкогольный напиток, сделанный из лишайника, который покрывал весь гранитный столб острова. Они рассказывали байки, главным образом скабрезные и абсурдные, катаясь по земле от хохота. Бёртон, когда пересказывал им арабские сказки, счел ненужным пользоваться незнакомыми им терминами или разъяснять их значение, если смысл можно было понять и без того. Но они с легкостью схватывали содержание сказок об Аладдине и его волшебной лампе или о том, как Абу Хасан пустил ветры.

Эту сказку обожали бедуины. Бёртону частенько приходилось посиживать у костра, в котором горел сухой верблюжий навоз,

заставляя слушателей корчиться в конвульсиях от смеха, хотя все они слышали эту историю сотни и сотни раз.

Абу Хасан тоже был бедуином, но он бросил кочевую жизнь, чтобы стать купцом в йеменском городе Каукабане. Он разбогател, и, после того как его жена умерла, друзья уговорили его снова жениться. После недолгого сопротивления он сдался и сделал предложение очаровательной молодой женщине. Последовал праздничный ужин, состоявший из блюд, приготовленных из риса нескольких разных сортов, щербетов стольких же разновидностей, козленка, фаршированного орехами и миндалем, и верблюжонка, зажаренного целиком.

Наконец жениха позвали в комнату, где его ждала невеста, одетая в пышные и богатые одежды. Он медленно и с достоинством поднялся с дивана, но, увы... его живот был полон мяса и вина, и когда он направился в комнату к невесте, то... Слушайте и внимайте!.. Он пустил ветры, невероятно громкие и ужасные.

Услышав это, гости обменялись смущенными взглядами и громко заговорили, притворяясь, что не заметили этого осуждаемого обществом греха. Но Абу Хасан почувствовал себя униженным, а потому, сделав вид, что подчиняется зову природы, вышел в конюшню, оседлал коня и ускакал, бросив богатство, дом, друзей и невесту.

Затем он сел на корабль, идущий в Индию, где он стал капитаном королевской гвардии. После десяти лет жизни в Индии его охватила тоска по дому, да еще с такой силой, что он чуть не умер от нее. И тогда он отправился на родину, переодевшись бедным факиром. После долгого и опасного путешествия он прибыл к своему городу и с высоты окружающих холмов оглядел его стены и башни глазами, полными слез. Тем не менее он не осмелился войти в город, решив сначала убедиться, что и он, и его позор давно забыты. В течение семи дней и ночей он бродил по предместьям, прислушиваясь к разговорам на улицах и базарах.

К концу этих скитаний ему случилось присесть у дверей хижины, чтоб обдумать, не пора ли ему перенести свои поиски в самый город. И вдруг Абу Хасан услышал, как молодая девушка говорит своей матери: «О моя мать, назови мне день, в который я родилась, ибо это знание нужно одной из моих подруг, чтобы предсказать мне будущее».

И мать ответила ей: «Ты родилась, о дочь моя, в тот самый день, когда Абу Хасан пукнул».

И как только Абу Хасан услышал эти слова, он вскочил со скамьи и убежал, повторяя про себя: «Вот уж поистине мои ветры превратились в столбовой знак, который будет стоять вечно».

И он снова пустился в путь и скитался по суше и по морям до тех пор, пока вновь не попал в Индию, где жил в добровольном изгнании, пока не умер, да будет к нему милосерден Господь!

Рассказ имел огромный успех, но, прежде чем приступить к нему, Бёртон сделал короткое пояснение, что бедуины того времени считали пускание ветров на людях серьезным нарушением приличий. Поэтому полагалось, чтобы все находившиеся в пределах слышимости делали вид, что ничего такого не произошло, ибо человек, навлекший на себя позор, был вправе убить того, кто привлек бы внимание к подобному происшествию.

Бёртон сидел перед огнем, подобрав под себя скрещенные ноги; он заметил, что даже Алиса, по-видимому, с удовольствием слушала его байку. Она была воспитана в строгих правилах середины викторианской эпохи и росла в глубоко религиозной семье последователей англиканской церкви; ее отец был епископом, братом барона и потомком Джона Гонта, сына короля Иоанна, а ее мать приходилась внучкой графу. Однако жизнь на Реке и долгие интимные отношения с Бёртоном наложили на нее свой отпечаток и разрушили многие из былых предрассудков.

Затем Бёртон перешел к истории Синдбада-Морехода, хотя ее пришлось довольно сильно переделать, чтобы приспособить к жизненному опыту ганопо. Они никогда не видели моря, поэтому море в рассказе превратилось в реку, а птица Рух, унесшая Синдбада, стала гигантским золотым орлом.

Ганопо, в свою очередь, пересказали им свои мифы о сотворении мира и о весьма скабрезных похождениях народного героя — Хитрюги Старика Койота.

Бёртон расспрашивал их о том, как согласуется их религия с реальностью этого мира.

— О Бёртон,— ответил вождь,— этот мир не совсем похож на тот, в который мы должны были попасть, согласно нашим представлениям о нем. Здесь нет земли, на которой за один день вырастает маис, скрывающий человека с головой; нет оленей и кроликов, обещающих хорошую охоту и сражаемых без промаха на-

шими копьями. Да и с нашими женами и детьми, родителями и прародителями мы не встретились. И Великие Духи гор и рек, камней и кустарников не бродят среди нас и не беседуют с нами о наших делах.

Но мы не ропщем. Больше того, нам тут лучше, чем в мире, который мы покинули. Здесь больше пищи, эта пища вкуснее, чем была у нас там, и нам не надо трудиться, чтобы получить ее, хотя нам и приходилось сражаться за нее в былые дни, когда мы здесь только что появились. У нас больше, чем надо, воды, мы можем ловить рыбу для удовольствия, нам неизвестны болезни, которые убивали и калечили нас, мы не знаем ни тягот старости, ни присущего ей бессилия.

Глава 5

Тут вождь нахмурился, и его следующие слова стерли улыбки с лиц слушателей, на которые опустилась мрачная тень.

— Скажите мне, о странники, не слыхали ли вы чего-нибудь о возвращении Смерти? Я имею в виду Вечную Смерть. Мы постоянно живем на этом крошечном островке и по этой причине не видим приезжих. Но от тех немногих, которые у нас побывали, а также от тех, с которыми нам удалось поговорить, когда мы сами высаживались на берег, мы слышали странные и тревожные вести.

Нам говорили, что в течение некоторого времени ни один из тех, кто умер, не был возрожден заново. Когда кого-нибудь убивают, то он или она уже не просыпается на следующий день с зажившими ранами, рядом со своим граалем на берегу Реки, далеко от того места, где он умер. Скажите мне, это правда или одна из баек, которые рассказывают люди, просто чтоб попугать других?

— Не знаю,— ответил Бёртон.— Правда, мы проехали несколько тысяч километров... я хочу сказать, что мы миновали на своем пути неисчислимое множество питающих камней. И вот в последний год мы стали замечать то, о чем ты говорил.

Он замолчал, обдумывая сказанное. Прямо со второго дня после массового воскрешения нередко имели место повторные воскрешения или, как тут говорили, «пересылки». Людей убивали, или они кончали самоубийством, или с ними происходили несчастные случаи, но на восходе следующего дня они оказывались снова живыми. Однако они никогда не воскресали на месте своей смерти. Оживали они, как правило, где-то далеко, часто совсем в другой климатической зоне. Многие относили это на счет сверхъестественных сил. Еще больше было таких (и среди них Бёртон), которые вообще не верили в сверхъестественные силы и видели причину в далеко продвинувшейся науке. А называть ее сверхъестественной просто не было причин. «Нам призраки ни к чему — если цитировать бессмертного Шерлока Холмса,— раз дело может быть объяснено физическими причинами».

По собственному и, видимо, уникальному опыту Бёртон знал, что тело погибшего может быть дублировано. Это он видел в том непостижимо огромном месте, где когда-то очнулся на краткий миг. Каким-то образом тела восстанавливаются с помощью некоей «записи»: их раны заживают, больная плоть регенерирует, члены восстанавливаются, ущерб, нанесенный старостью, исчезает, возвращается юность.

Где-то под корой этой планеты находится гигантский конвертер, преобразующий энергию в материю. Возможно, источником энергии служит тепло железоникелевого ядра планеты. Техника управляет и комплексом питающих камней, корни которых уходят глубоко в тело планеты, образуя столь сложную сеть, что ум не в состоянии ее представить.

Может быть, запись информации из клеток умерших делалась чем-то, что находится в самих «грибах»? Или в этом участвовали, как считал Фрайгейт, невидимые орбитальные спутники, которые следили за каждым живым существом примерно так, как, по мнению верующих, должен следить за ними Бог, замечающий даже гибель крохотного воробышка?

Этого никто не знает, а если знает, то никому не проронит ни словечка.

Преобразование энергии в материю через систему питающих камней объясняло и снабжение даровой едой всех граждан мира Реки, которые получали ее трижды в день. Дно каждого металлического цилиндра, должно быть, содержало крохотный конвертер и электронное меню. Энергия передавалась через комплекс питающих камней прямо в цилиндры, и электричество преобразовывалось в сложные виды материи: говядину, хлеб, салат и так далее, и даже в предметы роскоши — табак, марихуану, выпив-

ку, ножницы, гребни, зажигалки, губную помаду, мечтательную резинку.

Похожая на полотенца ткань также распределялась через систему каменных грибов, но не через граали. Она появлялась в виде аккуратных стопок рядом с вновь воскресшим телом и граалем.

Вероятно, должен был существовать какой-то механизм, помещавшийся внутри подземных корней комплекса этих каменных структур. Он каким-то образом передавал через многометровую толщу земли сложнейшие конфигурации сочетаний молекул человеческих тел, граалей, тканей на высоту, составляющую ровно один сантиметр от поверхности почвы.

И люди, и вещи создавались буквально из воздуха.

Бёртон иногда раздумывал — а что случится, если «пересылка» будет сделана на место, уже занятое другим объектом? Фрайгейт считал, что тогда произойдет колоссальный взрыв. Но этого никогда еще не случалось, во всяком случае по сведениям Бёртона. По-видимому, механизм должен был откуда-то «знать», как избежать взаимопроникновения молекул.

Однако, как указал Фрайгейт, существовала еще проблема того объема воздуха, который должен быть вытеснен при появлении вновь созданного тела. Как предохранить молекулы воздуха от фатального столкновения с молекулами тела?

Этого не знал никто. Но механизм должен был каким-то способом удалять воздух, образуя вакуум, в котором появлялись тела, граали и материя. Это должен был быть абсолютный вакуум — то есть нечто такое, что наука последних десяти столетий так и не сумела создать.

И все происходило в тишине, без взрыва массы, внезапно заместившей вытесненный объем воздуха.

Вопрос о «записи» информации о телах тоже до сих пор не получил четкого ответа. Много лет назад захваченный в плен агент этиков — человек, назвавшийся Спрюсом,— сказал что-то насчет хроноскопа — инструмента, который мог проникать в прошлое, записывая «информацию клеток человеческих существ». Любого человека, который жил на Земле примерно с двухмиллионного года до нашей эры и до 2008 года нашей эры.

Бёртон в это не верил. Ему казалось невозможным в какой угодно форме — зрительно или физически — вернуться в прошлое. Фрайгейт тоже выразил свое неверие, сказав, что Спрюс,

вероятно, использовал термин «хроноскоп» в качестве метафоры. А может, и вообще врал.

Но какова бы ни была истина, а воскрешение и пища граалей могли быть объяснены научно или физически.

— В чем дело, Бёртон? — вежливо спросил вождь.— На тебя снизошел Дух?

Бёртон улыбнулся и ответил:

— Нет. Я просто думал. Мы тоже разговаривали со многими, кто верил, будто никто из этих мест не был перенесен и возрожден в других районах примерно в течение последнего года. Конечно, может случиться, что области, через которые мы проплывали, вообще не имели никаких «пересылок». Вполне возможно, что эти «пересылки» попадали в какой-то другой район. В конце концов, Река может...

Он замолк. Как ему изложить концепцию Реки длиной, возможно, в десять миллионов километров и более людям, не умеющим считать дальше двадцати?

— Она может быть такой длинной, что человеку, чтоб проплыть от одного конца Реки до другого, потребуется столько лет, сколько твой дед, отец и ты сам, вместе взятые, прожили на Земле.

Так что, хотя здесь может быть столько смертей, сколько листьев травы растет между двумя питающими камнями, это число очень мало в сравнении с длиной всей Реки. Поэтому на ней может существовать множество мест, где повторно воскрешенные все же появились.

Кроме того, сейчас умирает гораздо меньше людей, чем в первые двадцать лет. Создано множество мелких, но устойчивых государств, и среди них теперь очень немного рабовладельческих. Люди создали общественные формации, которые поддерживают порядок среди собственных граждан и защищают их от других стран. Прохиндеев, жаждущих власти, еды и товаров, почти всех поубивали. Верно, конечно, что они повыскакивали в других местах, но там у них уже не было поддержки подхалимов. В общем, жизнь налаживается, хотя, конечно, еще бывают несчастные случаи, главным образом во время рыбной ловли; иногда случаются убийства, преимущественно из ревности и тому подобное.

Короче, сейчас умирает меньше народу. И возможно, что в тех местах, мимо которых мы плыли, просто случайно не оказалось повторно воскресших.

— Ты и в самом деле веришь в это? — спросил вождь.— Или говоришь с целью утешить нас?

Бёртон снова улыбнулся:

— Сам не знаю.

— Возможно,— сказал вождь,— здесь происходит то, о чем проповедуют шаманы из Церкви Второго Шанса. Они уверяют, что этот мир есть лишь ступенька, пересадочная станция на пути в другой мир. В мир даже лучший, чем этот. Шаманы говорят, что, когда человек становится тут лучше, гораздо лучше, чем был на Земле, он отправляется в мир, где живут могучие духи. Правда, шаманы настаивают, что есть только один такой дух. Этому я не могу поверить, ибо каждому хорошо известно, что существует множество духов — больших и маленьких.

— Да, они так утверждают,— ответил Бёртон.— Но откуда они могут знать больше, чем знаем ты или я?

— Они утверждают, что один из духов, сотворивших этот мир, явился человеку, основавшему их Церковь. Этот дух рассказал ему, как обстоят дела.

— Возможно, что человек, осмелившийся на подобные утверждения, просто сумасшедший или лжец,— ответил Бёртон.

Впрочем, сам он в это не верил. А если верил, то почему же так настойчиво рвался к верховьям Реки и к тому морю, что лежит за горами, окружая Северный полюс, к тому морю, из которого, как говорят, вздымается гигантская Башня, а в ней живут творцы и правители этого мира?

Вождь продолжал:

— Не обижайся, Бёртон, но я один из тех, кто наделен искусством видеть истинную сущность человека. Ты смеешься и рассказываешь смешные байки, но ты встревожен. Ты яростен. Почему бы тебе не перестать бродяжничать на этом крошечном кораблике и не осесть на одном месте? У тебя есть хорошая женщина, а это, по правде говоря, все, в чем нуждается мужчина. У нас тут хорошие места. Здесь всегда мир, воры тут неизвестны, разве что среди редких побродяжников со стороны. Драк тоже немного. Ну конечно, иногда они случаются между мужчинами, которые хотят доказать, как они сильны, или между мужем и женой, если те не могут больше выносить друг друга. Любой разумный человек радовался бы таким местам.

— Я не в обиде,— отозвался Бёртон.— Однако, если б ты захотел лучше понять меня, тебе пришлось бы выслушать всю историю моей жизни — и тут, и на Земле. Но и тогда бы ты, вероятно, не все понял. Да и как можешь понять ты, если я сам себя не понимаю?

Бёртон замолк, вспоминая другого вождя примитивного племени, который говорил ему по сути то же самое. Это случилось в 1863 году, когда Бёртон в качестве консула ее величества на западноафриканском острове Фернандо-По и в Биафре посетил Гелеле — короля Дагомеи. Миссия Бёртона заключалась в том, чтобы уговорить короля прекратить ежегодные кровавые человеческие жертвоприношения и работорговлю. Миссия его провалилась, но он набрал достаточно данных, чтобы написать потом двухтомное сочинение.

Пьяный, злобный, распутный король обращался с ним вначале покровительственно, тогда как при посещении Бёртоном Бенина тамошний король в его честь даже распял человека. И все же они, с учетом сложности ситуации, умудрились сохранить приличные отношения. Больше того, в предыдущий визит Бёртон был назначен почетным капитаном королевской гвардии амазонок.

Гелеле высказался в том смысле, что Бёртон человек неплохой, но сильно яростный.

Примитивные люди хорошо разбираются в характерах. А иначе им не выжить.

Монат-арктурианец, почуяв, что внезапная замкнутость Бёртона начинает вредить дружескому духу вечеринки, начал рассказывать истории из жизни своей родной планеты. Сначала Монат вызывал у островитян недобрые чувства из-за его явно негуманоидного происхождения. Однако ему без труда удалось их расшевелить, поскольку он прекрасно знал способы, с помощью которых можно заставить людей чувствовать себя легко и свободно. Еще бы ему не знать! Ему приходилось применять их ежедневно, начиная с первого же дня появления в мире Реки.

Немного погодя Бёртон встал и сказал, что его команде пора отправляться спать. Он поблагодарил ганопо за гостеприимство, но в то же время сообщил, что изменил свое намерение остаться тут на несколько дней. Его первоначальные замыслы насчет отдыха подверглись пересмотру.

— Мы бы очень хотели, чтобы ты остался,— сказал вождь.— На дни или на годы. Как тебе захочется.

— Благодарю тебя за эти слова,— ответил Бёртон. И процитировал фразу одного из персонажей «Тысячи и одной ночи»: — «Аллах наградил меня страстью к путешествиям».

А потом процитировал себя самого: «Путешественники, подобно поэтам,— народ яростный».

Это вызвало у него смех, и он ушел на корабль куда менее мрачным. Прежде чем лечь спать, он распределил вахты. Фрайгейт запротестовал, сказав, что на этом изолированном острове вахтенные не нужны, тем более что немногочисленные островитяне кажутся честными ребятами. Однако ему пришлось подчиниться, что вообще-то не было для Фрайгейта в новинку. Он хорошо знал, что Бёртон считает жажду стяжательства главной пружиной, определяющей человеческие поступки.

Глава 6

Бёртон продолжал вспоминать эти и другие события нынешней ночи, включая и свои сны. Он стоял на палубе, покуривая сигару, вместе с Фрайгейтом, который еще не ушел спать. Скопление тесно спрессованных звезд и тонких вуалей светящихся газов успело заметно побледнеть за это время. Через полчаса должен был наступить рассвет. Его первые лучи смоют с неба большую часть видимых сейчас светил и еще долго будут разгораться, пока наконец солнце не вылезет из-за северной стены гор.

Им хорошо был виден туман, подобно лохматому шерстяному одеялу укрывавший Реку и равнины обоих берегов. Он накатывался на поросшие деревьями склоны холмов, где светились редкие огоньки. А за холмами долины высились горы, нижние склоны которых поднимались под углом 45° до высоты 1000 футов (305 метров) или около того, а затем склоны шли совершенно отвесно вверх — ровные, как зеркала,— до уровня десяти тысяч футов, или 3048 метров.

В первые годы пребывания на этой планете Бёртон оценивал высоту гор в двадцать тысяч футов (6096 метров). Он был не одинок в этой ошибке в те времена, когда глаза были единственным прибором для измерения расстояний. Но после того, как ему удалось соорудить несколько примитивных измерительных инструментов, он установил, что горная стена, как правило, поднимается на вдвое меньшую высоту, чем ему казалось. Иссиня-серый или черный цвет камня порождал эту зрительную иллюзию. Возможно, действовало еще и то, что долина была узка, а горные стены заставляли местных обитателей чувствовать себя совершенными пигмеями.

Это был мир иллюзий, физических, метафизических и психологических. Как на Земле, так было и тут. В этом отношении между этим миром и Землей разницы практически не было.

Фрайгейт закурил сигарету. Чуть ли не целый год он не курил, но теперь, по его выражению, снова согрешил. Он был почти так же высок, как Бёртон. Глаза — карие. Волосы черные, совсем как у Бёртона, хотя на солнечном свету они имели отчетливый красноватый отлив. Черты лица неправильные: выступающие надбровные дуги, прямой нос средних размеров, но с крупными ноздрями, полные губы, причем верхняя нависала над нижней, и раздвоенный подбородок. Последний казался даже несколько дегенеративным из-за слабого развития челюстей.

На Земле, среди прочих достоинств, Фрайгейт отличался принадлежностью к той редкой и славной породе, которая коллекционирует множество разнообразнейших книг, что было весьма немаловажно для Бёртона. Кроме того, Фрайгейт в свое время написал биографию последнего, но потом переделал ее в роман под названием «Крутой рыцарь королевы».

Встретившись с Фрайгейтом впервые, Бёртон был поражен, когда тот представился как автор научно-фантастических книг.

— Ради самого дьявола, это еще что за штука?

— Не просите меня дать точное определение научной фантастики,— ответил Фрайгейт.— Пока еще никому не удавалось дать дефиницию, которая удовлетворяла бы всех. Это есть... был... литературный жанр, в котором местом действия является придуманное будущее. Научной фантастикой он называется потому, что, как подразумевалось, наука должна была играть там большую роль. Вернее, развитие науки в будущем. Сама наука отнюдь не сводилась к химии или физике, но включала в себя экстраполяцию развития социологии и психологии того времени, когда жили эти писатели.

Фактически же любой рассказ, действие которого происходит в будущем, считался научной фантастикой. Даже рассказ, написанный, скажем, в 1960 году с проекцией на 1984 год, в том самом 1984 году рассматривался тоже как научная фантастика.

Больше того, научно-фантастическое произведение могло иметь местом действия и прошлое, и даже настоящее время. В этом случае предполагалось, что описываемые события возможны, ибо они основываются на достижениях науки нынешнего века, и автор лишь экстраполирует с большей или меньшей степенью достоверности то, что могла совершить наука.

К сожалению, эта дефиниция позволила называть научно-фантастическим произведением и такие, где науки не было вообще, или те, в которых сказалось полное авторское невежество в научной области.

Однако (в научно-фантастической литературе множество таких «однако») в жанре есть множество произведений, в которых описываются вещи, которых просто не может быть, ибо для их существования научных предпосылок нет. Ну, вроде путешествий во времени, параллельных миров, сверхсветовых двигателей, живых планет, богов, посещающих Землю во плоти, насекомых крупнее домов, всемирных потопов, порабощений с помощью телепатии... словом, имя им легион.

— А почему же все это названо научной фантастикой?

— Ну... фактически этот термин, изобретенный неким Хьюго Гернсбеком, появился гораздо позднее самого жанра. Ты, вероятно, читал романы Жюля Верна или «Франкенштейна» Мэри Шелли, верно? Их тоже можно классифицировать как научную фантастику.

— А мне кажется, что это просто выдумка,— сказал Бёртон.

— Да, но ведь любая литература отчасти тоже выдумка. Разница между приземленной выдумкой, которую мы называем главным направлением художественной литературы, и научной фантастикой заключается в том, что повествование в первой ведется о вещах, которые вполне могли произойти. Больше того, действие в них всегда происходит либо в прошлом, либо в настоящем.

Научная же фантастика говорила о вещах, которые либо вообще не могли произойти, или же возможность возникновения этих событий была совсем ничтожной. Кое-кто даже называл это направление спекулятивной литературой, но термин не привился.

Бёртон так и не понял по-настоящему, что такое научная фантастика, но вообще ему это не так уж мешало жить. Фрайгейту объяснить ему понятно так и не удалось, хотя он и приводил множество примеров.

— Фактически,— говорил Фрайгейт,— научная фантастика принадлежит к числу тех вещей, которые не существуют, хотя и имеют название. Давай-ка поговорим о чем-нибудь другом.

Однако Бёртон не хотел менять тему.

— Значит, у тебя была профессия, которая на самом деле не существует?

— Нет, профессия писателя-фантаста существует. Дело другое, что не существует как таковая сама научная фантастика. Впрочем, наш разговор становится все более похожим на диалоги из «Алисы в Стране чудес».

— А деньги, которые ты зарабатывал, они тоже не существуют?

— Почти что. Ладно. Это преувеличение. Я не подыхал с голоду в мансарде, но и не разъезжал в золотом «кадиллаке».

— А что такое «кадиллак»?

Вспоминая об этом разговоре сейчас, Бёртон подумал о том, как странно, что женщина, с которой он спит,— это та самая Алиса, которая стала вдохновительницей обеих гениальных книг Льюиса Кэрролла.

Внезапно Фрайгейт шепнул:

— Что это?

Бёртон посмотрел на восток — туда, где был пролив. В отличие от местностей ниже и выше его пролив не имел отлогих берегов. Высокие холмы поднимались прямо из воды на всем его протяжении — холмы с гладкими полированными стенами. От пролива что-то... нет... какие-то два объекта направились прямо к ним; они казались плывущими над туманом.

Бёртон вскарабкался по веревочной лестнице, чтобы получше рассмотреть, что там такое. Нет, эти предметы не висели в воздухе. Их нижние части были просто скрыты туманом. Ближайший к ним был явно сделан из дерева, на нем виднелось нечто, напоминающее человеческую фигуру. Второй, расположенный гораздо дальше, был чем-то большим, круглым и черным.

Бёртон крикнул вниз:

— Пит! Мне кажется, это плот! И очень большой! Его несет течением, и он движется прямо на нас! Там есть вышка, на которой находится рулевой. Он неподвижен — просто стоит, и все. Уверен...

Ни в чем он не был уверен. Человек на вышке не двигался. Если бы он бодрствовал, он бы обязательно заметил, что плоту грозит столкновение.

Бёртон сгибом руки уцепился за веревку, поднес сложенные рупором ладони ко рту и взревел. Фигура, прислонившаяся к бортовому ограждению, даже не шевельнулась. Бёртон перестал пытаться докричаться до нее.

— Буди всех! — проревел он Фрайгейту.— Быстрее! Надо освободить ему дорогу!

Бёртон стремительно спустился вниз и прямо через борт перескочил на опалубку дока. Здесь, когда его голова перестала возвышаться над пеленой тумана, он почти ничего не мог различить. Однако, касаясь борта корабля, он сумел нащупать дорогу к причальным кнехтам; к тому моменту, когда он отвязал два каната, он уже слышал топот остальной команды на палубе над своей головой. Он крикнул, чтоб Монат и Казз перелезли на другую сторону дока и отдали там швартовые концы.

В спешке Бёртон наскочил на кнехт и несколько секунд прыгал на месте, придерживая рукой ушибленное колено. Затем снова принялся за работу.

Закончив свою долю возни с канатами, он ощупью вернулся к кораблю. Кто-то уже сбросил сходни, и Бёртон взлетел вверх, придерживаясь за поручни, и оказался на палубе. Теперь ему были видны макушки голов женщин и лицо американца.

— Что у вас стряслось? — спросила Алиса.

— Ты приготовил шесты? — крикнул он Фрайгейту.

— Ага.

Бёртон снова вскарабкался по лесенке наверх. Оба предмета все еще шли курсом, который должен был привести их прямо к доку. Человек на рулевой вышке так и не пошевелился.

Но теперь они слышали голоса островитян. Ганопо проснулись и громкими голосами спрашивали, что случилось.

Голова Моната и его плечи возникли из серой массы тумана. Он казался монстром, неслышно выползающим из тумана, как это описывается в готических романах. Череп арктурианца еще напоминал человеческий, но мясистое лицо явно могло принадлежать лишь получеловеку. Широкие черные брови изгибались вниз к выступающим вперед скулам и отчасти скрывали их. Тонкая пленка мембраны шевелилась при каждом движении головы и свисала от нижней части ноздрей. Утолщенный хрящ на конце носа рассекала глубокая впадина. Губы — как у собаки: тонкие, темные, кожистые. Уши без мочек, закрученные на манер морских раковин.

Откуда-то совсем рядом с Монатом заорал Казз. Его Бёртон видеть не мог, так как тот по росту был вторым от конца — всего пять футов, или полтора метра. Когда он подошел ближе, Бёртон смог смутно различить его почти квадратную фигуру.

— Хватайте шесты и выводите корабль из дока! — вопил Бёртон.

— Да где они, эти чертовы шесты? — кричала Бесст.

— Я вытащил их из стойки. Они на палубе,— откликнулся Фрайгейт где-то совсем рядом с ней.

— За мной! — крикнул Бёртон. И тут же грубо выругался, споткнувшись обо что-то и ничком шлепнувшись на палубу. Он сейчас же вскочил, но только для того, чтоб опять с кем-то столкнуться. По крупным формам он определил, что это Бесст.

После недолгой неразберихи шесты нашлись, и члены команды, держа их в руках, выстроились вдоль бортов. По команде Бёртона они уперлись концами шестов в верхние бревна дока, так как между бортом корабля и стенками дока не оставалось зазора, в который можно было бы засунуть шесты, чтобы упереться в каменное дно шельфа. Поскольку им приходилось преодолевать силу течения, которое было особенно мощным на середине озера, то вывести корабль из дока оказалось делом нелегким. Выйдя из него, они опустили шесты в воду и принялись отталкиваться от твердого дна. Но здесь шесты скользили по ровной и гладкой поверхности скалы.

Бёртон приказал развернуть нос корабля к чистой воде. Когда это было сделано, шестоносцы с левого борта перешли на правый, чтоб помочь товарищам удержать корабль от бортового дрейфа, сносившего их прямо к скалистому шпилю. В этой точке и пляж, и шельф внезапно как обрезало. Теперь надо было держать шесты горизонтально, отталкиваясь от скользкой стены самого острова.

Бёртон, услышав чей-то незнакомый голос, обернулся. Темная фигура на вышке теперь ожила и что-то вопила в густом тумане. Другие голоса, менее громкие, чем голос впередсмотрящего, с трудом пробивались сквозь туман.

Большой круглый темный предмет стал теперь еще больше. В свете звезд он выглядел как голова какого-то гиганта. Бёртон прикинул, что расстояние между вышкой и этим объектом составляло около ста метров. А это означало, что надвигавшийся на них плот имел огромные размеры. Бёртон не знал его ширины

и надеялся избежать знакомства с этим обстоятельством на практике до тех пор, пока корабль благополучно не обогнет остров.

Как раз в тот момент, когда Бёртон снова вернулся к своим делам, он заметил, что на вышке появился еще один человек. Человек бешено размахивал руками, а его пронзительный голос заглушал голос впередсмотрящего.

— Берегись! — закричал Фрайгейт.

Бёртон не винил его за панику, прозвучавшую в этом возгласе. Он и сам был как в лихорадке. Вся эта масса с ее колоссальной инерцией — сотни, а может, тысячи бревен — шла прямо на «Хаджи-2».

— Толкайте изо всех сил! — орал он.— Нас раздавит, если мы не уберемся с дороги!

К тому времени бушприт — большое бревно, торчащее на носу корабля,— уже вышел из-под прикрытия скалы. Еще несколько рывков — и корабль обогнул бы угол скалы, течение подхватило бы «Хаджи-2» и унесло его прочь от скалы и от опасности.

Крики с плота приближались и становились все громче. Бёртону все же удалось бросить взгляд на вышку. Теперь она была всего лишь футах в 400, или в 122 метрах. Больше того, боковая поверхность вышки предстала под другим углом. Бёртон яростно выругался — ведь это означало, что плот развернулся или разворачивается, что он меняет курс, чтоб не налететь на остров прямо в лоб. К сожалению, он поворачивал влево, а не вправо.

— Навались!!! — орал Бёртон.

А любопытно, где эта вышка? На самом носу или отступя от него? Если последнее, то тогда перед ней торчит еще здоровенная часть плота. А это означает, что под прикрытием тумана эта передняя часть уже совсем вплотную подобралась к его кораблю.

Во всяком случае, плоту скалы не миновать. И Бёртону наплевать на это, если только при столкновении не пострадает и «Хаджи-2».

Человек на вышке выкрикивал команды на неизвестном языке, глухо звучавшие в тумане.

Теперь уже и нос «Хаджи» миновал скалу. Но тут же сильное боковое течение прижало корабль к скалистой стене, и шесты соскользнули с нее, так как скала тут была еще более гладкой.

— Толкайте, сучьи дети, толкайте! — гремел Бёртон.

Раздался рев, палуба подпрыгнула вверх и наклонилась к стене. Бёртона швырнуло на сверкающую твердь, которая превратила его в нечто аморфное и незрячее. Он смутно ощутил, что падает обратно на палубу, что лежит на спине и пытается подняться в этой загустелой серой жиже. Кругом слышались вопли. Эти вопли да еще треск ломающихся шпангоутов и громкий взрывной звук — результат удара плота о скалу, были последними звуками, которые успел услышать Бёртон.

Глава 7

Туман ослепил Джилл Галбирру.

Только держась вплотную к правому берегу Реки, она могла разобрать смутные очертания питающих камней. Они казались зловещими, как чудовищные мухоморы, разбросанные по безжизненной пустыне.

Следующий питающий камень будет концом ее одиссеи. Она пересчитывала все, мимо которых проплывала; считала всю ночь напролет.

А сейчас — призрак в призрачном каноэ — она продолжала работать веслом. Ветер умер, но она сама слегка оживила его, вернее, породила псевдоветер, направляя свое каноэ против течения. Теплый, насыщенный влагой воздух легко касался ее лица, подобно завесе из эктоплазмы*.

Теперь она уже видела огонек у того камня, который был целью ее путешествия. Крошечная, еле заметная искорка. Но растет, разгорается во тьме призрак огня, и уже слышны голоса людей. Бестелесные голоса.

Она сама, подумала Джилл, должна походить на призрак монахини. Белые одежды, скрепленные невидимыми магнитными скрепками, почти полностью скрывали ее тело. Одно из полотнищ образовывало капюшон, так что кто-нибудь, наблюдавший за ней из тумана, мог увидеть вместо ее лица только темный провал в серой полутьме.

Ее жалкие пожитки валяются на дне каноэ. В этой влажной, сумрачной, как бы шерстистой духоте они были как два маленьких зверька — белый и серый. Рядом с ней стоял высокий металлический цилиндр — ее «коробка для сладостей». Подальше — белый узелок из материи, в котором лежали всякие мелочи. Бам-

* Эктоплазма — эманация, истекающая из тела медиума при материализации духов.

буковая флейта. Кольцо из дуба с вделанным в него нефритом — подарок любовника; любовника, расставшегося с ней и, насколько она знала, мертвого в полном смысле этого слова. Мешочек из кожи речного дракона, набитый всякой мишурой и воспоминаниями. К узлу был привязан невидимый в темноте чехол с тисовым луком и колчан со стрелами.

Под скамейкой лежало еще копье — бамбуковый ствол с наконечником из рыбьего рога. Рядом с ним — два тяжелых боевых бумеранга и мешок с двумя кожаными пращами и сорока булыжниками.

По мере того как пламя разгоралось, голоса становились слышнее. Кто они? Стража? Пьяные дебоширы? Рабы, рассчитывающие на поимку таких, как она? Ранние черви, надеющиеся поймать птичку?*

Она мрачно усмехнулась. Если они любят насилие, что ж, они его получат.

И все же, скорее всего, пьяницы. Если то, что она слыхала в низовьях,— правда, она находится на мирной территории. Ни Пароландо, ни его соседи не практиковали «граального рабства». Согласно ее информации, она смело могла бы путешествовать и днем. Ее приняли бы, она могла бы свободной уйти или остаться. Более того, говорили, что эти пароландцы строят гигантский воздушный корабль.

Но недоверие, можно сказать, было неотъемлемой чертой ее характера, хотя поставить ей в вину это было нельзя. Если учесть ее ужасный опыт. Поэтому она и решила затаиться во тьме. Это требовало больше труда и влекло за собой множество неудобств; эффективность путешествия тоже могла оказаться низкой. Приходится делать выбор между выживанием и эффективностью, но в дальнейшей перспективе выживание можно было рассматривать как наивысшую эффективность, независимо от того, сколько времени и труда на это уйдет.

Смерть теперь уже не была временным явлением в долине Реки. Воскрешения, по-видимому, почти прекратились, а с их исчезновением вернулся и древний страх перед гибелью.

Теперь огонь пылал уже так ярко, что можно было хорошо рассмотреть огромный каменный гриб. Четыре фигуры — четыре черных абриса — то и дело мелькали на фоне костра. До Джилл

* Инверсия пословицы «Ранняя птичка находит червя».

уже доносился запах горящего бамбука и сосновых веток и еще то, что показалось ей сигарным дымом. И почему такой омерзительный продукт распространяется таинственными дарителями?

Разговор у костра шел на слегка испорченном английском. Либо они были пьяны, либо английский не был их родным языком. Впрочем, нет! Голос, глухо доносившийся сквозь пелену тумана, явно принадлежал американцу.

— Нет! — ревел он.— Клянусь священными пылающими кольцами Сатурна, нет! И дело тут вовсе не в чьем-то дурацком самолюбии или в чьей-то вонючей гордыне! Я хочу построить самый большой корабль, больше всех, которые когда-либо создавались,— сказочный корабль, истинного короля небес, колосса, левиафана! Огромнее, чем Земля или мир Реки когда-нибудь видели или смогут увидеть в будущем! Такой корабль, чтоб у всех глаза полезли на лоб, чтоб они гордились тем, что они люди-человеки! Красавца! Потрясающее воздушное чудище! Уникум! Не похожий ни на что, что было до него! Что такое? Не мешай мне, Дейв! Я взлечу и буду там летать высоко до тех пор, пока мы не доберемся куда надо! А потом еще дальше!

— Но, Милт!..

— Ты на меня не нокай! Нам нужен самый большой, самый огромный, самый лучший, и все это по чисто логичным, научно проверенным соображениям! Бог мой, парень, нам придется подняться гораздо выше и дальше, чем когда-либо летал дирижабль! Нам придется преодолеть расстояние, может быть, в шестнадцать тысяч девятьсот километров, в зависимости от того, где будет находиться пароход. И один Бог знает, напор каких ветров нам придется преодолеть на этом пути! И надо помнить, что эта дорога с движением только в одну сторону! Вы слышали меня, Дейв, Зейк, Сирано? Только в одну сторону!

Сердце Джилл учащенно забилось. Дейв говорил с немецким акцентом. Должно быть, это были те самые люди, которых она разыскивала. Какое везение! Нет, не везение, она ведь заранее знала, сколько километров ей придется проплыть, и определяла пройденный и остающийся путь по цепи питающих камней, протянувшихся вдоль берега, пока не добралась до места назначения. И ей сказали совершенно определенно, где находится штаб-квартира Милтона Фаербрасса. И она знала, что Давид Шварц — инженер-австриец — был одним из лейтенантов Фаербрасса.

— На это потребуется слишком много времени и слишком много материалов,— громко сказал один из мужчин. Его выговор явно принадлежал уроженцу Мэна. Было в этом голосе нечто (впрочем, это мог быть плод ее слишком живого воображения) от воя ветра в оснастке, от потрескивания канатов и корабельных переборок ныряющего в волнах корабля, от рева прибоя и громкого хлопанья парусов. Да нет, все это просто ее воображение!

«Брось, Джилл!» — сказала она себе. Если бы Фаербрасс не назвал его Зейк, она наверняка не стала бы придумывать при звуке этого голоса всякие аксессуары, относящиеся к парусникам дальнего плавания. А ведь это мог быть и Эзикиел Харди — капитан нью-бэдфордского китобойного судна, убитый кашалотом недалеко от берегов Японии... в 1833-м? Тот, что сумел убедить Фаербрасса в том, что из него получится роскошный рулевой или даже штурман на дирижабле. Разумеется, после соответствующего обучения. Фаербрасса, должно быть, здорово допекала проблема набора команды, если он взял этого шкипера-китобойца, родившегося в самом начале XIX века. Этот парень наверняка и воздушного-то шара в жизни не видел, а то, пожалуй, и речного парохода.

Ходили слухи, что Фаербрасс пока не добился почти никакого прогресса в поисках опытных воздухоплавателей. Еще бы — ему, видите ли, одни мужики нужны! Поэтому он принимает к себе кандидатов, которых можно, как ему кажется, натренировать побыстрее. Авиапилотов. Любителей полетов на воздушных шарах. Моряков. И по всей Реке, вверх и вниз на расстояние 60 тысяч километров, а может быть, и всех 100 тысяч, разносится весть, что Фаербрассу нужны специалисты по воздушным кораблям легче воздуха. Мужчины. И только мужчины.

Но что знал сам Фаербрасс о строительстве и управлении дирижаблем? Он, может, и летал на Марс и Ганимед, крутился на орбитах Юпитера и Сатурна, но какое отношение все это имеет к дирижаблям? Давид Шварц, правда, изобрел и построил самый первый дирижабль с твердой оболочкой. Он одновременно был и первым изготовившим каркас и оболочку полностью из алюминия. Это случилось в 1893 году, за 60 лет до того, как родилась Джилл. Затем он начал строить еще лучшую модель — в Берлине в 1895 году, но работа прекратилась, когда Шварц умер... Кажется, в январе 1897 года?

В точности этих данных она, конечно, теперь не уверена. Тридцать один год, проведенный на Реке, заставил сильно потускнеть ее воспоминания о земной жизни.

Интересно, думала она, а известно ли Шварцу, что произошло после его смерти? Возможно, и нет, разве что ему довелось повстречать кого-нибудь чокнутого на проблемах воздухоплавания, вроде этого невежды — Зефана... Жена Шварца продолжала его дело, но ни одна книга, известная Джилл, не удосужилась упомянуть даже ее имя или девичью фамилию. Она так и осталась навечно «фрау Шварц». Ей все-таки удалось осуществить постройку второго корабля, несмотря на то что она была всего лишь женщиной. А эти болваны мужики, что повели алюминиевый корабль в полет (корабль походил внешним видом скорее на термос, чем на что-либо другое), запаниковали и угробили машину.

Все, что осталось от мечты Шварца и беззаветной преданности его жены,— это безобразная куча скрученного серебристого металла. Вот так бывает с мечтой, если у руля становятся огромный фаллос, лилипутский мозг и мышиная отвага. Ну а если бы на месте этого болвана оказалась женщина, уж ее-то имя наверняка попало бы в Историю. Вот смотрите, что получается, если баба вылезает из своей кухни!.. Если бы Бог намеревался...

Джилл вздрогнула, горячая боль пронзила сердце. Возьми себя в руки, сказала она себе. Хорошо, еще сейчас воздух прохладен, а то так и взорваться недолго.

Она очнулась от своих грез. Пока она тут воображала чувства, обуревавшие фрау Шварц, ее собственное каноэ течением уже отнесло назад. Огонь стал меньше, голоса доносились глуше, а она ничего не заметила. Надо, черт возьми, быть повнимательней, выругалась она. Следует всегда быть настороже, иначе ты никогда не докажешь будущему начальству, что обладаешь достаточной квалификацией, чтобы стать членом команды корабля. А может, и капитаном?

— Времени нам хватит! — гремел между тем Фаербрасс.— Это вам не какой-нибудь долбаный правительственный контракт — вечно недофинансируемый и подгоняемый в хвост и в гриву проект! Пройдет тридцать семь или даже больше лет, пока Сэм доберется до конца Реки! А нам потребуется только два, ну, может, три года, чтобы закончить свою зверюгу. А пока для тренировок будем пользоваться аппаратами с мягкой оболочкой! А затем мы — ого-го! — стартуем к диковинным голубым небесам, к Ту-

манному морю Северного полюса, где живет не какой-нибудь вшивый Санта-Клаус, а Некто, принесший нам такие подарочки, которые делают святого Николая чуть ли не самым распоследним скупердяем в мире! Вперед же — к Туманной Башне, вперед к всамделишному Святому Граалю!

Тут в разговор вступил четвертый. Говорил он приятным баритоном, причем сразу было заметно, что английский ему не родной язык. Что же в нем такое? Звучит вроде как французский акцент, но... Да, конечно! Это же, должно быть, Савиньен Сирано де Бержерак, если верить слухам, дошедшим до нее через сотни уст! Ей показалось просто невероятным, что скоро она будет вот так запросто разговаривать с ним! А может, и не придется — на Реке ошивается множество всякого рода самозванцев.

На мгновение наступила тишина. Тишина, возможная только на Реке, когда мужики наконец затыкают свои глотки. Тут ведь нет ни птиц, ни животных (в частности, вечно лающих собак), никаких механических чудовищ, ревущих, воющих, жужжащих, лязгающих, нет вопящих гудков, нет рыдающих и стонущих сирен, нет визга тормозов, нет радио и галдящих громкоговорителей. Только плеск воды, набегающей на берег, да редкие шлепки рыб, выскакивающих в воздух и шлепающихся обратно в привычную им стихию. И еще потрескивание сучьев в костре.

— Ах! — воскликнул Фаербрасс.— Какой покой! Это лучше всего, что было у меня на Земле. Свобода! Свобода! Но когда же они появятся здесь, эти воздухоплаватели?! Мне нужны люди с опытом, нужны настоящие специалисты по этим пузырям, наполненным газом!

Шварц смачно пошлепал губами — Джилл видела поднятую к губам бутылку — и ответил:

— Вот оно как! Значит, у тебя все же кое-что свербит?

Каноэ коснулось берега, и Джилл выскользнула из него, даже не зачерпнув в лодку воды. Вода в этом месте достигала ей до пояса, но одежда с магнитными скрепками не промокла, и тело осталось сухим. Она прошла к берегу, подняла нос длинного и тяжелого каноэ, а затем медленно повела его за собой, пока не ступила на сушу. Нос каноэ опустился, и Джилл потащила лодку по песку, пока она не вышла из воды целиком. Сам пляж выступал всего лишь сантиметров на тридцать над поверхностью Реки. Джилл постояла, обдумывая, что ей делать дальше, и все-таки решила идти без оружия.

— О, я их рано или поздно все равно получу,— заговорил между тем Фаербрасс.

Джилл подошла совсем близко, бесшумно ступая по короткой траве.

— А вот и то, что вы ищете,— сказала она громко.

Все четверо стремительно обернулись, один чуть не упал и ухватился за другого. Они таращились, их рты и глаза на светлом фоне лица смотрелись как черные провалы. Подобно ей, они были закутаны в ткани, только последние отличались очень яркой раскраской. Будь она врагом, то успела бы проткнуть стрелой каждого, прежде чем они схватились бы за оружие, если допустить, что оно у них было. Потом-то она разглядела, что у них имелись пистолеты, положенные на шляпку «гриба».

Пистолеты! Металлические! Значит, все-таки это правда!

И вдруг в руке самого высокого из четверых она увидела рапиру — длинный стальной клинок с остро заточенным концом. Другой рукой он откинул капюшон, показав продолговатое смуглое лицо с огромным носом. Точно! Это должен был быть легендарный Сирано де Бержерак!

Сирано от неожиданности перешел на французский семнадцатого века, из которого она с трудом поняла всего лишь несколько слов.

Фаербрасс тоже откинул капюшон.

— Я чуть не наложил в штаны! Почему ты не предупредил нас о прибытии?

Она опустила капюшон еще ниже.

Фаербрасс подошел к ней и оглядел внимательно.

— Это баба!

— Тем не менее я ваша! — ответила Джилл.

— Чего-чего?

— Вы что, английского не понимаете, что ли? — бросила она с сердцем.

Ее гнев относился в первую очередь к ней самой. Она была так взволнована, хотя и хотела казаться спокойной, что даже заговорила на диалекте тувумба. С тем же успехом она могла бы воспользоваться и чистым английским Шекспира — они все равно не поняли бы ни черта. Она повторила сказанное на стандартном среднезападном американском, который она выучила с большим трудом.

— Тем не менее я ваша. Между прочим, меня зовут Джилл Галбирра.

Фаербрасс представил ей себя и своих друзей, а потом произнес:

— Мне надо выпить!

— Я и сама охотно выпью,— сказала Джилл.— Это глупость, будто алкоголь согревает, но зато он заставляет вас думать, что вы согрелись.

Фаербрасс наклонился и взял бутылку — первое стекло, которое Джилл видела за многие годы. Он протянул бутылку Джилл, и она глотнула скотч из горла, даже не обтерев его. В конце-то концов, на Реке нет болезнетворных микробов! И у нее отсутствовали предрассудки насчет питья из бутылки, из которой только что пил метис. Разве ее бабушка не была аборигенкой? Конечно, абo — это вам не негры. Это белые с очень темной кожей.

И с чего это ей в голову лезет такое?

Сирано, выставив голову вперед и согнув спину, медленно подошел к ней. Он оглядел ее с головы до ног, покачал головой и сказал:

— Mordioux*, у нее волосы короче моих! И никакой косметики! Вы уверены, что это действительно женщина?

Джилл прополоскала рот виски и проглотила жгучую жидкость. Виски было прекрасно, и оно быстро согрело ее.

— Посмотрим,— сказал француз. Он положил ладонь на ее левую грудь и тихонько сжал.

Джилл с силой двинула его кулаком в твердый живот. Сирано согнулся вдвое, и Джилл нанесла ему удар коленом в подбородок. Сирано рухнул как бревно.

Фаербрасс сказал:

— Это что еще за шутки? — И уставился на нее в полном недоумении.

— А как бы ты повел себя, если б он ухватил тебя за член, чтобы проверить, мужчина ли ты?

— Просто обалдел бы, милочка! — сказал Фаербрасс. Он оглушительно захохотал и принялся отплясывать, тогда как двое друзей глядели на него с таким видом, будто считали, что он спятил.

Сирано с помощью рук встал на колени, а потом с трудом поднялся на ноги. Лицо его раскраснелось, рот свирепо ощерился. Джилл хотела отступить назад, особенно после того, как он поднял рапиру. Но она даже не шевельнулась и голос ее не дрожал, когда она сказала:

— Вы всегда так грубо фамильярны с незнакомыми женщинами?

По телу Сирано прошла дрожь. Краска сошла с лица, зубной оскал превратился в смущенную улыбку.

Он поклонился:

— Нет, мадам, и примите мои извинения за столь возмутительные манеры. Обычно я не пью, поскольку не люблю туманить себе мозги и пробуждать в себе зверя. Но сегодня мы отмечали годовщину отплытия корабля.

— Ладно, забудем,— ответила Джилл.— Только пусть такое больше не повторится.

Джилл улыбалась, но была жутко зла на себя за то, что плохо начала знакомство с человеком, которым всегда восхищалась. Конечно, это была не ее вина, но вряд ли теперь можно ожидать, что он быстро забудет, как был повержен на землю столь легко да еще перед свидетелями. Самолюбие мужиков не способно перенести такое.

Глава 8

Туманная дымка истончилась. Теперь уже не было необходимости в огне костра, чтобы разглядеть лица друг друга. Однако ниже пояса серо-белая вата тумана была еще довольно плотна. Небо уже светлело, хотя до того, как солнце вылезет из-за пиков восточных гор, оставались еще часы. Белые простыни светящихся газов, закрывавшие почти шестую часть неба, теперь как бы выцвели, да и звезд стало куда меньше. Тысячи гигантов еще продолжали полыхать красным, зеленым, белым, голубым, но интенсивность их свечения падала, подобно тому как с расстоянием бледнеют выхлопные полосы, тянущиеся за реактивным самолетом.

На западе из тумана поднималось около дюжины высоких строений. Глаза Джилл широко распахнулись, хотя она знала о них по слухам, доходившим до нее, и по передачам барабанного телеграфа. Некоторые здания поднимались в высоту четырех- и пятиэтажных домов и казались изготовленными из стальных и алюминиевых листов. Должно быть, фабрики. Но самым огромным было алюминиевое здание ангара.

---

* Черт побери! *(фр.)*

— Самый большой из всех, что мне приходилось видеть,— прошептала она.

— Ты еще ничего не видела,— ответил Фаербрасс. Потом помолчал и добавил с удивлением: — Ты что, приехала, чтоб записаться в нашу команду?

— А тебе что — мало того, что было сказано?

Конечно, он был настоящий мужик. Он мог принять ее, мог и выкинуть. И все равно ей, как и всегда, не удалось скрыть свое раздражение тем, что она считала глупостью. Талдычить одно и то же — пустая трата времени, а следовательно — глупость. Вот тут стоит человек, имеющий степень доктора астрофизики и магистра по электронике. А Соединенные Штаты дураков в космос не посылали, хотя, конечно, и там могли попасться не слишком блестящие умы. Может быть, это алкоголь заставил их так поглупеть? Он ведь всегда оказывает подобное действие на мужиков. И на женщин, поспешила она напомнить самой себе. Надо же быть справедливой.

Он стоял рядом, дыша парами виски ей прямо в лицо. На голову ниже ее, широкие плечи, мускулистые руки и выпуклая грудь, находившаяся в забавном контрасте со стройными и даже тощими ногами. Карие большие глаза, белки налиты кровью. Голова крупная, лоб выпуклый, а бронзовые волосы так курчавы, что стоят как на пружинах. Считалось, что он мулат, но, видимо, кавказские и онондагские* гены доминируют. Вполне мог бы сойти за провансальца или каталонца. Или за любого другого выходца из Южной Европы.

Он оглядел ее с головы до ног. Может быть, этот нагловатый взгляд был вызовом — не попытается ли она сбить его с ног, как только что сбила Сирано?

Джилл спросила:

— О чем ты думаешь? О том, достаточна ли моя квалификация, чтоб стать офицером корабля? Или о том, какое тело скрывает это мешковатое тряпье?

Фаербрасс снова громко расхохотался. Когда же успокоился, то ответил:

— И о том и о другом.

Шварц был явно шокирован. Он был мал ростом, худощав, голубоглаз и обладал довольно темной шевелюрой. Джилл сердито глянула на него, и он тут же отвел глаза. Эзикиел Харди, как и Сирано, был почти одинакового роста с Джилл. У капитана узкое лицо, высокие скулы и черные волосы. Харди не сводил с нее твердых бледно-голубых глаз.

* Одно из племен североамериканских индейцев.

— Я повторю, потому что все должно быть предельно ясным,— сказала Джилл.— Я ничем не хуже любого мужика и могу это доказать в любую минуту. И я для вас Божий дар. У меня ученая степень по машиностроению, и я могу спроектировать воздушный корабль от «А» до «Z». Имею восемь тысяч триста сорок два часа летного времени на четырех типах летательных аппаратов. Могу справиться с любым постом, включая пост капитана.

— А какие у вас доказательства? — спросил Харди.— Могли ведь все придумать, верно?

— А где *ваши* документы? — ответила Джилл.— И если вы даже и в самом деле капитан китобойного корабля, так что? Какими вы обладаете данными, чтоб стать членом команды дирижабля?

— Ну-ну,— успокаивающе сказал Фаербрасс,— давайте не будем надрывать кишки этаким ором. Я верю тебе, Галбирра. Не думаю, что ты из числа самозванцев, с ними мне уже приходилось иметь дело.

Но одно должно быть тебе ясно до конца. У тебя, конечно, квалификация черт знает на сколько выше моей, если говорить о состоянии на данную минуту, так что претендовать на пост капитана ты можешь. И тем не менее капитан — я, босс — я, и большая головка сыра — это тоже я! Все представление — моя заслуга, от начала и до конца! На Земле и вон там — на небесах. Я не стал бы отказываться от поста главного инженера на пароходе Клеменса ради того, чтобы стать пешкой в этом проекте.

Я — капитан Фаербрасс и прошу ни на минуту не забывать об этом. Если это о'кей, если это подписано и прихлопнуто печатью, тогда я готов прыгать до потолка от восторга, приветствуя тебя на борту. Ты можешь даже стать моим первым помощником, причем без всяких сексуальных обязанностей, хотя, правда, пока ничего определенного обещать не могу. Список команды еще далеко не заполнен.

Он умолк, задрал голову еще выше и поглядел на нее прищуренными глазами:

— Итак, первый пункт с плеч долой. Теперь тебе предстоит еще поклясться собственной честью и Богом (если ты в него ве-

ришь), что будешь повиноваться законам Пароландо. Без всяких там «если», «но», «и» и так далее.

Галбирра колебалась. Облизала губы, ощущая, что во рту все пересохло. Она хотела... нет-нет, она жаждала стать членом команды дирижабля. Она просто видела его в эту минуту своим внутренним зрением. Он висел над ними, бросая огромную тень на нее, Фаербрасса, отливая серебром там, где лучи воображаемого солнца лились на его поверхность.

— Я не могу приносить в жертву свои принципы,— сказала она наконец. Сказала так громко, что мужчины даже вздрогнули.— А может, у вас тут существует неравенство между мужчинами и женщинами? Может, у вас есть дискриминация по половым, расовым, национальным и тому подобным признакам? И особенно по половым?

— Нет,— ответил Фаербрасс.— Во всяком случае, теоретически и по закону. Фактически же, то есть в персональном аспекте, разумеется, есть. Существует, как существовала всегда и повсюду, дискриминация, основанная на компетентности. У нас тут очень высокая планка стандарта. Если ты одна из тех, что думают, будто человеку надо давать работу потому, что он или она принадлежат к группе, которую раньше подвергали дискриминации, тогда забудь об этом. Или уноси отсюда свою задницу.

Джилл думала. Мужчины глядели на нее, видимо, понимая, какая борьба идет в это время в ее душе.

Фаербрасс снова широко улыбнулся.

— Не тебя одну раздирают противоречия,— сказал он.— Ты мне ужасно нужна, наверняка почти так же, как тебе хочется стать членом нашей команды. Но и у меня есть принципы, совсем как у тебя.

Он ткнул большим пальцем в сторону Харди и Шварца.

— Ты глянь на них. Оба из девятнадцатого века. Один австриец, другой из Новой Англии. Но они не только согласились считать меня капитаном, они стали моими близкими друзьями. Может, они все еще считают — там, в самой глубине души,— что я нахальный ниггер, но они изувечат любого, кто так меня обзовет. Верно, ребята?

Оба кивнули.

— Тридцать один год жизни в мире Реки меняет человека. Если, конечно, он способен меняться. Ну, так что ты скажешь? Хочешь услышать Конституцию Пароландо?

— Конечно. Я не приму решения, пока не узнаю, на что иду.

— Она сформулирована великим Сэмом Клеменсом, который уехал на своем пароходе «Марк Твен» почти год назад.

— Тот самый Марк Твен? Мне кажется, это отдает бахвальством, а?

— Имя кораблю присвоено всеобщим голосованием. Сэм протестовал, правда, не так чтобы очень сильно. Ладно, ты меня прервала. А у нас неписаное правило — капитана не перебивают. Так вот: *«Мы, народ Пароландо, сим объявляем...»*

Насколько она могла судить, в этом длинном монологе не было ни оговорок, ни задержек. Почти полное отсутствие письменности заставляло грамотное население полагаться только на свою память. Искусство, которое раньше процветало только среди людей, живших еще до изобретения письменности, да среди актеров, теперь стало всеобщим уделом.

Пока слова уходили к облакам, само небо становилось все светлее. Туман теперь держался на уровне колен. Дно долины издали все еще казалось укрытым снежной пеленой. Подножия холмов, начинавшихся сразу за равниной, виднелись совсем четко. Высокие горные травы, кустарники, железные деревья, дубы, сосны, ивы и бамбук теперь смотрелись не как на японских акварелях — в дымке, нереальные и далекие. Огромные цветы, свисавшие с толстых лоз, обвивающих ветви железных деревьев, уже начинали набирать краски. Когда на них упадут первые солнечные лучи, они запылают ярко-красным, ярко-зеленым, голубым, черным, белым, желтым, загорятся полосами и многоугольниками разнообразных сочетаний цветов.

Западные кручи отливали черно-голубым; скалы пестрели колоссальными пятнами голубовато-зеленых лишайников. Здесь и там узкие водопады стекали тускло светящимися нитями по боковинам черных кряжей.

Все это было давным-давно знакомо Джилл Галбирре. Но каждый день, проснувшись поутру, она ощущала все то же удивление и все тот же восторг. Кто создал эту речную долину протяженностью в миллионы километров? И зачем? И как и почему она — Галбирра — вместе с тридцатью четырьмя — тридцатью шестью миллиардами других людей оказалась воскрешенной на этой планете? Все, кто жил на Земле между 2000 годом до нашей эры и 2008 годом нашей эры, по-видимому, восстали тут из мертвых.

Исключением были лишь дети моложе пяти лет да умственно отсталые. А также, возможно, безнадежные идиоты, хотя, конечно, термин «безнадежный» весьма спорен.

Кто эти люди, способные совершить такое? И зачем они это сделали?

Разумеется, ходили разные слухи и сказки — странно тревожащие и доводящие до безумия — о людях, которые появлялись среди этих лазарей. Ненадолго. Под покровом тайны. Их звали по-разному, в том числе этиками.

— Ты слушаешь? — спросил Фаербрасс. Джилл вдруг обнаружила, что все глядят на нее во все глаза.

— Я могу пересказать почти дословно все, что ты продекламировал мне до сих пор,— сказала она.

Это, конечно, не было чистой правдой, но она была натренирована — как держать одно ухо настроенным вроде антенны на прием волн определенных частот, то есть в данном случае того, что она считала важным.

Люди уже начали выходить из хижин; потягивались, покашливая, закуривая сигареты, они направлялись к окруженным бамбуковыми изгородями отхожим местам или к Реке, держа в руках свои граали. Некоторые имели только полотенца вокруг чресел, но большинство — закутаны с ног до головы. Бедуины мира Реки. Фантомы в мираже.

Фаербрасс сказал:

— О'кей. Готова принести клятву? Или у тебя есть какие-то возражения на моральной почве?

— У меня таких никогда не было,— ответила она.— А у тебя есть? В отношении меня лично?

— Если бы и были, то не имели бы значения.— Он снова усмехнулся.— Клятва имеет предварительный характер. В течение трех месяцев ты будешь находиться на испытании, а потом народ будет голосовать. Но я могу наложить на их решение вето. Все равно тебе придется принести новую клятву, если ты пройдешь испытания. О'кей?

Все это ей не очень-то нравилось, но что было делать? Уходить отсюда она не собиралась. Кроме того, хоть они об этом и не знали, она сама определила им всем испытательный срок.

Воздух уже немного согрелся. Восточная часть неба еще больше посветлела, гася все звезды, кроме нескольких гигантов. Запели горны. Ближайший горнист стоял на вершине шестиэтаж-

ной бамбуковой башни, расположенной на середине приречной низменной полосы,— это был высокий тощий негр с ярко-красным полотенцем вокруг чресел.

— Настоящая бронза,— сказал Фаербрасс.— Тут немного выше по течению оказались месторождения цинка и меди. Мы могли бы отобрать их у людей, которым они принадлежат, но решили, что торговать лучше. Сэм никогда бы не разрешил нам прибегнуть к силе, разве что при крайней необходимости.

— Тут южнее раньше находился Душевный Город с очень большими залежами криолита и боксита. Народ Душевного Города не пожелал выполнить свои договорные обязательства — мы меняли оружие на руду,— так что нам пришлось пойти на них войной и взять город. Короче,— он обвел рукой горизонт,— Пароландо теперь простирается на шестьдесят четыре километра вдоль обоих берегов Реки.

Мужчины снимали все полотнища, кроме тех, что прикрывали чресла. Джилл оставила себе зеленый с белыми полосками килт и тонкую, почти прозрачную ткань на груди. Еще недавно пароландцы выглядели как арабы пустыни, теперь — как полинезийцы.

Обитатели равнины и подножий холмов собирались у Реки. Многие сбрасывали одежду и кидались в воду, вскрикивая, когда холодное течение обжигало их, и со смехом окатывая друг друга брызгами.

Джилл колебалась недолго. Весь вчерашний день она обливалась потом, а всю ночь работала веслом. Ей нужно было искупаться, и рано или поздно ей все равно придется раздеться догола. Она сбросила свои покрывала, подбежала к берегу и очертя голову кинулась в воду. Поплавав, она одолжила кусок мыла у какой-то женщины и хорошенько намылила верхнюю часть тела. Из воды вылезла дрожа и энергично растерлась какой-то деталью своего костюма.

Мужчины откровенно рассматривали ее. Перед ними была очень высокая женщина с тонкой талией, длинными ногами, маленькой грудью, широкими бедрами и бронзовой кожей. У нее были короткие, прямые, желтовато-коричневые волосы и большие, того же цвета глаза. Ее лицо, и она это знала, не было из тех, что называются незабываемыми. В общем-то, ничего плохого, если не считать выдающихся вперед зубов и носа — слишком

длинного и ястребиного. Зубы были наследием от чернокожей бабки. С ними уж ничего не поделаешь. Да, честно говоря, она и не стала бы с ними возиться, даже если б это было возможно.

Глаза Харди приковались к ее лобку — волосы на нем были странно длинные, густые и почти янтарного цвета. Ладно, переживет, подумала она, хотя он, если говорить по правде, явно нуждался в помощи, чтобы пережить такое потрясение.

Фаербрасс отошел к питающему камню и вернулся назад, держа в руке копье. Чуть пониже стального наконечника к древку была прикреплена большая позвоночная кость рогатой рыбы. Он с силой воткнул копье в землю возле каноэ Джилл.

— Кость означает, что копье — мое, оно капитанское,— сказал он.— Я воткнул его в землю возле каноэ как знак, что из лодки ничего нельзя брать без разрешения. Тебе еще предстоит встретиться со множеством вещей подобного рода, они тебе пока незнакомы. А сейчас Шварц покажет тебе твое жилье и проведет тебя по разным местам — увидишь, что тут и как. Явишься ко мне ровно в полдень вон к тому железному дереву.

Он указал на дерево, стоявшее метрах в девяноста к западу; оно возвышалось метров на триста, кора толстая, серая и в трещинах, а десятки огромных ветвей вытягивались метров на девяносто по горизонтали. Ветви были усыпаны колоссальными листьями, похожими на слоновьи уши, разрисованные красными и зелеными полосами. Надо думать, корни дерева уходили по меньшей мере метров на сто двадцать в глубину, а древесина, почти не поддающаяся огню, была так тверда, что даже стальные пилы перед ней пасовали.

— Мы зовем это дерево «Вождь». Встретимся под ним.

Снова заиграли горны. Неорганизованная толпа сразу рассыпалась на несколько военизированных подразделений, подчиняющихся командам офицеров. Фаербрасс поднялся на верхушку питающего камня. Он стоял неподвижно, наблюдая, как проходит перекличка. Капралы рапортовали сержантам, сержанты — лейтенантам, а те — адъютанту. Затем Харди передавал донесения Фаербрассу. Минута — и отряды распались. Однако толпа не расходилась. Фаербрасс слез с камня, и его место заняли капралы. Они ставили граали в углубления на шляпке каменного гриба.

Шварц обнаружился возле Джилл. Он прочистил горло:

— Галбирра? Давайте я займусь вашим граалем.

Она взяла свой цилиндр из каноэ и отдала его Шварцу.

Цилиндр был сделан из серого металла, имел 45,72 сантиметра в диаметре, 76,20 сантиметра в высоту и весил в пустом виде 0,55 килограмма.

Крышка цилиндра могла быть поднята только его владельцем. Она была снабжена изогнутой ручкой. Привязанный к ручке веревкой из бамбукового волокна маленький глиняный дирижаблик служил как бы личным удостоверением Джилл. На обоих боках дирижаблика были выгравированы ее инициалы.

Шварц приказал кому-то поставить грааль Джилл в углубление на шляпке гриба. Тот быстро справился с этим делом, все время бросая тревожные взгляды на пики восточных гор. Однако еще минутами двумя он, видно, располагал. Когда они истекли, солнце, подобно огромному воздушному шару, всплыло над вершинами гор. Еще несколько секунд — и каменный гриб выбросил на высоту девяти метров огромные языки голубого пламени. Рев электрических разрядов слился с грохотом всех остальных питающих камней, тянувшихся по обоим берегам Реки, насколько хватало глаз. Все эти годы так и не приучили Джилл ни к этому зрелищу, ни к этому грохоту. Хоть она и ожидала их, но непроизвольно вздрогнула и даже подпрыгнула на месте. Эхо докатилось до рефлектора гор и было отброшено обратно к берегам, снова откатилось туда, чтобы наконец умереть с мрачным недовольным ворчанием.

Свой завтрак получили все.

Глава 9

Они находились у подножия холмов. Высокую, похожую на эспарто траву недавно скосили до полуторасантиметровой высоты.

— У нас для этого есть машины, но большая часть работы пока делается серпами,— сказал Давид Шварц.— Из травы вьют веревки.

— Там, откуда я пришла, машин вообще нет,— отозвалась Джилл,— мы пользуемся кремневыми серпами. И веревки вьем тоже, разумеется.

Здесь было тенисто и прохладно. Ветви железного дерева распростерлись над маленьким поселком — его квадратные и круг-

лые бамбуковые хижины были разбросаны на большом расстоянии друг от друга. У некоторых были крыши из малиново-зеленых листьев железного дерева. С самой нижней ветви этого колосса свисала веревочная лестница, уходя на высоту примерно тридцати трех метров. Она кончалась у платформы, разместившейся на развилке ветвей, где приютилась небольшая хижина. Были видны и другие лестницы, другие платформы и другие воздушные хижины.

— Возможно, вам отведут одну из них, после того как пройдет испытательный срок,— сказал Шварц.— А пока ваш дом тут.

Джилл вошла в указанную ей дверь. Хорошо еще, что нагибаться тут не пришлось. Здесь ведь полно народу куда меньше ростом, чем она, и многие двери были низковаты.

Она положила свой грааль и узелки прямо на пол. Шварц вошел вслед за ней.

— Эта комната принадлежала супружеской паре, убитой речным драконом. Он выпрыгнул из воды так, будто им выстрелили из пушки. Целиком отгрыз конец рыболовного плота. К сожалению, именно на том конце стояла эта пара, так что рыба проглотила их вместе с бревнами.

Еще хуже, что это произошло после прекращения воскрешений. Так что, думаю, эти ребята вряд ли объявятся когда-нибудь еще. Вы ничего не слыхали о новых лазарях, а? Недавних, конечно.

— Нет, не слыхала,— ответила она.— Во всяком случае, ничего определенного.

— А как вы думаете, почему воскрешения прекратились? После всех этих долгих лет?

— Откуда ж мне знать? — ответила она резко. Разговор на эту тему удовольствия ей не доставлял. В самом деле, почему дар бессмертия был отнят у них так внезапно?

— Ну и черт с ним,— произнесла она вслух. Огляделась. Пол не виден из-за травы, достигавшей ей чуть ли не до промежности. Острые листья травы едва не врезались ей в икры. Придется срезать траву почти до пола, а потом притащить земли и засыпать жнивье. Но и тогда трава может не умереть. Ее корни уходят так глубоко и так переплетаются, что трава может отлично процветать и без солнечного света. Очевидно, она питается от корней тех растений, которые находятся на свету.

Стальной серп висел на вешалке, прибитой к стене. Сталь тут была так распространена, что на это орудие, считавшееся повсюду драгоценностью, здесь никто даже не позарился.

Она медленно ходила по комнате, чтобы острые края листьев не резали кожу на ногах. Нашла пару глиняных ночных горшков, валявшихся в густых зарослях. Кувшин для питьевой воды стоял на бамбуковом столике, который пока еще сопротивлялся давлению тянувшихся вверх стеблей. С другого крючка свисало женское ожерелье из рыбьих позвонков. Два бамбуковых лежака; подушки и матрасы, сделанные из снабженных магнитными скрепками тканей и набитые листьями, лишь наполовину высовывались из травы. Возле них лежала арфа, сделанная из панциря рыбы-черепахи и рыбьих кишок.

— Что ж, небогато,— сказала она.— А впрочем, богатства тут ни у кого не бывает, верно?

— Зато комната большая,— отозвался Шварц.— Хватит места для тебя и твоего партнера, когда ты его найдешь.

Джилл сняла с гвоздя серп и прошлась им по траве. Трава полегла, будто скошенные мечом головы.

— Ха! — выдохнула она.

Шварц смотрел на нее так, будто боялся, что после травы она примется за него.

— А почему вы думаете, что мне нужен любовник?

— Почему, почему, почему... все... Так сказать, всем он нужен.

— И вовсе не всем,— сказала она. И повесила серп на крюк.— Ну и каков же будет дальше наш тур, мистер Кук*?

Она была готова к тому, что, когда они окажутся в хижине, он предложит ей отправиться в койку. Все мужчины хотят этого. Теперь стало очевидным, что хоть он этого и хочет, но у него кишка тонка попросить. Джилл ощутила облегчение, смешанное с легким презрением. Тогда она сказала себе, что чувство это дурацкое и слишком уж противоречивое. Почему надо смотреть на человека с презрением, если он ведет себя так, как ей и хочется?

Возможно, все же она испытывала некоторое разочарование. Когда мужик становился излишне агрессивным, несмотря на ее предупреждение, она тут же рубила его ребром ладони, начина-

---

* Намек на знаменитое туристическое агентство Кука.

ла выкручивать ему мошонку и била ногой в живот, пока он корчился на земле от боли. И неважно, каким крупным или сильным был мужчина, она всегда умудрялась захватить его врасплох. Все они оказывались беспомощными, во всяком случае до тех пор, пока не проходила боль в мошонке.

Потом... Что ж, большинство оставляли ее в покое. Кое-кто пытался ее убить, но к этому она была подготовлена. Они не знали, как ловко она обращается с ножом... или любым другим видом оружия.

Давид Шварц так и не узнал, как близко он был к тому, чтобы стать калекой и обладателем глубокой раны на самолюбии.

— Вы можете без опаски оставить тут свое имущество. У нас еще не было ни одного случая воровства.

— Грааль я возьму с собой. Нервничаю, если не вижу его рядом.

Он пожал плечами, вынул сигару из кожаного портсигара, висевшего у него через плечо. Один из утренних даров его грааля.

— Только не здесь,— сказала она совсем тихо.— Это мой дом, а я не хочу, чтоб в нем воняло.

Он казался удивленным, но опять пожал плечами. Однако, как только они вышли на воздух, тут же закурил. И пошел слева от нее с наветренной стороны, дымя как пароход и выпуская клубы дыма в ее сторону.

Джилл с трудом удержалась от шпильки, которую ей очень хотелось ему отпустить. Но было глупо оскорблять его слишком сильно и дать ему повод внести ее в черный список. В конце концов, у нее был испытательный срок; и она — женщина; не следует умышленно восстанавливать против себя человека, занимающего высокое положение, к тому же друга Фаербрасса. Но больше она не позволит испытывать ни свои принципы, ни гибкость своей шеи.

Или позволит? Ей ведь пришлось испытать немало унижений на Земле, чтобы стать офицером воздушного корабля. И она улыбалась, а потом шла домой, чтоб колотить там посуду и керамику и писать похабщину на стенах.

Детские выходки, но они успокаивали. И вот теперь она снова в аналогичной ситуации, которая ей не снилась уже давно и начала сниться снова лишь в последние годы. Ей некуда было идти, кроме как сюда — никаких других «кроме» просто не существовало. Именно здесь строили единственный в мире воздушный корабль. И он предназначается для одного-единственного рейса — только в одну сторону.

Шварц остановился на холме. Он указал на авеню, образованную стволами длиннохвойной сосны. В конце авеню, на полпути к другому холму, находился большой сарай.

— Отхожее место вашей общины,— сказал он.— Первое, что надо делать по утрам,— это тащить сюда свои горшки и опорожнять их. Мочу — в одну дыру, а экскременты — в другую, рядом.

Он помолчал, улыбнулся и продолжил:

— Проходящим испытательный срок обычно поручают чистить сарай через день. Они отвозят бочки на пороховую фабрику вон туда — к горам. Экскременты скармливаются пороховым червям. Конечный продукт их пищеварения — азотистый калий и...

— Я знаю,— ответила она, цедя слова сквозь крепко сжатые зубы.— Я не самозванка. Во всяком случае, этот процесс возможен лишь при наличии серы.

Шварц покачался на каблуках, довольно попыхивая сигарой, задранной к небу. Были бы у него подтяжки, он бы с наслаждением щелкнул ими.

— Большинство проходящих испытания почти месяц отрабатывают на этой фабрике. Неприятно, но хорошо укрепляет дисциплину. Помогает выполоть тех, кто не имеет призвания.

— «Non carborundum illegitimatus»,— сказала она.

— Что такое? — бросил он углом рта.

— Поговорка янки. Кухонная латынь. Перевод: «Не позволяй подонкам стереть тебя в порошок». Я могу стерпеть любое унижение, если дело того стоит. Но потом приходит моя очередь.

— А ты крутая баба!

— Это уж точно. Приходится, если хочешь выжить в мире мужиков. Я-то думала, что хоть тут будет немного иначе. Пока это не так, но будет обязательно.

— Все мы меняемся,— сказал он медленно и немного печально.— Но не всегда к лучшему. Если б вы мне сказали в тысяча восемьсот девяносто третьем году, что я буду выслушивать от женщины, женщины высшего класса, не шлюхи и не фабричной работницы, заметьте, похабщину, подрывающую основы дисциплины...

— Вместо раболепствования, хотите вы сказать,— резко бросила она.

— Уж разрешите мне закончить. Подрывная суфражистская чушь. И если бы вы тогда сказали мне, что это меня не особен-

но заденет, я ответил бы, что вы гнусная лгунья. Но век живи, век учись. Или в нашем случае — сдохни, но научись.

Он помолчал и поглядел на нее. Правый уголок рта слегка дрогнул, а ее глаза сузились.

— Я могла бы послать вас подальше,— сказала она,— но нам придется вместе работать. Однако хамства я больше выносить не намерена.

— Вы не поняли того, что я сказал,— ответил он.— Я сказал, что теперь это меня не задевает. Я сказал — живи и учись. Я не тот Давид Шварц, каким был в тысяча восемьсот девяносто третьем году. Я надеюсь, что и вы не Галбирра из... кстати, когда вы умерли?

— В тысяча девятьсот восемьдесят третьем.

Вниз по склону они шли молча, Джилл несла свой грааль на конце копья, которое положила на плечо. Шварц остановился только раз, чтобы показать ей ручей, бежавший с холма. Его истоком был горный водопад. Затем они вышли к озерку в западине меж двух холмов. Какой-то человек сидел в лодке на середине озера с бамбуковой удочкой в руках. Поплавок медленно относило течением к кусту, свисающему с берега. Джилл показалось, что человек похож на японца.

Шварц пробормотал:

— Ваш сосед. Его настоящее имя Охара, но ему больше нравится, когда его зовут Пискатором. Спятил на почве преклонения перед Айзеком Уолтоном*, которого читает наизусть вдоль и поперек. Говорит, что человеку в этом мире нужно только одно имя, и он выбрал Пискатора. Это рыбак по-латыни. Зациклился на рыбной ловле, как видите. По этой причине его поставили заведовать уничтожением речных драконов в Пароландо. Но сегодня у него выходной.

— Любопытно,— сказала Джилл. Она была уверена, что Шварц подводит к чему-то очень неприятному для нее. В его легкой улыбке явно сквозило нечто садистское.

— Он, весьма возможно, будет первым помощником на корабле,— сказал Шварц.— Он был японским морским офицером, и в начале Первой мировой войны его приписали к британскому флоту в качестве наблюдателя и стажера на дирижаблях. Позже

* Айзек Уолтон (1593–1683) — английский писатель, автор трактата о рыбной ловле.

он был наблюдателем-стажером на итальянском военно-морском дирижабле, который бомбил австрийские базы. Так что, видите, у него достаточно опыта, чтобы встать весьма высоко в списке команды.

— К тому же он мужчина,— она улыбнулась, внутренне закипая,— и, хотя моя квалификация куда выше его, все же он мужчина.

Шварц попятился от нее.

— Я уверен, Фаербрасс будет назначать офицеров исключительно исходя из их заслуг.

Она ничего не ответила.

Шварц помахал человеку в лодке, тот встал с банки и, улыбаясь, отвесил поклон. Потом снова сел, но не раньше, чем бросил на Джилл взгляд, который, как ей показалось, ощупал ее не хуже метафизического радара, определив навсегда ее место в мире и всю ее внутреннюю структуру.

Воображение, конечно. Но она подумала, что Шварц был прав, когда сказал:

— Удивительный человек этот Пискатор.

Черные глаза японца, казалось, сверлили ей спину, когда они уходили от озерка.

Глава 10

Тьма снаружи. И ночь внутри, ночь, корчащаяся в кольцах змееподобных бледных молний, изгибающихся и шипящих. А чуть позже, в том месте, где время уже не существовало, где-то впереди вспыхнул луч такой интенсивности, будто он пролетел сквозь объектив кинопроектора. Этот свет казался шепотом в воздухе, но в ее черепной коробке он был как пронзительный выкрик. Фильм демонстрировался на катодном лучевом осциллоскопе; он состоял из серий букв, отдельных и неоконченных слов, знаков и символов — обрывков нерасшифрованного кода. А возможно, и вообще непригодного для дешифрирования.

Еще хуже то, что лента, казалось, бежит в обратном направлении, перематываясь от конца к началу. Совсем как документальный фильм, снятый для телевидения — для кретинского (окретиненного) экрана долбаного телика. Показ задом наперед — отличный технический прием. Изображения вдруг вспыхивают, вызывают ассоциации, отражают что-то, звучат далеким эхом,

пробуждая отклики, одно изображение накладывается на другое, и все это с быстротой, на которую способен только электронный компьютер. Как будто с неизъяснимой быстротой листаешь страницы иллюстрированной книги от конца к началу. Но текст? Где же текст? И о чем она думает сейчас, когда вспоминает, что думала раньше, глядя на эти изображения? Нет изображений. Нет сюжета. Нет, сюжет был, но его надо заново складывать из множества крошечных кусочков. Ах, из какого множества! Вот, кажется, ей это почти удалось, но снова все куда-то ускользает.

Джилл пробудилась со стоном. Открыла глаза и прислушалась к дождю, стучавшему по крытой травой крыше.

Теперь она вспомнила первую часть своего сна. Это был сон о сне, о том, что она считала сном, но в чем не была уверена. Шел дождь, и она наполовину проснулась, или ей показалось, что она лежит в полудреме. Та хижина была в двадцати тысячах километров от этой, но они почти неотличимы друг от друга. И мир за стенами этой хижины, видимый ей при редких вспышках молний, тоже вряд ли сильно отличался от того мира. Она повернулась, но ее рука не коснулась плоти, которую ожидала там найти.

Она села и огляделась. Блеснула молния, да так близко, что она вздрогнула; молния высветила, что Джека в хижине нет.

Тогда она вскочила и зажгла светильник, где горел рыбий жир. Не было не только Джека, не было его одежды, его оружия, его грааля.

Она выскочила под ночной ливень. Чтоб искать.

Не нашла. Он ушел. И никто не знал — почему и куда.

Единственный человек, кто мог бы поведать об этом, точно так же тайком исчез той же ночью. Он тоже бросил свою подружку в хижине, не сказав ни слова о своих планах. Джилл было ясно, что эти двое бежали вместе. И все же, насколько она знала, они были лишь случайными знакомыми.

Почему же Джек бросил ее так бессердечно и безмолвно?

Чем она ему не угодила?

Возможно, Джек просто решил, что не стоит путаться с женщиной, которая не желает играть вторую скрипку в их отношениях? Или жажда странствий снова взяла его за глотку? Если же объединились обе эти силы, он был способен просто встать и выйти, чтобы прошвырнуться, если воспользоваться его собственным вульгарным американизмом.

В чем бы ни лежала истина, теперь она жила без мужчины и никогда больше не станет иметь с ними дела. Джек был самым лучшим, он был последним и лучшим по определению, но все же и он оказался недостаточно хорош.

Джилл все еще была в депрессии, когда повстречалась с Фатимой — маленькой турчанкой с похожими на чернослив глазами. Фатима была одной из сотен наложниц Мохамеда Четвертого (правил Турцией с 1648 по 1687 год). Она так никогда и не сподобилась попасть к нему в постель. Однако страдать от недостатка сексуального удовлетворения ей не приходилось. В серале хватало подруг по заточению, которые предпочитали любовников своего же пола либо по врожденной склонности, либо по приобретенной здесь же привычке.

Фатима стала фавориткой Козембы — бабки Мохамеда, причем в их отношениях не было ничего сексуального.

Однако мать Мохамеда — Тюрхан — стремилась вырвать контроль над правительством из рук Козембы, в силу чего Козема была схвачена группой наемных убийц и задушена шнурками, сорванными с полога ее собственного ложа. Фатиме не повезло — она прислуживала Коземе, когда все это случилось, и ей пришлось разделить судьбу старухи.

Джилл взяла весьма сексапильную турчанку в свою хижину после того, как та поссорилась со своей любовницей — французской балериной (умерла в 1873 году). Джилл вовсе не была влюблена в Фатиму, но та отличалась высокой сексуальной привлекательностью, и скоро Джилл к ней привыкла. Но Фатима была к тому же женщиной крайне невежественной и, больше того, ничему не хотела учиться. Ей была свойственна страшная эгоистичность, которая ей самой отнюдь не мешала, а также инфантильность, что ее тоже устраивало. Не прошло и года, как Джилл от нее смертельно устала. Но даже и тогда на нее страшно подействовало, что Фатиму изнасиловали и забили до смерти три пьяных сикеля (родились где-то за тысячу лет до нашей эры). Печаль Джилл усугубилась пониманием, что Фатима погибла навеки. Воскрешения практически прекратились. Умершие больше никогда не будут возрождаться на восходе следующего дня где-нибудь далеко-далеко от места своей гибели.

Прежде чем отдаться горю, Джилл всадила по стреле в каждого из убийц Фатимы. Им тоже воскрешение больше не светило.

Несколько лет спустя до Джилл дошли слухи об огромном дирижабле, который строится выше по течению Реки. Ей не было известно, правда это или нет, однако имелся лишь один путь, чтоб выяснить это.

И вот она здесь, невзирая на то что, чтоб добраться сюда, у нее ушло так много времени.

Глава 11

Из «Ежедневной сплетницы» — пятистраничной газеты. Владелец и издатель: государство Пароландо. Редактор С. К. Багг. В верхнем левом углу, прямо под заголовком — всегдашнее извещение:

CAVEAT LECTOR*:

Согласно правилам, читатель обязан положить эту газету по прочтении, не позже чем на следующий день после получения, в государственный мусорный ящик для последующей вторичной переработки. В случае неотложной нужды газета может быть использована в качестве туалетной бумаги. Для этой цели мы рекомендуем страницу «Письма к издателям» как наиболее подходящую. За первое нарушение этого правила — публичный выговор, за второе — конфискация всего алкоголя, табака и мечтательной резинки в течение недели. За третье — изгнание навсегда.

В разделе «Новоприбывшие» наиболее видное место занимает

ДЖИЛЛ ГАЛБИРРА

Мы рекомендуем, невзирая на возражения многих, нашего последнего кандидата женского пола для получения гражданства. Только в прошлое воскресенье этот глоток свежей воды появился в предутреннем тумане и стал клеиться к четырем ведущим столпам нашего общества. Несмотря на состояние некоторого опьянения, а возможно, и на нечистые помыслы — два обстоятельства, нередко ведущие к помутнению сознания,— данный квартет в конце концов сообразил, что их нежданная гостья пропутешествовала примерно 32 180 километров (или 20 тысяч миль, для малограмотных и тупиц). Этот путь она проделала в каноэ и одиночестве (не будучи ни разу изнасилована или утоплена), причем вся ее одиссея была предпринята исключительно ради того, дабы убедиться, что наш проект строительства дирижабля движется в правильном направлении.

* Предупреждение читателю *(лат.)*.

Хотя и не потребовав, в прямом смысле этого слова, назначения на пост командира корабля, когда он будет готов, она намекнула, что для всеобщего блага было бы здорово, если б именно она заняла этот пост.

После нескольких глотков благословенного продукта Каледонии* квартет частично опомнился от такого напора. (Один из свидетелей так описывает ее появление: «Амазонка с манерами, говорящими о наличии медных нервов и стального желудка, редко присущих женщинам, достойным этого названия».)

Знаменитая четверка потребовала предъявления документов. Джилл предъявила их, и таковые оказались в целом действительно впечатляющими. Один выдающийся гражданин, проинтервьюированный по данному вопросу нашим неустрашимым репортером Роджером «Нелли» Блаем, утверждает, что она действительно та, кем представилась. Хотя он никогда не встречал ее во времена земного существования, но читал о ней в различных периодических изданиях и однажды видел по телевизору (такое изобретение середины XX века, которого ваш издатель по молодости лет не удостоился узнать, и, по всей видимости, мало чего потерял).

По-видимому, эта женщина обладает удивительным внешним сходством с настоящей Джилл Галбиррой, а не является одной из многочисленных самозванок, которые наводняют нашу речную долину уже весьма продолжительное время.

Офис Жизненной (многие говорят «Посмертной») статистики снабдил нас следующей информацией. Галбирра Джилл (среднего имени нет). Пол женский. Имя, данное при рождении: Жаннетта Жоржетта Редд. Родилась 12 февраля 1953 года в Тувумбе, Квинсленд, Австралия. Отец Джон Джордж Редд. Мать — Мэри Бронз Редд. Происхождение: шотландско-ирландское, французское (еврейское), а также австрало-аборигенное. На Земле замужем не была. Школьное образование — Сидней и Мельбурн. Окончила в 1973 году Массачусетский технологический институт, магистерская степень по аэронавтике. Имеет лицензию

* То есть шотландского виски.

на вождение четырехмоторных воздушных кораблей. Лицензию на полеты на безмоторных воздушных шарах. Инженер-навигатор на западногерманском грузовом дирижабле, работавшем на нигерийское правительство в 1977–1978 годах. Пилот воздушного шара на юбилейных торжествах в США, 1979 год. Пилот воздушного шара у шейха Кувейта, 1980–1981-й, инструктор воздухоплавания для Бритиш Эйруэй, 1982-й. В 1983 году была единственной женщиной-капитаном воздушного корабля в западном мире. Налетала 8342 часа полетного времени.

Погибла 1 апреля 1983 года в автомобильной катастрофе вблизи Хоудена, Англия, как раз перед тем, как принять командование только что вошедшим в строй цельнометаллическим дирижаблем «Уиллоус-Гуднесс».

Профессия: вытекает из предыдущего.

Увлечения: игра на флейте, стрельба из лука, фехтование, кендо, бой на дубинках, «искусство боя», похабная брань.

Весьма неплохо работает и голыми руками, поскольку свалила нашего почтенного согражданина Сирано «Schnozzolla»* де Бержерака ударом в брюхо, за которым последовал удар в подбородок коленом, сделавший его hors de combat** и бездыханным. Этот феномен случился по той причине, что упомянутый гражданин возложил руку (не испросив разрешения) на ее грудь. В нормальных условиях вспыльчивый француз вызвал бы любого, посмевшего обойтись с ним столь грубо, на дуэль (разумеется, за границами Пароландо, поскольку дуэли в нашем прекрасном государстве запрещены). Но он оказался столь старомоден, что, как он выразился, «comme un imbecile»***, если бы ввязался в драку с женщиной. Более того, он считает, что вообще допустил ошибку, принявшись ухаживать без приглашения на то словом или жестом.

Час спустя после ужина ваш Неустрашимый появился у дверей хижины Галбирры и постучался в нее.

Раздалось кряхтенье, после чего довольно сварливый голос крикнул: «Какого дьявола тебе надо?» По-видимому, будущая интервьюируемая совершенно не интересовалась личностью своего визитера.

* Носач *(ит.)*.

** Вышедший из строя *(фр.)*.

*** Был бы сукиным сыном *(фр.)*.

— Мисс Галбирра, я — Роджер Блай, репортер «Ежедневной сплетницы». Хотел бы взять у вас интервью.

— Что ж, придется тебе обождать. Я сижу на горшке.

Ваш журналист закурил сигару, чтоб убить время. Он намеревался также использовать окурок для очистки воздуха в хижине. Спустя некоторое время раздался плеск воды в тазу и он услышал:

— Входите. Дверь оставьте открытой.

— С радостью,— ответил репортер.

Он обнаружил собеседницу сидящей на стуле возле стола и потягивающей марихуану. Из-за сигары, плюс марихуаны, плюс острого запаха недавнего занятия хозяйки, плюс вони от нескольких свечей из рыбьего жира ни видимость, ни благорастворение воздухов в хижине не находились на оптимальном уровне.

— Мисс Галбирра?

— Нет. Миз*.

— Что означает этот титул?

— Вы спрашиваете для того, чтобы узнать мое мнение, или в самом деле не знаете? Тут ведь уйма народу из прежних времен. Наверняка вам встречалось слово «миз».

Ваш репортер поклялся в своем невежестве.

Вместо того чтобы просветить мистера Блая, объект интервью сказала:

— Каково положение женщин в Пароландо?

— Ночью или днем? — спросил мистер Блай.

— Не сметь мне хамить! — воскликнула миз Галбирра.— Разрешите мне выразиться так просто, чтоб ваш умишко мог усвоить то, о чем я говорю. Легально, то есть теоретически, женщины тут имеют равные права. Но практически, в реальности, каково отношение мужчин к женщинам?

— Боюсь, в основном развратное,— ответил ваш Неустрашимый.

— Даю тебе еще один шанс,— сказала она.— А затем все будет зависеть от силы тяготения и случая: что прежде упадет на траву за дверями хижины — твоя задница или твоя вонючая сигара.

— Приношу свои извинения,— ответил Неустрашимый.— Но, в конце концов, это я пришел брать интервью у вас, а не vice

* Миз (Miz) — принятое в англоязычных странах обращение к женщинам, чья семейная принадлежность (замужем или нет) неизвестна.

versa*. Почему бы вам не побеседовать с нашими горожанками-женщинами о том, что они думают об отношении к ним мужчин? И зачем все же вы заявились сюда — чтоб затеять суфражистский крестовый поход или строить и командовать (извиняюсь за выражение) будущим кораблем?

— Вы что, надо мной потешаетесь?

— Ничто не может быть дальше от моих намерений,— воскликнул торопливо Неустрашимый.— Мы тут достаточно современны, даже несмотря на то что выходцы из конца XX столетия составляют всего лишь небольшую часть населения. Государство решило построить воздушный корабль. Ради этой цели в рабочие часы здесь соблюдается железная дисциплина. Но все граждане свободны делать все, что им заблагорассудится, в свободное время, если они не калечат при этом кого-нибудь другого. А потому займемся делом. Что такое *миз,* чтоб в другой раз не путать это с мизером?

— Вы не вешаете мне лапшу на уши?

— Поклянусь на стопке библий, если таковые тут найдутся.

— Кратко — это титул, который члены женского освободительного движения изобрели в 60-х годах. «Мисс» или «миссис» были слишком связаны с сексуальными устремлениями мужчин. Быть «мисс» означало быть незамужней, что автоматически пробуждало презрение — сознательно или подсознательно со стороны мужчин, если мисс перешла через возраст вступления в брак. Оно означало, что в данной женщине чего-то недостает, а также, что эта мисс просто помирает от желания превратиться в миссис. Таким образом, без учета состояния ее личности женщина рассматривалась как придаток к мужу, как второсортный член общества. Какого дьявола, в самом деле, мисс следовало именоваться по фамилии отца? Почему не по фамилии матери?

— В таком случае,— ответил ваш Неустрашимый,— эта фамилия была бы все равно мужской — фамилией отца ее матери.

— Точно. Вот почему я изменила имя с Жаннетты Жоржетты Редд — заметьте, мои так называемые христианские имена были всего лишь переделкой под женский род мужских имен — и стала называться Джилл Галбирра. Мой папа устроил грандиозный скандал, и даже матушка запротестовала весьма решительно. Она тоже типичная тетушка Дора — с промытыми мозговыми извилинами.

* Наоборот *(лат.).*

— Любопытно,— сказал Блай.— Галбирра? А что это за имя? Славянское? И почему вы его выбрали?

— Нет, это от австралийских аборигенов, идиот. Галбирра — это кенгуру, который ловит собак и пожирает их.

— Хищный кенгуру? Я думал, они все вегетарианцы.

— Ладно. Фактически таких нет. Но аборигены уверены, что где-нибудь они существуют. Хоть и мифология, но какая разница? Важен символ — вот что!

— Значит, вы себя идентифицируете с галбиррой? Тогда я и сам могу представить, кого именно символизируют собаки.

При этих словах миз Галбирра усмехнулась столь устрашающе, что ваш корреспондент почувствовал необходимость тяпнуть глоток «Голландской Отваги», которую он всегда носит в своем заплечном мешке.

— И вовсе не потому я выбрала это имя, что идентифицирую себя с... или симпатизирую культуре чернокожих,— сказала миз,— я на четверть або, ну и что? Все равно их культура тоже пропитана мужским шовинизмом. Женщины — просто предметы, они рабыни, они делают всю тяжелую работу, и нередко мужья и отцы их избивают. Кучка белых сопливых слюнтяев распускает нюни из-за уничтожения культуры аборигенов, но лично я считаю это добрым делом. Конечно, я сожалею о страданиях, которые несет в себе этот процесс.

— Сожаления, в отличие от лишения невинности, обычно не сопровождаются болью,— сказал мистер Блай.

— Невинность! Еще один мужской миф, изобретенный исключительно, чтобы удовлетворить мужское «эго» и навязать обществу мужское мнение насчет права собственности,— с горечью сказала миз Галбирра.— К счастью, отношение к этой проблеме сильно изменилось еще при моей жизни. Но все же пока еще хватает свиней, «ископаемых хряков», как я их зову, которые...

— Все это очень интересно,— осмелился прервать ее ваш Неустрашимый,— но вы должны приберечь ваши взгляды для страницы «Письма издателю». Мистер Багг напечатает все, что вы скажете, как бы непристойно это ни было. А пока нашим читателям хотелось бы узнать, каковы ваши профессиональные планы. Какой вы видите вашу роль в проекте «Воздушный корабль», как его зовут официально. Какое место, как вам кажется, вы займете в иерархии руководства этим проектом?

К этому времени тяжелый мерзкий запах марихуаны заглушил все остальные. Дикий яростный огонь вспыхнул в расширенных

наркотиками зрачках миз. Ваш корреспондент почел за лучшее укрепить свое быстро исчезающее бесстрашие с помощью еще одного глотка из божественной бутылки.

— По логике и по праву более высоких знаний, опыта и способностей,— сказала она медленно и отчетливо,— я должна была бы возглавить проект и стать капитаном этого воздушного корабля! Я проверила квалификацию каждого, и нет сомнения в том, что мои качества и знания превосходят всех остальных.

Почему же тогда я не стою во главе строительства? Почему меня даже не рассматривают как кандидатуру на пост капитана? Почему?

— Не говорите мне,— ответил Неустрашимый. Возможно, он уже стал излишне отважен благодаря жидкой лаве, бежавшей по его артериям и затуманившей его обычно очень ясное сознание.— Не говорите мне!

Дайте мне самому высказать догадку! Возможно ли — и помните, я всего лишь ищу правдоподобное объяснение,— возможно ли, что вас оттеснили в задние ряды только потому, что вы всего лишь женщина?

Интервьюируемая уставилась на вашего корреспондента, сделала еще затяжку, втянула дым глубоко в легкие, что заставило ее небольшие груди слегка приподняться, и наконец с лицом, пылающим от нехватки кислорода, выпустила густые струи дыма сквозь ноздри. Ваш Неустрашимый вспомнил тут изображения огнедышащих драконов, которые он видел во время своего пребывания на Земле. Он, однако, припомнил, что молчание — золото, и воздержался от намеков на подобное сходство.

— Вы отгадали,— сказала она.— Может, вы и не такой уж болван, в конце концов!

Затем, ухватившись за край стола так, будто хотела выжать воду из дерева, она вдруг села, выпрямившись.

— Но что ты имел в виду, говоря «всего лишь женщина»?

— О, это я своими словами выразил смысл ваших мыслей,— торопливо ответил журналист.— Это я процитировал, или если угодно...

— Если бы я была мужчиной,— сказала миз,— кем, благодарение Богу, я не являюсь, меня бы тут же сделали по меньшей мере первым помощником. И ты бы тут не сидел, щерясь на меня...

— О, вы ошибаетесь насчет этого,— ответил ваш Неустрашимый.— Я вовсе не щерюсь на вас. Однако тут есть один момент,

который, вероятно, не удостоился вашего внимания. Весьма возможно, что вопрос половой принадлежности не имеет значения; даже если бы у вас были самые большие яйца в радиусе сорока тысяч километров, вас все равно могли бы не назначить командующим.

Задолго до того, как был построен речной пароход, второй, хочу я сказать, а не тот, который спер король Иоанн, было решено, что Фаербрасс будет начальником проекта «Воздушный корабль». Это внесено даже в Конституцию Пароландо, каковую вы должны знать, ибо он самолично процитировал вам соответствующую главу и параграф. Вы знали об этом и, принеся клятву верности, приняли это. Так что, будьте добры, объясните, откуда такая сучья склочность?

— Значит, ты ничего не понял! Не понял, шут! — воскликнула она.— Дело в том, что этот закон, это наглое имперское право никогда не должно было быть принято!

Ваш корреспондент потянул еще немного того снадобья, которое храбрит и оглупляет, и сказал:

— Но все дело в том, что оно принято. И если сюда придет мужик с квалификацией вдвое более высокой, чем у вас, он тоже должен будет принять как факт, что он никогда не поднимется выше, чем на второе место. Он будет главным помощником капитана Фаербрасса на строительстве и первым его помощником на корабле. Вот и все.

— На свете нет человека с вдвое лучшей квалификацией, чем у меня,— ответила она,— разве что появится офицер с самого «Графа Цеппелина». Слушай, мне это все обрыдло.

— Тут очень дымно и жарко,— сказал ваш корреспондент, вытирая пот со лба.— Однако я хотел бы побольше узнать о вашем прошлом, детали вашей жизни на Земле. Знаете, это та чепуха, которая больше всего интересует людей. И еще историю о том, что произошло с вами сразу после Дня воскрешения. И...

— Вы что, надеетесь, что я вывернусь наизнанку, накурившись травки, и поддамся вашим победительным чарам и жизнелюбию? Уж не собираетесь ли вы ухаживать за мной?

— Ни боже мой! — сказал я.— Этот визит чисто профессиональный. Кроме того...

— Кроме того,— продолжала она, оскалив зубы,— ты же меня боишься, верно? Все вы таковские! Вы хотите доминировать, хотите командовать! Если вам попадется женщина, у которой по-

больше мозгов, такая, которая может оттрепать вас в драке, которая действительно выше вас, то пар сразу со свистом начинает выходить из вас, как из проткнутого воздушного шарика. Ах ты, шарик с фаллосом!

— Ну-ну, миз Галбирра, потише,— сказал ваш Неустрашимый, чувствуя, что его лицо покрывается краской.

— Отваливай, малыш,— сказала интервьюируемая.

Ваш корреспондент решил, что будет разумней повиноваться этому приказу. Интервью, хоть и не вполне законченное с нашей точки зрения, завершилось окончательно.

Глава 12

На следующее утро Джилл взяла «Сплетницу» с лотка около здания редакции. Кое-кто из тех, кто, по-видимому, уже прочел газету, косились на нее или откровенно ухмылялись. Она открыла газету на листе «Новоприбывшие», подозревая, что она там обнаружит, и обозленная еще до того, как начала читать.

Листы шуршали в ее трясущихся пальцах. Интервью было ужасное, хотя ей следовало бы знать, что издатель конца XIX века, вроде Багга, с удовольствием напечатает такую чушь. Да кто он такой, этот издатель маленькой, грязной, желтой газетенки в каком-то задрипанном городишке в Территории Аризона? Да, вот именно! В Томбстауне!* Фаербрасс ей что-то о нем говорил такое.

Но что ее особенно разозлило, так это фотография. Она о ней и не подозревала, но кто-то из толпы, встретившей ее в утро прибытия, щелкнул ее. Вот она стоит, схваченная в какой-то идиотской, почти похабной позе. Голая, низко перегнувшаяся в талии, груди висят, как у дойной коровы, один конец полотенца заведен куда-то назад, а другой находится спереди, как будто ее поймали в ту минуту, когда она протирает в паху. Смотрит она куда-то вперед и вверх, рот раскрыт, и все лицо состоит будто только из носа и передних зубов.

Уверена, фотограф сделал и другие снимки. Но Багг выбрал именно этот, чтобы сделать из нее всеобщее посмешище.

Джилл была в таком бешенстве, что чуть-чуть не забыла свой грааль. Вращая его на веревке одной рукой и представляя, как вышибет им мозги у Багга, со скомканной газетой в другой, собираясь засунуть ее Баггу в одно место, она бурей ринулась в здание редакции. Но, добежав до двери, она остановилась.

— Постой, Джилл,— сказала она себе.— Ты действуешь так, как он и рассчитывал, как они все надеются. Действуй хладнокровнее, не будь психопаткой с обостренным коленным рефлексом.

Конечно, заехать ему по роже в его собственном офисе было бы огромным удовольствием. Но это может все погубить. Тебе приходилось выносить и худшее, и все же ты добралась до самого верха.

И Джилл медленно отправилась домой, а петля с граалем свободно свисала с ее руки. В сумеречном свете она прочла газету до конца. Она была не единственной, кого Багг оклеветал, опорочил, оболгал и осмеял.

Сам Фаербрасс, хотя с ним обошлись очень осторожно в статье о ней, резко критиковался в других статейках, и не только Баггом. Страница «Vox pop»* содержала несколько подписанных писем от граждан, очень недовольных политикой Фаербрасса.

Когда она покинула равнину и пошла дорогой, ведущей через холмы, кто-то ее тихонько окликнул. Повернувшись, она увидела Пискатора. Он улыбнулся, идя ей навстречу, и сказал со своим оксфордским акцентом:

— Добрый вечер, гражданка. Смею ли я проводить вас? Может, нам обоим будет вместе лучше, чем в одиночестве? Или нет?

Джилл пришлось тоже улыбнуться. Он говорил так серьезно, почти так, как говорили где-нибудь в семнадцатом веке. Это впечатление усугублялось его шляпой — высоким цилиндром, несколько скошенным к верхушке и с широкими круглыми полями. Он чем-то напоминал ей шляпы новоанглийских пилигримов. Цилиндр был изготовлен из красно-коричневой кожи, содранной с бесчешуйчатой красной рыбы. Несколько алюминиевых блесен приколоты к полям шляпы. На плечи накинуто полотнище черной ткани, заколотое у горла. Еще одно полотнище темно-зеленого цвета служило килтом, а сандалии были сшиты из той же красной кожи.

На плече он нес бамбуковое удилище, в другой руке держал свой грааль. Под локтем была зажата смятая газета, а с плеча на веревке свисала плетеная корзина.

---

* Могильник *(англ.)*.

* Испорченное латинское выражение vox populi — «глас народа».

Он был высоковат для японца — макушка его головы достигала носа Джилл. Черты лица весьма привлекательны. В них слабо ощущалось его монголоидное происхождение.

— Предполагаю, вы прочли газету? — спросила она.

— К сожалению, почти всю,— ответил он,— но не печальтесь. Как говорит Соломон о зубоскалах в притче двадцать четвертой: «Мерзок он человеку»*.

— Я предпочла бы слово «человечеству».

Он казался удивленным.

— Но какая?.. Ах, понимаю, вы возражаете против мужского рода... Но слово «человек» включает в данной форме и женщину, и ребенка.

— Это-то я знаю,— сказала она так, будто повторяла одно и то же в тысячный раз, что было, в общем, близко к истине.— Это я знаю. Но мужской род подготавливает и говорящего, и слушателя к тому, что слово «человек» ассоциируется только с мужчиной. Использование же слова «человечество» заставляет думать людей о homo sapiens как о комплексе обоих полов.

Пискатор со свистом втянул воздух сквозь зубы. Она считала, что он скажет: «Ах так!» Но он не сделал ничего подобного. Вместо этого он произнес:

— В этой корзинке у меня три штуки вкуснейших линей, если их можно так назвать. Как мне кажется, они удивительно похожи и внешним видом, и вкусом на земную рыбу этого наименования. Они, конечно, не так изумительны по вкусу, как хариусы, если я осмелюсь их так назвать, которых можно поймать здесь в горных ручьях. Но их интересно ловить — это жадная и хитрая рыбка.

Джилл подумала, что он изучал английский по «Энциклопедии рыбака».

— Не будет ли вам благоугодно разделить эту рыбу со мной сегодня вечером? Она будет запечена ровно к шестнадцати ноль ноль по водяным часам. Я подготовлю также обильный запас «черепного цвета».

Таково было местное название алкоголя, который гнали из лишайников, добытых на горных склонах. Их смешивали с водой в пропорции 1:3, затем брали цветы железного дерева, сушили, размалывали и смешивали с алкоголем. Когда лепестки окрашивали напиток в пурпурный цвет и придавали ему аромат, похожий на запах роз, напиток считался готовым к употреблению.

* Цитата не вполне точна: «Помысел глупости — грех, и кощуник — мерзость для людей».

Джилл несколько секунд колебалась. Одиночество ее не тяготило почти никогда. В отличие от своих сограждан она не приходила в отчаяние, не паниковала, если оказывалась предоставленной самой себе. Но сейчас она была одна слишком долго. Путь вверх по течению Реки занял у нее 420 дней, и почти все эти дни были похожи один на другой.

Только по ночам она иногда ела и разговаривала с незнакомцами. По ее расчетам, она миновала 501 020 000 людей и не встретила ни одного лица, которое ей было бы знакомо по Земле или миру Реки. Ни единого.

Правда, она очень редко днем подходила к берегам столь близко, чтобы можно было разглядеть черты лица. А ночные общения с людьми были ограничены их небольшим числом. Но что было причиной особенно острой душевной боли, или, вернее, что могло бы стать таковой, опустись она до таких эмоций, так это мысль, что она, может быть, проплывает сейчас мимо людей, которых любила на Земле или, по крайней мере, хорошо знала. Ведь были же люди, которых ей хотелось бы встретить.

Возможно, больше всего ей хотелось бы поговорить с Мари. Что почувствовала Мари, когда узнала, что именно ее бессмысленная ревность стала причиной гибели ее любовницы — Джилл Галбирры? Может быть, она сходила с ума от горя, а может быть, даже покончила с собой, не вынеся острого чувства вины? В конце концов, Мари вообще страдала склонностью к самоубийству. Или, уж если быть точной, она была склонна глотать именно столько таблеток, сколько нужно, чтобы оказаться на краю гибели, но в то же время оставить достаточно шансов на получение медицинской помощи, которая успела бы спасти ее жизнь. Мари, насколько знала Джилл, трижды подвергала свою жизнь такой опасности. И каждый раз не смертельной.

Нет, скорее всего, Мари погрузилась бы в тоску и самобичевание по меньшей мере дня на три, затем проглотила бы штук двадцать таблеток фенобарбитала и вызвала бы к себе ближайшую подругу, возможно и любовницу, думала Джилл, сердце которой испытывало невыносимую боль,— сука!

А любовница позвонила бы в больницу, после чего последовало бы промывание желудка, антибиотики и долгое-долгое ожи-

дание в приемной, а потом утомительное дежурство у постели Мари; та же в это время несла бы нечто вроде бы бессмысленное, как можно ожидать от сознания, затуманенного наркотиком, но одновременно тщательно рассчитанное на дерганье нервов своей любовницы. Мари умышленно постаралась бы возбудить в той отнюдь не только чувства жалости и симпатии. Маленькая сучка-садистка обязательно бросила бы своей любовнице несколько намеков, в которых просвечивала бы острая неприязнь и даже отвращение к той. В дальнейшем Мари, конечно, будет клясться, что ничего подобного не помнит.

А потом любовница отвезет Мари в свою квартиру и сколько-то времени будет нежно ухаживать за ней, а *затем*... Джилл не могла вынести мысли о том, что последует затем.

В такие минуты ей хотелось смеяться над собой, но в этом смехе звучала бы немалая доза издевки. Ведь прошел уже 31 год с тех пор, как она бурей вылетела из того дома и умчалась на бешеной скорости, чувствуя, как визжат покрышки, как горит резина, как машина трижды пролетает на красный свет, а затем... Затем ослепительный свет и оглушительный рев сигнала огромного грузовика, отчаянный поворот руля, чтобы выправить «мерседес-бенц», внезапный холод в животе, предчувствие Джаггернаута и...

Она очнулась вместе с бессчетным числом других, нагая, ее тело тридцатиоднолетней женщины превратилось в двадцатипятилетнее, напрочь исчезли кое-какие благоприобретенные шрамы и другие дефекты. Так она очутилась на берегу Реки. В этом кошмаре в раю. Или там, где мог бы быть рай, если б такое огромное число людей не настаивало на том, чтобы превратить его в ад.

Тридцать один год назад. Время так и не залечило ее раны, во всяком случае эту. Казалось, без следа должна была бы исчезнуть память о рвущем душу бешенстве и о тупой тоске. Этим чувствам следовало давно уйти за горизонт повседневных интересов и нужд. Никакие эмоции, связанные с Мари, просто не могли уцелеть. И все же уцелели.

Джилл вдруг очнулась и увидела, что японец продолжает серьезно смотреть на нее. Он, очевидно, все еще ждал ответной реплики на только что сказанную фразу.

— Извините,— пробормотала она,— иногда мои мысли теряются где-то в прошлом.

— Я вам сочувствую,— ответил он.— Иногда... особенно если прибегнуть к мечтательной резинке, чтобы сразу отделаться от

ранящих и терзающих нас воспоминаний или выйти из нежелательного психического состояния, а вместо этого... вдруг ощущаешь себя потерянным.

— Нет,— сказала она, стараясь не допустить, чтобы в голос проник обуревающий ее гнев.— Все дело в том, что в последнее время мне слишком долго пришлось переносить одиночество. Появилась привычка погружаться в грезы. Знаете, когда я плыла вверх по Реке на своем каноэ, я зачастую гребла чисто автоматически. Иногда внезапно обнаруживала, что прошла не меньше десятка километров и даже не заметила этого. Я хочу сказать, что не сохранила в памяти того, что происходило вокруг меня в эти часы.

Но теперь, когда я здесь, когда у меня есть работа, которая требует напряженного внимания, вы увидите, что я буду столь же внимательна, как и любой другой человек.

Она добавила это потому, что знала — Пискатор мог доложить об этом разговоре Фаербрассу. А забывчивость вряд ли входит в число простительных недостатков у офицера воздушного корабля.

— Уверен в этом,— откликнулся Пискатор. Он помолчал, улыбнулся и вдруг сказал: — Между прочим, вам не стоит опасаться конкуренции с моей стороны. Я не честолюбив. Я вполне удовлетворюсь любым званием или должностью, которую мне дадут, ибо знаю, что она будет соответствовать моим силам и моему опыту. Фаербрасс справедлив.

Меня прежде всего притягивает сама наша цель — так называемая Туманная Башня, или Великий Грааль, известная еще под дюжиной других названий. Больше того, я жажду принять участие в этой экспедиции в первую очередь потому, что хочу побывать там, где заключена главная тайна этого мира. Я жажду, но не собираюсь суетиться из-за этого, если вам понятна моя мысль. Я с готовностью признаю, что не имею вашей квалификации, и поэтому вполне расположен принять пост ниже вашего...

Джилл Галбирра сначала никак не отреагировала на эти слова. Ее спутник принадлежал к народу, который фактически обратил своих женщин в рабство. Во всяком случае, в его время (1886–1965 годы) дела в Японии обстояли именно так. Правда, сразу после Первой мировой войны женщины там получили кое-какие свободы. И все же теоретически Пискатор был обязан сохранить в отношении женщин взгляды старомодного японца. С другой

стороны, мир Реки действительно в чем-то изменил людей. Некоторых.

— Вы и в самом деле не возражали бы? — спросила она.— А может быть, где-то в глубине души?..

— Я редко лгу,— ответил он.— И то, только чтобы не обидеть кого-нибудь или чтоб не терять времени на спор с дураком. Думаю, я знаю, что вас тревожит. Может, вам станет полегче, когда вы узнаете, что одним из моих гуру в Афганистане была женщина? Я провел там десять лет в качестве ее ученика, прежде чем она решила, что я уже не так глуп, как был, когда пришел к ней, и теперь достоин отправиться к новому шейху.

— А что вы там делали?

— Я был бы очень рад обсудить это с вами как-нибудь в другой раз. А сейчас разрешите мне заверить вас, что я не испытываю предубеждения против женщин или против неяпонцев. Когда-то я был таким, но эта глупость слетела с меня много лет назад. Например, одно время, спустя несколько лет после Первой мировой войны, я был монахом дзен. Но сначала спрошу, вам что-нибудь говорит сам термин «дзен»?*

— О нем было написано много книг после тысяча девятьсот шестидесятого года или что-то в этом духе,— сказала Джилл.— Несколько из них я прочла.

— Понятно. Узнали ли вы из этих книг что-нибудь, чего не знали до этого?

— Очень мало.

— Вы откровенны. Как я уже говорил, я удалился от мира после того, как ушел в отставку из военного флота и поступил в монастырь на острове Рюкю. На третий год белый человек — венгр — пришел в монастырь в качестве скромного послушника. Когда я увидел, как к нему относятся, я внезапно уяснил то, что подсознательно знал и раньше, но стыдился вынести на свет. А суть заключалась в том, что многие годы изучения дзен-буддизма отнюдь не способствовали тому, что ученики и даже учителя — вообще никто в монастыре, кроме меня,— не смогли преодолеть свои расовые предрассудки. Национальные предрассудки, следовало бы сказать, поскольку они проявляли враждебность и даже презрение и к китайцам, и к индокитайцам, то есть к близким им монголоидам.

* Дзен — распространенное в Японии направление буддизма.

После того как мне впервые удалось стать откровенным с самим собой, я должен был признать, что практика дзен поистине не дает ничего существенного и важного ни для меня, ни для других людей. Поставить перед собой цель — значит никогда ее не достигнуть. Это противоречие? Да, безусловно.

И вообще следует признать полной ерундой попытку *опустошить себя.* Может быть, состояние отрешенности и не чушь, но методы, которыми оно достигается, насколько я понимаю, никуда не годятся. И поэтому в одно прекрасное утро я вышел из монастыря и сел на пароход, идущий в Китай. С этого начались мои долгие годы странствий, как будто какой-то неслышный голос звал меня все дальше и дальше в глубины Центральной Азии. А оттуда... Впрочем, пока достаточно об этом. Я могу рассказать о дальнейшем потом, если вам будет угодно.

Я вижу, мы уже подошли к нашим домам. Позволю себе откланяться до вечера. Я поставлю два фонаря, которые вы сможете увидеть из своего окна, чтобы объявить о том, что к нашей маленькой вечеринке все готово.

— Но я же не обещала прийти.

— И тем не менее вы приняли мое предложение,— сказал он,— разве не так?

— Так, но каким образом вы это узнали?

— Это не телепатия,— снова улыбнулся Пискатор.— Изменение позы, сокращение мышц, сужение зрачка, тембр голоса — все это, незаметное для многих, кроме тех, кто прошел специальную тренировку, подсказало мне, что вам очень хочется прийти на нашу встречу.

Джилл ничего не ответила. Она и сама не знала, рада ли приглашению. Даже и сейчас она не была уверена, так ли это. Неужели Пискатор разыгрывает ее?

Глава 13

Железное дерево росло на вершине холма примерно в двухстах метрах от хижины Джилл. Хижина Пискатора находилась почти на самой вершине холма, примостившись между двумя наполовину вылезшими из земли корнями дерева. Ее задняя стенка прочно стояла на земле, а передняя удерживалась с помощью бамбуковых пилонов от сползания по крутому склону.

Джилл взобралась вверх по склону, оставив внизу воспоминания о Джеке, хотя, думала она, Джековой дури и наверху будет

предостаточно. Она прошла под домиком и поднялась по бамбуковой лестнице, которая выходила в комнату прямо через пол где-то на середине своей длины.

Дом был куда больше, чем большинство строений в поселке,— три комнаты в бельэтаже и две наверху. Кто-то говорил Джилл, что раньше в нем жила целая община. Подобно всем нерелигиозным организациям, созданным выходцами с Запада, община довольно быстро развалилась. Вот тогда-то туда и вселился Пискатор, которого Джилл никак не могла понять: зачем одинокому мужчине понадобился такой большой дом? Может, это был символ престижа? Но Пискатор вовсе не казался человеком, способным гоняться за такими пустяками.

Вдоль ограды хижины размещались яркие ацетиленовые лампы, перед которыми стояли белые, зеленые и малиновые экраны, сделанные из рыбьих плавательных пузырей. Пискатор стоял на верхней ступеньке лестницы, улыбаясь и кланяясь Джилл. Одеждой ему служило нечто похожее на кимоно из ярко окрашенных полотнищ. В руке он держал букет огромных цветов, сорванных с лиан, обвивавших верхние ветви железного дерева.

— Привет вам, Джилл Галбирра!

Она поблагодарила его, глубоко вдыхая сильный аромат цветов, напоминающий запах жимолости, к которому примешивался слабый запах старинной кожи. Странное, но приятное сочетание.

Дойдя до конца лестницы, она оказалась в самой большой комнате дома. Потолок находился на высоте в три человеческих роста; с него свисало около дюжины японских светильников. Бамбуковый пол, разбросанные там и сям циновки, сделанные из бамбуковых волокон; мебель тоже бамбуковая, легкие, простые формы сидений смягчались брошенными на них подушками. Ручки кресел, ножки стола, а также столбы, поддерживающие потолок, сделаны из дуба и тиса. Головы животных, демонов, местных рыб и людей были вырезаны из той же древесины. Ничто не говорило, что маски вырезаны японцем. Возможно, они остались от прежних обитателей.

Высокие, с осиной талией и колокольчатой горловиной вазы стояли прямо на полу. Такие же, только пониже, возвышались на круглых столиках с журавлиными ножками. Вазы были изготовлены на гончарном круге, обожжены, покрыты глазурью или разрисованы. Некоторые украшал геометрический рисунок, на

других изображались морские сцены Земли. Суда были римские, моряки — арабы. Голубые дельфины выпрыгивали из сине-зеленого моря; какое-то чудовище разевало пасть, готовясь проглотить корабль. Однако, поскольку в Реке водились рыбы, которых здесь тоже называли дельфинами, а колоссальные речные драконы имели отдаленное сходство с нарисованным чудовищем, можно было допустить, что художник изобразил жителей мира Реки.

Двери в соседние комнаты были завешаны нитями с нанизанными на них белыми и красными позвонками рогатой рыбы; когда до них дотрагивались, они чуть слышно звенели. Циновки из волокон лиан, росших на железных деревьях, украшали стены, а прозрачные плавательные пузыри речных драконов, натянутые на бамбуковые рамы, висели над каждым окном.

В общем, хотя тут и были такие вещи, как ацетиленовые лампы, которые трудно встретить где-нибудь еще, сама обстановка комнаты представляла собой вариант того, что многие называли Прибрежной культурой, а другие — Речной полинезийской.

Свет ламп тщетно пытался пробиться сквозь тяжелые клубы табачного дыма и марихуаны. С маленького подиума в углу комнаты доносились тихие звуки оркестра. Услуги оркестрантов оплачивались выпивкой и удовольствием, которое извлекали музыканты из сознания, что они проделали полезную и приятную работу.

Музыканты били в барабаны, играли на бамбуковой флейте и глиняной окарине; перебирали струны арфы, сделанной из щита рыбы-черепахи и рыбьих кишок, пиликали на скрипке, изготовленной из рыбьих внутренностей и похожего на английский тис дерева, тисовым же луком, с натянутыми на него нитями из напоминающих конский волос «усов» голубого дельфина; постукивали по ксилофону; гудели на саксофоне и трубе.

Что за музыка, Джилл, во всяком случае, не сумела определить. Но почему-то ей показалось, что мелодии заимствованы у индейцев Центральной и Южной Америки.

— Если б это был tête-à-tête*, а не большая вечеринка, я бы предложил вам чай, моя дорогая,— сказал Пискатор.— Но сейчас это невозможно. Мой грааль не каждый день балует меня чаем, а лишь одним маленьким пакетиком в неделю.

---

* Вечер на двоих *(фр.)*.

Значит, Пискатор не настолько изменился, чтобы не сожалеть о чайной церемонии, столь любезной сердцам всех японцев. Джилл тоже жалела о скудном снабжении чаем. Как и большинство ее сородичей, она ощущала, что пропустит нечто жизненно важное, если не получит чашки горячего чая в положенное для чаепития время.

Пискатор опустил стакан в большой стеклянный сосуд, полный «черепного цвета», и вручил его Джилл. Она отпивала маленькими глотками, пока Пискатор изливал свой восторг по поводу ее прихода. Звучало это так, будто он совершенно искренен. У Джилл появилось к нему теплое чувство, хотя она тут же напомнила себе, что Пискатор принадлежит к той культуре, которая воспитывает в мужчинах взгляд на женщину лишь как на рабочую силу и источник чувственных удовольствий. И тут же осадила себя, ибо в десятитысячный раз сказала себе, что стыдно подражать предрассудкам других. Сначала собери факты, а потом уж суди.

Хозяин повел ее по комнате, представляя присутствующим. Фаербрасс приветственно помахал ей рукой из одного угла. Тонко усмехнулся и отвесил поклон Сирано. Они уже неоднократно встречались в течение дня, но оба были холодны, хотя и вежливы. Ей такие отношения были не очень приятны. В конце-то концов, он же извинился, а ей в этом пламенном французе семнадцатого века все казалось любопытным.

Они обменялись приветствиями с Эзикиелом Харди и Давидом Шварцем, которого она видела ежедневно в его кабинете внутри ангара и на прилегающих к ангару фабриках. Харди и Шварц были довольно дружелюбны; к этому времени они уже знали, что в своей профессиональной сфере она обладает глубокими знаниями. Да и в других областях — тоже. Она сдерживала свое нетерпение и гнев по поводу их невежества, а также их предполагаемого чувства превосходства. Такое поведение окупалось, хотя она и не была уверена, как долго ей удастся себя сдерживать.

«Расслабься! — сказала она себе.— Отрешись, раскройся».

Сколько же раз она делала это или пыталась делать? Нередко казалось, что это ей удалось, но далеко не всегда. Однако здесь был этот японец Охара, который почему-то называл себя таким смешным и странным именем — Пискатор и который сказал ей, что дзен — чушь. Ну, не то чтобы чушь... но уж точно дал ей понять, что эту религию явно переоценивают. Слышать это ей было неприятно. Будто ее самолюбие получило удар ниже пояса; вроде бы ранило, что ли. А почему? Ее же это никак не касалось. Надо было просто посмеяться над ним, хотя бы в глубине души. Но он казался таким уверенным в себе.

Глава 14

Одна из женщин, которым ее представили, звалась Жанной Юган. Пискатор упомянул, что в своей родной Франции она была прислугой, но потом стала одной из самых влиятельных основательниц римско-католического религиозного ордена Сестричек Бедняков, созданного в 1839 году в Бретани.

— Я послушница,— сказала Юган, кивнув на Пискатора.

Брови Джилл поползли вверх.

— О! — Но шанса продолжить разговор она тут же лишилась — Пискатор повел ее дальше, слегка прикоснувшись к локтю.

— Вы сможете поговорить с ней попозже.

Джилл было любопытно, к какой же религии, секте или философскому направлению принадлежит Пискатор. Он не был членом Церкви Второго Шанса. Ее прихожане всегда носили на шее спиральный позвонок рогатой рыбы или его копию, сделанную из дерева.

Однако следующий человек, с которым ее познакомили, такую эмблему носил; вернее, он носил их целых три, что означало сан епископа. Самуэло — низенький, очень смуглый, с ястребиным лицом — родился где-то в середине второго столетия нашей эры. Он был рабби в еврейской общине в Нехардеа в Вавилоне. Если верить Пискатору, Самуэло был довольно известен в свое время благодаря знанию обычного права и некоторым научным достижениям. Одним из его хобби было составление еврейского календаря. Однако главной своей заслугой он считал попытку согласовывать иудейские законы с законами страны, в которой проживала иудейская диаспора.

Его принципом было: *«Закон государства — главный закон»,* сказал Пискатор.

Самуэло представил свою жену — Рахело. Она была еще ниже, но посветлее мужа, отличалась необычайно широкими бедрами и толстыми ногами, а ее лицо выражало неожиданную в такой женщине чувственность.

Отвечая на вопрос Джилл, она сказала, что родилась в краковском гетто в XIV столетии нашей эры. Пискатор позже рассказал Джилл, что Рахело была похищена польским аристократом и целый год просидела в заточении в его замке. Когда же она ему надоела, он вышвырнул ее за дверь, но все же наградил туго набитым кошельком с золотыми монетами. Муж убил ее за то, что у нее не хватило мужества покончить самоубийством, чтоб избавиться от позора.

Самуэло несколько раз гонял жену зачерпнуть питья из сосуда, наполненного безалкогольным цветочным соком. Жестом указывал ей, когда надо зажечь ему сигару. Рахело повиновалась с необыкновенной готовностью, а затем снова занимала место за его спиной.

Джилл с наслаждением дала бы пинка Рахело за ее добровольное подчинение древнему игу, приводящему к подобной деградации, а Самуэло — за его не менее древние самодовольство и самовлюбленность. Она вполне могла вообразить его молящимся и возносящим хвалу Богу за то, что не родился женщиной.

Позже Пискатор сказал ей:

— Вы страшно обозлились на епископа и его жену.

Джилл даже не спросила, как он узнал об этом. Она просто ответила:

— Должно быть, он получил чертовский удар, когда очнулся здесь и узнал, что он отнюдь не один из избранников своего Господа. Что все кто попало — идолопоклонники, каннибалы, поедатели свинины, необрезанные псы неверные — все они дети Господа и все избраны...

— Все мы испытали шок,— сказал Пискатор.— И ужас. Разве с вами было иначе?

Некоторое время она глядела на него молча, а затем расхохоталась и ответила:

— Конечно, точно так же. Я была атеисткой, да и сейчас остаюсь ею. Была уверена, что я всего лишь плоть, а потому после смерти сразу стану щепоткой праха. Вот и все. Я была ужасно испугана, когда очнулась здесь. Но в то же время, ну, не в самом начале, а немного позже, я почувствовала какое-то облегчение Итак, подумала я, вечная жизнь все же существует. Затем еще позже я увидела такие страшные вещи, и мы оказались в таком странном месте, что, знаете ли, все это никак не походило ни на рай, ни на ад...

— Я знаю,— ответил он, улыбаясь.— А любопытно все-таки, о чем подумал Самуэло, когда увидел, что необрезанные goim* Земли были воскрешены без крайней плоти? Наверняка это сильно удивило его, равно как и факт, что мужчины тут не могут отращивать бороды. С одной стороны, Бог сотворил brises** на членах всех язычников, которые в этом нуждались, следовательно, это явно был иудейский Бог. С другой стороны, мужчина не мог больше обзавестись настоящей бородой, как того требовал Бог, но тогда Он никак не мог быть иудейским Богом. Всегда были и существуют такие вещи, которые изменяли и будут изменять наш образ мышления,— закончил Пискатор.

Он подошел к ней ближе, глядя на нее своими темно-карими глазами, прикрытыми тяжелыми веками.

— Приверженцы Церкви Второго Шанса разработали несколько великолепных идей по вопросу о том, почему мы были воскрешены из мертвых и кто все это сотворил. К тому же они не так уж ошибаются и по вопросу о том, каким образом или какими способами можно достигнуть поставленной перед нами цели. Цели, к которой человечеству следует стремиться, и тех Врат, которые наши неизвестные благодетели распахнули для нас. Но точность — это истина. Неточно мыслящая церковь ушла с главной дороги, или, лучше сказать, с *единственной* дороги. Что вовсе не означает, однако, что никаких других дорог вообще не существует.

— О чем вы говорите? — воскликнула Джилл.— Ваши слова столь же невнятны, как и высказывания этих поклонников Церкви Второго Шанса.

— Посмотрим... если, конечно, вы захотите посмотреть,— отозвался он. Потом Пискатор извинился и отошел к большому столу, где вступил в разговор с человеком, который только что пришел.

Джилл неторопливо направилась к Жанне Юган, намереваясь расспросить ее, что она имела в виду, называя себя послушницей Пискатора. Однако дорогу ей преградил де Бержерак. Теперь он широко улыбался.

— Ах, миз Галбирра! Я еще раз должен испросить у вас прощения за тот печальный инцидент. Виновник моего непрости-

---

* Язычники *(идиш)*.

** Обрезание *(идиш)*.

тельного поведения — алкоголь. Я надеюсь, оно все же не совсем уж непростительное, но зато весьма вульгарное! Я редко выпиваю больше одной-двух унций, поскольку крайне отрицательно отношусь к состоянию, когда мой ум становится тупым. Алкоголь превращает меня в свинью, а мне не нравятся эти животные с копытами, хотя я обожаю их в нарезанном виде и жаренных либо на сковороде, либо на вертеле. Но в ту ночь мы рыбачили...

— Я не видела никакого рыболовного снаряжения,— сказала Джилл.

— Оно лежало по другую сторону питающего камня. А туман был так плотен, вы же помните, мадемуазель?

— Миз.

— И мы принялись болтать о Земле, о разных странах, о людях, которых мы знали там, о друзьях, погибших или плохо кончивших, о детях, которые умерли, о том, как наши родители плохо нас понимали, о врагах и о том, почему мы оказались здесь, ну и так далее, понимаете? Я очень разволновался, вспоминая, как там на Земле вообще, и особенно о своей кузине Маделине, и о том, как бы я поступил, будь я более зрелым и не таким наивным, как в те времена. И тогда...

— И тогда вы напились,— сказала она, стараясь сохранить на лице выражение спокойствия.

— И оскорбил вас, миз, хотя, клянусь, я не был уверен, что вы женщина. Этот туман, эти мешковатые одежды плюс помрачение моего ума...

— Забудем,— сказала она.— Только... Я уверила себя, что вы никогда не простите меня, поскольку вы как бы потеряли лицо, раз женщина сбила вас с ног. Ваше самолюбие...

— Не надо жить стереотипами! — воскликнул Сирано.

— И вы совершенно правы,— сказала она.— Я ненавижу падение и тем не менее постоянно спотыкаюсь. И так часто... Ладно, большинство людей — это просто ожившие стереотипы, не так ли?

Они стояли и говорили довольно долго. Джилл попивала пурпурный напиток, чувствуя, как внутри ее все постепенно согревается. Дым марихуаны становился все гуще, и Джилл внесла в эти клубы дыма свой вклад, время от времени затягиваясь сигаретой, зажатой между пальцев. Голоса становились все громче, и все чаще звучал дружный смех. Какие-то пары танцевали, обнимая друг друга за шею и преувеличенно шаркая подошвами.

Только Пискатор и Юган, по-видимому, ничего не пили. Пискатор курил сигарету — первую, как показалось Джилл, с того времени, как она пришла.

Комбинация алкоголя и наркотика дала ей приятное ощущение отрешенности. Ей казалось, что из ее плоти исходит красноватый свет. Клубы дыма приобретали почти осязаемые формы. Иногда уголком глаза она улавливала отчетливые контуры — дракона, рыбы, а однажды — дирижабля. Но когда она повернула лицо в ту сторону, то увидела лишь аморфные пласты дыма.

Однако, увидев плывущий по воздуху металлический чан, она поняла — хватит! Больше ни капли спиртного, ни одной затяжки «травки» весь вечер. Причина появления чана была очевидна — Сирано рассказывал ей о преступлениях и видах наказания во Франции его времени. Фальшивомонетчик, например, растягивался на огромном колесе. Палач ломал ноги и руки железным ломом, иногда превращая их просто в месиво. Казненные преступники висели в цепях на торговых площадях и гнили там, пока тела не вываливались из цепей. Кишки других бросали в чаны, выставленные для всеобщего обозрения, чтобы напомнить добрым гражданам о том, что им грозит в случае нарушения порядка.

— А улицы были завалены отбросами, миз Галбирра. Неудивительно, что те, у кого были деньги, чуть ли не купались в духах.

— А я думала, что это оттого, что вы редко принимали ванну.

— Верно,— сказал француз.— Я хочу сказать — правда, что мы редко купались. Тогда считалось, что купаться нездорово и не по-христиански. Но вообще-то к запаху немытых тел привыкнуть можно. Я частенько его не замечал, поскольку привык к нему, как рыба к воде. Но, helas*, там, где одежд мало, а текучей воды хоть залейся и где то и дело встречаешь людей, которые не выносят запаха долго не мытых человеческих тел, там приходится приобретать новые навыки. Я сам, к примеру, должен сознаться, что не видел никакого резона быть столь привередливым, но по прошествии нескольких лет я встретил женщину, которую полюбил почти столь же страстно, как любил свою кузину. Она звалась Оливия Лэнгдон...

— Не может быть, чтоб вы имели в виду жену Сэма Клеменса?

---

* Увы! *(фр.)*

— Ну естественно! Конечно, это имя — Клеменс — решительно ничего мне не говорило, когда я впервые с ней встретился, да и теперь не говорит. Я понял, что Клеменс великий писатель Нового Света,— она рассказывала мне о том, что произошло после моей смерти на Земле, но я об этом не слишком задумывался. А потом мы с Оливией вместе странствовали по Реке и внезапно оказались в классической ситуации, которой так боятся некоторые люди. Мы встретили земного супруга моей подружки по хижине.

К тому времени, хотя я все еще любил ее, моя страсть заметно поохладела. Каждый из нас совершал множество поступков, которые сердили или даже приводили в бешенство другого. Почему бы и нет? Разве это не самое обычное дело тут, где мужчины и женщины могут принадлежать не только к разным расам, но и разным эпохам? Как может мужчина из семнадцатого века долго уживаться с женщиной, которая происходит из века девятнадцатого? Что ж, иногда подобный мезальянс, конечно, может преобразоваться в нечто постоянное. Однако добавьте временные различия к тем, которые и без того существуют между индивидуальностями, и что вы получите? Чаще всего безнадежный случай!

Ливи и я уже поднялись далеко вверх по Реке, когда я узнал, что где-то строится пароход. Я слышал о метеорите, который упал в этих краях, но я не имел представления, что метеорит захватил именно Сэм Клеменс. Я хотел стать членом команды, но особенно сильно жаждал снова ощутить в своих руках сталь рапиры.

Итак, моя дорогая миз Галбирра, мы прибыли сюда. Шок для Сэма был просто убийствен. Мне его было очень жаль какое-то время, и я даже сожалел, что способствовал этому воссоединению, которое оказалось вовсе не воссоединением. Оливия не высказала ни малейшей склонности оставить меня ради Клеменса, даже несмотря на то, что наша страсть была уже далеко не такова, как прежде. Она чувствовала себя виноватой, что больше не ощущает любви к Сэму. Все это было тем более странно, что они нежно и глубоко любили друг друга на Земле.

Но появились трения, появилась глубоко спрятанная враждебность. Ливи сказала, что во время своей предсмертной болезни она не хотела его даже видеть. Это нанесло ему глубокую рану, но что она могла поделать? А почему, спросил я ее, она не хотела допустить его к своему одру болезни? Ливи ответила, что не знает. Возможно, это было потому, что их единственный сын умер

из-за небрежности Сэма. Преступной небрежности, говорила она, хотя никогда не пользовалась на Земле этим словом и даже не думала о нем.

Я сказал, что это было давным-давно и на другой планете. Почему же она все еще теплит это яростное горе в своей груди? Разве это имеет какое-нибудь значение? Разве этот малыш... забыл его имя...

— Лэнгдон,— сказала Джилл.

— ...не восстал теперь из мертвых? А она сказала, да, но она никогда его не увидит. Он умер в два года, а никто моложе пяти лет в момент смерти не был воскрешен. Во всяком случае, на этой планете. Может быть, в другом мире — да. Но даже если бы он восстал из мертвых в этом мире, то какие шансы у нее встретиться с ним? А если бы они и встретились? Он был бы совсем взрослым и никогда бы не вспомнил ее. Она была бы ему чужой. И вообще, одному Богу известно, какой из него получился бы человек. Он мог бы воскреснуть среди каннибалов или индейцев-дигтеров и даже мог не знать английского языка или того, как надо вести себя за столом.

Джилл усмехнулась и сказала:

— Похоже, будто последняя фраза принадлежит скорее Марку Твену, нежели его жене.

Сирано улыбнулся в ответ и продолжал:

— Так она и не говорила. Это придумал я, подражая ее речи. Конечно, было еще и много другого, что мешало ей, кроме случайной смерти ее ребенка. Фактически я ни в чем не могу обвинить Клеменса. Будучи писателем, он становился очень рассеянным, когда обдумывал очередной рассказ. Я и сам таков.

Он не заметил, что одеяльце соскользнуло с ребенка и ледяной ветер дует прямо на ничем не прикрытого младенца. В это время он погонял лошадь, тащившую сани по снежным завалам, а его ум был занят событиями совсем другого рода, происходившими в другом мире — в мире его фантазии.

Однако Оливия была уверена, что он вовсе не так забывчив, как ему это казалось. Она настаивала, что так быть не могло, что какая-то часть его мозга наверняка наблюдала издалека за этой ситуацией. На самом же деле он вообще не хотел иметь сына. В отличие от большинства мужчин он предпочитал дочерей. Кроме того, ребенок был с рождения болен... в общем, сплошное беспокойство. Для Сэма, я имею в виду.

— Единственная вещь в его пользу,— сказала Джилл.— Я говорю о его предпочтении девочек. Впрочем, предполагаю, чтоб быть справедливой, что предпочтение, отдаваемое девочкам, вызвано таким же психозом, как и предпочтение, оказываемое мальчикам. И все же у Клеменса не было этого мужского шовинизма...

Сирано продолжал:

— Вы должны усвоить, что Оливия во время своего земного существования ничего этого разумом не понимала. Во всяком случае, она так утверждала, хотя подозреваю, мысли подобного рода у нее были, но она стыдилась их и прятала далеко-далеко, в самые темные глубины души. Но здесь, в этой долине, когда она научилась жевать soi-disant* мечтательную резинку, она поняла свои истинные чувства.

И поэтому, все еще сохраняя любовь к Клеменсу, она в некотором смысле еще сильнее возненавидела его.

— Она прекратила употреблять резинку?

— Да. Та слишком сильно действовала на нее. Однако время от времени у Ливи возникали экстатические или фантастические видения — ей пришлось испытать страшные вещи.

— Надо было продолжить употреблять резинку,— сказала Джилл.— Но только под наблюдением. Впрочем...

— Да?

Джилл было сжала губы, но потом все же сказала:

— Возможно, я не имею права быть такой чертовски самоуверенной. У меня была гуру — очаровательная женщина, самая лучшая и умная из всех, кого я знаю, но и она не смогла удержать меня от того, что я очертя голову... это было так... такое смятение... нет, действительно нечто ужасающее. Короче, я струсила. Поэтому и не имею права критиковать других, не должна, во всяком случае. Я даже рассматривала возможность опять вернуться к наркотикам, но я не смогла поверить секте Второго Шанса, которая будто бы пользуется резинкой и претендует на знание какой-то отличной и совершенно безопасной методики приема. Я не могу верить до конца людям, у которых такие религиозные взгляды.

— Я свободомыслящий, libertin**, как мы когда-то величали друг друга,— ответил Сирано.— Но теперь... не знаю. Может,

* Так называемая *(фр.)*.

** Распутник *(фр.)*

в конце концов, Бог есть. Иначе как можно объяснить существование такого мира?

— Есть десятки теорий,— сказала Джилл.— И, без сомнения, вы с ними со всеми знакомы.

— Со многими, во всяком случае,— сказал Сирано.— Но я надеялся услышать от вас что-нибудь новенькое.

Глава 15

В эту минуту в их разговор вмешалось сразу несколько человек. Джилл отошла от этой группы и принялась бродить по комнате, надеясь найти другую компанию, не очень увлеченную друг другом, чтобы примкнуть к ней. В мире Реки, как и на Земле, все приемы с коктейлем и вообще вечеринки были очень похожи друг на друга. Разговоры — коротки, вам приходилось перекрикивать шум голосов и музыку, потом вы меняли собеседников или группы беседующих, пока наконец не совершали полного круга по комнате. Если вы были кем-то увлечены или просто в комто заинтересованы, приходилось договариваться с ним или с ней о встрече в другое время и в другом месте, где вы могли бы надеяться на спокойную и никем не прерываемую беседу.

В прежние времена, давным-давно, когда она была молода душой и телом, Джилл на таких сборищах часто встречала мужчин и женщин, которыми искренне увлекалась. Но тогда она либо накачивалась спиртным, либо накуривалась наркотиков, либо была под мухой от того и другого, а потому душа у нее была нараспашку. Было так просто влюбиться — либо в ум, либо во внешность, либо в то и другое сразу. Ну а отрезвление обычно сопровождалось и пробуждением разума, а значит, и разочарованием. Не всегда. Но чаще всего.

Здесь же собрались только люди с телами двадцатипятилетних. Хронологически же ей был 61 год. Некоторым гостям можно было дать 132 или даже больше. Самыми молодыми могли быть лишь достигшие 32 лет. Казалось, можно было бы ожидать очень высокого индекса интеллектуальности, если согласиться, что возраст увеличивает мудрость. Однако Джилл не обнаружила, что это верно, если говорить о тех, с кем она общалась на Земле. Конечно, накопление опыта — это такая штука, которой совсем не избежишь, хотя многим удавалось свести его запасы к минимуму. Но опыт ни в коем случае не приводил к мудрости,

и, поняв этот закон, вы проникали в суть одного из базовых механизмов, управляющих человечеством. Большинство стариков, которых она знала, подчинялись тем же условным рефлексам, которые управляли ими в девятнадцать лет.

Поэтому следовало ожидать, что люди и здесь не очень-то много приобретают в результате накопления опыта. Однако удары молотов смерти и воскрешения у многих сбили цепи, сковывавшие их мозги.

Во-первых, абсолютно никто из них не ожидал, что жизнь после смерти (если все, что с ними происходило, можно было назвать этим термином) будет такой. Ни одна из религий не говорила ни о таком месте, ни о таких событиях. Хотя, говоря по правде, те религии, которые обещали рай и ад, были удивительно немногословны в описаниях этих мест. Что не так уж и странно, поскольку таких, кто мог похвалиться лицезрением мира после смерти, было исключительно мало.

Да и ничего уж такого сверхъестественного не было ни в этом месте, ни в самом воскрешении. Все... ну, не все, но почти все могло быть объяснено физическими, а не метафизическими причинами. Однако это не удержало людей от создания новых религиозных теорий или переформулирования старых.

Те же религии, которые не содержали в себе эсхатологии воскрешения или бессмертия в западном понимании — буддизм, индуизм, конфуцианство, таоизм,— были просто дискредитированы. Но и те, что опирались на эти понятия — иудаизм, ислам, христианство,— тоже оказались дискредитированы. Как и на Земле, гибель главной религии здесь дала толчок к появлению новой. Но было, конечно, и меньшинство, которое упрямо отказывалось, несмотря на разнообразные доказательства, признать, что их вера оскандалилась.

Джилл оказалась рядом с Самуэло — бывшим рабби, а ныне епископом Церкви Второго Шанса; ее очень интересовало, какова была реакция его на этот новый мир в первый год жизни в нем. Там не оказалось мессии, чтоб прийти и спасти избранный народ, да не было и самого избранного народа, того, что жил в Иерусалиме — там, на Земле. Ни Иерусалима, ни Земли. По-видимому, однако, расшатанная вера не пошатнула его самого. Каким-то образом он оказался способен воспринять мысль, что ошибался. Несмотря на то что он был суперортодоксальным рабби древних времен, ум у него был гибкий.

В это время Жанна Юган, игравшая роль хозяйки, предложила Самуэло и Рахело блюдо бамбуковых ростков и филе какой-то рыбы. Самуэло поглядел на рыбу и спросил:

— Что за рыба?

— Рыба-лягуха,— ответила Жанна.

Самуэло поджал губы и отрицательно покачал головой. Жанна поглядела с удивлением, так как епископ был явно голоден, а его пальцы уже почти коснулись молодых ростков бамбука. Они, насколько знала Джилл, согласно законам Моисея, отнюдь не являлись табу. Но в то же время ростки лежали на одном блюде с запрещенной бесчешуйчатой рыбой, а потому они были «заражены».

Она улыбнулась. Человеку гораздо проще сменить религию, чем свои гастрономические привычки. Истинный иудей или мусульманин мог отказаться от своей веры, и все равно его затошнило бы, положи ему на тарелку порцию свинины. Индуист, которого знала Джилл, стал в мире Реки атеистом, но он все еще отвергал мясо. Джилл, хоть и сама по рождению происходила от чернокожих, не могла себя заставить есть червей, несмотря на сделанную однажды попытку. Генетическое происхождение не имело ничего общего с проблемами питания; оно детерминировалось скорее общественным положением и происхождением. Хоть и не всегда.

Некоторые люди легко адаптируются. А кроме того, существует и такая штука, как индивидуальный вкус. Джилл, например, перестала есть баранину с той минуты, как покинула родительский дом. Она ненавидела ее. А гамбургеры предпочитала ростбифу.

«Весь смысл этих размышлений,— решила она, выходя из задумчивости и выныривая из нее, как выныривает пловец из волны,— сводится к тому, что мы — это то, что мы едим. А едим мы то, что мы едим, поэтому мы таковы, каковы есть. А почему мы таковы, определяется частично средой обитания и частично генетической структурой. Вся моя семья, кроме меня, обожала баранину. И только одна из сестер разделяла со мной равнодушие к ростбифу и любовь к гамбургерам.

Все мои братья и сестры, насколько я знаю, гетеросексуальны. Только я — бисексуальна. Но я этого не хотела. Я хочу быть либо такой, либо другой; я хочу, чтоб моя калитка была заперта, а не болталась то туда, то сюда в зависимости от того, откуда дует

ветер, мой внутренний ветер, который дует то с востока на запад, то vice versa*, поворачивая флюгер то туда, то сюда».

Но если по совести, то ей не надо ни так ни этак, но, уж если б дали право выбора (а почему бы и нет?), она стала бы женщиной — любительницей женщин.

Женщина — любитель женщин. Почему бы не признаться себе самой — лесбиянка? Английский язык — величайший язык в мире, но у него есть свои пробелы. Часто он слишком уклончив, допускает различные толкования. Любитель женщин означает и мужчину, любящего женщину, и мужчину или женщину, которые любят женщин, или даже женщину, которая играет роль любовника.

Вот она и сказала это слово — *лесбиянка.* И она не ощущает даже никакого стыда. А как насчет Джека? Она ведь любила его? А как насчет... Она вынырнула из своих грез только для того, чтобы нырнуть в них еще глубже.

В другом конце комнаты Фаербрасс разговаривает с кем-то, искоса поглядывая на нее. Заметил ли он ее способность время от времени впадать в транс, останавливаться, слегка склонив голову влево, опустив веки и немного закатив глаза? А если заметил, то наверняка решил, что она в дурном настроении, а потому не слишком надежна.

И вдруг ей почему-то стало страшно. О господи, а что, если он отвергнет ее в качестве кандидата из-за того, что на нее временами накатывает меланхолия? Ведь на работе она совсем другая! Совсем! Но как убедить в этом Фаербрасса?

Ей следует всегда быть настороже, действовать так, будто она, чуть что случится, всегда на подхвате, всегда насторожена, готова, надежна. Совсем как девочка-скаут!

Она подошла к кружку гостей, центром которого был епископ Самуэло. Маленький смуглый человечек что-то рассказывал о Ла Виро. Джилл слышала немало таких россказней, поскольку в свое время посещала собрания Церкви Второго Шанса и беседовала с их миссионерами. На эсперанто — официальном языке Церкви — Ла Виро означает «тот человек». Его иногда называют еще Ла Фондинто — «Основатель». По-видимому, никто не знал его земного имени, а может быть, в Церкви Второго Шанса этому просто не придавали значения.

---

* Наоборот *(лат.).*

История Самуэло касалась Незнакомца, который пришел к Ла Виро бурной ливневой ночью в его пещеру высоко в горах. Незнакомец открыл ему, что он происходит из того народа, который преобразовал эту планету в одну огромную речную долину и воскресил людей Земли.

Неизвестный повелел Ла Виро основать Церковь Второго Шанса. Ему были даны определенные догматы, которые Ла Виро должен был проповедовать, и сказано, что после того, как вера распространится по всей долине от истоков Реки до низовья, он получит новые Откровения. Насколько было известно Джилл, эта «новая правда» пока еще оставалась не врученной по принадлежности.

Зато Церковь действительно распространилась повсюду. Ее миссионеры путешествуют пешком и на лодках. Кое-кто, как говорят, даже летал на воздушных шарах. Но быстрейшим способом транспортировки были смерть и последующее воскрешение. Так что фактически тот, кто убивал служителя Церкви, делал ей большое одолжение. Именно подобные случаи гарантировали столь быстрое распространение веры по миру Реки.

Мученичество было весьма удобным способом путешествий, подумала Джилл. Но теперь для того, чтобы умереть за свою религию, требовалось гораздо большее мужество, ибо сейчас тот, кто умирал, умирал навсегда. Она слышала, что численность приверженцев Церкви Второго Шанса сильно сокращается в последнее время. Было ли это связано с тем, что смерть стала вечной, или просто это движение теряло силу, она не знала.

В том кружке стоял и человек, которому она еще не была представлена. Пискатор, однако, показал на него через всю комнату и сказал:

— Джон де Грейсток. Он жил в английском королевстве во времена Эдуарда Первого. Тринадцатый, кажется, век? Я крепко подзабыл британскую историю, хотя во времена, когда я служил кадетом на флоте, мне пришлось ею заниматься немало.

— Эдуард правил, мне кажется, примерно с тысяча двести семидесятого до начала тысяча трехсотого года,— сказала Джилл.— Я помню, что он правил тридцать пять лет и умер, имея шестьдесят восемь лет от роду. Помню потому, что в те времена редко кто достигал такого возраста, особенно среди англичан. Все из-за этих холодных, пронизываемых сквозняками замков, знаете ли.

— Грейсток получил от Эдуарда титул барона и сопровождал его в Гасконскую и Шотландскую кампании,— продолжал Пискатор.— Я вообще-то мало о нем знаю. Кроме того, что он был губернатором Civito de la Animoy, по-английски Душевного Города — маленького государства в сорока одном километре отсюда вниз по Реке. Он прибыл сюда раньше меня, незадолго до того, как король Иоанн свистнул пароход Клеменса. Записался в армию Пароландо, быстро продвинулся по службе и отличился во время вторжения в Душевный Город...

Душевный Город предательски напал на Пароландо. Он стремился захватить контроль над нашими ресурсами метеоритного железа и над «Внаем не сдается» тоже. Им это почти удалось. Но Клеменс и еще несколько человек взорвали большую дамбу. Она была построена для накопления воды горной речки и строительства гидростанции. Взрыв дамбы высвободил много миллионов литров воды. Захватчики были уничтожены вместе с тысячами жителей Пароландо. Волна смыла в Реку также алюминиевый и сталелитейный заводы и несколько фабрик. Пароход тоже смыло, но его удалось спасти без особых повреждений.

Клеменсу пришлось все начинать заново, почти с нуля. В это тяжкое для нас время жители Душевного Города заключили союз с несколькими другими государствами и снова нас атаковали. Они были отбиты, но с большими потерями для нас. Пароландцам были необходимы бокситы, криолит, платина и киноварь. Их месторождения известны на Реке лишь в одном месте. Бокситы и криолит нужны для производства алюминия. Киноварь — руда, из которой добывают ртуть, а платина требуется для производства электрических контактов в различных приборах, а кроме того, она важный катализатор во многих химических процессах.

— Мне это известно,— сказала Джилл сухо.

— Извините меня,— ответил Пискатор с легкой улыбкой.— После неудачного нападения жителей Душевного Города Грейсток стал полковником, а после нашего успешного вторжения в Душевный Город его назначили губернатором этого города. Клеменсу был нужен крутой и беспощадный человек, а подобно большинству феодальных лордов Грейсток именно таков.

Однако несколько недель тому назад Душевный Город добровольно стал одним из штатов Соединенных Штатов Пароландо, полностью равноправным с материнским государством.

— Конечно,— тут Пискатор криво усмехнулся,— к этому времени месторождения минералов в Душевном Городе почти истощились. Проект «Воздушный корабль» больше в Душевном Городе не нуждается. Кроме того, благодаря процессу, который Грейсток именует смешением, а это, боюсь, очень многозначительный эвфемизм, первоначальный расовый состав населения города весьма сильно изменился. Изначально там преобладали американские негры середины двадцатого столетия плюс меньшинство из средневековых арабов — преимущественно фанатичных ваххабитов, а также дравидов из Древней Индии. Вследствие войн и сурового губернаторского правления Грейстока население Душевного Города теперь наполовину белое.

— Прямо какой-то дикарь,— сказала она.— Боюсь только, что настоящие дикари приняли бы мои слова за оскорбление.

— При нем там произошло несколько восстаний, которые пришлось жестоко подавить. Никого, знаете ли, в Душевном Городе не удерживали. Клеменс не разрешил бы рабовладения. Всем была дана возможность уйти, уйти с миром и даже со своими мирскими пожитками куда глаза глядят. Многие, однако, остались, дали клятву верности Пароландо, но занялись подрывной деятельностью.

— Партизанские вылазки?

— Навряд ли,— ответил Пискатор.— Вы же знаете, что топография здешней местности мало подходит для партизанских действий. Нет. По-видимому, многие граждане Душевного Города решили, что саботаж должен принять форму отдыха.

— Отдыха?

— Ну, с одной стороны, они при этом что-то зарабатывали, а с другой, так было все же лучше, чем отправляться вниз по Реке. Кроме того, многие мечтали о мести.

Надо отдать должное Грейстоку, обычно он всего лишь пинками выгонял саботажников из пределов города. Правда, при этом он вышвыривал их прямо в Реку. Впрочем, все это уже история, и к тому же имевшая место до моего прибытия сюда. А Грейсток приехал сейчас потому, что хочет стать членом команды корабля.

— Но у него же нет нужных знаний!

— Верно... но лишь с одной стороны. Он, конечно, не происходит из цивилизации с высокой технологией, мягко говоря. Зато умен, любознателен и быстро обучается. И хотя когда-то

был английским бароном и губернатором Душевного Города, вполне готов удовлетвориться должностью рядового члена экипажа. Его увлекает сама идея полета. Для него это что-то вроде магии. Фаербрасс обещал, что Грейсток полетит, если не окажется излишка людей с более высокой квалификацией. Имеется в виду, если случайно откуда-то вдруг не подвернется кто-то из членов экипажа «Графа Цеппелина» или «Шенандоа».

Пискатор улыбнулся.

У Грейстока рост был метр восемьдесят сантиметров, что для средних веков считалось очень высоким. Волосы черные, длинные и прямые; глаза большие серые; брови густые; нос, слегка напоминающий орлиный. Все эти черты весьма гармонично складывались в грубовато-красивое лицо. Плечи широкие, в талии узок. Ноги толстые, мускулистые, но длинные.

В это время он беседовал с Самуэло, причем его усмешка и тон казались весьма саркастичными. Пискатор сказал, что Грейсток ненавидит священников, несмотря на то что во время жизни на Земле отличался глубокой религиозностью. По-видимому, он так и не простил священнослужителям их нахальных претензий на знание правды о загробной жизни.

Пользуясь эсперанто, Грейсток говорил:

— Но ведь вы-то должны иметь хоть какое-то представление о том, кто такой этот ваш Ла Виро и кем он был на Земле? К какой расе принадлежал? Какова его национальность? Когда родился, когда умер? Был ли он из доисторических времен, античных, средних веков или из тех, которые люди более поздних времен именуют модерновыми? Кем он был на Земле — верующим, агностиком или даже атеистом? Какова была его профессия и занятие? Был ли женат? Имел ли детей? А может, он был гомосексуалистом?

Был ли чем-то известен в свое время? А может, он вообще Христос? И именно поэтому остался анонимным, зная, что никто тут не поверит в его брехню во второй раз?

Самуэло угрюмо поморщился, но все же ответил:

— Я очень мало знаю о Христе; только то, что мне рассказывали о нем, а это не так уж много. Все, что я знаю о Ла Виро, это то, что передавалось из уст в уста. Говорят, что он высокого роста, белокожий, но смуглый, и кое-кто думает, что он выходец из Персии.

Но все это мелочи. Важны не его физический облик и не его прежняя история. Значение имеет лишь его послание.

— Которое я слыхал от священников вашей Церкви много раз,— отозвался Грейсток.— И в которое я верю не больше, чем в вонючую брехню вонючих же попов, которую мне сбывали в мое время как чистую божественную истину!

— Это ваше дело, хотя и не ваше право,— сказал Самуэло. Грейсток, казалось, удивился. Джилл тоже не поняла смысла сказанного.

Грейсток громко заявил:

— Все вы, попы, несете дикую хренятину! — и отошел с мрачной миной.

Пискатор, наблюдавший за ним, улыбнулся:

— Опасный человек. Но интересный. Вам следовало бы послушать его рассказ о путешествии с арктурианцем.

Брови Джилл поднялись на лоб.

— Да, он был знаком с существом, которое прибыло на Землю с планеты звезды Арктур. По-видимому, это существо прибыло вместе с другими такими же на космическом корабле в две тысячи втором году нашей эры, и ему пришлось уничтожить все человечество. Хотя он и сам умер. Страшная история, но правдивая. Фаербрасс может сообщить вам некоторые детали. Он жил на Земле, как раз когда это произошло.

Глава 16

Желая познакомиться с Грейстоком, Джилл начала пробираться к нему сквозь толпу. Но прежде чем она добралась до англичанина, ее остановил Фаербрасс.

— Курьер только что сообщил мне, что установлен радиоконтакт с «Марком Твеном». Хочешь поучаствовать в нашем пауау?* Может быть, тебе повезет и ты поговоришь лично со знаменитым Сэмом Клеменсом.

— Неужели же нет! — воскликнула она.— И большое спасибо за приглашение.

Джилл последовала за Фаербрассом к его «джипу», который стоял у подножия лестницы. Он был изготовлен из стали и алюминия и снабжен пневматическими нейлоновыми шинами. Его

* Беседа, совещание, церемония *(амер. жаргон)*.

шестнадцатицилиндровый двигатель работал на спирту, произведенном из древесины.

Всего собралось пять пассажиров: Фаербрасс, Галбирра, де Бержерак, Шварц и Харди. «Джип» ходко рванулся с места и пошел нырять по узким ложбинам между холмов. Его яркие фары вырывали из темноты траву, нарезанную машинами, разбросанные здесь и там хижины, заросли невероятно быстро растущего бамбука, доходящего до 31 метра, или 100 футов, в высоту. Оставив холмы позади, они помчались по равнине, полого спускавшейся к Реке.

Мимо Джилл проносились освещенное здание алюминиевого завода, сталелитейный завод, винокуренный, сварочная мастерская, арсенал, оружейный и цементный заводы, а также здание правительства. В последнем находились и редакция газеты, радиостанция и там же — кабинеты высших чиновников.

Колоссальный ангар располагался ниже по течению, с подветренной стороны от других зданий. Выше — до гор, что лежали к западу, тоже тянулись цепочки огней. Там строилась плотина, которая должна была заменить взорванную Клеменсом.

«Джип» миновал ангар. Паровой локомотив, работавший на спирту, профыркал мимо, таща за собой три платформы с наваленным на них алюминиевым прокатом. Он въехал в ярко освещенные ворота ангара, остановился, и огромный крюк крана опустился к задней платформе. Вокруг толпились рабочие, готовясь прицепить крюк к стальным канатам, связывающим балки.

«Сити-холл» располагался в северном конце улицы. «Джип» остановился у подъезда, пассажиры выбрались из машины и прошли между двумя массивными колоннами. Джилл подумала, что здание на редкость безвкусно, если судить с точки зрения архитектуры. Да и в ландшафт оно никак не вписывалось. Издали этот район выглядел как гибрид между Парфеноном и Руром, телепортированным на задворки Гаити.

Комплекс офисов Фаербрасса был расположен слева от входа в огромный холл. Шесть стражей охраняли дверь, каждый был вооружен однозарядной винтовкой, стрелявшей восьмидесятикалиберными пластиковыми пулями. На поясах у них висели палаши и кинжалы. Радиорубкой служила большая комната рядом с конференц-залом и святая святых — личными покоями Фаербрасса. Они вошли в рубку и увидели несколько человек, собравшихся вокруг радиста. Тот подкручивал рукоятки приборов, вставленных в большую панель, перед которой он сидел. Услышав, как хлопнула дверь, открытая могучим толчком его главного начальника, радист поднял глаза.

— Я разговаривал с Сэмом,— сказал он.— Но секунд тридцать назад контакт прервался. Погодите-ка! Кажется, я снова его поймал.

Из динамика раздалась целая серия трескoв и визгов. Внезапно помехи ослабли и, перекрывая шум, раздался голос. Оператор снова подкрутил верньер настройки и уступил свой стул Фаербрассу.

— Говорит Фаербрасс. Это ты, Сэм?

— Нет. Подождите минуточку.

— Это Сэм,— сказал приятный низкий голос.— Это ты, Милт?

— Он самый. Как вы там, Сэм? Как идут дела?

— На сегодняшний день, Милт, электронный измеритель показывает, что мы прошли семьсот девяносто две тысячи четырнадцать миль. Если хочешь, можешь перевести их в километры. Я предпочитаю старую систему измерений, а поэтому мы... Ладно, все это тебе известно. Неплохо для трехлетнего плавания, а? Но чертовски утомительно. Улитка и та добралась бы до Северного полюса быстрее, чем мы, если бы она могла ползти по прямой. Ох, извини, по дуге большого круга. А потом у нее хватило бы еще времени построить для нас огромный отель и заработать колоссальные деньги, сдавая комнаты моржам, которые ожидали бы нашего прибытия. Даже если б улитка проползала только милю за каждые двдцать четыре часа, а мы делали бы в среднем восемьсот миль в сутки.

Что же касается небольших затруднений... (фырканье, треск).

Фаербрасс подождал, пока передача улучшилась, а затем прокричал:

— Все остальное в порядке, Сэм?

— Роскошно,— ответил Сэм.— Ничего неожиданного не произошло. Это значит, что у нас постоянные чрезвычайные ситуации, постоянные затруднения, не хватает лишь мятежей экипажа, а ссор много. Мне пришлось кое-кого даже вышвырнуть за борт. Если так будет продолжаться, то ко времени прохождения миллионной отметки я буду единственным человеком на борту из тех, кто отплыл со мной из Пароландо.

Снова треск. А потом Джилл услышала голос — такой низкий, что можно было подумать, что он раздается со дна глубоко-

го колодца. Она почувствовала, как по ее шее побежали холодные мурашки.

Сэм сказал:

— Чего тебе? Ох, ну конечно! Про тебя-то я и забыл, хотя это и нелегко, когда ты дышишь мне прямо в затылок самогоном. Джо говорит, что он тоже будет на палубе. Он хочет сказать тебе «привет». Джо, скажи ему «привет».

— Привет, Милт.

Словно гром, грохочущий в бочке.

— Как идут делишки?

— Здорово, я надеюзь. Зэм, он вроде бы зазкучал из-за шлюхи, которая збежала от него. И еще он опять видел плохие зны назчет этого Эрика Кразнобородого. Я велел ему воздержатьзя от замогону, и взе будет о'кей. У него нету зпирта, чтоб напиватьзя, а перед ним вечно зтою я как пример трезвозти.

Джилл взглянула на Харди и начала:

— Что за...

Харди широко улыбнулся:

— Да, он гундосит. Джо Миллер по размерам больше двух Голиафов, вместе взятых, но он гундосит. Джо принадлежит к расе недочеловеков, которую Сэм называет Titanthropus clemenci*, хотя, как мне кажется, Джо просто гигантский вариант homo sapiens. Но в любом случае они вымерли на Земле этак пятьдесят—сто тысяч лет назад. Он и Сэм встретились много лет назад и с тех пор неразлучные друзья. Дамон и Пифий. Роланд и Оливье.

— Скорее уж как Матт и Джефф или Лорел и Харди**,— пробормотал кто-то.

— Харди? — спросил Харди.

— Заткнитесь,— сказал Фаербрасс.— Ладно, Сэм. У нас все на орбите. У нас отличный новый кандидат, по-настоящему первоклассный офицерский материал. Австралийка по имени Джилл Галбирра. Налетала больше восьмисот часов, имеет опыт полетов на дирижабле и степень по машиностроению. Как тебе это понравится?

Треск. Затем:

— Женщина?

* Титантроп Клеменса.

** Заимствованные из литературы и фольклора примеры крепкой мужской дружбы.

— Ага, Сэм. Я знаю, что в твои времена на речных пароходах не бывало женщин-лоцманов, а на железных дорогах — машинистов. Но в мои — женщины были и летчиками, и жокеями, и даже астронавтами!

Джилл почувствовала, что оттаивает, и наклонилась к нему.

— Дайте мне поговорить с ним,— выдавила она,— я скажу этому сукину сыну...

— Да он не возражает. Он просто удивился,— сказал Фаербрасс, поднимая взгляд.— Успокойся. Что тебя кусает? Он отличный парень. А если б он даже не был таким, то все равно не смог бы ничего изменить. Тут я — Numero Uno*. Сэм, она говорит, что рада познакомиться с тобой.

— Я ее слышал,— ответил Сэм и хмыкнул.— Слушай... (треск, шипение, шумы)... а когда?

— Статические разряды глушат все к чертовой матери! — кричал Фаербрасс.— И ты куда-то исчезаешь. Думаю, нам дольше не удастся держать контакт. Поэтому буду краток. У меня набрана далеко не вся команда, но до окончания строительства большого корабля пройдет еще не меньше года. К этому времени у меня, возможно, будет полный состав. Если же нет, то какого черта? Авиационных пилотов и механиков тут на пятак дюжина, а обучить их воздухоплаванию — пара пустяков.

— Слушай...— Он замолчал, оглянулся вокруг, хотя Джилл не могла понять почему, и спросил: — Что-нибудь было от Икса? Ты...

Разряды обрушились на его голос, скомкали его, и было ясно, что даже обрывки слов не долетают до слушателя. Попробовав в течение еще нескольких минут снова связаться с Клеменсом, Фаербрасс окончательно отступился.

Джилл спросила у Харди:

— А что это там такое насчет Икса?

— Не знаю,— ответил янки,— Фаербрасс говорит, что у них с Сэмом просто такая шутка.

Фаербрасс выключил радио и встал со стула.

— Ладно, время уже позднее, а завтра у нас хлопот полон рот. Ты не хочешь, чтоб Вилли отвез тебя домой, Джилл?

— Мне не нужно никакого эскорта,— отчеканила она.— И я с удовольствием пройдусь пешком. Нет, спасибо.

* Номер первый *(исп.)*.

Одетая в свои скрепленные магнитными скрепками полотнища, Джилл не торопясь шла по равнине. Еще до того, как она подошла к первому холму, она обратила внимание, что по сверкающему небу быстро несутся рваные ошметки облаков. Она вынула из наплечной сумочки палочку мечтательной резинки, отломила половину и сунула ее в рот. Ей казалось, что прошли целые годы с тех пор, как она последний раз жевала ее.

Теперь, ворочая языком отдающий кофе кусочек резинки, она сама не могла понять, почему так внезапно, почти бессознательно решила снова прибегнуть к резинке. Какой тайный мотив был у нее для этого? Это было фактически почти неосознанное действие. Если бы у нее не выработалась привычка анализировать все свои поступки и мысли, она вообще могла не заметить того, что сделала.

На севере сверкнула молния. А затем обрушился дождь — как песок, сыплющийся из вспоротого балластного мешка. Джилл накинула на голову капюшон и ссутулилась. По голым ногам стекали струйки воды, но ткань одежды была водоотталкивающей.

Джилл отодвинула засов на двери хижины. Войдя, она сняла с плеча сумку, открыла ее и достала тяжелую металлическую зажигалку из тех, что дважды в год выдавались граалем. Ощупью она добралась до стола, на котором стояла спиртовая лампа — подарок Фаербрасса. Гроза приближалась, и при ярких вспышках молний она смогла различить очертания лампы.

Что-то коснулось ее плеча.

Джилл вскрикнула и круто обернулась, уронив зажигалку на пол. Сделала рефлекторный выпад правой рукой, сжатой в кулак. Чья-то рука перехватила ее запястье. Она нанесла удар коленом, целясь туда, где, как она надеялась, должен находиться низ живота противника. Колено скользнуло по его бедру, и другая рука цепко сжала запястье второй руки. Джилл обмякла, и это обмануло нападающего. Он хихикнул и крепко прижал ее к себе. Теперь Джилл смутно могла различить его, так как вспышки молний все еще слегка рассеивали мрак хижины. Его нос оказался прямо перед лицом Джилл — совсем близко, но чуть ниже ее собственного носа, так как противник был не очень высок.

Она быстро наклонила голову и, вцепившись зубами в кончик его носа, с силой откинула голову назад. Мужчина взревел от боли и отпустил Джилл. Прикрывая руками лицо, он отступил

на несколько шагов. Она последовала за ним, и на этот раз ее нога с силой нанесла удар вверх, попав прямо в цель. Хотя на Джилл не было сапог, удар ее твердых пальцев заставил насильника рухнуть на пол, корчась и зажимая руками ушибленные гениталии.

Джилл подскочила к лежавшему и несколько раз прыгнула на него. Ломаясь под ее тяжестью, его ребра громко хрустели. Соскочив с врага, она наклонилась и схватила его за уши. Он попытался было дотянуться до нее, но Джилл с силой рванула уши к себе. Они оторвались с омерзительным треском.

Мужчина, не обращая внимания на страшную боль от ушибленных гениталий и сломанных ребер, все же умудрился подняться с пола. Джилл тут же нанесла ему рубящий удар по шее краем ладони. Он снова упал, а она отошла к столу и зажгла лампу, еле удерживая зажигалку в прыгающих пальцах. Фитиль занялся, и, когда пламя охватило его, Джилл повернула рычажок, помещавшийся на боку корпуса лампы. Наладив освещение, она повернулась и снова дико закричала.

Мужчина уже стоял на ногах; больше того, он успел вырвать из зажимов висевшее на стене копье и теперь готовился нанести Джилл решающий удар.

Лампа вылетела у нее из рук — реакция была мгновенной и убийственной для противника. Лампа попала ему прямо в лицо, разбилась вдребезги, и спирт струей побежал по лицу и груди нападавшего.

Взвились языки пламени. Мужчина страшно вскрикнул и слепо — из глазных провалов рвалось пламя — кинулся к ней. Только теперь она поняла, кто он такой.

Джилл пронзительно выкрикнула: «Джек!», но он уже набросился на нее, обхватил пылающими ручищами, сшиб с ног, так что она рухнула на спину и воздух со свистом вырвался у нее из легких. Не в силах вздохнуть, но обуреваемая стремлением любой ценой вырваться из его горящих рук, она с нечеловеческой силой оттолкнула Джека и откатилась в сторону. Несгораемая ткань одежды пока спасала Джилл от ожогов.

Но прежде чем Джилл успела вскочить на ноги, Джек схватил ее за подол и рванул к себе. Магнитные скрепки не выдержали. Обнаженная, она поднялась с пола и кинулась к копью, валявшемуся там, где его уронил Джек. Джилл наклонилась, что-

бы поднять копье, но Джек уже навалился на нее сзади, его пышущие пламенем ладони сжали обнаженные груди, а раскаленный добела член скользнул в глубины ее естества.

Пронзительные вопли сражающихся бились о стенки хижины, и каждый раз эхо, казалось, придавало им еще большую силу. Джилл чувствовала, что она поджаривается, горит, что последние капли влаги покидают ее тело. Она ощущала это и нутром, и грудью, и ягодицами, и даже ушами, как будто эхо, бившееся о стены, тоже пылало.

Джек уже вставал, опираясь на подгибающиеся руки и колени. Его волосы сгорели дотла, голый черный череп проступал в черных рубцах и складках, местами эта корка лопалась, открывая свернувшуюся красно-черную кровь и черно-серую кость. Единственным освещением хижины служило пламя, все еще пожиравшее лицо Джека, его грудь, живот и пенис — маленький, сморщенный, будто после оргазма слияния страсти и ненависти. Время от времени в хижине светлело — это молнии били в землю снаружи.

Теперь Джилл была уже на ногах; она бросилась к двери, чтоб вырваться туда, где благословенный дождь погасит огонь и утишит боль ее поверхностных ожогов. И все же Джеку каким-то образом удалось ухватить ее за колено. Она снова тяжело упала, опять потеряв способность дышать. И вновь Джек набросился на нее, издавая странные каркающие звуки... Может быть, его язык тоже выгорел?.. И снова обоих обволокло полотнище огня.

Джилл катилась вниз по крутому воплю животной агонии, туда, где глубоко-глубоко внизу затаилась пропасть, горловина которой ширилась, чтобы проглотить ее в тот момент, когда Джилл рухнет к центру того мира, где тяжело билось сердце всего сущего.

Глава 17

Лицо Джека нависало над ней. Оно казалось независимым от тела и медленно колыхалось в воздухе, как воздушный шар. Короткие рыжеватые волосы, широкое красивое лицо, блестящие синие глаза, сильный подбородок и полные улыбающиеся губы...

— Джек,— пробормотала она, но лицо тут же растворилось и превратилось в другое, к тому же приделанное к телу.

Лицо тоже было широкое и красивое, с высокими скулами, черными глазами с косыми складками век и волосами прямыми и черными.

— Пискатор?

— Я услышал ваши крики.— Он наклонился и взял ее руки в свои.— Вы в состоянии встать?

— Думаю, да,— ответила она дрожащим голосом. Впрочем, с его помощью она поднялась довольно легко. Обнаружила, что ни грома, ни молний больше нет. Да и дождь прекратился, хотя капли воды все еще продолжали стекать с листьев. Дверь хижины была распахнута, снаружи царила непроглядная тьма. Только облака еще не исчезли. Нет, вон там, чуть дальше, внезапно возник силуэт холма. А за ним — разрыв облака и бледное сияние газового покрова, в который вставлены тысячи гигантских звезд.

Джилл вдруг осознала, что она полностью обнажена. Она глянула вниз и увидела, что ее груди покраснели, будто находились слишком близко к огню. Пока она рассматривала свое тело, краснота исчезла.

Пискатор заметил:

— Я было подумал, что вы слегка обгорели. Ваши груди и лобок воспалились, распухли, покраснели. Но никаких следов пожара здесь нет.

— Пламя было не снаружи, а внутри меня,— сказала Джилл.— Мечтательная резинка.

Его брови поднялись.

— Ах вот как!

Она расхохоталась.

Он помог ей добраться до лежака, и она легла с тяжелым вздохом. Легкий жар внутри влагалища теперь почти исчез. Пискатор суетился, укрывая ее полотнищами, давая ей напиться дождевой воды, которую зачерпнул из бамбукового бочонка, стоявшего за дверью. Она выпила воду, держа чашу с водой в одной руке и опираясь на локоть другой.

— Спасибо,— сказала она.— Надо было быть поумнее и не накидываться на резинку. Но я была в депрессии, а когда я в таком настроении, резинка дает странные результаты. Все кажется таким ужасным и таким реальным. Мне бы и в голову не пришло усомниться в реальности видения, хотя оно явно было совершенно невероятным.

Он ответил:

— Последователи Церкви Второго Шанса пользуются мечтательной резинкой в своей терапии, но делают это под строгим контролем. Похоже, что это действительно дает благотворные результаты. Но мы к этому средству не прибегаем, кроме как на начальной стадии обучения и только в индивидуальном порядке.

— Мы?

— *Эль-Ахл-Эль-Хагг,* последователи культа Реальности. То, что вы — люди Запада — называете суфизмом*.

— Я так и думала.

— И должны были понять после того разговора, который у нас был.

Она с трудом перевела дух и спросила:

— Когда это было?

— Этим утром.

— Должно быть, это все резинка,— пробормотала она.— Я с ней покончила навсегда. Никогда больше не прикоснусь к этой проклятой дряни! — Она села и сказала: — Вы ведь не расскажете Фаербрассу об этом, правда?

Теперь Пискатор уже не улыбался.

— Вы перенесли сильнейший психический шок. Он вызвал ожоги, появление стигматов на теле, имеющих чисто психическое происхождение... ну...

— Я больше не стану употреблять резинку. Вы же знаете, не в моем обычае давать пустые обещания. Я не наркоманка. Умственно я вполне устойчива.

— Вы очень встревожены,— сказал он.— Будьте честны со мной, Джилл. Я ведь могу вас так называть, верно? У вас уже были приступы такого рода? Сколько и как сильны они были? Иначе говоря, как долго они длились? И как много времени потребовалось на то, чтобы оправиться после них?

— Ни одного приступа в последнее время, если использовать вашу терминологию,— ответила она.

— Очень хорошо. Я никому не скажу ни слова. То есть в том случае, если повторения не последует. Вы будете честны со мной

* Суфизм — мистическое течение в исламе. Возникло в VIII–IX вв. н. э. Характерно сочетание идеалистической метафизики с аскетической практикой, учение о постоянном приближении через мистическую любовь к познанию Бога и слиянию с ним.

и скажете мне, если с вами произойдет снова что-либо подобное? Договорились? Вы же не захотите подвергать опасности наш корабль только потому, что вам отчаянно хочется стать членом его команды?

— Нет, ни в коем случае,— сказала она. Но эти слова дались ей с большим трудом.

— Тогда пока оставим все как было.

Джилл снова приподнялась на локте, не замечая, что полотнище соскользнуло и обнажило ее грудь.

— Слушайте, Пискатор. Будьте честны и вы со мной. Если бы вы получили пост ниже, чем я, к чему, кажется, идет дело, если Фаербрасс действительно делает назначения, исходя из опыта, вам было бы неприятно служить под моим началом?

— Ни в малейшей степени,— ответил он, улыбаясь.

Она снова легла, натянув на себя покрывало.

— Вы ведь выходец из общества, где женщин держат в приниженном положении. Ваши женщины практически находятся на положении тяглового скота. Они...

— Все это в прошлом, давно ушло, умерло и осталось далеко позади,— ответил он.— Да и я не типичный мужчина — японский, другой ли. Вам следует избегать стереотипов. В конце концов, это именно то, что вы ненавидите, против чего сражались всю жизнь, ведь так? Против мышления стереотипами?

— Вы правы,— призналась она.— Но это условный рефлекс.

— Мне кажется, я уже говорил с вами об этом. Однако повторение — мать учения. Вам следует научиться думать по-другому, не так, как раньше.

— И как это сделать?

Он поколебался и ответил:

— Вы узнаете, когда подойдет время для такой попытки. И узнаете того, к кому следует обратиться за помощью.

Джилл знала, что он ждет, чтоб она попросила его принять ее в качестве ученицы. Но она не собиралась этого делать. Она просто не верила в организованную религию. Правда, суфизм не был религией, но тем не менее его адепты были религиозны. Такой штуки, как суфий-атеист, просто не могло быть на свете.

Она же — атеистка. И несмотря на воскрешение, она не верила в Творца. Во всяком случае в такого, который лично интересуется ее судьбой или судьбой какого бы то ни было другого существа. Люди, почитающие божество, рассматривающее чело-

веческие существа в качестве его детей... кстати, а почему Дух всегда *он?* Разве не логичней, поскольку Бог не имеет пола, называть его *оно?*.. Так вот, люди, верящие в Бога, были обмануты. Эти люди могли обладать интеллектом, но умственно они все равно были ограничены. Видимо, тормоза той части мозга, которая ведает религиозными взглядами, у них поставлены в неправильное положение и крутились впустую. Или же цепь религиозности была отключена от главной системы интеллекта.

Неудачная аналогия. Люди пользуются интеллектом, чтоб оправдать существование чего-то неинтеллектуального, некоего феномена, основанного только на эмоциях и называемого религией. И часто делают это с блеском! Но, с ее точки зрения, не принося никому ни грамма пользы.

Пискатор сказал:

— Вы хотите уснуть. Отлично. Если я вам понадоблюсь, то не стесняйтесь позвать меня.

— Вы же не врач,— возразила она,— зачем же вы...

— Вы обладаете потенциалом. И хотя нередко действуете глупо, вы все же не дура. Правда, время от времени вы склонны обманывать себя и делаете это даже в данную минуту. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Он быстро поклонился и вышел, закрыв за собой дверь. Она хотела было окликнуть его, но что-то ее остановило. Она хотела спросить, что он делал возле ее хижины, когда услышал ее крики. Ведь было уже совсем поздно. Впрочем, разве это важно? И все же... Что он тут делал? Хотел соблазнить ее? Попытка изнасилования, разумеется, отпадала. Она была куда крупнее его, и хотя он, надо думать, был мастером боевых искусств, но ведь она и тут не уступала ему. Больше того, его позиция как офицера корабля серьезно пострадала бы, если бы она выдвинула против него обвинения.

Нет, он тут был не для того, чтобы соблазнить ее или изнасиловать. Он не был похож на тех мужчин, что способны на это. А с другой стороны, как бы мягко он ни действовал, разве не все мужчины одинаковы? Нет, в нем было что-то такое... она не любила пользоваться таким неточным и научно не обоснованным термином, как *вибрация,* но тут он был вполне уместен. Впрочем, он явно не излучал волн той частоты, которые классифицировались как «дурные флюиды».

И только тогда она вспомнила, что он не попросил ее описать свои ощущения. Если он и был любопытен, то ему удалось это ловко скрыть. Возможно, он ощущал, что, если бы она хотела поделиться с ним деталями своих сновидений, она бы сделала это сама, без его просьбы. Он очень тонко чувствующий человек, хорошо понимающий других людей.

Что же означало это страшное нападение Джека? Что она боится его или мужчин вообще? Боится мужского секса? Или того секса, в котором она играет роль мужчины? Этому она поверить не могла. Но эти иллюзии: мании? Явления? Они же явно символизируют чувство ненависти и стремления к разрушению. И не только по отношению к мужчинам вообще, но к самому Джеку в частности. Она подожгла его, но одновременно она жгла и насиловала себя — в определенном смысле. Правда, никакого смысла в этом не было. Уж она-то даже подсознательно не стремилась к тому, чтобы быть изнасилованной. Ведь только умственно неполноценная женщина может пожелать такого.

Может, она ненавидит себя? Ответ был — да, временами. Но кто же не ненавидит себя иногда?

Через некоторое время она забылась беспокойным сном. Ей снился Сирано де Бержерак. Они фехтовали на épées*. Описывающий сверкающие круги конец его клинка слепил ее, а затем ее оружие было выбито из рук, а клинок Сирано скользнул к ней и вонзился прямо в пупок. Она ошеломленно глядела вниз на клинок и на то, как он выходит из ее тела, но кровь из пупка не шла... Вместо этого он вспух, раздался, и затем из опухоли показалось тонкое жало стилета.

Глава 18

Соприкосновение с холодной водой привело Бёртона в сознание. Наверное, не меньше минуты он провел под водой и теперь в этой темноте никак не мог понять, где тут верх, а где низ.

Была лишь одна возможность выяснить это. Сделав пять гребков, он почувствовал, что давление на его барабанные перепонки растет. Изменив положение тела, он поплыл в том направлении, которое, как надеялся, можно было назвать противоположным. Насколько Бёртон мог судить, с тем же успехом могло

* Эспадроны *(фр.).*

оказаться, что он движется по горизонтали. Однако давление воды явно падало, и как раз в то мгновение, когда, казалось, он уже больше не сможет оставаться без воздуха, он всплыл на поверхность.

И тут что-то крепко двинуло его по голове, снова погрузив в полубессознательное состояние. Слабеющая рука Бёртона ударилась о какой-то предмет и ухватилась за него. Он ничего не видел в этом тумане, но на ощупь все же определил, что это за штука, которая держит его на плаву. Оказалось — здоровенное бревно.

Вокруг царил настоящий бедлам — крики, вопли, кто-то совсем рядом звал на помощь. Как только он снова обрел способность думать, он отпустил бревно и поплыл в направлении женщины, звавшей на помощь. Когда Бёртон подплыл ближе, оказалось, что это голос Логу. Еще несколько гребков приблизили его к ней вплотную, настолько близко, что он смог смутно различить черты ее лица.

— Успокойся! — сказал он.— Это я — Дик.

Логу ухватилась за его плечи, и они оба тут же пошли ко дну. Он боролся с ней, оттолкнул от себя, а затем обхватил ее со спины. Логу что-то пробормотала на своем родном тохарском языке. Он ответил ей на нем же:

— Не паникуй. Мы в безопасности.

Логу, задыхаясь, прошептала:

— Я за что-то ухватилась. Так что теперь не утону.

Бёртон отпустил ее и вытянул руку. Еще одно бревно. Столкновение, должно быть, оторвало несколько бревен от носовой части плота. Но где же его корабль и где этот проклятый плот? И где находятся они — Логу и он?

Вернее всего, они провалились в щель, образовавшуюся, когда удар плота оторвал от него несколько бревен. Но ведь в этом случае течение должно было наверняка бросить основную часть плота, оставшуюся целой, прямо на скалу, размозжив всех, кто оказался бы между плотом и скалой. Но может, их отнесло течением за выступ острова и теперь оно уносит их куда-то дальше?

Если так, то они оказались в мешанине свободно плавающих бревен и обломков корабля. Не они ли и напирают со всех сторон на него и Логу?

Логу застонала и пожаловалась:

— Мне кажется, у меня сломаны ноги, Дик. Очень уж болят.

Бревно, за которое они уцепились, было толстое и длинное, такое, что его концы терялись в туманной мгле. Им приходилось изо всех сил хвататься слабеющими пальцами за грубую кору. Еще немного — и хватка непременно ослабнет.

Неожиданно сквозь серый туман донесся голос Моната:

— Дик! Логу! Вы здесь?

Бёртон крикнул в ответ, и минуту спустя что-то с силой ударилось о бревно. Эта штука больно стукнула Бёртона по пальцам, заставив его вскрикнуть и опять соскользнуть в воду. Он с трудом вскарабкался обратно, но тут конец шеста стремительно вылетел из тумана подобно змее, кидающейся на добычу из засады. Чуть-чуть правее — и шест оглушил бы его, а может, и проломил бы ему череп.

Он ухватился за шест и прокричал Монату, когда тот уже подтягивал его куда-то:

— Логу тоже здесь! Поосторожней с этим шестом!

Монат подтянул Бёртона к тому, что было краем плота, и Казз одним рывком вытянул его на бревна. Монат снова сунул шест в туман. Через минуту он вытащил и Логу. Она находилась в полубессознательном состоянии.

— Достаньте одежду и заверните ее. Ей надо согреться,— приказал Бёртон Каззу.

— Будет сделано, Бёртон-нак,— ответил неандерталец. Он повернулся и пропал в волнах тумана.

Бёртон сел на мокрую гладкую поверхность плота.

— Где остальные? Алиса жива?

— Они тут все, кроме Оунан,— ответил Монат.— У Алисы, по-видимому, сломано несколько ребер. Фрайгейт поранил колено. Что касается корабля, то его больше нет.

Бёртон еще не успел оправиться от шока, когда увидел свет нескольких факелов. Огни приближались, давая достаточно света, чтоб он мог разглядеть самих факельщиков. Их было около дюжины — низкие, смуглые, явно белой расы, с большими крючковатыми носами, одетые с головы до ног в полосатые и разноцветные одежды. Вооружены они были только ножами, покоившимися сейчас в ножнах.

Один из них заговорил на языке, который Бёртон определил как принадлежащий к группе семитских. Если так, то он, должно быть, относится к древнейшим языкам этой группы. И все же

Бёртону удалось понять несколько отдельных слов. Он ответил на эсперанто, и говоривший тут же перешел на него.

Последовал быстрый диалог. По-видимому, человек, стоявший на вышке, заснул, напившись спирта. Он выжил после падения, когда плот налетел на остров и их вместе с человеком, которого Бёртон видел взбирающимся вверх по лестнице, сбросило вниз.

Этому второму повезло меньше. Он сломал себе шею и умер. Что же касается удачи лоцмана, то она тоже была сомнительной. Разъяренные товарищи швырнули его за борт.

Те громкие скрежещущие звуки, которые Бёртон услышал перед тем, как его собственный корабль содрогнулся от удара, были результатом столкновения носа плота, имевшего форму буквы «V», сначала с доком, а потом и с самой скалой. В этот момент часть носовой структуры откололась, и многие из связок, сделанных из рыбьей кожи, лопнули. Именно эта заостренная носовая структура и приняла на себя большую часть инерции удара; иначе плот наверняка раскололся бы на несколько частей.

Правда, кусок правого «борта» все же оторвался, но его увлекла за собой главная часть плота. Именно это беспорядочное месиво толстых бревен и врезалось в «Хаджи-2», сокрушив у ватерлинии кормовую часть судна. Оторванная носовая часть погрузилась в воду, а задняя, разломанная на куски могучим ударом бревен, затонула, провалившись сквозь сито плавающих на поверхности бревен.

Бёртона швырнуло вперед, когда корабль ударило о скалу, потом он опять упал на палубу, а позже скатился по ее наклону и свалился в воду.

Команде невероятно повезло — никто не был убит и даже ранен. Правда, судьба Оунан пока была неизвестна.

Вообще дел навалилось немало. В первую очередь надо было заняться ранеными. Бёртон пошел туда, где в круге света трех факелов лежали остальные члены его команды. Алиса протянула к нему руки и вскрикнула, когда он обнял ее.

— Не жми,— простонала она,— у меня бок прямо горит.

К Бёртону подошел кто-то, сказавший, что ему велели помочь раненым. Обеих женщин унесли плотовщики, тогда как Фрайгейт, поддерживаемый Каззом и громко стеная, сам с трудом прохромал по палубе плота. К этому времени уже начало светать, и они могли видеть больше. Пройдя метров 60, то есть

около двухсот футов, они остановились перед большой бамбуковой хижиной с крышей, сделанной из огромных листьев железного дерева. Хижина была укреплена на плоту с помощью веревок, сплетенных из кожи, привязанных к кольям, вбитым в дыры, просверленные прямо в бревнах плота.

Внутри хижины находилась сложенная из камней платформа, на которой горел небольшой костер. Раненых положили поближе к огню на бамбуковые лежаки. К этому времени туман стал редеть. Светлело, и тут все вздрогнули, когда раздался грохот, будто тысячи орудийных снарядов взорвались одновременно. И хоть каждый слышал этот звук ежедневно, все подскочили. Это питающие камни высвободили свою энергию.

— Вот мы и остались без завтрака,— сказал Бёртон.

И вдруг он резко поднял голову.

— А граали? Хоть кто-нибудь из вас спас свой грааль?

Монат ответил:

— Нет, они все потонули вместе с кораблем! — Его лицо перекосилось от горя, и он зарыдал.— Наверно, и Оунан тоже утонула!

В дрожащем свете факелов они безмолвно смотрели друг на друга. Их лица еще были бледны от перенесенных испытаний, но теперь они побелели, если это было возможно, еще сильнее. Кто-то застонал. Бёртон выругался. Ему тоже было жаль Оунан, но теперь он и его друзья стали нищими, зависящими от милости чужих. Лучше было умереть, чем жить без граалей, и в былые дни те, кто терял граали, могли совершить (и часто совершали) самоубийство. Ведь на следующий день они просыпались где-то вдали от своих друзей, но зато с собственным источником еды и кое-каких предметов роскоши.

— Что ж,— сказал Фрайгейт,— мы можем питаться рыбой и желудевым хлебом.

— До конца своих дней? — огрызнулся Бёртон, скаля зубы.— А они, насколько мы знаем, могут длиться бесконечно.

— Я просто попытался посмотреть на вещи с солнечной стороны,— ответил американец.— Хотя и она, признаться, весьма мрачновата.

— А почему бы нам не заняться проблемами по мере их возникновения? — спросила Алиса.— В данный момент я бы предпочла, чтобы вы осмотрели мои ребра, и, я уверена, бедная Логу тоже хотела бы, чтобы ей вправили кость и наложили повязку.

Тот человек, который привел их в хижину, занялся лечением больных. Покончив с этим и облегчив страдания пациентов с помощью небольших кусочков мечтательной резинки, он вышел из хижины. Бёртон, Казз и Монат последовали за ним. К этому времени солнце уже почти выжгло туман. Через несколько минут он должен был полностью исчезнуть.

Вид был впечатляющий. Весь нос плота, имевший заостренную форму, отломился, когда он вылез на берег и сломался о камень рифа. Причалы и лодки ганопо превратились в щепки, скрывшиеся под грудой бревен, громоздившейся на берегу. Главная часть плота тоже выскочила на берег метров на 13. Несколько сотен плотовщиков стояли возле обломков кораблекрушения, оживленно разговаривая, но явно ничего конструктивного не предпринимая.

Слева бревна прижимало течением прямо к отвесной части острова. Нигде не было и следа ни «Хаджи-2», ни Оунан. Надежды Бёртона, что ему удастся как-нибудь раздобыть хоть несколько граалей, оказались развеяны.

Бёртон оглядел плот. Тот, хоть и потерял свою переднюю часть, все еще был колоссален. В длину он имел по меньшей мере 660 футов, или 201 метр, а в самой широкой части достигал 122 метров. Его корма, так же как и нос, имела V-образную форму.

В центре плота стоял огромный округлый черный объект, который Бёртон видел плывущим над пологом тумана. Этим предметом оказалась голова громадного идола, высотой футов в 30, то есть около 9 метров. Черный, толстый и безобразный идол как бы придавливал все, что его окружало. Он сидел скрестив ноги; спину его усеивали кресты, похожие на извивающихся ящериц. Голова была головой демона. Синие глаза сверкали, широкий оскаленный рот обнажал множество острых белых больших зубов, похожих на акульи.

Они, как потом понял Бёртон, были вырваны у речного дракона и вставлены в окрашенные красной краской десны.

В самом центре отвисшего брюха идола виднелось круглое отверстие. Внутри его находился каменный очаг, в котором теплилось пламя. Дым поднимался куда-то вверх, выходя наружу из похожих на крылья летучих мышей ушных раковин идола.

Впереди, почти на самом носу плота, валялась на боку смотровая вышка; ее подпорки подломились в самом низу в момент столкновения плота с островом. Возле вышки все еще лежал труп.

Еще на плоту виднелось несколько больших строений, меж которыми там и сям были разбросаны более мелкие. Несколько небольших хижин обрушилось, а одна из высоких конструкций как-то нелепо перекосилась.

Бёртон насчитал десять высоких мачт с квадратными парусами и двадцать более низких, несших кормовое и носовое парусное вооружение. Все паруса были убраны.

Вдоль бортовых краев плота были установлены специальные подставки с закрепленными на них лодками разных размеров.

Позади идола возвышалось самое большое из зданий. Возможно, это было жилище вождя, а возможно — святилище. Или то и другое сразу.

Вдруг заревели деревянные трубы и громко загремели барабаны. Увидев, как люди бегут к этой большой постройке, Бёртон решил к ним присоединиться. Толпа собралась на части плота между идолом и строением.

Бёртон держался позади толпы, в том месте, откуда он мог все хорошо слышать, но одновременно поближе к статуе, которая его очень интересовала. Маленькая незаметная царапина, которую он сделал своим кремневым ножом, показала, что статуя изготовлена из глины, покрытой черной краской. Любопытно, подумал Бёртон, откуда взялись краски для тела, глаз и десен идола? Красящие вещества в этом мире были очень редки, что чрезвычайно огорчало художников.

Вождь (или главный жрец) был выше всех своих соплеменников, хотя и на полголовы ниже Бёртона. Он носил накидку, килт с голубыми, красными и черными полосами и деревянную корону с шестью зубцами. В правой руке вождь держал длинный дубовый пастуший посох. Вождь ораторствовал, стоя на платформе, сооруженной у входа в его жилище. Нередко вождь жестикулировал своим посохом; глаза его пылали, а из уст лился поток слов, из которых Бёртон не мог узнать ни одного. Примерно через полчаса вождь слез с платформы, а толпа начала разбиваться на рабочие группы.

Часть людей отправилась на остров, чтобы собрать бревна, оторванные от носа плота, и сложить их в кучу. Другие ушли на корму, туда, где V-образная часть соединялась с главным телом плота. Они притащили огромные весла и стали вставлять их в уключины. Затем, подобно смене галерных рабов, начали работать веслами в ритме, заданном глухим уханьем барабанов.

По-видимому, они решили развернуть корму так, чтобы течение подхватило ее, а затем сдвинуло бы и весь плот. Как только значительная часть кормы попадет на стремнину, плот сможет развернуться целиком и таким образом навсегда распрощается с островом.

Теория была неплоха, но практика ее не оправдала. Скоро стало ясно, что сначала необходимо каким-то образом освободить застрявшие на берегу бревна, а потом с помощью рычага поднять нос так, чтоб его можно было спихнуть с берега.

Бёртон хотел было поговорить с местным главноначальствующим, но тот сначала распростерся перед идолом, потом принялся низко и часто кланяться последнему и петь ему гимны. И хотя еще никому не удалось пока измерить глубину знаний Бёртона, но одно он знал твердо: прерывать религиозную церемонию — штука весьма опасная.

Бёртон походил взад и вперед, останавливаясь, чтобы осмотреть долбленки, каноэ и маленькие парусные суденышки, стоявшие на подставках или на катках, тянувшихся вдоль бортов плота. Затем он стал слоняться вблизи самых крупных построек. У большинства были двери, запиравшиеся снаружи. Убедившись, что за ним никто не следит, Бёртон быстренько оглядел некоторые из них изнутри.

Два строения оказались складами вяленой рыбы и желудевого хлеба. Еще одно — битком набито оружием. Четвертое являлось лодочной мастерской: в нем находились две наполовину законченные долбленки и сосновый остов каноэ. В пятом здании хранились различные изделия: ящики дубовых колец для меновой торговли, спиралевидные позвонки рогатой рыбы и ее же рога, похожие на рога нарвала, кучи рыбьих и человеческих кож, барабаны, бамбуковые флейты, арфы со струнами из рыбьих кишок, черепа, переделанные в кубки, веревки из растительных волокон и рыбьей кожи, кучи высушенных внутренностей речных драконов, годившиеся на паруса, каменные лампы для рыбьего жира, коробки с парфюмерией, марихуаной, сигарами, сигаретами, зажигалками (видно, все запасено для торговли или даров), около пятидесяти ритуальных масок и многое-многое другое.

Когда Бёртон вошел в шестое здание, он чуть не рассмеялся от радости. Это было место, где хранились граали. Высокие серые цилиндры стояли рядами на деревянных полках, ожидая появления своих владельцев. Бёртон насчитал их 350 штук. По одному граалю на каждого из примерно 310 плотовщиков; а это означало, что не меньше 30 граалей — лишние.

Беглое обследование выявило, что все граали, кроме тридцати, имеют на себе метки. На них были веревочки, привязанные к ручкам на крышках; к другим концам бечевок были прикреплены обожженные глиняные таблички с нанесенными на них клинообразными значками. Вероятно, это были имена владельцев. Бёртон поглядел на некоторые из табличек; знаки были похожи на те, которые он видел на фотографиях вавилонских и ассирийских письмен.

Бёртон попробовал поднять крышки на нескольких сосудах с привязанными табличками, но в этом, конечно, не преуспел. Видимо, существовал какой-то механизм, не позволявший никому, кроме собственника, открывать крышку грааля. На этот счет бытовало несколько теорий, одна из которых гласила, что чувствительный приборчик внутри грааля настроен на электрический потенциал кожи владельца и активизирует механизм, открывающий крышку.

Совсем другое дело граали без «номерков»; их некоторые англоязычные обитатели прозвали «дармовщинками».

Когда свыше 36 миллиардов умерших на Земле разом проснулись в целости и сохранности да еще молодыми в огромной речной долине, то каждый из них обнаружил подле себя свой грааль. В то же время оказалось, что каждый питающий камень имеет наверху углубления, в одном из которых уже находился такой грааль. Это было сделано Воскресителями, чтобы показать новым гражданам мира Реки, как им следует пользоваться граалями.

Каждый питающий камень выплюнул грохот и огонь, после чего любопытные люди вскарабкались на шляпки грибов и заглянули в оставленные там граали. О чудо из чудес! О бесконечная радость! Крышки граалей были откинуты, внутри на съемных полочках стояли тарелки и чашки, полные еды и всяких вкусностей.

В следующий раз, когда грибовидные камни разрядились, в них уже были вставлены индивидуальные граали, и они тут же обеспечили своих владельцев всем, в чем те нуждались, и даже сверх того, хотя человеческая природа такова, что кое-кто стал тут же жаловаться на недостаток разнообразия.

«Дармовщинки» приобрели огромную ценность. Люди отнимали их силой у других, воровали, убивали, дабы разжиться ими. Если человек имел личный грааль и «дармовщинку», то он или

она получали еды и предметов роскоши вдвое больше, чем им полагалось.

У Бёртона никогда не было «дармовщинки», а тут на полках их стояло целых тридцать штук!

Теперь проблема потерянных граалей была решена, если ему удастся уговорить вождя расстаться с ними. В конце концов, именно его плот виноват в гибели корабля и граалей экипажа. Он в долгу перед командой «Хаджи-2».

Пока с Бёртоном и его экипажем обращались честно. Он мог бы припомнить немало других групп, которые не дали бы им ничего — разве что вышвырнули бы их за борт, сначала подвергнув массовому изнасилованию женщин, а вполне возможно, что и мужчин.

Однако у гостеприимства плотовщиков мог оказаться предел. Свободные граали ни в коем случае не были пустыми безделицами. Вполне возможно, племя где-то украло их. Но как бы оно их ни получило, оно будет беречь их на случай острой необходимости, например для возмещения потерянных или в качестве даров, если они встретятся с особенно враждебными или сильными племенами.

Бёртон покинул хранилище, запер за собой дверь и стал прохаживаться в глубокой задумчивости. Если он попросит вождя дать ему семь граалей, ему могут отказать. Подобная просьба могла возбудить в вожде подозрительность, и он распорядился бы поставить у дверей стражу. Не говоря уже о том, что он мог спохватиться, что у него тут появились потенциальные воры, и попросить их — публично или тайно — убраться поскорее восвояси.

Проходя мимо идола, Бёртон увидел, что вождь уже перестал молиться и направился на остров. Видимо, он решил взять на себя руководство работами по освобождению плота.

Бёртон вознамерился все же спросить его насчет граалей. Какой смысл откладывать дело в долгий ящик. Ведь этот парень держит под своей задницей целое сокровище!

Глава 19

Муту-Ша-Или — таково было его имя на родном языке, обозначающее Любимец Бога, но для тех, кто говорил на эсперанто, он был просто Метузаэль, по-английски же — Мафусаил.

На одно безумное мгновение Бёртон подумал, уж не встретился ли ему прообраз патриарха-долгожителя из Ветхого Завета. Но это было не так. Метузаэль оказался выходцем из Вавилона и слыхом не слыхал об иудеях до тех пор, пока не очутился в мире Реки. На Земле он занимал должность инспектора зернохранилищ, а здесь стал основателем и главой новой религии, а также капитаном огромного плота.

— Однажды ночью, много лет назад, когда снаружи бушевал шторм, я крепко спал. И во сне мне явился бог, бог по имени Рашбуб. Мне о таком боге раньше слышать не приходилось, но он сказал, что когда-то был могущественным божеством моих предков. Их потомки, однако, отшатнулись от него, и в годы моей жизни на Земле только жители одной-единственной крохотной деревушки на самом краю нашего царства все еще поклонялись ему.

Но боги бессмертны, хотя и могут принимать другие обличья и новые имена и даже становиться безымянными, и он продолжал жить в снах множества людей во множестве поколений. Теперь он решил, что для него пришло время покинуть мир сновидений. И тогда он приказал мне встать ото сна и ходить по миру, проповедуя веру в Рашбуба. Я должен собрать группу верных, построить гигантский плот и на нем отправиться с моим народом в низовья Реки.

Проплавав много лет, может, в течение жизни нескольких поколений, как мы считали их на Земле, мы доберемся до конца Реки, где она исчезает в дыре у подножия гор, которые кольцом окружают вершину этого мира.

Там мы, пройдя сквозь подземный мир, через огромную темную пещеру, выйдем в светлое море, окружающее страну, где будем пребывать во веки веков в мире и счастье вместе с богами и богинями.

Но прежде чем спускать плот на воду, мы должны воздвигнуть статую Рашбуба, установить ее на плоту и молиться ей как символу самого Рашбуба. Поэтому не называйте нас, как это делали многие, идолопоклонниками, которые принимают простой физический символ за тело самого бога.

Бёртон подумал, что этот человек просто спятил, но все же обнаружил достаточно осторожности, чтобы не высказать ему свою точку зрения. Он и его экипаж попали в руки явных фанатиков.

К счастью, бог строго наказал Метузаэлю и прочим своим почитателям никого не обижать, разве что в случае самозащиты. Однако из своего богатого опыта Бёртон знал, что смысл слова «самозащита» зависит от того, что захочет вложить в него отдельный человек или группа людей.

— Рашбуб лично повелел мне, чтоб перед тем, как мы войдем в подземный мир, мы разломали бы идола на мелкие кусочки и бросили в Реку. Правда, он не объяснил, зачем надо это сделать. Он просто сказал, что к тому времени, как мы достигнем пещеры, мы и сами все поймем.

— Что ж, все это, может, и хорошо для вас,— заявил Бёртон,— но вы несете ответственность за гибель нашего корабля. А кроме того, из-за вас мы лишились своих граалей.

— Глубоко об этом сожалею, но мало что могу для вас сделать. То, что случилось с вами, произошло по воле Рашбуба.

Бёртон был очень близок к тому, чтобы врезать этому типу по физиономии. Обуздав гнев, он сказал:

— Трое из моих людей пострадали слишком сильно, чтобы уйти с плота на своих ногах. Не можешь ли ты, на худой конец, дать нам хотя бы лодку, чтобы свезти их на берег Реки?

Метузаэль сверкнул на Бёртона бешеными черными глазами и показал рукой на остров.

— Вот тебе земля, а вот тебе пищевой столб. Я присмотрю за тем, чтобы твои раненые были отнесены поближе к нему; а еще мы дадим вам вяленой рыбы и желудевого хлеба. А ты будь добр и не приставай ко мне с дурацкими просьбами. У меня полно работы. Нам предстоит спустить наш плот обратно в Реку. Рашбуб сказал мне, что никакие обстоятельства не должны задерживать наше плавание.

Если мы затянем его, то можем оказаться перед навеки захлопнувшимися воротами, что ведут в страну богов. И тогда нам останется только стенать под воротами, вотще проклиная себя за слабость веры и воли.

Тогда-то Бёртон и решил, что любые его действия против вождя будут морально оправданы. Эти люди были его должниками, а он не задолжал им ни крошки.

Метузаэль уже уходил. Вдруг он остановился и указал на Моната, который только что вышел из хижины.

— Это кто такой?

Бёртон подошел к нему и ответил:

— Это человек из другого мира. Он и еще несколько таких же прибыли на Землю с далекой-далекой звезды. Это событие произошло лет через сто после моей смерти и, возможно, через четыре тысячи после твоей. Он пришел с миром, но люди Земли узнали, что у него есть... хм... лекарство, которое спасает людей от старости. Они потребовали, чтоб он выдал им секрет изготовления лекарства, а он им отказал. Он сказал, что у землян и без того хватает проблем, связанных с перенаселенностью их планеты. Кроме того, никому не следует давать право на вечную жизнь, за исключением тех, кто того достоин.

— Он ошибался,— прервал Бёртона Метузаэль,— боги дали нам шанс жить вечно.

— Да, в каком-то смысле. Хотя, согласно твоей религии, только ничтожная кучка людей, а именно те, что находятся на этом плоту, станут по-настоящему бессмертными. Я прав?

— Да, со стороны это, пожалуй, кажется несправедливым,— отозвался Метузаэль,— но это неизбежно, а кто мы такие, чтобы подвергать сомнению мотивы и сами действия богов?

— Но разве не факт, что о желаниях богов мы узнаем лишь от людей, которые вещают от их имени? А я еще не встречал такого человека, чьи мотивы и действия я не хотел бы подвергнуть проверке.

— Ну, так значит, ты просто дурак.

— Кроме того,— продолжал Бёртон, улыбаясь, чтоб скрыть свой гнев,— вот этот арктурианец — Монат — и его соплеменники были атакованы землянами. Их всех убили, но, прежде чем умереть, Монат уничтожил почти все население Земли.

Бёртон умолк. Как объяснить этому дикарю, что арктурианцы оставили свой главный корабль на орбите Земли? И что Монат передал по радио сигнал этой орбитальной станции и тот направил на Землю энергетический луч такой частоты, что почти все население планеты погибло?

Бёртон и сам-то это понимал с трудом, ибо в его время еще не существовало таких вещей, как радио или космические корабли.

Теперь настала очередь Метузаэля смотреть во все глаза. Уставясь на Моната, он спросил:

— Неужто он такой могучий чародей? Он убил всех этих людей своей силой?

Бёртон подумал, а не воспользоваться ли несуществующими магическими силами Моната в качестве рычага для оказания давления на вождя? Может быть, ему удастся выторговать лодку и «дармовые» граали у этого дикаря, ежели его немножко припугнуть? Но хоть Метузаэль и невежествен и, возможно, даже сумасшедший, но он отнюдь не глуп. Он тут же спросит, почему Монат не защитил «Хаджи-2» от крушения, а своих компаньонов — от ран и увечий. Он может даже спросить, зачем Бёртону лодка, если Монат наверняка может наградить их способностью летать по воздуху.

— Да, он убил их,— сказал Бёртон.— И тоже проснулся на этих берегах, не зная ни как, ни почему. Его магические инструменты, конечно, остались там — на Земле. Однако он утверждает, что если когда-нибудь найдет нужные ему материалы, то вновь обретет былую силу и станет опять так же могуч и опасен, как был когда-то. И тогда те, кто обижал его и смеялся над ним, получат вескую причину для беспокойства.

Пусть Метузаэль как следует прожует эту приманку.

Метузаэль улыбнулся и ответил:

— А к этому времени...

Бёртон понял. К этому времени плот давно исчезнет отсюда.

— А кроме того, Рашбуб защитит своих сынов. Бог сильнее человека, сильнее даже демона со звезд.

— Тогда почему же Рашбуб не предотвратил крушения плота? — спросил Бёртон.

— Не знаю, но уверен, что он придет ко мне во сне и скажет почему. Ничего не случится с народом Рашбуба без его соизволения.

Метузаэль ушел. Бёртон вернулся в хижину, чтоб проверить состояние своих людей. Казз выходил из хижины, как раз когда Бёртон собирался войти внутрь. Казз снял все свои одежды, кроме килта, обнажив волосатое приземистое тело с могучей мускулатурой. Его голова сидела на слегка наклоненной вперед бычьей шее. Лоб низкий и сильно скошенный, череп длинный и узкий, лицо широкое. Надбровные дуги мощные, костистые, под ними в глубине горят хитрые темные глаза. Нос расплющенный, но с вывороченными ноздрями. Челюсти тоже мощные, выпирающие; рот с тонкими губами. Массивные руки выглядят так, будто могут стереть в порошок камень.

Несмотря на такую пугающую внешность, он вряд ли заслуживал бы где-нибудь в Ист-Энде во времена Бёртона большего, чем случайный взгляд; разумеется, если б он был одет как положено.

Его полное имя звучало так: Каззинтуитруаабемсс, что означало на его родном языке Человек-Который-Убил-Белозубого.

— В чем дело, Бёртон-нак?

— Ты и Монат идите со мной.

Оказавшись в хижине, Бёртон прежде всего справился о самочувствии остальных. Алиса и Фрайгейт сказали, что смогли бы ходить, а вот бегать — никак. Положение Логу было очевидно. Боли она не чувствовала, так как получила порцию мечтательной резинки, но ее здоровье вряд ли могло восстановиться раньше чем через четыре-пять дней. Такой срок требовался для срастания костей. Фантастическая скорость заживления ран в мире Реки зависела от неизвестных факторов, возможно, даже от состава пищи.

Какова бы ни была причина, кости срастались, зубы и глаза регенерировали, разорванные мышцы и обожженная плоть восстанавливались с такой быстротой, которая поначалу бесконечно удивляла жителей долины. Теперь же они смотрели на это как на дело вполне обычное.

Не успел еще Бёртон разъяснить своим людям ситуацию, как в хижине появились двенадцать вооруженных мужчин. Их командир объявил, что у него есть приказ высадить их всех на остров. Два человека положили Логу на носилки и вынесли наружу. Фрайгейт при поддержке Казза и Моната захромал вслед. Они с трудом пробрались через завалы бревен и спустились на берег. Здесь их встретили туземцы-ганопо — рассерженные, но бессильные что-либо предпринять.

Логу унесли в хижину, и стражи удалились после того, как командир предупредил Бёртона и его команду, что им следует держаться подальше от плота.

— А если мы не захотим? — громко спросил Бёртон.

— Тогда вас швырнут в Реку. И возможно, с камнем, привязанным к ногам. Всемогущий Рашбуб повелел нам не проливать крови, за исключением случаев самообороны. Но он нисколько не возражал против того, чтобы топить наших врагов в воде.

Незадолго до дневной разрядки питающих камней Бёртону доставили запас вяленой рыбы и желудевого хлеба.

— Метузаэль говорит, что это спасет вас от голодной смерти, пока вы не научитесь сами ловить рыбу и печь хлебы.

— Свою благодарность приберегу, чтоб вручить ему лично,— сказал Бёртон командиру,— хотя, возможно, ему может не понравиться форма вручения.

— Это пустая угроза,— спросил Монат,— или ты планируешь действительно отомстить ему?

— Месть не входит в число моих любимых занятий,— ответил Бёртон,— однако я позабочусь, чтоб мы не остались без граалей.

Прошло два дня. Передняя часть плота все еще лежала на берегу. Завал бревен был расчищен, и плот на несколько метров сдвинулся к воде. Это была тяжелая и нудная работа. Все обитатели плота, за исключением вождя, толкали нос плота с помощью тонких бревен, игравших роль рычагов. С восхода до заката солнца из сотен глоток рвались вавилонские слова, означавшие: «А ну, взяли! Раз, два, три, взяли!»

Каждое массовое усилие давало лишь ничтожную подвижку неимоверно тяжелого плота к воде — возможно, на миллиметр или около того. Часто камни, просунутые между скальным основанием пляжа и головными бревнами плота, начинали скользить, и тогда плот под воздействием течения снова наползал на берег. Несколько раз клинья выскальзывали, и все достигнутое шло насмарку.

Поскольку ветер дул с низовьев, паруса на мачтах были развернуты. Метузаэль надеялся, что ветер, дующий против течения, создаст некоторые преимущества для его плотовщиков. Эта теория наверняка сработала бы, если б не то, что высокая гора острова загораживала плот от бриза.

К утру третьего дня плот удалось сдвинуть примерно на метр. При таких темпах плотовщикам нужно было еще дней семь, чтобы освободить его окончательно.

Между тем ганопо тоже не сидели сложа руки. Поскольку им не удалось выпросить лодку у Метузаэля, они послали на берег Реки четырех самых лучших пловцов. Тем удалось добраться до правого берега, где они объяснили ситуацию и получили во временное пользование небольшую парусную лодку. Вернулись же они с целым флотом из двадцати судов, в которых сидели вождь местного племени и его лучшие воины. Главный вождь — высокий индеец-шауни — огляделся и приступил к совещанию с

ганопо. Бёртон и Монат тоже присутствовали на этой конференции.

Разговор был долгий, ганопо жаловались, давались многочисленные советы; Бёртон тоже произнес речь. Он рассказал о большом складе различных товаров на плоту, но намеренно не упомянул о «дармовых» граалях, ограничившись лишь предположением, что вавилоняне, возможно, согласятся расстаться с частью своих богатств, если местные жители выделят им в помощь достаточно людей, чтобы скорее спустить плот на воду. Шауни решил, что мысль неплоха. Он поговорил с Метузаэлем, который был вежлив, но ответил, что в помощи не нуждается. Весьма недовольный шауни вернулся на остров.

— Эти горбоносые без всякого понятия,— сказал он.— Неужели они не понимают, что мы можем отобрать у них все, чем они владеют, не дав ничего взамен? Они поломали лодки и причалы ганопо и не предложили им в возмещение ни шиша. Они потопили корабль приезжих, который строился целый год и обошелся в неимоверное количество табака и огненной воды, ибо за дерево, из которого он был построен, пришлось платить. Они стали причиной смерти одного из членов команды, а также потери граалей приезжих. А ведь человек без грааля — все равно что мертвый человек.

И что они предлагают в уплату? Ничего! Они издеваются над ганопо и приезжими. Они недобрые люди и как таковые достойны сурового наказания.

— Не говоря уж о тех драгоценных товарах, которые достанутся вождю и его приятелям,— пробормотал Бёртон Монату по-английски.

— Что ты сказал? — спросил вождь.

— Я сказал своему другу — человеку со звезд, что ты обладаешь мудростью и знаешь, что хорошо и что плохо. И то, что ты сделаешь с горбоносыми, верно и справедливо, и Великий Дух улыбнется тебе.

— На твоем языке можно сказать многое в немногих словах.

— Язык моего племени не раздвоен.

Хотя шауни и не сказал, что он намерен сделать, но Бёртону было ясно, что он планирует вооруженный набег. И возможно, этой же ночью.

Бёртон созвал своих людей в хижину, в которой жил.

— Не стоит впадать в уныние. Я думаю, мы в конце концов получим граали и перестанем быть нищими. Однако сегодня ночью нам придется потрудиться. Как вы насчет этого — Логу, Пит, Алиса? Чувствуете ли вы себя достаточно хорошо, чтоб принять участие в нашей акции? Возможно, весьма боевой акции?

Все трое ответили, что ходить они смогут... Однако бегать пока не в состоянии.

— Ладно. Вот что нам предстоит сделать, если с вашей стороны не будет возражений. Если вы пойдете на это, мы добьемся успеха.

Глава 20

Они съели свой жалкий ужин — рыбу и хлеб, от которых их затошнило еще до того, как был проглочен первый кусок. Ганопо, однако, были настолько добры, что подарили им несколько сигарет и дали столько самогонки из лишайников, сколько они могли выпить. Прежде чем уйти в свою хижину и предаться, как можно было предположить, сну, Бёртон прогулялся по берегу. Вавилоняне либо скрылись в хижинах, либо сидели небольшими группами на пороге хижин и болтали. Они безумно устали от трехдневного тяжелого, изнуряющего труда и вскоре тоже должны были отправиться спать. Кроме, разумеется, стражей, стоявших на краю плота. Эти зажгут свои смолистые сосновые факелы, пропитанные рыбьим жиром, и будут ходить взад и вперед под этой иллюминацией, ожидая смены караула.

Самые большие группы собрались на носовой части плота. Метузаэль поместил их там, опасаясь, что люди Бёртона попробуют проникнуть на борт и украсть их товары. Маленькие смуглые люди внимательно наблюдали за Бёртоном, когда он вразвалочку проходил мимо. Он улыбнулся и помахал им рукой. Ни один не ответил на его приветствие.

Проверив обстановку, Бёртон вернулся в свою хижину. По пути он набрел на вождя ганопо, сидевшего на пороге своего жилища и курившего табак из маленького бриара, которые граали дарили раз в год.

Бёртон присел возле него на корточки.

— Я подумал, о вождь, что сегодняшней ночью плотовщиков может ожидать большой сюрприз.

Вождь вынул изо рта трубку и спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Вполне возможно, что вождь племени, живущего на северном берегу, намечает напасть на них. Ты ничего не слыхал об этом?

— Ни словечка. Великий вождь Шаауниваaки мне не доверился. Однако я не удивился бы, если б и он, и его воины возмутились теми бедами и оскорблениями, которые мы — ганопо, находящиеся под его покровительством, понесли от этих горбоносых.

— А если бы они и в самом деле затеяли этот рейд, о котором мы говорим, то в какое время они скорее всего могут его осуществить?

— В старинные времена, когда Шаауниваaки воевал против людей на южном берегу, он обычно пересекал Реку перед рассветом. В это время туман еще очень густой и приближение воинов остается незамеченным. Зато вскоре после высадки солнце восходило и туман сгорал в его лучах. Тогда Шаауниваaки мог хорошо видеть место, куда следует нанести удар.

— Вот и я так думаю,— сказал Бёртон.— Меня, однако, сильно беспокоит одна вещь. Пересечь Реку или даже небольшое озеро в тумане и найти другой берег — дело нетрудное. А этот остров мал, и его в тумане разыскать нелегко. Правда, вершина пика поднимается очень высоко, но участники-то нападения будут в тумане и все равно не смогут ее увидеть.

Вождь положил в свою трубку уголек и сказал:

— Это не мои проблемы.

— На вершине есть небольшая площадка,— продолжал Бёртон,— она обращена к северному берегу Реки, но выступы скалы мешают плотовщикам видеть ее. Эти же выступы прикроют от них огонь костра. Костра, свет которого даже сквозь туман сможет увидеть любой человек, находящийся на Реке к северу от острова. Может быть, именно поэтому несколько мужчин из племени ганопо целый день таскали охапки бамбука и сосновых веток на эту площадку?

Вождь широко ухмыльнулся:

— Ты любопытен, как горный кот, и зорок, как ястреб. Однако я пообещал вождю Шаауниваaки никому не говорить ни слова об этих делах.

Бёртон встал.

— Я понял. Спасибо за гостеприимство, вождь, неважно, увижу я тебя еще раз или нет.

— Если не в этом мире, то в другом мы обязательно встретимся.

Заснуть этой ночью было очень трудно. Провертевшись несколько часов с боку на бок, Бёртон с удивлением вдруг обнаружил, что его будит Монат. Бёртон освободил плечо от четырехпалой кисти арктурианца и вскочил. Монат, который тоже происходил с планеты с двадцатичетырехчасовым периодом обращения вокруг своей оси, обладал биологическим хронометром, и Бёртон доверил ему разбудить себя и других в нужное время.

Люди Бёртона уже встали и, тихонько переговариваясь, готовили растворимый кофе. Кристаллики кофе — дар островитян,— растворяясь в воде, одновременно доводили ее до кипения.

Повторив еще раз детали своего плана, они вышли наружу и прежде всего облегчились. Хижина была такой высоты, что крыша поднималась над пеленой тумана, что позволило им различить слабый красноватый отблеск на вершине пика. Шаауниваaки, даже находясь в тумане, сможет увидеть его как слабое сияние. А этого ему будет вполне достаточно.

Фрайгейт и Бёртон были единственными, кто в момент гибели «Хаджи-2» был полностью одет. На остальных сейчас были покрывала, одолженные у ганопо. Закутанные в них с ног до головы, моряки Бёртона скрылись в густом тумане. Впереди шел Бёртон; он держал Алису за руку, Алиса — Фрайгейта и так далее — до последнего. Руководствуясь своим необыкновенным чувством направления, Бёртон вывел их к кромке воды. Теперь им стал виден тусклый огонь факелов в серой вате тумана.

Бёртон вытащил свой кремневый нож. У Каззa была дубина, сделанная из соснового сука с помощью ножа, одолженного у кого-то из ганопо. Нож Фрайгейта отдали неандерталке Бесст. Остальные были безоружны.

Бёртон осторожно пробирался вперед, пока не очутился у края плота. Между факелами, расположенными вдоль этого края, были довольно большие промежутки, позволившие ему проскользнуть на плот не обнаруженным стражей. Он продолжал ползти, пока не оказался за пределами видимости и слышимости стражников. Там он и ждал, пока к нему по одному не присоединятся остальные.

— Это была самая легкая часть дела,— шепнул он.— С этой минуты мы сами будем как слепые, пока не доберемся до какого-нибудь факела. Я помню наизусть расположение построек и лодок, но в этом тумане... а, да ладно, следуйте за мной.

Несмотря на его заверения, ему пришлось довольно долго блуждать в тумане. Затем перед ним внезапно возникла фигура черного идола с костром, горящим в пустотелом брюхе. Бёртон постоял с минуту, определяя приблизительное число шагов от статуи до здания, где хранились граали.

— Я вижу какой-то свет справа от меня,— сказал Каззa.

Стараясь держаться правее факелов, Бёртон повел свою команду дальше, пока не увидел наконец квадратные стены и коническую крышу склада. От фасада здания доносились голоса стражей, говорящих тихо и время от времени, чтоб согреться, постукивающих по доскам палубы ногами. Подойдя к зданию с тыла, для чего Бёртону пришлось идти, касаясь пальцами стен, отряд там и остановился.

Из складок одежды Бёртон вынул свернутую в кольца кожаную веревку, которую одолжил у вождя ганопо (тот, к счастью, даже не поинтересовался, для какой такой надобности она нужна). Монат и Фрайгейт несли такие же веревки. Бёртон связал концы всех трех кусков, чтобы получить одну — длинную. Алиса взялась за один конец, а Бёртон с Фрайгейтом, Монатом, Логу и Каззом исчезли в темноте. Бёртон помнил, что у борта плота, прямо напротив склада, находится стойка для лодок. На этот раз он уверенно вышел прямо к цели.

Дав знак своим спутникам двигаться медленно и бесшумно, он сумел снять с подставки большое каноэ. Оно могло вместить около десятка человек и, хоть было сделано из легкой сосны и рыбьей кожи, весило немало.

После того как каноэ спустили на воду и в него погрузили весла, все вернулись назад, кроме Логу. Ее обязанность состояла в том, чтоб не дать течению унести каноэ.

Держась за веревку, они быстро вернулись к складу.

И в ту же минуту Каззh покряхтел и сказал:

— Идут чужие!

Огни факелов приближались.

— Это смена караула,— шепнул Бёртон.

Теперь им снова пришлось перейти на другую сторону здания, так как четыре вооруженных человека шли прямо на них.

Бёртон взглянул вверх. Это его воображение или же туман сверху действительно стал чуть посветлее?

Пришлось ждать. Кое-кто из них даже покрылся потом, несмотря на влажный холодный воздух. Часовые обменялись десятком фраз, часть которых наверняка представляла собой грубые солдатские шуточки, судя по смешкам, а затем сменившиеся с поста попрощались и ушли. По факелам было видно, что двое пошли к хижинам на носу, а двое двинулись в противоположном направлении, заставив затаившихся десантников быстро отступить.

Бёртон, выглянув за угол, шепнул:

— Эти двое разделились. Кazз, тебе не кажется, что ты мог бы справиться с одним из них?

— О чем говорить, Бёртон-нак,— ответил Кazз и тут же скрылся.

Оба факела уже почти исчезли из виду, когда Бёртон увидел, что один из них упал. Мгновение спустя его подняли, и теперь он разгорался по мере приближения к Бёртону и его группе.

К этому времени Бёртон уже перешел вместе со своими людьми от боковой стенки к задней стене склада. Он не хотел, чтоб часовой, зайдя за угол, увидел там горящий факел.

Кazз откинул свой капюшон. Его большие, похожие на костяшки домино зубы сверкнули в свете факела. В одной руке он держал тяжелое дубовое копье с насаженным на конец рогом рогатой рыбы; копье он отобрал у часового. На поясе Кazза висел кремневый нож, насаженный на тяжелую деревянную рукоятку, и топор из сланца. Это оружие он передал Алисе и Фрайгейту. Дубина неандертальца перешла к Монату.

— Надеюсь, ты не убил его? — шепнул Монат.

— Все зависит от толщины его черепа,— ответил Кazз.

Монат поморщился. Он страдал почти патологическим отвращением к насилию, хотя в случае самозащиты становился беспощадным бойцом.

— Нога тебе не помешает? — спросил Бёртон.— Как думаешь, ты сумеешь бросать топор с той же меткостью, что и прежде?

— Думаю, смогу,— ответил Фрайгейт. Его трясло, хотя, если бы начался бой, он сразу же почувствовал бы себя уверенней. Подобно арктурианцу, он очень не любил рукопашные схватки.

Бёртон объяснил, что надо делать, а затем повел Кazза и Алису вдоль боковой стены по направлению ко входу. Все остальные собрались у противоположного угла.

Бёртон выглянул из-за угла. Четыре стража стояли кучкой, лицом друг к другу, и разговаривали. Спустя минуту из-за угла показался свет факела. Стражи не замечали его до тех пор, пока факел не оказался почти рядом с ними. Как только Бёртон увидел, что они обернулись в ту сторону, и услыхал их оклик, он начал действовать.

Кazз, чье лицо было скрыто капюшоном, оказался вплотную к стражам раньше, чем они приказали ему остановиться. Возможно, часовые думали, что он из числа только что смененных, который почему-то решил вернуться.

К тому времени, когда ошибка обнаружилась, для них все уже кончилось. Кazз перехватил свое копье чуть повыше наконечника и, использовав его как дубину, ударил древком одного из солдат по шее.

Бёртон, держа нож в левой руке, врезал ребром правой ладони по шее другому часовому. Он не хотел убивать, потому и кровожадному Каззу приказал по мере возможности не пользоваться острием копья.

Из серой тьмы вылетел топор Фрайгейта и попал прямо в грудь третьего стража. То ли топор был брошен неточно, то ли Фрайгейт хотел избежать убийства. Если последнее, то бросок был просто великолепен. Топор попал в часового не лезвием, а обухом, и тот рухнул на бревна, лишившись на время способности дышать. Прежде чем он обрел ее снова, он опять упал на пол от страшного пинка Бёртона, пришедшегося ему прямо в висок.

Одновременно со всеми остальными свой удар нанес и Монат — четвертый страж рухнул от удара в голову.

На мгновение все смолкли, прислушиваясь, не проснулся ли кто-нибудь от шума битвы. Затем подняли с пола факелы, и Бёртон отодвинул дверной засов.

Тела стражников втащили внутрь, где Монат бегло осмотрел их.

— Все хорошо. Будут жить.

— Кое-кто из них может оправиться раньше, чем надо,— отозвался Бёртон.— Приглядывай за ними, Кazз.

Он поднял факел, осветив полку с граалями и «дармовщинками».

— Мы теперь больше не нищие.

Бёртон колебался. Надо ли взять только семь граалей? А почему бы не все тридцать? Лишние могут пригодиться, чтобы получить бревна и паруса для строительства нового корабля. «Честь,

а не почести» — это был его девиз, но ведь сейчас речь шла не о воровстве, а о возмещении нанесенного ущерба.

Он отдал приказ, и каждый взял по пять граалей. Один грааль ручкой цеплялся за шею, так что свисал на спину, а по два надевались, тоже ручками, на каждую руку. Затем они покинули склад, закрыли дверь и, держась за кожаную веревку, вышли к каноэ. Факел они бросили у дверей склада.

Логу спросила:

— А разве время индейской атаки еще не наступило?

— Оно давно прошло,— ответил Монат.

Нагрузив каноэ, они принялись грести, чтоб уйти подальше от плота. Их путь лежал к южному берегу, вдоль которого они намеревались до самого рассвета плыть вверх по течению. Бёртона беспокоили лишние граали. Если местные власти их обнаружат, то вполне могут конфисковать. И даже если они этого не сделают, то разные ворюги запросто могут попытаться спереть такую ценность.

Была лишь одна возможность спрятать граали. Лишние граали наполнили водой, разрезали веревку на части и привязали к каждой рукоятке по куску. Другой же конец веревки был привязан к шпангоутам каноэ, для чего веревки пропустили через отверстия в коже лодки.

Вес каноэ, конечно, увеличился, но, к счастью, они были уже вблизи берега. Остановку сделали вблизи нескольких причалов, расположенных неподалеку от питающего камня; каноэ привязали к одному из столбов, на которых держался док.

Все уселись под грибом и стали ждать. Восход наступил, а вместе с ним появились и сотни местных жителей. Экипаж Бёртона представился и попросил разрешения воспользоваться питающим камнем. Просьба была с радостью удовлетворена, поскольку местные жители были народом мирным. Больше того, странникам они обрадовались как источнику сплетен и новостей.

Туман исчезал под лучами солнца. Бёртон поднялся на верхушку гриба и поглядел в сторону островного пика. Остров лежал примерно в двух с половиной морских милях, а с учетом высоты, на которой стоял Бёртон, горизонт раздвинулся до четырех миль. Бёртон прекрасно видел большие строения и идола, но ожидаемых языков пламени под зданиями и идолом не наблюдалось. Возможно, Шаауниваки все же не поджег их. Вполне возможно, что индейцы решили сохранить плот в целости,

пока не вытащат его целиком на берег и не демонтируют. Дерево тут стоит дорого.

Вместо того чтобы отплыть в тот же день, Бёртон решил дать всем отдых. И как раз в полдень на берегу появился отряд ганопо и среди них сам вождь. Бёртон расспросил его.

Вождь долго хохотал.

— Эти черепахоголовые шаауниваки каким-то образом умудрились проплыть мимо плота. Огней они так и не увидели, хотя почему, понять невозможно. Во всяком случае, они плавали вокруг да около несколько часов напролет, и когда туман ушел, то обнаружили, что течение уволокло их к пятой скале вниз по течению от острова. Вот уж поистине куча болванов!

— А вавилоняне сказали вам что-нибудь насчет пропавшего каноэ? Не говоря уже о часовых, с которыми мы поступили не слишком вежливо.

Бёртон решил, что будет лучше не упоминать про граали. Вождь опять рассмеялся.

— Да, они в бешенстве выскочили на берег еще до того, как питающий камень запылал. Ужасно обозленные, хоть и не сказали нам почему. Они немножко поколотили нас, но ни синяки, ни оскорбления нас не огорчили, ибо мы были счастливы, что вам удалось выставить их дураками. Они тщательно обыскали остров, но, разумеется, вас не нашли. Зато они нашли пепел от костра и стали расспрашивать о нем. Я сказал, что это церемониальный огонь.

Они мне не поверили. Думаю, догадались о настоящей причине. Тебе не следует волноваться, что они пошлют за вами погоню. Все они, включая Метузаэля, напряженно ишачат, чтоб снять плот с камней. Ведь им приходится опасаться сегодняшней ночной атаки.

Бёртон спросил вождя о причинах того, что шаауниваки не атаковали плот при свете дня. Они же легко могли разбить вавилонян.

— Это потому, что между племенами в этом районе существует соглашение защищать чужестранцев. До сих пор соглашение соблюдалось, и по очень серьезной причине. Все прочие племена обязаны идти войной на агрессора. Однако шаауниваки надеялись, что их нападение останется тайной. А если б их и обнаружили в качестве виновников, они могли бы ответить, что во всем вина плотовщиков, которые отказались выплатить компенсацию за нанесенный нам ущерб.

Не знаю. Вполне вероятно, что шааунивааки вообще откажутся от своего намерения. Хотя среди них немало таких, которые охотно примут участие в рейде просто ради забавы.

Бёртон так и не узнал, что случилось с вавилонянами. Он решил, что его собственной группе лучше отплыть в тот же день. Когда каноэ отправилось в путь, граали были вытащены из Реки, вода из них вылита, а сами цилиндры спрятаны на дне лодки.

Глава 21

Проплыв около 200 километров, Бёртон нашел наконец место, пригодное для закладки корабля. И дело тут было даже не в наличии строительного леса, ибо и сосны, и дуба, и тиса, и бамбука повсюду хватало. Главная трудность в эти времена заключалась в том, чтобы отыскать хорошие залежи кремня и кремневого сланца для изготовления орудий, нужных для рубки и обработки дерева. Даже в первые годы после воскрешения эти горные породы можно было найти лишь в немногих местах, одни из которых отличались очень богатыми залежами, а другие были относительно бедны; на большинстве же территорий таких залежей вообще не было. Войны из-за месторождений кремней в прежние годы были довольно частым явлением.

Теперь этих минералов стало куда меньше. Несмотря на их твердость, кремневые орудия быстро снашивались, а об открытии новых месторождений никто и не слыхивал. В результате конец 32 года П. В. (после воскрешения) оказался практически концом строительства больших кораблей. Во всяком случае, так обстояло дело в странах, мимо которых проплывал Бёртон, и он предполагал, что и в других положение такое же.

Место, где он остановился, было одним из немногих, где еще сохранились значительные запасы нужных ему минералов. Местные жители — в большинстве индейцы-алгонкины* доколумбовой эпохи, тогда как меньшинство составляли пикты доримских времен,— были отлично осведомлены о ценности их залежей камня. Их вождь — меномини по прозвищу Оскас, яростно торговался с Бёртоном. В конце концов он заявил, что его окончательная и не подлежащая обсуждению цена составляет 7000 сигарет

* Группа североамериканских индейских племен, связанных единством языка; меномини — одно из этих племен.

из табака, 500 из марихуаны, 2500 сигар, 40 коробок трубочного табака и 8000 чашек спиртного. И еще он высказал пожелание трахаться вон с той блондинкой — Логу — через каждые пять суток или около того. На самом деле он хотел, чтобы это происходило каждую ночь, но боялся, что его остальные три жены будут недовольны таким оборотом дел.

Бёртону потребовалось время, чтобы оправиться от такого удара. Он сказал:

— Ну, это ее дело. Не думаю, чтобы она или ее мужчина согласились на подобную комбинацию. Да и в любом случае ты запросил чрезмерную цену. Это значит, что никто из моей команды не получит ни выпивки, ни табака в течение целого года.

Оскас пожал плечами:

— Что ж, если для вас это дорого...

Бёртон созвал совещание и изложил требования Оскаса. Кazз возражал больше всех.

— Бёртон-нак, я прожил на Земле всю свою жизнь — сорок пять лет — без виски и без наркотиков. Но здесь я попался на этот крючок, и в тот день, когда я не получу ни того ни другого, я готов, по твоему выражению, полезть на стенку. Ты знаешь, что я пытался победить эту привычку несколько раз, но не успевала истечь неделя, как я начинал сожалеть, что не откусил свой язык раньше, чем произнес такое дурацкое обещание. Я делаюсь бешеным, как пещерный медведь, занозивший лапу.

— Я этого не забыла,— сказала Бесст.

— Но если у нас нет альтернативы, нам придется пойти на это,— возразил Бёртон.— Или мы сговоримся, или корабля не будет. Впрочем, у нас есть лишние граали.

Он вернулся к Оскасу и, после того как они выкурили по трубке, приступил к делу.

— Женщина с желтыми волосами и голубыми глазами говорит, что единственная часть ее тела, которая всегда к твоим услугам, это ее нога, которую тебе придется с большим трудом вытаскивать из своей задницы.

Оскас заржал и в восторге хлопнул себя по ляжке. Вытерев наконец слезы, он сказал:

— Плохо. Я люблю женщин с огоньком, но предпочитаю, чтобы огня было не чрезмерно много.

— Случилось так, что некоторое время назад мне достался «дармовой» грааль. Я готов обменять его на место, где смогу построить корабль, и на материалы, которые для него нужны.

Оскас не спросил, каким образом грааль достался Бёртону, хотя, совершенно очевидно, полагал, что тот его где-то спер.

— Ну, если так,— ответил он, широко улыбаясь,— то считай, что мы договорились! — Он вскочил.— Я позабочусь, чтоб все было подготовлено немедленно. А ты уверен, что та блондинка не набивает себе цену?

Вождь отнес грааль в блокгауз Совета и добавил его к двадцати одному «дармовому» граалю, которые уже хранились там. Их собирали в течение многих лет для блага самого вождя и его приближенных.

В этом мире, как и повсюду, выдающиеся люди заботились о том, чтоб получать выдающиеся привилегии.

На строительство одномачтового парусного куттера ушел целый год. Когда он был готов наполовину, Бёртон решил не называть его именем обоих предшественников — «Хаджи-1» и «Хаджи-2». Оба плохо кончили, а Бёртон, хотя и отрицал это, был суеверен. После обсуждения вопроса с командой было решено, что лучше всего подходит имя «Снарк».

Алисе это название понравилось потому, что напоминало ей о дружбе с Льюисом Кэрроллом, и она полностью согласилась с Фрайгейтом, что оно лучше всего подходит к ситуации. Улыбаясь, она процитировала отрывок из «Охоты на Снарка»:

Он с собою взял в плаванье карту морей,
На которой земли — ни следа;
И команда, с восторгом склонившись над ней,
Дружным хором воскликнула: «Да!»

Для чего в самом деле полюса, параллели,
Зоны, тропики и зодиаки?
И команда в ответ: «В жизни этого нет,
Это чисто условные знаки!

На обыденных картах — слова, острова,
Все сплелось, перепуталось — жуть!
А на нашей, как в море, одна синева,
Вот так карта — приятно взглянуть!»*

Бёртон расхохотался, но в глубине души затаил сомнение — уж не подсмеивается ли Алиса над его капитанскими способностями? В последнее время они все чаще ссорились друг с другом.

* Льюис Кэрролл. «Охота на Снарка». Пер. с англ. Г. Кружкова.

— Будем надеяться, что наше плавание на новом корабле не превратится в еще одну агонию в восьми воплях!*— воскликнула Алиса.

— Что ж,— ответил ей Бёртон, оскалив зубы в жесткой ухмылке,— во всяком случае, ваш Балабон разбирается в деле достаточно туго, чтобы не смешивать бушприт с румпелем**. А кроме того,— продолжал он,— существует сорок второе правило в Морском кодексе: *«Запрещается кому бы то ни было мешать болтовней рулевому»*.

— Что,— ответила Алиса уже без всякой улыбки,— придумано самим Балабоном, ибо *«и рулевой не имеет права болтать ни с кем»*.

Все почувствовали себя неловко. Они давно уже ощущали напряженность в отношениях Бёртона и Алисы и с опаской ожидали, не последует ли за этим взрыв эмоций со стороны их страшно вспыльчивого капитана.

Монат, желавший сгладить неловкость, засмеялся и воскликнул:

— Я хорошо помню эту поэму. Меня особенно поразил Вопль шестой — «Сон Барабанщика».

Ах да, там судили козу за то, что она осквернила воду в реке, и Снарк, одетый в мантию, парик и прочие регалии, ее защищал.

Снарк (защитник) в конце выступления взмок —
Говорил он четыре часа;
Но никто из собравшихся так и не смог
Догадаться, при чем тут коза.

Монат остановился на секунду, закрыл глаза и воскликнул:

— Вспомнил! Вот оно, четверостишие, которое меня особенно поразило:

Но тюремщик, роняя слезу на паркет,
Поуменьшил восторженность их,
Сообщив, что козы уже несколько лет,
К сожалению, нету в живых.

* Полное название поэмы — «Охота на Снарка. Агония в восьми воплях».

** Бёртон намекает на строфу поэмы, которая в русском переводе Г. Кружкова звучит так:

И когда иногда, вдохновеньем бурля,
Он кричал: «Заворачивай носом!
Носом влево, а корпусом — право руля!»,
Что прикажете делать матросам?

Все громко рассмеялись, а Монат заметил:

— Каким-то образом это четверостишие представляет квинтэссенцию земного правосудия, так сказать, его букву, а не дух.

— Извини,— сказал Бёртон,— но как за такое короткое пребывание на Земле ты умудрился не только так много прочесть, но еще и запомнить?

— «Охота на Снарка» — поэма. А я верю в то, что понять человеческую натуру можно скорее через поэзию и художественную литературу, нежели через так называемую «литературу факта». Вот почему я взял на себя труд запомнить эту поэму наизусть.

Кстати, мне ее дал один друг-землянин. Он сказал, что она — одно из величайших творений метафизики, которыми может похвалиться человечество. Он спросил, есть ли у арктурианцев что-либо достойное сравнения с ней.

— Наверняка он подшутил над тобой,— вмешалась Алиса.

— Не думаю.

Бёртон покачал головой. Он был страстным читателем, а память имел просто фотографическую. Но он прожил на Земле 69 лет, тогда как арктурианец всего лишь с 2002-го по 2008 год. И все же за те годы, которые они провели в совместных плаваниях, Монат проявил объем знаний, который ни один землянин не мог бы приобрести и за столетие.

Разговор кончился, ибо наступило время работать — строить корабль. Бёртон, однако, не забыл того, что он счел подпущенной ему Алисой шпилькой. Он поднял этот вопрос сразу же, как только они стали ложиться спать.

Алиса смотрела на него большими темными глазами, глазами, которые казались погруженными в какой-то совсем иной мир. Она уже почти целиком ушла в него, когда Бёртон накинулся на нее с упреками, причем видимая отключенность Алисы от реальности довела гнев Бёртона до белого каления.

— Нет, Дик, поверь, я вовсе не хотела тебя обидеть. Во всяком случае, сознательно.

— Значит, ты делала это подсознательно, не так ли? Это тебя никак не оправдывает! Не наберешься же ты нахальства, чтоб заявить, что не умеешь контролировать эту часть своей души! То, о чем думает твое подсознание,— такая же часть тебя самой, как и твое сознание. Хуже того! Ты можешь отогнать свои осознанные мысли, но все равно будешь верить именно тому, во что верит твое «я», глубоко запрятанное в глубинах души.

Бёртон расхаживал взад и вперед по каюте, его лицо в слабом свете маленького каменного очага казалось лицом демона из преисподней.

— Изабель обожала меня, но она не боялась вступать со мной в самые жаркие споры, когда она считала, что я делаю что-то не то. Но ты... ты прячешь протест в себе до тех пор, пока он не превращает тебя в злобную суку, и все же не находишь в себе мужества выложить эти мысли. И этим только ухудшаешь дело.

Нет ничего плохого в доброй ссоре, пусть с криками, пусть с оскорблениями. Она похожа на грозу — страшную, пока длится, зато когда она уходит — воздух чист и дышится легко.

Твое несчастье в том, что тебя воспитывали, чтобы сделать настоящей леди. В гневе ты никогда не повысишь голос, ты всегда должна быть спокойной, выдержанной и собранной. Но та потаенная суть, то подсознание, которое ты унаследовала от обезьяньих предков, оно пытается вырваться за решетку своей клетки. И время от времени оно принимается терзать тебя. Но ты не желаешь признаваться в этом.

Алиса вдруг утратила свой сонный взгляд и закричала:

— Лжец! И нечего совать мне под нос своих жен! Мы договорились, что никогда не станем сравнивать друг с другом своих прежних супругов и супруг, а ты это делаешь каждый раз, когда на тебя нападает охота разозлить меня! Это неправда, что во мне мало страсти! И уж кому, как не тебе, знать это... и я говорю не только о постельных делах!

Но я не собираюсь приходить в бешенство из-за каждого неловкого слова или ерундового тривиального эпизода. Когда я бешусь, то, значит, того требует ситуация! Значит, она такова, что из-за нее следует разозлиться! А ты... ты находишься в состоянии постоянного бешенства.

— Это ложь!

— Я никогда не лгу!

— Давай вернемся к началу разговора,— крикнул он.— Что тебе не по душе в моих действиях как капитана и руководителя?

Алиса закусила губу, а потом сказала:

— Во всяком случае, не то, как ты ведешь корабль или как обращаешься со своей командой. Это дело очевидное — ты выполняешь свои обязанности превосходно. Нет, меня беспокоит контроль, вернее его отсутствие, над самим собой.

Бёртон сел и сказал:

— Выкладывай! Растолкуй мне, о чем ты говоришь.

Она наклонилась на стуле так, что ее лицо оказалось почти вровень с его лицом.

— Во-первых, ты не можешь заставить себя побыть на одном месте больше недели. Не успеют истечь первые три дня, как тебя уже трясет лихорадка. На седьмой день ты уже мечешься взад и вперед, как тигр в своей клетке, и, как лев, кидаешься на прутья.

— Будь добра, оставь свои зоологические аналогии,— сказал он.— А кроме того, как тебе известно, на этом месте я нахожусь уже почти год.

— Да, пока ты строил корабль. Пока ты был занят проектом, который даст тебе возможность путешествовать быстрее, чем можно идти пешком. Но и в этом случае ты все время совершал короткие походы. А нас бросал тут строить корабль.

Тебе надо было видеть и это и то, надо было выяснить, есть ли правда в каких-то слухах, познакомиться со странными обычаями, изучить неизвестный тебе язык. Причины не столь важны. Тебе важно было иметь лишь повод для отъезда.

У тебя ржавеет душа, Дик. Мне кажется, именно это слово правильно передает твое состояние. Ты не можешь долго сидеть на одном месте. И вовсе не место повинно в этом. Дело в тебе самом, ты не можешь выносить именно себя. Ты должен бежать, чтобы убежать подальше от себя самого.

Бёртон вскочил и снова стал прохаживаться взад и вперед.

— Ты говоришь, что я не могу выносить себя самого. Ах, какой я несчастный человек! Я не люблю себя, и это значит, что и меня никто вообще не может полюбить.

— Чушь!

— Да, именно так. Все, что ты говоришь,— полная муть!

— Нет, муть не в том, что я говорю, она — в тебе!

— Но если ты не выносишь меня, то почему бы тебе тогда не расстаться со мной навсегда?

По ее щекам покатились слезы, и она шепнула:

— Я люблю тебя, Дик.

— Но не настолько, чтобы выносить кое-какие мои пустяковые странности? Верно?

Она вскинула руки.

— Пустяковые?!

— Да, у меня лихорадка странствий. Ну и что? Разве ты бы стала надо мной насмехаться, если б у меня действительно была какая-нибудь болячка, ну, скажем, сыпь или что?

Алиса чуть заметно усмехнулась:

— Нет. Я бы сказала тебе, как от нее избавиться. Но это не просто лихорадка, Дик. Это что-то такое, что сильнее тебя.

Она встала и закурила сигарету. И сунула ее Бёртону прямо под нос.

— Погляди-ка на нее. В годы моего пребывания на Земле я никогда не осмелилась бы закурить или даже подумать о куреве. Леди не полагается делать такие вещи. Особенно леди, чей муж происходит из поместного дворянства, а отец — епископ англиканской церкви. И такая леди никогда не пьет крепких алкогольных напитков и не бранится. И уж никогда бы ей не пришла мысль искупаться голышом.

Но вот я здесь — Алиса Плэзанс Лидделл Харгривз из поместья Каффнеллз — самая настоящая викторианская аристократка, которая делает все перечисленное выше и даже больше того. Под этим «больше»... я... имею в виду те маленькие фокусы, которыми я занимаюсь в постели и на которые французские романы — любимое чтение моего мужа — не осмелились бы даже намекнуть!

Я изменилась. Почему же не можешь измениться и ты?

Сказать по правде, Дик, мне ужасно опротивело путешествовать, надоело все время двигаться куда-то, обрыдло ютиться на крошечном кораблике, никогда не зная, что принесет завтрашний день. Я не трусиха — ты знаешь это. Но я жажду оказаться в таком месте, где говорят по-английски, где живут люди моего круга, где царит мир, где я могу поселиться, пустить корни. Я так устала от бесконечных странствий.

Бёртона растрогали ее слезы. Он обнял ее за плечи и сказал:

— Что же мы можем поделать? Я должен идти вперед. Моя...

— Твоя Изабель? Я не Изабель. Я — Алиса. Я действительно люблю тебя, Дик, но я не могу быть твоей тенью, сопровождая тебя повсюду, куда идешь ты, присутствуя там, где есть свет, и исчезая, когда наступает вечер, не могу быть твоим придатком.

Алиса встала, чтобы положить наполовину выкуренную сигарету в пепельницу из обожженной глины. Повернувшись к Бёртону, она произнесла:

— Но есть и еще кое-что! Есть еще нечто, что страшно тревожит меня. Мне больно, что ты не полностью доверяешь мне.

У тебя есть тайна, Дик, тайна, спрятанная где-то глубоко-глубоко, очень мрачная тайна...

— Тогда, может, это ты расскажешь мне о ней — мне-то ведь нечего сказать тебе по этому поводу.

— Не лги! Я слышала, как ты говорил во сне. Это что-то связанное с этиками, верно? Что-то случилось с тобой, что-то, о чем ты никому не рассказал за все годы нашей с тобой разлуки.

Я слышала, как ты бормотал что-то о каких-то пузырях, о самоубийстве, повторенном семьсот семьдесят семь раз. И слышала имена, которые ты ни разу не упомянул днем. Лога. Танабар. И ты говорил об Иксе и Таинственном Незнакомце. Кто эти люди?

— Только тот, кто спит в одиночестве, может хранить секреты,— отозвался Бёртон.

— Но почему ты не можешь мне рассказать об этом? Неужели ты не веришь мне? После всех этих лет?

— Сказал бы, если б мог. Но это было бы слишком опасно для тебя. Поверь мне, Алиса, я не говорю тебе ничего только потому, что не могу этого сделать. И в первую очередь ради тебя самой же. И не будем спорить. Я не отступлю и разозлюсь, если ты будешь продолжать выпытывать у меня.

— Ладно, будь по-твоему. Но тогда держи свои лапы от меня подальше сегодня ночью.

Бёртон долго не мог уснуть. Ночью он проснулся от звука собственного голоса. Алиса сидела, не отводя глаз от его лица.

Глава 22

Оскас, как всегда полупьяный, посетил Бёртона как раз в час ленча. Бёртон против визита ничего не имел, особенно потому, что вождь вручил ему мех, содержащий по меньшей мере два литра бурбона.

— Ты слыхал разговоры о большой белой лодке, которая, как говорят, поднимается с низовьев? — спросил индеец.

— Только глухой не слыхал,— ответил Бёртон и сделал добрый глоток виски. У виски был винный запах, и шло оно легко, так что разбавлять не требовалось. Граали, как известно, всегда доставляли продукты только высшего качества.

— Ух ты! — выдохнул Бёртон и продолжал: — Я этим россказням не слишком верю! Судя по описанию, этот корабль движется

с помощью гребных колес. А это должно означать, что машины у него железные. Лично я сомневаюсь, чтобы кому-то удалось собрать столько железа, чтобы изготовить машины таких размеров. А еще я слыхал, что и корпус у судна металлический. На всей планете не наберется достаточного количества металла, чтобы построить такую махину. Если, конечно, она действительно так велика, как об этом болтают.

— Уж больно много у тебя сомнений,— сказал Оскас.— А это вредно для печени. Однако если эти рассказы верны, то большая лодка должна пришлепать сюда довольно скоро. Хотелось бы мне заполучить такую лодку.

— И тебе, и миллионам других. Но если такая лодка может быть построена, то ее создатель должен иметь и железное оружие, возможно, даже огнестрельное. Ты ведь такого никогда не видел, хотя у тебя имеется несколько пороховых бомб. Огнестрельное оружие — это такие металлические трубки, из которых можно стрелять металлическими же снарядами на большие расстояния. Некоторые из них могут стрелять так часто, что ты не успеешь даже выпустить стрелу, как тебя прострелят насквозь раз десять. А еще бывают пушки. Это такие громадные трубки, которые могут дошвырнуть большие бомбы вон до тех гор.

Так что прими к сведению: те, кто уже пытался отобрать эту лодку у ее хозяев, померли раньше, чем подошли на расстояние выстрела из лука. А кроме того, что бы ты стал с ней делать, если бы получил? Для вождения такой штуки нужны очень умелые и тренированные люди.

— Ну, таких можно найти,— сказал Оскас.— Вот ты, например, ты бы смог ею управлять?

— Возможно.

— Так, может, ты заинтересуешься и поможешь мне захватить ее? Я тебе щедро заплачу. Ты станешь самым первым из моих помощников.

— Я, знаешь ли, не любитель войны,— ответил Бёртон.— Да и не очень жаден. Однако просто так, для поддержания разговора, давай предположим, что я заинтересовался. Тогда я сделал бы вот что.

Оскас был в восторге от сложнейшего и фантастического плана, предложенного Бёртоном. Уходя, он сказал, что пришлет Бёртону еще виски и они должны обязательно поговорить об этих делах еще раз. Широко ухмыляясь и пошатываясь, Оскас удалился.

Бёртон решил, что вождь чересчур доверчив. Но, пожалуй, он не возражал бы поводить его за нос еще некоторое время. Хотя бы просто ради забавы.

Дело было в том, что Бёртон сам имел кое-какие планы насчет корабля.

Если рассказы верны, то этот корабль является средством передвижения куда более быстрым, чем парусник. Так или иначе Бёртон собрался попасть на это судно. Не силой, так хитростью. Главная трудность состояла в том, что пока у него не было ни малейшего представления о том, как он этого добьется.

Во-первых, судно могло (и, вероятно, так и произойдет) не остановиться в этом селении. Во-вторых, там могло не оказаться места для людей Бёртона. А в-третьих, за каким чертом капитану могли понадобиться Бёртон и его люди?

Весь остальной день Бёртон был молчалив и погружен в свои думы.

Когда он отправился спать, то очень долго лежал, анализируя каждую возможную ситуацию в отдельности. Одним из реальных вариантов было воспользоваться планом Оскаса. В последнюю минуту Оскаса можно будет предать. Это, вероятно, произведет на капитана в высшей степени благоприятное впечатление, и Бёртон заслужит его благодарность.

Впрочем, этот план Бёртон тут же отверг. Во-первых, даже хотя Оскас был мерзок и жуликоват, он — Бёртон — почувствовал бы себя обесчещенным, если бы обманул Оскаса. Во-вторых, много людей Оскаса будут убиты и ранены. А Бёртон вовсе не желал взваливать на себя такое бремя.

Нет, должен быть какой-то другой путь.

Наконец Бёртон его отыскал. Успех плана зависел от того, остановится ли здесь корабль или, на худой конец, удастся ли ему привлечь внимание тех, кто находится на борту.

Улыбаясь, Бёртон уснул.

Прошло еще два месяца. Через неделю «Снарк» будет спущен на воду. Сведения в отношении приближающегося колесного парохода приходили все чаще. Их доставлял барабанный телеграф, дымы костров и сигналы, передаваемые зеркалом из слюды. Складывая всю полученную информацию, Бёртон наконец получил целостное впечатление о корабле. Пожалуй, он был больше тех пароходов, которые ходили по Миссисипи в его время. Бесспорно, он металлический и обладает скоростью 15 миль в час, то есть примерно 24 километра в час. Иногда он развивал скорость и вдвое большую. Расчеты были очень грубые, конечно, поскольку ни у кого из наблюдателей не было хронометра. Но можно было сосчитать, за сколько секунд он проходит расстояние между двумя питающими камнями.

Из более ранних сведений Бёртон составил впечатление, что это пароход. Однако последние известия говорили, что топливо корабль грузит редко. Вероятно, котел нагревался, только чтоб подогреть воду для душевых и для получения пара, приводившего в действие пулеметы. Бёртон не понимал, как это пар будет направлять пули. Монат предположил, что это оружие использовало систему синхронного введения патрона в ствол, сквозь который пар направлялся под значительным давлением, выстреливая снаряды через регулярные промежутки времени.

Моторы же корабля работали на электричестве, которое поступало от разрядки питающих камней.

— Значит, у них есть не только сталь, но еще и медь для производства обмотки электромагнитов,— сказал Бёртон.— Где же они набрали весь этот металл?

— Корабль может быть построен преимущественно из алюминия,— ответил Фрайгейт,— и алюминий мог быть использован при изготовлении обмотки сердечников, хотя он и не так эффективен, как медь.

Пришли еще данные. Корабль имел на обоих бортах название, написанное большими латинскими буквами: «Rex Grandissimus», что по-латыни означало «Величайший король», то есть величайший по манере держаться или по стилю жизни. Его командир, по донесениям очевидцев, был не кто иной, как сын Генриха Второго Английского и Элеоноры, разведенной жены Людовика Седьмого Французского, дочери герцога Аквитанского. Король Иоанн, по прозванию Безземельный, был капитаном. После того как его знаменитый брат — Ричард Львиное Сердце — умер, Иоанн стал Ioannes Rex Angliae et Dominus Hiberniae* и так далее. Он приобрел столь плохую репутацию, что среди королей Британии сложилось неписаное правило — ни один наследник трона не должен именоваться Иоанном.

---

* Иоанн, король Англии и повелитель Ирландии.

Когда Бёртон впервые узнал имя капитана, он отправился к Алисе.

— Один из твоих предков командует колесным пароходом. Возможно, нам удастся апеллировать к его родственным чувствам, чтобы он взял нас на борт. Хотя, если верить тому, что говорит история, у него любовь к родичам довольно слаба. Он поднял мятеж против отца, и говорят, что он же прикончил и племянника — Артура, которого Ричард назначил наследником короны.

— Ну, он был не хуже любого короля того времени,— сказала Алиса,— и он сделал кое-что доброе, невзирая на то что о нем обычно говорят. Он реформировал монетную систему, поддерживал строительство военного флота, делал все возможное для развития торговли, а также содействовал завершению строительства Лондонского моста. Кроме того, он отличался от монархов своего времени тем, что был, безусловно, интеллектуалом. Он читал по-латыни и в оригинале французские книги и, куда бы ни ехал, всегда брал с собой свою библиотеку.

Что касается борьбы против Великой Хартии*, то эти события в значительной степени неправильно трактуются. Баронский мятеж был вовсе не в интересах всего народа, так что движение само по себе трудно считать особо демократическим. Бароны хотели больших привилегий для себя лично. Свобода, за которую они воевали, была свободой эксплуатировать своих вассалов без вмешательства самого короля.

Король Иоанн жестоко воевал против баронов и стремился силой удержать за английской короной французские провинции. Но выбраться из этой каши он не смог — он унаследовал старые конфликты от своего отца и брата.

— Хватит! — воскликнул Бёртон.— В твоей редакции он выглядит чуть ли не святым.

— Ну, от этого он был очень далек. И все же он был куда больше заинтересован в самой Англии и в благоденствии ее населения, чем любой другой предшествующий англо-нормандский король.

— Наверно, ты много читала и думала о нем. Твое мнение противоречит всему, что я читал о нем в свое время.

* Хартия, принятая в 1215 г. Содержит перечень прав и свобод, полученных английскими баронами от короля Иоанна.

— У меня было много времени для чтения, пока я жила в Каффнеллзе. И я обо всем старалась составить собственное мнение.

— Молодчина! Тем не менее факт остался фактом: этот средневековый монарх каким-то образом заполучил контроль над величайшим произведением человеческого гения — самым великолепным кораблем этого мира. Я попробую договориться с ним, если к нему попаду. Проблема в том, как мне это сделать.

— Ты хочешь сказать, как *нам* сделать это?

— Верно. Приношу извинения. Ладно, будем посмотреть.

Двумя днями позже «Снарка» на катках спустили в Реку, затем последовало торжество и большая пьянка. Бёртон, однако, был не так уж счастлив, как того следовало бы ожидать. Он потерял интерес к своему детищу.

Во время праздника Оскас отвел его в сторону.

— Ты же не собираешься уезжать отсюда, я надеюсь. Я рассчитываю на твою помощь, когда мы захватим эту большую лодку.

Бёртону очень хотелось послать его ко всем чертям. Это было бы, однако, очень недипломатично, поскольку вождь мог конфисковать «Снарк» в свою пользу. Хуже того, он мог перестать противиться желанию заполучить в свою постель Логу. В течение всего года он доставлял ей немало неприятностей, хотя и воздерживался от применения силы. Когда он напивался сильнее обычного, что бывало частенько, он совершенно открыто добивался, чтобы она пошла с ним потрахаться.

Было несколько весьма неприятных случаев, когда казалось, что он собирается взять ее силой. Фрайгейт, чей характер было трудно назвать воинственным, намеревался вызвать вождя на дуэль, хотя и считал это довольно глупым способом решения споров. Но честь того требовала, мужество тоже, и ничего не оставалось, разве что потихоньку сбежать с Логу в какую-нибудь прекрасную ночь. Однако ему вовсе не хотелось уходить от людей, с которыми он столько лет провел вместе.

Логу сказала ему:

— Нет, ты не будешь убит, но и не убьешь этого дикаря, так как его люди разозлятся и убьют тебя самого. Лучше предоставь это дело мне.

После чего Логу поразила всех, а больше всего самого Оскаса, вызвав того на смертный бой.

Оправившись от шока, Оскас ржал чуть ли не до умопомрачения.

— Что? Чтоб я дрался с женщиной? Я луплю своих баб, когда они меня разозлят, но мне и в голову не придет сражаться с ними. Если б я это сделал, то, без сомнения, запросто укокошил бы тебя. Но после этого надо мной бы все издевались. Я уже не был бы Оскасом-Большой-Лапой, я стал бы Мужчиной-Который-Дрался-С-Бабой.

— Ну, так как же у нас с тобой будет? — спросила Логу.— Томагавк? Копье? Нож? Или голые кулаки? Ты видал меня на состязаниях. И знаешь, насколько хорошо я владею любым оружием. Правда, ты крупнее меня и сильнее, но я знаю такие приемчики, о которых ты и представления не имеешь. У меня были лучшие в мире учителя.

О чем она ничего не сказала, так это о том, что он постоянно пьян, очень жирен и вообще в плохой форме.

Если б с ним так разговаривал мужчина, Оскас тут же бросился бы на него. Хоть он и был пьян, но все же понимал, что попал в ловушку. Если он убьет эту женщину, то станет всеобщим посмешищем. Если не примет вызова, то все будут говорить, что он испугался.

Тогда, улыбаясь, вперед вышел Монат.

— Вождь, Логу — мой очень близкий друг. Но и я твой друг. Давайте оставим все это без последствий. В конце концов, в тебе сейчас говорит выпивка, а вовсе не ты сам — Оскас, вождь, самый могучий воитель на Земле и Реке. Никто не осудит тебя, если ты откажешься драться с женщиной.

Однако ты поступаешь неправильно, беспокоя женщину другого мужчины. И ты бы не сделал этого, если б не налил полное брюхо виски. Поэтому я бы предложил, чтоб с сегодняшнего дня ты относился к этой женщине исключительно с тем почтением, которого требуешь от других мужчин в отношении твоих женщин.

Ты знаешь, ведь тебе говорил Бёртон,— я когда-то был великим чародеем. У меня и сейчас остались кое-какие силы, и я ни на минуту не задумаюсь использовать их, если ты обидишь Логу. Я сделаю это неохотно, ибо уважаю тебя. Но сделаю, если буду к этому вынужден.

Оскас побледнел, несмотря на свою темную кожу и красноту, вызванную приливом крови от избытка виски. Он сказал:

— Да, должно быть, это все от пьянки. Никто не может обвинить меня за то, что сделано в пьяном виде.

Этим вечером больше ничего не было сказано, а на следующий день Оскас заявил, что был так пьян, что вообще ничего не помнит, как не помнит и о вчерашней вечеринке.

В течение нескольких месяцев он был подчеркнуто холоден, но вежлив с Логу. Потом снова стал отпускать свои шуточки, но ее не трогал. Возможно, потому, что Логу сказала ему в частном разговоре — чтобы он не потерял лица,— что вспорет ему брюхо, если он хоть раз попробует дотронуться до нее. А затем просто раздавит ему мошонку.

Она рассказывала, что Оскас лишь расхохотался. Но несмотря на это, он прекрасно понял, что если дать ей шанс, то она полностью выполнит свои угрозы. И все же Оскас питал к ней незатухающую страсть. Теперь, когда приближалось время отъезда, он снова стал ее преследовать.

Бёртон, разговаривая с ним, этого не забывал. Не следует давать Оскасу повод думать, что у него осталось совсем мало времени, чтобы затащить Логу в свою постель.

— Нет, мы еще не отплываем. Мы постараемся осуществить тот план, который я для тебя придумал. И я, и мои люди пойдем в авангарде тех, кто будет брать корабль.

Однако, как тебе известно, важно, чтоб мы взяли его в тот момент, когда он будет забирать молнии из питающего камня. Если он будет в движении, у нас ничего не выйдет. Я рассчитал примерно, где находится то ближайшее от нас место, в котором он остановится вернее всего. Я не могу указать его точно. Но примерный район протяженностью в четыре—пять питающих камней его вечерней остановки я знаю.

Наш корабль нуждается в пробном рейсе. Я хочу его сделать завтра. Я отправлюсь к тому месту, где большая лодка должна, по моим расчетам, остановиться, и посмотрю, какова там ситуация. Мы должны точно знать, как выглядит тамошняя береговая линия, если собираемся атаковать могучий корабль и иметь шансы на успех. Хочешь поехать с нами?

— Конечно поеду. Я же не собираюсь слепо лезть в драку.

Это сняло невысказанные подозрения Оскаса, что «Снарк» может не вернуться из своего плавания. Но и в этом случае он поставил в близлежащей хижине караул из четырех воинов, чтоб они не спускали глаз с корабля, хотя «забыл» предупредить об этом Бёртона. В ту ночь вся команда «Снарка» в тумане тихонь-

ко ушла в холмы. Там они выкопали «дармовые» граали из ямы у подножия горы, перенесли их на борт и спрятали в заранее приготовленном месте, которое выглядело как прочная солидная перегородка.

На следующий день Оскас после завтрака явился на борт с семью своими лучшими воинами, что здорово стеснило команду. Но Бёртон не стал возражать. Он щедро раздавал алкоголь из лишайников, приправленный размолотыми листьями железного дерева. Команде же был отдан приказ воздержаться от выпивки. Во второй половине дня вождь и его люди уже превратились в компанию орущих и хохочущих пьяниц. Даже ленч и тот был не в силах их протрезвить хотя бы в самой ничтожной степени. Бёртон продолжал накачивать своих гостей самогоном. Примерно за час до того, как «Снарк» должен был пристать к берегу для ужина, индейцы или бродили, спотыкаясь, по палубе, или валялись в тяжелом забытьи.

Было очень нетрудно столкнуть в воду тех, кто еще сохранял сознание, а вслед им швырнуть тех, кто был без сознания. К счастью, шок от соприкосновения с холодной водой сразу пробудил последних. Иначе Бёртон почувствовал бы себя обязанным подобрать их и доставить на берег.

Оскас, бултыхаясь в воде, потрясал кулаками и проклинал Бёртона на миномини и эсперанто. Хохоча, Бёртон прижал к ладони большой палец и все остальные, кроме среднего, и поднял руку вверх. Затем вытянул другую руку с распрямленными первым и четвертым пальцами — древний знак «дурного глаза», тот самый, что в наши более поздние дни стал означать «дерьмо собачье».

Изложение Оскасом тех способов, которыми он собирался отомстить обидчикам, стало еще более красочным и злобным.

Казз с широкой ухмылкой швырнул вождю его грааль так, что тот точно стукнул его по башке. Воинам пришлось долго нырять, чтобы достать вождя со дна. Когда они вытащили Оскаса на берег, то двое воинов вынуждены были его поддерживать, пока он наконец не пришел в себя.

Казз был уверен, что шишка на голове Оскаса — великолепная заключительная шутка. Впрочем, с его точки зрения, было бы еще забавнее, если б вождь вообще утонул. А ведь среди товарищей по плаванию Казз был самым общительным, внимательным и славным компаньоном, какого только можно пожелать. Конечно, он был примитивом, а все примитивы — цивилизованные или еще из дописьменных обществ — народ, необычайно высоко ставящий интересы своего племени. Племя Казза состояло из людей, и только с ними и следовало обращаться соответственно. Все, кто вне племени, хоть кое-кто из них может даже рассматриваться как друг,— это не совсем люди. Поэтому с ними вовсе не обязательно обращаться так, как с настоящими людьми.

Хотя неандерталец потерял свое племя на Земле, он обрел его в команде «Снарка». Это было его племя, его семья.

Глава 23

«Снарк» не остановился там, где, по словам Бёртона, сказанным Оскасу, им следовало ждать появления колесного парохода. Говорить ему правду было бы по меньшей мере глупо. Оскас мог добраться до своих владений очень быстро, одолжив или украв лодку. А затем вернулся бы с большим войском еще до прихода «Рекса грандиссимуса».

«Снарк» проплыл мимо намеченной остановки и продолжал плыть вниз по течению целых два дня. Все это время экипаж видел и слышал послания, отправленные Оскасом с помощью гелиографа, костров, дымовых сигналов и барабанов. Вождь объявил, что отряд Бёртона украл у него сигареты и выпивку, а потом попытался похитить самого Оскаса. Оскас предлагал награду каждому, кто схватит и задержит преступников, пока он сам не прибудет и не заберет их под свою юрисдикцию.

Бёртону следовало действовать быстро, чтобы поломать эти планы, хотя было весьма сомнительно, что власти всех этих многочисленных мелких государств попробуют арестовать команду «Снарка». Оскас вообще не пользовался хорошей репутацией из-за тех неприятностей, которые он доставил округе за эти годы. Тем не менее отдельные авантюристы вполне могли организовать своего рода каперскую* кампанию.

Бёртон вышел на берег с ящиком табака и спирта и с несколькими дубовыми кольцами. Этим товаром он заплатил главе местного отделения компании сигнальщиков за отправку собственно-

* Каперы — суда, принадлежавшие частным лицам или компаниям, которые во время войн XVII–XVIII вв. вели операции против кораблей воюющих сторон.

го послания. В нем говорилось, что Оскас лжец и что правда состоит в том, что вождь намеревался силой похитить женщину — члена их команды, а потому эта женщина и ее сотоварищи были вынуждены бежать от насильника. Оскас преследовал их, но его боевое каноэ было потоплено во время попытки взять «Снарка» на абордаж.

Бёртон добавил, что вождь и его советники обладают огромным сокровищем, пряча в тайниках по меньшей мере сотню «дармовых» граалей.

Это была явная ложь, поскольку Оскас, будучи сильно под мухой, признался Бёртону, что у него их только двадцать. Однако Бёртон без всякого зазрения совести несколько отклонился от истины. Теперь уж наверняка внимание с него переключится на самого вождя. Его собственное племя услышит об этом богатстве и поднимет настоящий скандал. Без сомнения, они потребуют, чтоб излишек «дармовых» граалей передали в общественное хранилище. Кроме того, у Оскаса возникнет проблема охраны своих сокровищ от воров. А они будут отнюдь не обязательно из его собственного племени — множество людей из соседних государств начнут думать, как бы украсть у него граали.

Так что в ближайшее время Оскас будет слишком занят, чтобы думать о мести.

Бёртон довольно посмеивался, воображая все это. «Снарк» прибыл в места, где течение Реки замедлилось. Корабль уже не раз встречался с таким явлением — Река теряла силу и не могла больше течь. На Земле это означало бы, что Река растечется по равнине, образовав озеро, затопляющее долину.

Однако, проплыв по участку Реки с почти неощутимым течением, «Снарк» опять оказался там, где оно набирало силу. Снова Река стремилась к своему далекому устью, к той легендарной пещере, которая ведет в Северное полярное море. Этому феномену существовало много объяснений, но ни одно из них не могло похвастаться достоверностью.

Одно из них заключалось в том, что на планете имеют место изменения силы тяжести, которые позволяют Реке преодолевать препятствия, возникающие из-за слишком незначительного уклона поверхности. Те, кто придерживался этой теории, говорили, что неизвестные создатели этого мира могли установить под землей такие механизмы, которые в определенных точках понижали или повышали гравитационное поле.

Другие же считали, что вода накачивается под большим давлением из труб, которые расположены глубоко под Рекой.

Третья школа мыслителей утверждала, что безостановочное течение создается комбинацией мощных насосов и генераторов, создающих «легкую гравитацию».

Четвертая же полагала, что в свое время Бог повелел воде течь в гору, а потому нет никаких причин дивиться этому феномену.

Что же касается большинства населения, то оно не считало нужным даже задумываться над такими вопросами.

Какова бы ни была причина, но Река никогда не прекращала своего течения на протяжении многих миллионов километров пути.

В конце второго дня «Снарк» остановился у причала в тех местах, где, по расчетам, должен был остановиться и огромный железный корабль. Здесь их ожидали новости, что «Рекс» сделал остановку на несколько дней. Его команда получила недолгий отпуск на берег.

— Великолепно,— сказал Бёртон.— Мы можем добраться туда завтра, и у нас будет целый день на то, чтобы уговорить капитана Иоанна принять нас к себе.

Хотя Бёртон и казался уверенным, сам себя он уверенным не чувствовал. Если его план не сработает, ему придется вести «Снарк» через район, занимаемый племенем Оскаса, да еще днем, так как ночи тут безветренные. Предупрежденный сигнальной системой, что корабль приближается, вождь будет ожидать его со всем войском. Бёртон чувствовал, что ему лучше было бы повернуть обратно вверх по течению после того, как он разделается с вождем и его конвоем, и оставить их владения за спиной. Правда, в этом случае колесный пароход мог пройти мимо «Снарка», и Бёртон потерял бы шанс побеседовать с его капитаном.

А пока не будем заботиться о дне завтрашнем, ибо планы человеческие на будущее надежны не более, чем планы мыши. Пусть завтрашний день сам заботится о своем*. Но невзирая на эти утешительные соображения, Бёртон очень беспокоился.

Большинство местного населения составляли голландцы XVI столетия, тогда как меньшинство — древние фракийцы плюс

---

* Неточная цитата из Евангелия от Матфея (6:34): «Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем; довольно для каждого дня своей заботы»

небольшой процент людей из разных мест и разных эпох. Бёртон встретил, например, некоего Флемминга, который будто знавал Бена Джонса и Шекспира среди прочих знаменитостей. Они как раз беседовали, когда некий незнакомец присоединился к их обществу, собравшемуся вокруг костра. Это был белокожий человек среднего роста, худощавый, черноволосый и голубоглазый. С минуту он постоял, внимательно всматриваясь во Фрайгейта. Затем улыбнулся во всю ширь и подбежал к нему.

— Пит! — заорал он по-английски.— Пит! Ради бога, Пит! Это я — Билл Оуэн. Пит Фрайгейт, клянусь Богом! Это ж ты, в самом деле ты, Пит!

Фрайгейт страшно удивился.

— Да? — сказал он.— Но вы, вы же... как, вы сказали, вас зовут?

— Билл Оуэн! Ради бога, ты же не мог забыть меня — Билла Оуэна, старого друга! Ты, конечно, выглядишь немного иначе, Пит. Я и то сначала глазам не поверил. Ты не такой, каким я тебя помню!

— Билл Оуэн! Я тебя тоже сначала не признал, ведь сколько прошло времени!

После этого они кинулись в объятия друг друга и стали беспорядочно болтать, мешая слова со смехом. Когда они наконец перестали обниматься, Фрайгейт представил Оуэна:

— Это мой школьный приятель. Мы знакомы друг с другом начиная с четвертого класса начальной школы. Вместе ходили в Центральную Высшую школу города Пеории, да и потом еще несколько лет дружили. Когда я наконец осел в Пеории после мотания по стране, мы, бывало, нередко встречались с ним то тут, то там, но не слишком часто, поскольку у каждого была своя жизнь, и мы вращались, можно сказать, в разных кругах.

— Оно, конечно, так,— сказал Оуэн,— но я все равно в толк не возьму, как это ты меня не узнал сразу. Впрочем, и я как-то не был уверен, что это ты. Я помню тебя немного другим. Нос у тебя стал подлиннее, глаза зеленее, рот не такой широкий, а подбородок будто покрупнее. Да и голос... ты же помнишь, как все дразнили тебя, что он у тебя точная копия голоса Гэри Купера? А теперь он звучит совсем иначе, чем мне помнится. Ну и память у меня стала, а?

— Да черт с ней, с памятью. Ты ж знаешь, Билл, у меня-то она никогда не блистала. Кроме того, мы друг друга помним

людьми среднего возраста и пожилыми, а теперь мы такие, какими были в свои двадцать пять. Кроме того, на нас нет тех костюмов, которые мы носили раньше, а тут еще шок — это ж настоящий шок: наткнуться на кого-то, кого знал раньше. Я так прямо обалдел!

— Да и я тоже! Я глазам не поверил! Слушай, ты же первый человек из наших времен, которого я тут встретил!

— А ты у меня второй,— сказал Фрайгейт.— Но то было уже тридцать два года тому назад, да и парень, которого я тогда повстречал, не из тех, с кем приятно увидеться!

Это, подумал Бёртон, должно быть, был тип по имени Шаркко. Чикагский издатель научной фантастики в твердых переплетах. Он надул Фрайгейта в какой-то довольно сложной сделке. Дело тянулось несколько лет, и в результате писательская карьера Фрайгейта была почти что погублена. И вот одним из первых людей, с которыми Фрайгейт встретился после воскрешения, оказался этот Шаркко. Бёртон не был свидетелем встречи, но Фрайгейт не раз рассказывал, как он отомстил за себя, расквасив этому парню морду.

Сам Бёртон встретил только одного знакомого по Земле, хотя знакомых у него там было множество, к тому же разбросанных по всему миру. Без этой встречи он тоже мог обойтись. Тот человек был одним из носильщиков в экспедиции Бёртона, направлявшейся на поиски истоков Нила. На пути к озеру Танганьика (Бёртон и его спутник Спик были первыми европейцами, которым предстояло это озеро увидеть) носильщик купил себе рабыню — девочку тринадцати лет. Она была слишком слаба, чтобы продолжать путешествие, поэтому носильщик отрубил ей голову, не желая, чтобы кто-нибудь другой владел ею.

Бёртон в это время отсутствовал и не мог предотвратить убийство, да и вообще не имел права наказать убийцу. Тот мог делать со своей рабыней все, что угодно, по праву. Зато Бёртон мог наказать его за другие поступки, например за лень, за воровство, за потерю груза, и он порол носильщика бичом каждый раз, когда такая возможность ему предоставлялась.

Оуэн и Фрайгейт уселись у костра и, попивая самогон из лишайника, принялись вспоминать былые времена. Бёртон заметил, что Оуэн, по-видимому, помнит события и имена друзей лучше, чем Фрайгейт. Это было удивительно, так как память у Фрайгейта была отличная.

— Помнишь, как мы, бывало, ходили на сеансы в киношки «Принцесса», «Колумбия», «Аполло»? — спросил Оуэн.— Помнишь ту субботу, когда мы решили выяснить, сколько картин мы сможем высидеть за один день? Мы отсидели двойной сеанс в «Принцессе», потом двойной в «Колумбии», тройной в «Аполло» и еще ночной в «Мэдисоне».

Фрайгейт улыбнулся и кивнул. Но выражение его лица говорило, что он ничего этого не помнит.

— А еще было время, когда мы смотались в Сент-Луис с Элом Эверхардом, Джеком Диркманом и Дэном Дубиным. Кузен Эла приготовил нам несколько девочек... все это были сестрички-медички, помнишь? Мы отправились к кладбищу... как же оно называлось?

— Будь я проклят, если помню,— ответил Пит.

— Да, но ты не забыл, как ты и та сестричка разделись и ты гонял ее по всему кладбищу, а потом прыгнул через плиту, упал, запутался в венках и сильно поцарапался об эти шипы и розы. Ручаюсь, что уж этого-то ты не забыл!

Фрайгейт смущенно улыбнулся:

— Разве такое забудешь?

— Н-да... *это полностью выдуло ветер из твоих парусов!* Да и все прочее тоже. Ха-ха!

Воспоминаний было много. Потом разговор вернулся к их первым ощущениям после воскрешения на берегах Реки. К ним присоединились и остальные, поскольку это была излюбленная тема воспоминаний. Тот день был столь грозен, внушал такое благоговение и был столь страшен и непонятен, что никто не мог его позабыть. Ужас, паника, стыд — все это до сих пор не выветрилось из их душ. Бёртон иногда думал, не говорят ли люди об этом испытании так много потому, что повторение служит для них своего рода терапией. Они надеялись избавиться от травмы путем словесной разрядки.

Все сходились на том, что каждый в этот день вел себя довольно глупо.

— Помню, какой напыщенной и надутой я была,— сказала Алиса.— Но я, разумеется, была в этом не одинока. Большинство находилось на грани истерики. Все мы испытали тогда ужасный шок. Еще удивительно, что никто не умер от инфаркта. Серьезно, мне казалось, что одного пробуждения в этом непонятном месте, после того как вы умерли, вполне достаточно, чтобы убить вас вторично — и моментально!

— Возможно,— ответил Монат,— что как раз перед самым нашим пробуждением неведомые благодетели дали нам какой-то наркотик, который понизил воздействие шока. А мечтательная резинка, которую мы нашли в наших граалях, вероятно, тоже действовала как нечто вроде послеоперационной анестезии. Хотя, должен сказать, ее воздействие проявлялось в совершенно диких формах поведения.

Алиса искоса глянула на Бёртона. Даже спустя все эти годы она все еще краснела при воспоминании о том вечере. Все их социальные запреты были сорваны с них на несколько часов, и они действовали так, будто были норками, обожравшимися шпанскими мушками. Или людьми, которыми внезапно овладели самые постыдные и потаенные фантазии.

Затем разговор целиком перешел на арктурианца. До этого, несмотря на его приятные манеры, он, как всегда бывало при первой встрече с посторонними, сталкивался с явным желанием держать его на определенной дистанции. Его бесспорно нечеловеческое происхождение заставляло не знакомых с ним людей ощущать отвращение или какую-то неловкость.

Теперь же они расспрашивали его о жизни на его родной планете и о приключениях на Земле. Кое-кто слыхал разговоры о том, что арктурианцы были вынуждены уничтожить почти все человечество на Земле. Никто из присутствующих, кроме Фрайгейта, не жил в те времена, когда арктурианский корабль прибыл на Землю.

— Вы знаете,— сказал Бёртон,— хоть это все и удивительно, но мне кажется, что этого следовало ожидать. Согласно Питу, на Земле тогда — в две тысячи восьмом году — жило восемь миллиардов людей. И тем не менее, кроме Фрайгейта и Моната и еще одного человека, я никогда не видел никого из тех, кто жил в те времена. А как вы?

Никто таких людей не встречал. Больше того, единственными местными обитателями, которые жили в семидесятые годы двадцатого века, были Оуэн и еще одна женщина. Она умерла в тысяча девятьсот восемьдесят втором году, он — в тысяча девятьсот восемьдесят первом.

Бёртон покачал головой:

— На Реке живет, вероятно, по меньшей мере тридцать шесть миллиардов человек. Наиболее многочисленную группу должны составить те, кто жил на Земле между тысяча девятьсот восемь-

десят третьим годом (я беру эту дату потому, что встретил только трех человек, которые жили позже) и две тысячи восьмым. Так где же они?

— Возможно, у следующего питающего камня,— отозвался Фрайгейт.— В конце концов, Дик, здесь никто не проводил переписи. Больше того, никто и не проведет ее. Мы проезжаем ежедневно мимо сотен тысяч людей, а со сколькими ты встречаешься, чтобы поболтать? С несколькими десятками в день. Но рано или поздно ты встретишься с тем, с кем хочешь.

Разговор еще некоторое время крутился вокруг того, как и почему они были воскрешены и кто это сделал. Спорили о том, почему здесь не растут волосы на лице мужчин, почему все мужчины очнулись лишенными крайней плоти, а у женщин была восстановлена девственная плева. Если учесть, что не надо бриться, то одна половина мужчин считала отсутствие бород благим делом, тогда как другая половина возмущалась невозможностью отрастить усы и бороду.

Выражалось удивление, что граали как мужчин, так и женщин время от времени вдруг выдавали губную помаду и другие виды косметики.

Фрайгейт сказал, что, по его мнению, их благодетели, вероятно, сами не любили бриться и что у них оба пола раскрашивали себе лицо. Это, как он считал, единственное разумное объяснение.

Затем Алиса заговорила о воспоминаниях Бёртона касательно предвосстановительной капсулы. Это привлекло всеобщее внимание, но он сказал, что все случившееся с ним позабыл. Он перенес удар по голове, который стер у него все воспоминания об этом деле.

Как всегда, когда он лгал, Бёртон уловил легкую улыбку Моната, явно имевшую отношение к нему. Бёртон подозревал, что арктурианец догадался, что он просто уклонился от разговора. Однако и на этот раз он снова промолчал. Монат явно уважал причины, по которым Бёртон скрывал свои мысли, даже если и не понимал, что это за причины.

Фрайгейт и Алиса повторили рассказ Бёртона в том виде, как запомнили его. Они допустили несколько ошибок, которые он, разумеется, не стал поправлять.

— Если это так,— сказал кто-то,— тогда воскрешение не является сверхъестественным феноменом. Оно сделано средствами науки. Поразительно!

— Да, это так,— ответила Алиса,— но почему мы больше не воскресаем? Почему смерть, вечная смерть снова вернулась?

Мрачная печаль, казалось, окутала всех присутствующих.

Молчание прервал Кадзз, сказав:

— Есть одна вещь, которую Бёртон-нак не забыл. Это история со Спрюсом. С тем агентом этиков.

Это вызвало лавину новых вопросов.

— Кто такие этики?

Бёртон сделал большой глоток виски и принялся за рассказ. Однажды, говорил он, он сам и его отряд был захвачен рабовладельцами. Смысла разъяснять это понятие не было. Все присутствующие имели тот или иной опыт общения с такими людьми.

Бёртон рассказал им, как был атакован его корабль и как все они были согнаны в загон для рабов. Потом они покидали загон только для выполнения тяжелых работ под очень строгой охраной. Весь табак, марихуана, мечтательная резинка и алкоголь у них отбирались захватчиками. Больше того, последние удерживали у них половину пищи, оставляя им самый минимум. Через несколько месяцев Бёртон и человек по имени Таргофф возглавили успешное восстание против рабовладельцев.

Глава 24

— Через несколько дней после того, как мы завоевали свободу, Фрайгейт, Монат и Кадзз пришли ко мне. Они поздоровались, и Кадзз взволнованно сказал: «Много времени назад, еще до того, как я научился говорить по-английски, я кое-что заметил. Я пытался тебе рассказать об этом, но ты меня не понял. Я видел человека, который не имел вот *этого* на лбу».

И мой друг, присутствующий здесь, мой «нак», как он называет себя на своем языке, дотронулся до своего лба и лба всех присутствующих.

Затем Кадзз сказал: «Я знаю, что ты этого не видишь. Пит и Монат тоже не видят. Никто из вас не может. Но я вижу это на лбах у всех. За исключением одного человека, которого я пытался поймать много лет назад. Кроме того, однажды я видел женщину, у которой не было такого знака, но тебе об этом ничего не сказал. А теперь увидел третьего, у которого знака тоже нет».

Я все еще ничего не понимал, но Монат мне объяснил: «Он хочет сказать, что может видеть некие символы в виде букв на лбу

каждого из нас. Видит их он лишь при ярком свете, падающем под определенным углом. Но такие символы имеют все люди, за исключением тех трех, которых он упомянул».

Фрайгейт добавил, что Казз вообще почему-то видит в той невидимой части спектра, где не-неандертальцы ничего не видят. Речь идет об ультрафиолетовой части, так как знаки, которые он видит, имеют голубоватый оттенок. Во всяком случае, так описал их Казз. Все люди, кроме редких исключений, по-видимому, имеют такие знаки. Будто мы скот с выжженным тавром. С того времени Казз и его женщина Бесст всегда следят за наличием этих знаков на лбах людей, разумеется, когда условия освещения это позволяют.

Эта новость вызвала удивление, возмущение и даже своего рода шок. Бёртон подождал, пока галдеж кончится, и продолжил рассказ:

— Те из вас, кто жил в конце двадцатого столетия, могли, вероятно, слышать, что так называемые неандертальцы подверглись переклассификации. Антропологи решили, что это был не особый вид существ, а просто вариант homo sapiens.

— Я не неандерталец, а всего лишь неандерталка, но я тоже обладаю этим свойством,— вмешалась Бесст.

Бёртон усмехнулся и ответил:

— Женская страсть к равноправию с мужчинами уходит корнями еще в каменный век. Однако разрешите мне сказать, что развитие событий показывает, что те, кто создал этот мир и согнал нас сюда с, извините за выражение, клеймом зверя, не знали, что homo neandertalis имел такую особенность. Это означает, что те «кто-то», о которых идет речь, отнюдь не всеведущи.

Однако продолжу. Я спросил, кто тот человек, у которого на лбу нет символов. Фрайгейт ответил, что это Роберт Спрюс.

Спрюс тоже находился среди рабов. Говорил, будто он англичанин, родившийся в тысяча девятьсот сорок пятом году. Вот, пожалуй, и все, что я о нем знал.

Я отдал распоряжение, чтоб его задержали для допроса. Фрайгейт ответил, что для этого придется сначала изловить Спрюса, так как тот, видимо, скрылся. Кажется, Казз сообщил ему, что не видит на его лбу клейма. Спрюс побледнел и через несколько минут куда-то поспешно вышел. Фрайгейт и Монат послали за ним погоню, а сами в это время поспешили ко мне, чтобы известить о происшествии и о том, что Спрюс исчез.

Мне показалось, что сам факт бегства служит достаточным подтверждением его вины, хотя я и не знал, в чем она заключалась. Через несколько часов Спрюса задержали как раз в то время, когда он уже собирался скрыться в холмах. Он предстал перед только что сформированным Советом недавно созданного государства. Спрюс был бледен и дрожал, хотя в глаза нам смотрел прямо и даже, пожалуй, вызывающе.

Я дал ему понять, что мы подозреваем в нем агента этиков, если не одного из них самих. И еще сказал, что мы готовы применить к нему самые крайние средства, включая пытку, чтобы добиться от него правды. Это, конечно, была ложь, ибо мы в этом случае стали бы не лучше тех, кто в свое время поработил нас. Спрюс этого, однако, не знал.

«Вы наверняка потеряете свой шанс на вечную жизнь, если начнете меня пытать. Во всяком случае, в вашем странствии это отбросит вас далеко назад и надолго задержит прибытие к конечной цели»,— ответил мне Спрюс.

Я спросил, какова эта конечная цель, но он не ответил. Вместо этого он сказал: «Мы не выносим боли. Мы слишком чувствительны к ней».

Последовал обмен еще несколькими фразами, но Спрюс наотрез отказался отвечать на наши вопросы. Затем один из советников внес предложение, чтоб Спрюса подвесили над огнем. Тогда вмешался Монат. Он сказал, что происходит из культуры значительно более развитой, чем земная. Он полагает, что обладает более надежными средствами для извлечения правды, чем остальные здесь присутствующие, и никто из нас не стал этого опровергать. Монат сказал, что очень хотел бы избавить Спрюса от боли и ожогов, а также от той боли, которую вызывает у него сам факт предательства тех, кто возложил на Спрюса его задачу. Может быть, он — Монат — попробует сформулировать некоторые выводы в отношении этиков и их агентов, а Спрюс только подтвердит или опровергнет эти выводы? Таким образом, Спрюс не совершит прямого предательства по отношению к пославшим его, кто бы они ни были.

— Весьма необычное предложение,— сказал Билл Оуэн.

— Верно. Но Монат надеялся разговорить его. Видите ли, мы вовсе не собирались применять жестокие методы допроса. Если бы нам не удалось запугать Спрюса, мы решили бы прибегнуть к

гипнозу. И Монат, и я — искусные месмеристы. Но, как оказалось, в этих приготовлениях нужды не было.

Монат ему сказал: «Моя теория заключается в том, что все вы земляне. Вы явились из времени, хронологически далекого от две тысячи восьмого года. Фактически вы потомки тех немногих, кто пережил гибель человечества от луча смерти, направленного с нашего корабля, находившегося на орбите». Монат решил, что технология и энергия, необходимые для того, чтобы превратить эту планету в одну речную долину, должны быть очень продвинутыми. Он предположил, что Спрюс родился в пятидесятом столетии нашей эры.

Спрюс ответил, что ему следовало бы добавить еще две тысячи лет. Тогда Монат высказал мнение, что далеко не все земляне были воскрешены. Для всех тут не хватило бы места. Известно, что тут отсутствовали дети, которые умерли в возрасте менее пяти лет. И хотя невозможно доказать, похоже на то, что ни идиоты, ни сумасшедшие тоже не были воскрешены. А также никто из тех, кто жил после две тысячи восьмого года, за исключением самого Спрюса.

— А где же находились эти люди?

— Спрюс ответил, что где-то в другом месте, и это все, что он может сказать по этому поводу. Затем Монат спросил его, как были «записаны» земляне. Иначе говоря, каким механизмом пользовались этики, чтобы записать информацию, почерпнутую из наших тел. Поскольку было очевидно, что средства, использованные для нашего воскрешения, относились к сфере науки, а не к сверхъестественным силам, это означало, что каждый живущий от каменного века до две тысячи восьмого года был каким-то образом обследован и структура каждой его клеточки записана, а сама запись где-то спрятана, чтобы быть использованной впоследствии для воскрешения тела.

Монат сказал, что запись, должно быть, помещается в конвертер, превращающий энергию в материю и таким образом дублирующий наши тела. Такие вещи, как переломы костей, раны и болезни, вызвавшие смерть, каким-то образом устраняются. Ампутированные органы и члены восстанавливаются. Я сам наблюдал процесс регенерации, когда очнулся в предвоскресительной камере. Кроме того, все умершие в возрасте старше двадцати пяти лет были омоложены.

Далее Монат постулировал, что тела в предвоскресительных капсулах уничтожались после того, как регенерационный процесс был завершен. С восстановленных тел делалась новая запись, и она использовалась на окончательной стадии — на стадии Великого воскрешения, когда мы все вместе оказались здесь в Тот-Никогда-Не-Забываемый-День.

Монат также предположил, что воскрешение было совершено с помощью системы питающих камней. Иначе говоря, все эти камни глубоко под землей соединены какой-то сложной электрической сетью, и энергия поступает в нее от раскаленного железоникелевого ядра этой планеты.

И тогда Монат спросил: «Но главный вопрос вот в чем — *ЗАЧЕМ?*»

И тут Спрюс ответил: «Если б ты сам обладал возможностью осуществить подобный проект, неужели же ты не почел бы это своим моральным долгом?»

Монат ответил, что, вероятно, да. Но он вернул бы к жизни только тех, кто заслуживает второй жизни.

И тут Спрюс страшно разозлился. Он закричал, что Монат ставит себя на одну доску с Богом. Все люди, независимо от того, насколько они глупы, эгоистичны, мелочны, жестоки и так далее, должны получить еще один шанс переделать себя и стать *достойными*. Это не должно быть сделано за *них;* они сами каким-то образом должны поднять себя, так сказать, за собственные ботиночные шнурки.

Монат спросил Спрюса, сколько времени потребует такой процесс. Тысячу лет? Две? Миллион?

Спрюс опять рассердился и крикнул: «Вы останетесь здесь столько времени, сколько понадобится для процесса выздоровления! А затем...»

Он замолчал, глядя на нас так, будто ненавидел каждого в отдельности, а потом закончил: «Продолжительный контакт с вами заставляет даже самых крепких из нас перенимать кое-какие черты ваших характеров. Нам после этого приходится проходить через процесс реабилитации. Я сам чувствую себя уже нечистым...»

Один из советников, желая надавить на него сильнее, посоветовал подвергнуть его пытке огнем, чтобы развязать ему язык окончательно.

Спрюс крикнул: «Вы не посмеете! Я должен был сделать это раньше! Кто знает, что...»

Бёртон сделал драматическую паузу.

— А затем Спрюс умер.

Раздались изумленные возгласы, кто-то сказал: «Mein Gott!»*

— Да, но это еще не конец истории. Тело Спрюса было унесено для вскрытия. Всем показалось, что вряд ли возможно такое совпадение, чтоб у него случился инфаркт именно в тот момент. Совпадение было не только слишком благоприятно для него, но и неслыханно вообще.

Пока тело вскрывали, мы обсуждали случившееся. Кое-кто из нас считал, что Спрюс солгал. Или, скорее, сообщил нам полуправду. Все мы сошлись на том, что в долине есть люди, являющиеся агентурой этиков, а может быть, и самими этиками. Эти люди не имеют на лбах клейма.

Но похоже, что теперь мы больше не в состоянии выявить их, используя особенности зрения Каззa. Спрюс будет возрожден где-то в штаб-квартире этиков, где бы она ни находилась. Он расскажет своим друзьям, что мы теперь осведомлены насчет символов. И конечно, они будут ставить такие же клейма на лоб своих агентов.

Это займет какое-то время, а пока Каззу, возможно, удастся найти еще кого-нибудь из них. Но этого не произошло. Ни он, ни Бесст не встречали больше никого, кто бы не имел клейма. Впрочем, тут тоже нет ничего удивительного. Ведь неандертальцам нужно рассмотреть людей при совершенно особых условиях и с очень близкого расстояния.

Часа через три врач, делавший вскрытие, явился для доклада. Он не обнаружил ничего особенного при анатомировании Спрюса. Ничего, что отличало бы его от других представителей рода homo sapiens.

И снова Бёртон сделал паузу.

— За исключением одной мелочи. Этой мелочью был крошечный черный шарик! Доктор нашел его на поверхности лобной части мозга. Шарик был соединен с церебральными волокнами тончайшими проволочками. Мы решили, что Спрюс в буквальном смысле этого слова пожелал себе смерти.

Каким-то образом шарик был связан с мыслительным процессом так, что Спрюс мог мысленно убить себя. Возможно, для

* Мой Бог! *(нем.)*

этого был необходим какой-то код, мысленное повторение которого освобождало яд, поступавший прямо в мозг. Доктор не нашел никаких доказательств этого, но ведь он не располагал нужными химикатами, чтобы проделать точные анализы.

Во всяком случае, в теле Спрюса не было обнаружено никаких других изъянов. Что-то остановило его сердце, но доктор не знал, что именно.

— Значит, такие люди могут быть и среди нас? Вот здесь, у костра, в этой группе? — спросила какая-то женщина.

Бёртон кивнул, и все тут же оживленно заговорили. После минут пятнадцати галдежа Бёртон встал и напомнил своей команде, что уже время идти спать. По дороге к кораблю Каззa задержал Бёртона.

— Бёртон-нак, когда ты упомянул, что Монат и ты гипнотизеры, это... ну... заставило меня подумать кое о чем. Я никогда не думал об этом раньше... и вообще, может, тут ничего такого и нет... но если...

— Ну?

— Да ерунда! Я уверен — ерунда. Только все-таки как-то странно. Понимаешь, я сказал тогда Спрюсу, что вижу, будто у него нет знака на лбу. Он несколько минут спустя ушел, но я ноздрями ощутил запах его страха. В это время тут были и другие — ели свой завтрак. Таргофф, доктор Штейнборг, Монат, Пит и еще кое-кто. Таргофф сказал, что надо собрать Совет, хотя это произошло уже после того, как Спрюс ушел. Монат и Пит поддержали его. Но сказали, что хотели бы расспросить меня еще раз. «Ты,— сказали они,— знаешь, как выглядят эти знаки. Они похожи друг на друга или различаются?»

Я сказал — различаются. Большинство из них... как сказать? Сходны. Именно так. Но каждый... Какого черта! Ты ж знаешь, как они выглядят, я же рисовал тебе картинки!

— Кроме того, что они похожи на китайские иероглифы, они больше ничего мне не напоминают,— сказал Бёртон.— Я думаю, что это символы, изображающие какую-то систему цифр.

— Ага, я помню, что ты сказал. Но дело в том, что Монат и Фрайгейт отвели меня в сторону еще до того, как мы отправились в твою хижину, чтобы рассказать, что случилось. По правде говоря, мы зашли в хижину Моната.

Каззa помолчал.

— Ну? — нетерпеливо бросил Бёртон.

— Я стараюсь вспомнить и не могу. Я зашел в хижину, и это все!

— Что ты хочешь сказать этим «и это все»?

— Бёртон-нак, я хочу сказать, что это все. Я не помню ничего, что случилось после того, как мы вошли в хижину. Помню, я взглянул сквозь дверной проем. А потом помню только, что мы с Монатом, Питом и другими советниками идем к твоей хижине.

Бёртон почувствовал силу нанесенного удара, но еще не понимал, что это за удар и откуда он пришел.

— Ты хочешь сказать, что не помнишь ничего от момента, когда ты вошел в хижину, и до того, как вышел из нее?

— Нет, я не помню и как выходил из нее. Я внезапно оказался в сотне шагов от хижины Моната, я шел и разговаривал с ним о чем-то.

Бёртон нахмурился. Алиса и Бесст стояли на причале, оглядываясь и удивляясь, что задержало их мужей.

— Очень странная история, Казз. Почему ты не рассказывал мне об этом раньше? Ведь столько лет прошло после этого случая, ты что — раньше об этом не думал? Так, что ли?

— Нет, не думал. Странно, правда? Ни единой, самой мимолетной мысли. Я и теперь не вспомнил бы даже о том, как входил в хижину, если б Логу не заговорила об этом вчера. Она видела, как я вхожу туда, но так как ее потом не было среди нас, то она и не знала, что у нас тогда случилось.

Дело в том, что она стояла у входа в их общую с Фрайгейтом хижину. Фрайгейт, Монат и я собирались войти в нее. Но когда увидели, что там Логу, мы пошли к Монату. Совершенно случайно она упомянула об этом вчера. Мы вспоминали о том времени, когда были рабами, и кто-то назвал Спрюса. Тут она и спросила меня, о чем тогда разговаривали мы с Монатом и Питом. Она сказала, что часто думала о том, зачем им понадобилось говорить со мной наедине.

Раньше она никогда об этом не заговаривала, так как считала сущим пустяком. Да все это действительно было пустяком, хоть ей и было любопытно, в чем там дело, а поскольку сейчас вдруг вспомнили об этом времени, то она решила спросить меня. Ты же знаешь — бабы народ любопытный.

— Женщины любопытны, как кошки,— сказал Бёртон и хмыкнул.— А мужчины — как обезьяны.

— Что? Что ты хочешь этим сказать?

— Сам не знаю, но звучит недурно. Я подумаю насчет объяснения попозже. Значит, именно слова Логу заставили тебя вспомнить события, предшествовавшие тому, как ты вошел в хижину Моната, и последовавшие за уходом из нее?

— Нет. Не сразу, Бёртон-нак. Я просто удивился тому, что она сказала. Начал напрягать память. Просто слышал, как скрипят мои мозговые извилины. Наконец вспомнил, будто в тумане, как мы собирались войти в хижину Пита. Затем вроде бы вспомнил, что там была Логу и как Монат говорил, что придется воспользоваться его хижиной. А еще потом... Я с трудом припомнил, что вхожу в нее.

— А пока ты с ней разговаривал, ты не заметил, что я сижу у огня и мрачно смотрю в сторону, как будто на лице у меня собираются грозовые тучи?

— Нет, я подумал, что ты просто, как обычно, слишком много съел и выпил.

— Это верно. Но дело было не в том, что у меня бурлили газы в животе. Главное — это газы в мозгу. А ты, часом, припомнив все это, ничего не сказал Монату и Фрайгейту?

— Нет.

— Вот и дальше не говори.

Может, у Казза низковат лоб, но глупым его никак не назовешь.

— Ты думаешь, что с этими двумя что-то неладно?

— Я не знаю,— ответил Бёртон.— Мне отвратительно даже подумать такое! После всех этих лет... и они же отличные ребята... Во всяком случае...

— Мне это кажется невозможным,— сказал Казз. Его голос звучал так, будто сердце готово разорваться.

— Что невозможно?

— Не знаю что. Но что-то плохое.

— Не знаю,— ответил Бёртон,— вполне могут быть другие объяснения, кроме того, о котором я сейчас думаю. Но в любом случае никому не говори ни слова.

— Не буду. Только... Слушай, у них же у обоих на лбу есть эти знаки. И всегда были. Поэтому если агенты этиков в те вре-

мена еще не носили подобных знаков, то ни Пит, ни Монат агентами быть никак не могут!

Бёртон улыбнулся. Мысли Казза были одновременно и его мыслями. И тем не менее дело явно требовало расследования. Но как провести его, не насторожив тех двоих? Правда, вполне возможно, что им вовсе нечего прятать.

— Да. Я знаю это. Не забывай, что и Бесст тоже видела их знаки. Так что у нас есть двойное подтверждение, хотя, в общем-то, оно нам и не особенно нужно. И все же — молчок, пока я не подам тебе сигнал.

И они двинулись к «Снарку».

— Не понимаю я,— бурчал Казз,— но уверен, что у меня возникли дурные предчувствия. Эх, видно, надо было покрепче держать язык за зубами. Логу обязательно могла что-то вякнуть по этому поводу...

Глава 25

Бёртон прохаживался взад и вперед по тонущей в тумане палубе. Хотя тело Бёртона благодаря окутывающим его покрывалам и не ощущало холода, зато лицо прямо заледенело. Откуда-то в эти места пришел необычайно холодный воздух, и клубы тумана громоздились чуть ли не до половины высоты мачты. Дальше вытянутой руки Бёртон ничего перед собой не видел.

Насколько он знал, сейчас на борту спали все, за исключением его самого. Компанию ему составляли только собственные мысли. А они, как назло, разбегались в разные стороны, подобно стаду овец, пасущихся на склоне холма. Бёртону пришлось немало потрудиться, чтобы собрать их вместе, привести хоть в какой-то порядок и помешать им снова удрать на пастбище. А каково это пастбище? Что-то горчит его трава!

Ему пришлось перелистать все тридцать три года пребывания в долине, отбирая при этом из памяти все, что так или иначе касалось Моната и Фрайгейта. Какие их действия и слова можно было счесть подозрительными? Какие кусочки ложились в эту мрачную головоломку, с которой ему приходилось сейчас возиться?

В тот страшный и в то же время счастливый день, день, когда он восстал из мертвых, первым, кого он встретил, был арктурианец. Из всех, с кем он столкнулся в тот день, Монат действовал наиболее разумно и спокойно. Он понял суть ситуации на удивление быстро, оценил сложившуюся обстановку и мгновенно осознал назначение граалей.

Вторым, на кого Бёртон обратил особое внимание, был неандерталец Казз. Тот, однако, сначала даже не пытался заговорить с Бёртоном. Казз просто бродил за ним по пятам. Питер же Фрайгейт был вторым человеком, заговорившим в этот день с Бёртоном. И, как теперь вспомнил Бёртон, Фрайгейт показался ему парнем легким и многое не принимающим близко к сердцу. Это было странно, особенно если учесть, что Фрайгейт сам говорил, что сильно испуган и близок к истерике.

Последовавшие события вроде бы подтверждали это. Однако постепенно и особенно за последние двадцать лет Фрайгейт умудрился преодолеть свои недостатки. Что это значило — что он воспитал в себе уверенность или просто вышел из роли и перестал ее играть?

Конечно, могло быть полнейшей случайностью, что второй по счету встреченный человек оказался тем, кто на Земле написал биографию Бёртона. Как много на свете исследователей его биографии? Десять? Двенадцать? А какова вероятность, что один из них будет воскрешен в нескольких метрах от него самого? Двенадцать шансов на тридцать шесть миллиардов.

И все же это не противоречило вероятности, не было чем-то абсолютно невозможным.

Затем к тем, кто собрался вокруг Бёртона, присоединился Казз. Потом Алиса, затем Лев Руах.

Сегодня, когда Казз стоял на руле, Бёртон подошел к нему и с ним заговорил. Разговаривал ли Казз с Монатом или Фрайгейтом в День воскрешения, когда Бёртона с ним не было рядом? Не может ли Казз вспомнить что-либо подозрительное в их поведении?

Казз покачал своей толстолобой башкой:

— Я несколько раз оставался с ними наедине, когда тебя не было видно. Но я не помню ничего странного. Вернее, Бёртоннак, я не заметил ничего, что было бы более странным, чем то, что диктовалось самой странностью обстановки. В тот день ведь все было странным.

— В тот день ты замечал знаки на лбу людей?

— Да. Иногда. Особенно когда солнце стояло высоко.

— А что ты скажешь о Монате и Фрайгейте?

— Я не помню, чтоб тогда видел у них эти знаки. Но ведь я не помню и того, что я видел их у тебя. Свет должен был падать под определенным углом.

Бёртон вытащил из висевшей у него через плечо сумочки свёрток бумаги, изготовленной из бамбука, заостренную рыбью кость и деревянную бутылку с чернилами. Он взял на себя штурвал, пока Кадзз пытался изобразить знаки, которые он видел на лбах арктурианца и американца. У обоих они представляли три параллельные линии, перечеркнутые тремя тоже параллельными вертикалями; рядом стоял крест, заключенный в круг.

Линии были одинаковой длины и толщины и лишь немного утолщались на кончиках. У Моната линии становились толще вправо, а у Фрайгейта — влево.

— А у меня какие знаки на лбу? — спросил Бёртон.

Кадзз изобразил четыре волнистые параллельные горизонтали и рядом с ними значок, похожий на английское «&». Ниже значка шла короткая, тонкая и прямая горизонтальная черточка.

— У Моната и Фрайгейта знаки удивительно схожи,— заметил Бёртон. По его просьбе Кадзз нарисовал знаки каждого члена их команды. Никакого сходства между ними не было.

— А ты не помнишь знака Льва Руаха?

Кадзз кивнул и минуту спустя вручил Бёртону рисунок. Бёртон был разочарован, хотя особых причин для этого вроде не было. Символ Руаха был совсем не похож на символы обоих подозреваемых.

И вот теперь, шагая по палубе, Бёртон задумался над тем, почему он ожидал, что символы на лбу Руаха будут схожи с символами этих двоих? Что-то, казалось, стучалось ему в мозг, какое-то подозрение, суть которого он никак не мог нащупать. Была между этими тремя людьми какая-то связь, но она ускользала от него каждый раз, когда ему начинало казаться, что он уже поймал ее.

Хватит ему размышлять. Пора дело делать.

Большой белый тюк, лежащий у стенки каюты, оказался неандертальцем, закутанным в белые покрывала. Ориентируясь на звук громкого храпа, Бёртон подошел к нему и тряхнул за плечо. Всхрапнув в последний раз, Кадзз проснулся.

— Время?

— Время!

Сначала, однако, Кадзу приспичило облегчиться прямо через борт. Бёртон зажег фонарь с рыбьим жиром, и они спустились по сходням на причал. Отсюда они вышли на берег, а потом направились к своей цели — к маленькой пустой хижине, расположенной в двух сотнях шагов от причала. Сначала они сбились с пути, и им пришлось поплутать в тумане, прежде чем они наткнулись на нее. Войдя внутрь, Бёртон притворил дверь. Кадзз еще вечером бросил охапку дров и стружек в каменный очаг. Вскоре затеплился слабый огонек. Кадзз уселся в бамбуковую качалку, стоявшую перед огнем, и тут же закашлялся от дыма, который легкий сквозняк выдувал из трубы в комнату.

Погрузить Кадзза в гипнотический сон оказалось совсем нетрудно. Он постоянно служил медиумом Бёртону все эти годы в тех случаях, когда Бёртон решал позабавить местную публику, демонстрируя свои способности гипнотизера.

Теперь Бёртон припомнил, что Монат и Фрайгейт всегда присутствовали при этих представлениях. Нервничали они тогда или нет? Если да, то очень умело скрывали беспокойство.

Бёртон велел Кадзу вернуться к тому времени, когда он в присутствии нескольких завтракавших приятелей упомянул, что у Спрюса на лбу нет клейма. Мало-помалу продвигаясь дальше, он подвел Кадзза к тому моменту, когда неандерталец вошел в хижину Моната. Вот тут-то он и наткнулся на первое сопротивление.

— Ты уже в хижине?

Кадзз, глядя перед собой, но явно видя лишь прошлое, ответил:

— Я у двери.

— Входи внутрь, Кадзз.

Кадзз сделал усилие и задрожал.

— Не могу, Бёртон-нак.

— Почему не можешь?

— Не знаю.

— Может быть, в хижине есть что-то страшное?

— Не знаю.

— Может, кто-нибудь сказал тебе, что в хижине есть что-то плохое?

— Нет.

— Тогда тебе нечего бояться. Кадзз, ты отважный человек, не так ли?

— Я знаю, что я такой и есть, Бёртон-нак.

— Так почему же ты не входишь внутрь?

Казз потряс головой:

— Не знаю, что-то...

— Что-то? А что именно?

— Что-то говорит мне... говорит мне... не могу вспомнить.

Бёртон прикусил нижнюю губу. Горящие сучья трещали и шипели.

— Кто говорит тебе? Монат? Фрайгейт?

— Не знаю.

— Думай!

Лоб Казза избороздили морщины. Снова затрещало пламя. Услышав его, Бёртон улыбнулся:

— Казз!

— Да?

— Казз! В этой хижине находится Бесст. Она кричит! Неужели ты не слышишь ее воплей?

Казз распрямился и огляделся по сторонам; его глаза широко раскрылись, ноздри вздрагивали, зубы ощерились.

— Я слышу ее. Что там случилось?

— Казз! В хижине спрятался медведь. Он напал на Бесст. Бери копье и убей медведя, Казз! Спасай Бесст!

Казз вскочил, его рука сжала воображаемое копье; он прыгнул вперед. Бёртону пришлось отшатнуться в сторону, чтобы освободить Каззу дорогу. Казз споткнулся о стул и рухнул лицом вниз.

Бёртон поморщился. А вдруг удар выведет Казза из транса? Нет, Казз уже вскочил на ноги и готовился к следующему прыжку.

— Казз! Ты уже в хижине! Вот он медведь! Коли его! Убей медведя!

Оскалив зубы, Казз схватил воображаемое копье обеими руками и всадил его во врага.

— Эй-й! Эй-й! — последовал поток похожих на рычание слов. Бёртон, который выучил кое-что из родного языка Казза, понял их.

— Я — Человек-Который-Убил-Белозубого! Умри же, Волосатый-Который-Спит-Всю-Зиму! Умри, но сначала прости меня! Я должен это сделать! Умри! Умри же!

— Казз! Он убежал прочь,— крикнул Бёртон.— Медведь выскользнул из хижины! Бесст спасена!

Казз перестал разить копьем. Теперь он стоял прямо, недоуменно оглядываясь по сторонам.

— Казз! Уже прошло несколько минут. Казз! Бесст ушла. Ты теперь стоишь в хижине! *Внутри* ее! Тебе нечего бояться. Ты вошел в хижину, и тебе нечего опасаться. Но кто там сейчас с тобой?

Казз! Ты находишься в хижине спустя несколько минут после того, как увидел, что у Спрюса на лбу отсутствуют знаки. Кто тут в хижине, кроме тебя?

Неандерталец утратил свирепое выражение лица. Он тупо смотрел на Бёртона.

— Кто? Ну, как же — Монат и Пит.

— Отлично, Казз. Теперь... кто первым заговорил с тобой?

— Монат.

— Скажи мне, о чем он говорил? Скажи мне также, что говорил Фрайгейт.

— Фрайгейт не говорил ни слова. Говорил один Монат.

— Скажи мне, что он говорил... что он говорит сейчас?

— Монат говорит: «Теперь, Казз, ты позабудешь все, что происходило в этой хижине. Мы поговорим минуту, а потом уйдем. После того как ты выйдешь отсюда, ты не вспомнишь ни как входил в хижину, ни как вышел из нее. Все, что было между этими событиями, ты забудешь. Если кто-нибудь спросит тебя об этом времени, ты скажешь, что ничего не помнишь. И это не будет ложью, потому что ты действительно все позабудешь. Верно ведь, Казз?»

Неандерталец кивнул.

— «А еще, Казз, просто для того, чтобы не сомневаться... Ты в первую очередь должен забыть то, как я повелел тебе выбросить из памяти случай, когда ты сказал мне и Фрайгейту, что у нас на лбу нет знаков. Ты сейчас помнишь тот случай, Казз?»

Казз покачал головой:

«Нет, Монат».

И он тяжело вздохнул.

— Кто это вздохнул? — спросил Бёртон.

— Фрайгейт.

Видимо, это был вздох облегчения.

— Что еще говорит Монат? Говори и то, что ты ему отвечал.

«Казз, когда я говорил с тобой в тот первый раз, сразу же после того, как ты сказал нам с Фрайгейтом, что у нас на лбу нет знаков, я тебя попросил сказать, что Бёртон рассказывал о своей встрече с Таинственным Незнакомцем. Я подразумевал того, кто мог назваться этиком».

— А-а-а! — воскликнул Бёртон.

«Ты помнишь это, Казз?»

«Нет».

«Конечно нет. Я велел тебе все позабыть. Но теперь я прошу тебя вспомнить. Ты помнишь тот разговор, Казз?»

Последовало молчание, длившееся секунд двадцать. Затем неандерталец произнес:

«Да. Теперь я помню».

«Очень хорошо, Казз. Говорил ли тебе Бёртон что-нибудь об этом этике? Или о ком-нибудь, все равно, о мужчине или женщине, кто бы заявил, что является одним из тех, кто воскресил нас из мертвых?»

«Нет, Бёртон-нак никогда не говорил мне ничего подобного»

«Но на будущее помни, что, если он когда-либо скажет нечто похожее, ты сразу же придешь ко мне и расскажешь.

Ты сделаешь это, однако, когда никого рядом с нами не будет. Где никто нас не подслушает. Ты понял?»

«Да, я понял».

«А если меня по какой-то причине не будет, если ты не сможешь отыскать меня, потому что я умер или путешествую, ты обратишься к Питеру Фрайгейту или Льву Руаху вместо меня. Понял?»

— Значит, и Руах тоже! — тихо сказал Бёртон.

«Да, я понял. Я скажу Питеру Фрайгейту или Льву Руаху, если тебя не будет».

«И ты расскажешь им об этом, только если рядом никого не будет, где не может быть подслушивающих. Ты понял?»

«Да, я понял».

«Отлично, Казз. Все очень хорошо. А теперь мы уйдем. И когда я дважды щелкну пальцами, ты забудешь и это, и тот первый раз».

«Да, я это понял».

«Казз, ты еще... ой, ой! Кто-то нас зовет! А времени на придумывание объяснений у нас нет! Пошли!»

Бёртону оставалось только додумать, в чем смысл последней неоконченной фразы. Монат, должно быть, хотел сказать Каззу, что тому следует говорить, если кто-нибудь спросит, о чем был разговор. Это было удачей для Бёртона. Если бы у Казза было хоть сколько-нибудь надежное прикрытие, то Бёртон так и не заметил бы ничего подозрительного.

Глава 26

— Садись, Казз,— сказал Бёртон.— Устраивайся поудобнее. Посиди тут немножко. А я сейчас уйду. Через некоторое время сюда придет Монат, и он будет говорить с тобой.

— Я понимаю.

Бёртон вышел из хижины и с минуту постоял неподвижно. Он мог бы выдать себя за Моната и в самом начале этого спектакля. Вероятно, это помогло бы быстрее преодолеть сопротивление Казза, и Бёртону не пришлось бы прибегать к этому трюку с Бесст и медведем.

Он снова вошел в хижину и сказал:

— Привет, Казз, как живешь?

— Отлично, Монат. А твои как дела?

— Прекрасно. Ладно, Казз. Я начну с того места, на котором твой друг Бёртон остановился. Мы вернемся к тому первому разу, когда я говорил с тобой сразу после того, как ты заметил, что ни у меня, ни у Фрайгейта нет знаков на лбу. Ты ведь сейчас помнишь этот случай, так как я — Монат — велел тебе припомнить его.

Вернись к тому моменту, как ты сказал об этом Монату. Помнишь?

— Да, я помню.

— Где были ты, Монат и Фрайгейт?

— Мы были у питающего камня.

— В какой день или какую ночь это было?

— Я не понимаю.

— Я хочу сказать, сколько дней спустя после Дня воскрешения это случилось?

— Через три дня.

— Расскажи, что случилось после того, как ты им сказал об отсутствии у них знаков.

Казз, говоря монотонным голосом, описал события, которые последовали сразу за этим. Монат сказал, что он и Фрайгейт хотели бы поговорить с ним наедине. Они пересекли равнину и вышли к холмам. Там под гигантским железным деревом Монат пристально поглядел в глаза Каззу. Он не прибегал ни к каким механическим приспособлениям и даже не сказал Каззу, что он хочет делать. Монат просто загипнотизировал его.

— Мне показалось, будто что-то темное надвигалось от него. Что-то темное и очень могучее.

Бёртон кивнул. Он видел, как Монат демонстрирует свою силу. Этот «животный магнетизм», как он назывался во времена Бёртона. Монат куда более сильный гипнотизер, чем Бёртон, и именно по этой причине последний никогда не позволял арктурианцу гипнотизировать его. Больше того, Бёртон предпринимал предосторожности, которые помешали бы Монату захватить его врасплох. Прибегнув к очень тонкому самогипнозу, Бёртон внушил себе самому, что он никогда не должен разрешать себе подчиняться гипнозу Моната. Однако Монат мог оказаться обладателем такой силы, которая сняла бы эту команду, а потому Бёртон соблюдал железное правило — никогда не оставаться с Монатом наедине.

Эти предосторожности основывались на страхе, что Монат может случайно наткнуться на тот эпизод, когда Бёртона посетил этик. А это была сокровенная тайна Бёртона, которую он не хотел выдавать никому. Принимая эти предосторожности, Бёртон, конечно, и не подозревал, что Монат может оказаться сам одним из этиков.

Интересно было бы узнать, не является ли и Фрайгейт экспертом-гипнотизером? Этот парень никогда даже не намекнул, что он обладает этим даром. Но в свое время он категорически отказался от предложения Бёртона загипнотизировать его. В качестве причины он сослался на то, что не может вынести даже мысли о том, что потеряет контроль над собой.

Казз вспомнил, как во время этой встречи Монат бросил Фрайгейту несколько слов насчет способности неандертальца видеть символы на лбах других людей.

«Мы об этом ничего не знали. Надо сообщить в ШК сразу же, как появится такая возможность».

Итак, подумал Бёртон, Монат и Фрайгейт время от времени могут связываться с этиками. Как они это устраивают? Может быть, в качестве одного из способов связи у них есть договоренность о приземлении в заранее условленных местах летающих машин, одну из которых Бёртон видел мельком. Тех машин, что вдруг возникают и тут же исчезают из поля зрения во время полета?

Надо думать, эти двое не спускали с него глаз. Это и было одной из причин того, что таинственный незнакомец посетил его ночью и именно во время бури. Этот этик мог знать, что Фрайгейт и Монат входят в состав группы Бёртона. Однако он ни разу не упомянул о них и даже не предупредил Бёртона о такой опасности.

Больше того, Монат сказал тогда Каззу, что начиная с этой минуты тот будет видеть знаки на его лбу и лбах его двух товарищей.

Но почему он не дал Каззу установку видеть такие знаки на всех, кто на самом деле их не имел?

Может, он подумал, что в этом нет необходимости? Ведь шанс наткнуться на другого неандертальца, которые вообще очень немногочисленны, был очень мал. И все же такая установка полностью снимала бы опасность разоблачения других агентов.

Объяснение, вероятно, очень простое. Монату пришлось бы описать знаки каждого агента, шныряющего по долине. А их могли быть сотни и даже тысячи, насколько мог судить Бёртон. Так что попытка выйти из затруднения таким образом была просто неосуществима.

Монат не очень ошибался, думая, что неандертальцы попадаются очень редко. За все время путешествия Бёртон насчитал их не больше сотни. И всех их, кроме Казза и Бесст, он видел мельком, на большом расстоянии и в течение лишь одного-единственного дня.

И все же они встретились с Бесст.

Бёртон постарался припомнить точные обстоятельства, при которых они встретились. Это было три года назад, когда они вышли вечером на берег. Тот район был населен преимущественно китайцами из XIV века нашей эры и древними славянами. Бесст жила с китайцем, но с самого начала она дала понять, что хочет уйти на судно вместе с Каззом. Было темно, и поэтому она могла и не заметить чего-то странного во Фрайгейте и Монате (не считая, конечно, того обстоятельства, что последний вообще не человек).

Казз и Бесст увлеклись друг другом и разговаривали до поздней ночи. Когда ее сожитель приказал ей следовать за ним, Бесст

начисто отказалась. Наступил довольно сложный момент, когда всем показалось, что китаец собирается броситься на Казза. Однако разум все же победил. Тот понял, что хоть он и выше неандертальца, но куда слабее. Казз был ростом невысок, но его массивный костяк и мощные мышцы делали его куда более сильным, чем современные люди. А страшное свирепое лицо могло напугать кого угодно.

Парочка отправилась на судно, чтобы провести ночь вместе. Видимо, заснули они где-то перед самым восходом. Мог ли Монат в это время подобраться к Бесст? Возможно. Хотя Бёртон не понимал, как тот мог этого добиться. Однако Бесст никогда и словечка не проронила насчет знаков на лбах Фрайгейта и Моната.

Казз кончил свое повествование о той встрече. Он был краток и подтверждал все то, что априори предполагал Бёртон.

Он отправил Казза за Бесст, приказав ему быть очень осторожным. Через несколько минут тот вернулся с женой. Бёртон сказал, что ее любопытство он удовлетворит потом, а пока — не разрешит ли она загипнотизировать себя? Бесст была совсем сонная и легко согласилась. Она села в то же кресло, где раньше сидел Казз.

Назвавшись Монатом, Бёртон приказал ей вернуться к тому времени, когда Монат загипнотизировал ее. Как он и думал, это произошло после того, как она и Казз легли спать. Монат просто описал ей те знаки, видение которых на лбах трех агентов он внушил ее приятелю. Затем он приказал ей в дальнейшем видеть эти знаки и наяву. Вся операция была осуществлена быстро и без всякого шума.

Монату и его друзьям сильно повезло. До того как Казз повстречал Спрюса, он видел только двух людей без знаков. И первый такой случай имел место в День воскрешения. Он окликнул этого человека, спрашивая, почему у того нет знаков. Человек убежал, причем, возможно, не потому, что понял Казза, а потому, что неправильно интерпретировал его намерения.

Позднее, уже после встречи с Бёртоном, Казз пробовал рассказать ему то, чему был свидетелем, но в те времена ни тот ни другой не имели общего языка. А потом Казз просто позабыл об этом случае, ведь все силы уходят на то, чтобы выжить.

Вторым человеком, у которого не было знаков на лбу, была женщина-монголка. Это случилось в полдень. Женщина только что вышла из Реки, где она купалась. Казз попробовал заговорить с ней, но ее мужчина, у которого такой знак имелся, увел женщину с собой. Видимо, он ее приревновал, так что, как и в первый раз, намерения Казза были истолкованы неверно.

Пока Бёртон и другие вели переговоры в Доме Совета с главой поселения, Казз оставался снаружи сторожить корабль. Когда женщина ушла, к Каззу подошли несколько местных и предложили выпить вместе самогона из лишайников, чтобы познакомиться и поболтать. Эти люди никогда не видели неандертальцев, и спирт должен был послужить средством разговорить его. Казз легко соблазнился бесплатной выпивкой и к тому времени, когда его товарищи по плаванию вернулись, был здорово пьян. Бёртон обошелся с ним сурово, чтоб Казз закаялся пить, находясь на посту.

А о женщине Казз позабыл напрочь.

После того как Бёртон вывел Бесст из транса, он долго сидел, погруженный в свои думы. Бесст и Казз нетерпеливо ерзали, бросая друг на друга недоумевающие взгляды. Наконец Бёртон принял решение. Ни к чему было держать их в неведении. Да и Алису теперь он уже не имел права исключать из числа посвященных. Тому незнакомцу он ничем не был обязан, а поскольку тот не появлялся, то Бёртон больше не был связан обещанием держать язык за зубами. Кроме того, хоть Бёртон и был скрытным человеком, но сейчас испытывал настоятельную необходимость поделиться с кем-нибудь своими открытиями. Ситуацию он обрисовал лишь в самых общих чертах, но даже на это ушло больше часа.

Бесст и Казз были поражены и забросали его вопросами. Бёртон поднял руки, требуя тишины.

— Потом! Потом! А сейчас нам придется подвергнуть их допросу. Арктурианец крепкий орешек, поэтому начнем с Фрайгейта.

И он изложил свой план действий.

— А не лучше ли нам сшибить Моната с ног и связать? Что, если он проснется, пока мы будем брать Фрайгейта?

— Мне не нужен шум, если его можно избежать. Ведь если нас услышат Логу и Алиса, то будет такой тарарам...

— Что будет?

— Галдеж. Пошли.

И все трое двинулись сквозь туман. Бёртон думал о тех вопросах, которые он задаст Фрайгейту. Например, знали ли Монат,

Фрайгейт и Руах, что Спрюс является агентом? У них было множество случаев поговорить с ним, пока все они находились в «граальном рабстве». И у Моната была возможность после успешного восстания рабов загипнотизировать Казза, чтоб тот вообразил, будто видит знак на лбу Спрюса. Тогда почему он этого не сделал?

Если у Моната не было случая загипнотизировать Казза после восстания, то он мог просто посоветовать Спрюсу быстренько покинуть эти места. Или, на худой конец, обматывать голову тканью в тех случаях, когда условия благоприятствовали «проявлению» знаков.

А может быть, Спрюс не знал, что Монат и Фрайгейт являются его сотоварищами-агентами? Возможно, агенты столь многочисленны, что каждый из них знал только немногих? Хотя уж о Монате наверняка должны были знать все.

Бёртон остановился и с трудом перевел дыхание.

Таинственный Незнакомец никогда ничего не говорил о существовании собственной агентурной сети. И все же он был предателем и мог завербовать нескольких надежных людей. Так не мог ли именно Спрюс быть одним из них? Не мог ли Монат каким-либо способом выяснить это? И отделаться от Спрюса, не рассказав ему о необыкновенных особенностях зрения Казза?

Все эти догадки не казались такими уж вероятными. Если Монат узнал, что Спрюс работает на Незнакомца, а в это само по себе трудно поверить, то почему он тогда не загипнотизировал Спрюса? Это позволило бы ему установить личность Незнакомца, если, конечно, допустить, что Спрюс это знал.

Была и еще одна возможность. Монат знал, что Спрюс способен покончить самоубийством с помощью шарика в лобной части мозга. В этом случае он мог не беспокоиться, что Спрюса вообще заставят силой выдать какую-нибудь информацию.

А еще он мог использовать Спрюса как гонца. Мог дать Спрюсу какие-то сведения, которые тот передаст после возрождения в ШК, если ШК означает штаб-квартиру.

Монат принимал участие в допросе Спрюса. Надо думать, он извлек из этого немало удовольствия. Ведь именно Монат задавал Спрюсу наводящие вопросы.

А не был ли Спрюс подготовлен Монатом заранее, какие именно давать ответы? Не были ли они все лживы?

А если да, то зачем надо было лгать? Зачем надо держать всех воскрешенных в неведении?

Вполне возможно, что Спрюс, действуя по приказу Моната, умышленно вел себя так, чтобы Казз его засек.

Едва Бёртон успел прийти к этим выводам, как троица взошла на борт «Снарка». Неандертальцы остались на палубе. Бёртон же, спустившись ощупью в каюту по трапу и пересчитав двери в закутки, остановился у двери закутка Фрайгейта и Логу. Он еле слышно открыл дверь и ступил в комнату. Это была крошечная каморка, в которой еле хватало места для двух коек, прибитых к перегородке, и места, чтоб с них слезать на пол. Такие вот закутки с койками и были единственным местом на корабле, которые хоть как-то обеспечивали частную жизнь. Даже кишечники опорожнялись тут же — в бамбуковые горшки, стоявшие рядком на полке.

Фрайгейт обычно спал на верхней койке. Бёртон неслышно сделал шаг вперед с протянутой рукой. Он хотел тихонько разбудить Фрайгейта, шепнуть ему, что пришел его черед выходить на вахту, а затем вместе с ним подняться на палубу. Там Казз мог свалить Фрайгейта одним ударом, и его отнесли бы в хижину.

Поскольку удержать Фрайгейта от самоубийства, когда он находится в полном сознании, было невозможно, Бёртон решил попытаться загипнотизировать его сразу же, как только тот очнется от шока. Это была процедура, связанная с различными сложностями, но Бёртон решил все же прибегнуть к ней. Фрайгейт, в отличие от Спрюса, мог и не отважиться на самоубийство теперь, когда воскрешений больше не было.

Впрочем, Бёртон не был уверен, что агенты этиков тоже умирают по-настоящему.

Его пальцы скользили по гладкой деревянной стенке койки. Потом они передвинулись на ткань, служившую матрасом. И замерли.

Фрайгейта в койке не было.

Бёртон переворошил белье, хотя и знал, что койка пуста. Она еще хранила тепло тела Питера. Бёртон постоял, раздумывая, что делать дальше. Может, Фрайгейт вышел на палубу, чтобы облегчиться, так как не хотел будить Логу? Или он рано проснулся и решил поговорить с капитаном еще до вступления в обязанности вахтенного?

Или он... Бёртон ощутил прилив бешенства. Может, он выскользнул из своей постели и теперь лежит с Алисой?

Устыдившись такого предположения, Бёртон тут же отбросил эту возможность. Алиса честна. Она его никогда не предаст.

Если б ей понадобился другой любовник, она бы так и сказала. Она все рассказала бы Бёртону и сейчас же ушла бы от него. Да и в то, что Фрайгейт может позволить себе нанести оскорбление Бёртону, он тоже не верил, хотя в воображении тот, возможно, и прелюбодействовал с Алисой.

Бёртон наклонился и протянул руку, коснувшись ткани простынь. Его пальцы скользнули дальше, нащупав округлость — грудь Логу под тканью. Он попятился и выбрался из каюты.

Тихо, с сердцем, бьющимся так сильно, что ему казалось, будто звук биения слышен по всему кораблю, Бёртон двинулся к закутку Моната. Прижав ухо к двери, он вслушался. Тишина. Он выпрямился, открыл дверь и ощупал верхнюю койку. Моната там не было; впрочем, он мог быть и на нижней. Если так, то дыхания можно было и не услышать.

Рука Бёртона коснулась легкой ткани.

Тихонько выругавшись, он ощупью вышел на палубу. Кazз выступил из тумана с поднятым над головой кулаком.

— Улла! В чем дело?

— Оба бежали.

— Но... но как это могло случиться?

— Не знаю. Может быть, Монат почувствовал что-то неладное. Он ведь самое чуткое существо из всех, кого я видел; он умеет читать по малейшим изменениям в выражении лица, ощущать ничтожные перемены в звучании голоса. А может, он услышал, как ты будишь Бесст, прислушался и заподозрил неладное. Я даже допускаю, что он подслушал наши разговоры у двери хижины.

— Ни Бесст, ни я шума не производили. Мы были бесшумны, как хорек, выслеживающий кролика.

— Я знаю. Погляди-ка кругом. Наш ялик цел?

Кazз вернулся с другой стороны, противоположной той, куда он ушел.

— Все лодки тут.

Глава 27

Бёртон разбудил Логу и Алису. Пока все пили горячий кофе, он рассказал им все, что произошло у него с этиками. Они казались ошеломленными, но хранили молчание до конца рассказа. А затем на него обрушился шквал вопросов, но Бёртон заявил, что ответит на них позже. Скоро наступит рассвет, а это

значит, что придется идти со своими граалями и ставить их на питающий камень, чтобы получить завтрак.

Только Алиса не сказала ни слова. Но по ее сузившимся глазам и крепко сжатым губам было видно, что она вне себя.

— Мне очень жаль, что все это пришлось скрывать от тебя,— сказал Бёртон.— Но надеюсь, ты понимаешь, насколько это было необходимо? Ведь если бы я рассказал тебе все, этики схватили бы тебя так же, как схватили меня. Они прочли бы твои мысли и узнали бы, что ошибались в своих предположениях, будто стерли из моей памяти все важные сведения.

— Они этого не сделали бы,— сказала Алиса.— И такая мысль вряд ли могла взбрести им в голову.

— Откуда ты знаешь, что они этого не сделали бы? — спросил Бёртон.— Ты же все равно потом ничего не смогла бы вспомнить.

Эта мысль ее потрясла. Но все равно до самого завтрака Алиса не сказала Бёртону ни слова.

Все события происходили при совершенно непривычных погодных условиях. Обычно солнце быстро прогоняло туман. Весь день в тропической зоне небо безоблачно, а в умеренных зонах — вплоть до второй половины дня. После обеда, как правило, в умеренных зонах быстро набегали облака, минут пятнадцать шел дождь, а потом облака расходились.

Но в это утро черные массы туч заволокли все пространство между солнцем и поверхностью планеты. Сверкали молнии, будто осколки ясного неба, простершегося над тучами, проваливались сквозь них. Гром бормотал где-то подобно гиганту, спрятавшемуся за горами. Свет приобрел странную мертвенную коричневато-желтую окраску. Лица людей, собравшихся вокруг питающего камня, выглядели так, будто их покрыла ржавчина.

Кazз и Бесст согнулись над едой и искоса бросали взгляды по сторонам, будто ожидая появления нежеланного гостя. Кazз пробормотал на своем родном языке:

— Медведь-Что-Собирает-Бедствия уже грядет...

Бесст только что не стонала:

— Надо найти хижину, чтобы спрятаться. Нельзя оставаться у воды, когда слышен грохот его шагов.

Все остальные тоже выглядели так, будто были готовы искать убежище. Бёртон встал и громко сказал:

— Минуту внимания! Я хотел бы узнать, не пропала ли у кого-нибудь из вас лодка?

— А в чем дело?

— Двое из моей команды вчера дезертировали, так что, возможно, они украли лодку, чтоб бежать отсюда.

Забыв о приближающейся буре, толпа разбежалась, чтобы осмотреть берег. Через минуту какой-то мужчина явился и сообщил, что его долбленка исчезла.

— Ну, теперь они успели уйти далеко,— сказал Казз.— Но куда же они ушли — вниз или вверх по течению?

— Если тут действует сигнальная система,— ответил Бёртон,— то мы могли бы выяснить это очень скоро, разумеется, при условии, что они не вылезли на берег и не спрятались в холмах.

— Что же мы будем делать, Дик? — спросила Алиса.— Если мы останемся здесь и будем их искать, мы не сможем попасть на «Рекс».

Бёртон с трудом сдержал себя, чтоб не ткнуть ее носом в желательность воздерживаться от повторения всем очевидных замечаний. Алиса все еще кипела, и не было смысла доводить ее до взрыва.

— Монат и Фрайгейт сегодня могут забиться в какую-нибудь дыру, а ночью выползти из нее и украсть другую лодку. Глупо даже пытаться изловить их. Нет, мы лучше попытаемся попасть на борт колесного корабля. А те двое когда-нибудь обязательно попадутся нам на дороге, и если это случится...

— Мы разорвем их на кусочки? — спросил Казз.

Бёртон пожал плечами и развел руками:

— Не знаю. У них есть выбор. Или они упадут мертвыми, или начнут врать. И пока мы не достигнем Башни...

И тут вмешалась Алиса, с глазами, затуманенными давней мечтой:

Велели мне вступить на ложный путь,
Ведущий вниз по дикому ущелью,
Чтоб Черный замок, мне служивший целью,
Я потерял. Но гордость не дала мне повернуть
Туда коня. Он поскакал левей, где лишь светился чуть
Огонь надежды, хоть смерть корячилась за каждой черной елью.

Ведь я так долго странствовал по свету,
Что поиск мой — потеха для невежд —
Уже и мне не предрекал успехов, удач, добычи и надежд.
Еще вчера, мне мнилось, пересечь лишь эту
Холодную гряду, и в тот же миг обманчиво прельстительное лето
Передо мной предстанет без одежд.

Теперь враги стоят и ждут упорно,
Чтоб конь мой рухнул, выбившись из сил,
А я — коленопреклоненный — у них пощады жалкой попросил.
Я ж им кричу, что гибель не зазорна
И что рассудку вопреки Роланд примчался все же к Башне
Темной
И в мощный рог победно протрубил.

Бёртон усмехнулся:

— Браунинг признал бы... должен был бы признать... что обстановка на этой планете куда удивительнее, нежели в его фантастической поэме. Мне понятны твои чувства, даже если Браунинг и высказал их раньше тебя, Алиса. Отлично, итак, мы идем к Темной Башне.

— Я не понял, о чем говорила Алиса,— сказал Казз.— А вообще-то, каким образом мы попадем на борт того корабля?

— Если у короля Иоанна найдется для нас место, я предложу ему драгоценный подарок — наши «дармовые» граали. Такой дар способен соблазнить даже самое бескорыстное сердце.

— А если мест у него нет?

Бёртон замолчал надолго. То, что стучалось в его мозг — чувство, будто он пропустил наличие тесной связи между агентами,— снова вернулось к нему в те минуты, когда Алиса читала стихи. А теперь он видел, или ему казалось, что видит, ту вещь, которая так долго беспокоила его: цепь, связывающую всех агентов воедино.

Как они опознают друг друга? Ну, с Монатом проблемы нет, он не нуждается в особых знаках для идентификации. Но какой же тайный сигнал могли использовать для идентификации другие люди-агенты?

Если б они обладали способностью неандертальца, то могли разработать негативный сигнал — отсутствие знаков на лбах своих коллег. Однако предположим, что у них такой способности нет. Спрюс очень удивился, когда узнал об оптическом таланте Казза. Хоть прямо не высказался, но по манере поведения можно было понять, что он в жизни не слыхал о такой штуке. По-видимому, для того чтобы определить или расшифровать эти символы, придавая им неизвестное Бёртону значение, использовались машины. Вероятно, это делалось в предвоскресительной капсуле или там, где находится их штаб-квартира.

Значит, раз они не видят символы невооруженным глазом, у них должны быть другие способы опознавания.

Предположим... Ну, просто предположим, ради удобства, что таким сигналом является дата смерти. Тот период времени, в который никакие земляне не воскрешались, во всяком случае на этой планете... Согласно Монату, Фрайгейту, Руаху и Спрюсу, такой датой является 2008 год.

А что, если дата неверна? Что, если она относится к несколько более раннему периоду времени, чем 2008 год?

У Бёртона не было ни малейшего представления о том, какова эта истинная дата, хотя он никогда не встречал никого, кроме самих агентов, кто сказал бы, что он жил после 1983 года. Теперь он будет спрашивать каждого человека из конца XX века, с которым встретится. И если 1983 год действительно последний, когда кто-то умер, значит, он может быть полностью уверен, что все, указывающие более поздний срок смерти, и есть агенты.

Тогда... возможно, что этики придумали легенду, которая позволяет им узнавать друг друга почти немедленно. Это легенда, что они жили в 2008 году. И конечно, у них наверняка подготовлена детальная фальшивая версия событий между 1983-м или какой-то другой более поздней датой и 2008 годом.

А это может означать, что россказни арктурианца об уничтожении почти всего населения Земли в тот год — ложь. Вернее всего, этой ужасной бойни попросту не было. Все, что Бёртон слыхал о событиях 1983–2008 годов, вероятно, чистая выдумка. Да, но Монат-то существует! Ведь всем ясно, что его происхождение внеземное. И нет никаких причин не верить, что он прибыл с одной из далеких планет.

В настоящее время данных, которые объясняли бы иначе его присутствие в мире Реки, нет. А вот у Бёртона теперь есть целых два инструмента, чтоб отлавливать этиков. Один — Казз, другой — дата смерти.

Однако человечество живет не в предполагаемом, а во вполне реальном мире, и поэтому вполне возможно, что агентов рекрутируют из времени и после 1983 года. Так что их истории могут быть правдивы.

Какое множество различных вероятностей! Например, откуда ему знать, что Монат, Фрайгейт и Руах рассказывали ему правду о том, что случилось с ними, когда он — Бёртон — отсутствовал? Был же тот инцидент, когда Фрайгейт рассказывал о встрече со своим издателем, который надул его на Земле. Фрайгейт говорил, что наконец-то осуществил мечту о мести, разбив обидчику нос.

Фрайгейт даже похвалялся синяками и ссадинами, которые, по его словам, он получил во время потасовки с Шаркко и его бандой. Но ведь с тем же успехом он мог их получить и в драке с совсем другими людьми. Характер Фрайгейта был таков, что он боялся всякого насилия, как физического, так и морального. Он вполне мог изобретать в уме любые виды мести, но вряд ли сумел бы воплотить их в жизнь.

Предположим... ну, только предположим, что агенты приобретали внешность и другие черты, взятые из реальной жизни каких-то других землян. Что, если на этой планете где-нибудь и сейчас существует настоящий Питер Джейрус Фрайгейт? Тогда псевдо-Фрайгейт вполне мог играть роль человека, который имеет такой глубокий интерес к жизни Бёртона. Это помогло ему сблизиться с Бёртоном, придало уверенности, что и сам Бёртон пойдет ему в этом навстречу. В конце концов, как можно не проникнуться симпатией к своему биографу, к человеку, который, по всей видимости, его прямо-таки обожает?

И все же зачем агенту обзаводиться такой маскировкой? Почему не использовать настоящего Фрайгейта? Возможно, в этом не было нужды, так было проще и удобней. А возможность встречи с человеком, за которого агент выдает себя, крайне маловероятна.

Столько возможностей, столько вопросов, на которые пока нет ответов.

— Дик! Что с тобой? — воскликнула Алиса.

Он рывком разорвал паутину своих мыслей. Все, кроме его экипажа и человека, у которого украли лодку, уже разбежались по домам. Владелец лодки выглядел так, как будто рассчитывал на вознаграждение, но боялся предъявить свои претензии, так как рядом не было никого, кто мог бы его поддержать.

Ветер вздымал волны на Реке и шумел в листьях, покрывавших крыши. Бился о кранцы причала «Снарк». Свет из желто-коричневого превратился в светло-серый, что делало лица людей еще более жуткими. За Рекой молния сверкнула огненным зубом, а гром взревел, как медведь в пещере. Казз и Бесст явно ждали приказа Бёртона искать место, где можно было бы найти укрытие от бури. Остальные выглядели разве что чуточку спокойней.

— Я задумался,— сказал Бёртон.— Вы спрашиваете, что будет, если у короля Иоанна не найдется для нас места? Что ж, у монархов всегда есть средства, чтобы уменьшить давку, когда

им это понадобится. А если он откажется применять такое средство, то я все равно найду способ оказаться на борту. Я не позволю кому-то или чему-то встать мне поперек дороги!

Молния ударила рядом с таким треском, будто всему миру переломили хребет. Казз и Бесст первыми кинулись в близлежащую хижину.

Бёртон, стоя под буйным дождем, который начался одновременно с ударом молнии, хохотал, глядя на них.

— Вперед к Темной Башне! — вскричал он во всю силу своих легких.

Глава 28

Питер Джейрус Фрайгейт продирался во сне сквозь густой туман. Он был гол: кто-то свистнул у него одежду. Ему надо было попасть домой до того, как взойдет солнце и разгонит туман, выставив тем самым голого Фрайгейта на обозрение всего мира.

Трава была мокрой и жесткой. Через некоторое время, устав идти по обочине дороги, он ступил прямо на асфальтовое покрытие. То и дело, по мере того как он продвигался вперед, туман чуть редел, и Фрайгейт видел стволы деревьев справа от себя.

Откуда-то ему было известно, что он находится в сельской местности. Дом был еще далеко. Но если он пойдет быстрее, то сможет попасть домой еще до восхода солнца. И тогда придется входить туда так, чтобы не разбудить родителей. Двери и окна будут закрыты, а значит, надо будет швырять камушки в окно второго этажа с тыльной стороны дома. Их стук, возможно, разбудит его брата Рузвельта.

Но этот братишка, которому только что исполнилось восемнадцать, уже был законченным пьянчугой, бабником и гонял на своем ревущем мотоцикле вместе с дружками, украшенными бачками и затянутыми в кожу бездельниками с хирамовского спиртзавода. Это было воскресное утро, и потому Рузвельт, должно быть, храпит во все носовые завертки, наполняя маленькую комнатенку, которую он делил с Питером, вонючими парами виски.

Рузвельтом он назван в честь Теодора, а не Франклина Делано*, которого отец просто ненавидел. Джеймс Фрайгейт на дух

* Теодор Рузвельт (1858–1919) — 26-й президент США (1901–1919); Франклин Делано Рузвельт (1882–1945) — 32-й президент США (с 1933 по 1945).

не переносил «Человека из Белого Дома» и уважал «Чикаго трибюн», которую к его порогу доставляли каждое воскресенье. Его старший сын терпеть не мог передовицы и весь тон этой газетенки, а вот ее комиксы очень даже уважал. С тех пор как он научился читать, он с нетерпением дожидался наступления воскресного утра с его какао, блинчиками, беконом и яйцами, после которых начинались приключения Честера Гэмпа и его друзей, искавших Город Золота; Муна Муллинса, Маленькой Сиротки Энни, Большого Дэдди Уорбукса и его приятелей — колоссального чародея Пенджаба, страшного Осу и мистера Эм, который выглядел совсем как Санта-Клаус, был древнее самой Земли и умел путешествовать во времени. А еще там были Барни Гугл и Улыбчатый Джек, и Терри, и Пираты. Восторг и упоение!

Но почему он вспомнил этих знаменитых героев комиксов сейчас, разгуливая голышом по сельской дороге в густых, влажных и зловещих клубах тумана? Впрочем, так ли уж трудно понять почему? Они давали ему ощущение тепла и безопасности и даже счастья, его желудок будто снова наполнялся стряпней матери, тихонько играло радио, а отец, сидя в лучшем кресле гостиной, читал вслух мнения «Полковника Блимпа». Питер же в это время валялся на полу гостиной с разложенной перед ним страницей комиксов. Мать хлопотала на кухне, кормя завтраком его младших братишек и совсем малюсенькую сестричку. Крошка Жаннетта, которую он так любил и которой предстояло вырасти и пройти через три брака и бесконечное число любовных связей, через тысячи порций виски — проклятия всех Фрайгейтов.

Но все это было впереди и постепенно ушло из его памяти, высосанное туманом. А сейчас он лежал в парадной комнате, такой счастливый... Нет, и это воспоминание куда-то ушло... И он стоял уже возле дома, на заднем дворе, голый и дрожащий, простуженный и смертельно боящийся, что его обнаружат без одежды и заставят давать по этому поводу объяснения. Он швырял гравий в окошко, надеясь, что шум не разбудит его маленьких братишек и сестренку, которые спали в крохотной спальне на первом этаже, но на той же стороне, что и его чердачная спальня.

Этот дом когда-то был одноэтажным школьным зданием на окраине городка Пеории, расположенного почти в самом центре Иллинойса. Но город рос, дома в нем высыпали подобно грибам повсюду, и теперь городская граница проходила уже на пол-

мили к северу от дома. Второй этаж, внутренний водопровод, ванны и туалет были добавлены позже — когда сюда пришли дома городского типа. Это был первый дом Фрайгейта, в котором был теплый сортир. А теперь этот когда-то сельский дом каким-то образом превратился вдруг в ферму вблизи города Мехико, что в штате Миссури. Здесь Фрайгейт в возрасте четырех лет жил со своей матерью, отцом, младшим братом и семьей фермера, которая снимала у Фрайгейтов две комнаты.

Его отец — гражданский инженер-электротехник (один год обучения в Политехническом институте Роуза в Терре-Хоте, Индиана, и диплом Международного заочного училища) уже около года работал на электростанции Мехико. Именно на заднем дворе этого дома Питер до смерти перепугался, узнав, что цыплята поедают маленьких живых червячков, а он сам ест этих цыплят с червяками внутри. Так впервые Фрайгейт понял, что мир основан на каннибализме.

Это неправильно, думал он. Ведь каннибал — это существо, которое жрет себе подобных. Фрайгейт перевернулся и снова вернулся в сон, лишь смутно понимая, что передвигается между разными обрывками одного и того же сна, путаясь в одном обрывке, чтобы немедленно попасть в другой. А может, ему просто вторично снился один и тот же сон по нескольку раз. А иногда один и тот же сон виделся в течение нескольких лет.

Подобные серийные видения были своего рода специальностью Фрайгейта — и в снах, и в фантастике. Одно время в течение своей писательской карьеры он намеревался написать 21 серию книг. Закончил он 10 серий. Другие все еще ожидали своей очереди, все с захватывающим сюжетом, и все они ждали, когда же Великий Издатель там, на небесах, закончит их по своему вкусу.

Как в жизни, так и в смерти. Он никогда не мог... никогда? Ладно, очень редко мог закончить начатое. Великий Неоканчиватель. Об этом он узнал впервые, когда в дни своей нелегкой юности вылил ушат своих страданий и тревог на курсового воспитателя в колледже, который случайно оказался и преподавателем-психологом.

Профессор... как его звали? О'Брайен? Это был маленький худенький юноша, очень вспыльчивый и с совершенно огненной шевелюрой. А еще он всегда носил галстук-бабочку.

А сейчас Питер Джейрус Фрайгейт опять брел в тумане, в котором царила абсолютная тишина, если исключить отдаленное уханье филина. Внезапно раздался рев мотора, и прямо перед ним слабо вспыхнули два огня, потом они стали ярче, и мотор взревел так же громко, как закричал Фрайгейт.

Он нырнул в одну сторону, медленно-медленно колыхаясь в волнах тумана, пока огромная черная машина двигалась ему наперерез. Когда Фрайгейт летел сквозь туман, отчаянно размахивая руками, ему удалось повернуться лицом к автомобилю. Теперь он, ослепленный светом фар, все же разобрал, что это «дузенберг» — длинный низкий высококлассный спортивный автомобиль, за рулем которого в свое время сидел в картине «Молодчага» Гэри Грант; эту картину Фрайгейт видел только на прошлой неделе. Теперь же за рулем сидела какая-то бесформенная туша, у которой различимы были лишь глаза. Это были светло-голубые глаза его родной бабки — матери его матери,— немки Вильгельмины Кайзер.

И тогда он завопил изо всех сил, ибо машина, резко свернув в сторону, рванулась прямо к нему, и теперь у него не осталось ни единого шанса избежать столкновения.

Фрайгейт со стоном проснулся. Ева сонно пробормотала: «Тебе приснился плохой...» — и тут же погрузилась в негромкое посапывание и тихий шепот.

Питер выбрался из постели — странной коротконогой конструкции, состоявшей из бамбуковой рамы и веревочной плетенки, поддерживающей матрас, набитый сухими листьями и скрепленный магнитными держалками. Земляной пол устилали циновки. Окна затянуты полупрозрачным плавательным пузырем рогатой рыбы. Квадраты окон слабо светились, отражая яркий свет звезд ночного неба.

Фрайгейт, спотыкаясь, пробрался к двери, открыл ее и вышел наружу. Капли дождя все еще стекали с крыши. Сквозь проход между двумя холмами Фрайгейт видел огонь, пылавший под крышей сторожевой вышки. Огонь освещал фигуру часового, опершегося на перила и глядящего на Реку. Пламя бросало отсвет на мачты и паруса судна, которого Фрайгейт раньше никогда не видел. Второго часового на вышке не было, что означало, что он спустился к этому кораблю. В его обязанности входило опросить капитана. Должно быть, все было в порядке — барабаны не били тревогу.

Забравшись в постель, Фрайгейт тут же припомнил свой сон. Хронологически события в нем были перепутаны, как это часто бывает со снами. Скажем, в 1937 году его брату Рузвельту было только шестнадцать лет. Мотоцикл, работа на спиртовом заводе и пергидрольные блондинки появились двумя годами позже. А в те времена семья уже не жила в том доме. Она переселилась в другой — новый и большой дом в нескольких кварталах от первого.

А та зловещая туша в машине, с глазами его бабки? Что она означает? Не в первый уже раз его пугает это скрывшееся под черным клобуком существо с бесцветными глазами бабки Кайзер. И не в первый раз он пытается понять, почему она является ему в таком леденящем душу виде.

Он знал, что она приехала из Галены в штате Канзас в Терре-Хоте помочь его матери ухаживать за ним сразу же после его рождения. Мать говорила, что бабушка ухаживала за ним и тогда, и потом, когда ему исполнилось пять лет. Он, однако, не помнил, чтобы видел ее до той поры, когда ему было лет двенадцать,— тогда она снова приехала к ним погостить. Но он был уверен, что она когда-то сделала с ним что-то ужасное — в те времена, когда он был малышом. Или что-то, что *показалось* ему ужасным. Вообще же это была добрая старая леди, хотя и с явной склонностью к истерии. К тому же она не пользовалась ни малейшим авторитетом у всех детей ее дочери, когда их вверяли ее попечению.

Где она теперь? Она умерла семидесяти семи лет после долгой и мучительной болезни — рака желудка. Но ему приходилось видеть ее фотографию, снятую в двадцать лет. Миниатюрная блондинка, чьи глаза были ярко-голубыми, вовсе не похожими на те выцветшие с красными прожилками гляделки, которые ему запомнились. Губы были тонковаты и стянуты в ниточку, но ведь у всех взрослых в его семье рты были угрюмые. Эти коричневатые фотографии изображали лица такими, будто их обладатели перенесли тяжелое время, но никогда не согнутся ни перед какими трудностями.

Викторианцы, если судить по фото, были народом с крепкими носами и негнущимся позвоночником. Семья его бабки — немки — была сделана из такого же крепкого материала. Преследуемые своими соседями — лютеранами и властями из-за того, что они перешли в баптизм, Кайзеры покинули Оберлин в Тюрингии ради Земли обетованной. (Семья Питера с обеих сторон всегда стояла за права религиозных меньшинств, предпочтительно тех, у кого поехала крыша. Может, все они были искателями неприятностей?)

После многих лет скитаний с места на место, в течение которых им так и не удалось найти дорогу, выложенную золотом, после многих лет тяжелого труда, сушащей душу бедности и смерти многих детей, а также дедов, бабок и родителей Кайзеры наконец добились своего. Они стали зажиточными фермерами вблизи Канзас-Сити и владельцами машиностроительного завода в нем самом.

Окупилось ли это? Те, кто выжили, говорят — да.

Вильгельмина была хорошенькой голубоглазой блондинкой 10 лет, когда приехала в Америку. В восемнадцать она вышла за канзасца лет на 20 старше ее, надо думать, для того, чтобы избавиться от нищеты. Говорят, старый Билл Гриффитс имел примесь крови индейцев чероки и принадлежал к партизанам Квантрилла, но насчет родичей Пита с обеих сторон вообще ходило немало баек. Им всегда хотелось казаться лучше, чем они были на самом деле. Каково бы ни было прошлое Старого Билла, мать Питера никогда не желала говорить о нем. Вполне возможно, он был просто конокрадом.

Где же теперь Вильгельмина? Теперь у нее нет морщин, она уже не та старая согбенная женщина, которую он помнил. Теперь она должна быть красивой грудастой девкой, хотя все с теми же пустыми голубыми глазами, и все еще говорить по-английски с сильным немецким акцентом. Если бы он встретился с ней, узнал ли бы он ее? Вряд ли. А если б и узнал, то какие сведения он мог бы извлечь у нее насчет травмы, которую она нанесла своему внучонку? Никаких. Она, конечно, не вспомнила бы того, что было для нее всего лишь незначительным случаем. А если б и вспомнила, то уж конечно не призналась бы, что как-то обидела его. Если и в самом деле она провинилась перед ним в чем-то скверном.

Во время краткого курса психоанализа Питер попытался пробиться сквозь густую завесу угасшей памяти к той былой драме, в которой его бабка сыграла столь важную роль. Однако из этого ничего не получилось.

Более серьезные попытки с применением дианетики и сайентологии* дали чистый пшик. Он как бы проскользнул мимо травмировавшего его эпизода, мимо рождения прямо в свое предыдущее существование подобно обезьяне, карабкающейся по намазанному жиром столбу.

После того как он побыл женщиной, рожавшей в средневековом замке, динозавром, беспозвоночным существом в постпервобытном океане и пассажиром в карете XVIII века, едущей сквозь Шварцвальд, Питер оставил сайентологию в покое.

Фантазии были интересны, они раскрывали какие-то черты его характера. Но бабка явно избегала его.

Здесь, в мире Реки, он попробовал воспользоваться мечтательной резинкой, чтобы заглянуть за густые тени. Под руководством гуру он сжевал половину палочки, сбросил с себя груз и нырнул за жемчужиной, скрытой в глубине его подсознания. Когда он очнулся от каких-то ужасных видений, то обнаружил, что его гуру, избитый и окровавленный, валяется без сознания на полу хижины. Сомнений в том, кто все это натворил, быть не могло.

Питер сразу покинул те места, убедившись сначала, что его учитель будет жить без особо серьезных последствий для здоровья. Он не мог оставаться здесь, где при встрече со своим гуру будет всегда ощущать вину и стыд. Этот гуру был очень добрым и всепрощающим человеком и даже предлагал продлить уроки — при условии, что Питера будут крепко связывать на их время.

Питер не выносил насилия, которое, как он ощущал, живет в глубине его сознания. Именно этот страх насилия, сидевший в нем, заставлял его бояться насилия в других.

Ошибка, дорогой Брут, заложена не в звездах, а в наших поганых генах. Или в неумении индивидуума установить контроль над самим собой.

Ошибка, дорогой Брут, заложена в нашей боязни узнать собственную природу.

Следующая, почти неизбежная сцена в этой драме воспоминаний была сцена совращения Вильгельмины. Как легко рисовать эту фантазию в качестве потенциально реальной, поскольку

* Дианетика — одно из новых (научно неоднозначных) направлений психологии. Сайентология — учение, предполагающее возможность перемещения сознания человека при его последовательных перерождениях.

возможность встречи с бабкой все же существовала! После взаимных вопросов и ответов они вдруг узнали бы, что являются бабушкой и внуком. Затем последовал бы длинный разговор, в котором она узнала бы о том, что случилось с ее дочкой и ее мужем (отцом Питера) и ее внуком, правнуком и праправнуками. Ужаснулась бы она, узнав, что правнучка вышла замуж за еврея? Бесспорно! Любой из сельских жителей, родившихся в 1880-х годах, наверняка имел предрассудки подобного рода. А если сказать ей, что его сестра вышла замуж за японца? А брат и кузен женились на католичках? Или что ее правнук стал буддистом?

С другой стороны, мир Реки мог изменить ее взгляды, как он это сделал со многими. Однако еще большее число людей психологически остаются теми же ископаемыми, какими были на Земле.

Но вернемся к фантазиям...

После нескольких порций выпивки и разговора — в койку?

По здравому смыслу тут никто не мог бы возражать против кровосмешения. Детей-то быть не может!

Но когда это люди думали с позиций здравого смысла? В каких таких ситуациях?

Нет, пожалуй, правильно будет ни слова не говорить ей об их родстве, пока они не переспят.

Но тогда рушится вся предыдущая конструкция. И вообще, если она узнает правду, это может вызвать у нее шок от стыда. Это было бы слишком жестоко. И как бы он ни хотел отомстить ей, такого горя он причинить ей не мог. Да и никому другому. Кроме того, это была месть за поступок, который имел место, возможно, лишь в его воображении. А если он даже и был, то, весьма вероятно, явился чем-то, что лишь ребенок может счесть ужасным. Или чем-то, что его детское сознание интерпретировало не так. Или чем-то, что она, будучи продуктом своего времени, считала делом совершенно естественным.

Ах, как возбуждает мысль, что ты спишь со своей бабушкой! Но в действительности такого быть не может. Сексуально его привлекают только интеллигентные женщины, а его бабка была невежественной крестьянкой. Да еще и вульгарной, хотя и не в похабном или антирелигиозном смысле. Он помнил, как все они сидели за праздничным столом в День благодарения. Она чихнула, и сопли вылетели у нее прямо на блузку. Она смахнула их рукой, которую тут же отерла о юбку. Отец Фрайгейта расхохо-

тался, мать еще долго выглядела смущенной, а Питер напрочь потерял аппетит.

Вот и погибла мечта, растворившись в чувстве брезгливости!

И все же... разве не могла она измениться?

Да черт с ней, сказал он про себя, повернулся на бок и крепко уснул.

Глава 29

Барабаны грохотали, ревели деревянные трубы. Питер Фрайгейт проснулся в самый разгар нового сна. Дело происходило спустя три месяца после нападения на Перл-Харбор, и он был авиационным кадетом в Рэндольф-Филдз, кадетом, которым в данный момент закусывал его инструктор по полетам.

Лейтенант — высокий молодой человек с тонкими усиками и огромными ступнями — почти столь же легко поддавался истерике, как сама бабуля Кайзер.

— В следующий раз, когда ты сделаешь разворот влево, после того как я скомандую сделать его вправо, Фрайгейт, я тут же отдам приказ идти на посадку, отменю этот долбаный полет и откажусь летать с тобой! Можешь искать себе инструктора, которому плевать на то, угробит его кретин ученик или нет! Господи боже мой, Фрайгейт, ты же мог уконтрапупить сегодня нас обоих! Неужто ты не видел самолета слева от себя? Ты что — маньяк-самоубийца, что ли? Так это хрен с тобой, но зачем же тащить на тот свет меня да еще парочку других?! Нет уж, выбирай иное место и время, а не тут на нашем летном поле и, пожалуйста, без порчи государственной собственности! Какой хрен с тобой происходит, Фрайгейт? Ты, может, часом, ненавидишь меня?

— Я вас не слыхал, сэр,— сказал Питер. Хоть в этой жаркой комнате он буквально истекал потом в своей теплой летной форме, но он весь дрожал и ощущал мучительную потребность помочиться.— Я просто ничего не слышу через эти трубки.

— С трубками полный порядок! Я-то тебя слышу отлично! Только две недели назад ты проходил полное медицинское обследование, верно? Всех вас так и эдак долбаных кадетов проверяли, когда прислали сюда. Может, ты скажешь, что тебя пропустили?

Питер кивнул:

— Проходил, сэр. Как и вы, сэр.

У лейтенанта лицо побагровело, а глаза вылезли из орбит.

— Ты что хочешь этим сказать? Что я — так и эдак долбаный кадет?

— Нет, сэр,— бормотал Питер, чувствуя, как пот струйками бежит из-под мышек.— Я никогда бы не употребил слов «так и эдак долбаный» по отношению к вам, сэр.

— А какие бы ты употребил? — Лейтенант уже почти визжал.

Питер искоса посмотрел на других кадетов и инструкторов. Большинство либо не обращали внимания на происходящее, либо притворялись, что не обращают. Кое-кто ухмылялся потихоньку.

— Я бы вообще не стал упоминать о вас,— сказал Питер.

— Что?! Это потому, что я не стою даже упоминания, а? Фрайгейт, ты меня все-таки *достал!* Мне твое поведение в воздухе так же противно, как и на земле! Но мы все же вернемся к тому вопросу, которого ты изо всех сил пытаешься избежать! Какого черта ты не слышишь меня, когда я тебя отлично слышу? Наверняка потому, что ты меня не желаешь слышать!

Ну, так это очень опасно, Фрайгейт! Это ужасно опасно! Ты меня до смерти напугал! Ты знаешь, сколько этих короткокрылых «ВТ-12» ежедневно входит в штопор? В эти сволочные гробы просто встроена склонность входить в штопор, кадет. И если даже инструктор прикажет своему безмозглому ученику войти в штопор намеренно и при этом сам держит руку на рычаге управления, готовясь взять его на себя, эти долбаные машины иногда продолжают ввинчиваться в штопор, невзирая ни на что!

И будь я проклят, если хочу, чтоб, когда я приказываю «разворот вправо», ты вдруг решал, что получил приказ послать машину в штопор, и заставал меня врасплох! Мы же окажемся в двадцати футах под землей, прежде чем я успею взять управление на себя! Ладно, так все-таки что там у тебя с ушами?

— Не знаю,— сказал несчастный Фрайгейт.— Может, там сера? У меня в ушах накапливается сера. Это такое наследственное свойство, сэр. Мне нужно делать продувание ушей каждые шесть месяцев.

— Я из тебя выдую еще кое-что и совсем из другого места, а не из ушей, мистер! Разве доктор не проверял твои уши? Наверняка проверял! А потому не вешай мне лапшу на уши насчет какой-то серы! Просто ты меня слышать не желаешь, вот что! А почему? Один Господь знает почему! А может, ты так меня нена-

видишь, что готов сам подохнуть, лишь бы забрать меня с собой? Так, что ли?

Питер нисколько не удивился бы, если б у лейтенанта пошла пена изо рта.

— Нет, сэр.

— «Нет, сэр» — что именно?

— Нет, сэр, на все то, что вы тут сказали.

— Хочешь сказать, что ты все отрицаешь? Повернул ты налево, когда я велел тебе делать разворот вправо, верно? Не сметь мне говорить, что я вру!

— Нет, сэр.

Лейтенант помолчал и сказал:

— Чего ты ухмыляешься, Фрайгейт?

— Я не знал, что улыбаюсь,— ответил Питер. И это была чистая правда. Он находился в полном психическом и физическом раздрызге. В самом деле, чего уж тут улыбаться.

— Ты псих, Фрайгейт! — заорал лейтенант. Капитан, стоявший за его спиной, нахмурился. Но не сделал ни малейшей попытки вмешаться.

— Чтоб глаза мои тебя не видали, Фрайгейт! До тех пор, пока не принесешь письменного свидетельства от врача, что с твоими ушами все о'кей! Ты меня слышишь?

Питер кивнул:

— Да, сэр, я вас слышу.

— Отстраняешься от полетов, пока не получу справку. Но быстро, чтоб она у меня была к началу завтрашних полетов, когда я снова пойду с тобой в полет, Господь Всемогущий да помилует мою душу!

— Да, сэр,— сказал Питер и чуть было не отдал честь. Но это был бы еще один повод для инструктора, чтобы наподдать ему. Отдавать честь в комнате для занятий не полагалось.

Фрайгейт обернулся, когда проверял свой парашют. Капитан и лейтенант говорили о чем-то весьма серьезно. Что ж такое они о нем говорили? Что его надо отчислить?

Может, и в самом деле следовало? Он действительно не слышал инструктора. Только половина взволнованного карканья лейтенанта проходила сквозь трубки в более или менее понятном виде. И сера, конечно, тут была ни при чем. Равно как и большая высота над уровнем моря. Или любое другое физическое явление, связанное с его слухом.

Только многие годы спустя он понял, что действительно не хотел слышать своего инструктора.

— Он был прав! — громко сказал Питер.

— Кто был прав? — спросила Ева. Она сидела на постели, опираясь на руку и глядя на Фрайгейта сверху вниз. Ее тело было скрыто под толстыми полотнищами разноцветной ткани, скрепленными вместе, а лицо закрывал надвинутый капюшон.

Питер сел и потянулся. Внутри хижины царил полумрак; звуки барабанов и труб, доносившиеся с берега, звучали приглушенно. Где-то поблизости сосед лупил в свой барабан из бамбука так, будто хотел пробудить весь мир.

— А никто.

— Ты стонал и что-то бормотал.

— Земля никогда не покидает нас,— сказал он.

И ушел, предоставляя ей самой извлечь смысл из его слов. С собой он прихватил ночной горшок, чтобы отнести его в общественный сортир, находившийся в сотне шагов от хижины. Там он обменялся приветствиями с десятком мужчин и женщин, влекомых сюда той же целью. Все выливали содержимое горшков в большую телегу из бамбука. После завтрака ее увезет отсюда упряжка мужчин и доставит к холмам у подножия гор. Там экскременты будут переработаны в селитру, которая пойдет на изготовление черного пороха. Фрайгейт по два дня в месяц работал там и по четыре — на сторожевой вышке.

Питающий камень находился по другую сторону холма, на котором стояла их хижина. Обычно он и Ева приносили свои граали сюда. Однако сегодня ему хотелось поговорить с командиром прибывшего ночью корабля. Ева не будет возражать, если он пойдет один, так как ей надо было закончить мастерить ожерелье из позвонков рогатой рыбы, многоцветные кости которых ценились в качестве украшений. Она и Фрайгейт меняли их на табак, вино и кремни. Фрайгейт еще изготовлял бумеранги, а иногда — долбленки и каноэ.

Фрайгейт нес свой грааль в левой руке, а в правой — тисовое копье с кремневым наконечником. На поясе из рыбьей кожи вокруг талии висел чехол с кремневым топором; колчан со стрелами с наконечниками из кремня и оперением, вырезанным из тонких рыбьих костей, висел на одном плече. Тисовый лук, завернутый в бамбуковую бумагу, чтоб предохранить от утренней влаги, был привязан к колчану.

Маленькое государство, гражданином которого состоял Фрайгейт, в это время не воевало и даже не готовилось к отражению нападения. Просто закон, требовавший, чтобы граждане имели оружие под рукой, был остатком далеких прежних боевых дней. Устаревшие законы умирали тут с не меньшим трудом, чем на Земле. Общественная инерция действовала повсюду, хотя ее сила варьировала от одного государства к другому.

Фрайгейт пробирался между хижинами, разбросанными по равнине. Сотни людей, так же как и он укрытых с головы до ног от утренней холодной сырости, уже присоединились к нему. Через полчаса после восхода солнца они начали снимать свои одежды. За завтраком Фрайгейт выискивал незнакомые лица. Их оказалось пятнадцать, все с только что прибывшей шхуны «Пирушка». Они сидели отдельной группой, завтракали и болтали с теми местными обитателями, которых заинтересовали вновь прибывшие. Фрайгейт сел возле них, чтобы поглядеть и послушать.

Капитан Мартин Фаррингтон, известный также как Фриско Кид, был мускулистым человеком среднего роста. В его красивом лице проглядывало что-то ирландское. Волосы цвета красноватой бронзы, вьющиеся. Глаза большие темно-синие; подбородок сильный. Говорил он энергично, часто смеялся, нередко шутил. Свободно владел эсперанто, но пренебрегал грамматикой. Совершенно очевидно, что предпочитал он английский.

Первый помощник Том Райдер, известный под кличкой Текс, был на 5,08 сантиметра, или два дюйма, ниже Фрайгейта, имея рост 1,8 метра, или 6 футов.

Он был тем, кого дешевые научно-фантастические журнальчики времен фрайгейтовской юности называли грубо красивым. Не такой мускулистый, как капитан, он двигался быстро и изящно, с уверенностью, которой Фрайгейт позавидовал. Длинные черные волосы были прямы, и, будь его обожженная кожа на два тона темнее, он вполне мог бы сойти за индейца племени онондага. Его эсперанто был безупречен, но, подобно Фаррингтону, он радовался встрече с англоговорящими людьми, которых в толпе было немало.

Говорил Текс приятным баритоном, в котором свойственная юго-западу манера растягивать слова смешивалась со среднезападным скрипучим произношением.

Фрайгейт узнал об экипаже многое, прислушиваясь к их разговорам и незатейливым рассказам о себе. Это была обычная

сборная солянка, которую можно встретить на больших кораблях, плавающих вверх и вниз по течению. Женщина капитана оказалась белокожей южноамериканкой из XIX века. Женщина первого помощника — жительницей римского города Афродита из второго века нашей эры, Фрайгейт помнил развалины этого города, открытого археологами в Турции в 1970-х годах.

Из двух матросов-арабов — один Нур эль-Музафир (Странник), а другой — жена капитана судна из Южной Аравии, который торговал с юго-западной африканской империей Мономотапа в XII веке нашей эры.

Моряк-китаец окончил свой земной путь, утонув, когда флот хана Хубилая, готовый вторгнуться в Японию, погиб во время бури.

Были там еще двое из XVIII века. Эдмунд Трессильян — корнуэллец, потерявший ногу в 1759 году при захвате «Весталкой» французской «Беллоны» вблизи мыса Финистерре. Без пенсии, с женой и семью детьми он впал в полную нищету. Пойманный с поличным при краже кошелька, умер в тюрьме незадолго до суда. Второй — «Красный» Козенс был мичманом на «Закладе» — перестроенном индийском торговом судне, сопровождавшем флотилию адмирала Энсона в его кругосветном плавании. Корабль потерпел крушение у берегов Патагонии. После жутких мучений и тягот его команда добралась до цивилизованных мест, где испанские власти Чили посадили их в тюрьму. Бедняга же Козенс был застрелен капитаном Чипом спустя несколько дней после крушения; капитан ошибочно решил, что Козенс — мятежник.

Кстати, Джон Байрон (дедушка поэта) тоже был мичманом в те времена. Он обвинил Чипа в убийстве в своем «Повествовании Благородного Джона Байрона (Коммодора в Последней Экспедиции Вокруг Света), Содержащем Отчет о Величайших Испытаниях, Перенесенных Им Самим и Его Спутниками на Берегу Патагонии с 1740 года до Их Прибытия в Англию в 1746-м, и так далее», Лондон, 1768.

У Фрайгейта было первое издание этой книги, в котором он особенно ценил описание животного, встретившегося Байрону, которое, видимо, было ныне исчезнувшим гигантским ленивцем.

Ему очень хотелось бы встретиться с Байроном. Должно быть, этот невысокий человек был невероятно крутым, раз выжил в

подобных переделках. Позже он стал адмиралом по кличке Джек Дурной Ветер; дали ему ее его собственные матросы. Почти каждый раз, когда адмирал выходил в море, на его корабли обрушивались жестокие штормы.

Другими любопытными членами команды были миллионер и яхтсмен из Род-Айленда конца XX столетия; турок из XVIII века — помощник боцмана, умерший от сифилиса — обычной тогда болезни моряков; Эбигейл Райс — на Земле жена первого помощника на китобойном судне из Нью-Бедфорда начала XIX столетия. Бинс — яхтсмен и турок Мустафа были явно влюблены друг в друга.

Как позже выяснил Фрайгейт, Козенс, Трессильян и Чанг делили меж собой прелести Эбигейл Райс. Это дало ему повод для размышлений по поводу того, чем она занималась, пока ее супруг проводил по два или три года в море, гоняясь за китами. Возможно, ничего плохого за ней тогда не числилось. Просто она так сексуально наголодалась на Земле, что тут — в мире Реки — взяла да и взорвалась.

И еще был тут Умслопогаас, сокращенно — Погаас. Это был свази, сын короля южноафриканского племени, извечный враг великого зулусского народа. Он жил во времена территориальной экспансии англичан и буров, а также побед кровавого военного гения — Чаки. На Земле он укокошил на поединках двенадцать воинов, а здесь — по меньшей мере пятьдесят.

Умслопогаас не был замечен историками, несмотря на изумительное боевое искусство, но в свои поздние годы он оказался связанным с миссией сэра Теофиллуса Шепстоуна. У Шепстоуна служил молодой человек по имени Х. Райдер Хаггард, внимание которого привлекли мощная фигура и бойкие побасенки старого свази. Хаггард обессмертил Умслопогааса в трех романах: «Нада — Лилия», «Она» и «Аллан Квотермейн». Однако он переделал свази в зулуса, что, должно быть, очень не понравилось бы его модели.

Теперь Погаас торчал у корабля, опираясь на кремневый боевой топор с длинной рукояткой. Он был высок, строен и имел удивительно длинные ноги. Черты лица его были не негроидные, а скорее семитские — узкие губы, ястребиный нос и высокие скулы. Он казался довольно дружелюбным, но в его поведении и осанке было нечто, говорившее всем, кроме особо психованных, что с ним шутки плохи. Кроме того, он был единственным членом команды, который не участвовал в судовождении. Его специальностью был бой.

Фрайгейт даже вздрогнул, когда узнал, кто этот человек. Подумать только! Умслопогаас!

Поговорив со многими членами команды, Фрайгейт отправился обратно к тому месту, где сидели оба офицера. Из того, что он слышал, он понял, что они никуда не торопились и у них не было определенного места назначения. Капитан, однако, бросил реплику, что ему хотелось бы когда-нибудь дойти до верховьев Реки. На что потребуется лет сто или около того.

Фрайгейт наконец решился и спросил капитана и Райдера об их земном происхождении. Фаррингтон сказал, что родился в Калифорнии, но не назвал ни даты, ни места. Райдер же ответил, что родился в 1880 году в Пенсильвании. Да, он много времени, почти всю жизнь, прожил на Западе.

Фрайгейт тихонько выругался. Ему казалось, что он знает их обоих... Оба носили волосы длиннее, чем на Земле, а отсутствие европейской одежды полностью меняло их облик. Райдеру, например, явно не хватало большой белой этак галлонов на 10 емкостью ковбойской шляпы, броской, в псевдозападном стиле куртки и бриджей, а также пары расшитых ковбойских сапог. Да еще лошади, чтобы сидеть на ней.

Еще ребенком Фрайгейт видел его именно в такой одежде и на коне. Кажется, это было во время парада, предшествовавшего открытию цирка Селз и Флото? А, не важно... Фрайгейт стоял со своим отцом на Адамс-стрит — той, что к югу от здания суда,— и с нетерпением ждал, когда же мимо него проскачет его любимый герой кинофильмов о Диком Западе. И конечно, герой появился, но по причине глубокого опьянения тут же свалился с лошади. Не понеся увечья, он вскочил и снова кинулся в седло, проскакав под смешанный хор насмешек и одобрительных возгласов толпы. Должно быть, потом он протрезвел, так как продемонстрировал отличную школу верховой езды и бросания ласso во время «Шоу Дикого Запада», которое последовало за главными номерами.

В то время Фрайгейт считал пьяниц чуть ли не нравственно прокаженными, и поэтому Райдер должен был его разочаровать. Но восхищение Райдером было столь сильным, что Фрайгейт поч-

ти готов был его простить. Каким же маленьким остолопом он был тогда!

С портретом же Фаррингтона Фрайгейт был отлично знаком, так как множество раз видел его в биографиях и на суперобложках книг. Фрайгейт начал читать его произведения в возрасте 10 лет, а когда ему исполнилось 57, то написал предисловие к тому фантастических и научно-фантастических новелл Фаррингтона.

По каким-то причинам оба героя путешествовали под псевдонимами. Он — Питер Фрайгейт — отнюдь не собирался их раскрывать, во всяком случае без особой необходимости. Нет-нет, он не сделал бы этого ни при каких условиях, но все же, если ему придется угрожать им разоблачением, что ж, на угрозу он еще может пойти. Он сделает все возможное, лишь бы попасть на борт «Пирушки».

Немного погодя Фриско Кид объявил, что он и Текс готовы поговорить с любым, кто захочет записаться к ним в качестве палубного матроса. Два складных стула были поставлены на причале, и очередь заинтересованных в этой работе выстроилась перед сидящими офицерами. Фрайгейт немедленно присоединился к очереди. Перед ним были еще три мужчины и женщина. Это дало ему возможность узнать характер задаваемых вопросов и решить, что он должен сказать своим возможным нанимателям.

Глава 30

Фриско Кид, сидя на складном бамбуковом стуле и покуривая сигарету, быстро ощупал глазами фигуру Фрайгейта.

— Питер Джейрус Фрайгейт, а? Американец. Со Среднего Запада? Верно? Выглядишь довольно сильным, но вот каков твой морской опыт?

— На Земле небольшой,— ответил Фрайгейт.— Я, бывало, плавал на маленькой парусной лодке по Иллинойсу. А вот здесь я плавал много. Я ходил на большом одномачтовом катамаране в течение трех лет да еще два года на двухмачтовой шхуне вроде вашей.

Это была ложь. На двухмачтовом он проболтался всего три месяца. Но этого было достаточно, чтобы знать, так сказать, за какие ниточки следует тянуть.

— Хм. Эти суда плавали на небольшие расстояния или уходили в дальнее плавание?

— В дальнее,— ответил Фрайгейт. Он радовался, что не назвал эти суда лодками. Некоторые моряки были очень чувствительны к границе, разделяющей суда и лодки. Для Фрайгейта все, что плавает по Реке,— лодка. Но Фаррингтон был настоящим морским волком на Земле и остался таким и здесь, хотя морей тут не было.

— В этих местах,— добавил Фрайгейт,— ветер дует обычно в направлении верховий. Поэтому мы ходили большей частью с попутным ветром.

— Да, любой дурак может плавать по ветру,— сказал Фаррингтон.

— Почему ты хочешь записаться? — вмешался Райдер.

— Почему? Да надоело жить на одном месте. А особенно мне претит делать одно и то же день за днем. Я...

— Но ты знаешь, как оно бывает на кораблях,— сказал Фаррингтон,— судно набито до отказа, и большую часть времени ты проводишь на глазах у одних и тех же людей. И вообще, делаешь одно и то же день за днем.

— Это-то я знаю,— ответил Фрайгейт.— Ну а кроме того, мне бы тоже хотелось добраться до конца Реки. Катамаран, на котором я плыл, шел именно туда, но его сожгли при нападении рабовладельцев. Шхуну же потопил речной дракон, когда мы помогали местным рыбакам ловить его. Вроде как повторение истории с Моби Диком и «Пекодом»*.

— Значит, ты был Измаилом? — спросил Райдер.

Фрайгейт взглянул на него. О Райдере говорили, что он может читать наизусть большие куски из Шекспира, и вообще он считался начитанным. Но все это могло быть и чистой рекламой Голливуда.

— Вы хотите сказать, что я был единственным, кто выжил? Нет, до берега добрались шесть человек. Это было ужасно...

— Кто...

Фаррингтон остановился, прокашлялся и взглянул на Райдера. Райдер поднял густые темные брови. Фаррингтон явно обдумывал, как ему перефразировать свой вопрос.

— Кто были капитаны этих двух суденышек?

— Капитаном катамарана был француз, некий Де Грасси. А капитан шхуны — грубый сукин сын по фамилии Ларсен. То ли

---

* «Пекод» — судно капитана Ахава из романа Мелвилла «Моби Дик»

норвежец, то ли датчанин. Он был капитаном судна, промышлявшего тюленей, кажется.

Все сказанное о Ларсене было ложью. Но Питер не мог устоять перед искушением проверить реакцию Фаррингтона.

Глаза капитана сузились, но потом он улыбнулся и медленно произнес:

— А его, часом, не Волком звали?

Лицо Питера не дрогнуло. В такую ловушку он попасть не намерен. Фаррингтон полагает, что Питер дает ему осторожно понять, что узнал его. И тогда, возможно, Фаррингтон откажется его взять.

— Нет. Если у него и была кличка, то наверняка Подонок. Он имел около шести с половиной футов роста и шевелюру чересчур черную для скандинава. Да и глаза как у араба. Вы его не встречали?

Фаррингтон расслабился. Он погасил сигарету о пепельницу из обожженной глины и зажег другую.

— А каковы у тебя отношения с этим луком? — спросил Райдер.

— Практикуюсь уже тридцать лет. Конечно, я не Робин Гуд, но могу секунд за двадцать выпустить шесть стрел с довольно приличной меткостью. Боевые искусства я изучал двадцать лет. Я не ищу драк и стараюсь, насколько возможно, их избегать. Но все же участвовал более чем в сорока сражениях и еще большем числе мелких схваток. Четыре раза тяжело ранен.

— Когда родился? — спросил Райдер.

— В тысяча девятьсот восемнадцатом году.

Мартин Фаррингтон поглядел на Райдера и спросил:

— Думаю, ты видел множество фильмов, когда был малышом?

— Было дело.

— А какое у тебя образование?

— Я получил степень бакалавра по английской литературе, прошел курс философии, и, кроме того, я заядлый читатель. Бог мой, как мне здесь не хватает книг!

— Мне тоже,— отозвался Фаррингтон.

Снова пауза.

— Что ж, наша память о Земле с каждым годом тускнеет,— сказал Райдер.

Что означало, что если Фрайгейт и видел Райдера в фильмах, а Фаррингтона — на суперобложках книг, то он их не узнал. Вопрос же капитана об образовании мог преследовать двоякую цель. Ему хотелось иметь в своей команде человека, с которым можно поговорить о многом. На Земле сотоварищи Фаррингтона по плаванию были народом жестоким и невежественным и не обязательно братьями по духу. Впрочем, такими же были и большинство знакомых Фрайгейта до тех пор, пока он не поступил в колледж.

— Нам, кажется, придется опросить десять человек,— сказал Фаррингтон.— Сделаем выбор, когда поговорим со всеми. Свое решение мы сообщим после полудня.

Питер страстно желал, чтобы выбрали именно его, но боялся настаивать, так как это могло бы настроить их против него.

Поскольку оба моряка плавали под псевдонимами по каким-то причинам, они, возможно, опасаются тех, кто проявляет слишком большую настойчивость и в желании попасть к ним на корабль. А почему — откуда ему знать?

— Мы забыли кое о чем,— сказал Райдер.— У нас есть место только для одного человека. Так что взять свою женщину вы не сможете. Как это вам — о'кей?

— Нет проблем.

— Вы можете присоединиться к Эбигейл,— продолжал Райдер.— Если не возражаете, что будете делить ее с тремя другими. И разумеется, если понравитесь ей. Однако она пока ни разу не выразила антипатии к кому-либо.

— Соблазнительная женщина,— сказал Питер,— но такого рода дела мне не слишком нравятся.

— Да вон Мустафа, по-моему, положил на тебя глаз,— сказал, ехидно усмехаясь, Фаррингтон.— Он тебя прямо ест глазами.

— А это мне подходит еще меньше.

— Тогда скажи ему это напрямик, и тебя не побеспокоят ни он, ни Бинс,— ответил Фаррингтон.— Я сам не гомик, но этих дел повидал будь здоров. Любой, кто служил палубным матросом, навидался такого достаточно. Каждый корабль еще со времен Ноя кишит содомитами. Оба они — мужики настоящие, если не считать потери интереса к прекрасному полу. И отличные матросы. Так что просто скажи им, пусть не липнут. Ну, разумеется, если мы тебя возьмем. Но я не потерплю сучьего визга насчет того, что тебе приходится особо тяжело. Можешь прихва-

тить кой-чего, когда мы сходим на берег. Ну а если мы потеряем кого-то из команды, возьмешь партнершу по койке. Но она должна быть хорошим моряком и крутой бабой. Тут на корабле неженок не терпят.

— Ну, тогда Эбигейл по здравом размышлении кажется мне более приемлемым вариантом.

Фаррингтон и Райдер расхохотались, и Фрайгейт отошел. Постоял возле причала. Бухточка была мелкая, ее пришлось углубить у берега, на что ушло немало труда. Камни вырезались у подножия гор и доставлялись сюда, чтобы выпрямить берег. Деревянные причалы были выдвинуты дальше в Реку, но возле них чалились преимущественно небольшие катамараны, люгеры, одномачтовые кэтботы. Два огромных плота с мачтами тоже стояли возле причалов. Ими пользовались при охоте на речных драконов. Несколько боевых каноэ, каждое из которых вмещало до сорока воинов, лежали на пляже возле плотов. Каноэ и гребные лодки готовились к рыбной ловле. К полудню Река будет кишеть мелкими и крупными судами.

«Пирушка» была слишком велика, чтобы встать у пирса. Она бросила якорь у входа в бухту, неподалеку от мола, сложенного из больших черных плит. Это был прелестный корабль — длинный, низкий, изготовленный из дуба и сосны. Гвозди, конечно, отсутствовали, а деревянные чеки вырезались кремневыми инструментами. Паруса — из обработанной кожи речного дракона, такой тонкой, что она просвечивала. Деревянная фигура под бушпритом изображала полногрудую русалку с факелом в руке.

Корабль был на удивление хорош, но еще удивительнее было то, как команде удалось удержать его в своих руках. Убивали и за гораздо худшие посудины.

Тревога не отпускала Фрайгейта, и он снова подошел поближе к Фаррингтону и Райдеру. Разговоры с претендентами на место матросов еще были далеки от завершения. Слухи быстро разнеслись, и теперь в очереди стояло уже около двадцати мужчин и десятка женщин. Если дела и дальше пойдут так, опрос может затянуться на весь день. Поделать Фрайгейт ничего не мог все равно, а потому, пожав плечами, отправился домой. Ева куда-то вышла, что можно было счесть за удачу. Смысла говорить с ней о своих намерениях не было, пока не станет точно известно, что он плывет на «Пирушке». А если не возьмут, он ей и говорить ничего не станет.

В обязанности Фрайгейта как гражданина Руритании входила работа по производству спирта. Пожалуй, с тем же успехом он может отработать сегодня полдня. Кстати, это позволит ему на время позабыть о своих тревогах. Фрайгейт направился по тропинке, бежавшей вдоль распадка между двумя холмами, и по ней добрался до того места, где тропа выходила на равнину. Дальше ему предстояло преодолеть четыре холма, один выше другого. Здесь росли могучие деревья, а хижины встречались реже. Наконец Питер поднялся на вершину самого высокого холма, примыкающего прямо к горной гряде. Гладкая черная стена вздымалась на высоту 1228 метров, или 6000 футов. В 92 метрах от тропинки (или 100 ярдах) ревел водопад, сбрасывая в озерко тысячи литров в секунду. Отсюда вода текла по широкому руслу, прорезая в своем беге к Реке гряду холмов.

Фрайгейт шел мимо костров и разнообразного инвентаря — деревянного, стеклянного и каменного. В воздухе стоял густой запах спирта. Питер вскарабкался по бамбуковой лестнице и оказался на платформе, тянувшейся вдоль гладкого вертикального склона гряды там, где покров лишайника еще сохранился.

Фрайгейт отметился у бригадира, который выдал ему скребок из кремнистого сланца. Из деревянной стойки бригадир взял сосновую палку, помеченную инициалами Фрайгейта. На палке чередовались вертикальные и горизонтальные черточки; первые отмечали количество отработанных дней, вторые — месяцев.

— В следующий раз получишь вместо кремня простую доску, чтоб соскребать эту дрянь,— сказал бригадир.— Нам придется экономить сланец и кремень для оружия.

Питер молча кивнул и пошел работать.

Когда-нибудь месторождения кремня будут исчерпаны. Технология мира Реки покатится назад. Вместо прогресса от деревянного века к каменному человечество пойдет вспять.

Фрайгейт подумал, удастся ли ему вывезти свое кремневое оружие за границы государства. Если он поплывет с Фаррингтоном, то, согласно закону, ему придется оставить свое драгоценное кремневое вооружение тут.

Время, которое Фрайгейт тратил на работу, учитывалось бригадиром. Если не считать солнца, других часов тут практически не было. Ничтожнейший запас стекла, которым располагала Руритания, использовался преимущественно в производстве спирта, так что даже на песочные часы его не хватало. Песок, необ-

ходимый для изготовления стекла, импортировался из страны, лежавшей в 800 километрах вниз по течению. За него Руритания расплачивалась несколькими лодками, груженными табаком, самогоном, связками кож и костей речных драконов и рогатой рыбы. Табак и спиртное собирали с граждан, получавших эти товары из граалей. Фрайгейт бросал курить и пить на два месяца, чтоб сделать свой вклад в общую копилку. Когда два месяца кончались, он продолжал воздерживаться от курения, меняя сигареты и сигары на виски. Но, как это с ним бывало и на Земле, Фрайгейт опять оказывался в объятиях демона Никотина.

А пока Питер добросовестно трудился, соскребая толстый зеленовато-голубой покров лишайника с черной скалы и набивая им бамбуковые ведра. Другие рабочие опускали ведра вниз на веревках, где их содержимое вываливалось в котлы.

Незадолго до полудня Фрайгейт сделал перерыв на обед. Прежде чем спуститься по лестнице, он бросил взгляд на холмы. Далеко внизу на ярком солнце белел корпус «Пирушки». Каким угодно путем, но он должен оказаться на борту, когда она станет сниматься с якоря.

Питер вернулся в свою хижину, увидел, что Евы еще нет, и снова зашагал к берегу. Очередь желающих, по всей видимости, нисколько не уменьшилась. Он шел по краю равнины, там, где низкая трава резко обрывалась и начинались высокие травы холмов. Чем определялась эта граница? Может быть, в почве холмов содержались химические соединения, задерживающие наступление трав береговой равнины? Или наоборот? Или то и другое вместе? И зачем?

Стрельбище находилось в полукилометре к югу от портовой зоны. Фрайгейт минут тридцать практиковался в стрельбе в цель по бамбуковой мишени в виде треножника. Затем отправился в спортивный комплекс, побегал, сделал несколько прыжков в длину, отработал приемы каратэ, дзюдо и боя на копьях — всего часа два. К концу он весь лоснился от пота и здорово устал. Но в нем бурлила радость. Так прекрасно обладать телом двадцатипятилетнего, из которого исчезли усталость зрелых лет, слабость старости; боли, болезни, жир, грыжи, расширение вен, головные боли, дальнозоркость — все это ушло. Зато появилась способность бегать быстро и далеко, а сексуальную потребность ощущать каждую ночь (и большую часть дня в придачу).

Худшим из всего, чем он занимался на Земле, была работа за письменным столом в качестве автора технических брошюр в тридцать восемь лет и потом в пятьдесят один год, когда он стал писателем-фантастом. Уж лучше было бы ему остаться на своем сталелитейном заводе. Работа, конечно, монотонная, но, пока тело занято изнурительным тяжелым трудом, ум рождает сюжеты самых фантастических историй. А ночами он читал и писал.

А вот когда он стал отсиживать задницу, тут-то он и начал пить. И чтение тоже пошло под уклон. Так просто после работы на машинке засесть на весь вечер перед телевизором, попивая бурбон или скотч. Телевизор — вот самое коварное из всего, что принес с собой XX век. После атомной бомбы, конечно. И перенаселенности.

Нет, сказал он себе, ты несправедлив. Не надо было сидеть как олух и пялиться на этот ящик для идиотов. Просто требовалась та самодисциплина, которая раньше помогала писать, а теперь позволила бы выключать эту машину на все время, кроме некоторых специальных передач. Но синдром пожирателей лотоса все же победил. Ведь некоторые программы ТВ были действительно великолепны — как развлекательные, так и образовательные.

Этот новый мир был хорош тем, что здесь не было ни ТВ, ни атомных бомб, ни автомобилей, ни колоссального массового производства, ни платежных карточек, ни ипотек, ни чеков на оплату медицинских услуг. Не было и загрязнения атмосферы и вод. Не было пыли. И всем было решительно наплевать на коммунизм, социализм, капитализм, потому что их тут просто-напросто не существовало. Нет, не совсем так. В большинстве государств было нечто вроде примитивного коммунизма.

Глава 31

Фрайгейт подошел к Реке и нырнул в воду, смывая липкий пот. Затем пробежался по берегу до причалов (строительство хижин запрещалось в полосе тридцати метров от кромки воды). Он проболтался там до ужина, разговаривая с друзьями. Между делом все время наблюдал за теми двумя — с «Пирушки». Они разговаривали с претендентами, время от времени смачивая пересохшие глотки выпивкой. Неужели эта очередь никогда не кончится?

Незадолго до ужина Фаррингтон встал и во всю силу своих легких объявил, что больше никаких предложений они рассматривать не будут. Стоявшие в очереди протестовали, но он сказал, что у него и без того есть хороший выбор.

К этому времени появился глава Руритании «Барон» Томас Буллит со своими советниками. Этот Буллит в свое время имел кое-какие претензии на славу. В 1775 году он исследовал пороги реки Огайо в районе, который впоследствии превратился в город Луисвилл в штате Кентукки. Нанятый Виргинским колледжем имени Вильяма и Мэри, он досконально исследовал эту область. А затем исчез из поля зрения историков. «Барона» сопровождал адъютант Паулюс Байс — голландец XVI века. Они пригласили команду «Пирушки» на вечеринку в честь прибытия корабля. Главной причиной приглашения было желание услышать о приключениях экипажа. Приречные жители любили сплетни и интересные россказни, поскольку других развлечений тут почти не было.

Фаррингтон согласился, но сказал, что шестерым матросам придется оставаться на берегу для охраны судна. Фрайгейт последовал за толпой к большой площадке под тентом, растянутым на столбах,— «Таун-Холлу». Факелы и костры разогнали тьму, играл оркестр, начались танцы — местная разновидность фестиваля на открытом воздухе. Фриско и Текс прохаживались, беседуя с главными лицами государства, с их женами и друзьями. Фрайгейт, как один из hoi polloi*, не был допущен в этот блестящий круг. Правда, он знал, что немного спустя вечеринка станет куда менее чопорной. Пока он стоял в очереди, чтобы бесплатно получить литр чистого спирта, выдававшийся на каждого присутствующего в столь торжественных случаях, к нему присоединилась его подружка.

Ева Беллингтон помахала ему рукой и встала в очередь через двенадцать человек после него. Она была высокая, полная, черноволосая, голубоглазая — этакий персик из Джорджии. Родилась в 1850 году и умерла за два дня до своего сотого дня рождения. Ее отцом был богатый плантатор с отличным послужным списком майора конфедератской кавалерии. Хлопковую плантацию Беллингтона сожгли во время марша Шермана** через Джорджию, и Беллингтоны остались без гроша. Потом отец Евы уехал в Калифорнию и добыл там достаточно золота, чтобы купить партнерство в торговой фирме.

* Простонародье *(греч.)*.

** Генерал федеральных войск во время Гражданской войны в США. Его вторжение в Джорджию привело практически к полному поражению южан.

Еве очень нравилось чувствовать себя снова богатой, но она никак не могла простить отцу то, что он бросил ее мать и заставил мучиться во времена оккупации и первых лет реконструкции Юга.

Пока отец отсутствовал, Ева и ее мать жили у его брата — красивого молодого человека всего лишь на 10 лет старше Евы. Он изнасиловал ее в пятнадцать лет (правда, как признавалась сама Ева, без особого сопротивления с ее стороны). Когда мать узнала, что дочь беременна, она выстрелила дяде в ноги и в гениталии. Он прожил еще несколько лет калекой-евнухом в местной тюрьме.

Вскоре миссис Беллингтон переехала в Ричмонд, штат Виргиния, где к ним присоединился ее муж. Сын Евы от ее дяди рос высоким и красивым мальчиком, которого она безумно любила. После жуткой ссоры со своим дядей-дедом юноша уехал на Запад искать счастья. Письмо из Силвер-Сити в Колорадо было последним, что Ева получила от него. Согласно отчету нанятого сыщика, он исчез где-то в Скалистых горах.

Мать Евы умерла во время пожара, а отец — от сердечного приступа, когда он пытался вытащить ее из огня. Первый муж Евы умер от холеры вскоре после пожара. Потом до своего пятидесятилетия она потеряла еще двух мужей и шестерых из десяти детей.

Жизнь Евы была жизнью героини романа, который могли бы написать Маргарет Митчелл и Теннесси Уильямс, работая в соавторстве. Ей, однако, подобное предположение не показалось смешным, когда Питер как-то в шутку высказал его.

После 35 лет жизни в мире Реки Ева наконец отделалась от своих предубеждений насчет «черномазых» и ненависти к «синемундирникам». Она даже влюбилась в одного янки. Питер так и не рассказал ей, что его прапрадед служил в полку, набранном в Индиане, и принимал участие в «постыдном» рейде Шермана. Фрайгейт не рискнул потерять привязанность Евы.

Очередь Питера наконец подошла, и ему налили порцию спирта в кружку из мыльного камня. Он тут же смешал одну часть спирта с тремя частями воды в бамбуковом ведерке и вернулся, чтобы потолковать с Евой, которая все еще стояла в очереди.

Фрайгейт спросил, где она пропадала весь день. Ева ответила, что прогуливалась то там, то сям и думала о разных вещах.

Питер не стал расспрашивать ее об этих мыслях. Они и так были ему хорошо знакомы. Она думала о том, как разорвать их отношения, не причинив ему лишней боли. Уже несколько месяцев, как они оба все больше и больше отдалялись друг от друга — их любовь внезапно и без всяких на то оснований остыла. Питер и сам немало размышлял по этому поводу. Каждый ждал, чтобы инициативу взял на себя другой.

Питер сказал, что увидится с ней попозже, и принялся проталкиваться сквозь шумную толпу к Фаррингтону. Райдер же был на танцевальной площадке, лихо отплясывая с женщиной Буллита.

Фрайгейт подождал, пока капитан не кончит рассказывать о своих приключениях в 1899 году во время юконской золотой лихорадки. История Фаррингтона, стоившая ему нескольких зубов, потерянных от цинги, в его рассказе выглядела ужасно забавной проделкой.

— Мистер Фаррингтон, вы еще не сделали свой выбор? — спросил Питер.

Фаррингтон помолчал, он собирался выдать очередную байку, его налитые кровью глаза часто-часто моргали.

— Ох да! Вы же... а... хм... ваше имя Фрайгейт, верно? Питер Фрайгейт. Тот, что прочел прорву книг? Да, Том и я решили. Мы объявим о нашем выборе во время этой вечеринки.

— Надеюсь, это буду я,— сказал Фрайгейт.— Мне очень хотелось бы плавать с вами.

— Энтузиазм, конечно, дело важное,— сказал Фаррингтон.— Но опыт ценится еще выше. Сложите одно с другим, и получите настоящего морского волка.

Питер вздохнул поглубже и рискнул пойти ва-банк:

— Эта неопределенность угнетает меня. Не могли бы вы хотя бы сказать — вы меня отклонили? Если да, я пойду топить свое горе в вине.

Фаррингтон ухмыльнулся:

— Неужели это действительно так много значит для вас? А почему?

— Ну хотя бы потому, что я и в самом деле хочу добраться до конца Реки.

Фаррингтон поднял брови:

— Эва! Вы что ж, ожидаете там найти ответы на все ваши вопросы?

— «Мне не нужны миллионы, пусть лучше ответят на мои вопросы»,— сказал Питер.— Эта цитата принадлежит одному из действующих лиц романа Достоевского «Братья Карамазовы».

Лицо Фаррингтона озарилось ярким внутренним светом.

— Великолепно сказано! Я слыхал о Достоевском, но у меня не было случая его прочесть. Не думаю, чтоб в мое время он переводился на английский. Во всяком случае, мне он не попадался.

— Ницше признавался, что он очень много узнал о психологии, читая русские романы.

— Ницше, а? А вы его хорошо знаете?

— Я читал его и на немецком, и на английском. Он был великим поэтом, единственным немецким философом, который мог писать языком получше обычной водянистой прозы. Нет, это несправедливо. Шопенгауэр тоже мог писать вещи, которые не погружали вас в сон и не вызывали нервного столбняка, пока вы дожидались, когда же наконец доберетесь до конца фразы. Хотя я, конечно, не согласен с концепцией Ницше насчет Übermensch*: *«Человек — канат, протянутый над пропастью между животным и сверхчеловеком»*. Это не точная цитата — прошло чертовски много времени с тех пор, как я прочел «Так сказал Заратустра».

Но я действительно верю, что человек — это канат между животным и сверхчеловеком. Только сверхчеловек, о котором я думаю — мужчина ли, женщина ли,— это личность, которая освободилась от всех предрассудков, неврозов, психозов, которая полностью реализует свой потенциал человеческого существа, которая действует совершенно естественно на основе добра, сочувствия и любви, которая думает самостоятельно и отказывается следовать за стадом. Вот это и есть настоящий супермен без подмесу.

А теперь возьмите ницшеанскую концепцию супермена, воплощенную в романе Джека Лондона «Морской Волк».

Питер помолчал и спросил:

— Вы его читали?

Фаррингтон усмехнулся:

— Много раз. Так что же насчет Волка Ларсена?

---

* Сверхчеловек *(нем.)*.

— Я думаю, что это скорее джек-лондоновский супермен, чем ницшеанский. Это идея Лондона о том, каким должен быть супермен. Ницше наверняка испытал бы отвращение к жестокости Ларсена. Однако Лондон уничтожает Волка с помощью инсульта. Я предполагаю, что Лондон хотел этим показать, что в самом Ларсене, как в супермене, было заложено нечто изначально порочное. Возможно, он пытался внушить читателю именно эту мысль. Если это так, то такое намерение осталось совершенно непонятым большинством литературных критиков. Они так и не уяснили значение особенностей смерти Ларсена. Потом, я думаю, что Лондон хотел показать: у человека, будь он даже суперменом, корни уходят в глубь его природы животного. Он часть природы, и, каковы бы ни были его умственные достижения, как бы он ни подчинял себе природу, он не может игнорировать физический аспект. Он животное, и поэтому-то Лондон и делает его жертвой болезни — такой, как инсульт.

«Могучие обречены на падение».

Но я думаю, что Волк Ларсен в каком-то аспекте — это то, чем Лондон хотел бы быть сам. Лондон жил в жестоком мире и думал, что ему самому следует стать супержестоким, чтоб выжить. Но одновременно Лондон обладал даром сочувствия; он знал, что значит быть одним из людей Бездны. Он считал, что народные массы должны получить помощь в своих страданиях и реализовать свой человеческий потенциал через социализм. Одновременно он был чистейшей воды индивидуалистом. Эта черта пришла в конфликт с социализмом, и, когда это случилось, он потерял веру в социализм. Он не был похож на Эмму Голдмен*.

Более того, его дочь Джоан резко критиковала отца в своей биографической книге о нем за разочарование в социализме.

— Я этого не знал,— сказал Фаррингтон.— Должно быть, она написала ее после того, как я умер. Вы что-нибудь знаете о ней, о том, что случилось с ней после смерти Лондона, и о том, как она умерла?

— Я был знаком с исследователем творчества Лондона, который хорошо ее знал,— ответил Питер.

(Фактически этот специалист только переписывался с ней, и то не часто, а встречался и вовсе от случая к случаю. Питера нисколько не смущали кое-какие преувеличения, допущенные им в этом разговоре, если они обеспечат ему койку на борту «Пирушки».)

— Она стала очень активной социалисткой. Умерла, как мне кажется, в тысяча девятьсот семьдесят первом году. Ее книга об отце весьма объективна, в особенности учитывая то, что он развелся с ее матерью из-за более молодой женщины.

Я-то полагаю, в общем, что Лондон хотел быть Волком Ларсеном потому, что это сделало бы его нечувствительным к горестям мира. Человек, у которого не болит сердце за других, не может быть ранен никем и ничем. Во всяком случае, так думает этот человек; на самом же деле он только еще сильнее терзает себя.

Возможно, Лондон понимал это и пытался привить миру подобные идеи. Но одновременно он хотел быть и Ларсеном, даже если это означало внутреннее оледенение, то есть превращение в сверхживотное. Но писатели обнаруживают в этом физическом море те же встречные течения, что и простые люди. Вот почему большие писатели остаются загадкой, даже если критики объявляют, что они навсегда закрыли эту тему.

«Когда небеса нависнут, а океаны утонут, человек все еще пребудет загадкой».

— Мне это нравится! — вскричал Фаррингтон.— Кто это написал?

— Э. Э. Каммингс*. Другая его строчка — моя самая любимая: «Послушай, за углом — чертовски славный мир. Ей-ей, идем».

Питер подумал, не переборщил ли он. Однако Фаррингтон, казалось, пребывал в полном отпаде.

Если Фрайгейт окажется на корабле, он сможет затронуть проблемы, которые рискуют вызвать гнев или, во всяком случае, раздражение Фаррингтона. Ведь его знание Ницше, например, в основном получено из разговоров с приятелем — Строун-Гамильтоном. Он, видимо, пытался и сам читать этого философа в английском переводе, но был настолько захвачен поэтической фразеологией и лозунгами, что до самой философии не дотумкался. Он позаимствовал у Ницше то, что ему нравилось, а остальное проигнорировал, так же как Гитлер. Но это не значит, что Фаррингтон хоть в чем-то похож на Гитлера.

* Эмма Голдмен — знакомая Джека Лондона, деятельница социалистического движения в США, анархистка.

* Эдуард Эстли Каммингс (1894–1962) — американский поэт, тяготевший к футуризму.

Как там выразилась его дочка? «Жизнерадостные оболдуи», «Супермен», «Живи рискуя!» — все это для него было сильнее вина.

Что касается знания Фаррингтоном основ социализма, то он не читал из Маркса ничего, кроме «Коммунистического манифеста». Но, как сказала его дочь, игнорировать Маркса тогда было общей практикой американских социалистов.

Да и вообще, мало ли других вещей, которые можно осуждать и презирать. Лондон хотел социализма только для нордических народов. Он твердо верил, что мужчины выше женщин. Сила важнее права. И он не был, в общем смысле слова, настоящим художником. Писал он только ради денег, и, если бы их у него было много, он с радостью бросил бы писать. Во всяком случае, так он похвалялся. Фрайгейт же сомневался в этом. Раз пишешь, то это навсегда.

— Что ж,— сказал Питер,— против Лондона можно сказать немало, но, видимо, Фред Льюис Паттон сказал о нем самое веское слово. Он сказал, что Лондона легко критиковать, легко скорбеть о его заблуждениях, но мимо него пройти невозможно.

Фаррингтону это ужасно понравилось. Тем не менее он сказал:

— Ладно, хватит о Лондоне, хотя я бы с удовольствием с ним когда-нибудь встретился. Но вот что я вам скажу. Ваша мысль о супермене звучит очень сходно с представлениями Церкви Второго Шанса об идеальном человеке. И еще более она похожа на то, что говорит один из моих матросов, знаете, тот маленький араб, хотя по-настоящему он вовсе не араб. Он испанский мавр, родившийся в двенадцатом столетии нашей эры. И он вовсе не из шансеров.

Фаррингтон указал на человека, которого Фрайгейт еще раньше заметил среди команды «Пирушки». Тот стоял в центре круга руританцев, держа в руках стакан с выпивкой и сигарету. Рассказывал он, должно быть, нечто забавное — люди вокруг громко смеялись. Ростом он был 163 сантиметра, то есть чуть меньше 5 футов и 5 дюймов; худой, но при взгляде на него создавалось впечатление о некой пружинистой силе; смуглый и большеносый. Очень похож на Джимми Дюранте.

— Нурэддин эль-Музафир,— сказал Фаррингтон.— А если сокращенно — Нур.

— По-арабски это значит Свет Веры — Странник.

— Вы знаете арабский? — спросил Фаррингтон.— А мне так и не удалось ухватить хоть чуточку чужого языка, кроме эсперанто.

— Я позаимствовал немало арабских слов из бёртоновского перевода «Тысячи и одной ночи»,— ответил Фрайгейт. Потом, помолчав: — Так что же, меня вычеркнули?

— И да и нет,— сказал Фаррингтон. Он засмеялся, увидя изумленное выражение лица Фрайгейта, и крепко хлопнул его по плечу.— Можете держать рот на замке?

— Как траппистский монах.

— Ладно, тогда я тебе скажу, Пит. Том и я выбрали вон того здоровенного канака.— Он указал на Мауи — огромного туземца с Маркизских островов, очень похожего на полинезийца, в белой повязке вокруг талии и с крупным красивым цветком в густых черных волосах.— Он был матросом на китобое, а потом гарпунером в течение тридцати лет. Выглядит он так, что, надо думать, в схватке будет как боевой кот. Том и я решили, что по квалификации он куда выше остальных. Но зато о книжках он не знает ничего, а я хочу видеть вокруг себя образованных людей. Может, я и похож на сноба, но дело обстоит именно так.

Ну так я тебе скажу вот что. Я только что переменил свое мнение. Ты включен, насколько это зависит от меня. Нет, ты подожди минутку. Не надо, чтоб все видели, как ты счастлив! Мне еще следует поговорить с Томом. А ты постой тут. Вернусь через несколько минут.

Он нырнул в промежуток между танцующими, ухватил за руку Райдера и, несмотря на протесты последнего, оттащил его в сторону. Питер видел, как они разговаривают. Райдер несколько раз бросил взгляд в его сторону, но, по-видимому, спорить не стал.

Питер в душе был доволен, что ему не пришлось разыгрывать свою козырную карту. Если б его не выбрали, это вынудило бы его сказать этим обоим голубчикам, что он знает, кто они такие на самом деле. Что тогда бы произошло, сказать трудно. У обоих, видимо, была веская причина плавать под выдуманными именами. Так что, может быть, они поспешили бы убраться отсюда, оставив Фрайгейта с носом, раз он осмелился им угрожать. А может, взяли бы его с собой, чтоб заткнуть ему глотку, а затем вышвырнули бы за борт где-нибудь поближе к верховьям.

Вполне возможно, Фаррингтон понял его игру. Надо полагать, он задумывался над тем, почему это человек, так хорошо знакомый с творчеством Лондона, не узнал при встрече его самого. В этом случае Фаррингтон должен был решить, что Фрайгейт разыгрывает какую-нибудь комбинацию. Тогда он будет ему подыгрывать некоторое время, пока они не уйдут достаточно далеко вверх по Реке, а затем уж выяснит, какую тот преследовал цель.

Тем не менее Питер не считал, что ему может угрожать смерть. Ни Фаррингтон, ни Райдер не были убийцами. И все же, хотя некоторые люди в этом мире менялись к лучшему, другие становились хуже. Фрайгейт и понятия не имел, каковы были ставки в отчаянной игре, затеянной капитаном и его помощником.

Райдер подошел к нему, пожал руку и сказал, что рад видеть его на палубе. А через несколько минут Фаррингтон остановил оркестр и объявил о своем выборе нового матроса. К этому времени Питер вывел Еву наружу и рассказал ей о своих новостях.

Некоторое время Ева молчала. Потом сказала:

— Да, я знала, что ты пытаешься попасть на корабль. Здесь, Питер, секреты трудно хранить. Мне действительно было плохо, но главным образом потому, что ты скрывал от меня свое намерение бежать отсюда.

— Я пытался отыскать тебя,— ответил он,— но ты ушла куда-то и даже не сказала куда.

Ева заплакала. И у Питера глаза были на мокром месте. Она вытерла слезы, шмыгнула носом и шепнула:

— Я не говорю о том, что ты бросаешь меня, Пит. Но я скорблю о том, что умерла любовь. Когда-то я думала, что она будет длиться вечно. Не надо было быть такой дурой.

— Но я все еще очень привязан к тебе.

— И все же недостаточно сильно, не так ли? Я не виню тебя, Питер. Я и сама ощущаю то же. Это просто... как бы я хотела, чтоб у нас сохранились чувства, которые были вначале...

— Ты найдешь себе кого-нибудь другого. Во всяком случае, мы расстаемся без ненависти.

— Да, так лучше. Людям плохо, когда они любят друг друга, а вместе жить не могут. Но если любовь умирает совсем, превращаясь в хладный труп, то хуже не бывает. Не выношу безразличия.

— Ты вынесла гораздо больше,— сказал он.— Если бы мы были до сих пор влюблены друг в друга, я или остался бы тут, или попробовал бы уговорить капитана взять нас обоих.

— Но тогда ты возненавидел бы меня. Нет, сейчас, может, и плохо, но только так и нужно поступить.

Он притянул ее к себе, чтобы поцеловать, но она подставила ему щеку.

— Прощай, Питер.

— Я не забуду тебя.

— Из этого, как говорится, шубы не сошьешь,— сказала она и ушла.

Питер вернулся под тент. Люди толпились вокруг, спеша поздравить его. А он не чувствовал радости. Прощание с Евой было слишком печальным. Да и то, что он стал предметом всеобщего внимания, тоже как-то стесняло. Последним пожать ему руку подошел Буллит.

— Нам грустно расставаться с вами, Фрайгейт,— сказал он.— Вы были образцовым гражданином. Но есть еще кое-что.— Он повернулся к армейскому сержанту, стоявшему рядом, и распорядился: — Мистер Армстронг, будьте добры, конфискуйте оружие мистера Фрайгейта.

Питер не протестовал, поскольку принес клятву сдать оружие, если уедет из Руритании. Однако он не клялся, что не постарается украсть его обратно. И рано утром, когда было еще темно, Фрайгейт выполнил свое намерение.

Он утешал себя тем, что вложил слишком много труда в изготовление этого оружия, чтоб отдать его за здорово живешь. Кроме того, он был серьезно ранен на службе этому государству. Руритания задолжала ему оружие.

Но не успел еще корабль подняться на километр вверх по течению Реки, как Питер почувствовал острое желание вернуться и сдать оружие. Этот приступ честности длился целый день, и только к вечеру Фрайгейт почувствовал себя исцеленным.

Или подумал, что исцелился. Во всяком случае, преследовавший его сон вернулся опять. На этот раз он начался именно с того места, где Фрайгейт стоял голый перед своим домом. Он швырял гравий в окошко спальни, но удары камешков по стеклу так и не смогли разбудить Рузвельта. Фрайгейт обошел дом, проверяя двери и окна, и когда приблизился к парадной двери, то обнаружил, что она не заперта. Он тихонько прокрался через

переднюю комнату в маленькую кухню и сделал пару шагов к двери, противоположной входу в ванную. Она вела его к крутой лесенке на чердак — к той его части, которая была превращена в малюсенькую спальню. Взбираться приходилось медленно, наступая на концы ступенек. Они жутко скрипели, если нога ступала на середину доски.

Именно тогда он заметил, что двери в спальню родителей и в спальню младших детей открыты. Там было светло от луны. (Не имело значения, что, когда он открывал дверь, рассвет уже наступил. Это ж был сон.) При ярком лунном свете он увидел, что старинная большая кровать родителей пуста. И кровать маленькой сестренки — тоже. Он заглянул за угол и увидел, что койки Мунго и Джемса тоже опустели.

И Рузвельта не было в его постели.

В панике Питер выглянул из окна на задний двор.

В собачьей конуре тоже никого не было.

Все, даже собака, исчезли, не сказав ему ни слова. Какое же несказанное преступление он совершил?

Глава 32

— Тренировочный дирижабль будет готов через месяц,— сказал Фаербрасс.— Джилл Галбирра — пока наш самый опытный стратонавт, и она возьмет на себя обязанности начальника тренинга. Фактически она будет капитаном тренировочного дирижаблика. Как ты, Джилл? Если ты не можешь стать командиром большого корабля, ты станешь неоспоримым боссом маленького. Тогда уж не посмеешь говорить, что я ничего для тебя не делаю.

Все мужчины поздравили ее, хотя кое-кто с весьма кислой миной. Сирано казался в восторге по-настоящему, и, если бы он не знал, как она ненавидит, когда к ней прикасаются, он наверняка обнял бы ее и расцеловал. Импульсивно Джилл притянула его к себе и мимолетно прижала к груди. В конце концов, он так старался загладить свое оскорбительное поведение на берегу Реки.

Двадцатью минутами позже она, Фаербрасс, Мессне, Пискатор и десяток инженеров начали работу над «синьками» большого воздушного корабля. Спецификации явились результатом

трехнедельного тяжкого труда, обычно по 12–14 часов в день. Вместо того чтобы чертить на бумаге, они изготовляли «синьки» на дисплее компьютера. Это было куда быстрее, ошибки исправлялись легче, а новые решения вносились немедленно; компьютер сам повторно оценивал правильность размеров. Конечно, компьютер сначала надо было соответственно запрограммировать, и Джилл приняла в этом активное участие. Такую работу она просто обожала. Работа была творческой и давала Джилл шанс побаловаться с математическими уравнениями.

Тем не менее нервное напряжение непрерывно нарастало. Чтобы ослабить его и сохранить хорошую физическую форму, Джилл часа по два почти каждый день занималась фехтованием. Здесь фехтование сильно отличалось от того, к которому она привыкла на Земле. Легкие тонкие клинки были заменены жесткими тяжелыми рапирами. Кроме того, целью мог служить любой участок тела, а поэтому потребовались специальные чулки с подбивкой, которые защищали обычно голые ноги.

— Мы тут не в игрушки играем,— говорил Сирано.— Тебе придется учиться фехтовать не просто для того, чтобы набирать очки. Недалеко то время, когда ты изо всех сил будешь сдерживать своего противника, стремящегося пронзить тебя насквозь, и, в свою очередь, будешь отыскивать возможность нанести ему такой удар, чтоб твоя рапира вышла у него из-под лопатки.

Джилл была отличной фехтовальщицей. Ее великий учитель — олимпийский чемпион — однажды сказал ей, что она могла бы занять первое место в международных соревнованиях, если бы уделяла тренировкам чуть побольше внимания. Но это было невозможно, так как работа не позволяла ей посещать фехтовальные залы регулярно. Когда же шансы пофехтовать появлялись, она тут же их ловила. Джилл любила фехтовать; в некоторых отношениях этот спорт напоминал ей шахматы, которыми она тоже страстно увлекалась.

Такая была радость — снова ощутить в руке клинок и заново повторить все так давно не употреблявшиеся, но все же не полностью забытые приемы! А еще большая радость — обнаружить, что она может победить всех своих соперников-мужчин. И хоть она, должно быть, в первый момент и выглядела неуклюжей, но, стоило ей ощутить в руке рукоять рапиры, она тут же обретала изящество и льющуюся быстроту движений.

И все же были двое, победить которых она не могла. Один из них — Раделли, итальянский маэстро, автор «Istruzione per la scherma di spada a di sciabola»*, опубликованной в 1885 году. Другой бесспорный чемпион — Савиньен Сирано де Бержерак.

Последний очень удивил Джилл. Дело в том, что фехтование во времена Сирано еще не достигло того уровня, когда его можно было назвать благородным искусством. Только в конце XVIII века оно стало приближаться к вершинам искусства. Сирано же умер в середине XVII века, то есть еще до изобретения фехтовальной рапиры, во времена, когда мужчины нередко дрались до смерти, когда техника боя была примитивной, хотя и впечатляющей. Правда, итальянцы разработали основы современного фехтования уже к началу XVII века, но эта школа получила всеобщее признание лишь к концу XIX столетия.

Таким образом, Сирано заработал репутацию величайшего бойца всех времен и народов, не посоревновавшись с мастерами более поздних веков, куда более изощренными. Джилл считала, что его репутация чрезмерно раздута; кто, в конце концов, знал наверняка, что знаменитый инцидент у Porte de Nesle** не выдумка? Никто, кроме самого француза! А он предпочитал об этом помалкивать.

Однако Сирано очень быстро научился всем последним тонкостям у Раделли и Барсоди. После четырех месяцев обучения он уже уверенно набирал больше очков, чем его учителя. А через пять — стал непобедим. Во всяком случае — до сих пор.

Сначала Джилл чувствовала себя скованной, но вскоре вернула прежний блеск и стала создавать для Сирано известную проблему. Но ей ни разу не удалось получить больше одного очка из пяти в шестиминутной схватке. Сирано всегда успевал заработать свои четыре раньше, чем она — одно. Это заставило ее думать, что и это очко он давал ей, только чтоб смягчить горечь поражения. Однажды после матча, во время которого она чуть не взбесилась из-за понесенного поражения, она обвинила Сирано в том, что он ее щадит.

— Даже если б я в вас влюбился и жаждал не нанести вам оскорбления каким бы то ни было способом,— сказал он,— *этого* я бы не сделал! Это было бы бесчестно, и хотя говорят, что в

---

* «Поучение, как сражаться шпагой и рапирой»

** Нельские ворота, находились на левом берегу Сены напротив Лувра. Там Сирано сражался с бандой наемных убийц и разогнал их.

любви и на войне все дозволено, но мне такое не подошло бы. Нет, вы получаете свои очки честно благодаря быстроте движений и мастерству.

— Если б мы дрались по-настоящему и острыми клинками,— воскликнула она,— вы бы убивали меня каждый раз! Вы ведь всегда наносите удар первым!

Он поднял маску и вытер лоб.

— Верно. Но смею надеяться, вы уже не думаете вызывать меня на дуэль? Вы же не сердитесь на меня больше?

— За тот случай на берегу? За него — нет.

— А за что же тогда, смею спросить?

Она ничего не ответила, а он поднял брови и пожал плечами в самой изысканной галльской манере.

Сирано был первым, это бесспорно. Как бы она ни практиковалась, как бы ни укрепляла свою решимость обогнать его, ибо он был мужчина, а она не хотела проигрывать ни мужчинам, ни женщинам, все равно ему она *всегда* проигрывала. Однажды, когда она принялась высмеивать его невежество и склонность к суевериям и тем самым привела в бешенство (сделав это нарочно), он атаковал ее с такой яростью, что нанес ей пять ударов за полторы минуты. Вместо того чтобы потерять голову, он стал еще более похожим на холодное пламя, двигался с уверенностью и быстротой, не допуская ни тени ошибки, выставлял стопроцентную защиту против каждого ее выпада.

В результате униженной оказалась она сама.

И вполне заслуженно, сказала она себе. Джилл тут же извинилась, хотя это было еще одним унижением.

— Я была совершенно не права, издеваясь над вашей необразованностью и вашими предрассудками,— сказала она.— Вы не виноваты, что родились в тысяча шестьсот девятнадцатом году, и мне не следовало подшучивать над вами из-за этого. Я поступила так только потому, что хотела разозлить вас до такой степени, чтоб вы стали делать ошибки в фехтовании. Это была гнусная затея. Обещаю вам никогда больше не повторять ее и приношу вам свои извинения. Ничего из того, что я говорила, не было сказано всерьез.

— Значит, все эти противности, которые вы мне наговорили, были просто шуткой? — спросил он.— Что-то вроде словесного приема, чтоб выиграть лишнее очко? И в этих весьма болезненных для меня словах не было ничего личного?

Она на мгновение заколебалась, а потом сказала:

— Я должна быть честной. Моя главная цель заключалась в том, чтоб вы потеряли голову. Но и мою собственную голову в этот момент тоже нельзя назвать холодной. В какое-то время мне и в самом деле показалось, что вы невежественный олух, ожившее ископаемое. Но во мне говорило лишь собственное мое раздражение.

А на самом деле вы далеко опередили свое время. Вы отвергли предрассудки и варварство своих дней настолько, насколько вообще можно отринуть культуру своего века. Вы были исключительным человеком, и я глубоко чту вас за это. И вы никогда больше не услышите от меня таких слов.

Она снова поколебалась немного, а потом спросила:

— Скажите, а это правда, что на смертном одре вы раскаялись?

Лицо француза побагровело. Он сделал гримасу и ответил:

— К сожалению, мисс Галбирра. Я и в самом деле заявил, что сожалею о своем богохульстве и неверии, и попросил прощения у доброго Бога. Я, который был отчаянным атеистом с тринадцати лет! Я, который ненавидел толстых, омерзительных, лоснящихся от жира, вонючих, невежественных ханжей и паразитов — попов! И их бесчувственного, беспощадного, жестокого Бога! Но вы не знаете, вы не ведаете ужасов адского пламени и вечного проклятия! Откуда вам знать, каково это — ощущать, как ужас перед адом пронизывает тебя до костей, захлестывает с головой! Он ведь был заложен в нас с детства, его вбили в нашу плоть, в наши кости, в самые потаенные глубины наших мозгов!

А поэтому, когда я узнал наверняка, что умираю от комбинации омерзительнейшего заболевания с буколическим именем сифилис и удара по голове балкой, то ли сброшенной мне на голову врагом, то ли упавшей на меня случайно, то я, который любил, повторяю, любил все человечество... и особенно женщин... На чем я остановился?

Ах да! Зная наверняка, что я скоро умру, и ослепленный страхом перед дьяволом и вечными пытками, ожидавшими меня, я поддался своей сестре, этой беззубой суке, иссохшей злобной монахине, а также моему доброму, даже слишком доброму другу Ле Бре и сказал: да, я каюсь, я спасу свою душу, и вы можете возрадоваться, моя добрая сестра и мой добрый друг, что я, наверное, попаду в чистилище, но вы своими молитвами спасете меня из него, ведь правда?

А почему бы и нет? Я был напуган так, как никогда не бывал напуган в жизни, и все же я не был убежден, что и в самом деле достоин вечного проклятия. У меня были некоторые сомнения, поверьте мне. А кроме того, ну какой вред от покаяния? Если Христос действительно готов спасти меня, причем совершенно бесплатно, заметьте, а рай и ад и в самом деле существуют, то я буду идиотом, если не попытаюсь спасти мою паршивую шкуру и бесценную душу.

С другой стороны, если после смерти человека все сущее превращается в пустоту, в ничто, то что я теряю? А свою сестру и этого суеверного, но добросердечного Ле Бре я могу осчастливить при жизни.

— Он написал пылкий панегирик после вашей смерти,— сказала Джилл.— И предисловие к «Путешествию на Луну», которое он издал через два года после вашей кончины.

— А! Я надеюсь, он не изобразил меня святым? — вскричал Сирано.

— Нет, он дал вам отличную характеристику благородного, но не так чтобы очень святого человека. Однако другие писатели... что ж, у вас наверняка было много врагов.

— И кто же попытался очернить мое имя и репутацию, когда я умер и уже не мог защитить себя? Кто эти свиньи, эти трусы?

— Не помню,— ответила Джилл.— Да и какое это сейчас имеет значение, верно? Кроме того, лишь немногочисленные ученые знают имена этих очернителей. К сожалению, для большинства людей вы лишь романтичный, хвастливый, остроумный, трогательный, немного донкихотствующий герой пьесы одного француза, написанной в конце XIX века*.

Довольно долго существовала версия, что вы были безумны, когда писали «Путешествие на Луну» и «Путешествие к Солнцу». Это произошло потому, что ваши книги подверглись жестокой цензуре. Со временем церковные боссы так искромсали ваш текст, что многое вообще потеряло всякий смысл. Но затем текст был восстановлен, насколько это было возможно, и к тому времени, когда я родилась, на английском языке был опубликован очищенный и восстановленный вариант.

---

* Имеется в виду пьеса Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак» (1897).

— Я счастлив это слышать! Я знал из того, что говорил Клеменс и другие, что я превратился в литературного олимпийца, уж если не в Зевса, то по меньшей мере в Ганимеда-чашеносителя в рядах небожителей. Но ваше насмешливое замечание, что я суеверен, очень больно меня ранило, мадемуазель! Вы верно заметили, что я верил, будто Луна на ущербе притягивает костный мозг животных. И сказали, что это дикая чушь. Отлично. Я принимаю это. Я ошибался вместе с миллионами других людей своего времени и бог знает с каким числом живших до меня.

Но это малюсенькая безобидная ошибка. Кому мешает, кому может навредить обладание столь глупым представлением? Суеверием и величайшей ошибкой, которая доставила многие несчастья миллионам человеческих существ, была чудовищная, варварская вера в колдовство, в способность некоторых людей творить зло с помощью заговоров, чар, черных котов и дьяволов, взятых в союзники. Я написал письмо против этого невежественного и жестокого предрассудка, вернее будет сказать, против этого общественного института. Я доказал, что гротескные судебные приговоры, жуткие жесточайшие казни и пытки, обрушенные на безумных или невинных людей во имя Бога и войны со Злом, сами были квинтэссенцией Зла.

Ну, верно, письмо, о котором я говорю, «Против колдунов», не было опубликовано при моей жизни. И по очень веской причине. Меня самого бы подвергли пыткам и сожгли заживо. Но письмо ходило среди моих друзей. Это показывает, что я вовсе не таков, каким вы меня выставили. Я опережал свое время, хотя, конечно, я не был единственным человеком, оказавшимся в столь тяжелой ситуации.

— Мне это известно,— сказала Джилл.— И я уже один раз извинилась. Хотите, чтоб я извинилась еще раз?

— Не обязательно,— ответил Сирано. Широкая улыбка сделала его лицо почти красивым. Или, во всяком случае, привлекательным, несмотря на огромный нос.

Джилл подхватила за ручку свой грааль и сказала:

— Как раз время ужинать.

Джилл знала кое-что о человеке по имени Одиссей, поскольку время от времени ей приходилось слышать о нем всякие россказни. Говорили, что он появился здесь совершенно неожиданно, вроде бы из ниоткуда, когда объединенные силы Клеменса и короля Иоанна отбивали нападение интервентов, стремившихся овладеть метеоритным железом. Именно он убил меткой стрелой вождя нападавших, что вызвало панику среди прочих вражеских офицеров; благодаря этому оборонявшиеся получили преимущество, которое и привело к их победе.

Одиссей с Итаки хвалился, что он и есть исторический Одиссей, который послужил основой образа мифологического героя, созданного Гомером. Он был одним из тех греков, кто воевал под стенами Трои, хотя и уверял, будто реальная Троя находилась вовсе не там, где она располагалась по мнению ученых. Ее местонахождение было совсем другим — на берегу Малой Азии, но гораздо южнее.

Джилл, впервые услышав об этом, не знала, верить ли, что он действительно Одиссей, или нет. В мире Реки было множество самозванцев. Но одна вещь заставила ее думать, что он и в самом деле мог быть тем самым историческим выходцем с Итаки. Почему он утверждал, что Троя-VII, которую даже археологи и эллинисты ее дней называли настоящим Илионом, не является истинной Троей? Почему он утверждал, что историческая Троя находилась где-то в другом месте?

Но каковы бы ни были его резоны, самого Одиссея тут больше не было. Он исчез так же таинственно, как и появился. Агентура, посланная на его розыски, не нашла нигде ни единого следа.

Фаербрасс продолжал его разыскивать и после того, как Клеменс уехал на «Марке Твене». Один из розыскников — Джим Сорли — наконец обнаружил след Одиссея, но этот след свидетельствовал лишь об одном — Одиссей не был убит людьми Иоанна.

Джилл немало удивляло то, почему Одиссей добровольно решил драться на стороне Клеменса. Почему чужестранец, который, по-видимому, совершенно случайно присутствовал при баталии, выбрал именно сторону Клеменса и рисковал ради него жизнью? Что он мог выиграть, особенно если он, как выяснилось, не знал ни одного участника битвы ни на той, ни на другой стороне? Однажды она спросила Фаербрасса об этом, и он сказал, что просто не имеет представления.

Сэм Клеменс, возможно, мог бы ее просветить, но он никогда на этот счет не высказывался.

Фаербрасс добавил, что Одиссей, возможно, появился тут по тем же причинам, что и Сирано или он сам. Все они хотели попасть на колесный пароход, чтобы добраться до Полярного моря.

Джилл подумала — как странно, что никто не предложил построить дирижабль до тех пор, пока не был построен второй пароход. Зачем тратить десятилетия на путешествие к арктическому району по воде, когда воздушный корабль может доставить туда за несколько дней?

— Просто еще одна тайна бытия,— ответил, улыбаясь, Фаербрасс.— Человек, извини, человечество иногда не может увидеть нос на собственном лице. А потом кто-то приходит и показывает ему зеркало.

— Если б у человечества был такой нос, как у меня,— откликнулся Сирано,— с ним бы никогда не могло произойти такое!

В данном случае человеком с зеркалом был Август фон Парсеваль. На Земле он был майором германской армии, но, кроме того, он конструировал дирижабли для одной немецкой фирмы. Дирижабли такого типа использовались британским и немецким правительствами между 1906 и 1914 годами.

Незадолго до того, как «Марк Твен» был готов к отплытию из Пароландо, там появился фон Парсеваль. Он был чрезвычайно поражен, что никто до сих пор не сообразил, что Lüftschiff* был бы лучшим средством транспорта, чем судно.

После того как Фаербрасс мысленно дал себе пинка за такой ляп, он тут же поспешил к Клеменсу, прихватив с собой и немца.

К их удивлению, Клеменс сказал, что он уже давно подумывал о возможности строительства дирижабля. В конце концов, не он ли написал «Том Сойер за границей»? И разве Том, Джим и Гекльберри Финн не летели от Миссури до Сахары на воздушном шаре?

Пораженный Фаербрасс спросил, почему же он об этом раньше даже не упомянул.

— Потому что знал, что какой-нибудь ушибленный полетами идиот захочет бросить работу над пароходом быстрее, чем взломщик бросает свои инструменты при виде полицейского! Он потребует, чтоб о колесном судне забыли и все материалы и силы были отданы летающей машине!

Нет уж, мистеры! Этот корабль имеет приоритет перед всем остальным, как сказал Ной жене, пожелавшей бросить работу и танцевать под дождем.

---

* Воздушный корабль *(нем.)*.

И клянусь раскаленными яйцами быка Башана, дирижабля не будет! Это рискованная штука, опаснейшее изобретение. Господи! Да я там даже сигару закурить не посмею, а уж если этого нельзя, то стоит ли жить вообще?

Клеменс выдвинул и другие аргументы, большей частью куда более серьезные. Фаербрасс, однако, понял, что своего главного возражения Клеменс еще не огласил. Добраться до Башни было не главной приманкой для Клеменса. Гораздо важнее для него был сам процесс путешествия.

Построить самое огромное речное судно, каких никогда еще не бывало, стать его капитаном, его повелителем, совершить плавание протяженностью в миллион километров на дивном корабле — вот о чем мечтал Сэм Клеменс.

Более того, он жаждал мести. Он хотел выследить короля Иоанна и расквитаться с ним, уничтожить его за то, что тот отобрал у него первый корабль, первую любовь — «Внаем не сдается».

Может быть, на то, чтоб добраться из Пароландо до гор, окаймляющих Полярное море, уйдет сорок лет. Какое до этого дело Сэму! Он будет не только обожаемым владельцем и капитаном величайшего и прекраснейшего речного корабля, никем ранее не виданного; он еще отправится в самое долгое путешествие, совершенное кораблем или любым другим видом транспорта! Сорок лет! Мы еще утрем носы всем этим Колумбам и Магелланам!

А по пути он увидит сотни тысяч людей и будет разговаривать с ними. Эта перспектива приводила Сэма в восторг. Люди ему были интересны не менее, чем новые соседи какой-нибудь домашней хозяйке.

А если он полетит на дирижабле, то не увидит ни единого незнакомца, с кем можно было бы потолковать.

Хотя Фаербрасс был общителен, как стая уток, но такое отношение к делу ему было чуждо. Сам он был нацелен исключительно на раскрытие тайны Башни. Именно там мог находиться ключ к тайне, завораживающей все человечество.

Фаербрасс не стал указывать Клеменсу на то, что, как он считал, было главной причиной возражений последнего против дирижабля. Ни к чему хорошему это не привело бы. Сэм поглядел бы ему прямо в глаза и сказал, что все это чушь собачья.

Однако Сэм знал, что он действительно ошибался. И поэтому за сорок дней до отплытия «Марка Твена» он пригласил Фаербрасса к себе.

— После того как я уеду, ты можешь начинать строить свой самовозгорающийся драндулет, если продолжаешь стоять на своем. Конечно, это значит, что тебе придется отказаться от поста главного инженера самого выдающегося дела рук человеческих — корабля. И дирижабль тебе придется использовать только для наблюдения, для разведки.

— Почему это?

— А как, во имя бронзовых яиц Ваала, он еще может быть использован? Он же не может опуститься на Башню или еще куда-нибудь, верно? Согласно Джо Миллеру, горы крутые, пляжей нет. И...

— Откуда Джо известно, что там нет пляжей? Море покрыто туманом. Все, что он видел,— это верхняя часть самой Башни!

Сэм так дымил сигарой, что стал похож на рассерженного дракона.

— Вполне логично предположить, что люди, которые сотворили море, не стали сотворять пляжи. Зачем им создавать такое место, где захватчики могут причалить к берегу? Да и незачем!

Но я все же хочу, чтобы вы исследовали тамошние края. Поискали бы, нет ли через горы прохода, кроме того, который описал Джо. Выяснили бы, можно ли проникнуть в Башню другим путем, кроме крыши.

Фаербрасс не стал спорить. Он будет действовать, как сочтет нужным, когда доберется до полюса. Уж там-то Клеменс не сможет контролировать его действия.

— Я вышел от него веселый, как щенок, которому удалось избавиться от блох. Я рассказал фон Парсевалю о решении Сэма, и мы устроили большой кутеж по сему поводу. Но через два месяца бедного Августа слопал речной дракон. А мне лишь чудом удалось избежать его судьбы и не отправиться в ту же глотку.

Достигнув этой точки в своем рассказе, Фаербрасс решил поделиться с Джилл большим секретом.

— Ты должна поклясться своей честью, что никому не расскажешь. Я не стал бы делиться с тобой, но пароход ушел уже давно, а передать информацию королю Иоанну ты не сможешь. Да и не захочешь, если б и могла.

— Я обещаю никому не говорить. Что бы это ни было.

— Ладно... Один из наших инженеров был ученым в Калифорнии. Он знал, как можно построить лазер с радиусом действия четыреста четыре метра. На таком расстоянии лазер может

рассечь «Рекса» надвое. И у нас хватило материалов на то, чтобы лазер построить. Так что он у Сэма есть.

Это был в высшей степени засекреченный проект, такой засекреченный, что на борту «Марка Твена» лишь шесть человек знали о существовании лазера. Из них один, разумеется, Сэм. Даже его приятель Джо и тот не знает.

Когда «Марк Твен» настигнет «Рекса», лазер вынесут на палубу и поставят на треногу. Бой будет коротким и приятным. Приятным для Сэма, горьким для Иоанна. И на обоих кораблях потери будут сведены до минимума.

Я знаю об этом секрете потому, что был одним из инженеров проекта. Еще до того, как дело завершилось, я спросил Сэма, не оставит ли он его здесь. Я хотел взять его на дирижабль и прожечь вход в Башню, если нам не удастся попасть туда другим путем.

Но Сэм отказал наотрез. Он сказал, что, если что-нибудь произойдет с дирижаблем, лазер будет потерян. И он не сможет вернуть его на пароход. Я спорил как сумасшедший, но ничего не вышло. И у Сэма были серьезные аргументы. Откуда знать, с какими опасностями нам предстоит столкнуться — с метеорологическими и прочими.

И все же жутко обидно!

Глава 33

Джилл как раз собиралась спросить у Фаербрасса, почему он не выслал разведчиков на поиски материалов для нового лазера, но в этот момент постучала в дверь секретарша Фаербрасса. Не примет ли мистер Фаербрасс Пискатора?

Фаербрасс ответил, что примет. Вошел японец и, осведомившись о здоровье шефа, сказал, что у него есть хорошие новости. Инженеры, работающие над синтетическим дизельным топливом, смогут выдать первую партию на неделю раньше срока.

— Замечательно! — воскликнул Фаербрасс. Он широко улыбнулся Джилл.— Это значит, что завтра ты сможешь поднять «Минерву». Начнешь тренировки на неделю раньше плана. Сказочно!

Джилл была в не меньшем восторге.

Фаербрасс предложил в честь такого события выпить. Однако не успели они разлить «черепной цвет» по стаканам, как секретарша возникла снова.

Улыбаясь во весь рот, она торжественно произнесла:

— Я не стала бы вас беспокоить, если б не важное дело. Я думаю, мы заполучили еще одного воздухоплавателя, причем с очень большим стажем. Он прибыл всего лишь несколько минут назад.

Близкое к экстазу настроение Джилл тут же резко упало. Казалось, в груди у нее образовалась огромная полость, заполненная пустотой. До сих пор она считала, что должность первого помощника наверняка будет принадлежать ей. Но вот появился человек, который мог обладать таким же, как она, а может, и большим опытом. Он мог даже оказаться офицером с «Графа Цеппелина» или «Гинденбурга». Ветеран полетов на огромных цельнометаллических дирижаблях мог перевесить в мнении Фаербрасса ту, у которой был опыт полетов лишь на аппаратах с мягкой оболочкой.

Сердце Джилл скакало как бешеное, когда она увидела человека, вошедшего в кабинет следом за секретаршей. Она не узнала его, но это еще ничего не значило. Были десятки воздухоплавателей в ее дни и столько же в догинденбургскую эру, чьих фотографий она никогда не видела. Кроме того, то были изображения людей среднего возраста, одетых в штатское или военное платье. У многих была растительность на лице.

— Шеф Фаербрасс,— сказала Агата Ренник,— Барри Торн.

На вошедшем были сандалии из рыбьей кожи, яркий красно-бело-голубой полосатый килт и длинное черное полотнище, сколотое у подбородка. В одной руке он держал за ручку свой грааль, в другой — горловину большого мешка из рыбьей кожи.

В нем было около 1,7 метра роста, а плечи казались столь же широкими. Корпус был так массивен, что Джилл он напомнил изображения быков. Ноги Торна, хоть и мускулистые, были непропорционально длинны. Грудь и руки могли принадлежать горилле, хотя волосы на них почти отсутствовали.

Короткие вьющиеся соломенно-желтые волосы обрамляли широкое лицо. Брови тоже соломенные, глаза темно-синие. Нос длинный и прямой. Губы полные. Улыбаясь, он обнажал очень белые зубы. Челюсти крепкие, подбородок закругленный, выдвинутый вперед, с глубокой ямочкой. Уши маленькие, прижатые к черепу.

По приглашению Фаербрасса он положил мешок и грааль прямо на пол. Несколько раз сжал и разжал пальцы, как будто они

долго несли какую-то тяжесть. Возможно, впрочем, он просто вел свое каноэ издалека. Несмотря на широкие ладони, пальцы были длинные и тонкие.

Казалось, он чувствует себя здесь как дома, хотя кругом были люди незнакомые, а его самого ожидал допрос касательно квалификации и опыта. Более того, он прямо-таки излучал благополучие и магнетизм, который тут же напомнил Джилл о затасканном и часто неправильно употребляемом термине «харизма»*.

Позже она обнаружила, что у него была странная способность как бы «выключать» это очарование, словно свет лампы. И тогда, несмотря на свой физический облик, он как бы сливался со своим окружением. Психологический хамелеон.

Джилл, поглядев на Пискатора, поняла, что и тот заинтригован незнакомцем. Его черные глаза сузились, голова чуть-чуть склонилась набок, как будто он прислушивался к тихому и очень далекому звуку.

Фаербрасс и Торн пожали руки.

— Ого! Ну и хватка! Рад видеть вас на борту, сэр, если вы тот, о ком говорила Агата. Садитесь, в ногах правды нет. Вы прибыли издалека? Да? Сорок тысяч питающих камней? Не голодны? Кофе? Чай? Самогон или пиво?

Торн отказался от всего, кроме кресла. Говорил он приятным баритоном, без особых пауз, колебаний, незаконченных фраз, которые свойственны большинству людей.

Узнав, что Торн канадец, Фаербрасс с эсперанто перешел на английский. Через несколько минут основные моменты биографии Торна стали Фаербрассу уже известны.

Барри Торн родился в 1920 году на ферме родителей неподалеку от Регины, провинции Саскачеван. Получив степень по электротехническому машиностроению в 1938 году, он записался в Британский военно-морской флот, находясь в то время в Англии. Во время войны был командиром военно-морского дирижабля. Женился на американке и после войны отправился в Штаты, так как его жена происходила из Огайо, хотела жить поближе к родителям и настояла на своем. В то же время возможностей для воздухоплавателей там было больше.

Он приобрел лицензию на коммерческие полеты, намереваясь найти работу на американских авиалиниях. Но после развода

---

* Милость, божественный дар.

с женой он покинул Гудиар и стал чартерным пилотом на Аляске, затем вернулся в Гудиар и снова женился. После смерти второй жены нашел работу в только что созданной англо-западногерманской воздушной компании. В течение нескольких лет был капитаном большого аэростата-буксира, перегонявшего по воздуху контейнеры с природным газом с Ближнего Востока в Европу.

Джилл задала ему несколько вопросов в надежде, что ее память как-то отреагирует на полученную от него информацию. Она знала нескольких аэронавтов из компании Торна, и кто-то из них мог упомянуть в разговоре с ней кое-что связанное с ним. Тот сказал, что припоминает одного из них... или думает, что припоминает. Он не был уверен — ведь все это такие давние дела.

Умер он в 1983 году, находясь в отпуске в Фридрихсгафене. Причину смерти он не знал. Вероятно — инфаркт. Однажды он заснул, а когда проснулся, то лежал голым на берегу Реки вместе со многими другими.

С тех пор он бродил вверх и вниз по Реке. Однажды, услышав разговоры о гигантском дирижабле, строящемся в низовьях, он решил лично убедиться, правда ли это.

Фаербрасс, довольно ухмыльнувшись, сказал:

— Вот это удача! Вас тут более чем рады видеть, Барри! Ага-та, будь добра, займись устройством мистера Торна.

Торн пожал руки всем присутствующим и ушел. Фаербрасс почти приплясывал от радости.

— Дела идут шикарно!

— Это как-нибудь меняет мое положение? — спросила Джилл.

Фаербрасс казался удивленным.

— Нет. Я же сказал, что ты будешь главным инструктором и капитаном «Минервы». Фаербрасс всегда держит свои обещания. Ну, лучше сказать, почти всегда. Но я знаю, о чем ты думаешь. Я не давал никаких обещаний насчет того, кто будет первым помощником на «Парсевале». Ты занимаешь прочное место среди кандидатов, Джилл. Но пока об этом говорить рано. Все, что я могу сказать,— пусть победит наилучший. Мужчина или женщина — безразлично.

Пискатор похлопал Джилл по руке. В другой раз она бы отнеслась к этому с отвращением. В данный момент — почувствовала благодарность.

Позже, когда они вместе вышли из кабинета, Пискатор высказался так:

— Не уверен, что Торн говорит правду. Если и говорит, то, во всяком случае, не всю. В основном его история, может быть, и правдива. Но в его тоне слышится нечто фальшивое. Похоже, он что-то скрывает.

— Иногда вы меня прямо пугаете,— сказала она.

— Но я могу и ошибиться в нем.

У Джилл возникло твердое впечатление, что сам он не допускал даже мысли о такой возможности.

Глава 34

Ежедневно еще до рассвета «Минерва» поднималась в воздух для тренировочного полета. Иногда она оставалась там до часу после полудня. Иногда совершала полеты в течение всего дня, приземляясь лишь вечером. В первую неделю единственным пилотом была сама Джилл. Затем управлять стали по очереди все будущие пилоты и офицеры, обслуживающие рулевую гондолу.

Барри Торн не появлялся в аэростате в течение первых четырех недель после начала тренировочных полетов. Джилл потребовала, чтобы он сначала прошел курс обучения на земле. Хоть он и обладал опытом, но на воздушном корабле не бывал по меньшей мере 32 года, и нетрудно предположить, что многое позабыл. Торн не возражал.

Джилл не спускала с него глаз, пока он сидел в кресле пилота. Каковы бы ни были подозрения Пискатора, Торн вел корабль так, будто занимался этим делом многие годы и без всякого перерыва. Он был не менее компетентен и в навигации, и в ликвидации запрограммированных чрезвычайных ситуаций, что входило в программу обучения.

Джилл была определенно разочарована. Она так надеялась, что он вовсе не таков, каким представился. Но теперь она видела, что он из той самой муки, из которой пекут капитанов.

Торн, однако, оказался странным человеком. Он был на дружеской ноге со всеми и готов был посмеяться шуткам, как и всякий другой. Но сам он никогда не зубоскалил и вне службы держался особняком. Хотя ему дали хижину в двадцати метрах от хижины Джилл, он никогда не заходил к ней и не приглашал к себе. В известной степени для Джилл это было облегчением,

поскольку не приходилось беспокоиться о том, как его отшить, если начнет приставать. Но раз он не делал и попыток уговорить какую-нибудь женщину поселиться с ним, он предположительно должен был быть гомосексуалистом. Однако он, по-видимому, совершенно не интересовался и лицами своего пола — ни сексуально, ни иначе. Торн был типичный одиночка, хотя при желании умел раскрыться и быть просто очаровательным. А потом вдруг закрывался, как кулак, и становился никаким, серым — ну как живая статуя.

Вся потенциальная команда «Парсеваля» находилась под непрерывным наблюдением. Каждый проходил психологические тесты на стабильность. Торн выдержал и осмотр, и тесты так, будто сам их разработал.

— Только потому, что человек немного странно ведет себя в общественной жизни,— сказал Фаербрасс,— ему нельзя отказать в том, что он первоклассный аэронавт. В первую очередь ценить следует то, каков он в воздухе.

Фаербрасс и Сирано проявили себя природными пилотами-аэронавтами. В случае с американцем тут ничего особенного не было, поскольку он провел тысячи часов в ракетных самолетах, геликоптерах и космических кораблях. Француз же происходил из времен, когда даже воздушных шаров не существовало, хотя их изобретение уже было, так сказать, «на носу». Наиболее сложные технические устройства, с которыми ему довелось иметь дело, были фитильные и кремневые пистолеты, а также пистолеты с колесиком. Он был слишком беден, чтобы иметь часы, к тому же они требовали лишь одного умения — заводить их.

Тем не менее Сирано быстро усвоил все, чему учили в наземном классе и в полете; даже необходимые математические расчеты одолел без особого труда. Фаербрасс был очень хорош, но Бержерак оказался наилучшим пилотом из всех. Это Джилл должна была признать, хоть и без особого удовольствия. Реакция у француза и оценка обстановки были на уровне компьютерных расчетов.

Другим неожиданным кандидатом оказался Джон де Грейсток. Этот средневековый барон напросился в команду, которая будет управлять полужесткой «Минервой», когда она пойдет в атаку на «Рекс». Джилл скептически отнеслась к его возможности адаптироваться к пилотажу. Но после трех месяцев полетов он расценивался Фаербрассом и Галбиррой как человек, наиболее подходящий на пост капитана этого корабля. Барон был человеком военным, беспощадным и безудержно храбрым. И к тому же ненавидел короля Иоанна. Будучи ранен и сброшен с корабля Иоанном, когда «Внаем не сдается» был взят штурмом, барон жаждал отмщения.

Джилл прибыла в Пароландо в конце месяца дектриа (по-английски — тринадцатый). Пароландо приняло тринадцатимесячный календарь, поскольку у этой планеты не было ни времен года, ни лун. Поэтому хотя и не было смысла (кроме сентиментальных воспоминаний) считать, что год состоит из 365 дней, но сами по себе эти воспоминания не были плохи. Каждый месяц состоял из четырех семидневных недель, то есть из 28 дней. Поскольку 12 месяцев давали только 336 дней, был добавлен тринадцатый месяц. Правда, один день оказался лишним, но его называли либо Новогодним днем, либо Последним днем, либо Днем-Когда-Напиваются-До-Бесчувствия. Джилл прибыла за три дня до наступления этого праздника в 31 году от Дня воскрешения.

Теперь же был январь 33 года от Дня воскрешения, и, хотя работа над большим дирижаблем уже началась, должен был пройти еще целый год, прежде чем он будет готов к полету на полюс. Это было связано с неизбежными непредвиденными оттяжками и отчасти с грандиозными идеями Фаербрасса. Из-за них приходилось пересматривать многое в первоначальных планах.

Но на сегодня команда была уже набрана, хотя назначение офицеров еще не состоялось. Насколько это касалось Джилл, список был вполне ясен — кроме постов первого и второго помощников. Один из них — Торну, другой — ей. Это не вызывало у нее особого беспокойства, разве что в снах, так как Торну, по-видимому, было безразлично, какое положение он займет.

В эту среду января, или Первого месяца, Джилл чувствовала себя счастливой. Работы на «Парсевале» шли так хорошо, что она решила кончить сегодня работу пораньше. Взяла свою удочку и отправилась за «голавлями» на озеро вблизи своего жилья. Когда взобралась на первый холм, то увидела Пискатора. Он тоже тащил свои рыболовные снасти и сплетенную из прутьев корзину.

Она окликнула его, он обернулся, но без привычной улыбки.

— Вы выглядите так, будто думаете о чем-то важном,— сказала она.

— Именно так, но проблема это не моя, она касается кого-то, о ком я привык думать как о своем друге.

— Вы не обязаны говорить со мной об этом,— откликнулась она.

— Думаю, должен. Это касается вас.

Она встала как вкопанная.

— Меня? В чем дело?

— Я только что узнал от Фаербрасса, что тесты психологической оценки еще не окончены. Будет еще один, и все члены корабельной команды должны его пройти.

— Там есть что-то, из-за чего мне стоит беспокоиться?

Он кивнул:

— Тест включает погружение в глубокий гипноз. Он должен выявить остаточные проявления психической нестабильности, которые предыдущие тесты выявить не смогли.

— Да, но я...

Она снова оставила фразу неоконченной.

— Я боюсь, что он может раскрыть эти... э-э... галлюцинации, которые время от времени бывают у вас.

Джилл ощутила приближение обморока. На мгновение мир перед глазами потемнел. Пискатор подхватил ее под локоть и за руку, чтоб поддержать.

— Мне очень жаль, но я думал, что вам лучше подготовиться.

— Со мной все в порядке,— сказала она, вырвав руку. А затем: — Боже милостивый! Я ни разу не прикасалась к мечтательной резинке с тех пор, как вы нашли меня в хижине, и я уверена, что все остаточные явления исчезли. Более того, у меня никогда не было галлюцинаций, кроме как по ночам, когда я бываю дома одна. Уж не думаете ли вы, что Фаербрасс исключит меня, а? У него нет никаких оснований так поступить со мной!

— Не знаю,— ответил Пискатор.— Возможно, гипноз не в состоянии выявить эти приступы. Но в любом случае, вы уж извините мои попытки повлиять на вас, мне кажется, вам следует пойти к Фаербрассу и рассказать ему о своих проблемах. И сделать это надо до того, как будет проведено тестирование.

— И что хорошего это даст?

— Если он обнаружит, что вы что-то скрывали от него, он, вернее всего, уволит вас. Но если вы честно признаетесь, прежде чем получите официальное уведомление о тестировании, он, возможно, прислушается к вашим объяснениям. Я лично не думаю,

что вы представляете какую-то опасность для корабля. Правда, мое мнение ничего не значит.

— Я не стану клянчить!

— Да это на него и не повлияло бы... разве что в противоположном направлении.

Джилл с трудом вобрала в легкие воздух и огляделась, будто ища путь, который спасет ее, перебросив в совсем другой мир.

— Что ж, ладно. И нет смысла откладывать в долгий ящик.

— Вы отважны,— сказал он,— и очень разумны. Я желаю вам удачи.

— Увидимся позже,— ответила она и зашагала, стиснув зубы.

Однако когда она взобралась по лестнице на второй этаж, где находился кабинет Фаербрасса, она уже почти задыхалась: не от физической усталости, а от волнения.

Секретарша Фаербрасса сказала ей, что он ушел в свою квартиру. Джилл удивилась, но не стала спрашивать у Агаты, почему он так рано сегодня закончил работу. Возможно, ему тоже следовало отдохнуть.

Дверь в квартиру Фаербрасса открывалась из холла. Перед ней стоял телохранитель, обычно сопровождавший его повсюду. Два покушения на жизнь Фаербрасса за последние шесть месяцев сделали такую меру предосторожности необходимой. Потенциальные убийцы покончили самоубийством, так что никакой информации не выдали. Никто ничего не знал наверняка, но ходили слухи, что этих людей подослал правитель враждебного государства ниже по течению. Он не скрывал своих намерений завладеть минеральными ресурсами Пароландо и тамошними удивительными машинами и оружием. Возможно, он надеялся, устранив Фаербрасса, с легкостью завладеть Пароландо. Но все это были чистые догадки самого Фаербрасса.

Джилл подошла к лейтенанту, командовавшему четырьмя вооруженными до зубов солдатами:

— Я бы хотела поговорить с шефом.

Лейтенант по фамилии Смизерс ответил:

— Извините, но он распорядился, чтоб его не беспокоили.

— Почему это?

Смизерс с удивлением взглянул на нее:

— Не имею понятия.

Гнев, порожденный страхом, обуял ее.

— Думаю, у него там женщина?

— Нет. Хотя это и не ваше дело,— ответил лейтенант.— Потом злорадно улыбнулся и продолжил: — У него посетитель. Приезжий по имени Фриц Штерн. Он приехал только час назад. Он немец и, судя по тому, что я слыхал, опытнейший специалист по цеппелинам. Я слышал, как он говорил капитану, будто был офицером в NDELAG, уж не знаю, что бы это значило. Но летного времени у него побольше, чем у вас.

Джилл с трудом удержалась, чтобы не врезать ему по зубам. Она знала, что Смизерс ее недолюбливает, и чувствовала, что он с наслаждением подпустил ей шпильку.

— NDELAG,— сказала она, ненавидя себя за дрогнувший голос,— это должно быть Neue Deutsche Lüftschiffahrts-Aktien-Gesellschaft*.

Теперь ее собственный голос доносился до ее ушей как бы издалека, будто говорил кто-то другой.

— Незадолго до Первой мировой войны существовала линия, обслуживаемая цеппелинами, которая называлась DELAG. Она перевозила пассажиров и грузы внутри Германии. Но я никогда не слыхала о NDELAG.

— Вероятно, это потому, что она была образована уже после того, как вы умерли,— сказал Смизерс. Он снова ухмыльнулся, явно наслаждаясь столь откровенным отчаянием Джилл.— Я еще слыхал, как он рассказывал капитану, будто окончил академию в Фридрихсгафене в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году. Он сказал, что кончил службу в качестве капитана суперцеппелина «Виктория».

Джилл стало почти дурно. Сначала Торн, теперь Штерн. Нет смысла торчать тут на лестнице. Она расправила плечи и сказала твердым голосом:

— Зайду попозже.

— Да. Очень сожалею,— сказал Смизерс, продолжая ухмыляться.

Джилл направилась к лестнице, по которой ей надо было спуститься. И сразу же обернулась, услышав стук захлопнувшейся двери и крик. Какой-то мужчина выскочил из квартиры Фаербрасса и с треском захлопнул за собой дверь.

Несколько секунд он постоял ошеломленный, глядя прямо в глаза страже. Те вытаскивали из кобуры свои тяжелые пистолеты. Смизерс уже наполовину обнажил меч.

---

* Новая немецкая акционерная компания воздушных перевозок *(нем.)*.

Мужчина был почти так же высок, как Джилл. Он обладал великолепной фигурой, широкими плечами, тонкой талией, длинными ногами. Лицо красивое, но грубоватое; волосы волнистые, пепельного оттенка; глаза большие, темно-синие. Однако кожа какая-то бледная, нездоровая, а из раны на плече течет кровь.

В левой руке он держал окровавленный кинжал. Затем дверь вновь отворилась и появился Фаербрасс с рапирой в руке. Его лицо подергивалось от боли, на лбу кровоточила рана.

Лейтенант крикнул:

— Штерн!

Штерн повернулся и помчался по холлу.

Лестницы в том конце холла не было — только очень высокое окно.

Смизерс снова закричал:

— Не стрелять, ребята! Ему все равно не уйти!

— Он уйдет, если выпрыгнет из окна! — вскричала Джилл.

В конце холла Штерн с криком прыгнул вперед, повернувшись так, чтобы удариться о пластик спиной, и прикрывая лицо от осколков.

Однако пластик в окне выдержал. Штерн тяжело ударился о него, и его тут же отбросило обратно так, что он рухнул на пол лицом вниз. Он все еще лежал, когда Фаербрасс, лейтенант и следом телохранители помчались к нему со всех ног.

Джилл следовала за ними по пятам с секундным отрывом.

Прежде чем эта компания успела добежать, Штерн поднялся на ноги. Он видел, как бегут к нему люди, потом взглянул на кинжал, который уронил, когда ударился об окно. Затем закрыл глаза и повалился на пол.

Глава 35

К тому времени, как Джилл подбежала, Фаербрасс уже пытался нащупать у Штерна пульс.

— Он мертв!

— Что случилось, сэр? — спросил лейтенант.

Фаербрасс поднялся с колен.

— Хотел бы я знать, *почему* оно случилось. Все, что я могу сказать тебе,— это *что* произошло. Мы прекрасно поладили, сидели, курили, шутили, он во всех деталях излагал мне историю своей профессиональной карьеры. Все было о'кей. И вдруг ни с

того ни с сего он вскакивает, выхватывает кинжал и пытается меня заколоть!

Может, он спятил, хотя до той минуты, когда он пошел на меня в атаку, он был совершенно нормален и разумен. *Что-то* с ним произошло. Иначе разве он умер бы от сердечного приступа?

— Сердечный приступ? Я еще не слыхала никогда, чтоб тут кто-нибудь умирал от сердечных приступов. А вы? — спросила Джилл.

Фаербрасс пожал плечами и ответил:

— Что-то всегда происходит впервые. В конце концов, разве воскрешения не прекратились?

— Мне кажется, он скорее наглотался цианистого калия, чем умер от разрыва сердца,— сказала Джилл.— Может, он проглотил яд? Правда, я не видела, чтобы он что-нибудь клал в рот.

— Добыть цианид, или прусскую кислоту, или какой-нибудь другой яд можно только в Пароландо,— проговорил Фаербрасс.— Но он пробыл здесь слишком недолго, чтоб достать их.— Он поглядел на Смизерса.— Заверни во что-нибудь труп и отнеси в одну из моих спален. А после полуночи вынеси его оттуда и выброси в Реку. Пусть его сожрет речной дракон.

— Хорошо, сэр,— ответил Смизерс.— А как насчет пореза на лбу, сэр? Может, привести доктора?

— Не надо. Залеплю чем-нибудь. И никому ни слова об этом. Вы поняли, что я говорю? Это относится ко всем. И к тебе тоже, Джилл. Ни слова! Я не хочу волновать обывателей.

Все кивнули.

— Вы полагаете, что этого парня подослал этот подонок Барр? — спросил Смизерс.

— Не знаю. И не хочу знать,— ответил Фаербрасс.— Я хочу одного — чтоб ты от него избавился, о'кей? — Он повернулся к Джилл: — А ты что тут делаешь?

— У меня есть важный вопрос, который следует обговорить,— ответила она,— но я зайду потом. Вы сейчас не в том состоянии, чтоб разговаривать.

— Ерунда,— сказал он, улыбаясь.— Еще как в том! Надеюсь, ты не думаешь, что такая мелочь может меня расстроить, а? Входи, Джилл, и мы поговорим, как только я замажу эту царапину.

Джилл опустилась в мягкое кресло в гостиной этой великолепной квартиры. Фаербрасс исчез в ванной и вернулся оттуда с белой полоской пластыря, пересекающей лоб наискосок.

Весело улыбаясь, будто это был самый обычный день, он сказал:

— Как насчет выпить? Это поможет укрепить твои нервишки.

— *Мои* нервишки?

— О'кей. Наши нервы. Должен признаться, я немного взволнован. Я же не супермен, что бы там обо мне ни болтали.

Он налил пурпурный «черепной цвет» в два высоких бокала, наполовину наполненных ледяными кубиками. Ни лед, ни стаканы, ни пластырь, насколько знала Джилл, нигде, кроме Пароландо, не производились.

С минуту они смаковали холодный, чуть пощипывающий язык напиток, глядя друг на друга и не говоря ни слова. Затем Фаербрасс сказал:

— Ладно. Хватит этих вежливых рассусоливаний. О чем ты хотела со мной поговорить?

Ей с трудом удалось выдавить из себя нужные слова. Они, казалось, застревали у нее в гортани, а затем вылетали изо рта, уже *изломанные силой выталкивания*.

Остановившись, чтобы сделать большой глоток, она продолжила свой рассказ уже медленней и спокойней. Фаербрасс не прерывал ее, но сидел неподвижно, а его карие глаза, в которых иногда загорался зеленый отсвет, не отрывались от ее глаз.

— Вот,— сказала она.— Вот и все. Я должна была рассказать тебе об этом, но это самое трудное из всего, что я когда-либо делала.

— А почему ты все-таки решила выложить это? Потому что услышала насчет гипноза?

На секунду она задумалась — не соврать ли? Пискатор ее не видит, а она будет смотреться куда лучше, если не признается, что сказала правду под давлением.

— Да. Я узнала об этом. Но уже довольно давно я начала думать, что должна признаться тебе во всем. Дело в том, что... что я просто не могла вынести мысль, что меня отстранят от полета. А я уверена, что не представляю опасности для корабля.

— Было бы очень плохо, если б у тебя начался приступ в какой-нибудь критической ситуации во время полета. Это ты, конечно, понимаешь. Но вот как я смотрю на это дело, Джилл. Если не говорить о Торне, то ты самый лучший аэронавт из всех, которыми мы располагаем. В отличие от Торна, который хоть и настоящий аэронавт, но не занимался этим делом всю свою

жизнь, ты истинный фанатик. Я абсолютно уверен, что за один час полета ты отдашь возможность потрахаться с парнем на копне сена. Я же лично стараюсь подобные занятия комбинировать.

Я не хотел бы тебя потерять, и, если я отстраню тебя, я наверняка буду бояться, как бы ты не покончила жизнь самоубийством. Нет-нет, не возражай. Я полностью убежден в этом. Что и делает тебя ненадежной в некотором отношении. Однако в первую очередь я должен считаться с необходимостью обеспечить безопасность корабля и команды, а потому и отстранил бы тебя, если б пришлось, невзирая на горе, которое мне причинило бы такое решение.

Поэтому я дам тебе испытательный срок. Если у тебя не будет новых приступов галлюцинаций до того времени, как корабль должен стартовать, ты полетишь на нем.

Единственное затруднение — мне придется полностью положиться на твое слово о том, что у тебя не было приступа. Нет, не совсем так. Я могу подвергнуть тебя гипнозу, чтоб выяснить, говоришь ли ты правду. Но я не хочу этого. Это означало бы, что я тебе не доверяю. А мне не нужен на корабле никто, кому я не верю на все сто процентов.

Джилл чувствовала, что она готова броситься ему на шею. Ее глаза затуманились, и она чуть не разрыдалась от счастья. И все же она усидела в кресле. Офицеры не обнимают своих капитанов. Кроме того, он мог не так понять ее поведение и попробовать увлечь ее в свою спальню.

Ей тут же стало стыдно за себя. Ведь Фаербрасс никогда не опустился бы до того, чтобы воспользоваться слабостью женщины. Он не стал бы в подобных целях использовать свое служебное положение. Во всяком случае, так ей казалось.

— Мне не все ясно с этим гипнозом,— сказала она.— Как сможете вы заставить всех пройти этот тест, а меня освободить от него? Это дискриминация, которую другие...

— Я просто изменил свои намерения.

Он встал и подошел к бюро с поднимающимся верхом, наклонился и написал что-то на клочке бумаги, который тут же отдал ей.

— Вот, отнеси это доктору Грейвзу. Он сделает тебе рентген.

Джилл прямо обалдела.

— Это еще с какой стати?

— Как твой капитан, я мог бы приказать тебе заткнуться и выполнять приказ. Я этого не делаю, только чтобы не раздражать тебя. Скажем так — это связано с открытием в области психологии, которое было сделано где-то около двухтысячного года. Но если бы я рассказал тебе о сути дела, это наверняка повлияло бы на результаты тестирования.

Все остальные тоже пройдут проверку рентгеновскими лучами. Тебе просто оказана честь быть первой.

— Не понимаю,— пробормотала она.— Но, конечно, сделаю, как приказано.— Она встала.— Спасибо вам за все.

— Благодарность не обязательна. А теперь давай двигай свою попку к доку Грейвзу.

Когда Джилл пришла в кабинет доктора, он разговаривал по телефону. Док хмурился и яростно жевал сигару.

— Ладно, Милт. Сделаю. Но мне не нравится, что ты перестал мне доверять...— Док повесил трубку и повернулся к Джилл.— Хелло, Джилл. Тебе придется подождать, пока сюда не явится лейтенант Смизерс. Он заберет негативы рентгеновских снимков и тут же отнесет их Фаербрассу.

— А он что — в темной комнате?

— Нет. Их не надо проявлять. Ты разве не знаешь? Они похожи на фотографии и обрабатываются электронно в момент съемки. Фаербрасс сам разработал этот тип оборудования. Процесс был открыт, кажется, в тысяча девятьсот девяносто восьмом году, говорит Милт.

Грейвз ходил взад и вперед, вгрызаясь в свою сигару.

— Черт побери! Он даже не дает мне увидеть результаты рентгеноскопии! Почему?

— Он сказал, что не хочет, чтоб кто-нибудь, кроме него, их видел. Это часть психологического тестирования.

— Но какого черта рентгеноскопия головы может ему сказать о психике мужика? Это же чушь собачья!

— Думаю, Фаербрасс скажет вам об этом, когда просмотрит негативы. Между прочим, о психике человека. Я не мужик.

— Я говорил в абстрактном смысле.

Док перестал метаться по комнате и скривился еще сильнее.

— Я теперь спать не буду, все ночи стану волноваться из-за этих снимков. Господи, как жаль, что я не прожил немного подольше! Я откинул копыта в тысяча девятьсот восьмидесятом году, так что не знаю последних научных открытий в медицинской

науке. А может, оно и к лучшему! Мне бы все равно не справиться с этим потоком новинок при моем тогдашнем состоянии.

Повернувшись к Джилл и тыча в нее сигарой, он воскликнул:

— Что-то я хотел спросить у тебя, Джилл. Нечто уж давно беспокоит меня. Фаербрасс единственный, кого я встречал из живших после тысяча девятьсот восемьдесят третьего года. Ты-то встречала кого-нибудь еще из таких или нет?

Она моргнула от неожиданности.

— Н-е-е-е-т. Нет, не встречала, если подумать. Фаербрасс — исключение.

В какой-то момент она чуть было не сказала ему о Штерне. Да, *такое событие трудно будет удержать в секрете.*

— Вот и я тоже. Чертовски странно.

— Ну не так уж! — сказала она.— Конечно, я не всю Реку проехала, но все же проплыла по ней несколько сот тысяч километров и разговаривала с тысячами людей. Люди из двадцатого века вообще встречаются повсюду в очень малом проценте. А чтобы быть воскрешенными большими группами, как другие, так я о таком и не слыхала. Следовательно, в долине их мало, большинство населения из других эпох.

Поэтому нет ничего удивительного, что люди, родившиеся после тысяча девятьсот восемьдесят третьего года, так редки.

— Да-а? Может, оно и так. Ага, вон и Смизерс и двое его громил. Иди-ка в мой рентгеновский кабинет, дорогая, как сказал паук мушке.

Глава 36

Извлечения из различных номеров «Ежедневной сплетницы»:

Дмитрий (Митя) Иванович Никитин — pro tempore* пилот и третий офицер «Парсеваля». Родился в 1885 году в Гомеле (Россия), в семье, принадлежавшей к среднему классу. Отец владел мастерской, производившей конскую сбрую; мать — учительница музыки. Квалификация Дмитрия для занятия должности основывается на том, что он занимал пост главного рулевого «России» — французского дирижабля, построенного компанией «Лебоди-Жуйо» в 1909 году для российского правительства.

Миз Джилл Галбирра — главный инструктор подготовки кадров корабля — говорит, что опыт Мити, с ее точки зрения, довольно ограничен, но что он проявил незаурядные способности. Однако, согласно слухам, он слишком увлекается «черепным цветом». Воспользуйся нашим намеком, Митя. Не налегай на самогонку.

...Издатель решил не подавать в суд на пилота Никитина. Во время краткого, по необходимости, интервью в больнице мистер Багг сказал: «Меня бивали люди и получше этого огромного остолопа. *В следующий раз, когда он со своими обидами явится* в мой кабинет, я уже буду готов. Причина, по которой я не добивался его ареста, не просто в том, что у меня доброе сердце; мне хочется получить шанс лично вышибить ему мозги. Всегда соблюдайте мягкость в разговоре и имейте наготове хорошую палку».

...Этторе Ардуино — итальянец (а как же иначе!), но он блондинчик и голубоглазенький, так что может сойти за шведа, если не будет разевать рот и жрать чеснок. Как всем, кроме новичков в нашем городе, известно, он появился в Пароландо два месяца назад и немедленно был включен в число тренирующихся. Имеет славную, но трагическую историю, поскольку был главным инженером-мотористом на дирижабле «Норвегия», а затем на «Италии» под командованием Умберто Нобиле (см. с. 6 с биографией этого сына Рима). «Норвегия» выполнила свою главную цель — пролетела над Северным полюсом 12 мая 1926 года. Одновременно она установила отсутствие большой земли между Северным полюсом и Аляской, которая якобы была открыта великим исследователем Робертом Е. Пири (1856–1920), первым человеком, достигшим Северного полюса (1909 год). (Так как Пири сопровождали негр Мэтью Хенсен и четыре эскимоса, имена которых неизвестны, то фактически первым человеком, ступившим на полюс, был Хенсен.)

«Италия» после полета над Северным полюсом, возвращаясь в Кинг-Бей, попала в сильный воздушный поток. Ее приборы пострадали при обледенении; крушение казалось неизбежным. Однако лед начал таять, и дирижабль смог продолжать полет. Спустя некоторое время он стал медленно падать. Беспомощная

* Временный *(лат.)*.

команда ждала, когда Королева Небес ударится о паковый лед. Гондола управления оторвалась — счастливое обстоятельство для тех, кто был в ней. Им удалось выбраться и с ужасом наблюдать, как дирижабль, освобожденный от веса гондолы, взмыл вверх.

Этторе Ардуино видели последний раз стоящим на мостике, ведущем к правой моторной гондоле. По словам члена команды доктора Фрэнсиса Бехоунека из Института радиотехники, Прага, лицо Ардуино выражало невероятное изумление. «Италию» унесло ветром, и ни о ней, ни об оставшихся на ней членах команды больше ничего не известно. Если точно, то неизвестно на Земле.

Ардуино же рассказывает, что он погиб от холода после того, как «Италия» вторично (и в последний раз) рухнула на лед. Его полный отчет об этой ужасной истории будет напечатан в следующем четверговом выпуске. После того леденящего кровь события вряд ли какой-нибудь нормальный человек мог ожидать, что Этторе добровольно запишется в новый полет на дирижабле. Однако это оказалось не так, и он выразил горячее желание участвовать еще в одной полярной экспедиции. Нам плевать, что там люди говорят об итальянцах, и мы не испытываем ничего, кроме презрения, к взглядам, преобладающим в Томбстауне, где считалось за факт, что все итальянцы трусы. Нам по личному опыту известно, что у них кишка не тонка, и уж конечно, этих кишок у них больше, чем мозгов, а поэтому мы уверены, что Этторе будет блистательным дополнением команды.

...Последний раз Багга видели отчаянно выгребающим к середине Реки, тогда как мистер Ардуино палил по нему из нового пистолета «Марк-4». Либо пистолет вовсе не таков, как его рекламируют, либо меткость мистера Ардуино была в тот день ниже обычной...

...Ваш новый издатель принимает к сведению мнение президента Фаербрасса, что нашей газете следует сочетать привилегию свободы слова со скромностью.

...Мистер Ардуино освобожден после обещания, что он больше не будет улаживать ссоры — справедливые или не очень — с помощью насильственных средств. Вновь образованный комитет по гражданским спорам будет отныне разбирать подобные дела

с президентом Фаербрассом в качестве последней апелляционной инстанции. Хотя нам и будет не хватать С. К. Багга, но следует все же сознаться...

...Метцинг был начальником Военно-морского дивизиона дирижаблей в императорской Германии в 1913 году. Имел чин корвет-капитана, командовал цеппелином L-1, который потерпел крушение 9 сентября 1913 года во время маневров. Это был первый военно-морской дирижабль, возглавивший список погибших. Крушение не было связано с какими-то неправильными действиями команды или неисправностью самого корабля, а лишь с недостаточным знанием метеорологических условий в верхних слоях атмосферы. Другими словами, метеорология в те времена находилась на примитивном уровне. Сильнейшее воздушное течение выбросило L-1 на высоту, где оболочка не могла выдержать давление газа, и дирижабль рухнул вниз. С пропеллерами, продолжавшими вращаться, и сброшенным балластом он упал в море вблизи Гельголланда. Метцинг погиб вместе с большинством команды... Мы приветствуем этого опытного офицера и приятного джентльмена в Пароландо, но надеемся, что он не накличет беду на нашу экспедицию.

...Срочно! Только что прибыла! Еще один ветеран воздухоплавания — Анна Карловна Обренова прибыла с верховьев, проплыв более 40 тысяч километров. Из короткого интервью, которое согласилась дать миз Обренова, прежде чем явиться в штаб-квартиру президента Фаербрасса, мы узнали, что она была капитаном грузового дирижабля «СССР», насчитывает 8584 часа полетного времени на этом и других воздушных кораблях. Это больше, чем 8342 часа у миз Галбирры и 8452 часа у мистера Торна. Более подробные сведения о миз Обреновой смотрите в завтрашнем номере. Все, что мы можем сказать, так это то, что она настоящий персик... Первостатейная красотка!

Глава 37

Это забавно, хоть от смеха и не лопнешь!

Она все беспокоилась, что вот-вот появится мужик с бóльшим налетом часов, чем у нее. Один все же появился, но он оказался неагрессивным. Его единственная амбиция — быть на корабле,

а насчет того, какой пост он займет, он, видимо, не так уж волнуется.

Почему-то ей никогда в голову не приходило, что ее может «свергнуть» женщина. В ее время так мало было женщин-офицеров аэронавтов! И так мало появилось людей, живших после 1983 года (фактически только один), что дирижабли этого периода ее вообще не беспокоили. Из того, что рассказывал Фаербрасс, период после 1983 года был веком больших металлических воздушных кораблей, но шансы против появления аэронавтов той эры были очень высоки.

И все же случай бросил кости, и вот она тут — Обренова, женщина, имеющая 800 летных часов в качестве капитана громадного советского дирижабля.

Офицерские должности до сих пор еще не были официально распределены. Но не в этом дело. Джилл знала, что только что прибывшая маленькая блондиночка обязательно станет первым помощником. Если подходить реалистически, так *должно* быть. Если б Джилл была на месте Фаербрасса, ей пришлось бы назначить первым помощником Обренову.

С другой стороны, оставалось всего два месяца до отлета «Парсеваля» в полярный вояж. А русской может потребоваться больше времени для переподготовки. После тридцати четырех лет жизни без полетов она должна непременно утратить многие летные качества. По крайней мере месяц ей придется привыкать к газовым аэростатам, летая на «Минерве». А потом еще месяц тренировки со всей командой на большом корабле.

Справится ли она? Конечно, это не исключено. Джилл, во всяком случае, вполне могла бы управиться за такое время.

Джилл находилась в конференц-зале с офицерами-кандидатами, когда Агата ввела Обренову. Увидев ее, Джилл обомлела, ее сердце дало сбой, будто мотор вдруг заработал вхолостую. Еще до того, как она услышала восторженное представление Агаты, она уже знала, что это означает.

Анна Обренова была невысокой, тоненькой, с длинными ногами и хорошо развитой грудью. У нее были распущенные по плечам сияющие золотистые волосы и большие темно-синие глаза. Лицо «сердечком», высокие скулы; рот изогнут, как лук Купидона; темно-коричневый загар. «Красотка», если процитировать газетную статью.

Омерзительно нежная и женственная. Разве это справедливо?!

Тот самый тип, который мужчины стремятся немедленно взять под свое покровительство и в свою постель.

Фаербрасс тут же вскочил на ноги и подбежал к ней с сияющим лицом и глазами, казалось, источающими мужские гормоны.

Но что удивило Джилл, так это реакция Торна. Увидев входящую Обренову, он вскочил, открыл рот, закрыл, снова открыл и опять закрыл. Его красноватая кожа совсем побледнела.

— Вы ее знаете? — тихонько спросила Джилл.

Он опустился на стул и на мгновение прикрыл лицо руками. Затем отнял их и сказал:

— Нет! На одну секунду мне показалось, что я узнал ее! Она выглядит совсем как моя первая жена! Глазам своим не верю!

Торн все еще вздрагивал на своем стуле, тогда как остальные вились вокруг Обреновой. Лишь после того, как все мужчины были представлены ей, он встал и пожал руку. Торн тут же сказал ей, что она поразительно похожа на его жену. Она улыбнулась — если воспользоваться расхожим клише, то «дразняще», но тут это слово подходит очень точно,— и сказала по-английски, хотя и с сильным акцентом:

— А вы очень любите свою жену?

Это прозвучало как-то странно. Торн отступил на шаг и ответил:

— Да, очень. Но она бросила меня.

— Мне очень жаль,— сказала Обренова, и больше за все время пребывания в комнате они не сказали друг другу ни слова.

Фаербрасс усадил Обренову, предложил ей еду, сигареты и выпивку. Она приняла первое и отказалась от остального.

— Значит ли это, что у вас нет никаких пороков? — спросил Фаербрасс.— Я-то надеялся, что у вас найдется хоть один.

Обренова пропустила сказанное мимо ушей. Фаербрасс пожал плечами и начал ее расспрашивать. Джилл еще больше помрачнела, когда выслушала отчет о жизни Обреновой. Она родилась в Смоленске в 1970 году, получила образование как инженер-аэронавт, а в 1994 году приступила к тренировочным полетам. В 2001 году ее сделали капитаном грузопассажирского дирижабля «Лермонтов».

Наконец Фаербрасс сказал, что она, должно быть, устала. Ей придется пойти с Агатой, которая найдет ей квартиру.

— Предпочтительно в этом здании,— закончил он.

Агата ответила, что сейчас здесь нет свободных комнат. Обреновой придется удовлетвориться хижиной вблизи домов миз Галбирры и мистера Торна.

Фаербрасс был явно разочарован и пробормотал:

— Что ж, может быть, попозже нам удастся подыскать ей место здесь. А пока я пойду вместе с вами, Анна, и уверюсь, что вам не подсунули какую-нибудь развалюху.

Джилл почувствовала, что ее настроение упало еще сильнее. Как можно ждать от него объективности, если он буквально гоняется за этой русской?

Она даже позволила себе немного пофантазировать. А что, если похитить эту русскую козявку и продержать в каком-нибудь укромном месте, пока «Парсеваль» не взлетит? Не станет же Фаербрасс откладывать полет, пока ее не отыщут? А тогда Джилл Галбирра стала бы первым помощником.

Но если так можно поступить с Обреновой, то почему бы и не с Фаербрассом? Тогда она стала бы капитаном!

Чудившиеся ей картины утешали, но ведь все равно она на такое не способна даже под влиянием обуревавшей ее ревности. Нарушать человеческие права и достоинство было бы все равно что нарушать свои и уничтожить себя — Джилл Галбирру.

В течение всей следующей недели ей неоднократно приходилось стучать кулаком по столу или рыдать. А иногда — делать и то и другое сразу. Через неделю она обозвала себя дурехой. Надо принимать то, что неизбежно, и наслаждаться тем, что у тебя есть. Неужели же так важно, чтоб она стала капитаном дирижабля?

Для нее — да. Для всех остальных в мире — нет.

И она постаралась проглотить свои капризы и разочарование.

Пискатор, должно быть, понимал ее чувства. Нередко она ловила на себе его взгляды... Тогда он улыбался или отводил взгляд. Но он знал! Он знал!

Прошло шесть месяцев. Фаербрасс перестал надеяться, что ему удастся уговорить Обренову въехать в его апартаменты. Он не делал секрета из своего желания, но и из того факта, что Обренова его отвергла,— тоже.

— Не знаешь, где выиграешь, где проиграешь,— говорил он Джилл с кривой усмешкой.— Может, ей мужчины не нужны. Я знаю не меньше дюжины таких, кто бегал за ней высунув язык,

но она обращала на них так же мало внимания, как статуя Венеры Милосской.

— Я уверена, что она не лесбиянка,— ответила Джилл.

— Рыбак рыбака видит издалека, а? Ха-ха!

— Да пошел ты! Ты же знаешь, что я амбивалентна,— сказала она сердито и вышла вон.

— Неопределившаяся — вот правильный термин! — заорал он ей вслед.

В то время Джилл жила с Абелем Парксом — высоким, мускулистым, красивым и неглупым человеком. Он был сыном Реки — одним из миллионов детей, умерших на Земле в возрасте старше пяти лет. Абель не помнил ни в какой стране он родился, ни каков был его родной язык. Хотя он воскрес в области, где большинство населения составляли средневековые индийцы, он был усыновлен супругами-шотландцами. Это были жители шотландских низин, выходцы из XVIII века, происходившие из крестьян. Однако, несмотря на бедность, его приемный отец умудрился стать врачом в Эдинбурге.

Абель покинул те места после того, как его родители были убиты, и странствовал вниз по Реке, пока не добрался до Пароландо. Джилл он очень понравился, и она предложила ему стать ее сожителем. Этот крупный мужчина охотно согласился въехать, и они провели друг с другом несколько идиллических месяцев. Он был умен, но очень мало образован. Джилл обучила его всему, чему могла: истории, философии, поэзии, даже арифметике. Учился он с удовольствием, но вскоре обвинил Джилл в том, что она его угнетает.

Шокированная Джилл категорически отвергла это обвинение:

— Я только хочу дать тебе образование, дать знания, которых ты лишился потому, что умер так рано.

— Да, но ты раздражаешься. Ты забываешь, что у меня нет такого воспитания, какое было у тебя. Вещи, кажущиеся тебе простыми, так как ты росла среди них, для меня чужды и удивительны. У меня нет твоих воспоминаний.— Он помолчал, а потом добавил: — Ты училка-шовинистка. Короче, ты... как это называется? Сноб...

Джилл была шокирована еще сильнее. Она отвергла и это обвинение, хотя, обдумав, пришла к выводу, что он, может, и не так уж не прав. Но к этому времени уже было поздно менять отношения. Абель ушел от нее к другой женщине.

Джилл утешилась, сказав себе, что Абель слишком привык к мысли, что мужчина должен быть боссом, и ему с трудом удавалось считать ее равной себе.

Позднее она поняла, что в этом лишь часть правды. Фактически же в ней глубоко сидело презрение к нему, потому что он никогда не был и не будет равным ей по интеллекту. Это было подсознательное отношение, и теперь, когда она это поняла, то очень жалела о своем недостатке. Больше того, она стыдилась его.

После ухода Абеля она не стремилась ни к чему большему, чем случайные связи. Ее партнерами были как мужчины, так и женщины, которые, как и она, хотели лишь сексуального удовлетворения. Обычно как она, так и они получали его, но Джилл всегда потом ощущала неудовлетворенность. Ей были необходимы настоящая привязанность и настоящая дружба.

Обренова и Торн, как она заметила, должно быть, поступали так же, как и она. Во всяком случае, в их хижины никто не переселился. Впрочем, она вообще не замечала, чтоб они интересовались кем-нибудь, так сказать, с сексуальных позиций. Насколько она знала, они ни с кем не встречались даже на одну ночь.

Торну, однако, видимо, нравилась компания Обреновой. Джилл часто видела, как они серьезно разговаривали о чем-то. Возможно, Торн уговаривал ее стать его любовницей, и, возможно, русская отвергла его, так как понимала, что будет лишь дублершей его первой жены.

За три дня до отлета был объявлен выходной. Джилл покинула равнину, ибо та была переполнена шумным людом, собравшимся сюда из мест выше и ниже по течению. Она подсчитала, что в Пароландо съехались сотни тысяч людей, и это количество наверняка удвоится ко времени старта «Парсеваля». Джилл вернулась в свою хижину и не выходила из нее, разве что порыбачить. На второй день, когда она сидела на берегу маленького озерка, бесцельно поглядывая в воду, она услышала, как кто-то приближается к ней.

Ее раздражение неожиданным вторжением прошло, когда она увидела Пискатора. Он нес удочку и плетеную корзинку. Молча подсел к ней и предложил сигарету. Она отрицательно качнула головой. Некоторое время они любовались зеркалом воды, поверхность которого то покрывалась рябью от слабого ветра, то вдруг разбивалась вдребезги выпрыгивающими в воздух рыбинами.

Наконец Пискатор сказал:

— Совсем уж скоро я с сожалением скажу «прости» своим ученикам и своим рыболовным увлечениям.

— Это так много значит для вас?

— Вы имеете в виду, стоит ли отдать эту полную прелести жизнь ради экспедиции, которая может окончиться гибелью? Я не узнаю этого до тех пор, пока не наступит время, не так ли? — После недолгого молчания он спросил: — Как ваши дела? Никаких переживаний, подобных тем, что были в ту ночь?

— Нет. Я в полном порядке.

— Но в сердце у вас нож.

— Что вы хотите этим сказать? — резко повернулась к нему Джилл. Она очень надеялась, что ее удивление не покажется ему столь же фальшивым, как оно показалось ей самой.

— Я сказал бы, даже три ножа. Капитанство, русская, а главное — вы сами.

— Да, у меня есть проблемы. Так они есть у всех. Или вы — исключение? Или вы не человек?

— Еще как человек! — улыбаясь, сказал он.— Даже больше, чем другие, сказал бы я, если отбросить ложную скромность. Потому что я реализовал мой человеческий потенциал почти до конца. Я не могу ожидать, что вы поверите этому. Да вы и не захотите, разве что когда-нибудь... Но этот день может никогда не наступить.

Однако вернемся к вашему вопросу о моей человечности. Иногда я удивлялся — человечны ли люди, с которыми мы иногда встречаемся? Я хочу сказать, принадлежат ли они к роду homo sapiens?

Разве нельзя допустить и даже признать это в высшей степени вероятным, что те, кто ответствен за все, что нас окружает, имеют свою агентуру? Для какой цели, я не знаю. Но они могут быть катализаторами, вызывающими у нас определенные действия. Под словом «действия» я понимаю отнюдь не физическую деятельность, как, например, строительство судов или воздушных кораблей, которое может быть лишь частью более общей программы. Я говорю о психологических воздействиях. Чтобы, скажем, направлять развитие человечества. К чему? Возможно, к цели,

примерно аналогичной тому, что постулирует Церковь Второго Шанса. Некая духовная цель, очищение человеческого духа. Или, возможно, если использовать христианско-мусульманскую метафору, чтоб отделить агнцев от козлищ.

Пискатор замолчал и затянулся сигаретой.

— Продолжив эту христианскую метафору, возможно предположить, что тут работают две силы — одна ради Зла, другая ради Добра. Одна из них борется против той, что работает для указанной выше цели.

— Как? — вскричала Джилл. А затем: — И у вас есть какие-нибудь доказательства вашей правоты?

— Нет. Только размышления. Поймите меня правильно. Я не думаю, что Шайтан или, если хотите, Люцифер в самом деле ведет холодную войну против Аллаха или Бога, которого мы — суфии — предпочитаем именовать Реальностью. Но временами я думаю, что, возможно, тут в определенном смысле имеет место параллель сказанному... Ладно, все это только спекуляция. Если агенты и есть, то выглядят они как люди.

— Вы знаете что-нибудь, чего не знаю я?

— Вероятно, я кое-что замечал. Вы — тоже, но разница между нами в том, что вы не пытались сложить то, что видели, в определенный узор. Довольно темный по замыслу. Хотя, вероятно, я смотрю на него под неправильным углом зрения. Если его вывернуть наизнанку, другая сторона может заблистать ярчайшими красками.

— Хотела бы я знать, о чем вы говорите. Не разрешите ли вы и мне взглянуть на этот узор?

Пискатор встал и бросил окурок в озеро. Какая-то рыба схватила его и, ударив хвостом, ушла в глубину.

— Разные виды деятельности скрываются под гладью зеркала воды,— сказал он, показав на озеро.— Мы не видим их, так как вода и воздух — очень разные элементы. Рыба знает, что там происходит, но нам от этого пользы мало. Все, что мы можем,— это опустить крючок в темноту и надеяться, что вытянем из воды нечто.

Я когда-то читал рассказ, где говорилось о рыбе, которая сидела на дне глубокого темного озера и закидывала удочку в воздух, на берег. И ловила людей на наживку.

— Это все, что вы имеете мне сказать?

Он кивнул и ответил:

— Я предполагаю, что вы посетите отвальную пирушку Фаербрасса сегодня вечером?

— Это наполовину приказ, наполовину приглашение. И мне очень не хочется идти. Будет просто пьянка.

— А вам вовсе нет необходимости пачкать себя, присоединяясь к свиньям в их свинстве. Будьте с ними, но не одной из них. Это поможет вам с гордостью думать, насколько вы морально выше, чем они.

— Вы — осел! — воскликнула Джилл и тут же быстро извинилась: — Извините меня, Пискатор. Это я осел. Конечно, вы все, что во мне происходит, поняли правильно.

— Я думаю, Фаербрасс сегодня объявит распределение чинов среди офицеров и пилотов.

У нее перехватило дыхание.

— Я тоже так думаю, но не жду от этого события никакой радости.

— Вы придаете рангам слишком большое значение. И что еще хуже, вы это знаете сами и не пытаетесь даже бороться с собой. Во всяком случае, я думаю, у вас сегодня будет отличный шанс заняться этим.

— Надеюсь.

— А пока не хотите ли покататься со мной в лодке и половить вместе рыбу?

С некоторым трудом она поднялась и вытянула леску. Наживка и крючок исчезли.

— Думаю, схожу-ка я домой да потоскую в своем гнездышке.

— Только не вздумайте откладывать там яйца,— сказал он, улыбаясь.

Джилл тихонько хмыкнула и пошла прочь. Не доходя до своей хижины, она миновала хижину Торна. Из нее неслись громкие злые голоса. Голоса Торна и Обреновой,

Так, значит, эти двое все же сошлись. Но, кажется, радости это им не доставило.

Джилл немного постояла, испытывая почти неодолимое желание подслушать. И сейчас же заставила себя продолжить путь, успев, однако, услышать громкий выкрик Торна на каком-то неизвестном языке. Значит... подслушивать не имело смысла. Но что это за язык? Во всяком случае, ей показалось, что на русский он не похож.

Обренова, уже гораздо тише, но достаточно громко, чтобы Джилл услышала, ответила что-то на том же языке. По-видимому, требовала, чтобы Торн понизил тон.

Голоса смолкли. Джилл пошла быстрее, надеясь, что ни Торн, ни Обренова не выглянут за дверь и не подумают, что она делала то, что чуть было не сделала на самом деле. Теперь у нее было о чем подумать. Торн говорил только по-английски, французски, немецки и на эсперанто. Конечно, он мог подобрать сколько-то слов еще из дюжины языков, путешествуя по Реке. Любой, даже самый неспособный к языкам человек наверняка бы поднахватался их.

И все же почему эти двое говорили на каком-то другом языке, а не на своих родных или на эсперанто? Неужели оба знали еще какой-то общий язык, которым пользовались во время ссоры, чтоб никто не мог понять сути их разговора?

Она обязательно расскажет об этом Пискатору. У него могут найтись интересные объяснения этой истории.

Но получилось так, что вечером ей не удалось поговорить с ним об этом, а к тому времени, когда «Парсеваль» стартовал, она и вовсе забыла о подслушанном разговоре.

Глава 38

*Дисгармоничные открытия в Дисе**

26 января 20 г. П. В. Питер Джейрус Фрайгейт
на борту «Пирушки», Южный умеренный пояс. Мир Реки.
Роберту Ф. Роригу где-то в низовьях Реки
(в надежде, что дойдет)

Дорогой Боб!

За тринадцать лет пребывания на этом кораблике я послал тебе двадцать одно послание. Лазурные весточки от Лазаря. Стоны от Харона. Стишата от Гекаты. Аллегории с Аль-Сирата**. Тирады из Тира. Триолеты из Леты. Писульки из Акапулько. И наконец, блюз, что сочинил Иисус. Ну и так далее.

* Дис — то же, что Аверн, мир мертвых в представлении древних римлян.

** Аль-Сират — по мусульманской традиции мост, по которому души мертвых попадают в рай.

И прочее невежественное окололитературное бренчание.

Три года назад я опустил в воды Реки мои «Тары-Бары из Тартара». Там я описал все более или менее значительное, что случилось со мной со времени твоей смерти в Сан-Луисе от чрезмерного долголетия. Конечно, ни одного моего письма ты не получишь, разве что по диковинному стечению обстоятельств.

Вот и сегодня я сижу безоблачным полуднем на палубе двухмачтовой шхуны, пишу пером из рыбьей кости и черными чернилами из древесного угля на бамбуковой бумаге. Когда кончу, то скатаю страницы в трубочку, заверну ее в рыбью кожу и суну в бамбуковый цилиндрик. В его открытый конец забью бамбуковую же пробку. Помолюсь всем возможно сущим богам. И брошу этот контейнер за борт. Может, речная почта и доставит его в твои руки.

Капитан Мартин Фаррингтон, он же Фриско Кид, в данный момент находится тут же у румпеля. Его отливающие красным каштановые волосы сияют на солнце, и пряди их вьются по ветру. Выглядит он как полуполинезиец, полукельт, но он ни то ни другое. Он американец с предками из Англии и Уэльса, родился в Окленде, штат Калифорния, в 1876 году. Этого он сам мне не говорил, но я и так знаю, поскольку я знаю, кто он такой есть на самом деле. Я видел слишком много его портретов, чтоб не узнать. Не стану называть его, ибо он имеет какую-то причину, чтоб плавать под псевдонимом (который он, между прочим, составил из имен двух персонажей собственных произведений).

Да, он был знаменитым писателем. Может, ты сам вычислишь его, хоть я в этом и сомневаюсь. Ты однажды сказал мне, что прочел только одну из его книг — «Рассказы рыбачьего патруля», и она тебе не понравилась. Я еще огорчился тогда, что ты не хочешь прочесть его главные труды, многие из которых чистейшей воды классика.

Он и его первый помощник Том Райдер, или Текс, а также араб по прозвищу Нур — единственные члены команды, которые остались с прежних времен. Прочие по тем или иным причинам исчезли — умерли, затосковали, не ужились и тому подобное. Текс и Кид — единственные люди из встреченных мной на Реке, которые могут считаться знаменитостями. Я, правда, чуть было не встретился с Георгом Симоном Омом (ты ведь слыхал об «омах»?) и с Джеймсом Несмитом, изобретателем парового молота. И... внимание! Райдер и Фаррингтон находятся к тому же

в самом начале списка из двадцати лиц, с которыми я особенно хотел бы познакомиться. Список не совсем обычный, но поскольку я — человек, то и я — необыкновенен.

Фамилия первого помощника вовсе не Райдер. Его лицо трудно позабыть, хотя отсутствие белой шляпы вместимостью в десяток галлонов несколько меняет его внешность. Он был знаменитым киногероем моего детства, где стоял рядом с героями моих любимых книжек — Тарзаном, Джоном Картером из Барсума, Шерлоком Холмсом, Дороти из страны Оз и Одиссеем. Его фильмы шли по второму или третьему разу во второразрядных киношках Пеории — «Гранд», «Принцесса», «Колумбия» и «Аполло» (все они исчезли, когда мне еще не исполнилось и пятидесяти). Его картинам я обязан самыми дивными минутами детства. Не помню деталей и сцен ни одного из них — все они слились в какой-то мелькающий монтажный фон с огромной фигурой Райдера в центре.

Когда мне исполнилось пятьдесят два года, я увлекся писанием биографий. Ты помнишь, что я много лет готовился написать обширную биографию сэра Ричарда Фрэнсиса Бёртона, популярного (и не слишком ценимого среди снобов и ханжей) исследователя, писателя, переводчика, фехтовальщика, антрополога и так далее.

Однако финансовые затруднения отвлекли меня от работы над «Крутым рыцарем королевы». А когда я наконец смог полностью отдаться «Рыцарю», Байрон Фарвелл опубликовал великолепную биографию Бёртона. Поэтому я решил подождать несколько лет, пока рынок не подготовится к принятию еще одной его биографии. И как раз когда я решил, что уже пора, вышла «Жизнь Бёртона» Фона Броуди — вероятно, лучшая из всех существующих.

И тогда я снова отложил свой проект на десять лет. А пока решил написать биографию любимого героя моего детства (хотя и ставлю старшего Дугласа Фербенкса на самый верх своих предпочтений в этом жанре).

Я прочел уйму статей о своем герое в «киношных» и «западных» журнальчиках, а также великое множество газетных вырезок. Все они описывали его как человека, который вел жизнь куда более насыщенную приключениями и более красочную и яркую, нежели жизнь тех героев, которых он сыграл в фильмах.

Но у меня все еще не хватало денег, чтоб бросить писать фантастику и начать ездить по стране, интервьюируя людей, кото-

рые были с ним знакомы (при условии, что их обнаружу). Были же те, кто мог рассказать мне о его службе в техасских рейнджерах, о его карьере в качестве маршала* США в Нью-Мексико, помощника шерифа в Оклахоме и «Крутого Райдера», дравшегося вместе с Рузвельтом у Сан-Хуан-Хилл, солдата во время войны на Филиппинах и во время боксерского восстания в Китае, объездчика лошадей для англичан, а возможно, и наемника у обеих сторон в Бурской войне, наемника в Мексике у Мадеро, организатора ковбойских шоу, а также самого высокооплачиваемого киноактера своего времени.

Статьям о нем верить было нельзя. Даже те люди, которые клялись, что знали его близко, давали весьма несхожие отчеты о его жизни. Мне известно доподлинно, что «Фокс и Юниверсал» опубликовали о нем множество рекламных материалов, большую часть которых было необходимо проверять под микроскопом из-за содержавшихся в них преувеличений и явной лжи.

Женщина, которая думала, что является его первой женой, написала его биографию. Из нее нельзя было узнать, что он с ней развелся и женился еще дважды. И что имел двух дочерей от другой женщины. И что у него были проблемы с алкоголем. Или что в Лондоне жил его незаконный сын, который работал там ювелиром.

Она думала, что она первая жена, а была второй или третьей. Никто точно не знал — которой.

То, что он все же, несмотря ни на что, остался для нее безупречным героем, вообще-то много говорит об этом человеке. А еще больше — о ней самой.

Мой давний друг Кориэл Варолл (помнишь его, он был цирковым акробатом, жонглером, канатоходцем, почитателем пива гаргантюанских масштабов и обожателем Тарзана) писал мне о нем. Думаю, году в 1964-м.

«Я помню, что в первый раз, когда я его увидел, мне показалось, будто я встретился с самим Господом Богом... Через несколько лет, которые мы провели вместе, делая одно и то же дело (он хочет сказать — в цирке), это преклонение исчезло, но все мы продолжали его любить, а детишки прямо-таки боготворили его, даже после того, как он перестал делать свои знаменитые

* Федеральный чиновник в судебных округах, выполняющий функции, сходные с функциями шерифа.

киношные ленты... Могу утверждать, что в трезвом виде он был отличный парень, но пьяным он вступал в драку по любому поводу и вытворял черт знает что (а мы разве не все поступаем так же?)... У меня есть несколько историй о нем, которые никогда не публиковались. При встрече я тебе их расскажу».

Но как-то получилось, что Кори ничего так и не рассказал. Даже дата рождения Тома и то под сомнением. Киношные публикации и жена утверждают, что он родился в 1880 году. Памятник вблизи Флоренс в Аризоне (где он погиб, делая 80 км/час по скользкой дороге) тоже утверждает, что в 1880 году. Но есть другие свидетельства, указывающие на 1870 год. Но было ли ему 60 или 70 лет, он все равно выглядел моложе пятидесяти. И всегда старался быть в форме.

И еще. Был приятель, который видел его в день последней трагической поездки. Он говорит, что Райдер сидел за рулем желтого «форда». Жена же Райдера утверждает, что машина была белая. Такие вот очевидцы.

Рекламные отделы студий сообщают, что он родился и вырос в Техасе. Но я сам обнаружил, что это ложь. Он родился возле Микс-Ран в Пенсильвании и уехал оттуда лишь в восемнадцать лет, чтобы вступить в армию.

Как раз когда я собирался запросить у Военного министерства копию его послужного списка и точно выяснить, что он делал в армии, вышел роман Даррелла Пониксена. Меня снова опередили, опять оказалось, что я опоздал. Хотя книга являлась лишь отчасти фактологической, ее автор проделал всю ту исследовательскую работу, которую намеревался проделать я сам.

Итак, мой герой *не* был внуком вождя племени чероки. И родился он *не* в Эль-Пасо (Техас). И хотя в армии был, но вовсе *не* получал тяжелого ранения под Сан-Хуан-Хилл или на Филиппинах.

Фактически он вступил в армию на следующий день после начала Испано-Американской войны*. Я уверен, равно как и Пониксен, что он надеялся с ходу попасть в бой. Нет никаких сомнений в его личной храбрости и в том, что он стремился быть там, где пули летят погуще.

* Испано-Американская война 1898 г. Началась с народных восстаний на Кубе и на Филиппинах, поддержанных США и завершившихся американской оккупацией этих островов.

Вместо этого он сидел в форту, а потом был с почетом уволен из армии. Затем он пошел в армию повторно, но в боях опять же не участвовал. Поэтому в 1902 году он из армии дезертировал.

Он не ездил в Южную Африку, как болтали рекламщики. Вместо этого он женился на юной школьной учительнице и с ней уехал в Территорию Оклахома. Но то ли ее отец добился признания брака недействительным, то ли она сама бросила его, не оформив расторжения брака. Наверняка никто этого не знает.

Работая барменом, незадолго до того как он нанялся на ранчо 101 в Оклахоме, он женился на другой женщине. Из этого брака ничего хорошего не вышло, но развода он тоже, по-видимому, не оформлял.

Большая часть того, что напридумывали рекламщики, и того, что Райдер сам наговорил, является чистой выдумкой. Эти сказочки имели цель приукрасить образ человека, который в приукрашивании совсем не нуждался. Райдер, однако, против этих басен не протестовал, более того, некоторые он сочинил сам по просьбе тех же рекламщиков. Прошло какое-то время, и он сам начал в них верить. Я хочу сказать — он в них действительно поверил. Я это точно знаю. Я ведь тут постоянно слышу, как он повторяет всю эту несусветную брехню, и мне совершенно ясно, что к этому времени выдумка стала для него нисколько не менее достоверной, чем реальность.

Эта потеря способности отличать выдумку от факта ни в малейшей мере не сказывается на его компетентности в обычных жизненных ситуациях.

Тем не менее Райдер отверг желание Фокса выдать его за незаконного сына Буффало Билла*. Такая выдумка могла бы положить начало расследованиям, которые вытащили бы на свет Божий весьма малоприглядную истину.

Он ни разу не сказал мне, что был звездой кинематографа. Да, он рассказывает всякие случаи из своей киношной практики, но в них он всегда выступает в слегка гротескном виде.

Почему же сейчас он носит не свое имя, а псевдоним? Не знаю!

Его третья жена описывает его как высокого, стройного и смуглого. Думаю, что в начале 1900-х годов он мог считаться высоким, хотя он и ниже меня. Его стройное тело действитель-

* Билл Буффало — прозвище Уильяма Фредерика Коуди (1846–1917), американского охотника и предпринимателя, организатора первого «Шоу Дикого Запада».

но обладает стальными мышцами. Фаррингтон ниже его ростом, но очень мускулист. Он всегда готов соревноваться с Томом в индейской борьбе, особенно когда напьется. Том соглашается с удовольствием. Они ставят локти на стол, сжимают пальцы рук и пытаются положить руку противника на столешницу. Борьба идет долго, но выигрывает обычно Том. Фаррингтон смеется, но я думаю, что он искренне переживает поражение.

Я соревновался с ними обоими, примерно с равным числом поражений и побед. Я могу наверняка их победить в прыжках в длину и в беге. Но когда дело доходит до бокса или до боя на палках, я обычно терплю поражение. У меня отсутствует «инстинкт убийцы», которым они оба обладают. Кроме того, подобные мужские забавы никогда не имели для меня большого значения. Хотя, может быть, это потому, что во мне живет подсознательный страх перед конкуренцией вообще.

Однако для Фаррингтона это очень важно. Важно ли для Тома — не знаю, он своего истинного отношения никогда не демонстрирует.

Общение с этими двумя людьми доставляет мне бездну удовольствия. Даже сейчас, несмотря на то что тесное общение на корабле способно породить если не презрение, то фамильярность.

Том Райдер проплыл вниз и вверх по Реке сотни тысяч километров и трижды был убит. Однажды он воскрес чуть ли не у самого устья Реки. «Чуть ли» означает, что он был от него в двадцати тысячах километров. Это уже арктическая область. Конец Реки, как и ее начало, лежит вблизи Северного полюса. Однако они находятся диаметрально друг против друга; вода, родившаяся в горах одного полушария, втекает в горы другого.

Из того, что я слышал, следует, что вокруг Северного полюса находится море, окруженное кольцом гор, в сравнении с которыми Эверест просто прыщик. Море выливается в дыру у основания гор и извивается в виде реки зигзагами по одному полушарию, наконец огибает Южный полюс и течет уже по другому полушарию. Там Река, подобно огромной змее, снова зигзагами струится от Антарктики к Арктике и обратно — и так тысячи раз — и наконец впадает в Полярное море через горы Северного полюса (фактически это одна гора — типа гигантского вулканического конуса).

Если сделать чертеж Реки, он будет похож на Змея Мидгарда из скандинавских мифов — сжимающая в своих кольцах мир змея, хвост которой исчезает в ее же пасти.

Том говорит, что районы вблизи устья населены преимущественно людьми эпох оледенения, древними сибиряками и эскимосами. Попадаются и уроженцы современной Аляски, Северной Канады и русские — их мало, и они разбросаны среди более древних племен. Есть и другие — из разных мест и разных времен.

Том, будучи искателем приключений, решил отправиться к самому устью. Он и шесть его спутников построили каяки и пошли на веслах вниз по течению из страны живых в пустыни, закрытые вечным туманом. К их удивлению, оказалось, что растительность существует и под пологом вечной туманной дымки и сумрака вплоть до самого устья Реки. Точно так же на тысячи километров в туман уходит и цепь питающих камней. Экспедиция съела свою последнюю трапезу из граалей у последнего из них, а затем, нагруженная сушеной рыбой и желудевым хлебом, а также тем, что они сэкономили из своих граалей, пошла на веслах дальше; непрерывно возрастающая быстрота течения несла их все ближе и ближе к цели.

Последнюю сотню километров их несло столь стремительно, что сила течения уже не позволила бы им повернуть назад. Они уже даже не могли рискнуть пристать к берегу — вертикальные стены поднимались прямо из воды. Путешественникам приходилось есть и спать, сидя в своих каяках.

Было похоже, что им пришел конец — finit,— и так оно и было. Их затянуло в огромную пещеру, потолок и стены которой отстояли от них так далеко, что свет факела Тома до них не достигал. Затем со страшным ревом Река вошла в туннель. Теперь уже потолок нависал так низко, что голова Тома в конце концов врезалась в него. Вот и все, что он помнит. Без сомнения, каяк при ударе о потолок разбился в щепу.

На следующий день Том проснулся где-то в южной полярной области.

Глава 39
(Продолжение письма Фрайгейта)

— В середине моря, окруженного Полярными горами, стоит Башня,— сказал Том.

— Башня? — воскликнул я.— А что ты хочешь этим сказать?

— А ты что — не слыхал? Я думал, о Башне все знают.

— Никто при мне даже не упоминал о ней!

— Ладно,— задумчиво сказал он, продолжая как-то странно поглядывать на меня.— Это чертовски длинная Река. Можно предположить, что на ней есть немало мест, где могли не слышать эту историю.

И он начал рассказывать мне то, что действительно можно было назвать историей или даже легендой. Доказательств никаких. Человек, который рассказывал ее Тому, мог быть лжецом, ибо Богу известно, что их тут ничуть не меньше, чем на Земле. Но все же это был не отчет, переданный человеком, который слыхал его от другого, слышавшего его от кого-то еще, и так далее. Том *сам* разговаривал с человеком, утверждавшим, что он видел эту Башню.

Том был знаком с ним сравнительно долго, но тот никогда и словом не обмолвился об этом до тех пор, пока однажды ночью не надрался с Томом самогонки. Протрезвясь, он напрочь отказался говорить на эту тему. Слишком уж был напуган.

Это был древний египтянин, принадлежавший к отряду, который возглавлялся фараоном Эхнатоном или Ахенатоном, как произносили некоторые это имя. Ну, знаешь, тем самым, который пытался основать монотеистическую религию в Египте где-то около XIII века до нашей эры. По-видимому, Эхнатон был воскрешен в районе, населенном преимущественно людьми из его собственного времени. Рассказчик этой истории Пахери — знатный человек — был рекрутирован Эхнатоном вместе с другими сорока египтянами. Они построили судно и отправились по Реке, даже не зная, как далеко им плыть. Или даже в чем заключается цель их плавания, разве что кроме исследования истоков Реки. Эхнатон верил, что Атон — бог и Солнце — должен жить где-то там и что он примет любого пилигрима с великим почетом. Больше того, Атон поселит их в раю, в месте гораздо лучшем, чем мир Реки.

Пахери в отличие от фараона был консервативным многобожцем. Он верил в «истинных» богов — Ра, Гора, Изиду и во всю их остальную команду. Пахери отправился вместе с фараоном, думая, что тот приведет их к престолу богов, но самого фараона бросят в пустыню за то, что он предал старейшую религию на Земле. А он — Пахери — будет соответственно вознагражден за свою верность богам.

К счастью для их похода, район, в котором они были впервые воскрешены, находился в Северном полушарии, можно сказать,

довольно близко к верховьям. Еще более удачно было то, что они проплывали мимо территорий, населенных преимущественно скандинавами конца XX века. Эта публика была относительно миролюбива, так что мореплавателей никто в рабство не обращал, а проблем с разрешением на использование питающих камней не возникало.

Когда они подплыли поближе к Полярным горам, то оказались в стране, населенной гигантскими недочеловеками. По-видимому, это был вид, ископаемые остатки которого на Земле так и не были найдены. Ростом они были 8–10 футов (2,45–3,048 метра), хочешь верь, хочешь не верь. А носы как у калимантанских носатых обезьян. Говорить они умели, хоть и на очень примитивном языке.

Любой из этих гигантов мог голыми руками уничтожить всю египетскую команду, но судно их очень испугало. Они решили, что это водяное чудовище, дракон. По-видимому, их страна, простиравшаяся на несколько тысяч километров, была отрезана от мест, лежавших ниже по течению, очень узким ущельем. Река там кипела и шла с огромным напором, так что никакое судно не смогло бы пройти против течения на веслах.

Египтян это не остановило. Им потребовалось шесть месяцев, но они преодолели это препятствие. Используя кремневые орудия, а также железные (в этой местности оказалось железо, которое они выменяли на спирт и табак из своих граалей), они вырубили узкий карниз примерно на три метра выше уреза воды. Потом разобрали судно и, неся его части на плечах, чуть ли не ползком прошли километр или около того, достигнув конца ущелья.

В стране гигантов египтяне завербовали одного из них, чье имя произнести так и не смогли. Они прозвали его Техути (греческая форма этого имени будет Тот) из-за длины его носа, которым он напоминал изображения этого бога. Бог имел голову ибиса — птицы с очень длинным и острым клювом.

Лодка пошла дальше вверх по течению до мест, где питающие камни кончились. Эту страну окутывал вечный туман. Хотя Река и отдавала большую часть своего тепла, когда протекала через море, лежащее за Полярными горами, у нее оставалось его достаточно, чтобы образовывать облака при соприкосновении с более холодным воздухом.

Они подошли к порогам, которые были достаточно широки, чтобы по ним могла проплыть луна, как говорил Пахери. Лодку

они бросили, и, насколько известно, она так и лежит там на платформе в хорошо укрытой пещере. Сгнила, надо полагать, если там такая высокая влажность.

И вот теперь начинается одно из самых удивительных мест этой истории. Экспедиция подошла к обрыву, который казался совершенно непреодолимым. Но им удалось обнаружить туннель, который кто-то прорубил в стене. А потом, у подножия другого столь же неприступного утеса, они увидели свисающий вниз конец веревки, связанной из кусков прочной ткани. Они поднялись по ней наверх, и, хотя весь остаток дороги было трудно назвать удобным, египтяне вышли к Полярному морю, лежащему за горами.

Кто прорубил туннель и кто оставил веревку? И почему? Мне кажется, что кто-то подготовил этот путь специально для нас — землян. Я сомневаюсь, что пробили туннель жители мира Реки и что они же привязали веревку. Гора, сквозь которую пробит туннель, сложена очень твердым кварцитом. При прокладке туннеля износу подверглось бы невероятно большое количество стальных орудий, а таковых, да еще в таком количестве, тут попросту найти невозможно. Более того, Пахери сказал, что там не было никаких отвалов, обломков, каменной крошки, которые обязательно должны были бы лежать у входа. Даже со стальными орудиями никакой отряд не смог бы проложить туннель, учитывая время, которое нужно для такого строительства. Они никак не смогли бы принести с собой столько пищи, чтоб обеспечить себя продовольствием на такой срок.

Кроме того, как сумел бы кто-нибудь взобраться на описанную выше гору без веревки? Может быть, таинственный отряд, предшествовавший египтянам, выпустил на такую высоту ракету с привязанной к ней веревкой? Но там был лишь один выступ, за который могла бы зацепиться такая гипотетическая веревка своими гипотетическими крючьями: высокий и острый шпиль скалы. Шансы, что ракета его достигнет (особенно учитывая, что с подножия он не виден) и что крюки за него зацепятся — совершенно ничтожны. Да и никаких следов отработанного корпуса ракеты там не было. Тот, кто спустил веревку, должен был обвязать ее конец вокруг этого выступа. И Пахери говорил, что, похоже, этот тонкий шпиль был вырублен из более мощной скалы.

Так или иначе, но, проползя по карнизу и пройдя пещеру, где выл ледяной ветер, египтяне вышли к морю.

Море окутывал туман от одного края непрерывного кольца гор до другого. Впрочем, полностью непрерывным кольцо не было. На другой стороне имелось ущелье между двумя горами. Техути увидел его первым. Он вышел из-за угла, как раз когда солнечные лучи на мгновение прорвались сквозь этот проход. Те, что шли за Техути, услыхали его крик, затем рев, а потом долгий и постепенно стихающий вой. Когда они протиснулись за угол и доползли до края площадки, то успели увидеть, как тело Техути исчезает в волнах тумана далеко внизу.

Египтяне потом реконструировали происшествие. Техути обошел угол скалы и увидел перед собой всего лишь в нескольких шагах чей-то грааль. Видимо, этот кто-то их опередил. Да, грааль! Похоже, солнечные лучи сверкнули в проходе между горами. Ослепленный и испуганный, Техути отступил назад и споткнулся о грааль.

Проходившие сквозь ущелье лучи солнца дали возможность увидеть в самом центре моря еще кое-что. Эта штука выглядела как верхушка колоссального грааля, торчащего из пелены облаков. Потом солнце ушло, миновав ущелье, туман нахлынул и скрыл этот огромный грааль.

Ты наверняка спросишь, как египтяне могли видеть солнце? Даже если прорыв в горах доходил до линии горизонта, то разве облака не застлали бы его? Ответ: да, облака затянули бы его, но лишь при нормальных обстоятельствах. Но там сложилась особая ситуация: ветер отогнал облака в то самое мгновение, когда солнце проходило мимо ущелья. Очень неблагоприятное стечение обстоятельств для Техути, надо признаться...

Ветры в тех местах дуют страшенные. Дважды они уносили облака так, что египтяне могли в течение нескольких мгновений видеть верхнюю часть Башни. В отсутствие прямых солнечных лучей, в тусклых сумерках, отраженных небом, они видели лишь какую-то темную громаду. Но этого было достаточно. Там находился некий объект, колоссальный объект. Не обязательно сделанный человеческими руками — ведь мы не знаем, люди ли те, кто владеет этой планетой или управляет ею. Но это явно было не природное образование. Объект имел слишком правильную цилиндрическую форму, чтоб считать иначе. Хотя на таком большом расстоянии, конечно, возможна и ошибка. Я думаю, это могла быть и скала.

Но вот и еще одно доказательство противоположного. Несколькими часами позже египтяне увидели, что какой-то пред-

мет поднимается из облаков, кипящих вокруг Башни. Он был круглый и, насколько можно было судить, исходя из расстояния, огромный. Когда он поднялся высоко вверх, на нем отразились лучи никогда не заходящего здесь солнца. Потом он поднялся так высоко, что стал невидим.

Вот эта деталь взволновала меня больше всего.

— Эта Башня, должно быть, штаб или база тех, кто стоит за всем этим! — воскликнул я.

— Точно так же думаем и мы с Фриско.

Египтяне любили Техути. Несмотря на свой пугающий облик, он обладал добрым сердцем и любил шутки. Ему иногда даже удавалось сострить на египетском языке, что говорит о его незаурядных интеллектуальных способностях. В животном мире Земли человечество в известном смысле уникально — это единственный вид, который может острить. Может быть, так и следует определять понятие «человек»? Не знаю. Моя латынь со временем становится все хуже и хуже. Если встречу древнего римлянина или учителя латыни, то обязательно пройду у них курс обучения языку.

Но вернемся к рассказу Пахери. И к Техути. Если бы не его горилья сила, египтяне никогда бы не забрались так далеко, как им это удалось. Поэтому они вознесли молитвы за упокой его души и пошли вниз по тропе.

Узкий карниз тянулся наклонно, как правило под углом 45 градусов, и надо было идти, прижимаясь одним боком к стене. Ширины карниза хватало только для одного человека, но в некоторых местах он так суживался, что им приходилось становиться лицом к стене и скользить вдоль нее, прижимаясь к ней грудью, тогда как пятки свисали над пропастью, а пальцы рук цеплялись за каждую, самую ничтожную неровность.

На пути вниз Эхнатон чуть не сорвался. Он споткнулся в тумане о скелет. Да, о скелет того, кому, безусловно, принадлежал тот грааль. Кости не были поломаны, поэтому египтяне решили, что человек просто умер от голода. Фараон произнес над костями молитву и столкнул их в море. Потом египтяне вышли к концу тропы. Она уходила в воду.

Египтяне пришли в отчаяние, но Эхнатон, ухватившись за выступ одной рукой, другой поднял факел и заглянул за уступ скалы.

На другой стороне уступа находилось отверстие — вход в пещеру. Эхнатон скользнул за угол скалы, вода достигала ему до

колен, ноги ступали по подводному продолжению карниза. Факел фараона высветил гладкую поверхность пола пещеры, уходившего вверх под углом 30 градусов. Остальные немедленно последовали за ним. Эхнатон шел впереди всех по склону. Их сердца бились учащенно, кожа от холода покрылась мурашками, зубы выбивали громкую дробь. Один из них — наш Пахери — был так напуган, что у него на нервной почве начался понос.

Был ли это вход в жилище богов? Ожидал ли их там Анубис с шакальей головой, чтобы отвести к великому судье, который определит, что́ весит больше — их добрые или дурные дела?

И тогда Пахери стал вспоминать все бесчестные и несправедливые поступки, которые он совершил, свою мелочность, жестокость, свою жадность и неверность. Он даже решил было остаться на месте и не идти дальше. Все остальные продолжали шагать, а темнота наваливалась на плечи Пахери таким тяжким грузом, что он снова двинулся в путь, хотя и отставая от других.

Пещера превратилась в туннель, стены которого со всей очевидностью подверглись обработке металлическими орудиями. Туннель слегка изгибался, а затем метров через сто вышел в огромное круглое помещение. Этот зал освещался девятью черными металлическими лампами на высоких треножниках. Лампы имели форму шаров и горели холодным немигающим светом.

В зале было несколько вещей, которые всех сильно поразили. Сначала они наткнулись на другой скелет. Подобно первому, он был одет. Правая рука выброшена вперед, будто пытается за что-то ухватиться. Рядом с рукой — грааль. Египтяне не сразу принялись рассматривать кости, но я лучше опишу их в этом месте. Это был скелет женщины, и на черепе сохранились пряди еще не сгнивших волос, которые свидетельствовали, что она была негритянкой.

Вероятно, женщина умерла с голоду. Ирония судьбы, ибо умерла она всего лишь в нескольких шагах от пищи.

После того как ее спутник погиб, она продолжала идти; часть пути она, надо думать, проделала ползком, собирая последние силы, чтобы встать на ноги и скользить вдоль стены там, где карниз суживался. А затем, когда спасение было совсем рядом,— умерла.

Хотел бы я знать, кто она такая? Что заставило ее предпринять это гибельное путешествие? Сколько людей из их отряда погибли или повернули назад, прежде чем им удалось пройти сквозь гигантскую пещеру, через которую воды Полярного моря выте-

кают наружу? Как удалось миновать страну волосатых и носатых колоссов? Как ее звали и почему она так яростно стремилась дойти до самого сердца Тьмы?

Возможно, она оставила весточку в своем граале. Однако крышка последнего была плотно закрыта, значит, открыть ее могла только сама женщина. Впрочем, в высшей степени маловероятно, чтоб египтяне смогли прочесть ее письмена. Ведь это было еще до того, как приверженцы Церкви Второго Шанса распространили эсперанто по всему миру. Более того, миллиарды, говорящие на этом языке, не умеют на нем читать.

Египтяне прочли над костями молитвы, а затем молча отправились осматривать самые большие предметы из находившихся в зале — металлические лодки. Их было одиннадцать — одни большие, другие — маленькие, все на низких V-образных металлических же подставках, открытых с обоих концов.

Были там и запасы пищи. Сначала египтяне не догадались, что это еда, поскольку никогда не видели еды в пластиковых коробках и пакетах. Но рисунки на этой таре показывали, как ее следует открывать, что египтяне тут же и сделали. Внутри были хлеб, говядина, овощи. Они наелись до отвала, после чего долго спали, страшно измучившись за время странствий.

Но теперь египтяне знали, что боги (по вере Эхнатона — бог) заботятся о них. Для них подготовлен путь, хоть он и нелегок. Но разве бывает легкой дорога к бессмертию и разве не одни лишь достойные и твердые духом могут ее преодолеть? Возможно, Техути был все-таки в чем-то грешен, а поэтому боги и свергли его с карниза?

На лодках были чертежи и понятные знаки, показывающие, что и как надо делать. Египтяне изучили их, а затем протащили одну из больших лодок сквозь туннель. Она могла вместить 30 человек, но четверо сильных спокойно могли нести ее на руках, а один мог бы тащить ее по полу. Лодку спустили по карнизу в море, которое не было таким уж бурным, и весь отряд взобрался в нее.

У руля находился пульт управления. Хоть Эхнатон и был фараоном, а потому не должен был опускаться до черной работы, он, однако, взял управление лодкой на себя. Действуя согласно чертежам-инструкциям, он нажал кнопку на пульте... Экран засветился, на нем появилось яркое оранжевое изображение Башни. Эхнатон нажал на другую кнопку, и лодка сама собой двинулась в открытое море.

Все, конечно, были напуганы, хотя их лидер старался не показывать страха. И все же они понимали, что находятся в нужном месте и что тут их приветствуют — в известном смысле этого слова. Лодку они сочли за барку, в которой, согласно их религии, мертвых везут по водам другого мира — Аменти.

(Аменти происходит от имени Амент — богини, чье имя означает Обитательница Запада. Она носит в волосах перо, подобно ливийцам — народу, живущему к западу от Египта. Возможно, первоначально она была ливийской богиней, которую египтяне у них позаимствовали. Перо было также иероглифическим знаком для слова «западный». В более поздние времена Запад стал означать страну мертвых, а Амент стала богиней этой страны. Она встречала их у врат другого мира. Одаривала хлебом и водой, и если они съедали их, то становились «друзьями богов».)

Естественно, найденная ими пища напомнила египтянам об этом, точно так же, как лодка стала для них аналогом барки, перевозящей мертвых в другой мир. Египтяне, подобно многим другим людям, были разочарованы, если не сказать потрясены, проснувшись после смерти в мире Реки. Это было совсем не то, что по предсказаниям их жрецов должно было случиться с ними после смерти. А вот здесь вдруг оказались параллели, физические аналоги Земли обетованной. Успокаивало и то, что тут была Река. Они же были приречным народом, живя постоянно в долине Нила. А теперь божественное существо вело их к судилищу другого мира.

Они размышляли, не совершили ли они ошибки, дав гигантскому недочеловеку имя Техути, а не Анубис. Анубис был тот бог с головой шакала, который провожал мертвых в подземный мир к двойному дворцу Озириса — судии и весовщика душ. И все же Техути был вестником богов и хранителем их записей. Иногда он принимал вид обезьяны с собачьей головой. Учитывая личность их спутника и его волосяной покров, они вполне могли увидеть в нем воплощение настоящего Техути.

Примечание: эти два аспекта Тота (Техути) указывают, что в отдаленные времена произошло слияние двух богов в одного.

Этот мир для египтян действительно обладал чертами сходства с другим миром. Теперь, когда они оказались в обители Озириса, сходство стало еще более разительным. Мир Реки мог быть той промежуточной страной между миром живых и миром мертвых, которая жрецами описывалась весьма туманно. Жрецы да-

вали противоречивые и даже смущающие описания. Впрочем, вся истина известна только богам.

Какова эта истина, им скоро предстоит узнать. Башня не была похожа на их представление о двойном дворце Справедливости, но, возможно, боги что-то изменили. Недаром мир Реки был полем постоянных изменений, отражающих изменение настроений богов.

Эхнатон повернул руль так, чтоб оранжевое изображение Башни совместилось с вертикальной линией, пересекавшей экран. Временами, чтоб убедиться, что он контролирует скорость движения лодки, он нажимал грушу, подвешенную справа от штурвального колеса. В соответствии с силой нажима скорость лодки возрастала или убывала.

Лодка шла вперед по неспокойному, затянутому туманом морю, направляясь к Башне на скорости, приводившей пассажиров в ужас. Через два часа изображение Башни на экране сильно выросло. Затем оно вдруг оделось пламенем, которое охватило весь экран, и Эхнатон перевел лодку на меньшую скорость. Он нажал еще одну кнопку, и все вскрикнули в ужасе, когда два круглых предмета на носу лодки выбросили вперед два мощных световых луча.

Впереди виднелось нечто огромное — Башня.

Эхнатон нажал на какую-то другую кнопку, указанную на чертеже. Большая круглая дверь-люк медленно открылась там, где только что была гладкая цельная поверхность Башни. Зажегся свет. Внутри находился огромный холл, стены которого состояли из того же серого металла.

Эхнатон подвел лодку к самому входу в Башню. Его матросы ухватились за порог двери. Фараон отыскал еще одну кнопку, которая отключала невидимую силу, приводившую лодку в движение. Фараон подошел к борту, находившемуся чуть ниже порога двери. Выпрыгнув в холл, он взял канат, укрепленный внутри лодки, и привязал его к крюкам, ввинченным в стену холла. Медленно, нерешительно и молчаливо за ним последовали все остальные.

Вернее будет сказать — все, за исключением Пахери. Его ужас достиг непереносимого накала. Зубы, не повинуясь воле, громко лязгали. Колени тряслись. Сердце билось в обледенелой плоти, подобно крылышкам испуганной птицы. Мозг работал замедленно, будто он превратился в мерзлую грязь, оттаявшую под лучами солнца и медленно стекающую по склону холма.

Пахери слишком ослаб, чтоб встать со скамьи и вступить в коридор. Он был уверен, что если двинется, то тут же окажется перед очами Судии, который потребует его к ответу.

Должен, однако, сказать одно в защиту Пахери. Нет, даже два соображения. У него была совесть, и он не побоялся признаться Тому Райдеру, что действовал как трус. А для подобного признания нужна немалая смелость.

Эхнатон, будто ему нечего было опасаться своего единого бога, спокойно пошел в направлении дальнего конца коридора. Остальные двигались гурьбой, отставая от него на дюжину шагов. Один из матросов оглянулся и страшно удивился, увидев, что Пахери все еще сидит в лодке. Он жестом позвал его следовать за ними. Пахери покачал головой и еще крепче ухватился за планшир.

Затем без единого крика те, что стояли в коридоре, рухнули на колени, потом упали на руки, сделали усилие, чтобы приподняться, но тут же пали лицом вниз. Они лежали так неподвижно и мертво, как лежат только брошенные тряпичные куклы.

Дверь медленно закрылась. Она двигалась бесшумно, не оставив после себя даже следа, что там было когда-то отверстие, не оставив даже тончайшего зазора, и Пахери остался в одиночестве среди беспросветного тумана и ледяного моря.

Пахери не терял ни минуты и попробовал развернуть лодку. Она пошла на своей прежней скорости, но теперь на экране не было ни сигнала, ни яркого изображения, чтоб проложить по нему курс. Он не мог найти пещеру, а поэтому беспорядочно метался у основания скалистых стен до тех пор, пока окончательно не лишился надежды ее обнаружить. Наконец он предоставил лодке самой плыть вдоль берега, пока она не оказалась у каменных ворот, сквозь которые море прорывается через горы. Лодку понесло сквозь длинную огромную пещеру, но когда Пахери доплыл до больших порогов, то он не нашел места, где бы можно было пристать к берегу и вытащить лодку на сушу. Лодку закрутило на порогах. Пахери помнит рев воды, помнит, как его швыряло туда и сюда... а потом он потерял сознание.

Когда он проснулся после «пересылки», то лежал голым в густом тумане прямо под нависающей над ним «шляпкой» питающего камня. Его грааль — новый, конечно, и аккуратно сложенная стопка одежды лежали рядом. Появились темные фигуры людей, чтоб возложить свои граали на каменный гриб. Он

был здоров и в безопасности; только память его хранила страшное воспоминание о Башне богов.

Том Райдер попал в район, где жил Пахери, тоже в результате «пересылки» после того, как его убили фанатичные средневековые христиане. Он стал солдатом, встретился с Пахери, который служил в том же взводе, и услышал его историю. Райдер дослужился до капитана и был снова убит. Очнулся он утром в тех местах, где жил Фаррингтон.

Через несколько месяцев после этого они вместе отправились вверх по Реке в долбленом челноке. Затем нашли себе пристанище и принялись строить «Пирушку».

Ты хочешь знать мою реакцию на эту историю? Что ж, рассказ Пахери заставляет меня принять решение увидеть все собственными глазами, чтоб узнать, верна эта история или нет. Если он не выдумал все от начала до конца (а Том уверяет, что Пахери так же лишен воображения и так же толстолоб, как деревянный рекламный индеец, выставленный у входа в табачную лавку), то этот мир, в отличие от Земли, может дать нам ответы на великие вопросы и как в зеркале показать конечную реальность бытия.

Так вперед же, к Башне!

Глава 40
(Продолжение письма Фрайгейта)

Однако история, которую мне рассказал Райдер, на этом не кончается. Несколько дней спустя я случайно услыхал разговор между Фриско и Тексом. Они сидели в главной каюте, а люк был открыт. Я же расположился на палубе, прислонившись к палубной надстройке, и как раз собирался разжечь сигару. (Да, к этому времени я снова попал в лапы этого старого черта — Никотина.) Я не обращал внимания на их голоса, поскольку голова была занята мыслями, возникшими после разговора с Нур эль-Музафиром.

И вдруг я услыхал, как капитан, обладатель весьма громкого голоса, говорит:

— Да, но откуда мы знаем, что он не пользуется нами для каких-то личных целей? Целей, возможно, очень даже распрекрасных для него, но отнюдь не столь полезных для нас? И откуда нам знать, что мы сумеем добраться до Башни? Египтяне же не

смогли. Может, есть другой вход? Если есть, то почему он нам о нем не сообщил? Он обещал рассказать нам еще кое-что о Башне попозже. Но ведь это было шестнадцать лет назад! Шестнадцать! И с тех пор мы о нем и слыхом не слыхали!

Я хочу сказать, что ты его с тех пор не видал. Я-то с ним вообще никогда не виделся. Может, с ним что-то стряслось? Может, его изловили? А может, он больше в нас вообще не нуждается?

Райдер ответил ему что-то, чего я не расслышал. Фаррингтон же в ответ:

— Разумеется, но знаешь, о чем я думаю? Я думаю, что у него нет ни малейшего представления, что те египтяне все же добрались до Башни. Или о том, что одному из них удалось вырваться оттуда. Во всяком случае тогда, когда он с тобой говорил, он ничего этого не знал.

Райдер опять сказал что-то, чего я не разобрал. Фаррингтон же ответил:

— Туннель и веревка, лодка и тропа, возможно, были приготовлены для нас. Только вот другие добрались до них раньше.

Ветер завыл громче, и я минуту-другую вообще ничего не слыхал. Тогда я пододвинулся поближе к трапу, ведущему в кают-компанию.

— Ты действительно думаешь,— говорил Фаррингтон,— что некоторые из них, а уж во всяком случае один, могут оказаться у нас на корабле? Что ж, это возможно, Текс, но что из этого вытекает? Почему нам не сказали, кто эти другие, чтоб мы могли их опознать и объединиться с ними? Когда же нам об этом сообщат? Где мы встретимся? В конце Реки? А что, если мы туда заберемся, а там никого не окажется? Ждать еще сотню лет или вроде того? Что, если...

Райдер снова что-то проговорил. Должно быть, говорил он довольно долго. Я чуть ли не на ушах стоял, настолько переполненный любопытством, что едва не светился наподобие огня святого Эльма. Мустафа, стоявший у руля, поглядывал на меня со странным выражением лица. Должно быть, знал или подозревал, что я подслушиваю. Это меня никак не радовало. Мне отчаянно хотелось подслушать и остальное. Но если турка расскажет тем двоим, что я прислушивался к их разговору, меня могут прогнать с корабля. С другой стороны, он мог и не знать, что они обсуждают нечто такое, что для моих ушей вовсе не предна-

значено. Поэтому я затянулся сигарой, а когда она догорела, притворился, что сплю.

Ситуация напомнила мне ту, в которую попал Джон Хокинс из «Острова сокровищ», который, сидя в бочонке с яблоками, подслушал разговор Длинного Джона Сильвера, затеявшего со своими друзьями-пиратами заговор с целью захвата «Эспаньолы», когда сокровища будут найдены. Только в этом случае ни Фаррингтон, ни Райдер не планировали ничего плохого против кого-либо. Мне показалось, что скорее уж существовал заговор против них самих.

— А вот что мне хотелось бы понять,— говорил между тем Фаррингтон,— так это почему он в нас нуждается? Перед нами человек, обладающий большим могуществом, чем дюжина богов, и если он пошел против своих же корешей, то какую помощь ему могут оказать простые смертные вроде нас? И если мы так уж нужны ему в Башне, почему он нас туда не перенесет?

Последовал новый перерыв в разговоре, закончившийся звяканьем чашек и граалей друг о друга. Затем Райдер громко сказал:

— ...Должно быть, имеет весьма вескую причину. Во всяком случае, мы все это узнаем. Да и что нам еще остается делать?

Фаррингтон громко заржал, а потом ответил:

— Вот это верно! Что еще? Можем как угодно распоряжаться своим временем до самого конца — хорошего или плохого! Но я все равно продолжаю чувствовать себя так, будто меня кто-то употребляет, а мне это вот как осточертело! Меня употребляли и богатый класс, и средний класс, когда я был молод, меня употребляли редакторы и издатели, а потом мои родичи и друзья. И я не собираюсь позволить употреблять себя в этом долбаном мире, будто я тупая скотина и не гожусь ни для чего большего, нежели грузить уголь или готовить мясные консервы!

— Но ведь ты и сам себя эксплуатировал,— ответил ему Райдер,— да и все мы так. Я заработал кучу денег, и ты тоже. А что из этого вышло? Мы тратили больше, чем имели, на огромные дома и бешеные автомобили, на дурацкие проекты и на водку, на шлюх и на то, чтобы выпендриваться перед публикой. Мы не умели играть рисково, прижимая свои карты к груди, не сумели удержать свои денежки, не сумели легко относиться к потерям, не смогли дожить до преклонных лет в покое и изобилии. Но...

Фаррингтон снова взорвался смехом.

— А у нас с тобой так все равно бы не получилось, верно? Это было бы против нашей природы, Текс. Живи, жги свечу с обоих концов, крути огонь и красоту, как ярмарочное колесо святой Екатерины, а не плетись как мерин, что вертит жернов на мельнице! И вертит его только ради того, чтоб кастрированной скотиной отправиться на сочное пастбище, а не на фабрику, где из тебя сварят клей. А ради чего? О чем он будет размышлять, этот мерин, пережевывая траву? О долгой серенькой жизни и коротеньком сереньком же будущем?

Звякнули чаши. Затем Фаррингтон начал рассказывать Райдеру о своей поездке из Сан-Франциско в Чикаго. Он представился в поезде очаровательной женщине, которая ехала в сопровождении горничной и ребенка. После часового знакомства женщина пошла с ним в его купе, где они трахались как бешеные норки три дня и три ночи.

Тогда я решил, что сейчас самое время сматываться. Встал и прошел к передней мачте, где болтали Эбигейл Райс и Нур. Мустафа, видимо, все же не заподозрил меня в подслушивании.

С тех пор я все время бьюсь над загадками. Кто такой этот «он», которого так часто упоминали Фаррингтон и Райдер? Очевидно, он должен быть одним из тех, кто создал для нас этот мир, а затем воскресил нас из мертвых. Возможно ли это? Идея кажется столь необъятной и столь не поддающейся пониманию! И все же — кто-то ведь должен был сделать это? Только вместо единственного числа лучше употреблять множественное. Да, во многих отношениях это действительно настоящие боги.

Если Райдер говорит правду, то в Полярном море стоит некая Башня. По логике вещей это должна быть база тех, кто сотворил этот мир, база наших таинственных владык. Да, я знаю, это звучит как фантазия параноика. Или научно-фантастическая повесть, большая часть которых, по правде говоря, пишется параноиками. За исключением очень немногих, которые разбогатели, все писатели-фантасты убеждены, что их тайные (и не очень тайные) властители — издатели. Даже богатые писатели и те не слишком-то доверяют отчетам об отчислении потиражных гонораров. Может, эта Башня обитаема заботами каких-нибудь супериздателей? (Это я так шучу, Боб. Шутка помогает моим размышлениям.)

А может, Райдер врет? Или врал его информатор Пахери? Я в это не верю. Совершенно очевидно, что к Райдеру и Фаррингт-

тону обращался один из этих всемогущих. Не придумали же они эту историю специально для подслушивавшего?

А может, придумали?

Трудно определить предел, до которого могут дойти те, у кого крыша поехала.

Нет, они обсуждали событие, имевшее место в действительности. Если они были столь небрежны, что оставили люк открытым и не говорили шепотом, то все это вполне естественно. После всех этих лет почему бы и не забыть об осторожности?

И уж если на то пошло, то почему бы и не рассказать об этом всему свету?

Кто-то за нами следит. Кто? Зачем?

Мой мозг рыщет, как лодка без руля, бросается из стороны в сторону, ныряет вверх и вниз. Так много предположений, так много возможностей! И я думаю — ну и ну! Какой рассказ мог бы получиться! Как жаль, что я не набрел на такой сюжет, когда сам писал научную фантастику. Но концепция планеты, состоящей из извивов многомиллионокилометровой Реки, вдоль которой живет все человечество, когда-либо жившее на Земле и теперь воскрешенное (ну не все, так большая часть), показалась бы слишком грандиозной, чтоб сунуть ее в один томик. На это дело понадобилось бы по меньшей мере томов двенадцать, чтоб воплотить идею близко к тому, чего она заслуживает. Нет, я рад, что до такого не додумался!

В свете всех последних событий что мне следует предпринять? Посылать это письмо или разорвать? Оно все равно, конечно, в твои руки не попадет, на это нет ни единого шанса. А в чьи попадет?

Вполне возможно, оно будет подобрано кем-то, кто даже читать по-английски и то не умеет.

Но почему я боюсь, что оно попадет в плохие руки? Не знаю. Но где-то под поверхностью каждодневной жизни этой долины идет мрачная тайная борьба. Я намерен выяснить, что она собой представляет. Но дальше следует продвигаться с большой осторожностью. Какой-то внутренний голос твердит мне, что для меня было бы куда лучше не знать обо всем этом ни шиша.

Но кому, собственно говоря, я тогда пишу все эти послания? Возможно, самому себе, ибо надеюсь (без всякой надежды на успех), что случится чудо и одно из них приплывет в руки кого-

то, кого я знал и любил или, во всяком случае, с кем был хорошо знаком.

И все же в этот самый момент, когда я смотрю на множество людей, сгрудившихся на берегу Реки, возможно, что мой взгляд останавливается на фигуре человека, которому я адресовал хоть одно из этих писем. К сожалению, корабль плывет по самой середине Реки, и я нахожусь слишком далеко, чтоб узнать того, с кем я так жажду встретиться.

Боже Всемогущий! Сколько людей я перевидал за эти двадцать лет! Миллионы, куда больше, чем я видел на Земле. Некоторые из этих людей существовали триста тысяч лет назад или даже больше. Бесспорно, среди них должны быть и представители моих предков, в том числе и неандертальцев. Некоторое число homo neandertalis благодаря смешанным бракам было поглощено homo sapiens, как тебе хорошо известно. И благодаря перемещениям больших человеческих масс в доисторические и исторические времена, миграциям, вторжениям, работорговле и отдельным путешествиям некоторые, а может, и многие монголоидные, американоидные, австралоидные и негроидные особи, которых я видел,— это мои предки.

Подумай об этом! Каждое поколение наших предков, уходя в бесконечную даль веков, удваивает свою численность. Вы родились в 1925 году. У вас было двое родителей, родившихся в 1900 году (да знаю я, что ты родился в 1923 году, а твоей матери было 40 лет, когда она тебя родила. Но я беру идеальный усредненный случай).

Родители ваших родителей родились в 1875 году. Их четверо. Удваивайте число ваших предков каждые 25 лет. К 1800 году их у вас уже 32. Большинство их друг друга и в глаза не видало, но судьба предназначала их быть вашими прапрапрадедами.

В 1700 году н. э. у вас уже 512 предков, в 1600-м — 8192, в 1500-м — 131 072, в 1400-м — 2 097 152, в 1300-м — 33 554 432. А к 1200 году у вас имеется 536 870 912 предков.

И у меня то же самое. И у каждого так. Если мировое население в 1925 году составляло, скажем, два миллиарда (не помню, сколько на самом деле), то умножьте это на число ваших предков в 1200 году и получите больше одного квадрильона. Невозможно? Верно, невозможно!

Я только что вспомнил, что в 1600 году все население мира исчислялось всего лишь в 500 миллионов! А в I веке н. э. оно

оценивалось в 138 миллионов. Так что вывод ясен. Существует невероятное число кровосмешений — близких и далеких,— совершенных в давние времена. Не говоря уж о настоящем. Возможно, они начались еще на заре человечества. Так что я и ты — родственники. А фактически — мы все родственники, да еще по многим линиям. Сколько китайцев и черных африканцев, родившихся в 1925 году, являются твоими и моими дальними кузенами? Я бы сказал — очень много.

Так что лица, которые я вижу на обоих берегах, когда плыву по Реке,— это лица моих кузенов. Хелло, Ханг-Чу, Яйяа, Булабула! Как делишки, Гайавата? Хайль, Ог сын Огня! Но если б они даже знали об этом, они бы ничуть не стали относиться ко мне дружелюбнее. И vice versa. Самые свирепые свары и самые обильные кровопускания имели место среди родственников. Гражданские войны — самые жестокие. Но раз мы все кузены, то все войны — гражданские. Ужасно не по-граждански это, надо признаться. Парадокс человеческих отношений. Вот возьму да и отстрелю у тебя задницу, братишка!

Марк Твен был прав. Ты когда-нибудь читал его «Рассказ капитана Стромфилда о его путешествии на Небеса»? Старина Стромфилд был здорово шокирован, когда, пройдя сквозь Жемчужные врата, обнаружил там такое огромное количество черненьких. Подобно всем нам — бледнокожим арийцам — он представлял Небеса битком набитыми белыми лицами, с отдельными вкраплениями желтых, коричневых и черных. Только все оказалось не так. Он забыл, что темнокожие люди численно всегда превосходили белокожих. Поэтому на каждое белое лицо капитан видел два темных. Ну и тут у нас то же самое. Снимаю перед вами шляпу, мистер Твен. Вы точно предсказали, как это будет на самом деле.

Итак, мы тут все собрались в мире Реки, не зная, почему и зачем. Точно как на Земле. Конечно, есть немало людей, которые уверяют, что им все известно. Есть две главные Церкви — шансеры и нихиреиты, а также тысячи сект реформированных христиан, мусульман, иудеев, буддистов, индуистов и бог еще знает кого. Бывшие диасы и конфуцианцы говорят, что им все до лампочки: эта жизнь в целом лучше, чем прежняя. Тотемистам тут хуже, поскольку зверей на планете нет. Но это, правда, не означает, что духи тотемов здесь отсутствуют. Многие дикари, с которыми я встречался, видят свои тотемы во сне или они являются им в видениях. В большинстве же случаев они обратились к каким-нибудь «высшим» религиям.

Есть тут еще Нур эль-Музафир. Он суфий. Когда он проснулся тут, то испытал такой же шок, как и другие. Но он не пришел в отчаяние, а просто пересмотрел свои взгляды tout de suite*. Он говорит, что те существа, которые сотворили этот мир, сделали это, имея в виду лишь наше благо. Иначе зачем бы все эти затраты и труды? (Говоря так, он чем-то напоминает мне зазывалу в цирке. Но он искренен. Что отнюдь не означает, что он знает, о чем говорит.)

Нам не следует занимать свои умы вопросами «кто?» или «как?», утверждает Нур. Следует думать лишь о «зачем?». В этом отношении он сходен с шансерами. Но я вижу, что моим запасам бумаги пришел конец. А потому адью, адио, села, амен, шолом и пока (английское «пока» — «so long» идет от «селанг» — мусульмано-малайского произношения арабского слова «салам» — привет). Дружески и нравоучительно твой пребывающий в самом чреве непонятно чего Питер Джейрус Фрайгейт.

P. S. Все еще не знаю, отправлю ли я это послание in toto**, отцензурирую ли его или использую в качестве туалетной бумаги.

Глава 41

В середине Река имеет в ширину 2,4135 километра, или полторы мили. Иногда она суживается, превращаясь в канал, зажатый между уступами высоких холмов. Как бы ни менялась ширина, глубина Реки остается постоянно одной и той же — около 305 метров, или немногим более 1000 футов.

Нигде на протяжении всей Реки не наблюдается береговой эрозии. Трава низменности сменяется водяными растениями прямо у уреза воды, и водяная растительность буйно покрывает склоны и дно русла. Корни водяных растений и растений суши переплетаются, образуя плотную органическую массу. Травяной покров представлен не отдельными травинками — это единый растительный организм.

Водяные растения поедаются многообразным миром рыб как на подводных склонах, так и на самом дне. Многие виды рыб

* Целиком, полностью *(фр.)*.

** Целиком *(лат.)*.

обитают только в верхних слоях воды, куда проникает солнечный свет. Другие — бледные существа, но ничуть не менее прожорливые — кочуют на средних глубинах. Во тьме придонных слоев ползает, карабкается, извивается, плавает, перемещается с помощью динамического выброса воды множество удивительных жизненных форм.

Некоторые пожирают мучнисто-белых, будто пораженных проказой, укоренившихся особей, которые напоминают видом цветы, другие же сами захватываются и поедаются этими донными существами. Третьи — большие и маленькие — медленно ползут по песку с широко разинутой пастью, собирая микроскопических обитателей, которые живут и в более высоких водных горизонтах.

Самыми огромными, куда большими, чем голубые киты Земли, являются хищные рыбы, именуемые речными драконами. Вместе с другими, более мелкими видами они обладают способностью то разбойничать на дне, то грабить верхние горизонты, не испытывая ни малейших неудобств от смены давления.

Другая рыба имеет много названий, но по-английски ее зовут «квакун». Величиной она с немецкую овчарку, ползает медленно, как слизняк, и ненасытна, как свинья. Это главный ассенизатор Реки, и она пожирает все, что не оказывает сопротивления этому процессу. Большая часть диеты квакуна — это человеческие экскременты.

Будучи двоякодышащей, эта рыба по ночам питается также и на суше. Немало людей пугалось до полусмерти, встретив в тумане ее огромные выпученные глаза или наступив на покрытое слизью тело, когда она ползает по берегу, отыскивая объедки и всякий съедобный мусор.

Пожалуй, не меньше, чем внешний вид, пугает издаваемый этой рыбой громкий квакающий звук, который невольно приводит на память истории о чудовищах и привидениях.

В этот день года двадцать пятого П. В. один из этих омерзительно воняющих поедателей падали находился возле самого берега. Течение тут было слабее, чем на середине Реки. Однако и тут ноги-плавники рыбы работали на предельной скорости, изо всех сил стараясь удержать ее на месте и не дать течению снести ее назад. И вдруг нос квакуна учуял аромат дохлой рыбы, которую течение несло прямо к нему. Квакун разинул пасть и слегка изменил свое положение, с таким расчетом, чтоб труп попал ему прямо в раскрытый рот.

Вслед за дохлой рыбой плыл еще один предмет. И трупик, и этот предмет попали в пасть квакуна; рыба легко проскочила в глотку, больший же предмет сначала было застрял, но в конце концов конвульсивные глотательные движения отправили его вслед за дохлятиной.

Почти пять лет водонепроницаемый бамбуковый контейнер с письмом Фрайгейта Роригу плыл вниз по Реке. Учитывая большое число рыбаков и путешественников, можно было ожидать, что его подобрали и вскрыли уже давно. Однако все живые существа его проигнорировали, кроме того квакуна, главной целью которого был деликатесный кусок тухлятины.

За пять дней до того, как путешествию контейнера пришел конец, он проплыл мимо того места, где проживал его предполагаемый адресат. Но Рориг в это время находился в своей хижине, в окружении каменных и деревянных скульптур, которые он вырезал, дабы обменять на самогонку и сигареты. Рориг пытался отоспаться после плачевных последствий совершенно потрясной пьянки.

Возможно, это было совпадение, а может, ответственность ложилась на некий психологический феномен, состоящий в сверхчувственной связи между адресатом и автором письма. Но какова бы ни была причина, Роригу (именно в то утро) снился Фрайгейт. Он снова оказался в 1950 году, когда был студентом выпускного курса, материально поддерживаемым законом о льготах бывшим военнослужащим и работающей женой.

Это был теплый денек в конце мая (Майский день! Майский день!)*. Рориг сидел в маленькой комнате перед очами трех д. ф.** Это был день сведения счетов. После пяти лет трудов и стрессов в святилище науки он должен был получить или потерять свой приз — степень магистра искусств по английской литературе. Если он проскочит устную защиту своей диссертации, то его выпустят в мир в качестве преподавателя английского языка в старших классах средней школы. Если провалится, ему придется учиться еще шесть месяцев, а затем защищаться во второй и в последний раз.

Теперь три преподавателя, хотя и улыбались, палили по нему вопросами, будто они были стрелками, а он — мишенью; впрочем, так оно и было. Рориг не очень нервничал, ибо его диссер-

* Международный сигнал бедствия «Помогите!» на морском жаргоне.

** Доктор философии.

тация посвящалась средневековой поэзии Уэльса — вопросу, который он выбрал потому, что считал, будто профессора мало чего петрят в такой узкой проблеме.

Он был прав. Но Элла Резерфорд — очаровательная дама сорока шести лет, хотя и преждевременно поседевшая, готова была на все, чтобы достать Рорига. Какое-то время они были любовниками и трахались два раза в неделю у нее на квартире. Затем в один прекрасный день они затеяли бешеный пьяный скандал по поводу вопроса о достоинствах Байрона как поэта. Рориг не слишком обожал его стишки, но был в восторге от байроновского стиля жизни, каковой и почитал за настоящую поэзию. Во всяком случае, в споре он занял сторону, прямо противоположную взглядам Эллы.

В результате он вылетел из квартиры, успев высказать ей несколько весьма горьких истин. И еще он проорал ей, что никогда в жизни не встретится с ней больше наедине.

Резерфордиха решила, что он влез к ней в постель только для того, чтоб получить по ее курсу наивысшие оценки, и что спор о Байроне он использовал, лишь чтобы перестать заниматься любовью с женщиной средних лет. Тут она ошибалась. Рорига неотразимо влекли к себе пожилые женщины. Однако он находил ее претензии и требования слишком обременительными. Он уже не мог удовлетворять ее аппетиты, аппетиты двух жен первокурсников, двух супруг приятелей, барменши, обеспечивающей ему даровую выпивку, да еще смотрительницы того многоквартирного дома, где он жил.

Пятерых — еще куда ни шло. Восьмерых — нет. У него не хватало на них ни времени, ни энергии, ни спермы, и он засыпал прямо в классной комнате. Поэтому он весьма искусно затеял спор со своей профессоршей, с женой первокурсника (поговаривали, что у нее триппер) и женой приятеля (она была уж очень эмоционально ненасытна).

И вот сейчас Резерфорд, сузив свои водянистые голубенькие глазки, говорила:

— Вы прекрасно защищались, мистер Рориг. Пока.

Она сделала паузу, а он окоченел. Ему свело анус. Пот лился по лицу и из-под мышек. У него мелькнуло видение — вот она сидит целыми ночами и обдумывает, как бы половчее достать его, найдя для этого особо жуткий и невероятно унизительный способ.

Доктора Дарем и Пар прекратили барабанить пальцами. Тут явно наклевывалось нечто интересное. Их коллега вся светилась, как светятся глаза тигра, готового прыгнуть на дрожащего ягненка. Молния готовилась ударить, а несчастный кандидат явно не имел никакого громоотвода, разве что он был спрятан у него в заднице.

Рориг покрепче ухватился за подлокотники кресла. Пот крупными каплями выступил на его лбу, как у мыши, испугавшейся головки швейцарского сыру. Ледяной пот стекал из-под мышек прямо в рукава рубашки... Что-то будет, какая-то чертовщина готовится, думал Рориг.

— Похоже, вы тщательно изучили свой предмет. Вы предоставили нам поразительную демонстрацию знаний в весьма малоизвестном разделе поэзии. Уверена, мы все гордимся вами. С вами мы не теряли даром времени в аудитории.

Поганая сучка хочет сказать, что она даром теряла время со мной *вне* аудитории! Но это был просто обманный выпад, реплика, которая ранит, но не убивает. Она придумала для него настоящий большой провал. Редко, почти никогда, профессор поздравляет кандидата на степень во время пытки. После — да, когда комиссия уже проголосовала и защита зачтена.

— А теперь... скажите мне...— тянула резину Резерфордиха.

Она снова сделала паузу. Еще один поворот зажимного винта...

— Скажите мне, мистер Рориг, а где *находится* этот Уэльс?

Что-то оборвалось и с грохотом покатилось на самое дно его желудка. Рориг прижал ладони к вискам и застонал.

— Пресвятая Дева! Попался! Божья моча!

Доктор Пар — декан женского отделения — побелела. Впервые в жизни она услыхала подобную похабель.

Доктор Дарем, который нередко пускал слезу, читая поэзию своим студентам, выглядел так, будто сейчас грохнется в обморок.

Доктор Резерфорд, обрушив свой громовой удар, улыбалась, без жалости и снисхождения оглядывая останки своей жертвы.

Но Рориг все еще сопротивлялся. Он отказывался идти на дно со спущенными флагами и без оркестра, играющего «В руци твои, о Господи». Он улыбнулся так, будто горшок с золотом на конце радуги еще не превратился в мгновение ока в горшок с дерьмом.

— Я не знаю, как вы это сделали, но вы меня *достали*. О'кей, я никогда и не представлялся человеком без изъянов. Что же будет дальше?

Вердикт: не защитил. Приговор: шесть месяцев испытательного срока и новая попытка в конце его.

Позднее, когда они с Резерфорд оказались одни в холле, она сказала:

— Я предлагаю тебе, Роберт, подучиться еще и географии. Я даже намекну тебе: Уэльс недалеко от Англии. Но я сомневаюсь, что мой совет пойдет тебе на пользу. Ты ж и собственную задницу не узнаешь, даже если ее преподнести тебе на серебряном подносе.

Его друг Питер Фрайгейт ждал в дальнем конце холла. Пит учился в группе более пожилых студентов, которых назвала бородачами одна первокурсница, обожавшая крутиться возле них. Все это были ветераны, чье обучение в колледже было прервано войной. Они, их жены и любовницы вели жизнь, которую называли богемной. Это были неизвестные предвестники битников и хиппи.

Когда Рориг подошел поближе, Фрайгейт вопросительно глянул на него. И хотя Рориг был близок к истерике, он все же натянул на лицо улыбочку пошире и начал ржать во все горло:

— Ты не поверишь, Пит!

Фрайгейт действительно с трудом мог поверить, чтобы кто-то, окончивший хотя бы шесть классов школы, не знал, где находится Уэльс. Когда он наконец в этом убедился, то тоже стал хохотать.

— Но как эта облезлая лиса обнаружила мое слабое место? — вопил Рориг.

— Понятия не имею, но она великолепна,— ответил Фрайгейт.— Слушай, Боб! Не надо так огорчаться. Я знаю одного отличного хирурга, который не помнит, ходит ли Солнце вокруг Земли или она вращается вокруг него. Он говорит, что такие знания ни к чему тому, кто копается в человеческих кишках.

Но для специалиста по английскому языку... уж он-то должен знать! Ох! Ха-ха!

А затем, как это бывает в полных непоследовательности снах, которые столь часто создает Великий Сценарист Снов, Рориг оказался совсем в другом месте.

В густом тумане он гнался за бабочкой. Она была очаровательна, и особенно ценной ее делало то обстоятельство, что она

была единственной в своем роде, и только Рориг знал о ее существовании. Ее тело горело лазурью и золотом, усики — киноварью, а вместо глаз сверкали зеленые сапфиры. Король гномов сковал ее в Черных горах, а Волшебник из страны Оз искупал в живой воде.

Порхая на расстоянии какого-то дюйма от вытянутой руки Рорига, бабочка вела его сквозь туман.

— Постой же ты, сукина дочь, подожди!

Он рванулся через пространство, которое, казалось, измерялось целыми милями. Смутно, краем глаза он видел в клубах тумана какие-то формы, застывшие в таком спокойствии и в такой неподвижности, будто их вырезали из кости. Дважды он различил странные фигуры — одна носила корону, у другой была голова лошади.

Внезапно один из этих темных объектов загородил ему дорогу. Рориг остановился — по непонятным причинам ему казалось, что обойти этот объект невозможно. Бабочка повисла над вершиной этой фигуры, а затем опустилась на нее. Ее зеленые глаза горели, а две передние лапки как бы в насмешку поглаживали усики.

Медленно продвигаясь вперед, Рориг увидел, что дорогу ему загораживает не кто иной, как Фрайгейт.

— Не вздумай ее тронуть! — свирепо прошипел Рориг.— Она моя!

Лицо Фрайгейта было не более выразительно, чем рыцарское забрало. Оно всегда казалось Ригу лицом каменного истукана, особенно когда на Фрайгейта находили приступы ярости и он набрасывался на любого человека, попавшегося ему на глаза. Это всегда злило Рорига, а сейчас довело чуть ли не до умопомрачения.

— Прочь с дороги, Фрайгейт! Отойди в сторону, иначе я тебе все кости переломаю!

Испуганная этим взрывом эмоций, бабочка скрылась в тумане.

— Не могу,— ответил Фрайгейт.

— Почему это? — взревел Рориг, подпрыгивая на месте от разочарования.

Фрайгейт ткнул пальцем вниз. Он стоял на большом красном квадрате. К нему прилегали другие квадраты — одни белые, другие — красные.

— Меня не так поставили. И не знаю, что из-за этого может случиться в дальнейшем. По правилам меня нельзя ставить на

красный квадрат. Но кто считается с правилами, я тебя спрашиваю! Кроме пешек, разумеется?

— Может, я могу тебе помочь? — спросил Рориг.

— А как ты это сделаешь? Ты и себе-то помочь не можешь!

Фрайгейт ткнул рукой куда-то за спину Рорига:

— Сейчас оно тебя схватит. Пока ты тут гонялся за бабочкой, оно охотилось за тобой.

Рориг вдруг сильно испугался. Что-то преследует его, нечто такое, что собирается обойтись с ним без всякой жалости.

В отчаянии он попытался рвануться вперед, перепрыгнуть через Фрайгейта или обойти его. Но красный квадрат держал его не менее крепко, чем самого Фрайгейта.

— Пойман!

Он все еще видел ту бабочку — точку, пылинку, быстро исчезавшую в тумане. Навсегда.

Туман сгущался. Фрайгейт уже смотрелся как расплывчатое темное пятно.

— Я сам буду устанавливать правила! — завопил Рориг.

Из тумана, откуда-то спереди донесся шепот:

— Тихо ты! Оно тебя услышит!

Рориг внезапно проснулся. Его сожительница зашевелилась.

— Тебе плохо, Боб?

— Я тону в прибое непрерывности...

— Чего-чего?

— Ну... тогда прерывности...

И он опять погрузился в доисторический первобытный океан, в те глубины, где утонувшие боги торчали из вязкой тины под самыми сумасшедшими углами и глядели прямо перед собой холодными рыбьими глазами под обросшими ракушками коронами...

Ни он, ни Фрайгейт не знали, что Рориг мог бы ответить на один из вопросов, содержащихся в письме Фрайгейта. Рориг пробудился в День воскрешения на далеком севере. Его соседями оказались доисторические скандинавы, индейцы из Патагонии, монголоиды эпохи оледенения и сибиряки из конца XX века.

Рориг быстро овладел новыми языками и вскоре уже болтал на десятке, хотя ему так и не удалось добиться правильного произношения, а синтаксис он вообще угробил без всякой пощады. Как и всегда, он вскоре уже чувствовал себя там как дома и быстро приобрел новых друзей. На какое-то время за ним установилась репутация чего-то вроде шамана. Шаманы, однако, если они хотят добиться успеха, должны относиться к делу серьезно, а Рориг относился серьезно только к занятиям скульптурой. А кроме того, ему здорово поднадоел холод. Сам-то он был солнцепоклонником; свои самые счастливые дни он провел в Мексике, где был первым помощником на маленьком каботажном суденышке, перевозившем замороженных креветок из Юкатана в Браунсвилл (Техас). Недолгое время он даже занимался нелегальной торговлей оружием, но бросил это дело после нескольких дней, проведенных в мексиканской каталажке. Из Мексики пришлось смотаться. Властям не удалось доказать его вину, но они прозрачно намекнули, что ему лучше бы покинуть страну.

Только-только он собрался уплыть в долбленом челноке вниз по Реке в поисках более теплого климата, как в их места прибыла Агата Крумз. Агата была чернокожая, родилась в 1713 году, умерла в 1783-м. Она была освобожденной рабыней, принадлежала к какой-то захудалой баптистской секте, где произносила проповеди, немного кликушествовала; четыре раза выходила замуж, родила десятерых детей и курила трубку.

Она воскресла в сотне тысяч питающих камней отсюда и вот теперь оказалась тут. Ей было видение, в котором Бог повелел ей идти к Его обители на Северном полюсе, где Он вручит Агате ключ к грядущему царству, к славе и вечному спасению, к проникновению в смысл Времени, Вечности, Пространства и Бесконечности, Созидания и Разрушения, Смерти и Жизни. Она станет одной из тех, кто сбросит Диавола в геенну огненную, запрет его там и выбросит прочь ключи.

Рориг решил, что она безумна, но заинтересовался ею. Кроме того, у него тоже были кое-какие соображения, что разгадка тайн этого мира, возможно, находится где-то в истоках Реки.

Он знал, что еще никто не осмеливался проникнуть в покрытые туманом земли, лежащие к северу. Если он присоединится к отряду Агаты из одиннадцати человек, он окажется в числе первопроходцев, покоривших Северный полюс. А если удастся, то сможет оказаться и самым первым человеком, вступившим на него. Когда цель будет уже совсем близка, он собирался рвануть вперед и установить в точке Северного полюса каменную статуэтку, изображающую его самого и с его же инициалами, вырезанными на пьедестале.

И с этой поры каждый, кто забредет в те края, будет знать, что его рекорд уже побит Робертом Ф. Роригом. Агата, однако, не соглашалась брать его с собой, если он не обратится душой к Богу и Священному Писанию. Рориг ненавидел ложь, но постарался доказать себе, что он вовсе не обманывает Агату. Вера в Бога ютилась в нем где-то глубоко-глубоко, хоть он не знал его имени — то ли Иегова, то ли Рориг. Что же до Библии, то это была книга, а все книги говорили истину в том смысле, что их авторы верили, будто пишут нечто вроде истины.

Еще прежде, чем экспедиция добралась до последнего питающего камня, пять человек повернули обратно. Когда остальные добрались до колоссальной пещеры, откуда вырывалась Река, еще четверо решили, что умрут с голоду, если будут продолжать идти вперед. Рориг пошел с Агатой Крумз и Уинглетом — выходцем из индейского племени, которое еще в раннем каменном веке переселилось из Сибири на Аляску. Рориг с радостью повернул бы обратно, но он даже себе не собирался признаваться, что у него меньше храбрости, чем у безумной негритянки и дикаря из палеолита.

Кроме того, проповеди Агаты почти убедили его, что у нее действительно было видение. Может, Всемогущий Бог и Сладостный Иисус ждут его! Значит, следует придерживаться выработанного распорядка действий.

После того как они проползли по карнизу внутри пещеры и Уинглет сорвался и упал в Реку, Рориг признался себе, что он такой же псих, как Агата. И все же пошел дальше.

Когда они дошли до места, откуда карниз круто пошел вниз — в туман, в тот туман, что накрывал все море и заглушал рокот прибоя, слабо доносившийся до них, они оба уже совсем ослабели от голода. Назад пути не было. Если через день они не добудут пищи, они умрут. Агата сказала, что так необходимая им пища уже совсем близко. Она знает это, ибо ей было видение, пока они спали на карнизе в пещере.

Рориг смотрел, как она уползала от него. Потом пополз за ней. Но он бросил позади свой грааль, так как был слишком слаб, чтоб тащить его за собой. Черт с ним, подумал он, и пополз дальше по тропе.

До конца он не дополз. Слабость победила его; ноги и руки уже не желали повиноваться приказам воли.

Убила его жажда еще до того, как голод всерьез принялся за дело.

Казалось иронией — Река бежит под ним, а напиться нельзя — нет веревки, чтоб опустить грааль и зачерпнуть бесценную влагу. Море билось о камни у подножия утесов, а Рориг не мог до них добраться.

Кольриджу это понравилось бы, подумал он, жаль, что я не таков. Потом он пробормотал: теперь я уж никогда не получу ответов на свои вопросы. Впрочем, может, это не так уж и плохо — очень возможно, они не пришлись бы мне по вкусу.

А вот теперь Рориг беспокойным сном спал в хижине у Реки в экваториальной зоне. Фрайгейт же стоял на вахте на палубе судна и посмеивался. Он вспоминал историю, случившуюся с Роригом на защите диссертации.

Возможно, причиной одновременного пробуждения в их памяти воспоминаний об этом инциденте была телепатия. Однако предпочтительнее в данном случае использовать бритву Оккама, которая остра, но используется так редко. Поэтому назовем этот случай совпадением.

Квакун устроился прямо на пути плывущей в его направлении дохлой рыбы. Труп ее свободно вошел в широко раскрытую пасть амфибии. Письмо Фрайгейта вместе со своим контейнером, следовавшим в сантиметре от дохлой рыбы, тоже было проглочено. Они друг за другом прошли по пищеводу, чтоб спокойно улечься в брюхе квакуна.

Его желудок мог легко расправиться с мусором и экскрементами, с гниющей плотью — тоже. Но целлюлозное волокно бамбука было слишком жестким, чтоб превратить его в приемлемую для пищеварения форму. Не выдержав длительной и острой боли, квакун издох, безуспешно пытаясь освободиться от контейнера.

Письма частенько убивают наш дух; иногда же это может сделать и конверт.

Глава 42

Все кругом орали и поздравляли счастливчиков. Люди сгрудились вокруг Джилл, тискали ее, целовали, против чего она на этот раз нисколько не возражала. Конечно, большая часть выражений приязни была порождена выпивкой, это Джилл прекрасно понимала, но все же она ощущала, как в ней самой растут и крепнут теплые чувства к окружающим. Если б они были недо-

вольны, то их отношение скорее уж нашло бы выражение в открытой враждебности. В конце концов, возможно, к ней относились совсем не так плохо, как она думала. Вот и Давид Шварц, который, как она когда-то подслушала, называл ее замороженной старой девой, сейчас хлопает ее по спине и поздравляет.

Анна Обренова стояла рядом с Барри Торном, хотя за весь вечер они вряд ли обменялись несколькими словами. Анна улыбалась, будто даже радовалась, что ей предпочли Джилл Галбирру. Может, ей действительно все равно? Джилл предпочитала думать, что маленькая блондинка просто кипит от ненависти, но, конечно, не исключена и ошибка. Могла же Анна относиться к Джилл, исходя из соображений здравого смысла? В конце концов, она пришла в проект к шапочному разбору, а Джилл отдала тысячи часов строительству корабля и подготовке экипажа.

Фаербрасс орал, требуя тишины. Громкие разговоры и пение наконец стихли. Затем он выкрикнул, что сейчас объявит офицерские назначения, и ухмыльнулся ей исподтишка. Она чувствовала, что сейчас упадет в обморок. Его улыбка была издевательской, уж в этом-то она была уверена. Он намеревался отплатить ей за все колючие замечания, которые она ему отпускала. Шпильки эти были вполне оправданными, ибо она не собиралась никому позволить обскакать себя только потому, что она женщина! Но в нынешней ситуации он вполне в состоянии отплатить ей...

И все же он поступил правильно и сейчас, по всей видимости, радовался, что поступил так, как надо было поступить.

Джилл, расплываясь в счастливой улыбке, поднялась к нему сквозь толпу, обняла за шею и разрыдалась. Он вложил ей глубоко в рот свой язык и похлопал по заду, но на этот раз ей нисколько не были противны эти непрошеные любезности. Фаербрасс вовсе не собирался воспользоваться ее эмоциями, и в его поведении не было ни малейшего намека на самодовольную снисходительность. Она, в конце концов, могла ему просто нравиться, а может быть, и сексуально привлекала его.

Анна, все еще улыбаясь, протянула ей руку и сказала:

— Мои искренние поздравления, Джилл.

Джилл пожала ее нежную и прохладную руку и ощутила иррациональное, почти непобедимое желание вырвать эту руку из сустава, но ответила:

— Очень признательна вам, Анна.

Торн помахал ей рукой и что-то крикнул, надо думать, поздравительное. Однако подойти к ней поближе не пытался.

Через минуту она, еще в слезах, выскочила из бального зала. Но еще до того, как Джилл добралась до дома, она успела возненавидеть себя за то, что выдала всем свои чувства. Она никогда не плакала на людях, не проронила ни слезинки даже на похоронах родителей.

Слезы высохли, стоило ей подумать об отце с матерью. Где они сейчас? Что делают? Как было бы здорово повидать их снова! Именно так — здорово. Она не хотела бы жить рядом с ними. Они уже не были ее стариками — седыми, морщинистыми и толстыми, у которых один свет в окошке — внуки. Они должны выглядеть такими же юными, как и она, и имели бы с ней мало общего, за исключением каких-то общих воспоминаний. Они быстро надоели бы ей и vice versa. Было бы невозможно притворяться, что отношения ребенок—родители все еще существуют.

Кроме того, она думала о своей матери как о ничтожестве, как о тени отца, который был крикливым, бешеным и стремящимся к господству человеком. Она его не так уж и любила, хотя и погоревала немного, когда он умер. Но это потому, что она грустила о том, что могло было бы быть, а не о том, что было.

А вообще-то вполне возможно, что они опять умерли.

Впрочем, разве сейчас это имело бы какое-нибудь значение?

Нет, не имело бы. Но тогда откуда же этот, уже второй за вечер, поток слез?

Глава 43

— Ладно, ребята, вот мы и снова собрались вместе! На этот раз повод — будь здоров! Мы стартуем! Вперед к Великому Граалю, к Туманной Башне, к владениям Санта-Клауса на Северном полюсе, к святому Нику, раздающему нам дары воскрешения, вечной юности, даровой жратвы, выпивки и табака!

Сейчас тут собралось не меньше миллиона народу. Трибуны полны, холмы облеплены людьми, люди валятся с деревьев. У полиции дьявольская работа по поддержанию порядка. Отличный день — не правда ли, лучше, чем всегда? Поорать — это прекрасно, но я не думаю, что вы услышите хоть одно слово из того, что я говорю вам, даже через систему усилителей. Поэтому, ребята, пью за вас!

Ага, кто-то из вас все-таки расслышал! Шучу, ребята, просто стараюсь привлечь ваше внимание. Давайте-ка я расскажу вам опять о «Парсевале». Я знаю, у вас у всех есть проспекты, описывающие этот колоссальный воздушный корабль, но большинство из вас не умеет читать. Это, конечно, не ваша вина! Вы говорите на эсперанто, но у вас не было возможности научиться читать на нем. Ну и что ж, пусть! Только помолчите немного, и я смочу свою пересохшую глотку доброй порцией «черепного цвета»...

Ах-ах! Вот это ш-ш-шикарно! Плохо только, что я сегодня утоляю жажду с самого рассвета, а потому мне несколько затруднительно глядеть на белый свет. Даже думать противно о завтрашнем утре, но черт с ним! В этом мире приходится платить за все хорошее... не говоря уж о других мирах.

Вот он стоит, ребята, хотя вряд ли есть необходимость указывать вам на него. Тот самый «Парсеваль». Назван так Фаербрассом в честь человека, впервые в этом мире предложившего построить дирижабль, хотя после этого было немало споров о том, какое имя должно быть написано на этих серебристых боках.

Третий помощник Метцинг хотел назвать его «Граф Цеппелин-III» по имени человека, который первым создал дирижабль для перевозки грузов на регулярных линиях и особенно прославился военными цеппелинами.

Первый помощник Галбирра считала, что дирижабль следует назвать «Адам и Ева» в честь всей человеческой расы, поскольку дирижабль является нашим общим детищем. Она предложила еще названия «Королева небес» и «Титания»; последнее неизбежно приводит нам на память «Титаник», а вы знаете, что случилось с этим кораблем.

Ах нет, не знаете! Я позабыл, что большинство из вас о нем и не слыхивали.

Один из инженеров, сейчас не могу вспомнить, кто именно, был членом команды несчастной «Шенандоа» и хотел назвать наш корабль «Серебряным облаком». Так назывался аэростат в книге под названием «Том Свифт и его большой дирижабль».

Другой предлагал назвать его «Анри Жиффор» по имени француза, который летал на первом управляемом аэростате. Очень жаль, что Анри нет с нами и он не может видеть кульминации дирижаблестроения, высшей точки искусства воздухоплавания, последнего, лучшего и величайшего из всех воздушных кораблей. И очень жаль, что все человечество не может собраться здесь

и увидеть этот вызов богам, эту летающую боевую перчатку, брошенную в лицо силам там — наверху!!!

Извините меня на минутку, ребята. Время для нового возлияния в честь богов, которое прольется в эту пересохшую глотку, вместо того чтобы оросить сухую землю.

Ах-х-х! Отлично, ребятишки. Пейте со мной! Спиртяга даровой, за счет заведения, которое именуется государством Пароландо!

Итак, ребятки, наш уважаемый экс-президент Милтон Фаербрасс, он же экс-американец и экс-астронавт, решил назвать этого колосса «Парсеваль». А поскольку он тут главный босс, главный энчилада* и хозяин, поэтому корабль так и поименовали.

Поэтому... о да, я начал было выдавать вам статистику... Капитан Фаербрасс хотел построить величайший дирижабль всех времен и народов, и он этого добился. Большего корабля никогда не будет построено, поскольку быть того не может никогда! Может, ему следовало назвать корабль «Последний и наилучший»?

Итак, «Парсеваль» имеет 2680 футов, или 820 метров, в длину. Его самый большой диаметр 1112 футов, или 328 метров. Он берет 120 000 000 кубических футов, или 6 360 000 кубических метров, газа.

Оболочка состоит из специально обработанного дюраля и содержит 8 больших отсеков для газа и еще два малых — на носу и на корме. Первоначально предполагалось придать дирижаблю 13 наружных гондол — рулевую гондолу и 12 моторных, в каждой из которых установлено по два мотора. Помещение гондол снаружи диктуется опасностью возгорания со стороны легковоспламеняющегося водорода. Но испытания материала, из коего должны были быть сделаны перегородки между газовыми отсеками, показали, что этот материал — внутренности речного дракона — испускает газ... Шутка, ребята! А потому Фаербрасс приказал своим ученым создать пластик, который, так сказать, не пускал бы ветры!

Так они и сделали — ведь когда Фаербрасс говорит «прыгай!», то все тут же мчатся устанавливать новый рекорд — и... Что? Мой помощник Рэнди говорит, что все не могут одновременно уста-

* Мексиканские блинчики с мясом и перцем.

навливать один рекорд. Ну и что? Важно, что протечки водорода сведены к нулю.

Поэтому гондола управления и моторные гондолы находятся внутри корпуса, за исключением носовой и кормовой гондол.

Водород, между прочим, чистый на все 99,999 процента!

В дополнение к команде из 98 мужчин и женщин «Парсеваль» несет два вертолета, каждый на 32 человека, и глайдер на двух человек.

А вот парашютов нет. Сотня парашютов — большой груз, а потому было решено не брать их вообще. Вот пример настоящей уверенности в качестве! Кстати, у них ее куда больше, чем у меня!

Взгляните же на него, ребята! Ничего себе штучка получилась! Солнце сияет на его боках, вроде как он и есть слава Божия! Прекрасен, великолепен, потрясающ!

Великий день для человечества! А вот и оркестр, он играет увертюру к «Одинокому рейнджеру». Ха-ха! Просто такая шуточка, объяснение которой вам потребовало бы слишком много времени, ребята! На самом деле это увертюра к «Вильгельму Теллю», музыка Россини, кажется. Выбрана Фаербрассом, чтоб сопровождать старт, поскольку он помешан на этом бешеном отрывке. Да и другие почитатели есть, некоторых из них я вижу в толпе в эту самую минуту.

Дай-ка мне еще стаканчик амброзии, Рэнди! Рэнди — это мой помощник и магистр наук, ребята, автор научно-фантастических книг на Земле, а теперь главный контролер качества на всех спиртовых заводах Пароландо! Что можно приравнять к назначению волка сторожем при бифштексе.

А-ах! Роскошная штука! А вот и «Парсеваль» выводят из ангара! Его нос прикреплен к единственной в мире передвижной якорной мачте. Старт начнется буквально через несколько минут. Мне хорошо видно через лобовое стекло, что происходит внутри рулевой гондолы, или «мостика».

Человек в середине, сидящий за пультом управления,— уверен, и вы можете видеть его голову,— главный пилот Сирано де Бержерак. В свое время он был еще и писателем, писал романы о путешествиях на Луну и Солнце. Теперь он сидит в гондоле воздушного корабля, подобного которому он и во сне увидеть не мог, как не мог представить и себя отправляющимся в такое путешествие. Полет к Северному полюсу планеты, о которой никто, ни единая душа на Земле, насколько мне известно, даже в самых

диких фэнтези не читывала! И он будет парить там в голубой выси в величайшем из когда-либо построенных цеппелинов, в самом великом из всех, которые могут быть построены в будущем! Направляющийся к легендарной Башне в холодном мглистом море! Воздушный рыцарь, постземной сэр Галахад в поисках Великого Грааля!

Сирано командует всей операцией один. Корабль полностью автоматизирован, его моторы, и рули направления, и рули подъема — все они управляются с пульта управления всякими электротехническими штучками-дрючками. Нет нужды иметь рулевых направления или рулевых подъема, нет нужды в телеграфных сигналах инженерам-мотористам, как то бывало в старинных дирижаблях. Всего лишь один человек может пилотировать корабль все время полета к полюсу, если, конечно, он способен не дрыхнуть трое с половиной суток, то есть все предполагаемое полетное время. Более того, теоретически корабль может лететь и сам, без единой живой души на борту!

А справа от Сирано сидит капитан, наш дорогой Милтон Фаербрасс. В данный момент он приветствует того, кто сменил его на посту президента,— нашего популярнейшего Иуду П. Бенджамена, некогда жителя Луизианы и бывшего генерального прокурора бывших, но не обязательно ныне оплакиваемых Конфедеративных Штатов Америки.

Что такое? А ну-ка, убери лапы, приятель! Я ведь не намеревался оскорблять каких-нибудь граждан покойной Конфедерации. Заберите этого пьяного остолопа, полицейский!

А вон там — крайний слева — стоит пилот и третий офицер Митя Никитин. Он дал слово не пить во время полета и не прятать самогон за баллонами с газом, ха-ха!

Справа от Никитина — первый помощник Джилл Галбирра. Вы доставили нам немало неприятностей, миз Галбирра, но мы восхищаемся...

А вот и снова трубы. Какой рев! Вон капитан Фаербрасс машет нам рукой. Пока, mon capitaine, bon voyage!* Держите нас в курсе по радио!

А вот отдают концы на корме. Дирижабль слегка колышется, но нет — он уже успокоился. Я вижу, что балансировка проводилась часа два назад. Корабль столь хорошо ура... уро... вновь-

* До свидания, капитан, счастливого пути! *(фр.)*

шен, что один человек, стоя под его колоссальной массой, мог бы поднять эту махину одной рукой.

А сейчас отсоединяют от мобильной якорной мачты нос корабля. Сбрасывают немного водяного балласта. Извините, ребята! Мы ж говорили вам, что надо отойти подальше, хотя кое-кто из вас наверняка нуждается в хорошем душе.

Вот он слегка приподнимается! Ветер сносит его назад, к югу. Но пропеллеры уже начали вращаться под углом, направляя дирижабль вверх и к северу.

Пошел! Больше гор, легче перышка! К Северному полюсу и к Темной Башне!

Боже, кажется, я плачу! Должно быть, хватил лишку из чаши прощальной!

Глава 44

А высоко-высоко над миром поблескивала громада воздушного корабля, ниточкой втягиваясь в игольное ушко голубизны.

С высоты 6,1 километра, или немногим больше 20 000 футов, команде «Парсеваля» открывался обширный вид на мир Реки. Джилл, стоя у передней обзорной панели, видела извивающиеся параллели долин, бегущих к северу и югу прямо под ней, но делающих крутой изгиб к востоку, примерно в двадцати километрах от нее. Затем эти линии изгибались, как узкие малайские крисы, и тянулись на 100 километров волнистыми клинками одна за другой, пока не поворачивали на северо-восток.

То и дело Река отражала стрелы солнечных лучей. Миллионы людей на ее берегах и на самой Реке с такой высоты не были различимы, и даже самые крупные суда походили на плавники плывущего у самой поверхности воды речного дракона. Мир Реки выглядел так, как, вероятно, выглядел перед Днем воскрешения.

Фотограф в носовом куполе вел первую аэрофотосъемку планеты. И последнюю. Фотоснимки будут сравниваться с данными о меандрировании Реки, сообщенными по радио «Марком Твеном». Но все равно на карте, которую составляет картограф «Парсеваля», будут большие «белые пятна». Колесный корабль плавал далеко на юге — где-то у границы южной полярной области, где побывал уже несколько раз. Поэтому картограф дирижабля мог лишь сравнивать его описания с картами, изготовленными на

основе данных парусных кораблей, плавающих в Северном полушарии.

Зато картографу было по силам с помощью своей камеры и ее широкоугольного объектива разом покрыть те области, где «Марк Твен» окажется только в будущем.

Одновременно с фотосъемкой шли радарные измерения высоты горных стен между долинами. Пока наибольшая высота их достигала 4564 метров, или 15 тысяч футов. В большинстве же случаев она равнялась 3048 метрам, или 10 тысячам футов. Местами же стены поднимались лишь до 1524 метров — 5 тысяч футов.

До прибытия в Пароландо Джилл, как и многие другие, с кем она разговаривала, считала, что горы имеют высоту от 4564 до 6096 метров. Это были глазомерные прикидки, и, насколько ей было известно, вести инструментальные измерения тут никто и не пытался. И только когда она приехала в Пароландо, где уже имелись инструменты конца XX века, она узнала более точные данные.

Возможно, эффект близости горных стен создавал столь ошибочное представление. Они поднимались круто вверх, отвесные и такие гладкие после первых 305 метров, что взобраться по ним было просто немыслимо. Часто горы были наверху «толще», чем у основания, так что нависали карнизом над подножием и были недосягаемы даже для альпинистов, вооруженных стальными крюками, а такие, насколько знала Джилл, были только в Пароландо.

На вершинах ширина гор составляла 403 метра, или чуть больше четверти мили. И тем не менее и эти сравнительно маломощные пласты горной породы были непреодолимы без стальных буров и динамита. Конечно, можно было представить себе, что ты плывешь по Реке на север против течения, пока она не загибается и не начинает опять течь к югу. Там, при наличии бурового оборудования и взрывчатки, ты буришь дыру сквозь горную стену. Но кто скажет, сколько непреодолимых горных гряд тянется за этой побежденной тобой грядой?

«Парсеваль» преодолел северо-восточные, приземные воздушные течения экваториальной зоны. Пройдя штилевые широты, он воспользовался попутным ветром умеренной зоны. За 24 часа дирижабль пролетел расстояние, равное расстоянию от Мехико-Сити до южного берега Гудзонова залива в Канаде. Прежде чем истекут вторые сутки, он должен будет войти в область встреч-

ных ветров арктической зоны. О том, насколько они сильны, не знал никто. Ведь циркуляция атмосферы на этой планете должна была сильно отличаться от земной благодаря отсутствию разницы в атмосферном давлении между континентами и океанами.

Различия в высоте гор и ширине долин экваториальной зоны и умеренной бросались в глаза. Горы в жарких широтах обычно были выше, а долины уже.

Сочетание узких долин с высокими горами создавало здесь условия, сходные с теми, что существуют в шотландских гленах*. В умеренных зонах дожди выпадали ежесуточно, начинаясь около 15 часов (или 3 часов дня), а в экваториальных грозы, сопровождаемые ливнями, зарождались обычно примерно в 3 часа утра. В тропиках же подобные явления наблюдались реже, или, во всяком случае, их считали тут более редкими. Ученые Пароландо подозревали, что в горах спрятаны своего рода дождевальные машины, которые и обусловливают столь точное расписание дождей. Конечно, энергетические затраты в этом случае должны быть непомерны, просто непредставимо колоссальны. Но существа, которые могут обеспечить 36 миллиардов человек тремя ежедневными трапезами с помощью преобразователей энергии в материю, могли, разумеется, сконструировать и суточные изменения климата.

Каковы были источники этой энергии? Этого не знал никто, но наиболее вероятным ответом было использование тепла раскаленного ядра планеты.

Существовало мнение, что между корой планеты и ее глубинными зонами лежит своего рода металлический щит. Отсутствие вулканической деятельности и землетрясений в какой-то мере подкрепляло эту дикую гипотезу.

Поскольку на планете не было ни ледяных шапок, ни больших водных масс, которые могли бы создавать температурный градиент, сравнимый с земным, режим ветров тут должен был быть совсем другой. Но пока их общий характер мало чем отличался от земного.

Фаербрасс решил опустить корабль до высоты 3600 метров — немного выше 12 000 футов. Возможно, тут ветер будет послабее. Вершины гор теперь находились лишь в 610 метрах, или 2000 футах, ниже корабля, и эффект восходящих и нисходящих потоков

* Узкие долины в горах Шотландии.

воздуха в это время суток был достаточно сильным. Способность изменять наклон пропеллеров быстро скомпенсировала эти чередующиеся прыжки вверх и вниз. Зато скорость движения существенно возросла.

Около 15 часов Фаербрасс приказал поднять дирижабль над дождевыми облаками. В 16 он снова спустил его ниже, и «Парсеваль» величественно плыл над долинами. Когда солнце зайдет, горизонтальные и вертикальные воздушные потоки должны ослабнуть, и корабль пойдет ровнее.

Когда пришла ночь, водород в отсеках охладился, и кораблю пришлось задрать нос еще выше, чтобы придать ему динамический подъем, компенсирующий некоторое снижение плавучести.

Герметизированная рубка управления отапливалась с помощью электрообогревателей. И все же ее обитатели сидели в теплой одежде. Фаербрасс и Пискатор курили сигары, большинство остальных — сигареты. Вентиляторы всасывали дым, но недостаточно быстро, чтобы полностью удалить сигарный запах, который Джилл ненавидела.

Детекторы, улавливающие содержание водорода в воздухе и помещенные вблизи газовых отсеков, должны были подать сигнал тревоги в случае утечки. Тем не менее курить разрешалось только в пяти местах — в рулевой гондоле (или на «мостике»), в каюте, находившейся примерно на середине продольной оси дирижабля, во вспомогательной рубке управления в нижнем хвостовом «плавнике» и каютах, прилегающих к помещениям команды на носу и корме.

Барри Торн — первый офицер хвостовой секции — отрапортовал о показаниях магнитометра. Согласно этим показаниям, Северный полюс мира Реки совпадал с северным магнитным полюсом. Магнитное поле было гораздо слабее земного. Более того, оно было столь слабым, что его было бы невозможно засечь и измерить без помощи приборов, изобретенных лишь в конце 1970-х годов.

— Что означает,— расхохотался Фаербрасс,— что в одной и той же точке находится целых три полюса — планетный, магнитный и Башня. Ну а если б в нашем экипаже был хоть один поляк, то их стало бы у нас четыре!*

* Игра слов, основанная на том, что по-английски полюс (pole) и поляк (Pole) пишутся и произносятся одинаково.

Радио сегодня работало замечательно. Корабль летел высоко над горами, а передатчик «Марка Твена» находился на привязном аэростате, запущенном с корабля.

— Можете говорить, сэр,— сказал Окузо.

Фаербрасс сел рядом с самоанцем и заговорил:

— Сэм, говорит Фаербрасс. Мы только что получили известие от Грейстока. Он в пути, идет на северо-запад, готов изменить курс в ту же минуту, как получит сведения о местонахождении «Рекса».

— В некотором смысле я надеюсь, что вы не обнаружите Дерьмового Иоанна,— ответил Сэм.— Я с наслаждением схватился бы с ним и лично утопил его. Может, это было бы и не слишком практично, зато здорово согрело бы душу. Я же по натуре не мстительный человек, Милт, но эта гиена заставит и самого святого Франциска сгорать от желания пинком сбросить его с утеса к чертовой матери!

— «Минерва» несет четыре сорокашестикилограммовые бомбы и шесть ракет с девятикилограммовыми боеголовками,— сказал Фаербрасс.— Если будут хоть два прямых попадания бомбами, корабль, вероятней, всего пойдет ко дну.

— И даже тогда этот коронованный ворюга может спокойно и в добром здравии добраться до берега,— возразил Клеменс.— Ему везет, как и всем прохиндеям. И как я его тогда разыщу? Нет, мне нужен его труп. А если он будет взят живьем, я желаю лично свернуть ему шею.

— Клеменс говорит слишком уж жестко для человека, ненавидящего насилие,— шепнул де Бержерак Джилл.— Впрочем, это вполне естественно, если учесть, что враг находится по меньшей мере в шестидесяти тысячах километров от Клеменса.

Фаербрасс рассмеялся и сказал:

— Ладно, если ты сам не сможешь открутить ему башку, Сэм, то твой Джо как раз подходящая личность для такой работенки.

Нечеловечески глубокий бас пророкотал:

— Нет, я оторву к чертям его ручки и ножки. А затем Зэм может крутить ему башку, чтоб тот понял, куда попал. Ему может не понравитьзя то мезто, куда он отзюда отправитзя...

— Оторви ему одно ухо за меня,— сказал Фаербрасс.— Старина Иоанн почти достал меня, когда начал пулять в мою сторону.

Джилл решила, что разговор шел о битве за «Внаем не сдается», когда король Иоанн украл его.

Фаербрасс продолжал:

— Согласно расчетам, «Рекс» должен быть где-то в часе лета от нас. Вы тоже должны быть где-то в тех же местах, примерно в ста сорока километрах к западу от «Рекса» по прямой. Конечно, наши расчеты могут оказаться и ошибочными. Ведь «Рекс» мог идти с гораздо меньшей скоростью, чем мы предположили, или король Иоанн мог поставить его на ремонт в док, или вообще решил дать команде длительный отпуск на берегу.

Разговор продолжался еще около часа. Клеменс захотел поговорить со многими членами экипажа, преимущественно с теми, кого он знал еще до отплытия из Пароландо. Джилл заметила, что с де Бержераком он общаться не стал.

Как раз когда Сэм уже был готов отключиться, радист объявил, что «Рекс грандиссимус» уже виден.

Глава 45

Оставаясь на высоте 452 метра, «Парсеваль» кружил над кораблем. С этой высоты корабль смотрелся как игрушка, но быстро увеличенные фотографии показывали, что это действительно судно короля Иоанна. Корабль был великолепен. Джилл подумала, что разрушать такое прекрасное судно просто позор, но вслух этого не высказала. Фаербрасс и де Бержерак питали слишком сильные чувства к человеку, который когда-то захватил их любимый легендарный речной пароход.

Окузо передал координаты Грейстоку, который сказал, что «Минерва» может прибыть к «Рексу» уже на следующий день. Он затребовал также и местонахождение «Марка Твена».

— Я хотел бы пролететь над ним, чтоб Сэм мог полюбоваться на воздушный корабль, который собирается потопить «Рекса»,— пояснил Грейсток.

— Тебе для этого не придется сильно удлинять свой маршрут,— ответил Фаербрасс,— а Сэму доставит колоссальное удовольствие.

Окончив разговор с Клеменсом, Фаербрасс сказал:

— Я полагаю, что Грейсток совершает чистое самоубийство. «Рекс» набит ракетами и несет два аэроплана, вооруженных ракетами и пулеметами. Все зависит от того, сможет ли Грейсток захватить «Рекса» врасплох или нет. На это шансов мало, если радар засечет «Минерву». Конечно, радар может быть выключен.

Зачем им его включать? Для навигации в дневное время вполне достаточно и сонара.

— Да,— отозвался Пискатор,— но люди на «Рексе», должно быть, видели нас. Они начнут прикидывать, кто мы такие, и вполне вероятно, что воспользуются радаром, ибо насторожатся.

— Я тоже так думаю,— сказала Джилл.— Они быстро сообразят, что только Пароландо способно строить дирижабли.

— Что ж, посмотрим. К тому времени, когда «Минерва» доберется до «Рекса», мы уже перелетим через Полярные горы. Не думаю, что в тех местах хороший радиоприем. Нам придется подождать новостей до возвращения оттуда.

Говоря это, Фаербрасс сохранял на лице весьма мрачное выражение, будто совсем не был уверен, вернется ли «Парсеваль» из своего полета.

Солнце скрылось за горизонтом планеты, хотя на этой высоте небо еще долго оставалось освещенным. Наконец пришла ночь со своими сверкающими звездами, туманностями и грозовыми облаками. Джилл еще несколько минут поговорила с Анной Обреновой, прежде чем отправиться в свою каюту. Маленькая русская казалась довольно дружелюбной, но было в ее манерах нечто говорившее о внутреннем напряжении. Неужели она и в самом деле оскорблена тем, что не получила места старшего помощника?

Прежде чем уйти к себе, Джилл предприняла прогулку по коридору с пониженным давлением, дойдя до кормовой секции. Здесь она выпила кофе и поболтала с офицерами. Был тут и Барри Торн, но он тоже почему-то нервничал и даже куда больше, чем обычно. Может быть, подумала Джилл, он все еще страдает оттого, что Обренова его отвергла? Если причина их ссоры была именно такова?

И тут она вспомнила, что эти двое говорили на неизвестном ей языке. Сейчас было не время спрашивать об этом Торна. Вполне возможно, что у нее вообще никогда не будет удобного повода выяснить этот вопрос. Ведь начать такой разговор — значит признаться, что она тогда подслушивала.

С другой стороны, ей было ужасно любопытно. Нет, когда-нибудь, когда не будет более важных дел, требующих неотложного внимания, она все же спросит Торна. Она скажет, что случайно проходила мимо — что чистая правда — и услыхала несколько слов их диалога. В конце концов, раз она не поняла ни слова, значит, она не подслушивала, так ведь?

Джилл ушла в свою каюту, забралась в койку и почти сразу же уснула. В 4.00 свист интеркома разбудил ее. Она отправилась в рулевую рубку, чтобы сменить Метцинга — третьего помощника. Он еще немного побыл с ней, рассказывая о всевозможных случаях в бытность его капитаном L-I, а потом ушел. Джилл было почти нечего делать. Пискатор очень компетентный пилот, а атмосферные условия вполне нормальны. Более того, японец включил автопилот, хотя сам частенько поглядывал на приборную консоль.

В рубке присутствовали еще двое — радист и радарщик.

— Мы должны увидеть горы около двадцати трех часов,— сказала Джилл.

Пискатор вслух подумал, так ли они высоки, как определил Джо Миллер. Титантроп говорил, что их высота около 20 000 футов, или 6096 метров. Джо, однако, довольно плохо оценивал расстояния, и уж во всяком случае, плохо умел переводить их в метрические или английские меры.

— Узнаем, когда доберемся,— ответила Джилл.

— Не знаю, позволят ли нам таинственные обитатели Башни вернуться назад? — сказал Пискатор.— Или хотя бы войти в Башню?

На этот вопрос ответ был тот же, что и на первый,— Джилл просто промолчала.

— Впрочем, может быть,— продолжал Пискатор,— они все же разрешат осмотреть Башню.

Джилл закурила сигарету. Она была спокойна, но знала, что когда они подлетят к горам, то она как минимум ощутит страх. Они ведь окажутся на пороге входа в Запретное, в Табу, в Замок-Откуда-Нет-Возврата.

Пискатор, улыбаясь и посверкивая глазами, сказал:

— Вам когда-нибудь приходила в голову мысль, что некоторые из них могут оказаться на нашем корабле?

Джилл чуть не задохнулась — так глубоко втянула она в легкие табачный дым. Когда она прокашлялась, то с трудом прохрипела:

— Какого черта вы имеете в виду?

— У них могут быть агенты среди нас.

— Какие у вас основания так думать?

— Просто подумалось,— ответил он.— В конце концов, разве не резонно предположить, что они следят за нами?

— Полагаю, что вы видите гораздо больше, чем признаетесь. Что заставляет вас так думать? Почему бы вам не поделиться со мной?

— Потому что пока это лишь рассуждения праздного ума.

— Если это рассуждения праздного ума, как вы их называете, тогда нет ли среди нас кого-то, кого вы подозреваете, что он один из них?

— Было бы преждевременно говорить об этом, даже если б такой человек и был. Я не хотел бы указывать пальцем на ни в чем не повинных людей.

— Уж не меня ли вы подозреваете?

— Ну разве я не был бы круглым дураком, если б сказал, что да? Нет, все это пока лишь мысли вслух. Очень прискорбная привычка, от которой я бы охотно отделался.

— Что-то я не помню, чтоб вы когда-нибудь думали вслух.

Джилл не стала настаивать на продолжении разговора, поскольку Пискатор ясно дал понять, что не собирается ничего добавлять к сказанному. Остальное время вахты она продолжала обдумывать — что такое мог он заметить, а потом сложить вместе, чтоб получить имеющий смысл узор? Эти усилия наградили ее лишь головной болью, и она пошла спать, чувствуя себя совершенно разбитой. А что, если он просто подначивал ее?

Во второй половине дня, всего лишь двумя минутами раньше предсказанного ею времени, на горизонте возникли вершины Полярных гор. Они выглядели как облака, но радар нарисовал истинную картину. Это были горы. Вернее, это была сплошная горная стена, окружающая море. Фаербрасс прочел данные о ее высоте и застонал:

— Их высота девять тысяч семьсот пятьдесят три метра! То есть выше Эвереста!

У него была вполне основательная причина стонать, да и другие тоже встревожились. Дирижабль не мог подняться выше 9144 метров, и Фаербрасс заколебался бы даже в том случае, если б им пришлось подниматься до этого предела. Теоретически это было то предельное давление, которое могли выдержать газовые отсеки. Идти выше означало, что автоматические вентили в верхней части отсеков начнут выпускать водород в атмосферу. Если они этого не сделают, отсеки взорвутся, так как будет достигнут их лимит расширения объема.

Фаербрасс не хотел подводить корабль к предельной черте. Случайно попавший теплый слой наружного воздуха мог привести к еще большему расширению отсеков, и плавучесть корабля стала бы столь высокой, что нарушила бы требования безопасности. При этих условиях корабль быстро взмыл бы вверх.

Тогда пришлось бы немедленно вмешаться пилоту — опустить нос корабля и наклонить пропеллеры так, чтобы он круто пошел к земле. Если же этот маневр почему-либо не удался бы, газ, расширяясь при снизившемся атмосферном давлении, так стал бы давить на стенки отсеков, что они могли бы не выдержать и лопнуть.

Но даже если б дирижабль вышел благополучно из этой переделки, потеря газа, выпущенного через автоматические вентили, означала бы, что он стал тяжелее. Единственный же способ облегчить его — сбросить балласт. Но если балласта будет сброшено много, «Парсеваль» снова станет слишком легким...

— Если горное кольцо имеет всюду одинаковую высоту, значит, нас поймали. Но Джо говорил...— начал Фаербрасс.

Он долго стоял в глубокой задумчивости, наблюдая, как темная враждебная масса гор все ближе надвигается на них. Под ними змеей извивалась долина, покрытая вечным туманом — владыкой этих мест. Они уже миновали последние питающие камни из двойной цепочки, тянущейся по обоим берегам Реки. Радар и инфракрасные визоры подтверждали, что холмы и здесь по-прежнему покрыты густой и высокой растительностью. Еще одна загадка! Как могут существовать деревья в этом холодном тумане?

— Спусти дирижабль до трех тысяч пятидесяти метров, Сирано. Я хочу получше рассмотреть самые верховья Реки.

Говоря «рассмотреть», Фаербрасс имел в виду радарное изображение. Увидеть что-либо через слой мощных бурлящих облаков, скрывающий громадную пещеру у основания гор, не смог бы никто. Радар же показал колоссальный выход Реки — разрыв в горах шириной в 4,9 километра, или чуть больше 3 миль. Самая высокая точка этой арки лежала на высоте 3,5 километра.

Мощная Река текла примерно три километра по прямой, а затем срывалась с уступа и отвесно падала 915 метров, то есть более 3000 футов.

— Джо преувеличивал, конечно, говоря, что вся луна могла бы сплавиться по Реке там, где она выходит из гор,— сказал Фаербрасс,— но вид все равно впечатляющий.

— Да,— отозвался Сирано,— действительно грандиозно. Однако ветры тут дуют невероятно мощные.

Фаербрасс распорядился поднять «Парсеваль» на большую высоту и проложить курс параллельно горам на расстоянии 12 километров от них. Сирано пришлось придать кораблю крен и сильно изменить угол расположения пропеллеров, чтобы не дать ветру снести их на юг; он повел дирижабль вдоль громоздящейся над ними горной цепи.

Между тем радист пытался наладить контакт с «Марком Твеном».

— Продолжай попытки,— приказал ему Фаербрасс.— Сэм хочет знать, как наши дела. А меня интересует, как там поживает «Минерва».

Всем остальным Фаербрасс объяснил:

— Я ищу прорыв в этих горах. Он обязательно должен быть. Джо сказал, что солнце на мгновение сверкнуло сквозь дыру или то, что он посчитал дырой. Самого ущелья он не видел, но, поскольку солнце тут никогда не поднимается над горизонтом выше чем наполовину, оно не могло осветить море иначе как через прорыв, начинающийся почти прямо на уровне подножия.

Джилл задумалась над тем, почему те, кто построил этот могучий барьер, зачем-то оставили в нем дыру?

В 15.00 радар показал, что в вертикальной стене действительно есть разрыв. Теперь дирижабль уже плыл выше гор, тянувшихся перед главной стеной. Эти горы не такие, как сплошное кольцо, окружающее море; это были отдельные пики, некоторые из них достигали лишь 3040 метров. Когда дирижабль приблизился к прорыву в кольце, все увидели, что между более низкими горами и стеной кольца лежит громадная долина.

— Настоящий Большой Каньон, точно такой, как ты его мне описывал,— сказал Сирано.— Колоссальный разлом. Никто не сможет спуститься по его склонам, разве что воспользуется веревкой длиной шестьсот десять метров. Да и по другой стене вверх тоже не влезешь. Высота тут одинаковая, а стены гладенькие, как задница моей любовницы.

От противоположной стороны более низких гор отходила гряда, тянувшаяся вдоль русла Реки. Если бы нашелся человек, который сумел бы преодолеть ближайшие высоты и выбраться из одной долины, ему пришлось бы тащиться по крутым и пересеченным склонам хребта шириной в 81 километр, или более 50 миль. После этого перед ним возникла бы новая и совершенно непроходимая долина.

— Гиннунгагап! — сказала Джилл.

— Что такое? — переспросил Фаербрасс.

— Это из скандинавской мифологии. Бездонная пропасть, в которой зародился Имир — предок и родоначальник расы свирепых великанов.

Фаербрасс фыркнул и бросил ей:

— А потом ты начнешь уверять меня, что здешнее море заселено демонами!

Фаербрасс выглядел совершенно спокойным и уверенным, но Джилл знала, что это всего лишь внешность. Если только нервы у него не сверхчеловеческой крепости, он переживает стресс, железы выделяют адреналин, кровяное давление лезет вверх. Думает ли он, как думает сейчас она, что у пульта управления должен был бы сидеть более опытный пилот? Рефлексы у француза и способность оценивать ситуацию, возможно, лучше, чем у всех остальных. Их всех проверяли десятки раз во время обучения и тренировок, ставя в искусственно созданные чрезвычайные ситуации. Но... у Сирано все же нет тысяч часов полета на аэростатах в земных, то есть быстро меняющихся природных условиях. До сих пор полет проходил без особых помех. Но дальнейшие полетные условия были неизвестны, а перелет над горами мог превратить дирижабль в игрушку неведомых сил. Не только мог. Должен был!

Здесь, на вершине мира, солнечные лучи были слабее, а потому и климат холоднее. Река, впадающая в Полярное море на другой стороне горного кольца, отдавала свое тепло, еще сохранившееся в ней после тысяч километров странствования по арктической области. Контакт холодного воздуха и теплых вод содействовал формированию густого тумана, о котором говорил Джо Миллер. И все равно воздух там был холоднее, чем в предгорьях. Тяжелый холодный воздух, копившийся внутри кольца, должен был стекать наружу. Джо описывал ветер, с ревом вырывающийся через туннель.

Джилл уповала, что Фаербрасс заменит Сирано ею. Или Анной, или Барри Торном — единственными людьми, обладающими большим опытом полетов. Оба последних, объективно говоря, были не хуже ее. Но она мечтала сама сесть за пульт управле-

ния. Только тогда она почувствовала бы облегчение. Вернее, столько облегчения, сколько позволит данная ситуация.

Возможно, Фаербрасс тоже думает об этом. Если так, то он не примет подобного решения, точно так же, как она никогда не рискнет высказать ему свое мнение. Неписаный, вернее, не сформулированный вслух кодекс чести не позволит им этого. Эта вахта — вахта Сирано. Приказать ему сдать вахту более квалифицированному пилоту — значит унизить его. Подобный поступок обнаружил бы недостаток доверия и представил бы Сирано в роли человека, не достойного звания мужчины.

Чудовищно! Абсолютно чудовищно! Ведь на кону судьба всей экспедиции и жизнь почти сотни людей!

И несмотря на это, Джилл не проронила бы ни слова, даже будучи абсолютно уверенной, что сейчас на месте пилота нужна именно она. Подобно всем остальным, она по рукам и ногам связана кодексом чести. И неважно, что сейчас он угрожает их жизням. Она *не может* унизить Сирано. И выскажи она предложение сменить Сирано, униженной в первую очередь оказалась бы она сама.

Теперь они находились как раз напротив прорыва в горах. Это не было V-образное ущелье, как они предполагали. Это был точный круг, вырезанный в стене гор,— дыра в 3 километра диаметром примерно в тысяче метров над основанием стены. Сквозь дыру неслись облака, гонимые ветром, который, если б они могли слышать, наверняка оглушительно выл. Сирано предстояло направить дирижабль прямо в эту дыру и не позволить ветру снести его к югу. Даже с мотором, работающим на полную мощность, «Парсеваль» мог продвигаться сейчас лишь со скоростью 16 километров в час (меньше 10 миль в час).

— Ну и ветрюга! — сказал Фаербрасс. Он колебался. Воздух, стекающий с горных вершин, будет еще увеличивать силу ветра, дующего сквозь круглую дыру. А пилоту придется надеяться лишь на радар, оценивая близость стен этого гигантского отверстия.

— Если горы тут не шире, чем те, что тянутся вдоль Реки,— продолжал Фаербрасс,— то мы проскочим сквозь дыру быстрее собаки, прыгающей сквозь обруч. Однако...

Он стиснул зубами сигару и процедил, почти не разжимая губ:

— Что ж, веди его прямо в эти адовы ворота!

Глава 46

Случайные совпадения событий всегда завораживали Фрайгейта.

Чистая случайность перевела его самого из potentio в essems*.

Его отец родился и вырос в Терре-Хоте в Индиане, его мать — в Галене (Канзас). Практически у них не было ни малейшего шанса встретиться и зачать Питера Джейруса Фрайгейта, не правда ли? Особенно в 1918 году, когда люди, в общем, мало переезжали с места на место. Но его дед — красивый, богатый, картежник, любитель женщин и спиртного — Уильям Фрайгейт был вынужден предпринять деловую поездку в Канзас-Сити, что в Миссури. Он решил, что его старшему сыну Джеймсу было бы неплохо узнать кое-какие детали управления предприятиями отца, разбросанными по всему Среднему Западу. Поэтому он взял с собой этого двадцатилетнего юношу. Вместо того чтобы поехать на своем новом «паккарде», они воспользовались поездом.

Мать Питера в это время находилась в Канзас-Сити, где жила у своих родственников-немцев, пока обучалась в коммерческой школе. Хужер и Джейхок** никогда не слыхали друг о друге. У них не было ничего общего, кроме того, что они были людичеловеки и жили на Среднем Западе, то есть в районе куда более обширном, чем многие европейские страны.

И вот в один жаркий полдень будущая мамаша Фрайгейта зашла в аптеку, чтоб купить сандвич и стакан взбитого молока. А его будущий отец, сидевший на деловом совещании между отцом и заводчиком, продающим сельскохозяйственные машины, от скуки пришел в состояние полного обалдения. Когда пришел час ленча, оба пожилых мужчины отправились в салун. Джеймс, не пожелавший напиваться так рано, отправился в аптеку. Там его ждали приятный аромат мороженого, экстракта ванили, шоколада, поскрипывание двух больших вентиляторов, укрепленных на потолке, вид длинной мраморной стойки, журналов, выставленных на специальном стенде, и трех очаровательных девушек, сидящих на тонконогих металлических стульях вокруг маленького столика с мраморной столешницей. Он поглядел на них, как

---

* Здесь: из возможности в действительность *(лат.)*.

** Hoosier — шутливое прозвище жителей Индианы — мужлан, грубиян. Jayhawk — шутливое прозвище канзасцев — простак, болтун, деревенщина.

это сделал бы любой мужчина — старый или молодой. Потом сел, заказал шоколадную содовую и сандвич с ветчиной и захотел перелистать журналы, выставленные на стенде. Сначала он просмотрел их, а потом фантастический роман о путешествии во времени (в бумажной обложке). Подобная литература его не привлекала. В свое время он попробовал почитывать Герберта Уэллса, Жюля Верна, Г. Райдера Хаггарда и Фрэнка Рида-младшего, но его твердая хужерская башка начисто отвергла подобную белиберду.

На пути назад, как раз когда он проходил мимо столика, за которым сидели три хихикающие девицы, ему пришлось сделать прыжок в сторону, чтоб избежать столкновения с полным стаканом кока-колы. Одна из девушек, рассказывая что-то и размахивая при этом рукой, сшибла его со стола. Если б отец не был настороже, его брюки промокли бы наверняка. Да и сейчас коечто попало на башмаки.

Девушка извинилась. Джеймс ответил, что тут не о чем и говорить. Он представился и спросил, нельзя ли ему присесть за их столик. Девочки были рады поболтать с красивым юношей, приехавшим из далекого штата Индиана. Дальше — больше. Прежде чем девушки отправились в свою расположенную поблизости школу, он назначил свидание Тедди Гриффитс. Она была самой тихой и вовсе не самой хорошенькой, но что-то в этой тоненькой девушке с тевтонскими чертами лица, но с индейскими прямыми черными волосами и большими темно-карими глазами привлекло внимание Джеймса.

«Избирательное притяжение», назвал это Питер Фрайгейт, не устыдившись стащить это определение у Гёте.

Процесс ухаживания в те дни был совсем не так прост и легок, как во времена Питера. Джеймсу пришлось отправиться в резиденцию Кайзеров на Саранчовую улицу — долгое путешествие на трамвае, после которого его представили дяде и тетке. Затем они сидели на крылечке в компании с этими родственниками, вкушая домашнее печенье и мороженое. Около восьми часов он и Тедди отправились погулять вокруг квартала, болтая о том о сем. Вернувшись, Джеймс поблагодарил ее родственников за гостеприимство и попрощался с Тедди, даже не поцеловав ее. Но они переписывались, и через два месяца Джеймс совершил вторую поездку, на этот раз в одной из отцовских машин. В этот его приезд они с Тедди немножко понежничали, преимущественно в заднем ряду местного кинотеатра.

В третий приезд он женился на Тедди. Они выехали сразу же после венчания, чтобы успеть на поезд в Терре-Хоту. Джеймс любил говорить своему старшему сыну, что того следовало бы назвать Пульманом. «Тебя зачали в поезде, Пит, поэтому мне хотелось, чтоб твое имя напоминало об этом событии, но твоя мать с этим не согласилась».

Питер не знал, верить отцу или нет. Тот был большой выдумщик. Кроме того, он не мог представить себе мать спорящей с отцом. Джеймс был невысок ростом, но настоящий бантамский петушок, домашний Наполеон.

Такова была последовательность случайных событий, которые повлекли за собой переход Питера Джейруса Фрайгейта из *состояния возможности в состояние реального существования*. Если бы старый Уильям не решил взять старшего сына в Канзас-Сити, если бы содовая не привлекла Джеймса сильнее пива, если б девушка случайно не опрокинула стакан с кокой, то Питера Джейруса Фрайгейта попросту не существовало бы. Во всяком случае, не было бы той индивидуальности, которая сейчас носит это имя. А если бы его отцу ночью приснился сон, вызвавший у него семяизвержение, или он воспользовался бы презервативом брачной ночью, то он — Питер — тоже не родился бы. Или если той ночью родители не совершили бы полового акта, отложив это дело по каким-нибудь причинам, яйцо ушло бы или утонуло в менструальном тампоне.

А что сказать о том сперматозоиде — одном из 300 000 000, которому удалось обогнать всех остальных в погоне за яйцом?

Пусть побеждает тот, кто извивается быстрее других! Так оно и вышло. Но если подумать, то дело было очень близко к тому, чтоб Питера не возникло.

А за ним следовала орда его братьев и сестер in potentio, из которых далеко не всем было суждено осуществиться. Они умерли, либо опоздав, либо не появившись вообще. Какая безумная трата плоти и духа! Многие ли сперматозоиды несли в себе зачатки его воображения и писательского таланта? Или эти задатки были заложены в яйце? Или они возникли при слиянии спермы и яйца, создав комбинацию генов, возможную лишь в сочетании данного сперматозоида с данным яйцом? Три его брата не обладали творческим воображением и почти начисто были лишены обычного. Его сестра имела пассивное воображение, она любила фэнтези и научную фантастику, но склонности писать не имела. Что вызвало эти различия?

Окружение вряд ли может это объяснить. Ведь прочие испытывали те же влияния, что и он. Отец купил ту библиотеку маленьких красивых книжек в обложках из искусственной кожи... как, черт побери, было имя ее издателя?.. Это была одна из популярнейших домашних библиотек поры его детства. Но остальных его кровных эти истории не увлекали. Они не влюблялись в Шерлока Холмса и Ирену Адлер в «Скандале в Богемии», они не жалели монстра из «Франкенштейна», не дрались под стенами Трои с Ахиллом, не спускались в ледяные глубины, чтоб искать Беовульфа и Гренделя, не переносили вместе с Одиссеем невзгод его странствий, не сопровождали Путешественника во времени Уэллса, не посещали странные дикие звезды Олив Шнейдер, не убегали от ирокезов вместе с Натти Бумпо. Не интересовали их и другие книги, которые покупали ему родители: «Странствия пилигримов», «Том Сойер» и «Гекльберри Финн», «Остров сокровищ», «Арабские ночи», «Путешествия Гулливера». Они не рылись в небольшой местной библиотеке, где он впервые раскопал золото Фрэнка Баума, Ханса Андерсена, Эндрю Ланга, Джека Лондона, А. Конан Дойля, Эдгара Райса Берроуза, Редьярда Киплинга и Г. Райдера Хаггарда. Но не забыть бы и менее драгоценную серебряную руду: Ирвинга Крампа, А. Г. Хенти, Роя Роквуда, Оливера Кэрвуда, Джеффри Фарнолла, Роберта Сервиса, Энтони Хоупа и А. Хайят Верилл. Ведь в его личном пантеоне Неандерталец Ог и Рудольф Рассендил стояли почти вровень с Тарзаном, Джоном Картером Барсумским, Дороти Гейл из страны Оз, Одиссеем, Холмсом и Челленджером, Джимом Хокинсом, Аэшей, Алланом Квотермейном и Умслопогаасом.

В эту минуту самолюбие Питера приятно щекотала мысль, что он плыл на одном судне с человеком, послужившим моделью для легендарного Умслопогааса. А сам он работал палубным матросом для человека, породившего Бэка и Белого Клыка, Волка Ларсена, безымянного рассказчика из «До Адама», «Смока Беллью». Его безмерно радовало, что он ежедневно разговаривает с великим Томом Миксом, которому не было равных в излюбленных приключенческих лентах Питера, если не считать Дугласа Фербенкса-старшего. Ах, если бы Фербенксы были тоже на борту! Но с тем же успехом можно было желать присутствия здесь и Дойля, и Твена, и Сервантеса, и Бёртона... Особенно Бёртона. И еще... но, пожалуй, на судне уже становится тесновато. Будь доволен тем, что есть. Впрочем, он никогда не бывал удовлетворен имеющимся.

Куда ж его так занесло? Ах да! Случайность — другое название судьбы. Фрайгейт не верил, как верил Марк Твен, что все события, все черты характера человека твердо детерминированы.

«Со времени, когда первый атом великого Лаврентийского моря ударился о второй атом, наши судьбы предрешены». Что-то в этом духе сказал Марк Твен, вполне возможно, в своем пессимистичном эссе «Что есть человек?». Эта философия была спасением для тех, кто хочет укрыться от ответственности.

Не верил Фрайгейт и в то, во что верил Воннегут, этот Марк Твен XX века,— что наши действия определяются исключительно химическим составом наших тел. Бог — это не Механик Великого Гаража на Небеси и не Божественный Нажиматель Кнопок. Если, конечно, он вообще существует. Фрайгейт не знал, что такое Бог, и часто сомневался, что Он есть.

Бог мог и не существовать, но Свободная Воля безусловно имела место. Правда, это была сила ограниченная, подавленная или испытывающая воздействие среды обитания, химикатов, мозговых травм, нервных заболеваний, лоботомий. Но человеческие существа не были простыми белковыми роботами. Ни один робот не мог менять настрой мозга и сам решать, как перепрограммировать себя, как вытащить себя наверх за ментальные шнурки от ботинок.

И все же мы рождаемся с различными генными комбинациями, и они до известной степени определяют наш интеллект, склонности, отношения, реакции — короче, наши характеры. Характер определяет судьбу, согласно одному древнему греку — Гераклиту. Но человек может изменить его/ее характер. Где-то там существует сила или сущность, которая говорит: «Я этого делать не буду», или «Никто не запретит мне делать то, что я хочу делать», или «Я был трусом, но сейчас я лев рыкающий!»

Иногда нам нужен внешний стимул или стимулятор, какой был у Железного Дровосека, у Страшилы и у Трусливого Льва. Ведь Волшебник дал им только то, чем они владели изначально. Мозги из смеси опилок, отрубей, булавок, иголок; шелковые сердца, набитые опилками; жидкость из квадратной зеленой бутылки с этикеткой «Смелость» — все это лишь безобидные возбуждающие лекарства.

С помощью мысли можно изменить свои эмоциональные реакции. Фрайгейт верил в это, хотя и не находил подтверждений в собственной практике.

Сам он был воспитан в семье приверженцев Христианской науки. Но когда ему исполнилось одиннадцать, родители послали его в пресвитерианскую школу, поскольку у них в это время наметился приступ религиозной апатии. Его мать в воскресные утра приводила в порядок кухню и ухаживала за детьми, а отец читал в это время «Чикаго трибюн». Хочешь — не хочешь, а Фрайгейт ходил в воскресную школу, а потом слушал церковную службу.

Таким образом, он получил два противоположных религиозных воспитания.

Одно верило в свободную волю, в то, что зло и материя — иллюзия, и в Дух как единственную реальность.

Другое верило в предопределение. Бог выбирал там и здесь мизерное число избранников для спасения, а остальным предоставлял свободу катиться в ад. И без всяких объяснений, почему это так. Что бы вы ни делали, изменить ничего нельзя. Раз божественный выбор сделан, все кончено. Вы можете жить чистейшей жизнью, молиться до изнеможения и надеяться. Но когда наступит конец вашего земного существования, вы попадете в изначально предназначенное вам место. Овны — те, кого Господь по необъяснимым причинам отметил своей милостью,— будут сидеть справа от Него. А козлища, отвергнутые по тем же таинственным мотивам, сбрасываются через специально приготовленный люк в огонь; и святые, и грешники — все равно.

Когда Фрайгейту было двенадцать, у него начались кошмары по ночам, в которых Мэри Бейкер-Эдди и Жан Кальвин* сражались за его душу.

И не удивительно, что, когда ему исполнилось четырнадцать, он решил послать обе религии ко всем чертям. Со всеми их верованиями. И все же с ним осталась выжимка правил истового пуританизма. Его уста не произносили грязных слов; он вспыхивал, когда слышал похабный анекдот; не выносил запаха пива и виски; даже если б он любил их, он все равно отверг бы их с отвращением и с наслаждением купался бы в чувстве морального превосходства, сделав это.

Его отрочество было пыткой. В седьмом классе, когда его вызывали и просили повторить задание, его лицо краснело, а пенис рвался наружу из гульфика, восстав по зову огромных буферов учительницы. Вроде бы этого никто не замечал, но каждый раз, когда он поднимался, он был уверен, что тут же опозорится. И когда он сопровождал своих родителей в кино, где героиня появлялась в декольте или демонстрировала кусочек подвязки, он прикрывал ладонью местечко на штанах, чтоб скрыть мерещившееся ему шевеление плоти.

* Мэри Эдди — основательница религиозной секты «Христианская наука»; Жан Кальвин — один из столпов Реформации, отличавшийся крайней религиозной нетерпимостью.

Яркий мигающий свет экрана обнаруживал его грех. Если б его родители знали, какие чувства обуревают сына, они пришли бы в ужас. И он никогда бы не осмелился взглянуть им в лицо.

Дважды отец говорил с ним о сексе. Один раз, когда ему было двенадцать лет. Видимо, мать заметила кровь на банном полотенце и сказала об этом отцу. Джеймс Фрайгейт, сопровождая речь многочисленными «э-э...», «гм-гм...» и смущенной улыбкой, спросил сына, не мастурбирует ли он. Питер одновременно и испугался, и возмутился. Он отклонил обвинение, хотя его отец действовал так, будто он не очень-то поверил сыну.

Однако последующее расследование показало, что, принимая ванну, Питер просто не оттягивал крайнюю плоть, чтоб хорошенько промыть то, что находится под ней. Он не хотел дотрагиваться до пениса. В результате под кожей накапливалась смегма*. Каким образом это обстоятельство могло привести к кровотечениям, ни Питер, ни его отец не знали. Но Питеру посоветовали мыться более тщательно, когда он купается. Кроме того, ему сообщили, что от рукоблудия загнивает мозг, и в качестве примера привели местного деревенского дурачка — мальчика, который мастурбировал прилюдно. С серьезным лицом отец сказал Питеру, что всякий, кто грешит рукоблудием, обязательно превращается в слюнявого идиота. Возможно, отец искренне верил в это. Во всяком случае, многие люди его поколения верили. А может, он просто выдал эту леденящую дух басню, пережившую один бог знает сколько столетий или даже тысячелетий, чтоб хорошенько напугать сына.

Питер и сам мог бы выяснить, что все это не более чем предрассудок, что это рассуждение путает причину со следствием и вообще никуда не годится. Оно относилось к той же группе, что и уверенность, будто если вы будете есть сандвич с арахисовым маслом и желе в отхожем месте, то вас тут же заберет дьявол.

Питер не лгал. Он не впадал в грех Онана. Хотя почему этот грех именуется онанизмом, Питер не знал, поскольку Онан во-

* Вид жировых отложений.

все не занимался мастурбацией. Онан просто пользовался практикой, которую, как узнал, случайно подслушав, Питер, его отец называл «железнодорожным методом» — вынимать до наступления оргазма.

Кое-кто из приятелей Питера по младшим классам средней школы — «живчики», как их прозвали, бахвалились тем, что «дрочат». Один из них — дикий парнишка по имени Вернон (умер в 1942 году при падении самолета, на котором он тренировался, чтобы стать бомбардиром), мастурбировал даже на заднем сиденье трамвая по дороге домой с баскетбольного матча. Питер, который видел это, наблюдал за Верноном с отвращением и интересом одновременно; другие ребята хихикали.

Однажды Питер и его друг Боб Олвуд — такой же пуританин, как и Питер,— ехали на трамвае домой после позднего киносеанса. В вагоне никого не было, кроме весьма подержанной пергидрольной блондинки, сидевшей на первом сиденье. Когда трамвай пришел на конечную остановку на Элизабет-стрит, вожатый задернул занавес, отделив себя и блондинку от остальной части вагона, и погасил потолочные огни. Боб и Пит наблюдали за ними из дальнего конца вагона и увидели, как ноги женщины вдруг исчезли из виду. Только через несколько минут Питер понял, что там происходит. Женщине пришлось устроиться на каком-то узеньком карнизике перед вожатым, а может, даже и на самом моторе, лицом к вожатому, пока он трахал ее. Питер не сказал Бобу ни слова до тех пор, пока они не сошли с трамвая. Но Боб ему все равно не поверил.

Чему Питер поразился, так это собственной реакции. Ему было почему-то смешно. А может, он и завидовал... пожалуй, это вернее. «Правильная» реакция пришла позднее. Этот парень и его шлюха наверняка попадут в ад.

Глава 47

Все это было давно, очень давно. И вот пришло время, когда Питер трахался с женщиной прямо перед алтарем пустой церкви; правда, в эти минуты он был здорово пьян. Это был римско-католический собор в Сиракузах*, а девушка — еврейка. Сама блестящая идея принадлежала ей. Она ненавидела эту религию

* Город в штате Канзас.

потому, что крутые мальчишки-католики из средней школы в Бостоне, где училась и она, несколько раз беспощадно избивали ее из-за того, что она еврейка. Идея осквернить церковь показалась ему в тот вечер ужасно привлекательной, хотя на следующее утро он обливался холодным потом, думая о том, что могло бы случиться с ними, излови их полиция. Если б речь шла об осквернении протестантской церкви, это вряд ли произвело бы на него такое сильное впечатление. Протестантские церкви всегда казались Питеру какими-то пустыми и голыми. В них трудно было застать Бога, но зато он наверняка болтался поблизости от католических храмов. Питер всегда склонялся в сторону католицизма и один раз даже чуть не обратился в католичество. А богохульство, как известно, возможно лишь в присутствии Господа.

Странное соображение. Если ты не веришь в Бога вообще, то какой смысл в богохульстве?

И как будто происшествие в храме было недостаточно плохо само по себе, он и Сара потом заходили в несколько многоквартирных домов на улице, название которой давно забылось. Когда-то это был весьма фешенебельный район, где богатеи строили себе огромные, вычурные, украшенные куполами дома. Потом они отсюда повыехали, а дома были переделаны в многоквартирные. Жили в них преимущественно пожилые люди с достатком, вдовы, пожилые супружеские пары. Питер и Сара бродили по холлам трех таких домов, где все двери были наглухо заперты, так что из-за них не доносилось ничего, кроме приглушенных голосов включенных телевизоров. Они были уже на третьем этаже четвертого дома, и Сара уже встала перед Фрайгейтом на колени, когда дверь вдруг открылась. Какая-то старуха высунула голову в холл, завопила и со стуком захлопнула дверь. С громким смехом Фрайгейт и Сара выскочили на улицу и помчались к собственной квартире Сары.

Позднее Питер весь обливался потом, думая о том, что было бы с ними, задержи их полицейские. Тюрьма, публичный позор, потеря работы в «Дженерал электрик», стыд перед собственными детьми, праведный гнев жены. А вдруг старуху хватила кондрашка? Фрайгейт тщательно просмотрел колонку с некрологами и с облегчением узнал, что на той улице никто ночью не умер. Это была чистая случайность, так как Сара уверяла, что каждый раз, как она выглядывает из своего окна, то обязательно видит похоронную процессию, шествующую по этой улице.

На всякий случай Питер поискал в газете, нет ли там сообщения об этом инциденте. Но если старая леди и вызывала полицию, то в газетах об этом ничего не сообщалось.

Тридцативосьмилетний мужик не должен откалывать такие коленца, годящиеся лишь для подростков, сказал Питер себе. Особенно если из-за них могут пострадать ни в чем не повинные люди. Никогда больше!

Но проходили годы, и он стал посмеиваться, вспоминая этот случай.

Хотя в пятнадцать лет Фрайгейт был уже атеистом, он все же так и не сумел отделаться от сомнений. Когда ему было девятнадцать, он посетил собрание секты новообращенных вместе с Бобом Олвудом. Олвуд воспитывался в религиозной фундаменталистской семье. Он тоже стал атеистом, но это продолжалось лишь год. За это время родители Боба умерли от рака. Испытанный шок заставил его задуматься о бессмертии. Не в силах вынести мысль, что его отец и мать умерли навсегда и что он никогда их больше не увидит, Боб начал посещать собрания секты новообращенных. Он присоединился к ним в восемнадцать лет.

Питер и Боб одно время часто встречались, поскольку сдружились еще в первом классе начальной школы, а потом пошли в одну и ту же среднюю. Они много спорили о религии и аутентичности Библии. Наконец Питер согласился пойти с Бобом на многолюдное собрание, где выступал с проповедью знаменитый достопочтенный Роберт Рэнсом.

К великому изумлению Питера, проповедь произвела на него глубокое впечатление, хотя он пришел, чтобы вдоволь поиздеваться над ней. Он был удивлен еще больше, когда вдруг обнаружил себя на коленях перед достопочтенным, обещая ему принять Иисуса Христа в качестве своего Господа.

Это обещание было нарушено уже через месяц. Питер просто не сумел так быстро укрепиться в своих новых убеждениях. Если использовать словарь Олвуда, Питер «лишился милости Господней», он «поскользнулся».

Питер сказал Бобу, что его детское религиозное воспитание и восторженное поведение новообращенных содействовали тому, что он впал в своеобразное религиозное помешательство.

Олвуд продолжал спорить с ним, уговаривая «бороться за собственную душу». Но Питер оставался твердым как камень.

Питер достиг шестидесяти лет. Его школьные приятели и друзья поумирали; сам он тоже был не в лучшей физической форме. Смерть была уже не за горами. Когда он был молод, то много думал о миллиардах людей, которые ему предшествовали, рождались, страдали, смеялись, любили, рыдали и умирали. А еще он думал о тех миллиардах людей, которые придут за ним, чтобы страдать, быть ненавидимыми, быть любимыми и уйти в пустоту. К моменту гибели Земли все они — от пещерного человека до астронавта — превратятся в прах. Даже в нечто меньшее, чем прах.

Что же все это означает? Без бессмертия это не значит ничего.

Были люди, говорившие, что жизнь нужна лишь для продолжения жизни. И в этом будто бы ее единственный смысл.

Это были дураки, занимавшиеся самообманом, и независимо от того, насколько они были умны в других областях, в этой они были настоящими остолопами. Эмоциональные идиоты в добровольно напяленных шорах.

С другой стороны, чем заслужили человеки еще один шанс в жизни после смерти? Эти жалкие, жуликоватые, готовые на любой самообман, ханжествующие мизерабли? Даже самые лучшие из них таковы. Он не был знаком со святыми, хотя и признавал, что таковые в прошлом были или могли быть. Ему казалось, что только святые достойны бессмертия. Но если даже и так, то он сомневался в достоинстве тех, кто все-таки получил сияние над головой.

Взять хотя бы святого Августина... «Дырка в заднице» — вот единственное определение, которое ему подходит. Чудовищное самодовольство и самолюбование.

Святой Франциск — тот, пожалуй, наиболее близок к святости. Но он был, без сомнения, псих. Целовать струпья прокаженного, чтоб доказать свое смирение? Это ж надо!

Видимо, как утверждает жена Питера, совершенства вообще не существует.

Был еще Иисус, хотя доказательств, что он святой, не существует. Более того, из Нового Завета явствует, что право на спасение он ограничивал одними евреями. А они его отвергли. И святой Павел, обнаружив, что евреи не собираются отпадать от религии, за которую они так жестоко сражались и так много страдали, повернулся лицом к иноверцам. Он пошел на ряд компромиссов, и христианство, которое лучше бы называть паулизмом, пошло

гулять по свету. Но святой Павел был сексуальным извращением, поскольку полное половое воздержание тоже есть извращение.

Однако в таком смысле и Иисус тоже извращенец.

Надо, правда, помнить, что у некоторых людей половое чувство просто отсутствует. Возможно, и Павел, и Иисус были именно таковы. Или они сублимировали половое побуждение в нечто более важное, например в свое стремление дать людям увидеть истину.

Вот Будда, возможно, был настоящим святым. Наследник престола, богатств и могущества, женатый на прелестной принцессе, родившей ему детей, он отказался от всего. Несчастья и страдания бедных, чудовищная неотвратимость смерти толкнули его в странствия по Индии в поисках истины. И тогда он основал буддизм, в конце концов отвергнутый теми самыми людьми — индусами,— которым он старался помочь. Его ученики, однако, разнесли буддизм по другим странам, и в них его учение расцвело. Почти так же и святой Павел вынес учение Иисуса из родной страны и посеял его семена среди иностранцев.

Религии Иисуса, Павла, Будды начали дегенерировать еще до того, как тела их основателей остыли в могилах. Точно так же, как коррумпирование ордена францисканцев началось раньше, чем сгнило тело его основателя.

Глава 48

Во второй половине дня, когда «Пирушка» скользила по воде, подгоняемая попутным ветром, Фрайгейт высказал Нур эль-Музафиру приведенные выше размышления. Они сидели, прислонясь к переборке на баке, покуривая сигары и лениво разглядывая людей на берегу. Фриско Кид стоял у штурвала, остальные болтали или играли в шахматы.

— Беда с тобой, Питер, точнее, одна из твоих бед заключается в том, что тебя слишком занимает поведение других людей. И ты ставишь перед ними идеальные цели, хотя сам ни в малейшей степени не собираешься жить согласно этим идеалам.

— Я знаю, что не могу им следовать, а потому и не притворяюсь, что на это способен,— ответил Фрайгейт,— но меня беспокоит, что есть люди, заявляющие, что у них подобные идеалы есть и что они живут согласно им. Когда я указываю на то, что это далеко не так, они начинают приходить в раж.

— Естественно,— хмыкнул маленький мавр.— Твоя критика угрожает разрушить их представление о себе. А если оно будет разрушено, то уничтожатся и они сами. Во всяком случае, им так кажется.

— Это я тоже знаю,— отозвался Фрайгейт.— Вот почему я перестал заниматься такими делами уже давно. Еще на Земле я научился держаться подальше от критики ближних. Кроме того, эти люди так злились, что угрожали мне даже физическим насилием. А я не переношу ни злобы, ни насилия.

— Но ты сам очень яростный человек. И я думаю, твое отвращение к насилию проистекает из того, что ты опасаешься проявить свой яростный нрав. Ты был... ты боишься причинить боль другим людям. Вот почему ты подавляешь в себе стремление к насилию.

Но как писатель, ты можешь выразить это словами. Вот почему описания насилия у тебя получаются весьма впечатляющими. Когда же ты встречаешься с людьми лицом к лицу, ты от насилия воздерживаешься.

— Это все я и сам знаю.

— Но тогда почему ты не пытаешься исправиться?

— Я пытался. Я прибегал к разным лечениям, учениям и религиям. Психоанализ, дианетика, сайентология, дзен-буддизм, трансцендентальная медитация, нихеренизм, групповая терапия, Христианская наука и фундаменталистское христианство. У меня было даже искушение стать католиком.

— Почти обо всех этих вещах я даже не слыхивал,— сказал Нур,— да и, откровенно говоря, не желаю знать, что они собой представляют. Беда-то в тебе самом, невзирая на то, действенны эти средства или нет. По твоему собственному признанию, каждое из этих средств ты применял очень недолго. Ты не давал им шанса сработать.

— Это получалось потому,— ответил Фрайгейт,— что, начав в них разбираться, я тут же обнаруживал их слабые места. А кроме того, у меня была возможность увидеть, что происходило с людьми, которые пробовали применить эти средства на практике. Большинство этих религий и учений оказывали какое-то благотворное действие на тех, кто ими увлекался. Но это было очень далеко от того, что они обещали. А те, кто пробовал их на себе, дурачили себя, воображая, будто результаты куда как велики.

— Ну а я полагаю, у тебя на самом деле не было такой уж острой нужды в них,— задумчиво сказал Нур.— Я думаю, это происходило оттого, что ты сам в глубине души очень боялся измениться. Ты жаждал изменения, и ты же его опасался. И страх брал верх.

— Это я тоже знаю сам,— сказал Фрайгейт.

— И тем не менее не сделал ничего, чтоб побороть страх.

— Ну, не так уж совсем ничего. Но мало.

— И недостаточно.

— Да. Однако по мере того, как я мужал, я стал делать больше успехов. А здесь я приобрел еще больше.

— И все же недостаточно?

— Нет.

— Но что хорошего в самопознании, если нет воли к действию?

— Не много,— отозвался Фрайгейт.

— Тогда тебе надо найти дорогу, чтоб заставить свою волю преодолеть ее нежелание действовать.

Нур помолчал, улыбаясь, его маленькие черные глазки ярко блестели.

— Конечно, ты скажешь мне, что все это тебе известно. И тут же спросишь, не смогу ли я указать тебе такой путь. А я отвечу, что сначала ты должен разрешить мне показать его тебе. А пока ты еще не готов, хоть и думаешь, что уже. А может, ты и никогда не будешь готов, что достойно сожаления. У тебя есть возможности.

— У всех есть возможности.

— В одном смысле это так, в другом — нет.

— Может, разъяснишь?

Нур почесал свой огромный нос тонкой рукой, а затем швырнул окурок через всю палубу за борт. Потом взял свою бамбуковую флейту, поглядел на нее и положил рядом.

— Когда придет время, если оно, конечно, придет.

Он искоса поглядел на Фрайгейта:

— Ты чувствуешь себя отверженным? Да, я знаю, что ты особенно остро реагируешь на отказ. И это одна из причин, по которым ты всегда стараешься избегать ситуаций, в которых можешь оказаться отвергнутым. Вот почему для меня полная тайна, почему ты решил стать писателем-фантастом. Впрочем, так ли это? Ты решил продолжать трудиться в избранной тобой области, невзирая на то, что тебя отвергли. Хотя, согласно твоим же собственным рассказам, ты делал длительные перерывы перед тем, как предпринять следующую попытку. И все же ты стоял на своем.

Впрочем, как бы там ни было, это ты сам должен решать, потерять ли тебе мужество из-за того, что я отказал тебе сейчас, или нет. Попытайся попозже еще раз. Когда будешь сам уверен, что ты — подходящий кандидат.

Фрайгейт надолго замолк. Нур поднес флейту к губам, и из нее поплыл странный стон, то затухающий, то усиливающийся. Нур никогда не расставался со своим инструментом, когда бывал свободен от вахты. Иногда он довольствовался коротенькими темами, вероятно лирическими. В другое время он садился, скрестив ноги, на баке и сидел так часами, закрыв глаза и держа в руках безмолвную флейту. В такие часы все уважали его просьбу не мешать ему. Фрайгейт знал, что в это время он погружался в нечто вроде транса. Но пока, за все время плавания, Фрайгейт спросил его об этом только один раз.

— Тебя это не касается. Пока, во всяком случае,— ответил Нур.

Нурэддин ибн Али эль-Халлак (Свет Веры сын Али Брадобрея) очень интриговал Фрайгейта. Нур родился в 1164 году н. э. в Кордове, захваченной мусульманами в 711 году н. э. Мавританская Иберия была почти что апофеозом сарацинской цивилизации, которую Нур застал во всем ее блеске. Христианская Европа, в сравнении с блистательной культурой мусульманского мира, все еще пребывала в Темных Веках. Искусство, наука, философия, медицина, литература, поэзия процветали в крупных центрах исламских государств. Города Запада — иберийская Кордова, Севилья, Гранада и города Востока — Багдад и Александрия не имели себе соперников. За исключением далекого Китая.

Богатые христиане посылали своих сыновей в университеты Иберии получать образование, недоступное в Лондоне, Париже или Риме. Сыновья бедняков отправлялись туда же и ради учения просили милостыню. Из этих школ христиане возвращались домой, чтоб сложить то, что они приобрели, к ногам одетых в мантии господ.

Мавританская Иберия была удивительной и великолепной страной, управляемой людьми, сильно различавшимися между собой по характеру религиозных и догматических взглядов. Некоторые из них были нетерпимы и свирепы. Другие мыслили ши-

роко и были настолько веротерпимы, что делали христиан и евреев своими визирями, покровительствовали искусствам и наукам, приветствовали чужестранцев, надеясь почерпнуть у них знания, и были мягки в религиозных вопросах.

Отец Нура занимался своим ремеслом в большом дворце вне Кордовы, неподалеку от города Мединат-аз-Захра. Во времена Нура город этот славился по всему миру, но в дни Фрайгейта от него не осталось и следа. Нур там родился и научился ремеслу отца. Однако он мечтал стать чем-то бо́льшим, а поскольку был умен, его отец использовал свои связи со всеми знакомыми богатыми клиентами, чтобы продвинуть сына, обнаружившего склонность к литературе, музыке, математике, алхимии и теологии. Нур был отправлен в лучшую школу Кордовы. Там он и жил, общаясь с богатыми и бедными, с малыми и могущественными, с христианами с севера и черными нубийцами.

Именно там он встретил Мухидэддина ибн эль-Араби. Этот молодой человек стал величайшим поэтом своего времени, певцом любовной лирики, и эхо его стихов позже можно было обнаружить в песнях Прованса и франкских трубадуров. Богатому и красивому юноше понравился бедный и невзрачный сын брадобрея, и он в 1202 году пригласил Нура сопровождать его в паломничество в Мекку. Во время путешествия через Северную Африку они встретились с группой персидских иммигрантов — суфиев. Нур уже был знаком с их учением, но разговор с персами решил его судьбу — он стал изучать суфизм. Однако тогда он еще не нашел ученого, который согласился бы рассмотреть его просьбу и взять его на испытание. Нур продолжил путешествие с эль-Араби в Египет, где фанатики обвинили обоих в ереси, и они чудом спаслись от гибели.

После завершения хаджа в Мекку они отправились в Палестину, Персию и Индию. На это ушло целых четыре года, после чего они вернулись в свой родной город, проведя в пути еще год, чтоб достичь его. В Кордове оба некоторое время пробыли учениками у женщины-суфии Фатимы бинт-Валийа. Суфии считали мужчин и женщин равными, что скандализировало ортодоксов. Те были уверены, что мужчины и женщины встречаются только ради сексуальных целей.

Фатима отослала Нура в Багдад учиться у знаменитого ученого, жившего в тех краях. Спустя несколько месяцев учитель отправил его обратно в Кордову к другому, еще более знаменитому

ученому. Но когда христиане после жестокой битвы взяли Кордову, Нур вместе со своим учителем уехал в Гранаду.

Проведя там несколько лет, Нур предпринял целую серию путешествий, чем заработал свой *лакаб,* то есть свое прозвище эль-Музафир — Странник. Побывав в Риме, куда ему дали право свободного въезда рекомендательные письма Фатимы и эль-Араби, он затем попал в Грецию, Турцию, Персию, Афганистан, еще раз в Индию, Индонезию, Китай и Японию.

Поселившись в священном Дамаске, он зарабатывал на жизнь как музыкант и как tasawwuf, то есть суфий-учитель, имевший несколько учеников. Пробыв там несколько лет, Нур снова отправился в путь. Он поднялся вверх по Волге, пересек Финляндию и Швецию, потом Балтийское море и добрался до страны идолопоклонников — диких пруссов. Отсюда, еле избежав участи быть принесенным в жертву деревянному идолу, он отправился на запад через Германию. Северная Франция, Англия и Ирландия стали частью его пути.

Во время пребывания Нура в Лондоне королем был Ричард Первый по прозвищу Львиное Сердце. Ричарда тогда в Англии не было, он был занят осадой замка Шалю в Лимузене, Франция. Через месяц Ричард был убит стрелой, пущенной из замка, а в мае короновали его брата Иоанна. Нур был свидетелем этой церемонии в Лондоне. Спустя какое-то время Нура удостоили приема у короля Иоанна. Он нашел того обаятельным и остроумным, интересующимся культурой ислама и суфизмом. Особенно короля Иоанна заинтересовали рассказы Нура о далеких странах.

— Путешествие в те дни было по меньшей мере тяжелым и опасным делом,— сказал Фрайгейт.— Даже так называемые цивилизованные страны и то вряд ли можно было назвать гостеприимными. Преобладала религиозная ненависть к инаковерующим. Как мог ты — мусульманин — один, без защиты и без денег путешествовать по христианским странам, не опасаясь за жизнь? Особенно во времена Крестовых походов, когда религиозная ненависть повсюду торжествовала?

Нур пожал плечами:

— Обычно я отдавался под покровительство религиозных властей этих стран. А те уж добывали мне защиту со стороны властей гражданских. Церковные лидеры больше интересовались еретиками среди своих единоверцев, чем просто неверными. Во всяком случае, в пределах своих провинций.

В других случаях защитой мне служила бедность. Грабители мной пренебрегали. Когда я странствовал по сельским местностям, я зарабатывал себе на еду и доставлял людям развлечение, играя на флейте, а также искусством жонглера, акробата и фокусника. Кроме того, я отличный лингвист и мог быстро овладеть языком или диалектом тех мест, где оказывался. И еще рассказывал им всякие истории и анекдоты. Видишь ли, люди повсюду хотят слышать новости, им нужны развлечения. Поэтому меня почти всегда встречали приветливо, хотя, конечно, иногда попадались и такие, что были настроены враждебно. И вообще, что им было до того, что я мусульманин? Я же никому не делал вреда, а скорее служил забавой. И еще — я излучал дружелюбие. Это мы все умеем.

Вернувшись в Гранаду и обнаружив, что обстановка там изменилась к худшему и что к суфиям там стали относиться недоброжелательно, Нур уехал в Хоросан. Там он несколько лет учительствовал, а затем совершил второе путешествие в Мекку. Из Южной Аравии он на торговом корабле добрался до берегов Занзибара, а оттуда в Юго-Восточную Африку. После Африки Нур вернулся в Багдад и жил там, пока смерть не настигла его в возрасте девяноста четырех лет.

Монголы под предводительством Улагая — внука Чингисхана штурмом взяли Багдад, убивая и насилуя. За сорок дней были убиты сотни тысяч жителей. Нур оказался в их числе. Он сидел в своей каморке, играя на флейте, когда коренастый косоглазый монгол в пропитанной кровью одежде ворвался к нему. Нур продолжал играть, пока монгол не обрушил меч на его шею.

— Монголы опустошили Средний Восток,— сказал Фрайгейт.— Никогда еще в истории опустошения таких масштабов не производились за столь короткий срок. Прежде чем уйти, монголы уничтожили там около половины населения и разрушили все — от домов до каналов. В мое время, шесть столетий спустя, Средний Восток так еще и не возродился.

— Воистину они были бичом Аллаха,— отозвался Нур.— И все же даже среди них попадались добрые мужчины и добрые женщины.

Сейчас, сидя возле этого маленького человека и наблюдая за темнокожими любителями бетеля на берегу, Фрайгейт снова подумал о роли случая. Какая судьба свела пути человека, родившегося на Среднем Западе США в 1918 году, и другого, родившегося в мусульманской Испании в 1164 году? Неужели судьба — это всего лишь случай? Возможно. Но шансы, что такая встреча произойдет на Земле, были один к бесконечности. Мир Реки изменил соотношение шансов, и вот они встретились.

Этим вечером, после разговора с Нуром, они все сидели в капитанской каюте. Корабль стоял на якоре вблизи берега; лампы на рыбьем жире освещали игру в покер. После того как Том Райдер сорвал последний крупный выигрыш (ставками служили сигареты), пошел обычный мужской треп. Нур рассказал парочку анекдотов о мулле Насреддине. Наср-эд-дин (Орел Веры) был знаменитым героем мусульманских народных баек, а также дервишем и простаком, чьи приключения в определенной мере могли быть поводом для извлечения уроков жизненной мудрости.

Нур отпил глоток шотландского виски — он никогда не пил больше двух унций в день — и сказал:

— Капитан, вы рассказали историю про Пата, Майка, священника, рабби и проповедника. Это очень смешная история, но она дает представление об образе мышления человека. Пат и Майк — герои западного фольклора. Разрешите мне предложить вам нечто восточное.

Однажды какой-то человек пришел в дом муллы Насреддина и увидел, что тот ходит вокруг дома, разбрасывая по земле крошки хлеба.

«Ради всего святого, мулла, зачем ты делаешь это?» — спросил человек.

«Отпугиваю тигров».

«Но,— воскликнул человек,— тут же нет тигров!»

«Именно. Значит, средство срабатывает, верно?»

Все засмеялись, а Фрайгейт спросил:

— Нур, а сколько лет этой истории?

— Ей уже было по меньшей мере тысячи две лет, когда я родился. Она зародилась у суфиев как поучение. А почему ты спросил?

— Потому что,— ответил Фрайгейт,— я слыхал ту же историю, но в несколько ином виде в тысяча девятьсот пятидесятом или около того. Речь в ней шла об англичанине, стоявшем на коленях на улице и рисовавшем мелом черточки на тротуаре. Проходивший мимо приятель спросил его:

«Зачем ты это делаешь?»

«Отпугиваю львов».

«Но в Англии нет львов!»

«Вот видишь!»

— Клянусь Богом, такую же историю я слыхал во Фриско, когда был мальчишкой,— взревел Фаррингтон.— Только в ней фигурировал ирландец.

— Многие из поучительных историй о Насреддине стали просто анекдотами,— сказал Нур.— Люди рассказывают их, чтоб повеселиться, хотя первоначально они должны были восприниматься как поучения. Вот еще одна такая.

Насреддин много раз пересекал границу между Персией и Индией на своем ослике. Каждый раз ослик нес на спине большие связки соломы. Когда же Насреддин возвращался, ослик уже не нес никакого груза. Каждый раз таможенники обыскивали Насреддина, но не могли обнаружить никакой контрабанды.

Страж всегда спрашивал Насреддина, что он везет. Мулла отвечал одно и то же: «Контрабанду», и страж смеялся.

Прошло много лет, и Насреддин решил уехать в Египет. Таможенник подошел к нему и сказал:

«Ладно, Насреддин, теперь тебе ничто не угрожает, так скажи мне, что ты перевозил контрабандой?»

«Ослов».

Все снова расхохотались, и Фрайгейт сказал:

— Я слыхал эту историю в Аризоне. Только контрабандистом там был Панчо, и он пересекал границу между Мексикой и Соединенными Штатами.

— Думаю, все анекдоты древние,— протяжно сказал Райдер.— Возможно, все началось еще с пещерных жителей.

— Вполне возможно,— отозвался Нур,— но традиционно считается, что они слагались суфиями задолго до того, как родился Магомет. Они предназначены учить людей, в каком направлении следует изменять образ мышления. Но сами истории очень забавны. Конечно, учителя пользовались ими только на первой, самой простой стадии обучения.

С тех времен эти рассказы разошлись по всему Востоку и Западу. Мне было интересно обнаружить некоторые из них, рассказываемые в измененном виде в Ирландии на гэльском языке. Передаваемый из уст в уста за тысячи лиг и тысячелетия времен, Насреддин прошагал из Персии в Ирландию.

— Если суфии придумали их еще до Магомета,— сказал Фрайгейт,— значит, они были зороастрийцами.

— Суфизм не является монополией ислама,— ответил Нур.— Он, конечно, достиг своих высот среди мусульман, но каждый, кто верит в Бога, может стать кандидатом в суфии. Суфии постоянно модифицируют свои методы обучения, чтобы они согласовывались с местными культурами. То, что срабатывает среди персидских мусульман в Хоросане, не обязательно даст результат у черных мусульман в Судане. А для парижских христиан разница в эффективности будет еще больше. Место и время определяют форму учения.

Позже Нур и Фрайгейт разминали ноги на берегу, гуляя вокруг огромного костра и с трудом пробиваясь сквозь толпу оживленно болтающих дравидов.

— Как можно приспособить средневековый иберийско-мавританский метод обучения к этому миру? — спросил Фрайгейт.— Народы тут перемешаны — отовсюду и из всех времен. Нет монолитных культур. А те, что существуют, непрерывно изменяются.

— Над этим я и тружусь,— ответил Нур.

— Тогда одна из причин, по которой ты не хочешь взять меня в ученики, состоит в том, что ты сам еще не готов для роли учителя?

— Можешь утешать себя этим,— сказал Нур со смехом.— Но — да, это одна из причин. Видишь ли, учитель всегда сам должен учиться.

Глава 49

Сизые облака тумана расползались по всему кораблю, заглядывая в каждую каюту.

Сэм Клеменс выкрикнул:

— Ох нет! Только не опять! — хотя вряд ли сумел бы объяснить, почему он выбрал именно эти слова.

А туман не только наваливался на все перегородки, не только просачивался в каждую щелку, пропитывая своей влагой все, что могло принять ее в себя, он клубами катился вниз по глотке Сэма, достигая сердца и обволакивая его. Сырость проникала в поры тела, ее капли стекали по коже, они катились по животу, пропитывали чресла Сэма, стекали по ним и лились по ногам, разжижая плоть и превращая ступни в липкую болотную грязь.

Ужас, объяснения которому он не знал, хотя и испытывал его далеко не впервые, заполнял все естество Сэма.

Он был один-одинешенек в рулевой рубке. Один на всем корабле. Стоя у пульта управления, он неотрывно всматривался в окно. Его застилал плотный туман. Сэм ничего не видел через пластик окна уже на расстоянии вытянутой руки. Не видел, но знал откуда-то, что берега Реки абсолютно безжизненны. На них не было ни единой души. И здесь, на этом гигантском корабле, тоже был только один он. Единственный человек на борту. Впрочем, корабль не нуждался и в нем, так как работал автопилот.

Но несмотря на свое одиночество, он знал, что оно не сможет быть помехой его плаванию к верховьям Реки. Ведь теперь во всем мире нет ни единой души, которая могла бы помешать ему в этом.

Он отвернулся от окна и стал ходить взад и вперед от одной стены рулевой рубки к другой. Сколько же времени уйдет на эти странствия? Когда же поднимется пелена тумана, когда же ярко засияет солнце и когда он увидит наконец горы, кольцом окружающие Полярное море? И когда он услышит другой человеческий голос и увидит другое человеческое лицо?

— Сейчас! — проревел чей-то голос.

Сэм подпрыгнул, будто в ногах у него распрямились тугие пружины. Сердце расширялось и сжималось с быстротой, с которой трепещут крылья колибри. Он даже не заметил, как развернулся на сто восемьдесят градусов и оказался лицом к лицу с обладателем голоса. Бесформенная темная фигура смутно виднелась в кипящих клубах тумана, заполнявшего всю рубку. Фигура надвигалась на Сэма, потом остановилась и простерла вперед еле различимый контур руки. Этот бесформенный придаток нащупал переключатель на пульте управления и щелкнул им.

Сэм пробовал было крикнуть: «Нет! Нет!», но слова толпились в его глотке и бились друг о друга со звоном, будто были сделаны из тонкого стекла.

Хотя в рубке было темно и разобрать, до какого переключателя дотянулась та рука, было невозможно, Сэм отлично понимал, что корабль лег на курс, который неминуемо приведет его к столкновению на полном ходу с левым берегом.

Наконец слова выдавились с визгом наружу:

— Не смей этого делать!

Бесшумная темная масса снова пришла в движение. Теперь Сэм уже видел, что это мужчина. Он был того же роста, что и Сэм, но плечи имел куда более широкие. На одном плече он держал длинную рукоять. На ее конце поблескивал усеченный треугольник стали.

— Эрик Кровавый Топор! — закричал Сэм.

И началась кошмарная погоня. Сэм мчался по всему кораблю, ныряя в каждую каюту трехэтажного капитанского мостика, потом пересек взлетную площадку, слетел по трапу на палубу, где сейчас стояли самолеты, и опять нырял в каждую каюту этой палубы, и снова вниз по трапу и через каюты крытой от ветра прогулочной палубы, и снова по трапу вниз и через все помещения главной палубы, и опять по трапу на котельную палубу.

Здесь, ощущая всю силу давления Реки на борта корабля, кожей чувствуя, что он находится ниже ватерлинии, он снова мчался через бесконечные закоулки и каморки. Он пробегал мимо гигантских электрических моторов, вращавших колеса и толкавших судно к неминуемой гибели. В отчаянии он попытался прорваться в отделение, где стояли два моторных бота. Сейчас он вырвет провода из мотора одного из них, а второй спустит на воду и оставит своего зловещего преследователя за спиной. Но кто-то запер дверь в этот отсек.

Тогда Сэм метнулся в крошечный закуток, стараясь унять рвущее легкие хриплое дыхание. И тут дверь закутка распахнулась. Фигура Эрика Кровавого Топора нависла над ним в серой дымке, плотно окутывающей их обоих. Фигура медленно надвигалась на него. Обеими руками она сжимала рукоять страшного топора.

— Я ж тебя предупреждал! — прорычал Эрик и взметнул топор. Сэм был бессилен, не мог ни шелохнуться, ни вскрикнуть. Да, это была его ошибка. Он свое заслужил.

Глава 50

Сэма разбудил его же собственный стон. Свет в каюте был включен, и над ним склонялось очаровательное лицо Гвенафры с ее длинными, медового цвета волосами.

— Сэм! Проснись! У тебя опять кошмары!

— На этот раз он меня чуть было не поймал,— проворчал он.

Сел. На палубе слышались свистки. Минутой позже визгливо прогундосил интерком. Корабль должен был поворачивать к берегу ради зарядки у питающего камня и завтрака. Капитану полагалось вставать вместе со всеми. Сэм вылез из постели и про-

шлепал в туалет. Принял душ, почистил зубы и вернулся обратно в каюту. Гвенафра уже успела одеться в свое утреннее платье. И выглядела при этом как эскимоска, променявшая меха на полотенца. Сэм оделся примерно так же, но капюшон надвинул на свою капитанскую фуражку. Он закурил «корону» и, шагая взад и вперед по каюте, окутывал себя клубами дыма.

— У тебя опять был кошмар с Кровавым Топором? — спросила Гвенафра.

— Да,— ответил он.— Дай-ка мне кофейку, ладно?

Гвенафра опустила чайную ложку темных кристалликов в серую металлическую чашку. Вода вскипела, как только кристаллики начали выделять тепло и кофеин. Сэм взял чашку, поблагодарив Гвен.

Она тоже отпила глоток кофе и сказала:

— У тебя нет никаких оснований чувствовать себя виноватым перед ним.

— Именно это я говорил себе тысячи раз,— ответил Сэм.— Страх иррационален, но разве понимание этого факта когда-нибудь облегчало положение человека? Именно иррациональное движет нами. У Повелителя Снов мозгов не больше, чем у ежа. Но это не мешает ему быть величайшим художником из всех известных мне. Возможно, включая в их число и вашего покорного слугу.

— Нет ни малейшего шанса, что Кровавый Топор отыщет тебя.

— Я знаю. Но ты попробуй убедить в этом Великого Мастера.

Зажегся свет. Небольшая панель на перегородке свистнула. Сэм щелкнул переключателем.

— Капитан? Говорит Детвейлер. Прибытие к намеченному питающему камню состоится через пять минут.

— О'кей, Хэнк,— ответил Сэм.— Я приду.

В сопровождении Гвенафры он вышел из гостиной. Они прошли по узкому коридору и через дверь вошли в собственно рулевую рубку, или «мостик». Это была самая верхняя палуба рулевой рубки: остальные старшие офицеры корабля были расквартированы в каютах на второй и третьей палубах.

В рубке находились три человека: Детвейлер, который когда-то был речным лоцманом, потом капитаном, а затем собственником Иллинойско-Миссурийской пароходной компании; старший офицер Джон Байрон, экс-адмирал королевского флота;

бригадир морских пехотинцев корабля Жан Батист Антуан Марселин де Марбо — экс-генерал Наполеона.

Последний был маленький, тоненький, веселый с виду человечек с темно-каштановыми волосами и блестящими голубыми глазами. Он отдал честь капитану и отрапортовал на эсперанто:

— Все на посту, мой капитан.

— Отлично, Марсель. Можете приступать,— ответил Сэм.

Маленький француз отдал честь и покинул рубку, соскользнув по шесту, ведущему прямо на взлетную палубу. Ее тут же залило светом, в котором стали видны морские пехотинцы в боевом снаряжении, выстроенные шеренгами вдоль палубы. Знаменосец держал древко с развевающимся на нем флагом корабля — светло-голубой квадрат с изображением малиновой птицы феникс.

Бок о бок с морскими пехотинцами стояли ряды пистолетчиков — мужчины и женщины в серых дюралевых, похожих на угольные ведра шлемах, украшенных плюмажами из человеческих волос, густо покрытых жиром, в пластиковых кирасах и кожаных сапогах до колен; талии были перетянуты широкими поясами, на которых висели кобуры с пистолетами «Марк-4».

Позади красовались копьеносцы; за ними лучники; на одном фланге находилась группа солдат с базуками.

Несколько отступив от рядов, на фланге отряда стоял колосс, одетый в сталь, держа в руках тяжеленную дубину, которую Сэм мог приподнять лишь обеими руками, да и то с большим трудом. Официально Джо Миллер был телохранителем Сэма, но он всегда сопровождал морских пехотинцев в подобных торжествах. Главная его функция заключалась в том, чтобы наводить страх на местных жителей.

— Но как всегда,— говаривал Сэм,— Джо перебарщивает. Он ведь и без того приводит их в ужас одним фактом своего присутствия.

Этот день начинался так же, как и все другие дни, но его ждала совсем другая судьба. В этот день «Минерва» должна была атаковать «Рекс грандиссимус». Казалось, Сэм должен был по этому поводу ликовать. А он не ликовал. Ему была ненавистна мысль, что прекрасный корабль подвергнется уничтожению — тот самый корабль, который он проектировал и строил с такой любовью. Более того, его еще лишали счастья лично отомстить королю Иоанну.

С другой стороны, так оно было куда безопасней.

На правом берегу Реки, примерно в полукилометре от них горел костер. Он освещал похожий на гриб питающий камень и бросал кровавые отблески на белые одежды толпившихся там людей. Туман над Рекой был сегодня тоньше и стоял ниже, чем это бывает обычно в здешних широтах. Он должен был исчезнуть сразу же, как только солнце покажется из-за гор. Небо уже светлело, восход стирал сверкающие гигантские звезды и газовые облака.

Согласно обычной процедуре, появление «Огненного дракона-3» — бронированного катера-амфибии — должно было предшествовать спуску второго моторного бота. Когда катер подошел к месту, где корабль должен был перезарядить свой батацитор, командир амфибии приступил к переговорам с местными властями о пользовании двумя питающими камнями. В большинстве случаев такое дело власти только приветствовали; вознаграждением им служила возможность насладиться видом колоссального корабля на столь близком расстоянии.

А те местные жители, которые протестовали, обнаруживали, что их питающие камни временно конфискуются. Сделать с этим они, конечно, ничего не могли, так как корабль обладал несравнимым преимуществом в огневой силе, хотя Клеменс применял ее лишь в исключительных случаях. Когда, например, ему приходилось отражать нападение, Клеменс старался по мере сил избегать массовых избиений. Как правило, нескольких очередей, выпущенных в воздух из крупнокалиберных пулеметов, стрелявших пластиковыми пулями 80-го калибра и приводимых в действие пароходной паровой машиной, вполне хватало, тем более что пулеметчиков поддерживала бронированная паровая амфибия, курсировавшая вдоль берега. В подавляющем большинстве случаев убивать вообще никого не приходилось.

В конце концов, что теряли аборигены от того, что два питающих камня использовались еще кем-то да еще и временно? Никто ведь не обязан был лишаться своего завтрака — на ближайших камнях всегда оказывались свободные лунки, которые могли принять граали небольшого числа дополнительных потребителей. Большая часть тех, кто оставался без завтрака, даже не беспокоили себя прогулкой к другим грибам, а довольствовались охами и ахами, рассматривая вблизи этот потрясающий воображение корабль.

Четыре огромных электромотора корабля потребляли невероятное количество энергии. Раз в день большая металлическая

«шапка» должна была надеваться на какой-нибудь питающий камень, возле которого останавливался корабль. Пока моторный бот отвозил граали экипажа корабля к другому камню, лебедка, укрепленная на втором катере, поднимала «шапку» и надевала ее на верхнюю часть питающего камня. Когда тот разряжался, энергия по толстому кабелю передавалась в батацитор. Последний представлял собой громадную металлическую коробку, занимавшую место между котельной и главной палубами. Исполняя функцию конденсатора, батацитор запасал энергию впрок. Когда нужно, он отдавал ее, теперь уже играя роль батареи.

Сэм Клеменс сошел на берег и поговорил с местным вождем, который понимал эсперанто. Этот универсальный язык деградировал тут до формы, которую Сэму было трудно, а иногда и просто невозможно понять. Он важно поблагодарил вождя за его любезность и вернулся на корабль на своей личной небольшой моторке. Через десять минут «Огненный дракон-4» вернулся с грузом наполненных граалей.

Чтобы доставить туземцам максимум удовольствия, засвистели свистки, зазвенели звонки, и корабль медленно пошел вверх по Реке. В столовой на главной палубе Сэм и Гвенафра восседали во главе большого стола, по длинной стороне которого помещались девять человек. Старшие офицеры, за исключением того, который был на вахте, уже занимали свои обычные места. Отдав несколько распоряжений, касающихся сегодняшнего дня, Сэм отошел к бильярду, чтобы сыграть пару партий со своим титантропом. Джо не очень ловко обращался с кием и с картами из-за своих огромных лапищ, и Сэм почти всегда обыгрывал его. Победив Джо, он затем с удовольствием сражался с более опытными противниками.

В 7.00 Сэм должен был заняться инспектированием корабля. Он ненавидел ходьбу, но настаивал на ней, ибо хорошо понимал пользу физических упражнений. Кроме того, инспекции помогали поддерживать на корабле военную дисциплину. Без мушты и инспекционных проверок команда быстро превратилась бы в толпу грязных шпаков. А они обнаглели бы и принялись фамильярничать с начальством даже во время вахт.

— Я командую строптивым кораблем,— хвастался Сэм.— Во всяком случае, команда у меня строптивая, хотя еще ни разу никто не был пойман на вахте в пьяном виде.

В это утро инспекция, однако, не состоялась. Сэма вызвали на мостик, так как радист получил сообщение от «Минервы». И прежде чем Сэм вышел из лифта, радар засек некий объект, приближающийся от гор по левому борту.

Глава 51

Управляемый аэростат возник из солнечного сияния, будто серебряное яйцо, только что снесенное солнцем. Для ошеломленных людей на берегах, которые в большинстве своем не только не видели, но даже не слыхали о воздушных кораблях, он казался жутким чудовищем. Без сомнения, кое-кто из них счел, что это корабль, на котором прибыли те могущественные и таинственные существа, которые возродили их из мертвых. Возможно, кто-то из таких приветствовал его появление со смешанным чувством восторга и ужаса, надеясь, что до объяснения всего случившегося с ними теперь рукой подать.

Как удалось «Минерве» так быстро отыскать «Марка Твена»?

Огромный речной корабль тащил за собой большой, похожий на воздушного змея аэростат, поднимавшийся выше гор и несший на себе передатчик, который посылал мощные разряды в виде точек и тире. Харди — штурман «Минервы» — знал примерное местоположение судна из карты, лежавшей на его столе. За годы плавания «Марк Твен» послал множество сообщений, позволивших ученым Пароландо следить за его маршрутом. Кроме того, «Парсеваль», обнаружив корабль визуально, тут же послал радиограмму, которая дала «Минерве» возможность более точно определить местонахождение «Марка Твена».

Получив почти одновременно данные о местоположении «Рекса», капитан «Минервы» выяснил, что судно Иоанна Безземельного находится почти на одной прямой с кораблем Сэма, лишь немного западнее последнего. «Рекс» плыл всего лишь в 140 километрах, если следовать по этой прямой, как спина прусского офицера, линии. Если же путешествовать по Реке, то кораблю Сэма пришлось бы пройти не менее 571 195 километров, или 355 000 миль, прежде чем он добрался бы до того места, где сейчас был «Рекс».

Грейсток, пользуясь передатчиком в гондоле управления, попросил у Сэма разрешения пройти над самым «Марком Твеном». Голос Сэма по радио звучал на редкость глухо и невыразительно.

— Зачем?

— Чтобы салютовать вам,— ответил англичанин.— А кроме того, я полагаю, что вы и ваш экипаж захотите бросить взгляд на воздушный корабль, который летит, чтоб уничтожить короля Иоанна. По правде говоря, моим ребятам да и мне тоже очень хотелось бы поглядеть на ваше великолепное судно с близкого расстояния.— Грейсток помолчал и добавил: — Не исключено ведь, что это наш последний шанс.

На этот раз паузу пришлось сделать Сэму. Затем голосом, в котором звучали подавляемые слезы, он ответил:

— О'кей, Грейсток. Разрешаю полет по нашему курсу, но не над нами. Хотите, считайте меня параноиком, но мне как-то не по себе, когда воздушный корабль с четырьмя бомбами зависает прямо над моей головой. А вдруг они случайно сорвутся?

Грейсток закатил глаза к небу, что явно означало недовольство, и жестко улыбнулся другим офицерам, находившимся с ним в гондоле.

— Да нет, такого в жизни быть не может,— сказал он.

— Вона! То же самое сказал капитан «Мэна»* как раз перед тем, как отправиться спать! Нет уж, Грейсток, делайте так, как я сказал.

Грейсток, явно недовольный, ответил, что повинуется.

— Мы облетим вас один раз, а потом пойдем делать свою работу.

— Что же, удачи вам,— сказал Сэм.— Я знаю, что ваши отличные ребята могут не...

Казалось, он никак не может найти слова, которые завершили бы эту фразу.

— Мы знаем, что можем не вернуться,— ответил Грейсток,— но я думаю, что у нас большие шансы застать «Рекса» врасплох.

— Я тоже надеюсь на это. Но помните, что у «Рекса» есть два аэроплана. Вам надо ударить по взлетной палубе так, чтобы они не смогли взлететь.

— Мне советы не нужны,— холодно ответил Грейсток.

Последовала еще одна пауза, более продолжительная, чем предыдущие.

Теперь голос Сэма звучал громче.

---

* Со взрыва американского крейсера «Мэн», стоявшего на рейде Гаваны, началась Испано-Американская война.

— Лотар фон Рихтхофен направляется, чтобы приветствовать вас. Он пролетит рядом и даст вам свое личное благословение. Это самое малое, что я могу сделать для него. Пришлось потратить уйму времени, чтобы отговорить его от намерения сопровождать вас всю дорогу. Он хотел тоже принять участие в атаке.

Но у наших аэропланов потолок всего лишь три тысячи шестьсот шестдесят метров. Это делает их слишком чувствительными к нисходящим воздушным потокам над горами. А кроме того, пришлось бы брать дополнительные баки топлива для возвращения домой.

— Я говорил Сэму, что вы могли бы уделить нам топливо из ваших запасов, Грейсток. И тогда мы могли бы вернуться,— раздался в эфире голос Лотара.

— Ничего не поделаешь.

Грейсток глянул вниз через переднюю прозрачную панель гондолы. Привязной аэростат уже опускался, но пройдет еще минут двадцать, пока его пришвартуют к палубе.

Гигантский корабль был прекрасен. По длине он превосходил «Рекса» на четверть и был гораздо выше того. Джилл Галбирра доказывала, что «Парсеваль» — самое крупное и самое прекрасное произведение человеческих рук в мире Реки. Да и на Земле не видано ничего равного ему. Однако Грейсток подумал, что вон то судно, если воспользоваться словами самого Клеменса, «могло бы в борьбе за голубую ленту на милю обставить всех претендентов».

Пока Грейсток любовался «Марком», аэроплан подняли на лифте на взлетную палубу, а команда принялась готовить катапульту.

Высокий мужчина обежал холодными как Арктика глазами рулевую гондолу. Пилот Ньютон — авиатор времен Второй мировой войны — сидел на своем посту. Харди — штурман и ирландец Самрад — первый помощник, стояли у правой бортовой прозрачной панели. Остальные шесть членов экипажа находились в трех моторных гондолах.

Грейсток прошел к оружейной кладовке, открыл ее и достал два тяжелых пистолета «Марк-4». Это были стальные четырехзарядные пистолеты с дюралевыми патронами, заряженными пластиковыми пулями 69-го калибра. Один из них Грейсток взял за рукоятку левой рукой, а второй держал в правой за ствол.

Поглядывая краем глаза на тех двоих, что стояли у бортовой панели, Грейсток бесшумно зашел Ньютону за спину. Рукоятью пистолета он нанес сильнейший удар по голове пилота. Тот безжизненной массой вывалился из кресла на пол.

Потом Грейсток быстро протянул левую руку и большим пальцем нажал на переключатель передатчика. Оба мужчины обернулись, услышав удар металла по черепной кости. Они замерли, глядя на совершенно неожиданную для них картину.

— Не двигаться...— сказал Грейсток.— А теперь... руки за голову!

Харди, у которого глаза вылезали из орбит, спросил:

— Ты что, парень?

— Стой спокойно, и все тут.

Грейсток пистолетным стволом указал на шкаф:

— Наденьте парашюты и не пытайтесь напасть на меня. Обоих уложу в момент.

Самрад заикался, его лицо то краснело, то бледнело.

— Т... т-ты... подонок! Предатель!

— Нет,— сказал Грейсток.— Всего лишь верный подданный короля Иоанна Английского.— Он улыбнулся.— Хотя мне и было обещано, что я стану вторым по рангу человеком на «Рексе», если приведу этот дирижабль к его величеству. Это, разумеется, укрепило мою преданность.

Самрад глянул в кормовой иллюминатор. То, что произошло в гондоле управления, можно было хорошо наблюдать из моторной гондолы.

— Я же выходил отсюда полчаса назад, чтоб проверить работу инженеров, помнишь? Теперь они связаны, а потому помощи вам ждать не приходится,— сказал Грейсток.

Оба мужчины пересекли гондолу, подошли к шкафу, открыли его и стали надевать парашюты.

— Можете надеть парашют и на Ньютона; выбросите его наружу, прежде чем выпрыгнете сами.

— А с инженерами что?

— Им придется рискнуть жизнью.

— Они же погибнут, если тебя собьют! — воскликнул Самрад.

— Что ж, будет жаль, конечно.

Когда оба надели свои ранцы, они оттащили Ньютона на середину гондолы. Грейсток, направив пистолеты на них, попятился к стене, пока они занимались этим. Затем он нажал кнопку, опускавшую правую бортовую панель. Стонавший и наполовину еще не пришедший в себя Ньютон был сброшен через борт гон-

долы. Самрад успел рвануть строп его парашюта, когда тело Ньютона переваливалось через борт. Минуту спустя прыгнул и ирландец. Харди задержался; одна его нога была уже перекинута через борт.

— Если когда-нибудь встретимся, Грейсток, убью тебя на месте.

— Не убьешь,— отозвался Грейсток.— Давай прыгай, пока я не решил подстраховаться, чтоб такого шанса у тебя никогда не оказалось.

И он повернулся к радиопередатчику.

— Какого черта у вас там стряслось? — ревел голос Клеменса.

— Три человека из моего экипажа тащили жребий, кому покинуть дирижабль,— спокойно произнес Грейсток.— Мы решили, что его следует облегчить. Так лучше; нам нужна вся скорость, которую можно выжать из моторов.

— А какого дьявола вы меня не предупредили? — негодовал Клеменс.— Теперь мне придется спускать шлюпку и выуживать их из воды!

— Я знаю,— буркнул Грейсток себе под нос. Он выглянул в носовую панель. «Минерва» уже оставила «Марка Твена» за собой. Палубы корабля были полны народа, любующегося дирижаблем. Аэроплан — одноместный моноплан с низко посаженными крыльями — был уже поставлен на катапульту, которую развернули так, чтобы ветер дул ей навстречу. Аэростат все еще подтягивали к кораблю.

Грейсток сел перед пультом управления. За несколько минут он спустил дирижабль до высоты 91 метр, или 300 футов, от поверхности воды. Затем сделал разворот и повел машину прямо на корабль.

Огромное белое судно стояло неподвижно, его четыре колеса вращались медленно, лишь компенсируя снос течением, чтобы удержать его на месте. С кормы уже спустили большой катер, который должен был обойти «Марка», чтоб подобрать парашютистов, бултыхавшихся в воде.

Оба берега тоже кишели зрителями, и по меньшей мере сотня суденышек спешила на парусах и на веслах на помощь парашютистам.

Из катапульты вырвался пар, и моноплан взмыл с палубы в воздух. Его серебристый фюзеляж и крылья тускло сверкнули, когда он стал набирать высоту, направляясь к дирижаблю.

Из приемника неслись вопли Клеменса:

— Какого-того-этого-так-тебя-и-растак ты вытворяешь, Джон?!

— Возвращаюсь, чтоб посмотреть, все ли благополучно с моими ребятами,— ответил Грейсток.

— Неслыханный идиотизм! — кричал Клеменс.— Да если твои мозги разбухнут по объему в десять раз, то и тогда они будут болтаться и дребезжать даже в заднице комара! Вот что получается, когда пытаются сделать норковую шапку из свиной гузки! Я ж говорил Фаербрассу, что он не должен и близко подпускать средневековых баронов к дирижаблю!

«Грейсток происходит из самого тупого, самого наглого и самого ненадежного класса, который только можно отыскать!» — сказал я ему. Средневековый аристократ! Легче вообразить себе Иисуса Христа, прыгающего с шестом! Так нет, он уверял, что у тебя огромные возможности и что это будет любопытнейший эксперимент, если тебе удастся адаптироваться к индустриальному обществу!

— Полегче, Зэм! Езли ты разозлишь его, он откажетзя атаковать зудно Иоанна! — загремел голос Джо Миллера.

— Зунь его в звою задницу! — передразнил его Клеменс.— Когда мне понадобится совет от палеонтропа, я его обязательно попрошу.

— Не надо озкорблять других, езли ты зам зходишь з ума, Зэм,— уговаривал Миллер.— Злушай! А не пришло ли твоей милозти в башку, что, может, Грейзток задумал что-то гнузное? Может, он договорилзя з этой задницей королем Иоанном?

Грейсток грязно выругался. Эта волосатая комичная гигантская обезьяна оказалась куда умнее, чем выглядит. Однако Клеменс, пылающий огнем негодования, может проигнорировать слова Джо.

К этому времени дирижабль, наклонив нос под углом десять градусов к горизонту, шел прямо на судно. Его высота над водой была около 31 метра и все время уменьшалась.

Самолет фон Рихтхофена прожужжал всего лишь в 15 метрах. Летчик покачал крыльями, но лицо у него было недоумевающее. Он, конечно, слышал весь разговор по радио.

Грейсток нажал кнопку. Ракета выскользнула из пусковой установки в носовой части передней моторной гондолы. Дирижабль, став легче, тут же немного набрал высоту. Выплевывая

пламя из дюз, длинная тонкая трубка свернула к серебристому аэроплану — тепловой локатор в ее носовой части «принюхивался» к выхлопным газам этой машины. Лицо Рихтхофена было неразличимо, но Грейсток отлично представлял выражение ужаса, появившееся на нем. У Лотара было всего шесть секунд, чтобы выбраться из кокпита и схватить парашют. Но если он даже спасется от ракеты, то вряд ли ему повезет — на такой малой высоте парашют все равно не успеет раскрыться.

Нет, Лотар не собирался прыгать. Вместо этого он положил аэроплан на крыло и послал его к воде. И тут же выровнял почти у самой поверхности. Блеснула ракета. И сразу же и снаряд, и аэроплан исчезли в одном огненном шаре.

Но в это время взлетная команда с бешеной скоростью уже тащила второй самолет. Те моряки, что спускали аэростат, отвлеченные от работы ревом сирен и гудков, бесцельно суетились и почему-то перестали подтягивать его к кораблю. Грейсток очень надеялся, что у них не хватит сообразительности, чтоб обрубить стропы. Огромный аэростат будет действовать как якорь, мешая судну маневрировать.

Через динамик до слуха Грейстока не слишком разборчиво долетал вой пароходных сирен и голос Клеменса почти такой же высокий, как пронзительный звон сигналов тревоги.

Пароход, разворачиваясь, одновременно набирал скорость. Грейсток ухмыльнулся. Он так и надеялся, что «Марк Твен» подставит ему свой борт. Он снова нажал кнопку, и дирижабль, освобожденный от веса двух тяжелых торпед, взмыл вверх. Грейсток с помощью руля высоты опустил нос корабля еще ниже и привел дроссели в положение, обеспечивающее максимальную скорость.

Торпеды ушли в воду с громким всплеском. За ними тянулись пенистые струи. Приемник донес до Грейстока тревожный крик Клеменса. Гигантский корабль прервал разворот и рванулся вперед под углом к берегу. С его палуб сорвались ракеты. Часть их свернула в направлении торпед и взорвалась сразу же, едва коснувшись воды. Другие были нацелены на дирижабль.

Грейсток выругался на нормано-французском. Он действовал недостаточно быстро. Но торпеды обязательно попадут в корабль, и когда попадут, приказ короля Иоанна можно будет считать выполненным.

А вот умирать не хотелось.

Возможно, ему следовало сбросить бомбы, еще когда он проходил над судном. Оно отвернуло в сторону, когда он пытался пройти прямо над ним, а он не захотел слишком круто менять курс. Ему следовало вывести из строя всю свою команду немного пораньше, а потом уж сказать Клеменсу, что хочет подвести дирижабль как можно ближе к кораблю, чтоб все могли его хорошенько рассмотреть.

Думая об этом, он автоматически жал на кнопку, которая должна была освободить все его остальные ракеты. Они ринулись навстречу ракетам с корабля, их детекторы замкнулись на хвостовых дюзах противников, точно так же, как детекторы корабельных ракет уже вцепились в их собственные.

Взрывы столкнувшихся ракет сотрясли дирижабль. Перед ним возникло дымовое облако, закрывшее корабль. А когда он вырвался из этого черного облака, то оказался прямо над «Марком Твеном»!

Раны Господни! Одна торпеда прошла мимо правого борта у кормы, но вторая должна была поразить его! Нет! Не вышло! Она чуть было не задела корму, но кораблю удалось отклониться и чудом избежать их обеих. Визгливый голос Клеменса донес до ушей Грейстока информацию, что больше ракет не будет. Клеменс опасался, что дирижабль взорвется и ветер отнесет горящие обломки к кораблю, на который они могут обрушиться.

Корабельный аэростат, волоча за собой пластиковый канат, плыл над Рекой, медленно поднимаясь вверх.

Клеменс, однако, видимо, позабыл, что бомбы с дирижабля еще не сброшены.

Второй аэроплан — двухместная амфибия — пронесся прямо под «Минервой». Его пилот с отчаянием взглянул вверх. Они слишком сблизились, а скорость дирижабля была слишком высока, чтобы можно было свернуть вправо и воспользоваться носовым пулеметом. Но стрелок, сидевший в кокпите, уже разворачивал свой сдвоенный пулемет. Каждая десятая пуля у него — трассирующая, в фосфорной оболочке. И даже одной из них достаточно, чтобы, попав в газовый отсек, поджечь дирижабль. «Минерва» находилась в 152 метрах от «Марка Твена» и быстро сближалась с ним. Ее моторы работали на предельной мощности. Это обстоятельство плюс попутный ветер, дующий со скоростью 16 км/час, означали, что кораблю никак не уйти от своей судьбы. Только бы успеть сбросить бомбы до того, как трассирующая

пуля попадет в оболочку! Впрочем, может, пулеметчик и промахнется. К тому времени, как он развернет свои пулеметы, аэроплан уже промчится мимо дирижабля.

Борт корабля уже громоздился перед глазами Грейстока. Теперь, даже если в дирижабль и не попадет трассирующая пуля, то все равно он так близок к кораблю, что его бомбы неминуемо уничтожат их обоих — и «Твена», и «Минерву».

Рассчитав время, когда «Минерва» окажется над колесным кораблем, Грейсток рывком привел в действие механизм, открывающий бомбовые люки. Затем вскочил с кресла и вперед головой нырнул сквозь поднятую панель. Надеть парашют времени не было. Кроме того, он был почти у самой воды, так что парашют все равно не успел бы раскрыться. Падая, Грейсток попал под взрывную волну, почувствовав удар, будто по голове его с размаху хватила лопасть огромного вентилятора. Он кувыркался в воздухе, уже теряя сознание, и даже не успел подумать, что не быть ему теперь вторым по рангу под началом Иоанна Безземельного. Не успел он подумать и о своих планах отделаться от Иоанна и самому стать капитаном «Рекса грандиссимуса».

Глава 52

Питер Фрайгейт впервые взошел на борт «Пирушки» спустя неделю после наступления Нового года — седьмого П. В. Через двадцать шесть лет он все еще продолжал жить на этой шхуне. От бесконечного плавания он устал, оно ему изрядно осточертело. Доберется ли шхуна хоть когда-нибудь до верховьев Реки?

С тех пор как он оказался на шхуне, он проплыл мимо 810 000 питающих камней. Значит, проделал путь в 1 303 390 километров, или 810 000 миль.

Он начал этот путь в экваториальной зоне, и ему потребовалось полтора года, чтоб добраться до арктической области, путешествуя не так, как летит ворона — по прямой, а скорее так, как ползет змея.

Если бы Река была пряма как линейка, корабль проделал бы этот маршрут за шесть, может, за пять месяцев, но плыть пришлось зигзагами, все время меняя направление, как меняет политикан свою политику сразу после выборов.

В первый же раз, когда корабль оказался в Арктике, а Река решительно повернула на юг, Фрайгейт предложил пуститься на

север пешком. Полярных гор еще не было видно, но они должны были находиться относительно близко. Словом, дела обстояли почти так же, как у Тантала.

— И как, во имя всех чертей, мы переберемся через них? — спросил тогда Фаррингтон.

И он ткнул пальцем в направлении непрерывной горной гряды, вертикально вздымавшейся на севере. Здесь она, по их оценке, поднималась всего лишь на высоту 3650 метров, или чуть меньше 12 тысяч футов.

— На воздушном шаре.

— Ты что, спятил? Здесь ветры дуют к югу. Они унесут нас прочь от Полярных гор.

— Приземные ветры — да. Но метеорологические условия тут в общем сходны с земными, и полярные ветры в верхних слоях атмосферы должны дуть в северо-восточном направлении. Если воздушный шар поднимется достаточно высоко, чтобы попасть в эти воздушные потоки, идущие в обратном направлении в сравнении с приземными, его понесет к полюсу.

А затем, когда мы полетим к горам, которые, как считается, окружают море, мы снизимся. Перелететь через те горы на воздушном шаре у нас шансов нет. Если, конечно, эти горы так высоки, как говорят о них.

Фаррингтон буквально побелел, услыхав предложение Фрайгейта.

Райдер же, ухмыляясь, сказал:

— Разве ты не знаешь, что Фриско Кид не выносит даже мысли о воздушных полетах?

— Да не в этом дело! — закричал, закипая, Мартин.— Если воздушный шар смог бы доставить нас туда, я бы первым полез в корзину! Но он не может! И как, во имя повелителя всея говна, мы построим такой шар, если даже допустить, что на нем действительно можно путешествовать?!

Фрайгейт вынужден был признать, что сделать это невозможно. Во всяком случае, в этом районе. Невозможно ни изготовить оболочку, ни наполнить ее водородом. Здесь для этого нет нужных материалов. И насколько он знал — в других районах тоже.

— Однако есть еще одна возможность, которую следовало бы обсудить. Как насчет воздушного шара, наполненного теплым воздухом, который доставил бы на вершину гор канат?

Еще не закончив эту фразу, Фрайгейт сам расхохотался. Откуда взять веревку длиной 3650 метров, достаточно прочную, чтоб она не лопнула под собственным весом? Какой величины шар потребовался бы, чтоб поднять такую огромную тяжесть? Такой же большой, как «Гинденбург»? И как бы они заякорили канат на вершине горы?

Фаррингтон, ухмыляясь во весь рот, предложил послать в шареканатоносителе еще и человека. Он мог бы вылезти на вершине и привязать канат.

— Так что лучше забудь об этом,— сказал он Фрайгейту.

Что тот с радостью и исполнил.

«Пирушка» продолжала плыть к югу, а команда была в восторге оттого, что покинула наконец эти мрачные холодные места. Там жило немногочисленное племя людей из раннего каменного века, но они и в прошлой жизни обитали в арктических районах Земли. Лучшего они не ведали.

С тех пор шхуна девять раз пересекала экватор и бывала в полярной области Южного полушария. Сейчас же они снова плавали в экваториальных водах.

Питер Фрайгейт по уши наглотался корабельной жизни, да и не он один. Остановки для отдыха на берегу с каждым разом становились все длиннее.

Однажды, ужиная на берегу Реки, Фрайгейт испытал два потрясения подряд. Первым из них было содержимое его грааля. Многие годы он тщетно надеялся, что грааль выдаст ему одновременно арахисовое масло и бананы. А теперь он открыл крышку и вдруг увидел свою осуществленную мечту.

Серая металлическая чашка на полочке была заполнена толстым слоем прекрасно пахнущего арахисового масла. А на другой подставочке лежал желто-коричневый банан.

Улыбаясь во весь рот, пуская от удовольствия слюни и причмокивая, Фрайгейт ободрал кожуру банана и намазал один его конец арахисовым маслом. Чуть ли не мурлыкая от восторга, он откусил кончик этого волшебного сочетания.

Нет, поистине стоило воскресать, хотя бы ради такой пищи!

А мгновение спустя он увидел проходившую мимо женщину. Она была весьма привлекательна, но от того, что она носила на своей руке, у него глаза вылезли из орбит.

Фрайгейт вскочил на ноги и подошел к ней, обращаясь на эсперанто:

— Pardon min, sinjorino*. Я случайно увидел ваш необыкновенный браслет. Он похож на бронзовый.

Она бросила взгляд на свою руку, улыбнулась и ответила:

— Estas braso**.

Приняв предложенную сигарету, она пробормотала:

— Dankon***.

Женщина была очень дружелюбна. Пожалуй, даже слишком, как могло показаться непредубежденному наблюдателю. Какой-то хмурый высокий мужчина уже начал приближаться к ним медленными, но решительными шагами.

Питер поспешил заверить его, что интересует его вовсе не женщина, а ее браслет. Мужчина тут же повеселел; женщина же, наоборот, выглядела слегка разочарованной. Однако она пожала плечами и постаралась сделать хорошую мину при плохой игре.

— Эта штука с верховьев,— сказала она.— И обошлась мне в сотню сигарет и пару рыбных рогов.

— Не говоря уж о кое-каких личных услугах, оказанных ею,— дополнил мужчина.

— Ох, Эмиль, это ж было до того, как я переехала к тебе,— обиделась женщина.

— А вы знаете, откуда он? — спросил Фрайгейт.— Я хочу знать, где их делают.

— Парень, который продал его, приехал из Новой Богемии.

Фрайгейт дал мужчине сигарету, и это, видимо, полностью сняло остатки напряженности. Эмиль охотно рассказал, что Новая Богемия — сравнительно крупное государство в девятистах питающих камнях от них выше по течению. Большинство населения составляют чехи из XX века. А меньшинство — народ из какого-то древнего галльского племени. Ну и конечно, один-два процента, как и всегда, приходится на лиц отовсюду и из всех времен.

Всего лишь три года назад Новая Богемия была маленьким государственным образованием со смешанным славяно-галльским населением, каких тут пруд пруди.

— Их вождь — человек по имени Ладислав Подебрад — лет шесть назад начал осуществлять один проект. Он решил, что там могут оказаться кое-какие минералы, особенно железо, погребен-

---

* Извините меня, синьора.

** Он и в самом деле бронзовый.

*** Спасибо.

ные глубоко под почвой. Его люди принялись копать возле самого подножия гор и пробили там здоровенную и глубокую шахту. Они потратили на это уйму кремневых и костяных орудий. Ты же знаешь, какая там крепкая трава.

Фрайгейт кивнул. Видимо, трава на этой планете предназначалась для защиты от эрозии. Ее корни уходили в глубину и там переплетались между собой. Он считал даже, что все это может быть одним растением, единым растительным организмом, простирающимся по обоим берегам Реки, а возможно, и под ней. Корни этого растения были необычайно крепки из-за высокого содержания кремния.

— Потребовалось немало труда, чтоб пробиться сквозь слой корней, а когда это было сделано, внизу не оказалось ничего, кроме грязи. Однако они продолжали врубаться и на глубине шестидесяти метров дошли до материнской горной породы. Кажется, это был известняк. Люди уже готовы были все бросить, но Подебрад, который, по слухам, что-то вроде ясновидящего, сказал им, что видел сон и что там — ниже известняка — имеются огромные залежи железа.

— Ясное дело,— сказала женщина.— А вот чего я не могу себе представить, так это тебя, занятого такой работой.

— Будто ты сама уж так трудолюбива!

Фрайгейт невольно подумал, что эти двое вряд ли долго останутся вместе, но вмешиваться в перепалку не стал. Он знавал на Земле пары вроде этой, которые грызли и изводили друг друга со дня женитьбы и до дня смерти. По какой-то причине, смахивающей на извращение, они все-таки нуждались друг в друге.

Три года назад мечта Подебрада сбылась и тяжкие труды его народа полностью окупились. Они наткнулись на мощную залежь минералов — железной руды, сернистого цинка, песка, угля, соли, свинца, серы и даже платины и ванадия.

Фрайгейт от неожиданности мигнул и спросил:

— Ты хочешь сказать — слоями, пластами? Так в природе не бывает!

— Верно,— ответил Эмиль.— Во всяком случае, тот парень сказал Мари, что такого быть не должно. Но то, что он рассказывал, я слышал и от других приезжих из Новой Богемии; по их словам, было похоже, что какой-то гигантский грузовик свалил эти руды в одну кучу.

Тот, кто конструировал этот мир, вроде бы сгреб эти руды в одно место колоссальным бульдозером. Затем навалил на них горную породу, потом почву, а потом посадил траву.

Так или иначе, Подебрад вытащил металлы наружу, вернее, до сих пор добывает их оттуда. Люди его теперь все вооружены стальным оружием. А Новая Богемия расширила свою двенадцатикилометровую границу и теперь тянется на шестьдесят километров по обоим берегам Реки.

Но это не было результатом завоевания. Прилегающие государства сами просили о присоединении, а Подебрад только приветствовал это дело. Богатств у него хватает с лихвой.

А тем временем другие страны поблизости тоже запустили свои буровые проекты. Работы идут уже три года, но результаты пока — только пот, поломанные орудия и разочарование.

Видимо, место, на которое наткнулся Подебрад,— единственное, богатое минералами. Или этим, как называл их Эмиль, болванам следовало рыть еще глубже.

Эмиль ткнул пальцем в сторону холмов:

— Наше правительство пробило шахту глубиной в шестьдесят метров. Но сейчас ее засыпают. Верхний слой — доломиты. Подебраду повезло. У него был всего лишь мягкий известняк.

Фрайгейт поблагодарил Эмиля и, возбужденный, поспешил на корабль. В результате «Пирушка» спустя одиннадцать дней бросила якорь у берега столицы Подебрада.

Уже за полдня до прибытия к южным границам страны экипаж «Пирушки» ощутил близость Новой Богемии по запаху. Сернистые и угольные дымы провоняли все окрестности.

Вдоль берегов тянулись высокие земляные стены. Повсюду в глаза бросалось обилие стального оружия, включая кремневые ружья. Реку патрулировали большие колесные паровые суда, каждое из которых несло по две пушки; сновали многочисленные мелкие суденышки, вооруженные пулеметами.

Экипаж «Пирушки» был поражен этим зрелищем. И в то же время ощущал острую боль. Дивная долина была жестоко изуродована. Они так привыкли к чистейшему воздуху и безоблачным голубым небесам, к зеленым холмам и равнинам, что смотрели на это как на вечный и неизменный дар.

Нур спросил у аборигена, а была ли необходимость так погубить землю и производить такое количество оружия.

— Пришлось,— ответил спрошенный.— Если б мы этого не сделали, другие страны попытались бы отобрать у нас наши руды. Для этого они пустили бы в ход вооруженную силу. Мы делали оружие для самообороны.

Конечно, мы кое-что производим и сверх того. Излишки мы продаем и получаем больше табака, спирта, пищи и украшений, это нам на пользу.

И мужчина довольно похлопал себя по толстому брюху.

— Но ведь граали удовлетворяют все естественные потребности человека и даже снабжают его кое-какими предметами роскоши. Так надо ли срывать почвенный покров и разводить вонь на всю страну, чтобы получить больше того, в чем нуждается человек? — улыбаясь, спросил Нур.

— Так я же объяснил вам зачем!

— А не лучше ли завалить шахту,— продолжал Нур,— или даже не закладывать ее вовсе?

Человек пожал плечами. Потом, как будто чем-то ошеломленный, подбежал к Райдеру:

— Послушайте, а вы, часом, не кинозвезда Том Микс?

Том ухмыльнулся и ответил:

— Только не я, *амико.* Хотя мне часто говорили, что я на него смахиваю.

— Я видел вас... его... когда он приезжал в Париж во время своего турне по Европе. Я тогда был там по делам, стоял в толпе и приветствовал вас... его... когда он гарцевал на своем Тони. На меня это произвело громадное впечатление. Он был моим любимым актером вестернов.

— И моим тоже,— ответил Том и отвернулся.

Фрайгейт отозвал капитана и первого помощника в сторону.

— Ты чем-то взволнован, Пит,— сказал Мартин Фаррингтон.— Должно быть, думал о том же, о чем мы разговаривали пару минут назад.

— Вряд ли такое возможно,— ответил Фрайгейт.— А о чем вы говорили?

Мартин искоса взглянул на Тома и усмехнулся:

— А о чем же еще можно сейчас говорить? Мы говорили, вернее, мечтали о том, как было бы славно разжиться одним из этих пароходиков.

Фрайгейт удивился:

— Мне это и в голову не приходило. Ты что имеешь в виду — украсть его, что ли?

— Да вроде бы,— сказал Том своим тягучим южным говором.— Они же запросто построят себе новый. Мы тут прикинули, насколько быстрее мы пошли бы вверх по Реке на этой нарядной посудине.

— Если оставить в стороне этическую сторону вопроса,— возразил Фрайгейт,— то дело это опасное. Я сильно подозреваю, что по ночам их сторожат.

— Нет, ты глянь, кто тут рассуждает об этике! — воскликнул Мартин.— Разве не ты спер свое копье, стрелы и лук? Не вспоминаешь?

Фрайгейт покраснел:

— Не совсем так. Я сделал их сам. Они мои по праву.

— Это было воровство,— спорил Мартин. Он выдал одну из своих чарующих улыбок и ударил Фрайгейта по плечу.— И нечего ершиться. Твоя потребность была острее, чем потребность государства, и ты взял то, что могло быть легко заменено. Мы находимся в такой же ситуации. Мы должны подниматься по Реке гораздо быстрее, чем раньше.

— Не говоря уж о том, что и с большими удобствами,— заметил Том.

— И вы хотите, чтоб мы пошли на риск быть убитыми?

— А ты пойдешь добровольцем? Я никому не стану приказывать. Но если тебе неохота идти, то, надеюсь, ты ведь не побежишь доносить на нас, а?

— Конечно нет! — воскликнул Фрайгейт, краснея как рак.— Я не потому возражаю, что сдрейфил. Слушайте, я пойду с вами, если это будет необходимо. Но на уме у меня совсем другое. Благодаря этому мы сможем добраться до севера куда быстрее, чем на пароходе.

— Ты полагаешь, этот Подебрад построит для нас гоночную лодку? — спросил Мартин.— Или паровую яхту?

— Нет, ничего подобного! Я имею в виду нечто, что по Реке не плавает, а пойдет над ней!

— Чтоб мне седлом протерло дырку в заднице! — воскликнул Том.— Ты говоришь об аэроплане?

В голосе Тома звучало волнение. Мартин же побледнел.

— Нет. Такое дело у нас не пройдет. Я хочу сказать, что аэроплан, конечно, доставил бы нас туда быстрее, но нам пришлось бы несколько раз садиться, приготавливать топливо, а этого мы сделать не можем. Нет. Я думаю о другом средстве передвижения.

— Неужели о воздушном шаре?

— А почему бы и нет? О шаре, а еще лучше об управляемом аэростате.

Глава 53

Тому Райдеру такое предложение явно импонировало.

— Нет! — воскликнул Фаррингтон.— Эта идея слишком опасна. Я не доверяю этим хлипким мешкам с газом. Кроме того, придется воспользоваться водородом, верно ведь? А водород горит как бог знает что! — И он прищелкнул пальцами.— Кроме того, это легкая добыча для сильного ветра и бурь. И еще, где это ты найдешь пилота для аэростата? Это тебе не летчики — их много, хотя лично я за все время набрел лишь на двоих. Дальше, нам придется стать его экипажем, а это значит, что нам нужна тренировка. А что, если у нас ничего не получится? Есть и другие доводы...

— Дрейфишь? — спросил Том, улыбаясь.

Мартин побагровел и сжал кулаки:

— Нарываешься на неприятности? И не жаль зубов?

— Мне их терять не впервой,— отозвался Райдер.— Но не зарывайся, Фриско. Я просто пытался подыскать еще причины, чтоб не лететь. Вроде помогал тебе, что ли.

Фрайгейт знал, что Джек Лондон никогда не проявлял интереса к воздухоплаванию. Хотя, по его мнению, человек, который вел жизнь, полную приключений, который всегда выказывал напористую смелость и был невероятно любознателен, просто обязан был стремиться к полету на новомодной машине.

Неужели он просто боится высоты?

Вполне возможно. Многие люди, которые ни черта не боялись на Земле, приходили в ужас от перспективы оторваться от нее. Это был один из тех закидонов человеческой природы, которого не следовало стыдиться.

Тем не менее Мартин, должно быть, считал позором обнаружить свой страх.

Фрайгейт готов был признаться себе в том, что и сам обладает чувством стыда. Значительную часть его он успел порастерять, но какие-то остатки все же сохранились. Он, например, был готов сознаться в своем страхе, если для него существовала ра-

циональная причина. А вот обнаружить страх перед чем-то иррациональным он наверняка бы постыдился.

Обсудить новую идею Фрайгейта были приглашены и Нур с Погаасом. Фрайгейт постарался затронуть и все опасности, связанные с ее осуществлением.

— Тем не менее, учитывая выигрыш во времени, лететь на аэростате и более эффективно, и более экономично. Фактически, если сравнить затраты времени на полет с затратами, которых требует путешествие по Реке, можно сказать, что во время последнего нам может встретиться несравненно больше опасностей.

— Черт побери, я не опасностей боюсь! И ты это должен понимать не хуже других. Я только...

Голос Мартина прервался.

Том улыбнулся.

— Чего ты лыбишься все время? Ты похож на вонючку, что нашла кучу дерьма и наслаждается его запахом!

Погаас тоже ухмыльнулся.

— Нет смысла нам всем перестрелять друг друга на столь ранней стадии,— сказал Том.— Давайте сначала узнаем, что эта сырная голова Подебрад может для нас сделать. Более чем вероятно, что он не захочет строить нам аэростат. За каким чертом ему это делать? Давайте прошвырнемся до его дома и поглядим, чего он нам провякает по сему поводу.

У Нура и Погааса нашлись дела поважнее, а потому капитан, его первый помощник и палубный матрос направились одни к тому дому из известняка, на который им указал какой-то прохожий.

— Неужели вы серьезно подумываете спереть один из пароходов? — спросил Фрайгейт.

— Это как посмотреть,— ответил Том.

— Нур никогда на такое не пойдет,— продолжал Фрайгейт,— да и из прочих — никто.

— Обошлись бы и без них,— парировал Том.

Они остановились у дома Подебрада, который стоял на холме, а его высокая крыша из бамбука почти касалась нижних ветвей высокой сосны. Телохранители провели их в приемную. Секретарь выслушал пришедших и на минуту исчез. Вернувшись, он сообщил, что Подебрад их примет через два дня сразу же после ленча.

Весь остаток дня они решили рыбачить. Райдер и Фаррингтон поймали несколько полосатых «окуней», но большую часть времени они обсуждали вопрос, каким способом лучше украсть пароход.

Ладислав Подебрад оказался рыжим, среднего роста, широкоплечим и мускулистым, с бычьей шеей, тонкими губами и тяжелым подбородком. Хотя личность была явно неприятная, а поведение холодное, но принимал он их дольше, чем они могли рассчитывать. Беседа шла хорошо, однако не совсем так, как они ожидали.

— А почему вам так не терпится добраться до Северного полюса? Я слыхал о тамошней Башне, которая, как полагают, находится в центре моря за непроходимыми горами. Не могу сказать, что я верю этой сказочке. Впрочем, здесь все невероятное вероятно и даже более чем.

Этот мир, возможно, первоначально был создан Богом. Но совершенно очевидно, что какие-то люди или кто-то похожий на них полностью переделали поверхность планеты. И мне — ученому — очевидно, что само наше воскрешение произведено физическими средствами, наукой, а вовсе не сверхъестественным вмешательством.

Вот почему это было сделано — не знаю. Но Церковь Второго Шанса предлагает объяснение, которое звучит довольно логично. Хотя у этих церковников явно недостает многих фактов, а еще уверенности в своей правоте.

Если говорить по правде, то Церковь, как мне кажется, знает об этих делах больше кого-либо другого, если мне будет позволено так выразиться.

Он постучал длинными тонкими пальцами по столу, и все замолкли. Фрайгейт, глядя на его руки, подумал, как мало пальцы гармонируют с его крепкой фигурой и широкими мускулистыми ручищами.

Подебрад встал, подошел к шкафу, открыл его и вынул что-то. Оказалось, что в руке у него спиралевидная кость — часть скелета рогатой рыбы.

— Вы все знаете, что это такое. Шансеры почитают ее за символ своей веры, хотя я пожелал бы им иметь побольше знаний. Впрочем, если бы у них было больше знаний, то отпала бы нужда в вере, не так ли? В этом отношении они ничуть не отличаются от других религий — как земных, так и мира Реки.

И тем не менее мы все знаем, что жизнь после смерти существует.

Или, вернее, я должен был бы сказать, существовала. Теперь воскрешений после смерти больше не бывает, и мы не знаем, чего еще нам ожидать. Даже у Церкви нет ответа на вопрос, почему внезапно прекратились «пересылки». Она воображает, будто бы людям было дано достаточно времени, чтобы спасти себя, и что поэтому нет необходимости продолжать воскрешения.

Либо вы уже спасены, либо нет.

Не знаю, где и в чем истина.

Джентльмены, я на Земле был атеистом, членом Чехословацкой коммунистической партии. Но здесь я встретился с человеком, который убедил меня, что религия никак не связана с рационализмом. Во всяком случае, ее фундамент в таковом не нуждается.

После акта веры, разумеется, приходит пора рационализации веры, ее идеологического оправдания. Однако Иисус, Маркс, Будда, Магомет, иудаизм, христианство, конфуцианство, даосизм — все они ошибались в вопросе о том, что последует после смерти. В отношении этого мира они ошибались еще больше, чем в оценке того, в котором мы с вами родились.

Он подошел к письменному столу, сел на него и положил перед собой рыбью спираль.

— Sinjoroj, сегодня я собирался объявить о своем обращении в веру Церкви Второго Шанса. А также о своем отречении от звания главы государства Новая Богемия. Спустя несколько дней я намеревался отправиться вверх по Реке для поисков Вироландо, которое, как меня уверили, существует в действительности. Я хочу задать главе и основателю этой Церкви Ла Виро несколько вопросов.

Если он на них ответит удовлетворительно или если сознается, что ответов на них не знает, я отдамся под его покровительство и пойду, куда он укажет, и сделаю то, что он повелит сделать.

Если моя информация верна, а у меня нет оснований считать моих информаторов лжецами, то Вироландо находится отсюда в миллионах километров. Мне потребуется половина земной жизни человека, чтобы добраться туда.

И вот неожиданно появляетесь вы и приходите ко мне с неким предложением. Предложением, о котором я, к своему удив-

лению, не думал. Возможно, потому, что меня больше увлекало само путешествие, чем его конечный результат.

Странствия ценны в первую очередь самооткрытиями, а не чем-то иным, не правда ли? Может, поэтому очевидное и не бросилось мне в глаза. Да, джентльмены, я могу построить вам аэростат.

Но есть одно условие. Вам придется взять меня с собой.

Глава 54

Помолчав, Фаррингтон ответил:

— Не вижу, как бы мы могли вам в этом отказать, sinjoro Подебрад. Думаю, что я выражаю наше общее мнение.

Фрайгейт и Райдер наклонили головы в знак согласия.

— Надо сказать, что вы застали нас врасплох. Это, конечно, не значит, что я имею что-нибудь против вашей компании. Скажу прямо — я ей очень рад. Но... сможем ли мы найти тут у вас опытных дирижаблестроителей и пилотов? Ведь надо быть сумасшедшим, чтоб отправляться в такую даль, не умея управлять этим аппаратом или же не зная, с чем нам предстоит там столкнуться.

— Разумеется. Но на постройку корабля у нас уйдет много времени. Если мы не отыщем инженеров, которые сумеют разработать проект дирижабля или, по меньшей мере, рассчитать спецификации, нам придется начинать прямо с нуля.

А пока будем искать пилота. Хотя они и очень редки, но где-нибудь на Реке, на протяжении двух тысяч километров вниз и столько же вверх по течению, наверняка найдется человек, который нам нужен.

Или лучше сказать, он может там оказаться. Впрочем, если быть совсем откровенным, то шансы, что его там не будет, весьма высоки.

— Я летал на воздушных шарах,— сказал Фрайгейт.— И много читал об аппаратах легче воздуха. Сам проделал два коротких полета на дирижабле. Что, конечно, ни в малейшей степени не превращает меня в эксперта.

— Вполне возможно, нам придется самим тренировать себя, sinjoro Фрайгейт. А в этом случае нам пригодятся любые крупицы знаний.

— К тому же все это было так давно... Я многое успел позабыть.

— Надо прямо сказать, что особого доверия ты к себе не вызываешь,— с тихой яростью бросил ему Фриско Кид.

— Уверенность приходит с опытом,— вмешался Подебрад.— Что ж, джентльмены, я хотел бы начать немедленно. Объявление о моем обращении в веру я отложу до времени, когда наш воздушный корабль будет готов. Ни один член Церкви Второго Шанса или проповедник пассивного сопротивления не может быть главой этого государства.

Фрайгейт тут же усомнился, так ли уж глубока вера этого человека. Ему казалось, что, если кто-то по-настоящему убежден в верности принципов Церкви, он просто обязан говорить об этом во всеуслышание. И вне зависимости от грядущих последствий.

— Как только мы закончим наш разговор, я тут же начну работать над созданием установки по производству водорода. Думаю, что наилучшей методикой будет реакция между цинком и серной кислотой, если учесть характер наших ресурсов. Завод по производству серной кислоты уже некоторое время работает весьма успешно. Нам повезло — у нас есть в небольших количествах и платина, и ванадий.

Хотел бы я, чтоб мы смогли получить алюминий, но...

— Дирижабли Шютте-Ланца делались из дерева,— сказал Фрайгейт.— Дирижабль с мягкой оболочкой дерева потребует совсем мало.

— Дерево! Ты что же, хочешь заставить меня летать на деревянном дирижабле?! — возопил Фаррингтон.

— Да нет, дерево пойдет только на киль и гондолу,— ответил Фрайгейт,— оболочка же будет сделана из внутренних тканей речных драконов.

— Что потребует расширения рыболовной базы,— сказал Подебрад. Он встал.— У меня много работы сегодня. Но мы, джентльмены, встретимся завтра за ленчем. Тогда и обсудим все детали. А пока до свидания.

Фаррингтон, выглядевший весьма мрачно, когда они выходили из дома Подебрада, сказал Райдеру:

— Если хочешь знать мое мнение, то все это чистое безумие.

— А мне показалось — здорово! — отозвался Том.— По правде говоря, мне жутко осточертело плавать по Реке.

— Ага. Но зато мы можем подохнуть, пока будем кувыркаться в воздухе, пытаясь научиться летать на этой сволочной штуковине!

А что, если мы обнаружим, что у нас ни хрена не получается? Мы ж сколько времени упустим!

— Такие рассуждения вряд ли делают честь человеку, который перевозил людей через пороги Белая Лошадь на Аляске взад и вперед всего лишь ради нескольких несчастных баксов. Или человеку, пиратствовавшему на устричных отмелях...— вмешался Фрайгейт.

Он сам побледнел от сказанного. Райдер и Фаррингтон остановились как вкопанные. Их лица окаменели.

— Я рассказывал уйму баек насчет Юкона, но никогда ничего не говорил о порогах Белая Лошадь. Во всяком случае тебе. Ты что, подслушивал? — медленно начал Фаррингтон.

Фрайгейт глубоко вздохнул и ответил:

— Черт побери, да зачем мне было подслушивать?! Я вас обоих узнал в первый же раз, как увидел.

Внезапно Райдер оказался у него за спиной, а Фаррингтон положил руку на рукоять своего кремневого ножа.

Райдер сказал тихо и невыразительно:

— О'кей, кто бы ты ни был, давай шагай вперед. Прямехонько на корабль. И чтоб никаких штучек, понял?

— Так ведь не я путешествую инкогнито,— сказал Фрайгейт,— а вы!

— Делай, как сказано!

Фрайгейт пожал плечами и попытался выдавить из себя улыбку.

— Видно, вы оба замешаны в куда более серьезных делах, чем проживание под фальшивыми именами. Ладно, иду. Но убивать-то вы меня не будете, верно?

— Там поглядим,— ответил Райдер.

Они миновали холмы, пересекли равнину. У причала торчал лишь один член экипажа — Нур, болтавший с какой-то женщиной.

— Ни слова, Пит,— приказал Райдер.

Фрайгейт, глядя прямо в глаза маленькому мавру, поморщился. Он надеялся, что Нур заметит что-то неладное. Тот чутко реагировал на выражение лиц, но сейчас лишь помахал ему рукой.

Когда они вошли в капитанскую кабину, Фриско захлопнул дверь и заставил Фрайгейта сесть на край койки.

— Я плаваю с вами уже двадцать шесть лет. Двадцать шесть! И ни разу никому не назвал ваши настоящие имена,— сказал Фрайгейт.

— Такое противно человеческой натуре. Как это ты мог столько времени держать пасть на замке? И почему?

— Особенно почему? — спросил Райдер. Он стоял у двери, поигрывая стилетом из рыбьего рога.

— Так было ж очевидно, что вы не хотите, чтоб вас узнали; это во-первых. А потому, будучи вашим другом, я и молчал. Хотя, должен признаться, меня удивляло, почему вы играете в таинственность.

Фаррингтон поглядел на Райдера:

— Как думаешь, Том?

Райдер пожал плечами и сказал:

— Мы допустили ошибку. Надо было просто посмеяться. Признаться, кто мы такие, и придумать что-нибудь насчет причин.

Фаррингтон положил свой нож и закурил сигарету.

— Ага. Но это в прошлом. Что будем делать?

— После всех этих таинственных прыжков и ужимок Пит явно унюхал, что мы скрываем нечто серьезное.

— Так он уже это высказал!

Райдер вложил нож в ножны и закурил. Фрайгейт подумал, не воспользоваться ли ему моментом и не рвануть ли из каюты. Его шансы на успех были не так уж хороши... Хотя оба противника были меньше его ростом, но оба отличались силой и быстротой реакции. Кроме того, попытка к бегству только подтвердила бы его виновность.

Виновность в чем?

— Так-то лучше. О бегстве забудь. Расслабься,— сказал Том.

— Это с вами-то двумя, гадающими, не прикончить ли меня?

Том рассмеялся и сказал:

— После стольких лет знакомства ты должен был бы знать, что мы не способны на хладнокровное убийство. Даже чужака. А ты нам вроде бы приятель, Пит.

— Ну а если б я и в самом деле был тем, кем, как вы думаете, я являюсь, то что бы вы сделали?

— Полагаю, я довел бы себя до состояния бешенства, чтоб не убивать тебя хладнокровно.

— А за что?

— Если ты не настоящий Пит Фрайгейт, то сам должен знать.

— А каким же еще чертом я могу быть?

Последовало длительное молчание. Наконец Фаррингтон загасил окурок своей сигареты в приклеенной к столу пепельнице.

— Вот в чем дело, Том,— сказал он.— Пит пробыл с нами дольше, чем любая из наших женщин. Если б он был одним из тех, зачем ему торчать с нами так долго? Особенно если, как он утверждает, он нас узнал в первый же день? Ведь нас могли бы схватить уже в первую же ночь, если б он был одним из них.

— Возможно,— ответил Том.— Мы же не знаем и четверти того, что вокруг нас творится. Разве что одну восьмую. Да и то, что мы знаем, вполне может обернуться чистой брехней. Может, нас вообще обводят вокруг пальца?

— Они? Схватили бы? — с недоумением повторил Фрайгейт.

Мартин Фаррингтон поглядел на Тома, а потом задумчиво сказал:

— Что ж нам теперь делать? Способа их идентифицировать у нас нет. Мы с тобой круглые дураки, Том. Выдать ему классную ложь теперь мы уже не сможем. Придется пойти на риск.

— Если он один из них, то он уже все равно знает все,— продолжил мысль Мартина Том,— поэтому мы вряд ли сообщим ему что-то новенькое. Разве что об этике. А если Фрайгейт агент, то его не стали бы сажать нам на хвост, если б не подозревали, что мы контактировали с этиком.

— Точно. Вроде бы мы поторопились. А торопиться не следовало. Знаешь, если Пит агент, то на черта бы он стал предлагать нам строить дирижабль? Разве агент захотел бы, чтоб мы добрались до Башни?

— Это верно. Разве что...

— Ну, давай жми...

— Разве что у них произошла какая-нибудь здоровенная накладка и он сейчас блуждает в темноте, так же как и мы.

— Что ты имеешь в виду?

— Слушай, Том, последнее время я много думал... когда ты дрыхнул и не валялся с бабами. Я думал о том, что тут сейчас творится что-то загадочное. Я говорю не о том, что нам сообщил этик. Я имею в виду то, что все новые воскрешения внезапно прекратились.

Тебе не приходила мысль, что, может быть, эта штука вовсе не входила в их первоначальный план... каков бы он там ни был?

— Хочешь сказать, кто-нибудь запустил шкворнем в их машинерию? Пережег пробку и оставил всех в темноте?

— Да. И агенты знают о том, что происходит, не больше нас с тобой.

— А это значит, что Пит может быть агентом. Просто он старается попасть домой.

— Думаешь, значит, что Фрайгейт нас обнаружил, а что дальше делать, не знает? И отправился с нами в путь? И выдвинул идейку насчет дирижабля потому, что она поможет ему добраться куда надо побыстрее?

— Ну, вроде того.

— Тогда, значит, мы опять там же, откуда было ушли. Пит может быть одним из них!

— Если он агент, то ситуация такова, как я говорил. И мы ничего нового ему не сообщим.

— Ага, но зато он нам может много чего порассказать!

— И мы будем это выбивать из него? А что, если он действительно Фрайгейт?

— Да не стану я этого делать вообще! Разве уж если ставки будут больно высоки. О черт, даже и тогда не стану!

— Мы можем уплыть, его бросим тут,— сказал Фаррингтон.

Том криво улыбнулся и буркнул:

— Эвон как! И тебе сразу полегчало бы, верно? Не пришлось бы доверить трепетную плоть и трусливое сердчишко воздушному шару, а?

— Ей-богу, ты меня все-таки достанешь когда-нибудь, Том!

— О'кей! Никогда в жизни больше ни словечка не пророню на сей счет. Кроме того, я знаю, что у тебя в организме и одной косточки, чтоб дрогнула, не отыщешь.

Итак, что ж нам делать? И помни, что если мы будем продолжать плыть под парусами, то к тому времени, когда мы доберемся до Северного полюса (если допустить, что мы до него доберемся вообще), Пит, оставшись здесь, все наши загадки уже решит.

— О черт! — простонал Фаррингтон.— Да как он вообще может оказаться одним из них? Они же в сравнении с людьми — супермены, верно? А этот Фрайгейт уж точно никакой не супер! Только ты уж не обижайся, Пит.

Том, прищурившись, поглядел на Фрайгейта:

— Так он же мог и притвориться человеком... Впрочем, не думаю, что кому-нибудь удалось бы носить такую маскировку двадцать шесть лет.

— Мастак ты болтать, приятель.

— Еще поглядим, кто больше болтает-то! Истинный вождь Открой-Рот-Пошире!

Фаррингтон зажег еще одну сигарету. Райдер последовал его примеру, а потом спросил:

— Хочешь подымить, Пит?

— Значит, порешили меня дымом удушить? — улыбнулся Фрайгейт. Он вытащил сигару из своей висевшей через плечо сумочки.— А еще я не отказался бы от выпить чего покрепче.

— Этого нам всем недостает. Том, позаботься насчет выпивки. А потом мы все ему расскажем. Господи, как полегчало-то!

Глава 55

— Это была темная бурная ночь,— начал Том. Он усмехнулся, показывая, что умышленно пародирует классические вступления к рассказам о привидениях.— Джек и я...

— Пусть будет — Мартин, Том. Помнишь наш уговор? Даже если мы наедине...

— Конечно помню, но тогда ты был еще Джеком. Разумеется, в те дни я уже был знаком с Кидом, но близкими друзьями мы еще не стали. Наши хижины стояли близко одна от другой, и мы оба служили моряками на патрульной шлюпке местного диктатора.

Однажды, когда я был свободен от дежурства и мирно спал в своей хижине, я вдруг проснулся. Разбудили меня не молнии и не гром. Просто кто-то тряс меня за плечо.

Сначала я подумал, что это Говардина — моя женщина. Ты помнишь ее, Кид?

— Красотка была,— пояснил Мартин Фрайгейту.— Рыжая как огонь шотландка.

Фрайгейт заерзал на скамейке, а потом сказал:

— Знаете, мне бы очень хотелось поскорее добраться до сути дела.

— О'кей, тогда обойдемся без литературного украшательства. Тем более что это была не Говардина — та крепко спала. Затем вспышка молнии высветила темную фигуру, которая склонилась надо мной. Я хотел вскочить, а рука уже готовилась скользнуть под подушку, за лежавшим под ней томагавком. Но двинуться я не мог.

Думаю, меня либо усыпили, либо я был под каким-то особым психическим воздействием. Я подумал — *ой, ой, этот парень меня достал, он каким-то образом парализовал меня и сейчас искренне ваш получит свое!*

Конечно, возможно, я просто проснулся в каком-то совсем другом месте, но ведь я не чувствовал, что меня волокут из хижины!

Еще две вспышки молний позволили мне рассмотреть этого парня чуть подетальнее. И вот тут меня просто оглушило. Заметьте, мне не стало страшно, я просто удивился. Его фигура была закутана в большой черный плащ. А голова! Да ее просто не было! Я хочу сказать, она была накрыта большим сосудом вроде круглого аквариума для рыб. И эта штука была тоже черной, так что черты лица рассмотреть не удавалось. А он каким-то образом видел меня отлично.

Но если двигаться я не мог, то уж говорить-то — извольте! Я спросил: «Кто ты такой?» Сказал это нарочито громко, чтоб разбудить Говардину, но она даже не пошевельнулась за все время нашего с ним разговора. Я решил, что ее тоже одурманили, только еще сильнее, чем меня.

Чужак заговорил басом, ответив мне по-английски:

— У меня мало времени, и я не могу отвлекаться на мелочи. Мое имя значения не имеет. Да к тому же я бы тебе его все равно не назвал, ибо тебя могут обнаружить и развернуть твою память.

Я не знал, что это значит «развернуть память». Все происходящее и без того выглядело сплошным безумием. Я знал, что не сплю, и очень об этом сожалел.

— А если бы они это сделали, то узнали бы обо всем, что говорилось и делалось в этой хижине,— продолжал этот hombre*.— Это все равно что снять кинофильм с того, что заключено в твоей памяти. А из него они могут вырезать все, что сочтут нужным, чтоб ты позабыл, и ты это действительно позабудешь. Но даже если они это сделают, я все равно явлюсь к тебе еще раз и мы поговорим о многом.

— А кто такие эти «они»? — спросил я.

— Это те люди, которые восстановили эту планету и воскресили вас,— ответил он.— А теперь слушай и не перебивай, пока я не закончу.

Ты ведь знаешь меня, Кид. Я же ни от кого не потерплю панибратства. Но этот тип говорил со мной так, будто весь мир —

---

* Мужчина, парень *(исп.)*.

это его ранчо, а я — слуга при нем. А впрочем, я все равно ни черта сделать не мог!

— «Они»,— сказал незнакомец,— живут в Башне, что стоит в самом центре Полярного моря на севере. Может быть, ты слыхал какие-нибудь разговоры об этом? Ведь кое-кому из людей и в самом деле довелось пройти через горы, окружающие это море.

В этом месте его рассказа я мог бы спросить его, не он ли тот, кто оставил висеть длинную веревку, чтоб люди могли подняться с ее помощью на скалу, и не он ли пробил туннель, но тогда я еще не слыхал этой истории.

— Но им не удалось проникнуть в Башню,— продолжал он.— Один из их отряда умер, упав в море со скалы. Ему было дозволено снова воскреснуть где-то в долине.

Том помолчал.

— Должно быть, у упавшего все же сохранились какие-то воспоминания.

А незнакомец меж тем продолжал:

— Другим же это не было дано. Они... впрочем, не важно...

— Значит,— ухмыльнулся Том,— ему не все было известно про этих египтян. Он явно не знал, что одному из них удалось все же бежать. А если и знал, то по какой-то причине решил от меня это утаить. Но не думаю, что этот факт был ему известен. Иначе он вряд ли позволил бы тому египтянину уйти... А может, и позволил бы?..

Во всяком случае, незнакомец продолжал:

— Быстрота, с которой слухи распространяются по долине, поразительна. Кажется, вы это явление называете сарафанным радио? Человек, упавший со скалы, рассказал свою историю после своего воскрешения, и она разошлась по всей долине. Скажи, ты-то слыхал про тот поход?

— В первый раз слышу,— ответил я.

— Ладно, наверняка в будущем ты ее услышишь. Ты отправишься вверх по Реке, и тебе обязательно расскажут ее либо в одном сильно переработанном варианте, либо в другом. Но в своей основе она правдива.

Без сомнения, ты думал над тем, зачем вас воскресили и поместили здесь?

Я кивнул, а он продолжал:

— Мой народ — этики — совершил это в качестве научного эксперимента. Они перенесли вас сюда, смешали все расы и народности из разных времен лишь для того, чтобы изучать ваши реакции. А потом их записывать и классифицировать.

А затем (тут в его голосе появились нотки возмущения), после того как они подвергли вас этому эксперименту, после того как возбудили в вас надежду на вечную жизнь, они прикроют этот проект! И вы умрете, но уже навсегда. Не будет вам больше воскрешений! Вы превратитесь в прах и прахом пребудете во веки веков!

— Мне все это кажется возмутительной жестокостью,— сказал я, позабыв, что еще не получил разрешения высказывать свои мысли.

— Нечеловеческая жестокость,— подтвердил он.— А ведь в их силах дать вам жизнь вечную! Во всяком случае, столь же долгую, как жизнь вашего солнца! Даже большую, так как вас всегда можно перевезти на другую планету, где солнце еще молодо.

Но нет! Этого они не сделают! Они считают, что вы не заслуживаете бессмертия!

— В высшей степени неэтично,— отозвался я.— А еще именуют себя этиками! Чистейшей воды нахальство!

Это его остановило, и он сказал:

— А это потому, что они считают неэтичным разрешать жить вечно таким жалким и никудышным созданиям, как вы!

— Надо признаться, их мнение о нас не слишком-то лестно,— заметил я.

— Как и мое,— ответил незнакомец.— Но высоко ли, низко ли представление о человечестве, основанное на мнении en masse*, оно не имеет ничего общего с этическим аспектом проблемы, о которой идет речь.

— Но как можно любить то, что презираешь? — спросил я.

— Это нелегко,— ответил он,— но ведь все, что истинно этично, дается с большим трудом. Однако пока все разговоры с тобой — зряшная трата моего дорогого времени.

Тут откуда-то возник довольно яркий голубоватый свет, и я увидел, как он выпростал руку из-под плаща. На ее запястье было укреплено некое приспособление по размерам чуть больше карманных часов. Оно-то и испускало голубоватое сияние. Я не сумел разобрать, что там было на циферблате, но заметил, что приборчик к тому же еще что-то говорит — тихо, ну как приглушенное радио.

---

* Большинство *(фр.)*.

Слов я не разбирал, но мне показалось, что это какой-то иностранный язык, которого я никогда не слыхивал. А голубой свет зато показал мне шар, что был надет на голову незнакомца — черный и блестящий. Рука была крупная, ладонь широкая, но с длинными тонкими пальцами.

— Мое время истекает,— сказал незнакомец и спрятал руку под плащ. В хижине сразу стало темно, если не считать вспышек молний, время от времени озарявших стены.— Я не могу сейчас сказать, почему избрал именно тебя,— продолжал он,— но твоя аура показывает, что ты являешься хорошим кандидатом для этой работы.

(Что такое аура? — подумал я. Мне приходилось видеть объяснение этого термина в словаре, но я интуитивно чувствовал, что мы с ним вкладываем в это слово разное понимание. *И что это за работа?)*

Неожиданно, будто он прочел мои мысли, его рука снова выскользнула из-под плаща. Голубое свечение было теперь столь ярким, что я с трудом видел контуры фигуры незнакомца. Зато я хорошо видел обе его руки и то, как они приподнимают тот черный шар, который закрывает его голову. Я подумал, что, может быть, теперь мне удастся разглядеть хотя бы общий абрис его лица или какую-нибудь черту последнего, если я изо всех сил скошу глаза. Но все, что я увидел, была черная сфера, возникшая над его головой. Это был не тот черный круглый стеклянный предмет — его он продолжал держать в руках, как бы сдвинув в сторону. Та же штука, которая была у него над головой, вращалась, выбрасывая снопы разноцветных искр, и светилась так ярко, что кроме нее я уж ничего другого различить не смог. Иногда из нее вылезали какие-то отростки вроде щупальцев, но они тут же втягивались обратно в эту вращающуюся штуковину.

Не побоюсь признаться, что перепугался я до полусмерти. Нет, пожалуй, не то что испугался, а ощутил благоговейный ужас. Ну, все равно как ангела увидел лицом к лицу; а в том, чтобы ангела испугаться, стыда ведь нет.

— Люцифер тоже был ангелом,— напомнил Фрайгейт.

— Ага, знаю. Читывал Библию. И Шекспира тоже. Может, грамматических школ мы не кончали, а уж самообразования хлебнули до ушей.

— А я и не думал намекать на твое невежество.

Мартин хмыкнул и сказал:

— Уж не хотите ли вы оба сказать, что верите в ангелов?

— Я-то нет,— ответил Том,— но *он* уж точно смотрелся ангелом. Не думаю, чтоб эта аура у него была видна постоянно. Я полагаю, что он показал мне ее с помощью той самой штуковины, что у него была прикреплена к запястью. Кстати, она тут же исчезла, а вместе с ней пропало и голубое свечение. Все произошло слишком быстро, чтоб я мог различить лицо незнакомца. Еще одна молния высветила его силуэт, и я увидел, что черный стеклянный шар снова скрывает его голову.

Вот теперь я точно знал, что он подразумевает под словом «аура». Я понял это, ибо он сказал, что и у меня есть аура. И она тоже невидима.

— Не хватает только, чтоб ты тоже вообразил себя ангелом,— хмыкнул Мартин.

— Ты можешь и ты должен мне помочь,— сказал незнакомец.— Я хочу, чтоб ты отправился вверх по Реке, к Башне. Но сначала тебе придется рассказать этому Джеку Лондону о том, что произошло сегодня ночью. Ты должен убедить его, что все сказанное тобой — истина. И заставить отправиться в поход вместе с тобой.

Но ни при каких обстоятельствах ты не должен рассказывать никому другому, что я встречался с тобой. Ни единой душе! Нас — этиков — очень мало, и мы покидаем Башню только в случае крайней необходимости. Мои противники имеют среди вас свою агентуру. Агентов не очень много, если сравнивать с вашей численностью, но они прекрасно маскируются под воскрешенных и давно ищут меня.

Когда-нибудь они, безусловно, придут к выводу, что я вербую себе помощников среди обитателей мира Реки. И начнут вынюхивать таких. Если тебя обнаружат, то заберут в Башню, «развернут» твою память, прочтут ее и исключат из нее те места, которые важны для меня. А потом опять вернут тебя в долину.

Лондон тоже обладает тигриной аурой. А потому сделай все возможное, чтобы он последовал за тобой. Передай ему, что я еще увижусь с вами обоими, и тогда он тебе поверит. А вам предстоит узнать еще многое о том, что здесь происходит.

Тут он внезапно поднялся и сказал:

— Итак, до встречи.

Я видел, как новая вспышка молнии обрисовала его фигуру, плащ, черный шлем. Я было подумал, а не поехала ли у меня

крыша? Попробовал встать, но не смог. Только через полчаса мой паралич прошел и я выбрался наружу. Буря к тому времени уже стихла, облака стали расходиться. Никаких следов незнакомца обнаружить не удалось.

Тут Мартин перехватил рассказ в свои руки. Том пришел к нему следующим вечером и заставил поклясться, что тот будет молчать о вещах, о которых Том собирается ему сообщить. Мартин не знал, верить этой дикой истории или нет. Что убедило его, что Том не лжет, так это соображение, что Райдеру не было смысла выдумывать столь фантастическую бредятину.

Событие, безусловно, имело место, но, надо думать, было просто чьим-то розыгрышем.

Том пораскинул мозгами и решил, что роль незнакомца мог разыграть сам Лондон. Но потом они оба поняли, что ни один из них, да и никто со стороны, не мог бы разжиться ни стеклянным шаром, ни наручным приборчиком. И вообще — кому здесь под силу соорудить сверкающую ауру?

А Фриско Киду уже не сиделось на месте. Ему пришлась по душе идея построить парусник и уплыть на нем в далекие края. Чем бы ни была услышанная история — ложью или правдой,— она давала ему новый жизненный стимул, а значит — Жизнь! Том разделял с ним эти чувства. Башня стала для них чем-то вроде Святого Грааля.

— Я чувствовал, что совершаю подлость, покидая Говардину без какого-либо объяснения. Кид-то со своей бабой не слишком ладил — такой длинный бабец с шилом в заднице, не знаю уж, что он в ней нашел; так что у него особых сожалений не было.

Мы прошли вдоль Реки этак пару сотен питающих камней и там принялись строить эту вот шхуну. К нам присоединился Нур и помог нам ее закончить. Он единственный из первоначального состава экипажа, который с нами до сих пор.

Вдруг Том, приложив палец к губам, стал бесшумно красться к двери. Приложив ухо к филенке, он прислушался, а затем рывком распахнул дверь.

В дверном проеме стоял маленький мавр Нур эль-Музафир.

Глава 56

Нур не казался ни смущенным, ни испуганным. Он сказал по-английски:

— Можно войти?

— Еще бы нельзя, черт бы тебя побрал! — проревел Том. Однако он не сделал попытки силой втащить Нура в каюту. Что-то в этом смуглом низеньком человечке предвещало серьезные неприятности для всякого, кто его тронет.

Нур вошел. Фаррингтон, сверкая глазами, вскочил на ноги.

— Подслушивал?

— Очевидно.

— Зачем? — спросил Том.

— Потому, что вы прошли на корабль втроем. И по выражению ваших лиц можно было понять, что что-то неладно. Питер явно был в опасности.

— Спасибо, Нур,— поблагодарил Питер.

Райдер закрыл дверь. Мартин задумчиво сказал:

— Без выпивки не обойтись.

Нур присел на шкафчик. Мартин одним глотком расправился с двойной порцией виски. А Том спросил:

— Ты все слыхал?

Нур кивнул.

— Мы с равным успехом могли бы встать на палубе и через мегафон поведать обо всем всему свету,— гневно заорал Мартин.

— Господи боже! — поддержал его Том.— Теперь у нас на руках новая проблема!

— Убивать меня не стоит, так же как не стоило убивать Питера,— сказал Нур. Он достал сигару из своей сумочки и раскурил ее.— Я слыхал, как ваши женщины говорили, что скоро вернутся на борт. Так что времени у нас мало.

— Хладнокровный паршивец, а? — бросил Том Мартину.

— Как и всякий опытный шпион.

Нур расхохотался и ответил:

— Нет. Скорее уж как кто-то, *кто был избран этиком!* — И тут же продолжил: — Разглядывайте меня сколько угодно. Но вам следовало бы уже давно поинтересоваться, почему я присоединился к вам в самом начале и оставался с вами как пришитый все это долгое и утомительное плавание.

Мартин и Том в буквальном смысле застыли с открытыми ртами.

— Да,— продолжал Нур,— я знаю, о чем вы думаете. Если я шпион, то обязательно должен притвориться, что являюсь одним из рекрутов этика. Поверьте мне, это не так — я не шпион.

— А откуда нам знать, что ты не врешь? Чем ты можешь доказать нам это?

— А откуда мне знать, что вы оба сами не агенты? Как *вы* сумеете доказать *мне,* что это не так?

Капитан и старший помощник явно обалдели.

— А когда этот Таинственный Незнакомец говорил с тобой? И почему он не известил Тома, что ты тоже участвуешь в этой затее? — спросил Фрайгейт.

Нур только плечами пожал:

— Он появился у меня вскоре после того, как посетил Тома. Точно не знаю когда. Что же до второго вопроса, то ответ на него мне неизвестен.

Я подозреваю, что этик, возможно, не говорил всей правды. Он вполне мог уклоняться от истины, сообщая нам лишь часть информации о реальном положении вещей. Почему — не знаю. Но очень хотел бы знать.

— Может, нам следует их обоих бросить здесь? — спросил Мартин.

— Если вы это сделаете,— ответил Нур,— мы с Питером пойдем верхней дорогой и будем у Башни пораньше вас.

— Это он перефразирует песенку Бобби Бёрнса, которую ты так любишь напевать,— кивнул Том Мартину.

Мартин буркнул нечто неразборчивое, а потом сказал:

— Оба они не могут быть шпионами недругов твоего посетителя, Том. Иначе нас схватили бы уже давно. Поэтому придется им довериться. И все же я не понимаю, почему этик не предупредил тебя о Нуре?

Том провозгласил здравицу в честь новообретенного товарища, и все выпили. В это время на палубе послышались голоса вернувшихся женщин. Когда женщины вошли в каюту, мужчины покатывались со смеху, слушая одну из очередных баек Мартина, но они все же успели договориться о будущей встрече в холмах.

На следующий день они встретились с Подебрадом, познакомившим их со своими инженерами. И тут же началась работа над спецификациями будущего дирижабля с мягкой оболочкой.

Фрайгейт обратил их внимание на то, что в основу спецификаций должна быть заложена целевая установка полета. Если они хотят лишь как можно ближе подобраться к верховьям Реки, им нужен воздушный корабль — достаточно большой, чтоб нести на себе значительный запас топлива, дабы туда долететь. Но ему не надо иметь потолок полета выше 4572 метров, или 15 000 футов.

Если же они намерены лететь через горы, окружающие Полярное море, им следует строить аппарат, способный подняться до 9144 метров.

Это в том случае, если рассказы о высоте гор верны. Никто ведь точно ничего не знает.

Для того чтобы разработать проект и построить дирижабль с твердой оболочкой для более длительного и высотного полета, потребуется значительно больше времени. В этом случае нужен и гораздо более многочисленный экипаж, а отсюда и большее время для его обучения. На больших высотах моторам необходимы компрессоры повышенной мощности. Кроме того, ветры там наверняка сильнее, чем в приземных слоях атмосферы. Возможно, они носят ураганный характер. Цеппелину придется нести запас кислорода для обеспечения экипажа и работы машин. Таким образом, грузоподъемность должна быть очень большой. Существует еще и проблема обледенения.

Было бы, конечно, неплохо использовать реактивные двигатели. Однако они на малых высотах и низких скоростях недостаточно эффективны. На дирижаблях их можно было бы применить лишь на очень больших высотах. Да и металлы, которые нужны для постройки реактивных двигателей, тут, к сожалению, отсутствуют.

На все эти соображения Подебрад холодно ответил, что вопрос о дирижабле с твердой оболочкой вообще не стоит в повестке дня. Его интересуют лишь небольшие корабли с мягкой оболочкой. Надо, чтоб он мог пролетать над горами, держась на высоте 3962,4 метра, или 13 000 футов. Он понимает, что горы местами достигают 6096 метров и даже больше. В этом случае дирижаблю придется двигаться параллельно горной гряде, пока он не обнаружит, что цепь гор снижается.

— На это понадобится дополнительное топливо, так как путь заметно удлинится,— заспорил Фрайгейт.

— Что даже кошке ясно,— ответил Подебрад.— Корабль придется сделать достаточно большим, чтобы скомпенсировать эти объезды.

Было ясно одно: sinjoro Подебрад — босс.

На следующий день проект «Воздушный корабль» заложили. Завершили же его через восемь месяцев, то есть на четыре месяца раньше, чем предполагалось. Подебрад был классный руководитель.

Нур спросил Подебрада, как он найдет Вироландо без карт.

Чех ответил, что разговаривал с несколькими миссионерами, которые там воскресли. Согласно их данным, Вироландо находится на берегах очень большого озера, имеющего форму песочных часов; по озеру разбросано ровно сто высоких острых скал, так что спутать его с другими озерами просто невозможно.

Разумеется, если где-нибудь на планете нет точного дубля.

После этого разговора Фрайгейт заметил:

— Очень я сомневаюсь, что Подебрад настоящий шансер. Те шансеры, с которыми я встречался, были милые и общительные люди. А этот типчик вполне способен давать уроки холодильникам, как следует замораживать продукты.

— Вполне возможно, что он агент,— ответил Нур.

Остальные были просто ошарашены таким предположением.

— Хотя если б он был шпионом,— продолжал размышлять Нур,— то зачем ему вздумалось отказываться от постройки высотного дирижабля, который смог бы перелететь через Полярные горы?

— Не думаю, чтоб дирижабль мог в действительности подняться на такую высоту,— засомневался Фрайгейт.

Кем бы ни был этот Подебрад, энтузиазма у него хватало с избытком. Хотя ему так и не удалось найти ни одного пилота, зато инженеров ему хватило бы на два десятка воздушных кораблей. И Подебрад решил, что пилоты должны самообучаться.

Были набраны три экипажа с таким расчетом, что если кто-то из их состава по непредвиденным причинам выбудет из списка, то проблемы с заменой не возникнет. Именно во время наземных тренировок у Фрайгейта, Нура, Фаррингтона, Райдера и Погааса стали возникать пока еще неясные подозрения. Никто из них не разбирался в моторах, и им пришлось усиленно тренироваться в работе с ними. Но зачем Подебраду использовать их, если у него в избытке искусных техников и инженеров?

Подебрад решил, что экипаж будет состоять из восьми человек. И согласно договору, все пятеро плававших на «Пирушке» были занесены в список. Подебрад же вылетал в каждый полет, но исключительно в роли наблюдателя.

Фрайгейт ужасно нервничал, когда поднялся в воздух впервые, но земной опыт полетов на воздушных шарах помог ему быстро превозмочь первоначальную робость.

Экипажи тренировались поочередно. Затем огромный полужесткий аэростат сделал несколько тренировочных круговых по-

летов протяженностью до 600 километров. Он пролетел над четырьмя горными грядами, что позволило экипажу увидеть долины, которых они никогда в жизни не видали, хотя практически были почти соседями.

В ночь перед окончательным стартом экипажи собрались на многолюдный торжественный прием, данный в их честь. Команда «Пирушки», но без женщин капитана, старшего помощника и Фрайгейта, тоже, разумеется, присутствовала. Женщины, конечно, здорово обозлились, ибо считали себя брошенными. Хотя у них всех уже были новые любовники, они тем не менее вовсе не собирались прощать своих бывших однокаютников.

Нур прибыл в Новую Богемию без женщины, так что ему не о чем было беспокоиться.

Незадолго до полуночи Подебрад отправил всех по домам. Старт должен был состояться перед самым рассветом, поэтому экипажу предстояло встать еще раньше. Группа Фаррингтона ночевала в хижине вблизи огромного бамбукового ангара и, поболтав немного, уснула. Они ожидали, что Подебрад объявит о своей отставке и грядущем отбытии прямо на приеме. Теперь стало очевидным, что он намерен отложить эти формальности до тех пор, пока не окажется на корабле.

— Боится, что ли, что его линчуют? — высказал предположение Фаррингтон.

Фрайгейт заснул последним; во всяком случае, так ему казалось. Мартин вполне мог притвориться спящим — страха он, правда, не показывал, но подниматься в воздух явно не любил.

Фрайгейт долго вертелся и копошился; он был слишком взволнован, чтобы расслабиться. Сон всегда медлил снизойти на него, когда предстояли важные события — будь то ночь перед футбольным матчем или гонкой на велосипедном треке. Очень часто бессонница вызывала у него на следующий день такую усталость, что он не мог показать даже те результаты, которых вполне мог ожидать от себя. Опасения, что он недостаточно хорош, приводили к тому, что он таким и оказывался.

Кроме того, летая в молодости на аэропланах в армейской авиации, а на воздушных шарах в более зрелые годы, он лучше других понимал, какие опасности могут их подстерегать в полете.

Фрайгейт очнулся от дремоты, услыхав рев двигателей и вой крутящихся пропеллеров.

Он вылетел из постели, распахнул настежь дверь и выглянул наружу. Увидел он только густой туман, но тут же решил, что у всего этого шума может быть лишь одно объяснение.

На то, чтоб разбудить остальных, потребовались считанные минуты. Одетые в одни килты, накинув на плечи длинные полотенца из плотной ткани, они опрометью помчались к ангару. Не раз наталкивались они на хижины, не раз спотыкались и падали на землю. Наконец, когда они выскочили на пологий скат береговой равнины, их головы оказались выше пелены плотного тумана.

При ярком свете звезд они увидели то, что больше всего боялись увидеть.

Вокруг них толпилось множество женщин и мужчин, из глоток которых неслись хриплые спросонья вопли восторга. Именно эти люди и вытащили из ангара колоссальный дирижабль, ведя его за стропы. Теперь, когда их работа завершилась, они, беснуясь, смотрели, как он величественно и медленно поднимался над землей. Как раз в эту минуту сверху сбросили часть водяного балласта, основательно промочив тех, кто стоял внизу. Теперь огромное сигарообразное тело поднималось заметно быстрее; его нос был поднят и нацелен туда, где лежали верховья Реки. Огни кабины, укрепленной на треугольном в сечении киле, проходящем под всем дирижаблем, ярко светились. Через иллюминатор можно было видеть четкий профиль Подебрада.

С дикими воплями и проклятиями пятерка неслась к дирижаблю, отлично сознавая, что не в их силах хоть на одно мгновение задержать старт.

Фаррингтон схватил копье, прислоненное кем-то к стене ангара, и с силой швырнул его вверх. Оно упало назад, даже не долетев до дирижабля, но чуть не поранив какую-то женщину. Мартин бросился на землю и в бешенстве стал колотить по траве руками.

Микс прыгал, орал и потрясал кулаками.

Нур грустно качал головой.

Погаас рычал ругательства на своем родном языке.

Фрайгейт рыдал. Это по его вине остальные потеряли целых восемь месяцев! Если б он не вспомнил о дирижабле, они к этому времени уже проплыли бы пятьдесят или больше тысяч миль, приблизившись таким образом к своей цели!

А что хуже всего — «Пирушку» уже продали. И нельзя сказать, чтоб задаром. За пятьсот сигарет, много виски и еще кое-какие услуги.

Позже они в мрачном молчании стояли у питающего камня, ожидая, когда же из него вырвется энергия и наполнит их граали едой.

Жители Новой Богемии, сидевшие рядом, были народом шумливым — они обсуждали и проклинали своего бывшего властелина. Экипаж «Пирушки» мрачно помалкивал. Наконец Фаррингтон сказал:

— Что ж, мы всегда можем украсть свой корабль.

— Это было бы бесчестно,— отозвался Нур.

— Что ты тут болтаешь — бесчестно! Я ж не предлагаю украсть его бесплатно. Мы отдадим им все, что мы получили за шхуну.

— Да ни в жизнь они не согласятся на такое дело,— сказал Том.

— Интересно, а что они смогут поделать?

Началась обычная суета, заставившая их временно прекратить разговоры. Какой-то мужчина объявил, что Совет только что назначил нового главу государства. Им стал бывший заместитель Подебрада — Карел Новак. Раздались приветственные возгласы, но в своем большинстве люди были слишком обозлены, чтоб выработать в себе столь положительные эмоции.

— Как вы полагаете, почему он нас надул? — спросил Мартин.— Мы были пилотами ничуть не хуже других. А кроме того, он же нам обещал!

Ответил ему Фрайгейт голосом, срывающимся от волнения:

— Если говорить по правде, то я пилот похуже, нежели Хронов или Желязны. Подебрад знал, что если он отсеет меня, то вы поднимете галдеж. Поэтому он решил просто отчалить без нашей компании.

— Грязная вонючка! — воскликнул Том.— Нет! Дело не в этом! А кроме того, ты вполне приличный пилот.

— Никогда нам этого не узнать,— уныло сказал Мартин.— Послушайте, а вы не думаете, что Подебрад мог быть агентом? Что он каким-нибудь образом разнюхал насчет нас и поэтому бросил всех тут ковырять большим пальцем в носу?

— Сомневаюсь,— возразил Нур.— Конечно, агентом он *мог* быть. И вы же помните, сначала он хотел построить быстроходный пароход и пойти на нем вверх по Реке. А потом появились

мы и выдали ему эту первосортную идею, которая его захватила,— дирижабль. Но мы же за это и поплатились.

— А если он все же агент? Тогда как он узнал про нас?

Фрайгейт поднял голову:

— Вот оно! Наверняка это одна из наших женщин, от которых мы отделались. Она подслушала, как ты разговаривал с Томом. Вы ведь совсем не следите за собой, когда треплетесь в каюте. А может, либо Элоиза, либо Надя подслушали, как вы говорите во сне. Чтоб отомстить, они все выложили Подебраду, а уж он решил, что мы для него лишние.

— Ни одна из них не смогла бы так долго удерживать язык за зубами,— решительно возразил Том.— Они бы уж давно выложили все нам самим.

— Никогда нам теперь этого не узнать,— грустно приговаривал Мартин, покачивая головой.

— Похоже, что так,— сказал Том,— но, если я когда-нибудь встречу Подебрада, я ему шею сверну!

— Но только после того, как я ему ноги вырву! — вторил ему Мартин.

— Нет, лично я собираюсь построить шестиэтажный дом,— мечтательно сказал Фрайгейт,— и в нем будет только одно окно — на шестом этаже! А потом мы казним Подебрада тем способом, который изобретен самими чехами. Называется он «изоконирование»*.

— Чего-чего? — не понял Том.

— Вышвырнем его из окна.

— Воображаемая месть,— серьезно сказал Нур,— прекрасный способ успокоения нервов. Однако еще лучше — вообще не испытывать потребности в мести. Нам надо дело делать, а не пары выпускать.

Фрайгейт резво вскочил на ноги.

— У меня есть идея! Нур, ты не присмотришь за моим граалем? Я хочу повидаться с Новаком.

— У меня твои идеи вон где сидят! — заорал Фаррингтон.— Мало разве от них неприятностей было? Сейчас же вернись!

Но Фрайгейт продолжал шагать, будто ничего и не слышал.

* Намек на события 1947–1948 гг. в Чехословакии, когда ряд бывших членов правительства, в том числе премьер-министр Масарик, погибли, якобы выбросившись из окон.

Глава 57

Медленно и величественно плыл «Парсеваль» над горной щелью. Нос задран вверх, пропеллеры работают под тем же углом. Ветер, с гулом вырывающийся из дыры, круто заворачивал вниз, отражаясь от верхней кромки стены каньона, и дирижаблю приходилось напрягать всю силу моторов, чтоб не быть подхваченным этим могучим воздушным водопадом. Сирано точно рассчитал необходимые усилия и, держа воздушный корабль на неизменной высоте, вел его прямо в центр похожего на арку прохода. Малейшая ошибка — и огромный корабль будет брошен на стену каньона и переломится надвое.

Джилл думала, что если б капитаном была она, то, весьма возможно, не рискнула бы войти в этот горный прорыв. Было бы лучше обойти горы кругом и поискать другой вход. Конечно, это повлекло бы огромный перерасход топлива. Преодолевая столь сильные воздушные потоки, моторы так пожирали бы горючее, что его не хватило бы на возвращение в Пароландо. Возможно, что кораблю не удалось бы даже дотянуть до «Марка Твена».

Сирано был весь в поту, но глаза горели, а выражение лица говорило о напряженном внимании. Если в глубине души он и испытывал страх, то это никак не сказывалось на том, как он держался. Джилл пришлось скрепя сердце признать, что в конечном счете он оказался самым подходящим человеком для данной ситуации. Его рефлексы действовали стремительно, он никогда бы не смог, например, окаменеть, поддавшись внезапной панике. Для него все происходившее, скорей всего, походило на дуэль на шпагах. Ветер делает выпад; Сирано парирует; ветер отвечает рипостом; Сирано — контррипостом.

И вот они уже входят в толстое одеяло облаков, затыкающее зияющую дыру в цепи гор.

Еще мгновение — и дыра уже позади.

Все еще бредущие ощупью в тумане, они все же могли ориентироваться по радарному экрану. Перед ними, где-то на километр ниже, лежало море. Его кольцом окружали горы. А впереди, в самом центре моря, в 48,5 километра от дирижабля (или в 30 милях) из морских волн поднимался некий объект; в сравнении с горами он казался совсем маленьким. Сирано, глядя на экран радара, помещавшийся перед ним на консоли управления, воскликнул:

— Внимание! Башня!

Оператор радара, сидевший у собственного экрана с правого борта, подтвердил догадку пилота.

Фаербрасс отдал распоряжение вывести корабль на высоту 3050 метров, или 10 тысяч футов. Поставить пропеллеры в горизонтальную позицию, чтоб поскорее поднять корабль, было нельзя, так как ему приходилось преодолевать мощное сопротивление ветра.

Поднимаясь вверх, они обнаружили, что здесь скорость ветра существенно ниже. К тому времени, когда корабль достиг заданной высоты, он уже свободно мог идти прямо к цели. Теперь его скорость составляла 80,5 километра, или 50 миль в час. Приближаясь к Башне, он набирал все большую скорость.

Небо было куда более ярким, чем это обычно бывает в сумерках,— его освещали и слабенькие лучи солнца, и блистающая густая россыпь созвездий.

Теперь радары могли прощупывать все пространство моря, добираясь даже до вершин самых дальних гор. Море, имевшее форму почти правильного круга, достигало в диаметре 97 километров, или чуть большее 60 миль. Горы на противоположном берегу обладали той же высотой, что и ближайшие к ним.

— Башня! — вдруг заорал Фаербрасс.— Она же имеет километр семьсот в высоту! И шестнадцать километров в диаметре!

По старинным мерам длины это равнялось почти миле в высоту и 10 милям в диаметре.

Тут Фаербрасса прервали. Главный инженер Хакконен доложил, что корпус корабля начинает обледеневать. На лобовой панели рубки лед еще не появился, так как она была изготовлена из пластика, предупреждающего образование льда.

— Спусти корабль до одной тысячи пятисот тридцати метров, Сирано. Там воздух потеплее,— приказал Фаербрасс.

Река, впадая в море, несла в своих водах еще много тепла, несмотря на то что довольно долго петляла в арктической зоне. Попав в эту холодную глубокую чашу, Река начинала быстро отдавать тепло, да еще в таком количестве, что температура воздуха даже на высоте 1524 метра, или 5000 футов, была на два градуса выше нуля по Цельсию. Но еще выше перенасыщенный влагой воздух превращался в настоящую ледовую ловушку.

Пока корабль спускался, оператор радара доложил, что внутренние склоны гор отнюдь не так гладки, как внешние. Их бороздили многочисленные пещеры и уступы, будто создатели этих

гор решили бросить на полпути отделку невидимой снаружи стороны гор.

Узкий карниз, описанный Джо Миллером, тоже был нащупан радаром. Он вел с вершины гор до самого моря. Был и еще один карниз, тянущийся вдоль уреза воды и заканчивающийся у отверстия около трех метров в ширину и двух — в высоту.

Никаких комментариев по поводу этих открытий не последовало. Только Джилл довольно громко выразила удивление по поводу того огромного круглого отверстия, через которое их дирижабль проник сюда.

— Возможно, оно предназначено для воздушного транспорта, если у них есть такой,— ответил ей Фаербрасс.— Его функцией может быть вот что — избавить аэропланы от необходимости каждый раз перелетать через такие высокие горы.

Это объяснение показалось всем достаточно резонным.

— Вполне вероятно,— сказал Пискатор.— Однако тот луч света, который так поразил Джо Миллера, никак не мог быть солнечным лучом, прошедшим сквозь эту дыру. Во-первых, само отверстие закрывается плотной завесой облаков. Во-вторых, даже если б солнечные лучи и прошли сквозь дыру, они никак не смогли бы осветить верхушку Башни. Джо, правда, говорил, что ветер на мгновение сдул туман. Но даже при этом условии лучи не могли бы упасть на вершину Башни. Да и если бы они достигли ее, Джо нужно было бы находиться на прямой линии отверстие—Башня, чтобы увидеть все это. Однако карниз, на котором он стоял, кончается гораздо раньше, чем нужно, чтоб Джо оказался в этой точке.

— Вполне возможно, что луч исходил от воздушного корабля, который был замечен Джо через несколько минут,— ответил Фаербрасс.— Он снижался, и, может быть, его машинам надо было сбросить избыток энергии, чтоб обеспечить нужную скорость спуска. А Джо решил, что это луч солнца.

— Весьма вероятно,— согласился Сирано.— Впрочем, могло быть и так, что свет был сигналом, поданным с Башни. Башня столь высока, что Джо ее хорошо видел. Сам он стоял на карнизе, что увеличивало дальность обзора до сорока восьми с половиной километров. Остается, правда, вопрос — как он мог на таком расстоянии разглядеть такой небольшой объект, как летательная машина?

— Можно допустить, что она была вовсе не такой уж маленькой!

Помолчали. Джилл попробовала рассчитать, какие размеры должен был бы иметь воздушный корабль, чтоб Джо мог увидеть его с такого большого расстояния. Точно высчитать ей не удалось, но по прикидке получалось, что длина аппарата достигала примерно километра.

— О таком монстре даже слушать страшно,— задумчиво сказал Сирано.

Фаербрасс приказал ему вести корабль вдоль береговой стены Полярного моря. Радар показал, что стены Башни совершенно гладки и не имеют никаких отверстий, кроме ряда амбразур, расположенных в 243 метрах, или 800 футах, от верхнего края ее стены.

Отмечено было и то, что вершина Башни как бы полая — там стены высотой 243 метра окружали ровное посадочное поле, имевшее в диаметре почти 16 километров.

— Амбразуры почти у самого основания этих стен расположены на чуть меньшей высоте, нежели центр поля,— заметил Фаербрасс.— Должно быть, они предназначены для стока дождевой воды, накапливающейся на крыше.

Более всего их, однако, заинтересовало нечто вроде выступа на посадочном поле. Эта структура находилась ближе к южной окраине поля и представляла собой купол диаметром в шестнадцать и высотой в восемь метров.

— Если это не вход, я готов съесть собственную набедренную повязку! — воскликнул Фаербрасс, качая головой.— Сэм будет разочарован, услышав об этом. Попасть внутрь Башни нет никакой возможности, кроме как сверху.

— Ну, мы пока еще тоже внутрь не пробрались,— пробормотал Пискатор.

— Вот оно что! Ладно, согласен! Но мы, черт побери, все же попробуем. Слушайте все! Сэм приказал, чтоб мы совершили только разведывательный полет. Я, однако, полагаю, что высадка и попытка проникнуть в Башню тоже входят в понятие разведки.

Фаербрасс постоянно, можно сказать, находился в состоянии кипения, но сейчас он прямо-таки дрожал от возбуждения, лицо его освещалось каким-то внутренним огнем, будто каждый нерв капитана превратился в световод. Даже голос и тот дрожал от волнения.

— Там внизу могут находиться оборонительные механизмы, управляемые людьми или автоматические. Но единственный способ выяснить все — высадка. Но я ни в коем случае не хочу подвергать корабль опасности большей, чем того требует обстановка.

Джилл, я собираюсь высадиться на крыше Башни с помощью вертолета, взяв с собой немногочисленный отряд людей. Ты останешься за начальника и таким образом становишься капитаном, хотя и ненадолго. Не знаю, что будет с нами дальше, но пока, считай, твои амбиции удовлетворены.

Держи корабль на высоте в тысячу метров над вершиной Башни и примерно на тысячу метров в стороне от нее. Если с нами что-нибудь случится, уводи корабль к Сэму. Это приказ!

Если я увижу что-то подозрительное, то дам знать. Тогда улетай, а мне предоставь заботу о том, как оттуда выбираться. Поняла?

— Да, сэр.

— Если тот купол — вход, там, должно быть, понадобится какой-нибудь электронный или механический «сезам, откройся», чтоб войти внутрь. А может, и не потребуется. Они ведь могли не допускать и мысли, что у нас когда-либо появится шанс забраться сюда. Я вообще не уверен, что сейчас кто-то из них дома.

А если и есть, то они небось будут выжидать, чтоб выяснить наши намерения, прежде чем приступить к делу самим. Будем, однако, надеяться, что я ошибаюсь.

— Я хотел бы пойти с тобой, мой капитан,— сказал Сирано.

— Нет, ты останешься здесь. Ты ведь наш лучший пилот. Я возьму с собой тебя, Анна, Холдерссона — он к тому же отлично водит вертолет,— Метцинга, Ордуино, Чона и Сингха. Разумеется, в том случае, если они пойдут добровольцами.

Обренова тут же позвонила остальным, кого назвал Фаербрасс, на их рабочие места и доложила, что все они в восторге от идеи пойти волонтерами в десантный отряд.

Фаербрасс по общей системе оповещения проинформировал экипаж об открытиях, сделанных радаром. Он поставил их также в известность о предполагаемой высадке десантной группы.

Едва он закончил свое сообщение, как по интеркому позвонил Торн. Фаербрасс слушал его почти минуту, а потом решительно сказал:

— Нет, Барри. Волонтеров у нас вполне достаточно.

Отвернувшись от аппарата, он сообщил:

— Торн прямо рвется идти с нами. И жутко огорчился, когда я отказал. Вот уж не думал, что он с такой страстью относится к нашему делу.

Джилл позвонила в ангар и приказала Сентешу — главному сержанту ангара — приготовить к вылету вертолет.

Фаербрасс пожал руки всем, кто был в рубке, кроме Джилл. Ее он обнял и крепко стиснул. Нельзя сказать, что она пришла от этого в большой восторг. С одной стороны, это выглядело не так чтобы очень по-офицерски, а с другой — слишком уж отдавало последним прощанием. Неужели у самого Фаербрасса есть сомнение в возможности возвращения? Или она просто проецирует на него собственную тревогу?

Но какова бы ни была причина, а Джилл раздирали противоречивые чувства. Ей не понравилось, что Фаербрасс обошелся с ней иначе, чем с другими, и в то же время на душе у нее потеплело, так как стало ясно, что она ему нравится. Просто удивительно, что она до сих пор не нажила язву желудка — ведь сколько мучений пришлось ей вынести из-за совершенно противоположного отношения к своей персоне. Впрочем, ей еще никогда не приходилось слышать, чтоб кто-нибудь в этом мире болел язвой желудка. Физические и нервные стрессы здесь, по-видимому, имели чисто психические последствия. Вот как у нее — галлюцинации.

Но прошла лишь минута, и Джилл перестала быть приятным исключением. Сирано попросил Пискатора сменить его на секунду в пилотском кресле. Он вскочил с места и заключил своего капитана в объятия, причем по лицу у него градом бежали крупные слезы.

— Мой любезный друг, не печалься так! Конечно, там внизу вас могут подстерегать опасности, но не надо их бояться! Я, Савиньен Сирано де Бержерак, всегда буду стоять рядом с тобой!

Фаербрасс не без труда выбрался из объятий и похлопал француза по плечу, а потом весело рассмеялся:

— Ей-ей! Я вовсе не хотел, чтоб кто-нибудь из вас подумал, будто наши дела могут пойти наперекосяк! Я, если хотите знать, говорю вам вовсе не «прощайте», а всего лишь — «пока»! Какого черта в самом деле! Уж мне нельзя и... А, да ладно! Нет-нет, Сирано, возвращайся на свой пост! — Он снова улыбнулся, белые зубы ослепительно блеснули на темном лице; он махнул рукой всем: — Пока, ребята!

Анна Обренова последовала за ним в глубокой задумчивости. Метцинг — угрюмый, настоящий тевтон — вышел следом за ней.

Джилл немедленно распорядилась, чтоб «Парсеваль» занял позицию, указанную Фаербрассом. Дирижабль начал кругами спускаться вниз. Когда он нырнул в туман, включились прожектора. Несмотря на свою мощность, они проникали в толщу тумана всего лишь метров на 150, то есть меньше чем на 500 футов. Дирижабль занял назначенную ему позицию, зависнув на одном месте, носом против ветра, держа скорость, точно уравнивающую скорость ветра. Четыре световых туннеля вспарывали туман, но они не высвечивали ничего, кроме клубящихся темно-серых облаков. Башня громоздилась где-то дальше и ниже, невидимая, но излучающая неотвратимую угрозу, будто выбрасывая вперед щупальца, прочно удерживающие в своих объятиях «Парсеваль».

Никто не проронил ни слова. Сирано молча курил сигару. Пискатор занял место позади радистки, наблюдая, как передвигается стрелка по шкале. Радистка, отдавая все внимание приборам, прощупывала эфир на всех возможных диапазонах. Джилл мельком подумала: а что она, собственно, надеется там поймать?

Казалось, прошел целый час, хотя на самом деле минуло вряд ли больше пятнадцати минут. Сентеш вызвал капитана pro tempora*. Люк в брюхе корабля открыт, моторы вертолета разогреты, старт через минуту.

В голосе Сентеша слышалась какая-то непривычная напряженность.

— Тут у нас небольшая проблема, миз Галбирра, почему я вас и вызываю до старта. Здесь появился Торн и попытался уговорить капитана взять его с собой. Капитан приказал ему вернуться на свой пост.

— И он вернулся?

— Да. Капитан велел мне позвонить вам, чтоб вы проверили. Только Торн, думаю, еще не успел добраться до хвостового отсека.

— Хорошо, Сентеш. Я займусь этим делом.

Джилл отключилась и тихо выругалась себе под нос. Вот она сидит тут — всего лишь четверть часа как капитан, а у нее на руках уже имеется дисциплинарная проблема. И что это нашло на Торна?

А сделать-то можно только одно! Если спустить Торну его проступок, она потеряет контроль над кораблем и уважение команды.

---

* Исполняющий обязанности, временный *(лат.)*.

Джилл позвонила во вспомогательную рулевую рубку, расположенную в нижней части хвостовой структуры. Ответил Саломо Коппенейм — суринамец и второй помощник командира хвостовой секции.

— Арестуйте мистера Торна. Отведите в его собственную каюту под караулом и проследите, чтоб у дверей был поставлен часовой.

Коппенейм наверняка удивился подобному развороту событий, но любопытствовать не стал.

— И известите меня сразу же, как только он появится.

— Слушаюсь, сэр.

Красный огонек, горевший на панели, перестал мигать. Нижний люк только что закрылся. Радар засек вертолет, идущий вниз — к Башне.

Неожиданно радио донесло голос:

— Говорит Фаербрасс.

— Слышим вас громко и отчетливо,— ответила радистка.

— Отлично. Вас тоже слышно. Собираюсь садиться в полусотне метров от купола. Радар работает вполне о'кей, и поэтому никаких проблем быть не должно. Я полагаю, что стена почти полностью заблокирует ветер, когда мы будем садиться. Джилл, ты тут?

— Здесь, капитан.

— Что собираешься делать с Торном?

Джилл доложила ему, и Фаербрасс ответил:

— Я бы тоже так поступил. Я расспрошу его, когда вернусь, какого дьявола он так рвался лететь с нами. Если... если я не вернусь по какой-либо причине, ты допроси его сама. Но держи его под арестом, пока не кончатся все делишки с Башней.

Джилл приказала Окузо включить общую систему оповещения. Не было никаких оснований оставлять кого-либо в неведении о происходящем.

— Я иду на посадку. Ветер слабеет. Джилл, я...

— Люк в брюхе снова открывается! — закричал Сирано.

Он указал на мигающий красный огонек на панели управления.

— Mordioux!*

* Проклятье! *(фр.)*

Сирано в ужасе тыкал пальцем в лобовую прозрачную панель.

Никакой необходимости в этом не было. Все бывшие сейчас в рубке увидели огненный шар, который внезапно возник в темном чреве серого тумана.

Джилл застонала.

Окузо громко крикнула:

— Капитан! Возвращайтесь, капитан!

Ответа не было.

Глава 58

Сигнал интеркома.

Двигаясь медленно, будто сам воздух рубки превратился в вязкие нити сладкой ваты, Джилл передвинула рычажок на прием.

Голос Сентеша произнес:

— Офицер Торн только что угнал второй вертолет. Но думаю, я этого сукина сына все-таки поимел! Я в него всю обойму выпустил.

— Он виден на экране,— буркнул Сирано.

Джилл изо всех сил старалась выплыть из вязкой тугой медлительности, которая сковывала ее движения. Ей надо было стряхнуть с себя это окоченение, вернуть былую быстроту мысли и принятия решений.

— Офицер Торн ушел из ангара сразу же после того, как получил приказ капитана. Однако он вернулся сюда после вылета вертолета, и в руках у него был пистолет. Он заставил нас войти в помещение склада и выстрелом вывел из строя аппарат интеркома. Затем запер нас. Только он позабыл, что на складе хранится и оружие. А может, подумал, что успеет бежать, прежде чем мы сумеем раздобыть его.

Как бы там ни было, мы выстрелом выбили замок и выбежали в ангар. Но к этому времени он уже сидел в вертушке и поднимал ее с посадочной платформы. Я выстрелил в него, когда вертолет уже покидал гнездо. Другие тоже стреляли.

Что же это происходит?

— Я извещу экипаж, как только сама буду что-то знать,— сказала Джилл.

— Но...

— Да?

— Еще одна странность. Все время, пока Торн загонял нас на склад, и даже когда угрожал перестрелять нас до единого, если мы попытаемся помешать ему, он плакал.

— Отключаюсь,— сказала Джилл и выключила интерком.

Оператор инфракрасной аппаратуры воскликнул:

— Пламя все еще пылает.

Оператор радара, чья смуглая кожа почти побелела от переживаний, сказала:

— Это вертолет горит. Он находится на посадочной площадке Башни.

Джилл вглядывалась в туман. И не видела ничего, кроме крутящихся облаков.

— Я засекла второй вертолет,— сказала оператор радара.— Он идет круто вниз. Направление — основание Башни.

— Окузо, вызывай Торна.

Ощущение скованности постепенно уходило. Джилл все еще чувствовала себя сбитой с толку, но сейчас она уже обрела способность находить в этом хаосе какое-то подобие упорядоченности.

Через минуту Окузо сказала:

— Не отвечает.

Согласно данным радара, вертолет-амфибия сейчас плавал на волнах метрах в тридцати от подножия Башни.

— Попытайся еще раз, Окузо.

Скорее всего, Фаербрасс погиб. Теперь она капитан, ее давнишняя мечта исполнилась.

— Господи, да разве я хотела, чтоб это произошло *так!*

Ее голос звучал совсем глухо, когда она вызывала Коппенейма и приказывала ему явиться в рулевую рубку, чтобы принять обязанности первого помощника. Старшим же офицером кормового отсека будет теперь Александрос.

— Сирано, Торном мы займемся позже. А сейчас нам надо выяснить, что случилось с Фаербрассом... и с другими...— Она помолчала и добавила: — Нам придется садиться прямо на Башню.

— Конечно. А почему бы и нет? — ответил Сирано.

Он был бледен, челюсти сжаты до зубовного скрежета, однако он полностью владел собой.

«Парсеваль» шел сквозь облака, его радары прощупывали и туман прямо перед носом корабля, и то, что лежало внизу. Вокруг Башни вихрились воздушные потоки, круто взмывающие

вверх; но когда корабль оказался над Башней, они почти потеряли свою силу.

Прожектора, размещенные на килевой части «Парсеваля», швыряли вниз копья света, скользившие по тусклому металлу огромной площади крыши. Люди в рубке видели пламя, но разобрать очертания вертолета не могли.

Воздушный корабль медленно скользнул мимо огня. Его пропеллеры стояли горизонтально, направляя движения колосса, шедшего на посадку.

Осторожными, нарочито неспешными движениями пилот вел дирижабль к выбранному месту посадки. При идеальных условиях тут ветра вообще не должно было быть. Однако тысячи дренажных амбразур у подножия стены создавали благоприятные условия для образования сквозняков со скоростью движения воздуха до 8 км/час. По шкале Бофорта это считается слабым ветром. Такой ветерок ощущается кожей лица, он колышет листья (если таковые имеют место) и заставляет медленно вращаться флюгер.

Обыватель счел бы такой ветерок абсолютно безвредным. Однако огромная площадь поверхности корабля под напором даже слабого ветра начинает быстро скользить, если работа моторов не уравновешивает силы ветра. Удар о стену мог принести кораблю немало вреда, если не будут приняты предупредительные меры.

К сожалению, на площадке не было якорной мачты, а непосредственный контакт дирижабля с посадочным полем был невозможен. В отличие от «Графа Цеппелина» или «Гинденбурга» «Парсеваль» не имел под килем гондолы управления, снабженной колесами, которая может при посадке удерживать хвост дирижабля на весу и тем самым предохранять его от трения о землю. Поскольку рулевая рубка «Парсеваля» находилась внутри носовой части корпуса, корабль не мог приземляться без угрозы повредить свой хвостовой «плавник».

Но на борту имелся большой запас канатов. Их взяли с собой на тот случай, если садиться придется на приречной равнине. Предполагалось, что канаты будут сбрасываться людям, находящимся на земле, а уж те, надо думать, охотно исполнят роль швартовочной команды.

Джилл быстро отдала несколько распоряжений. Сирано развернул дирижабль боком к ветру. Несколько километров он позволил ветру, чья сила все время падала, медленно относить корабль

к стене Башни. Вскоре выяснилось, что теперь ветер, дующий из ближайших к ним амбразур, начинает отгонять дирижабль обратно.

Когда радар показал, что нос корабля находится примерно на расстоянии полукилометра от стены, Сирано перевел моторы на самую малую скорость. Аэростат остановился; тут же распахнулся нижний люк.

Концы канатов полетели на площадку, и пятьдесят человек по четверо соскользнули по ним на крышу Башни. Как только человек спрыгивал на крышу, вес корабля уменьшался, а плавучесть соответственно возрастала. С большой неохотой Джилл распорядилась выпустить из газовых отсеков небольшое количество водорода. Но только так и можно было сбалансировать подъемную силу дирижабля, хотя ей страх как не хотелось уменьшать невосполнимые запасы газа. Позже для повышения плавучести корабля придется прибегнуть к сбросу части балласта.

С носа и с кормы сбросили новые канаты. Люди, уже находившиеся на поле, схватили их и повисли на швартовах, используя собственный вес в качестве якорей.

Теперь Сирано позволил ветру отнести аэростат к самой стене с неподвижными пропеллерами. Едва нос чуть ли не уткнулся в стену, пропеллеры снова заработали, и дирижабль застыл на месте.

Два человека подбежали к амбразуре и замерили в ней силу ветра. С помощью «уоки-токи» они подтвердили, что ветер, проходящий через отверстия, достаточно силен, чтобы не дать кораблю развернуться и удариться боком о стену.

Еще несколько человек спустились вниз по канатам, и снова какое-то количество водорода было выпущено в воздух. Суммарный вес тех, кто «держал» корабль за стропы, возрос.

Вновь спустившиеся побежали помогать людям, суетившимся у носа дирижабля. Осторожно подведя «Парсеваль» так, чтоб он носом упирался в стену, они протащили канаты через три амбразуры, используя для этого длинные багры, которыми цепляли повисшие снаружи веревки, втягивая их сквозь следующую амбразуру. Канаты связали прочными узлами, после чего стали медленно заводить хвостовую часть, пока корабль не встал параллельно стене. Тем же способом были укреплены и кормовые швартовы.

Теперь корабль плавал примерно в двадцати метрах от стены.

Джилл не ожидала каких-либо изменений в направлении или силе ветра. Если бы они все же произошли, последствия могли быть исключительно серьезны. Один-единственный удар корабля о стену мог бы сорвать трансмиссии и пропеллеры с правой стороны.

Из нижнего люка спустили веревочный трап. Джилл и Пискатор поспешно вышли из рубки и, быстрыми шагами пройдя коридор, спустились по трапу на поле. Там уже их ожидал доктор Грейвз, держа в руке свой непременный чемоданчик.

Вертолет разбился примерно метрах в тридцати от купола. Пользуясь заревом как маяком, они зашагали туда сквозь плотный туман. Сердце Джилл, казалось, готово было выскочить наружу в тот момент, когда они вышли к обломкам. Непостижимо, как мог уйти из жизни такой жизнелюбивый и страстный человек, каким был Фаербрасс!

Он лежал всего лишь в нескольких метрах от пылающей груды обломков — там, куда отшвырнул его взрыв. Остальные остались в машине; там виднелось обугленное тело одного из них, все еще сидящее на обгорелом остове сиденья.

Грейвз отдал свой фонарик Пискатору и склонился над трупом. Дым, смешавшийся с туманом, доносил до них тошнотворный запах горящего газолина и тлеющей плоти. Джилл чувствовала, что ее сейчас вырвет.

— Держи фонарь как следует! — рявкнул на нее Грейвз.

Джилл повиновалась, заставив себя бросить взгляд на тело. Одежда была сорвана взрывом, кожа обгорела сверху донизу. Несмотря на страшные ожоги, черты лица все же еще можно было разобрать. Должно быть, тело пробыло в огне не так уж долго. Вероятно, его выбросила взрывная волна еще до того, как машина рухнула на площадку с высоты. Этот же удар о металл крыши был, видимо, причиной снесенной начисто черепной крышки.

Джилл не понимала, зачем доктору понадобилось так тщательно исследовать тело. Она уже хотела сказать ему это, когда он вдруг поднялся с колен. Он протянул ей открытую ладонь.

— Погляди-ка на это.

Джилл поднесла фонарь поближе к ладони доктора. То, что лежало на ней, было крошечным шариком, размером со спичечную головку.

— Эта штука находилась у него в лобной части мозга. Не знаю, что это за чертовщина такая.

Потом доктор отер руки от крови и сказал:

— А он черный! — Грейвз завернул шарик в тряпочку и спрятал в чемоданчик.— Что ты думаешь делать с телами?

Джилл поглядела на искореженную груду светящегося раскаленного металла.

— Нет смысла расходовать пену, чтоб погасить пламя,— ответила она. Потом обвела взглядом лица стоявших рядом с ней членов экипажа.— Петерсон, отнесите тело на корабль. Заверните его во что-нибудь. Остальные, за мной.

Через несколько минут они уже стояли у купола. На него были нацелены прожектора дирижабля, и в их свете купол выглядел как призрак эскимосского иглу.

С помощью своего фонарика Джилл убедилась, что купол сделан из того же серого металла, что и сама Башня. Больше того, казалось, он составлял с Башней единое целое. Во всяком случае, не было заметно никаких следов сварки, никакого подобия швов. Словно на поверхности крыши вспух большой пузырь, вот и все...

Все держались немного в стороне от входа, имевшего форму арки, ожидая, что же решит их капитан. Фонари высвечивали отверстие, похожее на вход в пещеру. Метрах в десяти вглубь стены сближались, образуя коридор около трех метров в ширину и двух с половиной — в высоту. Стены холла и коридора казались сделанными из того же самого серого металла. Дальше — метрах в тридцати — коридор круто поворачивал. Если и был вход в самую Башню, то он должен находиться где-то за поворотом.

Над входом в пещеру были видны два символа, выполненные в технике горельефа. Верхний имел вид полукруга, состоящего из концентрических полукружий семи основных цветов. Пониже находился второй символ — окружность со вписанным в нее крестом — египетским «анхом».

— Радуга — эмблема жизни и воскрешения,— задумчиво сказала Джилл.

— Извините,— отозвался Пискатор,— крест внутри круга — это астрологический и астрономический символ Земли. Однако в том символе крест обычный, а не египетский.

— Радуга — это еще и символ надежды. Если вы помните Ветхий Завет, это знак договора между Богом и его народом. Ну а кроме того, невольно вспоминаются сказки о горшке золота в

конце радуги, об Изумрудном городе страны Оз и многое другое.

Пискатор с удивлением воззрился на Джилл.

Она помолчала, испытывая одновременно чувства благоговения и страха и надеясь, что они не помешают ей проявить здравый смысл.

— Я пойду. А вы ждите тут, Пискатор. Когда я дойду до конца холла, то просигналю, чтоб вы присоединились ко мне. Разумеется, в том случае, если ничего не произойдет.

Если же со мной что-то случится, а мало ли что тут может быть, то вы и все остальные должны немедленно вернуться на корабль. И стартуйте. Это приказ.

Вы будете капитаном. Коппенейм — отличный парень, но у него нет вашего опыта, а кроме того — вы самый надежный человек из всех, кого я знаю.

Пискатор улыбнулся:

— Фаербрасс приказал вам не приземляться в том случае, если с ним что-нибудь произойдет. А вы все же приземлились. Неужели же я смогу позволить себе бросить вас, когда вы окажетесь в опасности?

— Но я не хочу подвергать риску корабль. И жизни почти сотни людей!

— Там будет видно. Я буду действовать по обстоятельствам. Вы поступили бы так же. А кроме того, существует еще проблема Торна.

— Все в свое время,— ответила Джилл.

Она повернулась к ним спиной и пошла ко входу. Когда она подошла к нему вплотную, у нее перехватило дыхание.

Внезапно тусклый свет залил весь холл.

Поколебавшись несколько секунд, Джилл сделала шаг вперед. Когда она прошла под аркой, свет стал ослепительным.

Глава 59

Джилл остановилась.

— Откуда исходит свет? — громко спросил Пискатор.

Джилл обернулась к нему и ответила:

— Не знаю. Источников света не видно. Послушайте, я не отбрасываю тени!

Она снова повернулась спиной ко входу и пошла дальше. Опять остановилась.

— В чем дело? Вы...

— Хотела бы я знать, что тут за чертовщина! Я чувствую себя так, будто превращаюсь в какое-то желе! Не могу вздохнуть, и каждый новый шаг дается с огромным усилием.

Преодолевая почти осязаемый, но невидимый барьер, согнувшись, будто шла против ураганного ветра, Джилл с огромным трудом сделала еще три шага. Затем, задыхаясь, остановилась.

— Должно быть, какое-то силовое поле. Ничего материального нет, но чувствуешь себя мухой, попавшей в паутину.

— А не реагирует ли это поле на магнитные скрепки вашей одежды? — крикнул ей Пискатор.

— Не думаю. Если б было так, скрепки прорвали бы материю, а этого не случилось. Впрочем, можно попробовать...

Ощущая глубокий стыд оттого, что она раздевается на виду у пятидесяти мужчин, Джилл расстегнула скрепки платья. Температура воздуха была близка к нулю. Дрожа и клацая зубами, она попробовала пробиться сквозь прозрачную преграду. Ни единого сантиметра по сравнению с прежним ей выгадать не удалось.

Джилл наклонилась за своей одеждой и при этом заметила, что такое движение ей далось без всякого труда. Сила действовала лишь по горизонтали. Она отступила еще на несколько шагов, чувствуя, что сила сопротивления падает, и натянула на себя платье.

— Теперь попробуйте вы, Пискатор,— сказала она, очутившись у входа.

— Думаете, я добьюсь успеха там, где вам не повезло? Что ж, попробуем поэкспериментировать.

Раздевшись догола, он двинулся вперед. С удивлением Джилл увидела, что поле на Пискатора вроде бы не действует. Во всяком случае до тех пор, пока он не оказался в нескольких метрах от поворота. Отсюда он крикнул, что трудности все же возникли.

Теперь он двигался куда медленнее, с усилием, дыхание стало таким тяжелым, что даже Джилл слышала его.

И все же он дошел до поворота, где остановился и с трудом перевел дух.

— Там в конце открытый лифт! По-моему, это единственный путь вниз,— громко крикнул Пискатор.

— Вы можете дойти до него? — прокричала в ответ Джилл.

— Попытаюсь...

Двигаясь подобно актеру в фильме с замедленной съемкой, он сделал с трудом несколько шагов. И исчез за поворотом.

Прошла минута. Две. Джилл снова вошла в коридор и добралась до того места, куда допускала ее сила поля.

— Пискатор! Пискатор!

Голос Джилл звучал странно, будто коридор обладал особыми акустическими свойствами. Ответа не было, хотя, если бы Пискатор стоял сразу за поворотом, он ее наверняка бы услышал.

Вновь и вновь кричала она. И ответом ей было только молчание.

Джилл ничего не оставалось делать, как вернуться ко входу и дать остальным возможность попробовать свои силы.

Для экономии времени мужчины входили в коридор по двое. Некоторые из них проходили чуть дальше Джилл, другие же останавливались раньше ее. Все снимали одежду, но это ничуть не помогало.

Джилл, воспользовавшись «уоки-токи», приказала и всем остальным членам экипажа принять участие в этих попытках. Ведь если один из пятидесяти двух все же добился успеха, то почему бы не добиться того же еще одному из сорока одного, оставшихся на борту.

Но сначала всем членам первой группы, кроме нее, следовало вернуться на корабль. Они ушли — призрачные фигуры в еле проницаемом для света тумане. Еще никогда за всю свою жизнь Джилл не чувствовала себя столь одинокой, а уж ей-то пришлось вынести немало часов самого черного одиночества. Туман тянул свои влажные пальцы к ее лицу, которое, как ей казалось, при его прикосновении превращается в маску из звонкого, как стекло, льда. Погребальный костер Обреновой, Метцинга и других все еще яростно пылал. А тут еще Пискатор — где-то там за углом... В какое положение он попал? Возможно, он сейчас не в состоянии ни двинуться вперед, ни вернуться назад. Для нее возвращение не сопровождалось никакими трудностями, для других — тоже. Тогда почему же ему не удалось отступить?

Но ведь она не имеет ни малейшего представления о препятствиях, что подстерегают их за тем мрачным серым холлом...

Джилл повторила про себя строчку из Вергилия: «Facilis descensus Averno...» — «Спуск в ад совсем не труден...»

А как там дальше? Прошедшие годы глушили память — она никак не могла вспомнить продолжение. Ах, почему в этом мире нет книг! И справочников! И вдруг ожившая память донесла до нее:

Нетруден доступ к Аверну —
Ночью раскрыты и днем ворота черного Дита.
Но шаги обратить и на вышний выбраться воздух —
Это есть труд, это — подвиг*.

Но в данном-то случае трудность заключалась в том, что цитата была не вполне уместна. Трудно было добраться до врат; даже невозможно — для всех, кроме одного. А вот вернуться назад оказалось очень даже легко — опять-таки для всех, кроме одного.

Джилл включила «уоки-токи».

— Сирано? Говорит капитан!

— Да, в чем дело, мой капитан?

— Вы что... плачете?

— Да конечно же! Разве я не любил Фаербрасса горячо? И я не стыжусь этого! Я вам не ледышка какая-нибудь англосаксонская!

— Ладно, оставим это. Возьмите себя в руки. Нам предстоит работа.

Сирано шмыгнул носом, а потом ответил:

— Я понимаю. И я могу и хочу работать. Вы найдете во мне настоящего мужчину. Какие будут приказания?

— Как вам известно, вас сменяет Никитин. Я же хочу, чтоб вы доставили сюда двадцать пять килограммов взрывчатки.

— Да. Я слышу. Но неужели вы задумали взорвать Башню?

— Нет. Только вход в нее.

Прошло еще полчаса. Нужно было время, чтоб люди, находившиеся в корабле, вышли наружу, а те, что были снаружи, вернулись бы внутрь. Дело было затяжное, поскольку за каждым выходившим должен был немедленно последовать входивший. Такая строгая очередность, конечно, затягивала процедуру, но она была совершенно необходима. Одновременный выход сорока человек мог сделать корабль чересчур легким. Он поднялся бы вверх, и нижние ступеньки трапа повисли бы в недосягаемости для тех, кто стоял на посадочной площадке.

* *Вергилий.* Энеиды, VI, 126–129. Пер. В. Брюсова.

Наконец Джилл увидела фонари и услыхала голоса. Она рассказала пришедшим о том, что тут произошло (они уже почти все знали об этом), а затем познакомила их с тем, что предстоит сделать (но они и об этом уже сами догадались).

Результат проб был таков — никому из вновь пришедших не удалось продвинуться так далеко, как это удалось Пискатору.

— Хорошо же! — воскликнула Джилл.

Пластиковую взрывчатку приложили к внешней поверхности купола в месте, соответствующем примерно половине длины коридора. Джилл хотела бы поместить заряд в точке, где задняя стенка купола прилегает к стене самой Башни; однако она побоялась, что взрыв может пробить дыру в куполе, а в этом случае вероятность гибели Пискатора резко возрастала. Все отошли подальше, к дирижаблю, и эксперт-подрывник нажал на кнопку радиопередатчика. Взрыв был оглушителен, хотя взрывчатка лежала за куполом, на той стороне, что была дальше от них. Все бросились к месту взрыва, но остановились, задыхаясь от кашля, вызванного пороховыми газами. Когда воздух очистился, Джилл приступила к осмотру купола.

Он не получил ни малейшего повреждения!

— Так я и думала,— пробурчала она себе под нос.

Перед взрывом Джилл на всякий случай крикнула Пискатору, чтоб он подождал выходить. Ответом ей было молчание. Впрочем, у Джилл было предчувствие, что Пискатора рядом нет, но ведь предчувствие — еще не уверенность.

Джилл вернулась в купол и прошла так далеко, как только смогла. Никакого давления поля на длинный багор, который она держала, выставив перед собой, она не ощутила. Кроме того, выяснилось, что она беспрепятственно может бросить в самый конец коридора тряпку с завернутым в нее куском железа. Итак, на неодушевленные предметы поле воздействия не оказывает.

Если бы у них был достаточно длинный перископ, чтобы дотянуться до конца коридора, они легко заглянули бы за угол. Однако перископы, да еще длинные, не входили в число инструментов, имеющихся на складе дирижабля.

И все-таки Джилл еще не считала себя побитой. На «Парсевале» имелась маленькая механическая мастерская. В ней можно было изготовить небольшую тележку на колесиках, которая докатилась бы до поворота. На тележку можно водрузить фотокамеру, приводящуюся в действие радиосигналом.

Помощник главного механика считал, что сумеет сконструировать подобную «штуковину» за час. Джилл предложила ему тут же заняться этой работой, а затем распорядилась выставить у купола караул из трех вооруженных человек.

— Если Пискатор появится, немедленно радируйте мне.

Вернувшись на корабль, она первым делом позвонила в механическую мастерскую.

— Вы сумеете завершить работу, пока мы будем в полете? Может быть болтанка.

— Никаких проблем. Ну разве что совсем пустяковые.

Время, потребовавшееся на то, чтобы отпустить швартовы и взлететь, составило всего лишь четверть часа. Никитин поднял «Парсеваль» над Башней, а затем послал его вниз — к самому ее основанию. Радар показывал, что вертолет отнесен волнами прямо к самому основанию Башни. Хотя море и не было таким уж бурным, но существовала вероятность, что невысокие, но все же достаточно сильные волны могли разбить машину об отвесную металлическую стену.

Окузо непрерывно вызывала Торна по радио, но безуспешно.

Так как по стенам Башни шли мощные восходящие потоки воздуха, подвести дирижабль прямо к вертолету оказалось невозможным. Никитин опустил его совсем низко, чуть ли не до самой поверхности моря, и держал там против ветра. Открыли нижний люк и из него в надувной лодке с подвесным мотором спустили трех человек. Лодка пошла к Башне, ориентируемая с корабля оператором радара.

Бойнтон — офицер, командовавший лодкой,— держал с кораблем связь по радио.

— Мы уже подошли к вертушке. Ее бьет о Башню, но понтоны мешают лопастям сломаться. Сами понтоны вроде бы целы. Нам тут с этим долбаным морем забот полон рот. Выйду на связь через пару минут.

Через минуту его голос снова прорезался в динамике:

— Пропп и я влезли в вертушку. Торн тут! Весь в кровище, похоже, получил пулю в левую сторону груди, да какие-то осколки рикошетом попали ему в лицо. Но жив, несмотря на это.

— В Башне нет отверстия, или входа, или чего-то в этом роде?

— Минутку! Сейчас зажгу огонь. Эти фонари — изрядное дерьмо... Нет, ничего такого, один гладкий металл.

— Не понимаю, зачем он там садился? — сказала Джилл Сирано.

Тот пожал плечами и ответил:

— Можно предположить, что ему было необходимо сесть побыстрее, пока он не потерял сознания.

— И все же куда он направлялся?

— Ну, мало ли тут всяких тайн! Мы могли бы кое-что прояснить, применив к Торну специальные методы убеждения.

— Пытка?

Длинное костлявое лицо Сирано было серьезно.

— Это было бы, конечно, негуманно. Результаты ведь никогда не оправдывают примененных средств. Или такое утверждение для вас всего лишь праздное философствование?

— Я никогда никого не пытала сама и никому не позволила бы делать это за меня.

— А может быть, Торн добровольно выдаст нам информацию, когда поймет, что не получит свободы, пока этого не сделает? Я-то, естественно, так не думаю. Он, знаете ли, крепкий орешек.

Снова послышался голос Бойнтона:

— С вашего позволения, миз Галбирра, я попробую взлететь отсюда на вертушке. С ней вроде все о'кей. Мои ребята могут доставить Торна на лодке.

— Разрешение дано,— сказала Джилл.— Если машина в порядке, сажайте ее на Башню. Мы подойдем туда чуть позже.

Через десять минут оператор радара сообщил, что вертолет взлетел. Бойнтон добавил, что механизмы работают отлично.

Оставив Коппенейма командовать, Джилл поспешила в ангар. Она пришла туда как раз вовремя, в тот момент когда завернутое в ткань тело Торна поднимали с надувной лодки на корабль. Он все еще был без сознания. Джилл пошла вслед за носилками в больничку, где доктор Грейвз немедленно принялся за дело.

— Он сейчас в шоке, но я думаю, вытащить его все же удастся. Конечно, о допросе сейчас и речи быть не может.

Джилл поставила двух вооруженных людей у двери и вернулась в рубку. К этому времени корабль уже поднялся и шел к Башне. Через полчаса «Парсеваль» уже снова завис над посадочным полем. На этот раз его установили в двухстах метрах от купола. Нос корабля был направлен против маленького ветерка, а его винты крутились как бы с ленцой.

Немного спустя маленькая тележка, изготовленная механиками, была выгружена на крышу Башни. После того как ее доставили ко входу в купол, двое мужчин принялись толкать ее до

того места, куда пропустило их силовое поле. Затем с помощью длинных шестов, тоже изготовленных механиками, тележку пропихнули еще дальше. Потом к шестам приделали удлинители, и вскоре передний конец тележки уткнулся в дальнюю стену коридора.

После того как сделали шесть снимков, тележку втянули обратно при помощи длинной веревки. Джилл с жадностью схватилась за большие пластины, которые были проявлены практически одновременно с моментом съемки.

Джилл бросила взгляд на первый снимок.

— Его там нет!

Она передала снимок Сирано. Он спросил:

— Что это? Короткий коридор, а в его конце проход? Похоже, что там шахта с лифтом, да? Но... ни кабины, ни кабелей не видно...

— Не думаю, чтоб они пользовались таким примитивным устройством, как кабели,— ответила Джилл.— Очевидно одно — Пискатор все же прошел сквозь поле и спустился на лифте.

— Но почему он не вернулся? Он же знал, что мы будем с ума сходить?!

Сирано помолчал немного и добавил:

— А еще он знал, что оставаться здесь долго мы никак не сможем.

Теперь у них больше не было выбора.

Глава 60

Джилл приказала снова закрепить дирижабль на швартовах. Когда приказ был выполнен, весь экипаж собрался в помещении ангара. По рукам пошли фотографии, а Джилл со всеми подробностями рассказала о событиях этого дня.

— Мы пробудем тут неделю, если сможем. Но после этого придется улетать. Пискатор вряд ли так долго останется внизу по своей воле. И если он не вернется в течение ближайших двенадцати часов, мы можем предположить, что он удерживается... теми. Или, может быть, с ним произошел несчастный случай и он либо убит, либо тяжело ранен. Где правда — нам неизвестно. И вообще мы тут бессильны что-либо предпринять, кроме одного — подождать тут какое-то время; в разумных пределах, разумеется.

Никому и в голову не пришло бросить Пискатора в такой ситуации. И в то же время было совершенно очевидно, что идея оставаться неделю в этом ледяном, холодном, сыром и враждебно насторожившемся месте никому не импонирует. Слишком уж это походило на пикничок в преддверии ада.

К этому времени первый вертолет уже успел выгореть дотла. Рабочая группа вышла наружу, чтоб собрать останки погибших и выяснить причину взрыва. Механики между тем осматривали в поисках повреждений поплавки второго вертолета, а также заменяли разбитые пулями лобовое стекло и боковую дверцу.

В самом начале входа в купол поставили караул из трех вооруженных человек.

Джилл еще не успела войти в столовую, как ее вызвал по интеркому доктор Грейвз.

— Торн все еще без сознания, но ему уже лучше. Я исследовал то, что осталось от мозга Фаербрасса. Сделать удалось очень немногое, так как у меня нет даже микроскопа. Тем не менее я готов поклясться, что тот маленький черный шарик был подсоединен к нейронной системе лобной доли мозга. Я предположил возможность, что шарик имеет экзогенное происхождение и впечатан в мозг силой взрыва. Но механики утверждают, что такого рода деталей в оснащении вертолета нет.

— Вы хотите сказать, что шарик был имплантирован в мозг Фаербрасса? Хирургическим путем?

— Слишком мало чего осталось от лобной части мозга,— ответил Грейвз,— чтобы утверждать это с уверенностью. Но я собираюсь вскрыть черепа остальных погибших. Больше того, я хочу произвести полное и детальнейшее исследование тел всех жертв аварии. На это уйдет время, ибо мне предстоит еще присматривать за Торном.

Стараясь удержать голос от дрожи, Джилл спросила:

— А вы понимаете все значение этого шарика?

— Я тут на сей счет пораскинул мозгами. Не знаю, что это такое, кроме одного — эта вещь исключительно важна. Знаете, Джилл, я многие годы занимаюсь вскрытиями, и не потому, что того требовало дело, а для того, чтобы сохранить себя в форме. И за все это время я не обнаружил ничего непонятного во всех этих тысячах трупов.

Но я могу сказать вам вот что: думаю, я теперь знаю, почему Фаербрасс настаивал на рентгеноскопии мозга всего экипажа. Он искал людей с черными шариками в передней части мозга.

И еще я кое-что скажу вам. Я думаю, что Фаербрасс поспешил выбросить труп Штерна в Реку именно потому, что *знал* — у Штерна такой шарик был!

Все это приводит на память слова Алисы — «Все страньше и страньше», не правда ли?

Сердце Джилл колотилось, рука дрожала. Она выключила интерком.

Итак, Фаербрасс был одним из них!

Через минуту она сама позвонила доку Грейвзу.

— Фаербрасс обещал, что расскажет, зачем он затеял эту рентгеноскопию. Но так и не выполнил своего обещания. Мне, во всяком случае. А вам он что-нибудь рассказал?

— Нет. Я спросил его, но он просто велел мне заниматься своими делами.

— Тогда вы не знаете, был ли шарик в мозгу Торна. Если он все равно умирает, вскройте ему череп, док.

— Обязательно. Конечно, я бы и так вскрыл ему мозг. Но не сейчас. Сначала ему предстоит поправиться.

— А операция его не убьет? Я слышала, что при операциях снимают черепную крышку, но можно ли безнаказанно обнажать лобные доли?

— Для меня это не составит ни малейшего труда.

Прошло еще двадцать четыре часа. Джилл старалась найти экипажу побольше дела, но дел было маловато, разве что никому не нужная чистка помещений и полировка металлических деталей. Она очень жалела, что не захватила в полет те несколько фильмов, что были сняты в Пароландо. Кроме чесания языков, игры в кости, шахматы и карты да кидания стрел в мишень, на дирижабле не было ничего, чем можно было бы занять людей. Правда, она распорядилась проводить суровые физические тренировки, чтоб утомить экипаж, но долго заниматься этим делом было невозможно, да к тому же это было еще скучнее, чем ничегонеделание.

А пока тьма и холод, казалось, начинали вить гнезда в самых потайных уголочках костного мозга. Мысль о том, что внутри Башни могут скрываться те таинственные существа, которые сотворили для них весь этот мир, держала нервы экипажа в непрерывном напряжении. Что делают они? Почему они не вышли навстречу людям?

А главное — что случилось с Пискатором?

Казалось, все это действует особенно сильно на Сирано де Бержерака. Конечно, его непривычная молчаливость и явно дурное настроение могли быть вызваны смертью Фаербрасса. Однако Джилл казалось, что Сирано тревожит нечто иное.

Доктор Грейвз попросил Джилл зайти к нему в кабинет. Войдя, она нашла дока сидящим на краю собственного письменного стола. Молча он протянул ей ладонь. На ладони лежал маленький черный шарик.

— Все тела страшно обгорели, так что я не мог бы определить даже пол, исходя из одних лишь внешних признаков; Обренова была самой миниатюрной, и я исследовал маленький труп первым. И сразу же обнаружил вот *это.* Я не говорил вам ничего, так как сначала хотел произвести вскрытие всех тел. Обренова оказалась единственной, у кого было *это!*

— Уже двое!

— Ага. И это заставляет задуматься насчет Торна.

Джилл села и дрожащими пальцами зажгла сигарету.

— Послушайте,— сказал Грейвз,— весь спирт на борту корабля хранится у меня в шкафчике. Предназначен он исключительно для медицинских целей, но мне кажется, что вам сейчас необходимо лекарство. Да и мне оно тоже не повредит.

Пока доктор искал бутылку, Джилл рассказала ему о подслушанной ею ссоре между Торном и Обреновой.

Грейвз подал ей чашку рубинового напитка и задумчиво произнес:

— Значит, они не были случайными знакомыми?

— Не думаю. Но я не понимаю, что все это может означать?

— А кто понимает? Может быть, один лишь Торн. Ну-ка, поехали!

Джилл отхлебнула глоток освежающего, пахнущего фруктами напитка и сказала:

— Мы не нашли ничего подозрительного в их каютах — Фаербрасса, Обреновой и Торна.

Помолчала и добавила:

— Была там одна вещь, важная не столько своим присутствием, сколько отсутствием. Вроде той собаки из рассказа о Шерлоке Холмсе, которая не лаяла. Ни в вертолете, ни в каюте Торна не оказалось его грааля. Я приказала произвести более тщательный обыск в вертолете. Несколько часов назад вы сказали мне, что Торн пришел в себя. Его можно допросить?

— Только недолго. А вообще-то я посоветовал бы подождать, пока он немножко не окрепнет. А то сейчас, если он не захочет отвечать, он всегда может притвориться, что уснул.

Зазвонил интерком. Грейвз щелкнул переключателем.

— Доктор? Говорит старший сержант Кочевел. Мне нужно кое-что доложить капитану.

— Капитан слушает,— вмешалась Джилл.

— Капитан, мы только что обнаружили в вертолете номер два бомбу. Пластиковая взрывчатка. На первый взгляд весит килограмма два; таймер настроен на радиосигнал. Подложена под шкафчик с оружием в хвостовой части вертушки.

— Ничего не делайте, пока я не приду. Хочу осмотреть бомбу, пока ее не удалили.

Джилл поднялась.

— Думаю, бомба в вертолете Фаербрасса — это, безусловно, работа Торна. Группа механиков не смогла точно установить причину аварии, но их начальник говорит, что он склонен предположить вероятность взрыва бомбы.

— Н-нда,— отозвался Грейвз.— Вопрос в том, зачем это Торну понадобилось.

Джилл пошла было к дверям, но вдруг остановилась.

— Боже! Если Торн подложил бомбы в оба вертолета, он мог спрятать несколько штук и в самом дирижабле!

— Но ведь вы не нашли передатчика, когда обыскивали его каюту,— сказал доктор.— Правда, он мог спрятать их в любом количестве по всему кораблю.

Джилл немедленно подняла по тревоге весь экипаж. Отдав приказ Коппенейму организовать поисковые группы, она помчалась в ангар. Бомба была там, где ее обнаружил старший механик. Джилл опустилась на колени и осмотрела ее с помощью электрического фонарика. Затем вылезла из машины.

— Удалите взрывчатку и таймер. Взрывчатку — на склад боеприпасов. Вызовите офицера-электронщика и скажите ему, что мне нужно знать частоту волны, на которую настроен таймер.

Нет, подождите, я позвоню ему сама!

Джилл хотелось убедиться, что эксперименты с таймером будут вестись в месте, защищенном от проникновения радиосигналов. Бомбы — если таковые на корабле имелись — могли быть установлены одновременно с этой, но Торн, надо полагать, настроил их приемные устройства на различные частоты. И все же следовало соблюдать величайшую осмотрительность.

Уверившись, что Дерайк — офицер-электронщик — понял, зачем нужна защищенная комната, Джилл отправилась в рулевую рубку. Коппенейм разговаривал по интеркому, выслушивая рапорты поисковых групп.

В кресле пилота сидел Сирано, уставясь на пульт управления так, будто корабль и сейчас был в полете. Когда вошла Джилл, он поднял на нее глаза.

— Позволительно ли будет спросить, что обнаружил доктор Грейвз?

До сих пор Джилл ничего не скрывала от экипажа. Считала, что все имеют право знать столько же, сколько знает она сама.

После того как Джилл окончила свой рассказ, Сирано некоторое время молчал. Его тонкие длинные пальцы барабанили по панели, а глаза смотрели вверх, будто на потолке было что-то написано. Наконец он встал.

— Я полагаю, нам следует поговорить. С глазу на глаз. И если возможно, то сейчас же.

— Сейчас, когда тут такая каша?!

— Мы можем перейти в картохранилище.

Он пропустил Джилл вперед и запер дверь. Она села и закурила новую сигарету. Сирано ходил взад и вперед, заложив руки за спину.

— Совершенно очевидно, что Фаербрасс, Обренова и Торн были их агентами. Мне почти невозможно поверить, что Фаербрасс... он же был таким человечным! Впрочем, нельзя исключить, что они — тоже люди.

И все же существо, называвшее себя этиком, говорило, что ни оно, ни его агенты не прибегают к насилию. Оно им отвратительно, и они его тщательно избегают. Однако, как мы знаем, Фаербрасс легко приходил в бешенство, уж у него с пацифизмом ничего общего не было. И еще тот эпизод с погибшим Штерном! Из того, что вы мне рассказывали, пожалуй, можно сделать вывод, что это Фаербрасс напал на него, а вовсе не тот пытался зарезать Фаербрасса.

— Не понимаю, о чем вы говорите,— сказала Джилл.— Может, лучше все-таки начать с самого начала?

— Отлично. Я расскажу вам то, что обещал хранить как самую сокровенную тайну. Я нелегко нарушаю данное мной слово; фактически я делаю это в первый раз в жизни. Но может оказаться так, что это слово я давал тому, кто является моим врагом, моим тайным недругом.

Это случилось семнадцать лет назад. И хотя прошло столько времени, кажется, будто было это совсем недавно! В те времена я жил в районе, населенном преимущественно людьми из моей страны и моего времени. Мы жили на правом берегу, понимаете? А левый берег населяли темнокожие дикари — индейцы с острова Куба, жившие еще до открытия его Колумбом. Хотя, как я понимаю, жители острова даже и не подозревали, что когда-либо теряли эту самую Кубу. Вообще-то говоря, народ этот был довольно мирным, и после нескольких стычек и некоторого периода напряженности отношения между нами стали приходить в норму.

Мое собственное государство возглавлялось великим Конти*, под началом которого я имел честь служить при осаде Арраса. Там я получил удар шпагой в горло — второе из моих серьезных ранений, которые вместе с прочими ужасами, виденными мной на войне, убедили меня, что Марс — самый большой дебил из всех богов. Кроме того, я был в упоении, вновь обретя моего доброго друга и учителя Гассенди**. Он, как вы, безусловно, слыхали, возражал этому омерзительному Декарту*** и восхвалял Эпикура, чью физику и мораль он столь блистательно разъяснил. Не говоря уж о его влиянии на Мольера и Шапелье**** — все они, между прочим, мои добрые друзья. Он уговорил их переводить Лукреция — потрясающего римского...

— Ближе к теме, Сирано! Мне нужна правда, но без всяких финтифлюшек!

— Что касается правды, то, если слегка перефразировать другого римского...

— Сирано!

Глава 61

— Ну хорошо. К делу. Была глухая ночь. Я спал глубоким сном рядом с моей прелестной Ливи, когда неожиданно меня разбудили. Единственным освещением служил свет звезд, сочившийся сквозь деревянные жалюзи нашего окна. Надо мной высилась огромная фигура — черная масса с колоссальной круглой головой, похожей на погасшую луну. Я сел на постели, но, прежде чем успел схватить свое доброе копье, лежавшее, как всегда, рядом, фигура заговорила.

— На каком языке?

— А? На единственном, на котором я тогда свободно говорил, на моем родном языке, на прекраснейшем из всех языков Земли! Конечно, это существо говорило не на самом правильном французском, но все-таки я его понимал.

— Савиньен Сирано-Второй де Бержерак,— сказал он, называя меня полным титулом.

— У вас преимущество передо мной, сир,— ответил я. Хотя мое сердце и билось учащенно и я чувствовал немалую потребность помочиться, я старался вести себя как можно благороднее. К тому времени даже в этой тьме, лишь слегка смягченной звездным светом, я видел, что он настроен не так уж воинственно. Если у него и было оружие, то оно скрывалось под огромным плащом. Хоть я и чувствовал себя ошеломленным, но все же успел подумать, почему это Ливи, сон которой всегда был так чуток, до сих пор не проснулась? Она продолжала спать, посапывая нежно и изящно.

— Можете именовать меня, как вам заблагорассудится,— сказал он.— Сейчас мое имя не имеет значения. И если вы удивляетесь, что ваша женщина даже не проснулась, так это потому, что я позаботился, чтоб она не пробудилась. Нет! — воскликнул он с пылом, когда я попытался вскочить.— Нет! Она ни в малейшей степени не пострадала. Ее просто усыпили, и завтра она проснется даже без головной боли.

К тому времени я открыл, что сам, вернее, часть меня тоже усыплена. Мои ноги категорически отказывались мне повиноваться. Странно, но я не чувствовал, чтоб они отекли или отяжелели. Просто не работали, и все тут! Естественно, я пришел в бешенство от такой наглости в обращении с моей персоной, но если говорить по правде, то сделать я мог мало чего.

Незнакомец придвинул к себе стул и сел возле меня.

— Выслушайте меня, а потом уж решайте, стоило ли это делать,— произнес он.

И тут, Джилл, он рассказал мне совершенно удивительную историю, подобной которой вам слышать еще не приходилось.

---

* Принц Конти — французский полководец XVII в.

** Пьер Гассенди (1592–1655) — знаменитый французский философ, математик, физик.

*** Шарль Рене Декарт (1596–1650) — великий французский философ, писатель, физик, математик.

**** Шапелье — друг де Бержерака, в доме которого Сирано слушал лекции Гассенди.

Он сказал, что принадлежит к существам, которые нас воскресили. Сами себя они называют этиками. Он не собирался вдаваться в историю этиков, или в то, откуда они взялись, или во что-либо подобное. Для этого у него времени не было. К тому же если его поймают — собственные соплеменники, заметьте,— для него все закончится весьма и весьма печально.

У меня, разумеется, было множество вопросов, но не успел я еще открыть рот, как он приказал мне молчать и слушать. Потом он навестит меня еще раз, а может, и несколько. Вот тогда-то он и ответит на большинство моих вопросов, а пока я должен усвоить только вот что: нам вовсе не дарована вечная жизнь. Мы просто подверглись научному экспериментированию, а когда эксперимент кончится, то прикончат и нас. И мы умрем в последний раз, только теперь уже навсегда.

— А что за эксперимент?

— Ну, это нечто существенно большее, чем просто эксперимент. Одновременно это проект исторического плана. Его народ пожелал собрать сведения по истории, антропологии и тому подобному. Им любопытно узнать, какие общественные структуры мы — люди — создадим, если нас перемешать между собой. И как станут люди меняться, будучи поставлены в определенные условия.

А еще он сказал, что большинству групп будет разрешено развиваться без всякого вмешательства его соплеменников. На другие же группы влияние будет оказываться — иногда слабое, а иногда — весьма действенное. Проект займет долгое время, возможно несколько сот лет. Затем для проекта придет finit*, и finit для всех нас. И обратимся мы в прах... уже навсегда.

— Это мне не кажется особо этичным,— сказал я.— Почему они отказывают нам в том, чем владеют сами,— в вечной жизни?

— А это потому,— ответил он,— что они не истинные этики. Несмотря на их колоссальное самомнение, они жестоки, как жесток ученый, подвергающий мучениям животное, дабы продвинуть вперед научное знание. Ведь у этого ученого есть свои соображения, свои оправдания.

Видите ли, ученый делает в известном смысле доброе дело, а поэтому в определенных пределах он этичен. К тому же в ходе

* Конец *(лат.)*.

этого эксперимента кое-кто из вас обретет бессмертие. Правда, не многие.

— Как это? — спросил я.

И тогда незнакомец рассказал мне о сущности, которую Церковь Второго Шанса называет «ка». Вам приходилось об этом слышать, Джилл?

— Я ходила на их проповеди,— ответила Джилл.

— Ну, тогда вы знаете и о «ка», и об «акхе», и о всяких прочих дурацких штуковинах. Этот парень сказал мне, что теология шансеров отчасти верна. Главным образом потому, что один из этиков посетил человека по имени Ла Виро и тем подвигнул его на создание Церкви.

— Я думала, что это просто одна из дичайших выдумок, которую эти визионеры выдумали и пустили гулять по свету,— сказала Джилл.— Я верила этому не больше, чем верила на Земле в бредятину земных пророков: Моисея, Иисуса, Зороастра, Магомета, Будды, Смита, Эдди — всей этой тошнотворной братии.

— Ну и я тоже,— отозвался Сирано.— Хотя, когда я помирал, я все же покаялся. Преимущественно чтоб утешить мою несчастную сестру и моего доброго друга Ле Бре. Кроме того, вреда от моего обращения на смертном одре никому не было. А уж если говорить совсем по правде, так я убоялся пламени адского. В конце концов...

— Последствия воспитания, полученного в детстве.

— Точно. Но теперь передо мной стояло существо, утверждавшее, будто такая штука, как душа, действительно существует. А у меня самого имелось неоспоримое доказательство существования жизни после смерти. И все же я не мог отделаться от сомнений, от чувства, что надо мной кто-то издевается. Что, если этот человек на самом деле всего лишь кто-то из моих соседей, прикинувшийся вестником богов? Я поверю ему, а завтра превращусь во всеобщее посмешище? Как! Де Бержерак — преклоняющийся перед разумом, атеист, и так дешево купился на фантастическую выдумку?

Но... кто мог сыграть со мной подобную шутку? Я не знал никого, у кого могли быть причины и средства для подобного розыгрыша. А как быть с наркотиком, который заставил Ливи спать, а у меня парализовал ноги? Я лично что-то о таком наркотике не слыхивал. А где мог взять шутник этот шар, охватыва-

ющий голову незнакомца? В хижине все же хватало света, чтоб разобрать, что шар черный и почти непрозрачный. И все же...

И тогда, будто уловив, что моя вера пока колеблется, незнакомец вручил мне нечто вроде очков, сделанных из незнакомого мне материала.

— Поднесите это к глазам,— сказал он,— и взгляните на Ливи.

Я так и сделал и чуть было не задохнулся от изумления. Прямо над головой Ливи висел многоцветный шар. Шар светился — он излучал яркий свет. Он вращался и то сокращался в объеме, то расширялся, а время от времени выпускал из себя нечто вроде рук — такие шестигранные придатки. Они вдруг скрывались в шаре, но на их месте сразу же появлялись другие.

Незнакомец протянул руку и позволил положить ему на ладонь очки. Он ничего не сказал, но было видно, что ему не хочется, чтоб я к нему прикасался. Я, ясное дело, повиновался...

Незнакомец спрятал очки где-то в глубинах плаща и произнес:

— То, что вы только что видели,— ватан. Это и есть бессмертная часть души каждого из вас.— После паузы он продолжил: — Я избрал нескольких из вас, чтоб помочь мне сразиться с тем чудовищным злом, которое творят мои соплеменники в отношении вас. Я выбрал людей в соответствии с их ватанами. Видите ли, мы можем читать в ватанах так же просто, как вы читаете детские книжки. Характер человека отражен в его ватане. Может быть, слово «отражает» тут не совсем точно, так как ватан и есть характер. Но у меня нет времени, чтоб объяснять подобные детали. Главное в том, что лишь ничтожная часть человечества достигнет желанной окончательной стадии — бессмертия души, если человечеству не будет даровано гораздо большее время на завершение этого процесса.

А затем он опять кратко коснулся того, о чем шансеры повествуют с такими подробностями. Что не получивший завершения ватан умершего человека вечно странствует в просторах космоса, продолжая хранить в себе все человеческое, но не обретая сознания. Только полностью развившийся ватан обретает сознание. И такой стадии удостаиваются лишь те, кто достигает морального совершенства еще при жизни. Или кто хотя бы подходит к такому состоянию достаточно близко.

— Как?! — вскричал я.— Значит, результатом достижения морального совершенства явится странствование несчастного призрака сквозь глубины космоса, где он будет вечно биться и отлетать туда-сюда от стен Вселенной наподобие космического мячика, сохраняя при этом сознание ужаса своего положения и не имея возможности общаться с кем-нибудь, кроме себя самого?! И это состояние, которого все жаждут?

— Не следовало бы вам меня прерывать,— ответил незнакомец,— но я все же отвечу вам вот что: существо, которое достигает состояния совершенства ватана, или, иначе, акха, уходит за пределы. Оно не остается в этом мире. *Оно уходит за пределы.*

— И что же там — за этими пределами? — спросил я.

— Уйти за пределы означает стать частью сверхватана. Стать частицей Реальности. Или Бога, если вам угодно так называть Реальность. Стать одной из клеток Бога и испытывать вечный и бесконечный экстаз Божественного Бытия.

Я уже почти убедил себя, что имею дело с обезумевшим пантеистом. И все же спросил:

— Однако это слияние означает потерю человеческой индивидуальности?

— Да,— ответил он,— но вы становитесь частичкой суперватана, то есть Бога. Вы обмениваете свою индивидуальность, свое самосознание на то же самое, но принадлежите сверхсуществу, так что это вряд ли можно рассматривать как потерю. Это самый большой выигрыш, какой только можно себе представить, это результат!

— Да это просто ужас какой-то! — обозлился я.— Это что же за идиотские игры ведет Бог со своими созданиями? Разве после этого можно утверждать, будто жизнь после смерти, будто бессмертие хоть чем-нибудь лучше небытия?

Нет! Все это какая-то бессмыслица! Если подходить логически, то зачем душа, или ватан, вообще появляется на сцене? Какой смысл создавать их, если подавляющее большинство ватанов теряется впустую, будто это мошки, которые рождаются на свет лишь для того, чтоб быть съеденными птичками или прихлопнутыми мухобойками? А те ватаны, которым чудом удается выжить, хоть и сомневаюсь, что это можно назвать удачей? Что происходит с теми, что почти добились совершенства, святости, если угодно, и все это только ради того, чтоб их под самый занавес надули? Ибо потеря вашего самосознания, вашей индивидуальности, вашей человеческой сущности — это чистейшей воды жульничество!

Нет, я хочу остаться собой — Савиньеном Сирано де Бержераком — уж если стану бессмертным! Не желаю я вашего поддельного бессмертия, вашего прозябания в виде ничего не помнящей, безмозглой клетки Господа Бога! Безымянной и безмозглой!

— Как и все представители вашего рода, вы ужасно болтливы,— поморщился незнакомец.— Однако...— Он выдержал паузу, а затем продолжил: — Есть и третья альтернатива, та, которая вам будет больше по душе. Я не хотел о ней говорить... не хочу и теперь. Нет у меня времени, а то, которое есть,— далеко не самое подходящее. Быть может, в следующий раз... Мне скоро уходить...

Только сначала нам надо договориться о вашей лояльности и помощи мне. Вы на моей стороне?

— Как я могу поклясться в том, что буду вам верен, если не знаю, стоите ли вы того, чтоб вас поддерживать? Насколько я знаю, вы можете оказаться самим Сатаной!

Незнакомец гулко хмыкнул и ответил:

— Вы единственный, кто одинаково отрицает и Бога, и дьявола. Но я не дьявол и даже не его аналог. Больше того, я нахожусь на вашей стороне, на стороне обделенного и страдающего человечества. Только доказать это не могу. Вернее — пока не могу. Но вам не мешало бы подумать вот о чем. Разве мои коллеги обращались к вам? Разве они сделали хоть что-то, кроме того, что воскресили вас из мертвых, ради целей, о которых они даже не осмеливаются вам сказать? А разве я не избрал вас из многих миллиардов других людей, дабы вы помогли мне в этой тайной войне? Вас и еще одиннадцать других? Так почему же я оказал вам эту великую честь? Я скажу вам это — вы один из немногих, способных мне такую помощь оказать. Ибо ваш ватан подсказал мне — вы будете на моей стороне!

— Значит ли это, что все предопределено? — спросил я.— Я ведь в предопределение тоже не верю.

— Нет. Такой вещи не существует, если не употребляешь этот термин в том смысле, которого вы понять не в состоянии. Впрочем, если б вы его и поняли, то все равно вряд ли с ним согласились бы.

Все, что я могу вам сказать в данную минуту,— это то, что я на вашей стороне. Без моей помощи вы и большинство таких, как вы, обречены. Вы обязаны мне верить...

— Но,— вскричал я,— что может совершить эта жалкая горсточка людей? Брошенная против суперменов, обладающих сверхъестественными способностями и средствами?

На это он ответил, что сами по себе эти двенадцать, конечно, ничего сделать не смогут, если у них не будет друга на той стороне. А он и есть такой друг. Мы — все двенадцать — должны собраться вместе и отправиться к Северному полюсу, к Башне, стоящей в центре моря. Но добираться туда нам придется самим. Он туда нас перенести не может. А в данный момент не может даже объяснить, почему сделать это не в его силах.

— Я должен действовать неспешно и осторожно,— твердил он.— А вы дайте мне обещание никому не рассказывать о нашем разговоре. Никому, кроме одного из этих двенадцати, которых я избрал.

Если вы нарушите эту клятву, вас могут обнаружить агенты противника. Это будет означать, что у вас удалят из памяти всякие следы воспоминаний о нашей встрече. А мне станет грозить еще большая опасность.

— А как я узнаю остальных? — спросил я.— Как я попаду туда, где они находятся, или как они попадут ко мне? Где они?

Задавая эти вопросы, я одновременно был преисполнен чувствами благоговейного страха и экстатического восторга. Вот передо мной стоит одно из тех существ, которые воскресили нас из мертвых и сотворили весь этот мир, и оно просит меня о помощи! Я, Савиньен Сирано де Бержерак, всего лишь обыкновенный человек, как бы я сам ни был убежден в огромности моих талантов! И он выбрал меня из многих миллиардов человеческих существ!

Но он знал, что делает, знал, что я не смогу противостоять его призыву. Если б я сейчас стоял на ногах, я бы скрестил свою шпагу с его мечом (если бы шпаги с мечами тут нашлись) и скрепил бы принесенную клятву верности бокалом вина (если б, разумеется, вино оказалось под рукой).

— Вы сделаете так, как велю вам?

— Ну еще бы! — ответил я.— Я дал вам слово, а от него я еще никогда не отступал!

Джилл, я не стану сейчас входить в детали того, о чем он мне рассказал дальше. Кроме... Он сказал, что я должен передать Сэму Клеменсу, чтоб тот искал человека по имени Ричард Фрэнсис Бёртон. Он тоже из Избранных. И мы должны год прожить в Ви-

роландо, чтобы собраться там всем вместе. Если кто-то не явится туда, то остальные все равно должны выступить в поход. И мы получим от него — от незнакомца — известие в самом недалеком будущем...

Он дал мне указания, как найти Клеменса, который живет примерно в десяти тысячах лиг вниз по течению. Клеменс построит огромный корабль из металла, выплавленного из метеорита. Я знал, кто такой Клеменс, хотя умер за сто восемьдесят один год до его рождения. В конце концов, разве не его земная жена спала со мной в этой самой постели! Я сказал незнакомцу об этом, он хмыкнул и ответил: «Я знаю».

— Но не может ли это поставить меня в затруднительное положение? — спросил я.— И особенно Ливи? Может быть, великий Клеменс в такой ситуации не позволит мне даже взойти на борт своего великолепного корабля?

— А что вам важнее,— спросил он, вкладывая в свои слова изрядную порцию раздражения,— женщина или спасение мира?

— Это зависит от моих чувств к женщине,— ответил я.— Если подходить объективно и по-человечески, то двух мнений быть не может. Но я — человек, а потому — необъективен.

— Отправляйтесь и посмотрите, что у вас получится,— предложил он.— Возможно, эта женщина предпочтет именно вас.

— Когда Сирано сгорает от любви,— ответил я,— он не может остывать по команде.

Тут он встал и произнес:

— Еще увидимся.

И исчез.

Я на руках пополз к двери; мои ноги безжизненно тащились за мной следом. Распахнул дверь, но незнакомца там не обнаружил. Наутро я объявил Ливи, что устал от этих мест, что хочу путешествовать, хочу познавать новый и сверкающий мир. Она возразила, что очень устала от странствий, но, если я ухожу, она пойдет со мной. Ну, мы и ушли. Остальное вам известно.

Джилл казалось, что она теряет ощущение реальности происходящего. Она верила рассказу Сирано, но тем не менее он заставлял ее ощутить себя чем-то вроде актера на сцене, в декорациях которой прячется нечто неведомое и пугающее. А она к тому же актер, который не получил заранее текста своей роли.

— Нет, остального я тоже не знаю. Как получилось у вас с Клеменсом? Что он знал такого, чего вы не знали раньше? И существуют ли еще другие этики, которые должны появиться среди вас?

— Клеменса этик посещал дважды. Клеменс зовет его Иксом, или Таинственным Незнакомцем.

— Клеменс когда-то написал книгу под названием «Таинственный незнакомец»,— сказала Джилл.— Очень печальная и горькая повесть, глубоко пессимистичная. Незнакомец оказался Люцифером.

— Он мне говорил об этом. А насчет остального — он, пожалуй, не знал ничего, что было бы мне неизвестно. За исключением того, что Икс каким-то образом повлиял на траекторию падения метеорита, заставив его упасть там, где Клеменс мог его легко отыскать.

— Да понимаете ли вы, сколько энергии надо было затратить на такое дело?!

— Сэм мне это объяснил. Между прочим, он нарушил данное незнакомцу слово. Поведал о нем Джо Миллеру и Лотару фон Рихтхофену. Сказал мне, что никак не мог удержаться.

Кстати, там были еще двое... Огромный рыжий дикарь по имени Джон Джонсон и... Фаербрасс!

Джилл чуть сигарету не уронила.

— Фаербрасс? Так он же...

— Точно,— кивнул головой Сирано.— Должно быть, он был одним из тех агентов, о которых упомянул этик, но более подробных объяснений не дал. Я же больше никаких этиков не видал, а потому и разъяснений по великому множеству своих вопросов не получил. Но я думаю, что незнакомец сильно удивился бы, узнав, что Фаербрасс выдает себя за одного из двенадцати. Вполне возможно, что Фаербрасс был просто провокатором. Впрочем, эта мысль ничуть не объясняет ни Торна, ни Обреновой.

— А добавили ли Джонсон или Фаербрасс хоть крупинку к тому, что вы уже знали?

— Это насчет этика? Нет. Джонсона он посетил всего один раз. Фаербрасс, конечно, не был одним из двенадцати избранных. Я сомневаюсь, что этик знал насчет того, что Фаербрасс — агент. Да и как он мог это узнать? Разве если он сам, замаскированный под человека, жил среди нас? Что, впрочем, не исключено. Если бы он знал, что Фаербрасс агент, то, надо полагать, у незнакомца были очень веские причины не сообщать нам об этом.

Но особенно меня беспокоит то, что этик не посетил нас вторично.

Джилл вдруг чуть ли не подскочила на своем стуле.

— А не мог ли Пискатор тоже быть агентом?

Сирано промолчал, вздернул вверх брови и плечи и, взмахнув руками, протянул Джилл пустые ладони.

— Если он не вернется, мы никогда не узнаем ответа на этот вопрос.

— Цели, контрцели, контр-контрцели... Колеса внутри колес, в свою очередь вращающиеся внутри еще больших колес...— произнесла задумчиво Джилл.— Майя опустила семь завес иллюзии между нами и ними.

— Что? А, вы имеете в виду индуистскую концепцию Иллюзии...

— Нет, я не думаю, чтоб Пискатор был агентом. Если б это было так, он не рассказал бы мне о своих подозрениях, что вокруг нас плетутся странные тайные дела.

Стук в дверь заставил их вздрогнуть.

— Капитан, докладывает Гриссон — руководитель третьей поисковой группы. Все, кроме помещения картохранилища, обыскано. Но мы можем зайти сюда и попозже.

— Входите,— разрешила Джилл. И, обращаясь к Сирано, добавила: — Мы договорим потом. Во всем этом так много странного, что возникает множество вопросов.

— Очень сомневаюсь, что у меня найдутся на них ответы.

Глава 62

Прошло двадцать четыре часа.

Мертвые были погребены в море. Их завернутые в белые полотнища тела в те считанные секунды, когда их сбрасывали в волны сквозь амбразуры в стене, удивительно походили на египетские мумии. Пока Джилл стояла в пронизанном мощными прожекторами тумане и наблюдала, как трупы один за другим соскальзывают через арочное отверстие в стене, она невольно высчитывала время, которое им предстоит падать вниз. Заставляла ее искать прибежище в математических подсчетах отнюдь не сердечная черствость. Скорее уж это была привычка, а также своеобразный барьер, воздвигнутый перед страхом смерти.

Теперь смерть снова стала стопроцентной реальностью; всякие надежды на возможность повторного воскрешения в этом

мире пропали. Смерть казалась еще более вездесущей и угрожающей в этом месте — таком холодном, с таким влажным и липким ветром и с такими нависающими густыми и взвихренными облаками. Сделай она лишь несколько шагов в плотном тумане, и тут же исчезнет из глаз товарищей, ее не услышит ни единое живое существо, и даже рукотворные приборы не засекут ее движений. Джилл не видела ни собственных ног, ни металла, по которому ступала.

Она подошла к самой амбразуре и высунула голову наружу, но так и не смогла уловить хотя бы легкий шум мертвого ледяного моря, где-то далеко-далеко внизу с ревом кидавшегося на стены Башни. Слишком далеко оно от нее. Вообще все было неимоверно далеко — даже то, что лежало всего лишь в нескольких шагах.

Поистине пустыня. И как же ей хотелось покинуть ее как можно скорее!

Пискатор до сих пор не вернулся. Она уже и не думала, что он вернется. Ни при каких условиях не остался бы он добровольно так долго в этой Башне. Либо он умер, либо тяжело ранен, либо стал пленником. Во всяком случае, никто из тех, кто остался снаружи, не мог ему помочь. Обещанное семисуточное бдение представлялось теперь Джилл непомерно долгим и бессмысленным. Поэтому Джилл объявила экипажу, что дирижабль стартует после пяти суток ожидания.

Новость была воспринята всеми с явным облегчением. Как и у Джилл, нервы команды были предельно напряжены и даже, пожалуй, перенапряжены. Настолько, что Джилл была вынуждена заменить четырехчасовые вахты у купола двухчасовыми. У некоторых караульных стали возникать галлюцинации, им мерещились странные фигуры, движущиеся в тумане, они слышали голоса, раздающиеся в коридоре. Один из часовых даже выстрелил в то, что он принял за нечто огромное, бросившееся на него из тумана.

Первый обыск на корабле не выявил ни бомб, ни радиопередатчиков. Опасаясь, что экипаж все же мог оставить без внимания какие-нибудь жалкие квадратные сантиметры площади, Джилл отдала приказ о новом обыске. Теперь он охватил даже верхнюю поверхность дирижабля. Люди взобрались на его спину и на четвереньках обошли ее всю, освещая дорогу электрическими фонариками. Другие члены экипажа при свете ярких прожекторов

внимательно осмотрели наружную поверхность хвостовой структуры.

Бомб не было нигде.

И все же желанного облегчения Джилл не обрела. Если Торн с самого начала планировал где-то спрятать взрывчатку, он мог заложить ее даже в газовые отсеки. А если он прибег к такой хитрости, то, значит, уменьшил в них давление газа, ибо попасть в газовый отсек невозможно, не выпустив в воздух какое-то количество невосполнимого водорода. Правда, не стоило забывать, что речь идет о передатчике, а это вещица маленькая. Кроме того, он мог быть замаскирован под что-нибудь другое.

Эта мысль послужила основанием для третьего обыска, когда досмотру подвергли все, даже самые небольшие механические и электронные приборы с целью установить, действительно ли это то, на что они похожи с виду. Все оказалось в порядке, но само предположение, что передатчик может быть замаскирован под нечто иное, отнюдь не способствовало снижению напряженности.

Конечно, пока Торна держат в больничке, он никак не сумеет добраться до спрятанного где-то передатчика. На дверь больнички поставили новый замок; а еще там всегда находились вооруженные часовые — двое снаружи и двое внутри.

Джилл обсудила с Сирано еще одну беспокоившую ее проблему.

— Сэм, надо думать, дико разозлится, когда узнает, что ровным счетом ничего не сможет сделать, если даже доберется до этих краев. Возможности подняться на самый верх Башни с поверхности моря у него нет никакой. А если б он это невозможное и совершил, то все равно внутрь Башни ему не пробиться.

Вполне вероятно, что одному-двум членам его экипажа удалось бы пройти по проходу, если только допустить, что они попадут на крышу. Но где гарантия, что с ними не случится того же, что случилось с Пискатором?

— Да кто знает, что там есть, в этом проходе! — мрачно отозвался Сирано. Маленького японца он любил почти так же нежно, как и самого Фаербрасса.

— А не говорил ли вам Фаербрасс о лазере, спрятанном на борту «Марка Твена»?

Сирано так и подпрыгнул.

— Ага! Какой же я глупец! Лазер! Да, конечно же, Фаербрасс говорил мне о нем! Неужели же он сказал бы об этом вам, а от меня утаил бы! Да я свинью готов поцеловать в гузку, если он на такое способен!

— Что ж, возможно, металл Башни способен противостоять даже лазерному лучу, но узнать об этом можно, лишь попробовав, не так ли?

Но француз уже успел снова погрузиться в пучины печали.

— А как мы решим проблему топлива? Мы же не сможем долететь до корабля Сэма, взять у него лазер, вернуться сюда, а потом лететь в Пароландо или к Сэму. Для этого нам горючего никак не хватит!

— Лучше нам забрать у Сэма лазер, потом отправиться в Пароландо, изготовить там побольше горючего, а уж потом вернуться сюда.

— На это уйдет уйма времени. Но другого, похоже, нам ничего не остается. А что, если этот упрямец Клеменс не позволит нам воспользоваться лазером?

— Не вижу, как он сможет отказать нам в этом,— задумчиво сказала Джилл.— Другой-то возможности проникнуть в Башню все равно нет!

— Ах да, верно. Но не следует исходить из предпосылки, что логика может поколебать Клеменса. Он ведь человек, а следовательно, далеко не всегда может действовать логично. Но поживем — увидим.

Новая идея так захватила Джилл, что она уже не видела никакого смысла так долго ожидать возвращения Пискатора. Если он ранен или в плену — не имеет значения, захватили его живые существа или механические устройства,— освободить его без лазера все равно невозможно.

Но сначала следовало допросить Торна. Приказав Коппенейму дожидаться ее возвращения, она вместе с Сирано пошла в больничку. Торн полусидел на кровати. Его правую ногу охватывало кандальное кольцо, прикованное к цепи, другой конец которой был приварен к кроватной раме.

Торн, когда они вошли, не сказал ни слова. Джилл тоже долго молчала, внимательно вглядываясь в его лицо. Мощные челюсти Торна крепко сжаты; подбородок агрессивно выдвинут вперед; темно-синие глаза почти скрыты за опущенными веками. Выглядел он этаким непоколебимым Люцифером.

— Не желаете ли вы сообщить нам о том, что случилось? — спросила Джилл.

Торн даже не счел нужным ответить.

Джилл распорядилась держать его в неведении о гибели вертолета, пока она сама не сочтет нужным сказать ему об этом.

— Мы знаем, что это вы взорвали бомбу. Вы убили Фаербрасса, Обренову и всех остальных, бывших в вертолете.

Глаза Торна широко раскрылись, но лицо нисколько не изменилось. Возможно, Джилл только померещилась едва заметная улыбка, скользнувшая по его губам?

— Вы виновны в предумышленном убийстве. У меня есть право расстрелять вас, и я не премину это сделать. Если, конечно, вы не расскажете мне обо всем.

Джилл ждала ответа. Торн молча глядел на нее злыми глазами.

— Мы знаем о маленьких шариках в лобных долях мозга Фаербрасса и Обреновой.

Вот этим она его достала, этим задела некую чувствительную струну. Лицо Торна побледнело и сморщилось, как от боли.

— У вас тоже есть такой шарик?

Торн застонал и ответил:

— Меня ведь подвергли рентгеноскопии. Как вы думаете, Фаербрасс взял бы меня с собой, будь у меня такой шарик?

— Не знаю,— ответила Джилл.— Взял же он Обренову. Почему бы ему брать ее с собой, а вас отчислять из экипажа?

Торн лишь отрицательно повел головой.

— Послушайте, если будет нужно, я прикажу Грейвзу вскрыть вашу черепную коробку и исследовать, как там у вас с мозгом.

— Зряшная трата времени,— сказал Торн.— У меня такой штуки нет.

— Думаю, вы лжете. Каково назначение этих шариков?

Молчание.

— Вам ведь это известно, не правда ли?

— А куда ты направлялся, когда украл вертушку? — спросил Сирано.

Торн покусал губу, а потом тоже задал вопрос:

— Из этого я заключаю, что в Башню вам все-таки попасть не удалось?

Джилл колебалась. Надо ли говорить ему о Пискаторе? Не даст ли знание этого факта ему каких-либо преимуществ перед ней? Никто не представляет себе, чем это может обернуться, но ведь

все равно она не имеет ни малейшего представления о том, куда следует положить хоть один кусочек этой окаянной головоломки!

— Один человек прошел,— ответила она.

Торн вздрогнул и еще сильнее побледнел.

— Один? И кто же это?

— Я скажу вам после того, как вы расскажете, что все это значит.

Торн медленно набрал полные легкие воздуха и так же медленно выпустил его.

— Обо всем этом я больше не скажу ни слова, пока мы не вернемся на «Марка Твена». И там я стану говорить только с Сэмом Клеменсом. А до этого — ни слова! Можете, если угодно, вскрывать мне череп. Но это было бы жестоко, возможно, даже убило бы меня, а уж последнее — дело совершенно бесполезное.

Джилл сделала Сирано знак, чтоб он вышел с ней в соседнюю комнату. Там Торн не мог слышать их разговор, и Джилл спросила:

— На борту «Марка Твена» есть рентгеновский аппарат?

Сирано пожал плечами:

— Не помню. Мы можем это выяснить при первом же радиоконтакте.

Оба снова вернулись к кровати Торна. Он долго молча смотрел на них. Явно в нем происходила какая-то сильная внутренняя борьба. Наконец, с таким выражением лица, будто он ненавидел себя за то, что все же вынужден задать этот вопрос, Торн спросил:

— А вернулся ли ваш человек назад?

— А вам-то какая разница?

Торн, похоже, что-то собирался добавить еще, но вместо этого просто улыбнулся.

— Ладно,— сказала Джилл.— Мы летим к кораблю. Я еще зайду поговорить с вами, когда мы туда доберемся... но, возможно, вы передумаете еще до того.

Проверка готовности к полету потребовала около часа. Канаты сброшены и убраны на склад. Караул у купола и люди, державшие швартовы, подняты на борт. Сирано сидел в кресле пилота, когда корабль начал набирать высоту. Его винты, направленные вверх, создавали дополнительную подъемную силу. Был сброшен водяной балласт, чтобы скомпенсировать потерю выпущенного в атмосферу водорода. Восходящие по стенам Башни воздушные потоки подняли корабль выше, чем надо, а поэтому

Сирано послал его немного вниз, одновременно направив нос дирижабля туда, где находился огромный проход в горах, через который они сюда проникли.

Джилл стояла у лобовой панели и безотрывно смотрела в туман.

— До свидания, Пискатор,— шепнула она.— Мы еще вернемся.

Ветер швырнул «Парсеваля» сквозь дыру, выплюнув его, как сказал Сирано, будто это был кусок тухлого мяса, поданный на завтрак какому-то гиганту. Или — добавил он — будто это был ребенок, который никак не мог родиться и наконец выскочил из чрева матери, истомившейся от желания отделаться от своего девятимесячного груза.

Француз явно злоупотреблял своими метафорами, да и юмором тоже.

Чистый воздух, яркое солнце и зеленая растительность подействовали на всех так, что, казалось, они вот-вот хором исполнят этакую торжественную кантату. Сирано, широко улыбаясь, выразил это чувство так:

— Не был бы я на вахте, сплясал бы, ей-богу! Признаться, никак не могу думать о перспективе возвращения в это омерзительное место как о чем-то хоть отдаленно похожем на удовольствие!

Окузо начала передавать позывные дирижабля сразу же, как только они поднялись на значительную высоту. Однако прошел целый час, пока она доложила, что контакт с «Марком Твеном» состоялся.

Джилл начала было рапортовать Сэму Клеменсу, но он перебил ее на полуслове возмущенным описанием предательской атаки Грейстока. Джилл была поражена этим известием, но затем ее терпение подверглось сильнейшему испытанию — пришлось выслушать длиннейший и перегруженный ненужными деталями рассказ Сэма об этом событии. Кстати, сам корабль от этого нападения пострадал не так уж и сильно. Джилл считала, что ее отчет куда важнее.

Наконец Сэм кончил.

— Ладно, пожалуй, на данный момент я израсходовал весь наличный запас желчи. Слушайте, а почему именно вы разговариваете со мной? Где Фаербрасс?

— Вы не дали мне возможности вставить хотя бы пару слов,— ледяным тоном произнесла Джилл. И тут же подробно описала

события с того времени, как дирижабль прошел сквозь дыру в горах.

Теперь настала очередь Сэма ужасаться. Однако, за исключением нескольких особо крепких проклятий, он воздержался от комментариев почти до самого конца рапорта.

— Итак, Фаербрасс мертв, и вы полагаете, что он был одним из них? А может, он и не был, Джилл? Не приходило ли вам в голову, что подобные черные шарики могли быть имплантированы с чисто научными целями небольшому числу людей? И, скажем, их имеет только один на тысячу или один на десять тысяч? Я не знаю, каково их назначение. Может, они передают мозговые волны, которые они записывают в каких-то целях этого эксперимента? А может, так собираются сведения о поведении некоторых, заранее отобранных по каким-то признакам личностей?

— Я об этом не подумала,— призналась Джилл.— Хотелось бы думать, что вы правы, так как мне тошнотворно представлять себе Фаербрасса как одного из них!

— Мне тоже. Однако сейчас самое важное заключается в том, что экспедиция по суше совершенно бесполезна. Я построил два судна, и все это ни к чему! Ладно, не совсем так уж и ни к чему! Жизнь на корабле сама кой-чего стоит! Она позволяет пользоваться роскошью, которой вам нигде больше не найти — разве что на «Рексе». И еще — это самый быстрый способ путешествия по Реке, хотя, надо признаться, теперь у меня больше нет определенной точки, куда бы я хотел добраться. Впрочем, я совсем забыл о короле Иоанне... Я еще надеюсь схватиться с ним и прикончить его за все сделанные мне пакости!

— Вы ошибаетесь в одном, Сэм,— ответила ему Джилл.— Я думаю, мы все же можем попасть в Башню. Все, что мне для этого нужно,— это ваш лазер.

Ей показалось, что Клеменс чем-то подавился.

— Вы хотите сказать, что... что Фаербрасс рассказал вам о нем? Но это глупо, это неблагородно по отношению к... это беспринципно... а-а-а... Я же велел ему никому не говорить об этом ни слова! Он же знал, как важно хранить это дело в тайне! А теперь об этом будут болтать все, кому не лень! Даже в этой рубке! Они же слыхали каждое сказанное вами слово! Мне придется приводить их к присяге и обязать молчать, но где гарантия, что у них случайно не сорвется с языка... Если бы Фаербрасс был жив, я б его придушил одной рукой, а другой засунул бы ему сигару в задний проход!

— Кроме того,— продолжал бушевать Сэм,— вам следовало бы подождать до тех пор, пока вы доберетесь сюда, а не начинать этот разговор по радио! Насколько я знаю, радисты короля Иоанна уже годы как слушают нас. Они уже давным-давно могли разобраться в том, как работают наши скрамблеры, и сейчас ловят каждое наше с вами слово, облизываясь как свинья, которая только что нашла свежую коровью лепешку!

— Я очень сожалею,— промолвила Джилл,— но было просто необходимо упомянуть этот предмет. Нам придется сделать кое-какие приготовления к тому, чтобы перенести лазер на дирижабль, не совершая посадки.

— Мне лазер совершенно необходим,— добавила она.— Это единственная возможность попасть в Башню. Без этого все наши труды и смерть многих людей будут впустую.

— А мне он нужен, чтобы раскромсать на куски короля Иоанна и его судно! Это сильнейшая штуковина! Она в квадрате гарантирует мгновенную победу!

Всячески стараясь не выдать свой гнев, Джилл сказала:

— Поразмыслите, Сэм. Что важнее — отомстить королю Иоанну или узнать тайну этого мира, выяснить, зачем мы тут находимся и кто это сделал? К тому же нет никаких причин, чтобы не решить обе эти проблемы одновременно. Мы же вернемся к вам вместе с лазером!

— Да будь они долбаны так и разэтак, эти проблемы! Откуда мне знать, что вы вернетесь? В следующий раз эти типы могут вас захватить! Они могут сидеть там внутри, довольные как мыши, что хихикают над котом, который не может к ним подобраться. Но неужели вы думаете, что, когда вы начнете потрошить Башню лазером, они будут сидеть сложа руки и позволят вам водить ваши хороводы?

Они схватят вас, как схватили Пискатора! А что потом? И наконец, у вас же нет уверенности, что металл Башни поддается лазерному лучу!

— Вот это, к сожалению, верно. Нам придется действовать методом тыка. Это единственный способ выяснить вопрос.

— Ладно! Ладно! Логика и право на вашей стороне, хотя они никогда еще не приносили победы в спорах. Однако я человек здравомыслящий. А потому можете забирать свой лазер.

Но... и это здоровущее «но», как сказала королева Испании Дэну Серпом-По-Яйцам; вы должны мне первым делом добыть Вонючку Иоанна.

— Не понимаю, о чем вы?

— Я имею в виду, что сначала вы произведете рейд на «Рекса». Пошлете ночью десантную группу на вертушке и возьмете Иоанна в полон. Мне бы, конечно, хотелось поглядеть на него тут — живьем, но если живым его взять не удастся, убейте его, и вся недолга!

— Это глупо и жестоко! — воскликнула Джилл.— Мы можем потерять вертушку и всю десантную группу в бессмысленной и бесславной операции. Не говоря уж о риске для жизни людей, мы никак не можем позволить себе терять вертушку. У нас вертолет только один.

Сэм уже дышал с трудом, но все-таки он выждал, пока не овладел собой. Теперь он говорил холодно и ровно.

— Это вы говорите чушь. Если с Иоанном будет покончено, у меня не останется причин для сражения с «Рексом». Подумайте только, как много будет спасено жизней! Мне нет дела, если командование этим судном перейдет в руки заместителя Иоанна, я даже пожелаю ему всяческого счастья!

Все, чего я хочу,— это чтоб Иоанн заплатил за все совершенные им преступления и чтоб он больше не стал поганить дивный корабль, над которым я трудился до седьмого пота, который задумал и ради которого терпел непереносимые тяготы! И не забывайте, что он пытался потопить и этот мой корабль!

Я хочу, чтоб этот мерзейший позор рода человеческого был поставлен передо мной, и я объяснил бы ему, кто таков он есть! Вот и все. Обещаю не убивать его и не пытать, раз уж это вам не по душе. Гром и молния! Да какое вам до этого дело вообще?!

И когда я кончу снимать с него стружку и завершу самое блистательное обличение со времен Сотворения мира (а оно посрамит даже Иеремию и выставит его пошлым заикой), тогда я высажу Иоанна на берег и уплыву. Конечно, лучше бы бросить его среди каннибалов или рабовладельцев, но...

Я обещаю вам это, Джилл.

— А что, если его все же убьют?

— Что ж, мне придется поднапрячься и как-нибудь проглотить свое разочарование.

— Но поймите, я не могу приказать своим людям идти на такое опасное дело...

— А я вас об этом и не прошу. Вызовите добровольцев. Если их наберется мало, что ж, значит, плохи дела. Тогда лазера вы

не получите. Однако я не предвижу нехватки в героях. Если и есть в мире нечто, о чем я имею представление, Джилл, так это человеческая натура.

— Я буду считать за честь, Сэм, записаться в волонтеры,— выкрикнул Сирано.

— Это вы, Сирано? Что ж, должен признаться, вы никогда не принадлежали к числу моих близких друзей. Но если вы пойдете, я пожелаю вам удачи от всего сердца. Говорю это совершенно искренне.

Джилл была так поражена, что на мгновение лишилась дара речи.

— Зачем вам это понадобилось, Сирано?

— Зачем? Вы, видно, забыли, что я тоже был на борту «Внаем не сдается», когда Иоанн и его пираты захватили судно. Меня тогда чуть до смерти не избили. Мне бы очень хотелось отомстить и взглянуть на выражение физии Иоанна, когда он поймет, что охотник наконец сам попал в капкан, а пирата захватили пираты!

Заметьте, это совершенно не похоже на вашу колоссальную безликую войну, развязанную жадными, ополоумевшими от жажды славы кретинами, которым плевать, сколько будет убитых, изуродованных, сошедших с ума, замерзших, подохших от голодухи и болезней; сколько детей и женщин будут разорваны на куски, скольких женщин изнасилуют, оставят без мужей и сыновей!

Нет, тут дело чисто личное! Я в лицо знаю человека, против которого веду малую и вполне справедливую войну. И Клеменс рассуждает точно так же, хотя войну ненавидит не меньше, чем я.

Джилл даже не стала с ним спорить. В какую-то минуту ей показалось, что она разговаривает с малым дитем, с ребенком-дебилом. Он все еще развлекается игрой в солдатики, хотя в совершенстве знаком с ужасом и гноищем войны.

Джилл ничего не оставалось, как согласиться на предложение Сэма. Повиноваться ему она, конечно, была не обязана, поскольку у него нет возможности заставить ее выполнять его приказы. Но если она хочет получить лазер, а она этого хочет, то получит его ценой рейда.

Ее последняя надежда, что рейд не состоится, так как не найдется нужного числа добровольцев, умерла сразу же, как только она объявила о наборе волонтеров. Желающих оказалось столько, что, будь у нее три вертолета, их экипажи были бы полностью укомплектованы.

Возможно (думала Джилл), они такого натерпелись в Башне, что сейчас им просто необходима разрядка, они рвутся в схватку с врагом, которого можно видеть глаза в глаза, который готов к яростному отпору. Впрочем, она и сама не слишком верила в такое объяснение.

Клеменс был прав. Он знал человеческую природу. Во всяком случае — мужскую. Нет, не так! Это несправедливо! Скажем так: природу мужчин определенного сорта.

Потом было часовое обсуждение деталей рейда. На нем Сирано объявил, что может набросать довольно точные кроки «Рекса». Клеменс в конце концов отключился, но не раньше, чем добился обещания, что его поставят в известность о результатах рейда в ту же минуту, как их вертолет вернется.

— Если он вернется,— бросила ему в ответ Джилл.

Глава 63

Торпеды, казалось, шли прямо на цель, но Сэм приказал сделать крутой разворот на полном ходу. Минутой позже наблюдатель на корабле сообщил, что обе торпеды «ушли в молоко», едва не задев судно. Дирижабль же продолжал идти на него, он двигался прямо и неуклонно и по всем признакам должен был столкнуться с капитанским мостиком. Сэм завопил, чтоб по дирижаблю немедленно вторично ударили ракетами. Но прежде чем приказ был выполнен, дирижабль взорвался.

Четыре одновременно взорвавшиеся бомбы должны были бы выбить все стекла в иллюминаторах палубных надстроек и, пробив в корпусе большие пробоины, уйти в глубь корабля. Действительно, иллюминаторы были разбиты или вообще высажены вместе с рамами, поранив многих из экипажа судна.

Корабль, хоть он был огромен и тяжел, содрогнулся. Сэма швырнуло на палубу вместе со всеми другими, бывшими в рубке; один лишь рулевой остался на месте — он был пристегнут к своему креслу. Байрон потерял сознание, когда лобовая панель ударила его прямо в лицо.

Сэм вскочил на ноги, когда рубка уже наполнилась клубами дыма, который слепил ему глаза и заставлял задыхаться от кашля. Омерзительная едкая вонь проникла в глотку и ноздри. Сэм ничего не слышал — на какое-то время он полностью оглох. Ощупью пробираясь сквозь дым, он наконец наткнулся на пульт управ-

ления. Зная расположение каждого циферблата, каждой кнопки, каждой клавиши, Сэм убедился, что корабль все еще следует заданному курсу — если, конечно, рулевой механизм еще действует. Затем он отстегнул ремни, удерживавшие безжизненное окровавленное тело Детвейлера в кресле, и опустил его на пол.

Дирижабль, или, вернее, то, что от него осталось, упал в Реку. Обломки были разбросаны на сотнях квадратных метров водной поверхности и горели. Дым, заполнявший рубку, исходил именно от них, но теперь корабль уже вышел из дымного облака. Сэм выровнял судно и направил его вверх по течению. Включив автопилот и убедившись, что тот совершенно исправен, Сэм помчался на правый борт, чтоб оценить нанесенный кораблю ущерб.

Джо что-то кричал ему, его рот был широко открыт, а губы работали в непривычно быстром темпе. Сэм показал пальцем на свое ухо, давая понять, что он ничего не слышит. Джо продолжал вопить. Его шкура кровоточила во многих местах.

Позже, когда все успокоилось, Сэм пришел к выводу, что из четырех бомб взорвалась только одна. Сила взрыва должна была бы вызвать детонацию и остальных трех, но этого, ко всеобщему удивлению, не произошло.

Убитых не было, но десятки человек получили ранения. Счастье еще, что взрыв не привел к детонации ракет, имевшихся на борту.

Больше всех досталось Детвейлеру, но и он встал на третий день с постели и начал ходить. Корабль пока стоял на якоре у берега поблизости от питающего камня, обеспечивающего завтраком весь экипаж. Широкие сходни соединяли «Марка Твена» с берегом, чтоб команда могла отдохнуть на берегу. Повреждения уже были почти полностью ликвидированы, и команду повахтенно отпускали на берег. Сэм решил, что сейчас самое время заготовить побольше пороху и спирта. С местными властями договорились насчет обмена табака и части вина и виски, поставляемых граалями экипажа, на древесину и лишайник, добываемые туземцами.

Фон Рихтхофен погиб. Из команды «Минервы» выжили только Самрад и Харди. Ньютон утонул, так, видимо, и не придя в сознание. Сэм плакал, когда тело немца положили в мешок с грузом и опустили в глубины Реки. Он очень любил этого кипучего и беззаботного парня.

— Я знаю, почему Грейсток совершил предательство,— говорил Сэм.— Иоанн Безземельный сделал ему предложение столь соблазнительное, что отвергнуть его Грейсток просто был не в силах. И эта коварная скотина почти выполнила работу, на которую подрядилась. Я всегда знал, что Грейсток жестокий человек, подобно всем людям своего круга, но не подозревал, что он сможет так легко стать предателем. А ведь если бы мы учили историю как следует — это и к тебе относится, Марсель, зато тебя не касается, Джо,— то наверняка помнили бы, что все средневековые аристократы славились своей способностью предавать. Их богом была Удача, что отнюдь не мешало им возводить церкви и соборы во славу Господа и Его Святой Церкви. У всех у них был моральный уровень гиены.

— Не у всех,— отозвался де Марбо.— Был такой Уильям — маршал Англии. Так вот, он никогда не перебегал с одной стороны на другую.

— Должно быть, он никогда не служил у короля Иоанна,— возразил Сэм.— Чтоб делать дела с этим подонком, надо обладать необычайно крепким желудком. Так или иначе, Иоанн сделал попытку, и она ему почти удалась. И сейчас меня очень тревожит вопрос — сколько еще саботажников он насадил среди нас? Теперь вы, надо думать, поняли, почему я распорядился удвоить караулы возле каждой жизненно важной точки корабля, а возле арсенала и склада боеприпасов так даже учетверить их?

По этой же причине я приказал всем мужикам и всем девкам на борту докладывать мне обо всех сколько-нибудь из ряда вон выходящих случаях. Я знаю, это многим не нравится, но мне приходится быть реалистом.

— Неудивительно, что тебе снятся кошмары по ночам. А я вот о таких вещах не безпокоюзь! — буркнул Джо Миллер.

— И именно поэтому я — капитан, а ты — всего лишь мой телохранитель. Скажи, а разве тебе не приходится волноваться из-за моей охраны?

— А я прозто делаю звое дело, а волнуюзь, только когда обедать долго не дают.

Через несколько минут появился главный радист и доложил, что «Парсеваль» на связи. К тому времени, когда Сэм кончил говорить с Галбиррой, он уже чувствовал себя так, будто прошвырнулся по минному полю. Предательство, ложь, разочарование, ощущение непрочности сущего, стыда и полной потери ориента-

ции — все это, казалось, притаилось у самых ног Сэма и готово было взорваться ему в лицо в любой подходящий момент.

Дымя как дракон, хотя вкус сигары казался ему непривычно горьким, Сэм шагал взад и вперед по своей каюте. До сих пор на корабле были лишь двое, знавших секрет Икса и историю его контакта с Сэмом: Джо Миллер и Джон Джонсон. Всего же есть (или было) восемь известных ему поименно человек, располагавших сведениями о Таинственном Незнакомце,— Миллер, Джонсон, он сам, Фаербрасс (умер), де Бержерак, Одиссей (давно пропал куда-то), фон Рихтхофен (погиб) и Ричард Фрэнсис Бёртон. То существо, которое Сэм звал Иксом, или Таинственным Незнакомцем (*если допустить, что тот не был ни сукиным сыном*, ни подонком), в свое время сообщило ему, что всего им избрано двенадцать человек, которые должны добраться до Полярной Башни. Предполагалось, что Икс вернется через несколько лет и даст Сэму дополнительную информацию. Однако пока Икс что-то уж очень подзадержался.

Можно допустить, что другие этики в конце концов схватили Икса и теперь он... где?

Сэм рассказал о незнакомце Миллеру, а также фон Рихтхофену. Значит, есть еще шесть человек, знающих об Иксе, но не известных Сэму. Конечно, нельзя исключить возможность, что все они уже собрались на его корабле. И почему Икс не дал им знака или пароля, по которому они могли бы узнать друг друга? Может, он собирался это сделать, но его отвлекли? Расписание действий Икса было столь же непредсказуемо, как расписание поездов в Мексике.

Сирано говорил ему о Бёртоне. Где сейчас Бёртон, Сэм не знал, зато ему было хорошо известно, кто он такой. Газеты во времена Сэма прямо-таки кишели сообщениями о путешествиях Бёртона. Кроме того, Сэм читал и «Личное сообщение о странствии пилигрима в Эль-Медину», и «Первое путешествие в Восточную Африку», и «Озерную область Центральной Африки», а также бёртоновский перевод «Тысячи и одной ночи».

Кроме того, Гвенафра знала Бёртона лично, и она рассказывала Сэму все, что могла вспомнить о нем. Ей было лет семь или около того, когда она воскресла впервые в мире Реки. Ричард Бёртон взял ее под свое покровительство, и она с год путешествовала с ним на лодке вверх по Реке. Потом она утонула, но уже никогда не могла забыть этого яростного смуглого человека.

Между прочим, с ними был еще и Грейсток; но ни он, ни Гвен ничего не знали о Незнакомце. А не был ли Грейсток тоже агентом?

Этот парень Бёртон... На Земле он возглавлял экспедицию, которая должна была открыть истоки Нила. Здесь он с той же страстью стремился достичь верховьев местного Нила, но уже, видимо, по другим побуждениям.

Де Бержерак передавал со слов этика, что, если Сэм отыщет Бёртона, тот, скорее всего, притворится, будто потерял память обо всем, так или иначе связанном с этиками. Клеменс должен будет сказать ему, что все это туфта, и тогда Бёртон объяснит ему причину, по которой ему пришлось симулировать амнезию. Весьма любопытно.

А еще были эти Штерн, Обренова и Торн. И Фаербрасс. Их роли столь же таинственны, как и роли самого Икса и его коллег. Чью сторону они держали?

Сэм чувствовал, что ему нужна помощь, чтоб разобраться в особенностях основы и узора этой загадочной завесы. Значит, настало время для конференции.

Через пять минут он уже заперся в своей каюте с Джо и Джоном Джонсоном. Джон был огромный парнюга с мощным костяком и мускулатурой. Лицо имел красивое, но грубое. Глаза голубовато-стальные. Волосы ярко-рыжие. Хотя он и возвышался над прочими людьми наподобие горы, но в сравнении с титантропом казался миниатюрным.

Сэм Клеменс выложил им новости. Джон молчал, что вовсе не удивительно — горцы не начинают разговора, пока для этого не наступит настоятельная необходимость. Джо же пробурчал:

— Что взе это означает? Я имею в виду вход, куда мог пройти только Пизкатор?

— Это мы узнаем от Торна,— ответил Сэм,— а сейчас меня больше всего интересует именно он и другие члены его вонючей компашки.

— А вы, часом, не думаете, что Грейсток мог быть агентом этих этиков, а? Я-то полагаю, что этот хорек был просто наемником короля Иоанна.

— Он мог быть одновременно и тем и другим,— ответил Джону Сэм.

— Как это? — прогремел Джо Миллер.

— Откуда мне знать! А вообще-то ты ведь хочешь спросить другое — «почему?» Именно этот вопрос задал когда-то разбойник

Иисусу, когда того прибивали к кресту. Почему? Именно этот вопрос должны и мы задавать себе. *Почему?* Да, я думаю, Грейсток мог быть агентом. Он мог сойтись с королем Иоанном по той простой причине, что цели одного в какой-то степени совпадали с целями другого.

— Но ведь агенты не прибегают к насилию,— напомнил Джонсон.— Во всяком случае, так говорили вы сами со слов Икса. Они не только ненавидят насилие, но даже к людям избегают прикасаться.

— Нет, так я не говорил. Я сказал, что насилие для этиков не этично. Во всяком случае — по словам Икса. Но откуда мне знать — возможно, он лгал. По мне, так он вполне может быть самим Князем Тьмы, который, если ты помнишь Библию, есть еще и Князь Лжи.

— Тогда что же нам делать? — забеспокоился Джонсон.— Зачем нам в таком случае выполнять его распоряжения?

— Потому, что я все же не уверен, что он нас обманывает. А его коллеги не почли за долг вежливости или порядочности побеседовать со мной. Он — это все, от чего я могу танцевать. А еще я говорил, что Икс, как мне показалось, не испытывал желания подходить ко мне вплотную. Вроде как аболиционист*, что проветривает свой дом после того, как в нем побывал негр, которого он пригласил к себе попить чайку. Но я не утверждал, что агенты сплошь брамины. Торн и Фаербрасс определенно таковыми не были. Не знаю. Во всяком случае, Джо может унюхать Икса. Он зашел в мою хижину сразу после того, как Икс ее покинул. И Джо сказал, что там пахнет не по-человечески.

— От него воняло иначе, чем от Зэма,— ухмыльнулся Джо.— Только я не могу сказать, что Зэм вонял хоть чуточку лучше.

— А от тебя, значит, разит лучше, да? — поморщился Сэм.— Как бы там ни было, Джо никогда не нюхал ничего подобного. Вот почему я полагаю, что агенты — люди.

— Зэм непрерывно курит свои зигары,— объяснил Джо.— Из-за этой дряни я бы и скунса не унюхал.

— Хватит, Джо! — рявкнул Сэм.— Иначе я снова загоню тебя на твое банановое дерево!

— В жизни не видал бананов! Во взяком злучае до тех пор, пока не оказалзя тут и мой грааль не выдал мне бананчик на завтрак. Но и тогда я не был уверен, что это не отрава.

---

* Сторонник освобождения негров перед Гражданской войной в США.

— Держись! — сказал Джон.

Брови Сэма изогнулись, напоминая ощетинившихся гусениц.

— Чего это я должен держаться?! Надеюсь...

— Темы разговора.

— Ах да! В любом случае я уверен, что агенты у нас на корабле есть. Корабль, возможно, просто кишмя кишит ими. Вопрос в том — чьи они? Икса или тех — других? Или есть и такие, и такие?

— Вроде бы они пока под ногами не валяются,— прокряхтел Джонсон.— И посудина наша пока цела. А вот когда мы доберемся до верховий...

— Насчет того, что под ноги не суются, не знаю. Хоть Икс и не говорил этого, но мы вправе предположить, что именно Икс пробурил тот туннель и оставил веревку для Джо и его египетских дружков. И у нас нет доказательств, что другие агенты настроены против нас только потому, что не хотят, чтоб простые земляне добрались до Башни. А может, они просто хотят создать определенные затруднения на пути туда, чтоб мы трудом заслужили право на вход? А почему бы и нет?

И еще... насчет Одиссея... Появился он внезапно и спас нас всех, когда мы дрались с фон Радовицем. Сказал мне, что он один из двенадцати избранных Иксом. Я решил, что он и послан к нам Иксом, но Одиссей возразил — нет, его послала этик-женщина. Я стал расспрашивать Одиссея о ней, а он взял да и расхохотался. В общем, не захотел разговаривать.

Значит, в этом деле замешаны *двое* этиков. Еще один ренегат, являющийся союзником нашего Икса, что ли? А может, эта женщина вовсе и не подружка Икса? Может быть, она всего лишь этик, пронюхавшая о происходящем? И она послала Одиссея, который вполне мог быть агентом, принявшим обличье исторического Одиссея?

Я говорю так потому, что случайно повстречал двух микенцев, дравшихся под стенами Трои. Так они, по крайней мере, утверждали. Тут на Реке самозванцев — хоть пруд пруди, знаете ли! Так вот, Одиссей мне как-то сказал, что Троя находилась на самом деле гораздо южнее, чем считают археологи. А оба грека утверждали, что Троя была именно там, где ее помещают все исследователи — вблизи Гиссарлыка, в Турции. Ну конечно, они так не называли ни город, ни страну. Ни того ни другого в их времена еще не существовало.

Микенцы рассказывали, что Троя расположена вблизи Геллеспонта, то есть там, где потом был основан город Гиссарлык. Ну и как вам такая путаница?

— Если этот греческий парень был агентом,— прогудел Джонсон,— то зачем ему понадобилась эта брехня?

— Возможно, затем, чтоб убедить меня в том, что он не самозванец. Что он и есть самый-разсамый всамделишный Одиссей. Надо полагать, ему вряд ли угрожала опасность встретиться с кем-нибудь, кто мог бы назвать его отъявленным вралем. Да и к тому же он пробыл у нас совсем недолго, так что шансы на подобную встречу были практически нулевые.

И еще одно. Ученые моего времени утверждали, что деревянный Троянский конь — чистейшей воды выдумка. Что правды в этой истории не больше, чем в предвыборных обещаниях политикана. А Одиссей сказал, будто деревянный конь был и что он сам выдвинул эту идею — в точности так, как об этом поведал Гомер, и что именно таким образом греки вошли в город.

Однако вполне можно предположить, что это была ложь с двойным дном. Сказав мне, что все ученые ошибались, Одиссей как бы доказывал, что он действительно сражался у стен Трои. Любой, кто может встать в позицию и, глядя вам прямо в глаза, заявить, что все ученейшие мужи — просто набитые опилками и мышиным дерьмом чучела, ибо он там был, а их там не было, вас, безусловно, убедит в своей правоте. Это потому, что ученых всегда заносит, так как они склонны искать сказочный Северо-Западный проход, используя в пургу секстант и не зная, где находится бушприт — на носу или на корме.

— Что ж, они хотъ стараются,— вздохнул Джонсон.

— Так ведь и евнух в гареме у шейха тоже очень старался. Как бы я хотел иметь хоть слабенькое представление о том, что тут происходит в действительности! Мы блуждаем в тесных водах, как любил говаривать доктору Ватсону Шерлок Холмс.

— А кто такие эти парни? — с любопытством спросил Джо. Гигант горец снова нахмурился:

— О'кей, Джон, извини меня. Я надеялся, что нам удастся проследить хоть одну нить в этом безумном узоре. Черт меня побери, если нам удалось ухватиться за ее кончик!

— А не может ли нам помочь в этом деле Гвенафра? — проворчал Джо.— Она такая женщина, что мимо нее не пройдешь. Ты говорил, будто женщина может понимать вещи, которые мужчинам недозтупны, потому как у нее жензкая интуиция. А кроме

того, женщины жуть как не любят, когда з ними не зоветуютзя. Они же не куклы! Гвенафра знает, что тут давно что-то происходит и что ты от нее это зтарательно прячешь. Как раз зейчас она грузтит в главной гозтиной. Она приходит в бешензтво каждый раз, когда ты ее выгоняешь, чтоб побезедовать з нами по этому вопрозу.

— Я вовсе не верю в женскую интуицию,— ответил раздраженно Сэм.— Они просто так воспитаны обществом, что видят наши действия под другим углом зрения; подмечают особенности речи, жестов, интонаций, которые мужчины пропускают мимо ушей. Они очень чувствительны к разным мелочам именно в силу своего воспитания.

— Ну, в общем-то это одно и то же получаетзя,— отмел возражение Джо.— Какая тебе разница, как называютзя эти качезтва. Злушай, мы же уже мозги набок звернули на этом деле! Замое время зменить здающего в нашей покерной партии.

— Все скво жуть как болтливы,— гудел свое Джонсон.

— Если взять тебя за точку отсчета, так выяснится, что все кругом болтуны,— отозвался Сэм.— В любом случае Гвен ловка и умна не меньше других, а может, и больше.

— А кончится все тем, что вскоре о наших делах узнает весь мир,— стоял на своем Джонсон.

— Что ж, если хорошенько подумать,— ответил Сэм,— то почему бы об этом не знать и другим. Разве их это не касается?

— У Незнакомца, должно быть, были причины желать, чтоб мы держали рты на запоре.

— Но хороши ли эти причины? — задал вопрос Сэм.— Правда, если мы действительно начнем болтать, то тут вскоре соберется такая толпища желающих попасть на Северный полюс! Золотая лихорадка тысяча восемьсот сорок девятого года* ни в какое сравнение с этой не пойдет. Сотни тысяч захотят залезть на Башню. А еще миллионы будут тереться вокруг, разнюхивая, какую бы прибыль извлечь из этого дела.

— А взе-таки давайте проголозуем назчет Гвен.

— А ты слыхал когда-нибудь о женщине — члене военного совета? Не успеешь и глазом моргнуть, как она уже оседлает тебя и начнет руководить. Эти нижние юбки отхватят тут же целую милю, как только ты им протянешь один дюйм!

---

* Имеется в виду золотая лихорадка в Калифорнии.

— Теперь женщины больше нижних юбок не носят,— задумчиво сказал Сэм.— Больше того, они теперь вообще мало чего носят, как ты мог бы заметить.

Голосование состоялось — два против одного.

— О'кей. Только пусть она скрещивает коленки, когда садится против меня, Сэм.

— Знаешь, как мне трудно было добиться от нее, чтоб она хоть грудь прикрывала,— простонал Сэм.— Вообще-то она старается. Но это не ее вина. Кругом же все купаются голышом. Так что какая разница, даже если она забудется и не вспомнит о том, сколько квадратных дюймов кожи она оставила обнаженными?

— Тут речь не о коже идет, а о волосах,— гнул свое Джонсон.— Неужели тебя это не беспокоит, Сэм?

— Одно время беспокоило. В конце концов, я и сам жил на Земле примерно в то же время, что и ты. Правда, я все же провел жизнь не среди индейцев Скалистых гор. Да и тут мы живем уже тридцать четыре года, Джон, на планете, где даже королева Виктория шкандыбает в одежке, которая вызвала бы у нее сердечный приступ плюс понос, если б она увидела такое в своем Букингемском дворце. Здесь обнаженность кажется столь же естественной, как сон во время проповеди.

Глава 64

Предупрежденная Сэмом Гвенафра надела под свой килт еще и набедренную повязку. Она уселась в кресло и с широко открытыми глазами слушала Сэма, выложившего перед ней причины, которые привели к ее приглашению на совет.

Выслушав его, она долго сидела молча, медленно и задумчиво отпивая глоток за глотком из своей чайной чашки. Затем сказала:

— Мне известно гораздо больше, чем ты думаешь. Ты же чертовски много болтаешь во сне, Сэм. И я давно поняла, что ты скрываешь от меня что-то важное. Признаюсь, это больно ранило меня. Я все время хотела сказать тебе, что ты просто обязан посвятить меня в то, что тут творится. Если б ты этого не сделал, я бы, наверно, ушла от тебя.

— Так чего же ты молчала? Я же не подозревал, что ты принимаешь это так близко к сердцу!

— Только потому, что предполагала, будто у тебя есть очень серьезная причина таиться от меня. Но я уже подошла к черте,

где мое терпение готово было лопнуть. Разве ты не видел, какой раздраженной я была в последние дни?

— Видел. Но думал, ты просто хандришь. Способность дуться из-за пустяков — одна из загадок женского характера. Впрочем, тут не место для обсуждения наших семейных дел.

— А где же место для этого? Я прекрасно знаю, что стоит мне что-то сказать, как ты тут же начинаешь злиться. А что касается женской загадочности, то мы таинственны не больше, чем какой-нибудь оловянный рудник. А там все, что нужно,— это взять хороший фонарь, чтоб освещать темные углы; и тогда ты увидишь все, что надо. Но мужчинам нравится думать, что женщины загадочны. Это дает им повод воздерживаться от расспросов, экономя таким образом время и силы.

— Но уж вечной болтливостью они обладают — это точно,— парировал Сэм.— Тебе добраться до дела так же трудно, как сломанному карандашу поставить точку.

— Оба вы болтаете слишком много,— скривился Джонсон.

— Ну, есть и другие крайности,— ответила Гвен, сердито глядя на Джона.— Но вы правы. Вполне возможно, что у нас все же есть нечто и оно может оказаться ключом к тайне Башни. Вот, например, что вы думаете о Пискаторе?

— Э-э... Хм-м...— начал Сэм,— я понимаю, к чему ты клонишь. Почему он смог войти в Башню, а другие — нет. Ну, во-первых, он мог быть агентом. Но если агенты способны проходить через барьер, то почему этого не сделал Торн?

И еще — почему Торну пришлось воспользоваться «Парсевалем», чтоб добраться до Башни? Ведь у этиков и их агентов есть собственные средства передвижения — что-то вроде летательной машины.

— Этого я не знаю,— ответила Гвенафра.— Давайте все же остановимся на Пискаторе. Чем он отличается от всех прочих? Вряд ли как ключ для входа в Башню имел значение какой-нибудь физический элемент — например, одежда. Все пробовали войти обнаженными, но войти удалось только Пискатору.

Кроме того, существуют различия в том, как далеко удавалось пройти по коридору остальным. Какие особенности характеров были у тех, кому удалось пройти дальше, чем другим?

— Чтобы выяснить это, нужен компьютер,— сказал Сэм.— Галбирра знает членов своего экипажа. Она сможет описать их нам, когда дирижабль прилетит сюда. Однако, чтоб подход был по-настоящему научным, необходимо иметь точные данные о

расстоянии, пройденном каждым человеком. А это уже можно как-то увязать с особенностями характеров. Однако, поскольку таких замеров никто не делал, вопрос отпадает.

— Тогда давайте рассмотрим Пискатора.

— Он был одним из этих самурашек,— сказал Джонсон.

— Не думаю, чтоб тут имела значение раса,— ответил ему Сэм.— До сих пор нам не удалось раскрыть ни одного агента с монголоидными чертами, хотя я думаю, они должны быть обязательно. Давайте вот что учтем. Торн не хотел, чтобы Фаербрасс и Обренова отправились в Башню. И он хладнокровно взрывает их обоих, не говоря уж об остальных, которые к ним отношения не имели. Хотя, может быть, Торн не знал, что Фаербрасс — агент. Если так, то он просто получил двоих, заплатив цену за одного.

— А может, их было больше чем двое,— задумчиво сказала Гвен.— Впрочем, нет — ведь только двое имели в головах черные шарики.

— Черт побери! Не надо проблему, и без того сложную, усложнять еще больше.

— Если бы эти двое тоже входили в Башню, мы могли бы сравнить их характеры с характером Пискатора,— продолжала Гвен.

— Я много общалзя з Фаербраззом и зкажу, что от него пахло так же, как и от взех остальных человеков. А этик оставил позле зебя запах зовзем другой, чем у Зэма. Пизкатор тоже был человеком, хотя от него и воняло рыбой. Я могу определять разные виды человеков, в завизимозти от того, что они едят.

— Но ты еще никогда не встречал никого, от кого пахло бы не как от человека,— сказал Сэм.— Поэтому у нас нет оснований считать агентов нелюдью. А уж выглядят они стопроцентно как люди.

— Не взтречал, хотя, должно быть, их тут было немало,— ответил Джо.— И позкольку я никогда не взтречал кого-то, кто вонял бы не как люди (хотя им озобенно хвалитьзя в этом змызле и нечего), значит, агенты *должны* быть людьми.

— Может, оно и так,— включился Джонсон,— этому недоумку кажется, что если неземляне выглядят как земляне, то и пахнуть они должны так же.

Джо хихикнул:

— А почему бы тебе не вывезить объявление в главной гозтиной: «Взем этикам и ихним агентам немедленно явитьзя к капитану»?

Гвенафра казалась чем-то очень обеспокоенной и явно все больше хмурилась. Наконец она не выдержала:

— Почему вы все время уходите от вопроса, который я поставила? Насчет Пискатора?

— А может, мы вроде того карлика из цирка, что нашел под кроватью своей жены туфли великана,— ответил Сэм,— просто боимся задавать лишние вопросы.

Ну ладно. Я был довольно плохо знаком с этим джентльменом из Чипанго*. Он появился у нас месяца за два до отплытия «Марка Твена». Согласно докладам, он был очень спокойным и славным человеком. Не то чтобы нелюдим или заносчив, а просто неагрессивен. Казалось, он со всеми быстро находит общий язык. Что, с моей точки зрения, автоматически делает его подозрительной личностью. При этом он отнюдь не был соглашателем. Я помню, как он вступил в спор с Фаербрассом насчет размеров будущего дирижабля. Он считал, что лучше построить сравнительно небольшой корабль. Спор кончился тем, что Пискатор заявил, что все равно считает себя в данном вопросе правым. Но поскольку Фаербрасс — босс, он будет делать, как приказано.

— А были у него странности? — спросила Гвенафра.

— Он свихнулся на почве рыбной ловли, но мне это не кажется особо эксцентричным. Слушай, а почему ты меня спрашиваешь? Ты же и сама его знала!

— Хотела услышать чужую точку зрения,— ответила она.— Когда Галбирра доберется сюда, мы ее расспросим о Пискаторе. Она знала его лучше, чем мы.

— И не забудь про Зирано,— подсказал Джо.— Он его тоже знал хорошо.

— Джо любит Сирано,— заметил Сэм.— У француза нос еще больше, чем у него. С ним Джо чувствует себя вроде бы среди родственников.

— Чушь зобачья! А у ваз — жалких пигмеешек — ни единого приличного ноза не найдешь! Я люблю его, незмотря на то что ты з ним ладил, как один замец гиены з другим в разгар брачного зезона!

— Не смешно,— холодно ответил Сэм.— Ну а что же все-таки ты думаешь о Пискаторе, Гвен?

— От него вроде бы исходили волны... Ну, как бы это лучше выразиться... Не животного магнетизма, поскольку сексом там и

---

* Так во времена Марко Поло называлась Япония.

не пахло... Просто теплое благорасположение. Вы знали, что нравитесь ему. Хотя с дураками он старался дел не иметь. Но он не был с ними груб, невзирая на всю их тупость. Просто старался побыстрее и поделикатнее от них отделаться.

Не думаю, чтоб он был... как сказать? Фундаменталистом или мусульманским фанатиком. Говорил, что Коран следует воспринимать как аллегорию. И еще, что Библию нельзя толковать буквально. Знаете, он мог читать наизусть большие отрывки из обеих книг. Я разговаривала с ним несколько раз и очень удивилась, когда он сказал, что Иисус был величайшим пророком после Магомета. И еще, что мусульмане верят, будто первым человеком, который взойдет на небо, будет Мария — мать Иисуса. А ты мне рассказывал, что мусульмане ненавидят Христа.

— Нет, я говорил, что они ненавидят христиан. И vice versa.

— Нет, ты вовсе не так говорил. Но это не важно. Если все суммировать, то Пискатор произвел на меня впечатление мудрого и доброго человека. Но было в нем нечто большее. Я только не знаю, как это выразить... Может быть, то, что он, казалось, живет в этом мире, но все же к нему не принадлежит?

— Я думаю, ты верно сказала,— произнес Сэм.— Он морально или, лучше сказать, духовно был выше нас всех.

— Он никогда не действовал и не говорил так, будто считал себя таким, как ты говоришь. Но вполне вероятно, да... так могло быть...

— Жаль, я не успел узнать его получше.

— Для этого ты был слишком увлечен постройкой своего корабля, Сэм.

Глава 65

Фрайгейт вернулся в хижину только за час до ужина. Когда Нур спросил его, где он был, Фрайгейт ответил, что целый день прождал приема у Новака. Наконец секретарша Новака сказала Фрайгейту, что ему следует прийти завтра. Новак освободит минуту-другую с утра для разговора с ним.

Фрайгейт казался явно разочарованным. Ожидание в очереди, видимо, не доставило ему большого удовольствия. Но сам факт, что он простоял в очереди так долго, говорил о необычном для Фрайгейта упорстве. Рассказывать своим друзьям о причинах такого упорства Фрайгейт решительно отказался до тех пор, пока не поговорит с Новаком.

— Если он скажет «да», я вам все расскажу.

Фаррингтон, Райдер и Погаас на приход Фрайгейта почти не обратили внимания. Они были заняты обсуждением вопроса о том, как вернуть обратно «Пирушку». Фрайгейт заявил, что у него по этому поводу пока предложений нет. Нур же только улыбнулся и изрек, что подождет, пока они сами не решат вопрос о том, насколько их планы соответствуют требованиям морали.

Нур, как всегда, был прекрасно осведомлен обо всем происходящем вокруг, причем гораздо лучше остальных. Именно он и сообщил им перед тем, как они вышли из хижины, чтобы позавтракать, что их дискуссия имеет теперь лишь чисто теоретический интерес. Новые владельцы уже нагрузили «Пирушку» всякими товарами для обмена, и она отплывает вниз по Реке сразу же после завтрака.

Мартин чуть не взорвался.

— Почему же ты раньше нам об этом не сказал?!

— Побоялся, что вы втроем задумаете какое-нибудь дурацкое дело вроде захвата судна среди бела дня да еще на глазах у нескольких сот свидетелей. В таком случае вам вряд ли удалось бы легко отделаться.

— Неужели мы, по-твоему, такие дураки?

— Нет, но вы слишком импульсивны. А это уж точно форма глупости.

— Огромное тебе спасибо за доброе мнение,— воскликнул Том.— Ладно, может, это и к лучшему. Я все равно предпочитаю захватить один из этих патрульных пароходиков. А с «Пирушкой» нам пришлось бы собирать прежнюю команду, искать новых женщин, чтоб заменить ушедших, а на это нужно не только много времени, но его еще надо тщательно распланировать.

Начались всякого рода неприятности и подковырки. Явился чиновник из правительственной канцелярии и предложил им или немедленно выходить на работу, или убираться вон из страны. Фрайгейта в это время не было. Вернулся он, сияя улыбкой, и казался нисколько не огорченным их новостями.

— Я все же уломал Новака!

— В каком смысле? — спросил Фаррингтон.

Фрайгейт развалился на бамбуковом стуле и закурил сигарету.

— Ну... для начала я спросил, не хочет ли он построить нам второй дирижабль. Я и не ожидал, что он пойдет навстречу, а он и в самом деле не изъявил такого желания. Он сказал, что будет строить еще два дирижабля, но отнюдь не для нас. Они предна-

значаются для патрульной службы и военных действий, если таковые начнутся.

— Ты что же, хочешь, чтоб мы сперли у них дирижабль? — закричал Фаррингтон. Он хоть и разозлился, когда Подебрад так нагло их надул, но теперь испытывал от этого явное облегчение. Он, разумеется, это отрицал, но все видели, как он радуется тому, что полет на воздушном корабле не состоится.

— Нет. Ни Нур, ни я никогда не поверим, что вы можете стащить чью-то собственность, даже если вы часами с удовольствием будете обсуждать такую возможность. Оба вы жуткие фантазеры. А кроме того, ни я, ни Нур в воровстве участия принимать не станем.

После того как мое первое предложение было отвергнуто, я выдвинул второе. Новак сначала долго мекал и бекал, но затем согласился с моим предложением. Это дело потребует гораздо меньше времени и меньших материальных затрат, чем дирижабль. Новак чувствует себя перед нами весьма неуютно из-за того обмана, а потому счел, что, оказав нам помощь, он как бы скомпенсирует часть нанесенного ущерба.

А еще Новак сам интересуется воздушными шарами. Его сын профессионально летал на них.

— Воздушные шары! — возопил Мартин.— Ты все еще собираешься навязать нам эту идиотскую идейку?

Том казался куда более заинтересованным, но все же сказал:

— Мы ведь ничего не знаем о ветрах, дующих над горами. Нас ведь может и на юг унести!

— Это так. Но сейчас мы находимся несколько севернее экватора. Если только воздушные течения в верхних слоях атмосферы тут сходны с земными, то нас должно относить на северо-восток. Вот когда мы минуем штилевые широты, там дело другое. Но я имею в виду шар, который одним махом перенесет нас в арктическую зону.

— Чушь! Безумие! — воскликнул Мартин, качая головой.

— Ты отказываешься в этом участвовать?

— Этого я не сказал. Я, знаешь ли, тоже всегда отличался наличием лишних дырок в голове. Да, я действительно не уверен, что ветры будут постоянно дуть туда, куда нам надо. Лучше уж нам заняться верным делом и построить себе новый корабль.

Фаррингтон был не прав и, вероятно, сам понимал, что все, что он сейчас говорит,— чистейшее сотрясение воздуха. Ветры на

той высоте, на которую им предстояло подняться, и в самом деле дуют на северо-восток.

Однако когда вся компания услышала о типе шара, который Фрайгейт имел в виду, они все принялись яростно возражать ему.

— Да, я знаю, что это изобретение никогда не испытывалось и существует только на бумаге,— отбивался Фрайгейт,— но тем больше будет наша заслуга, если мы воспользуемся столь уникальным шансом.

— Да,— ответил Мартин,— только ведь ты говорил, что Жюль Верн выдвинул эту идею еще в тысяча восемьсот шестьдесят втором году. Если это была такая уж блистательная мысль, то почему ее никто не попытался осуществить?

— Не знаю. Я бы обязательно попробовал это сделать еще на Земле, будь у меня деньги. Послушайте! Это единственный путь, следуя которому мы сможем преодолеть большие расстояния. Ведь если мы воспользуемся обычным воздушным шаром, нам предстоит считать себя счастливчиками, ежели мы одолеем за один раз километров четыреста восемьдесят. Конечно, мы тем самым сократим водный путь до этой точки почти на миллион километров. А вот с «Жюлем Верном» мы легко проделаем весь путь до самых Полярных гор.

После долгих споров все наконец решили испытать план Фрайгейта. Но когда работа над этим проектом пошла полным ходом, Фрайгейта охватила тревога. Во сне его все чаще посещали кошмары — картины страшной гибели воздушных шаров, что достаточно ясно говорило о глубине его беспокойства. Тем не менее в разговорах с другими он всячески демонстрировал свою полную уверенность в успехе.

Жюль Верн в своем романе «Пять недель на воздушном шаре» предложил идею, которая выглядела весьма внушительной, хотя и опасной. В романе эта идея сработала прекрасно, но Фрайгейт знал, что реальность нередко отказывается делать дипломатические реверансы перед художественной литературой.

Шар был изготовлен, и экипаж проделал на нем двенадцать испытательных полетов. Они, ко всеобщему удивлению, и особенно к удивлению Фрайгейта, выявили лишь ряд сравнительно незначительных недоделок. Правда, все тренировочные полеты проходили на небольшой высоте, ибо аэростат должен был держаться ниже уровня горных вершин, окаймляющих долину. Подняться выше значило подвергнуть себя опасности быть унесенными слишком далеко от Новой Богемии и потерять всякую на-

дежду на возвращение туда; к окончательному же старту они еще не были готовы.

Экипажу предстояло провести еще одно важное испытание оборудования, но его можно было осуществить лишь во время первого подъема в стратосферу, который по необходимости должен был совпасть с отлетом в дальний путь.

Доктор Фергюссон — герой романа Верна — сконструировал шар, в основу конструкции которого был положен тот принцип, что водород при нагревании расширяется. Правда, этот принцип был опробован еще в 1785-м и 1810 годах, причем оба раза с самыми катастрофическими последствиями. Фантастический нагреватель Верна был гораздо лучше обоснован с научных позиций, отличался большей мощностью и эффективностью, нежели те, что использовались в действительности. Все эти преимущества, естественно, существовали только на страницах романа. У Фрайгейта технология, разумеется, была еще выше, чем у Верна, и он ввел ряд модификаций, во многом менявших всю техническую систему. Когда строительство шара было завершено, Фрайгейт с полным основанием заявил, что это первое в мире практическое воплощение идеи Верна. Они стали творцами истории воздухоплавания.

Фриско ядовито возразил, что никто не спешил воспользоваться идеей Верна потому, что подобных психов просто не нашлось. И хотя Фрайгейт в душе был с ним совершенно согласен, но вслух это признавать не спешил. Все равно это был единственный тип аэростата, который мог пролететь огромные расстояния в намеченном ими направлении. Так что Фрайгейт отнюдь не собирался идти на попятный. Слишком часто в обоих мирах он что-то начинал, а потом бросал не окончив. Даже если эта штуковина убьет его, он все равно пойдет избранным путем до самого конца.

Правда, убить она может не только его, но и других, и эта мысль несколько беспокоила Фрайгейта. Впрочем, о грядущих опасностях всем им было известно. А лететь их никто не заставлял.

Окончательный старт состоялся согласно расписанию — еще до восхода солнца. Дуговые фонари и смоляные факелы освещали огромную толпу, собравшуюся на равнине. Оболочка шара, выкрашенная в цвет алюминия, плавала в воздухе наподобие сморщенной сосисочной шкурки, свисающей с невидимого крюка.

На этой стадии полета «Жюль Верн» отнюдь не соответствовал обывательским представлениям о воздушном шаре как о правильной сфере, до отказа наполненной газом. По мере того как шар станет подниматься, «мешок» будет заполняться газом под влиянием нагревания последнего солнечными лучами и понижения давления окружающей атмосферы на оболочку. Произносились речи, провозглашались тосты. Том Райдер заметил, что Фриско пользуется стаканом, по объему втрое более вместительным, чем у остальных. Том пробормотал что-то насчет «голландской смелости», но постарался, чтоб его голос звучал потише, дабы Фриско не услыхал оскорбительного намека. К тому времени, когда Мартин влезал в гондолу, он уже весело улыбался и «делал ручкой» остающимся.

Питер Фрайгейт заканчивал балансировку. В прежних конструкциях этот процесс сводился к тому, чтобы общий вес оболочки, газа, сетки, грузового отсека, кольца, гондолы, балласта, продовольствия и самого экипажа был несколько меньше подъемной силы газа. «Жюль Верн» был первым аэростатом, у которого сейчас вес был слегка больше, нежели подъемная сила.

Гондола, висевшая под «мешком», формой напоминала тыкву; ее корпус имел двойные стенки, изготовленные из сплава магния. В центре палубы гондолы находилось сооружение в виде латинской буквы «L», названное в честь Верна вернилкой. Из верхней части этой странной штуковины выходили две тонкие пластмассовые трубки; отверстия, через которые эти трубки выходили наружу, были загерметизированы, дабы предотвратить утечку воздуха из гондолы.

Далее пластиковые трубки шли вверх и уходили в герметически закрытую горловину оболочки. Там их концы подсоединялись к двум трубкам из легкого сплава, поднимавшимся *внутри* оболочки на разную высоту. Одна из них была значительно длиннее другой. Верхние концы этих трубок были открыты.

Если перед стартом экипаж шара отличался повышенной разговорчивостью, то сейчас все молча следили за действиями Фрайгейта.

— Закрыть главный люк! — приказал он, и ритуал подъема начался.

Сначала Питер проверил манометр и два стоп-крана вернилки. Открыл небольшую заслонку в верхней части этого L-образного сооружения и повернул третий стоп-кран, ожидая, пока раздастся слабое шипение. Этот звук исходил из тонкого штуце-

ра на конце стальной трубки, находившейся в верхнем отделении вернилки.

Затем Фрайгейт ввел в печь электрическую зажигалку, укрепленную на алюминиевом пруте. На конце штуцера появился небольшой язычок пламени. Он еще немножко подкрутил тот же кран, чтоб увеличить пламя, и с помощью двух остальных отрегулировал подачу кислородно-водородной смеси, питающей этот факел. Теперь пламя горелки нагревало днище большого платинового конуса, расположенного как раз над ней.

Нижний конец самой длинной трубки, уходящей в оболочку, был вделан в вершину конуса. По мере нагревания конуса находившийся в нем водород поднимался вверх, поступал в оболочку и заставлял ее расширяться. Более холодный водород из нижней части оболочки, согласно принципу сообщающихся сосудов, тут же начинал «вливаться» в открытый конец более короткой трубки. По ней он поступал в вернилку и в конус. Там снова нагревался и опять поднимался вверх; таким образом осуществлялся своеобразный кругооборот водорода в этой системе.

Одно из отделений нижней части вернилки представляло собой электрическую батарею. Она была куда легче и мощнее, нежели батарея, использованная Фергюссоном в романе Верна. Батарея разлагала воду на ее составные элементы — водород и кислород. Они распределялись по разным отделениям, а затем поступали в смеситель, откуда горючая смесь шла к факелу горелки.

Одной из важных модификаций, внесенных Фрайгейтом в систему Верна, была пластиковая трубка, что вела из камеры, содержавшей запас водорода, к более короткой металлической трубке внутри шара. Открыв оба стоп-крана, пилот мог выпустить водород из камеры прямо в шар. Это была дополнительная мера предосторожности на случай аварийной ситуации, используемая только для того, чтоб быстро пополнить запас водорода в оболочке, если перед этим он был выпущен в атмосферу через специальные ниппели. Когда к такой мере прибегали, факел, конечно, выключался, поскольку водород легко воспламеняется.

Прошло пятнадцать минут. Затем гондола почти незаметно для сидящих в ней оторвалась от земли. Почти сразу же вслед за этим Фрайгейт выключил горелку.

Крики провожающих быстро стихали, а потом и полностью смолкли. Огромный ангар теперь казался маленькой игрушкой. К этому времени солнце уже вылезло из-за гор, а из питающих

камней, тянувшихся цепочками по обоим берегам Реки, грянули раскаты, похожие на залповую стрельбу артиллерии.

— А вот и наш тысячепушечный салют! — сказал Фрайгейт.

Летели минуты, а никому из экипажа и в голову не пришло заговорить или даже пошевельнуться. Царило такое молчание, которое можно встретить лишь где-нибудь на дне огромной пещеры. А ведь двойные металлические стенки гондолы отнюдь не обладали звукоизоляционными качествами! Когда у Фрайгейта забурчало в животе, звук был похож на отдаленное громыхание грома.

Появился слабый ветерок, уносивший шар к югу, то есть дальше от цели путешествия. Погаас высунул голову в открытый иллюминатор. У него даже не возникло ощущения движения, ибо аэростат шел с той же скоростью, которой обладал ветер. Воздух вокруг шара был совершенно неподвижен, как в комнате с закрытыми окнами. Пламя свечи, если б ее поставить на верх вернилки, наверняка горело бы вертикально, не отклоняясь в сторону.

Хотя Фрайгейт много раз поднимался на аэростатах, он всегда как бы впадал в экстаз в минуты подъема. Ни один из других видов спорта — даже планеризм — не приводил его в возбуждение, близкое к восторгу. Он ощущал себя как бы бестелесным духом, свободным от пут силы тяжести, от забот и тревог плоти и ума.

Конечно, то была иллюзия, поскольку сила тяжести продолжала держать шар в своих лапах, она играла с ним и в любой момент могла начать швырять его из стороны в сторону. Да и от забот и тревог отрыв был тоже лишь плодом воображения — для тела и ума дел находилось немало.

Фрайгейт встряхнулся, будто пес, вылезающий из воды, и принялся за работу, которая занимала у пилота значительную часть полетного времени. Проверил альтиметр. Тысяча восемьсот двадцать девять метров. Чуть побольше шести тысяч футов. Вериметр, или статоскоп, показывал, что скорость подъема возрастает по мере того, как солнце нагревает водород, заполняющий аэростат. Проверив запасы водорода и кислорода, Фрайгейт отсоединил подачу воды к батарее. Сейчас все внимание следовало сосредоточить на вериметре и альтиметре.

Долина суживалась. Сине-черные горы, испещренные большими серо-зелеными и сине-зелеными пятнами лишайников,

уходили вниз. Туманная дымка, повисшая над лентой Реки и равниной, исчезала из виду с такой быстротой, с какой исчезает мышь, получив известие, что кошка уже рядом.

Их сносило к югу все быстрее и быстрее.

— Не туда летим,— пробормотал Фриско. Однако сказал он это только затем, чтоб снять растущее нервное напряжение. Запуск шаров-пилотов показал, что в стратосфере ветры и в самом деле понесут их на северо-восток.

— Последний шанс выкурить сигарету,— откликнулся Фрайгейт.

Все, кроме Нура, закурили. Курение запрещалось на всех водородных шарах, существовавших до «Жюля Верна»; тут оно было разрешено, но лишь на малых высотах.

Да и какой смысл беспокоиться из-за тлеющего табака, если под конусом горит факел?

Теперь, когда шар высоко поднялся над долиной, все были заворожены открывшимся перед их глазами зрелищем — они видели не одну долину, а множество — они тянулись друг за другом параллельными рядами. Слева от них лежали долины, а точнее — глубокие и узкие каньоны, по которым они еще совсем недавно плыли на своей «Пирушке». По мере подъема горизонт убегал от них будто в панике. Фрайгейт и Райдер были знакомы с этим эффектом еще по Земле, но другие воспринимали его чуть ли не с чувством благоговения. Погаас что-то бормотал на связи, а Нур сказал:

— Похоже, будто Господь расстилает перед нами мир, как скатерть.

Фрайгейт закрыл все иллюминаторы, включил подачу кислорода и небольшой вентилятор, всасывающий углекислый газ в специальный абсорбирующий материал. На высоте шестнадцати километров, или почти десяти миль, «Жюль Верн» вошел в тропопаузу — пограничный слой между тропосферой и стратосферой. Температура воздуха снаружи составляла −73° по Цельсию.

Теперь стратостат захватило противоположное по направлению воздушное течение, что вызвало явление покачивания и кружения шара вокруг своей оси. Теперь, до тех пор пока они случайно не натолкнутся на течение с другим направлением, они будут видеть мир, как видит его ребенок, катающийся на карусели.

На дежурство заступил Нур. Следующий за ним — Погаас, третья вахта — Райдер. Когда место пилота занял Фаррингтон,

он вроде совсем расстался со своей былой нервозностью. Теперь он отвечал за полет, а это уж было совсем другое дело. Фрайгейту вспомнилось, как Фаррингтон описывал в одной из своих книг то яростное упоение, которое он испытывал в семнадцать лет, когда ему доверили вести шхуну охотников на тюленей в штормовую погоду. Понаблюдав немного за Фриско, стоявшим у штурвала, капитан шхуны спокойно ушел в каюту. Фаррингтон остался один на палубе, держа в руках судьбу корабля и жизнь его экипажа. Это было экстатическое наслаждение, которого ему не смогли потом дать никакие события его насыщенной опасными приключениями жизни.

Однако как только Фрайгейт сменил Фаррингтона, у того с губ тут же сошла улыбка и на лицо вернулось прежнее потерянное выражение.

Солнце продолжало взбираться по небосводу, а вместе с ним поднимался и «Жюль Верн». Оболочка уже почти достигла порога допустимого давления, а это означало, что радостям подъема — конец. Поскольку горловина «мешка» была герметически запечатана, а не открыта, как у большинства шаров с теплым воздухом, необходимо было удерживать определенную высоту, чтоб избежать чрезмерного давления на оболочку. Иначе оболочка могла бы лопнуть, а они все очень быстро полетели бы вниз — прямо на стол патологоанатому. Против развития событий в столь нежелательном направлении принимались специальные меры.

Фрайгейт взглянул на альтиметр и тут же принялся крутить металлический барабан, укрепленный на потолке. Барабан с помощью каната соединялся с деревянным клапаном в горловине «мешка». Тот приоткрылся, выпустив в атмосферу некоторое количество газа. Шар стал снижаться. Вскоре он опять начнет подниматься, что приведет к необходимости выпустить еще сколько-то газа с помощью того же клапана. А это, в свою очередь, потребует ввести в действие горелку, а потом отключить ее, введя в оболочку дополнительное количество водорода.

Вся процедура требовала от пилота хладнокровия и точного расчета — сколько газа сбросить через клапан и сколько его ввести потом для пополнения. Выпустишь много — последует быстрая и слишком большая потеря высоты; дашь слишком много нового газа — аэростат перейдет порог допустимого давления на оболочку. Еще один клапан на верхушке аэростата в таком случае может автоматически сбросить газ, чтобы предотвратить раз-

рыв оболочки — если клапан не замерз,— но после этого шар станет, возможно, слишком тяжелым для дальнейшего полета.

Кроме того, пилоту приходится опасаться встречи с непредвиденно теплыми слоями воздуха. Такие слои могли бы слишком быстро поднять «Жюля Верна» вверх и опять-таки вывести его за пороговый уровень давления. И наоборот, внезапное охлаждение окружающей атмосферы может погнать аэростат вниз.

В последней ситуации пилоту не оставалось бы ничего другого, как сбросить часть балласта, что способно было вызвать появление вращательного эффекта. К тому же, если б шар потерял весь свой балласт, его подстерегали бы еще более крупные неприятности. А быстро снизить высоту можно было, только выбросив в воздух газ, помня при этом, что быстро снова увеличить объем газа в оболочке горелка не может.

«Никто не знает, какие тяготы я перенес» — вот какова может быть лебединая песнь пилота!

Однако день подошел к концу без каких-либо омрачающих душу происшествий. Солнце село, и «Жюль Верн» по причине охлаждения водорода тоже стал спускаться. Пилот пустил в ход горелку, чтобы удержаться над тропопаузой. Ну а те, что пока были свободны от вахты, забились под кучу теплой ткани и похрапывали с громкостью, соответствовавшей темпераменту каждого.

Быть единственным, кто бодрствует ночью,— тревожно. Света мало. Конечно, в иллюминаторы проникает свет звезд, но он, вкупе с огоньками приборов и циферблатов, недостаточен для поддержания хорошего настроения. Металлический корпус гондолы усиливает каждый случайный звук — удар ладони по палубе, когда кто-то из спящих поворачивается и выбрасывает руку вперед; бормотание на связи Погааса; тихое, чуть похожее на лошадиное ржание, хихиканье Райдера; скрип вентилятора.

Когда Фрайгейт зажег горелку, то громкое фырканье вспыхнувшего газа, а затем гул огня разбудили весь экипаж. Теперь пришла очередь Фрайгейта лезть под полотнище материи, чтоб заснуть и почти тут же проснуться от шума горелки и привидевшегося ему кошмарного падения с высоты.

Снова пришел восход. Члены экипажа просыпались в разное время, пользовались химическим туалетом, пили горячий растворимый кофе, ели пищу, запасенную с помощью граалей и дополненную желудевым хлебом и сушеной рыбой. Содержимое

туалета за борт не выбрасывалось. На такой высоте открыть люк — значило создать условия, при которых экипаж мог погибнуть от внезапного падения давления в гондоле. Кроме того, любая потеря веса была чревата увеличением подъемной силы шара.

Фриско Кид, чьи глаза лучше оценивали скорость движения, определил ее в пятьдесят узлов.

К полудню шар был подхвачен ветром, который несколько часов нес их обратно, пока наконец не переменился и не увлек их в нужном северо-восточном направлении. Однако часа через три их снова потащило на юг.

— Если так будет продолжаться и дальше,— мрачно сказал Фрайгейт,— мы тут будем крутиться вечно. Не могу понять, что за чертовщина!

Во второй половине дня они снова легли на нужный курс. Фрайгейт предложил спуститься до зоны приземных ветров и попробовать там — не придет ли удача. Они уже довольно основательно проникли в северные широты и вполне могли оказаться в тех местах, где ветры дуют преимущественно на северо-восток.

Отключили горелку. Газ стал медленно остывать. Сначала «Жюль Верн» спускался крайне неспешно, затем падение убыстрилось. Нур на несколько минут запустил горелку — чтоб замедлить спуск. На высоте тринадцати километров ветер стих. Потом он подхватил их опять и понес в направлении, обратном желаемому. Кроме того, шар снова приобрел вращательное движение, но тоже противоположное прежнему. Нур дал шару спуститься до 2000 метров над вершинами гор. Теперь они под углом пересекали долины, которые в этих местах шли точно с юга на север.

— Мы снова летим на северо-восток! — радостно крикнул Фрайгейт.

К полудню третьего дня они все еще летели на скорости 25 км/час, или более 15 миль в час. Только «Жюль Верн» мог залететь так далеко. Любой другой тип неуправляемых аэростатов не смог бы подняться в стратосферу или спуститься к приземным слоям без потери газа, а без этого дальний полет был невозможен.

Они открыли иллюминаторы, впустив внутрь гондолы хоть и разреженный, но все же свежий воздух. Восходящие и нисходящие воздушные потоки причиняли им немалые неудобства, преимущественно из-за частой и резкой смены атмосферного давле-

ния. Приходилось непрерывно сглатывать слюну или зевать, чтоб облегчить давление на барабанные перепонки. Близились сумерки, вертикальные потоки слабели.

На следующий день примерно в полдень их настигла гроза. Пилотом был Фаррингтон, когда черная туча под аэростатом вдруг вспучилась и рванулась вверх. Еще только секунду назад буря их нисколько не тревожила — она неслась далеко под ними. А сейчас ее щупальца тянулись вверх подобно щупальцам осьминога. Еще секунда — и тело осьминога метнулось им навстречу, и они оказались во тьме, пронизанной нитями молний. И тут же шар закрутился, как сперматозоид на сковородке.

— Мы падаем как кирпич,— спокойно проговорил Фриско.

Он приказал сбросить часть балласта, но аэростат продолжал терять высоту. Молния с треском прошила тьму совсем рядом и затопила гондолу светом, в котором лица людей казались ярко-зелеными. Грохот грома, отражаемый металлическими стенками гондолы, оглушал. В открытые иллюминаторы рвался ливень, заливая палубу и увеличивая вес гондолы.

— Закрыть иллюминаторы! Том и Нур, выкиньте за борт мешок балласта номер три!

Оба бросились выполнять приказ Фриско. Они почти не ощущали собственного веса — гондола падала так быстро, что казалось, они вот-вот повиснут в невесомости.

Еще одна молния ударила совсем рядом, разбрызгивая свет и ужас.

И тут все увидели внизу огромную черную скалу, которая со страшной скоростью мчалась им наперерез.

— Два мешка номера первого!

Нур, выглянув из иллюминатора, сказал громко и спокойно:

— Мешки падают не намного быстрее нас.

— Еще два мешка номера первого!

И еще одна ослепительная стрела взорвалась у них под боком.

— Ничего не выходит! — орал Фриско.— Еще два номера первого! Всему экипажу встать на сброс балласта! Выбрасывайте все до крошки!

Край гондолы врезался в край горной вершины. Гондола подпрыгнула, аэронавты покатились по палубе. На мгновение обвисшие канаты сетки снова напряглись, и экипаж, еще не успевший вскочить с пола, снова повалился в кучу. Счастье еще, что страшный рывок не оборвал стропы.

Не обращая внимания на ушибы, они вскочили и кинулись к иллюминатору, вделанному в палубу. Тьма и тусклая россыпь козявочек-огоньков. И снова разряд молнии. Шар находился еще слишком близко к склону горы, и нисходящий поток воздуха крепко держал его в лапах. Острые вершины колоссальных железных деревьев летели в них, точно брошенные с огромной силой дротики.

Горелку зажигать было уже поздно. Ее эффект будет ничтожно мал за те секунды, через которые им предстояло столкнуться. Да к тому же удар о скалу мог ослабить герметичность трубок. А если так, то одна искра превратит внутренность гондолы в пылающую печь.

— ВЕСЬ БАЛЛАСТ! — вопил Фриско.

И тут внезапно они оказались вне густой облачной массы, и вместо прежней тьмы их окружило нечто неопределенно серого цвета. Видеть в этой серой пелене было все-таки можно, и они различили острую верхушку дерева, бешено крутящуюся прямо под их ногами.

Фриско бросил свой пост, чтобы помочь остальным освободиться от мешков и контейнеров с водой. Но еще не успели они хоть что-то отправить за борт, не успел еще Нур нажать на кнопку, высвобождающую стальные балластные болванки, как гондола врезалась в верхние ветви железного дерева. Все опять были сбиты с ног. С ужасом и бессилием прислушивались они к треску и грохоту крушения. Но гибкие ветви спружинили, распрямились и с силой швырнули гондолу вверх — прямо в оболочку.

И снова гондола обрушилась вниз, чтобы вновь быть подхваченной неодолимо сильными руками ветвей. Аэронавтов швыряло по палубе наподобие игральных костей в стаканчике.

Фрайгейт был избит, изранен и оглушен. Но даже в таком состоянии у него хватило соображения, чтоб вспомнить, чем им грозят пластиковые трубки. Как раз в это мгновение они подвергались сильнейшему сжатию между шаром и гондолой.

Если... о боже, не допусти этого... если трубку вырвет из оболочки... если острые концы ветвей пробьют оболочку... гондола рухнет на землю... разве что чудом застрянет она среди ветвей... или сетка запутается в них...

Нет, гондола поднималась!

Но сможет ли подняться сам шар? Или его поволочет к Реке? Или шваркнет о склон горы и оболочка лопнет на острых выступах скал?

Глава 66

Дирижабль, шедший с севера, перевалил через горы, как раз когда ливень был в полном разгаре. Молнии — единственное сейчас освещение — рвали черное небо на куски. Радар прощупывал долину, пробегал по вершинам деревьев, по острым вершинам скал, скользнул по Реке и замер на огромном корабле. Радарный детектор дирижабля установил, что собственные радары речного судна сейчас не работают. В конце-то концов, судно стоит на якоре у берега, так зачем же пользоваться радарами, особенно ежели никаких врагов в гости не ждут?

Гигантский люк в брюхе дирижабля распахнулся. Пилот водруженного на платформу вертолета запустил винты. В чреве вертушки сидел тридцать один человек. Кресло пилота занимал Бойнтон, а рядом с ним расположился де Бержерак. Оружие и коробки с пластиковой взрывчаткой были уложены сзади.

Как только моторы разогрелись, Бойнтон посигналил сиреной. Сентеш — главный сержант, ответственный за обеспечение вылета,— подошел к телефону, укрепленному на переборке, и получил последние данные о ветровой обстановке. Затем дал сигнал флажком, подняв его вверх, а затем резко опустив. Пошел!

Вертушка боком соскользнула с платформы и прямо в своем гигантском ангаре зависла над открытым люком, отбрасывая лобовой панелью и полированными лопастями вращающегося винта «зайчики» от ангарных ламп. Затем вертолет камнем пошел вниз, и де Бержерак, глядя сквозь лобовое стекло, увидел, как колоссальный воздушный корабль сливается с облаками и исчезает из виду.

Сирано знал, что через несколько секунд оттуда вылетит еще двухместный глайдер. Пилотировать его будет Боб Винкельмайер, а пассажиром с ним летит Джеймс Макфарлан. Винкельмайер окончил Вест-Пойнт, он летчик, сбитый во время разведывательного полета над островком недалеко от Австралии. Макфарлан пользовался большой известностью в семидесятые годы девятнадцатого века. Детектив, работавший у Пинкертона, он проник в тайную террористическую организацию «Молли Мейгерс», объединявшую ирландских шахтеров-углекопов в Пенсильвании. Под именем Джеймса Маккела он глубоко внедрился в банду и несколько раз еле-еле избежал разоблачения и смерти. В результате его действий все члены «Молли Мейгерс» были арестованы, девятнадцать из них повешены, а шахтовладельцы получили возможность продолжать с комфортом эксплуатировать своих рабочих.

Винкельмайер должен был посадить глайдер на Реку и там же его затопить. Позже, если удастся, они попробуют записаться в команду «Рекса». Там наверняка должны были возникнуть вакансии, ибо сомнительно, чтобы десантный отряд проделал свою работу, не уничтожив кой-кого из экипажа «Рекса».

Этим двоим Сэм Клеменс сказал так:

— Иоанн Вонючка не может сохранять монополию на агентов-двойников. Прилипните к нему, ребята, и войдите в доверие. Конечно, все это в том случае, если наш рейд провалится. А может, вам и вообще не придется действовать... Впрочем, я этого прохвоста хорошо знаю. Он все равно что обмазанный салом столб, по которому даже обезьяна наверх не влезет.

Поэтому, если он спасется, вы присоединитесь к его экипажу. А затем, когда наступит Армагеддон, взорвете его корабль. В общем, пусть будет так, как если б архангел Гавриил послал в ад двух ангелов, переодетых чертями.

Вертолет окунулся в облака. Зигзаги молний освещали мир, сверкая подобно пламенным мечам, скрещенным между небом и землей. Тяжело ухал гром. Ливень заливал стекло лобовой панели, резко ограничивая видимость. Радар, однако, хорошо видел корабль, а уже через пять минут и огни судна слабо засветились сквозь туман и дождь.

Бойнтон вел вертушку по прямой, снижающейся под углом 45°, а затем круто опустил аппарат прямо к поверхности Реки. На полной скорости, пока молнии с треском рвали в куски плотную ткань неба, вертолет мчался в метре от воды. Огни рубки и фонари на палубах судна становились ярче и крупнее.

Вертолет круто взмыл вверх, пересек край взлетной палубы, завис в воздухе, прицелился и сел. Колеса ударились о настил, вертушка подпрыгнула. Потом замерла, винты со слабым скрипом замедлили вращение, а все дверцы бесшумно открылись. К тому времени, как де Бержерак выскочил на палубу, моторы уже были заглушены. Бойнтон помогал десантникам вылезать из машины. Сирано приказал одному из них вытащить ящик с бомбами.

Сирано бросил взгляд на верхнюю палубу капитанской рубки. Пока никто еще не выглянул из окна, выходившего на корму, сиг-

налы тревоги тоже молчали. Им повезло куда больше, чем можно было надеяться. Невероятно, но, похоже, на судне не было часовых. Или если они и были, то, на свою беду, ничего не заметили. Вполне возможно, что в этих местах экипаж чувствовал себя в полной безопасности. Значительная часть его вообще могла быть в береговом увольнении. А часовые могли ковырять в носу, спать, пить или даже заниматься любовью.

Де Бержерак вытащил из кобуры пистолет «Марк-4» и проверил, на месте ли эфес рапиры.

— За мной, ребята!

Пять человек последовали за ним, остальные два отряда отправились выполнять свои собственные задачи. Бойнтон остался в вертушке, готовый запустить моторы в назначенное время.

Взлетная палуба была продолжением потолка «техаса». Француз промчался по ней до рулевой рубки; шаги следовавших за ним десантников глухо стучали по дубовой палубе. Оказавшись у входа на вторую палубу рубки, он остановился. Кто-то кричал ему нечто неразборчивое из открытого иллюминатора прямо над его головой. Сирано, не обращая внимания на крик, ринулся в дверь. Не успел еще последний десантник проскользнуть по лестнице, как грянул выстрел.

Сирано обернулся:

— Кто-нибудь ранен?

Десантник, стоявший непосредственно за ним,— Когсвелл — ответил:

— Он промазал, стреляя в меня.

Наверху уже безумствовали тревожные звонки, откуда-то издалека донесся тяжелый рев сирены. Еще секунда — и к ней присоединились другие.

Вторая палуба представляла собой залитый ярким светом коридор, вдоль которого шли двери кают, где должны были размещаться старшие офицеры и их женщины. Надеялись, что Иоанн Безземельный расположился в каюте слева, непосредственно около лестницы, ведущей на капитанский мостик или собственно в рулевую рубку. Клеменс намеревался сам занять эту каюту, ибо она была самая большая; было крайне маловероятно, что Иоанн выберет себе меньшую.

В каждой из стен коридора было по четыре двери. Одна из них распахнулась, когда де Бержерак ударил в нее плечом. Наружу высунулась голова какого-то мужчины. Де Бержерак навел на него свой пистолет, и мужчина тут же исчез, захлопнув дверь.

Быстро, работая по заранее выработанному плану, каждый из шести десантников отцепил от пояса специальное приспособление. Эти штуки были изготовлены в механической мастерской дирижабля только час назад. Еще два человека из группы имели пару запасных. Это были короткие прутья из дюраля с длинными стальными гвоздями на обоих концах. Их уложили поперек дверей и тяжелыми молотками вогнали гвозди в дубовую обшивку. Решительный человек, конечно, мог бы сбить такую планку, но к тому времени, если все пойдет по плану, Иоанн и его похитители должны уже покинуть корабль.

Из кают раздавались шум и вопли. Кто-то из мужчин попытался было открыть дверь, когда Когсвелл орудовал своим молотком. Тот бросил молоток и выстрелил в узкую щель, не особенно стараясь повредить мужчине. Дверь тут же захлопнулась, и Когсвелл докончил начатую работу.

Теперь Иоанн, без сомнения, был уже извещен по интеркому, что корабль атакован. Одного шума в коридоре было достаточно, чтобы дать ему понять — захватчики уже здесь. Он даже не нуждался в громких пистолетных выстрелах, чтобы усвоить эту простую истину.

Еще трое десантников должны были к этому времени окружить рулевую рубку и подняться по ее наружной лестнице. Однако... ах да — вот как раз показался один из вахтенных, видимо из рубки. Он высунул бледное как мел лицо из-за угла двери в верхнем конце лестницы, ведущей в коридор. И сейчас же выскочил оттуда, держа обеими руками тяжелый пистолет 69-го калибра. На вахтенном были надеты металлические доспехи.

— Peste!*

Хотя Сирано вовсе не хотел убивать человека, которого он и в глаза не видал раньше, он все же прицелился и выстрелил.

— Quelle merde!**

Сирано промазал, и пластиковая пуля разлетелась в куски, ударив в переборку рядом с головой вахтенного. Должно быть, осколки задели его, так как он вскрикнул, отшатнулся, выронил пистолет и закрыл лицо руками.

---

* Чума на вас! *(фр.)*

** Экое дерьмо! *(фр.)*

Сирано был неважным стрелком. Ну что ж, не так уж плохо, сказал он себе. Если пуля вывела из строя человека, не убив его, а лишь слегка ранив, такой результат можно только приветствовать!

Из рулевой рубки неслись крики и выстрелы. Они, по-видимому, означали, что те трое поднялись по наружной лестнице и теперь давали дрозда вахтенным.

Сирано метнулся к двери каюты, в которой должен был находиться король Иоанн. Смысла окликать ее хозяина и предлагать ему выйти с поднятыми руками не было. Каков бы ни был этот экс-король, но трусом его еще никто не называл.

Конечно, вполне могло случиться, что этой ночью его вообще на борту нет. Шастает где-нибудь на берегу, пьянствуя и гоняясь за юбками.

Сирано улыбнулся и, прячась за перегородкой, протянул руку к дверной ручке. Дверь была заперта. Итак, капитан «Рекса» был дома, но посетителей не принимал.

Мужской голос крикнул на эсперанто:

— Что у вас там стряслось?

Сирано оскалил зубы в злой ухмылке. Он узнал баритон короля Иоанна.

— Капитан, нас атакуют! — завопил Сирано изо всех сил.

Он немного подождал. Может, Иоанн попадется в эту ловушку, решив, что это голос одного из его людей, и откроет дверь?

Грянул выстрел, за которым последовала и пуля, каковая непременно попала бы в Сирано, стой он прямо перед дверью. Это была вовсе не одна из этих дурацких пластиковых пуль, которые разлетаются в кусочки, попав в деревянную доску. Эта была изготовлена из драгоценного свинца и дыру в двери проделала солидную.

Сирано подал знак одному из своих людей, и тот достал из небольшой коробки пакет пластиковой взрывчатки. Сирано отошел в сторонку, пока его соратник — Шихан,— низко пригнувшись, прилаживал взрывчатку вокруг замка и петель двери.

Опытный в таких делах Иоанн послал еще одну пулю, которая с треском пробила филенку. Король целился ниже, и пуля попала Шихану прямо в череп чуть повыше глаз. Он рухнул на спину и лежал с открытыми глазами, уставившимися в потолок, и с разинутым ртом.

— Quel dommage!

Шихан был отличным парнем. Обидно, что вся церемония его похорон сведется всего лишь к восклицанию «какая жалость!».

Но, с другой стороны, сам виноват, нельзя же быть таким лопухом, чтоб подставлять лоб под пули!

Когсвелл подбежал к трупу, проверил проводку и батарейку и быстро вернулся назад, разматывая шнур. К счастью, Шихан уже успел вставить детонатор в пластик и тем самым сэкономил им несколько драгоценных секунд. Ведь сейчас все зависело от быстроты действий, и каждая лишняя секунда могла превратить победу в поражение.

Сирано отбежал за угол и, прижавшись к переборке, отвернулся, зажал пальцами уши и открыл рот.

Хотя сам он и не видел происходящего, но отлично представлял, как Когсвелл присоединяет конец шнура к контакту батарейки, а затем касается второго контакта другой проволочкой.

Взрыв прогремел и наполовину оглушил Сирано. Клубы едкого дыма заполнили коридор. Заходясь от кашля, Сирано нащупывал дорогу вдоль стены, пока наконец не коснулся дверного проема. Теперь сквозь дым он смутно видел расщепленную дверь, упавшую на труп Шихана. И вдруг оказался в каюте.

Он нырнул в нее головой и тут же откатился вбок — маневр, проделанный весьма неуклюже из-за рапиры, висевшей у него на поясе.

Теперь перед ним было нечто, ощущавшееся как ножка кровати. А прямо над ним жутко вопила какая-то женщина... Но где же Иоанн Безземельный?

Еще один пистолетный выстрел. Сирано сквозь дым увидел вспышку огня, но он уже успел вскочить на ноги и прыжком перелететь через королевское ложе. Его руки обхватили весьма плотную обнаженную мужскую талию, и схваченный им мужчина рухнул на пол. Раздалось кряхтенье, мелькнула чья-то рука, ударившая Сирано по голове, но не нанесшая ему существенного ущерба, а затем лежавший под ним человек обмяк.

Сирано же успел обнажить кинжал и приставить его к горлу противника.

— Одно движение — и я перережу тебе глотку!

Ответа не последовало. Что, этот тип обмер со страху или просто притворяется?

Другая рука Сирано нащупала сначала плечо, потом шею лежавшего и наконец коснулась его головы. Никакого движения...

А! Вот оно что — обморок! Иоанн (если это действительно Иоанн) здорово брякнулся головой и теперь потерял сознание.

Сирано встал. Шаря рукой по стене, добрался до двери и ощупью нашел выключатель. Свет явил его взору большую комнату, великолепно по стандартам мира Реки убранную и обставленную. Дым уже вытягивался в коридор, выставляя на обозрение Сирано очень хорошенькую и абсолютно голую женщину, которая стояла на коленях на середине королевского ложа. Внезапно она перестала кричать и уставилась на Сирано огромными голубыми глазищами.

— Накройтесь простыней и лежите тихо. Никто вас не тронет, мадемуазель. Де Бержерак не воюет с дамами. Разумеется, если они сами не пытаются убить его.

Человек, лежавший на полу, был невысок, очень мускулист и обладал рыжевато-каштановой шевелюрой. Его голубые глаза были широко раскрыты, а сам он что-то невнятно бормотал. Через несколько секунд, надо думать, он придет в себя.

Сирано повернул голову и только тогда понял, куда Иоанн только что стрелял из пистолета. На полу лицом вверх лежал Ходжес, в его груди зияла огромная рана.

— Mordioux!

Должно быть, Ходжес ворвался в каюту сразу же, как только увидел, что Сирано прыгнул в дверь. А Иоанн, увидев его силуэт на фоне хорошо освещенного коридора, застрелил Ходжеса. Без сомнения, сам Сирано не попал под пулю лишь потому, что дым был еще слишком густ и Иоанн не смог различить его фигуру в серых клубах.

Итак, двое из его людей уже убиты. Наверняка они сейчас гибнут и в других местах. Их придется бросить здесь, поскольку было решено, что забота о трупах может помешать отходу.

Но где же его десантники? Почему они не последовали за ним?

Ах, вот наконец и Когсвелл с Проппом!

Что-то могучее ухватило Сирано, подняло ввысь и одновременно назад и с неимоверной силой швырнуло на переборку. Он упал лицом вниз; в ушах звенело, а голова, казалось, растягивается и сжимается, растягивается и сжимается подобно аккордеону. Клубы дыма снова наполнили комнату, выжимая из глаз слезы и заставляя захлебываться в кашле.

Прошло какое-то время, прежде чем Сирано встал на колени, и еще больше, прежде чем он поднялся на ноги. К этому

времени он уже успел сообразить, что в коридоре взорвалась еще одна бомба. Неужели ее швырнули сверху — из рулевой рубки?

Тот, кто это сделал, убил и Когсвелла, и Проппа. И чуть было не прикончил Савиньена Сирано де Бержерака!

Король Иоанн уже стоял на коленях, покачиваясь из стороны в сторону и захлебываясь кашлем. Неподалеку от него валялся на полу пистолет, но он, по-видимому, о нем и не думал.

Ага! Этот распросукин сын протягивает руку, чтоб ухватиться за рукоятку!

Потеряв свой пистолет и кинжал, Сирано взялся за эфес рапиры. Он сделал шаг вперед и опустил тяжелый трехгранный клинок на затылок короля Иоанна как боевую дубину. Иоанн рухнул лицом вниз и застыл без движения.

Женщина в постели прятала лицо в подушку, а руками прикрывала уши. Ее плечи мелко вздрагивали.

Сирано с трудом пробрался сквозь дым и чуть не упал, запнувшись о тело Проппа. Добравшись до двери, Сирано остановился. Слух возвращался к нему, но стрельба в коридоре доносилась до него как через вату. Сирано опустился на колени и осмелился выставить голову наружу. У подножия лестницы валялся труп. Очевидно, это был кто-то из рулевой рубки; возможно, тот самый, кто бросил бомбу. В дальнем конце коридора скорчились два человека, ведя стрельбу по входу в коридор. Это были десантники Стуртевант и Велкас.

Еще двое десантников, покрытых копотью, спускались по лестнице. Риган и Сингх. Должно быть, они очистили рубку и теперь спустились, чтоб помочь группе похитителей. Помощь была более чем к месту.

Сирано с трудом поднялся на ноги и жестом подозвал их к себе. Они что-то крикнули ему, но он не разобрал, что именно. Та бомба, видать, была не из маленьких. В коридоре она наделала немало бед.

Риган и Сингх вбежали в каюту и подняли обмякшее тело короля Иоанна. Сирано следовал за ними, сунув рапиру в ножны и перезаряжая пистолет. Женщина все еще прятала лицо в подушках и закрывала уши руками. Не видеть зла, не слышать зла...

Выйдя из каюты, Сирано увидел, что Стуртевант и Велкас уже ушли. Значит, те, в кого они стреляли, уничтожены. Риган и огромный Сингх, тащившие Иоанна, голова которого болталась на весу, а ноги волочились по палубе, уже почти добрались до двери.

Снова возник Велкас, за которым бежали еще трое; он им что-то кричал. Трое побежали дальше, а Велкас подскочил к Сирано. Приложив губы к самому уху Сирано, Велкас проорал слова, смысл которых с трудом наконец дошел до француза. Несколько человек из экипажа Иоанна добрались до парового пулемета. Их спины открыты для огня из каюты Иоанна.

Оба помчались в каюту и выглянули из иллюминатора. Справа виднелась платформа, которая чуть выдавалась над краем посадочной палубы. На платформе торчал толстый ствол парового пулемета. Два человека, укрывшись за его щитком, разворачивали свое оружие в сторону вертолета.

Слева и чуть пониже были Стуртевант и двое других десантников, тащивших Иоанна. Они тоже должны были оказаться на линии пулеметного огня.

Сирано открыл большой квадратный иллюминатор, положил ствол пистолета на подоконник и выстрелил. Секундой позже в его ушах прогремел выстрел Велкаса, снова оглушив француза.

Оба опустошили обоймы своих пистолетов. На таком расстоянии вопрос о меткости вообще отпадал. Пистолеты «Марк-4» стреляли драгоценными свинцовыми пулями, но заряды, необходимые для стрельбы пулями 69-го калибра, давали слишком сильную отдачу. Более того, обязательно следовало учитывать влияние даже самого слабого ветерка.

Первые две пули прошли мимо цели. Затем один из пулеметчиков упал на бок, второй, занявший его место, рухнул минутой позже. Ни тот ни другой не получили смертельных прицельных ранений — просто пули рикошетировали от щитка. Но нужный результат все равно был достигнут.

К этому времени Стуртевант и другие десантники, тащившие Иоанна, уже пробежали почти половину палубы. Лопасти винта вертолета вращались, но их шума Сирано слышать не мог. Даже если б его слух вернулся, сирены тревоги все равно заглушили бы рев мотора.

Сирано схватил Велкаса за руку и притянул к себе. Крича изо всех сил, он приказал ему захватить пулемет и сдерживать тех, кто может пойти в атаку. Сирано жестом указал на отряд, только что вынырнувший из палубного люка в дальнем конце палубы.

Велкас бросился к двери.

Сирано снова прилип к иллюминатору. Группы десантников, имевших задание взорвать моторы и арсенал, нигде не было видно. Или они все еще занимались своим делом, или их зажали где-нибудь и они с боем прорывались наружу.

Сирано взбежал по лестнице, ведущей в рубку. На полу валялись тела убитых. Один из них был из числа его людей, двое — из ребят Иоанна. Свет скользил по голубовато-серым лицам, по немигающим глазам, по разинутым ртам.

Сирано отключил сирены тревоги и выглянул сквозь переднюю панель. На носовых палубах не было видно ничего, кроме трупов у лестницы, ведущей вниз из носовой части рулевой рубки, и нескольких тел у самого носа корабля.

«Рекс» стоял в хорошо освещенном доке — гораздо более длинном и массивном, чем те, которые обычно встречаются на Реке. Возможно, его построила сама команда корабля, если капитан решил дать своим людям долгий отдых на берегу. А может, кораблю потребовался большой ремонт.

Впрочем, это было не важно. А что важно, так это то, что десанту крупно повезло — он высадился на корабле, когда там была лишь охрана да несколько офицеров. Иоанн же решил провести эту ночь на борту — еще одна удача, хотя уж никак не для него.

Однако шум на корабле разбудил спавших на берегу. Они выбегали из своих хижин на равнине и из окруженной частоколом крепости. Свет фонарей падал на первые ряды толпы, стремительно катившейся к доку. Среди бегущих было много матросов, судя по тому, что в руках они держали металлическое оружие.

При разработке плана рейда возможность вывода корабля из дока не рассматривалась, но сейчас такая идея представлялась Сирано весьма здравой. Сирано, зная, что корабль в любую минуту может быть захвачен превосходящими силами противника, решил действовать немедленно. Он устроился в пилотском кресле, нажал кнопку, приводящую в действие моторы, и усмехнулся, увидев, как вспыхнула надпись «включено». До сих пор у него не было уверенности, что ток к моторам пойдет. Вообще-то говоря, чтоб обезопасить себя от попыток украсть судно, король мог полностью обесточить моторы.

Сирано молился, чтоб моторы не взлетели на воздух именно в эти минуты. Если такое случится, судно потеряет подвижность, а он и его товарищи, вполне возможно, не сумеют вовремя добраться до вертушки.

Времени обрубать швартовочные концы не было. Это плохо, но сила огромных моторов колоссальна.

Сирано потянул на себя длинные толстые металлические рычаги, торчавшие по обе стороны кресла. И тут же боковые колеса начали вращаться в обратную сторону. Сначала они двигались натужно, слишком медленно, чтоб оборвать канаты. Он отвел рычаги до предела, заставив колеса вращаться на полной скорости.

Толстые якорные канаты напряглись. Но вместо того чтобы лопнуть, они наклонили вертикальные бревна вдоль кромки дока и стали тянуть их за собой. Некоторое время крепления этих бревен удерживали судно на месте. Люди в доке или кидались в воду, или пробовали перепрыгнуть зазор, отделяющий судно от стенки дока. С душераздирающим треском, перекрывшим вопли толпы и стрельбу на корме, бревна выскочили из пазов.

Лишившись подпор, ближняя часть дока наклонилась, сбросив в воду множество толпившихся там людей. Только одному человеку удалось перепрыгнуть на борт корабля и не свалиться вниз.

«Рекс» быстро уходил от берега, таща за собой бревна, волочившиеся на концах крепких длинных канатов. Сирано, громко хохоча, наконец отыскал на панели нужную кнопку, и паровые свистки пронзительно завопили, будто издеваясь над теми, кто остался на берегу или барахтался в воде.

— Ну и как тебе это нравится, Иоанн? — выкрикивал в восторге Сирано.— Украли не только тебя, но и весь твой корабль! Справедливость все-таки торжествует!

Теперь он сдвинул носовой рычаг от себя, и огромный корабль стал разворачиваться по течению Реки. Сирано вывел его на середину и включил автопилот. Корабельные сонары измеряли глубину Реки и расстояние от берегов, и корабль должен был держать курс точно посередине, за исключением случаев, когда впереди возникала опасность столкновения с каким-нибудь крупным объектом. Тогда судно отклонялось от курса, дабы избежать аварии.

Человек, прыгнувший на борт, перебежал палубу и скрылся из виду. Через полминуты он взбежал по лестнице на другую палубу. Человек явно стремился попасть в рулевую рубку.

И в этот момент дождь кончился.

Сирано высунулся из двери и выпустил всю обойму в то мгновение, когда мужчина пересекал палубу. Тот укрылся за свесом,

потом выставил голову и выстрелил в Сирано. Единственная пуля, которая пролетела рядом с де Бержераком, разлетелась, ударившись о ступеньку трапа, где-то на середине последнего.

Сирано глянул через кормовую панель рубки. Вертолет еще стоял на платформе взлетной палубы. Иоанн и трое его телохранителей уже сидели в кабине. Четыре человека бегом бежали через палубу к «техасу». Сирано опустил панель и высунулся, показывая жестами, что судном командует именно он. Десантники остановились, помахали ему, улыбнулись, а затем повернулись и помчались обратно к вертушке.

В дальнем конце палубы несколько человек еще вели из люка огонь по вертолету. Их крупнокалиберные пластиковые пули летели против ветра, и большая часть их просто падала на палубу; остальные перелетали через борт в воду. Сирано не мог определить точное число стрелявших, но решил, что их там не больше двух-трех.

Конечно, могут быть и другие защитники корабля, например на котельной палубе, где они дерутся с диверсионной группой.

И тут судно вздрогнуло. Огромный клуб дыма вырвался изнутри корабля слева от рубки.

Сразу же за первым взрывом грянул второй. Он произошел у правого борта и был несравненно сильнее первого. Обломки взлетной палубы летели сквозь дым, обрушиваясь вниз. Некоторые из них падали почти рядом с вертолетом. Дым быстро рассеивался, обнажая громадную дыру рядом с правым колесом.

Погас свет. Затем он вспыхнул опять, когда включилась аварийная система. Моторы встали, и корабль стал медленно разворачиваться под воздействием течения. Его нос теперь указывал на правый берег Реки. Так теперь он и будет дрейфовать и, возможно, проплывет еще немало километров, а может быть, совсем скоро врежется в берег.

Стуртевант выскочил из вертушки и махал Сирано рукой, требуя, чтоб тот поторопился.

Еще четыре десантника появились на правой стороне взлетной палубы. Потом еще двое взбежали по трапу с левого борта.

Сирано крепко выругался. Неужели это все, что осталось от группы подрывников?

Тонкие струйки дыма стали подниматься из люка, где засели защитники корабля, стрелявшие по вертолету. Один из отряда

Сирано упал; остальные открыли ответный огонь, под прикрытием которого двое подхватили упавшего и, поддерживая его с обеих сторон, потащили к вертушке. Один из них тоже упал и подняться уже не смог. Его тоже подхватили двое других. Еще одного раненого на своих плечах вынес товарищ и потащил его к вертолету, сгибаясь под непомерной тяжестью.

Сирано кинулся к противоположной стороне рубки. Этот проклятущий парень, который взобрался на борт, снова мелькнул в поле зрения, когда перебегал палубу. Теперь у него не было пистолета, что означало, что, опустошив обойму, он отшвырнул его прочь. В правой руке он держал рапиру.

Краем глаза Сирано заметил какое-то движение у основания трапа, ведущего из рубки на палубу ниже этажом. Один из его десантников, которого он принял за мертвого, был все же жив. Теперь он жестами звал Сирано на помощь. Должно быть, увидел лицо своего начальника за стеклом рубки.

Сирано не колебался. Приказ требовал оставлять убитых, а насчет раненых такого распоряжения не было. Да и в любом случае на такой приказ Сирано бы наплевал. Вертушке сейчас непосредственная опасность вроде бы не угрожала. Несколько оставшихся боеспособными защитников корабля не могли перебежать взлетную палубу, не подставив себя под огонь десантников, сидевших в вертолете. Конечно, они могли выбрать другой путь и подняться наверх по трапу возле машинного отделения. Но он — Сирано — обязан доставить несчастного раненого к вертушке раньше, чем туда доберутся люди короля Иоанна.

Со всей возможной для него быстротой Сирано скатился с лестницы, перепрыгивая через ступеньки и скользя по перилам. Цоукас уже умудрился встать на четвереньки. Его голова почти касалась пола, и время от времени он пытался поднять ее.

Сирано упал на колени рядом с десантником.

— Не волнуйтесь, мой друг! Я с вами!

Цоукас что-то простонал и повалился в лужу собственной крови.

— Mordioux!

Парень был мертв.

— Merde!*

Но, может быть, живы остальные?

---

* Дерьмо! *(фр.)*

Беглый осмотр развеял его надежды.

Сирано вскочил и стремительно обернулся. Одновременно рука его рванулась к рукоятке пистолета, лежавшего в кобуре. Вон он — тот одиночка, тот храбрец и, к сожалению, тот надоеда! И почему, черт побери, он не свалился в воду и не избавил Сирано от необходимости убивать его, а себя — от последствий непоправимой ошибки быть убитым?

— Эй-й-й!

Пистолет оказался разряженным. К сожалению, Сирано забыл его перезарядить.

А времени, чтоб подобрать с палубы другой из тех, что выронили из рук мертвецы, уже не оставалось. Нет, если честно, то у него едва хватило времени, чтоб выхватить из ножен рапиру и помешать этому наглецу проткнуть его насквозь.

Бойнтону придется подождать его несколько лишних секунд. Их хватит, чтоб удалить с дороги это неожиданное препятствие!

— En garde!

Парень был чуть пониже Сирано, но, в то время как Сирано сложением напоминал рапиру, этот дурачок скорее походил на здоровенное топорище боевого топора. Плечи незнакомца поражали шириной, мощным грудным мышцам соответствовали столь же мощные руки. Он обладал смуглым лицом арабского типа, черты которого врезались в память, несмотря на толстоватые губы. Сверкающие глаза и ослепительно белые зубы придавали ему какой-то пиратский вид. Кроме набедренной повязки, на нем не было ничего.

С этакими запястьями, подумал Сирано, из его противника мог получиться непревзойденный боец на саблях, если, понятное дело, его искусство соответствовало бы его мышцам.

Но с рапирой, где важна не сила, а быстрота, ах, это совсем другое дело!

После первых же нескольких секунд Сирано понял, что, каковы бы ни были у этого парня отношения с саблей, ему лично еще никогда не приходилось скрещивать клинок своей рапиры с таким умельцем.

Все виды защиты, атаки, наступлений, отступлений, выпадов и их парирования, примененные Сирано, были встречены с таким же искусством. Счастье еще, что этот дьявол не обладал преимуществом в быстроте! Если б у него было хоть малейшее преимущество в этом, он уже успел бы пропороть своего противника.

Однако должен же был этот парень понимать, что он нарвался на истинного мастера! И хотя он все еще продолжал ухмыляться, сохраняя невозмутимо отважный вид, но где-то там, за этой дикарской маской, уже должно было зреть понимание того, что он погибнет, если хоть на секунду окажется медлительнее противника в рефлексах или в расчетах.

Время, к несчастью, было на стороне смуглого незнакомца. Ему некуда было спешить и делать было нечего, кроме как сражаться, тогда как Сирано должен был как можно скорее добраться до вертушки. Бойнтон, конечно, знал, что Сирано жив, поскольку Стуртевант только что видел его в рулевой рубке. Но он, должно быть, здорово волнуется сейчас, раз Сирано так сильно задерживается.

Отложит ли он вылет еще на несколько минут? Не подумает ли, видя, что командира так долго нет, что тот погиб? Решит ли он тогда стартовать? Или пошлет кого-нибудь выяснить причину задержки?

Обдумывать свои дела подробно Сирано не мог. Этот дьявол парировал любой маневр Сирано точно так же, как тот парировал его маневры. Ситуация была явно патовая, но застойной ее назвать было никак нельзя, ибо атакующие и парирующие клинки сверкали в согласном и стремительном ритме.

Ах! Поняв это, парень решил поломать сложившийся ритм. Ведь когда складывается подобная ритмичность, рапирист обретает тенденцию придерживаться установившейся очередности движений. И вот этот блистательный боец на мгновение вдруг как бы замешкался, надеясь, что Сирано будет следовать прежнему ритму и тем самым обречет себя на погибель.

Однако незнакомец недооценил своего противника. Сирано учел обстановку за ту долю секунды, которая была необходима, и тем самым избежал тяжелой раны. И все же острие клинка зацепило верхнюю часть его правой руки.

Сирано вышел из обороны с выпадом, который был отражен. Правда, не совсем успешно. Теперь и на руке противника тоже была легкая рана.

— Вам принадлежит честь пролития первой крови,— сказал Сирано на эсперанто.— А это действительно честь. До вас еще никому не удавалось достичь этого.

Было, конечно, глупо тратить драгоценное дыхание на разговоры. Сирано, однако, был любопытен, как боевой кот на крыше, которого внешне он очень напоминал.

— Как ваше имя?

Смуглый боец ничего не ответил, хотя, можно сказать, что за него ответил его клинок. Кончик клинка этого парня работал быстрее, чем язык базарной торговки рыбой.

— А я тот, чье имя вы, возможно, слыхали. Савиньен Сирано де Бержерак.

Смуглый мужчина усмехнулся и еще более яростно нажал на Сирано. Этого типа явно нельзя было вывести из себя именем, каким бы громким оно ни было. И терять свою энергию в пустой болтовне он тоже не собирался. Конечно, была и ничтожно малая вероятность того, что он вообще не слыхал такого имени — де Бержерак.

Кто-то крикнул. Может быть, этот крик отвлек внимание бойца, а может, все же он испытал шок, узнав, против кого ему пришлось сражаться. Какова бы ни была причина, но реакция мужчины была не та, которой требовала ситуация. Воспользовавшись выпадом, изобретенным Жарнаком, Сирано всадил свой клинок в бедро противника.

Но даже и тогда острие клинка смуглолицего успело пронзить правую руку Сирано. Его рапира со звоном упала на палубу.

Смуглый незнакомец тоже упал, но все же попытался встать на колени, чтоб продолжать защищаться. Кровь ручьем бежала по его ноге.

Сирано, услышав топот ног, обернулся. Это прибежали Стуртевант и Габель, держа в руках пистолеты.

— Не убивайте его! — крикнул Сирано.

Оба остановились, держа незнакомца под прицелом.

Сирано поднял шпагу левой рукой. Правая нестерпимо болела; кровь по ней текла, как вино из только что початого бочонка.

— Пожалуй, наша схватка могла бы окончиться совсем иначе, если б нас не прервали,— сказал Сирано.

У незнакомца, надо думать, рана тоже болела сильно, но он и глазом не повел. Его черные глаза горели, будто принадлежали самому Сатане.

— Бросьте шпагу, сэр, и я перевяжу ваши раны.

— А пошел ты к черту!

— Отлично, сэр. Но я желаю вам скорейшего выздоровления.

— Пошли же, Сирано! — крикнул Габель.

И тут Сирано впервые услышал стрельбу. Она доносилась справа — это значило, что противнику удалось занять позиции ближе к вертолету.

— В вертушку несколько раз влепили,— продолжал Габель,— а нам придется бежать до нее под их огнем.

— Ладно, Ричард,— ответил Сирано. Он показал пальцем на «уоки-токи», висевший на поясе Стуртеванта.— Дружище, а почему бы вам не предложить Бойнтону перелететь на эту сторону палубы? Тогда мы попадем в кабину, не подвергаясь столь серьезной опасности.

— Ух ты! Мог бы и сам до этого додуматься!

Габель куском одежды, сорванным с одного из мертвецов, обмотал рану на руке француза. Кожа смуглого бойца приобрела серый оттенок, а огонь в его глазах еле тлел. Когда вертолет сел возле них, Сирано сделал шаг вперед и ударом своей рапиры выбил клинок из руки противника. Тот не промолвил ни слова; не стал он сопротивляться и тогда, когда Сирано перевязал тряпкой рану на его бедре.

— Ваши друзья окажут вам лучшую помощь, когда доберутся сюда,— сказал Сирано.

Он помчался к машине и вскарабкался в нее. Бойнтон тут же взлетел, не ожидая, пока закроется дверца, и послал вертолет под углом вверх и к Реке. Иоанн, все еще совершенно голый, согнулся на сиденье во втором ряду. Сирано, поглядев на него, распорядился:

— Дайте ему одежонку. А потом свяжите ему руки.

Он поглядел вниз. На взлетной палубе было человек двадцать. И откуда их столько взялось? Все палили в воздух, их пистолеты извергали огонь, будто выпускали вверх стаи сошедших с ума от любви огнемошек. Поразить свою цель у них не было ни малейшего шанса. Знали ли они, что их капитан находится на борту вертолета и что они могут попасть в него? Вероятней всего — нет.

Что-то шваркнуло его по затылку. И Сирано поплыл в какой-то густо-серой жиже, в то время как далеко-далеко от него слышались смутные голоса, произносящие странные полупонятные слова. Безобразная образина его школьного учителя — деревенского кюре — склонялась над ним. Эта подлая скотина нередко избивала своего ученика, лупя палкой по чему попало, в том числе и по голове. В двенадцать лет Сирано, пришедший в отчаяние и обезумевший от гнева, набросился на своего учителя, сбил его с ног, бил сапогами и отлупил его же собственной тростью.

Теперь это обезьянье лицо, все более разрастаясь в размерах, пронеслось сквозь его сознание, и Сирано начал обретать потерянные было чувства.

— Я не верю собственным глазам! Он сбежал! — кричал Бойнтон.

— Он саданул меня локтем под дых и ударил Сирано по башке! — вторил ему Габель.

Вертушка накренилась так, что Сирано мог видеть сквозь до сих пор не закрытую дверцу. Прожекторный луч корабля высветил летящее вниз обнаженное тело короля. Его руки бешено работали, пытаясь придать телу в воздухе вертикальное положение. Потом Иоанн исчез во тьме.

— Все равно ему не спастись,— сказал Бойнтон.— Падать-то пришлось с тридцати одного метра!

Вернуться обратно, чтоб убедиться в верности предположения Бойнтона, они не могли. И не только потому, что по вертолету все еще велась пальба из пистолетов. Кто-то на палубе уже мчался к ракетной батарее. И хотя не было никаких шансов, что пистолетная пуля долетит до вертушки, самонаводящаяся на выхлопы мотора ракета — штука, которую обмануть невозможно. Бойнтону оставалось лишь увести от них машину подальше.

Однако Бойнтон был не тем человеком, которого можно легко напугать. И к тому же он впал в бешенство из-за бегства своего пленника.

Сейчас он повел вертушку не прочь от корабля, а к нему. Вот он уже в точке, находящейся примерно в девяноста метрах от ракетной батареи. И четыре ракеты, которые несла его собственная машина, рванулись вниз, плюясь пламенем из своих сопел.

Батарея превратилась в огромный пылающий шар, в дымное облако, взметнувшееся к небу; по палубе покатились искалеченные тела и осколки металла.

— Надеюсь, это их успокоит,— сказал Бойнтон.

— А может, польем их? — спросил Стуртевант.

— Как это? — не понял Сирано.— Ах, обработаем пулеметами? Нет, давайте уходить на максимальной скорости. Ежели там кто-то выжил, он может добраться до второй ракетной батареи, и тогда нам будет хана. Мы провалили задание и потеряли слишком много храбрецов, чтоб рисковать жизнями других.

— Не вижу, как это мы провалили что-то! — воскликнул Бойнтон.— Мы действительно не привезем с собой Иоанна, но он

помер! И пройдет много-много времени, пока его корабль снова сможет выйти в плавание.

— Так ты думаешь, Иоанн помер? — с сомнением спросил Сирано.— Хотелось бы мне думать так же. Я-то назову его мертвецом только тогда, когда лично увижу его труп.

Глава 67

Продолжая стенать от бесчисленных ушибов, экипаж «Жюля Верна» принялся осматривать друг друга на предмет уяснения масштабов бедствия. У троих ребра болели так сильно, что вполне можно было предположить, что они дали трещину или даже были сломаны. Фрайгейт считал, что у него порваны или серьезно растянуты шейные мышцы; Текс и Фриско разбили в кровь носы, а у последнего еще сильно болело ушибленное колено. У Погааса на лбу сорвана кожа и из ссадины сочится кровь. И только Нур нисколько не пострадал.

Так что насчет себя им особо тревожиться не приходилось. Шар поднимался вверх, но его уносило от гор. Штормовые тучи исчезли так же быстро, как исчезают воры, услыхав полицейскую сирену. К счастью, осветительная система работала. Фриско вполне мог разобрать показания приборов. Нур взял электрический фонарик, и они с Фриско принялись с помощью клейкой жидкостной пленки проверять места сочленений трубок. Нур, осмотрев их через увеличительное стекло, пришел к выводу, что воздушных пузырьков нигде не видно. Видимо, утечки водорода все же не произошло.

Нур открыл верхний люк гондолы, и они с Погаасом взобрались на грузовое кольцо. Пока свази светил фонариком, Нур, подобно обезьяне, стал карабкаться по веревкам сетки. Ему не удалось добраться до горловины шара, чтоб промазать ее герметизирующим материалом, но он объявил, что оболочка, по-видимому, никак не пострадала и трубы держатся прочно.

Фриско выслушал этот отчет весьма скептически.

— Ага, это они кажутся о'кей. Но сказать это наверняка можно, только спустившись вниз и выпустив газ из оболочки.

— Поскольку у нас сохранилась положительная плавучесть, нам следует остаться на плаву. Я не думаю, что следует приземляться, пока мы не достигнем зоны северных ветров,— отозвался Фрайгейт.— А это может случиться даже завтра, если мы верно

оцениваем общую дальность своего полета. Если мы спустимся, мы можем потерять свой шар. Кроме того, откуда нам знать, как к нам отнесутся туземцы? В первые годы истории воздухоплавания на Земле много шаров было уничтожено невежественными и суеверными крестьянами в тех случаях, когда аэронавты садились в сельских местностях. Крестьяне считали шары порождением дьявола или колесницами злых колдунов. Мы вполне можем нарваться на таких же.

Кроме того, сказал Фрайгейт, его сильно тревожит отсутствие у них балласта. Конечно, если придется, то всегда можно отвинтить от палубы химический туалет и выбросить его за борт. Но следует учитывать, что может сложиться и такая ситуация, что у них на это просто не будет времени.

«Жюль Верн» летел над долиной, ветер нес его на северо-восток. Спустя час сила ветра уменьшилась, но аэростат все еще летел в нужном направлении; однако шар постепенно спускался все ниже.

Фрайгейт заступил на вахту при высоте 4877 метров, или чуть больше 16 000 футов. Чтобы прекратить снижение, он мелкими порциями подал в оболочку немного водорода, а когда шар все же опять пошел вниз, включил горелку. С этой минуты ему пришлось непрерывно стараться удерживать аэростат на высоте 2000 метров, теряя при этом как можно меньше газа и как можно реже прибегая к помощи горелки.

Шея и плечи Фрайгейта по-прежнему сильно болели. А поэтому он очень обрадовался, когда его сменили и он смог зарыться в ворох тряпья и вытянуться. Сейчас ему не помешал бы добрый глоток самогона, который заодно снял бы и часть боли.

До сих пор их странствие было преимущественно тяжелой работой, которую к тому же приходилось проделывать в условиях постоянной спешки, опасности, вызывающей желудочные спазмы, и... скуки. Он будет счастлив, когда они окончательно приземлятся. И тогда события ушедшего в прошлое полета начнут покрываться патиной времени, придающей всему слегка юмористический оттенок. А пройдет еще немного времени — и память о полете воссияет золотом и он предстанет удивительным и прекрасным. Рассказы экипажа о нем будут приобретать эпические масштабы, а перенесенные испытания станут выглядеть куда более кошмарными, нежели были на самом деле.

Воображение — вот лучший лакировщик прошлого!

Стоя у вернилки при свете звезд и приборных лампочек, пока вся остальная компания спала, Фрайгейт чувствовал себя ужасно одиноким. Одиночество лишь отчасти умерялось гордостью. «Жюль Верн» побил все рекорды беспосадочных полетов воздушных шаров. Со времени старта он проплыл приблизительно 3000 миль, или 4824 километра. И мог бы лететь еще и еще — если все пойдет хорошо,— прежде чем будет вынужден сесть.

И все это достигнуто пятью обыкновенными дилетантами. За исключением его самого, никто из них даже близко не подходил к воздушным шарам. Но и его собственные сорок часов полета на аэростате с теплым воздухом и тридцать — на газовых отнюдь не делали его ветераном аэронавтики. В этом полете он пробыл куда дольше, чем те часы, которыми исчислялось время, проведенное им в воздухе на Земле.

Экипаж совершил полет, который вошел бы в историю, будь он совершен на их родной планете. Их лица не сходили бы с экранов телевизоров по всему миру. В их честь устраивались бы празднества и банкеты, о них писались бы книги, а гонорары осыпали бы их золотым дождем.

А здесь об их подвиге узнают лишь несколько человек. Да и из этого ничтожного числа многие не поверят услышанному. И вообще никто и ничего не узнает, если полет закончится гибелью экипажа.

Фрайгейт выглянул из иллюминатора. Мир был полон света созвездий и почти непроницаемо черных теней; долина внизу извивалась змеей... нет, скорее целой армией змей, тщательно соблюдающей порядок движения. Молчали звезды, хранила безмолвие долина. Мир безмолвствовал, как уста мертвеца.

Фрайгейт мрачно усмехнулся.

Ветерок слабый — будто бабочка шевелит крылышками. Невольно на память приходят летние дни на Земле в пору его детства и юности... ковер цветов на заднем дворе... подсолнечники, ах, эти высокие золотые подсолнечники... и трели птичьего многоголосия, и умилительные запахи маминой стряпни, медленно плывущие по воздуху прямо к его носу,— запахи ростбифа и вишневых пирогов; звуки пианино, на котором играет отец.

Он вспомнил и одну из любимейших песенок отца, да пожалуй, и его самого... Он частенько напевал ее тихо-тихо, отстаивая вахты на палубе шхуны. И когда пел, то умственным взором видел маленький-маленький огонек где-то впереди, огонек, сверкающий, как путеводная звездочка, казалось, бегущая перед ним, уводящая его к еще не названной, но тем не менее желанной цели.

Сияй, сияй, мой светлячок,
Гори, гори, мой светлячок,
Веди меня в тот дивный край,
Где мир душе, где сердцу рай.
Сияй, сияй, мой светлячок,
Гори, гори, мой светлячок,
Веди туда, где у окна
Моя любовь грустит одна.

Внезапно он разрыдался. Слезы бежали в поминовение тех добрых дел, которые были или могли бы быть, а также тех плохих, которые были, но не должны были случиться.

Смахивая слезы, Фрайгейт еще раз проверил показания приборов, а потом разбудил маленького мавра, которому предстояло выйти на вахту. А еще потом Фрайгейт долго лежал без сна под кучей тряпья. Сон гнали прочь боли в спине и шее. После бесплодных попыток впасть в блаженное забытье Фрайгейт встал, чтоб поболтать с Нуром. Они продолжили тот бесконечный разговор, который вели то ночью, то днем вот уже многие годы.

Глава 68

— В некоторых отношениях,— сказал Нур,— Церковь Второго Шанса и учение суфиев сходятся. Шансеры, однако, используют другие технические термины, что может дать тебе основание думать, будто речь идет о совершенно различных вещах.

Конечная цель у шансеров и суфиев одинакова. Если отвлечься от различий в терминологии, оба учения гласят, что личность индивидуума в будущем сольется с личностной Универсальностью. То есть с Аллахом, с Богом, с Творцом, с Реальностью — можешь именовать ее как угодно.

— И это означает, что индивидуальная сущность аннигилируется?

— Нет, она сливается. Аннигиляция — разрушение. В слиянии индивидуальная душа, или «ка», или «брахман», становится частью Вселенского «Я».

— А это значит, что индивидуум теряет свое самосознание, свою индивидуальность. Он что же — больше себя не ощущает?

— Да, но он становится частицей Великого «Я»! Что такое потеря самосознания у индивидуального существа в сравнении с обретением самосознания Бога?

— Это наполняет меня ужасом. С тем же успехом можно просто помереть. Раз ты уж больше не осознаешь себя как индивидуальность, значит, ты *умер.* Нет, не понимаю, почему буддисты, шансеры, индуисты, суфии считают такое положение вожделенным. Без самосознания индивидуальность воистину мертва.

— Если бы ты испытал тот экстаз, который суфии испытывают на одной из стадий своего духовного развития — стадии *отключения,*— ты бы понял. Разве может человек, слепой от рождения, преисполниться экстазом, который испытывают зрячие, глядя на великолепный закат?

— Вот в том-то и дело,— отозвался Фрайгейт,— что у меня были подобные мистические состояния. Даже трижды.

Одно из них имело место, когда мне было двадцать шесть лет. Я тогда работал на металлургическом заводе. В томильном колодце, где краны поднимают огромные отливки из изложниц, куда льется жидкий металл из открытых плавильных печей. После очистки остывающие отливки опускаются в нагретые газом томильные колодцы, где их снова нагревают докрасна. Отсюда они идут на прокатные станы.

Так вот, когда я работал в колодцах, мне привиделось, будто отливки — это души. Погибшие души в пламени чистилища. Их отправляют туда, где под страшным давлением им придается форма, приемлемая для Небес. Точно так же гигантские прокатные станы обминают отливки, придавая им различные формы, оставляя на концах болванок плохо очищенные места, которые и отсекаются напрочь, так и души формируются и очищаются.

Однако все это к теме нашего разговора имеет весьма отдаленное отношение. Или все-таки имеет?

Так или иначе, но однажды я стоял возле огромных ворот томильного цеха, стоял просто так, чтоб немного перевести дух. Глаза мои глядели туда, где напротив помещались томильные печи. Не помню, о чем я думал тогда. Возможно, о том, как я устал от работы в этой ужасающей жаре, от тяжкого труда за ничтожную заработную плату. Весьма вероятно, что меня волновал вопрос, стану ли я известным писателем.

Все мои рассказы возвращались ко мне, хотя от редакторов я время от времени получал одобрительные и даже ободряющие отзывы. Уитт Барнет — соредактор очень престижного, но известного своими скудными гонорарами журнальчика «Истории» — дважды чуть было не купил мои опусы, но так как его жена была против, он перекинул их мне обратно.

Так вот, я стоял, глядя на отвратительное безобразие заводской площадки, вовсе не располагающее к приятным мыслям и мистическим озарениям. Я был в дурном настроении, в очень дурном. А железнодорожные пути, серая металлическая пыль, покрывающая и грязь под ногами, и каждый предмет во дворе, огромное безобразное здание, где стояли плавильные печи, дым, который ветер гонял по всему пространству площадки, кислый запах этого дыма — все это весьма содействовало углублению ощущения безнадежности.

А затем все изменилось внезапно и необъяснимо. Изменилось в одно мгновение. Я не хочу сказать, что безобразие окружающего мира исчезло, уступив место красоте. Картина была столь же серая и мерзкая, как и раньше.

Но я как-то вдруг ощутил, что Вселенная устроена *правильно.* И что все будет *хорошо.* В перспективе произошел какой-то незначительный сдвиг. Ну, я бы сказал вот так: мне показалось, что Вселенная состоит из бесконечного числа хрустальных кирпичиков. Они были почти невидимы, но все же не совсем. Я увидел их грани, хотя как-то призрачно.

Эти кирпичики были уложены так, что образованная ими поверхность не была абсолютно ровной. Как будто их укладывал не Бог, а пьяный каменщик. Однако сейчас, при том крошечном сдвиге перспективы, я обнаружил, что кирпичики двигаются, что они сами выравнивают поверхность стены. Порядок был восстановлен. Дивный порядок и дивная красота. Космическое здание больше не было плохо спроектированным строением, которое годилось лишь на то, чтоб местные инспектора по планировке территории обрекли его на снос.

Я почувствовал экзальтацию. На какое-то мгновение мне приоткрылся вид на базовую структуру мироздания. Без известки, назначение которой — выравнивать и скрывать неровности, чтоб стена *казалась* гладкой и ровной.

Я знал, *знал,* что Вселенная устроена справедливо. То есть что мое место в ней правильно и что я тоже правильный. Я *гожусь.* Знал, что хотя я и живое существо, но тем не менее я положен в то место, которое мне подходит и для меня предназначено.

Более того, я внезапно понял, что я всегда *годился.* Просто до этого момента я думал, что мне нет места, что я по каким-то

параметрам слишком отличаюсь от остальных кирпичиков. Но этого быть не могло. Все кусочки мозаики, все кирпичики, они все не выровнены, но все годятся.

Вот в чем была моя ошибка! Нет, каждый занимал свое место. Это просто мое видение, мое понимание вещей были неверны. Если угодно, можно назвать это аберрацией.

— И сколько же продолжалось это состояние? — спросил Нур.

— Несколько секунд. Но потом я долго чувствовал себя отлично, чувствовал себя счастливым. На следующий день я снова вспомнил об этом... откровении... но его благодетельный эффект уже прошел. А Вселенная опять стала структурой, построенной неким постоянно пьяным каменщиком. А может, хитрым и подлым подрядчиком.

И все же были моменты...

— А другие откровения?

— Ну, второе можно не считать. Оно было результатом марихуаны и зависело не от меня. Видишь ли, за всю свою жизнь я выкурил с полдюжины сигарет с травкой. Это случилось на протяжении тысяча девятьсот пятьдесят пятого года, еще до того как молодежь всерьез принялась за наркотики. В те времена марихуану и гашиш курили преимущественно в богемных группах в больших городах. И черные и мексиканцы в их гетто.

Как ни странно, этот случай произошел в Пеории, в Иллинойсе. Мы с женой познакомились с супружеской парой из Нью-Йорка. Этакие типичные обитатели Гринвич-Виллидж... Я тебе потом объясню, что это значит... И они уговорили нас попробовать марихуану. Я себя почувствовал как-то дискомфортно, мне было жутко неприятно, что в моем доме хранится такая дрянь. Мне мерещилось, как к нам врываются агенты, как они арестовывают нас, кидают в каталажку, мерещился суд и заключение в исправительную тюрьму, позор. А что будет с нашими детьми?

Но алкоголь рассеял мои сомнения, и я, наряду с прочими развлечениями, выкурил сигарету с травкой — «косячок», как они это называли.

Только мне никак не удавалось втянуть дым в легкие и задержать его там. Я ведь и табака не курил, несмотря на свои тридцать девять лет. Наконец мне это удалось, но ничего особенного не произошло.

Позднее, в тот же вечер, я взял то, что осталось от выкуренной сигареты, и прикончил «косячок». И вдруг явственно ощу-

тил, что вся Вселенная состоит из кристаллов, находящихся в растворе.

И в этот раз я тоже почувствовал слабый сдвиг перспективы. Кристаллы в перенасыщенном растворе начали выпадать в осадок. И это происходило в дивном порядке, ряд за рядом, будто взводы ангелов, марширующие на параде.

Но на этот раз то чувство, которое сопровождало первое видение насчет того, что Вселенная устроена разумно и у меня в ней есть свое место, начисто отсутствовало.

— А в третий раз? — спросил Нур.

— Мне тогда было пятьдесят семь, и я был единственным пассажиром в гондоле воздушного шара, наполненного теплым воздухом; шар летел над кукурузными полями Эврики, что в штате Иллинойс. Пилот только что выключил горелку, и поэтому шум исчез, если не считать шума от крыльев стаи фазанов, вспугнутых с полей ревом горелки.

Солнце садилось. Яркий летний дневной свет уступил место серым сумеркам. Я плыл, будто на волшебном ковре-самолете в легком ветерке, который никак не ощущался. В открытой гондоле, как ты знаешь, даже в сильный ветер можно зажечь свечку, и ее пламя будет гореть так же спокойно, как в комнате с наглухо закрытыми окнами.

И внезапно, без всякого предупреждения, пришло ощущение, будто солнце вылезло обратно из-за горизонта. Все вокруг меня купалось в слепящем свете, и, чтоб видеть в нем яснее, мне следовало бы прищурить глаза.

Впрочем, я этого делать не стал. Свет исходил от меня самого. Это я был пламенем, это я отдавал Вселенной свет и тепло своего тела.

Через секунду, а может, и меньше свет исчез. Он не ослабевал постепенно. Он просто исчез. Но еще какое-то время держалось ощущение, что мир справедлив и что бы там ни случилось со мной, или с кем-нибудь другим, или со всей Вселенной, все это прекрасно... Это ощущение тоже, должно быть, длилось около секунды.

Пилот ничего такого не заметил. Явно я ничем внешне не проявил своих чувств. Вот это и был тот последний раз, когда я испытал нечто совершенно необыкновенное.

— Видимо, все же эти состояния духа не оказали большого влияния ни на твое поведение, ни на твои взгляды? — спросил Нур.

— Иначе говоря, не стал ли я после них лучше? Нет, не стал.

— Состояния, которые ты описал,— продолжал Нур,— мы называем таджали. Но твои таджали — подделка. Если бы они дали устойчивый результат, путем саморазвития личности в правильном направлении, то это были бы настоящие таджали. Есть несколько видов ложных или бесполезных таджали. Ты встретился с одним из них.

— Значит ли это,— спросил Фрайгейт,— что я не способен к восприятию истинной формы?

— Нет. Во всяком случае, ты оказался способным воспринять хоть какую-то форму этого явления.

Помолчали. Фриско, лежавший под кучей одеял, что-то бормотал во сне.

Внезапно Фрайгейт спросил:

— Нур, уже довольно давно я думаю о том, возьмешь ли ты меня в ученики.

— И почему же ты меня не спрашиваешь об этом?

— Боялся, что ты откажешь.

Снова помолчали. Нур проверил показания альтиметра и на минуту включил вернилку. Погаас стряхнул с себя одеяло и встал. Зажег сигарету, и мигающий свет зажигалки вызвал странную игру света и тени на его лице. Оно было похоже на голову священного ястреба, высеченного из черного диорита древними египтянами.

— И что же? — спросил Фрайгейт.

— Ты всегда думал о себе как об искателе истины, не так ли? — задал вопрос Нур.

— Ну, не очень-то упорном. Меня бросало из стороны в сторону, носило как воздушный шар по воле ветра. Большую часть жизни я воспринимал ее такой, какой она была или хотя бы казалась. Иногда я предпринимал сознательные усилия, чтобы изучить или даже действовать согласно той или иной философии, учению или религии. Но мой энтузиазм вскоре угасал, и я просто-напросто забывал о них. Ну, не совсем, но все-таки... Иногда он снова как бы вспыхивал во мне, и я снова направлял шаги к заветной цели. В большинстве же случаев я, как бы сказать, плавал, гонимый ветрами лени и безразличия.

— Но ты был независим?

— Я старался быть интеллектуально непредубежденным, даже когда мои эмоции толкали меня куда-то.

— Чтоб достигнуть истинной непредубежденности, тебе следует освободиться и от эмоций, и от интеллекта. Совершенно очевидно, что, хотя ты и гордишься отсутствием предубежденности, ты все же обладаешь ею в полной мере. Если б я взял тебя в ученики, тебе бы пришлось полностью отдаться под мой контроль. Совершенно безотносительно к тому, чего я потребую. Причем ты должен будешь повиноваться мгновенно. Беззаветно.— Нур промолчал.— Если б я приказал тебе выпрыгнуть из гондолы, ты бы это сделал?

— Черт побери! Нет, конечно!

— Ну и я тоже. Но что, если я потребую от тебя чего-то такого, что является интеллектуальным или эмоциональным эквивалентом самоубийства, ты бы это сделал?

— Не знаю. Будет видно, когда ты попросишь меня об этом.

— А я не попрошу до тех пор, пока не буду знать, что ты готов. Если, конечно, ты когда-нибудь вообще будешь готов.

Погаас смотрел в иллюминатор:

— Там виден огонь. И он движется.

Фрайгейт и эль-Музафир бросились к нему. Текс и Фриско, разбуженные их взволнованными голосами, вскочили и сонными глазами впились в ночную тьму сквозь другой иллюминатор.

Длинный предмет, летящий почти на той же высоте, что и их шар, четко обрисовывался на фоне яркого звездного скопления.

— Это дирижабль! — воскликнул Фрайгейт.

Из всего, что они до сих пор видели в мире Реки, это зрелище было самым странным и самым неожиданным.

— В его носовой части горят огни,— заметил Райдер.

— А ведь он не из Новой Богемии,— вставил Фрайгейт.

— Значит, есть здесь и еще места, где имеются залежи металлов,— сказал Нур.

— Если только он не принадлежит тем,— напомнил Фаррингтон.— Это ведь может быть вовсе не дирижабль, а нечто совсем другое, но имеющее его форму.

Один из огней в носовой части воздушного корабля замигал. Поглядев на него с минуту, Фрайгейт удивленно воскликнул:

— Это азбука Морзе!

— И что он говорит? — спросил Райдер.

— Я не знаю азбуки Морзе.

— Тогда откуда ты знаешь, что это она?

— Разница в продолжительности пульсаций. Долгие и короткие.

Нур отошел от иллюминатора и вернулся к вернилке. Он выключил ее, и теперь были слышны лишь звуки взволнованного дыхания экипажа. Они видели, как огромное страшное тело повернулось и двинулось прямо к ним. Свет продолжал мигать. Нур включил горелку на двадцать секунд. Погасил ее и тут же подбежал к иллюминатору, резко бросив:

— Только не вздумайте подать им сигнал!

Все обернулись на его голос и с удивлением поглядели на Нура. Тот шагнул вперед и выключил вентилятор, втягивающий углекислоту.

— Зачем ты это сделал? — спросил Фриско.

Нур скользнул к вернилке, шепнув:

— Мне показалось, что я слышу шипение! — Он поглядел на Погааса.— Сейчас же брось сигарету!

Нур нагнулся и приложил ухо к месту соединения трубки и платинового конуса.

Погаас уронил сигарету и поднял ногу, чтоб придавить окурок подошвой.

Глава 69

Галбирре содержание рапорта Сирано о результатах рейда стало известно еще до того, как вертолет вернулся в ангар. Она скорбела о потерях и была в бешенстве оттого, что рейд был ей навязан чуть ли не силой. В значительной степени ее негодование относилось к ней самой — почему она оказалась столь уступчивой в споре с Сэмом Клеменсом?

И все же... что она могла поделать? Лазер был единственным средством, которое могло дать им возможность войти в Башню. А Клеменс ни за что не дал бы ей его, если б она не согласилась на рейд.

После того как вертушка села, Галбирра приказала вывести дирижабль из долины. Он развернулся носом на юго-запад — в ту сторону, где сейчас находился «Марк Твен». Сирано отправился в больничку, где ему перевязали раны, а затем явился в рулевую рубку. Джилл выслушала более подробный отчет, после чего связалась с судном.

Клеменс отнюдь не испытывал той радости, встретить которую ожидала Джилл.

— Значит, вы думаете, что прохвост Джон все же умер? Но стопроцентной уверенности у вас в этом нет?

— Да, боюсь, что так. Но мы выполнили все, о чем вы просили, а поэтому надеемся, что вы отдадите нам БЛ.

БЛ было кодовое название лазера.

— Можете забирать свой БЛ. Вертушка заберет его со взлетной палубы.

— Напротив нас НЛО, сэр. Приблизительно на той же высоте,— сказал офицер, сидевший за пультом радара.

Должно быть, Клеменс услыхал радарщика, так как тут же спросил:

— Что это за штука такая — НЛО?

Джилл даже не ответила ему. На мгновение ей показалось, что на экране два изображения. Но она тут же поняла, в чем тут дело.

— Это воздушный шар!

— Воздушный шар? — воскликнул Никитин.— А это не они?

— Вполне возможно, что это еще одна экспедиция к Башне,— тихо сказал Сирано.— Какие-нибудь неизвестные нам союзники.

Джилл приказала направить в сторону шара прожектор и использовать его для передачи азбукой Морзе фразы: «Это дирижабль "Парсеваль". Это дирижабль "Парсеваль". Кто вы такие? Кто вы такие?»

Она велела и радисту передавать ту же фразу. Однако ответа не было ни по радио, ни светом. Джилл обратилась к Никитину:

— Идите прямо к шару. Попробуем рассмотреть их поближе.

— Есть, капитан.

Во взгляде русского вдруг возникла какая-то напряженность, и он указал на мигающий красный огонек на приборной доске консоли.

— Ангарный люк! Он открывается!

Первый офицер бросился к интеркому.

— Ангар! Ангар! Говорит Коппенейм! Почему открыли люк?

Ответа не было.

Джилл нажала клавишу общей тревоги. По всему кораблю завыли сирены.

— Говорит капитан. Говорит капитан. Вызываю главный кубрик. Вызываю главный кубрик.

Ответил голос Катамуры — офицера-электронщика:

— Да, капитан. Слушаю вас.

— Немедленно пошлите людей в ангар. Я думаю, бежал офицер Торн.

— Ты и в самом деле думаешь, что это Торн? — спросил Сирано.

— Не знаю, но похоже на то. Разве что... кто-то другой...

Джилл позвонила в больничку. Молчание.

— Это Торн! Будь он проклят! И почему только я не установила переключатель контроля над ангарным люком!

Она тут же послала две группы в ангар и одну в больничку.

— Но, Джилл,— убеждал ее Сирано,— как он мог бежать? Он же еще не оправился от ран, его караулят четыре человека, он прикован к постели, а те, что сидят с ним, не имеют ключей к его оковам.

— Он не обыкновенный человек! Мне следовало сковать ему и руки! Но тогда мне это казалось неоправданной жестокостью.

— Но возможно, вертолет еще не успели заправить?

— Если это так, значит, Сентеш непростительно манкирует своими обязанностями. А такого попросту быть не может.

— Люк раскрылся уже наполовину,— сказал Никитин.

По интеркому донесся голос Грейвза:

— Джилл! Торн...

— Как он выбрался? — рявкнула Джилл.

— Детали мне неизвестны. Я сидел в своем кабинете, проверяя качество медицинского спирта. Внезапно раздался дикий гвалт. Крики, удары чем-то по чему-то... Я вскочил, но Торн уже был в дверях. С его колена свисал обрывок цепи от наручников; он тащился за Торном по полу. Должно быть, тот порвал звенья голыми руками.

Он ринулся на меня. Отшвырнул в сторону с такой яростью, что я ударился о стену. С минуту я был оглушен, не мог даже встать. Он вырвал из переборки аппарат интеркома прямо руками! Голыми руками! Я попытался встать, но не мог. Он связал мне руки за спиной и притянул к ним связанные с помощью ремней, снятых с часовых, ноги. Он мог бы и убить меня, запросто переломив мне шейные позвонки. Говорю тебе, у меня до сих пор на теле живого места нет! Но он оставил меня в живых, за что я ему весьма признателен.

Потом мне удалось развязаться, и я заковылял в палату. Все четверо часовых валялись на полу. Двое из них еще живы, но сильно покалечены. Все аппараты интеркома разбиты. Дверь за-

перта, пистолеты и ножи часовых, стоявших снаружи, исчезли. Я бы и сейчас еще торчал там, кабы не был так ловок по части открывания замков, а сам замок не был бы так прост. Потом я помчался к ближайшему телефону...

— Сколько времени прошло с тех пор, как он вырвался?

— Минут двадцать пять.

— Двадцать пять?!

Джилл была в полном недоумении. Что же делал Торн все это время?

— Займитесь этими людьми,— сказала она и отключилась.

— Значит, у него все же где-то спрятан передатчик,— сказала Джилл Сирано.

— Откуда вы это взяли?

— Я не уверена. Но на что же он потратил такую уйму времени? Никитин! Опускайте дирижабль до уровня земли! И как можно быстрее!

Снова по интеркому зазвучал голос Катамуры:

— Капитан, вертушка исчезла!

Сирано ругнулся по-французски.

Никитин включил сеть общего оповещения и объявил команде, что корабль производит опасный маневр. Всему экипажу принять меры личной безопасности.

— Наклон сорок пять градусов, Никитин! — крикнула Джилл.— Полная скорость!

Оператор радара сообщил, что вертолет виден на радаре. Он идет на юг на максимальной скорости под углом сорок пять градусов к горизонту.

К этому времени палуба рулевой рубки уже сильно наклонилась. Все поспешили пристегнуться к креслам, которые были привинчены к полу. Джилл села рядом с Никитиным. Ей очень хотелось пересесть в кресло пилота, но даже сейчас протокол воспрещал подобные действия. Впрочем, то, что сейчас управляла кораблем не она, особого значения не имело. Бешеный русский приведет его к земле так же быстро, как привела бы она сама. Ее работа — смотреть, чтоб он не перехватил через край.

— Если у Торна есть передатчик,— сказал Сирано,— он уже мог бы пустить его в ход. И мы не успели бы выполнить свой маневр.

Хотя Сирано побледнел, а зрачки его расширились, но он деланно улыбался ей весело.

Джилл перевела взгляд с Сирано на приборную консоль. Корабль летел над долиной, так что проблема преодоления горных вершин отсутствовала. Долина казалась очень узкой, но сейчас она расширялась прямо на глазах. Внизу виднелись огоньки — костры возле питающих камней, вокруг которых сидели либо часовые, либо ночные гуляки. Дождевые облака быстро рассеивались, как это всегда бывало после ночных бурь. Обильно усыпанное звездами небо роняло бледный свет на долину, замкнутую двумя горными кряжами. Есть ли там внизу кто-нибудь, кто смотрит на них в эту минуту? А если есть, то, должно быть, он дивится тому, что эта гигантская штуковина несется к земле с такой скоростью.

И все же эта скорость куда ниже той, которая нужна сейчас.

Сирано прав. Если Торн собирается взорвать бомбу, он сделает это сейчас. Если только... если только он не захочет подождать, чтоб корабль сначала приземлился. Пощадил же он, в конце концов, Грейвза; мог убить, но не убил двух часовых...

Не отрывая глаз от экрана радара, Джилл вызвала ангар. Ответил Сентеш.

— Мы все находились у себя,— начал он.— Ведь у люка не было даже часового.

— Знаю,— отозвалась она.— Вы только скажите мне... и побыстрее... как это было?

— Торн заглянул в дверь. Направил на нас пистолет. Затем сорвал с переборки интерком и сказал, что сейчас он дверь закроет. Он еще сказал, что у него настроена бомба, которая взорвется тотчас, как только кто-нибудь дотронется до двери. И захлопнул ее. Мы не знали, верить ли ему, но проверять, не врет ли он, желающих не нашлось. Уж потом офицер Катамура открыл дверь. Бомбы не было. Торн соврал. Очень сожалею, капитан.

— Вы сделали все, что можно было сделать.

Джилл приказала радисту послать сообщение о том, что у них происходит, на «Марка Твена».

На высоте 915 метров, или 3000 футов, она приказала Никитину изменить положение пропеллеров с расчетом увеличить подъемную силу и одновременно поднять нос корабля примерно на три градуса. Инерция все равно будет вести их вниз, несмотря на тормозящий эффект винтов. Еще через минуту она распорядилась задрать нос еще на десять градусов. Это должно было содействовать более пологому спуску.

И что же делать дальше, когда корабль выровняется на высоте около 3000 футов? Если допустить, что он все же выровняется на этом уровне? Она и так подошла чуть ли не к пределу допустимого, но ведь она знала возможности «Парсеваля» не хуже, чем свои собственные.

Приземляться? Заякорить корабль невозможно, а выпустить водорода, когда команда покинет его, придется столько, что во второй раз машина в воздух уже не поднимется. Если этого не сделать, кто-то из экипажа вылезти не успеет и их унесет прочь.

А что, если у Торна все же нет передатчика, что, если бомбы не существует в природе? Тогда дирижабль будет потерян зря.

— Слишком быстро! Слишком быстро! — закричал Никитин.

Но в эту секунду Джилл уже наклонялась вперед, чтобы включить механизм сброса примерно тысячи литров воды. Она нажала кнопку, и корабль тут же прыгнул вверх.

— Извините, Никитин,— пробормотала она,— времени терять было нельзя.

Радар показывал, что вертолет парит к северу от них на высоте 300 метров. Что же Торн? Ждет, чтоб выяснить их план действий? Если да, то не взорвет ли он бомбу сразу после того, как они ударятся о землю и покинут корабль?

Что же ей делать? От необходимости совершить выбор Джилл заскрежетала зубами. Она даже подумать не могла, что такая красота будет утеряна или изуродована. Последний дирижабль в мире!

И все же... приоритет принадлежит безопасности команды.

— Высота сто пятьдесят два метра,— сказал Никитин.

Теперь винты были задраны вверх, они перемалывали воздух на предельной скорости. Горы громоздились с обеих сторон; справа Река поблескивала отражением звезд; под ними скользила плоская поверхность береговой равнины.

Прямо под ними лежали дома, хлипкие бамбуковые хижины, набитые крепко спящими человеческими телами. Если дирижабль упадет на равнину, будут сотни убитых. Если же он загорится, народу погибнет во много раз больше.

И Джилл приказала Никитину рулить к Реке.

А что ей еще оставалось делать?

Среди людей на берегу Реки, тех, кому надо было не спать по обязанности или кому спать просто не хотелось, несколько человек случайно подняли глаза к небу, испещренному черными и

беловатыми пятнами. И там они вдруг заметили два силуэта, причем один был гораздо крупнее другого. Тот, что был больше, имел вытянутую форму большой толстой сигары.

Оба двигались навстречу друг другу; у маленького слабый свет исходил из нижней сферы, а большой посылал вперед столбы очень яркого света. Один из лучей вдруг стал включаться и выключаться через неравные промежутки времени.

Внезапно более крупное небесное тело опустило один конец вниз и круто пошло в направлении долины. Приближаясь к земле, оно издавало странные звуки.

Многим наблюдателям формы обоих предметов не показались знакомыми. Они никогда не видели ни воздушных шаров, ни дирижаблей. Кое-кто жил во времени, когда аэростаты уже существовали, но видел их только на фотографиях и иллюстрациях в книгах. А были и такие, кто о дирижаблях и не слышал, а разглядывал лишь картинки, на которых изображалось то, что может появиться в отдаленном будущем.

Лишь очень не многие признали в большом, быстро падающем теле дирижабль.

Безотносительно к тому, узнали они или не узнали, что это за штуковина, множество народу помчалось будить своих подруг или поднимать тревогу.

Раздался рокот барабанов, послышались людские крики. Проснулись почти все, жилища опустели. Все смотрели вверх и гадали, что же там такое происходит.

Эти восклицания и крики слились в единый вопль ужаса, когда один из летящих объектов взорвался. Люди орали, а он несся вниз, объятый оранжевым пламенем, подобным оперению падшего ангела.

Глава 70

На Тай-пене были лишь юбочка из листьев железного дерева да гирлянда, сплетенная из цветов. Держа в левой руке чашу с вином, он прохаживался взад и вперед, импровизируя стихи с той легкостью, с какой вода стекает вниз по склону холма. Эта поэма должна была бы вызвать фурор, прозвучи она на придворном диалекте Танской династии*, но для некитайца она была бы подобна стуку игральных костей в стаканчике. Поэтому ему приходилось переводить ее на местный вариант эсперанто.

* Танская династия правила в Китае с 618-го по 907 г. н. э.

При переводе, конечно, терялась большая часть изысканности и изящества оригинала, но кое-что все же оставалось — достаточно, чтобы вызвать у слушателей смех и слезы.

Женщина Тай-пена — Вен-чун — чуть слышно наигрывала на бамбуковой флейте... И хотя обычно голос Тай-пена был громок, а иногда и визглив, но сейчас он тоже звучал приглушенно. Стихи на эсперанто были не менее мелодичны, чем пение флейты. Одежда Тай-пена была изготовлена специально для данного случая — полосатые листья зелено-красные, и цветы в сине-бело-красную полоску. Они чуть слышно шелестели, когда он метался по сцене, подобный большой, посаженной в клетку дикой кошке.

Для мужчины своей расы и своего времени (VIII столетие н. э.) он был высок, гибок, широкоплеч и обладал отлично развитой мускулатурой. Его длинные волосы сверкали под послеполуденным солнцем; они отсвечивали подобно темному нефритовому зеркалу. Глаза большие, светлые, зеленые, горящие — глаза голодного раненого тигра.

Хотя он и был потомком императора от наложницы, но отстоял от предка на целых десять поколений. Его собственной семьей были воры и убийцы. Кое-кто из его дедов и прадедов происходил из горских племен, а горцы народ дикий, они-то и наделили его этими яростными зелеными глазами.

И он, и его аудитория находились сейчас на высоком холме, с которого открывался вид и на равнину, и на Реку, и на земли, прилегающие к горам, и на сами горы. Слушатели, еще более пьяные, чем он, хотя ни один из них не мог выпить больше Тай-пена, расселись полумесяцем. Это позволяло ему входить в полукруг и выходить из него. Тай-пен не терпел никаких преград. В стенах он ощущал беспокойство; тюремные решетки его убивали.

Примерно половину аудитории составляли китайцы XVI века н. э., вторая половина была, так сказать, с бору по сосенке — оттуда и отсюда, из того времени и из этого.

Тай-пен перестал импровизировать и начал декламировать Чен Цюаня. Но сначала он объяснил слушателям, что Чен умер за несколько сот лет до его — Тай-пена — рождения. Чен был богат, но умер в тюрьме. Его туда засадил какой-то чиновник, чтобы лишить завещанного его родителем имущества.

Мужи, что делают дело, гордятся умением и знанием,
но что они знают о Дао?
Что знают о Дао люди, погрязшие в мелких заботах,
которым на ум не приходит
Подумать о том, что станет с их бренным и рыхлым телом
в уже недалеком завтра?
Им надо б идти учиться к Хранителю Темных Истин,
что видит весь мир в сосуде,
В сосуде из дивной яшмы. Он светлой душой
не связан ни с грубой землей,
Ни с небом, он жаждет одной свободы и гонит туда
без оглядки коня своего — Измененье.

Тай-пен остановился, чтоб осушить чашу и протянуть ее, дабы она наполнилась снова.

Один из слушателей — негр по имени Том Тёрпин — сказал:

— А вино кончилось. Как насчет сивухи?

— Нет больше напитка богов? Не желаю я вашего варварского пойла! Оно притупляет ум, тогда как вино оживляет его!

Он оглядел сидящих, ухмыльнулся подобно тигру в брачный сезон, схватил на руки Вен-чун и стремительно зашагал к своей хижине, продолжая сжимать женщину в объятиях.

— Где вино кончается, там начинается женщина!

Ярко окрашенные цветы и листья осыпались с одежды Тай-пена на землю, когда Вен-чун притворно отбивалась от него. А он казался каким-то мифологическим существом — полурастением-полуживотным, уносящим вдаль прекрасную женщину.

Все хохотали. Слушатели стали расходиться еще до того, как Тай-пен захлопнул дверь своей хижины. Один из них обошел холм, направляясь туда, где стояло его собственное жилье. Войдя, он закрыл дверь на засов и опустил шторы, сделанные из бамбука и рыбьей кожи. В сумеречном свете, падавшем из окна сквозь шторы, он уселся за стол. Открыл крышку своего грааля и некоторое время сидел молча, пристально глядя на серый цилиндр.

Мимо его хижины прошли двое — мужчина и женщина. Они громко обсуждали таинственное происшествие, имевшее место меньше месяца назад немного ниже по Реке. Огромное ревущее чудовище прилетело ночью из-за западных гор и упало в Реку. Туземцы — те, что похрабрее и поглупее,— сели в лодки и поплыли к нему. Но чудовище утонуло, прежде чем они успели приблизиться, и больше не всплыло.

Был ли это дракон? Кое-кто уверяет, что драконов вообще нет в природе. Все они, как правило, скептики из дегенеративных столетий — двадцатого и девятнадцатого. Всем, разве что кроме последних дураков, известно, что драконы существовали. Но, с другой стороны, это могла быть и летательная машина тех существ, которые сотворили этот мир.

Говорят, будто кто-то видел человеческую фигуру, уплывавшую от того места, где утонул дракон.

Человек в хижине улыбнулся.

Он думал о Тай-пене. Это не было его настоящим именем. Только сам Тай-пен да еще горсточка других людей знали настоящее. А сам псевдоним означал «Великий феникс», кстати, ключ к настоящему имени, поскольку в своей земной жизни Тай нередко бахвалился, что он именно таков и есть.

Человек в хижине произнес кодовое слово. И тут же внешняя поверхность грааля начала светиться. Но свет охватывал не всю поверхность: на сером металле проступили два больших круга — по одному с каждой стороны цилиндра. Внутри кругов, представлявших оба полушария планеты, были видны тысячи очень тонких ярко-голубых извивающихся линий. Они пересекали множество мелких пылающих кружочков. Все кружки внутри были пусты, кроме одного. В нем окружность охватывала пентаграмму — пятиконечную звезду.

Каждый кружок (кроме того, что со звездой) испускал из себя светящиеся точки и тире.

Дисплей был картой, но безмасштабной. Линии изображали долины, кружочки — мужчин и женщин. Пульсирующая цифра над каждым из них была кодом идентификации.

Клеменсу и Бёртону среди прочего было сказано Иксом, что тот выбрал в качестве помощников всего лишь двенадцать человек. Но на речных изгибах карты таких кружочков, не считая того, что со звездочкой, было двенадцать раз по двенадцать. Всего сто сорок четыре.

Кое-где пульсирующие кружочки сбивались в группы. Мужчина вздохнул и произнес другую кодовую фразу. Немедленно значки, испускавшие тире-тире-тире-точки, исчезли.

Еще одна кодовая фраза. У верхней кромки грааля появились два пылающих символа.

В живых остались лишь семьдесят первоначальных рекрутов. Меньше половины избранных.

А сколько их останется через сорок лет от сегодняшнего дня?

Правда, теперь появилось немало таких, кто не входил в число первоначальных рекрутов, но зато теперь знал о Башне. Кое-кто из последних был известен лично тому, кого Клеменс называл Таинственным Незнакомцем, или Иксом. Секрет уже перестал быть секретом, и некоторые из тех, кто узнал о нем из вторых рук, были движимы столь же великой страстью, что и рекруты.

При изменившейся ситуации неизбежно, что все новые и новые люди включатся в походы на север. И вполне возможно, что ни один из рекрутов до Башни не дойдет, тогда как кто-то из добровольцев — доберется.

Человек произнес еще одну кодовую фразу. Теперь возле кружочков возникли другие символы. Треугольнички, пентаграммы (не вписанные в окружность) и даже одна гексаграмма — шестиконечная звездочка. Треугольники, испускавшие из себя целые кодовые группы, были символами, обозначавшими этиков второго порядка — агентов.

Что касается гексаграммы, то это был символ Оператора.

В центре того полушария, которое было обращено к мужчине, появился световой квадрат. Затем дисплей вне квадрата потемнел. И сразу же квадрат разросся. Это было увеличенное изображение района, в котором находились три звездочки и несколько кружков.

Еще одна фраза вызвала появление над квадратом каких-то огненных значков. Итак, шестиконечная звезда находится в низовьях Реки во многих тысячах километров отсюда. Оператору не удалось попасть на борт «Рекса», но второе колесное судно должно было там обязательно появиться, хотя и много позднее.

В ближайшей долине к востоку находился Ричард Фрэнсис Бёртон. Так близко и одновременно так далеко! Только один день пути, если бы плоть могла проходить сквозь камень наподобие привидений!

Бёртон, без сомнения, находится на борту «Рекса грандиссимуса». Его кружок передвигается вдоль линии Реки слишком быстро, чтоб это могло быть парусное судно.

Оператор... Какие бы действия предпринял Оператор, попади он на «Марка Твена»? Приоткрыл бы он хоть часть правды Клеменсу? А может, даже всю? Или промолчал бы?

Нет, предсказать, что может случиться,— невозможно. Ситуация менялась слишком кардинально и слишком неожиданно.

Даже компьютер в Штабе и тот смог бы определить лишь малую часть вероятности.

Пока на борту «Рекса» есть только один агент. И еще по меньшей мере десяток их может быть подобран «Марком Твеном», хотя вряд ли можно рассчитывать, что в действительности туда попадет больше одного. Даже и это под вопросом.

А всего на линии между «Рексом» и Вироландо их около пятидесяти.

Из общей цифры — шестидесяти агентов — он мог идентифицировать около десяти. Это был верхний эшелон — главы секций.

Есть шанс, что он вообще не встретится ни с одним из этих шестидесяти.

Но... что случится, если он сам не попадет ни на одно из этих двух колесных судов?

От одной мысли о такой возможности ему стало дурно.

Ничего, как-нибудь. Он *должен* туда попасть!

А ведь если быть реалистом, то следует признать, что провал все еще возможен.

Было время, когда он был уверен, что может совершить все, что находится в пределах сил человеческих, и даже то, что находится за их пределами. Теперь же его вера в себя заметно пошатнулась.

Может, это потому, что он слишком долго прожил среди людей Реки?

Сколько странников, плывущих сейчас вверх по Реке, ведомы великой страстью? Теперь большая часть их уже наслышана об истории Джо Миллера, хотя эти слухи и дошли до них через сотые руки. И все они думают, что обнаружат тот канат, связанный из полотенец, по которому они взберутся по отвесному обрыву. Ожидают они найти и туннель, что поможет им обойти непроходимые горы. Ожидают натолкнуться на тропу, вырубленную в горах.

А ведь всего этого больше нет.

Нет и туннеля в конце тропы у самого подножия горы. Он расплавлен и превратился в текучую лаву.

Мужчина снова поглядел на звездочку, что не была обведена окружностью. Близко. Даже слишком близко. И в нынешней ситуации такая близость таит в себе величайшую опасность.

Но кто бы мог подумать, что ситуация сможет так измениться?

В хижину прорвался громкий голос Тай-пена. Он уже вышел из хижины, наверняка успев насладиться своей женщиной, и те-

перь орал на весь мир нечто невразумительное. Ну и орево же он поднял! Чистейшее воплощение энергии, да и только!

«Не смогу потрясти богов в небесах, то хоть шум подниму на брегах Ахерона!»

Тай-пен приближался, и с каждой секундой речь его становилась разборчивей.

— Я жру как тигр! Испражняюсь как слон! Я способен выпить сотню кубков вина за одно застолье! Я был трижды женат и познал тысячу женщин! Я сочиняю тысячами бессмертные поэмы, но швыряю их в канавы сразу же после завершения и любуюсь водой, ветром и духами, уносящими их вдаль в объятия разрушения!

Вода и цветы! Вода и цветы! Вот кого я воистину обожаю!

Перемены и непостоянство! Вот что ранит меня, вот что причиняет мне жгучую боль, вот что терзает меня!

И все же именно перемены и эфемерность делают жизнь прекрасной. Разве красота может существовать без угасания, без смерти? Разве может быть совершенство?

Красота прекрасна именно потому, что она обречена на умирание!

Что, разве не так?

Я, Тай-пен, однажды в своем воображении стал быстротекучей водой. И расцветающим бутоном! И драконом тоже!

Цветы и драконы! Дракон — это цветок плоти! Они живут в красоте, тогда как многие поколения цветов расцветают, чтобы тут же умереть! Расцветают и превращаются в прах! Но даже драконы и те дохнут! Они расцветают и тоже превращаются в прах! Белый человек, бледный как призрак, голубоглазый как демон, однажды сказал мне, что драконы живут тысячелетиями. Тысячелетиями, говорю я вам! Так долго, что ум выворачивается наизнанку, стоит только подумать о таком! И все же... все они подохли миллионы лет назад, задолго до того, как Нюкуа сотворил мужей и жен из желтого ила!

При всей своей гордости и прелести, они сдохли!

Вода! Цветы! Драконы!

Теперь голос Тай-пена затихал по мере того, как тот спускался с холма. Но человек в хижине успел разобрать еще один особенно красноречивый пассаж:

— И какая сволочь вернула нас к жизни, а теперь хочет, чтоб мы опять подохли, но уж навсегда?!

Человек в хижине сказал:

— Ха!

Хотя поэмы Тай-пена повествовали преимущественно о скоротечности жизни мужчин и женщин и цветов, в них никогда не упоминалось о смерти. И он до сих пор никогда даже в обычных разговорах не употреблял такого слова. А вот сейчас он говорил о смерти грубо, почти издеваясь над ней.

До сих пор он казался таким счастливым, каким только дано быть человеку. Он жил в этом крошечном государстве уже шесть лет и, по-видимому, не имел намерения покинуть его.

А может, сейчас он готов к этому?

Такой человек, как Тай-пен, будет неплохим спутником в путешествии вверх по Реке. Он агрессивен, быстро схватывает суть дела, прекрасно дерется на мечах. Если б его можно было незаметно подвигнуть на тот путь, с которого он временно сошел...

Все, что он мог предсказать — ибо сейчас он был лишь одной из ниточек в темном узоре, а уже не Ткачом,— так это то, что кое-кому удастся добраться до Вироландо, а кому-то — нет.

Наиболее ловких и проницательных ждет Послание. Кто-то сумеет его расшифровать. Среди них будут и рекруты, и агенты.

Но кто доберется до Башни первым?

Он-то *обязан* быть среди тех, кто дойдет.

Он должен выжить, несмотря на все тяготы странствий. Возможно, самым большим бедствием будет неотвратимая битва между двумя огромными речными судами. Клеменс намерен схватиться с королем Иоанном и или прикончить его, или пленить. Возможно, даже очень возможно, что оба судна и их команды погибнут.

Дикость! Безумие тигров!

А все из-за сумасшедшего желания отомстить, обуревающего Клеменса. Клеменса, который во всех других отношениях является самым миролюбивым человеком.

Неужели Клеменса нельзя убедить отказаться от этой детской страсти — мстить?

Иногда он соглашался с тем, что когда-то сказал Оператор, будучи в подавленном настроении:

— Человечество — оно как кость в глотке Господа Бога!

Но... *И зло будет благословлено, и льды запылают огнем!*

И Хранитель Темных Истин скачет на непредставимом Изменении...

Что такое?..

Горящие линии и символы на граале вдруг исчезли.

Несколько секунд человек сидел, уставясь в грааль с разинутым от удивления ртом. Затем он выкрикнул целую серию кодовых слов. Но поверхность грааля осталась серой.

Он сжал кулаки. Стиснул зубы.

Итак... то, чего он так боялся, все же свершилось.

Какой-то крошечный элемент в сложнейшей технике спутника внезапно отказал. Что вовсе не удивительно. После почти тысячи лет работы цепи следовало бы уже давно проверить, но ни у кого до этого не доходили руки.

С этого времени он уже не будет знать точно, где находятся остальные женщины и мужчины, участвующие в этой игре. Теперь он тоже оказался в Обители Ночи, окутанный плотным туманом. То, что свет на граале погас, делало тьму еще более густой. Он почувствовал себя бесконечно усталым и бесконечно одиноким пилигримом на пустом берегу — тень среди теней.

Что же теперь еще пойдет наперекосяк? Что является наиболее вероятным? Нет, вот это вряд ли... но если оно случится, то он сможет получить так необходимое ему время...

Человек встал и распрямил плечи.

Время идти.

Тень среди теней, а время мчится так стремительно.

Подобно рекрутам и агентам, подобно всем прочим обитателям мира Реки, подобно всем существам, умеющим мыслить, ему придется разжечь свой собственный огонек!

Что ж, да будет так!

Содержание

В ТЕЛА СВОИ РАЗБРОСАННЫЕ ВЕРНИТЕСЬ

Перевод с английского Н. Сосновской 5

ВОЛШЕБНЫЙ КОРАБЛЬ

Перевод с английского С. Трофимова 215

ТЕМНЫЕ ЗАМЫСЛЫ

Перевод с английского В. Ковалевского, Н. Штуцер 457

Филип

ФАРМЕР

Philip José Farmer

ISBN 5-699-09661-2

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФА